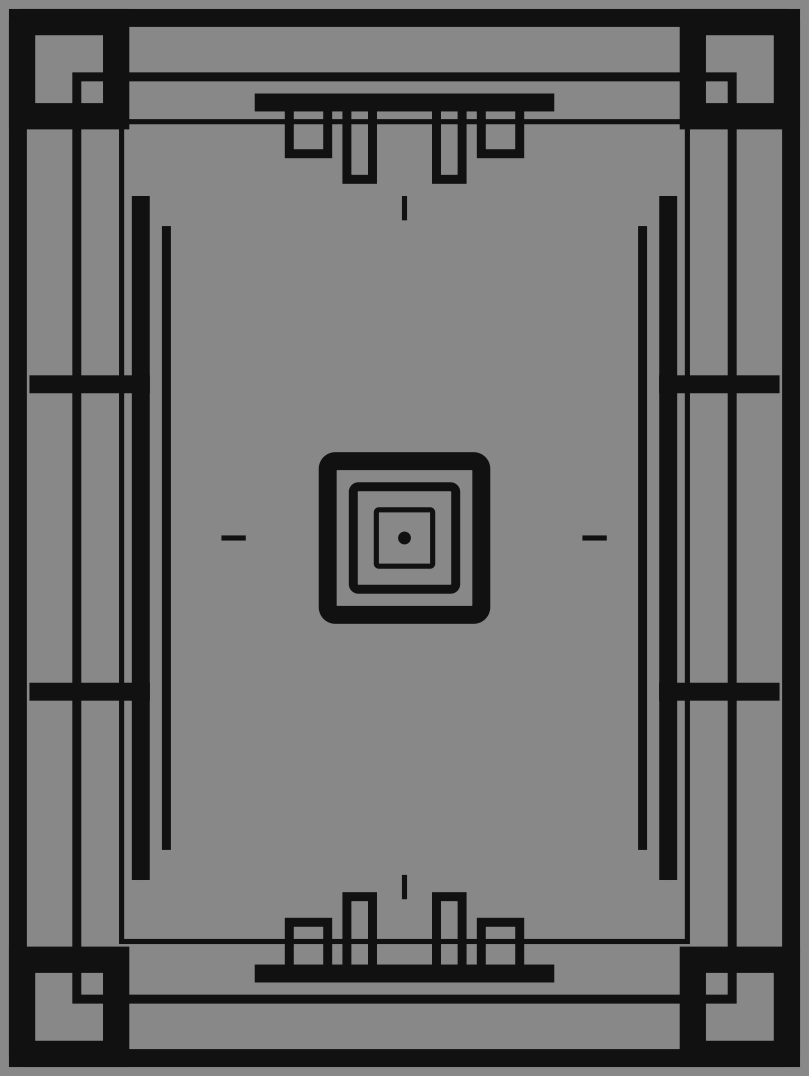

Уловка-22 - английский и русский параллельные тексты

Джозеф Хеллер

Аннотация

Аннотация

Джозеф Хеллер со своим первым романом «Уловка-22» — «Catch-22» (в более позднем переводе Андрея Кистяковского — «Поправка-22») буквально ворвался в американскую литературу послевоенных лет. «Уловка-22» — один из самых блистательных образцов полуабсурдистского, фантасмагорического произведения.

Едко и, порой, довольно жестко описанная Дж. Хеллером армия — странный мир, полный бюрократических уловок и бессмыслицы.

Heller, Joseph - Catch-22	Уловка-22 Джозеф Хеллер
The Texan It was love at first sight. The first time Yossarian saw the chaplain he fell madly in love with him.	Техасец
Yossarian was in the hospital with a pain in his liver that fell just short of being jaundice. The doctors were puzzled by the fact that it wasn't quite jaundice.	Йоссариан лежал в госпитале с болями в печени. Подозрение падало на желтуху. Однако для настоящей желтухи чего-то не хватало, и это ставило врачей в тупик.
If it became jaundice they could treat it.	Будь это желтуха, они могли бы начать лечение.

If it didn't become jaundice and went away they could discharge him. But this just being short of jaundice all the time confused them.	Но болезни не хватало самой малости, чтобы стать настоящей полноценной желтухой, и это все время смущало врачей. Выписать же Йоссариана из госпиталя они не решались.
Each morning they came around, three brisk and serious men with efficient mouths and inefficient eyes, accompanied by brisk and serious Nurse Duckett, one of the ward nurses who didn't like Yossarian.	Каждое утро они делали обход - трое серьезных энергичных мужчин. Твердо сжатые губы выражали уверенность, которой явно недоставало их глазам. Врачей сопровождала такая же серьезная и энергичная сестра Даккит, как и другие палатные сестры, недолюбливавшая Йоссариана.

They read the chart at the foot of the bed and asked impatiently about the pain.	Доктора просматривали висящий на спинке кровати температурный, лист и нетерпеливо расспрашивали Йоссариана о болях в печени.
They seemed irritated when he told them it was exactly the same.	Казалось, их раздражало, что изо дня в день он отвечал одно и то же.
'Still no movement?' the full colonel demanded.	- И по-прежнему не было стула? - допытывался медицинский полковник.
The doctors exchanged a look when he shook his head.	Каждый раз, когда больной отрицательно качал головой, врачи переглядывались.
' Give him another pill.'	- Дайте ему еще одну таблетку.

Nurse Duckett made a note to give Yossarian another pill, and the four of them moved along to the next bed.	Сестра Даккит записывала, что Йоссариану нужно дать еще одну таблетку, и все четверо переходили к следующей койке.
None of the nurses liked Yossarian.	Медсестры недолюбливали Йоссариана.
Actually, the pain in his liver had gone away, but Yossarian didn't say anything and the doctors never suspected.	На самом деле боли в печени давно прошли, но Йоссариан скрывал это от врачей, и они ни о чем не догадывались.
They just suspected that he had been moving his bowels and not telling anyone.	Они лишь подозревали, что он тайком бегает в уборную.

Yossarian had everything he wanted in the hospital.	В госпитале у Йоссариана было все, что душе угодно.
The food wasn't too bad, and his meals were brought to him in bed.	Кормили недурно, к тому же еду подавали прямо в постель.

There were extra rations of fresh meat, and during the hot part of the afternoon he and the others were served chilled fruit juice or chilled chocolate milk.	В дневной рацион входила дополнительная порция превосходного мяса, а в полдень, в самую жару, ему, как и другим, приносили охлажденный фруктовый сок или шоколадный напиток.
Apart from the doctors and the nurses, no one ever disturbed him.	Если не считать врачей и сестер, его никто не беспокоил.

For a little while in the morning he had to censor letters, but he was free after that to spend the rest of each day lying around idly with a clear conscience.	Правда, по утрам часок-другой ему приходилось выполнять обязанности почтового цензора, зато все остальное время он был предоставлен самому себе и валялся до самого вечера, нисколько не мучась угрызениями совести.
He was comfortable in the hospital, and it was easy to stay on because he always ran a temperature of 101.	Жизнь в госпитале была удобна и приятна. Ему не стоило большого труда оставаться здесь и дальше, потому что температура у него держалась всегда одна и та же - тридцать восемь и три десятых.

He was even more comfortable than Dunbar, who had to keep falling down on his face in order to get his meals brought to him in bed.	Ему было намного лучше, чем, скажем, Данбэру, которому, чтобы заставить сестер приносить обед в постель, приходилось то и дело грохаться на пол и расквашивать себе физиономию.
After he had made up his mind to spend the rest of the war in the hospital, Yossarian wrote letters to everyone he knew saying that he was in the hospital but never mentioning why.	Решив потянуть так время до конца войны, Йоссариан написал всем знакомым, что находится в госпитале, не уточняя, однако, почему именно.
One day he had a better idea.	А потом ему пришла в голову еще более удачная мысль.

To everyone he knew he wrote that he was going on a very dangerous mission.	Он оповестил всех знакомых, что его посылают на особо опасное задание.
' They asked for volunteers.	"Требовались добровольцы.
It's very dangerous, but someone has to do it.	Дело рискованное, но кому-то ведь надо идти и на рискованные дела.
I'll write you the instant I get back.'	Как только вернусь - черкану".
And he had not written anyone since.	И с тех пор никому не написал ни строчки.

All the officer patients in the ward were forced to censor letters written by all the enlisted-men patients, who were kept in residence in wards of their own.	Всех офицеров из палаты Йоссариана заставляли цензуровать письма больных из рядового и сержантского состава, которые лежали в отведенных для нижних чинов палатах.
It was a monotonous job, and Yossarian was disappointed to learn that the lives of enlisted men were only slightly more interesting than the lives of officers.	Это было нудное занятие, и Йоссариан, читая письма, с разочарованием убедился, что жизнь рядовых и сержантов лишь немногим интереснее жизни офицеров.

After the first day he had no curiosity at all. To break the monotony he invented games.	Уже на второй день он утратил всякий интерес к солдатским письмам, но, чтобы работа не казалась слишком скучной, он изобретал для себя всякие забавы.

Death to all modifiers, he declared one day, and out of every letter that passed through his hands went every adverb and every adjective.	"Смерть определениям!" - объявил он однажды и начал вычеркивать из каждого письма, проходившего через его руки, все наречия и прилагательные.
The next day he made war on articles.	Назавтра Йоссариан объявил войну артиклям.

He reached a much higher plane of creativity the following day when he blacked out everything in the letters but a, an and the.	Но особую изобретательность он проявил на следующий день, вымарав в письмах все, кроме определенных и неопределенных артиклей.
That erected more dynamic intralinear tensions, he felt, and in just about every case left a message far more universal.	С его точки зрения, стиль после такой операции становился более энергичным и письма обретали более широкий смысл.
Soon he was proscribing parts of salutations and signatures and leaving the text untouched.	Вскоре он начал сражаться с обращениями и подписями, а текст письма оставлял нетронутым.

One time he blacked out all but the salutation	Однажды он вымарал все, кроме обращения
'Dear Mary' from a letter, and at the bottom he wrote,	"Дорогая Мари", а внизу приписал:
' I yearn for you tragically.	"Тоскую по тебе ужасно!
R. O. Shipman, Chaplain, U.S. Army.'	А.Т.Тэппман, капеллан ар- мии Соединенных Шта- тов".
R.O. Shipman was the group chaplain's name.	А.Т.Тэппман был капелла- ном их авиаполка.

When he had exhausted all possibilities in the letters, he began attacking the names and addresses on the envelopes, obliterating whole homes and streets, annihilating entire metropolises with careless flicks of his wrist as though he were God.	Когда фантазия Йоссариана истощилась, все возможности поиздеваться над письмами были исчерпаны, он начал атаковать фамилии и адреса на конвертах. Он отправлял в небытие дома и улицы и, словно господь бог, небрежным мановением руки стирал с лица земли целые столицы.
Catch-22 required that each censored letter bear the censoring officer's name.	Инструкция требовала, чтобы на каждом проверенном письме значилась фамилия цензора.

Most letters he didn't read at all. On those he didn't read at all he wrote his own name.	Большинство писем Йос- сариан не читал вообще и спокойно подписывал их своей фамилией.
On those he did read he wrote,	А на тех, которые читал, выводил:
'Washington Irving.'	"Вашингтон Ирвинг".
When that grew monotonous he wrote,	Когда ему и это надоело, он стал подписываться:
' Irving Washington.'	"Ирвинг Вашингтон".

Censoring the envelopes had serious repercussions, produced a ripple of anxiety on some ethereal military echelon that floated a C.I.D. man back into the ward posing as a patient.	Его цензорские шалости на конвертах привели к серьезным последствиям. Некие высокопоставленные военные чины обеспокоенно наморщили лбы и решили послать в госпиталь сотрудника контрразведки. Под видом больного он вскоре появился в палате Йоссариана.

They all knew he was a C.I.D. man because he kept inquiring about an officer named Irving or Washington and because after his first day there he wouldn't censor letters. He found them too monotonous.	Но очень скоро здесь все раскусили, что перед ними контрразведчик, потому что он без конца выспрашивал, об офицере по имени не то Ирвинг Вашингтон, не то Вашингтон Ирвинг, а также потому, что уже на второй день он позволил себе бросить проверку почты, сочтя это занятие слишком утомительным.
It was a good ward this time, one of the best he and Dunbar had ever enjoyed.	На сей раз Йоссариан лежал в отличной палате, пожалуй, лучшей из всех, в которых ему с Данбэром приходилось когда-либо вкушать блаженство.

With them this time was the twenty-four-year-old fighter-pilot captain with the sparse golden mustache who had been shot into the Adriatic Sea in midwinter and not even caught cold.	Рядом лежал двадцати-четырехлетний капитан истребительной авиа-ции - молодой человек с жиденькими золоти-стыми усиками. Он был сбит над Адриатическим морем зимой, в самые холода, - и даже не про-студился.
Now the summer was upon them, the captain had not been shot down, and he said he had the grippe.	А теперь, когда на дворе стояла жара, и никто не сбивал его над холодным морем, капитан утвер-ждал, что болен грип-пом.

In the bed on Yossarian's right, still lying amorously on his belly, was the startled captain with malaria in his blood and a mosquito bite on his ass.	Справа от Йоссариана, томно распластавшись на животе, лежал уорр- энт-офицер,[1] напуган- ный единственным ко- мариным укусом в зад и микробами малярии в крови.
Across the aisle from Yossarian was Dunbar, and next to Dunbar was the artillery captain with whom Yossarian had stopped playing chess.	Напротив, через проход между койками, лежал Данбэр, а рядом с ним - артиллерийский капи- тан, с которым Йоссари- ан до недавнего времени часто играл в шахматы.

The captain was a good chess player, and the games were always interesting. Yossarian had stopped playing chess with him because the games were so interesting they were foolish.	Артиллерист был прекрасным шахматистом и разыгрывал интересные комбинации, до того интересные, что Йоссариану надоело постоянно чувствовать себя идиотом, и он бросил играть.

Then there was the educated Texan from Texas who looked like someone in Technicolor and felt, patriotically, that people of means- decent folk-should be given more votes than drifters, whores, criminals, degenerates, atheists and indecent folk-people without means.	Самой заметной фигурой в палате был шибко образованный техасец, похожий на героя цветного боевика. Он мыслил как патриот и утверждал, что состоятельные люди - публика приличная и поэтому должны иметь больше голосов на выборах, чем разные бродяги, проститутки, преступники, дегенераты, безбожники и всякая прочая неприличная публика, не имеющая ломаного гроша за душой.
Yossarian was unspringing rhythms in the letters the day they brought the Texan in.	Когда в палату внесли техасца, Йоссариан был занят тем, что вымарывал из писем рифмующиеся слова.

It was another quiet, hot, untroubled day.	Это был обычный жаркий и безмятежный день.
The heat pressed heavily on the roof, stifling sound.	Зной тяжело давил на крыши домов. Стояла тишина.
Dunbar was lying motionless on his back again with his eyes staring up at the ceiling like a doll's.	Данбэр, как всегда, лежал на спине, уставившись в потолок неподвижным взглядом куклы.

He was working hard at increasing his life span. He did it by cultivating boredom.	Он изо всех сил старался продлить свою жизнь, считая, что скука - лучшее средство для достижения этой цели.
Dunbar was working so hard at increasing his life span that Yossarian thought he was dead.	Данбэр так усердно скучал, что Йоссариан подумал: "Уж, часом, не отдал ли он богу душу?"

They put the Texan in a bed in the middle of the ward, and it wasn't long before he donated his views.	Техасца уложили на кровать посредине палаты, и он сразу же приступил к обнародованию своих взглядов.
Dunbar sat up like a shot.	Послушав его, Данбэр подскочил, словно подброшенный пружиной.
'That's it,' he cried excitedly.	- Ага! - возбужденно заорал он.
'There was something missing- all the time I knew there was something missing-and now I know what it is.'	- Я все время чувствовал, что нам чего-то не хватает. Теперь я знаю чего.
He banged his fist down into his palm. 'No patriotism,' he declared.	- И, стукнув кулаком по ладони, изрек: -Патриотизма! Вот чего!

' You're right,' Yossarian shouted back.	- Ты прав! - громко под- хватил Йоссариан.
' You're right, you're right, you're right.	- Ты прав, ты прав, ты прав!
The hot dog, the Brooklyn Dodgers. Mom's apple pie. That's what everyone's fighting for.	Горячие сосиски, "Бруклин до- джерс",[2] мамин яблоч- ный пирог - вот за что все сражаются.
But who's fighting for the decent folk?	А кто сражается за при- личных людей?
Who's fighting for more votes for the decent folk?	Кто сражается за то, что- бы приличные люди имели больше голосов на выборах?..

There's no patriotism, that's what it is.	Нет у нас патриотизма!
And no matriotism, either.'	И даже патриотизма нет!
The warrant officer on Yossarian's left was unimpressed.	На уоррэнт-офицера, лежавшего справа от Йоссариана, эти крики не произвели никакого впечатления.
'Who gives a shit?' he asked tiredly, and turned over on his side to go to sleep.	- Дерьмо это все... - проворчал он устало и повернулся на бок, намереваясь уснуть.
The Texan turned out to be good-natured, generous and likable. In three days no one could stand him.	Техасец оказался до того душкой, до того рубахой-парнем, что уже через три дня его никто не мог выносить.

He sent shudders of annoyance scampering up ticklish spines, and everybody fled from him-everybody but the soldier in white, who had no choice. The soldier in white was encased from head to toe in plaster and gauze. He had two useless legs and two useless arms.	Стоило ему раскрыть рот - и у всех пробегал по спине холодок ужаса. Все удирали от него, кроме солдата в белом, у которого все равно не было пути к отступлению: солдат был упакован с головы до пят в марлю и гипс и не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой.

He had been smuggled into the ward during the night, and the men had no idea he was among
them until they awoke in the morning and saw the two strange legs hoisted from the hips, the two strange arms anchored up perpendicularly, all four limbs pinioned strangely in air by lead weights suspended darkly above him that never moved. Sewn into the bandages over the insides of both elbows were zippered lips through which he was fed clear fluid from a clear jar. A silent zinc pipe rose from the cement on his groin and was coupled to a slim rubber hose that carried waste from his

Его сунули в палату ночью контрабандой. Проснувшись утром, обитатели палаты увидели на пустовавшей койке странно вздыбленные к потолку руки. Все четыре конечности поддерживались в таком состоянии неподвижными свинцовыми противовесами, темневшими над головой солдата.

The soldier in white had been filed next to the Texan, and the Texan sat sideways on his own bed and talked to him throughout the morning, afternoon and evening in a pleasant, sympathetic drawl.	Его положили рядом с техасцем, и тот, повернувшись к новому соседу, целыми днями о чем-то прочувствованно вещал ему.
The Texan never minded that he got no reply.	Солдат не отвечал, но техасца это не смущало.
Temperatures were taken twice a day in the ward.	Температуру мерили дважды.

Early each morning and late each afternoon Nurse Cramer entered with a jar full of thermometers and worked her way up one side of the ward and down the other, distributing a thermometer to each patient.	Рано утром и к вечеру в палату входила сестра Крэмер с банкой градусников и раздавала их, чинно шествуя сначала вдоль одного ряда коек, затем вдоль другого.
She managed the soldier in white by inserting a thermometer into the hole over his mouth and leaving it balanced there on the lower rim.	Солдату в белом она всовывала градусник в отверстие в бинтах, под которыми угадывался рот.

When she returned to the man in the first bed, she took his thermometer and recorded his temperature, and then moved on to the next bed and continued around the ward again.	Затем она возвращалась к первой койке, брала градусник, записывала температуру больного, шла к следующему и так снова обходила всю палату.
One afternoon when she had completed her first circuit of the ward and came a second time to the soldier in white, she read his thermometer and discovered that he was dead.	Однажды днем, вернувшись, чтобы собрать градусники, она взглянула на градусник солдата в белом и обнаружила, что солдат мертв.
'Murderer,' Dunbar said quietly.	- Убийца, - спокойно произнес Данбэр.

The Texan looked up at him with an uncertain grin.	Техасец младенчески невинно посмотрел на него.
'Killer,' Yossarian said.	- Душегуб, - сказал Йоссариан.
'What are you fellas talkin' about?' the Texan asked nervously.	- О чем вы, ребята? - не понял техасец.
'You murdered him,' said Dunbar.	- Это ты убил его, - сказал Данбэр.
'You killed him,' said Yossarian.	- Это ты отправил его на тот свет, - сказал Йоссариан.
The Texan shrank back.	Техасец отпрянул:

' You fellas are crazy.	- Вы что, ребята, спятили?

I didn't even touch him.'	Я и пальцем его не тронул.
' You murdered him,' said Dunbar.	- Это ты его замучил, - твердил Данбэр,
'I heard you kill him,' said Yossarian.	- Я слышал, как ты его убивал, - сказал Йоссариан.
'You killed him because he was a nigger,' Dunbar said.	- Ты убил его потому, что он... черномазый, -сказал Данбэр.
' You fellas are crazy,' the Texan cried.	- Вы рехнулись, ребята! - закричал техасец.
' They don't allow niggers in here.	- Черномазых класть сюда не разрешается.
They got a special place for niggers.'	Для черномазых у них специальная палата.

' The sergeant smuggled him in,' Dunbar said.	- Сержант положил его тайком, - возразил Данбэр.
' The Communist sergeant,' said Yossarian.	- Сержант - коммунист, - сказал Йоссариан.
'And you knew it.'	- И ты об этом знал, - сказал Данбэр.
The warrant officer on Yossarian's left was unimpressed by the entire incident of the soldier in white.	Только на уоррэнт-офицера, лежавшего слева от Йоссариана, все случившееся не произвело никакого впечатления.
The warrant officer was unimpressed by everything and never spoke at all unless it was to show irritation.	Он вообще почти никогда не разговаривал, а если когда и открывал рот, то лишь затем, чтобы излить на кого-нибудь свое раздражение.

The day before Yossarian met the chaplain, a stove exploded in the mess hall and set fire to one side of the kitchen. An intense heat flashed through the area.	...За день до того, как Йоссариан встретился с капелланом, в столовой взорвалась печь. Огонь перекинулся в кухню, и раскаленный воздух хлынул в соседние палаты.
Even in Yossarian's ward, almost three hundred feet away, they could hear the roar of the blaze and the sharp cracks of flaming timber.	Даже в палате Йоссариана, расположенной довольно далеко от столовой, было слышно, как бушевало пламя и сухо потрескивали пылавшие балки.
Smoke sped past the orange-tinted windows.	За окнами в оранжевых отблесках валили клубы дыма.

In about fifteen minutes the crash trucks from the airfield arrived to fight the fire.	Вскоре к месту пожара прибыли аварийные машины с аэродрома.
For a frantic half hour it was touch and go.	Целых полчаса пожарники работали как сумасшедшие, и все без толку.
Then the firemen began to get the upper hand.	Наконец они стали брать верх над огнем.
Suddenly there was the monotonous old drone of bombers returning from a mission, and the firemen had to roll up their hoses and speed back to the field in case one of the planes crashed and caught fire.	Но тут послышался хорошо знакомый монотонный гул бомбардировщиков, возвращавшихся с задания. Пожарникам пришлось свернуть шланги и поспешить на аэродром: вдруг какой-нибудь самолет разобьется при посадке и загорится.

The planes landed safely.	Однако самолеты приземлились благополучно.

As soon as the last one was down, the firemen wheeled their trucks around and raced back up the hill to resume their fight with the fire at the hospital.	Как только сел последний, пожарники развернули свои машины и помчались обратно к госпиталю, чтобы возобновить борьбу с огнем.
When they got there, the blaze was out.	Когда же они приехали, пожар совсем стих.

It had died of its own accord, expired completely without even an ember to be watered down, and there was nothing for the disappointed firemen to do but drink tepid coffee and hang around trying to screw the nurses.	Пламя погасло само по себе, не осталось ни одной даже тлеющей головешки. Разочарованные пожарники посидели на кухне, попили тепловатого кофе и долго еще слонялись вокруг в надежде потискать медсестричек.
The chaplain arrived the day after the fire. Yossarian was busy expurgating all but romance words from the letters when the chaplain sat down in a chair between the beds and asked him how he was feeling.	Капеллан появился в госпитале на следующий день после пожара в то самое время, когда Йоссариан искоренял в письмах все, что не относилось к любви. Капеллан сел на стул в проходе между койками и спросил, как он себя чувствует.

He had placed himself a bit to one side, and the captain's bars on the tab of his shirt collar were all the insignia Yossarian could see.	Священник сидел к Йоссариану боком, так что из его знаков различия можно было рассмотреть только капитанские полоски на воротнике рубашки.
Yossarian had no idea who he was and just took it for granted that he was either another doctor or another madman.	Йоссариан и понятия не имел, кто перед ним. Он решил, что это или новый доктор, или очередной псих.
' Oh, pretty good,' he answered.	- О, вполне прилично, - ответил он.
'I've got a slight pain in my liver and I haven't been the most regular of fellows, I guess, but all in all I must admit that I feel pretty good.'	- У меня побаливает печень, наверное оттого, что в последнее время я не очень-то соблюдал режим. А в общем чувствую себя сносно.

' That's good,' said the chaplain.	- Это хорошо, - сказал капеллан.
' Yes,' Yossarian said.	- Да, - согласился Йоссариан, - это хорошо.
'Yes, that is good.' 'I meant to come around sooner,' the chaplain said, 'but I really haven't been well.'	- Я бы пришел сюда раньше, - проговорил капеллан, - но, честно говоря, немного прихворнул.
' That's too bad,' Yossarian said.	- Это очень плохо, - сказал Йоссариан.
'Just a head cold,' the chaplain added quickly.	- Просто немного простудился, - поспешно пояснил капеллан.

'I've got a fever of a hundred and one,' Yossarian added just as quickly.	- А у меня повышенная температура, тридцать восемь и три, - так же поспешно добавил Йоссариан.
'That's too bad,' said the chaplain.	- Это очень плохо, - посочувствовал капеллан.
' Yes,' Yossarian agreed. 'Yes, that is too bad.'	- Да, - согласился Йоссариан, - очень плохо.
The chaplain fidgeted.	Капеллан нервно заерзал на стуле и, помолчав, спросил:
'Is there anything I can do for you?' he asked after a while.	- Могу ли я для вас что-нибудь сделать?

'No, no.' Yossarian sighed. 'The doctors are doing all that's humanly possible, I suppose.'	- Нет, нет, - со вздохом ответил Йоссариан, -врачи делают все, что в человеческих силах.

'No, no.' The chaplain colored faintly.	- Я не об этом... - мягко возразил капеллан.
' I didn't mean anything like that.	- Я имел в виду совсем другое.
I meant cigarettes... or books... or... toys.'	Игрушки, шоколад, жевательную резинку... или... может быть, книги.
'No, no,' Yossarian said. 'Thank you.	- Нет, нет, спасибо, - ответил Йоссариан.
I have everything I need, I suppose-everything but good health.'	- У меня есть все, что нужно. Все, кроме здоровья.

' That's too bad.'	- Это очень плохо.
' Yes,' Yossarian said. 'Yes, that is too bad.'	- Да, - согласился Йоссариан, - очень плохо.
The chaplain stirred again.	Капеллан опять заерзал на стуле.
He looked from side to side a few times, then gazed up at the ceiling, then down at the floor.	Он несколько раз оглянулся по сторонам, посмотрел на потолок, на пол.
He drew a deep breath.	Затем глубоко вздохнул:
'Lieutenant Nately sends his regards,' he said.	- Лейтенант Нейтли передает вам привет.

Yossarian was sorry to hear they had a mutual friend. It seemed there was a basis to their conversation after all.	Йоссариану не понравилось, что у них оказался общий знакомый: чего доброго, это могло послужить поводом для дальнейшего разговора.
'You know Lieutenant Nately?' he asked regretfully.	- Вы знакомы с лейтенантом Нейтли? - спросил он с ноткой сожаления.
' Yes, I know Lieutenant Nately quite well.'	- Да, я знаю лейтенанта Нейтли довольно близко.
'He's a bit loony, isn't he?'	- У него, кажется, того... кое-каких винтиков не хватает, а?
The chaplain's smile was embarrassed.	Капеллан смущенно улыбнулся:
' I'm afraid I couldn't say.	- Затрудняюсь сказать.

I don't think I know him that well.'	Я знаю его не настолько хорошо, чтобы судить об этом...
'You can take my word for it,' Yossarian said. 'He's as goofy as they come.'	- Уж можете мне поверить! - сказал Йоссариан.
The chaplain weighed the next silence heavily and then shattered it with an abrupt question.	Наступила мучительная для капеллана пауза, которую он нарушил внезапным вопросом:
' You are Captain Yossarian, aren't you?'	- Ведь вы капитан Йоссариан?
'Nately had a bad start.	- Нейтли не повезло с самого начала.
He came from a good family.'	Он из слишком приличной семьи.

'Please excuse me,' the chaplain persisted timorously.	- Прошу извинить меня, - робко произнес капеллан.
'I may be committing a very grave error.	- Возможно, произошло ужасное недоразумение.
Are you Captain Yossarian?'	Вы ведь капитан Йоссариан?
' Yes,' Captain Yossarian confessed.	- Да, - признался Йоссариан.
' I am Captain Yossarian.'	- Я капитан Йоссариан.

' Of the 256th Squadron?'	- Из двести пятьдесят шестой эскадрильи?
'Of the fighting 256th Squadron,' Yossarian replied.	- Да, из двести пятьдесят шестой боевой эскадрильи.

'I didn't know there were any other Captain Yossarians.	Мне не приходилось слышать ни о каких других капитанах с такой фамилии.
As far as I know, I'm the only Captain Yossarian I know, but that's only as far as I know.'	Насколько мне известно, я - единственный капитан Йоссариан. Но мне известно далеко не все,
' I see,' the chaplain said unhappily.	- Понимаю, - печально произнес капеллан.
'That's two to the fighting eighth power,' Yossarian pointed out, 'if you're thinking of writing a symbolic poem about our squadron.'	- Держу пари, вы собираетесь написать о нашей эскадрилье героическую поэму.

'No,' mumbled the chaplain. 'I'm not thinking of writing a symbolic poem about your squadron.'	- Нет, - пробормотал капеллан, - я не собираюсь писать о вашей эскадрилье героическую поэму.
Yossarian straightened sharply when he spied the tiny silver cross on the other side of the chaplain's collar.	Йоссариан резко выпрямился. Только сейчас он заметил на воротнике у капеллана тонкий серебряный крестик.
He was thoroughly astonished, for he had never really talked with a chaplain before.	Он был крайне удивлен - еще ни разу в жизни ему не доводилось разговаривать с капелланами.
' You're a chaplain,' he exclaimed ecstatically.	- Вы капеллан? - воскликнул он восторженно.
' I didn't know you were a chaplain.'	- А я и не знал, что вы капеллан!

'Why, yes,' the chaplain answered.	- Ну разумеется, - ответил капеллан.
'Didn't you know I was a chaplain?'	- Неужели вы не знали?
'Why, no.	- Конечно же нет.
I didn't know you were a chaplain.'	Понятия не имел, что вы капеллан...
Yossarian stared at him with a big, fascinated grin.	- Йоссариан завороженно смотрел на него, широко улыбаясь.
'I've never really seen a chaplain before.'	- Честно говоря, я еще ни разу в жизни не видел настоящего капеллана.
The chaplain flushed again and gazed down at his hands.	Капеллан вспыхнул и принялся разглядывать свои руки.

He was a slight man of about thirty-two with tan hair and brown diffident eyes. His face was narrow and rather pale.	Это был человек хрупкого сложения, лет тридцати двух, с рыжеватыми волосами и робким взглядом карих глаз, с лицом узким и бледным.
An innocent nest of ancient pimple pricks lay in the basin of each cheek.	На щеках его розовели ямки, оставшиеся от былых прыщей.
Yossarian wanted to help him.	Йоссариану стало почему-то жаль капеллана.
'Can I do anything at all to help you?' the chaplain asked.	- Не могу ли я все же что-нибудь сделать для вас?- повторил капеллан.
Yossarian shook his head, still grinning.	Йоссариан, по-прежнему ухмыляясь, покачал головой:

'No, I'm sorry. I have everything I need and I'm quite comfortable.	- Нет, вы знаете, у меня есть все, что нужно. Мне очень хорошо.
In fact, I'm not even sick.'	Честно говоря, я даже и не болен.
'That's good.' As soon as the chaplain said the words, he was sorry and shoved his knuckles into his mouth with a giggle of alarm, but Yossarian remained silent and disappointed him.	- Это хорошо, - произнес капеллан и тут же пожалел о сказанном. Он прикрыл рот двумя пальцами и нервно хихикнул. Йоссариан молчал.
'There are other men in the group I must visit,' he apologized finally.	- Мне нужно еще навестить других больных из нашего полка, - виновато сказал священник.

' I'll come to see you again, probably tomorrow.'	- Я к вам еще зайду. Может быть, даже завтра.
' Please do that,' Yossarian said.	- Пожалуйста, заходите.
'I'll come only if you want me to,' the chaplain said, lowering his head shyly.	- Я приду, если вы действительно хотите, - проговорил капеллан, скромно наклонив голову.
'I've noticed that I make many of the men uncomfortable.'	- Я заметил, что многим как-то не по себе в моем присутствии.
Yossarian glowed with affection.	Йоссариан горячо запротестовал:
' I want you to,' he said.	- А мне как раз хочется, чтобы вы зашли.

' You won't make me uncomfortable.'	Вы меня нисколько не стесняете.
The chaplain beamed gratefully and then peered down at a slip of paper he had been concealing in his hand all the while.	Капеллан весь засветился благодарностью. Затем скосил глаза на листок бумаги, который все это время прятал в руке.
He counted along the beds in the ward, moving his lips, and then centered his attention dubiously on Dunbar.	Шевеля губами, он сосчитал койки в палате, и взгляд его нерешительно остановился на Данбэре.
'May I inquire,' he whispered softly, 'if that is Lieutenant Dunbar?'	- Разрешите узнать, - прошептал он тихо, - это не лейтенант Данбэр?
'Yes,' Yossarian answered loudly, 'that is Lieutenant Dunbar.'	- Да, - ответил Йоссариан громко, - это лейтенант Данбэр.

'Thank you,' the chaplain whispered. 'Thank you very much.	- Спасибо, - прошептал капеллан, - большое спасибо.
I must visit with him.	Мне надо с ним поговорить.
I must visit with every member of the group who is in the hospital.'	Я должен проведать в госпитале всех наших однополчан.
'Even those in other wards?' Yossarian asked.	- И в других палатах тоже?..
' Even those in other wards.'	- Да, и в других тоже.
'Be careful in those other wards, Father,' Yossarian warned.	- Будьте осторожны в других палатах, отец, -предупредил Йоссариан.

'That's where they keep the mental cases.	- Там держат людей с психическими расстройствами.
They're filled with lunatics.'	Там полно сумасшедших.
'It isn't necessary to call me Father,' the chaplain explained.	- Можете не называть меня отцом.

' I'm an Anabaptist.'	Я анабаптист, - пояснил капеллан.
'I'm dead serious about those other wards,' Yossarian continued grimly.	- Я не шучу насчет других палат, - мрачно продолжал Йоссариан.
'M.P.s won't protect you, because they're craziest of all.	- Там вам не поможет и военная полиция. Там собраны отъявленные психопаты.

I'd go with you myself, but I'm scared stiff: Insanity is contagious.	Я проводил бы вас, но сам чертовски боюсь. К тому же безумие заразно.
This is the only sane ward in the whole hospital.	Тут во всем госпитале одни мы нормальные.
Everybody is crazy but us.	Кроме нас, все идиоты.
This is probably the only sane ward in the whole world, for that matter.'	Может быть, наша палата - единственная в мире, где лежат нормальные.
The chaplain rose quickly and edged away from Yossarian's bed, and then nodded with a conciliating smile and promised to conduct himself with appropriate caution.	Капеллан поспешил подняться. Отойдя от Йоссариана, он примирительно кивнул головой и пообещал вести себя с подобающей осторожностью.

'And now I must visit with Lieutenant Dunbar,' he said. Still he lingered, remorsefully.	- А теперь мне надо поговорить с лейтенантом Данбэром, - сказал он, переминаясь с ноги на ногу.
' How is Lieutenant Dunbar?' he asked at last.	- Как поживает лейтенант Данбэр?
'As good as they go,' Yossarian assured him.	- Хорошо, насколько это возможно в его состоянии, - заверил его Йоссариан.
' A true prince.	- Истинный принц!
One of the finest, least dedicated men in the whole world.'	Один из прекраснейших, хотя и наименее преданных богу людей на свете.

'I didn't mean that,' the chaplain answered, whispering again.	- Я не об этом, - возразил капелла", снова переходя на шепот.
' Is he very sick?'	- Он очень болен?
'No, he isn't very sick.	- Нет, он не очень болен.
In fact, he isn't sick at all.'	Строго говоря, он вообще здоров.
' That's good.' The chaplain sighed with relief.	- Это хорошо, - с облегчением вздохнул капеллан.
' Yes,' Yossarian said.	- Да, - согласился Йоссариан.
'Yes, that is good.'	- Да, это хорошо...
'A chaplain,' Dunbar said when the chaplain had visited him and gone.	- Вот это капеллан! - сказал Данбэр, когда священник, поговорив с ним, ушел.

'Did you see that?	- Видел ты что-нибудь подобное?
A chaplain.'	Настоящий капеллан!
'Wasn't he sweet?' said Yossarian.	- Приятный человек, а?
'Maybe they should give him three votes.'	Может быть, вот таким и будут предоставлять по три голоса на выборах?..

'Who's they?' Dunbar demanded suspiciously. In a bed in the small private section at the end of the ward, always working ceaselessly behind the green plyboard partition, was the solemn middle-aged colonel who was visited every day by a gentle, sweet-faced woman with curly ash-blond hair who was not a nurse and not a Wac and not a Red Cross girl but who nevertheless appeared faithfully at the hospital in Pianosa each afternoon wearing pretty pastel summer dresses that were very smart and white leather pumps with heels half high at the base of nylon seams that were inevitably straight

In less than ten days the Texan cleared the ward.	...За каких-нибудь десять дней техасец произвел в палате полное опустошение.
The artillery captain broke first, and after that the exodus started.	Первым не выдержал артиллерийский капитан. После этого смылись все.

Dunbar, Yossarian and the fighter captain all bolted the same morning.	Данбэр, Йоссариан и капитан истребительной авиации сбежали на следующее же утро.
Dunbar stopped having dizzy spells, and the fighter captain blew his nose.	У Данбэра прекратились головокружения, у капитана истребительной авиации очистилась носоглотка.

Yossarian told the doctors that the pain in his liver had gone away. It was as easy as that.	Йоссариан сказал врачам, что боль в печени прошла.
Even the warrant officer fled.	Даже уоррэнт-офицер и тот удрал.
In less than ten days, the Texan drove everybody in the ward back to duty- everybody but the C.I.D. man, who had caught cold from the fighter captain and come down with pneumonia.	В десятидневный срок техасец вернул всех к исполнению своих служебных обязанностей, всех, за исключением сотрудника контрразведки, который заразился от капитана истребительной авиации гриппом, осложнившимся воспалением легких.

Clevinger In a way the C.I.D. man was pretty lucky, because outside the hospital the war was still going on. Men went mad and were rewarded with medals. All over the world, boys on every side of the bomb line were laying down their lives for what they had been told was their country, and no one seemed to mind, least of all the boys who were laying down their young lives. There was no end in sight.	2. Клевинджер В некотором смысле контрразведчику здорово повезло, потому что за стенами госпиталя все еще шла война и конца ей не предвиделось.

The only end in sight was Yossarian's own, and he might have remained in the hospital until doomsday had it not been for that patriotic Texan with his infundibuliform jowls and his lumpy, rumpleheaded, indestructible smile cracked forever across the front of his face like the brim of a black ten-gallon hat. The Texan wanted everybody in the ward to be happy but Yossarian and Dunbar. He was really very sick.	Единствен-ное, что Йоссариан мог предвидеть, -это свой собственный близкий конец. А ведь он мог бы отлеживаться в госпи-тале до Страшного суда, если бы только не этот патриот из Техаса с его массивной взъерошен-ной башкой и посто-янной несокрушимой улыбкой, широкой, как поля ковбойской шля-пы.

But Yossarian couldn't be happy, even though the Texan didn't want him to be, because outside the hospital there was still nothing funny going on. The only thing going on was a war, and no one seemed to notice but Yossarian and Dunbar.	Да, за стенами госпиталя шла война, и только война, но, казалось, никто этого не замечал, кроме Йоссариана и Данбэра.
And when Yossarian tried to remind people, they drew away from him and thought he was crazy.	А когда Йоссариан пытался напомнить людям об этом, они отшатывались от него, как от ненормального.

Even Clevinger, who should have known better but didn't, had told him he was crazy the last time they had seen each other, which was just before Yossarian had fled into the hospital.	Даже Клевинджер, который как будто бы понимал все лучше других, назвал Йоссариана сумасшедшим. Это было незадолго до того, как Йоссариан сбежал в госпиталь.
Clevinger had stared at him with apoplectic rage and indignation and, clawing the table with both hands, had shouted,	Клевинджер тогда уставился на него, багровый от ярости и негодования, и, ухватившись обеими руками за стол, гаркнул:
' You're crazy!'	- Ты сумасшедший!
'Clevinger, what do you want from people?' Dunbar had replied wearily above the noises of the officers' club.	- Клевинджер, ну чего тебе от него надо? - устало возразил Данбэр.

' I'm not joking,' Clevinger persisted.	- Я не шучу. Он псих, - настаивал Клевинджер.
'They're trying to kill me,' Yossarian told him calmly.	- Они хотят меня убить, - спокойно сказал Йоссариан.
'No one's trying to kill you,' Clevinger cried.	- Никто не помышляет убить именно тебя! -заорал Клевинджер.
'Then why are they shooting at me?' Yossarian asked.	- Хорошо, почему же тогда они в меня стреляют?- спросил Йоссариан.
' They're shooting at everyone,' Clevinger answered.	- Они стреляют во всех, - ответил Клевинджер.
'They're trying to kill everyone.'	- Они пытаются убить каждого.

' And what difference does that make?'	- А какая разница? Значит, и меня!..
Clevinger was already on the way, half out of his chair with emotion, his eyes moist and his lips quivering and pale.	Но Клевинджер уже завелся. С помутившимся взглядом и трясущимися побелевшими губами он привстал со стула.
As always occurred when he quarreled over principles in which he believed passionately, he would end up gasping furiously for air and blinking back bitter tears of conviction.	Всякий раз, когда Клевинджер вступал в спор, с пеной у рта отстаивая свои идеи, он задыхался, жадно хватал ртом воздух и часто моргал, стряхивая с ресниц слезы - горькие слезы человека непонятого, но убежденного в собственной правоте.

There were many principles in which Clevinger believed passionately.	У Клевинджера было много идей, которые он отстаивал с пеной у рта.
He was crazy.	Он сам был ненормальный.
'Who's they?' he wanted to know.	- Кто это "они"? - допытывался Клевинджер.
'Who, specifically, do you think is trying to murder you?'	- Кто именно, по-твоему, хочет тебя убить?
'Every one of them,' Yossarian told him.	- Все они.
'Every one of whom?'	- Кто?
'Every one of whom do you think?'	- А ты как думаешь, кто?
' I haven't any idea.'	- Понятия не имею.

'Then how do you know they aren't?'	- А почему же ты тогда заявляешь, что они не хотят меня убить?
'Because...' Clevinger sputtered, and turned speechless with frustration.	- Потому что... - брызжа слюной, начал Клевинджер, но осекся и умолк с выражением полного отчаяния.
Clevinger really thought he was right, but Yossarian had proof, because strangers he didn't know shot at him with cannons every time he flew up into the air to drop bombs on them, and it wasn't funny at all.	Клевинджер искренне считал себя правым, но Йоссариан - тоже, так как у него были доказательства: совершенно незнакомые люди палили в него из пушек каждый раз, когда он поднимался в воздух, чтобы сбросить на них бомбы. И это было далеко не смешно.

And if that wasn't funny, there were lots of things that weren't even funnier.	Да и все остальное тоже.

There was nothing funny about living like a bum in a tent in Pianosa between fat mountains behind him and a placid blue sea in front that could gulp down a person with a cramp in the twinkling of an eye and ship him back to shore three days later, all charges paid, bloated, blue and putrescent, water draining out through both cold nostrils.	Например, он не находил ничего занятного в том, что приходилось жить как идиоту в палатке на Пьяносе, где позади тебя пузатые горы, а впереди голубая морская гладь, которая проглотит кого хочешь, так что и глазом моргнуть не успеешь, и выкинет обратно на берег денька через три, разбухшего и посиневшего, свободного от всех земных забот.

The tent he lived in stood right smack up against the wall of the shallow, dull-colored forest separating his own squadron from Dunbar 's.	Палатка, в которой он жил, стояла на опушке реденького леска, отделявшего эскадрилью Йоссариана от эскадрильи Данбэра.
Immediately alongside was the abandoned railroad ditch that carried the pipe that carried the aviation gasoline down to the fuel trucks at the airfield.	Тут же рядом, в выемке заброшенной железной дороги проходил трубопровод, по которому авиационное горючее поступало к бензозаправщикам на летное поле.
Thanks to Orr, his roommate, it was the most luxurious tent in the squadron.	Благодаря Орру, соседу Йоссариана по палатке, их жилище было самым роскошным в эскадрилье.

Each time Yossarian returned from one of his holidays in the hospital or rest leaves in Rome, he was surprised by some new comfort Orr had installed in his absence-running water, wood-burning fireplace, cement floor.	Каждый раз, когда Йоссариан возвращался после очередной отлежки в госпитале или из Рима, где бывал в увольнении, его приятно поражали новые удобства, созданные Орром в его отсутствие: то водопровод, то печка, то цементированный пол.
Yossarian had chosen the site, and he and Orr had raised the tent together.	Место для палатки выбрал Йоссариан, а ставили они ее вдвоем с Орром.

Orr, who was a grinning pygmy with pilot's wings and thick, wavy brown hair parted in the middle, furnished all the knowledge, while Yossarian, who was taller, stronger, broader and faster, did most of the work.	Орр, вечно посмеивающийся пигмей с пилотскими нашивками и густой каштановой шевелюрой с пробором посередине, давал идеи и советы, а Йоссариан, который был выше ростом, сильнее, шире в плечах и подвижней, претворял эти идеи и советы в жизнь.
Just the two of them lived there, although the tent was big enough for six.	Так они вдвоем здесь и жили, хотя палатки хватило бы на шестерых.
When summer came, Orr rolled up the side flaps to allow a breeze that never blew to flush away the air baking inside.	Когда пришло лето, Орр закатал борта палатки вверх, чтобы свежий морской ветерок выдувал застоявшийся воздух.

Immediately next door to Yossarian was Havermeyer, who liked peanut brittle and lived all by himself in the two-man tent in which he shot tiny field mice every night with huge bullets from the.45 he had stolen from the dead man in Yossarian's tent.	Рядом жил Хэвермей- ер. Он жил один в двух- местной палатке, лю- бил грызть земляные орешки и каждую ночь убивал по одной мыши, всаживая в нее пулю из пистолета сорок пято- го калибра, который он украл у покойника в па- латке Йоссариана.

On the other side of Havermeyer stood the tent McWatt no longer shared with Clevinger, who had still not returned when Yossarian came out of the hospital. McWatt shared his tent now with Nately, who was away in Rome courting the sleepy whore he had fallen so deeply in love with there who was bored with her work and bored with him too. McWatt was crazy.	Дальше за Хэвермейером стояла палатка, которую Макуотт уже больше не делил с Клевинджером. Тот все еще не вернулся с задания, когда Йоссариан вышел из госпиталя. Вместо Клевинджера в палатке жил Нейтли, но сейчас Нейтли был в Риме, где обхаживал одну сопливую потаскушку, в которую влюбился по уши и которой изрядно надоели и ее занятие, и Нейтли с его пылкой любовью. Макуотт был совершенно ненормальный.

He was a pilot and flew his plane as low as he dared over Yossarian's tent as often as he could, just to see how much he could frighten him, and loved to go buzzing with a wild, close roar over the wooden raft floating on empty oil drums out past the sand bar at the immaculate white beach where the men went swimming naked.	При каждом удобном случае он норовил как можно ниже пролететь над палаткой Йоссариана, чтобы насладиться зрелищем насмерть перепуганного приятеля. Еще он любил с диким ревом промчаться над плотом, связанным из досок и пустых бочек из-под горючего, и над песчаной отмелью вдоль чистой белой полосы пляжа, где мужчины купались нагишом.
Sharing a tent with a man who was crazy wasn't easy, but Nately didn't care.	Жить в одной палатке с чокнутым не так-то легко, но Нейтли это нисколечки не смущало.

He was crazy, too, and had gone every free day to work on the officers' club that Yossarian had not helped build.	Он сам был тронутый: каждый свободный день он ходил работать на строительство офицерского клуба. Йоссариан в этом деле участия не принимал.
Actually, there were many officers' clubs that Yossarian had not helped build, but he was proudest of the one on Pianosa.	Вообще было много клубов, в сооружении которых Йоссариан не принимал ни малейшего участия, но больше всего в этом смысле он гордился клубом на Пьяносе.
It was a sturdy and complex monument to his powers of determination.	Это был весьма внушительный монумент, воздвигнутый не иначе как в честь железной решимости Йоссариана не пачкать рук на стройке.

Yossarian never went there to help until it was finished; then he went there often, so pleased was he with the large, fine, rambling, shingled building.	Йоссариан не подходил к стройке вплоть до полного завершения работ, но зато потом начал захаживать в клуб довольно часто.
It was truly a splendid structure, and Yossarian throbbed with a mighty sense of accomplishment each time he gazed at it and reflected that none of the work that had gone into it was his.	Уж больно ему нравилось это большое, просторное, красивое, крытое щепой здание, и он трепетал от удовольствия при мысли, что этакая красотища сооружена без его малейшего участия.
There were four of them seated together at a table in the officers' club the last time he and Clevinger had called each other crazy.	В последний раз Йоссариан и Клевинджер обозвали друг друга психами, когда они и еще двое сидели за столиком в офицерском клубе.

They were seated in back near the crap table on which Appleby always managed to win.	Рядом стоял стол для игры в кости, где Эпплби всегда ухитрялся выигрывать.
Appleby was as good at shooting crap as he was at playing ping-pong, and he was as good at playing ping-pong as he was at everything else.	В кости он играл так же здорово, как и в пинг-понг, а в пинг-понге был так же силен, как и во всем прочем.
Everything Appleby did, he did well.	За что бы Эпплби ни брался, он все делал хорошо.

Appleby was a fair-haired boy from Iowa who believed in God, Motherhood and the American Way of Life, without ever thinking about any of them, and everybody who knew him liked him.	Этот белокурый малый из Айовы верил в бога, в святую материнскую любовь и в "американский образ жизни", хотя никогда глубоко не задумывался ни над тем, ни над другим, ни над третьим. И всем он нравился...
'I hate that son of a bitch,' Yossarian growled.	- ...Ненавижу сукина сына, - проворчал Йоссариан.
The argument with Clevinger had begun a few minutes earlier when Yossarian had been unable to find a machine gun.	Их спор с Клевинджером начался несколько раньше, когда Йоссариан пожалел, что у него нет при себе пулемета.
It was a busy night.	В эту ночь клуб был полон.

The bar was busy, the crap table was busy, the ping-gong table was busy.	В баре полно, у стола для игры в кости полно, стол для пинг-понга занят.
The people Yossarian wanted to machine-gun were busy at the bar singing sentimental old favorites that nobody else ever tired of.	Люди, которых он перестрелял бы с великим удовольствием, толкались у стойки бара, распевая затасканные душещипательные песенки, которые только одним им еще не надоели.
Instead of machine-gunning them, he brought his heel down hard on the ping-pong ball that came rolling toward him off the paddle of one of the two officers playing.	Не имея возможности скосить из пулемета всех подряд, Йоссариан удовлетворился тем, что с остервенением раздавил каблуком подкатившийся к нему целлулоидный пинг-понговый шарик.

'That Yossarian,' the two officers laughed, shaking their heads, and got another ball from the box on the shelf.	- Ох уж этот Йоссариан! - захохотали во все горло оба офицера, игравшие в пинг-понг, и достали новый шарик из коробки на полке.
' That Yossarian,' Yossarian answered them.	- Да, этот Йоссариан!.. - отозвался Йоссариан.
'Yossarian,' Nately whispered cautioningly.	- Йоссариан! - предостерегающе прошипел Нейтли.
'You see what I mean?' asked Clevinger.	- Теперь вы поняли, что я имел в виду? - спросил Клевинджер.
The officers laughed again when they heard Yossarian mimicking them.	Офицеры, услышав, как Йоссариан передразнивает их, снова засмеялись.

'That Yossarian,' they said more loudly.	- Ох уж этот Йоссариан! - сказал один из них еще громче.
'That Yossarian,' Yossarian echoed.	- Да, этот Йоссариан!.. - откликнулся, как эхо, Йоссариан.
' Yossarian, please,' Nately pleaded.	- Йоссариан, прошу тебя... - взмолился Нейтли.
'You see what I mean?' asked Clevinger.	- Вы поняли, что я имел в виду? - спросил Клевинджер.
'He has antisocial aggressions.'	- Этот человек - антиобщественный, агрессивный элемент.
' Oh, shut up,' Dunbar told Clevinger.	- Слушай, заткнись, - сказал Данбэр Клевинджеру.

Dunbar liked Clevinger because Clevinger annoyed him and made the time go slow.	Данбэр любил Клевинджера за то, что тот раздражал его и тем самым как-то замедлял слишком быстрое течение жизни.

'Appleby isn't even here,' Clevinger pointed out triumphantly to Yossarian.	- ...А Эпплби сегодня нет, - торжествующим видом сказал Клевинджер, обращаясь к Йоссариану.
'Who said anything about Appleby?' Yossarian wanted to know.	- При чем тут Эпплби? - поинтересовался Иоссарнан.
' Colonel Cathcart isn't here, either.'	- И полковника Кэткарта тоже нет.
'Who said anything about Colonel Cathcart?'	- При чем тут полковник Каткарт?

'What son of a bitch do you hate, then?'	- А какого же сукина сына ты в таком случае ненавидишь?
'What son of a bitch is here?'	- А такого сукина сына, который здесь!
'I'm not going to argue with you,' Clevinger decided.	- Я не собираюсь с тобой спорить, - отрезал Клевинджер.
' You don't know who you hate.'	- Ты сам не знаешь, кого ты ненавидишь.
'Whoever's trying to poison me,' Yossarian told him.	- Всякого, кто намеревается отравить меня.
'Nobody's trying to poison you.'	- Никто тебя не собирается отравлять.
'They poisoned my food twice, didn't they?	- Да? А разве мне не подсыпали яд дважды, а?

Didn't they put poison in my food during Ferrara and during the Great Big Siege of Bologna?'	Разве они не подсыпали мне отраву тогда, под Феррарой, и во время великой осады Болоньи?
'They put poison in everybody's food,' Clevinger explained.	- Они всем подсыпали, - объяснил Клевинджер.
' And what difference does that make?'	- А какая разница - всем или одному?..
'And it wasn't even poison!' Clevinger cried heatedly, growing more emphatic as he grew more confused.	- Да к тому же это была и не отрава! - запальчиво крикнул Клевинджер, все более запутываясь и оттого еще более раздражаясь.

As far back as Yossarian could recall, he explained to Clevinger with a patient smile, somebody was always hatching a plot to kill him.	Насколько мог припомнить Йоссариан, он с терпеливой улыбкой объяснял Клевинджеру, что кто-то всегда замышлял убить его.
There were people who cared for him and people who didn't, and those who didn't hated him and were out to get him.	Были люди, которые уважали его и для которых он что-то значил, но были и другие, для которых он ничего не значил и которые ненавидели его и норовили прикончить.
They hated him because he was Assyrian.	Ненавидели же они его за национальность - за то, что он ассириец.

But they couldn't touch him, he told Clevinger, because he had a sound mind in a pure body and was as strong as an ox.	Но у них руки коротки, чтобы сладить с ним, объяснял он Клевинджеру, потому что у него слишком здоровый дух в здоровом теле и он силен, как бык.
They couldn't touch him because he was Tarzan, Mandrake, Flash Gordon.	У них руки коротки дотянуться до него, потому что он - Тарзан и фараон Рамзес Второй.
He was Bill Shakespeare.	Он - Билли Шекспир.
He was Cain, Ulysses, the Flying Dutchman; he was Lot in Sodom, Deirdre of the Sorrows, Sweeney in the nightingales among trees.	Он - Каин, Улисс, Летучий Голландец, он -печальная Дейрдре, он - Лот из Содома, он -Свинопас и сладкозвучный Соловей.

He was miracle ingredient Z-247.	Он - таинственный элемент Ц-247, он необъятен...
He was-'Crazy!' Clevinger interrupted, shrieking.	- Псих ты! - завизжал Клевинджер.
' That's what you are! Crazy! '-immense.	- Сумасшедший, вот ты кто!
I'm a real, slam-bang, honest-to-goodness, three-fisted humdinger.	- Я - подлинный, громоподобный, чистейший душой многорукий Вишну.
I'm a bona fide supraman.'	Я - верх человека.
' Superman?' Clevinger cried.	- Что? - закричал Клевинджер.
' Superman?'	- Сверхчеловек?
' Supraman,' Yossarian corrected.	- Верх человека, - поправил Йоссариан.

'Hey, fellas, cut it out,' Nately begged with embarrassment.	- Слушайте, ребята, прекратите, - взмолился встревоженный Нейтли.
'Everybody's looking at us.'	- На нас все смотрят.
'You're crazy,' Clevinger shouted vehemently, his eyes filling with tears.	- Ты рехнулся! - истерически заорал Клевинджер. На глазах у него были слезы.
'You've got a Jehovah complex.'	- У тебя комплекс Иеговы. Ты думаешь, что миром правит зло...
' I think everyone is Nathaniel.'	- Я думаю, что каждый человек - это Нафанаил.

Clevinger arrested himself in mid-declamation, suspiciously.	Клевинджер посмотрел на Йоссариана с подозрением, взял себя в руки и уже без крика спросил немного нараспев:
' Who's Nathaniel?'	- Кто такой Нафанаил?
'Nathaniel who?' inquired Yossarian innocently.	- Какой Нафанаил? - спросил невинным тоном Йоссариан.
Clevinger skirted the trap neatly.	Теперь Клевинджер решил сам устроить ему ловушку.
'You think everybody is Jehovah.	- Ты думаешь, что каждый человек - это Иегова.
You're no better than Raskolnkov-'	В таком случае ты нисколько не лучше Раскольникова.

'Who?' '-yes, Raskolnikov, who-'	- Кого? - Да-да, Раскольникова, который...
'Raskolnikov!' '-who-I mean it-who felt he could justify killing an old woman-'	- Раскольникова?! - ...который, да будет тебе известно, считал, что можно оправдать убийство старухи.
'No better than?' '-yes, justify, that's right-with an ax!	- Я, значит, не лучше? - Да, да, вот именно. Он оправдывал убийство топором.
And I can prove it to you!'	И я сейчас докажу тебе, что ты не лучше!

Gasping furiously for air, Clevinger enumerated Yossarian's symptoms: an unreasonable belief that everybody around him was crazy, a homicidal impulse to machine-gun strangers, retrospective falsification, an unfounded suspicion that people hated him and were conspiring to kill him.	Задыхаясь и жадно хватая ртом воздух, Клевинджер перечислил симптомы заболевания Йоссариана: абсурдные утверждения, что все вокруг сумасшедшие; человеконенавистническое желание перестрелять всех вокруг из пулемета; искаженные представления о событиях прошлого; ни на чем не основанные подозрения, что люди ненавидят его и замышляют убить.

But Yossarian knew he was right, because, as he explained to Clevinger, to the best of his knowledge he had never been wrong.	Но Йоссариан был убежден в своей правоте, потому что, как объяснил он Клевинджеру, насколько ему известно, он вообще никогда не ошибается.
Everywhere he looked was a nut, and it was all a sensible young gentleman like himself could do to maintain his perspective amid so much madness.	Куда ни взглянешь, всюду одни психи, и среди всеобщего помешательства ему, Йоссариану, человеку молодому и благоразумному, приходится самому заботиться о себе.

And it was urgent that he did, for he knew his life was in peril.	И все, что он делает, - исключительно важно, потому что он-то хорошо знает, что жизнь его в опасности.
Yossarian eyed everyone he saw warily when he returned to the squadron from the hospital.	Вернувшись из госпиталя в эскадрилью, Йоссариан поглядывал на всех с осторожностью.
Milo was away, too, in Smyrna for the fig harvest. The mess hall ran smoothly in Milo 's absence.	Милоу не было, он отправился в Смирну закупать фиги, но столовая в его отсутствие работала, как обычно.

Yossarian had responded ravenously to the pungent aroma of spicy lamb while he was still in the cab of the ambulance bouncing down along the knotted road that lay like a broken suspender between the hospital and the squadron.	Еще по дороге к эскадрилье, когда Йоссариан трясся в ку- зове санитарной машины, он, плотоядно принюхиваясь, уловил острый запах жаре- ной баранины, доносившийся из офицерской столовой.

There
was
shish-kabob
for lunch, huge,
savory hunks
of spitted meat
sizzling
like
the devil over
charcoal after
marinating
seventy-
two hours in a
secret mixture
Milo had stolen
from a crooked
trader in the
Levant, served
with
Iranian rice and
asparagus tips
Parmesan,
followed
by
cherries jubilee
for dessert and
then steaming
cups

Там готовили на завтрак шиш-кебаб. Огромные, дразнящие обоняние куски мяса жарились на вертелах, дьявольски аппетитно шипя над угольями, а перед этим их трое суток вымачивали в таинственном маринаде, секрет которого Милоу выкрал у одного жуликоватого ливанского торговца. Искусные официанты-итальянцы, которых майор де Каверли похитил с Большой земли, ставили на столики, застеленные дорогими полотняными скатертями, огромные пор-

Yossarian gorged himself in the mess hall until he thought he would explode and then sagged back in a contented stupor, his mouth filmy with a succulent residue.	Йоссариан обжирался до тех пор, пока не почувствовал, что вот-вот лопнет. Тогда он отвалился от стола и долго сидел в блаженном отупении с жирными слипшимися губами.

None of the officers in the squadron had ever eaten so well as they ate regularly in Milo 's mess hall, and Yossarian wondered awhile if it wasn't perhaps all worth it.	Никто из офицеров эскадрильи нигде в своей жизни так не наедался, как в столовой у Милоу, и Йоссариан подумал, что, возможно, они и не заслуживают такой жратвы.

But then he burped and remembered that they were trying to kill him, and he sprinted out of the mess hall wildly and ran looking for Doc Daneeka to have himself taken off combat duty and sent home.	Но тут он рыгнул и вспомнил, что все только и ищут случая его укокошить. Он, как безумный, выскочил из столовой и помчался искать доктора Дейнику, чтобы тот дал ему освобождение от боевых вылетов и отправил домой.
He found Doc Daneeka in sunlight, sitting on a high stool outside his tent.	Доктор сидел на высоком табурете около своей палатки и грелся на солнышке.
'Fifty missions,' Doc Daneeka told him, shaking his head. 'The colonel wants fifty missions.'	- Пятьдесят вылетов, - сказал доктор, качая головой, - полковник требует пятьдесят боевых вылетов.
' But I've only got forty-four!'	- А у меня только сорок четыре!

Doc Daneeka was unmoved.	Доктор не шелохнулся.
He was a sad, birdlike man with the spatulate face and scrubbed, tapering features of a well-groomed rat.	Это был унылый человечек с гладким, тщательно выбритым, узким, как клинышек, лицом. Весь он чем-то напоминал выхоленную крысу.
'Fifty missions,' he repeated, still shaking his head.	- Пятьдесят боевых вылетов, - повторил он, качая головой.
' The colonel wants fifty missions.'	- Полковник хочет пятьдесят вылетов.
Havermeyer Actually, no one was around when Yossarian returned from the hospital but Orr and the dead man in Yossarian's tent.	3. Хэвермейер Когда Йоссариан вернулся из госпиталя, в лагере фактически никого не было, кроме Орра и покойника в палатке Йоссариана.

The dead man in Yossarian's tent was a pest, and Yossarian didn't like him, even though he had never seen him.	Покойник отравлял атмосферу и очень не нравился Йоссариану, хотя Йоссариан его и в глаза не видел.
Having him lying around all day annoyed Yossarian so much that he had gone to the orderly room several times to complain to Sergeant Towser, who refused to admit that the dead man even existed, which, of course, he no longer did.	Йоссариана настолько раздражало, что покойник валяется тут целыми днями, что он несколько раз ходил в штаб эскадрильи жаловаться сержанту Таусеру. Сержант же никак не мог взять в толк, что покойник действительно существует, и, конечно, был прав.

It was still more frustrating to try to appeal directly to Major Major, the long and bony squadron commander, who looked a little bit like Henry Fonda in distress and went jumping out the window of his office each time Yossarian bullied his way past Sergeant Towser to speak to him about it.	Еще более безнадежным делом было жаловаться непосредственно майору Майору, долговязому и костлявому командиру эскадрильи, чем-то смахивающему на Генри Фонда в минуты печали. Всякий раз, завидев, как Йоссариан, отпихнув сержанта Таусера, прорывается к нему в штаб, командир выпрыгивал из окна кабинета.
The dead man in Yossarian's tent was simply not easy to live with.	Жить с покойником в одной палатке было не так-то просто.

He even disturbed Orr, who was not easy to live with, either, and who, on the day Yossarian came back, was tinkering with the faucet that fed gasoline into the stove he had started building while Yossarian was in the hospital.	Он мешал даже Орру, жизнь с которым, кстати, тоже была не сахар. В тот день когда Йоссариан вернулся из госпиталя, Орр паял трубку, по которой топливо поступало в печку, установленную Орром, пока Йоссариан лежал в госпитале.
'What are you doing?' Yossarian asked guardedly when he entered the tent, although he saw at once.	- Ты что это делаешь? - настороженно спросил Йоссариан, входя в палатку, хотя сразу же сам все понял.

' There's a leak here,' Orr said.	- Малость протекает, - ответил Орр.
' I'm trying to fix it.'	- Хочу заделать.

' Please stop it,' said Yossarian.	- Будь добр, прекрати, - сказал Йоссариан.
' You're making me nervous.'	- Это действует мне на нервы.
'When I was a kid,' Orr replied, 'I used to walk around all day with crab apples in my cheeks. One in each cheek.'	- Когда я был мальчишкой, - ответил Орр, я, бывало, закладывал за щеки лесные яблочки, по дичку за щеку, и хожу так целый день.
Yossarian put aside the musette bag from which he had begun removing his toilet articles and braced himself suspiciously.	Йоссариан, начавший было вынимать из рюкзака туалетные принадлежности, отложил его в сторону, скрестил руки и с подозрением уставился на Орра.

A minute passed.	Так прошла минута.
'Why?' he found himself forced to ask finally.	Наконец Йоссариан не выдержал и спросил: - А зачем?
Orr tittered triumphantly.	Орр торжествующе хихикнул:
'Because they're better than horse chestnuts,' he answered.	- А потому что лесные яблоки лучше, чем лошадиные каштаны.

Orr was kneeling on the floor of the tent. He worked without pause, taking the faucet apart, spreading all the tiny pieces out carefully, counting and then studying each one interminably as though he had never seen anything remotely similar before, and then reassembling the whole apparatus, over and over and over and over again, with no loss of patience or interest, no sign of fatigue, no indication of ever concluding. Yossarian watched him tinkering and felt certain he would be compelled to murder him in cold blood if he did not stop. His eyes moved toward the hunting knife that had been slung over the mosquito-net bar by the dead man the day he arrived. The knife hung	- Он продолжал работать, стоя на коленях.

'When I couldn't get crab apples,' Orr continued, 'I used horse chestnuts.	- Ну а ежели дичков под рукой не окажется, тогда, бывало, берешь каштаны.
Horse chestnuts are about the same size as crab apples and actually have a better shape, although the shape doesn't matter a bit.'	Каштаны - они размером почти с лесные яблоки и формой на них похожи, хотя форма большой роли не играет.
'Why did you walk around with crab apples in your cheeks?' Yossarian asked again. 'That's what I asked.'	- Я тебя спрашиваю, зачем ты разгуливал с дичками за щекой? - снова спросил Йоссариан.
'Because they've got a better shape than horse chestnuts,' Orr answered. 'I just told you that.'	- Потому что у них форма лучше, чем у каштанов,- ответил Орр, - я же тебе только что объяснил!

'Why,' swore Yossarian at him approvingly, 'you evil-eyed, mechanically-aptituded, disaffiliated son of a bitch, did you walk around with anything in your cheeks?'	- Почему, - незлобиво набросился на него Йоссариан, - почему ты, бездомный сукин сын, зловредная тварь, помешанная на технике, шлялся, запихнув неизвестно что себе за щеку?

'I didn't,' Orr said, 'walk around with anything in my cheeks.	- С чего это ты взял, что я запихивал неизвестно что?
I walked around with crab apples in my cheeks.	Я ходил с дичками за щекой.

When I couldn't get crab apples I walked around with horse chestnuts. In my cheeks.' Orr giggled. Yossarian made up his mind to keep his mouth shut and did. Orr waited. Yossarian waited longer.	А когда не мог раздобыть дичков, разгуливал с каштанами за щекой.
' One in each cheek,' Orr said.	По одному за каждой щекой.

'Why?' Orr pounced. 'Why what?' Yossarian shook his head, smiling, and refused to say. 'It's a funny thing about this valve,' Orr mused aloud. 'What is?' Yossarian asked. 'Because I wanted-' Yossarian knew. 'Jesus Christ! Why did you want-' '- apple cheeks.' '-apple cheeks?' Yossarian demanded. 'I wanted apple cheeks,' Orr repeated.	- Зачем? - Мне хотелось, чтобы щеки были, как яблоки. - Щеки, как яблоки? - изумился Йоссариан. - Да, мне хотелось, чтобы щеки у меня были, как яблоки. Я старался изо всех сил.

'Even when I was a kid I wanted apple cheeks someday, and I decided to work at it until I got them, and by God, I did work at it until I got them, and that's how I did it, with crab apples in my cheeks all day long.'	Клянусь богом, я здорово работал и своего добился. А удалось мне это сделать потому, что я носил за каждой щекой весь день по лесному яблочку.
He giggled again.	- Он опять хихикнул.
' One in each cheek.'	- По дичку за щекой.
'Why did you want apple cheeks?'	- Зачем тебе понадобились щеки, как яблоки?
'I didn't want apple cheeks,' Orr said.	- Мне не нужны были щеки, как яблоки, - сказал Орр.
'I wanted big cheeks.	- Я просто хотел, чтобы у меня были большие щеки.

I didn't care about the color so much, but I wanted them big.	Меня не столько интересовал их цвет, сколько размер.
I worked at it just like one of those crazy guys you read about who go around squeezing rubber balls all day long just to strengthen their hands.	Я работал над своими щеками в точности, как эти чокнутые ребята, о которых пишут, что они постоянно сжимают резиновые мячики, чтобы руки стали сильнее.
In fact, I was one of those crazy guys.	Фактически я тоже был чокнутым.
I used to walk around all day with rubber balls in my hands, too.'	Я тоже обычно ходил весь день с резиновыми мячиками в руках.
'Why?'	- Зачем?
' Why what?'	- Что зачем?

'Why did you walk around all day with rubber balls in your hands?'	- Зачем ты ходил весь день с резиновыми мячиками в руках?
'Because rubber balls-' said Orr. '-are better than crab apples?'	- Потому что резиновые мячики... - начал Орр. -Лучше, чем лесные яблоки?
Orr sniggered as he shook his head.	Орр хмыкнул и покачал головой:

'I did it to protect my good reputation in case anyone ever caught me walking around with crab apples in my cheeks.	- Я ходил с мячиками, чтобы сохранить свое доброе имя, в случае если бы меня увидели с лесными яблоками за щекой.
With rubber balls in my hands I could deny there were crab apples in my cheeks.	А когда в руках мячик, можно сказать, что никаких дичков за щекой нет.

Every time someone asked me why I was walking around with crab apples in my cheeks, I'd just open my hands and show them it was rubber balls I was walking around with, not crab apples, and that they were in my hands, not my cheeks.	И если меня кто-нибудь спрашивал, зачем я ношу за щекой лесные яблоки, я разжимал руки и показывал, что хожу с мячиками, а вовсе не с яблоками, и в руках, а не за щекой.
It was a good story.	Интересно получалось.
But I never knew if it got across or not, since it's pretty tough to make people understand you when you're talking to them with two crab apples in your cheeks.'	Но я так до сих пор и не знаю, удалось мне кого-нибудь провести или нет. Трудновато заставить людей понять тебя, когда ты разговариваешь, держа за щеками пару лесных яблок.

Yossarian found it pretty tough to understand him then, and he wondered once again if Orr wasn't talking to him with the tip of his tongue in one of his apple cheeks.	Йоссариан подумал, что Орра и сейчас трудновато понять, - может быть, он, говоря с ним, подпирает кончиком языка одну из своих яблочных щек?
Yossarian decided not to utter another word.	Йоссариан решил не издавать больше ни звука.
It would be futile.	Все равно ничего не добьешься.
He knew Orr, and he knew there was not a chance in hell of finding out from him then why he had wanted big cheeks.	Он знал Орра и понимал, что никакими силами ада не удастся выжать из него, зачем ему понадобились большие щеки.

It would do no more good to ask than it had done to ask him why that whore had kept beating him over the head with her shoe that morning in Rome in the cramped vestibule outside the open door of Nately's whore's kid sister's room. She was a tall, strapping girl with long hair and incandescent blue veins converging populously beneath her cocoa-colored skin where the flesh was most tender, and she kept cursing and shrieking and jumping high up into the air on her bare feet to keep right on hitting him on the top of his head with the spiked heel of her shoe	Проку будет не больше, чем спрашивать, почему та девка лупила его туфлей по голове. Дело было в Риме, утром, в переполненном холле публичного дома, напротив открытых дверей комнаты, где жила младшая сестренка шлюхи, с которой путался Нейтли.

They were both naked, and raising a rumpus that brought everyone in the apartment into the hall to watch, each couple in a bedroom doorway, all of them naked except the aproned and sweatered old woman, who clucked reprovingly, and the lecherous, dissipated old man, who cackled aloud hilariously through the whole episode with a kind of avid and superior glee.	Они тогда подняли такой шум и гам, что все обитатели дома сбежались в холл посмотреть, в чем дело.
The girl shrieked and Orr giggled.	Девка вопила, а Орр хихикал.

Each time she landed with the heel of her shoe, Orr giggled louder, infuriating her still further so that she flew up still higher into the air for another shot at his noodle, her wondrously full breasts soaring all over the place like billowing pennants in a strong wind and her buttocks and strong thighs shim-sham-shimmying this way and that way like some horrifying bonanza.	Каждый раз, когда каблук опускался ему на макушку, Орр хихикал еще громче, отчего девка разъярялась еще пуще и еще выше подпрыгивала, чтобы покрепче ударить его по башке.

She shrieked and Orr giggled right up to the time she shrieked and knocked him cold with a good solid crack on the temple that made him stop giggling and sent him off to the hospital in a stretcher with a hole in his head that wasn't very deep and a very mild concussion that kept him out of combat only twelve days.	Но вот она, взвизгнув, всадила ему каблук в висок с такой силой, что он перестал хихикать. Его доставили на носилках в госпиталь с дырой в голове, не столь уж, впрочем, глубокой, и с легким сотрясением мозга, так что он не воевал всего только двенадцать дней.

Nobody could find out what had happened, not even the cackling old man and clucking old woman, who were in a position to find out everything that happened in that vast and endless brothel with its multitudinous bedrooms on facing sides of the narrow hallways going off in opposite directions from the spacious sitting room with its shaded windows and single lamp.	В тот раз никто не мог понять, что случилось.

Every time she met Orr after that, she'd hoist her skirts up over her tight white elastic panties and, jeering coarsely, bulge her firm, round belly out at him, cursing him contemptuously and then roaring with husky laughter as she saw him giggle fearfully and take refuge behind Yossarian.	Когда после этого девка встречала Орра, она с презрением поносила его разными нехорошими словами, а когда он, боязливо хихикая, прятался за спину Йоссарнана, она закатывалась хриплым смехом.
Whatever he had done or tried to do or failed to do behind the closed door of Nately's whore's kid sister's room was still a secret.	Что он там ей сделал, или пытался сделать, или, наоборот, не смог сделать за закрытыми дверями комнаты, по-прежнему оставалось тайной.

The girl wouldn't tell Nately's whore or any of the other whores or Nately or Yossarian.	Девка не говорила об этом ни нейтлевой подружке, ни другим проституткам, ни самому Нейтли, ни Йоссариану.
Orr might tell, but Yossarian had decided not to utter another word.	Орр мог бы пролить свет на это дело, но Йоссариан решил больше ни о чем не спрашивать.
'Do you want to know why I wanted big cheeks?' Orr asked.	- Так ты хочешь знать, зачем мне были нужны большие щеки?
Yossarian kept his mouth shut.	Йоссариан не разжимал рта.

'Do you remember,' Orr said, 'that time in Rome when that girl who can't stand you kept hitting me over the head with the heel of her shoe?	- А ты помнишь, как тогда, в Риме, эта девка, которая тебя ненавидит, лупила меня туфлей по голове?
Do you want to know why she was hitting me?'	Сказать тебе, за что она меня била?
It was still impossible to imagine what he could have done to make her angry enough to hammer him over the head for fifteen or twenty minutes, yet not angry enough to pick him up by the ankles and dash his brains out.	Непостижимо, чем он мог разозлить ее до такой степени, что она молотила его по голове чуть ли не двадцать минут. Правда, ярости ее не хватило, чтобы взять его за лодыжки, приподнять и вышибить дух вон.

She was certainly tall enough, and Orr was certainly short enough.	А ей это было под силу: девица была долговязой, а Орр коротышкой.
Orr had buck teeth and bulging eyes to go with his big cheeks and was even smaller than young Huple, who lived on the wrong side of the railroad tracks in the tent in the administration area in which Hungry Joe lay screaming in his sleep every night.	Торчащие вперед зубы Орра и глаза навыкате как нельзя лучше соответствовали его толстым щекам, а ростом он уступал даже молодому Хьюплу, тому, что жил в палатке, поставленной в неположенном месте - в административной зоне, по ту сторону железнодорожного полотна. Хьюпл жил в одной палатке с Заморышем Джо, еженощно оравшим во сне.

The administration area in which Hungry Joe had pitched his tent by mistake lay in the center of the squadron between the ditch, with its rusted railroad tracks, and the tilted black bituminous road.	Административная зона, где по ошибке поставил свою палатку Заморыш Джо, находилась в центре расположения эскадрильи, между выемкой, по дну которой тянулось ржавое железнодорожное полотно, и черным асфальтированным шоссе, сбегавшим с возвышенности.

The men could pick up girls along that road if they promised to take them where they wanted to go, buxom, young, homely, grinning girls with missing teeth whom they could drive off the road and lie down in the wild grass with, and Yossarian did whenever he could, which was not nearly as often as Hungry Joe, who could get a jeep but couldn't drive, begged him to try.	На шоссе иногда можно было встретить девок - простых, улыбчивых, грудастых, правда, частенько с неважными зубами. Пообещаешь подвезти, куда им надо, а там съезжай с дороги в сторону и - прямо на травку. Йоссариан так и делал, когда представлялся случай, но это происходило не так часто, как того хотелось бы Заморышу Джо, постоянно умолявшему Йоссариана отправиться "на охоту". Джо ничего не стоило в любое время раздобыть джип, но водить машину он не умел.

The tents of the enlisted men in the squadron stood on the other side of the road alongside the open- air movie theater in which, for the daily amusement of the dying, ignorant armies clashed by night on a collapsible screen, and to which another U.S.O. troupe came that same afternoon.	Палатки сержантско-рядового состава эскадрильи стояли по другую сторону дороги, рядом с летним кинотеатром, где по вечерам развлекалось мужественное, но невежественное воинство, для увеселения которого теперь прибыла еще одна труппа ОСКОВ.[3]

The U.S.O. troupes were sent by General P. P. Peckem, who had moved his headquarters up to Rome and had nothing better to do while he schemed against General Dreedle.	Эта труппа была прислана генералом Пеккемом, который перевел свой штаб в Рим и не придумал ничего лучшего, чем строить оттуда козни против генерала Дридла.
General Peckem was a general with whom neatness definitely counted.	С таким генералом, как Пеккем, требовалось аккуратное обхождение.

He was a spry, suave and very precise general who knew the circumference of the equator and always wrote 'enhanced' when he meant 'increased'.	Это был эрудированный, воспитанный и педантичный генерал, который знал длину окружности экватора и писал "численно возросли" там, где другой написал бы "увеличились".

He was a prick, and no one knew this better than General Dreedle, who was incensed by General Peckem's recent directive requiring all tents in the Mediterranean theater of operations to be pitched along parallel lines with entrances facing back proudly toward the Washington Monument.	Вообще-то, конечно, он был порядочной дубиной, и никто не знал этого лучше, чем генерал Дридл, взбешенный последним приказом генерала Пеккема. Согласно этому приказу, все палатки на Средиземноморском театре военных действий надлежало ставить параллельными рядами, с таким расчетом, чтобы вход каждой палатки гордо глядел в сторону памятника Вашингтону.

To General Dreedle, who ran a fighting outfit, it seemed a lot of crap.	Генералу Дридлу, как командиру боевой части, это показалось бредом собачьим.

Furthermore, it was none of General Peckem's goddam business how the tents in General Dreedle's wing were pitched.	Тем более, что вовсе не его, генерала Пеккема, дело - указывать, как ставить палатки в авиабригаде Дридла.
There then followed a hectic jurisdictional dispute between these overlords that was decided in General Dreedle's favor by ex-P.F.C. Wintergreen, mail clerk at Twenty-seventh Air Force Headquarters.	Между двумя сюзеренами разыгрался бурный политический диспут, закончившийся в пользу генерала Дридла. Одержать победу ему помог экс-рядовой первого класса Уинтергрин, писарь из штаба двадцать седьмой воздушной армии.

Wintergreen determined the outcome by throwing all communications from General Peckem into the wastebasket. He found them too prolix.	Уинтергрин решил исход дела тем, что стал бросать всю корреспонденцию от генерала Пеккема в корзину, так как счел ее слишком многословной.
General Dreedle's views, expressed in less pretentious literary style, pleased ex-P.F.C. Wintergreen and were sped along by him in zealous observance of regulations.	Зато письма генерала Дридла, написанные куда менее напыщенным слогом, пришлись по душе Уинтер грину, и он передавал их на доклад в точном соответствии с уставом.
General Dreedle was victorious by default.	Таким образом, генерал Дридл победил ввиду неявки противника.

To regain whatever status he had lost, General Peckem began sending out more U.S.O. troupes than he had ever sent out before and assigned to Colonel Cargill himself the responsibility of generating enough enthusiasm for them.	Чтобы вновь утвердить свой утраченный престиж, генерал Пеккем начал посылать больше концертных бригад ОСКОВ, чем когда-либо прежде, и поручил полковнику Карджиллу под личную ответственность обеспечить энтузиазм зрителей.
But there was no enthusiasm in Yossarian's group.	Но в полку Йоссариана энтузиазма не наблюдалось.

In Yossarian's group there was only a mounting number of enlisted men and officers who found their way solemnly to Sergeant Towser several times a day to ask if the orders sending them home had come in.	Энтузиазм в полку Йоссариана наблюдался только в одном направлении: все больше и больше рядовых и офицеров по нескольку раз в день с торжественным видом шествовали к сержанту Таусеру, чтобы узнать, не поступил ли приказ об отправке их домой.
They were men who had finished their fifty missions.	Эти люди сделали по пятьдесят вылетов.
There were more of them now than when Yossarian had gone into the hospital, and they were still waiting. They worried and bit their nails.	Сейчас таких ходоков к Таусеру стало еще больше, чем раньше, когда Йоссариан уходил в госпиталь, и они по-прежнему ждали и надеялись, волновались и грызли ногти от нетерпения.

They were grotesque, like useless young men in a depression.	Всем своим видом они напоминали лишних людей времен экономического кризиса.

They moved sideways, like crabs. They were waiting for the orders sending them home to safety to return from Twenty-seventh Air Force Headquarters in Italy, and while they waited they had nothing to do but worry and bite their nails and find their way solemnly to Sergeant Towser several times a day to ask if the order sending them home to safety had come.	Они расползались по лагерю, как полчища крабов, и ждали приказа об отправке домой, в безопас- ные края, подальше от штаба двадцать седьмой воздушной армии в Италии, а пока им не оставалось ничего другого, как нервничать, грызть ногти и торжественно шествовать по нескольку раз в день к сержанту Таусеру, чтобы узнать, не пришел ли приказ об отправке их в тихие родные края.

They were in a race and knew it, because they knew from bitter experience that Colonel Cathcart might raise the number of missions again at any time.	Все это походило на скачки с препятствиями, ибо летчики по горькому опыту знали, что полковник Кэткарт может в любое время еще раз увеличить норму вылетов.
They had nothing better to do than wait.	И им не оставалось ничего другого, как ждать.
Only Hungry Joe had something better to do each time he finished his missions.	Только Заморыш Джо, отлетав положенное, умел найти себе занятие.

He had screaming nightmares and won fist fights with Huple's cat. He took his camera to the front row of every U.S.O. show and tried to shoot pictures up the skirt of the yellow-headed singer with two big ones in a sequined dress that always seemed ready to burst.	С фотоаппаратом в руках он усаживался в первом ряду на каждом представлении ОСКОВ и нацеливал объектив под юбку желтоволосой певице в усыпанном блестками платье.
The pictures never came out.	Снимки у него никогда не получались.
Colonel Cargill, General Peckem's troubleshooter, was a forceful, ruddy man.	Полковник Карджилл, напористый, розовощекий человек, был личным порученцем генерала Пеккема.

Before the war he had been an alert, hardhitting, aggressive marketing executive.	До войны он работал агентом по сбыту и зарекомендовал себя как расторопный, беспощадный и агрессивный делец.
He was a very bad marketing executive.	Он был очень скверным агентом.
Colonel Cargill was so awful a marketing executive that his services were much sought after by firms eager to establish losses for tax purposes.	До того скверным, что за ним гонялись фирмы, желавшие потерпеть убытки, чтобы платить поменьше налогов.

Throughout the civilized world, from Battery Park to Fulton Street, he was known as a dependable man for a fast tax write-off.	Во всем цивилизованном мире, от Баттери-парка до Фултон-стрит, он пользовался репутацией надежного человека, на которого можно положиться, если нужно быстро списать налоги.
His prices were high, for failure often did not come easily. He had to start at the top and work his way down, and with sympathetic friends in Washington, losing money was no simple matter.	Он брал дорого, поскольку частенько не так-то легко было довести фирму до полного краха: ведь ему приходилось браться за дело, когда фирма процветала, и вести ее к разорению, а это иногда оказывалось не таким уж простым делом, особенно при наличии влиятельных доброжелателей в Вашингтоне.

It took months of hard work and careful misplanning.	Требовались месяцы напряженной работы для тщательной разработки порочных в своей основе планов.

A person misplaced, disorganized, miscalculated, overlooked everything and opened every loophole, and just when he thought he had it made, the government gave him a lake or a forest or an oilfield and spoiled everything.	Человек путал, дезорганизовывал, делал просчеты и просмотры всего и вся, распахивал все шлюзы для утечки денег, и в тот момент, когда он считал, что дело сделано, правительство подбрасывало фирме озеро, или лес, или нефтеносный район, и все шло насмарку.

Even with such handicaps, Colonel Cargill could be relied on to run the most prosperous enterprise into the ground.	Но даже при таких помехах на Карджилла можно было положиться, если требовалось разорить дотла самое преуспевающее предприятие.
He was a self-made man who owed his lack of success to nobody.	Этот человек достиг всего в жизни своими руками, он был кузнецом собственных несчастий и за отсутствие успехов мог благодарить только самого себя.
'Men,' Colonel Cargill began in Yossarian's squadron, measuring his pauses carefully.	- Господа! - так начал полковник Карджилл свое выступление в эскадрильи Йоссариана. Он говорил, старательно, выдерживая паузы между словами.
' You're American officers.	- Вы - американские офицеры.

The officers of no other army in the world can make that statement.	Ни в одной другой армии мира офицеры не могут сказать о себе ничего подобного.
Think about it.'	Поразмыслите над этим.
Sergeant Knight thought about it and then politely informed Colonel Cargill that he was addressing the enlisted men and that the officers were to be found waiting for him on the other side of the squadron.	Сержант Найт поразмыслил и вежливо сообщил полковнику Карджиллу, что ведь он обращается-то к рядовому и сержантскому составу, а офицеры дожидаются его на другом конце лагеря.

Colonel Cargill thanked him crisply and glowed with self-satisfaction as he strode across the area. It made him proud to observe that twenty-nine months in the service had not blunted his genius for ineptitude.	Полковник Карджилл горячо поблагодарил Найта и зашагал через весь лагерь, излучая самодовольство.
'Men,' he began his address to the officers, measuring his pauses carefully.	- Господа! - начал он, обращаясь к офицерам и старательно выдерживая паузы между словами.
' You're American officers.	- Вы - американские офицеры.
The officers of no other army in the world can make that statement.	Ни в одной другой армии мира офицеры не могут сказать о себе ничего подобного.

Think about it.'	Поразмыслите над этим.
He waited a moment to permit them to think about it.	Он сделал маленькую паузу, чтобы дать им время поразмыслить.
' These people are your guests!' he shouted suddenly.	- Эти люди - ваши гости! - вдруг закричал он.
'They've traveled over three thousand miles to entertain you.	- Они проехали более трех тысяч миль для того, чтобы развлечь вас.
How are they going to feel if nobody wants to go out and watch them?	Каково же им, если никто не желает идти на их концерт?
What's going to happen to their morale?	Какое у них должно быть после этого настроение?
Now, men, it's no skin off my behind.	Господа, я же не о своей шкуре пекусь.

But that girl that wants to play the accordion for you today is old enough to be a mother.	Но ведь вот эта девушка, которая собирается сегодня играть для вас на аккордеоне, она же вам в матери годится.
How would you feel if your own mother traveled over three thousand miles to play the accordion for some troops that didn't want to watch her?	А как бы вам понравилось, если бы ваша мама проехала больше трех тысяч миль, чтобы поиграть на аккордеоне каким-то военным, а те даже взглянуть на нее не пожелали?
How is that kid whose mother that accordion player is old enough to be going to feel when he grows up and learns about it?	И что скажет ребенок, чья мама играет на аккордеоне, когда он вырастет и узнает, как обошлись с его мамой? А?
We all know the answer to that one.	Мы все знаем, что он скажет.

Now, men, don't misunderstand me.	Но, господа, я хочу, чтобы вы правильно меня поняли.
This is all voluntary, of course.	Все это, разумеется, на добровольных началах.
I'd be the last colonel in the world to order you to go to that U.S.O. show and have a good time, but I want every one of you who isn't sick enough to be in a hospital to go to that U.S.O. show right now and have a good time, and that's an order!'	Я был бы последним полковником на земле, если бы велел вам в обязательном порядке отправиться на концерт ОСКОВ и развлекаться. Но я хочу, чтобы каждый из вас, кто не настолько болен, чтобы валяться в госпитале, отправился сейчас же на концерт ОСКОВ и веселился от души, и это уже приказ.

Yossarian did feel almost sick enough to go back into the hospital, and he felt even sicker three combat missions later when Doc Daneeka still shook his melancholy head and refused to ground him.	Что касается Йоссариана, то он действительно чувствовал себя неважно - хоть снова отправляйся в госпиталь. Но совсем плохо он почувствовал себя позднее, когда, сделав еще три боевых вылета, пришел к доктору Дейнике и тот опять меланхолично покачал головой и отказался освободить его от полетов.
'You think you've got troubles?'	- Ты думаешь, неприятности только у тебя? -печально выговаривал ему доктор Дейника.
Doc Daneeka rebuked him grievingly. 'What about me?	- А мне, думаешь, легко?

I lived on peanuts for eight years while I learned how to be a doctor.	Я восемь лет перебивался с хлеба на воду, покуда выучился на доктора.
After the peanuts, I lived on chicken feed in my own office until I could build up a practice decent enough to even pay expenses.	Потом, когда обзавелся собственным кабинетом, тоже частенько затягивал ремень потуже, пока наконец не появилась приличная клиентура и я смог сводить концы с концами.
Then, just as the shop was finally starting to show a profit, they drafted me. I don't know what you're complaining about.'	И вот едва только кабинет начал приносить прибыль, меня призвали.

Doc Daneeka was Yossarian's friend and would do just about nothing in his power to help him.	Доктор Дейника был приятелем Йоссариана, но не хотел ради него палец о палец ударить.

Yossarian listened very carefully as Doc Daneeka told him about Colonel Cathcart at Group, who wanted to be a general, about General Dreedle at Wing and General Dreedle's nurse, and about all the other generals at Twenty-seventh Air Force Headquarters, who insisted on only forty missions as a completed tour of duty.	Йоссариан очень внимательно слушал, как Дейника рассказывал о полковнике Кэткарте из авиаполка, который метил в генералы, о генерале Дридле из авиабригады и о работавшей у него хорошенькой медсестре, а также обо всех других генералах из штаба двадцать седьмой воздушной армии, которые настаивали на том, чтобы выполнение боевого долга сводилось лишь к сорока вылетам.
'Why don't you just smile and make the best of it?' he advised Yossarian glumly. 'Be like Havermeyer.'	- А ты бери пример с Хэвермейера, плюй на все и улыбайся, - посоветовал доктор Йоссариану.

Yossarian shuddered at the suggestion.	От такого совета Йоссариана передернуло.
Havermeyer was a lead bombardier who never took evasive action going in to the target and thereby increased the danger of all the men who flew in the same formation with him.	Хэвермейер был ведущим бомбардиром. При заходе на цель он никогда не делал противозенитных маневров, подвергая таким образом дополнительной опасности все экипажи, летевшие с ним в одном строю.
'Havermeyer, why the hell don't you ever take evasive action?' they would demand in a rage after the mission.	- Хэвермейер, какого дьявола ты не делаешь противозенитного маневра? - яростно набрасывались на него летчики после возвращения с задания.

'Hey, you men leave Captain Havermeyer alone,' Colonel Cathcart would order.	- Эй вы, оставьте капитана Хэвермейера в покое! -обычно говорил в таких случаях полковник Кэткарт.
'He's the best damned bombardier we've got.' Havermeyer grinned and nodded and tried to explain how he dumdummed the bullets with a hunting knife before he fired them at the field mice in his tent every night.	- Он же, черт побери, наш лучший бомбардир.

Havermeyer was the best damned bombardier they had, but he flew straight and level all the way from the I.P. to the target, and even far beyond the target until he saw the falling bombs strike ground and explode in a darting spurt of abrupt orange that flashed beneath the swirling pall of smoke and pulverized debris geysering up wildly in huge, rolling waves of gray and black.	Хэвермейер ухмылялся, кивал головой и объяс- нял, как он охотничьим ножом надрезает пулю, превращая ее в "дум- дум", перед тем как вса- дить в полевую мышь, а проделывал он это в своей палатке еженощ- но.

Havermeyer held mortal men rigid in six planes as steady and still as sitting ducks while he followed the bombs all the way down through the plexiglass nose with deep interest and gave the German gunners below all the time they needed to set their sights and take their aim and pull their triggers or lanyards or switches or whatever the hell they did pull when they wanted to kill people they didn't know.	Хэвермейер действительно был потрясающим бомбардиром, но он шел по прямой и всегда на одной высоте от исходного пункта до цели, и так же шел дальше, пока не убеждался, что бомбы достигли земли и там взметнулось оранжевое пламя, вырос крутящийся столб дыма, а перемолотые в пыль обломки заклубились и покатились огромной черно-серой волной.

Havermeyer was a lead bombardier who never missed.	В шести машинах, ведомых Хэвермейером, сидели объятые смертным страхом люди, неподвижные, как истуканы. Сам же бомбардир сквозь плексигласовый нос кабины с глубочайшим интересом прослеживал путь каждой бомбы, рискуя попасть под обстрел немецких зенитчиков, которые за это время могли навести орудия и дернуть спусковой крючок, или веревку, или выключатель, или дьявол их там знает, что они дергали, когда хотели убить совершенно незнакомых им людей.

Yossarian was a lead bombardier who had been demoted because he no longer gave a damn whether he missed or not.	Ведущий бомбардир Хэвермейер никогда не промахивался.
He had decided to live forever or die in the attempt, and his only mission each time he went up was to come down alive.	Йоссариан раньше тоже был ведущим бомбардиром, но его понизили в должности, потому что с некоторых пор ему стало плевать, попал он в цель или промазал.

The men had loved flying behind Yossarian, who used to come barreling in over the target from all directions and every height, climbing and diving and twisting and turning so steeply and sharply that it was all the pilots of the other five planes could do to stay in formation with him, leveling out only for the two or three seconds it took for the bombs to drop and then zooming off again with an aching howl of engines, and wrenching his flight through the air so violently as he wove his way through the filthy barrages of flak	Он решил или жить вечно, или умереть, а если умереть, то только во время попытки выжить. И единственное боевое задание, которое он давал себе каждый раз, - это вернуться на землю живым.

Only when all the Sturm und Drang had been left far behind would he tip his flak helmet back wearily on his sweating head and stop barking directions to McWatt at the controls, who had nothing better to wonder about at a time like that than where the bombs had fallen.	Ребята любили летать с Йоссарианом, потому что он выходил на цель, делая "бочки" во все стороны, круто взмывая "свечой" и пикируя, резко крутясь и вертясь, заставляя пилотов пяти других машин делать то же самое, чтобы сохранить подобие строя. Самолеты выравнивались на какие-то две-три секунды, чтобы отбомбиться, и затем снова взмывали, надсадно воя моторами. Пробираясь сквозь огонь проклятых зениток, Йоссариан продолжал так отчаянно петлять, что шесть машин вскоре разлетались по всему небу, как земные молитвы. Каждый самолет при этом мог стать легкой добычей немецких истребителей, однако обычно к

'Bomb bay clear,' Sergeant Knight in the back would announce.	Только когда все эти немцы оставались далеко позади, он устало сдвигал шлем на вспотевшую макушку и переставал рявкать в переговорное устройство команды Макуотту, сидевшему за штурвалом. Теперь Макуотт уже мог позволить себе полюбопытствовать, куда упали бомбы.
'Did we hit the bridge?' McWatt would ask.	- Бомбы сброшены, - докладывал сзади сержант Найт.
'I couldn't see, sir, I kept getting bounced around back here pretty hard and I couldn't see.	- Мост разбомбили? - спрашивал Макуотт.

Everything's covered with smoke now and I can't see.'	- Откуда мне знать, сэр. Меня так здорово кидало, что я не разглядел.
'Hey, Aarfy, did the bombs hit the target?'	А теперь все заволокло дымом и ничего не видно.
'What target?' Captain Aardvaark, Yossarian's plump, pipe-smoking navigator, would say from the confusion of maps he had created at Yossarian's side in the nose of the ship.	- Эй, Аарфи, бомбы попали в цель? - В какую цель? - спрашивал толстенький, вечно попыхивавший трубочкой штурман капитан Аардваарк, роясь в куче разложенных сбоку от Йоссариана карт.
' I don't think we're at the target yet. Are we?'	- Разве мы уже дошли до цели?

' Yossarian, did the bombs hit the target?'	- Йоссариан, бомбы попали в цель?
'What bombs?' answered Yossarian, whose only concern had been the flak.	- Какие бомбы? - спрашивал Йоссариан, единственной заботой которого было не угодить под огонь зениток.
'Oh, well,' McWatt would sing, 'what the hell.'	Тогда Макуотт принимался напевать: - Как я рад, как я рад, мы попали к черту в ад!
Yossarian did not give a damn whether he hit the target or not, just as long as Havermeyer or one of the other lead bombardiers did and they never had to go back.	Йоссариану было плевать с самой высокой колокольни, поразил он цель или нет. А вот Хэвермейеру и другим ведущим бомбардирам это было далеко не безразлично.

Every now and then someone grew angry enough at Havermeyer to throw a punch at him.	Бывали случаи, когда кто-нибудь злился на Хэвермейера и лез на него с кулаками.
'I said you men leave Captain Havermeyer alone,' Colonel Cathcart warned them all angrily.	- Я сказал вам, оставьте капитана Хэвермейера в покое, - сердито предупреждал полковник Кэткарт.
'I said he's the best damned bombardier we've got, didn't I?'	- Разве я не говорил, что он, черт возьми, наш лучший бомбардир?

Havermeyer grinned at the colonel's intervention and shoved another piece of peanut brittle inside his face.	Хэвермейер скалил зубы, когда полковник прихо- дил ему на помощь, и засо- вывал за щеку очередную плитку прессованных зем- ляных орешков.
Havermeyer had grown very proficient at shooting field mice at night with the gun he had stolen from the dead man in Yossarian's tent.	Хэвермейер добился боль- ших успехов, стреляя по ночам в полевых мышей из пистолета, украденно- го из кобуры покойника в палатке Йоссариана.

His bait was a bar of candy and he would presight in the darkness as he sat waiting for the nibble with a finger of his other hand inside a loop of the line he had run from the frame of his mosquito net to the chain of the unfrosted light bulb overhead.	Хэвермейер использовал для приманки конфету и усаживался в темноте, поджидая грызуна. В одной руке он держал пистолет, а палец другой руки продевал в петельку веревки, протянутой от рамы москитной, сетки к выключателю лампы.
The line was taut as a banjo string, and the merest tug would snap it on and blind the shivering quarry in a blaze of light.	Веревка была натянута, как струна банджо, и стоило ее чуть потянуть. как рама захлопывалась, а вспышка яркого света ослепляла дрожащую жертву.

Havermeyer would chortle exultantly as he watched the tiny mammal freeze and roll its terrified eyes about in frantic search of the intruder.	Хавермейер с восторгом наблюдал, как крохотный зверек таращил перепуганные глазенки, отыскивая врага.
Havermeyer would wait until the eyes fell upon his own and then he laughed aloud and pulled the trigger at the same time, showering the rank, furry body all over the tent with a reverberating crash and dispatching its timid soul back to his or her Creator.	Когда же мышиные глазки встречались с его взглядом, он с громким хохотом нажимал на спусковой крючок и посылал в мечущееся мохнатенькое тельце пулю за пулей, наполняя палатку раскатистым грохотаньем, пока наконец юркая мышиная душа не отправлялась на небеса к своему создателю.

Late one night, Havermeyer fired a shot at a mouse that brought Hungry Joe bolting out at him barefoot, ranting at the top of his screechy voice and emptying his own.45 into Havermeyer's tent as he came charging down one side of the ditch and up the other and vanished all at once inside one of the slit trenches that had appeared like magic beside every tent the morning after Milo Minderbinder had bombed the squadron. It was just before dawn during	Однажды ночью, когда Хэвермейер выстрелил в мышь, Заморыш Джо выскочил из палатки босой, вопя что было мочи. Разрядив свой собственный пистолет сорок пятого калибра в палатку Хэвермейера, он ринулся вниз по откосу выемки, лихо вскарабкался на противоположную сторону и вдруг исчез, провалившись в одну из земляных щелей, которые, словно по мановению волшебной палочки, появились у каждой палатки на другое же утро после того, как Милоу Миндербиндер разбомбил расположение своей эскадрильи. (Это случилось незадолго до рассвета в дни великой осады Болоньи, когда

Hungry Joe was babbling incoherently when they fished him out from the dank bottom of the slit trench, babbling of snakes, rats and spiders.	Когда Заморыша Джо выудили с сырого дна земляной щели, он бормотал что-то бессвязное о змеях, пауках и крысах.
The others flashed their searchlights down just to make sure. There was nothing inside but a few inches of stagnant rain water.	Дно осветили карманными фонариками, но, кроме нескольких дюймов застоявшейся дождевой воды, там ничего не оказалось.
' You see?' cried Havermeyer. 'I told you.	- Вот видите! - крикнул Хавермейер.
I told you he was crazy, didn't I?'	- Я говорил вам, что он псих, ведь говорил же?

Doc Daneeka Hungry Joe was crazy, and no one knew it better than Yossarian, who did everything he could to help him.	4. Доктор Дейника Заморыш Джо бесспорно был ненормальным, и никто не знал этого лучше, чем Йоссариан, который изо всех сил старался как-нибудь помочь ему.

Hungry Joe just wouldn't listen to Yossarian.	Но Заморыш Джо не желал и слушать Йоссариана.
Hungry Joe just wouldn't listen because he thought Yossarian was crazy.	Он не желал слушать Йоссариана, ибо считал его самого психом.
'Why should he listen to you?' Doc Daneeka inquired of Yossarian without looking up.	- А почему он, собственно говоря, обязан тебя слушать? - спрашивал Йоссариана доктор Дейника, не поднимая глаз.

'Because he's got troubles.'	- Но у него же неприятности...
Doc Daneeka snorted scornfully.	Доктор Дейника презрительно фыркнул.
'He thinks he's got troubles?	- У него неприятности!
What about me?' Doc Daneeka continued slowly with a gloomy sneer.	Что же обо мне сказать в таком случае? -продолжал Дейника, мрачно усмехаясь.
' Oh, I'm not complaining.	- О, лично я никому не жалуюсь.
I know there's a war on.	Я знаю, что идет война.
I know a lot of people are going to have to suffer for us to win it.	Я знаю, что масса людей готова на жертвы во имя нашей победы.

But why must I be one of them?	Но почему я должен быть одним из этих людей?
Why don't they draft some of these old doctors who keep shooting their kissers off in public about what big sacrifices the medical game stands ready to make?	Почему не призовут в армию кого-нибудь из тех старых врачей, которые посылают публике воздушные поцелуйчики и болтают, будто медики готовы на жертвы?
I don't want to make sacrifices.	А я не хочу приносить жертвы.
I want to make dough.'	Я хочу приносить домой доллары.
Doc Daneeka was a very neat, clean man whose idea of a good time was to sulk.	Доктор Дейника был аккуратненький, чистенький человек, для которого хорошо провести время -значило всласть побрюзжать.

He had a dark complexion and a small, wise, saturnine face with mournful pouches under both eyes.	У него были темные волосы и умное мрачное личико со скорбными мешочками под глазами.
He brooded over his health continually and went almost daily to the medical tent to have his temperature taken by one of the two enlisted men there who ran things for him practically on their own, and ran it so efficiently that he was left with little else to do but sit in the sunlight with his stuffed nose and wonder what other people were so worried about.	Постоянно озабоченный своим здоровьем, он чуть ли не каждый день ходил в медчасть, заставляя одного из двух санитаров мерить ему температуру. Эти два парня фактически делали за него всю работу, причем настолько успешно, что доктору оставалось только сидеть на солнышке, греть свой насморочный нос и размышлять, чем это так озабочены все люди вокруг.

Their names were Gus and Wes and they had succeeded in elevating medicine to an exact science. All men reporting on sick call with temperatures above 102 were rushed to the hospital.	Рядовых из медчасти звали Гэс и Уэс. Они достигли большого успеха, подняв медицину до уровня точных наук: тех, кто приходил к ним с температурой выше тридцати восьми градусов, они немедленно отсылали в госпиталь.

All those except Yossarian reporting on sick call with temperatures below 102 had their gums and toes painted with gentian violet solution and were given a laxative to throw away into the bushes.	Всем больным, за исключением Йоссариана, с температурой ниже тридцати восьми градусов они, чтобы отделаться, мазали десны и большие пальцы ног раствором марганцовки и давали таблетку слабительного, которую каждый уважающий себя больной тут же забрасывал в кусты.
All those reporting on a sick call with temperatures of exactly 102 were asked to return in an hour to have their temperatures taken again.	Если градусник показывал тридцать восемь ровно, посетителя просили зайти через часок - снова измерить температуру.

Yossarian, with his temperature of 101, could go to the hospital whenever he wanted to because he was not afraid of them.	Йоссариан с температурой тридцать семь и девять десятых мог отправляться в госпиталь, когда его душе угодно, - Гэс и Уэс ему были нипочем.

The system worked just fine for everybody, especially for Doc Daneeka, who found himself with all the time he needed to watch old Major-de Coverley pitching horseshoes in his private horseshoe-pitching pit, still wearing the transparent eye patch Doc Daneeka had fashioned for him from the strip of celluloid stolen from Major Major's orderly room window months before when Major-de Coverley had returned from Rome with an injured cornea after renting two apartments there for the officers and enlisted men to use on their rest leaves.	Эта система всех устраивала, и особенно доктора Дейнику: у него, таким образом, оставалось достаточно времени, чтобы наблюдать, как старый майор де Каверли мечет подковы на своей личной спортплощадке. Во время этого занятия майор носил на глазу целлулоидный кружочек, который Дейника выкроил специально для него из куска целлулоида, воровским способом вырезанного из окна служебной палатки майора Майора.

The only time Doc Daneeka ever went to the medical tent was the time he began to feel he was a very sick man each day and stopped in just to have Gus and Wes look him over.	Доктор Дейника отправлялся в медчасть к Гэсу и Уэсу, только когда чувствовал себя ужасно больным, а чувствовал он себя ужасно больным каждый день.
They could never find anything wrong with him.	Гэс и Уэс осматривали его и ровным счетом ничего не обнаруживали.
His temperature was always 96.8, which was perfectly all right with them, as long as he didn't mind.	Термометр неизменно показывал тридцать шесть и шесть, что, с их точки зрения, было совершенно нормальной температурой, если их шеф не возражал.
Doc Daneeka did mind.	Но он возражал.

He was beginning to lose confidence in Gus and Wes and was thinking of having them both transferred back to the motor pool and replaced by someone who could find something wrong.	Постепенно он начал терять доверие к Гэсу и Уэсу и подумывал о том, чтобы перевести их обратно в гараж и заменить людьми, более толковыми и способными найти у него в организме какой-нибудь непорядок.
Doc Daneeka was personally familiar with a number of things that were drastically wrong.	Лично доктору Дейнике было известно множество вещей, которые нельзя было назвать иначе, как вопиющим непорядком.
In addition to his health, he worried about the Pacific Ocean and flight time.	Помимо собственного здоровья, его очень беспокоили Тихий океан и полетное время.

Health was something no one ever could be sure of for a long enough time.	Здоровье это такая штука, в которой никогда нельзя быть уверенным.

The Pacific Ocean was a body of water surrounded on all sides by elephantiasis and other dread diseases to which, if he ever displeased Colonel Cathcart by grounding Yossarian, he might suddenly find himself transferred.	А Тихий океан... Дейника ужасно боялся, что если он освободит Йоссариана от полетов, то тем самым навлечет на себя гнев полковника Кэткарта и тот переведет его на Тихий океан.

And flight time was the time he had to spend in airplane flight each month in order to get his flight p[a]y.	Полетное же время - это время, которое он должен был налетать в месяц, чтобы получать надбавку к жалованью.
Doc Daneeka hated to fly.	Дейника ненавидел полеты.
He felt imprisoned in an airplane. In an airplane there was absolutely no place in the world to go except to another part of the airplane.	В самолете он чувствовал себя, как в клетке: в нем лишнего шагу не шагнешь.

Doc Daneeka had been told that people who enjoyed climbing into an airplane were really giving vent to a subconscious desire to climb back into the womb.	Доктор слыхал, что люди, которые с удовольствием влезают в кабину самолета, подчиняются подсознательному желанию влезть обратно в утробу матери.
He had been told this by Yossarian, who made it possible for Dan Daneeka to collect his flight pay each month without ever climbing back into the womb.	Это сказал ему Йоссариан, который устраивал так, что доктор получал свою надбавку за полетное время, не влезая обратно в утробу матери.
Yossarian would persuade McWatt to enter Doc Daneeka's name on his flight log for training missions or trips to Rome.	Йоссариан каждый раз уговаривал Макуотта внести фамилию доктора в полетный лист перед тренировочным заданием или перед путешествием в Рим.

'You know how it is,' Doc Daneeka had wheedled, with a sly, conspiratorial wink. 'Why take chances when I don't have to?'	- Вы же понимаете, - лебезил Дейника, заговорщицки подмигивая, - к чему мне понапрасну испытывать судьбу, если я не обязан этого делать?
' Sure,' Yossarian agreed.	- Безусловно, - соглашался Йоссариан.
'What difference does it make to anyone if I'm in the plane or not?'	- Какая разница - был я в самолете или я не был в самолете?
'No difference.'	- Никакой разницы.
' Sure, that's what I mean,' Doc Daneeka said.	- Именно это я и имею в виду, - говорил Дейника.
'A little grease is what makes this world go round.	- Не подмажешь - не поедешь, на этом все в мире держится.

One hand washes the other.	Рука руку моет.
Know what I mean?	Понял, о чем я?
You scratch my back, I'll scratch yours.'	Почеши мне спинку, и я почешу тебе...
Yossarian knew what he meant.	Йоссариан понял.
'That's not what I meant,' Doc Daneeka said, as Yossarian began scratching his back.	- Да нет, я имел в виду не это, - сказал Дейника, когда Йоссариан начал чесать ему спину.
' I'm talking about co-operation.	- Я говорю о сотрудничестве.
Favors.	Взаимная любезность.
You do a favor for me, I'll do one for you.	Ты мне оказываешь любезность, я - тебе.

Get it?'	Понял?
'Do one for me,' Yossarian requested.	- Вот и окажи мне любезность, - попросил Йоссариан.
'Not a chance,' Doc Daneeka answered.	- Исключено, - ответил Дейника.

There was something fearful and minute about Doc Daneeka as he sat despondently outside his tent in the sunlight as often as he could, dressed in khaki summer trousers and a short-sleeved summer shirt that was bleached almost to an antiseptic gray by the daily laundering to which he had it subjected.	Что-то пугающее было в облике доктора, когда он сидел, погруженный в меланхолию, около своей палатки. А он при каждом удобном случае посиживал там на солнышке в летних брюках цвета хаки и в рубашке с короткими рукавами, которая от стирки - стирал же он ее в целях дезинфекции ежедневно - выцвела и стала серой.
He was like a man who had grown frozen with horror once and had never come completely unthawed.	Доктор был похож на человека, который однажды, похолодев от ужаса, превратился в ледышку, да так с тех пор и не оттаял полностью.

He sat all tucked up into himself, his slender shoulders huddled halfway around his head, his suntanned hands with their luminous silver fingernails massaging the backs of his bare, folded arms gently as though he were cold.	Он сидел, уйдя в себя, втянув голову в худые плечи, и потирал загорелыми пальцами голые скрещенные руки, словно ему и впрямь было холодно.
Actually, he was a very warm, compassionate man who never stopped feeling sorry for himself.	На самом деле тепла у доктора было хоть отбавляй, во всяком случае, сам к себе он относился с большой теплотой.
'Why me?' was his constant lament, and the question was a good one.	- Ну почему именно я? - не уставал он жалостливо вопрошать, и, надо сказать, вопрос этот был интересный.

Yossarian knew it was a good one because Yossarian was a collector of good questions and had used them to disrupt the educational sessions Clevinger had once conducted two nights a week in Captain Black's intelligence tent with the corporal in eyeglasses who everybody knew was probably a subversive.	Йоссариан считал этот вопрос интересным, потому что коллекционировал интересные вопросы, чтобы с их помощью срывать занятия, которые раньше два раза в неделю проводил Клевинджер в палатке капитана Блэка из разведотдела. Клевинджеру помогал очкастый капрал, которого все считали подрывным элементом.

Captain Black knew he was a subversive because he wore eyeglasses and used words like panacea and utopia, and because he disapproved of Adolf Hitler, who had done such a great job of combating un-American activities in Germany.	Капитан Блэк ни минуты не сомневался, что капрал - подрывной элемент: не случайно он носил очки и употреблял такие словечки, как "панацея" и "утопия". К тому же капрал не любил Адольфа Гитлера, а ведь Гитлер проделал такую замечательную работу по борьбе с антиамериканской деятельностью в Германии!
Yossarian attended the educational sessions because he wanted to find out why so many people were working so hard to kill him.	Йоссариан посещал занятия, надеясь хоть там докопаться до истины и установить, почему такое множество людей тратит столько сил, чтобы убить его.

A handful of other men were also interested, and the questions were many and good when Clevmger and the subversive corporal finished and made the mistake of asking if there were any.	Помимо Йоссариана, к занятиям проявляли интерес еще несколько человек, и, когда Клевинджер и капрал имели неосторожность спросить, есть ли вопросы, вопросы так и посыпались - один интереснее другого.

'Who is Spain?'	- Испания - это кто?
' Why is Hitler?'	- Для чего Гитлер?
'When is right?'	- А правильно - это когда?
'Where was that stooped and mealy-colored old man I used to call Poppa when the merry-go-round broke down?'	- Где был тот сутулый старик с белой как мел физиономией, которого я, бывало, называл Папашка, когда рухнула карусель?

' How was trump at Munich?'	- Какие козыри объявили в Мюнхене?
' Ho-ho beriberi.' and	- Хо-хо, бери-бери!
'Balls!' all rang out in rapid succession, and then there was Yossarian with the question that had no answer:	- Мошонка! Все это прозвучало одно за другим, и тогда Йоссариан задал свой вопрос, на который не может быть ответа:
'Where are the Snowdens of yesteryear?'	- Где прошлогодний Сноуден?
The question upset them, because Snowden had been killed over Avignon when Dobbs went crazy in mid-air and seized the controls away from Huple.	Этим вопросом он уложил их на обе лопатки. Ведь Сноуден был убит под Авиньоном, когда Доббс сошел с ума в воздухе и выхватил штурвал у Хьюпла...

The corporal played it dumb.	Капрал притворился глухим.
' What?' he asked.	- Что вы сказали? - спросил он.
' Where are the Snowdens of yesteryear?'	- Где прошлогодний Сноуден?
' I'm afraid I don't understand.'	- Боюсь, что я вас не понял.
'Où sont les Neigedens d'antan?' Yossarian said to make it easier for him.	- Ой sont les Neiges d'antan? - сказал Йоссариан, чтобы капралу было легче понять его.
'Parlez en anglais, for Christ's sake,' said the corporal.	- Parlez en anglais, ради бога. - сказал капрал.

' Je ne parle pas français.'	- Je ne parle pas francais.[4]
'Neither do I,' answered Yossarian, who was ready to pursue him through all the words in the world to wring the knowledge from him if he could, but Clevinger intervened, pale, thin, and laboring for breath, a humid coating of tears already glistening in his undernourished eyes.	- Я тоже, - ответил Йоссариан. Он был готов, если бы умел, прогнать капрала сквозь все языки мира, чтобы выжать из него толковый ответ, но тут вмешался Клевинджер, бледный, худой, хватающий ртом воздух, с влажными от закипающих слез глазами дистрофика.

Group Headquarters was alarmed, for there was no telling what people might find out once they felt free to ask whatever questions they wanted to.	Штаб авиаполка забил тревогу: если людям разрешить задавать любые вопросы, которые им взбредут на ум, трудно сказать, до чего они могут докопаться.
Colonel Cathcart sent Colonel Korn to stop it, and Colonel Korn succeeded with a rule governing the asking of questions.	Полковник Кэткарт поручил подполковнику Корну прекратить это безобразие. Подполковник Корн издал приказ, определяющий порядок задавания вопросов.
Colonel Korn's rule was a stroke of genius, Colonel Korn explained in his report to Colonel Cathcart.	Как объяснил подполковник Корн в своем рапорте полковнику Кэткарту, этот приказ был отмечен печатью гениальности.

Under Colonel Korn's rule, the only people permitted to ask questions were those who never did.	Согласно приказу подполковника Корна, задавать вопросы разрешалось только тем, кто их никогда не задает.

Soon the only people attending were those who never asked questions, and the sessions were discontinued altogether, since Clevinger, the corporal and Colonel Korn agreed that it was neither possible nor necessary to educate people who never questioned anything.	Скоро на занятия стали ходить только те, кто никогда не задавал вопросов, и занятия прекратились, поскольку Клевинджер, капрал и подполковник Корн пришли к общему соглашению, что нет никакой возможности, равно как и необходимости, просвещать людей, которые ни о чем не спрашивают.

Colonel Cathcart and Lieutenant Colonel Korn lived and worked in the Group Headquarters building, as did all the members of the headquarters staff, with the exception of the chaplain.	Полковник Кэткарт и подполковник Корн жили и работали в здании штаба авиаполка, как и все другие штабные офицеры, за исключением капеллана.
The Group Headquarters building was an enormous, windy, antiquated structure built of powdery red stone and banging plumbing.	Штаб полка размещался в огромном, доступном всем сквознякам, старинном здании, примечательном своими стенами из рассыпчатого красного камня да засоренной канализацией.

Behind the building was the modern skeet-shooting range that had been constructed by Colonel Cathcart for the exclusive recreation of the officers at Group and at which every officer and enlisted man on combat status now, thanks to General Dreedle, had to spend a minimum of eight hours a month.	За домом находился отлично оборудованный тир, построенный полковником Кэткартом исключительно в целях развлечения офицеров полка, однако по милости генерала Дридла каждый офицер и рядовой боевых подразделений обязан был проводить там не менее восьми часов в месяц.
Yossarian shot skeet, but never hit any.	Йоссариан ходил в тир, но ни разу не попал в мишень.
Appleby shot skeet and never missed.	Эпплби тоже ходил - и ни разу не промазал.
Yossarian was as bad at shooting skeet as he was at gambling.	Йоссариан стрелял так же плохо, как играл в карты.

He could never win money gambling either.	За всю жизнь ему не удалось выиграть в карты ни цента.
Even when he cheated he couldn't win, because the people he cheated against were always better at cheating too.	Даже когда Он жульничал, он не мог выиграть, потому что люди, которых он пытался надуть, жульничали лучше его.
These were two disappointments to which he had resigned himself: he would never be a skeet shooter, and he would never make money.	Йоссариану пришлось смириться: он понял, что ему не суждено стать ни чемпионом по стрельбе, ни богачом.

'It takes brains not to make money,' Colonel Cargill wrote in one of the homiletic memoranda he regularly prepared for circulation over General Peckem's signature.	"Чтобы не иметь денег, нужна голова на плечах", -писал полковник Карджилл в одном из своих поучительных меморандумов, которые он регулярно готовил для распространения в войсках за подписью генерала Пеккема.
'Any fool can make money these days and most of them do.	"В наше время всякий дурак может делать деньги и большинство дураков этим и занимается.
But what about people with talent and brains?	Но так ли поступают люди, наделенные умом и талантом?
Name, for example, one poet who makes money.'	Назовите мне хотя бы одного поэта, который гонялся бы за деньгами!"

'T. S. Eliot,' ex-P.F.C. Wintergreen said in his mail-sorting cubicle at Twenty-seventh Air Force Headquarters, and slammed down the telephone without identifying himself.	- Т.С. Эллиот, - подал голос экс-рядовой первого класса Уинтергрин из своей почтовой каморки в штабе двадцать седьмой воздушной армии и бросил телефонную трубку, не назвав себя.
Colonel Cargill, in Rome, was perplexed.	Полковник Карджилл в Риме был потрясен.
'Who was it?' asked General Peckem.	- Кто это был? - спросил генерал Пеккем.
' I don't know,' Colonel Cargill replied.	- Не знаю, - ответил полковник Карджилл.
' What did he want?'	- Что ему было нужно?
'I don't know.'	- Не знаю.

'Well, what did he say?' '"T. S. Eliot",' Colonel Cargill informed him.	- Но что он сказал? - "Т.С. Эллиот", - доложил полковник Карджилл.
'What's that?' '"T. S. Eliot",' Colonel Cargill repeated.	- Что это значит? - "Т.С. Эллиот", - повторил полковник Карджилл.
'Just	- Просто
"T S "'	"Т.С...."?
'Yes, sir.	- Да, сэр.
That's all he said.	Это все, что он сказал.
Just	Просто
"T. S. Eliot."'	"Т.С. Эллиот".
'I wonder what it means,' General Peckem reflected.	- Интересно, что это значит? - задумчиво произнес генерал Пеккем.

Colonel Cargill wondered, too.	Полковнику Карджиллу это было тоже интересно.
'T. S. Eliot,' General Peckem mused.	- Хм, "Т.С. Эллиот"... - удивлялся генерал Пеккем.
'T. S. Eliot,' Colonel Cargill echoed with the same funereal puzzlement.	- "Т.С. Эллиот", - как эхо, отзывался полковник Карджилл, погружаясь в мрачные раздумья.
General Peckem roused himself after a moment with an unctuous and benignant smile. His expression was shrewd and sophisticated. His eyes gleamed maliciously.	Через секунду генерал Пеккем вскочил с просветленным ликом. На губах его играла пронзительная усмешка, в глазах мерцали алые огоньки.

'Have someone get me General Dreedle,' he requested Colonel Cargill.	- Пусть кто-нибудь соединит меня с генералом Дридлом, - приказал он полковнику Карджиллу.
'Don't let him know who's calling.'	- Но не говорите, кто спрашивает.
Colonel Cargill handed him the phone.	Полковник Карджилл передал ему трубку.
'T. S. Eliot,' General Peckem said, and hung up.	- Т.С. Эллиот, - сказал генерал Пеккем в трубку и положил ее.
'Who was it?' asked Colonel Moodus. General Dreedle, in Corsica, did not reply.	- Кто это? - спросил на Корсике полковник Модэс.

Colonel Moodus was General Dreedle's son-in-law, and General Dreedle, at the insistence of his wife and against his own better judgment, had taken him into the military business.	Полковник Модэс был зятем генерала Дридла. Уступая настояниям жены, генерал Дридл приобщил зятя к военному бизнесу.

General Dreedle gazed at Colonel Moodus with level hatred.	Генерал Дридл взирал на полковника Модэса с неизменной ненавистью.
He detested the very sight of his son-in-law, who was his aide and therefore in constant attendance upon him.	Один лишь вид зятя, который постоянно находился при нем в качестве помощника, вызывал у генерала отвращение.

He had opposed his daughter's marriage to Colonel Moodus because he disliked attending weddings.	Он возражал против брака дочери с полковником Модэсом, потому что терпеть не мог свадебных церемоний.
Wearing a menacing and preoccupied scowl, General Dreedle moved to the full-length mirror in his office and stared at his stocky reflection.	С угрожающим видом генерал Дридл приблизился к большому, высотой в человеческий рост, зеркалу и, насупившись, уставился на свое грузное отражение.
He had a grizzled, broad-browed head with iron-gray tufts over his eyes and a blunt and belligerent jaw.	Он видел широколобую голову с сильной проседью, кустистые седеющие брови и тупую, воинственно выдвинутую вперед нижнюю челюсть.

He brooded in ponderous speculation over the cryptic message he had just received.	Генерал напряженно размышлял над только что полученным загадочным сообщением.
Slowly his face softened with an idea, and he curled his lips with wicked pleasure.	Наконец его осенило, лицо генерала оживилось, губы скривились в садистской улыбке.
'Get Peckem,' he told Colonel Moodus.	- Соедините-ка меня с Пеккемом, - сказал он полковнику Модэсу.
'Don't let the bastard know who's calling.'	- Только не говорите, кто спрашивает.
'Who was it?' asked Colonel Cargill, back in Rome.	- ...Кто это был? - спросил в Риме полковник Карджилл.

'That same person,' General Peckem replied with a definite trace of alarm.	- Тот же самый человек, - ответил явно встревоженный генерал Пеккем.
'Now he's after me.'	- Теперь ему понадобился я.
' What did he want?'	- Что ему нужно?
'I don't know.'	- Не знаю.
'What did he say?'	- А что он сказал?
' The same thing.' '"T. S. Eliot"?'	- То же самое. - "Т.С. Эллиот"?
'Yes,	- Да
"T. S. Eliot." That's all he said.'	"Т.С. Эллиот" - и все.

General Peckem had a hopeful thought. 'Perhaps it's a new code or something, like the colors of the day.	- Генералу Пеккему пришла в голову обнадеживающая идея: - Может быть, это какой-то новый шифр или пароль дня?
Why don't you have someone check with Communications and see if it's a new code or something or the colors of the day?'	Поручите-ка кому-нибудь проверить в отделе связи, не введен ли новый шифр или что-нибудь вроде пароля дня.
Communications answered that T. S. Eliot was not a new code or the colors of the day.	Служба связи ответила, что "Т.С. Эллиот" не является ни новым шифром, ни паролем.

Colonel Cargill had the next idea.	Полковник Карджилл высказал еще одно предположение:

'Maybe I ought to phone Twenty-seventh Air Force Headquarters and see if they know anything about it.	- Не позвонить ли мне в штаб двадцать седьмой воздушной армии? Может быть, они что-нибудь знают?
They have a clerk up there named Wintergreen I'm pretty close to.	У них там служит некий Уинтергрин, я с ним довольно близко знаком.
He's the one who tipped me off that our prose was too prolix.'	Это он подсказал мне однажды, что наши тексты слишком многословны.
Ex-P.F.C. Wintergreen told Cargill that there was no record at Twenty-seventh Air Force Headquarters of a T. S. Eliot.	Экс-рядовой первого класса Уинтергрин сообщил полковнику Карджиллу, что штаб двадцать седьмой воздушной армии не располагает сведениями о Т.С. Эллиоте.

'How's our prose these days?' Colonel Cargill decided to inquire while he had ex-P.F.C. Wintergreen on the phone.	- Ну а как наши тексты сегодня? - решил заодно поинтересоваться полковник Карджилл.
'It's much better now, isn't it?'	- Намного короче, чем прежде, верно?
' It's still too prolix,' ex-P.F.C. Wintergreen replied.	- Воды еще хватает, - ответил Уинтергрин.

'It wouldn't surprise me if General Dreedle were behind the whole thing,' General Peckem confessed at last. 'Remember what he did to that skeet-shooting range?' General Dreedle had thrown open Colonel Cathcart's private skeet-shooting range to every officer and enlisted man in the group on combat duty. General Dreedle wanted his men to spend as much time out on the skeet-shooting range as the facilities and their flight schedule would allow. Shooting skeet eight hours a month was excellent training for them. It trained them to shoot skeet. Dunbar loved

shooting skeet because he hated every minute of

it and the time passed so slowly. He had figured out that a single hour on the skeet-shooting range with people like Havermeyer and Appleby could be worth as much as eleven-times-seventeen years. 'I think you're crazy,' was the way Clevinger had responded to Dunbar 's discovery. 'Who wants to know?' Dunbar answered. 'I mean it,' Clevinger insisted. 'Who cares?' Dunbar answered. 'I really do. I'll even go so far as to concede that life seems longer I-' '-is longer I-' '-is longer-Is longer? All right, is

longer if it's filled with periods of boredom and discomfort, b-' 'Guess how fast?' Dunbar said suddenly. 'Huh?' 'They go,' Dunbar explained. 'Years.' 'Years.' 'Years,' said Dunbar.

'Years, years, years.' 'Clevinger, why don't you let Dunbar alone?' Yossarian broke in. 'Don't you realize the toll this is taking?' 'It's all right,' said Dunbar magnanimously. 'I have some decades to spare. Do you know how long a year takes when it's going away?' 'And you shut up also,' Yossarian told Orr, who had begun to snigger. 'I was just thinking about that girl,' Orr said. 'That girl in Sicily. That girl in Sicily with the bald head.' 'You'd better shut up also,' Yossarian warned him. 'It's your fault,' Dunbar said to Yossarian. 'Why don't you let him snigger if he wants to? It's better than having him talking.' 'All right. Go

ahead and snigger if
you want to.' 'Do you know how long a year takes when it's going away?' Dunbar repeated to Clevinger. 'This long.' He snapped his fingers. 'A second ago you were stepping into college with your lungs full of fresh air. Today you're an old man.' 'Old?' asked Clevinger with surprise. 'What are you talking about?' 'Old.' 'I'm not old.' 'You're inches away from death every time you go on a mission. How much older can you be at your age? A half minute before that you were stepping into high school, and an unhooked brassiere was as close as you ever hoped to get to Paradise. Only a fifth of a second before that you were a small kid with a ten-week summer vacation that lasted a hundred thousand years and still ended too soon. Zip! They go rocketing by so fast. How the hell else are you ever going to slow time down?' Dunbar was almost angry when he finished. 'Well, maybe it is true,' - Нисколько не буду удивлен, если узнаю, что за всей этой историей стоит генерал Дридл, -признался наконец генерал Пеккем.

Clevinger conceded unwillingly in a subdued tone. 'Maybe a long life does have to be filled with many unpleasant conditions if it's to seem long. But in that event, who wants one?' 'I do,' Dunbar told him. 'Why?' Clevinger asked. 'What else is there?'	

Chief White Halfoat Doc Daneeka lived in a splotched gray tent with Chief White Halfoat, whom he feared and despised.	5. Вождь Белый Овес Доктор Дейника делил пятнистую от грязи палатку с Вождем Белый Овес, которого презирал и боялся.
'I can just picture his liver,' Doc Daneeka grumbled.	- Он у меня сидит в печенках, - ворчал Дейника.
'Picture my liver,' Yossarian advised him.	- Ты бы лучше поинтересовался моей печенкой, -советовал Йоссариан.

'There's nothing wrong with your liver.'	- Твоя печенка в порядке.

'That shows how much you don't know,' Yossarian bluffed, and told Doc Daneeka about the troublesome pain in his liver that had troubled Nurse Duckett and Nurse Cramer and all the doctors in the hospital because it wouldn't become jaundice and wouldn't go away.	- Вот сразу и видно, как мало ты смыслишь, -пытался взять его на пушку Йоссариан. Он поведал доктору о болях в области печени, которые так встревожили сестру Даккит, сестру Крэмер и всех врачей в госпитале, поскольку желтухи не было, а боли тем не менее не проходили.

Doc Daneeka wasn't interested.	Доктор Дейника не проявил интереса к этому сообщению.
'You think you've got troubles?' he wanted to know.	- И это ты называешь неприятностями? - сказал он.

'What about me? You should've been in my office the day those newlyweds walked in.' 'What newlyweds?' 'Those newlyweds that walked into my office one day. Didn't I ever tell you about them? She was lovely.'	- А что же в таком случае сказать обо мне?
So was Doc Daneeka's office.	У доктора Дейники был когда-то свой медицинский кабинет.

He had decorated his waiting room with goldfish and one of the finest suites of cheap furniture.	Приемную украшали золотые рыбки и гарнитур мебели, столь же очаровательный, сколь и дешевый.
Whatever he could he bought on credit, even the goldfish.	Все, что было можно, включая и золотых рыбок, Дейника приобрел в кредит.
For the rest, he obtained money from greedy relatives in exchange for shares of the profits.	На покупку всего остального, что в кредит не продавалось, доктор раздобыл денег у родственников-скопидомов, которые раскошелились в обмен направо участвовать в будущих прибылях.

His office was in Staten Island in a two-family firetrap just four blocks away from the ferry stop and only one block south of a supermarket, three beauty parlors, and two corrupt druggists.	Его кабинет помещался на Стэйтен Айленде в двухквартирной лачуге всего лишь в четырех кварталах от паромного причала. А рынок, три женские парикмахерские и две аптеки с жуликоватыми аптекарями находились и того ближе - в соседнем квартале.
It was a corner location, but nothing helped.	К тому же кабинет был в угловом доме - казалось бы, чего лучше? Но все это не помогало.

Population turnover was small, and people clung through habit to the same physicians they had been doing business with for years.	Население района все время оставалось постоянным, и люди привыкли за долгие годы иметь дело с одними и теми же врачами.
Bills piled up rapidly, and he was soon faced with the loss of his most precious medical instruments: his adding machine was repossessed, and then his typewriter.	Стопка счетов быстро росла, и скоро Дейника был вынужден расстаться с самыми нужными медицинскими инструментами - сначала с арифмометром, а затем и с пишущей машинкой.
The goldfish died.	Золотые рыбки подохли.

Fortunately, just when things were blackest, the war broke out.	К счастью, когда дело приняло совсем мрачный оборот, разразилась война.
'It was a godsend,' Doc Daneeka confessed solemnly.	- Это был дар божий! - торжественно признался Дейника.
'Most of the other doctors were soon in the service, and things picked up overnight. The corner location really started paying off, and I soon found myself handling more patients than I could handle competently.	- Большинство других врачей вскоре оказалось на военной службе, и буквально на следующее утро мои дела пошли на лад, То, что кабинет находился на углу, наконец-то оправдало себя. Вскоре я обнаружил, что на прием приходит пациентов даже больше, чем я могу принять.

I upped my kickback fee with those two drugstores.	Я договорился с обоими аптекарями и с их помощью стал получать с пациентов гонорар больше прежнего.
The beauty parlors were good for two, three abortions a week.	Соседство с женскими парикмахерскими давало мне два-три аборта в неделю.
Things couldn't have been better, and then look what happened.	О лучшем нельзя было и мечтать! Но дальше произошло непоправимое.
They had to send a guy from the draft board around to look me over.	Из призывной комиссии присылают парня, чтобы он меня освидетельствовал.
I was Four-F.	Я был запасником четвертой категории.

I had examined myself pretty thoroughly and discovered that I was unfit for military service.	Я весьма тщательно сам себя обследовал и пришел к выводу о своей полной непригодности для военной службы.
You'd think my word would be enough, wouldn't you, since I was a doctor in good standing with my county medical society and with my local Better Business Bureau.	Думаешь, моего слова им было достаточно? Ничего подобного! Не помогло и то, что я врач, и то, что я поддерживал добрые отношения с медицинским обществом округа и с местным "Бюро содействия бизнесу".

But no, it wasn't, and they sent this guy around just to make sure I really did have one leg amputated at the hip and was helplessly bedridden with incurable rheumatoid arthritis.	Они прислали этого малого, чтобы удостовериться, действительно ли у меня ампутирована нога до бедра и правда ли, что я навечно прикован к постели неизлечимым ревматическим артритом.
Yossarian, we live in an age of distrust and deteriorating spiritual values.	Ах, Йоссариан, мы живем в век всеобщего недоверия и полной девальвации духовных ценностей!
It's a terrible thing,' Doc Daneeka protested in a voice quavering with strong emotion.	Это ужасно! - патетически воскликнул Дейника. Голос его дрожал от глубокого и неподдельного волнения.

'It's a terrible thing when even the word of a licensed physician is suspected by the country he loves.'	- Как это ужасно, когда любимое отечество относится с подозрением к честному слову врача, практикующего по государственной лицензии!
Doc Daneeka had been drafted and shipped to Pianosa as a flight surgeon, even though he was terrified of flying.	Доктора Дейнику призвали, доставили пароходом на Пьяносу и назначили хирургом авиачасти, хотя он панически боялся летать.

'I don't have to go looking for trouble in an airplane,' he noted, blinking his beady, brown, offended eyes myopically. 'It comes looking for me. Like that virgin I'm telling you about that couldn't have a baby.' 'What virgin?' Yossarian asked. 'I thought you were telling me about some newlyweds.' 'That's the virgin I'm telling you about. They were just a couple of young kids, and they'd been married, oh, a little over a year when they came walking into my office without an appointment. You should have seen her. She was so sweet and young and pretty. She even blushed

when I asked about her periods. I don't think I'll ever stop loving that girl. She was built like a dream and wore a chain around her neck with a medal of Saint Anthony hanging down inside the most beautiful bosom I never saw. "It must be a terrible temptation for Saint Anthony," I joked-just to put her at ease, you know. "Saint Anthony?" her husband said. "Who's Saint Anthony?" "Ask your wife," I told him. "She can tell you who Saint Anthony is." "Who is Saint Anthony?" he asked her. "Who?" she wanted to know. "Saint Anthony," he told her. "Saint Anthony?" she said. "Who's Saint Anthony?" When I got a good look at her inside my examination room I found she was still a virgin. I spoke to her husband alone while she was pulling her girdle back on and hooking it onto her stockings. "Every night," he boasted. A real wise guy, you know. "I never miss a night," he boasted. He meant it, too. "I even been puttin' it to her mornings before the breakfasts she makes me before we go to work," he boasted. There was only one explanation. When I had them both together again I gave them a demonstration of intercourse with the rubber models I've got in my office. I've got these rubber models in my office with all the reproductive organs of both sexes that I keep locked up in separate cabinets to avoid a scandal. I mean I used to have them. I don't

have anything any more, not even a practice. The only thing I have now is this low temperature that I'm really starting to worry about. Those two kids I've got working for me in the medical tent aren't worth a damn as diagnosticians. All they know how to do is complain. They think they've got troubles? What about me? They should have been in my office that day with those two newlyweds looking at me as though I were telling them something nobody'd ever heard of before. You never saw anybody so interested. "You mean like this?" he asked me, and worked the models for himself awhile. You know, I can see where a certain type of person might get a big kick out of doing just that. "That's it," I told him. "Now, you go home and try it my way for a few months and see what happens. Okay?" "Okay," they said, and paid me in cash without any argument. "Have a good time," I told them, and they thanked me and walked out together. He had his arm around her - Не я жду неприятностей в самолете, неприятности сами меня там ждут, - говорил он, обиженно моргая карими глазами-бусинками.

waist as though he couldn't wait to get her home and put it to her again. A few days later he came back all by himself and told my nurse he had to see me right away. As soon as we were alone, he punched
me in the nose.' 'He did what?' 'He called me a wise guy and punched me in the nose. "What are you, a wise guy?" he said, and knocked me flat on my ass. Pow! Just like that. I'm not kidding.' 'I know you're not kidding,' Yossarian said. 'But why did he do it?' 'How should I know why he did it?' Doc Daneeka retorted with annoyance. 'Maybe it had something to do with Saint Anthony?' Doc Daneeka looked

'How should I know?' answered Chief White Halfoat, staggering inside the tent just then with a bottle of whiskey cradled in his arm and sitting himself down pugnaciously between the two of them.	Как раз в этот момент в палатку ворвался, нежно баюкая на груди бутылку виски Вождь Белый Овес. С вызывающим видом он уселся между Йоссарианом и доктором Дейникой.
Doc Daneeka rose without a word and moved his chair outside the tent, his back bowed by the compact kit of injustices that was his perpetual burden.	Дейника встал и, не говоря ни слова, вынес свой стул из палатки.
He could not bear the company of his roommate.	Он не переваривал своего соседа по палатке.
Chief White Halfoat thought he was crazy.	Вождь Белый Овес считал Дейнику сумасшедшим.

'I don't know what's the matter with that guy,' he observed reproachfully.	- Не знаю, что творится с этим малым, - заметил он с укоризной.
' He's got no brains, that's what's the matter with him.	- Безмозглый он, вот в чем штука.
If he had any brains he'd grab a shovel and start digging.	Будь у него хоть капля мозгов, он схватил бы лопату и начал копать.
Right here in the tent, he'd start digging, right under my cot.	Прямо тут, в палатке, начал бы копать, прямо под моей койкой.
He'd strike oil in no time.	И в одну секунду нашел бы нефть.
Don't he know how that enlisted man struck oil with a shovel back in the States?	Неужели он не слыхал, как тот военный в Штатах одним ударом лопаты добрался до нефти?

Didn't he ever hear what happened to that kid-what was the name of that rotten rat bastard pimp of a snotnose back in Colorado?'	Что он, не знает, что ли, что случилось с тем парнем, как его звали? Будь он распроклят, этот прыщавый крысеныш из Колорадо!
'Wintergreen.'	- Уинтергрин.
'Wintergreen.'	- Ага, Уинтергрин.
'He's afraid,' Yossarian explained.	- Он боится, - пояснил Йоссариан.
'Oh, no. Not Wintergreen.' Chief White Halfoat shook his head with undisguised admiration.	Вождь Белый Овес покачал головой:
'That stinking little punk wise-guy son of a bitch ain't afraid of nobody.'	- Тот вонючий сукин сын никого не боится.

'Doc Daneeka's afraid.	- А доктор Дейника боится.
That's what's the matter with him.'	Вот в чем его беда.

' What's he afraid of?'	- Чего же он боится?
'He's afraid of you,' Yossarian said.	- Он за тебя боится, - сказал Йоссариан.
'He's afraid you're going to die of pneumonia.'	- Он боится, что ты можешь помереть от воспаления легких.
' He'd better be afraid,' Chief White Halfoat said.	- Пусть боится, - сказал Вождь Белый Овес.
A deep, low laugh rumbled through his massive chest.	Его мощная грудь затряслась от раскатов басовитого смеха.

' I will, too, the first chance I get.	- И умру, как только случай, подвернется.
You just wait and see.'	Вот увидишь.
Chief White Halfoat was a handsome, swarthy Indian from Oklahoma with a heavy, hard-boned face and tousled black hair, a half-blooded Cree from Enid who, for occult reasons of his own, had made up his mind to die of pneumonia.	Вождь Белый Овес, красивый смуглый индеец из Оклахомы, с массивным скуластым лицом и черными взъерошенными волосами, по каким-то, одному ему известным, мистическим причинам решил умереть от воспаления легких.

He was a glowering, vengeful, disillusioned Indian who hated foreigners with names like Cathcart, Korn, Black and Havermeyer and wished they'd all go back to where their lousy ancestors had come from.	Это был вспыльчивый, мстительный, озлобленный индеец, который ненавидел иностранцев с такими фамилиями, как Кэткарт, Корн, Блэк и Хэвермейер, и желал одного - чтобы они убрались туда, откуда явились их паршивые предки.
'You wouldn't believe it, Yossarian,' he ruminated, raising his voice deliberately to bait Doc Daneeka, 'but this used to be a pretty good country to live in before they loused it up with their goddam piety.'	- Ты не поверишь, Йоссариан, - задумчиво сказал он, нарочно повышая голос, чтобы позлить Дейнику, - до чего же хорошо жилось в нашей Стране, пока они не испохабили ее своим чертовым благочестием?

Chief White Halfoat was out to revenge himself upon the white man.	Вождь Белый Овес желал отомстить белому человеку.
He could barely read or write and had been assigned to Captain Black as assistant intelligence officer.	Он едва умел читать и писать, но служил у капитана Блэка в качестве помощника офицера по разведке.
'How could I learn to read or write?'	- А где мне было выучиться читать и писать? -вопрошал Вождь Белый Овес, снова повышая голос, чтобы услышал Дейника.

Chief White Halfoat demanded with simulated belligerence, raising his voice again so that Doc Daneeka would hear.	- В каком бы месте мы ни ставили палатки, они тут же принимались бурить нефтяную скважину.
'Every place we pitched our tent, they sank an oil well.	И где ни бурят - находят нефть.
Every time they sank a well, they hit oil. And every time they hit oil, they made us pack up our tent and go someplace else.	И как только найдут нефть, заставляют нас свертывать палатки и перебираться на новое место.
We were human divining rods.	Мы были для них живыми магическими палочками.[5]

Our whole family had a natural affinity for petroleum deposits, and soon every oil company in the world had technicians chasing us around.	Наша семья отличалась каким-то врожденным влечением к нефтяным месторождениям, и скоро нас преследовали по пятам изыскатели, подосланные всеми нефтяными компаниями мира.
We were always on the move.	Мы кочевали без конца.
It was one hell of a way to bring a child up, I can tell you.	В этих условиях воспитать ребенка - дьявольски трудная задача, вы уж мне поверьте.
I don't think I ever spent more than a week in one place.'	Помнится, больше недели мы на одном месте не жили.
His earliest memory was of a geologist.	Да, его детские воспоминания были радужны, как лужа нефти.

'Every time another White Halfoat was born,' he continued, 'the stock market turned bullish.	- Всякий раз, когда рождался новый Белый Овес, -продолжал он, - биржевые акции шли на повышение.
Soon whole drilling crews were following us around with all their equipment just to get the jump on each other.	Вскоре целые бригады бурильщиков со всем оборудованием преследовали нас повсюду, наступая друг другу на пятки.
Companies began to merge just so they could cut down on the number of people they had to assign to us.	Компании начали объединяться, чтобы сократить число изыскателей, приставленных к нашему семейству.
But the crowd in back of us kept growing.	Но толпа наших преследователей все росла.

We never got a good night's sleep. When we stopped, they stopped.	Мы останавливались, и они останавливались.
When we moved, they moved, chuckwagons, bulldozers, derricks, generators.	Мы трогались в путь, и они трогались, со всеми своими полевыми кухнями, бульдозерами, подъемными кранами и движками.
We were a walking business boom, and we began to receive invitations from some of the best hotels just for the amount of business we would drag into town with us.	Куда бы мы ни шли, с вокруг нас бушевал деловой бум. Лучшие отели присылали нам приглашения посетить их города, потому что за нами тащились орды бизнесменов.

Some of those invitations were mighty generous, but we couldn't accept any because we were Indians and all the best hotels that were inviting us wouldn't accept Indians as guests.	Некоторые из этих приглашений были довольно заманчивы, но мы не могли имя воспользоваться: ведь мы индейцы, а все лучшие отеля. которые приглашали нас, не пускают на постой индейцев.
Racial prejudice is a terrible thing, Yossarian.	Расовые предрассудки - жуткая вещь, Йоссариан.
It really is. It's a terrible thing to treat a decent, loyal Indian like a nigger, kike, wop or spic.'	Я тебе правду говорю.
Chief White Halfoat nodded slowly with conviction.	Вождь Белый Овес убежденно закивал головой:

'Then, Yossarian, it finally happened-the beginning of the end.	- И вот, Йоссариан, наконец это случилось -начало конца.
They began to follow us around from in front.	Они зашли нам в лоб.
They would try to guess where we were going to stop next and would begin drilling before we even got there, so we couldn't stop.	Они пытались догадаться, где мы сделаем следующую стоянку, чтобы начать бурить еще до того, как мы придем на это место. Теперь мы не могли даже нигде остановиться.

As soon as we'd begin to unroll our blankets, they would kick us off.	Бывало, только начнем разворачивать одеяла, -нас тут же сгоняют.
They had confidence in us.	Они в нас верили.

They wouldn't even wait to strike oil before they kicked us off. We were so tired we almost didn't care the day our time ran out.	Еще не согнав нас с места, они уже принимались бу- рить.
One morning we found ourselves completely surrounded by oilmen waiting for us to come their way so they could kick us off.	И вот однажды утром мы обнаружили, что нефтепро- мышленники окружили нас со всех сторон.

Everywhere you looked there was an oilman on a ridge, waiting there like Indians getting ready to attack.	Куда ни кинь - на вершинах всех холмов стоят нефтепромышленники, похожие на индейцев, изготовившихся к атаке.
It was the end.	Все кончено.
We couldn't stay where we were because we had just been kicked off. And there was no place left for us to g°-	На старом месте мы не могли оставаться, потому что оттуда нас гнали, а вперед идти было некуда.
Only the Army saved me.	Меня спасла только армия.

Luckily, the war broke out just in the nick of time, and a draft board picked me right up out of the middle and put me down safely in Lowery Field, Colorado.	К счастью, в это время началась война. Призывная комиссия выхватила меня прямо из сжимающегося кольца нефтепромышленников и доставила живым и невредимым в лагерь Лоури-Филд в штате Колорадо.
I was the only survivor.'	Только я один и спасся.
Yossarian knew he was lying, but did not interrupt as Chief White Halfoat went on to claim that he had never heard from his parents again.	Йоссариан знал, что Вождь Белый Овес врет, но не стал его прерывать. С тех пор, утверждал Белый Овес, он не имел никаких вестей от своих родителей.

That didn't bother him too much, though, for he had only their word for it that they were his parents, and since they had lied to him about so many other things, they could just as well have been lying to him about that too.	Впрочем, это обстоятель- ство не очень-то беспокоило его, потому что он им толь- ко на слово верил, что он их сын.

He was much better acquainted with the fate of a tribe of first cousins who had wandered away north in a diversionary movement and pushed inadvertently into Canada.	Значительно лучше Белый Овес был знаком с судьбой их двоюродного клана. Эти родственнички обманным путем прорвались на север и нечаянно проскочили в Канаду.
When they tried to return, they were stopped at the border by American immigration authorities who would not let them back into the country.	А когда они попытались вернуться, их остановили на границе американские иммиграционные власти и не впустили обратно в Штаты.

They could not come back in because they were red.	Они не смогли вернуться, потому что были красные.
It was a horrible joke, but Doc Daneeka didn't laugh until Yossarian came to him one mission later and pleaded again, without any real expectation of success, to be grounded.	Это было ужасно остроум- но, но Дейника все равно не рассмеялся. Смешно ему стало, когда, вернувшись со следующего задания, Йос- сариан обратился к нему снова, без особой надежды на успех, с просьбой освобо- дить его от полетов.

Doc Daneeka snickered once and was soon immersed in problems of his own, which included Chief White Halfoat, who had been challenging him all that morning to Indian wrestle, and Yossarian, who decided right then and there to go crazy.	Дейника разок хихикнул и тут же погрузился в собственные думы. Размышлял он о Вожде Белый Овес, который вызвал его в то утро на соревнование по индейской борьбе, и о Йоссариане, который, по-видимому, окончательно и бесповоротно решил сойти с ума.
'You're wasting your time,' Doc Daneeka was forced to tell him.	- Понапрасну тратишь время, - вынужден был сказать ему Дейника.
'Can't you ground someone who's crazy?'	- Ну неужели ты не можешь освободить от полетов летчика, который не в своем уме?
' Oh, sure.	- Разумеется, могу.

I have to.	Даже обязан.
There's a rule saying I have to ground anyone who's crazy.'	Существует правило, согласно которому я обязан отстранять от полетов любого психически ненормального человека.
' Then why don't you ground me?	- Ну а тогда почему же ты меня не отстраняешь.
I'm crazy.	Я псих.
Ask Clevinger.'	Спроси у Клевинджера.
' Clevinger?	- Клевинджер?
Where is Clevinger?	А где он?
You find Clevinger and I'll ask him.'	Найди мне Клевинджера, и я у него спрошу.
' Then ask any of the others.	- Можешь спросить любого.

They'll tell you how crazy I am.'	Все скажут, что я псих.
' They're crazy.'	- Они сами сумасшедшие.
'Then why don't you ground them?'	- А почему ты и их тогда не отстраняешь от полетов?
'Why don't they ask me to ground them?'	- А почему они не просят меня, чтобы я их отстранил?
'Because they're crazy, that's why.'	- Потому что они сумасшедшие, вот почему.
'Of course they're crazy,' Doc Daneeka replied. 'I just told you they're crazy, didn't I?	- Конечно, они сумасшедшие, - ответил Дейника -Разве я сам только что не сказал, что они сумасшедшие?

And you can't let crazy people decide whether you're crazy or not, can you?'	Но ведь сумасшедшие не могут решать, сумасшедший ты или нет.
Yossarian looked at him soberly and tried another approach.	Йоссариан грустно посмотрел на него и начал заход с другой стороны:
' Is Orr crazy?'	- Ну а Орр - псих?
'He sure is,' Doc Daneeka said.	- Этот уж наверняка.
' Can you ground him?'	- А его ты можешь отстранить от полетов?
' I sure can.	- Могу, конечно.

But first he has to ask me to.	Но сначала он должен сам меня об этом попросить.
That's part of the rule.'	Так гласит правило.

' Then why doesn't he ask you to?'	- Так почему же он не просит?
'Because he's crazy,' Doc Daneeka said.	- Потому, что он сумасшедший, - ответил Дейника.
'He has to be crazy to keep flying combat missions after all the close calls he's had.	- Как же он может не быть сумасшедшим, если, столько раз побывав на волосок от смерти, все равно продолжает летать на задания?
Sure, I can ground Orr.	Конечно, я могу отстранить его.
But first he has to ask me to.'	Но сначала он сам должен попросить меня об этом.
'That's all he has to do to be grounded?'	- И это все, что ему надо сделать, чтобы освободиться от полетов? - спросил Йоссариан.
' That's all.	- Все.
Let him ask me.'	Пусть он меня попросит.

'And then you can ground him?' Yossarian asked.	- И тогда ты отстранишь его от полетов? - спросил Йоссариан.
'No.	- Нет.
Then I can't ground him.'	Не отстраню.
'You mean there's a catch?'	- Но ведь тогда получается, что тут какая-то ловушка?
' Sure there's a catch,' Doc Daneeka replied.	- Конечно, ловушка, - ответил Дейника.
'Catch-22.	- И называется она "уловка двадцать два". "Уловка двадцать два" гласит:

Anyone who wants to get out of combat duty isn't really crazy.'	"Всякий, кто пытается уклониться от выполнения боевого долга, не является подлинно сумасшедшим".
There was only one catch and that was Catch-22, which specified that a concern for one's own safety in the face of dangers that were real and immediate was the process of a rational mind.	Да, это была настоящая ловушка. "Уловка двадцать два" разъясняла, что забота о себе самом перед лицом прямой и непосредственной опасности является проявлением здравого смысла.
Orr was crazy and could be grounded.	Орр был сумасшедшим, и его можно было освободить от полетов.

All he had to do was ask; and as soon as he did, he would no longer be crazy and would have to fly more missions.	Единственное, что он должен был для этого сделать, - попросить. Но как только он попросит, его тут же перестанут считать сумасшедшим и заставят снова летать на задания.
Orr would be crazy to fly more missions and sane if he didn't, but if he was sane he had to fly them.	Орр сумасшедший, раз он продолжает летать. Он был бы нормальным, если бы захотел перестать летать; но если он нормален, он обязан летать.

If he flew them he was crazy and didn't have to; but if he didn't want to he was sane and had to.	Если он летает, значит, он сумасшедший и, следовательно, летать не должен; но если он не хочет летать, - значит, он здоров и летать обязан.

Yossarian was moved very deeply by the absolute simplicity of this clause of Catch-22 and let out a respectful whistle.	Кристальная ясность этого положения произвела на Йоссариана такое глубокое впечатление, что он многозначительно присвистнул.
'That's some catch, that Catch-22,' he observed.	- Хитрая штука эта "уловка двадцать два", -заметил он.
' It's the best there is,' Doc Daneeka agreed.	- Еще бы! - согласился Дейника.
Yossarian saw it clearly in all its spinning reasonableness.	Йоссариан ясно видел глубочайшую мудрость, таившуюся во всех хитросплетениях этой ловушки.

There was an elliptical precision about its perfect pairs of parts that was graceful and shocking, like good modern art, and at times Yossarian wasn't quite sure that he saw it at all, just the way he was never quite sure about good modern art or about the flies Orr saw in Appleby's eyes.	"Уловка двадцать два" поражала воображение, как хорошая модернистская картина. Временами Йоссариан не был даже вполне уверен, осознал ли он смысл уловки во всей ее полноте и глубине, так же, как он не всегда был уверен в действительных достоинствах модернистских картин, и так же, как он не всегда был уверен относительно мушек, которых Орр якобы видел в глазах Эпплби.
He had Orr's word to take for the flies in Appleby's eyes.	Йоссариану оставалось лишь верить Орру на слово.

'Oh, they're there, all right,' Orr had assured him about the flies in Appleby's eyes after Yossarian's fist fight with Appleby in the officers' club, 'although he probably doesn't even know it.	- Есть, есть они у него, это точно, - уверял Орр, после того как Йоссариан подрался с Эпплби в офицерском клубе, - хотя Эпплби, вероятно, даже сам об этом не знает.
That's why he can't see things as they really are.'	Из-за этих мушек в глазах он не может видеть вещи такими, как они есть на самом деле.
'How come he doesn't know it?' inquired Yossarian.	- Как же он сам о них не знает? - допытывался Йоссариан.
'Because he's got flies in his eyes,' Orr explained with exaggerated patience.	- Потому что у него в глазах мушки, -подчеркнуто терпеливо объяснял Орр.

'How can he see he's got flies in his eyes if he's got flies in his eyes?'	- Как же он может видеть, что в глазах у него мушки, если у него мушки в глазах?

It made as much sense as anything else, and Yossarian was willing to give Orr the benefit of the doubt because Orr was from the wilderness outside New York City and knew so much more about wildlife than Yossarian did, and because Orr, unlike Yossarian's mother, father, sister, brother, aunt, uncle, in-law, teacher, spiritual leader, legislator, neighbor and newspaper, had never lied to him about anything crucial before.	Смысла в этом было столько же, сколько во всем остальном, что говорил Орр, но Йоссариан был готов согласиться с утверждением Орра, не требуя доказательств, потому что Орр, в отличие от Йоссарианової матери, отца, сестры, брата, тетки, дяди, свояка, учителя, духовника, конгрессмена, соседа и газеты, никогда не врал ему в серьезных вопросах.

Yossarian had mulled his newfound knowledge about Appleby over in private for a day or two and then decided, as a good deed, to pass the word along to Appleby himself.	День или два Йоссариан обдумывал про себя сообщенную ему Орром новость, а затем решил, что правильнее всего будет переговорить на эту тему с самим Эпплби.

'Appleby, you've got flies in your eyes,' he whispered helpfully as they passed by each other in the doorway of the parachute tent on the day of the weekly milk run to Parma.	- Эпплби, у тебя в глазах мушки, - шепнул он самым благожелательным тоном, когда они встретились у входа в парашютный склад в тот день, когда "слетали за молоком" в Парму.[6]

'What?' Appleby responded sharply, thrown into confusion by the fact that Yossarian had spoken to him at all.	- Что? - резко переспросил Эпплби, смущенный тем, что Йоссариан вообще заговорил с ним.
'You've got flies in your eyes,' Yossarian repeated.	- У тебя в глазах мушки, - повторил Йоссариан.
' That's probably why you can't see them.'	- Наверное, потому ты их и не видишь.

Appleby retreated from Yossarian with a look of loathing bewilderment and sulked in silence until he was in the jeep with Havermeyer riding down the long, straight road to the briefing room, where Major Danby, the fidgeting group operations officer, was waiting to conduct the preliminary briefing with all the lead pilots, bombardiers and navigators.	Эпплби отшатнулся от Йоссариана, как от зачумленного. Он надулся и молчал, пока не сел в джип рядом с Хэвермейером. По длинной и прямой дороге они ехали в инструкторскую, где офицер по оперативным вопросам майор Дэнби, нервный и суетливый человек, должен был проинструктировать перед полетом всех командиров, бомбардиров и штурманов ведущих самолетов.

Appleby spoke in a soft voice so that he would not be heard by the driver or by Captain Black, who was stretched out with his eyes closed in the front seat of the jeep.	Эпплби говорил, понизив голос так, чтобы его не слышали водитель и капитан Блэк, откинувшийся с закрытыми глазами на переднем сиденье джипа.
'Havermeyer,' he asked hesitantly. 'Have I got flies in my eyes?'	- Скажи, Хэвермейер, - спросил Эпплби довольно уверенно, - у меня нет... есть мухи в глазах?
Havermeyer blinked quizzically.	Хавермейер насмешливо сощурился.
' Sties?' he asked.	- Нет ли у тебя муки в глазах? - спросил он.
'No, flies,' he was told.	- Мухи! Есть ли у меня мухи?..
Havermeyer blinked again.	Хэвермейер снова сощурился:

'Flies?'	- Мухи?
' In my eyes.'	- Ну да, у меня в глазах?!
' You must be crazy,' Havermeyer said.	- Ты в своем уме? - спросил Хэвермейер.
'No, I'm not crazy.	- Я-то в своем.
Yossarian's crazy.	Это Йоссариан - сумасшедший.
Just tell me if I've got flies in my eyes or not.	Ты мне только скажи, есть у меня в глазах какие-то мушки или нет.
Go ahead. I can take it.'	Ну давай, я не обижусь.
Havermeyer popped another piece of peanut brittle into his mouth and peered very closely into Appleby's eyes.	Хэвермейер бросил в рот плитку прессованных земляных орешков и пристально всмотрелся в глаза Эпплби.

' I don't see any,' he announced.	- Ничего не вижу, - объявил он.
Appleby heaved an immense sigh of relief.	Эпплби вздохнул с облегчением.
Havermeyer had tiny bits of peanut brittle adhering to his lips, chin and cheeks.	К губам, подбородку щекам Хэвермейера прилипли ореховые крошки.

'You've got peanut brittle crumbs on your face,' Appleby remarked to him.	- У тебя на лице крошки от орехов, - заметил ему Эпплби.
'I'd rather have peanut brittle crumbs on my face than flies in my eyes,' Havermeyer retorted.	- Лучше крошки на лице, чем мушки в глазах, -отпарировал Хэвермейер.

The officers of the other five planes in each flight arrived in trucks for the general briefing that took place thirty minutes later.	Летчики-офицеры остальных пяти самолетов каждого звена прибывали на грузовиках, и полчаса спустя начинался разбор задания.

The three enlisted men in each crew were not briefed at all, but were carried directly out on the airfield to the separate planes in which they were scheduled to fly that day, where they waited around with the ground crew until the officers with whom they had been scheduled to fly swung off the rattling tailgates of the trucks delivering them and it was time to climb aboard and start up.	Члены экипажей из рядового и сержантского составов на разборе не присутствовали. Их доставляли прямо на летное поле, к машинам, на которых они должны были в этот день лететь, а пока они дожидались своих офицеров в обществе наземного обслуживающего экипажа Потом подкатывал грузовик, и офицеры, распахнув лязгающие дверцы заднего борта, спрыгивали на землю. Это значило, что пора садиться в самолеты и заводить моторы.

Engines rolled over disgruntedly on lollipop-shaped hardstands, resisting first, then idling smoothly awhile, and then the planes lumbered around and nosed forward lamely over the pebbled ground like sightless, stupid, crippled things until they taxied into the line at the foot of the landing strip and took off swiftly, one behind the other, in a zooming, rising roar, banking slowly into formation over mottled treetops, and circling the field at even speed until all the flights of six had been formed and then setting course	Моторы работали сначала неохотно, с перебоями, затем глаже, но с ленцой, а потом машины тяжело и неуклюже трогались с места и ползли по покрытой галькой земле, как слепые, глупые, уродливые твари, пока не выстраивались гуськом у начала взлетной полосы. Потом машины быстро взлетали одна за другой, со звенящим нарастающим ревом разворачивались над рябью лесных верхушек и кружили над аэродромом с одинаковой скоростью, затем строились в звенья -по шесть машин в каждом - и ложились на заданный курс. Так начинался первый этап полета к цели, распо-

The planes gained altitude steadily and were above nine thousand feet by the time they crossed into enemy territory.	Машины постепенно набирали высоту и в момент пересечения линии фронта находились на высоте девять тысяч футов.
One of the surprising things always was the sense of calm and utter silence, broken only by the test rounds fired from the machine guns, by an occasional toneless, terse remark over the intercom, and, at last, by the sobering pronouncement of the bombardier in each plane that they were at the I.P. and about to turn toward the target.	Удивительно, что при этом всегда было ощущение спокойствия. Стояла полнейшая тишина, нарушаемая лишь время от времени пробными пулеметными очередями и бесстрастными короткими замечаниями по переговорному устройству. Наконец раздавалось отрезвляюще четкое сообщение бомбардира, что самолеты находятся в исходной точке и сейчас начнется заход на цель.

There was always sunshine, always a tiny sticking in the throat from the rarefied air.	И всегда в этот момент сияло солнце, и всегда чуть першило в горле от разреженного воздуха.
The B-25s they flew in were stable, dependable, dull-green ships with twin rudders and engines and wide wings.	Б-25, на которых они летали, были устойчивые, надежные, окрашенные в скучный зеленый цвет двухмоторные машины с широко разнесенными крыльями.

Their single fault, from where Yossarian sat as a bombardier, was the tight crawlway separating the bombardier's compartment in the plexiglass nose from the nearest escape hatch.	Их единственный недостаток, с точки зрения Йоссариана, сидевшего на месте бомбардира, заключался в слишком узком лазе, соединяющем кабину в плексигласовой носовой части самолета с ближайшим аварийным люком.
The crawlway was a narrow, square, cold tunnel hollowed out beneath the flight controls, and a large man like Yossarian could squeeze through only with difficulty.	Лаз представлял собой узкий, квадратный, холодный туннель, проходивший под самыми штурвалами. Такой рослый парень, как Йоссариан, едва протискивался через лаз.

A chubby, moon-faced navigator with little reptilian eyes and a pipe like Aarfy's had trouble, too, and Yossarian used to chase him back from the nose as they turned toward the target, now minutes away.	Штурман Аарфи, упитанный круглолицый человек с маленькими, как у ящерицы, глазками, с неизменной трубкой в зубах, тоже пролезал с трудом. Когда до цели оставались считанные минуты, Йоссариан обычно выгонял его из носовой кабины, где они сидели вдвоем.
There was a time of tension then, a time of waiting with nothing to hear and nothing to see and nothing to do but wait as the antiaircraft guns below took aim and made ready to knock them all sprawling into infinite sleep if they could.	После этого наступало напряженное время, время ожидания, когда нечего слушать, не на что смотреть и ничего не остается делать, кроме как ждать, пока зенитные батареи не засекут их и не откроют огонь с недвусмысленным намерением отправить их на тот свет.

The crawlway was Yossarian's lifeline to outside from a plane about to fall, but Yossarian swore at it with seething antagonism, reviled it as an obstacle put there by providence as part of the plot that would destroy him.	Лаз был для Йоссариана дорогой жизни, в случае если бы самолет начал падать, но Йоссариан крыл этот лаз на все корки. Кипя от злобы, он проклинал его как подножку, которую ему подставила судьба - соучастница заговора - с целью угробить его, Йоссариана.
There was room for an additional escape hatch right there in the nose of a B-25, but there was no escape hatch.	Ведь здесь же, прямо здесь, в носу каждого Б-25, имелось место для дополнительного аварийного люка, но люка почему-то не сделали.

Instead there was the crawlway, and since the mess on the mission over Avignon he had learned to detest every mammoth inch of it, for it slung him seconds and seconds away from his parachute, which was too bulky to be taken up front with him, and seconds and seconds more after that away from the escape hatch on the floor between the rear of the elevated flight deck and the feet of the faceless top turret gunner mounted high above.	Вместо люка был лаз, а со времени той свистопляски, что разыгралась при налете на Авиньон, он научился ненавидеть каждый дюйм лаза, потому что каждый дюйм отделял Йоссариана на долгие-долгие секунды от парашюта, слишком громоздкого, чтобы держать его при себе. А ведь нужны были еще секунды и секунды, чтобы надеть парашют и добраться до аварийного люка в полу между приподнятой кабиной и ногами невидимого стрелка, сидящего в верхней полусфере.

Yossarian longed to be where Aarfy could be once Yossarian had chased him back from the nose; Yossarian longed to sit on the floor in a huddled ball right on top of the escape hatch inside a sheltering igloo of extra flak suits that he would have been happy to carry along with him, his parachute already hooked to his harness where it belonged, one fist clenching the red- handled rip cord, one fist gripping the emergency hatch release that would spill him earthward into the air at the first dreadful squeal of destruction	Йоссариан страстно желал сам находиться там, куда он выгонял Аарфи. Он хотел бы сидеть прямо на крышке люка, зарывшись в кучу запасных летных бронекостюмов, один из которых он с удовольствием держал бы всегда при себе, с уже пристегнутым парашютом, сжимая одной рукой красную скобу вытяжного троса, а другой - вцепившись в рычаг люка, через который он мог бы вывалиться в воздух, туда, к земле, едва заслышав жуткий скрежет разваливающейся машины.

That was where he wanted to be if he had to be there at all, instead of hung out there in front like some goddam cantilevered goldfish in some goddam cantilevered goldfish bowl while the goddam foul black tiers of flak were bursting and booming and billowing all around and above and below him in a climbing, cracking, staggered, banging, phantasmagorical, cosmological wickedness that jarred and tossed and shivered, clattered and pierced,	Вот где он хотел бы находиться, если уж вообще нужно было находиться в самолете, а вместо этого он болтался здесь, в носовой кабине, как какая-то богом проклятая золотая рыбка в каком-то проклятом аквариуме, в то время как проклятые грязно-черные ярусы зенитных разрывов клубились и громоздились, вздымаясь вокруг него снизу и сверху, и вся эта с треском прущая вверх, грохочущая, швыряющая, фантасмагорическая, космическая мерзость трясла их, подбрасывала, молотила, стучала в обшивку, пронизывала и угрожала уничтожить в мгновение ока в одной

Aarfy had been no use to Yossarian as a navigator or as anything else, and Yossarian drove him back from the nose vehemently each time so that they would not clutter up each other's way if they had to scramble suddenly for safety.	Аарфи не был нужен Йоссариану ни как штурман, ни в любом другом качестве, поэтому Йоссариан каждый раз гнал его в шею, чтобы тот не мешал ему в носовой части, если вдруг придется прокладывать себе путь к спасению.

Once Yossarian had driven him back from the nose, Aarfy was free to cower on the floor where Yossarian longed to cower, but he stood bolt upright instead
with his stumpy arms resting comfortably on the backs of the pilot's and co-pilot's seats, pipe in hand, making affable small talk to McWatt and whoever
happened to be co-pilot and pointing out amusing trivia in the sky to the two men, who were too busy to be interested. McWatt was too busy responding at the controls to Yossarian's strident instructions as Yossarian slipped the plane in on the

Тем самым Йоссариан предостав-
лял Аарфи прекрасную возможность дрожать от страха на том месте, где так страстно желал дрожать он сам. Аарфи же вместо этого предпочитал торчать рядом с первым и вторым пилотами, удобно положив свои толстенькие руки на спинки их кресел, и, не выпуская из пальцев трубочки, дружески болтать с Макуоттом и вторым пилотом о всяких пустяках. Правда, оба летчика были слишком заняты для того, чтобы разглядывать в небе какую-нибудь занятную ерунду, на которую пытался обратить их внимание Аарфи. Макуотт был поглощен выполнением отрыви-

Aarfy would puff reflectively on his pipe throughout the whole chaotic clash, gazing with unruffled curiosity at the war through McWatt's window as though it were a remote disturbance that could not affect him.	Во время этого громыхающего хаоса Аарфи по привычке посасывал трубку, глядя с безмятежным любопытством сквозь стекло кабины на войну, как будто это была какая-то далекая неприятность, его лично не касавшаяся.
Aarfy was a dedicated fraternity man who loved cheerleading and class reunions and did not have brains enough to be afraid.	Аарфи свято хранил верность своей молодежной организации, любил повеселиться на сборищах бывших одноклассников, одним словом, был не настолько умен, чтобы испытывать чувство страха.

Yossarian did have brains enough and was, and the only thing that stopped him from abandoning his post under fire and scurrying back through the crawlway like a yellow-bellied rat was his unwillingness to entrust the evasive action out of the target area to anybody else.	Йоссариан же был достаточно умен, чтобы испытывать страх, и единственное, что мешало ему бросить свой пост, скользнув в лаз, как желтопузая крыса, - это его нежелание доверить кому-нибудь руководство противозенитным маневром при выходе из района цели.

There was nobody else in the world he would honor with so great a responsibility. There was nobody else he knew who was as big a coward.	В целом мире не было никого, кому он мог бы оказать столь высокую честь и перепоручить такое ответственное дело, ибо он не знал в мире другого такого же величайшего труса.

Yossarian was the best man in the group at evasive action, but had no idea why.	Йоссариан был непревзойденным мастером в авиаполку по части противозенитного маневра.
There was no established procedure for evasive action.	Никаких установленных правил выполнения противозенитного маневра не существовало.
All you needed was fear, and Yossarian had plenty of that, more fear than Orr or Hungry Joe, more fear than Dunbar, who had resigned himself submissively to the idea that he must die someday.	Страх - это все, что было нужно для успеха, а у Йоссариана страха всегда было хоть отбавляй. В нем гнездилось больше страха, чем в Орре или Заморыше Джо и даже в Данбэре, который покорно смирился с мыслью, что все равно когда-нибудь придется подохнуть.

Yossarian had not resigned himself to that idea, and he bolted for his life wildly on each mission the instant his bombs were away, hollering,	Йоссариан же не поддавался этой мысли и в каждом полете отчаянно спасал собственную шкуру. Едва бомбы успевали оторваться от машины, как он орал Макуотту:

'Hard, hard, hard, hard, you bastard, hard!' at McWatt and hating McWatt viciously all the time as though McWatt were to blame for their being up there at all to be rubbed out by strangers, and everybody else in the plane kept off the intercom, except for the pitiful time of the mess on the mission to Avignon when Dobbs went crazy in mid-air and began weeping pathetically for help.	"Жми, жми, жми, жми, сволочь ты эдакая, жми!", дико ненавидя при этом Макуотта, как будто именно он, Макуотт, был повинен в том, что они оказались в таком месте, где их могут начисто изничтожить. И тогда все в самолете отключались от переговорного устройства. Было лишь одно прискорбное исключение - во время свистопляски над Авиньоном, когда Доббс рехнулся и начал душераздирающим голосом взывать:
'Help him, help him,' Dobbs sobbed.	- Помогите ему! Помогите! Помогите!
' Help him, help him.'	Помогите ему!

'Help who?	- Кому помочь?

Help who?' called back Yossarian, once he had plugged his headset back into the intercom system, after it had been jerked out when Dobbs wrested the controls away from Huple and hurled them
all down suddenly into the deafening, paralyzing, horrifying
dive
which had plastered Yossarian helplessly to the ceiling of the plane by the top of his head and from which Huple had rescued them just in time by seizing the controls back from Dobbs and leveling the ship out almost as suddenly right

Помочь кому? - кричал в ответ Йоссариан. Он только что снова включил свой шлемофон в переговорное устройство, после того как связь была временно нарушена по вине Доббса: Доббс выхватил штурвал у Хьюпла и вдруг ни с того ни с сего швырнул их в оглушающее, оцепеняющее, жуткое пике, отчего Йоссариан беспомощно прилип макушкой к потолку кабины. Хьюпл едва успел вывести их из пике, вырвав штурвал у Доббса, и тут же вернул корабль обратно, прямо в какофонию зенитного огня, в самую гущу вздымающихся пластов дыма, откуда они

Oh, God! Oh, God, oh, God, Yossarian had been pleading wordlessly as he dangled from the ceiling of the nose of the ship by the top of his head, unable to move.	"О боже, боже, боже", - беззвучно твердил Йоссариан, свисая с потолка кабины. Он не мог пошевельнуть пальцем.
'The bombardier, the bombardier,' Dobbs answered in a cry when Yossarian spoke.	- Бомбардиру! Бомбардиру! - кричал Доббс Йоссариану.

'He doesn't answer, he doesn't answer.	- Он не отвечает! Он не отвечает!
Help the bombardier, help the bombardier.'	Помогите бомбардиру! Бомбардиру помогите!

'I'm the bombardier,' Yossarian cried back at him.	- Я - бомбардир! - орал в переговорное устройство Йоссариан.
' I'm the bombardier.	- Я бомбардир.
I'm all right.	^ мной все в порядке.
I'm all right.'	Все порядке.
'Then help him, help him,' Dobbs begged.	- Тогда помогите ему, помогите ему! - умолял Доббс.
' Help him, help him.'	Помогите ему, помогите ему!
And Snowden lay dying in back.	А в хвосте умирал Сноуден.
Hungry Joe Hungry Joe did have fifty missions, but they were no help.	6. Заморыш Джо У Заморыша Джо на счету было пятьдесят боевых вылетов.

He had his bags packed and was waiting again to go home.	Он уже собрал вещички и теперь сидел на чемоданах, дожидаясь, когда его отпустят домой.
At night he had eerie, ear-splitting nightmares that kept everyone in the squadron awake but Huple, the fifteen-year-old pilot who had lied about his age to get into the Army and lived with his pet cat in the same tent with Hungry Joe.	По ночам его преследовали кошмары, и он издавал жуткие, душераздирающие вопли, которые будили всю эскадрилью, кроме Хьюпла, пятнадцатилетнего второго пилота. Хьюпл скрыл свой возраст, чтобы попасть в армию, и жил вместе со своим любимым котенком в одной палатке с Заморышем Джо.
Huple was a light sleeper, but claimed he never heard Hungry Joe scream.	Хьюпл спал чутко, но утверждал, что не слышит воплей Джо.

Hungry Joe was sick.	Заморыш Джо был человек больной.
'So what?' Doc Daneeka snarled resentfully.	- Ну и что из этого? - обиженно ворчал доктор Дейника.
'I had it made, I tell you. Fifty grand a year I was knocking down, and almost all of it tax-free, since I made my customers pay me in cash.	- Я зашибал пятьдесят тысяч долларов в год и почти не платил налога, потому что брал с пациентов наличными.
I had the strongest trade association in the world backing me up.	Меня поддерживала сильнейшая в мире торговая ассоциация.
And look what happened.	И посмотрите, что вышло.

Just when I was all set to really start stashing it away, they had to manufacture fascism and start a war horrible enough to affect even me.	Как только я все наладил, чтобы развернуться по-настоящему, кому-то понадобилось устроить фашизм и начать войну, да еще такую ужасную, что она коснулась даже меня.
I gotta laugh when I hear someone like Hungry Joe screaming his brains out every night.	Меня смех разбирает, когда я слышу, как какой-то Заморыш Джо исходит криком каждую ночь.
I really gotta laugh.	Меня просто смех разбирает.
He's sick?	Он, видите ли, болен!
How does he think I feel?'	А каково, интересно, мне?

Hungry Joe was too firmly embedded in calamities of his own to care how Doc Daneeka felt.	Заморыш Джо был слишком занят собственными горестями, чтобы еще интересоваться самочувствием доктора Дейники.
There were the noises, for instance.	Взять хотя бы шум.

Small ones enraged him and he hollered himself hoarse at Aarfy for the wet, sucking sounds he made puffing on his pipe, at Orr for tinkering, at McWatt for the explosive snap he gave each card he turned over when he dealt at blackjack or poker, at Dobbs for letting his teeth chatter as he went blundering clumsily about bumping into things.	Самый легкий шум приводил Джо в ярость, и он орал до хрипоты: на Аарфи - за то, что тот причмокивает, когда сосет свою трубку; на Орра -когда тот паял; на Макуотта - за то, что тот щелкает картами, когда играет в очко или покер; на Доббса за то, что у него лязгают зубы, когда, спотыкаясь, он налетает на все, что лежит или стоит на его пути.
Hungry Joe was a throbbing, ragged mass of motile irritability.	Заморыш Джо был просто комком обнаженных нервов.

The steady ticking of a watch in a quiet room crashed like torture against his unshielded brain.	Часы, монотонно тикавшие в тишине палатки, точно молотком, били его по темени.
'Listen, kid,' he explained harshly to Huple very late one evening, 'if you want to live in this tent, you've got to do like I do.	Однажды поздним вечером он раздраженно заявил Хьюплу: - Вот что, малыш, если хочешь жить со мной в одной палатке, тебе придется подчиняться моим правилам.
You've got to roll your wrist watch up in a pair of wool socks every night and keep it on the bottom of your foot locker on the other side of the room.'	Изволь каждый вечер заворачивать свои часы в шерстяные носки и класть их на дно ящика для обуви, который стоит вон у той стенки.

Huple thrust his jaw out defiantly to let Hungry Joe know he couldn't be pushed around and then did exactly as he had been told.	Хьюпл воинственно выдвинул нижнюю челюсть, давая понять, что уступать не намерен, после чего стал делать то, что от него требовал Джо.
Hungry Joe was a jumpy, emaciated wretch with a fleshless face of dingy skin and bone and twitching veins squirming subcutaneously in the blackened hollows behind his eyes like severed sections of snake.	Заморыш Джо был издерганным несчастным существом с костлявой, тощей, землистого цвета физиономией.

It was a desolate, cratered face, sooty with care like an abandoned mining town.	На этом будто закопченном лице с глубоко запавшими глазами и щеками было написано отчаяние, и это лицо чем-то напоминало заброшенный шахтерский поселок.
Hungry Joe ate voraciously, gnawed incessantly at the tips of his fingers, stammered, choked, itched, sweated, salivated, and sprang from spot to spot fanatically with an intricate black camera with which he was always trying to take pictures of naked girls.	Заморыш Джо жадно ел, грыз ногти, заикался, задыхался, чесался, потел, брызгал слюной и метался с места на место, как безумный, со своим фотоаппаратом, постоянно пытаясь снимать обнаженных девиц.
They never came out.	Снимки никогда не получались.

He was always forgetting to put film in the camera or turn on lights or remove the cover from the lens opening.	Он забывал или вставить пленку в аппарат, или снять крышку с объектива, или ему не хватало света.
It wasn't easy persuading naked girls to pose, but Hungry Joe had the knack.	Убедить девушек позировать голышом не так-то просто, но Заморыш Джо знал один хитрый прием.

'Me big man,' he would shout. 'Me big photographer from Life magazine.	- Моя большой люди, - кричал он, - моя большой фотограф из журнала "Лайф"!
Big picture on heap big cover. Si, si, si!	Большой снимок на большой обложка!
Hollywood star.	Звезда Голливуд!

Multi dinero.	Много-много деньги.
Multi divorces.	Много-много разводов.
Multi ficky-fick all day long.'	Много-много шуры-муры целый день.
Few women anywhere could resist such wily cajolery, and prostitutes would spring to their feet eagerly and hurl themselves into whatever fantastic poses he requested for them.	Редкая женщина могла устоять перед таким коварным обольстителем. Проститутки с готовностью шли ему навстречу.
Women killed Hungry Joe.	Женщины доконали Заморыша Джо.

His response to them as sexual beings was one of frenzied worship and idolatry.	Его отношение к ним можно было назвать идолопоклонством.
They were lovely, satisfying, maddening manifestations of the miraculous, instruments of pleasure too powerful to be measured, too keen to be endured, and too exquisite to be intended for employment by base, unworthy man.	В его глазах они были прелестным, умопомрачительным, волшебным инструментом наслаждения - слишком сильного, чтобы его измерить, слишком острого, чтобы вынести, и слишком возвышенного, чтобы о нем мог даже помыслить низкий, недостойный мужчина.

He could interpret their naked presence in his hands only as a cosmic oversight destined to be rectified speedily, and he was driven always to make what carnal use of them he could in the fleeting moment or two he felt he had before Someone caught wise and whisked them away. He could never decide whether to furgle them or photograph them, for he had found it impossible to do both simultaneously. In fact, he was finding it	Когда перед ним оказывались обнаженные девицы, он никак не мог решить: то ли заключать их в объятия, то ли фотографировать. В результате он не делал ни того, ни другого.

The pictures never came out, and Hungry Joe never got in.	Во всяком случае, снимки никогда не получались.
The odd thing was that in civilian life Hungry Joe really had been a photographer for Life magazine.	Однако самым удивительным было то, что в мирное время Заморыш Джо действительно работал фоторепортером в "Лайфе".
He was a hero now, the biggest hero the Air Force had, Yossarian felt, for he had flown more combat tours of duty than any other hero the Air Force had.	Сейчас он был героем, самым большим, по мнению Йоссариана, героем в рядах военно-воздушных сил, потому что на его счету было больше боевых вылетов, чем у любого другого героя.
He had flown six combat tours of duty.	Он выполнил шесть норм боевых вылетов.

Hungry Joe had finished flying his first combat tour of duty when twenty-five missions were all that were necessary for him to pack his bags, write happy letters home and begin hounding Sergeant Towser humorously for the arrival of the orders rotating him back to the States.	Заморыш Джо выполнил первую норму, когда требовалось всего двадцать пять вылетов, чтобы начать собирать вещички, писать домой жизнерадостные письма и добродушно допекать сержанта Таусера вопросом, не пришел ли приказ об отправке домой, в Штаты.

While he waited, he spent each day shuffling rhythmically around the entrance of the operations tent, making boisterous wisecracks to everybody who came by and jocosely calling Sergeant Towser a lousy son of a bitch every time Sergeant Towser popped out of the orderly room.	В ожидании этого радостного известия он проводил каждый день, околачиваясь возле палатки оперативного отдела, громко отпускал шуточки по адресу каждого проходившего мимо и, улыбаясь, величал паршивым сукиным сыном сержанта Таусера, когда тот выскакивал из дверей штаба.

Hungry Joe had finished flying his first twenty-five missions during the week of the Salerno beachhead, when Yossarian was laid up in the hospital with a burst of clap he had caught on a low-level mission over a Wac in bushes on a supply flight to Marrakech.	Заморыш Джо налетал свои первые двадцать пять заданий в ту неделю, когда шли бои за плацдарм для высадки в Салерно и когда Йоссариана уложили в госпиталь с триппером, который он подцепил в кустах во время бреющего полета над одной дамой из женского вспомогательного корпуса в Маракеше, куда его посылали за боеприпасами.

Yossarian did his best to catch up with Hungry Joe and almost did, flying six missions in six days, but his twenty-third mission was to Arezzo, where Colonel Nevers was killed, and that was as close as he had ever been able to come to going home.	Йоссариан изо всех сил старался догнать Заморыша Джо, и это ему почти удалось - он сделал шесть боевых вылетов за шесть дней, но в день его двадцать третьего вылета в район Ареццо, когда Йоссариану оставалась самая малость до отправки домой, убили полковника Неверса.

The next day Colonel Cathcart was there, brimming with tough pride in his new outfit and celebrating his assumption of command by raising the number of missions required from twenty-five to thirty.	А на следующий день появился полковник Кэткарт, в новеньком мундире, сияющий и самодовольный, и отметил свое вступление в должность тем, что увеличил количество обязательных боевых вылетов с двадцати пяти до тридцати.
Hungry Joe unpacked his bags and rewrote the happy letters home.	Заморыш Джо распаковал свои чемоданы и написал домой новое письмо, но уже не такое жизнерадостное, как предыдущее.
He stopped hounding Sergeant Towser humorously.	Он перестал добродушно допекать сержанта Таусера.

He began hating Sergeant Towser, focusing all blame upon him venomously, even though he knew Sergeant Towser had nothing to do with the arrival of Colonel Cathcart or the delay in the processing of shipping orders that might have rescued him seven days earlier and five times since.	Он начал его ненавидеть лютой ненавистью, хотя и знал, что сержант ни в чем не виноват: ни в том, что прибыл полковник Кэткарт; ни в том, что задержали приказ об отправке Джо домой. А ведь поступи этот приказ на неделю раньше - и все было бы о'кей.
Hungry Joe could no longer stand the strain of waiting for shipping orders and crumbled promptly into ruin every time he finished another tour of duty.	Заморыш Джо не мог больше выдержать напряженного ожидания и, едва закончив очередной цикл боевых заданий, впадал а состояние полного душевного расстройства.

Each time he was taken off combat status, he gave a big party for the little circle of friends he had.	Всякий раз, когда его снимали с боевых вылетов, он устраивал выпивку для узкого круга друзей.

He broke out the bottles of bourbon he had managed to buy on his four-day weekly circuits with the courier plane and laughed, sang, shuffled and shouted in a festival of inebriated ecstasy until he could no longer keep awake and receded peacefully into slumber.	Четыре дня в неделю он летал на связном самолете по тыловым базам и попутно закупал виски "Бурбон". За сим следовали щедрые возлияния. Заморыш хохотал, пел, метался и орал в пьяном экстазе, пока хватало сил, и наконец мирно погружался в дремоту.

As soon as Yossarian, Nately and Dunbar put him to bed he began screaming in his sleep.	Йоссариан, Нейтли и Данбэр укладывали его в постель, и тут он начинал визжать во сне.
In the morning he stepped from his tent looking haggard, fearful and guilt- ridden, an eaten shell of a human building rocking perilously on the brink of collapse.	Утром Заморыш Джо выходил из палатки измученный, перепуганный, истерзанный чувством собственной вины, - не человек, а изъеденная оболочка человека.

The nightmares appeared to Hungry Joe with celestial punctuality every single night he spent in the squadron throughout the whole harrowing ordeal when he was not flying combat missions and was waiting once again for the orders sending him home that never came.	Кошмары посещали Заморыша Джо с потрясающей регулярностью каждую ночь после того, как он, выполнив норму боевых вылетов, перестал летать на задания. Он все ждал приказа об отправке домой, а приказ так и не приходил, и это было для него слишком мучительным испытанием.

Impressionable men in the squadron like Dobbs and Captain Flume were so deeply disturbed by Hungry Joe's shrieking nightmares that they would begin to have shrieking nightmares of their own, and the piercing obscenities they flung into the air every night from their separate places in the squadron rang against each other in the darkness romantically like the mating calls of songbirds with filthy minds.	Впечатлительных людей в эскадрилье, таких, как Доббс и капитан Флюм, жуткие вопли Заморыша Джо настолько выводили из себя, что они тоже начинали вопить в своих палатках.

Colonel Korn acted decisively to arrest what seemed to him to be the beginning of an unwholesome trend in Major Major's squadron.	Подполковник Корн принял решительные меры по пресечению нездоровых тенденций в эскадрилье майора Майора.
The solution he provided was to have Hungry Joe fly the courier ship once a week, removing him from the squadron for four nights, and the remedy, like all Colonel Korn's remedies, was successful.	Он приказал, чтобы Заморыш Джо четыре раза в неделю летал на связном самолете, что освобождало эскадрилью от его присутствия на четыре ночи, и эта мера, как и все меры подполковника Корна, оказалась целительной.

Every time Colonel Cathcart increased the number of missions and returned Hungry Joe to combat duty, the nightmares stopped and Hungry Joe settled down into a normal state of terror with a smile of relief.	Стоило полковнику Кэткарту увеличить число боевых полетов и возвратить Заморыша Джо в строй, кошмары прекращались и Заморыш Джо с улыбкой облегчения возвращался в состояние нормального повседневного страха.
Yossarian read Hungry Joe's shrunken face like a headline.	Йоссариан читал лицо Заморыша Джо так же ясно, как аршинный заголовок в газете.
It was good when Hungry Joe looked bad and terrible when Hungry Joe looked good.	Если Заморыш Джо выглядел хорошо, это было плохо, а если он выглядел плохо, это было хорошо.

Hungry Joe's inverted set of responses was a curious phenomenon to everyone but Hungry Joe, who denied the whole thing stubbornly.	Ненормальная реакция Заморыша Джо озадачивала всех, кроме самого Джо, который упрямо отрицал все.
'Who dreams?' he answered, when Yossarian asked him what he dreamed about.	- Кому снилось? - недоумевал он, когда Йоссариан спрашивал, что ему снилось.

'Joe, why don't you go see Doc Daneeka?' Yossarian advised.	- Джо, ты бы наведался к доктору Дейнике, -советовал Йоссариан.
'Why should I go see Doc Daneeka?	- Зачем мне к нему наведываться?
I'm not sick.'	Я не больной.

'What about your nightmares?'	- Тебя кошмары не мучат?
'I don't have nightmares,' Hungry Joe lied. 'Maybe he can do something about them.' 'There's nothing wrong with nightmares,' Hungry Joe answered.	- Нет у меня никаких кошмаров, - врал Заморыш Джо.
'Everybody has nightmares.'	- Всем снятся кошмары.
Yossarian thought he had him.	Йоссариану показалось, что он понял его.
'Every night?' he asked.	- Каждую ночь? - спросил он.
'Why not every night?' Hungry Joe demanded.	- А почему бы и не каждую? - отрезал Заморыш Джо.

And suddenly it all made sense.	Внезапно во всем этом появился смысл.
Why not every night, indeed?	В самом деле, почему бы и не каждую ночь?
It made sense to cry out in pain every night.	Изливать каждую ночь в крике свою душевную боль - право же, это не лишено смысла.

It made more sense than Appleby, who was a stickler for regulations and had ordered Kraft to order Yossarian to take his Atabrine tablets on the flight overseas after Yossarian and Appleby had stopped talking to each other.	Во всяком случае, в этом больше смысла, чем в поведении Эпплби, который в тупой приверженности уставам заставил Крафта приказать Йоссариану, чтобы тот перед полетом за океан принял таблетки атабрина. Это случилось после того, как Йоссариан и Эпплби перестали разговаривать друг с другом.

Hungry Joe made more sense than Kraft, too, who was dead, dumped unceremoniously into doom over Ferrara by an exploding engine after Yossarian took his flight of six planes in over the target a second time.	И по сравнению с Крафтом Заморыш Джо тоже оказался умнее: Крафт канул в небытие под Феррарой; он погиб при взрыве одного из двигателей, после того как Йоссариан вторично повел на цель свое звено из шести машин.

The group had missed the bridge at Ferrara again for the seventh straight day with the bombsight that could put bombs into a pickle barrel at forty thousand feet, and one whole week had already passed since Colonel Cathcart had volunteered to have his men destroy the bridge in twenty-four hours.	Семь дней кряду авиаполк мазал по мосту у Феррары, несмотря на то, что прицелы на самолетах гарантировали попадание в бочку из-под огурцов с высоты сорока тысяч футов. А ведь сам полковник Кэткарт, которого никто не тянул за язык, дал слово, что его люди в ближайшие двадцать четыре часа разбомбят мост.

Kraft was a skinny, harmless kid from Pennsylvania who wanted only to be liked, and was destined to be disappointed in even so humble and degrading an ambition. Instead of being liked, he was dead, a bleeding cinder on the barbarous pile whom nobody had heard in those last precious moments while the plane with one wing plummeted.	Крафт был тощий, без- обидный малый из Пенсильвании, но его убили, и кровоточа- щей головешкой, за- прятанной в чудовищ- ную кучу металла, он упал на землю вместе с машиной, потеряв- шей крыло.

He had lived innocuously for a little while and then had gone down in flame over Ferrara on the seventh day, while God was resting, when McWatt turned and Yossarian guided him in over the target on a second bomb run because Aarfy was confused and Yossarian had been unable to drop his bombs the first time.	Он упал в районе Феррары на седьмой день недели, когда господь бог отдыхает. А Макуотт тем временем развернул машину, и Йоссариан вторично повел ее на цель, потому что Аарфи ошибся в расчетах и Йоссариан не смог сбросить бомбы с первого захода.
'I guess we do have to go back again, don't we?' McWatt had said somberly over the intercom.	- Я полагаю, нам надо еще разок зайти, а? - спросил Макуотт по переговорному устройству.
' I guess we do,' said Yossarian.	- По-моему, тоже.

'Do we?' said McWatt.	- Ты уверен? - спросил Макуотт.
' Yeah.'	- Ага.
'Oh, well,' sang McWatt, 'what the hell.'	- Как я рад, как я рад, мы попали к черту в ад! - пропел Макуотт.
And back they had gone while the planes in the other flights circled safely off in the distance and every crashing cannon in the Hermann Goering Division below was busy crashing shells this time only at them.	И они полетели обратно, в то время как машины других звеньев разворачивались вдалеке в полной безопасности, так что теперь каждое изрыгающее смерть орудие дивизии Германа Геринга осыпало снарядами только их самолеты.

Colonel Cathcart had courage and never hesitated to volunteer his men for any target available.	Полковник Кэткарт был человек мужественный и без малейших колебаний сам вызывался посылать своих людей на бомбардировку любых целей.
No target was too dangerous for his group to attack, just as no shot was too difficult for Appleby to handle on the ping-pong table.	Ни один объект не был слишком опасен для его полка, так же, как Эппльби был под силу любой удар в настольном теннисе.
Appleby was a good pilot and a superhuman ping-pong player with flies in his eyes who never lost a point.	Эпплби был хороший летчик, а в настольный теннис играл, как бог. Мушки в глазах не мешали ему выигрывать очко за очком.

Twenty- one serves were all it ever took for Appleby to disgrace another opponent.	Двадцать одна подача - все, что ему было нужно, чтобы повергнуть противника в прах.
His prowess on the ping-pong table was legendary, and Appleby won every game he started until the night Orr got tipsy on gin and juice and smashed open Appleby's forehead with his paddle after Appleby had smashed back each of Orr's first five serves.	Его успехи в настольном теннисе стали легендой. Он выигрывал все встречи подряд, пока однажды вечером Орр, нахлебавшись джину с лимонным соком, не трахнул Эпплби по лбу ракеткой за то, что тот выиграл пять очков с первых пяти подач Орра.

Orr leaped on top of the table after hurling his paddle and came sailing off the other end in a running broad jump with both feet planted squarely in Appleby's face.	Орр швырнул ракетку в Эпплби, а затем вскочил на стол и мощным прыжком сиганул с другого конца стола, угодив обеими подошвами прямо в физиономию Эпплби.
Pandemonium broke loose.	И началась заваруха!

It took almost a full minute for Appleby to disentangle himself from Orr's flailing arms and legs and grope his way to his feet, with Orr held off the ground before him by the shirt front in one hand and his other arm drawn back in a fist to smite him dead, and at that moment Yossarian stepped forward and took Orr away from him.	Эпплби потребовалась добрая минута, чтобы сбросить с себя Орра, который молотил его руками и ногами. Когда Эпплби удалось встать на ноги, Орр ухватил его одной рукой за рубашку, а другой размахнулся, намереваясь вышибить из него дух, но в этот момент вмешался Йоссариан и оттащил Орра.

It was a night of surprises
for Appleby, who was as large as Yossarian and
as strong and who swung at Yossarian as hard as he could with a punch that flooded Chief White Halfoat with such joyous
excitement that he turned and busted Colonel Moodus in the
nose with a punch that filled General Dreedle with such mellow gratification that he had Colonel Cathcart throw the chaplain out of the officers' club and ordered Chief White Halfoat moved into Doc Daneeka's tent, where he could be

Не уступая Йоссариану ни ростом, ни бицепсами, Эпплби двинул его со страшной силой, отчего Вождь Белый Овес почувствовал необычайный прилив радостного возбуждения и, обернувшись, хватил полковника Модэса по госу. Этим он доставил тестю полковника, генералу Дриддлу такое душевное удовлетворение, что генерал приказал Вождю Белый Овес отправиться в палатку к доктору Дейнике и оставаться там под постоянным наблюдением врача для поддержания отличной спортивной формы, чтобы Вождь мог двинуть по

Sometimes General Dreedle made special trips down from Wing Headquarters with Colonel Moodus and his nurse just to have Chief White Halfoat bust his son-in-law in the nose.	Иногда генерал Дридл специально приезжал из штаба авиабригады с полковником Модэсом и своей медсестрой по-любоваться, как Вождь Белый Овес дает по носу его зятю.

Chief White Halfoat would much rather have remained in the trailer he shared with Captain Flume, the silent, haunted squadron public-relations officer who spent most of each evening developing the pictures he took during the day to be sent out with his publicity releases.	Вождь Белый Овес с большим удовольствием жил бы не у доктора Дейники, а в трейлере, который он делил раньше с капитаном Флюмом, молчаливым, усталым офицером службы общественной информации. По вечерам капитан Флюм чаще всего проявлял пленки и печатал фотографии, сделанные днем, чтобы разослать их потом вместе с информационными бюллетенями.

Captain Flume spent as much of each evening as he could working in his darkroom and then lay down on his cot with his fingers crossed and a rabbit's foot around his neck and tried with all his might to stay awake.	Капитан Флюм засиживался допоздна в своей фотолаборатории, а затем укладывался на койку и изо всех сил старался не заснуть. На шею он вешал счастливый талисман - кроличьи лапки - и скрещивал указательный и средний пальцы.
He lived in mortal fear of Chief White Halfoat.	Он смертельно боялся Вождя Белый Овес.
Captain Flume was obsessed with the idea that Chief White Halfoat would tiptoe up to his cot one night when he was sound asleep and slit his throat open for him from ear to ear.	Капитана Флюма преследовала мысль, что однажды ночью, когда он будет спать крепким сном Вождь Белый Овес подкрадется на цыпочках и перережет ему горло от уха до уха.

Captain Flume had obtained this idea from Chief White Halfoat himself, who did tiptoe up to his cot one night as he was dozing off, to hiss portentously that one night when he, Captain Flume, was sound asleep he, Chief White Halfoat, was going to slit his throat open for him from ear to ear.	Эту идею подал капитану Флюму сам Вождь Белый Овес: однажды, когда Флюм засыпал, тот действительно подкрался на цыпочках и зловеще прошипел, что в одну прекрасную ночь, когда Флюм будет крепко спать, он перережет ему горло от уха до уха.
Captain Flume turned to ice, his eyes, flung open wide, staring directly up into Chief White Halfoat's, glinting drunkenly only inches away.	Капитан Флюм похолодел - на него в упор были нацелены пьяные зрачки Вождя Белый Овес. Зрачки мерцали.

'Why?' Captain Flume managed to croak finally.	- Но за что? - только и смог прохрипеть Флюм.
'Why not?' was Chief White Halfoat's answer.	- А просто так, ни за что, - ответил Вождь Белый Овес.
Each night after that, Captain Flume forced himself to keep awake as long as possible.	Каждую ночь после этого капитан Флюм заставлял себя бодрствовать как можно дольше.

He was aided immeasurably by Hungry Joe's nightmares.	Этому способствовали кошмары, мучившие Заморыша Джо.

Listening so intently to Hungry Joe's maniacal howling night after night, Captain Flume grew to hate him and began wishing that Chief White Halfoat would tiptoe up to his cot one night and slit his throat open for him from ear to ear.	Напряженно прислушиваясь к еженощным завываниям Заморыша Джо, капитан Флюм возненавидел его и стал мечтать о том, чтобы Вождь Белый Овес подкрался однажды ночью на цыпочках к койке Джо и перерезал тому горло от уха до уха.
Actually, Captain Flume slept like a log most nights and merely dreamed he was awake.	На самом же деле капитан Флюм большинство ночей дрыхнул без задних ног, и ему только снилось, что он бодрствует.

So convincing were these dreams of lying awake that he woke from them each morning in complete exhaustion and fell right back to sleep.	Эти сны о том, что он будто бы не спит, были настолько убедительны, что он просыпался каждое утро в полном изнеможении и тут же засыпал снова.
Chief White Halfoat had grown almost fond of Captain Flume since his amazing metamorphosis.	Вождь Белый Овес начал проникаться любовью к капитану Флюму за его удивительные превращения.
Captain Flume had entered his bed that night a buoyant extrovert and left it the next morning a brooding introvert, and Chief White Halfoat proudly regarded the new Captain Flume as his own creation.	Вечером капитан Флюм укладывался в постель жизнерадостным гуманистом, а утром просыпался мрачным мизантропом, и Вождь Белый Овес гордился этим новым капитаном Флюмом как творением рук своих.

He had never intended to slit Captain Flume's throat open for him from ear to ear.	Он вовсе и не помышлял о том, чтобы перерезать капитану Флюму горло от уха до уха.
Threatening to do so was merely his idea of a joke, like dying of pneumonia, busting Colonel Moodus in the nose or challenging Doc Daneeka to Indian wrestle.	Когда он грозился сделать это, или умереть от воспаления легких, или вызвать доктора Деннику на индейскую борьбу, или стукнуть полковника Модэса по носу, он просто шутил на свой манер.
All Chief White Halfoat wanted to do when he staggered in drunk each night was go right to sleep, and Hungry Joe often made that impossible.	Единственное, чего желал Вождь Белый Овес, когда изрядно поднабирался вечером, - поскорее лечь спать, но из-за Заморыша Джо это частенько оказывалось невозможным.

Hungry Joe's nightmares gave Chief White Halfoat the heebie-jeebies, and he often wished that someone would tiptoe into Hungry Joe's tent, lift Huple's cat off his face and slit his throat open for him from ear to ear, so that everybody in the squadron but Captain Flume could get a good night's sleep.	Кошмары Заморыша Джо доводили Вождя Белый Овес до белого каления. Нередко ему хотелось, чтобы кто-нибудь пробрался на цыпочках в палатку Заморыша Джо и перерезал тому горло от уха до уха. Тогда бы вся эскадрилья, за исключением капитана Флюма, могла спокойно спать по ночам.
Even though Chief White Halfoat kept busting Colonel Moodus in the nose for General Dreedle's benefit, he was still outside the pale.	Хотя Вождь Белый Овес продолжал на радость генералу Дридлу регулярно бить по носу полковника Модэса, он все-таки не мог попасть в число любимчиков начальства.

Also outside the pale was Major Major, the squadron commander, who had found that out the same time he found out that he was squadron commander from Colonel Cathcart, who came blasting into the squadron in his hopped-up jeep the day after Major Duluth was killed over Perugia.	И командир эскадрильи майор Майор тоже не мог попасть в их число. Майор понял это, когда узнал, что назначен командиром эскадрильи. Эту новость объявил полковник Кэткарт, примчавшись в своем прыгающем козлом джипе на следующий день после того, как над Перуджей был убит майор Дулут.

Colonel Cathcart slammed to a screeching stop inches short of the railroad ditch separating the nose of his jeep from the lopsided basketball court on the other side, from which Major Major was eventually driven by the kicks and shoves and stones and punches of the men who had almost become his friends.	Полковник Кэткарт со скрежетом затормозил свой джип в нескольких дюймах от края железнодорожной выемки. По другую сторону выемки находилась покатая баскетбольная площадка, где майор Майор бегал с мячом в компании офицеров и рядовых, с которыми почти успел подружиться.
'You're the new squadron commander,' Colonel Cathcart had bellowed across the ditch at him.	- Вы назначены новым командиром эскадрильи! -объявил ему тогда полковник Кэткарт.

'But don't think it means anything, because it doesn't.	- Только не воображайте, что это что-то значит. Это ничего не значит.
All it means is that you're the new squadron commander.'	Это значит лишь то, что Вы - новый командир эскадрильи.
And Colonel Cathcart had roared away as abruptly as he'd come, whipping the jeep around with a vicious spinning of wheels that sent a spray of fine grit blowing into Major Major's face.	Круто развернув машину и отбросив бешено крутящимися колесами струю мелкого гравия в лицо майору Майору, полковник Кэткарт укатил так же внезапно, как приехал.
Major Major was immobilized by the news.	От услышанной новости майор Майор окаменел.

He stood speechless, lanky
and gawking, with a scuffed basketball in his long hands as the seeds of rancor sown so swiftly by Colonel Cathcart took root in the soldiers around him who had been playing basketball with
him and who had let him come as close to making friends with them as anyone had ever let him come before. The whites of his moony eyes grew large and misty as his mouth struggled yearningly and lost against the familiar, impregnable loneliness drifting in around him again like suffocating fog. Like all the other officers at Group

Он стоял разинув рот, безмолвный, неуклюжий, с потертым баскетбольным мячом в худых руках. А между тем семена зла, за один миг посеянные полковником Кэткартом, уже пустили корни в душах солдат, только что дружески игравших в баскетбол с майором Майором... Подобно всем прочим офицерам штаба авиаполка, за исключением майора Дэнби, полковник Кэткарт был преисполнен демократического духа: он верил, что все люди рождены равными, и по-

Nevertheless, he believed in his men.	Тем не менее он верил в своих людей.
As he told them frequently in the briefing room, he believed they were at least ten missions better than any other outfit and felt that any who did not share this confidence he had placed in them could get the hell out.	По его словам, они по крайней мере на десять боевых заданий были лучше, чем летчики любой другой части, а те, кто считал иначе, могли убираться ко всем чертям.

The only way they could get the hell out, though, as Yossarian learned when he flew to visit ex-P.F.C. Wintergreen, was by flying the extra ten missions.	Однако, как узнал Йоссариан при первой встрече с экс-рядовым первого класса Уинтергрином, единственный способ убраться ко всем чертям заключался в том, чтобы налетать дополнительно десять боевых заданий.
'I still don't get it,' Yossarian protested. 'Is Doc Daneeka right or isn't he?'	- Я все-таки не понимаю, - горячился Йоссариан, -прав доктор Дейника или нет?
'How many did he say?'	- А сколько, он сказал, нужно заданий?
' Forty.'	- Сорок.

'Daneeka was telling the truth,' ex-P.F.C. Wintergreen admitted.	- Дейника говорит правду, - подтвердил Уинтергрин.
'Forty missions is all you have to fly as far as Twenty-seventh Air Force Headquarters is concerned.'	- Сорок заданий - это все, что требуется налетать, во всяком случае у нас, в двадцать седьмой воздушной армии.
Yossarian was jubilant.	Йоссариан просиял.
' Then I can go home, right?	- Значит, я могу отправляться домой, а?
I've got forty-eight.'	У меня сорок восемь.
'No, you can't go home,' ex-P.F.C. Wintergreen corrected him.	- Нет, ты не можешь отправляться домой, - возразил Уинтергрин.

'Are you crazy or something?' 'Why not?'	- Ты что, психопат или что-нибудь в этом роде? -Ну, а если психопат?
'Catch-22.' 'Catch-22?' Yossarian was stunned.	- Сразу видно: плохо ты знаешь "уловку двадцать два".

'What the hell has Catch-22 got to do with it?' 'Catch-22,' Doc Daneeka answered patiently, when Hungry Joe had flown Yossarian back to Pianosa, 'says you've always got to do what your commanding officer tells you to.' 'But Twenty-seventh Air Force says I can go home with forty missions.' 'But they don't say you have to go home. And regulations do say you have to obey every order. That's the catch. Even if the colonel were disobeying a Twenty-seventh Air Force order by making you fly more missions, you'd still have to fly them, or you'd be guilty of disobeying an order of his. And then Twenty-seventh Air Force Headquarters	Когда Заморыш Джо доставил Йоссариана обратно на Пьяносу, тот снова обратился за разъяснением к доктору Дейнтое.

'Then I really have to fly the fifty missions, don't I?' he grieved.	- Выходит, я действительно обязан налетать пятьдесят боевых заданий, так, что ли?
' The fifty-five,' Doc Daneeka corrected him.	- Пятьдесят пять, - уточнил доктор.
'What fifty-five?'	- Какие еще пятьдесят пять?
'The fifty-five missions the colonel now wants all of you to fly.'	- Теперь полковник хочет, чтобы все выполнили по пятьдесят пять заданий.
Hungry Joe heaved a huge sigh of relief when he heard Doc Daneeka and broke into a grin.	Заморыш Джо громко, с облегчением вздохнул и расплылся в улыбке.

Yossarian grabbed Hungry Joe by the neck and made him fly them both right back to ex-P.F.C. Wintergreen.	Йоссариан схватил Заморыша Джо за глотку и заставил его лететь обратно к Уинтергрину.
'What would they do to me,' he asked in confidential tones, 'if I refused to fly them?'	- А что мне сделают, - спросил Йоссариан доверительным тоном, - если я откажусь налетать эти дополнительные задания?
'We'd probably shoot you,' ex-P.F.C. Wintergreen replied.	- Вероятнее всего, мы вас расстреляем, - ответил экс-рядовой первого класса Уинтергрин.
' We?' Yossarian cried in surprise.	- Мы? - воскликнул изумленный Йоссариан.
'What do you mean, we?	- В каком это смысле "мы"?

Since when are you on their side?'	С каких это пор ты на их стороне?
'If you're going to be shot, whose side do you expect me to be on?' ex-P.F.C. Wintergreen retorted.	- Если ты хочешь быть расстрелянным, то на чьей стороне, по-твоему, должен быть я? - сказал Уинтергрин.
Yossarian winced.	Йоссариан растерянно захлопал глазами. Полковник Кэткарт снова обвел его вокруг пальца.

Colonel Cathcart had raised him again. McWatt Ordinarily, Yossarian's pilot was McWatt, who, shaving in loud red, clean pajamas outside his tent each morning, was one of the odd, ironic, incomprehensible things surrounding Yossarian. McWatt was the craziest combat man of them all probably, because he was perfectly sane and still did not mind the war.	7. Макуотт Обычно пилотом Йоссариана был Макуотт. Йоссари- ан считал его самым ненормальным летчи- ком во всей эскадри- лье, потому что Маку- отт был полностью в своем уме и тем не ме- нее охотно участвовал в военных действиях.

He was a short-legged, wide-shouldered, smiling young soul who whistled bouncy show tunes continuously and turned over cards with sharp snaps when he dealt at blackjack or poker until Hungry Joe disintegrated into quaking despair finally beneath their cumulative impact and began ranting at him to stop snapping the cards.	Этот коротконогий, широкоплечий, улыбчивый парень постоянно насвистывал веселые эстрадные мотивчики. Играя в покер, или в очко, он громко щелкал картами по столу и этим доводил Заморыша Джо до истерики.
'You son of a bitch, you only do it because it hurts me,' Hungry Joe would yell furiously, as Yossarian held him back soothingly with one hand.	- Сукин ты сын! Ведь ты щелкаешь нарочно, только потому, что меня это бесит! - свирепо орал Заморыш Джо. Тогда Йоссариан клал ему руку на плечо и заставлял угомониться.

'That's the only reason he does it, because he likes to hear me scream- you goddam son of a bitch!' McWatt crinkled his fine, freckled nose apologetically and vowed not to snap the cards any more, but always forgot. McWatt wore fleecy bedroom slippers with his red pajamas and slept between freshly pressed colored bedsheets like the one Milo had retrieved half of for him from the grinning thief with the sweet tooth in exchange for none of the pitted dates Milo had borrowed	- Он мне назло это делает, чтобы завести меня. Проклятый сукин сын! Макуотт виновато морщил прямой веснушчатый нос и клялся, что больше никогда не будет щелкать картами, но постоянно забывал и снова щелкал. Макуотт носил ворсистые шлепанцы, ярко-красную пижаму и спал на свежевыглаженных цветных простынях. Половину одной такой простыни ему как-то раз вернул Милоу. Милоу обнаружил ее у хихикающего воришки и уговорил его отдать добычу обмен на финики, взятые в долг у Йоссариана. Похититель оказался сластеной и на сделку согласился. Впрочем, фиников он так и не полу-

But McWatt was never as impressed with Milo as Milo had been with the letter Yossarian had obtained for his liver from Doc Daneeka.	Однако впечатление, которое произвел на Макуотта Милоу, не шло ни в какое сравнение с тем впечатлением, которое произвела на Милоу записка доктора Дейники, касавшаяся Йоссариана.
'What's this?' Milo had cried out in alarm, when he came upon the enormous corrugated carton filled with packages of dried fruit and cans of fruit juices and desserts that two of the Italian laborers Major-de Coverley had kidnaped for his kitchen were about to carry off to Yossarian's tent.	- Это еще что такое?! - встревоженно закричал Милоу, когда увидел, как два итальянца, работавшие на кухне, намереваются отнести в палатку Йоссариана большую картонную коробку с пакетами сухофруктов и банками фруктового сока.

'This is Captain Yossarian, sir,' said Corporal Snark with a superior smirk.	- Это для капитана Йоссариана, сэр, - с высокомерной ухмылкой сказал капрал Снарк.
Corporal Snark was an intellectual snob who felt he was twenty years ahead of his time and did not enjoy cooking down to the masses.	Капрал был интеллигентом и снобом.
'He has a letter from Doc Daneeka entitling him to all the fruit and fruit juices he wants.'	- У него есть письменное разрешение от доктора Дейники, дающее ему право получать с кухни любые фрукты и фруктовые соки, какие он только захочет.
'What's this?' cried out Yossarian, as Milo went white and began to sway.	- Это еще что такое?! - закричал возмущенный Йоссариан так, что Милоу побелел.

'This is Lieutenant Milo Minderbinder, sir,' said Corporal Snark with a derisive wink.	- Это - лейтенант Милоу Миндербиндер, сэр, -сказал капрал Снарк, насмешливо щурясь.
' One of our new pilots.	- Один из наших новых пилотов.
He became mess officer while you were in the hospital this last time.'	Пока вы находились в госпитале, его назначили начальником офицерской столовой.
'What's this?' cried out McWatt, late in the afternoon, as Milo handed him half his bedsheet.	- Это еще что такое?! - точно так же закричал Макуотт много позже, когда Милоу вручил ему половину его простыни.

'It's half of the bedsheet that was stolen from your tent this morning,' Milo explained with nervous self-satisfaction, his rusty mustache twitching rapidly.	- Это половина простыни, которую украли сегодня утром из вашей палатки, - объяснил Милоу, слегка волнуясь. При этом его усики цвета ржавчины быстро-быстро задергались.
'I'll bet you didn't even know it was stolen.'	- Г отов биться об заклад, что вы даже не заметили пропажи.
'Why should anyone want to steal half a bedsheet?' Yossarian asked.	- Кому могла понадобиться половина простыни? -спросил Йоссариан.
Milo grew flustered.	Милоу разволновался не на шутку.
' You don't understand,' he protested.	- Вы не понимаете! - запротестовал он.

And Yossarian also did not understand why Milo needed so desperately to invest in the letter from Doc Daneeka, which came right to the point.	Йоссариан не понимал еще и другого: зачем Милоу придирается к записке доктора Дейники, в которой все сказано с предельной ясностью:
'Give Yossarian all the dried fruit and fruit juices he wants,' Doc Daneeka had written.	"Отпускайте Йоссариану любые сухофрукты и фруктовые соки, какие он пожелает.
'He says he has a liver condition.'	Он говорит, что у него больная печень".

'A letter like this,' Milo mumbled despondently, 'could ruin any mess officer in the world.' Milo had come to Yossarian's tent just to read the letter again, following his carton of lost provisions across the squadron like a mourner.	- Такая записочка. - грустно пробормотал Милоу,- может пустить по миру любого начальника офицерской столовой. Милоу был похож на безутешную вдову, когда шел через все расположение эскадрильи, сопровождая в последний путь картонную коробку с потерянными для него продуктами. Милоу пришел в палатку Йоссариана специально для того, чтобы еще раз прочесть записку доктора Дейники.
'I have to give you as much as you ask for.	- Я обязан вам выдавать столько, сколько вы попросите.

Why, the letter doesn't even say you have to eat all of it yourself.'	Но почему в записке не говорится, что вы обязаны все это съесть сами?
'And it's a good thing it doesn't,' Yossarian told him, 'because I never eat any of it.	- И очень хорошо, что не говорится, - сказал Йоссариан, - потому что я вообще это все в рот не беру.
I have a liver condition.'	У меня же печень не в порядке.
'Oh, yes, I forgot,' said Milo, in a voice lowered deferentially.	- Ах да, я и забыл, - сочувственно сказал Милоу.
' Is it bad?'	- Это, наверное, плохо?
'Just bad enough,' Yossarian answered cheerfully.	- Довольно-таки плохо, - весело ответил Йоссариан.
' I see,' said Milo.	- Понимаю, - сказал Милоу.

'What does that mean?'	- Но что значит "довольно-таки плохо"?
' It means that it couldn't be better...'	- Это значит, что лучше - вряд ли будет...
'I don't think I understand.' '...without being worse.	- Простите, я, кажется, не совсем вас понимаю. -...а хуже стать может.

Now do you see?'	Теперь вам ясно?
' Yes, now I see.	- Теперь ясно.
But I still don't think I understand.'	Но я все же не совсем понимаю.
'Well, don't let it trouble you.	- Пусть вас это не беспокоит.
Let it trouble me.	Пусть уж это будет моей заботой.

You see, I don't really have a liver condition.	У меня, видите ли, собственно говоря, нет никакого заболевания печени.
I've just got the symptoms.	У меня только симптомы этого заболевания.
I have a Garnett-Fleischaker syndrome.'	Так называемый синдром Гернета-Флейшакера, вот что у меня.
' I see,' said Milo.	- Ясно, - сказал Милоу.
' And what is a Garnett-Fleischaker syndrome?'	- А что это такое "синдром Гернета-Флейшакера"?
'A liver condition.'	- Заболевание печени.

'I see,' said Milo, and began massaging his black eyebrows together wearily with an expression of interior pain, as though waiting for some stinging discomfort he was experiencing to go away.	- Ясно, - сказал Милоу и сдвинул свои черные брови с выражением внутренней боли.
'In that case,' he continued finally, 'I suppose you do have to be very careful about what you eat, don't you?.	- В таком случае, - промолвил он, помолчав, - я полагаю, что вам следует быть весьма осторожным в выборе пищи для себя.
' Very careful indeed,' Yossarian told him.	- Это верно, - сказал Йоссариан.

'A good Garnett-Fleischaker syndrome isn't easy to come by, and I don't want to ruin mine.	- Настоящий синдром Гернета-Флейшакера вылечить не так-то просто, и я не собираюсь губить свой синдром.
That's why I never eat any fruit.'	Вот почему я никогда не ем никаких фруктов.
'Now I do see,' said Milo. 'Fruit is bad for your liver?'	- Ага, теперь мне ясно, - сказал Милоу, - фрукты вредны для вашей печени.
'No, fruit is good for my liver.	- Нет, фрукты как раз полезны для моей печени.
That's why I never eat any.'	Потому-то я их никогда и не ем.

'Then what do you do with it?' demanded Milo, plodding along doggedly through his mounting confusion to fling out the question burning on his lips. 'Do you sell it?'	- В таком случае что же вы с ними делаете? -по-интересовался Милоу и, отчаянным усилием преодолев смущение, выпалил вопрос, вертевшийся у него на кончике языка: - Вы их продаете?
' I give it away.'	- Я их отдаю.
'To who?' cried Milo, in a voice cracking with dismay.	- Кому? - испуганно вскрикнул Милоу.
'To anyone who wants it,' Yossarian shouted back.	- Любому, кто захочет! - гаркнул в ответ Йоссариан.

Milo let out a long, melancholy wail and staggered back, beads of perspiration popping out suddenly all over his ashen face.	Милоу испустил протяжный скорбный вопль и отпрянул от Йоссариана. Лицо его посерело и покрылось испариной.

He tugged on his unfortunate mustache absently, his whole body trembling.	Дрожа всем телом, он рассеянно подергал усы.
'I give a great deal of it to Dunbar,' Yossarian went on. ' Dunbar?' Milo echoed numbly.	- Большую часть я отдаю Данбэру, - продолжал Йоссариан. - Данбэру? - с трудом ворочая языком, переспросил Милоу.
'Yes.	- Ага.

Dunbar can eat all the fruit he wants and it won't do him a damned bit of good.	Данбэр может есть любые фрукты в любом количестве, и от этого ему нисколько не становится лучше.
I just leave the carton right out there in the open for anyone who wants any to come and help himself.	Я оставляю коробку прямо здесь, открытой. Всякий, кто хочет, может подойти и взять.
Aarfy comes here to get prunes because he says he never gets enough prunes in the mess hall.	Аарфи захаживает сюда за черносливом, потому что, как он говорит, в столовой чернослива не допросишься.

You might look into that when you've got some time because it's no fun having Aarfy hanging around here.	Когда у вас будет время, поинтересуйтесь этим вопросом, потому что мне не доставляет удовольствия видеть, как Аарфи околачивается у моей палатки.
Whenever the supply runs low I just have Corporal Snark fill me up again.	Ну а когда запас кончается, я прошу капрала Снарка снова пополнить коробку.
Nately always takes a whole load of fruit along with him whenever he goes to Rome.	Нейтли, когда отправляется в Рим, тоже прихватывает с собой фруктов.
He's in love with a whore there who hates me and isn't at all interested in him.	Он там влюблен в одну шлюху, которая нисколько не интересуется им.

She's got a kid sister who never leaves them alone in bed together, and they live in an apartment with an old man and woman and a bunch of other girls with nice fat thighs who are always kidding around also. Nately brings them a whole cartonful every time he goes.'	У этой красотки целая орава подружек, они по-стоянно крутятся вокруг Нейтли, и он им всегда привозит фрукты.
' Does he sell it to them?'	- Он продает им фрукты?
'No, he gives it to them.'	- Нет, так дает.
Milo frowned.	Милоу нахмурился.

'Well, I suppose that's very generous of him,' he remarked with no enthusiasm.	- М-да, я полагаю, что это весьма великодушно с его стороны, - заметил он без особого воодушевления.
'Yes, very generous,' Yossarian agreed.	- Да, весьма, - согласился Йоссариан.
'And I'm sure it's perfectly legal,' said Milo, 'since the food is yours once you get it from me.	- И главное, я убежден, что это - абсолютно законная операция, - сказал Милоу. - Ведь после того как вы получили эти продукты от меня, они принадлежат вам.
I suppose that with conditions as hard as they are, these people are very glad to get it.'	Если учесть, что положение с продовольствием тяжелое, я полагаю, эти люди весьма рады таким подаркам.
' Yes, very glad,' Yossarian assured him.	- Ужасно рады, - заверил его Йоссариан.

'The two girls sell it all on the black market and use the money to buy flashy costume jewelry and cheap perfume.'	- Две девки сразу подхватывают ящик, относят его на черный рынок и распродают все дочиста, а потом на вырученные деньги покупают всякие бусы, брошки, побрякушки и дешевые духи.
Milo perked up.	Милоу заметно оживился.
' Costume jewelry!' he exclaimed.	- Бусы и брошки!
' I didn't know that.	Этого я не знал!

How much are they paying for cheap perfume?' 'The old man uses his share to buy raw whiskey and dirty pictures. He's a lecher.' 'A lecher?' 'You'd be surprised.' 'Is there much of a market in Rome for dirty pictures?' Milo asked. 'You'd be surprised. Take Aarfy, for instance. Knowing him, you'd never suspect, would you?' 'That he's a lecher?' 'No, that he's a navigator. You know Captain Aardvaark, don't you? He's that nice guy who came up to you your first day in the squadron and said, "Aardvaark's my	А сколько там стоит всякая такая галантерея?..

'Let me be your partner,' he blurted out imploringly.	Возьмите меня в партнеры! - выпалил он. В глазах его была мольба.
Yossarian turned him down, even though he had no doubt that the truckloads of fruit would be theirs to dispose of any way they saw fit once Yossarian had requisitioned them from the mess hall with Doc Daneeka's letter.	Йоссариан отверг это предложение, хотя ни секунды не сомневался, что, с помощью записки доктора Дейники получая в офицерской столовой целые грузовики фруктов, они с Милоу смогли бы распорядиться ими наилучшим образом.

Milo was crestfallen, but from that moment on he trusted Yossarian with every secret but one, reasoning shrewdly that anyone who would not steal from the country he loved would not steal from anybody.	Милоу был чрезвычайно огорчен отказом Йоссариана, но с тех пор поверял Йоссариану все свои секреты, проницательно полагая, что человек, не способный обкрадывать любимое отечество, не способен обокрасть и отдельного гражданина.

Milo trusted Yossarian with every secret but the location of the holes in the hills in which he began burying his money once he returned from Smyrna with his planeload of figs and learned from Yossarian that a C.I.D. man had come to the hospital.	Милоу поведал Йоссариану все свои секреты, кроме одного - местонахождения тайников, которые он вырыл в холме и куда начал прятать денежки, после того как однажды, вернувшись из Смирны с самолетом, полным инжира, узнал от Йоссариана, что в госпиталь приходил сотрудник контрразведки.
To Milo, who had been gullible enough to volunteer for it, the position of mess officer was a sacred trust.	Для Милоу, который по простоте душевной добровольно взял на себя обязанности начальника офицерской столовой, его новая должность была священной.

'I didn't even realize we weren't serving enough prunes,' he had admitted that first day.	- Я даже не подозревал, что мы подаем офицерам мало чернослива, - признался он в первый же день.
'I suppose it's because I'm still so new.	- Я думаю, это оттого, что мне еще не хватает опыта.

I'll raise the question with my first chef.'	Я поговорю об этом с моим шеф-поваром.
Yossarian eyed him sharply.	Йоссариан бросил на него злой взгляд.
'What first chef?' he demanded.	- С каким еще шеф-поваром? - сурово спросил он.
' You don't have a first chef.'	- Нет у вас никакого шеф-повара.

'Corporal Snark,' Milo explained, looking away a little guiltily. 'He's the only chef I have, so he really is my first chef, although I hope to move him over to the administrative side.	- Капрал Снарк, - объяснил Милоу, - он у меня единственный повар, так что я могу его считать своим шеф-поваром, хотя и собираюсь перебросить его на чисто административную работу.
Corporal Snark tends to be a little too creative, I feel.	Капрал Снарк, видите ли, натура, пожалуй, слишком творческая.
He thinks being a mess sergeant is some sort of art form and is always complaining about having to prostitute his talents.	Он полагает, что работа в столовой - это своего рода искусство, и постоянно жалуется, что вынужден проституировать свой талант.

Nobody is asking him to do any such thing!	Никто не требует от него таких жертв!
Incidentally, do you happen to know why he was busted to private and is only a corporal now?'	Кстати, вы, случайно, не знаете, почему его запихнули в рядовые и он всего-навсего капрал?
'Yes,' said Yossarian.	- Знаю, - сказал Йоссариан.
'He poisoned the squadron.'	- Он отравил всю нашу эскадрилью.
Milo went pale again.	Милоу снова побледнел:
' He did what?'	- Что он сделал?

'He mashed hundreds of cakes of GI soap into the sweet potatoes just to show that people have the taste of Philistines and don't know the difference between good and bad.	- Он намешал в картофельное пюре несколько сот кусков солдатского мыла, желая доказать, что военные - это каннибалы, не способные отличить изысканное блюдо от явной дряни.
Every man in the squadron was sick.	Весь состав эскадрильи маялся животами.
Missions were canceled.'	Боевые операции были отменены.
'Well!' Milo exclaimed, with thin-upped disapproval.	- Ну и ну! - поджал губы Милоу.
'He certainly found out how wrong he was, didn't he?'	- Надеюсь, он осознал, что поступил дурно?

' On the contrary,' Yossarian corrected.	- Наоборот.
'He found out how right he was.	Он убедился, что был прав.
We packed it away by the plateful and clamored for more.	Мы уплетали это пюре целыми тарелками и требовали добавки.
We all knew we were sick, but we had no idea we'd been poisoned.'	Мы все чувствовали, что заболели, но мы и понятия не имели, что отравлены.
Milo sniffed in consternation twice, like a shaggy brown hare.	Милоу фыркнул от возмущения.

'In that case, I certainly do want to get him over to the administrative side.	- В таком случае я обязательно переведу этого человека на административную работу.
I don't want anything like that happening while I'm in charge.	Я не желаю, чтобы подобные вещи происходили в то время, как я заведую офицерской столовой.

You see,' he confided earnestly, 'what I hope to do is give the men in this squadron the best meals in the whole world.	Видите ли, - признался он серьезно, - я намерен обеспечить личный состав этой эскадрильи самым лучшим питанием в мире.
That's really something to shoot at, isn't it?	Это действительно достойная цель, ведь верно?

If a mess officer aims at anything less, it seems to me, he has no right being mess officer.	Если начальник столовой ставит перед собой иную, более скромную цель, то, мне кажется, он не имеет права вообще занимать свою должность.
Don't you agree?'	Не правда ли?
Yossarian turned slowly to gaze at Milo with probing distrust.	Йоссариан медленно повернулся к Милоу и уставился на него недоверчивым, испытующим взглядом.

He saw a simple, sincere face that was incapable of subtlety or guile, an honest, frank face with disunited large eyes, rusty hair, black eyebrows and an unfortunate reddish-brown mustache.	Он увидел простое, дышащее искренностью лицо человека, не способного на хитрость и коварство, честное открытое лицо с большими глазами, косящими в разные стороны, рыжеватую шевелюру, черные брови и рыже-каштановые усы.
Milo had a long, thin nose with sniffing, damp nostrils heading sharply off to the right, always pointing away from where the rest of him was looking.	У Милоу был длинный тонкий нос с принюхивающимися влажными ноздрями, причем казалось, что нос его всегда повернут не в ту сторону, куда смотрит его хозяин.

It was the face of a man of hardened integrity who could no more consciously violate the moral principles on which his virtue rested than he could transform himself into a despicable toad.	Это было лицо человека с цельной душой, для которого сознательно изменить своим моральным принципам - гранитному фундаменту всех добродетелей - так же невозможно, как превратиться в гнусную жабу.
One of these moral principles was that it was never a sin to charge as much as the traffic would bear.	Один из этих моральных принципов заключался в том, что в торговой сделке не грешно запрашивать максимальную цену.

He was capable of mighty paroxysms of righteous indignation, and he was indignant as could be when he learned that a C.I.D. man was in the area looking for him.	Он был способен на бурные вспышки благородного негодования, и такая вспышка произошла, когда он узнал, что приходил контрразведчик и разыскивал его.
'He's not looking for you,' Yossarian said, trying to placate him. 'He's looking for someone up in the hospital who's been signing Washington Irving's name to the letters he's been censoring.'	- Он не вас разыскивал, - сказал Йоссариан, пытаясь успокоить Милоу, - он искал в госпитале какого-то человека, который, просматривая письма, подписывал их именем "Вашингтон Ирвинг".

'I never signed Washington Irving's name to any letters,' Milo declared.	- Я никогда не подписываю своих писем именем "Вашингтон Ирвинг", - торжественно объявил Милоу.
' Of course not.'	- Разумеется, не подписываете.
'But that's just a trick to get me to confess I've been making money in the black market.' Milo hauled violently at a disheveled hunk of his off-colored mustache.	- Это трюк! Они хотят заставить меня признаться, что я зарабатываю на черном рынке! - дико взвыл Милоу, топорща свои выцветшие усы.
' I don't like guys like that.	- Не люблю я этих типов.

Always snooping around people like us.	Вечно они суют свой нос в дела таких честных людей, как мы с вами.
Why doesn't the government get after ex-P.F.C. Wintergreen, if it wants to do some good?	Почему государство не займется экс-рядовым первого класса Уинтер грином, если оно действительно хочет навести порядок?
He's got no respect for rules and regulations and keeps cutting prices on me.'	Этот человек нарушает правила и уставы и постоянно сбивает мне цены.
Milo 's mustache was unfortunate because the separated halves never matched.	Усам Милоу не везло - никак не удавалось ровно подстричь обе их половинки.

They were like Milo 's disunited eyes, which never looked at the same thing at the same time.	Усы напоминали неспаренные глаза Милоу, которые не могли одновременно смотреть на один и тот же предмет.
Milo could see more things than most people, but he could see none of them too distinctly.	Милоу видел больше, чем видело большинство людей, но не слишком отчетливо.
In contrast to his reaction to news of the C.I.D. man, he learned with calm courage from Yossarian that Colonel Cathcart had raised the number of missions to fifty-five.	Если на известие о визите контрразведчика Милоу реагировал весьма бурно, то сообщение Йоссариана о том, что полковник Кэткарт увеличил норму боевых вылетов до пятидесяти пяти, он воспринял исключительно спокойно, и мужественно.
'We're at war,' he said.	- Что ж, мы на войне, - сказал он.

'And there's no use complaining about the number of missions we have to fly.	- И нечего жаловаться на количество боевых заданий.
If the colonel says we have to fly fifty-five missions, we have to fly them.'	Если полковник говорит, что мы обязаны налетать пятьдесят пять боевых заданий, значит, мы обязаны это сделать.
'Well, I don't have to fly them,' Yossarian vowed.	- Ну а я не обязан, - твердо заявил Йоссариан.
' I'll go see Major Major.'	- Пойду поговорю с майором Майором.
'How can you?	- Как это вам удастся?
Major Major never sees anybody.'	Майор Майор никого не принимает.
' Then I'll go back into the hospital.'	- Ну тогда я снова лягу в госпиталь.

'You just came out of the hospital ten days ago,' Milo reminded him reprovingly.	- Вы только вышли из госпиталя, каких-нибудь десять дней назад, - с упреком напомнил ему Милоу.
'You can't keep running into the hospital every time something happens you don't like.	- Нельзя же убегать в госпиталь всякий раз, когда вам что-то не нравится.
No, the best thing to do is fly the missions. It's our duty.'	Нет-нет, наш долг - выполнять боевые задания. И это самое лучшее, что мы можем сделать.

Milo had rigid scruples that would not even allow him to borrow a package of pitted dates from the mess hall that day of McWatt's stolen bedsheet, for the food at the mess hall was all still the property of the government.	В тот день, когда у Макуотта украли простыню, Милоу, человек с неподкупной совестью, не позволил себе взять даже взаимообразно коробку с финиками из офицерской столовой: ведь продовольственные запасы столовой это собственность правительства Соединенных Штатов.

'But I can borrow it from you,' he explained to Yossarian, 'since all this fruit is yours once you get it from me with Doctor Daneeka's letter.	- Но я могу взять в долг коробку с финиками у вас, пояснил он Йоссариану, - поскольку все эти фрукты принадлежат вам, раз вы получаете их от меня по записке доктора Денники.

You can do whatever you want to with it, even sell it at a high profit instead of giving it away free.	Вы можете делать с ними все, что угодно, даже продать их с большой выгодой, вместо того чтобы раздавать их задаром.
Wouldn't you want to do that together?'	Может быть, будем действовать сообща?
'No.'	- Нет, не будем.
Milo gave up.	Милоу не решился настаивать.
'Then lend me one package of pitted dates,' he requested.	- Тогда одолжите мне коробку фиников, -попросил он.
' I'll give it back to you.	- Я верну.
I swear I will, and there'll be a little something extra for you.'	Клянусь: верну, и даже с небольшими процентами.

Milo proved good as his word and handed Yossarian a quarter of McWatt's yellow bedsheet when he returned with the unopened package of dates and with the grinning thief with the sweet tooth who had stolen the bedsheet from McWatt's tent.	Милоу сдержал слово и, вернувшись с нераспечатанной коробкой фиников и хихикающим воришкой, который стянул простыню из палатки Макуотта, вручил Йоссариану четверть желтой простыни Макуотта.
The piece of bedsheet now belonged to Yossarian.	Теперь этот кусок простыни переходил в собственность Йоссариана.
He had earned it while napping, although he did not understand how.	Он заработал его не ударив палец о палец, хотя и не понимал, каким образом это получилось.
Neither did McWatt.	Макуотт тоже ровным счетом ничего не понял.

'What's this?' cried McWatt, staring in mystification at the ripped half of his bedsheet.	- Это еще что такое?! - закричал Макуотт, озадаченно уставясь на половину простыни.
'It's half of the bedsheet that was stolen from your tent this morning,' Milo explained.	- Это половина простыни, которую украли сегодня утром из вашей палатки, - объяснил Милоу.
'I'll bet you didn't even know it was stolen.'	- Г отов биться об заклад, что вы даже не заметили пропажи.
'Why should anyone want to steal half a bedsheet?' Yossarian asked.	- Кому могла понадобиться половина простыни? -спросил Йоссариан.
Milo grew flustered. 'You don't understand,' he protested.	- Вы не понимаете! - взволнованно запротестовал Милоу.

'He stole the whole bedsheet, and I got it back with the package of pitted dates you invested.	- Он украл целую простыню, а я возвращаю ее обратно с коробкой фиников, которые были вашим вкладом в торговую операцию.
That's why the quarter of the bedsheet is yours.	Вот почему четверть простыни ваша.
You made a very handsome return on your investment, particularly since you've gotten back every pitted date you gave me.'	Вы получили очень недурственную прибыль на вложенный капитал, особенно если принять во внимание, что вам возвращены все ваши финики до одного.

Milo next addressed himself to McWatt.	Затем Милоу обратился к Макуотту:

'Half the bedsheet is yours because it was all yours to begin with, and I really don't understand what you're complaining about, since you wouldn't have any part of it if Captain Yossarian and I hadn't intervened in your behalf.'	- Вы получаете половину, потому что именно вы были владельцем целой простыни. И право же, вам не на что жаловаться: не вмешайся мы с капитаном Йоссарианом, вы вообще ничего не получили бы.
'Who's complaining?' McWatt exclaimed. 'I'm just trying to figure out what I can do with half a bedsheet.'	- Никто и не жалуется, - воскликнул Макуотт, - я просто стараюсь сообразить, что мне делать с половиной простыни.

'There are lots of things you can do with half a bedsheet,' Milo assured him.	- О, с половиной простыни вы можете делать что хотите! - заверил его Милоу.
'The remaining quarter of the bedsheet I've set aside for myself as a reward for my enterprise, work and initiative.	- Четвертушку простыни я оставил для себя как премию за мою инициативу, предприимчивость и проделанную работу.
It's not for myself, you understand, but for the syndicate.	Как вы понимаете, не для себя лично, а для синдиката.
That's something you might do with half the bedsheet.	Это же вы можете сделать со своей половинкой простыни.

You can leave it in the syndicate and watch it grow.'	Передайте ее синдикату и увидите, как ваш вклад будет обрастать процентами.
' What syndicate?'	- О каком синдикате вы говорите?
'The syndicate I'd like to form someday so that I can give you men the good food you deserve.'	- О синдикате, который я мечтаю основать в один прекрасный день, чтобы обеспечить вас, господа, высококачественным питанием, которого вы заслуживаете.
'You want to form a syndicate?'	- Вы собираетесь основать синдикат?
' Yes, I do.	- Да
No, a mart.	Точнее говоря, торговый центр.
Do you know what a mart is?'	Вы знаете, что такое торговый центр?

' It's a place where you buy things, isn't it?'	- Место, где покупают вещи, так, кажется?
' And sell things,' corrected Milo.	- И продают, - поправил Милоу.
' And sell things.'	- Да, и продают.
'All my life I've wanted a mart.	- Ну так вот, всю свою жизнь я мечтал о торговом центре.
You can do lots of things if you've got a mart.	Если у вас есть торговый центр, вы можете провернуть массу всяких операций.
But you've got to have a mart.'	Но для этого вы должны иметь торговый центр.
' You want a mart?'	- Вам нужен торговый центр?
' And every man will have a share.'	- Каждый будет иметь в нем свою долю.

Yossarian was still puzzled, for it was a business matter, and there was much about business matters that always puzzled him.	Йоссариан все еще ничего не понимал, поскольку это была деловая операция, а в деловых операциях его всегда многое озадачивало.

'Let me try to explain it again,' Milo offered with growing weariness and exasperation, jerking his thumb toward the thief with the sweet tooth, still grinning beside him. 'I knew he wanted the dates more than the bedsheet.	- Разрешите, я вам еще раз объясню, - предложил Милоу, явно утомленный этим разговором. Он ткнул пальцем в сторону воришки, который продолжал хихикать, стоя с ним рядом: - Я знал, что финики ему нужнее, чем простыня.

Since he doesn't understand a word of English, I made it a point to conduct the whole transaction in English.'	Так как он не понимает ни слова по-английски, я счел необходимым провести всю торговую сделку на английском.
'Why didn't you just hit him over the head and take the bedsheet away from him?' Yossarian asked.	- А почему вы просто не дали ему по башке и не отобрали простыню? - спросил Йоссариан.
Pressing his lips together with dignity, Milo shook his head.	С достоинством поджав губы, Милоу отрицательно покачал головой.
'That would have been most unjust,' he scolded firmly.	- Это было бы в высшей степени несправедливо, -твердо заявил он.

' Force is wrong, and two wrongs never make a right.	- Действовать силой - дурно.
It was much better my way.	Я поступил куда разумней.
When I held the dates out to him and reached for the bedsheet, he probably thought I was offering to trade.'	Когда я предложил ему финики и попросил за них простыню, он, вероятно, решил, что я предлагаю ему торговую сделку.
'What were you doing?'	- А на самом деле?
'Actually, I was offering to trade, but since he doesn't understand English, I can always deny it.'	- И на самом деле я предлагал ему торговый обмен, но, поскольку он не смыслит в английском, я всегда могу отказаться от своих слов.

'Suppose he gets angry and wants the dates?'	- Ну а если он, допустим, разозлится и потребует обещанные финики?
'Why, we'll just hit him over the head and take them away from him,' Milo answered without hesitation.	- Ну тогда уж мы, конечно, дадим ему но башке -ответил Милоу без колебаний.
He looked from Yossarian to McWatt and back again.	Он перевел взгляд с Йоссариана на Макуотта и обратно.
'I really can't see what everyone is complaining about.	- Честное слово, я не могу понять, чем вы все недовольны?
We're all much better off than before.	Мы все что-то выиграли.

Everybody is happy but this thief, and there's no sense worrying about him, since he doesn't even speak our language and deserves whatever he gets.	Каждый из нас счастлив, кроме этого вора, а о нем нечего беспокоиться, потому что он даже не говорит по-нашему и получил по заслугам.
Don't you understand?'	Неужели вы все еще не понимаете?
But Yossarian still didn't understand either how Milo could buy eggs in Malta for seven cents apiece and sell them at a profit in Pianosa for five cents.	Йоссариан не понимал. Он не понимал еще и другого - как это Милоу может покупать яйца на Мальте по семь центов за штуку и с выгодой продавать их на Пьяносе по пять центов?

Lieutenant Scheisskopf Not even Clevinger understood how Milo could do that, and Clevinger knew everything.	8. Лейтенант Шейскопф Даже Клевинджер не понимал, как это Милоу проделывает такие вещи, а Клевинджер знал все.

Clevinger knew everything about the war except why Yossarian had to die while Corporal Snark was allowed to live, or why Corporal Snark had to die while Yossarian was allowed to live.	О войне Клевинджер тоже знал все, кроме одного - почему Йоссариан должен погибнуть, а капралу Снарку суждено остаться в живых или, наоборот, почему капралу Снарку нужно умереть, а Йоссариану суждено остаться в живых.

It was a vile and muddy war, and Yossarian could have lived without it-lived forever, perhaps.	Йоссариан мог бы вполне прожить без войны. Возможно даже, что без войны он жил бы вечно.
Only a fraction of his countrymen would give up their lives to win it, and it was not his ambition to be among them. To die or not to die, that was the question, and Clevinger grew limp trying to answer it.	А сейчас кому-то из его соотечественников предстояло погибнуть во имя победы, но Йоссариан был не настолько честолюбив, чтобы стремиться попасть в их число.

History did not demand Yossarian's premature demise, justice could be satisfied without it, progress did not hinge upon it, victory did not depend on it.	История вовсе не требовала преждевременной кончины Йоссариана - дело справедливости восторжествовало бы так или иначе. Судьбы прогресса и победоносный исход войны тоже не зависели от жизни или смерти Йоссариана.
That men would die was a matter of necessity; which men would die, though, was a matter of circumstance, and Yossarian was willing to be the victim of anything but circumstance.	Конечно, кто-то неизбежно должен был погибнуть, но кто именно - зависело от обстоятельств, а Йоссариан меньше всего хотел стать жертвой обстоятельств.
But that was war.	Но как бы там ни было, а война шла.

Just about all he could find in its favor was that it paid well and liberated children from the pernicious influence of their parents.	И пожалуй, все, что Йоссариан мог сказать в ее пользу, это - во-первых, что ему хорошо платили, а во-вторых, что война освобождала детей от пагубного влияния родителей.
Clevinger knew so much because Clevinger was a genius with a pounding heart and blanching face.	Клевинджер знал уйму вещей, потому что был гением, гением с трепещущим сердцем и вдохновенно-бледным ликом.
He was a gangling, gawky, feverish, famish-eyed brain.	Он был долговязый, нескладный, нервный, с пытливым беспокойным умом.

As a Harvard undergraduate he had won prizes in scholarship for just about everything, and the only reason he had not won prizes in scholarship for everything else was that he was too busy signing petitions, circulating petitions and challenging petitions, joining discussion groups and resigning from discussion groups, attending youth congresses, picketing other youth congresses and organizing student committees in	Он не успел закончить Гарвардский университет, где получал призы и повышенную стипендию почти за все, за что было можно, а за все остальное он не получал наград только потому, что уделял слишком много времени сбору подписей под разными петициями, распространению этих петиций, участию в разных оппозиционных группах, разрывам с этими группами, посещению одних конгрессов молодежи, пикетированию других конгрессов молодежи и организации студенческих комитетов в защиту уволенных преподавателей.

Everyone agreed that Clevinger was certain to go far in the academic world.	Все были убеждены, что Клевинджер наверняка пойдет далеко по стезе науки.
In short, Clevinger was one of those people with lots of intelligence and no brains, and everyone knew it except those who soon found it out.	Короче говоря, Клевинджер принадлежал к категории людей весьма интеллигентных, но безмозглых, и это почти все замечали с первого взгляда, а кто не видел сразу, понимал чуть позже.
In short, he was a dope.	Говоря еще короче, Клевинджер был болваном.

He often looked to Yossarian like one of those people hanging around modern museums with both eyes together on one side of a face. It was an illusion, of course, generated by Clevinger's predilection for staring fixedly at one side of a question and never seeing the other side at all.	Он часто смотрел на Йоссариана, как один из тех любителей современного искусства, которые слоняются по музейным залам, пялят глаза на картины и видят в линиях и пятнах только то, что им хочется видеть, - таких людей интересует не сам предмет, а свое иллюзорное представление о нем. Таков был и Клевинджер с его неискоренимой склонностью въедаться в любой вопрос с какой-то одной стороны, не обращая никакого внимания на другие стороны.
Politically, he was a humanitarian who did know right from left and was trapped uncomfortably between the two.	В области политики это был гуманист, который знал как правые, так и левые политические теории, но безнадежно запутался и в тех, и в тех.

He was constantly defending his Communist friends to his right-wing enemies and his right-wing friends to his Communist enemies, and he was thoroughly detested by both groups, who never defended him to anyone because they thought he was a dope.	Он постоянно защищал своих друзей-коммунистов от их врагов из лагеря правых, а своих друзей из лагеря правых - от их врагов-коммунистов, и его терпеть не могли и те, и другие, и они-то уж никогда не защищали его самого ни от каких нападок, потому что считали его болваном.
He was a very serious, very earnest and very conscientious dope.	Он и действительно был очень серьезным, обстоятельным и совестливым болваном.

It was impossible to go to a movie with him without getting involved afterwards in a discussion on empathy, Aristotle, universals, messages and the obligations of the cinema as an art form in a materialistic society.	Нельзя было сходить с ним в кино без того, чтобы он не втянул вас потом в дискуссию об абстрактном мышлении, Аристотеле, вселенной, духовных контактах и долге кинематографии как формы искусства по отношению к обществу.
Girls he took to the theater had to wait until the first intermission to find out from him whether or not they were seeing a good or a bad play, and then found out at once.	Девушки, которых он приглашал в театр, должны были дожидаться первого антракта, чтобы узнать от него, хорошую или плохую пьесу они смотрят, и тогда уже им все становилось ясно.

He was a militant idealist who crusaded against racial bigotry by growing faint in its presence.	Это был воинствующий идеалист, объявивший крестовый поход против расового фанатизма, но стоило ему столкнуться с расистами лицом к лицу - и он чуть не падал в обморок.
He knew everything about literature except how to enjoy it.	О литературе он знал все, за исключением того, как получать от нее удовольствие.
Yossarian tried to help him.	Йоссариан старался помочь ему.
'Don't be a dope,' he had counseled Clevinger when they were both at cadet school in Santa Ana, California.	- Не будь таким болваном... - советовал он Клевинджеру, когда оба они учились в военном училище в Санта-Ана, в штате Калифорния.

'I'm going to tell him,' Clevinger insisted, as the two of them sat high in the reviewing stands looking down on the auxiliary paradeground at Lieutenant Scheisskopf raging back and forth like a beardless Lear.	- А я ему обязательно скажу... - настаивал Клевинджер. Они сидели на дощатой трибуне, глядя вниз на запасной плац, по которому взад-вперед носился разъяренный лейтенант Шейскопф, похожий на короля Лира, только без бороды.
'Why me?' Lieutenant Scheisskopf wailed.	- Почему никто мне не скажет? - орал лейтенант Шейскопф.

'Keep still, idiot,' Yossarian advised Clevinger avuncularly.	- Помалкивай, идиот, - отечески посоветовал Йоссариан Клевинджеру.

'You don't know what you're talking about,' Clevinger objected.	- Ты сам не понимаешь, что ты говоришь, -возразил Клевинджер.
'I know enough to keep still, idiot.'	- Я понимаю, что надо помалкивать, идиот.
Lieutenant Scheisskopf tore his hair and gnashed his teeth.	Лейтенант Шейскопф рвал на себе волосы и скрежетал зубами.
His rubbery cheeks shook with gusts of anguish.	Его резиновые щеки содрогались от возмущения.

His problem was a squadron of aviation cadets with low morale who marched atrociously in the parade competition that took place every Sunday afternoon.	Лейтенанта мучило, что кадеты вверенной ему учебной эскадрильи отличались крайне низким боевым духом и маршировали самым гнусным образом на парадах, которые устраивались каждое воскресенье после обеда.
Their morale was low because they did not want to march in parades every Sunday afternoon and because Lieutenant Scheisskopf had appointed cadet officers from their ranks instead of permitting them to elect their own.	Боевой дух кадетов был низок оттого, что они не желали маршировать на парадах каждое воскресенье после обеда, и еще оттого, что лейтенант Шейскопф сам назначал командиров из числа кадетов, вместо того чтобы позволить им самим выбирать, кого им хочется.

'I want someone to tell me,' Lieutenant Scheisskopf beseeched them all prayerfully.	- Я хочу, чтобы кто-нибудь мне сказал, -умоляющим тоном обращался к кадетам лейтенант Шейскопф.
'If any of it is my fault, I want to be told.'	- Если в чем-то моя вина, скажите мне.
'He wants someone to tell him,' Clevinger said.	- Вот видишь, он сам хочет, чтобы кто-нибудь ему сказал, - заметил Клевинджер.
'He wants everyone to keep still, idiot,' Yossarian answered.	- Он хочет, чтобы все помалкивали, идиот, -ответил Йоссариан.
'Didn't you hear him?' Clevinger argued.	- Разве ты не слышал? - горячился Клевинджер.

' I heard him,' Yossarian replied.	- Слышал, - отвечал Йоссариан.
'I heard him say very loudly and very distinctly that he wants every one of us to keep our mouths shut if we know what's good for us.'	- Я слышал, как он очень громко и внятно сказал, чтобы мы все заткнулись подобру-поздорову.
'I won't punish you,' Lieutenant Scheisskopf swore.	- Я не буду вас наказывать, - клялся лейтенант Шейскопф.
'He says he won't punish me,' said Clevinger.	- Вот увидишь, он меня не накажет, - сказал Клевинджер.
' He'll castrate you,' said Yossarian.	- Он тебя кастрирует, - заверил его Йоссариан.

'I swear I won't punish you,' said Lieutenant Scheisskopf.	- Я клянусь, что не накажу вас! - продолжал лейтенант Шейскопф.
'I'll be grateful to the man who tells me the truth.'	- Я буду чрезвычайно благодарен человеку, который скажет мне правду.
'He'll hate you,' said Yossarian.	- Он будет тебя ненавидеть, - сказал Йоссариан.
' To his dying day he'll hate you.'	- До гробовой доски будет тебя ненавидеть.

Lieutenant Scheisskopf was an R.O.T.C. graduate who was rather glad that war had broken out, since it gave him an opportunity to wear an officer's uniform every day and say 'Men' in a clipped, military voice to the bunches of kids who fell into his clutches every eight weeks on their way to the butcher's block.	Лейтенант Шейскопф был выпускником училища по подготовке офицеров резерва. Он чрезвычайно обрадовался началу войны, поскольку война давала ему возможность щеголять в офицерской форме и отрывисто, по-военному обращаться со словом "Бойцы!" к ораве молодых парней, которые на два месяца попадали ему в когти.

He was an ambitious and humorless Lieutenant Scheisskopf, who confronted his responsibilities soberly and smiled only when some rival officer at the Santa Ana Army Air Force Base came down with a lingering disease.	Честолюбивый, начисто лишенный чувства юмора, лейтенант Шейскопф относился к своим обязанностям с исключительной серьезностью и улыбался, только если какой-нибудь из соперничавших с ним офицеров учебной базы ВВС в Санта-Ана тяжело заболевал.
He had poor eyesight and chronic sinus trouble, which made war especially exciting for him, since he was in no danger of going overseas.	У него было плохое зрение и к тому же хронический гайморит, что делало для него войну особенно привлекательной, поскольку ему не угрожала опасность отправиться на заокеанский театр военных действий.

The best thing about him was his wife and the best thing about his wife was a girl friend named Dori Duz who did whenever she could and had a Wac uniform that Lieutenant Scheisskopfs wife put on every weekend and took off every weekend for every cadet in her husband's squadron who wanted to creep into her.	Самое лучшее, что было у лейтенанта Шейскопфа, - это его жена; самое лучшее, что было у жены, - это ее подружка, по имени Дори Дуз, которая грешила при всяком удобном и даже неудобном случае. Она одалживала супруге лейтенанта Шейскопфа на субботу и воскресенье форму женского вспомогательного корпуса, которую та снимала по желанию любого кадета из эскадрильи мужа.

Dori Duz was a lively little tart of copper-green and gold who loved doing it best in toolsheds, phone booths, field houses and bus kiosks.	Дори Дуз, шустренькая потаскушка с зелеными глазами и копной золотистых волос, предавалась своему любимому занятию в ангарах, телефонных будках, на сторожевых вышках и в автофургонах.
There was little she hadn't tried and less she wouldn't. She was shameless, slim, nineteen and aggressive.	Она была бесстыжая, стройная, напористая. Она испробовала все, что могла, и жаждала испробовать все оставшееся.
She destroyed egos by the score and made men hate themselves in the morning for the way she found them, used them and tossed them aside.	Она растлевала кадетов дюжинами.

Yossarian loved her. She was a marvelous piece of ass who found him only fair. He loved the feel of springy muscle beneath her skin everywhere he touched her the only time she'd let him.	Йоссариан любил ее. Она же считала Йоссариана красивым - и только.

Yossarian loved Dori Duz so much that he couldn't help flinging himself down passionately on top of Lieutenant Scheisskopfs wife every week to revenge himself upon Lieutenant Scheisskopf for the way Lieutenant Scheisskopf was revenging himself upon Clevinger.	Йоссариан сильно любил Лори Дуз, но не мог удержаться, чтобы раз в неделю не броситься со всей страстью в объятия жены лейтенанта Шейскопфа. Это была его месть лейтенанту Шейскопфу за то, что тот преследовал Клевинджера.

Lieutenant Scheisskopfs wife was revenging herself upon Lieutenant Scheisskopf for some unforgettable crime of his she couldn't recall.	Жена лейтенанта Шейскопфа, со своей стороны, мстительно преследовала лейтенанта Шейскопфа за какой-то его проступок, которого она не могла забыть, но и не могла припомнить.

She was a plump, pink, sluggish girl who read good books and kept urging Yossarian not to be so bourgeois without the r.	Это была полненькая, розовенькая, томная молодая дама, которая читала умные книги и постоянно убеждала Йоссариана не произносить звук "р" на мещанский лад.

She was never without a good book close by, not even when she was lying in bed with nothing on her but Yossarian and Dori Duz's dog tags.	Они никогда не ложилась в постель без книги.
She bored Yossarian, but he was in love with her, too.	Она наскучила Йоссариану, но он любил ее.
She was a crazy mathematics major from the Wharton School of Business who could not count to twenty-eight each month without getting into trouble.	Хотя она была чертовски сильна в математике, каковую постигла в Вартонской школе деловых операций, тем ее менее каждый месяц, считая до двадцати восьми, она сбивалась со счета и впадала в панику.

'Darling, we're going to have a baby again,' she would say to Yossarian every month.	- Миленький, а мы, кажется, опять ждем ребеночка, что ни месяц говорила она Йоссариану.
'You're out of your goddam head,' he would reply.	- Выкинь из головы этот собачий бред! - отвечал он.
' I mean it, baby,' she insisted.	- Нет, правда, родненький, - настаивала она.
' So do I.'	- Я тоже говорю правду.
'Darling, we're going to have a baby again,' she would say to her husband.	- Миленький, а мы, кажется, опять ждем ребеночка, - говорила она мужу.
'I haven't the time,' Lieutenant Scheisskopf would grumble petulantly.	- У меня нет времени, - раздраженно огрызался лейтенант Шейскопф.

'Don't you know there's a parade going on?'	- Неужели ты не знаешь, что у меня парад на носу?
Lieutenant Scheisskopf cared very deeply about winning parades and about bringing Clevinger up on charges before the Action Board for conspiring to advocate the overthrow of the cadet officers Lieutenant Scheisskopf had appointed.	Лейтенанта Шейскопфа больше всего на свете занимало, как выйти на первое место по строевой подготовке и как подвести Клевинджера под дисциплинарную комиссию, обвинив его в заговоре против офицеров, назначенных Шейскопфом из кадетов.

Clevinger was a troublemaker and a wise guy. Lieutenant Scheisskopf knew that Clevinger might cause even more trouble if he wasn't watched. Yesterday it was the cadet officers; tomorrow it might be the world. Clevinger had a mind, and Lieutenant Scheisskopf had noticed that people with minds tended to get pretty smart at times. Such men were dangerous, and even the new cadet officers whom Clevinger had helped into office were eager to give damning testimony against him	Клевинджер был балам-утом и к тому же умни-чал; он был человеком мыслящим, а лейтенант Шейскопф давно заме-тил, что люди мыслящие -как правило, продув-ные бестии. Такие люди опасны.

The case against Clevinger was open and shut.	Дело против Клевинджера то начинали, то прекращали.
The only thing missing was something to charge him with.	Не хватало сущего пустяка - хоть какого-нибудь состава преступления.

It could not be anything to do with parades, for Clevinger took the parades almost as seriously as Lieutenant Scheisskopf himself.	Обвинить Клевинджера даже в малейшем пренебрежения к парадам было невозможно, поскольку Клевинджер относился к парадам почти столь же ревностно, как сам лейтенант Шейскопф.

The men fell out for the parades early each Sunday afternoon and groped their way into ranks of twelve outside the barracks.	Каждое утро по воскресеньям кадеты спозаранок выходили из казармы и, толкаясь, строились в шеренги по двенадцать человек.

Groaning with hangovers, they limped in step to their station on the main paradeground, where they stood motionless in the heat for an hour or two with the men from the sixty or seventy other cadet squadrons until enough of them had collapsed to call it a day.	Кряхти и охая, они плелись к своему месту на главном плацу, где под нестерпимо знойным солнцем неподвижно выстаивали час или два рядом с шестьюдесятью-семьюдесятью другими учебными эскадрильями. Когда достаточное число кадетов падало в обморок, командование училища считало, что дело сделано и день не прошел даром.

On the edge of the field stood a row of ambulances and teams of trained stretcher bearers with walkie-talkies.	На краю плаца стояли рядами санитарные машины и солдаты с носилками и переносными радиостанциями.
On the roofs of the ambulances were spotters with binoculars.	На крышах санитарных машин торчали наблюдатели с биноклями.
A tally clerk kept score.	Долговязый писарь вел счет.

Supervising this entire phase of the operation was a medical officer with a flair for accounting who okayed pulses and checked the figures of the tally clerk.	Общее наблюдение за этой фазой операции осуществлял офицер медицинской службы -большой дока по части таких подсчетов. К нему поступали донесения о частоте пульса у потерявших сознание, и он проверял цифры, сообщаемые ему долговязым писарем.

As soon as enough unconscious men had been collected in the ambulances, the medical officer signaled the bandmaster to strike up the band and end the parade.	Как только санитарные машины до потолка заполнялись потерявшими сознание кадетами, офицер медицинской службы давал сигнал военному оркестру об окончании парада.

One behind the other, the squadrons marched up the field, executed a cumbersome turn around the reviewing stand and marched down the field and back to their barracks.	Дирижер взмахивал палочкой, гремел оркестр, эскадрильи одна за другой маршировали по полю, производили неуклюжий поворот и шагали через весь плац назад к казармам.

Each of the parading squadrons was graded as it marched past the reviewing stand, where a bloated colonel with a big fat mustache sat with the other officers.	Когда эскадрильи проходили мимо трибуны, где среди прочих офицеров стоял тучный полковник с большими пышными усами, каждая эскадрилья получала оценку за строевую подготовку.
The best squadron in each wing won a yellow pennant on a pole that was utterly worthless.	Лучшая эскадрилья в каждом полку награждалась желтым вымпелом на древке. Этот вымпел не представлял ровно никакой ценности.

The best squadron on the base won a red pennant on a longer pole that was worth even less, since the pole was heavier and was that much more of a nuisance to lug around all week until some other squadron won it the following Sunday.	Лучшая эскадрилья базы получала красный вымпел на древке подлиннее; проку от него было еще меньше, поскольку длинное древко тяжелее короткого и таскать такой вымпел еще труднее, а таскать надо было всю неделю, пока в следующее воскресенье приз не переходил к какой-нибудь другой эскадрилье.

To Yossarian, the idea of pennants as prizes was absurd.	Йоссариану идея награждения вымпелами представлялась абсурдной.
No money went with them, no class privileges.	За этим не следовало ни денег, ни чинов.
Like Olympic medals and tennis trophies, all they signified was that the owner had done something of no benefit to anyone more capably than everyone else.	Подобно олимпийским медалям и теннисным кубкам, эти вымпелы означали лишь то, что их обладатель совершил абсолютно бесполезный для человечества поступок с большим блеском и мастерством, чем его соперники.
The parades themselves seemed equally absurd.	В равной степени абсурдными представлялись и сами парады.

Yossarian hated a parade.	Йоссариан ненавидел парады.
Parades were so martial.	Очень уж воинственно они выглядели.
He hated hearing them, hated seeing them, hated being tied up in traffic by them.	Он ненавидел звук парадов, зрелище парадов, ненавидел топать в гуще толпы.
He hated being made to take part in them. It was bad enough being an aviation cadet without having to act like a soldier in the blistering heat every Sunday afternoon.	Он злился на то, что его заставляют участвовать в парадах и каждое воскресенье маяться на изнурительной жаре.

It was bad enough being an aviation cadet because it was obvious now that the war would not be over before he had finished his training.	Теперь ему приходилось хуже, чем в ту пору, когда он был простым солдатом: теперь уже было ясно, что война не кончится раньше, чем учеба.
That was the only reason he had volunteered for cadet training in the first place.	А ведь надежда на это была единственной причиной, по которой он сразу, добровольно подался не куда-нибудь, а в кадеты.

As a soldier who had qualified for aviation cadet training, he had weeks and weeks of waiting for assignment to a class, weeks and weeks more to become a bombardier-navigator, weeks and weeks more of operational training after that to prepare him for overseas duty.	В качестве солдата, направленного на учебу в авиационное училище, он должен был долгие-долгие недели дожидаться, пока его определят в какой-нибудь класс, долгие-долгие недели учиться на штурмана-бомбардира и еще больше времени посвятить практическим занятиям в воздухе, чтобы подготовиться к службе за океаном.
It seemed inconceivable then that the war could last that long, for God was on his side, he had been told, and God, he had also been told, could do whatever He wanted to.	Казалось совершенно непостижимым, что война может продлиться так долго, ибо бог, как опять же постоянно вдалбливали Йоссариану, мог исполнить все, что захочет.

But the war was not nearly over, and his training was almost complete.	Но войне не было видно конца, а учеба уже заканчивалась.
Lieutenant Scheisskopf longed desperately to win parades and sat up half the night working on it while his wife waited amorously for him in bed thumbing through Krafft-Ebing to her favorite passages.	Лейтенанту Шейскопфу отчаянно хотелось завоевать первое место на параде, и, обдумывая, как это сделать, он просиживал за столом чуть не до рассвета, в то время как его жена, охваченная любовным трепетом, дожидалась его в постели, перелистывая заветные страницы Крафта-Эббинга.[7]
He read books on marching.	Муж в это время читал книги по строевой подготовке.

He manipulated boxes of chocolate soldiers until they melted in his hands and then maneuvered in ranks of twelve a set of plastic cowboys he had bought from a mail-order house under an assumed name and kept locked away from everyone's eyes during the day.	Он закупал коробками шоколадных солдатиков и переставлял их на столе, пока они не начинали таять в руках, и тогда он принимался за пластмассовых ковбоев, выстраивая их по двенадцати в ряд. Этих ковбоев он выписал по почте на вымышленную фамилию и днем держал под замком, подальше от чужих глаз.
Leonardo's exercises in anatomy proved indispensable.	Альбом с анатомическими рисунками Леонардо да Винчи стал его настольной книгой.
One evening he felt the need for a live model and directed his wife to march around the room.	Однажды вечером он почувствовал, что ему необходима живая модель, и приказал жене промаршировать по комнате.

'Naked?' she asked hopefully.	- Голой?! - с надеждой в голосе спросила она.
Lieutenant Scheisskopf smacked his hands over his eyes in exasperation.	Лейтенант Шейскопф в отчаянии схватился за голову.
It was the despair of Lieutenant Scheisskopfs life to be chained to a woman who was incapable of looking beyond her own dirty, sexual desires to the titanic struggles for the unattainable in which noble man could become heroically engaged.	Он проклинал судьбу за то, что она связала его с этой женщиной, не способной подняться выше похоти и понять душу благородного мужчины, который геройски ведет поистине титаническую борьбу во имя недосягаемого идеала.

'Why don't you ever whip me?' she pouted one night.	- Почему ты меня никогда не постегаешь кнутом, милый? - обиженно надув губки, однажды ночью спросила жена.
'Because I haven't the time,' he snapped at her impatiently.	- Потому что у меня нет на это времени, -нетерпеливо огрызнулся он.
' I haven't the time.	- Нет времени, ясно?
Don't you know there's a parade going on?'	Неужели ты не знаешь, что у меня парад на носу?
And he really did not have the time.	Ему действительно не хватало времени.
There it was Sunday already, with only seven days left in the week to get ready for the next parade. He had no idea where the hours went.	Было уже воскресенье, и до следующего парада оставалось всего семь дней, а время летело с немыслимой быстротой.

Finishing last in three successive parades had given Lieutenant Scheisskopf an unsavory reputation, and he considered every means of improvement, even nailing the twelve men in each rank to a long two-by-four beam of seasoned oak to keep them in line.	Три парада подряд эскадрилья лейтенанта Шейскопфа занимала последнее место. Репутация лейтенанта Шейскопфа стала весьма незавидной, и он ломал себе голову, пытаясь найти хоть какой-нибудь выход из положения. Он обдумывал даже такой вариант: прибить по двенадцать кадетов в ряд гвоздями к длинному дубовому брусу и тем самым заставить их точно держать равнение.

The plan was not feasible, for making a ninety-degree turn would have been impossible without nickel-alloy swivels inserted in the small of every man's back, and Lieutenant Scheisskopf was not sanguine at all about obtaining that many nickel-alloy swivels from Quartermaster or enlisting the cooperation of the surgeons at the hospital.	План этот был неосуществим, поскольку произвести безупречный поворот на девяносто градусов было невозможно без никелированных шарниров, вставленных в поясницу каждому солдату, а лейтенант Шейскопф отнюдь не был уверен, что ему удалось раздобыть у квартирмейстера такое количество никелированных шарниров и тем более уговорить госпитальных хирургов врезать их куда следует.

The week after Lieutenant Scheisskopf followed Clevinger's recommendation and let the men elect their own cadet officers, the squadron won the yellow pennant.	Через неделю после того, как лейтенант Шейскопф последовал совету Клевинджера и позволил кадетам самим избрать офицеров,[8] эскадрилья завоевала желтый вымпел.
Lieutenant Scheisskopf was so elated by his unexpected achievement that he gave his wife a sharp crack over the head with the pole when she tried to drag him into bed to celebrate by showing their contempt for the sexual mores of the lower middle classes in Western civilization.	Лейтенанта Шейскопфа так вдохновила эта неожиданная удача, что древком вымпела он трахнул жену по лбу в тот момент, когда она пыталась затащить его в постель, чтобы отпраздновать успех эскадрильи.

The next week the squadron won the red flag, and Lieutenant Scheisskopf was beside himself with rapture.	В следующее воскресенье эскадрилья завоевала красный флажок, и лейтенант Шейскопф почувствовал себя на седьмом небе.
And the week after that his squadron made history by winning the red pennant two weeks in a row!	А еще через неделю эскадрилья добилась исторического успеха, завоевав вымпел два раза подряд!
Now Lieutenant Scheisskopf had confidence enough in his powers to spring his big surprise.	Теперь лейтенант настолько уверовал в свои силы, что решил преподнести командованию совсем уж неслыханный сюрприз.

Lieutenant Scheisskopf had discovered in his extensive research that the hands of marchers, instead of swinging freely, as was then the popular fashion, ought never to be moved more than three inches from the center of the thigh, which meant, in effect, that they were scarcely to be swung at all.	Он где-то вычитал во время своих упорных изысканий, что марширующие, вместо того чтобы широко размахивать руками, могут поднимать их не более чем на три дюйма, считая от середины ляжки, - тогда руки будут казаться со стороны почти неподвижными.
Lieutenant Scheisskopfs preparations were elaborate and clandestine.	Лейтенант Шейскопф готовился к своему триумфу тщательно и скрытно.

All the cadets in his squadron were sworn to secrecy and rehearsed in the dead of night on the auxiliary parade-ground.	Все кадеты его эскадрильи поклялись хранить тайну. Репетиции происходили на запасном плацу под покровом ночи.
They marched in darkness that was pitch and bumped into each other blindly, but they did not panic, and they were learning to march without swinging their hands.	Кадеты маршировали в кромешной тьме и сослепу налетали друг на друга, но даже не чертыхались. Они учились маршировать, не размахивая руками.

Lieutenant Scheisskopfs first thought had been to have a friend of his in the sheet metal shop sink pegs of nickel alloy into each man's thighbones and link them to the wrists by strands of copper wire with exactly three inches of play, but there wasn't time-there was never enough time-and good copper wire was hard to come by in wartime.	У лейтенанта Шейскопфа сначала была мыслишка попросить приятеля из слесарной мастерской ввинтить каждому кадету в ляжку по никелированному болту и связать болт с запястьем медной цепочкой трехдюймовой длины, но, во-первых, на это уже не хватило бы времени - его, впрочем, никогда не хватало, - а во-вторых, во время войны довольно трудно раздобыть хорошую медную цепочку.

He remembered also that the men, so hampered, would be unable to fall properly during the impressive fainting ceremony preceding the marching and that an inability to faint properly might affect the unit's rating as a whole.	Кроме того, он сообразил, что цепочки могут помешать кадетам, как положено, падать в обморок во время внушительной обморочной церемонии, предшествующей маршировке, а за неспособность должным образом падать в обморок могли еще, пожалуй, снизить оценку всей эскадрилье.
And all week long he chortled with repressed delight at the officers' club.	Всю неделю лейтенант Шейскопф, заходя в офицерский клуб, посмеивался в кулак, пряча свою радость.
Speculation grew rampant among his closest friends.	Среди его ближайших друзей поползли слухи.

'I wonder what that Shithead is up to,' Lieutenant Engle said.	- Интересно, что задумал наш Дерьмоголовый? - спросил лейтенант Энгл.[9]
Lieutenant Scheisskopf responded with a knowing smile to the queries of his colleagues.	На расспросы коллег лейтенант Шейскопф отвечал с многозначительной улыбкой:
'You'll find out Sunday,' he promised. 'You'll find out.'	- В воскресенье увидите, все увидите
Lieutenant Scheisskopf unveiled his epochal surprise that Sunday with all the aplomb of an experienced impresario.	И вот настало воскресенье, и лейтенант Шейскопф с апломбом опытного импрессарио преподнес всем свой эпохальный сюрприз.

He said nothing while the other squadrons ambled past the reviewing stand crookedly in their customary manner.	Он помалкивал, покуда остальные эскадрильи проходили мимо трибуны обычными кривыми колоннами.
He gave no sign even when the first ranks of his own squadron hove into sight with their swingless marching and the first stricken gasps of alarm were hissing from his startled fellow officers.	Он и бровью не повел, когда появились первые ряды его эскадрильи. При виде кадетов, не размахивающих руками, офицеры - приятели Шейскопфа - так и ахнули.

He held back even then until the bloated colonel with the big fat mustache whirled upon him savagely with a purpling face, and then he offered the explanation that made him immortal.	Лейтенант Шейскопф держался в тени до тех пор, пока тучный полковник с большими пышными усами не повернул к нему свирепое, налитое кровью лицо, - тогда лейтенант Шейскопф дал объяснение, которое обессмертило его имя.
' Look, Colonel,' he announced.	- Смотрите, полковник! - возвестил он.
'No hands.'	- Они не машут руками.

And to an audience stilled with awe, he distributed certified photostatic copies of the obscure regulation on which he had built his unforgettable triumph.	И он тут же предъявил замершей в благоговейном молчании аудитории фотокопию какого-то всеми забытого устава, на основании которого он подготовил свой незабываемый триумф.

This was Lieutenant Scheisskopfs finest hour.	Это был счастливейший миг в жизни лейтенанта Шейскопфа.

He won the parade, of course, hands down, obtaining permanent possession of the red pennant and ending the Sunday parades altogether, since good red pennants were as hard to come by in wartime as good copper wire.	Парад принес ему победу. Победу, завоеванную опущенными руками. Красный вымпел перешел в его вечное владение. После этого воскресенья парады вообще прекратились, поскольку уже нечего было присуждать победителю, ибо достать в военное время новый хороший красный вымпел так же тяжело, как хорошую медную цепочку.
Lieutenant Scheisskopf was made First Lieutenant Scheisskopf on the spot and began his rapid rise through the ranks.	Лейтенант Шейскопф тут же был произведен в старшие лейтенанты, и с этого момента началось его быстрое восхождение по лестнице чинов и званий.

There were few who did not hail him as a true military genius for his important discovery.	Подавляющее число офицеров сошлось на том, что важное открытие, сделанное лейтенантом Шейскопфом, ставит его ряды истинных военных гениев.
'That Lieutenant Scheisskopf,' Lieutenant Travels remarked.	Вот так лейтенант Шейскопф! - заметил как-то лейтенант Трэйверс.

'He's a military genius.' 'Yes, he really is,' Lieutenant Engle agreed. 'It's a pity the schmuck won't whip his wife.' 'I don't see what that has to do with it,' Lieutenant Travers answered coolly. 'Lieutenant Bemis whips Mrs. Bemis beautifully every time they have sexual intercourse, and he isn't worth a farthing at parades.' 'I'm talking about flagellation,' Lieutenant Engle retorted.	- Он у нас военный гений.
'Who gives a damn about parades?'	- Кому нужны эти парады! - возразил лейтенант Энгл.

Actually, no one but Lieutenant Scheisskopf really gave a damn about the parades, least of all the bloated colonel with the big fat mustache, who was chairman of the Action Board and began bellowing at Clevinger the moment Clevinger stepped gingerly into the room to plead innocent to the charges Lieutenant Scheisskopf had lodged against him.	И в самом деле, кроме лейтенанта Шейскопфа, парады были никому не нужны. Меньше всего нужны они были тучному полковнику с большими пышными усами - председателю дисциплинарной комиссии. Полковник начал орать на Клевинджера, едва тот, робко войдя в комнату, заявил, что не считает себя виновным в злодеяниях, которые приписывает ему лейтенант Шейскопф.

The colonel beat his fist down upon the table and hurt his hand and became so further enraged with Clevinger that he beat his fist down upon the table even harder and hurt his hand some more.	Полковник ударил кулаком по столу, основательно ушиб руку, еще пуще разьярился на Клевинджера, еще сильнее ударил по столу еще сильнее ушиб руку.
Lieutenant Scheisskopf glared at Clevinger with tight lips, mortified by the poor impression Clevinger was making.	Лейтенант Шейскопф глядел на Клевинджера, поджав губы. Он был огорчен, что его кадет производит такое жалкое впечатление.
'In sixty days you'll be fighting Billy Petrolle,' the colonel with the big fat mustache roared.	- Через шестьдесят дней вам предстоит с оружием в руках сражаться с макаронниками! - ревел полковник с большими пышными усами.

' And you think it's a big fat joke.'	- Вы думаете, это вам шуточки?

'I don't think it's a joke, sir,' Clevinger replied.	- Я не считаю это шуточками, сэр, - ответил Клевинджер.
' Don't interrupt.'	- Не перебивайте!
'Yes, sir.'	- Слушаюсь, сэр.
'And say "sir" when you do,' ordered Major Metcalf.	- И говорите "сэр", когда не перебиваете, -приказал майор Меткаф.
'Yes, sir.'	- Слушаюсь, сэр.
'Weren't you just ordered not to interrupt?' Major Metcalf inquired coldly.	- Вы не слыхали, что вам было приказано? Не перебивать! - сухо заметил майор Меткаф.

'But I didn't interrupt, sir,' Clevinger protested.	- Но я не перебиваю, сэр, - запротестовал Клевинджер.
'No.	- Верно.
And you didn't say "sir," either.	Но вы и "сэр" не говорите.
Add that to the charges against him,' Major Metcalf directed the corporal who could take shorthand.	Добавьте это к выдвинутым против него обвинениям, - приказал майор Меткаф капралу, который знал стенографию.
'Failure to say "sir" to superior officers when not interrupting them.'	- Не говорит "сэр" вышестоящим офицерам, когда не перебивает их.
'Metcalf,' said the colonel, 'you're a goddam fool.	- Меткаф, - сказал полковник, - вы круглый дурак.
Do you know that?'	Вам это известно?

Major Metcalf swallowed with difficulty. 'Yes, Sir.'	- Да, сэр, - поперхнувшись, сказал майор Меткаф.
'Then keep your goddam mouth shut.	- Тогда держите ваш проклятый язык за зубами.
You don't make sense.'	Вы несете околесицу.
There were three members of the Action Board, the bloated colonel with the big fat mustache, Lieutenant Scheisskopf and Major Metcalf, who was trying to develop a steely gaze.	Дисциплинарная комиссия состояла из трех человек: тучного полковника с большими пышными усами, лейтенанта Шейскопфа и майора Меткафа, который изо всех сил старался смотреть на подсудимого холодным, стальным взглядом.

As a member of the Action Board, Lieutenant Scheisskopf was one of the judges who would weigh the merits of the case against Clevinger as presented by the prosecutor.	Лейтенант Шейскопф был одним из судей, которым предстояло рассмотреть существо выдвинутого против Клевинджера обвинения.
Lieutenant Scheisskopf was also the prosecutor.	Обвинителем был лейтенант Шейскопф.
Clevinger had an officer defending him.	Подсудимый Клевинджер имел и защитника.

The officer defending him was Lieutenant Scheisskopf It was all very confusing to Clevinger, who began vibrating in terror as the colonel surged to his feet like a gigantic belch and threatened to rip his stinking, cowardly body apart limb from limb.	Защитником выступал лейтенант Шейскопф. [10] Все это смущало Клевинджера, и он затрепетал от ужаса, когда полковник взвился, точно гигантский смерч, и пригрозил вытряхнуть из Клевинджера его вонючую трусливую душонку, а также переломать ему руки и ноги.

One day he had stumbled while marching to class; the next day he was formally charged with 'breaking ranks while in formation, felonious assault, indiscriminate behavior, mopery, high treason, provoking, being a smart guy, listening to classical music and so on'.	Однажды, идя в класс, Клевинджер споткнулся, и на следующий день ему были официально предъявлены следующие обвинения: "Самовольный выход из строя, нападение с преступными целями, безобразное поведение, отсутствие бодрости и боевого духа, измена родине, провокация, жульничество, увлечение классической музыкой и т. д."

In short, they threw the book at him, and there he was, standing in dread before the bloated colonel, who roared once more that in sixty days he would be fighting Billy Petrolle and demanded to know how the hell he would like being washed out and shipped to the Solomon Islands to bury bodies.	Короче говоря, они хотели применить к нему весь свод военных законов целиком и полностью. И вот он стоял ни жив ни мертв перед полковником, который опять орал, что через шестьдесят дней Клевинджеру предстоит воевать с макаронниками и ему, полковнику, хотелось бы знать, понравится ли распроклятому Клевинджеру, если его вычистят из училища и загонят на Соломоновы острова в похоронную команду закапывать трупы.

Clevinger replied with courtesy that he would not like it; he was a dope who would rather be a corpse than bury one.	Клевинджер любезно ответил, что ему это не понравится. Этот болван предпочитал скорее сам стать трупом, чем закапывать чужие трупы.
The colonel sat down and settled back, calm and cagey suddenly, and ingratiatingly polite.	Тогда полковник сел и вдруг сразу стал спокойным и приторно вежливым.
'What did you mean,' he inquired slowly, 'when you said we couldn't punish you?'	- Что вы имели в виду, - начал он неторопливо, -когда утверждали, что мы не сможем вас наказать?
'When, sir?'	- Когда, сэр?
'I'm asking the questions. You're answering them.'	- Вопросы задаю я, а вы извольте отвечать.

'Yes, sir.	- Слушаюсь, сэр.
I-'	Я...
'Did you think we brought you here to ask questions and for me to answer them?'	- Может быть, вы полагаете, что вас вызвали для того, чтобы вы спрашивали, а я отвечал?
'No, sir.	- Нет, сэр.
I-'	Я...
'What did we bring you here for?'	- Для чего мы вас вызвали?
' To answer questions.'	- Чтобы я отвечал на вопросы.
' You're goddam right,' roared the colonel.	- Верно, черт возьми! - опять заревел полковник.
'Now suppose you start answering some before I break your goddam head.	- Надеюсь, теперь-то ты нам ответишь, не дожидаясь, пока я проломлю твою окаянную башку!

Just what the hell did you mean, you bastard, when you said we couldn't punish you?'	Так что же, дьявол тебя задери, ты имел в виду, сволочь ты этакая, когда говорил, что мы не сможем тебя наказать?
'I don't think I ever made that statement, sir.'	- Я не могу припомнить, сэр, чтобы я говорил такое.

'Will you speak up, please? I couldn't hear you.'	- Извольте говорить погромче, я вас не слышу, -Опять стал вежливым полковник.
' Yes, sir. I-'	- Слушаюсь, сэр, я...
'Will you speak up, please?	- Извольте говорить громче.
He couldn't hear you.'	Он вас не слышит.
' Yes, sir. I-'	- Слушаюсь, сэр, я...
' Metcalf.'	- Слушайте, Меткаф!

' Sir?'	- Да, сэр?
'Didn't I tell you to keep your stupid mouth shut?'	- Я вам, кажется, сказал, чтобы вы заткнули свою дурацкую глотку, - повысил голос полковник.
'Yes, sir.'	- Слушаюсь, сэр.
'Then keep your stupid mouth shut when I tell you to keep your stupid mouth shut.	- Так вот вы и заткните свою дурацкую глотку, раз я вам велел заткнуть вашу дурацкую глотку.
Do you understand?	Понятно?
Will you speak up, please?	Говорите громче, пожалуйста.
I couldn't hear you.'	Я вас не слышу.
' Yes, sir. I-'	- Слушаюсь, сэр, я...
'Metcalf, is that your foot I'm stepping on?'	- Меткаф, это на вашу ногу я наступил?

'No, sir. It must be Lieutenant Scheisskopfs foot.'	- Нет, сэр, это, должно быть, нога лейтенанта Шейскопфа.
' It isn't my foot,' said Lieutenant Scheisskopf.	- Это не моя нога, - сказал лейтенант Шейскопф.
'Then maybe it is my foot after all,' said Major Metcalf.	- Тогда, может быть, и правда, это моя нога, - сказал майор Меткаф.
'Move it.'	- Отодвиньте ее.
'Yes, sir.	- Слушаюсь, сэр.
You'll have to move your foot first, colonel.	Только сначала вы, полковник, уберите свою ногу.
It's on top of mine.'	Вы же наступили ею на мою.
'Are you telling me to move my foot?'	- Уж не приказываете ли вы мне убрать мою ногу, майор Меткаф?

'No, sir.	- Нет, сэр.
Oh, no, sir.'	О, никоим образом, сэр.
'Then move your foot and keep your stupid mouth shut.	- Тогда уберите ногу и заткните свою дурацкую глотку.
Will you speak up, please?	- Он обернулся к Клевинджеру. - Будьте любезны, говорите громче.
I still couldn't hear you.'	Я по-прежнему вас плохо слышу.
'Yes, sir.	- Слушаюсь, сэр.

I said that I didn't say that you couldn't punish me.'	Я сказал, что не говорил, что вы не сможете меня наказать.
' Just what the hell are you talking about?'	- Что вы такое болтаете, черт вас побери?

' I'm answering your question, sir.'	- Я отвечаю на ваш вопрос, сэр.
'What question?' '	- Какой вопрос?
"Just what the hell did you mean, you bastard, when you said we couldn't punish you?" ' said the corporal who could take shorthand, reading from his steno pad.	- "Так что же, дьявол тебя задери, ты имел в виду, сволочь ты этакая, когда говорил, что мы не сможем тебя наказать?" - громко прочитал капрал свою стенографическую запись.
' All right,' said the colonel.	- Верно, - сказал полковник.
'Just what the hell did you mean?'	- Так что же, черт возьми, вы действительно имели в виду?
'I didn't say you couldn't punish me, sir.'	- Я не говорил, что вы не сможете меня наказать, сэр.

' When?' asked the colonel.	- Когда? - спросил полковник.
'When what, sir?'	- Что "когда", сэр?
'Now you're asking me questions again.'	- Опять вы задаете мне вопросы!
' I'm sorry, sir.	- Простите, сэр.
I'm afraid I don't understand your question.'	Боюсь, что я не понимаю вашего вопроса.
'When didn't you say we couldn't punish you?	- Ладно, тогда иначе. Когда вы не говорили, что мы не сможем наказать вас?
Don't you understand my question?'	Поняли вы мой вопрос или нет?
'No, sir. I don't understand.'	- Нет, сэр, я не понимаю.

' You've just told us that.	- Это вы уже только что говорили.
Now suppose you answer my question.'	Теперь хотелось бы услышать ответ на мой вопрос.
'But how can I answer it?'	- Но как я могу ответить?
' That's another question you're asking me.'	- Вы опять задаете мне вопросы.
' I'm sorry, sir. But I don't know how to answer it.	- Извините, сэр, но я не знаю, что ответить.
I never said you couldn't punish me.'	Я никогда не говорил, что вы не сможете наказать меня.
'Now you're telling us when you did say it.	- Речь идет не о том, когда вы это говорили.

I'm asking you to tell us when you didn't say it.'	Я прошу сказать нам, когда вы этого не говорили.
Clevinger took a deep breath.	Клевинджер тяжело вздохнул:
'I always didn't say you couldn't punish me, sir.'	- Всегда. Всегда не говорил, что вы не сможете меня наказать, сэр.
'That's much better, Mr. Clevinger, even though it is a barefaced lie.	- Это уже звучит лучше, мистер Клевинджер, хотя это и явная ложь.

Last night in the latrine. Didn't you whisper that we couldn't punish you to that other dirty son of a bitch we don't like?	Прошлой ночью, в сортире, разве вы не заявили шепотом другому подлому сукину сыну, который тоже нам не нравится, что мы не сможем вас наказать?

What's his name?'	Кстати, как его фамилия?
' Yossarian, sir,' Lieutenant Scheisskopf said.	- Йоссариан, сэр, - сказал лейтенант Шейскопф.
' Yes, Yossarian. That's right.	- Вот-вот, верно, Йоссариан.
Yossarian.	Йоссариан?
Yossarian? Is that his name?	Это что - его фамилия?
Yossarian? What the hell kind of a name is Yossarian?'	Черт побери! Что это еще за фамилия?
Lieutenant Scheisskopf had the facts at his fingertips.	У лейтенанта Шейскопфа объяснение было наготове.

'It's Yossarian's name, sir,' he explained.	- Йоссариан - это фамилия Йоссариана, сэр, - объяснил он.
' Yes, I suppose it is.	- Хорошо, допустим, что так.
Didn't you whisper to Yossarian that we couldn't punish you?'	Так вы не шептали Йоссариану, что мы не сможем вас наказать?
' Oh, no, sir.	- О нет, сэр.
I whispered to him that you couldn't find me guilty-'	Я сказал ему шепотом, что вы не сочтете меня виновным.
'I may be stupid,' interrupted the colonel, 'but the distinction escapes me.	- Может быть, я слишком глуп, - прервал полковник, - но я не улавливаю разницы.

I guess I am pretty stupid, because the distinction escapes me.'	Да, я, наверное, здорово глуп, если не улавливаю разницы.
'W-'	- Ммм...
'You're a windy son of a bitch, aren't you?	- Вы - несчастный сукин сын! Вы согласны с этим?
Nobody asked you for clarification and you're giving me clarification.	Не лезьте со своими объяснениями, когда вас не просят!
I was making a statement, not asking for clarification.	Если я что-то утверждаю, я ни от кого не требую разъяснений.
You are a windy son of a bitch, aren't you?'	Так вот, вы - несчастный сукин сын, не так ли?

'No, Sir.'	- Нет, сэр!
'No, sir?	- "Нет сэр"?
Are you calling me a goddam liar?'	Значит, вы считаете меня жалким лгуном?
' Oh, no, sir.'	- О нет, сэр...
' Then you're a windy son of a bitch, aren't you?'	- Тогда вы - несчастный сукин сын, правильно?
'No, sir.'	- Нет, сэр. - Вы что, драться со мной собираетесь?- Нет, сэр.

' Are you a windy son of a bitch?'	- Вы признаете себя несчастным сукиным сыном?
'No, sir.'	- Нет, сэр.

'Goddammit, you are trying to pick a fight with me.	- Будь ты проклят, тебе явно не терпится подраться со мной!
For two stinking cents I'd jump over this big fat table and rip your stinking, cowardly body apart limb from limb.'	Да я сейчас перепрыгну через этот стол и вытряхну из тебя твою трусливую, вонючую душонку, которой цена два вонючих цента в базарный день, да еще переломаю тебе руки и ноги!
'Do it! Do it!' cried Major Metcalf	- Переломайте, переломайте! - закричал майор Меткаф.
'Metcalf, you stinking son of a bitch.	- Меткаф, вы - вонючий сукин сын!
Didn't I tell you to keep your stinking, cowardly, stupid mouth shut?'	Я же вам приказал заткнуть свою вонючую, трусливую, дурацкую глотку.

'Yes, sir.	- Слушаюсь, сэр.
I'm sorry, sir.'	Извините, сэр.
' Then suppose you do it.'	- Вы лучше не извиняйтесь, а заткнитесь.
' I was only trying to learn, sir.	- Я попробую, сэр.
The only way a person can learn is by trying.'	Не попробуешь - не научишься. Это единственный способ научиться, сэр.
'Who says so?'	- Что это такое? Откуда вы взяли?
'Everybody says so, sir.	- Все так говорят, сэр.
Even Lieutenant Scheisskopf says so.'	Даже лейтенант Шейскопф говорил.
'Do you say so?'	- Вы говорили?

' Yes, sir,' said Lieutenant Scheisskopf.	- Да, сэр. - сказал лейтенант Шейскопф.
'But everybody says so.'	- Так все говорят.
'Well, Metcalf, suppose you try keeping that stupid mouth of yours shut, and maybe that's the way you'll learn how.	- Ну хорошо, Меткаф. Может быть, вы все-таки попробуете заткнуть вашу дурацкую глотку и тем самым научитесь ее не разевать?
Now, where were we?	Итак, на чем мы остановились?
Read me back the last line.' '	Прочтите мне последнюю строчку стенограммы.

"Read me back the last line," ' read back the corporal who could take shorthand.	- "Прочтите мне последнюю строчку стенограммы" - прочел капрал, который знал стенографию.
'Not my last line, stupid!' the colonel shouted.	- Да не мою последнюю строчку, идиот! -загремел. полковник.
' Somebody else's.' '	- А чью-нибудь еще!
"Read me back the last line," ' read back the corporal.	- "Прочтите мне последнюю строчку стенограммы", - прочитал капрал.
'That's my last line again!' shrieked the colonel, turning purple with anger.	- Да это тоже моя последняя строчка! - завизжал полковник, становясь пунцовым от гнева.

' Oh, no, sir,' corrected the corporal.	- О нет, сэр, - запротестовал капрал.

'That's my last line. I read it to you just a moment ago.	- Это уже моя последняя строчка, раз я прочитал ее вам секунду назад.
Don't you remember, sir? It was only a moment ago.'	Неужели вы не помните, сэр, всего лишь секунду назад...
' Oh, my God!	- Ах боже ты мой!
Read me back his last line, stupid.	Прочтите мне его последнюю строчку, идиот!
Say, what the hell's your name, anyway?'	Как ваша фамилия, черт побери?
' Popinjay, sir.'	- Попинджей, сэр.
' Well, you're next, Popinjay.	- Отлично, вы - следующий на очереди.
As soon as his trial ends, your trial begins.	Как только кончим его судить, возьмемся за вас.

Get it?'	Ясно?
'Yes, sir.	- Да, сэр.
What will I be charged with?'	В чем меня будут обвинять?
'What the hell difference does that make?	- Какая разница!
Did you hear what he asked me?	Вы слышите, господа? И он еще спрашивает!
You're going to learn, Popinjay- the minute we finish with Clevinger you're going to learn. Cadet Clevinger, what did-You are Cadet Clevinger, aren't you, and not Popinjay?' 'Yes, sir.' 'Good. What did-' 'I'm Popinjay, sir.'	Скоро узнаете, Попинджей. Как только мы покончим с Клевинджером, в ту же секунду вы и узнаете.

'Popinjay, is your father a millionaire, or a member of the Senate?'	Ваш отец - миллионер или сенатор?
'No, sir.'	- Нет, сэр.
'Then you're up shit creek, Popinjay, without a paddle.	- Тогда считайте, Попинджей, что вы сидите по горло в дерьме, и притом без лопаты.
He's not a general or a high-ranking member of the Administration, is he?'	А может быть, ваш папенька - генерал или член правительства?
'No, sir.'	- Нет, сэр.
' That's good.	- Прекрасно.
What does your father do?'	Чем же занимается ваш папенька?
' He's dead, sir.'	- Он умер, сэр.
' That's very good.	- Превосходно.

You really are up the creek, Popinjay.	В таком случае вы на самом деле вляпались по уши, Попинджей.
Is Popinjay really your name?	Ваша фамилия действительно Попинджей?
Just what the hell kind of a name is Popinjay anyway?	Вообще, что это еще за фамилия такая -Попинджей?
I don't like it.'	Что-то она мне не нравится.

'It's Popinjay's name, sir,' Lieutenant Scheisskopf explained.	- Попинджей - это фамилия Попинджея, сэр, -объяснил лейтенант Шейскопф.

'Well, I don't like it, Popinjay, and I just can't wait to rip your stinking, cowardly body apart limb from limb.	- В общем, мне все это не нравится, Попинджей, и мне не терпится вытряхнуть из вас вашу вонючую, трусливую душонку и переломать вам руки и ноги.
Cadet Clevinger, will you please repeat what the hell it was you did or didn't whisper to Yossarian late last night in the latrine?'	Кадет Клевинджер, повторите, пожалуйста, черт вас побери, что вы там шептали или не шептали Йоссариану вчера вечером в сортире?
'Yes, sir.	- Слушаюсь, сэр.
I said that you couldn't find me guilty-'	Я сказал, что вы не сочтете меня виновным...
'We'll take it from there.	- Вот отсюда и начнем.

Precisely what did you mean, Cadet Clevinger, when you said we couldn't find you guilty?'	Что конкретно вы имели в виду, кадет Клевинджер, когда говорили, что мы не сочтем вас виновным?
'I didn't say you couldn't find me guilty, sir.'	- Я не говорил, что вы не сочтете меня виновным, сэр.
'When?'	- Когда?
'When what, sir?'	- Что "когда", сэр?
'Goddammit, are you going to start pumping me again?'	- Проклятье! Вы опять решили меня изводить?
'No, sir.	- Нет, сэр.
I'm sorry, sir.'	Прошу извинения, сэр.
' Then answer the question.	- В таком случае отвечайте на вопрос.

When didn't you say we couldn't find you guilty?'	Когда вы не говорили, что мы не сочтем вас виновным?
' Late last night in the latrine, sir.'	- Вчера поздно вечером, в сортире, сэр.
'Is that the only time you didn't say it?'	- Это единственный раз, когда вы этого не говорили?
'No, sir. I always didn't say you couldn't find me guilty, sir.	- Нет, сэр, я всегда не говорил, что вы не сочтете меня виновным, сэр.
What I did say to Yossarian was-'	Йоссариану я сказал, что...
'Nobody asked you what you did say to Yossarian.	- Никто вас не спрашивает, что вы сказали Йоссариану!
We asked you what you didn't say to him.	Мы вас спрашиваем, что вы ему не сказали.

We're not at all interested in what you did say to Yossarian.	Нас вовсе не интересует, что вы ему сказали.
Is that clear?'	Ясно вам?
'Yes, sir.'	- Да, сэр.
' Then we'll go on.	- Тогда продолжаем.
What did you say to Yossarian?'	Так что вы сказали Йоссариану?

'I said to him, sir, that you couldn't find me guilty of the offense with which I am charged and still be faithful to the cause of...'	- Я сказал ему, сэр, что вы не сочтете меня виновным в нарушениях, которые мне приписывают, и восторжествует...
' Of what?	- Что восторжествует?

You're mumbling.'	Не бормочите себе под нос!
' Stop mumbling.'	- Прекратите бормотать!
'Yes, sir.'	- Слушаюсь, сэр.
'And mumble "sir" when you do.'	- А уж если вы бормочете, так не забудьте пробормотать слово "сэр".
' Metcalf, you bastard!'	- Меткаф, опять вы, мерзавец...
'Yes, sir,' mumbled Clevinger. 'Of justice, sir.	- ...восторжествует справедливость, сэр, -пробормотал Клевинджер.
That you couldn't find-'	- Я сказал, что вы не сочтете меня виновным и вост...
'Justice?' The colonel was astounded.	- Справедливость? - удивленно спросил полковник.

' What is justice?'	- Что такое справедливость?
' Justice, sir-'	- Справедливость, сэр, - это...
'That's not what justice is,' the colonel jeered, and began pounding the table again with his big fat hand.	- Истинная справедливость - это прежде всего несправедливость, - усмехнулся полковник и стукнул жирным кулаком по столу.
'That's what Karl Marx is. I'll tell you what justice is.	- Я тебе сейчас растолкую, что такое справедливость.

Justice is a knee in the gut from the floor on the chin at night sneaky with a knife brought up down on the magazine of a battleship sandbagged underhanded in the dark without a word of warning. Garroting.	Справедливость - это удар коленом в живот. Это -когда пыряют снизу ножом в горло, под подбородок, исподтишка. Справедливость - это когда в темноте без предупреждения бьют по голове мешком с песком или прыгают на горло и душат. Вот что такое справедливость!
That's what justice is when we've all got to be tough enough and rough enough to fight Billy Petrolle.	Если мы хотим стать сильными и крепкими, чтобы победить макаронников!
From the hip.	Стрелять с бедра!
Get it?'	Понял?
'No, sir.'	- Нет, сэр.
' Don't sir me!'	- Ты мне не сэркай.

'Yes, sir.'	- Слушаюсь, сэр.
'And say "sir" when you don't,' ordered Major Metcalf.	- И когда вы не сэркаете, вы обязаны прибавлять "сэр", - отчеканил майор Меткаф.
Clevinger was guilty, of course, or he would not have been accused, and since the only way to prove it was to find him guilty, it was their patriotic duty to do so.	Клевинджер, конечно, был виновен: иначе как же можно было бы его в чем-то обвинять! И поскольку единственный способ доказать его виновность заключался в том, чтобы признать его виновным, так и было сделано.

He was sentenced to walk fifty-seven punishment tours.	Клевинджера приговорили к пятидесяти семи штрафным маршировкам.

Popinjay was locked up to be taught a lesson, and Major Metcalf was shipped to the Solomon Islands to bury bodies.	Попинджея посадили под замок - чтобы впредь было неповадно... А майора Меткафа отправили на Соломоновы острова закапывать трупы.
A punishment tour for Clevinger was fifty minutes of a weekend hour spent pacing back and forth before the provost marshal's building with a ton of an unloaded rifle on his shoulder.	По субботам Клевинджер был обязан пятьдесят минут шагать взад и вперед перед домом начальника военной полиции с незаряженной винтовкой, оттягивающей плечо.
It was all very confusing to Clevinger.	Все это совершенно сбило с толку Клевинджера.

There were many strange things taking place, but the strangest of all, to Clevinger, was the hatred, the brutal, uncloaked, inexorable hatred of the members of the Action Board, glazing their unforgiving expressions with a hard, vindictive surface, glowing in their narrowed eyes malignantly like inextinguishable coals.	На свете происходило много странных вещей, но самым странным для Клевинджера была ненависть - звериная, неприкрытая, не знающая пощады ненависть членов дисциплинарной комиссии; она, как тлеющий уголь, светилась в их злобных прищуренных глазах.
Clevinger was stunned to discover it.	Клевинджер был потрясен, обнаружив это.
They would have lynched him if they could.	Будь их воля, они бы его линчевали.

They were three grown men and he was a boy, and they hated him and wished him dead.	Три взрослых человека ненавидели его, совсем еще мальчишку, и желали ему смерти.
They had hated him before he came, hated him while he was there, hated him after he left, carried their hatred for him away malignantly like some pampered treasure after they separated from each other and went to their solitude.	Они ненавидели его еще до того, как он вошел, ненавидели, когда он стоял перед ними, ненавидели его, когда он ушел, и, даже разойдясь по домам, унесли в душе свою ненависть к нему, лелея ее как сокровище.
Yossarian had done his best to warn him the night before.	Йоссариан всячески предостерегал его еще накануне вечером.
'You haven't got a chance, kid,' he told him glumly.	- У тебя нет никаких шансов, малыш, - хмуро говорил он Клевинджеру.

' They hate Jews.'	- Они ненавидят евреев.
'But I'm not Jewish,' answered Clevinger.	- Но я-то не еврей, - отвечал Клевинджер.
'It will make no difference,' Yossarian promised, and Yossarian was right. 'They're after everybody.' Clevinger recoiled from their hatred as though from a blinding light.	- Это не имеет значения. Они всех ненавидят. Вот увидишь, - сулил Йоссариан, и он был прав.

These three men who hated him spoke his language and wore his uniform, but he saw their loveless faces set immutably into cramped, mean lines of hostility and understood instantly that nowhere in the world, not in all the fascist tanks or planes or submarines, not in the bunkers behind the machine guns or mortars or behind the blowing flame throwers, not even among all the expert gunners of the crack Hermann Goering Antiaircraft Division or among the grisly connivers in all the beer halls in Munich and everywhere else, were there men who	Трое ненавидевших Клевинджера людей говорили на его родном языке и носили форму его родины, но их лица дышали такой непреклонной враждебностью к нему, что он вдруг понял: нигде в мире - ни в фашистских танках, ни в самолетах, ни в подводных лодках, ни в блиндажах среди нацистских пулеметчиков, артиллеристов или огнеметчиков, даже среди самых опытных зенитчиков противовоздушной дивизии Германа Геринга и самых мерзких подонков из мюнхенских пивных, - и вообще нигде нет на земле таких людей, которые ненавидели бы его сильнее, чем эти трое.

Major Major Major Major Major Major Major Major had had a difficult time from the start.	9. Майор Майор Майор Майору Майору Майору пришлось туго с самого начала.
Like Minniver Cheevy, he had been born too late-exactly thirty-six hours too late for the physical well-being of his mother, a gentle, ailing woman who, after a full day and a half's agony in the rigors of childbirth, was depleted of all resolve to pursue further the argument over the new child's name.	Подобно Миниверу Чиви, он родился слишком поздно, а точнее, на тридцать шесть часов позднее, чем следовало. Полтора суток маялась при родах его мать, хрупкая, болезненная женщина, и в результате обессилела настолько, что не смогла переубедить мужа, когда они заспорили, как назвать ребенка.

In the hospital corridor, her husband moved ahead with the unsmiling determination of someone who knew what he was about. Major Major's father was a towering, gaunt man in heavy shoes and a black woolen suit.	Ее супруг, мужчина хмурый, ростом с каланчу, носивший грубые башмаки и черный шерстяной костюм, вышел в больничный коридор с мрачной решимостью человека, готового биться за свое до конца.
He filled out the birth certificate without faltering, betraying no emotion at all as he handed the completed form to the floor nurse.	Он без раздумий заполнил свидетельство о рождении и с бесстрастным лицом вручил документ дежурной медсестре.

The nurse took it from him without comment and padded out of sight.	Сестра не промолвила ни слова, взяла бумажку и ушла.
He watched her go, wondering what she had on underneath.	Он посмотрел ей вслед, пытаясь догадаться, что у нее надето под халатом.
Back in the ward, he found his wife lying vanquished beneath the blankets like a desiccated old vegetable, wrinkled, dry and white, her enfeebled tissues absolutely still.	Вернувшись в палату, он подошел к жене. Она лежала под одеялом разбитая, сморщенная, бледная, высохшая, как прошлогодний капустный лист, и от изнеможения не могла пошевельнуть и пальцем.
Her bed was at the very end of the ward, near a cracked window thickened with grime.	Кровать ее стояла в дальнем углу палаты, у давно не мытого окошка с разбитыми, грязными стеклами.

Rain splashed from a moiling sky and the day was dreary and cold.	Сильный дождь неутомимо полосовал землю, день был унылый и промозглый.
In other parts of the hospital chalky people with aged, blue lips were dying on time.	Самое время умирать, что и делали в других палатах белые как мел люди с посиневшими губами.
The man stood erect beside the bed and gazed down at the woman a long time.	Мужчина стоял у кровати, потупив взгляд.

'I have named the boy Caleb,' he announced to her finally in a soft voice.	- Я назвал мальчика Калеб, - объявил он наконец тихим голосом.
' In accordance with your wishes.'	- Как ты хотела.

The woman made no answer, and slowly the man smiled.	Женщина не ответила. И мужчина медленно улыбнулся.
He had planned it all perfectly, for his wife was asleep and would never know that he had lied to her as she lay on her sickbed in the poor ward of the county hospital.	Он здорово все это подстроил: жена спала. Покуда она лежит в бедной сельской больнице, она не узнает, что он ей солгал.

From this meager beginning had sprung the ineffectual squadron commander who was now spending the better part of each working day in Pianosa forging Washington Irving's name to official documents.	Вот такое-то жалкое начало и привело в конце концов к появлению на Пьяносе никудышнего командира эскадрильи, который тратил теперь большую часть рабочего дня на подделывание подписей Вашингтона Ирвинга под официальными документами.

Major Major forged diligently with his left hand to elude identification, insulated against intrusion by his own undesired authority and camouflaged in his false mustache and dark glasses as an additional safeguard against detection by anyone chancing to peer in through the dowdy celluloid window from which some thief had carved out a slice.	Чтобы не быть пойманным, майор Майор Майор работал левой рукой. Начальственная должность, которую он занял не по своей воле, защищала его от вторжения в палатку посторонних лиц. К тому же он изменил свою внешность, нацепив фальшивые усы и темные очки, - дополнительная страховка на случай, если бы кто-нибудь надумал подглядывать сквозь уродливое оконце, из которого какой-то вор вырезал кусок целлулоида.

In between these two low points of his birth and his success lay thirty-one dismal years of loneliness and frustration.	Между этими двумя моментами - рождением и первой удачей в карьере - лежало тридцать с лишним безрадостных лет одиночества и разочарований.
Major Major had been born too late and too mediocre.	Майор Майор родился слишком поздно и слишком посредственным.
Some men are born mediocre, some men achieve mediocrity, and some men have mediocrity thrust upon them.	Некоторые люди страдают врожденной посредственностью, другие становятся посредственными, а третьих упорно считают посредственностями.
With Major Major it had been all three.	С Майором Майором случилось и то, и другое, и третье.

Even among men lacking all distinction he inevitably stood out as a man lacking more distinction than all the rest, and people who met him were always impressed by how unimpressive he was.	Среди самых бесцветных он был самым бесцветным, и на людей, которые с ним встречались, производило впечатление то, что этот человек совершенно не способен произвести никакого впечатления.
Major Major had three strikes on him from the beginning-his mother, his father and Henry Fonda, to whom he bore a sickly resemblance almost from the moment of his birth.	С самого рождения над Майором Майором тяготели три проклятия: его мать, его отец и Генри Фонда, на которого он был до жути похож с пеленок.

Long before he even suspected who Henry Fonda was, he found himself the subject of unflattering comparisons everywhere he went.	Еще когда Майор Майор даже не подозревал, что на свете существует некий Генри Фонда, он обнаружил, что, куда бы ни пошел, его всюду с кем-то сравнивают, и притом нелестным для него образом.
Total strangers saw fit to deprecate him, with the result that he was stricken early with a guilty fear of people and an obsequious impulse to apologize to society for the fact that he was not Henry Fonda.	Совершенно незнакомые люди выражали ему свою досаду, что он не тот, за кого они его приняли, и в результате он с ранних лет испытывал перед людьми чувство страха, вины и смиренное желание покаяться перед обществом в том, что он не Генри Фонда.

It was not an easy task for him to go through life looking something like Henry Fonda, but he never once thought of quitting, having inherited his perseverance from his father, a lanky man with a good sense of humor.	Нелегкая это была для него задача - пройти через жизнь, неся бремя сходства с Генри Фонда. И все-таки он никогда не помышлял о капитуляции, унаследовав упорство своего отца, наделенного высоким ростом, длинными ручищами и тонким чувством юмора.
Major Major's father was a sober God-fearing man whose idea of a good joke was to lie about his age.	Отец Майора Майора любил иной раз неправильно назвать свой возраст, полагая, что тем самым отмочил отличную шутку.

He was a long-limbed farmer, a God-fearing, freedom-loving, law-abiding rugged individualist who held that federal aid to anyone but farmers was creeping socialism.	Этот долговязый, богобоязненный, свободолюбивый, законопослушный фермер был убежденным индивидуалистом и считал, что любая помощь федерального правительства кому-нибудь, кроме фермеров, означает сползание к социализму.
He advocated thrift and hard work and disapproved of loose women who turned him down.	Он горячо ратовал за бережливость, труд в поте лица своего и осуждал распущенных женщин, отвергавших его ухаживания.
His specialty was alfalfa, and he made a good thing out of not growing any.	Он занимался люцерной и неплохо зарабатывал на том, что не выращивал ее.

The government paid him well for every bushel of alfalfa he did not grow.	Правительство хорошо платило ему за каждый невыращенный бушель.
The more alfalfa he did not grow, the more money the government gave him, and he spent every penny he didn't earn on new land to increase the amount of alfalfa he did not produce.	Чем больше люцерны он не производил, тем больше денег платило ему правительство.
Major Major's father worked without rest at not growing alfalfa.	Отец Майора Майора в поте лица своего трудился над тем, чтобы не выращивать люцерну.

On long winter evenings he remained indoors and did not mend harness, and he sprang out of bed at the crack of noon every day just to make certain that the chores would not be done.	Длинными зимними вечерами он сидел дома, а не корпел в сарае, как некоторые, над починкой сбруи. В полдень он вскакивал с постели, желая убедиться своими глазами, что по хозяйству ничего не делается.
He invested in land wisely and soon was not growing more alfalfa than any other man in the county.	Он расчетливо вкладывал денежки в земледелие и вскоре не выращивал люцерны больше, чем любой из окрестных фермеров.

Neighbors sought him out for advice on all subjects, for he had made much money and was therefore wise.	Соседи советовались с ним по всем вопросам, потому что он сколотил приличный капиталец и тем самым подтвердил делом свою мудрость.
'As ye sow, so shall ye reap,' he counseled one and all, and everyone said,	"Что посеешь, то и пожнешь", - поучал он всех и каждого, и каждый ему отвечал:
' Amen.'	"Воистину так".

Major Major's father was an outspoken champion of economy in government, provided it did not interfere with the sacred duty of government to pay farmers as much as they could get for all the alfalfa they produced that no one else wanted or for not producing any alfalfa at all.	Отец Майора Майора был ярым сторонником строжайшей экономии долларовых ресурсов правительства, при условии, что эта экономия не помешает правительству выполнять его священные задачи - выплачивать фермерам как можно больше долларов за то, что они не выращивают люцерну, не пользующуюся спросом, или за то, что они - вообще не выращивают люцерны как таковой.

He was a proud and independent man who was opposed to unemployment insurance and never hesitated to whine, whimper, wheedle, and extort for as much as he could get from whomever he could.	Этот гордый, независимый человек резко возражал против выплаты пособий по безработице и со спокойной душой, скуля и хныча, выклянчивал или урывал сколько можно и у кого только можно.
He was a devout man whose pulpit was everywhere.	Это был благочестивый, набожный человек, ухитрявшийся проповедовать с любой кочки.

'The Lord gave us good farmers two strong hands so that we could take as much as we could grab with both of them,' he preached with ardor on the courthouse steps or in front of the A&P as he waited for the bad-tempered gum-chewing young cashier he was after to step outside and give him a nasty look.	- Господь дал нам, добрым фермерам, пару сильных рук, дабы мы брали ими обеими столько, сколько можем ухватить, - с жаром вещал он, стоя на ступеньках суда или у дверей магазина, где дожидался, пока неулыбчивая молоденькая кассирша, ласк которой он домогался, выйдет с жевательной резинкой за щекой и подарит ему злобный взгляд.
'If the Lord didn't want us to take as much as we could get,' he preached, 'He wouldn't have given us two good hands to take it with.'	- Если бы господь не желал, чтобы мы брали столько, сколько можем ухватить, то зачем бы тогда господь дал нам по паре сильных рук? -вопрошал он.

And the others murmured,	И все бормотали:
' Amen.'	- Воистину так.
Major Major's father had a Calvinist's faith in predestination and could perceive distinctly how everyone's misfortunes but his own were expressions of God's will.	Отец Майора Майора, как истый кальвинист, верил в предопределение свыше и отчетливо сознавал, что все несчастья, кроме его собственных, происходят с людьми по воле божьей.

He smoked cigarettes and drank whiskey, and he thrived on good wit and stimulating intellectual conversation, particularly his own when he was lying about his age or telling that good one about God and his wife's difficulties in delivering Major Major.	Он курил, пил, любил хороший юмор и умный душевный разговор - главным образом свой юмор и свой разговор, например, когда он врал про свой возраст или рассказывал великолепную шутку о господе нашем и о том, как тяжело достался матери Майор Майор.

The good one about God and his wife's difficulties had to do with the fact that it had taken God only six days to produce the whole world, whereas his wife had spent a full day and a half in labor just to produce Major Major.	Эта великолепная шутка заключалась в том, что богу понадобилось шесть дней для сотворения мира, тогда как бедной женщине пришлось потрудиться полтора суток, что бы произвести на свет одного только Майора Майора.
A lesser man might have wavered that day in the hospital corridor, a weaker man might have compromised on such excellent substitutes as Drum Major, Minor Major, Sergeant Major, or C.	Человек послабее духом капитулировал бы в тот день в больничном коридоре, пошел бы на компромисс и согласился бы на какой-нибудь звонкий эрзац вроде Сержант Майор, Генерал Майор или там Мотор Майор, но не таковский был человек отец Майора Майора.

Sharp Major, but Major Major's father had waited fourteen years for just such an opportunity, and he was not a person to waste it.	Не для того ждал он четырнадцать лет удобного случая, чтобы вдруг упустить его.
Major Major's father had a good joke about opportunity. ' Opportunity only knocks once in this world,' he would say. Major Major's father repeated this good joke at every opportunity.	Отец Майора Майора знал отличную шутку про удобный случай. "Удобный случай два раза в дверь не постучится", - говаривал он при каждом удобном случае.

Being born with a sickly resemblance to Henry Fonda was the first of along series of practical jokes of which destiny was to make Major Major the unhappy victim throughout his joyless life.	Жуткое сходство с Генри Фонда было первой проделкой судьбы над несчастным Майором Майором.
Being born Major Major Major was the second.	Второй проделкой судьбы было наречение младенца с фамилией Майор именем Майор.
The fact that he had been born Major Major Major was a secret known only to his father.	Это была тайна, известная лишь его отцу.

Not until Major Major was enrolling in kindergarten was the discovery of his real name made, and then the effects were disastrous.	Тайна раскрылась, когда ребенка привели записывать в детский сад. Эффект был катастрофическим.

The news killed his mother, who just lost her will to live and wasted away and died, which was just fine with his father, who had decided to marry the bad-tempered girl at the A&P if he had to and who had not been optimistic about his chances of getting his wife off the land without paying her some money or flogging her.	Новость убила мать. Узнав, как зовут ее дитя, она утратила интерес к жизни, зачахла и скончалась. Отец решил, что с ее стороны это весьма мило, поскольку он частенько с грустью подумывал, что в его распоряжении есть только два способа избавиться от супруги: или уплатить ей отступного, или выгнать без цента в кармане. Теперь он решил, что женится на сварливой кассирше из магазина, если уж дело того потребует.
On Major Major himself the consequences were only slightly less severe.	Для самого Майора Майора последствия оказались лишь немного менее кошмарными, чем для его матери.

It was a harsh and stunning realization that was forced upon him at so tender an age, the realization that he was not, as he had always been led to believe, Caleb Major, but instead was some total stranger named Major Major Major about whom he knew absolutely nothing and about whom nobody else had ever heard before.	Ужасно узнать в нежном возрасте, что ты вовсе не Калеб Майор, как тебя всегда уверяли, а какой-то незнакомец по имени Майор Майор, о котором ты ровным счетом ничегошеньки не знаешь, а другие и вовсе слыхом не слыхали.

What playmates he had withdrew from him and never returned, disposed, as they were, to distrust all strangers, especially one who had already deceived them by pretending to be someone they had known for years.	Все товарищи бросили его насовсем, поскольку были приучены с младенчества держаться подальше от незнакомцев. А кроме того, разве могли они доверять мальчику, который уже раз обманул их, выдавая себя несколько лет подряд за их старого знакомого?
Nobody would have anything to do with him.	Никто не хотел иметь с ним дело.
He began to drop things and to trip.	У него все стало падать из рук, он начал спотыкаться на ровном месте.

He had a shy and hopeful manner in each new contact, and he was always disappointed.	С робкой надеждой пытался он завести новые знакомства, но дело всегда кончалось крахом.
Because he needed a friend so desperately, he never found one.	Он отчаянно нуждался в приятелях, но не мог завести ни одного.
He grew awkwardly into a tall, strange, dreamy boy with fragile eyes and a very delicate mouth whose tentative, groping smile collapsed instantly into hurt disorder at every fresh rebuff.	Он рос неуклюжим, высоким, странным, мечтательным мальчиком с неуверенным взглядом и заискивающей улыбкой на губах, которая при каждой новой неудаче тут же превращалась в кривую, горькую гримасу.
He was polite to his elders, who disliked him.	Он был вежлив со старшими, которые его не любили.

Whatever his elders told him to do, he did.	Он исполнял все, что говорили ему взрослые.
They told him to look before he leaped, and he always looked before he leaped.	Ему говорили: "Семь раз отмерь, один раз отрежь" - он семь раз мерил, потом резал.
They told him never to put off until the next day what he could do the day before, and he never did. He was told to honor his father and his mother, and he honored his father and his mother.	Ему говорили: "Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня" - и он не откладывал.

He was told that he should not kill, and he did not kill, until he got into the Army.	Ему говорили: "Не убий" - и он не убивал, покуда не попал в армию.
Then he was told to kill, and he killed.	Там ему велели убивать, и он убивал.
He turned the other cheek on every occasion and always did unto others exactly as he would have had others do unto him.	При первом подходящем случае он подставлял другую щеку и всегда поступал с ближним в точности так, как ему хотелось бы, чтобы ближний поступил с ним.
When he gave to charity, his left hand never knew what his right hand was doing.	Когда он подавал милостыню, его левая рука не знала, что творит правая.

He never once took the name of the Lord his God in vain, committed adultery or coveted his neighbor's ass. In fact, he loved his neighbor and never even bore false witness against him.	Никогда он всуе не поминал имя божье, не занимался прелюбодеянием, любил соседа своего и никогда не лжесвидетельствовал против него.
Major Major's elders disliked him because he was such a flagrant nonconformist.	Родители Майора Майора недолюбливали свое чадо за такую, слишком уж пламенную принципиальность.
Since he had nothing better to do well in, he did well in school.	За неимением более подходящего места он творил добро в школе.

At the state university he took his studies so seriously that he was suspected by the homosexuals of being a Communist and suspected by the Communists of being a homosexual. He majored in English history, which was a mistake.	В университете штата он учился со всей серьезностью и специализировался по английской истории, что было ошибкой.
'English history!' roared the silver-maned senior Senator from his state indignantly.	- Английская, видите ли, история! - негодующе орал сенатор от их штата, тряся гривой седых волос.
'What's the matter with American history?	- А почему не американская?

American history is as good as any history in the world!'	Американская история нисколько не хуже, чем любая другая история в мире!
Major Major switched immediately to American literature, but not before the F.B.I. had opened a file on him.	Майор Майор немедленно переключился на изучение американской литературы, но ФБР уже успело завести на чего досье.

There were six people and a Scotch terrier inhabiting the remote farmhouse Major Major called home, and five of them and the Scotch terrier turned out to be agents for the F.B.I.	На далекой ферме, которую Майор Майор называл своим родным домом, проживали шесть человек и шотландский терьер. Пятеро из этих шести, а с ними и терьер, как выяснилось, сотрудничали с ФБР.
Soon they had enough derogatory information on Major Major to do whatever they wanted to with him.	Скоро они собрали столько компрометирующего материала на Майора Майора, что могли сделать с ним все, что угодно.

The only thing they could find to do with him, however, was take him into the Army as a private and make him a major four days later so that Congressmen with nothing else on their minds could go trotting back and forth through the streets of Washington, D.C., chanting,	Однако единственное, что они смогли сделать, -отправить его рядовым в армию. Четырьмя днями позднее он был произведен в майоры, и конгрессмены в Вашингтоне, забросив все прочие дела, бегали взад-вперед по столичным тротуарам, хватаясь за голову и приговаривая:
' Who promoted Major Major?	"Кто произвел в майоры этого Майора Майора?
Who promoted Major Major?'	Нет, вы только скажите, кто его произвел?"

Actually, Major Major had been promoted by an I.B.M. machine with a sense of humor almost as keen as his father's.	А произвела Майора Майора в майоры электронная счетно-решающая машина, обладающая почти таким же тонким чувством юмора, как и папаша Майора Майора.
When war broke out, he was still docile and compliant.	Когда разразилась война, Майор Майор все еще был послушным и покладистым юношей.
They told him to enlist, and he enlisted.	Ему велели пойти в армию, и он пошел.

They told him to apply for aviation cadet training, and he applied for aviation cadet training, and the very next night found himself standing barefoot in icy mud at three o'clock in the morning before a tough and belligerent sergeant from the Southwest who told them he could beat hell out of any man in his outfit and was ready to prove it.	Ему велели подать заявление в авиационное училище, и он подал заявление и уже на следующие сутки в три часа ночи стоял босой в холодной грязи перед дюжим свирепым сержантом с юго-запада, который объявил, что сможет вышибить дух из любого и готов доказать это хоть сию же секунду.

The recruits in his squadron had all been shaken roughly awake only minutes before by the sergeant's corporals and told to assemble in front of the administration tent.	За несколько минут до этого капралы грубо растолкали спящих новобранцев и приказали собраться перед палаткой административного отдела.

It was still raining on Major Major.	Майор Майор выбежал под дождь и занял место в строю.
They fell into ranks in the civilian clothes they had brought into the Army with them three days before.	На нем, как и на других новобранцах, был гражданский костюм, в котором он явился на призывной пункт 2 дня назад.

Those who had lingered to put shoes and socks on were sent back to their cold, wet, dark tents to remove them, and they were all barefoot in the mud as the sergeant ran his stony eyes over their faces and told them he could beat hell out of any man in his outfit.	Тем, кто замешкался, завязывая шнурки на ботинках, приказали идти обратно в холодные, сырые, темные палатки и разуться. И вот теперь они стояли босые в грязи, а сержант с каменным лицом заверял их, что может вышибить дух из каждого в своем подразделении.
No one was inclined to dispute him.	Никто не испытывал желания оспаривать это утверждение.

Major Major's unexpected promotion to major the next day plunged the belligerent sergeant into a bottomless gloom, for he was no longer able to boast that he could beat hell out of any man in his outfit.	Неожиданное производство Майора Майора в майоры уже на следующий день после его прибытия в часть повергло воинственного сержанта в бездонную пучину тоски, поскольку с этой минуты он лишался оснований хвалиться, что может вышибить дух из любого в своем подразделении.
He brooded for hours in his tent like Saul, receiving no visitors, while his elite guard of corporals stood discouraged watch outside.	Не желая никого видеть, он удалился в свою палатку и, подобно библейскому Саулу, предался горестным размышлениям. Приунывшие капралы - его отборная гвардия - несли наружную охрану.

At three o'clock in the morning he found his solution, and Major Major and the other recruits were again shaken roughly awake and ordered to assemble barefoot in the drizzly glare at the administration tent, where the sergeant was already waiting, his fists clenched on his hips cockily, so eager to speak that he could hardly wait for them to arrive.	В три часа утра сержанта осенило. Майора Майора и других новобранцев снова грубо растолкали и приказали собраться босиком у палатки административного отдела, где в дождливой предрассветной мгле их уже дожидался, лихо подбоченясь, сержант. Его прямо-таки распирало от желания поскорее высказаться, и он с трудом заставил себя дождаться, пока все соберутся.

'Me and Major Major,' he boasted, in the same tough, clipped tones of the night before, 'can beat hell out of any man in my outfit.'	- Мы с майором Майором, - хвастливо заявил он таким же, что и накануне, резким, угрожающим тоном, - можем вышибить дух из любого в моем подразделении.
The officers on the base took action on the Major Major problem later that same day.	С наступлением дня над проблемой майора Майора принялись размышлять офицеры.
How could they cope with a major like Major Major?	Как им следовало относиться к такому майору, как майор Майор?
To demean him personally would be to demean all other officers of equal or lesser rank.	Обращаться с ним, как с низшим чином, - значило бы унизить всех остальных майоров, а также офицеров ниже рангом.

To treat him with courtesy, on the other hand, was unthinkable.	С другой стороны, относиться к нему вежливо было тоже немыслимо.
Fortunately, Major Major had applied for aviation cadet training.	К счастью, вспомнили, что майор Майор подал заявление в авиационное училище.

Orders transferring him away were sent to the mimeograph room late in the afternoon, and at three o'clock in the morning Major Major was again shaken roughly awake, bidden Godspeed by the sergeant and placed aboard a plane heading west.	К вечеру был отстукан приказ о его переводе в училище, и в три часа утра сержант, грубо растолкав майора Майора, усадил его в самолет, направлявшийся на запад.
Lieutenant Scheisskopf turned white as a sheet when Major Major reported to him in California with bare feet and mudcaked toes.	Лейтенант Шейскопф побелел как полотно, когда майор Майор, босой, с заскорузлой глиной на пальцах ног, отрапортовал ему о своем прибытии в Калифорнию.

Major Major had taken it for granted that he was being shaken roughly awake again to stand barefoot in the mud and had left his shoes and socks in the tent.	Майор Майор считал само собой разумеющимся, что, раз его грубо растолкали в три часа утра, значит, он обязан стоять перед кем-то босиком в грязи, оставив носки и туфли в палатке.
The civilian clothing in which he reported for duty to Lieutenant Scheisskopf was rumpled and dirty.	Его гражданский костюм, в котором он предстал перед лейтенантом, был как жеваный и весь заляпан грязью.

Lieutenant Scheisskopf, who had not yet made his reputation as a parader, shuddered violently at the picture Major Major would make marching barefoot in his squadron that coming Sunday.	Лейтенант Шейскопф, в ту пору еще не завоевавший репутации гения строевой подготовки, задрожал крупной дрожью, представив на секунду майора Майора, марширующего босиком на воскресном параде.
'Go to the hospital quickly,' he mumbled, when he had recovered sufficiently to speak, 'and tell them you're sick. Stay there until your allowance for uniforms catches up with you and you have some money to buy some clothes. And some shoes.	- Быстро отправляйтесь в госпиталь, -пробормотал лейтенант, когда к нему частично вернулся дар речи. - Скажите, что вы больны, и оставайтесь там, покуда на вас не поступят экипировочные. Вам надо купить кое-что из обмундирования и какую-нибудь обувь.

Buy some shoes.'	Обязательно купите себе обувь.
'Yes, sir.'	- Слушаюсь, сэр!
'I don't think you have to call me "sir," sir,' Lieutenant Scheisskopf pointed out.	- По-моему, вы, сэр, не обязаны называть меня "сэр", - заметил лейтенант Шейскопф.
' You outrank me.'	- Вы старше меня по званию.
'Yes, sir.	- Так точно, сэр!
I may outrank you, sir, but you're still my commanding officer.'	Может, я и старше вас по званию, но все же вы -мой командир.
'Yes, sir, that's right,' Lieutenant Scheisskopf agreed.	- Так точно, сэр! Это верно, - согласился лейтенант Шейскопф.

'You may outrank me, sir, but I'm still your commanding officer.	- Может, вы и старше меня по званию, но все же я- ваш командир.
So you better do what I tell you, sir, or you'll get into trouble.	Так что вы лучше поступайте, сэр, как я вам скажу, иначе наживете неприятности.
Go to the hospital and tell them you're sick, sir.	Идите, сэр, в госпиталь и скажите, что вы больны.
Stay there until your uniform allowance catches up with you and you have some money to buy some uniforms.'	И оставайтесь там, покуда на вас не поступят экипировочные, и тогда купите себе что-нибудь из обмундирования.
'Yes, sir.'	- Слушаюсь, сэр.

' And some shoes, sir.	- И обувь какую-нибудь, сэр.

Buy some shoes the first chance you get, sir.'	При первой же возможности купите себе что-нибудь на ноги, сэр.
'Yes, sir.	- Слушаюсь, сэр.
I will, sir.'	Куплю, сэр.
' Thank you, sir.'	- Благодарю вас, сэр.
Life in cadet school for Major Major was no different than life had been for him all along.	Для майора Майора жизнь в военном училище мало чем отличалась от всей его предыдущей жизни.
Whoever he was with always wanted him to be with someone else.	Каждый, кто имел с ним дело, торопился уступить эту честь другому.

His instructors gave him preferred treatment at every stage in order to push him along quickly and be rid of him.	Преподаватели занимались с ним особенно интенсивно, чтобы поскорее продвинуть его дальше и таким образом от него отделаться.
In almost no time he had his pilot's wings and found himself overseas, where things began suddenly to improve.	Потребовались буквально считанные дни, чтобы он получил пилотские нашивки и оказался за океаном. И здесь неожиданно судьба ему улыбнулась.
All his life, Major Major had longed for but one thing, to be absorbed, and in Pianosa, for a while, he finally was.	Всю жизнь он жаждал одного - раствориться в людях, не быть отверженным, и вот наконец на острове Пьяноса его желание исполнилось.

Rank meant little to the men on combat duty, and relations between officers and enlisted men were relaxed and informal.	Чины и ранги мало значат на войне, где люди каждый день рискуют сложить голову, и поэтому отношения между офицерами и сержантско-рядовым составом были свободными и неофициальными.
Men whose names he didn't even know said	Люди, которых он даже не знал по фамилии, кричали ему:
'Hi' and invited him to go swimming or play basketball.	"Эй!" - и приглашали пойти купаться или поиграть в баскетбол.

His ripest hours were spent in the day-long basketball games no one gave a damn about winning. Score was never kept, and the number of players might vary from one to thirty-five.	Долгие и упоительные часы проводил он на баскетбольной площадке. Никто там не гнался за победой, счета никогда не вели, а количество игроков на площадке колебалось от одного до тридцати пяти.

Major Major had never played basketball or any other game before, but his great, bobbing height and rapturous enthusiasm helped make up for his innate clumsiness and lack of experience.	Прежде майор Майор никогда не играл ни в баскетбол, ни в другие игры, но его высоченный рост и пылкий энтузиазм возмещали врожденную неуклюжесть и отсутствие тренировок.
Major Major found true happiness there on the lopsided basketball court with the officers and enlisted men who were almost his friends.	На площадке он почти сдружился со своими партнерами - офицерами и рядовыми - и чувствовал себя подлинно счастливым человеком.

If there were no winners, there were no losers, and Major Major enjoyed every gamboling moment right up till the day Colonel Cathcart roared up in his jeep after Major Duluth was killed and made it impossible for him ever to enjoy playing basketball there again.	Здесь не было победителей, но не было и проигравших, и майор Майор весело скакал по площадке, упиваясь каждым пасом и броском, покуда не погиб майор Дулут и не примчался на своем джипе полковник Кэткарт, который лишил майора Майора его единственной радости в жизни.
'You're the new squadron commander,' Colonel Cathcart had shouted rudely across the railroad ditch to him.	- Вы назначены новым командиром эскадрильи! -рявкнул полковник Кэткарт с той стороны железнодорожной выемки.

'But don't think it means anything, because it doesn't.	- Только не воображайте, что это что-то значит. Это ничего не значит.
All it means is that you're the new squadron commander.'	Это значит лишь то, что вы - новый командир эскадрильи.
Colonel Cathcart had nursed an implacable grudge against Major Major for a long time.	Долгое время полковник Кэткарт копил в душе злобу на майора Майора.

A superfluous major on his rolls meant an untidy table of organization and gave ammunition to the men at Twenty-seventh Air Force Headquarters who Colonel Cathcart was positive were his enemies and rivals.	Лишний майор в списке личного состава вверенной ему части означал нарушение штатного расписания и давал тем самым козырь в руки джентльменам из штаба двадцать седьмой воздушной армии, которые, по твердому убеждению полковника Кэткарта, были все сплошь его врагами и завистниками.
Colonel Cathcart had been praying for just some stroke of good luck like Major Duluth's death. He had been plagued by one extra major; he now had an opening for one major.	Полковник Кэткарт молил бога о помощи, и помощь пришла в виде смерти майора Дулута - в результате открылась вакантная должность для одного майора.

He appointed Major Major squadron commander and roared away in his jeep as abruptly as he had come.	Полковник назначил майора Майора командиром эскадрильи и укатил на своем джипе так же внезапно, как и приехал.
For Major Major, it meant the end of the game.	Для майора Майора это означало, что игре в баскетбол пришел конец.
His face flushed with discomfort, and he was rooted to the spot in disbelief as the rain clouds gathered above him again.	Он стоял как вкопанный, с растерянным лицом, отказываясь верить, что тучи снова собрались над его головой.

When he turned to his teammates, he encountered a reef of curious, reflective faces all gazing at him woodenly with morose and inscrutable animosity.	Вернувшись к партнерам по игре, он натолкнулся на стену угрюмого молчания. Одни смотрели на него деревянным взглядом, другие - с любопытством, третьи - с непонятной враждебностью.
He shivered with shame.	Он сгорал от стыда.

When the game resumed, it was not good any longer. When he dribbled, no one tried to stop him; when he called for a pass, whoever had the ball passed it; and when he missed a basket, no one raced him for the rebound.	Игра возобновилась, но без прежнего энтузиазма, Майор Майор овладевал мячом - никто не пытался отобрать его. Он просил паса - любой игрок, свой или противника, тут же давал ему мяч. Если он мазал и мяч, минуя корзину, отскакивал от щита в поле, никто из партнеров даже не пытался помешать ему поймать мяч и повторить бросок.

The only voice was his own.	На площадке раздавался только один голос -майора Майора.

The next day was the same, and the day after that he did not come back.	На следующий день повторилось то же самое, а еще через день майор Майор не вышел на площадку.
Almost on cue, everyone in the squadron stopped talking to him and started staring at him.	Постепенно все в эскадрилье, один за другим, перестали с ним разговаривать, зато каждый пялил на него глаза.
He walked through life self-consciously with downcast eyes and burning cheeks, the object of contempt, envy, suspicion, resentment and malicious innuendo everywhere he went.	Он замкнулся в себе, ходил с опущенными глазами и пылающими щеками. Он вызывал всеобщее презрение, зависть, подозрение, раздражение. Вокруг него роились зловещие слухи.

People who had hardly noticed his resemblance to Henry Fonda before now never ceased discussing it, and there were even those who hinted sinisterly that Major Major had been elevated to squadron commander because he resembled Henry Fonda.	Люди, которые прежде не замечали сходства между ним и Г енри Фонда, сейчас только об этом и твердили, а некоторые ядовито намекали, что именно по причине сходства с Г енри Фонда майора Майора и сделали командиром эскадрильи.
Captain Black, who had aspired to the position himself, maintained that Major Major really was Henry Fonda but was too chickenshit to admit it.	Капитан Блэк, который сам зарился на эту должность, утверждал, что майор Майор и есть в действительности Генри Фонда, но только боится в этом признаться, потому что он - трусливое дерьмо.

Major Major floundered bewilderedly from one embarrassing catastrophe to another.	Майор Майор растерянно барахтался в потоке неприятностей, а они следовали одна за другой, приводя его в полное замешательство.
Without consulting him, Sergeant Towser had his belongings moved into the roomy trailer Major Duluth had occupied alone, and when Major Major came rushing breathlessly into the orderly room to report the theft of his things, the young corporal there scared him half out of his wits by leaping to his feet and shouting	Не говоря ему ни слова, сержант Таусер перенес все его пожитки в просторный трейлер, который прежде занимал майор Дулут, а когда майор Майор, с трудом переводя дух, влетел на командный пункт доложить о том, что у него украли все вещи, дежуривший там молодой капрал перепугал его до полусмерти, вскочив на ноги и заорав:

'Attention!' the moment he appeared.	- Смир-р-р-но!
Major Major snapped to attention with all the rest in the orderly room, wondering what important personage had entered behind him.	Вместе со всеми, кто был в дежурке майор Майор вытянулся и замер по стойке "смирно", мучительно пытаясь догадаться, что за шишка вошла следом за ним.
Minutes passed in rigid silence, and the whole lot of them might have stood there at attention till doomsday if Major Danby had not dropped by from Group to congratulate Major Major twenty minutes later and put them all at ease.	В напряженной тишине текли минуты, и, вероятно, все так и простояли бы по стойке смирно до самого судного дня, если бы полчаса спустя в комнату дежурного не вошел майор Дэнби, прибывший из штаба авиаполка. Он поздравил майора Майора с назначением и подал команду "вольно".

Major Major fared even more lamentably at the mess hall, where Milo, his face fluttery with smiles, was waiting to usher him proudly to a small table he had set up in front and decorated with an embroidered tablecloth and a nosegay of posies in a pink cut-glass vase.	Еще более плачевно обернулись дела майора Майора в офицерской столовой, где Милоу, трепеща от восторга, уже поджидал его, чтобы церемонно проводить к отдельному столику, который он заранее установил на видном месте, покрыл вышитой скатертью и украсил пышным букетом цветов в хрустальной розовой вазе.
Major Major hung back with horror, but he was not bold enough to resist with all the others watching.	Майор Майор в ужасе отпрянул от столика, но не нашел в себе смелости вырваться у всех на глазах из рук Милоу.

Even Havermeyer had lifted his head from his plate to gape at him with his heavy, pendulous jaw.	Чтобы поглазеть на командира, даже Хэвермейер поднял голову над тарелкой, а его тяжелая нижняя челюсть отвисла от изумления.
Major Major submitted meekly to Milo 's tugging and cowered in disgrace at his private table throughout the whole meal.	Майор Майор безвольно подчинился тащившему его Милоу, сел за свой персональный столик и до конца обеда сидел, съежившись от стыда.
The food was ashes in his mouth, but he swallowed every mouthful rather than risk offending any of the men connected with its preparation.	Пища казалась ему безвкусной, как трава, но он старательно жевал и глотал, опасаясь обидеть людей, причастных к ее изготовлению.

Alone with Milo later, Major Major felt protest stir for the first time and said he would prefer to continue eating with the other officers.	Позднее, оставшись наедине с Милоу, майор Майор почувствовал, как впервые в его груди шевельнулось чувство протеста, и он сказал, что предпочел бы по-прежнему обедать вместе со всеми офицерами.
Milo told him it wouldn't work.	- Не выйдет, сэр, - сказал Милоу.
'I don't see what there is to work,' Major Major argued.	- Не понимаю, что здесь может выйти или не выйти? - попытался спорить майор Майор.
'Nothing ever happened before.'	- Раньше же ничего не случалось.

' You were never the squadron commander before.'	- Раньше вы не были командиром эскадрильи.
'Major Duluth was the squadron commander and he always ate at the same table with the rest of the men.'	- Но ведь майор Дулут был командиром эскадрильи, а ел за одним столом со всеми.
' It was different with Major Duluth, Sir.'	- Майор Дулут - это другое дело, сэр.
' In what way was it different with Major Duluth?'	- В каком смысле другое?
'I wish you wouldn't ask me that, sir,' said Milo.	- Мне не хотелось бы отвечать на этот вопрос, сэр,- сказал Милоу.

'Is it because I look like Henry Fonda?' Major Major mustered the courage to demand.	- Уж не потому ли, что я похож на Генри Фонда? -призвав на помощь все свое мужество, резко спросил майор Майор.
'Some people say you are Henry Fonda,' Milo answered.	- Некоторые говорят, что вы и есть Генри Фонда, -ответил Милоу.
'Well, I'm not Henry Fonda,' Major Major exclaimed, in a voice quavering with exasperation.	- Ну так вот что, - закричал Майор срывающимся от волнения голосом, - никакой я вам не Генри Фонда!
' And I don't look the least bit like him.	И нисколечко я на него не похож.

And even if I do look like Henry Fonda, what difference does that make?'	А хоть бы даже я и смахивал на этого Генри Фонда, какая разница?

' It doesn't make any difference.	- Никакой разницы.
That's what I'm trying to tell you, sir.	Вот это я и пытаюсь сказать вам, сэр.
It's just not the same with you as it was with Major Duluth.'	Между вами и Г енри Фонда - никакой разницы, а вот между вами и майором Дулутом - разница огромная.

And it just wasn't the same, for when Major Major, at the next meal, stepped from the food counter to sit with the others at the regular tables, he was frozen in his tracks by the impenetrable wall of antagonism thrown up by their faces and stood petrified with his tray quivering in his hands until Milo glided forward wordlessly to rescue him, by leading him tamely to his private table.	Существенную разницу между собой и майором Дулутом майор Майор почувствовал уже за ужином. Когда он вышел из-за отведенного для него столика и хотел сесть вместе со всеми за общий стол, его пригвоздили к месту устремленные на него леденящие душу взгляды. Он точно ударился лбом о глухую стену неприязни и остолбенел. Поднос с тарелками дрожал в его руках. Не говоря ни слова, Милоу бросился к майору Майору на выручку и повел его, как ручного медведя, к персональному столику.

Major Major gave up after that and always ate at his table alone with his back to the others.	После этого майор Майор перестал сопротивляться и отныне всегда сидел в одиночестве за своим столиком, повернувшись спиной к остальным.
He was certain they resented him because he seemed too good to eat with them now that he was squadron commander.	Он был уверен, что они относятся к нему плохо оттого, что считают его гордецом, который, едва заделавшись командиром эскадрильи, брезгует есть в их обществе.
There was never any conversation in the mess tent when Major Major was present.	В присутствии майора Майора все разговоры в столовой смолкали.

He was conscious that other officers tried to avoid eating at the same time, and everyone was greatly relieved when he stopped coming there altogether and began taking his meals in his trailer.	Офицеры старались не бывать в столовой одновременно со своим командиром. Проведав об этом, майор Майор вообще бросил ходить в столовую и распорядился, чтобы еду ему доставляли в трейлер. Эскадрилья вздохнула с облегчением.
Major Major began forging Washington Irving's name to official documents the day after the first C.I.D. man showed up to interrogate him about somebody at the hospital who had been doing it and gave him the idea.	Майор Майор начал ставить под официальными документами подпись "Вашингтон Ирвинг" на следующий день после визита контрразведчика, пытавшегося выяснить, кто из лежавших в госпитале летчиков эскадрильи подписывается "Вашингтон Ирвинг". Контрразведчик и подал майору Майору эту идею.

He had been bored and dissatisfied in his new position.	Новая работа была скучна и не приносила никакого удовлетворения.

He had been made squadron commander but had no idea what he was supposed to do as squadron commander, unless all he was supposed to do was forge Washington Irving's name to official documents and listen to the isolated clinks and thumps of Major-de Coverley's horseshoes falling to the ground outside the window of his small office in the rear of the orderly-room tent.	Его сделали командиром эскадрильи, но он понятия не имел, что входит в обязанности командира, и потому, сидя в крохотном кабинетике, отгороженном в дальнем конце штабной палатки, занимался только двумя делами: ставил подпись Вашингтона Ирвинга под официальными документами и прислушивался к долетавшему издалека лязганью и глухому стуку подков, которые метал майор де Каверли.

He was hounded incessantly by an impression of vital duties left unfulfilled and waited in vain for his responsibilities to overtake him.	Майора Майора мучило сознание, что он не выполняет каких-то наиважнейших своих обязанностей, и он опасался, что рано или поздно за это придется держать ответ, но опасения были напрасными.

He seldom went out unless it was absolutely necessary, for he could not get used to being stared at. Occasionally, the monotony was broken by some officer or enlisted man Sergeant Towser referred to him on some matter that Major Major was unable to cope with and referred right back to Sergeant Towser for sensible disposition.	Он редко выходил из кабинета, разве что в случае крайней нужды, потому что никак не мог привыкнуть к тому, что все пялят на него глаза, время от времени монотонное течение рабочего дня нарушал какой-нибудь офицер или рядовой, присланный сержантом Таусером с делом, в котором майор Майор ровным счетом ничего не смыслил. Майор Майор прямехонько возвращал просителя к сержанту Таусеру, а тот уж давал разумные указания.

Whatever he was supposed to get done as squadron commander apparently was getting done without any assistance from him.	Очевидно, обязанности командира эскадрильи отлично исполнял кто-то другой, не нуждавшийся в помощи майора Майора.
He grew moody and depressed.	Майор впал в задумчивость и уныние.
At times he thought seriously of going with all his sorrows to see the chaplain, but the chaplain seemed so overburdened with miseries of his own that Major Major shrank from adding to his troubles.	Временами он серьезно подумывал, не поведать ли обо всех своих горестях капеллану, но капеллан оказался настолько подавленным своими собственными печалями, что майор Майор решил не возлагать на слабые плечи капеллана лишнее бремя.

Besides, he was not quite sure if chaplains were for squadron commanders.	Кроме того, он не был уверен, входит ли в обязанности капеллана утешать командира эскадрильи.
He had never been quite sure about Major-de Coverley, either, who, when he was not away renting apartments or kidnaping foreign laborers, had nothing more pressing to do than pitch horseshoes.	Обращаться за утешением к майору де Каверли он тоже не считал возможным. Майор де Каверли, возвратись из очередной командировки в Рим, где арендовал квартиры для летчиков или похищал официантов для офицерской столовой, целиком отдавался игре в подковы.

Major Major often paid strict attention to the horseshoes falling softly against the earth or riding down around the small steel pegs in the ground.	Майор Майор часами смотрел через оконце палатки на забавы майора де Каверли. Подковы то мягко падали на траву, то звякали, цепляясь за стальные колышки, вбитые в землю.
He peeked out at Major-de Coverley for hours and marveled that someone so august had nothing more important to do.	Майора Майора поражало, что такая величественная персона, как майор де Каверли, не находит себе занятия важнее, чем швырять подковы.

He was often tempted to join Major-de Coverley, but pitching horseshoes all day long seemed almost as dull as signing 'Major Major Major' to official documents, and Major- de Coverley's countenance was so forbidding that Major Major was in awe of approaching him.	Частенько майор Майор испытывал соблазн присоединиться к майору де Каверли, но, поразмыслив, приходил к выводу, что кидать с утра до вечера подковы, пожалуй, так же тошно, как подписываться "Майор Майор Майор" под официальными документами. Да и физиономия у этого майора де Каверли была такая недобрая, что майор Майор просто боялся к нему приблизиться.

Major Major wondered about his relationship to Major-de Coverley and about Major-de Coverley's relationship to him.	Майор Майор пытался разобраться, кто из них кому подчиняется.
He knew that Major-de Coverley was his executive officer, but he did not know what that meant, and he could not decide whether in Major-de Coverley he was blessed with a lenient superior or cursed with a delinquent subordinate.	Он знал, что майор де Каверли числился начальником его штаба, но что это такое - он понятия не имел и потому никак не мог сообразить, то ли судьба наградила его снисходительным, всепрощающим начальником, то ли господь наказал его преступно-халатным, ленивым подчиненным.

He did not want to ask Sergeant Towser, of whom he was secretly afraid, and there was no one else he could ask, least of all Major-de Coverley.	Можно было спросить у сержанта Таусера, но в глубине души майор Майор побаивался сержанта Таусера, а больше обращаться было не к кому - не спрашивать же у самого майора де Каверли.
Few people ever dared approach Major-de Coverley about anything and the only officer foolish enough to pitch one of his horseshoes was stricken the very next day with the worst case of Pianosan crud that Gus or Wes or even Doc Daneeka had ever seen or even heard about.	Мало кто отваживался подступаться к майору де Каверли по какому бы то ни было поводу, а один офицер, у которого хватило глупости подойти и метнуть подкову, на следующий день был наказан такой тяжелой и редкой разновидностью простреля, о которой ни Гас, ни Уэс, ни даже сам доктор Дейника слыхом не слыхали.

Everyone was positive the disease had been inflicted upon the poor officer in retribution by Major-de Coverley, although no one was sure how.	Все были уверены, что хворобу на бедного офицера накликал майор де Каверли в отместку за вчерашнюю подкову, но как ему удалось это сделать - никто не знал.
Most of the official documents that came to Major Major's desk did not concern him at all.	Большинство официальных документов, поступавших к майору Майору, не имели к нему абсолютно никакого касательства.
The vast majority consisted of allusions to prior communications which Major Major had never seen or heard of.	Эти бумаги содержали главным образом ссылки на какие-то предшествующие им другие бумаги, которых майор Майор и в глаза не видел.

There was never any need to look them up, for the instructions were invariably to disregard.	Поднимать же и изучать старую переписку тоже не было никакого резона, поскольку инструкция предписывала игнорировать предыдущие указания и действовать только на основании самого последнего приказа.
In the space of a single productive minute, therefore, he might endorse twenty separate documents each advising him to pay absolutely no attention to any of the others.	Когда майор Майор бывал в ударе, он мог за одну минуту расписаться на двадцати различных циркулярах, каждый из которых требовал не обращать никакого внимания на все предшествующие.

From General Peckem's office on the mainland came prolix bulletins each day headed by such cheery homilies as	С Большой земли, из штаба генерала Пеккема, каждый день поступали многословные бюллетени под бодрыми, вдохновляющими и мобилизующими заголовками, как, например:
'Procrastination is the Thief of Time' and 'Cleanliness is Next to Godliness.'	"Боритесь с волокитой - расхитительницей времени!" или "Боритесь за чистоту - бог чистоту любит!"
General Peckem's communications about cleanliness and procrastination made Major Major feel like a filthy procrastinator, and he always got those out of the way as quickly as he could.	Призывы генерала Пеккема блюсти чистоту и бороться с волокитой вдохновляли майора Майора: он без всякой волокиты расписывался на этих призывах и очищал от них стол как можно быстрее.

The only official documents that interested him were those occasional ones pertaining to the unfortunate second lieutenant who had been killed on the mission over Orvieto less than two hours after he arrived on Pianosa and whose partly unpacked belongings were still in Yossarian's tent.	Внимание майора Майора задерживалось лишь на документах, касающихся несчастного лейтенанта, который погиб во время налета на Орвьетто менее чем через два часа после своего прибытия в часть. Вещи его, не полностью распакованные, до сих пор валялись в палатке Йоссариана.

Since the unfortunate lieutenant had reported to the operations tent instead of to the orderly room, Sergeant Towser had decided that it would be safest to report him as never having reported to the squadron at all, and the occasional documents relating to him dealt with the fact that he seemed to have vanished into thin air, which, in one way, was exactly what did happen to him.	Поскольку несчастный лейтенант доложил о своем прибытии не дежурному по части, а в оперативном отделении, сержант Таусер решил, что спокойней будет на все запросы о нем отвечать, что вышеозначенный лейтенант в эскадрилью вообще не прибывал. Из скудной переписки по этому поводу возникало впечатление, будто лейтенант бесследно растворился в прозрачной синеве, что, кстати, некоторым образом соответствовало действительности.

In the long run, Major Major was grateful for the official documents that came to his desk, for sitting in his office signing them all day long was a lot better than sitting in his office all day long not signing them.	В конечном счете майор Майор был даже доволен, что ему приносят на подпись разные официальные бумаги: сидеть с утра до вечера за письменным столом и подмахивать бумаги куда приятнее, чем сидеть с утра до вечера за письменным столом и не подмахивать бумаг.
They gave him something to do.	Как-никак, а все-таки работа...
Inevitably, every document he signed came back with a fresh page added for a new signature by him after intervals of from two to ten days.	Но не позднее чем в десятидневный срок с фатальной неизбежностью все подписанные им документы приходили обратно с подколотой чистой страничкой для новой подписи.

They were always much thicker than formerly, for in between the sheet bearing his last endorsement and the sheet added for his new endorsement were the sheets bearing the most recent endorsements of all the other officers in scattered locations who were also occupied in signing their names to that same official document.	Документы возвращались заметно пополневшими, потому что между листком, ранее завизированным майором Майором, и чистым листком, предназначенным для его новой визы, помещалась пачечка листков с наисвежайшими подписями офицеров всех частей, разбросанных вокруг Пьяносы: подобно майору Майору, они, не покладая рук, визировали одни и те же бумажонки.

Major Major grew despondent as he watched simple communications swell prodigiously into huge manuscripts.	Наблюдая за тем, как самые простые циркуляры чудовищно разбухают и превращаются в объемистые и увесистые манускрипты, майор Майор впал в меланхолию.
No matter how many times he signed one, it always came back for still another signature, and he began to despair of ever being free of any of them.	Сколько бы раз майор Майор ни подписывал документ, он все равно исправно возвращался на его стол за очередной подписью. Майор Майор уже совсем было отчаялся избавиться от этого наваждения.

One day-it was the day after the C.I.D. man's first visit-Major Major signed Washington Irving's name to one of the documents instead of his own, just to see how it would feel.	Однажды, точнее на следующий день после первого визита контрразведчика майор Майор вместо своей фамилии написал под одним из циркуляров "Вашингтон Ирвинг" - просто, чтобы посмотреть, как это будет выглядеть.
He liked it.	Выглядело симпатично.
He liked it so much that for the rest of that afternoon he did the same with all the official documents.	До того симпатично, что остаток рабочего дня майор Майор украшал подписью "Вашингтон Ирвинг" все официальные документы подряд.

It was an act of impulsive frivolity and rebellion for which he knew afterward he would be punished severely.	Это была вспышка озорства, стихийный бунт, и, выходя вечером из-за стола, он понял, что сурового возмездия ему не миновать.
The next morning he entered his office in trepidation and waited to see what would happen. Nothing happened.	На следующее утро он с трепетом вошел в канцелярию и стал дожидаться развития событий, но ничего не случилось.
He had sinned, and it was good, for none of the documents to which he had signed Washington Irving's name ever came back!	Грех есть зло, но на этот раз грех обернулся добром, потому что ни один из документов с подписью "Вашингтон Ирвинг" обратно не вернулся.

Here, at last, was progress, and Major Major threw himself into his new career with uninhibited gusto.	Наконец-то произошла радостная перемена, и майор Майор окунулся в свою новую работу с неизведанным прежде наслаждением.
Signing Washington Irving's name to official documents was not much of a career, perhaps, but it was less monotonous than signing	Конечно, писать под документами "Вашингтон Ирвинг" - тоже не бог весть какая интересная работа, но все же это менее нудное занятие, чем писать весь день только
' Major Major Major.'	"Майор Майор Майор".
When Washington Irving did grow monotonous, he could reverse the order and sign Irving Washington until that grew monotonous.	Когда ему приедался "Вашингтон Ирвинг", он менял порядок слов и выводил "Ирвинг Вашингтон", пока и это не приедалось.

And he was getting something done, for none of the documents signed with either of these names ever came back to the squadron.	Теперь он считал, что работает все-таки не совсем впустую: документы, подписанные на новый манер, больше в эскадрилье не появлялись.
What did come back, eventually, was a second C.I.D. man, masquerading as a pilot.	Зато в эскадрилье появилось кое-что другое. Это был второй контрразведчик, выдававший себя за летчика.

The men knew he was a C.I.D. man because he confided to them he was and urged each of them not to reveal his true identity to any of the other men to whom he had already confided that he was a C.I.D. man.	Многие знали, что он из контрразведки: он сам по секрету признавался в этом каждому встречному, строго предупреждая не раскрывать другим его подлинного лица. Но всем этим другим он сам по секрету сообщал, что он из контрразведки.
'You're the only one in the squadron who knows I'm a C.I.D. man,' he confided to Major Major, 'and it's absolutely essential that it remain a secret so that my efficiency won't be impaired.	- Я из контрразведки, - признался он майору Майору. - Кроме вас, никто в эскадрилье об этом знать не должен. Абсолютно никто. Во избежание провала операции.
Do you understand?'	Вы меня поняли?
' Sergeant Towser knows.'	- Но ведь сержант Таусер знает...

' Yes, I know.	- Да, он знает.
I had to tell him in order to get in to see you.	Мне пришлось ему сказать, чтобы пройти к вам.
But I know he won't tell a soul under any circumstances.'	Но я уверен, что он ни при каких обстоятельствах не проболтается ни одной живой душе.
' He told me,' said Major Major.	- А мне он сказал.
'He told me there was a C.I.D. man outside to see me.'	Он сказал: "К вам там пришел какой-то из контрразведки".
' That bastard.	- Вот мерзавец?
I'll have to throw a security check on him.	Надо будет проверить, что это за фрукт?

I wouldn't leave any top-secret documents lying around here if I were you.	На вашем месте я бы не держал тут на виду совершенно секретных документов.
At least not until I make my report.'	Во всяком случае, пока я не закончу расследования.
'I don't get any top-secret documents,' said Major Major.	- У меня вообще нет никаких совершенно секретных документов, - сказал майор Майор.
' That's the kind I mean.	- Вот и прекрасно.
Lock them in your cabinet where Sergeant Towser can't get his hands on them.'	Запирайте их у себя в сейфе, чтобы до них не мог добраться сержант Таусер.

'Sergeant Towser has the only key to the cabinet.'	- Единственный ключ от сейфа у сержанта Таусера.
'I'm afraid we're wasting time,' said the second C.I.D. man rather stiffly.	- Боюсь, что мы попусту тратим время, - довольно сухо заметил контрразведчик.
He was a brisk, pudgy, high-strung person whose movements were swift and certain.	Это был нервный, подвижный коротышка, с энергичной и самоуверенной жестикуляцией.

He took a number of photostats out of a large red expansion envelope he had been hiding conspicuously beneath a leather flight jacket painted garishly with pictures of airplanes flying through orange bursts of flak and with orderly rows of little bombs signifying fifty-five combat missions flown.	Он носил пилотскую кожаную куртку, разрисованную на груди. На куртке был изображен самолет, летящий сквозь оранжевые разрывы снарядов, а под ним ряд бомбочек. Рисунок обозначал, что владелец куртки выполнил пятьдесят пять боевых заданий. С заговорщическим видом контрразведчик вытащил из-под полы большую красную папку и извлек из нее несколько фотокопий.

'Have you ever seen any of these?'	- Это вам знакомо?

Major Major looked with a blank expression at copies of personal correspondence from the hospital on which the censoring officer had written	Майор Майор с равнодушной миной взглянул на фотокопии писем, посланных из госпиталя. На одних письмах рукой военного цензора было написано
' Washington Irving' or	"Вашингтон Ирвинг", на других -
' Irving Washington.'	"Ирвинг Вашингтон".
'No.'	- Нет, никогда не видел.
'How about these?'	- А вот эти?
Major Major gazed next at copies of official documents addressed to him to which he had been signing the same signatures.	Майор Майор взглянул на копии адресованных ему циркуляров и узнал свое рукоделие.

'No.'	- Нет, не видел.
'Is the man who signed these names in your squadron?'	- В вашей эскадрилье есть человек с такой фамилией?
' Which one?	- Который из двух?
There are two names here.'	Здесь две фамилии.
' Either one.	- Или тот, или другой.
We figure that Washington Irving and Irving Washington are one man and that he's using two names just to throw us off the track.	Впрочем, мы полагаем, что Вашингтон Ирвинг и Ирвинг Вашингтон - одно лицо, но оно пользуется двумя фамилиями, чтобы сбить нас с толку.
That's done very often you know.'	Так часто делают.

'I don't think there's a man with either of those names in my squadron.'	- В моей эскадрилье как будто нет ни того, ни другого.
A look of disappointment crossed the second C.I.D. man's face.	Контрразведчик помрачнел.
'He's a lot cleverer than we thought,' he observed.	- А он, оказывается, гораздо умнее, чем мы предполагали, - заметил контрразведчик.
'He's using a third name and posing as someone else.	- Значит, у него есть третья фамилия, под которой он и скрывается.
And I think... yes, I think I know what that third name is.'	И думается мне... М-да, думается мне, эту третью фамилию я знаю.

With excitement and inspiration, he held another photostat out for Major Major to study. 'How about this?'	- Вдохновенный и взволнованный, с просветленным лицом, он достал еще одну фотокопию и положил ее перед майором Майором: - А что вы об этом скажете?
Major Major bent forward slightly and saw a copy of the piece of V mail from which Yossarian had blacked out everything but the name Mary and on which he had written,	Майор Майор слегка подался вперед и увидел перед собой фотокопию странички письма, на которой Йоссариан вымарал все, кроме имени "Мэри", но зато приписал:
'I yearn for you tragically. R. O. Shipman, Chaplain, U.S. Army.'	"Тоскую по тебе ужасно! А.Т. Тэппман, капеллан армии Соединенных Штатов".

Major Major shook his head.	Майор Майор отрицательно покачал головой:

' I've never seen it before.'	- Никогда не видел.
'Do you know who R. O. Shipman is?'	- А вы знаете, кто такой А.Т. Тэппман?
'He's the group chaplain.'	- Наш полковой капеллан.
' That locks it up,' said the second C.I.D. man.	- Так. Круг замкнулся! - сказал контрразведчик.
'Washington Irving is the group chaplain.'	- Вашингтон Ирвинг - это полковой капеллан.
Major Major felt a twinge of alarm. 'R. O.	Майор Майор слегка забеспокоился. - А.Т.

Shipman is the group chaplain,' he corrected.	Тэппман - полковой капеллан, - поправил он.
' Are you sure?'	- Вы уверены?
'Yes.'	- Уверен.
'Why should the group chaplain write this on a letter?'	- Но зачем полковой капеллан делает такие приписки к чужим письмам?
'Perhaps somebody else wrote it and forged his name.'	- Возможно, это сделал кто-то другой...
'Why should somebody want to forge the group chaplain's name?'	- Для чего же кому-то другому понадобилось подделывать подпись полкового капеллана?
' To escape detection.'	- Чтобы не разоблачили.

'You may be right,' the second C.I.D. man decided after an instant's hesitation, and smacked his lips crisply.	- Может, вы и правы, - поразмыслив секунду, заявил контрразведчик и звонко цокнул языком.
'Maybe we're confronted with a gang, with two men working together who just happen to have opposite names.	- Не исключено, что тут действуют два агента, причем по странной случайности у одного такое же имя, как у другого фамилия, и наоборот.
Yes, I'm sure that's it.	Да, да, теперь я не сомневаюсь, что это так.
One of them here in the squadron, one of them up at the hospital and one of them with the chaplain.	Один из этой парочки находится в эскадрилье, другой - в госпитале, а третий - с капелланом.

That makes three men, doesn't it?	Минутку, сколько же это получается? Ага, целых три!
Are you absolutely sure you never saw any of these official documents before?'	Но вы абсолютно уверены, что никогда прежде не видели этих документов?
'I would have signed them if I had.'	- Если бы я их видел, я бы на них расписался.
'With whose name?' asked the second C.I.D. man cunningly.	- А как? - хитро прищурившись, спросил контрразведчик.
'Yours or Washington Irving's?'	- Как бы вы расписались? Собственной фамилией или "Вашингтон Ирвинг"?
' With my own name,' Major Major told him.	- Конечно, собственной, - ответил майор Майор.

'I don't even know Washington Irving's name.'	- Я и фамилии такой не знаю - "Вашингтон Ирвинг".
The second C.I.D. man broke into a smile.	Контрразведчик расплылся в улыбке:
' Major, I'm glad you're in the clear.	- Я рад, майор, что вы со мной начистоту.
It means we'll be able to work together, and I'm going to need every man I can get.	Чувствую, мы с вами сработаемся, а я очень заинтересован в людях, желающих мне помочь.

Somewhere in the European theater of operations is a man who's getting his hands on communications addressed to you.	Где-то на европейском театре военных действий притаился субъект, запускающий лапы в вашу служебную переписку.

Have you any idea who it can be?'	Как по-вашему, кто это может быть?
'No.'	- Понятия не имею.
'Well, I have a pretty good idea,' said the second C.I.D. man, and leaned forward to whisper confidentially. 'That bastard Towser.	- Тогда слушайте меня. Блестящая догадка пришла мне на ум, - сказал контрразведчик, наклонившись к уху майора Майора, и доверительно зашептал: - Это - мерзавец Таусер.
Why else would he go around shooting his mouth off about me?	А зачем бы иначе он стал горлопанить на всю эскадрилью, кто я такой?
Now, you keep your eyes open and let me know the minute you hear anyone even talking about Washington Irving.	Держите ухо востро, и как только кто-нибудь при вас заведет разговор о Вашингтоне Ирвинге, тут же дайте мне знать.

I'll throw a security check on the chaplain and everyone else around here.'	А я проверю всю подноготную капеллана и других.
The moment he was gone, the first C.I.D. man jumped into Major Major's office through the window and wanted to know who the second C.I.D. man was. Major Major barely recognized him.	Едва лишь второй контрразведчик вышел, как через окошко в кабинет прыгнул первый контрразведчик и незамедлительно пожелал узнать, кто это тут был только что.
' He was a C.I.D. man,' Major Major told him.	- Один из контрразведки, - ответил майор Майор.
'Like hell he was,' said the first C.I.D. man.	- Черта с два - сказал первый контрразведчик.

'I'm the C.I.D. man around here.'	- В данном районе единственный контрразведчик- это я.
Major Major barely recognized him because he was wearing a faded maroon corduroy bathrobe with open seams under both arms, linty flannel pajamas, and worn house slippers with one flapping sole.	Майор Майор с трудом узнал его. На первом контрразведчике болтался просторный, выцветший вельветовый купальный халат, расползшийся под мышками по швам. Из-под халата виднелись потертые пижамные штаны. На ногах были изношенные шлепанцы, один из которых откровенно просил каши.
This was regulation hospital dress, Major Major recalled.	Майор Майор припомнил, что видел этого человека в госпитале.

The man had added about twenty pounds and seemed bursting with good health.	Контрразведчик носил тогда такой же наряд, но с тех пор поправился фунтов на двадцать и, казалось, вот-вот лопнет от избытка здоровья.
'I'm really a very sick man,' he whined.	- Я тяжело болен, - заговорил гость простуженным голосом.
'I caught cold in the hospital from a fighter pilot and came down with a very serious case of pneumonia.'	- В госпитале я заразился от одного летчика гриппом, потом грипп перешел в серьезнейшее воспаление легких, и тем не менее я счел своим долгом приехать к вам сюда.
' I'm very sorry,' Major Major said.	- Весьма сочувствую, - сказал майор Майор.

'A lot of good that does me,' the C.I.D. man sniveled. 'I don't want your sympathy. I just want you to know what I'm going through. I came down to warn you that Washington Irving seems to have shifted his base of operations from the hospital to your squadron.	- Премного благодарен, но я в вашем сочувствии не нуждаюсь, - огрызнулся контрразведчик, - я просто хочу предупредить вас, что Вашингтон Ирвинг, кажется, сменил свое местопребывание и перебрался из госпиталя в вашу эскадрилью.
You haven't heard anyone around here talking about Washington Irving, have you?'	Вы не слыхали тут никаких разговорчиков насчет Вашингтона Ирвинга?
'As a matter of fact, I have,' Major Major answered.	- Вообще-то слыхал, - ответил майор Майор.

'That man who was just in here. He was talking about Washington Irving.'	- Человек, который только что вышел отсюда, как раз говорил о Вашингтоне Ирвинге.
'Was he really?' the first C.I.D. man cried with delight.	- Это правда? - воскликнул первый контрразведчик, вне себя от восторга.
'This might be just what we needed to crack the case wide open!	- Кажется, теперь-то мы расколем этот орешек.
You keep him under surveillance twenty-four hours a day while I rush back to the hospital and write my superiors for further instructions.'	Держите его на мушке, а я помчусь обратно в госпиталь и запрошу у руководства дальнейших указаний.

The C.I.D. man jumped out of Major Major's office through the window and was gone.	Контрразведчик выпрыгнул в окошко и скрылся из виду.
A minute later, the flap separating Major Major's office from the orderly room flew open and the second C.I.D. man was back, puffing frantically in haste.	Минуту спустя брезентовый полог, отделявший кабинет майора Майора от канцелярии, взметнулся и снова вбежал второй контрразведчик.
Gasping for breath, he shouted,	С трудом переводя дыхание, он закричал:
'I just saw a man in red pajamas jumping out of your window and go running up the road!	- Я видел, как только что человек в красной пижаме выпрыгнул из вашего окошка и побежал по дороге.

Didn't you see him?'	Вы его видели?
'He was here talking to me,' Major Major answered.	- Конечно. Я с ним разговаривал, - ответил майор Майор.
'I thought that looked mighty suspicious, a man jumping out the window in red pajamas.'	- Мне показалось весьма подозрительным, что человек в красной пижаме выпрыгивает из окошка.
The man paced about the small office in vigorous circles.	Контрразведчик энергичными шажками мерял кабинет.
'At first I thought it was you, hightailing it for Mexico.	- Сначала я подумал, что это вы решили драпануть в Мексику.
But now I see it wasn't you.	Но теперь я вижу, что это были не вы.

He didn't say anything about Washington Irving, did he?'	Скажите, он ничего не говорил о Вашингтоне Ирвинге?
' As a matter of fact,' said Major Major, 'he did.'	- Вообще-то говорил, - сказал майор Майор.
'He did?' cried the second C.I.D. man.	- Говорил?! - воскликнул второй контрразведчик.
' That's fine!	- Прекрасно!

This might be just the break we needed to crack the case wide open.	Ну, кажется, теперь-то мы расколем этот орешек.
Do you know where we can find him?'	А вы не знаете, где можно найти этого субъекта?
' At the hospital.	- В госпитале.

He's really a very sick man.'	Он тяжело болен.
' That's great!' exclaimed the second C.I.D. man.	- Эврика!
'I'll go right up there after him.	Сейчас я прямехонько в госпиталь - и настигну голубчика.
It would be best if I went incognito.	Но, пожалуй, лучше появиться в госпитале инкогнито.

I'll go explain the situation at the medical tent and have them send me there as a patient.' 'They won't send me to the hospital as a patient unless I'm sick,' he reported back to Major Major. 'Actually, I am pretty sick. I've been meaning to turn myself in for a checkup, and this will be a good opportunity. I'll go back to the medical tent and tell them I'm sick, and I'll get sent to the hospital that way.'	Зайду-ка я в вашу санчасть, объясню им ситуацию, и пусть они меня направят в госпиталь как больного.

'Look what they did to me,' he reported back to Major Major with purple gums.	Он ушел и вскоре вернулся с темно-фиолетовыми деснами. - Посмотрите, что они со мной сделали, - сказал он чуть не плача.
His distress was inconsolable.	Горе его казалось безутешным.
He carried his shoes and socks in his hands, and his toes had been painted with gentian-violet solution, too.	В руках он нес носки и туфли. Пальцы ног, так же как и десны, были вымазаны раствором марганцовки.
'Who ever heard of a C.I.D. man with purple gums?' he moaned.	- Вам доводилось когда-нибудь видеть контрразведчика с фиолетовыми деснами? -простонал он.

He walked away from the orderly room with his head down and tumbled into a slit trench and broke his nose.	Печально свесив голову, он вышел из штабной палатки и кувырком полетел в земляную щель, сломав себе при этом нос.
His temperature was still normal, but Gus and Wes made an exception of him and sent him to the hospital in an ambulance.	И хотя температура у него от этого не поднялась, Гэс и Уэс, в порядке исключения, уложили его в санитарную машину и отправили в госпиталь.
Major Major had lied, and it was good.	Итак, майор Майор солгал, но ложь пошла ему во спасение.

He was not really surprised that it was good, for he had observed that people who did lie were, on the whole, more resourceful and ambitious and successful than people who did not lie. Had he told the truth to the second C.I.D. man, he would have found himself in trouble. Instead he had lied and he was free to continue his work.	Это его не удивило, потому что он давно заметил, что лгуны, как правило, люди сметливые и добиваются в жизни большего, чем честняги.
He became more circumspect in his work as a result of the visit from the second C.I.D. man.	После визита второго контрразведчика он стал действовать осмотрительнее.

He did all his signing with his left hand and only while wearing the dark glasses and false mustache he had used unsuccessfully to help him begin playing basketball again.	Он расписывался только левой рукой и при этом всегда нацеплял черные очки и фальшивые усы, которые ему нисколько не помогли, когда он отважился снова появиться на баскетбольной площадке.
As an additional precaution, he made a happy switch from Washington Irving to John Milton. John Milton was supple and concise.	В качестве дополнительной предосторожности он заменил "Вашингтона Ирвинга" "Джоном Милтоном". Так оказалось короче и удобней.
Like Washington Irving, he could be reversed with good effect whenever he grew monotonous.	Когда надоедало, он с успехом менял имя и фамилию местами, как делал это прежде с "Вашингтоном Ирвингом".

Furthermore, he enabled Major Major to double his output, for John Milton was so much shorter than either his own name or Washington Irving's and took so much less time to write. John Milton proved fruitful in still one more respect. He was versatile, and Major Major soon found himself incorporating the signature in fragments of imaginary dialogues. Thus, typical endorsements on the official documents might	Кроме того, майор Майор мог удвоить темпы производства, потому что "Джон Милтон" было куда короче, чем его собственная подпись или "Вашингтон Ирвинг", а следовательно, и времени теперь требовалось меньше. А когда и "Джон Милтон" надо-

Major Major had bought the dark glasses and false mustache in Rome in a final, futile attempt to save himself from the swampy degradation into which he was steadily sinking.	Темные очки и фальшивые усы майор Майор купил в Риме. То была последняя, но тщетная попытка вырваться из трясины моральной деградации, в которую он медленно, но верно погружался.
First there had been the awful humiliation of the Great Loyalty Oath Crusade, when not one of the thirty or forty people circulating competitive loyalty oaths would even allow him to sign.	Сначала он испытал ужасные унижения, когда тридцать или сорок сборщиков подписей под "присягой о лояльности" даже не сочли нужным предложить ему подписаться.

Then, just when that was blowing over, there was the matter of Clevinger's plane disappearing so mysteriously in thin air with every member of the crew, and blame for the strange mishap centering balefully on him because he had never signed any of the loyalty oaths.	Затем, когда история с присягой, казалось, отшумела, загадочно исчез, будто растаял, самолет Клевинджера вместе со всем экипажем, и вину за это несчастье возложили на майора Майора, придравшись к тому, что он не подписал ни одной "присяги о лояльности".[11]
The dark glasses had large magenta rims.	Темные очки были в красной толстой оправе.

The false black mustache was a flamboyant organ-grinder's, and he wore them both to the basketball game one day when he felt he could endure his loneliness no longer.	Фальшивые черные усы очень пошли бы шарманщику. Однажды, когда майор Майор почувствовал, что не в силах больше переносить, одиночество, он напялил очки и усы и отправился поиграть в баскетбол.
He affected an air of jaunty familiarity as he sauntered to the court and prayed silently that he would not be recognized.	С видом беспечным и непринужденным он заявился на площадку, молясь про себя, чтобы его не узнали.

The others pretended not to recognize him, and he began to have fun.	Все сделали вид, будто не узнали его, и майор с наслаждением вступил в игру.

Just as he finished congratulating himself on his innocent ruse he was bumped hard by one of his opponents and knocked to his knees.	Но едва он успел поздравить себя с успехом, который принес ему невинный маскарад, как один из противников резким толчком сбил майора с ног.
Soon he was bumped hard again, and it dawned on him that they did recognize him and that they were using his disguise as a license to elbow, trip and maul him.	Вскоре его сбили еще раз, и тут он сообразил, что они очень даже узнали своего командира, а маскарад дает им право без помех дубасить его, толкать локтями и ставить подножки.
They did not want him at all.	Он понял, что они ненавидят его в любом обличий.

And just as he did realize this, the players on his team fused instinctively with the players on the other team into a single, howling, bloodthirsty mob that descended upon him from all sides with foul curses and swinging fists.	Игроки его команды и противоположной стороны без колебаний и размышлений слились в одну рычащую толпу. Они навалились на него со всех сторон, размахивая кулаками и оглашая воздух грязными ругательствами.
They knocked him to the ground, kicked him while he was on the ground, attacked him again after he had struggled blindly to his feet.	Они сбили его с ног на землю и пинали ногами. Он насилу поднялся, и тогда они снова на него налетели.

He covered his face with his hands and could not see. They swarmed all over each other in their frenzied compulsion to bludgeon him, kick him, gouge him, trample him.	Он закрыл лицо ладонями, а они, облепив его со всех сторон, в дьявольском исступлении мордовали его, били, колотили и дубасили.
He was pummeled spinning to the edge of the ditch and sent slithering down on his head and shoulders.	Наконец, его трахнули с такой силой, что он кубарем скатился на дно железнодорожной выемки.

At the bottom he found his footing, clambered up the other wall and staggered away beneath the hail of hoots and stones with which they pelted him until he lurched into shelter around a corner of the orderly room tent.	Там он встал на ноги, вскарабкался по противоположной стороне выемки и пошел, пошатываясь, сопровождаемый улюлюканьем и градом камней, пока не скрылся за углом штабной палатки.

His paramount concern throughout the entire assault was to keep his dark glasses and false mustache in place so that he might continue pretending he was somebody else and be spared the dreaded necessity of having to confront them with his authority.	Во время потасовки он мечтал лишь об одном -только бы они не сорвали с него темные очки и фальшивые усы. Маскируясь ими, он мог продолжать делать вид, будто он - это не он, а лишись он усов и очков, ему пришлось бы предстать перед всеми в роли побитого, посрамленного и опозоренного начальника.

Back in his office, he wept; and when he finished weeping he washed the blood from his mouth and nose, scrubbed the dirt from the abrasions on his cheek and forehead, and summoned Sergeant Towser.	В кабинете он разрыдался, потом, успокоившись, смыл кровь с губ и носа, стер грязь с синяков и царапин на щеках и на лбу и вызвал сержанта Таусера.
'From now on,' he said, 'I don't want anyone to come in to see me while I'm here.	- Отныне, - сказал он, - я не желаю никого видеть у себя в кабинете.
Is that clear?'	Ясно?
' Yes, sir,' said Sergeant Towser.	- Да, сэр, - сказал сержант Таусер.

' Does that include me?'	- На меня ваш приказ распространяется?

'Yes.'	- Да.
' I see.	- Понятно.
Will that be all?'	У вас все, сэр?
'Yes.'	- Да.
'What shall I say to the people who do come to see you while you're here?'	- А что мне говорить тем, кто придет к вам, когда вы будете у себя, в кабинете?
' Tell them I'm in and ask them to wait.'	- Говори им, что я здесь, и проси подождать.
'Yes, sir.	- Слушаюсь, сэр.
For how long?'	А сколько им надо будет ждать?

' Until I've left.'	- Покуда я не уйду из кабинета.
' And then what shall I do with them?'	- И что же мне с ними делать, сэр?
' I don't care.'	- Меня это не касается.
'May I send them in to see you after you've left?'	- Могу я впустить их, сэр, к вам в кабинет, когда вы уйдете?
'Yes.'	- Можешь.
'But you won't be here then, will you?'	- Но ведь вас-то в кабинете уже не будет?
'No.'	- Не будет.
'Yes, sir.	- Понятно, сэр.
Will that be all?'	У вас все, сэр?
'Yes.'	- Да.
'Yes, sir.'	- Слушаюсь, сэр.

'From now on,' Major Major said to the middle-aged enlisted man who took care of his trailer, 'I don't want you to come here while I'm here to ask me if there's anything you can do for me.	- Отныне, - сказал майор Майор пожилому ординарцу, который убирал его трейлер, - я не желаю, чтобы вы заходили ко мне и спрашивали, что мне нужно.
Is that clear?'	Ясно?
' Yes, sir,' said the orderly.	- Так точно, сэр, - ответил ординарец.
'When should I come here to find out if there's anything you want me to do for you?'	- А когда же я могу зайти к вам и спросить, что вам нужно?
' When I'm not here.'	- Когда меня нет, тогда и заходите.

'Yes, sir.	- Слушаюсь, сэр.
And what should I do?'	А что я вообще должен делать?
'Whatever I tell you to.'	- То, что я прикажу.
'But you won't be here to tell me.	- А как же вы мне прикажете, если мне нельзя заходить, пока вы здесь?
Will you?'	Или все-таки можно иногда?..
'No.'	- Нельзя.
' Then what should I do?'	- В таком случае, что же мне вообще-то делать?

' Whatever has to be done.'	- Что положено.
'Yes, sir.'	- Слушаюсь, сэр.

' That will be all,' said Major Major.	- У меня все, - сказал майор Майор.
' Yes, sir,' said the orderly.	- Слушаюсь, сэр, - сказал ординарец.
'Will that be all?'	- У вас все, сэр?
'No,' said Major Major. 'Don't come in to clean, either.	- Нет, - сказал майор Майор. - Не все.
Don't come in for anything unless you're sure I'm not here.'	Не смейте заходить в трейлер, если не уверены, что я ушел.
'Yes, sir.	- Слушаюсь, сэр.
But how can I always be sure?'	Но как же я могу удостовериться?

'If you're not sure, just assume that I am here and go away until you are sure.	- Если не уверены, вообразите, что я в трейлере, и убирайтесь прочь, пока у вас не появится твердая уверенность, что я ушел.
Is that clear?'	Ясно?
'Yes, sir.'	- Да, сэр.
'I'm sorry to have to talk to you in this way, but I have to.	- Мне жаль, что я вынужден говорить с вами в таком тоне, но ничего не поделаешь.
Goodbye.'	До свидания.
' Goodbye, sir.'	- До свидания, сэр.
' And thank you. For everything.'	- И спасибо, за все спасибо.
'Yes, sir.'	- Слушаюсь, сэр...

'From now on,' Major Major said to Milo Minderbinder, 'I'm not going to come to the mess hall any more.	- Отныне. - сказал майор Майор Милоу Миндер-биндеру, - я не намерен ходить в столовую.
I'll have all my meals brought to me in my trailer.'	Еду доставляйте мне в трейлер.
' I think that's a good idea, sir,' Milo answered.	- Прекрасная идея, сэр! - ответил Милоу.
'Now I'll be able to serve you special dishes that the others will never know about.	- Наконец-то я смогу готовить для вас специальное блюдо, и ни одна собака об этом знать не будет.
I'm sure you'll enjoy them.	Пальчики оближете, вот увидите, сэр.
Colonel Cathcart always does.'	Полковник Кэткарт говорит, что это - сущее объедение.

' I don't want any special dishes.	- Мне не нужны специальные блюда.
I want exactly what you serve all the other officers.	Что другим, то и мне. В точности.
Just have whoever brings it knock once on my door and leave the tray on the step.	Тот, кто будет носить еду, пусть ставит поднос на ступеньку и стукнет один раз в дверь трейлера.
Is that clear?'	Ясно?
' Yes, sir,' said Milo.	- Так точно, сэр, - сказал Милоу.

' That's very clear.	- Очень даже ясно.

I've got some live Maine lobsters hidden away that I can serve you tonight with an excellent Roquefort salad and two frozen éclairs that were smuggled out of Paris only yesterday together with an important member of the French underground.	Я припрятал пяток живых омаров и сегодня же вечером могу подать их вам с чудесным салатом рокфор и двумя свежайшими пирожными эклер. Все это лишь вчера вывезли контрабандой из Парижа вместе с одним крупным французским подпольщиком.
Will that do for a start?'	Ну как, подойдет такое меню для начала?
'No.'	- Нет.
'Yes, sir.	- Слушаюсь, сэр.
I understand.'	Я вас понял.

For dinner that night Milo served him broiled Maine lobster with excellent Roquefort salad and two frozen éclairs.	В тот же вечер Милоу прислал ему вареного омара с великолепным салатом рокфор и два эклера.
Major Major was annoyed.	Майор Майор заколебался.
If he sent it back, though, it would only go to waste or to somebody else, and Major Major had a weakness for broiled lobster.	Если он отошлет ужин обратно, все выбросят на помойку или скормят кому-нибудь другому, а майор Майор питал слабость к вареным омарам.
He ate with a guilty conscience.	Он съел ужин, чувствуя себя глубоко виноватым.

The next day for lunch there was terrapin Maryland with a whole quart of Dom Pérignon 1937, and Major Major gulped it down without a thought.	На следующий день ему подали на второй завтрак черепаховый суп и кварту перно урожая 1937 года. И то и другое майор Майор проглотил без долгих размышлений.
After Milo, there remained only the men in the orderly room, and Major Major avoided them by entering and leaving every time through the dingy celluloid window of his office.	Оставалось еще придумать способ, как проникать в кабинет, не попадаясь на глаза писарям, сидевшим в той же палатке за пологом. И способ был найден: Майор Майор научился влезать и вылезать через запыленное окошко кабинета.

The window unbuttoned and was low and large and easy to jump through from either side.	Окошко были достаточно велико, расположено низко, легко отстегивались и - прыгай себе туда и обратно.
He managed the distance between the orderly room and his trailer by darting around the corner of the tent when the coast was clear, leaping down into the railroad ditch and dashing along with head bowed until he attained the sanctuary of the forest.	Когда майору Майору нужно были добраться от штаба до трейлера, он проворно заворачивал за угол палатки, высматривал, свободен ли путь, прыгал в железнодорожную выемку и несся вперед, не поднимая головы, пока не оказывался под спасительным покровом леса.

Abreast of his trailer, he left the ditch and wove his way speedily toward home through the dense underbrush, in which the only person he ever encountered was Captain Flume, who, drawn and ghostly, frightened him half to death one twilight by materializing without warning out of a patch of dewberry bushes to complain that Chief White Halfoat had threatened to slit his throat open from ear to ear.	В том месте, где железнодорожная выемка ближе всего подходила к трейлеру, майор вылезал и стремглав бросался к своему дому через густой подлесок. Единственной живой душой, которая ему однажды повстречалась в подлеске, был капитан Флюм. С искаженным лицом, страшный, как привидение, капитан Флюм напугал его до полусмерти, когда в сумерках вылез без предупреждения из ежевичных зарослей и пожаловался майору Майору, что Вождь Белый Овес грозится перерезать ему, капитану Флюму, горло от уха до уха.

'If you ever frighten me like that again,' Major Major told him, 'I'll slit your throat open from ear to ear.'	- Если вы еще раз когда-нибудь меня так напугаете, - сказал ему майор Майор, - я сам перережу вам горло от уха до уха.
Captain Flume gasped and dissolved right back into the patch of dewberry bushes, and Major Major never set eyes on him again.	Капитан Флюм ахнул и снова растворился в кустах ежевики. Больше он на глаза майору Майору не попадался
When Major Major looked back on what he had accomplished, he was pleased.	Подытожив свои достижения, майор остался доволен.

In the midst of a few foreign acres teeming with more than two hundred people, he had succeeded in becoming a recluse.	На чужой территории, в окружении сонмища врагов (под его командованием находилось более двухсот человек), майор ухитрился вести жизнь отшельника.
With a little ingenuity and vision, he had made it all but impossible for anyone in the squadron to talk to him, which was just fine with everyone, he noticed, since no one wanted to talk to him anyway.	Проявив минимальную изобретательность, он лишил весь личный состав эскадрильи возможности побеседовать с командиром, что, как он заметил, всех весьма обрадовало, потому что никто из его подчиненных не горел желанием беседовать со своим командиром.

No one, it turned out, but that madman Yossarian, who brought him down with a flying tackle one day as he was scooting along the bottom of the ditch to his trailer for lunch.	Исключение составлял, правда, этот психопат Йоссариан, который однажды с помощью натянутого каната сбил с ног майора Майора, мчавшегося во весь опор по дну железнодорожной выемки завтракать в свой трейлер.
The last person in the squadron Major Major wanted to be brought down with a flying tackle by was Yossarian.	Меньше всего майору Майору хотелось, чтобы кто-нибудь сбивал его с ног, и в особенности Йоссариан.

There was something inherently disreputable about Yossarian, always carrying on so disgracefully about that dead man in his tent who wasn't even there and then taking off all his clothes after the Avignon mission and going around without them right up to the day General Dreedle stepped up to pin a medal on him for his heroism over Ferrara and found him standing in formation stark naked.	Этот тип отличался какой-то врожденной гнусностью: то он нес бестактную ахинею насчет покойника в своей палатке, хотя никакого покойника там не было, то бегал голышом по лагерю. Вернувшись в часть после налета на Авиньон, Йоссариан сбросил с себя всю одежду, и, когда генерал Дридл вызвал его, чтобы приколоть ему орден за героизм, проявленный при налете на Феррару, Йоссариан вышел из строя в чем мать родила.

No one in the world had the power to remove the dead man's disorganized effects from Yossarian's tent.	Никто в мире не имел права убрать из палатки Йоссариана наполовину распакованные пожитки погибшего лейтенанта, хотя изъять их было необходимо.
Major Major had forfeited the authority when he permitted Sergeant Towser to report the lieutenant who had been killed over Orvieto less than two hours after he arrived in the squadron as never having arrived in the squadron at all.	Майор Майор поставил на карту свою репутацию, разрешив лейтенанту Таусеру ответить вышестоящим инстанциям, что лейтенант, погибший над Орвьетто менее чем через два часа после прибытия в эскадрилью, будто бы вовсе не прибывал в эскадрилью.

The only one with any right to remove his belongings from Yossarian's tent, it seemed to Major Major, was Yossarian himself, and Yossarian, it seemed to Major Major, had no right.	Единственным человеком, который мог бы убрать имущество лейтенанта из палатки, был, по мнению майора Майора, сам Йоссариан, но Йоссариан, по мнению майора Майора, не имел на это права.
Major Major groaned after Yossarian brought him down with a flying tackle, and tried to wiggle to his feet.	Майор Майор застонал, когда Йоссариан с помощью каната сбил его с ног.
Yossarian wouldn't let him.	Он попытался подняться, но Йоссариан и не думал его отпускать

'Captain Yossarian,' Yossarian said, 'requests permission to speak to the major at once about a matter of life or death.'	- Капитан Йоссариан, - сказал Йоссариан, - просит разрешения немедленно обратиться к майору по вопросу жизни и смерти.
'Let me up, please,' Major Major bid him in cranky discomfort.	- Отпустите меня, пожалуйста. Я хочу встать, -слабым голосом взмолился майор Майор.
'I can't return your salute while I'm lying on my arm.'	- Не могу же я лежа ответить на ваше приветствие.
Yossarian released him. They stood up slowly.	Когда Йоссариан освободил его, майор с трудом поднялся с земли.
Yossarian saluted again and repeated his request.	Йоссариан еще раз отдал честь и повторил свою просьбу.

' Let's go to my office,' Major Major said.	- Пройдемте ко мне в кабинет, - сказал майор.
' I don't think this is the best place to talk.'	- Здесь не самое удобное место для разговора.
' Yes, sir,' answered Yossarian.	- Слушаюсь, сэр.
They smacked the gravel from their clothing and walked in constrained silence to the entrance of the orderly room.	Они стряхнули с себя пыль и в тягостном молчании шли до самого входа в штабную палатку.
'Give me a minute or two to put some mercurochrome on these cuts. Then have Sergeant Towser send you in.'	- Обождите, пожалуйста, минутку, я смажу царапины йодом, а затем сержант Таусер пригласит вас.
'Yes, sir.'	- Слушаюсь, сэр.

Major Major strode with dignity to the rear of the orderly room without glancing at any of the clerks and typists working at the desks and filing cabinets. He let the flap leading to his office fall closed behind him.	Майор Майор с достоинством прошествовал через канцелярию, не поднимая глаз на писарей, склонившихся над своими скоросшивателями, картотечными ящиками и пишущими машинками.

As soon as he was alone in his office, he raced across the room to the window and jumped outside to dash away.	Едва зайдя за полог, отделявший кабинет от канцелярии, майор Майор метнулся к окошку и выпрыгнул вон.

He found Yossarian blocking his path. Yossarian was waiting at attention and saluted again.	Под окошком по стойке "смирно" стоял Йоссариан.
'Captain Yossarian requests permission to speak to the major at once about a matter of life or death,' he repeated determinedly.	Отдав честь, он отчеканил: - Капитан Йоссариан просит разрешения немедленно обратиться к майору Майору по вопросу жизни и смерти.
'Permission denied,' Major Major snapped.	- Не разрешаю, - отрезал майор Майор.
' That won't do it.'	- Так дело не пойдет.
Major Major gave in.	Майор Майор капитулировал.
' All right,' he conceded wearily.	- Ладно, - согласился он устало.

' I'll talk to you.	- Давайте поговорим.
Please jump inside my office.'	Прыгайте в мой кабинет.
' After you.'	- Нет, раньше вы.
They jumped inside the office.	Они впрыгнули в кабинет.
Major Major sat down, and Yossarian moved around in front of his desk and told him that he did not want to fly any more combat missions.	Майор Майор сел, а Йоссариан принялся расхаживать перед письменным столом и втолковывать, что он не желает больше летать на боевые задания.
What could he do? Major Major asked himself.	"Ну что я могу сделать?" - размышлял майор Майор.

All he could do was what he had been instructed to do by Colonel Korn and hope for the best.	Он мог действовать только согласно инструкции подполковника Корна и уповать на лучшее.
'Why not?' he asked.	- Почему вы не желаете летать?
' I'm afraid.'	- Боюсь.
'That's nothing to be ashamed of,' Major Major counseled him kindly.	- Что ж, стыдиться тут нечего, - ласково объяснил майор Майор.
'We're all afraid.'	- Мы все боимся.
' I'm not ashamed,' Yossarian said.	- А я и не стыжусь, - сказал Йоссариан.
' I'm just afraid.'	- Я боюсь, а не стыжусь.
'You wouldn't be normal if you were never afraid.	- Если бы вы никогда и ничего не боялись, вы были бы ненормальным.

Even the bravest men experience fear.	Даже очень храбрые люди испытывают страх.
One of the biggest jobs we all face in combat is to overcome our fear.'	Пожалуй, самое трудное в бою - преодолеть страх.
' Oh, come on, Major.	- Ну вот, поехали, поехали, майор.
Can't we do without that horseshit?'	Неужели нельзя обойтись без этой дерьмовой демагогии?

Major Major lowered his gaze sheepishly and fiddled with his fingers.	Майор Майор застенчиво опустил глаза и стал катать между большим и указательным пальцами воображаемую песчинку.
'What do you want me to tell you?'	- Ну а что бы вы хотели от меня услышать?

'That I've flown enough missions and can go home.'	- Что я выполнил норму боевых вылетов и могу отправляться домой.
'How many have you flown?'	- Сколько вы налетали?
'Fifty-one.'	- Пятьдесят одно задание.
'You've only got four more to fly.'	- Вам осталось всего лишь четыре вылета.
' He'll raise them.	- Как бы не так! Он повысит норму.
Every time I get close he raises them.'	Каждый раз, как только я выполняю норму, он ее повышает.
'Perhaps he won't this time.'	- Возможно, в этот раз полковник этого не сделает.

' He never sends anyone home, anyway.	- Он еще ни одного человека не отпустил домой.
He just keeps them around waiting for rotation orders until he doesn't have enough men left for the crews, and then raises the number of missions and throws them all back on combat status.	Он только разрешает налетавшим норму поболтаться на земле без дела в ожидании приказа об отправке домой, а потом, когда ему не хватает людей для комплектования экипажей, он опять повышает норму вылетов и снова бросает всех на боевые операции.
He's been doing that ever since he got here.'	С тех пор как он сюда прибыл, он только так и действует.
'You mustn't blame Colonel Cathcart for any delay with the orders,' Major Major advised.	- Вам не следует бранить полковника Кэткарта за задержку с приказами, - сказал майор Майор.

'It's Twenty-seventh Air Force's responsibility to process the orders promptly once they get them from us.'	- Приказы, поступающие от нас, утверждает штаб двадцать седьмой воздушной армии, он и несет ответственность за быстрое прохождение приказов по инстанциям.
'He could still ask for replacements and send us home when the orders did come back.	- Он мог бы запросить замену, а нас отослать домой.
Anyway, I've been told that Twenty-seventh Air Force wants only forty missions and that it's only his own idea to get us to fly fifty-five.'	Но как бы там ни было, а мне говорили, что в штабе двадцать седьмой воздушной армии настаивают лишь на сорока вылетах, а пятьдесят пять вылетов - это собственное изобретение полковника.

'I wouldn't know anything about that,' Major Major answered. 'Colonel Cathcart is our commanding officer and we must obey him.	- Об этом мне ничего не известно, - ответил майор Майор, - Полковник Кэткарт - наш командир, и мы обязаны ему подчиняться.
Why don't you fly the four more missions and see what happens?'	Почему бы вам не налетать еще четыре задания и не посмотреть, что из этого получится?
' I don't want to.'	- Не хочу.
What could you do? Major Major asked himself again.	"Что же делать? - снова мысленно спросил себя майор Майор.

What could you do with a man who looked you squarely in the eye and said he would rather die than be killed in combat, a man who was at least as mature and intelligent as you were and who you had to pretend was not?	- Ну что делать с человеком, который смотрит вам прямо в глаза и заявляет, что скорее готов умереть, чем быть убитым в бою, с человеком, столь же зрелым и умственно развитым, как вы сами, хотя вы должны делать вид, что вы мудрей и лучше, чем он?
What could you say to him?	Ну что мне ему сказать?"
'Suppose we let you pick your missions and fly milk runs,' Major Major said.	- Что, если сделать так: вы выполните норму боевых вылетов, а затем мы будем посылать вас "за молоком"?

'That way you can fly the four missions and not run any risks.'	Таким образом, только четыре боевых задания - и вы больше не подвергаетесь никакому риску.
' I don't want to fly milk runs.	- Не нужны мне ваши полеты "за молоком"!
I don't want to be in the war any more.'	Я не желаю больше ни минуты оставаться на войне!
'Would you like to see our country lose?' Major Major asked.	- Неужели вы хотите видеть свою родину побежденной? - спросил майор Майор.
'We won't lose.	- Нас не победят.
We've got more men, more money and more material.	У нас больше народу, больше денег и сырья.

There are ten million men in uniform who could replace me. Some people are getting killed and a lot more are making money and having fun.	Десять миллионов военнослужащих могут стать на мое место, а то одних убивают, а другие в это время делают деньги и живут припеваючи.
Let somebody else get killed.'	Пусть других убивают.
'But suppose everybody on our side felt that way.'	- Но представьте себе, что получится, если каждый американец станет рассуждать подобным образом.
'Then I'd certainly be a damned fool to feel any other way.	- Только круглый дурак рассуждает иначе.
Wouldn't I?'	Разве я не прав?

What could you possibly say to him? Major Major wondered forlornly. One thing he could not say was that there was nothing he could do.	"Ну что ты ему на это скажешь? - горестно размышлял майор Майор.
To say there was nothing he could do would suggest he would do something if he could and imply the existence of an error of injustice in Colonel Korn's policy. Colonel Korn had been most explicit about that.	- Сказать, что я ничего не могу поделать, означает, что вообще-то я сделал бы кое-что, будь это в моих силах, но не делаю только из-за ошибочной и несправедливой политики подполковника Корна.

He must never say there was nothing he could do.	Нет, нет, я категорически не имею права сказать ему, что ничего не могу поделать", - решил майор Майор и сказал:
' I'm sorry,' he said. 'But there's nothing I can do.'	- Очень сожалею, но я ничего не могу поделать.
Wintergreen Clevinger was dead. That was the basic flaw in his philosophy.	10. Уинтергрин Клевинджер погиб.

Eighteen planes had let down through a beaming white cloud off the coast of Elba one afternoon on the way back from the weekly milk run to Parma; seventeen came out.	Восемнадцать самолетов нырнули в ослепительно белое облако неподалеку от Эльбы, возвращаясь после еженедельного полета "за молоком" в Парму. Вышли из облака семнадцать.

No trace was ever found of the other, not in the air or on the smooth surface of the jade waters below.	От пропавшего самолета не осталось и следа - ни в воздухе, ни на гладкой нефтяной поверхности воды.
There was no debris.	Обломков тоже не было.
Helicopters circled the white cloud till sunset.	До захода солнца вокруг злополучного облака кружили самолеты.
During the night the cloud blew away, and in the morning there was no more Clevinger.	Ночью облако растаяло, и, когда настало утро, Клевинджера уже не существовало.

The disappearance was astounding, as astounding, certainly, as the Grand Conspiracy of Lowery Field, when all sixty-four men in a single barrack vanished one payday and were never heard of again.	Это исчезновение было поразительным, хотя, безусловно, оно поражало меньше, чем великий заговор на учебной базе Лоури-Филд: там как-то в день выплаты жалованья из одной казармы исчезли все шестьдесят четыре человека, и никто о них больше не слышал.
Until Clevinger was snatched from existence so adroitly, Yossarian had assumed that the men had simply decided unanimously to go AWOL the same day.	До того как Клевинджер непостижимым образом ушел из жизни, Йоссариан по простоте души полагал, что эти шестьдесят четыре взяли и ушли в самоволку.

In fact, he had been so encouraged by what appeared to be a mass desertion from sacred responsibility that he had gone running outside in elation to carry the exciting news to ex-P.F.C. Wintergreen.	Больше того, он даже обрадовался этому факту массового дезертирства и коллективного отказа от священного воинского долга и, ликуя, помчался к экс-рядовому первого класса Уинтергрину, дабы поделиться с ним сногсшибательной новостью.
'What's so exciting about it?' ex-P.F.C.	- А что тут, собственно говоря, сногсшибательного? - гнусно ощерился Уинтергрин.

Wintergreen sneered obnoxiously, resting his filthy GI shoe on his spade and lounging back in a surly slouch against the wall of one of the deep, square holes it was his military specialty to dig.	Он стоял в глубокой квадратной яме, опершись на лопату. Рытье ям было его военной специальностью.
Ex-P.F.C. Wintergreen was a snide little punk who enjoyed working at cross-purposes.	Экс-рядовой первого класса Уинтергрин был подленькой, лживой тварью и любил создавать всяческую путаницу.
Each time he went AWOL, he was caught and sentenced to dig and fill up holes six feet deep, wide and long for a specified length of time.	Каждый раз, когда он уходил в самоволку, его ловили и в наказание заставляли за определенный срок вырыть яму глубиной, шириной и длиной в шесть футов, а затем закопать ее.

Each time he finished his sentence, he went AWOL again.	Едва отбыв наказание, он снова отправлялся в самоволку.
Ex-P.F.C. Wintergreen accepted his role of digging and filling up holes with all the uncomplaining dedication of a true patriot.	Уинтергрин рыл и закапывал ямы с энтузиазмом подлинного патриота, которому не пристало жаловаться на трудности.
'It's not a bad life,' he would observe philosophically.	- В сущности, это не так уж плохо, - философски изрекал он.

' And I guess somebody has to do it.'	- Ведь кто-то должен копать ямы.

He had wisdom enough to understand that digging holes in Colorado was not such a bad assignment in wartime.	Он был достаточно сообразителен и понимал, что рытье ям в Колорадо - не самое плохое занятие в военное время.
Since the holes were in no great demand, he could dig them and fill them up at a leisurely pace, and he was seldom overworked.	Поскольку спрос на ямы был невелик, он мог копать и засыпать их с ленцой, не торопясь. Он редко перенапрягался.
On the other hand, he was busted down to buck private each time he was court-martialed.	И это было хорошо. Зато каждый раз после военного суда его понижали в рядовые, и это было плохо.
He regretted this loss of rank keenly.	Это он переносил болезненно.

'It was kind of nice being a P.F.C.,' he reminisced yearningly.	- Я был рядовым первого класса, - вспоминал он с тоской.
'I had status-you know what I mean?- and I used to travel in the best circles.'	- У меня было положение. Ты понимаешь, что я хочу сказать? Я привык вращаться в высших сферах.
His face darkened with resignation. 'But that's all behind me now,' he guessed.	Но все это уже позади, - смиренно говорил он, и ухмылка сбегала с его лица.
'The next time I go over the hill it will be as a buck private, and I just know it won't be the same.'	- В следующий раз придется идти в самоволку в чине рядового, а это уже будет совсем не то, я знаю...
There was no future in digging holes.	Рытье ям представлялось ему делом малоперспективным.

' The job isn't even steady.	- Очень уж непостоянная работа.
I lose it each time I finish serving my sentence.	Отбыл наказание - и сразу остался без дела.
Then I have to go over the hill again if I want it back.	Приходится снова ударяться в бега.
And I can't even keep doing that.	А ведь это не шутка!
There's a catch.	Этак, чего доброго, угодишь в ловушку.
Catch-22.	Ты ведь знаешь эту "уловку двадцать два"?
The next time I go over the hill, it will mean the stockade.	Стоит мне теперь еще хоть раз смыться в самоволку, и засадят меня в каторжную тюрьму.

I don't know what's going to become of me.	Не знаю, что тогда со мной будет.
I might even wind up overseas if I'm not careful.'	Приходится быть осторожным, а то загудишь за океан.
He did not want to keep digging holes for the rest of his life, although he had no objection to doing it as long as there was a war going on and it was part of the war effort.	Он не испытывал желания рыть ямы весь остаток жизни, но не возражал против того, чтобы рыть их до конца войны, и в этом видел свой вклад в дело победы.
'It's a matter of duty,' he observed, 'and we each have our own to perform.	- У нас есть долг, - говорил он. - И каждый обязан его выполнять.

My duty is to keep digging these holes, and I've been doing such a good job of it that I've just been recommended for the Good Conduct Medal.	Мой долг заключается в том, чтобы копать и копать ямы, и я тружусь так старательно, что меня представили к медали "За хорошее поведение".

Your duty is to screw around in cadet school and hope the war ends before you get out.	Твой долг - околачиваться в училище и надеяться, что война кончится раньше, чем тебя произведут в офицеры.
The duty of the men in combat is to win the war, and I just wish they were doing their duty as well as I've been doing mine.	Обязанность фронтовиков - выиграть войну, и мне бы очень хотелось, чтобы они выполнили свой долг так же хорошо, как я выполняю свой.

It wouldn't be fair if I had to go overseas and do their job too, would it?'	Было бы несправедливо, если бы я отправился за океан и стал выполнять их работу, ведь верно?
One day ex-P.F.C. Wintergreen struck open a water pipe while digging in one of his holes and almost drowned to death before he was fished out nearly unconscious.	Однажды экс-рядовой первого класса Уинтергрин, копая очередную яму, пробил лопатой водопроводную трубу и чуть не захлебнулся. Он был выловлен в бессознательном состоянии.
Word spread that it was oil, and Chief White Halfoat was kicked off the base.	Разнесся слух, что нашли нефть, в результате чего Вождя Белый Овес быстренько вытурили и с учебной базы.
Soon every man who could find a shovel was outside digging frenziedly for oil.	И скоро каждый, кто сумел обзавестись лопатой, как сумасшедший вгрызался в землю в поисках нефти.

Dirt flew everywhere; the scene was almost like the morning in Pianosa seven months later after the night Milo bombed the squadron with every plane he had accumulated in his M & M syndicate, and the airfield, bomb dump and repair hangars as well, and all the survivors were outside hacking cavernous shelters into the solid ground and roofing them over with sheets of armor plate stolen from the repair sheds at the field and with tattered squares of waterproof canvas stolen from the side	База утопала в грязи. Похожую картину можно было увидеть семь месяцев спустя на Пьяносе наутро после того, как Милоу всеми самолетами своего синдиката "М. и М." разбомбил расположение эскадрильи - не только палаточный городок, но и бомбовый склад, и летное поле, и ремонтные мастерские. Все, кто уцелел, долбили твердую землю и делали землянки и убежища, покрывая их листами брони, украденными в полевых мастерских, или лохматыми полотнищами брезента, оторванными от палаток.

Chief White Halfoat was transferred out of Colorado at the first rumor of oil and came to rest finally in Pianosa as a replacement for Lieutenant Coombs, who had gone out on a mission as a guest one day just to see what combat was like and had died over Ferrara in the plane with Kraft.	Вождь Белый Овес, переведенный из Колорадо при первых же слухах о нефти, прибыл в конце концов на Пьяносу заменить лейтенанта Кумбса, который в один прекрасный день отправился в боевой вылет по своей охоте (просто посмотреть, что такое война) и погиб над Феррарой в самолете Крафта.

Yossarian felt guilty each time he remembered Kraft, guilty because Kraft had been killed on Yossarian's second bomb run, and guilty because Kraft had got mixed up innocently also in the Splendid Atabrine Insurrection that had begun in Puerto Rico on the first leg of their flight overseas and ended in Pianosa ten days later with Appleby striding dutifully into the orderly room the moment he arrived to report Yossarian for refusing to take his Atabrine tablets.	Вспоминая Крафта, Йоссариан чувствовал себя виноватым. Ведь Крафт погиб из-за того, что Йоссариан вторично повел машину на цель, и еще из-за того, что Крафт, сам того не желая, оказался замешанным в "великом" восстании противников атабрина. Восстание началось в Пуэрто-Рико на первом этапе их полета за океан и закончилось десятью днями позже, когда Эпплби, движимый чувством долга, едва приземлившись на Пьяносе, направился в штабную палатку официально доложить об отказе Йоссариана принимать таблетки атабрина.

The sergeant there invited him to be seated.	Сержант предложил ему посидеть.

'Thank you, Sergeant, I think I will,' said Appleby.	- Благодарю, сержант, - сказал Эпплби. - Можно и посидеть.
' About how long will I have to wait?	А вы не знаете, сколько придется ждать?
I've still got a lot to get done today so that I can be fully prepared bright and early tomorrow morning to go into combat the minute they want me to.'	Мне еще надо сегодня сделать кучу дел, чтобы завтра ранним утром по первому приказу отправиться на боевое задание.
' Sir?'	- Как вы сказали, сэр?
' What's that, Sergeant?'	- Вы о чем, сержант?

'What was your question?'	- А вы о чем спрашивали?
'About how long will I have to wait before I can go in to see the major?'	- О том, сколько придется ждать, прежде чем можно будет пройти к майору.
'Just until he goes out to lunch,' Sergeant Towser replied.	- Как только он уйдет завтракать, так вы тут же сможете пройти в кабинет, - ответил сержант Таусер.
'Then you can go right in.' 'But he won't be there then. Will he?'	- Но, если я верно понял вас, его там не будет?
'No, sir. Major Major won't be back in his office until after lunch.'	- Да, сэр, майор вернется к себе только после завтрака.
' I see,' Appleby decided uncertainly.	- Понятно, - неуверенно протянул Эпплби.

' I think I'd better come back after lunch, then.'	- Тогда я, пожалуй, зайду после завтрака.
Appleby turned from the orderly room in secret confusion.	Эпплби покидал палатку в полнейшем недоумении.
The moment he stepped outside, he thought he saw a tall, dark officer who looked a little like Henry Fonda come jumping out of the window of the orderly-room tent and go scooting out of sight around the corner.	Когда он выходил, ему почудилось, будто высокий темноволосый офицер, слегка смахивающий на Генри Фонда, выпрыгнул из окошка штабной палатки и проворно шмыгнул за угол.
Appleby halted and squeezed his eyes closed.	Эпплби застыл как вкопанный и даже зажмурился.

An anxious doubt assailed him.	Тревожное сомнение закралось в его душу.
He wondered if he were suffering from malaria, or, worse, from an overdose of Atabrine tablets.	"Уж не галлюцинация ли у меня на почве малярии или, того хуже, от сверхдозы атабрина?!" -подумал он.
Appleby had been taking four times as many Atabrine tablets as the amount prescribed because he wanted to be four times as good a pilot as everyone else.	Эпплби принял в четыре раза больше таблеток атабрина, чем положено, потому что хотел быть в четыре раза лучше любого пилота в эскадрилье.

His eyes were still shut when Sergeant Towser tapped him lightly on the shoulder and told him he could go in now if he wanted to, since Major Major had just gone out.	Он все еще стоял с зажмуренными глазами, когда сержант Таусер легонько похлопал его по плечу и сказал, что теперь, если ему угодно, он может пройти в кабинет: майор Майор только что ушел.
Appleby's confidence returned.	Эпплби снова почувствовал себя уверенно.
' Thank you, Sergeant.	- Спасибо, сержант.
Will he be back soon?'	Он скоро вернется?

'He'll be back right after lunch.	- Он вернется после завтрака.
Then you'll have to go right out and wait for him in front till he leaves for dinner.	Тогда вам придется сразу выйти из палатки и дожидаться его у двери, пока он не отправится на обед.

Major Major never sees anyone in his office while he's in his office.'	Майор Майор не желает видеть никого в своем кабинете, пока он у себя в кабинете.
' Sergeant, what did you just say?'	- Сержант, вы понимаете, что вы говорите?
'I said that Major Major never sees anyone in his office while he's in his office.'	- Я сказал, что майор Майор не желает видеть никого в своем кабинете, пока он в своем кабинете.
Appleby stared at Sergeant Towser intently and attempted a firm tone.	Эпплби выкатил глаза на сержанта Таусера. В голосе его появилось больше твердости.

'Sergeant, are you trying to make a fool out of me just because I'm new in the squadron and you've been overseas a long time?'	- Сержант, вы, наверное, пытаетесь меня одурачить только потому, что я новенький в эскадрилье, а вы в Европе уже давно?
' Oh, no, sir,' answered the sergeant deferentially.	- О нет, сэр, - ответил сержант почтительно.
' Those are my orders.	- Мне так приказано.
You can ask Major Major when you see him.'	Спросите у майора Майора, когда его увидите.
' That's just what I intend to do, Sergeant.	- Именно это я и собираюсь сделать, сержант.

When can I see him?'	Когда я могу его увидеть?
'Never.'	- Никогда.
Crimson with humiliation, Appleby wrote down his report about Yossarian and the Atabrine tablets on a pad the sergeant offered him and left quickly, wondering if perhaps Yossarian were not the only man privileged to wear an officer's uniform who was crazy.	Побагровев от такого унижения, Эпплби тут же написал рапорт о Йоссариане, приложил к нему таблетки атабрина, которые Йоссариан отказался принимать, и быстро вышел. При этом Эпплби подумал, что Йоссариан, видно, не единственный психопат в офицерской форме.

By the time Colonel Cathcart had raised the number of missions to fifty-five, Sergeant Towser had begun to suspect that perhaps every man who wore a uniform was crazy.	Когда полковник Кэткарт повысил норму боевых вылетов до пятидесяти пяти, сержант Таусер начал всерьез подозревать, что каждый человек в военной форме - психопат.
Sergeant Towser was lean and angular and had fine blond hair so light it was almost without color, sunken cheeks, and teeth like large white marshmallows.	Сержант Таусер был тощим, угловатым парнем с красивыми русыми волосами, такими светлыми, что они казались вовсе бесцветными, с запавшими щеками и крупными, как лепестки большой ромашки, зубами.
He ran the squadron and was not happy doing it.	Он был фактически командиром эскадрильи, хотя это и не доставляло ему никакого удовольствия.

Men like Hungry Joe glowered at him with blameful hatred, and Appleby subjected him to vindictive discourtesy now that he had established himself as a hot pilot and a ping-pong player who never lost a point.	Типы, подобные Заморышу Джо, пылали к нему ничем не обоснованной ненавистью, а Эпплби, дороживший своей репутацией пилота-сорвиголовы и непобедимого игрока в настольный теннис, затаил против него мстительное чувство.

Sergeant Towser ran the squadron because there was no one else in the squadron to run it.	Сержант Таусер командовал эскадрильей, потому что больше никто ею не командовал.
He had no interest in war or advancement.	Военное дело и карьера очень мало его интересовали.

He was interested in shards and Hepplewhite furniture.	Больше всего его интересовали керамика и антикварная мебель.
Almost without realizing it, Sergeant Towser had fallen into the habit of thinking of the dead man in Yossarian's tent in Yossarian's own terms &mash; as a dead man in Yossarian's tent.	Почти не отдавая себе в этом отчета, сержант Таусер, как и Йоссариан, привык говорить о покойнике в палатке Йоссариана.
In reality, he was no such thing.	На самом деле никакого покойника не существовало.

He was simply a replacement pilot who had been killed in combat before he had officially reported for duty.	Речь шла о пилоте, который был прислан в порядке замены и убит в бою, прежде чем успел официально доложить о своем прибытии для прохождения службы.
He had stopped at the operations tent to inquire the way to the orderly-room tent and had been sent right into action because so many men had completed the thirty-five missions required then that Captain Piltchard and Captain Wren were finding it difficult to assemble the number of crews specified by Group.	Он зашел в оперативное отделение спросить, как пройти в штаб, и тут же был послан на задание, ибо большинство летчиков уже налетало свои тридцать пять боевых заданий, что тогда считалось нормой. Капитаны Пилтчард и Рен испытывали трудности с комплектованием экипажей в том количестве, в каком этого требовал штаб полка.

Because he had never officially gotten into the squadron, he could never officially be gotten out, and Sergeant Towser sensed that the multiplying communications relating to the poor man would continue reverberating forever.	Поскольку формально лейтенант не поступал в распоряжение эскадрильи, то формально его нельзя было и отчислить, и сержант Таусер чувствовал, что переписка касательно этого бедняги будет разбухать до бесконечности.
His name was Mudd.	Фамилия лейтенанта была Мадд.

To Sergeant Towser, who deplored violence and waste with equal aversion, it seemed like such an abhorrent extravagance to fly Mudd all the way across the ocean just to have him blown into bits over Orvieto less than two hours after he arrived.	Сержанту Таусеру, не терпевшему ни насилия, ни пустых затрат, казалось возмутительной расточительностью доставлять воздушным путем человека через океан только для того, чтобы его разнесло в клочья над Орвьетто менее чем через два часа после прибытия в часть.

No one could recall who he was or what he had looked like, least of all Captain Piltchard and Captain Wren, who remembered only that a new officer had shown up at the operations tent just in time to be killed and who colored uneasily every time the matter of the dead man in Yossarian's tent was mentioned.	Никто не мог припомнить, что это был за человек и как он выглядел, и меньше всего это могли сказать капитаны Пилтчард и Рен, которые помнили только, что вновь прибывший офицер показался в палатке оперативного отделения в самое время, чтобы не опоздать на свидание со смертью. Оба капитана чувствовали себя неловко, и, когда заходил разговор о покойнике в палатке Йоссариана, слегка краснели.

The only one who might have seen Mudd, the men in the same plane, had all been blown to bits with him.	Хорошо рассмотреть Мадда смогли только те, кто летел с ним в одной машине, но их тоже разнесло в клочья.

Yossarian, on the other hand, knew exactly who Mudd was.	Только Йоссариан знал точно, что представлял собой этот Мадд.
Mudd was the unknown soldier who had never had a chance, for that was the only thing anyone ever did know about all the unknown soldiers-they never had a chance.	Мадд был неизвестным солдатом, которому не повезло, ибо единственное, что известно о неизвестных солдатах, - это то, что им не повезло.

They had to be dead.	Им было суждено погибнуть.

And this dead one was really unknown, even though his belongings still lay in a tumble on the cot in Yossarian's tent almost exactly as he had left them three months earlier the day he never arrived-all contaminated with death less than two hours later, in the same way that all was contaminated with death in the very next week during the Great Big Siege of Bologna when the moldy odor of mortality hung wet in the air with the sulphurous fog and every man scheduled to fly was already tainted.	И этот погибший был действительно неизвестен, хотя его пожитки лежали кучей на койке в палатке Йоссариана, почти в том же виде, как их бросил три месяца назад вновь прибывший пилот в тот день, когда он официально еще не прибыл в эскадрилью. Уже тогда эти вещи были пронизаны тлетворным запахом смерти, через два часа этот дух стал сильнее, а на следующей неделе, во время великой осады Болоньи, висевший в воздухе влажный туман вонял серой, плесенью и смертью, пропитывая каждого, кто готовился к вылету.

There was no escaping the mission to Bologna once Colonel Cathcart had volunteered his group for the ammunition dumps there that the heavy bombers on the Italian mainland had been unable to destroy from their higher altitudes.	Избежать участия в налете на Болонью было невозможно: полковник Кэткарт заявил, что его полк добровольно берется разбомбить склады боеприпасов в Италии, поскольку для тяжелых бомбардировщиков, летающих на большой высоте, эта задача оказалась непосильной.

Each day's delay deepened the awareness and deepened the gloom. The clinging, overpowering conviction of death spread steadily with the continuing rainfall, soaking mordantly into each man's ailing countenance like the corrosive blot of some crawling disease.	Операция откладывалась со дня на день, и с каждым днем усиливалась смертная тоска. Мрачные предчувствия переходили в прочную уверенность. Цепкий, непреодолимый страх перед верной смертью расползался по эскадрилье, как заразная болезнь, а дождь все лил и лил, и казалось, он протекает в души пилотов, разъедая их самообладание.
Everyone smelled of formaldehyde.	От каждого разило формалином.

There was nowhere to turn for help, not even to the medical tent, which had been ordered closed by Colonel Korn so that no one could report for sick call, as the men had done on the one clear day with a mysterious epidemic of diarrhea that had forced still another postponement.	И некуда было обратиться за помощью, даже санчасть по приказу подполковника Корна была закрыта, чтобы никто не мог сказаться больным, как это случилось в один прекрасный день, когда всех пробрал какой-то загадочный эпидемический понос и командованию пришлось отменить полеты.

With
sick call suspended
and the door to the
medical tent nailed
shut,
Doc Daneeka spent
the intervals between
rain perched on a high
stool,
wordlessly absorbing
the bleak outbreak of
fear with a sorrowing
neutrality, roosting
like
a melancholy buzzard
below
the ominous, hand-
lettered sign tacked
up on the closed door
of the medical tent by
Captain
Black as a joke and
left hanging there by
Doc Daneeka because
it was no joke.

На сей раз дверь санчасти была наглухо закрыта, жалобы на болезни не принимались. Когда дождь ненадолго прекращался, доктор Дейника влезал на свою высокую табуретку и безмолвно и безучастно выслушивал разнообразные жалобы, за которыми таился страх. Он сидел на своем табурете, похожий на нахохлившуюся сову, а над ним, над закрытой дверью, висела прицепленная капитаном Блэком зловещая надпись. Капитан Блэк считал, что это шутка, но Дейника не стал снимать плакатик как раз потому, что не видел в нем ничего смешного.

The sign was bordered in dark crayon and read: 'CLOSED UNTIL FURTHER NOTICE. DEATH IN THE FAMILY.'	Надпись, обведенная черной рамкой, гласила: "Закрыто по случаю смерти в семье. Об открытии будет сообщено особо".
The fear flowed everywhere, into Dunbar's squadron, where Dunbar poked his head inquiringly through the entrance of the medical tent there one twilight and spoke respectfully to the blurred outline of Dr. Stubbs, who was sitting in the dense shadows inside before a bottle of whiskey and a bell jar filled with purified drinking water.	Страх витал и в эскадрилье Данбэра. Данбэр с любопытством заглянул в палатку санчасти, где царил полумрак, и заметил неясный силуэт доктора Стаббса, который сидел в палатке перед бутылкой виски и пузатым графином с питьевой водой.

'Are you all right?' he asked solicitously.	- Как вы себя чувствуете? - спросил он уважительным тоном: надо же было с чего-то начать разговор.
' Terrible,' Dr. Stubbs answered.	- Скверно, - ответил доктор Стаббс.
'What are you doing here?'	- А что вы здесь делаете?
' Sitting.'	- Сижу.
' I thought there was no more sick call.'	- Я полагаю, больных нет?
' There ain't.'	- Нет.
'Then why are you sitting here?'	- Тогда зачем же вы тут сидите?
' Where else should I sit?	- А где мне сидеть?

At the goddam officers' club with Colonel Cathcart and Korn?	В этом проклятом офицерском клубе с полковником Кэткартом и Корном?
Do you know what I'm doing here?'	Вы знаете, что я здесь делаю?
' Sitting.'	- Сидите.
'In the squadron, I mean. Not in the tent.	- Я имею в виду, что я делаю в эскадрилье, а не в санчасти.
Don't be such a goddam wise guy. Can you figure out what a doctor is doing here in the squadron?'	Вы лучше не умничайте, а попробуйте сообразить, что может делать доктор в эскадрилье.

'They've got the doors to the medical tents nailed shut in the other squadrons,' Dunbar remarked.	- Во всех других эскадрильях санчасти наглухо заколочены, - заметил Данбэр.
'If anyone sick walks through my door I'm going to ground him,' Dr. Stubbs vowed.	- Если хоть один больной войдет ко мне, я освобожу его от полетов, - поклялся, доктор Стаббс.

' I don't give a damn what they say.'	- И плевал я на всякие указания свыше.
'You can't ground anyone,' Dunbar reminded.	- Вы не имеете права никого освобождать от полетов, - напомнил Данбэр.
'Don't you know the orders?'	- Разве вы не знаете приказа?

'I'll knock him flat on his ass with an injection and really ground him.' Dr. Stubbs laughed with sardonic amusement at the prospect.	- А я всажу ему укол в мягкое место и все равно освобожу от полетов, - саркастически расхохотался доктор Стаббс, заранее радуясь такому обороту дела.
'They think they can order sick call out of existence. The bastards.	- Они думают, что могут запретить людям жаловаться на болезни, мерзавцы!
Ooops, there it goes again.'	- Ух, опять какой пошел...
The rain began falling again, first in the trees, then in the mud puddles, then, faintly, like a soothing murmur, on the tent top.	Снова зарядил дождь, сначала он зашуршал в листве, потом забарабанил по грязным лужам, застучал по крыше палатки.

'Everything's wet,' Dr. Stubbs observed with revulsion.	- Все промокло, - сказал доктор Стаббс с отвращением.
'Even the latrines and urinals are backing up in protest.	- Все выгребные ямы в лагере переполнены водой, к уборным не подойдешь.
The whole goddam world smells like a charnel house.'	Весь мир, будь он проклят, провонял, как морг.
The silence seemed bottomless when he stopped talking.	Они замолчали. Со стороны казалось, что они никогда уже больше не раскроют рта.
Night fell.	Спустилась ночь.
There was a sense of vast isolation.	С необычайной остротой они ощутили свою отчужденность от всего мира.

' Turn on the light,' Dunbar suggested.	- Включите свет, - предложил Данбэр.
' There is no light.	- Здесь нет света.
I don't feel like starting my generator.	Мне не хочется пускать движок.
I used to get a big kick out of saving people's lives.	Знаете, больше всего я радуюсь, когда спасаю человеку жизнь.
Now I wonder what the hell's the point, since they all have to die anyway.	И вот что мне интересно: какой, черт побери, смысл их лечить, если им все равно так или иначе суждено погибнуть?
'Oh, there's a point, all right,' Dunbar assured him.	- Смысл есть, не сомневайтесь, - заверил его Данбэр.
' Is there?	- Есть смысл?
What is the point?'	Так в чем он?

'The point is to keep them from dying for as long as you can.'	- Смысл в том, чтобы как можно дольше не дать им умереть.
'Yeah, but what's the point, since they all have to die anyway?'	- Да, но каков все-таки смысл их лечить, если им все равно придется умереть?

'The trick is not to think about that.'	- Вся штука в том, чтобы вообще об этом не думать.
'Never mind the trick. What the hell's the point?'	- Штука штукой, а в чем же, черт побери, смысл?
Dunbar pondered in silence for a few moments.	Данбэр секунду поразмыслил и сказал:
'Who the hell knows?'	- Дьявол его знает.

Dunbar didn't know. Bologna should have exulted Dunbar, because the minutes dawdled and the hours dragged like centuries.	Казалось бы, ожидание предстоящего налета на Болонью должно было чрезвычайно радовать Данбэра, ибо минуты текли, как недели, а часы тянулись, как столетия.
Instead it tortured him, because he knew he was going to be killed.	А вместо этого минуты ожидания казались ему пыткой, потому что он знал, что, скорее всего, живым ему не вернуться.
'Do you really want some more codeine?' Dr. Stubbs asked.	- Вам действительно нужен еще кодеин? - спросил доктор Стаббс.
'It's for my friend Yossarian.	- Да. Для моего друга Йоссариана.
He's sure he's going to be killed.'	Он уверен, что живым ему не вернуться.

' Yossarian?	- Йоссариана?
Who the hell is Yossarian?	Это еще кто такой?
What the hell kind of a name is Yossarian, anyway?	Что это еще за дурацкая фамилия?
Isn't he the one who got drunk and started that fight with Colonel Korn at the officers' club the other night?'	Это не тот ли, что надрызгался вчера вечером в офицерском клубе и затеял драку с подполковником Корном?
' That's right.	- Он самый.
He's Assyrian.'	Ассириец.
' That crazy bastard.'	- А-а, этот сумасшедший мерзавец.
'He's not so crazy,' Dunbar said.	- Не такой уж он сумасшедший, - сказал Данбэр.

'He swears he's not going to fly to Bologna.'	- Он поклялся, что не полетит на Воловью.
'That's just what I mean,' Dr. Stubbs answered.	- Вот его я и имею в виду, - ответил доктор Стаббс.
'That crazy bastard may be the only sane one left.'	- Может быть, этот сумасшедший мерзавец -единственное разумное существо среди нас.

Captain Black Corporal Kolodny learned about it first in a phone call from Group and was so shaken by the news that he crossed the intelligence tent on tiptoe to Captain Black, who was resting drowsily with his bladed shins up on the desk, and relayed the information to him in a shocked whisper.	11. Капитан Блэк Первым об этом узнал капрал Колодный, принявший телефонограмму из штаба авиаполка. Новость потрясла его настолько, что он тут же на цыпочках пересек палатку разведотдела и испуганным шепотом передал сообщение капитану Блэку. Тот мирно клевал носом, положив на стол голенастые ноги.
Captain Black brightened immediately. ' Bologna?' he exclaimed with delight.	Капитан Блэк вспыхнул, подобно магнию. -Болонья? - закричал он в полном восторге.

'Well, I'll be damned.'	- Великолепно, будь я проклят?
He broke into loud laughter. ' Bologna, huh?'	- Он громко расхохотался. - Неужто Болонья?

He laughed again and shook his head in pleasant amazement.	- Он снова засмеялся и затряс головой в радостном изумлении.
'Oh, boy! I can't wait to see those bastards' faces when they find out they're going to Bologna.	- Ну, парень, мне просто не терпится увидеть морды этих мерзавцев, когда они услышат, что им лететь на Болонью.
Ha, ha, ha!'	Ха-ха-ха!

It was the first really good laugh Captain Black had enjoyed since the day Major Major outsmarted him and was appointed squadron commander, and he rose with torpid enthusiasm and stationed himself behind the front counter in order to wring the most enjoyment from the occasion when the bombardiers arrived for their map kits.	С тех пор как майор Майор обвел его вокруг пальца и получил должность командира эскадрильи, капитан Блэк впервые смеялся так весело и так искренне. Сдерживая ликование, он неторопливо вышел из-за стола и подошел поближе к барьеру: ему хотелось получить максимум удовольствия при виде летчиков, когда они придут за комплектами карт и узнают, что их ждет.

'That's right, you bastards, Bologna,' he kept repeating to all the bombardiers who inquired incredulously if they were really going to Bologna.	- Да, да, субчики, вы не ослышались - Болонья! -отвечал он пилотам, которые недоверчиво переспрашивали, действительно ли их ждет Болонья.
'Ha! Ha! Ha!	- Ха-ха-ха!
Eat your livers, you bastards.	Язви вас в печенку, мерзавцы!
This time you're really in for it.'	Ну теперь-то вы влипли.

Captain Black followed the last of them outside to observe with relish the effect of the knowledge upon all of the other officers and enlisted men who were assembling with their helmets, parachutes and flak suits around the four trucks idling in the center of the squadron area.	Капитан Блэк вышел из палатки, желая насладиться тем эффектом, который произведет новость на всех офицеров и сержантов. Они уже собрались со своими бронекостюмами у четырех грузовиков, стоявших в центре расположения эскадрильи.
He was a tall, narrow, disconsolate man who moved with a crabby listlessness.	Капитан Блэк был высокий, поджарый, унылый, апатичный и раздражительный человек.

He shaved his pinched, pale face every third or fourth day, and most of the time he appeared to be growing a reddish- gold mustache over his skinny upper lip.	Он брил свое бледное, за- остренное книзу лицо раз в три-четыре дня, и, как правило, над его верхней губой торчала рыжевато- золотистая щетина.
He was not disappointed in the scene outside.	Сцена, разыгравшаяся у входа в палатку, не обма- нула его лучших ожида- ний.

There was consternation darkening every expression, and Captain Black yawned deliciously, rubbed the last lethargy from his eyes and laughed gloatingly each time he told someone else to eat his liver.	Все лица вокруг разом одеревенели. Капитан Блэк плотоядно ухмылялся, приговаривая: "Язви вас в печенку!"
Bologna turned out to be the most rewarding event in Captain Black's life since the day Major Duluth was killed over Perugia and he was almost selected to replace him.	После гибели над Перуджей майора Дулута, когда капитан Блэк чуть было не занял место командира, приказ о налете на Болонью оказался самым праздничным событием в его жизни.

When word of Major Duluth's death was radioed back to the field, Captain Black responded with a surge of joy.	Получив известие о гибели майора Дулута, капитан Блэк едва не запрыгал от радости.

Although he had never really contemplated the possibility before, Captain Black understood at once that he was the logical man to succeed Major Duluth as squadron commander.	Хотя прежде он никогда всерьез не задумывался о возможности стать строевым командиром, теперь он сразу сообразил, что по логике вещей именно ему предназначено стать преемником майора Дулута.

To begin with, he was the squadron intelligence officer, which meant he was more intelligent than everyone else in the squadron.	В эскадрилье он занимался такой тонкой работой, как разведка, и, следовательно, считал себя самым проницательным человеком во всей части.
True, he was not on combat status, as Major Duluth had been and as all squadron commanders customarily were; but this was really another powerful argument in his favor, since his life was in no danger and he would be able to fill the post for as long as his country needed him.	Правда, в отличие от майора Дулута и командиров других эскадрилий, капитан Блэк не участвовал в боевых операциях, но зато в его пользу можно было привести другой, довольно веский аргумент: поскольку его жизнь не подвергалась опасности, он мог занимать свой пост столь долго, сколь родина нуждалась в его услугах.

The more Captain Black thought about it, the more inevitable it seemed.	Чем больше капитан Блэк размышлял над этим, тем более неизбежным казалось ему новое назначение.
It was merely a matter of dropping the right word in the right place quickly.	Требовалось только, чтобы кто-то быстренько замолвил за него нужное словцо в нужном месте.
He hurried back to his office to determine a course of action.	Он поспешил к себе в кабинет, чтобы наметить план действий.

Settling back in his swivel chair, his feet up on the desk and his eyes closed, he began imagining how beautiful everything would be once he was squadron commander.	Усевшись на вращающемся стуле, забросив ноги на стол и смежив веки, он дал волю воображению: он видел себя в роли командира эскадрильи, и зрелище это было прекрасно!
While Captain Black was imagining, Colonel Cathcart was acting, and Captain Black was flabbergasted by the speed with which, he concluded, Major Major had outsmarted him.	Капитан грезил, а полковник Кэткарт действовал, и капитан Блэк был потрясен скоростью, с которой, как казалось ему, майор Майор обвел его вокруг пальца.

His great dismay at the announcement of Major Major's appointment as squadron commander was tinged with an embittered resentment he made no effort to conceal.	Узнав о назначении майора Майора, Блэк был не только ошарашен, но и глубоко уязвлен и не пытался этого скрыть.

When fellow administrative officers expressed astonishment at Colonel Cathcart's choice of Major Major, Captain Black muttered that there was something funny going on; when they speculated on the political value of Major Major's resemblance to Henry Fonda, Captain Black asserted that Major Major really was Henry Fonda; and when they remarked that Major Major was somewhat odd, Captain Black announced that he	Когда его друзья, офицеры административной службы, выразили удивление по поводу того, что выбор полковника Кэткарта пал на майора Майора, капитан Блэк невнятно пробормотал, что вообще в части происходят занятные вещи. Затем офицеры стали строить догадки, имеет ли политическое значение сходство майора Майора с Генри Фонда, и капитан Блэк заявил, что майор Майор на самом деле и есть не кто иной, как Генри Фонда. А на замечание друзей насчет некоторых странностей майора Майора капитан Блэк объявил, что майор Майор - коммунист.

'They're taking over everything,' he declared rebelliously.	- Они просачиваются повсюду! - провозгласил капитан Блэк воинственно.
'Well, you fellows can stand around and let them if you want to, but I'm not going to.	- Вы, друзья, если желаете, можете сидеть сложа руки и заниматься попустительством.

I'm going to do something about it.	Но я не намерен сидеть сложа руки.
From now on I'm going to make every son of a bitch who comes to my intelligence tent sign a loyalty oath.	Отныне я заставлю каждого сукина сына, который переступит порог разведотдела, подписать "присягу о лояльности".

And I'm not going to let that bastard Major Major sign one even if he wants to.'	Но этому мерзавцу майору Майору я подписать не дам, даже если он этого очень захочет.
Almost overnight the Glorious Loyalty Oath Crusade was in full flower, and Captain Black was enraptured to discover himself spearheading it.	На следующее утро славный крестовый поход за принятие "присяги о лояльности" был в полном разгаре. Во главе его, охваченный энтузиазмом, стоял капитан Блэк.
He had really hit on something.	Идея оказалась действительно плодотворной.

All the enlisted men and officers on combat duty had to sign a loyalty oath to get their map cases from the intelligence tent, a second loyalty oath to receive their flak suits and parachutes from the parachute tent, a third loyalty oath for Lieutenant Balkington, the motor vehicle officer, to be allowed to ride from the squadron to the airfield in one of the trucks.	Весь сержантский и офицерский состав должен был подписать одну "присягу о лояльности" перед получением планшеток из разведотдела, другую -перед получением на стаде бронекостюмов и парашютов. Третью "присягу о лояльности" нужно было принести лейтенанту Балкинктону, начальнику автороты, чтобы получить разрешение на проезд в грузовике от палаточного городка до летного поля.

Every time they turned around there was another loyalty oath to be signed.	"Присяга о лояльности" подстерегала людей за каждым углом.
They signed a loyalty oath to get their pay from the finance officer, to obtain their PX supplies, to have their hair cut by the Italian barbers.	Ее приходилось подписывать, чтобы получить денежное довольствие в финчасти или летный паек. Даже стрижка и бритье у парикмахера-итальянца не обходились без этой процедуры.

To Captain Black, every officer who supported his Glorious Loyalty Oath Crusade was a competitor, and he planned and plotted twenty-four hours a day to keep one step ahead.	Каждый офицер, поддержавший славный крестовый поход, как бы соперничал с капитаном Блэком в патриотизме. И капитан сутки напролет ломал себе голову, как превзойти прочих.
He would stand second to none in his devotion to country.	В преданности родине он не желал знать себе равных.

When other officers had followed his urging and introduced loyalty oaths of their own, he went them one better by making every son of a bitch who came to his intelligence tent sign two loyalty oaths, then three, then four; then he introduced the pledge of allegiance, and after that 'The Star-Spangled Banner,' one chorus, two choruses, three choruses, four choruses.	Когда другие офицеры, следуя его примеру, составили свои "присяги о лояльности", он пошел еще дальше и заставил каждого сукина сына, который приходил к нему в разведотдел, подписывать по две "присяги о лояльности", затем по три, а потом и по четыре. Вскоре он ввел новшество - подписывать "присягу о лояльности" с последующим исполнением "Звездного флага". Сначала пели хором по одному разу, затем по два, по три и, наконец, по четыре раза.

Each time Captain Black forged ahead of his competitors, he swung upon them scornfully for their failure to follow his example.	Стоило капитану Блэку оставить своих соперников позади, как он презрительно отчитывал их за то, что они не следуют его примеру.

Each time they followed his example, he retreated with concern and racked his brain for some new stratagem that would enable him to turn upon them scornfully again.	А когда они следовали его примеру, он умолкал и ломал голову над новыми стратегическими планами, дабы снова получить возможность презрительно отчитывать своих сослуживцев за отставание.

Without realizing how it had come about, the combat men in the squadron discovered themselves dominated by the administrators appointed to serve them.	Не понимая, как все это могло случиться, летный состав эскадрильи вдруг обнаружил, что офицеры административной службы, призванные обслуживать летный состав, вдруг подмяли его под себя.
They were bullied, insulted, harassed and shoved about all day long by one after the other.	Изо дня в день пилотов запугивали, оскорбляли, изводили и шпыняли.
When they voiced objection, Captain Black replied that people who were loyal would not mind signing all the loyalty oaths they had to.	Когда они осмеливались протестовать, капитан Блэк отвечал, что лояльный гражданин не должен возражать против принятия "присяги о лояльности".

To anyone who questioned the effectiveness of the loyalty oaths, he replied that people who really did owe allegiance to their country would be proud to pledge it as often as he forced them to.	Каждому, кто ставил под сомнение эффективность "присяги о лояльности", он отвечал, что человек, поклявшийся в верности своей родине, обязан с гордостью присягать столько раз, сколько от него потребуют.
And to anyone who questioned the morality, he replied that 'The Star-Spangled Banner' was the greatest piece of music ever composed.	А тем, кто ставил под вопрос нравственную сторону дела, он отвечал, что "Звездный флаг" -величайшее музыкальное произведение всех времен.

The more loyalty oaths a person signed, the more loyal he was; to Captain Black it was as simple as that, and he had Corporal Kolodny sign hundreds with his name each day so that he could always prove he was more loyal than anyone else.	Чем больше "присяг о лояльности" подписал человек, тем более он лоялен, - для капитана Блэка это было ясно как божий день. И он заставлял капрала Колодного с утра до ночи проставлять под присягами "Капитан Блэк" на тот случай, если потребуется доказать, что он - самый лояльный гражданин во всей эскадрилье.
'The important thing is to keep them pledging,' he explained to his cohorts.	- Главное - заставить присягать их без передышки,- объяснял он своей когорте.
'It doesn't matter whether they mean it or not.	- Вникают они в смысл присяги или нет, не имеет значения.

That's why they make little kids pledge allegiance even before they know what "pledge" and "allegiance" mean.'	Ведь заставляют же ребятишек присягать на верность, когда они даже не знают, что такое присяга и верность.
To Captain Piltchard and Captain Wren, the Glorious Loyalty Oath Crusade was a glorious pain in the ass, since it complicated their task of organizing the crews for each combat mission.	Капитану Пилтчарду и капитану Рену славный крестовый поход за принятие "присяги о лояльности" был нужен, как собаке пятая нога, ибо эти процедуры до предела усложняли комплектование экипажей перед боевыми вылетами.

Men were tied up all over the squadron signing, pledging and singing, and the missions took hours longer to get under way.	Вся эскадрилья с утра до вечера занималась присяганием, подписанием и хоровым пением, и теперь, чтобы отправить самолет на задание, требовалось намного больше времени, чем прежде.

Effective emergency action became impossible, but Captain Piltchard and Captain Wren were both too timid to raise any outcry against Captain Black, who scrupulously enforced each day the doctrine of 'Continual Reaffirmation' that he had originated, a doctrine designed to trap all those men who had become disloyal since the last time they had signed a loyalty oath the day before.	Срочные боевые вылеты стали вообще невозможны, но оба капитана, Пилтчард и Рен, были слишком робки, чтобы дать отпор капитану Блэку, рьяно и неукоснительно проводившему в жизнь доктрину "каждодневного подтверждения". Эта лично им изобретенная доктрина имела целью выявить и изловить всякого, кто утратил лояльность за день, истекший с момента подписания предыдущей "присяги о лояльности".

It was Captain Black who came with advice to Captain Piltchard and Captain Wren as they pitched about in their bewildering predicament.	Видя, как капитаны Пилтчард и Рен мечутся в поисках выхода из труднейшей ситуации, капитан Блэк решил помочь им советом.
He came with a delegation and advised them bluntly to make each man sign a loyalty oath before allowing him to fly on a combat mission.	Он явился к ним во главе делегации единомышленников и сухо предложил, чтобы, прежде чем давать разрешение на вылет, они сами заставляли каждого подписывать "присягу о лояльности".
'Of course, it's up to you,' Captain Black pointed out. 'Nobody's trying to pressure you.	- Разумеется, как хотите, - подчеркнул капитан Блэк, - никто не собирается на вас давить.

But everyone else is making them sign loyalty oaths, and it's going to look mighty funny to the F.B.I. if you two are the only ones who don't care enough about your country to make them sign loyalty oaths, too.	Но учтите, командиры других эскадрилий заставляют всех принимать "присягу о лояльности", и ФБР может показаться, что вам двоим просто наплевать на свою родину, раз вы не считаете нужным требовать от подчиненных принятия присяги.
If you want to get a bad reputation, that's nobody's business but your own.	Ну что ж, если вы не боитесь скверной репутации - дело ваше, других это не касается.
All we're trying to do is help.'	Нам хотелось только помочь вам.

Milo was not convinced and absolutely refused to deprive Major Major of food, even if Major Major was a Communist, which Milo secretly doubted.	Милоу подобные разговоры не убедили, и он категорически отказался не кормить майора Майора, даже если майор Майор и коммунист, в чем, правда, Милоу в глубине души сомневался.
Milo was by nature opposed to any innovation that threatened to disrupt the normal course of affairs.	Милоу по своей натуре был противником любых нововведений, которые угрожали нормальному ходу деловых операций.

Milo took a firm moral stand and absolutely refused to participate in the Glorious Loyalty Oath Crusade until Captain Black called upon him with his delegation and requested him to.	Он твердо стоял на своих позициях и наотрез отказался принимать участие в великом крестовом походе за принятие "присяги о лояльности". Капитан Блэк пожаловал к нему во главе целой делегации.
'National defense is everybody's job,' Captain Black replied to Milo's objection.	- Национальная оборона - наше общее дело, -сказал капитан Блэк в ответ на возражения Милоу.
'And this whole program is voluntary, Milo - don't forget that.	- Вся эта программа добровольная, не забудьте это, Милоу.

The men don't have to sign Piltchard and Wren's loyalty oath if they don't want to.	Летчики не обязаны, если они не желают, принимать "присягу о лояльности".

But we need you to starve them to death if they don't.	Но вы, Милоу, можете нам помочь, если начнете морить голодом тех, кто увиливает от принятия присяги.
It's just like Catch-22.	Это вроде "уловки двадцать два".
Don't you get it?	Понимаете?
You're not against Catch-22, are you?'	Надеюсь, вы не против "уловки двадцать два"?
Doc Daneeka was adamant.	Доктор Дейника был тверд, как кремень:

'What makes you so sure Major Major is a Communist?'	- Почему вы так уверены, что майор Майор -коммунист?
'You never heard him denying it until we began accusing him, did you?	- Потому что никто не слышал, чтобы он это отрицал, пока мы не обвинили его в принадлежности к коммунистической партии.
And you don't see him signing any of our loyalty oaths.'	И пока что никем не замечено, чтобы он подписал хоть одну из наших "присяг о лояльности".
' You aren't letting him sign any.'	- Так вы же ему и не предлагали.
'Of course not,' Captain Black explained. 'That would defeat the whole purpose of our crusade.	- Конечно, не предлагали, - ответил капитан Блэк и пояснил: - Тогда бы весь наш крестовый поход пошел насмарку.

Look, you don't have to play ball with us if you don't want to.	Послушайте, если вы не хотите, вы не обязаны сотрудничать с нами.
But what's the point of the rest of us working so hard if you're going to give Major Major medical attention the minute Milo begins starving him to death?	Но подумайте, что получается: мы будем стараться изо всех сил, а вы, как только Милоу почти уморит голодом майора Майора, начнете оказывать командиру эскадрильи медицинскую помощь?
I just wonder what they're going to think up at Group about the man who's undermining our whole security program.	Интересно, что подумают в штабе полка о человеке, который подрывает всю нашу программу обеспечения безопасности?

They'll probably transfer you to the Pacific.'	Скорее всего, вас переведут на Тихий океан.
Doc Daneeka surrendered swiftly.	Доктор Дейника поспешно капитулировал:
'I'll go tell Gus and Wes to do whatever you want them to.'	- Ладно. Я скажу Гэсу и Уэсу, и они сделают все, что вы пожелаете.
Up at Group, Colonel Cathcart had already begun wondering what was going on.	В штабе авиаполка полковник Кэткарт не без удивления наблюдал за тем, что происходит в эскадрилье.
'It's that idiot Black off on a patriotism binge,' Colonel Korn reported with a smile.	- Весь шум поднял этот идиот Блэк в угаре патриотизма, - доложил Кэткарту подполковник Корн с улыбкой.

'I think you'd better play ball with him for a while, since you're the one who promoted Major Major to squadron commander.'	- Думаю, вам стоило бы ему малость подыграть: ведь именно вы назначили майора Майора командирам эскадрильи.
'That was your idea,' Colonel Cathcart accused him petulantly.	- Нет уж, это была ваша идея, - возразил полковник Кэткарт оскорбленным тоном.
' I never should have let you talk me into it.'	- И прошу на меня не наговаривать.

'And a very good idea it was, too,' retorted Colonel Korn, 'since it eliminated that superfluous major that's been giving you such an awful black eye as an administrator.	- Кстати, это была весьма неплохая идея, - ответил подполковник Корн. - Тем самым мы избавились от одного лишнего майора в эскадрилье: он был у вас как бельмо на глазу.
Don't worry, this will probably run its course soon.	Не беспокойтесь, полковник, все скоро войдет в свою колею.
The best thing to do now is send Captain Black a letter of total support and hope he drops dead before he does too much damage.'	Наша задача номер один - направить капитану Блэку письмо с выражением полнейшей поддержки. Будем надеяться, что он выдохнется прежде, чем успеет серьезно навредить.

Colonel Korn was struck with a whimsical thought. 'I wonder!	- И тут подполковника Корна осенило: -Послушайте, вы не допускаете, что этот безумец постарается вытряхнуть майора Майора из его трейлера?..
You don't suppose that imbecile will try to turn Major Major out of his trailer, do you?' 'The next thing we've got to do is turn that bastard Major Major out of his trailer,' Captain Black decided.	- Наша задача номер два заключается в том, чтобы вытурить майора Майора из его трейлера, -решительным тоном заявил капитан Блэк.
'I'd like to turn his wife and kids out into the woods, too. But we can't.	- Я бы с удовольствием выгнал вон его жену и детей, но это не в моих силах: у него нет жены и детей.

He has no wife and kids. So we'll just have to make do with what we have and turn him out.	Поскольку мы можем делать только то, что мы можем делать, - вы-турим его самого.
Who's in charge of the tents?'	Кто ведает размещени-ем людей в палатках?
'He is.'	- Он сам.
' You see?' cried Captain Black.	- Вот видите! - закричал капитан Блэк.
' They're taking over everything!	- Коммунисты просочи-лись повсюду!
Well, I'm not going to stand for it.	Ну нет, я этого терпеть не намерен!
I'll take this matter right to Major-de Coverley himself if I have to.	Я доложу самому майо-ру де Каверли!

I'll have Milo speak to him about it the minute he gets back from Rome.'	Я заставлю Милоу поговорить с майором, как только он вернется из Рима!
Captain Black had boundless faith in the wisdom, power and justice of Major-de Coverley, even though he had never spoken to him before and still found himself without the courage to do so.	Капитан Блэк питал безграничную веру в мудрость, власть и справедливость майора де Каверли, хотя сам он с ним никогда не говорил: на это у него не хватало смелости.
He deputized Milo to speak to Major-de Coverley for him and stormed about impatiently as he waited for the tall executive officer to return.	Поэтому он поручил Милоу вести переговоры с майором де Каверли и нетерпеливо дожидался, когда этот штабной офицер вернется из Рима.

Along with everyone else in the squadron, he lived in profound awe and reverence of the majestic, white-haired major with craggy face and Jehovean bearing, who came back from Rome finally with an injured eye inside a new celluloid eye patch and smashed his whole Glorious Crusade to bits with a single stroke.	Вместе со всей эскадрильей капитан Блэк относился с глубоким почтением и благоговейным трепетом к величественному седовласому майору де Каверли с лицом, будто высеченным из камня, и осанкой Иеговы. Наконец майор де Каверли вернулся из Рима. Он вернулся с поврежденным глазом, прикрытым кусочком целлулоида, и одним ударом прикончил славный крестовый поход.

Milo carefully said nothing when Major-de Coverley stepped into the mess hall with his fierce and austere dignity the day he returned and found his way blocked by a wall of officers waiting in line to sign loyalty oaths.	Майор де Каверли вошел в столовую, преисполненный сурового достоинства. Когда он обнаружил, что на его пути к завтраку стоит стена офицеров, дожидающихся своей очереди, чтобы подписать "присягу о лояльности", единственный глаз майора свирепо сверкнул.
At the far end of the food counter, a group of men who had arrived earlier were pledging allegiance to the flag, with trays of food balanced in one hand, in order to be allowed to take seats at the table.	В дальнем конце зала, у буфетной стойки, офицеры, пришедшие в столовую несколько раньше, держали в одной руке на весу подносы с тарелками, а другой отдавали честь флагу, перед тем как получить разрешение сесть за стол.

Already at the tables, a group that had arrived still earlier was singing 'The Star-Spangled Banner' in order that they might use the salt and pepper and ketchup there.	А за столами группа, прибывшая еще раньше, распевала хором "Звездный флаг", дабы получить допуск к соли, перцу и горчице.
The hubbub began to subside slowly as Major-de Coverley paused in the doorway with a frown of puzzled disapproval, as though viewing something bizarre.	Гул голосов начал медленно стихать, когда озадаченный майор де Каверли, заметив нечто из ряда вон выходящее, застыл в дверях и неодобрительно нахмурился.

He started forward in a straight line, and the wall of officers before him parted like the Red Sea.	Он решительно двинулся вперед, глядя прямо перед собой, и стена офицеров расступилась перед ним, как Красное море перед пророком Моисеем.
Glancing neither left nor right, he strode indomitably up to the steam counter and, in a clear, full-bodied voice that was gruff with age and resonant with ancient eminence and authority, said:	Ни на кого не глядя, он железным шагом прошествовал к раздаточному окну и громким голосом, в котором слышались старческая хрипотца и древнее аристократическое происхождение, властно произнес:
'Gimme eat.'	- Па-апрашу пожрать!

Instead of eat, Corporal Snark gave Major-de Coverley a loyalty oath to sign.	Вместо того, чтобы тут же удовлетворить это требование, майору подали на подпись "присягу о лояльности".
Major-de Coverley swept it away with mighty displeasure the moment he recognized what it was, his good eye flaring up blindingly with fiery disdain and his enormous old corrugated face darkening in mountainous wrath.	Поняв, что ему предлагают, майор де Каверли с величественным негодованием смахнул бумажку со стола. Его здоровый глаз ослепительно вспыхнул от ярости и презрения, а морщинистое стариковское лицо потемнело от неописуемого гнева.

'Gimme eat, I said,' he ordered loudly in harsh tones that rumbled ominously through the silent tent like claps of distant thunder.	- Па-апрашу пожрать. Слышите? - рявкнул он. Г олос его прокатился по притихшей столовой, как эхо дальнего грома.

Corporal Snark turned pale and began to tremble.	Капрал Снарк побледнел и затрепетал.
He glanced toward Milo	Он посмотрел на Милоу, моля о помощи.
pleadingly for guidance.	Несколько ужасных мгновений в столовой стояла могильная тишина.
For several terrible seconds there was not a sound. Then Milo nodded.	Затем Милоу утвердительно кивнул головой:

' Give him eat,' he said.	- Дайте ему поесть.
Corporal Snark began giving Major-de Coverley eat.	Капрал Снарк начал передавать майору де Каверли тарелку за тарелкой.
Major-de Coverley turned from the counter with his tray full and came to a stop. His eyes fell on the groups of other officers gazing at him in mute appeal, and, with righteous belligerence, he roared:	Майор де Каверли с полным подносом в руках повернул от раздаточного окошка и вдруг остановился, заметив группу офицеров, уставившихся на него с безмолвной просьбой во взоре. Голосом, полным праведного гнева, майор де Каверли прогремел:
' Give everybody eat!'	- Дать всем пожрать!

'Give everybody eat!' Milo echoed with joyful relief, and the Glorious Loyalty Oath Crusade came to an end.	- Дать всем пожрать, - как эхо, откликнулся Милоу с радостным облегчением, и славный крестовый поход за принятие "присяги о лояльности" на этом закончился.
Captain Black was deeply disillusioned by this treacherous stab in the back from someone in high place upon whom he had relied so confidently for support.	Капитан Блэк был глубоко огорчен таким предательским ударом в спину, да еще от столь высокопоставленного человека, на поддержку которого он так рассчитывал.
Major - de Coverley had let him down.	Майор де Каверли обманул его надежды.

'Oh, it doesn't bother me a bit,' he responded cheerfully to everyone who came to him with sympathy.	- О, меня это нисколько не волнует, - весело отвечал капитан Блэк каждому, кто приходил к нему со словами утешения.
'We completed our task.	- Мы свою задачу выполнили.
Our purpose was to make everyone we don't like afraid and to alert people to the danger of Major Major, and we certainly succeeded at that.	Нашей целью было добиться, чтобы нас боялись те, кого мы не любим, и открыть людям глаза на опасность, которую представляет собой майор Майор. И мы, безусловно, добились и того, и другого.

Since we weren't going to let him sign loyalty oaths anyway, it doesn't really matter whether we have them or not.'	Мы и не собирались давать майору на подпись "присягу о лояльности", поэтому вовсе не важно, получили мы от него эту подпись или нет.

Seeing everyone in the squadron he didn't like afraid once again throughout the appalling, interminable Great Big Siege of Bologna reminded Captain Black nostalgically of the good old days of his Glorious Loyalty Oath Crusade when he had been a man of real consequence, and when even big shots like Milo Minderbinder, Doc Daneeka and Piltchard and Wren had trembled at his approach and groveled at his feet.	Глядя, как все, кого он не любит в эскадрилье, напуганы жуткой и бесконечной великой осадой Болоньи, капитан Блэк с щемящей тоской в груди припоминал старое доброе время своего крестового похода за принятие "присяги о лояльности", когда он был большим человеком, когда даже такие шишки, как Милоу Миндербиндер, доктор Дейника и Пилтчард с Реном, трепетали при его приближении и валялись у него в ногах.

To prove to newcomers that he really had been a man of consequence once, he still had the letter of commendation he had received from Colonel Cathcart.	Желая доказать новичкам, что он когда-то был большим человеком, капитан Блэк постоянно носил при себе благодарственное письмо от полковника Кэткарта.

Bologna Actually, it was not Captain Black but Sergeant Knight who triggered the solemn panic of Bologna, slipping silently off the truck for two extra flak suits as soon as he learned the target and signaling the start of the grim procession back into the parachute tent that degenerated into a frantic stampede finally before all the extra flak suits were gone.	12. Болонья Фактически не капитан Блак, а сержант Найт дал толчок чудовищной панике. Услыхав о том, что цель - Болонья, он молча спрыгнул с грузовика и побежал получать дополнительно еще два летных бронекостюма. За ним следом на парашютный склад устремились остальные. Первые шли гуськом, понурив головы, но уже через несколько минут вся эскадрилья, как обезумевшее стадо, мчалась за дополнительными бронекостюмами.
'Hey, what's going on?' Kid Sampson asked nervously. ' Bologna can't be that rough, can it?'	- Эй, что происходит? - нервно спросил Малыш Сэмпсон. - Неужели над Болоньей придется так туго?

Nately, sitting trancelike on the floor of the truck, held his grave young face in both hands and did not answer him.	Нейтли, сидевший на полу грузовика в состоянии, близком к трансу, нахмурился, уткнул лицо в ладони и ничего не ответил.
It was Sergeant Knight and the cruel series of postponements, for just as they were climbing up into their planes that first morning, along came a jeep with the news that it was raining in Bologna and that the mission would be delayed.	Сержант Найт создал панику, но нервотрепка еще больше усилилась оттого, что вылет несколько раз откладывался. Когда летчики уже рассаживались по машинам, прибыл джип и привез сообщение, что в Болонье идет дождь, и вылет временно отменяется.

It was raining in Pianosa too by the time they returned to the squadron, and they had the rest of that day to stare woodenly at the bomb line on the map under the awning of the intelligence tent and ruminate hypnotically on the fact that there was no escape.	На Пьяносе тоже шел дождь. Вернувшись в расположение эскадрильи, летчики столпились под навесом у палатки разведотдела и до самого вечера тупо глазели на карту, где четко выделялась линия фронта. Разговор был один - о том, что спасения, как ни крути, ждать неоткуда.

The evidence was there vividly in the narrow red ribbon tacked across the mainland: the ground forces in Italy were pinned down forty-two insurmountable miles south of the target and could not possibly capture the city in time.	Узкая красная тесьма, прикнопленная к карте материка, наглядно подтверждала, что сухопутные силы в Италии застряли в сорока двух милях к югу от объекта атаки. Быстро преодолеть это расстояние и захватить город танки и пехота были не в состоянии.
Nothing could save the men in Pianosa from the mission to Bologna.	Ничто не могло спасти эскадрилью на Пьяносе от налета на Болонью.
They were trapped.	Капкан захлопнулся.

Their only hope was that it would never stop raining, and they had no hope because they all knew it would.	Оставалась единственная надежда на то, что дождь никогда не прекратится, но это была слабая надежда: все понимали, что дождь рано или поздно кончится.
When it did stop raining in Pianosa, it rained in Bologna.	Правда, когда кончался дождь на Пьяносе, лило в Болонье.
When it stopped raining in Bologna, it began again in Pianosa.	Когда переставало лить в Болонье, возобновлялся дождь на Пьяносе.

If there was no rain at all, there were freakish, inexplicable phenomena like the epidemic of diarrhea or the bomb line that moved.	Когда дождя не было ни там, ни тут, начинали происходить странные, необъяснимые вещи, такие, например, как эпидемия диареи или таинственное изменение линии фронта на карте.
Four times during the first six days they were assembled and briefed and then sent back.	В течение первых шести дней людей четырежды собирали, инструктировали и отсылали обратно.

Once, they took off and were flying in formation when the control tower summoned them down.	Однажды уже поднялись в воздух и построились в боевые порядки, но с командно-диспетчерского пункта приказали идти обратно на посадку.
The more it rained, the worse they suffered.	Чем дольше лил дождь, тем сильнее все взвинчивались.
The worse they suffered, the more they prayed that it would continue raining.	Чем сильнее взвинчивались, тем горячее молились, чтобы дождь не переставал.

All through the night, men looked at the sky and were saddened by the stars.	Всю ночь напролет люди смотрели в небо и приходили в отчаяние, когда проглядывали звезды.
All through the day, they looked at the bomb line on the big, wobbling easel map of Italy that blew over in the wind and was dragged in under the awning of the intelligence tent every time the rain began.	Весь день напролет они изучали изгибы линии фронта на большой карте Италии. Карта болталась на фанерном стенде и надувалась от ветра, как парус. Когда начинался дождь, стенд переставляли под навес палатки разведотделения.

The bomb line was a scarlet band of narrow satin ribbon that delineated the forwardmost position of the Allied ground forces in every sector of the Italian mainland.	Алая сатиновая ленточка обозначала передовые позиции союзнических сухопутных войск на всем итальянском материке.
The morning after Hungry Joe's fist fight with Huple's cat, the rain stopped falling in both places.	Наконец как-то утром дождь сразу кончился - и на Пьяносе, и в Болонье.
The landing strip began to dry.	Взлетная полоса стала подсыхать.

It would take a full twenty-four hours to harden; but the sky remained cloudless.	Чтобы затвердеть, ей требовались полные сутки. Небо оставалось безоблачным.
The resentments incubating in each man hatched into hatred.	Нервное напряжение, в котором находились летчики, перешло в ненависть.
First they hated the infantrymen on the mainland because they had failed to capture Bologna.	Сначала возненавидели пехоту за то, что у нее не хватает силенок захватить Болонью.
Then they began to hate the bomb line itself.	Затем возненавидели линию фронта как таковую.

For hours they stared relentlessly at the scarlet ribbon on the map and hated it because it would not move up high enough to encompass the city.	Часами летчики простаивали у карты, не сводя глаз с красной сатиновой тесьмы, люто ненавидя ее за то, что она не поднимается и не захватывает Болонью.

When night fell, they congregated in the darkness with flashlights, continuing their macabre vigil at the bomb line in brooding entreaty as though hoping to move the ribbon up by the collective weight of their sullen prayers.	Когда наступила ночь, они собрались у стенда, и кошмарное бдение продолжалось при свете карманных фонарей. Люди сверлили линию фронта глазами, полными тоски, как будто надеялись, что от их молитв тесьма сама по себе продвинется к северу.

'I really can't believe it,' Clevinger exclaimed to Yossarian in a voice rising and falling in protest and wonder.	- Я отказываюсь в это поверить! -удивленно-протестующе воскликнул Клевинджер, обращаясь к Йоссариану.
' It's a complete reversion to primitive superstition.	- Это возврат к древним суевериям!

They're confusing cause and effect. It makes as much sense as knocking on wood or crossing your fingers. They really believe that we wouldn't have to fly that mission tomorrow if someone would only tiptoe up to the map in the middle of the night and move the bomb line over Bologna. Can you imagine?	Они, кажется, действительно верят, что, если кто-нибудь среди ночи подойдет на цыпочках к карте и перенесет тесемку за Болонью, мы не полетим завтра на задание. Представляешь себе? Это все равно, что стучать по деревяшке или скрещивать пальцы на счастье.
You and I must be the only rational ones left.'	Мы с тобой здесь единственные, кто не сошел с ума.

In the middle of the night Yossarian knocked on wood, crossed his fingers, and tiptoed out of his tent to move the bomb line up over Bologna.	Среди ночи Йоссариан постучал по деревяшке, скрестил на счастье пальцы и вышел на цыпочках из палатки, чтобы перенести алую тесьму за Болонью.

Corporal Kolodny tiptoed stealthily into Captain Black's tent early the next morning, reached inside the mosquito net and gently shook the moist shoulder-blade he found there until Captain Black opened his eyes.	На следующий день рано утром капрал Колодный прокрался на цыпочках в палатку капитана Блэка, влез под москитную сетку и принялся трясти капитана за потное, костлявое плечо, покуда тот не открыл глаза.
'What are you waking me up for?' whimpered Captain Black.	- Зачем вы меня разбудили? - простонал капитан Блэк.
' They captured Bologna, sir,' said Corporal Kolodny.	- Взяли Болонью, сэр, - сказал капрал Колодный.

' I thought you'd want to know.	- Я думал, вам будет интересно узнать.
Is the mission canceled?'	Вылет отменяется?
Captain Black tugged himself erect and began scratching his scrawny long thighs methodically.	Капитан Блэк сел на койке и принялся неторопливо скрести свои худые длинные ляжки.
In a little while he dressed and emerged from his tent, squinting, cross and unshaven.	Вскоре он оделся и вышел из палатки, злой и небритый.
The sky was clear and warm.	Небо было ясным и теплым.

He peered without emotion at the map. Sure enough, they had captured Bologna.	Капитан Блэк равнодушно взглянул на карту: сомнений не было - Болонью взяли.
Inside the intelligence tent, Corporal Kolodny was already removing the maps of Bologna from the navigation kits.	В палатке разведотделения капрал Колодный уже изымал карты Болоньи из штурманских планшеток.

Captain Black seated himself with a loud yawn, lifted his feet to the top of his desk and phoned Colonel Korn.	Капитан Блэк сел, звучно зевнул, закинул ноги на стол и позвонил подполковнику Корну.
'What are you waking me up for?' whimpered Colonel Korn.	- Зачем вы меня разбудили? - простонал подполковник Корн.
' They captured Bologna during the night, sir.	- Ночью взяли Болонью, сэр.
Is the mission canceled?'	Как вылет, отменяется?

'What are you talking about, Black?' Colonel Korn growled.	- О чем вы толкуете, Блэк?

'Why should the mission be canceled?'	Почему вылет отменяется?
'Because they captured Bologna, sir.	- Потому что захватили Болонью, сэр.
Isn't the mission canceled?'	Разве не следует отменить вылет?
' Of course the mission is canceled.	- Конечно, надо отменить.
Do you think we're bombing our own troops now?'	Не бомбить же своих.

'What are you waking me up for?' Colonel Cathcart whimpered to Colonel Korn.	- ...Зачем вы меня разбудили? - простонал полковник Кэткарт в ответ на звонок Корна.
' They captured Bologna,' Colonel Korn told him.	- Взяли Болонью, - сообщил подполковник Корн.
' I thought you'd want to know.'	- Я думал, вам будет интересно узнать.
'Who captured Bologna?'	- Кто взял Болонью?
'We did.'	- Мы.

Colonel Cathcart was overjoyed, for he was relieved of the embarrassing commitment to bomb Bologna without blemish to the reputation for valor he had earned by volunteering his men to do it.	Полковник Кэткарт был вне себя от радости, поскольку он тем самым освобождался от нелегкого обязательства разбомбить Болонью и при этом нисколько не страдала его репутация героя, которую он заработал, когда добровольно вызвался послать своих людей бомбить город.
General Dreedle was pleased with the capture of Bologna, too, although he was angry with Colonel Moodus for waking him up to tell him about it.	Г енерал Дридл тоже был доволен взятием Болоньи, хотя и обозлился на полковника Модэса, разбудившего его, чтобы сообщить эту новость.

Headquarters was also pleased and decided to award a medal to the officer who captured the city.	В штабе армии были тоже довольны и решили наградить медалью офицера, взявшего город.
There was no officer who had captured the city, so they gave the medal to General Peckem instead, because General Peckem was the only officer with sufficient initiative to ask for it.	Поскольку офицера, взявшего город, не существовало, медалью наградили генерала Пеккема: он сам попросил себе медаль, ему давно хотелось ее нацепить.
As soon as General Peckem had received his medal, he began asking for increased responsibility.	Как только генерал Пеккем нацепил медаль, он начал требовать, чтобы перед ним ставили еще более ответственные задачи.

It was General Peckem's opinion that all combat units in the theater should be placed under the jurisdiction of the Special Service Corps, of which General Peckem himself was the commanding officer.	Генерал Пеккем предложил, чтобы все боевые соединения на данном театре военных действий были переданы в распоряжение Корпуса специальной службы под командованием самого генерала Пеккема.[12]

If dropping bombs on the enemy was not a special service, he reflected aloud frequently with the martyred smile of sweet reasonableness that was his loyal confederate in every dispute, then he could not help wondering what in the world was.	"Если уж бомбежка вражеских позиций не является задачей специальной службы, то я тогда вообще не знаю, для чего на свете существует Корпус специальной службы", - частенько размышлял он вслух со страдальческой улыбкой борца за правду; улыбка эта была его верным союзником в каждом споре.
With amiable regret, he declined the offer of a combat post under General Dreedle.	Выразив вежливое сожаление, он отклонил предложение занять строевую должность под командованием генерала Дридла.

'Flying combat missions for General Dreedle is not exactly what I had in mind,' he explained indulgently with a smooth laugh.	- Выполнять боевые задания для генерала Дридла- это не совсем то, что я имею в виду, - объяснял он снисходительно, с мягкой улыбкой.
'I was thinking more in terms of replacing General Dreedle, or perhaps of something above General Dreedle where I could exercise supervision over a great many other generals too.	- Я, скорее, имел в виду некоторым образом заменить генерала Дридла или, скажем, стать несколько выше генерала Дридла, с тем, чтобы осуществлять общее руководство деятельностью не только генерала Дридла, но и деятельностью многих других генералов.
You see, my most precious abilities are mainly administrative ones.	Дело в том, что я, видите ли, наделен ярко выраженным административным талантом.

I have a happy facility for getting different people to agree.'	Я обладаю счастливой способностью приводить самых различных людей к общему мнению.
'He has a happy facility for getting different people to agree what a prick he is,' Colonel Cargill confided invidiously to ex-P.F.C. Wintergreen in the hope that ex-P.F.C. Wintergreen would spread the unfavorable report along through Twenty-seventh Air Force Headquarters.	- Он обладает счастливой способностью приводить самых различных людей к общему мнению о том, что он круглый идиот, -доверительно поведал полковник Карджилл экс-рядовому первого класса Уинтер грину в надежде, что тот распространит эту нелестную оценку по всему штабу двадцать седьмой воздушной армии.

'If anyone deserves that combat post, I do.	- Если кто-то и заслуживает назначения на эту строевую должность, так это я.
It was even my idea that we ask for the medal.'	Кстати, это я надоумил генерала выклянчить себе медаль.
'You really want to go into combat?' ex-P.F.C. Wintergreen inquired.	- А вы действительно рветесь в бой? -поинтересовался Уинтергрин.
' Combat?' Colonel Cargill was aghast.	- В бой? - ужаснулся полковник Карджилл.
' Oh, no-you misunderstand me.	- Что вы?! Нет, нет, вы меня не поняли.

Of course, I wouldn't actually mind going into combat, but my best abilities are mainly administrative ones.	Разумеется, я ничего не имею против того, чтобы лично участвовать в бою, но я, видите ли, наделен ярко выраженным административным талантом.
I too have a happy facility for getting different people to agree.'	Я тоже обладаю счастливой способностью приводить самых различных людей к общему мнению.

'He too has a happy facility for getting different people to agree what a prick he is,' ex-P.F.C. Wintergreen confided with a laugh to Yossarian, after he had come to Pianosa to learn if it was really true about Milo and the Egyptian cotton.	- Он тоже обладает счастливой способностью приводить различных людей к общему мнению, что он - круглый идиот, - со смехом поведал Йоссариану Уинтергрин, когда прибыл на Пьяносу, чтобы выяснить, верны ли слухи насчет Милоу и египетского хлопка.
'If anyone deserves a promotion, I do.'	- Если уж кто-нибудь и заслуживает повышения, так это я.

Actually, he had risen already to ex-corporal, having shot through the ranks shortly after his transfer to Twenty-seventh Air Force Headquarters as a mail clerk and been busted right down to private for making odious audible comparisons about the commissioned officers for whom he worked.	И действительно, не успели его перевести писарем в штаб двадцать седьмой воздушной армии, как он перемахнул через несколько ступеней лестницы чинов и званий и превратился в экс-капрала. Потом уж за громогласные и нелестные замечания в адрес вышестоящих офицеров его разжаловали в рядовые.
The heady taste of success had infused him further with morality and fired him with ambition for loftier attainments.	Звучный титул экс-капрала вскружил ему голову, он почувствовал себя еще увереннее и воспылал честолюбивым желанием добиться большего.

'Do you want to buy some Zippo lighters?' he asked Yossarian.	- Не хочешь ли приобрести у меня партию зажигалок? - спросил он Йоссариана.
'They were stolen right from quartermaster.'	- Украдены прямо у квартирмейстера.
'Does Milo know you're selling cigarette lighters?'	- А Милоу знает, что ты продаешь зажигалки?
' What's it his business?	- Его это теперь не волнует.
Milo's not carrying cigarette lighters too now, is he?'	Насколько я знаю, Милоу сейчас не занимается зажигалками.
'He sure is,' Yossarian told him.	- Очень даже занимается, - сказал Йоссариан.
' And his aren't stolen.'	- Только его зажигалки не краденые.

'That's what you think,' ex-P.F.C. Wintergreen answered with a laconic snort.	- Ты так думаешь? - ответил Уинтер грин, презрительно хмыкнув.
'I'm selling mine for a buck apiece. What's he getting for his?'	- Я продаю свою по доллару за штуку, а он -почем?
'A dollar and a penny.'	- Доллар и один цент.
Ex-P.F.C. Wintergreen snickered triumphantly.	Экс-рядовой первого класса Уинтер грин победоносно заржал.
'I beat him every time,' he gloated.	- Во всем я затыкаю его за пояс, - злорадно заявил он.
'Say, what about all that Egyptian cotton he's stuck with?	- Послушай-ка, а что там говорят насчет египетского хлопка, который он не знает, куда девать?

How much did he buy?'	Сколько он закупил его?
'All.'	- Весь.
' In the whole world? Well, I'll be danmed!' ex-P.F.C. Wintergreen crowed with malicious glee.	- Со всего белого света? - воскликнул Уинтергрин, хищно блеснув глазами.
' What a dope!	- Ну и кретин!
You were in Cairo with him.	Ты ведь был вместе с ним в Каире.
Why'd you let him do it?'	Почему же ты его не отговорил?
'Me?'	- Я?
Yossarian answered with a shrug.	- Йоссариан пожал плечами.
' I have no influence on him.	- Я не имею на него никакого влияния.

It was those teletype machines they have in all the good restaurants there.	Во всем виноваты телетайпы, которые у них стоят в хороших ресторанах.
Milo had never seen a stock ticker before, and the quotation for Egyptian cotton happened to be coming in just as he asked the headwaiter to explain it to him.	Милоу прежде никогда не видел биржевого телетайпа. И вот, когда мы сидели в ресторане, поползла лента с сообщением о египетском хлопке. Милоу тут же попросил метрдотеля объяснить ему, что это такое.
"Egyptian cotton?" Milo said with that look of his.	"Египетский хлопок? - улыбнулся Милоу.
"How much is Egyptian cotton selling for?"	- Почем же продают египетский хлопок?"

The next thing I knew he had bought the whole goddam harvest.	А потом взял да и купил весь урожай.
And now he can't unload any of it.'	А теперь не может продать ни клочка.
'He has no imagination.	- Милоу не хватает смекалки.
I can unload plenty of it in the black market if he'll make a deal.' ' Milo knows the black market.	Я могу сбыть огромное количество хлопка на черном рынке. - Милоу без тебя знает, какова ситуация на черном рынке.
There's no demand for cotton.'	Там нет спроса на хлопок.
'But there is a demand for medical supplies.	- Но там есть спрос на предметы медицинского снабжения.

I can roll the cotton up on wooden toothpicks and peddle them as sterile swabs.	Можно накрутить на деревянную зубочистку клочок хлопка и продавать в розницу под видом стерильных тампонов.
Will he sell to me at a good price?'	Он согласится продать мне хлопок, если я дам хорошую цену?
'He won't sell to you at any price,' Yossarian answered.	- Он не продаст тебе хлопок ни за какие деньги, -ответил Йоссариан.
'He's pretty sore at you for going into competition with him.	- Он на тебя здорово обижен за то, что ты пытаешься с ним конкурировать.
In fact, he's pretty sore at everybody for getting diarrhea last weekend and giving his mess hall a bad name.	И вообще он на всех обижен, в прошлую субботу всех прохватил понос, и теперь его столовую клянут на чем свет стоит.

Say, you can help us.' Yossarian suddenly seized his arm.	- Вдруг Йоссариан схватил Уинтергрина за руку: -Послушай, ты можешь нам помочь.
'Couldn't you forge some official orders on that mimeograph machine of yours and get us out of flying to Bologna?'	Не подделаешь ли ты, на вашем штабном гектографе приказ об отмене налета на Болоныо?
Ex-P.F.C. Wintergreen pulled away slowly with a look of scorn.	Экс-рядовой первого класса Уинтергрин с презрением отодвинулся от Йоссариана.
'Sure I could,' he explained with pride. 'But I would never dream of doing anything like that.'	- Мочь-то я могу, - пояснил он гордо, - но не стану. Даже не заикайся.
' Why not?'	- Почему?

'Because it's your job.	- Потому что бомбить - это ваша работа.
We all have our jobs to do.	Каждый обязан заниматься своим делом.

My job is to unload these Zippo lighters at a profit if I can and pick up some cotton from Milo.	Мое дело, если удастся, - с выгодой распродать зажигалки и скупить у Милоу часть хлопка.
Your job is to bomb the ammunition dumps at Bologna.'	А ваше дело - бомбить склады с боеприпасами в Болонье.
'But I'm going to be killed at Bologna,' Yossarian pleaded.	- Но мне не хочется подохнуть над Болоньей, -взмолился Йоссариан.
'We're all going to be killed.'	- Нас всех там убьют.

'Then you'll just have to be killed,' replied ex-P.F.C. Wintergreen.	- Значит, так тому я быть, - ответил Уинтергрин.
'Why can't you be a fatalist about it the way I am?	- В таких вопросах надо быть фаталистом. Бери пример с меня.
If I'm destined to unload these lighters at a profit and pick up some Egyptian cotton cheap from Milo, then that's what I'm going to do.	Если мне суждено с выгодой распродать зажигалки и купить у Милоу по дешевке египетский хлопок, значит, так тому и быть.
And if you're destined to be killed over Bologna, then you're going to be killed, so you might just as well go out and die like a man.	А если тебе суждено быть убитым над Болоньей, значит, будешь убит. Так что давай лети себе и погибай, как полагается мужчине.

I hate to say this, Yossarian, but you're turning into a chronic complainer.'	Мне больно это говорить тебе, Йоссариан, но ты превращаешься в хронического нытика.
Clevinger agreed with ex-P.F.C. Wintergreen that it was Yossarian's job to get killed over Bologna and was livid with condemnation when Yossarian confessed that it was he who had moved the bomb line and caused the mission to be canceled.	Клевинджер согласился с экс-рядовым первого класса Уинтергрином, что долг Йоссариана -погибнуть при налете на Болонью, и побагровел от возмущения, когда Йоссариан признался, что это он передвинул на карте линию фронта и, стало быть, вылет отменили из-за него.

'Why the hell not?' Yossarian snarled, arguing all the more vehemently because he suspected he was wrong. 'Am I supposed to get my ass shot off just because the colonel wants to be a general?'	- А почему, черт возьми, я не должен был этого делать? - огрызнулся Йоссариан. Чувствуя свою неправоту, он принялся ожесточенно спорить с Клевинджером.
'What about the men on the mainland?' Clevinger demanded with just as much emotion. 'Are they supposed to get their asses shot off just because you don't want to go?	- Ну а что же делать пехотинцам на материке? -спросил Клевинджер с такой же горячностью, как Йоссариан, - Выходит, они обязаны подставлять себя под огонь только потому, что ты не желаешь летать?
Those men are entitled to air support!'	Эти люди имеют полное право на поддержку с воздуха!

'But not necessarily by me.	- Но не обязательно на мою поддержку.
Look, they don't care who knocks out those ammunition dumps. The only reason we're going is because that bastard Cathcart volunteered us.'	Им все равно, кто рас-колошматит склады боеприпасов.

'Oh, I know all that,' Clevinger assured him, his gaunt face pale and his agitated brown eyes swimming in sincerity. 'But the fact remains that those ammunition dumps are still standing. You know very well that I don't approve of Colonel Cathcart any more than you do.' Clevinger paused for emphasis, his mouth quivering, and then beat his fist down softly against his sleeping-bag. 'But it's not for us to determine what targets must be destroyed or who's to destroy them or-' 'Or who gets killed doing it? And why?' 'Yes, even that. We have no right to question-' 'You're insane!' '-no right to question-' 'Do you really

'Congratulations!' he exclaimed bitterly, the thinnest milk-white line enclosing his lips tightly in a bloodless, squeezing ring.	- Поздравляю! - воскликнул он с горечью и с такой силой поджал губы, что они молочно побелели.
'I can't think of another attitude that could be depended upon to give greater comfort to the enemy.'	- Трудно придумать философию более приятную для противника, чем твоя.
'The enemy,' retorted Yossarian with weighted precision, 'is anybody who's going to get you killed, no matter which side he's on, and that includes Colonel Cathcart.	- Противник, - возразил Йоссариан, тщательно взвешивая каждое слово, - это всякий, кто желает тебе смерти, независимо от того, на чьей он стороне воюет. Стало быть, понятие "противник" включает в себя и полковника Кэткарта.

And don't you forget that, because the longer you remember it, the longer you might live.'	И не забывай об этом: чем дольше будешь помнить, тем дольше проживешь.
But Clevinger did forget it, and now he was dead.	Но Клевинджер забыл об этом и теперь был мертв.
At the time, Clevinger was so upset by the incident that Yossarian did not dare tell him he had also been responsible for the epidemic of diarrhea that had caused the other unnecessary postponement.	А в ту минуту Клевинджер был огорчен спором с Йоссарианом, и Йоссариан не осмелился признаться ему в том, что, помимо всего прочего, он, Йоссариан, повинен в повальном поносе, который повлек за собой еще одну, отнюдь не вызванную военными соображениями отсрочку налета на Болонью.

Milo was even more upset by the possibility that someone had poisoned his squadron again, and he came bustling fretfully to Yossarian for assistance.	Милоу, чрезвычайно удрученный тем, что кто-то еще раз отравил всю эскадрилью, примчался к Йоссариану просить помощи.
'Please find out from Corporal Snark if he put laundry soap in the sweet potatoes again,' he requested furtively.	- Пожалуйста, узнай у капрала Снарка, не подбросил ли он хозяйственное мыло в картофельное пюре? - попросил он шепотом.
'Corporal Snark trusts you and will tell you the truth if you give him your word you won't tell anyone else.	- Капрал Снарк тебе верит и скажет правду, если ты пообещаешь не проболтаться.
As soon as he tells you, come and tell me.'	Как только что-нибудь у него выведаешь, тут же расскажи мне.
'Of course I put laundry soap in the sweet potatoes,' Corporal Snark admitted to Yossarian.	- Ну конечно, я подбросил в картофельное пюре хозяйственное мыло, - признался капрал Снарк Йоссариану.
' That's what you asked me to do, isn't it?	- Ты ведь сам меня просил.
Laundry soap is the best way.'	Для такого дела лучше хозяйственного мыла ничего не придумаешь.
'He swears to God he didn't have a thing to do with it,' Yossarian reported back to Milo.	- Он клянется богом, что ничего не знает, -вернувшись к Милоу, доложил Йоссариан.
Milo pouted dubiously. ' Dunbar says there is no God.'	Милоу скептически скривил губы: - Данбэр говорит, что бога нет.
There was no hope left.	Надежды не оставалось.
By the middle of the second week, everyone in the squadron began to look like Hungry Joe, who was not scheduled to fly and screamed horribly in his sleep.	Через неделю каждый в эскадрилье стал походить на Заморыша Джо. Заморыш Джо не должен был лететь на Болонью и жутко вопил во сне.
He was the only one who could sleep.	Джо был единственным в эскадрилье, кто в то время не страдал бессонницей.

All night long, men moved through the darkness outside their tents like tongueless wraiths with cigarettes.	Всю ночь напролет люди, как немые привидения, бродили в потемках по дорожкам палаточного городка, попыхивая сигаретами.
In the daytime they stared at the bomb line in futile, drooping clusters or at the still figure of Doc Daneeka sitting in front of the closed door of the medical tent beneath the morbid hand-lettered sign.	Днем они унылыми кучками толпились у карты, уставясь на линию фронта, или молча взирали на неподвижную фигуру доктора Дейники, сидевшего перед закрытой дверью санчасти под страшной надписью.
They began to invent humorless, glum jokes of their own and disastrous rumors about the destruction awaiting them at Bologna.	Они изощрялись в мрачных шутках на собственный счет и распускали чудовищные слухи об ужасах, ожидающих их на подступах к Болонье.
Yossarian sidled up drunkenly to Colonel Korn at the officers' club one night to kid with him about the new Lepage gun that the Germans had moved in.	Однажды вечером в офицерском клубе пьяный Йоссариан бочком-бочком подобрался к подполковнику Корну и потехи ради объявил, что у немцев появились новые пушки Лепажа.
'What Lepage gun?' Colonel Korn inquired with curiosity.	- Что это за пушки Лепажа? - полюбопытствовал подполковник.
'The new three-hundred-and-forty-four-millimeter Lepage glue gun,' Yossarian answered.	- Новая трехсотсорокачетырехмиллиметровая клеевая пушка Лепажа, - ответил Йоссариан.

'It glues a whole formation of planes together in mid-air.'	- Она склеивает в воздухе целое звено самолетов.

Colonel Korn jerked his elbow free from Yossarian's clutching fingers in startled affront.	Ошарашенный подполковник Корн резко высвободил свой локоть из цепких пальцев Йоссариана.
'Let go of me, you idiot!' he cried out furiously, glaring with vindictive approval as Nately leaped upon Yossarian's back and pulled him away.	- Оставьте меня в покое, идиот! - исступленно заорал подполковник Корн. Он со злорадством смотрел, как Нейтли, вынырнувший из-за спины Йоссариана, оттащил Йоссариана прочь.
'Who is that lunatic, anyway?'	- Кто этот лунатик?
Colonel Cathcart chortled merrily.	Полковник Кэткарт довольно усмехнулся:
'That's the man you made me give a medal to after Ferrara.	- Вы настояли, чтобы я наградил этого человека медалью за Феррару.

You had me promote him to captain, too, remember?	А потом еще заставили произвести его в капитаны.
It serves you right.'	Это послужит вам уроком.
Nately was lighter than Yossarian and had great difficulty maneuvering Yossarian's lurching bulk across the room to an unoccupied table.	Нейтли был легче весом, чем Йоссариан, и ему стоило большого труда дотянуть шатающегося Йоссариана через весь зал к свободному столику.
' Are you crazy?' Nately kept hissing with trepidation.	- Ты рехнулся? - испуганно шипел Нейтли.
' That was Colonel Korn.	- Ведь это подполковник Корн.
Are you crazy?'	Ты с ума сошел!

Yossarian wanted another drink and promised to leave quietly if Nately brought him one.	Йоссариану хотелось выпить, и он пообещал уйти без скандала, если Нейтли принесет ему еще рюмку виски.
Then he made Nately bring him two more.	Потом он заставил Нейтли принести еще две.
When Nately finally coaxed him to the door, Captain Black came stomping in from outside, banging his sloshing shoes down hard on the wood floor and spilling water from his eaves like a high roof.	Когда Нейтли в конце концов удалось заманить Йоссариана к самой двери, в клуб вошел капитан Блэк. Вода лилась по складкам его одежды, как по водосточным трубам, и он громко топал ногами, сбивая с ботинок налипшую грязь.

'Boy, are you bastards in for it!' he announced exuberantly, splashing away from the puddle forming at his feet.	- Ну, черти, попались! - объявил он, ликуя, и переступил через грязную лужу, образовавшуюся у его ног.
' I just got a call from Colonel Korn.	- Только что мне звонил подполковник Корн.
Do you know what they've got waiting for you at Bologna?	Вы знаете, что вас ждет в Болонье?
Ha! Ha!	Ха-ха!
They've got the new Lepage glue gun. It glues a whole formation of planes together in mid-air.'	Они обзавелись новой клеевой пушкой Лепажа, она склеивает в воздухе целое звено самолетов.

'My God, it's true!' Yossarian shrieked, and collapsed against Nately in terror.	- Боже мой, это правда! - взвизгнул Йоссариан и в ужасе повалился на Нейтли.

'There is no God,' answered Dunbar calmly, coming up with a slight stagger.	- Бога нет, - спокойно заметил Данбэр, слегка пошатываясь.
'Hey, give me a hand with him, will you?	- Эй, помоги мне с ним справиться! Слышишь?
I've got to get him back in his tent.'	Надо отвести его в палатку.
' Says who?'	- Кто сказал?
' Says me.	- Я сказал.
Gee, look at the rain.'	Эй, ребята, смотрите - дождь.
' We've got to get a car.'	- Придется достать машину.

'Steal Captain Black's car,' said Yossarian. 'That's what I always do.'	- Свистнем машину у капитана Блэка, - сказал Йоссариан, - я всегда так делаю.
'We can't steal anybody's car.	- Теперь никакую машину не украдешь.
Since you began stealing the nearest car every time you wanted one, nobody leaves the ignition on.'	С тех пор как ты начал угонять все машины подряд, никто не оставляет ключей от зажигания.
'Hop in,' said Chief White Halfoat, driving up drunk in a covered jeep.	- Залезайте, - пригласил Вождь Белый Овес. Он сидел пьяный за рулем крытого джипа.

He waited until they had crowded inside and then spurted ahead with a suddenness that rolled them all over backward.	Едва они набились в машину, он взял с места так резко, что все повалились назад.
He roared with laughter at their curses.	В ответ на их ругань Вождь разразился хохотом.
He drove straight ahead when he left the parking lot and rammed the car into the embankment on the other side of the road.	Выехав со стоянки, он резко газанул и тут же врезался в насыпь на противоположной стороне дороги.
The others piled forward in a helpless heap and began cursing him again.	Их швырнуло вперед, снова все повалились друг на друга и опять начали поносить Вождя на чем свет стоит.

' I forgot to turn,' he explained.	- Забыл повернуть, - объяснил он.
'Be careful, will you?' Nately cautioned.	- Осторожней, слышишь! - предупредил Нейтли.
' You'd better put your headlights on.'	- Ты бы лучше включил фары.
Chief White Halfoat pulled back in reverse, made his turn and shot away up the road at top speed.	Вождь Белый Овес дал задний ход, развернул машину и на предельной скорости понесся по шоссе.
The wheels were sibilant on the whizzing blacktop surface.	Черная лента шоссе с визгом вырывалась из-под колес.
'Not so fast,' urged Nately.	- Не так быстро, - попросил Нейтли.

'You'd better take me to your squadron first so I can help you put him to bed.	- Сначала заедем в нашу эскадрилью, я помогу уложить его в постель.
Then you can drive me back to my squadron.'	А потом завезете меня в мою эскадрилью.
'Who the hell are you?' ' Dunbar.'	- А ты что за гусь? - Я - Данбэр.
'Hey, put your headlights on,' Nately shouted.	- Эй, включи фары! - заорал Нейтли.
' And watch the road!'	- И следи за дорогой.

' They are on.	- Уже включил.
Isn't Yossarian in this car?	А Йоссариан здесь?

That's the only reason I let the rest of you bastards in.'	Ведь я вас, гады, только из-за Йоссариана впустил в машину.
Chief White Halfoat turned completely around to stare into the back seat.	- Вождь Белый Овес повернулся всем корпусом и уставился на сидящих сзади.
' Watch the road!'	- Смотри на дорогу!
' Yossarian?	- Йоссариан!
Is Yossarian in here?'	Ты здесь?
' I'm here, Chief.	- Здесь я. Вождь.
Let's go home.	Гони домой.
What makes you so sure?	Ну так почему вы так уверены?
You never answered my question.'	Вы не ответили на мой вопрос.
' You see?	- Вот видите!

I told you he was here.'	Я говорил вам, что Йоссариан с нами.
'What question?'	- Какой вопрос?
' Whatever it was we were talking about.'	- Ну о чем мы тогда говорили.
'Was it important?'	- Что-нибудь важное?
' I don't remember if it was important or not.	- Не помню, важное или не важное.
I wish to God I knew what it was.'	Сам не знаю, ей-богу.
'There is no God.'	- Бога нет. - Во!
' That's what we were talking about,' Yossarian cried.	Вот об этом мы и говорили! - закричал Йоссариан.
'What makes you so sure?'	- Ну так почему вы так уверены, что бога нет?

'Hey, are you sure your headlights are on?' Nately called out.	- Эй, а ты уверен, что у тебя действительно включены фары? - спросил Нейтли.
' They're on, they're on.	- Включены, включены.
What does he want from me?	Что он ко мне привязался?
It's all this rain on the windshield that makes it look dark from back there.'	Просто ветровое стекло забрызгано дождем, а вам там сзади кажется, что темно.
'Beautiful, beautiful rain.'	- Чудный, чудный дождь.
' I hope it never stops raining.	- Хорошо бы он никогда не кончился.

Rain, rain, go a-' '-way. Come a-' '-again some oth-' '-er day. Little Yo-Yo wants-' '-to play. In-' '-the meadow, in-' Chief White Halfoat missed the next turn in the road and ran the jeep all the way up to the crest of a steep embankment.	Дождик, дождик, пу-ще... дам тебе гущи... -Йоссариан даст ложку... - ...хлебай понемно... Вождь Бе-лый Овес не заметил еще одного поворота, и джип птицей взлетел вверх, по откосу.
Rolling back down, the jeep turned over on its side and settled softly in the mud.	Скатившись вниз, джип завалился набок и мягко шлеп-нулся в грязь.

There was a frightened silence.	Все испуганно смолк-ли.
'Is everyone all right?' Chief White Halfoat inquired in a hushed voice.	- Все целы? - осведомил-ся шепотом Вождь Бе-лый Овес.

No one was injured, and he heaved a long sigh of relief.	Убедившись, что никто не пострадал, он с облегчением вздохнул.
'You know, that's my trouble,' he groaned. 'I never listen to anybody.	- Ну прямо беда со мной, - сокрушался Вождь Белый Овес, - никогда я людей не слушаю.
Somebody kept telling me to put my headlights on, but I just wouldn't listen.'	Ведь просили меня включить фары - не послушался.
' I kept telling you to put your headlights on.'	- Я тебя двадцать раз просил включить фары.
' I know, I know.	- Знаю, знаю.
And I just wouldn't listen, would I?	А я не послушался.
I wish I had a drink.	Ладно уж, был бы я пьяный.

I do have a drink.	А то и выпил-то самую малость.
Look. It's not broken.' 'It's raining in,' Nately noticed. 'I'm getting wet.'	Гляди-ка, а она не разбилась.
Chief White Halfoat got the bottle of rye open, drank and handed it off.	Вождь Белый Овес откупорил бутылку виски, отхлебнул и передал бутылку назад.
Lying tangled up on top of each other, they all drank but Nately, who kept groping ineffectually for the door handle.	Там копошилась груда тел. Каждый отхлебнул из бутылки, кроме Нейтли, который безуспешно пытался нащупать ручку дверцы.
The bottle fell against his head with a clunk, and whiskey poured down his neck.	Бутылка со звоном упала ему на голову, и виски полилось за ворот.

He began writhing convulsively. 'Hey, we've got to get out of here!' he cried.	Нейтли поежился. - Здесь протекает, - заметил он. - Я промок... Слушайте, надо же как-то выбираться отсюда.
'We'll all drown.'	Мы здесь утонем.
'Is anybody in there?' asked Clevinger with concern, shining a flashlight down from the top.	- Кто-нибудь есть тут? - встревоженно спросил Клевинджер, светя фонариком откуда-то сверху.
'It's Clevinger!' they shouted, and tried to pull him in through the window as he reached down to aid them.	- Ура! Клевинджер! - заорали они и попытались втащить его через окошко в машину, когда он протянул им руку помощи.

'Look at them!' Clevinger exclaimed indignantly to McWatt, who sat grinning at the wheel of the staff car.	- Посмотрите на них! - с негодованием воскликнул Клевинджер, обращаясь к Макуотту, который сидел, посмеиваясь, за рулем штабной машины.
'Lying there like a bunch of drunken animals.	- Валяются, как пьяные свиньи.
You too, Nately?	Нейтли, и вы тут?
You ought to be ashamed!	Уж вам-то должно быть стыдно!
Come on-help me get them out of here before they all die of pneumonia.'	Ну-ка помогите мне вытащить их, а то, чего доброго, умрут от воспаления легких.

'You know, that don't sound like such a bad idea,' Chief White Halfoat reflected.	- А это неплохая мысль, - отозвался Вождь Белый Овес.
' I think I will die of pneumonia.'	- Я давно знаю, что умру от воспаления легких.
'Why?'	- Откуда вам это известно?
'Why not?' answered Chief White Halfoat, and lay back in the mud contentedly with the bottle of rye cuddled in his arms.	- А почему бы мне и не умереть от воспаления легких? - спросил Вождь Белый Овес и с удовольствием разлегся в грязи в обнимку с бутылкой виски.
'Oh, now look what he's doing!' Clevinger exclaimed with irritation.	- Нет, вы только посмотрите, что он делает! -рассердился Клевинджер.

'Will you get up and get into the car so we can all go back to the squadron?'	- Может быть, вы соблаговолите встать и сесть в машину? Надо возвращаться в эскадрилью.
'We can't all go back.	- Все мы вернуться не можем.
Someone has to stay here to help the Chief with this car he signed out of the motor pool.'	Кому-то придется остаться здесь и помочь Вождю привести в порядок машину. Ему выдали джип в гараже под расписку.
Chief White Halfoat settled back in the staff car with an ebullient, prideful chuckle.	Вождь Белый Овес, довольно посмеиваясь, уселся в штабную машину.
'That's Captain Black's car,' he informed them jubilantly.	- Это джип капитана Блэка, - торжественно объявил он.

'I stole it from him at the officers' club just now with an extra set of keys he thought he lost this morning.' 'Well, I'll be damned! That calls for a drink.'	- Я свистнул его только что у офицерского клуба. Блэн думает, что потерял связку ключей, а ключики-то вот они.
'Haven't you had enough to drink?' Clevinger began scolding as soon as McWatt started the car.	- Может быть, хватит? - снова рассердился Клевинджер, когда машина тронулась.
'Look at you.	- Посмотрите на себя.
You don't care if you drink yourselves to death or drown yourselves to death, do you?'	Неужели вы не боитесь, что когда-нибудь, нализавшись до смерти, утонете в кювете?

' Just as long as we don't fly ourselves to death.'	- Главное, не налетаться до смерти.
'Hey, open it up, open it up,' Chief White Halfoat urged McWatt. 'And turn off the headlights.	- Эй, откупорь-ка, откупорь-ка, - упрашивал Макуотта Вождь Белый Овес, - и включи фары.
That's the only way to do it.'	Иначе ничего не получится.
'Doc Daneeka is right,' Clevinger went on. 'People don't know enough to take care of themselves.	- Доктор Дейника прав, - продолжал Клевинджер,- люди недостаточно образованны, чтобы заботиться о себе.
I really am disgusted with all of you.'	На вас смотреть противно.

'Okay, fatmouth, out of the car,' Chief White Halfoat ordered.	- Ладно, ты, губошлепый, вытряхивайся из машины, - приказал Вождь Белый Овес.
'Everybody get out of the car but Yossarian.	- И вообще все вытряхивайтесь из машины, кроме Йоссариана.
Where's Yossarian?'	Йоссариан, ты где?
'Get the hell off me.' Yossarian laughed, pushing him away.	- Отстань от меня, - засмеялся Йоссариан, отпихивая Вождя.

' You're all covered with mud.'	- Ты весь в грязи.
Clevinger focused on Nately.	Клевинджер взялся за Нейтли.
' You're the one who really surprises me.	- А вот вы действительно меня удивляете.

Do you know what you smell like?	От вас разит виски.
Instead of trying to keep him out of trouble, you get just as drunk as he is.	Вместо того чтобы уберечь Йоссариана от беды, вы напились с ним заодно.
Suppose he got in another fight with Appleby?'	Ну а представьте себе, если бы он снова затеял драку с Эпплби?
Clevinger's eyes opened wide with alarm when he heard Yossarian chuckle. 'He didn't get in another fight with Appleby, did he?'	- Йоссариан хихикнул, и Клевинджер спросил тревожно: - Надеюсь, на этот раз он не подрался с Эпплби?
'Not this time,' said Dunbar.	- На этот раз нет, - сказал Данбэр.
'No, not this time.	- Нет, на этот раз нет.

This time I did even better.'	На этот раз я устроил кое-что почище.
'This time he got in a fight with Colonel Korn.'	- На этот раз он подрался с подполковником Корном.
' He didn't!' gasped Clevinger.	- Не может быть! - ахнул Клевинджер.
'He did?' exclaimed Chief White Halfoat with delight.	- Неужели с Корном? - восторженно воскликнул Вождь Белый Овес.
' That calls for a drink.'	- По этому поводу надо выпить.
'But that's terrible!' Clevinger declared with deep apprehension.	- Но это ужасно, - с чувством произнес Клевинджер.
'Why in the world did you have to pick on Colonel Korn?	- Скажи на милость, зачем тебе понадобилось связываться с подполковником Корном?

Say, what happened to the lights?	Послушайте, что там со светом?
Why is everything so dark?'	Почему такая темень?
'I turned them off,' answered McWatt. 'You know, Chief White Halfoat is right. It's much better with the headlights off.'	- Я выключил, - ответил Макуотт, - Ты знаешь, Белый Овес прав: без света лучше.
'Are you crazy?' Clevinger screamed, and lunged forward to snap the headlights on.	- Вы что, с ума сошли? - взвизгнул Клевинджер и подался вперед, чтобы включить фары.
He whirled around upon Yossarian in near hysteria.	Он был близок к истерике.
' You see what you're doing?	- Видишь, что ты натворил?

You've got them all acting like you!	Они стали брать пример с тебя.
Suppose it stops raining and we have to fly to Bologna tomorrow.	А что, если дождь кончится и нам завтра придется лететь на Болонью?
You'll be in fine physical condition.'	В хорошеньком же вы будете состоянии!
' It won't ever gonna stop raining.	- Дождь никогда не кончится.
No, sir, a rain like this really might go on forever.'	Нет, сэр, такие дождички идут до скончания века.

'It has stopped raining!' someone said, and the whole car fell silent.	- Дождь кончился! - сказал кто-то, и в машине сразу же стало тихо.

'You poor bastards,' Chief White Halfoat murmured compassionately after a few moments had passed.	- Эх, подонки мы несчастные, - проговорил жалостно Вождь Белый Овес.
'Did it really stop raining?' Yossarian asked meekly. McWatt switched off the windshield wipers to make certain.	- Неужели и правда перестал? - спросил Йоссариан слабым голосом. Макуотт выключил "дворники".
The rain had stopped.	Да, дождь прекратился.
The sky was starting to clear.	Небо прояснилось.
The moon was sharp behind a gauzy brown mist.	Острый серп луны проглядывал сквозь редкий туман.

'Oh, well,' sang McWatt soberly. 'What the hell.'	- Как я рад, как я рад, мы попали прямо в ад! -невесело пропел Макуотт.
'Don't worry, fellas,' Chief White Halfoat said.	- Не беспокойтесь, ребятки, - сказал Вождь Белый Овес.
'The landing strip is too soft to use tomorrow.	- Взлетную полосу так расквасило, что она завтра еще будет непригодна.
Maybe it'll start raining again before the field dries out.'	А пока поле высохнет, может, глядишь, и снова дождь зарядит.
'You goddam stinking lousy son of a bitch,' Hungry Joe screamed from his tent as they sped into the squadron.	- У, проклятый, вонючий сукин сын! - вопил в своей палатке Заморыш Джо, когда они въехали в расположение эскадрильи.

' Jesus, is he back here tonight?	- Господи Иисусе, он вернулся!
I thought he was still in Rome with the courier ship.'	А я-то думал, что он еще в Риме со связным самолетом.
'Oh!	- У!
Ooooh!	У-ууу!
Ooooooh!' Hungry Joe screamed.	Уууууууу! - исходил воплями Заморыш Джо.
Chief White Halfoat shuddered.	Вождя Белый Овес передернуло.
'That guy gives me the willies,' he confessed in a grouchy whisper.	- Этот малый вгоняет меня в дрожь, - прошипел он.
'Hey, whatever happened to Captain Flume?'	- Слушай-ка, а что случилось с капитаном Флюмом?

'There's a guy that gives me the willies.	- О, Флюм - тот действительно заставит кого хочешь дрожать.
I saw him in the woods last week eating wild berries.	На той неделе я встретил его в лесу. Он жрал дикую вишню.
He never sleeps in his trailer any more. He looked like hell.'	Он вовсе перестал ночевать в трейлере и стал похож на черта.
'Hungry Joe's afraid he'll have to replace somebody who goes on sick call, even though there is no sick call.	- Заморыш Джо боится, что ему придется заменить кого-нибудь из больных, хотя, правда, освобождать по болезни запрещено.

Did you see him the other night when he tried to kill Havermeyer and fell into Yossarian's slit trench?'	Ты бы видел его в ту ночь, когда он пытался убить Хэвермейера и свалился в канаву около палатки Йоссариана!
' Ooooh!' screamed Hungry Joe.	- Уууу! - завывал Замо-рыш Джо.
' Oh! Ooooh! Oooooooh!'	- Уууу! Уууууу!
'It sure is a pleasure not having Flume around in the mess hall any more.	- А это, пожалуй, хорошо, что капитан Флюм пере-стал ходить в столовую.
No more of that	Теперь мы больше не услышим его надоевшее:
"Pass the salt, Walt." '	"Подайте мне соль, пожа-луйста, Поль".

'Or	- Или
"Pass the bread, Fred." '	"Фред, почему нет кот- лет?"
'Or	- Или
"Shoot me a beet, Pete." '	"Пилот, передай компот".
'Keep away, keep away,' Hungry Joe screamed.	- Убирайся вон, вон, вон! - завывал Заморыш Джо.
'I said keep away, keep away, you goddam stinking lousy son of a bitch.'	- Г оворю тебе, убирайся вон, проклятый, воню- чий, паршивый сукин сын!
'At least we found out what he dreams about,' Dunbar observed wryly.	- Наконец-то мы узнали, что ему снится, - с кривой усмешкой заметил Дан- бэр.

'He dreams about goddam stinking lousy sons of bitches.'	- Ему снятся проклятые, вонючие, паршивые сукины дети.
Late that night Hungry Joe dreamed that Huple's cat was sleeping on his face, suffocating him, and when he woke up, Huple's cat was sleeping on his face.	Прошло несколько часов, и той же ночью Заморышу Джо приснилось, будто кот Хьюпла спит у него на лице и душит его, а когда Заморыш Джо проснулся, он обнаружил, что кот Хьюпла и в самом деле устроился у него на лице.

His agony was terrifying, the piercing, unearthly howl with which he split the moonlit dark vibrating in its own impact for seconds afterward like a devastating shock.	Заморыш Джо забился в чудовищной истерике, пронзительный нечеловеческий вопль разорвал тишину и, подобно взрывной волне, прокатился по залитым лунным светом окрестностям.
A numbing silence followed, and then a riotous din rose from inside his tent.	Наступила мертвая тишина, и вскоре из палатки донесся дикий грохот.
Yossarian was among the first ones there.	Одним из первых на шум прибежал Йоссариан.

When he burst through the entrance, Hungry Joe had his gun out and was struggling to wrench his arm free from Huple to shoot the cat, who kept spitting and feinting at him ferociously to distract him from shooting Huple.	Когда он ворвался в палатку. Заморыш Джо держал в руках пистолет, пытаясь высвободиться из рук Хьюпла и пристрелить кота, который хищно фыркал и осуществлял серию блистательных отвлекающих маневров, стараясь вызвать огонь на себя и тем самым спасти Хьюпла от неминуемой смерти.
Both humans were in their GI underwear.	Оба двуногих демонстрировали свои солдатские подштанники, а четвероногое прыгало в чем мать родила.

The unfrosted light bulb overhead was swinging crazily on its loose wire, and the jumbled black shadows kept swirling and bobbing chaotically, so that the entire tent seemed to be reeling.	Лампочка без абажура металась, как безумная, на длинном проводе, а черные тени скакали, кружились и плясали по стенам, отчего казалось, что вся палатка ходит ходуном.
Yossarian reached out instinctively for balance and then launched himself forward in a prodigious dive that crushed the three combatants to the ground beneath him.	В первую секунду у Йоссариана все поплыло перед глазами, и он с трудом сохранил равновесие. Затем он одним невероятным прыжком достиг поля боя и поверг наземь всех троих участников схватки.

He emerged from the melee with the scruff of a neck in each hand-Hungry Joe's neck and the cat's.	Потом Йоссариан вышел из палатки, держа одной рукой за шиворот Заморыша Джо, а другой, за шкирку, - кота.
Hungry Joe and the cat glared at each other savagely.	Заморыш Джо и кот испепеляли друг друга свирепыми взглядами.
The cat spat viciously at Hungry Joe, and Hungry Joe tried to hit it with a haymaker.	Кот осатанело фыркал на Заморыша Джо, а тот норовил нокаутировать кота прямым в челюсть. -Леди и джентльмены, сейчас вы станете свидетелями честного спортивного поединка, -торжественно возвестил Йоссариан, и перепуганные летчики, прибежавшие на шум, с облегчением перевели дух.

'A fair fight,' Yossarian decreed, and all the others who had come running to the uproar in horror began cheering ecstatically in a tremendous overflow of relief.	- Попрошу вести бой честно, - обратился Йоссариан к Заморышу Джо и коту.
'We'll have a fair fight,' he explained officially to Hungry Joe and the cat after he had carried them both outside, still holding them apart by the scruffs of their necks.	- Разрешается применять кулаки, клыки и когти.
'Fists, fangs and claws. But no guns,' he warned Hungry Joe.	Все - кроме пистолетов, - предупредил он Заморыша Джо.

' And no spitting,' he warned the cat sternly.	- И не фыркать, - сурово предупредил он кота.
'When I turn you both loose, go.	- Как только я вас обоих отпущу, можно начинать.
Break clean in the clinches and come back fighting.	В случае клинча - быстро расходиться и продолжать бой.
Go!'	Начали!
There was a huge, giddy crowd of men who were avid for any diversion, but the cat turned chicken the moment Yossarian released him and fled from Hungry Joe ignominiously like a yellow dog.	Толпа развеселившихся зрителей стояла вокруг, предвкушая развлечение, но едва Йоссариан отпустил кота, тот струхнул и, как последняя дворняжка, позорно бежал с поля боя.

Hungry Joe was declared the winner.	Заморыш Джо был объявлен победителем.
He swaggered away happily with the proud smile of a champion, his shriveled head high and his emaciated chest out.	Счастливый, с гордой улыбкой чемпиона на устах, он удалился важной походкой, выпятив хилую грудь и высоко подняв свою похожую на печеное яблоко головку.

He went back to bed victorious and dreamed again that Huple's cat was sleeping on his face, suffocating him.	С победоносным видом он залез под одеяло, и ему снова приснилось, будто он задыхается оттого, что на его лице свернулся клубочком кот Хьюпла.

Major- De Coverley Moving the bomb line did not fool the Germans, but it did fool Major-de Coverley, who packed his musette bag, commandeered an airplane and, under the impression that Florence too had been captured by the Allies, had himself flown to that city to rent two apartments for the officers and the enlisted men in the squadron to use on rest leaves.	13. Майор де Каверли Передвижка на карте линии фронта одурачила не противника, а майора де Каверли, который упаковал свой рюкзак, взял самолет и, полагая, что Флоренция уже захвачена союзниками, направился туда, намереваясь снять две квартиры для отпускников.

He had still not returned by the time Yossarian jumped back outside Major Major's office and wondered whom to appeal to next for help.	К тому времени, когда Йоссариан выпрыгнул из окошка кабинета майора Майора и размышлял, к кому бы обратиться за помощью, майор де Каверли еще не вернулся из Флоренции.
Major-de Coverley was a splendid, awe-inspiring, grave old man with a massive leonine head and an angry shock of wild white hair that raged like a blizzard around his stern, patriarchal face.	Майор де Каверли, блистательный старец с суровой внешностью, вызывал у окружающих благоговейный трепет. У него была массивная львиная голова и внушительная седая грива, которая, подобно снежной метели, бушевала вокруг его строгого патриаршего лица.

His duties as squadron executive officer did consist entirely, as both Doc Daneeka and Major Major had conjectured, of pitching horseshoes, kidnaping Italian laborers, and renting apartments for the enlisted men and officers to use on rest leaves, and he excelled at all three.	Его обязанности как начальника штаба эскадрильи, по мнению доктора Дейники и майора Майора, ограничивались метанием подков, похищением итальянских официантов и наймом квартир для отпускников. Со всеми тремя обязанностями он справлялся превосходно.

Each time the fall of a city like Naples, Rome or Florence seemed imminent, Major-de Coverley would pack his musette bag, commandeer an airplane and a pilot, and have himself flown away, accomplishing all this without uttering a word, by the sheer force of his solemn, domineering visage and the peremptory gestures of his wrinkled finger.	Когда падение таких городов, как Неаполь, Рим или Флоренция, казалось неминуемым, майор де Каверли складывал свой рюкзак, брал самолет с пилотом и улетал, не произнося при этом ни единого слова: достаточно было одного его внушительного, властного вида и мановения сморщенного пальца.

A day or two after the city fell, he would be back with leases on two large and luxurious apartments there, one for the officers and one for the enlisted men, both already staffed with competent, jolly cooks and maids.	Через день или два после занятия города он возвращался обратно с договорами на аренду двух просторных шикарных квартир, одна из которых предназначалась для офицеров, другая - для рядовых, причем обе были уже укомплектованы опытными поварами и разбитными горничными.
A few days after that, newspapers would appear throughout the world with photographs of the first American soldiers bludgeoning their way into the shattered city through rubble and smoke.	Спустя несколько дней газеты всего мира помещали фотографии первых американских солдат, прокладывающих себе путь в город сквозь руины и пожарища.

Inevitably, Major-de Coverley was among them, seated straight as a ramrod in a jeep he had obtained from somewhere, glancing neither right nor left as the artillery fire burst about his invincible head and lithe young infantrymen with carbines went loping up along the sidewalks in the shelter of burning buildings or fell dead in doorways.	С этими передовыми отрядами неизменно следовал майор де Каверли. Прямой, как шомпол, в раздобытом неизвестно откуда джипе, он всегда смотрел прямо перед собой. Над его головой то и дело рвались снаряды, а стройные молодые пехотинцы с карабинами перебегали по тротуарам от одного горящего здания к другому или падали замертво в подъездах.

He seemed eternally indestructible as he sat there surrounded by danger, his features molded firmly into that same fierce, regal, just and forbidding countenance which was recognized and revered by every man in the squadron.	Опасности угрожали ему со всех сторон, но он сидел в джипе с таким видом, точно был застрахован от смерти: казалось, черты его лица застыли, превратившись в свирепую царственную маску, которую узнавали и почитали все летчики эскадрильи.

To German intelligence, Major-de Coverley was a vexatious enigma; not one of the hundreds of American prisoners would ever supply any concrete information about the elderly white-haired officer with the gnarled and menacing brow and blazing, powerful eyes who seemed to spearhead every important advance so fearlessly and successfully.	Для немецкой разведки майор де Каверли являл собой мучительную загадку. Никто из сотен пленных американцев не мог сообщить ничего конкретного о престарелом, с угрожающе изогнутой бровью и пылающим, повелительным взглядом, седовласом офицере, который, как казалось, бесстрашно и успешно руководил наступлением на самых важных участках.

To American authorities his identity was equally perplexing; a whole regiment of crack C.I.D. men had been thrown into the front lines to find out who he was, while a battalion of combat-hardened public-relations officers stood on red alert twenty-four hours a day with orders to begin publicizing him the moment he was located.	И для американских властей майор де Каверли был таинственной фигурой. Целый полк первоклассных разведчиков был брошен на передовую с заданием установить личность этого человека, а батальон закаленных в боях офицеров по связи с прессой сутками стоял в боевой готовности, имея при себе приказ немедленно предать гласности фамилию загадочного старика, как только его удастся найти.
In Rome, Major-de Coverley had outdone himself with the apartments.	В Риме по части найма квартир майор де Каверли превзошел самого себя.

For the officers, who arrived in groups of four or five, there was an immense double room for each in a new white stone building, with three spacious bathrooms with walls of shimmering aquamarine tile and one skinny maid named Michaela who tittered at everything and kept the apartment in spotless order.	Офицеры, прибывавшие в Рим группами по четыре-пять человек, получали каждый по одной-две комнаты в новом белокаменном доме. На этаже имелись три просторные ванные, стены которых мерцали аквамариновыми плитками, и тощая горничная, по имени Микаэла, хихикавшая по всякому поводу, но содержавшая квартиру в образцовом порядке.
On the landing below lived the obsequious owners.	Этажом ниже жили владельцы дома, державшиеся весьма подобострастно.

On the landing above lived the beautiful rich black-haired Countess and her beautiful, rich black-haired daughter-in-law, both of whom would put out only for Nately, who was too shy to want them, and for Aarfy, who was too stuffy to take them and tried to dissuade them from ever putting out for anyone but their husbands, who had chosen to remain in the north with the family's business interests. 'They're really a couple of good kids,' Aarfy confided earnestly to Yossarian, whose recurring dream it was to have the nude milk-white female bodies of both these beautiful rich black-haired good kids lying stretched out	Этажом выше - красивая богатая темноволосая графиня и ее красивая богатая темноволосая невестка.

The enlisted men descended upon Rome in gangs of twelve or more with Gargantuan appetites and heavy crates filled with canned food for the women to cook and serve to them in the dining room of their own apartment on the sixth floor of a red brick building with a clinking elevator.	Нижние чины - сержанты и рядовые - прибывали в Рим дюжинами, привозя с собой аппетиты Гаргантюа и тяжелые корзины, набитые консервами. Корзины вручались женщинам, которые стряпали и подавали на стол.

There was always more activity at the enlisted men's place. There were always more enlisted men, to begin with, and more women to cook and serve and sweep and scrub, and then there were always the gay and silly sensual young girls that Yossarian had found and brought there and those that the sleepy enlisted men returning to Pianosa after their exhausting seven-day debauch had brought there on their own and were leaving behind for whoever wanted them next.	В квартире для нижних чинов было веселее, чем у офицеров. Кроме того, там всегда хватало веселых, молодых, соблазнительных девчонок. Приводил их туда Йоссариан. Нижние чины после семидневного разгула оставляли девчонок на милость, всякому, кому они понадобятся, и возвращались со слипающимися глазами на Пьяносу.

The girls had shelter and food for as long as they wanted to stay.	Покуда девчонки оставались в этих квартирах, у них были кров и еда.

All they had to do in return was hump any of the men who asked them to, which seemed to make everything just about perfect for them. Every fourth day or so Hungry Joe came crashing in like a man in torment, hoarse, wild, and frenetic, if he had been unlucky enough to finish his missions again and was flying the courier ship. Most times he slept
at the enlisted men's apartment. Nobody was certain how many rooms
Major-de Coverley had rented, not even the stout black-bodiced woman in corsets on the first floor from whom he had rented them. They covered

Despite the multiple perils to which Major-de Coverley exposed himself each time he rented apartments, his only injury had occurred, ironically enough, while he was leading the triumphal procession into the open city of Rome, where he was wounded in the eye by a flower fired at him from close range by a seedy, cackling, intoxicated old man, who, like Satan himself, had then bounded up on Major-de Coverley's car with malicious glee, seized him roughly and contemptuously by his venerable white head and kissed him mockingly	Несмотря на многочисленные опасности, которым майор де Каверли подвергал себя, снимая квартиры, свое единственное ранение он получил, по иронии судьбы, возглавляя триумфальное вступление в "открытый" город Рим. Его ранило в глаз цветком, который швырнул в него с близкого расстояния жалкий, хихикающий, пьяный старикашка. Сущий дьявол, со зловещим блеском в глазах, он впрыгнул в машину майора де Каверли, грубо и бесцеремонно облапил осанистую седую голову майора и, паясничая, расцеловал его в обе щеки. Изо рта его несло кислым винным духом, сыром и чесно-

Major-de Coverley, a Spartan in adversity, did not flinch once throughout the whole hideous ordeal.	Майор де Каверли вел себя в беде как истый спартанец. В течение всей этой сцены он не дрогнул перед лицом ужасного испытания.
And not until he had returned to Pianosa, his business in Rome completed, did he seek medical attention for his wound.	И только завершив все свои дела в Риме и вернувшись на Пьяносу, он обратился к врачам.

He resolved to remain binocular and specified to Doc Daneeka that his eye patch be transparent so that he could continue pitching horseshoes, kidnaping Italian laborers and renting apartments with unimpaired vision.	Решив по-прежнему взирать на мир двумя глазами, он приказал доктору Дейнике прикрыть его поврежденный глаз чем-нибудь прозрачным. Он хотел по-прежнему ловко метать подковы, похищать итальянских официантов и снимать квартиры, глядя при этом в оба.
To the men in the squadron, Major-de Coverley was a colossus, although they never dared tell him so.	Для всей эскадрильи майор де Каверли был колоссом, но сказать ему об этом никто не осмеливался.

The only one who ever did dare address him was Milo Minderbinder, who approached the horseshoe-pitching pit with a hard-boiled egg his second week in the squadron and held it aloft for Major-de Coverley to see.	Единственным человеком, посмевшим обратиться к майору, был Милоу Миндербиндер. На второй неделе своего пребывания в эскадрилье он подошел к площадке для метания подков, держа в руках сваренное вкрутую яйцо, которое он поднял высоко над головой, чтобы майор де Каверли мог хорошенько его рассмотреть.

Major-de Coverley straightened with astonishment at Milo's effrontery and concentrated upon him the full fury of his storming countenance with its rugged overhang of gullied forehead and huge crag of a humpbacked nose that came charging out of his face wrathfully like a Big Ten fullback.	Майор де Каверли остолбенел от наглости Милоу и обратил против него всю силу своей устрашающей внешности: резко очерченный, тяжело нависающий, изборожденный глубокими, как канавы, морщинами, лоб, гневно торчащий, подобно огромной скале, нос.
Milo stood his ground, taking shelter behind the hard-boiled egg raised protectively before his face like a magic charm.	Милоу стоял на том же месте, спрятавшись за крутым яйцом. Он держал его перед собой как некий магический талисман.

In time the gale began to subside, and the danger passed.	Через некоторое время буря начала стихать и опасность миновала.
' What is that?' Major-de Coverley demanded at last.	- Что это такое? - вопросил майор де Каверли.
' An egg,' Milo answered	- Яйцо, - ответил Милоу.
' What kind of an egg?' Major-de Coverley demanded.	- Какое яйцо? - резко спросил майор де Каверли.
'A hard-boiled egg,' Milo answered.	- Крутое, - ответил Милоу.
'What kind of a hard-boiled egg?' Major-de Coverley demanded.	- Какое еще крутое яйцо? - рявкнул майор де Каверли.
'A fresh hard-boiled egg,' Milo answered.	- Свежее крутое яйцо, - ответил Милоу.

'Where did the fresh egg come from?' Major-de Coverley demanded.	- Откуда взялось это свежее яйцо? -поинтересовался майор де Каверли.
'From a chicken,' Milo answered.	- Курочка снесла, - ответил Милоу.
'Where is the chicken?' Major-de Coverley demanded.	- Где эта курочка? - спросил майор де Каверли.
' The chicken is in Malta,' Milo answered.	- Курочка - на Мальте, - ответил Милоу.

'How many chickens are there in Malta?'	- И много курочек на Мальте?
'Enough chickens to lay fresh eggs for every officer in the squadron at five cents apiece from the mess fund,' Milo answered.	- Вполне достаточно, чтобы они несли свежие яйца для каждого офицера эскадрильи, причем яйцо обошлось бы столовой в пять центов.

'I have a weakness for fresh eggs,' Major-de Coverley confessed.	- Я питаю слабость к свежим яйцам, - признался майор де Каверли.
'If someone put a plane at my disposal, I could fly down there once a week in a squadron plane and bring back all the fresh eggs we need,' Milo answered.	- Если бы мне дали самолет, чтобы я мог летать раз в неделю на Мальту, я обеспечил бы всех свежими яйцами, - ответил Милоу.
'After all, Malta's not so far away.'	- В конце концов, Мальта - не так уж и далеко.
'Malta's not so far away,' Major-de Coverley observed.	- Да, до Мальты не так уж и далеко, - заметил майор де Каверли.
'You could probably fly down there once a week in a squadron plane and bring back all the fresh eggs we need.'	- Пожалуй, вы могли бы летать раз в неделю и обеспечивать всех свежими яйцами.

'Yes,' Milo agreed. 'I suppose I could do that, if someone wanted me to and put a plane at my disposal.'	- Да, - согласился Милоу, - пожалуй, мог бы. Мне бы только самолет...
'I like my fresh eggs fried,' Major-de Coverley remembered. 'In fresh butter.'	- Я люблю яичницу из свежих яиц, - вспомнил майор де Каверли, - на свежем масле.
'I can find all the fresh butter we need in Sicily for twenty-five cents a pound,' Milo answered.	- Свежее масло не так уж трудно закупить на Сицилии по двадцать пять центов за фунт, - ответил Милоу.
'Twenty-five cents a pound for fresh butter is a good buy.	- Двадцать пять центов за фунт свежего масла -это совсем недорого.

There's enough money in the mess fund for butter too, and we could probably sell some to the other squadrons at a profit and get back most of what we pay for our own.'	У нашей столовой хватят денег и на масло. А часть масла можно с выгодой перепродать другой эскадрилье и почти полностью оправдать собственные расходы.
'What's your name, son?' asked Major-de Coverley.	- Как тебя зовут, сынок? - спросил майор де Каверли.
'My name is Milo Minderbinder, sir.	- Меня зовут Милоу Миндербиндер, сэр.
I am twenty-seven years old.'	Мне двадцать семь лет.

'You're a good mess officer, Milo.' 'I'm not the mess officer, sir.' 'You're a good mess officer, Milo.'	- Ты хороший начальник столовой, Милоу.
' Thank you, sir.	- Благодарю вас, сэр.
I'll do everything in my power to be a good mess officer.'	Сделаю все, что в моих силах, и стану хорошим начальником столовой.
'Bless you, my boy.	- Благословляю тебя, мой мальчик.
Have a horseshoe.'	Возьми-ка подкову.
' Thank you, sir.	- Благодарю вас, сэр.

What should I do with it?'	А что мне с ней делать?
' Throw it.'	- Метнуть.

'Away?'	- Метнуть подальше?
' At the peg there.	- Вон на тот колышек.
Then pick it up and throw it at this peg.	А потом подбери ее и метни на этот.
It's a game, see?	Это такая игра, понимаешь?
You get the horseshoe back.'	Подкова должна вернуться на место.
' Yes, sir. I see.	- Понятно, сэр.
How much are horseshoes selling for?'	А почем нынче подковы?

The smell of a fresh egg snapping exotically in a pool of fresh butter carried a long way on the Mediterranean trade winds and brought General Dreedle racing back with a voracious appetite, accompanied by his nurse, who accompanied him everywhere, and his son-in-law, Colonel Moodus.	Запах свежих яиц, романтично потрескивающих на сковородке в лужице свежего масла, пронесся над Средиземным морем и достиг ноздрей генерала Дридла, пробудив у него волчий аппетит. Г енерал Дридл в сопровождении медсестры, следовавшей за ним повсюду, и своего зятя полковника Модэса примчался на Пьяносу.

In the beginning General Dreedle devoured all his meals in Milo's mess hall. Then the other three squadrons in Colonel Cathcart's group turned their mess halls over to Milo and gave him an airplane and a pilot each so that he could buy fresh eggs and fresh butter for them too.	Для начала генерал Дридл съел не моргнув глазом все, что ему подали в столовой у Милоу, после чего остальные три эскадрильи, входившие в полк Кэткарта, передали свои столовые под начало Милоу. Каждая эскадрилья выдала ему самолет и пилота для доставки свежих яиц и масла.

Milo's planes shuttled back and forth seven days a week as every officer in the four squadrons began devouring fresh eggs in an insatiable orgy of fresh-egg eating.	Семь дней в неделю самолеты Милоу совершали челночные операции, и офицеры всех четырех эскадрилий начали с ненасытной жадностью уплетать свежие яйца. Это была какая-то яичная оргия.

General Dreedle devoured fresh eggs for breakfast, lunch and dinner-between meals he devoured more fresh eggs-until Milo located abundant sources of fresh veal, beef, duck, baby lamb chops, mushroom caps, broccoli, South African rock lobster tails, shrimp, hams, puddings, grapes, ice cream, strawberries and artichokes.	Генерал Дридл пожирал свежие яйца на завтрак, обед и ужин, а между завтраком, обедом и ужином он пожирал яйца в еще большем количестве, покуда Милоу не обнаружил месторасположение обильных источников свежей телятины, говядины, молодой баранины, утятины, грибов, южноафриканских омаров, креветок, ветчины, пудингов, винограда, мороженого, клубники и артишоков.

There were three other bomb groups in General Dreedle's combat wing, and they each jealously dispatched their own planes to Malta for fresh eggs, but discovered that fresh eggs were selling there for seven cents apiece.	В авиабригаду генерала Дридла входили еще три полка бомбардировочной авиации, и все они, умирая от зависти, снарядили свое собственные самолеты в экспедицию на Мальту за свежими яйцами, но обнаружили, что там свежие яйца продаются по семь центов за штуку.

Since they could buy them from Milo for five cents apiece, it made more sense to turn over their mess halls to his syndicate, too, and give him the planes and pilots needed to ferry in all the other good food he promised to supply as well.	Поскольку они могла покупать те же яйца у Милоу по пять центов, имело смысл передать и их столовые в синдикат Милоу. Так они и поступили, предоставив в распоряжение Милоу самолеты и пилотов для доставки по воздуху не только яиц, но и других продуктов, которые он им обещал.
Everyone was elated with this turn of events, most of all Colonel Cathcart, who was convinced he had won a feather in his cap.	Всех окрылил такой поворот событий, а больше всего полковника Кэткарта, вообразившего, что на него посыпались пироги и пышки.

He greeted Milo jovially each time they met and, in an excess of contrite generosity, impulsively recommended Major Major for promotion.	Он игриво приветствовал Милоу при каждой встрече и в порыве великодушия, а может быть, желая заглушить угрызения совести, рекомендовал майора Майора на повышение.

The recommendation was rejected at once at Twenty-seventh Air Force Headquarters by ex-P.F.C. Wintergreen, who scribbled a brusque, unsigned reminder that the Army had only one Major Major Major Major and did not intend to lose him by promotion just to please Colonel Cathcart.	Штаб двадцать седьмой воздушной армия в лице экс-рядового первого класса Уинтергрина тут же отверг эту рекомендацию. Уинтергрин нацарапал довольно резкую по тону бумажку без подписи, в которой напоминал, что армия располагает только одним майором Майором и из-за какого-то повышения не намерена терять столь уникальную личность в угоду полковнику Кэткарту.
Colonel Cathcart was stung by the blunt rebuke and skulked guiltily about his room in smarting repudiation.	Полковник Каткарт был уязвлен до глубины души столь грубым выговором и виновато забился в свою комнату.

He blamed Major Major for this black eye and decided to bust him down to lieutenant that very same day.	Он считал майора Майора виновником нахлобучки и в тот же день решил разжаловать его в лейтенанты.
'They probably won't let you,' Colonel Korn remarked with a condescending smile, savoring the situation.	- Скорее всего, вам не позволят это сделать, -заметил подполковник Корн со снисходительной улыбкой, явно наслаждаясь создавшейся ситуацией.
'For precisely the same reasons that they wouldn't let you promote him.	- По тем же причинам, по каким вам не позволили повысить его.

Besides, you'd certainly look foolish trying to bust him down to lieutenant right after you tried to promote him to my rank.'	И потом вы, право, выглядели бы довольно глупо, пытаясь разжаловать его в лейтенанты сразу после попытки присвоить ему такой же чин, как у меня.
Colonel Cathcart felt hemmed in on every side.	Полковник Кэткарт чувствовал, что под него подкапываются со всех сторон.
He had been much more successful in obtaining a medal for Yossarian after the debacle of Ferrara, when the bridge spanning the Po was still standing undamaged seven days after Colonel Cathcart had volunteered to destroy it.	Куда больше ему повезло с ходатайством о награждении Йоссариана за бомбардировку Феррары. Семь дней прошло, как полковник Кэткарт добровольно вызвался уничтожить мост через реку По, а мост все еще стоял целехонький.

Nine missions his men had flown there in six days, and the bridge was not demolished until the tenth mission on the seventh day, when Yossarian killed Kraft and his crew by taking his flight of six planes in over the target a second time.	За шесть дней его люди сделали девять вылетов и не смогли разрушить мост. На седьмой день состоялся десятый боевой вылет. Тогда-то Йоссариан и погубил Крафта вместе со всем экипажем, вторично поведя на цель звено из шести самолетов.
Yossarian came in carefully on his second bomb run because he was brave then.	Йоссариан старательно выполнил второй боевой заход - тогда он еще был храбрецом.

He buried his head in his bombsight until his bombs were away; when he looked up, everything inside the ship was suffused in a weird orange glow.	Он не отрывал глаз от бомбового прицела, пока бомбы не пошли к земле. Когда же он поднял голову и глянул вверх, корабль был залит изнутри неестественным оранжевым светом.
At first he thought that his own plane was on fire.	Сначала Йоссариан подумал, что в самолете пожар.
Then he spied the plane with the burning engine directly above him and screamed to McWatt through the intercom to turn left hard.	Потом он заметил, что прямо над ними летит самолет с горящим мотором, и завопил, чтобы Макуотт взял резко влево.

A second later, the wing of Kraft's plane blew off.	Секундой позже у самолета Крафта взрывом оторвало крыло.
The flaming wreck dropped, first the fuselage, then the spinning wing, while a shower of tiny metal fragments began tap dancing on the roof of Yossarian's own plane and the incessant cachung! cachung! cachung! of the flak was still thumping all around him.	Объятая пламенем развалина камнем пошла к земле - сначала фюзеляж, потом крутящееся в воздухе крыло. Град мелких металлических осколков отбивал чечетку по верхней обшивке самолета Йоссариана, и непрерывное "ба-бах! ба-бах! ба-бах!" зениток грохотало вокруг.

Back on the ground, every eye watched grimly as he walked in dull dejection up to Captain Black outside the green clapboard briefing room to make his intelligence report and learned that Colonel Cathcart and Colonel Korn were waiting to speak to him inside.	Когда они приземлились, десятки глаз хмуро наблюдали за тем, как подавленный Йоссариан прошел к капитану Блэку, стоявшему у зеленого дощатого домика инструкторской, докладывать о разведнаблюдениях. Оказалось, что там его ждали полковник Кэткарт и подполковник Корн, желавшие с ним побеседовать.
Major Danby stood barring the door, waving everyone else away in ashen silence.	Майор Дэнби, загораживавший собой вход в инструкторскую, взмахом руки приказал всем прочим удалиться. Стояла гробовая тишина.

Yossarian was leaden with fatigue and longed to remove his sticky clothing.	Йоссариан едва передвигал свинцовые от усталости ноги и мечтал поскорее сбросить пропотевшую одежду.
He stepped into the briefing room with mixed emotions, uncertain how he was supposed to feel about Kraft and the others, for they had all died in the distance of a mute and secluded agony at a moment when he was up to his own ass in the same vile, excruciating dilemma of duty and damnation.	Он вошел в инструкторскую со сложным чувством, не зная, что будет говорить.

Colonel Cathcart, on the other hand, was all broken up by the event.	Полковник Кэткарт был потрясен случившимся.
' Twice?' he asked.	- Дважды?.. - спросил он.

'I would have missed it the first time,' Yossarian replied softly, his face lowered.	- С первого раза промазал бы. - ответил Йоссариан вполголоса, не поднимая глаз.
Their voices echoed slightly in the long, narrow bungalow.	В длинном узком деревянном сарае гуляло эхо, слабо вторя их голосам.
'But twice?' Colonel Cathcart repeated, in vivid disbelief.	- Но почему дважды? - повторил полковник Кэткарт с явным недоверием.

'I would have missed it the first time,' Yossarian repeated.	- С первого раза промазал бы, - повторил Йоссариан.
'But Kraft would be alive.'	- Но Крафт остался бы жив.
' And the bridge would still be up.'	- Мост остался бы тоже...
'A trained bombardier is supposed to drop his bombs the first time,' Colonel Cathcart reminded him.	- Опытный бомбардир должен сбрасывать бомбы с первого раза, - напомнил полковник Кэткарт.
'The other five bombardiers dropped their bombs the first time.'	- Остальные пять бомбардиров отбомбились с первого раза.

' And missed the target,' Yossarian said.	- И промазали, - сказал Йоссариан.
'We'd have had to go back there again.'	- Пришлось бы лететь еще не раз к этому проклятому мосту.
'And maybe you would have gotten it the first time then.'	- Но тогда, возможно, вы попали бы в него с первого захода.
' And maybe I wouldn't have gotten it at all.'	- А может быть, вообще не попали бы.
' But maybe there wouldn't have been any losses.'	- Возможно, дело обошлось бы без жертв.

'And maybe there would have been more losses, with the bridge still left standing.	- А возможно, и жертв было бы больше, и мост остался бы невредим.
I thought you wanted the bridge destroyed.' 'Don't contradict me,' Colonel Cathcart said.	- Не смейте возражать! - сказал полковник Кэткарт.
'We're all in enough trouble.'	- Мы все попали в довольно неприятную историю.
' I'm not contradicting you, sir.'	- Я вам не возражаю, сэр.
'Yes you are. Even that's a contradiction.'	- Нет, возражаете. Даже то, что вы сказали, - это уже возражение.
'Yes, sir.	- Так точно, сэр.

I'm sorry.'	Виноват.
Colonel Cathcart cracked his knuckles violently.	Полковник Кэткарт яростно стучал по столу костяшками пальцев.
Colonel Korn, a stocky, dark, flaccid man with a shapeless paunch, sat completely relaxed on one of the benches in the front row, his hands clasped comfortably over the top of his bald and swarthy head.	Подполковник Корн, приземистый, темноволосый, апатичный человек с брюшком, сидел, небрежно развалясь, на одной из передних скамеек, положив сцепленные руки на загорелую лысину.
His eyes were amused behind his glinting rimless spectacles.	За поблескивающими стеклами очков глаза его насмешливо щурились.

'We're trying to be perfectly objective about this,' he prompted Colonel Cathcart.	- Давайте подойдем к этому делу абсолютно объективно, - подал он идею полковнику Кэткарту.
'We're trying to be perfectly objective about this,' Colonel Cathcart said to Yossarian with the zeal of sudden inspiration.	- Давайте попытаемся подойти к этому делу абсолютно объективно, - с внезапным вдохновением сказал Йоссариану полковник Кэткарт.
'It's not that I'm being sentimental or anything.	- Не подумайте, что я сентиментален или что-нибудь в этом роде.
I don't give a damn about the men or the airplane.	Гроша ломаного не дам за тот самолет и его экипаж.
It's just that it looks so lousy on the report.	Просто этот случай ужасно глупо выглядит в донесении.

How am I going to cover up something like this in the report?'	Как я сумею преподнести его в своем рапорте?
'Why don't you give me a medal?' Yossarian suggested timidly.	- А почему бы вам не наградить меня орденом? -застенчиво предложил Йоссариан.
' For going around twice?'	- За то, что вы второй раз зашли на цель?
'You gave one to Hungry Joe when he cracked up that airplane by mistake.'	- Вы же наградили Заморыша Джо, когда он сбил самолет по ошибке.
Colonel Cathcart snickered ruefully.	Полковник Кэткарт засмеялся недобрым смешком:

'You'll be lucky if we don't give you a court-martial.'	- Если мы вас не предадим военно-полевому суду, считайте, что вам повезло.
'But I got the bridge the second time around,' Yossarian protested.	- Но ведь я со второго захода уничтожил мост, -запротестовал Йоссариан.
'I thought you wanted the bridge destroyed.'	- Мне казалось, вы хотели, чтобы мост был уничтожен?
'Oh, I don't know what I wanted,' Colonel Cathcart cried out in exasperation.	- Ах, я и сам не знаю, чего я хотел! - раздраженно крикнул полковник Каткарт.
'Look, of course I wanted the bridge destroyed.	- Конечно, я - за то, чтобы мост был разрушен.

That bridge has been a source of trouble to me ever since I decided to send you men out to get it.	С тех пор как я решился послать людей на бомбежку этого моста, я только о нем и думаю.
But why couldn't you do it the first time?'	Но почему вы не могли разбомбить его с первого раза?
'I didn't have enough time.	- Не хватило времени.
My navigator wasn't sure we had the right city.'	Мои штурман не был уверен, что мы вышли на нужный город.
'The right city?' Colonel Cathcart was baffled.	- На нужный город? - полковник Кэткарт был озадачен.
'Are you trying to blame it all on Aarfy now?'	- Теперь вы, кажется, пытаетесь свалить всю вину на Аарфи?
'No, sir.	- Нет, сэр.

It was my mistake for letting him distract me.	Это моя ошибка, что я позволил ему сбить меня с толку.
All I'm trying to say is that I'm not infallible.'	Я пытаюсь лишь вам доказать, что не считаю себя непогрешимым.
'Nobody is infallible,' Colonel Cathcart said sharply, and then continued vaguely, with an afterthought: 'Nobody is indispensable, either.'	- Непогрешимых нет, - отрезал полковник Каткарт и добавил многозначительным тоном: -Незаменимых - тоже.
There was no rebuttal.	Опровержений не последовало.

Colonel Korn stretched sluggishly.	Подполковник Корн лениво потянулся.
'We've got to reach a decision,' he observed casually to Colonel Cathcart.	- Нам нужно прийти к какому-то решению, - небрежно заметил он, обращаясь к полковнику Кэткарту.
'We've got to reach a decision,' Colonel Cathcart said to Yossarian.	- Нам нужно прийти к какому-то решению, -сказал Йоссариану полковник Кэткарт.
'And it's all your fault.	- Вы сами во всем виноваты.
Why did you have to go around twice?	Зачем вам понадобилось заходить на цель дважды?

Why couldn't you drop your bombs the first time like all the others?'	Почему, как и все остальные, вы не смогли сбросить бомбы с первого раза?
' I would have missed the first time.'	- С первого раза я бы промазал.
'It seems to me that we're going around twice,' Colonel Korn interrupted with a chuckle.	- Сдается мне, что теперь мы уже заходим на цель вторично, - прервал их подполковник Корн, смеясь.
'But what are we going to do?' Colonel Cathcart exclaimed with distress.	- Так что же нам делать? - в отчаянье воскликнул полковник Кэткарт.
' The others are all waiting outside.'	- Нас ждут.

'Why don't we give him a medal?' Colonel Korn proposed.	- А почему нам и в самом деле не дать ему орден?- предложил подполковник Корн.
'For going around twice? What can we give him a medal for?'	- За что? За то, что он дважды зашел на цель?
'For going around twice,' Colonel Korn answered with a reflective, self-satisfied smile.	- За то, что он второй раз зашел на цель, - ответил подполковник Корн с задумчивой и самодовольной улыбкой.
'After all, I suppose it did take a lot of courage to go over that target a second time with no other planes around to divert the antiaircraft fire.	- В конце концов, по-моему, требуется немалое мужество, чтобы зайти на цель вторично, когда рядом нет самолетов, которые отвлекали бы на себя зенитный огонь противника.

And he did hit the bridge.	И ведь он действительно разбомбил мост.
You know, that might be the answer-to act boastfully about something we ought to be ashamed of.	В этом-то и спасенье: не стыдиться, а гордиться надо.
That's a trick that never seems to fail.'	Нас никто не осудит за то, что мы сделаем.
'Do you think it will work?'	- Думаете, получится?
' I'm sure it will.	- Не сомневаюсь.

And let's promote him to captain, too, just to make certain.'	А для верности - давайте произведем его в капитаны.
'Don't you think that's going a bit farther than we have to?'	- Вам не кажется, что мы немножко пересаливаем?

'No, I don't think so.	- Нет, не кажется.
It's best to play safe.	Лучше всего - играть наверняка.
And a captain's not much difference.'	- Ну хорошо, - решился полковник Кэткарт.
'All right,' Colonel Cathcart decided. 'We'll give him a medal for being brave enough to go around over the target twice. And we'll make him a captain, too.'	- За то, что он проявил мужество, зайдя на цель дважды, дадим ему орден и произведем в капитаны.
Colonel Korn reached for his hat.	Подполковник Корн протянул руку за фуражкой.

'Exit smiling,' he joked, and put his arm around Yossarian's shoulders as they stepped outside the door.	- А теперь под занавес улыбнитесь, - пошутил он в дверях и обнял Йоссариана за плечи.
Kid Sampson By the time of the mission to Bologna, Yossarian was brave enough not to go around over the target even once, and when he found himself aloft finally in the nose of Kid Sampson's plane, he pressed in the button of his throat mike and asked,	14. Малыш Сэмпсон К тому времени, когда надо было лететь на Болонью, у Йоссариана храбрости было ровно столько, сколько требовалось, чтобы не заходить на цель даже единожды. Сидя в носовой части самолета Малыша Сэмпсона, он нажал кнопку переговорного устройства и спросил:
'Well? What's wrong with the plane?'	- Ну что там стряслось с машиной?

Kid Sampson let out a shriek. 'Is something wrong with the plane?	- Разве что-нибудь стряслось? - взвизгнул Малыш Сэмпсон.
What's the matter?' Kid Sampson's cry turned Yossarian to ice.	- Что случилось? От крика Малыша Сэмпсона Йоссариан похолодел.
' Is something the matter?' he yelled in horror.	- Что случилось? - заорал он в ужасе.
' Are we bailing out?'	- Будем прыгать?
'I don't know!' Kid Sampson shot back in anguish, wailing excitedly.	- А я откуда знаю! - истерически закричал в ответ Малыш Сэмпсон.
' Someone said we're bailing out!	- Говорят, надо прыгать?
Who is this, anyway?	Кто это сказал?
Who is this?'	Кто?

'This is Yossarian in the nose!	- Я - Йоссариан, в носовой части!
Yossarian in the nose.	Йоссариан! В носовой части!
I heard you say there was something the matter.	Я слышал, ты сказал "что-то случилось".
Didn't you say there was something the matter?'	Ведь ты сказал "что-то случилось"?
'I thought you said there was something wrong.	- Мне показалось, это ты сказал "что-то стряслось".
Everything seems okay. Everything is all right.'	Вроде все нормально.
Yossarian's heart sank.	У Йоссариана оборвалось сердце.

Something was terribly wrong if everything was all right and they had no excuse for turning back.	Если все идет нормально и у них нет повода, чтобы повернуть обратно, значит, действительно случилось ужасное.
He hesitated gravely.	Йоссариан напряженно размышлял.
'I can't hear you,' he said.	- Я тебя не слышу, - сказал он.
' I said everything is all right.'	- Я сказал: все идет нормально.
The sun was blinding white on the porcelain-blue water below and on the flashing edges of the other airplanes.	Ослепительное солнце играло на голубой, фарфоровой глади моря, сверкало на обшивке соседних самолетов.

Yossarian took hold of the colored wires leading into the jackbox of the intercom system and tore them loose.	Йоссариан вцепился в разноцветные шнуры переговорного устройства и выдернул их из коммутаторного гнезда.
' I still can't hear you,' he said.	- Я все равно тебя не слышу, - сказал он.
He heard nothing.	Он ничего не слышал.
Slowly he collected his map case and his three flak suits and crawled back to the main compartment.	Неторопливо сложив карты и прихватив с собой три летных бронекостюма, он пополз в главный отсек.
Nately, sitting stiffly in the co-pilot's seat, spied him through the corner of his eye as he stepped up on the flight deck behind Kid Sampson.	Нейтли, застывший неподвижно в кресле второго пилота, уголком глаза наблюдал за тем, как Йоссариан вполз в кабину и стал позади Малыша Сэмпсона.

He smiled at Yossarian wanly, looking frail and exceptionally young and bashful in the bulky dungeon of his earphones, hat, throat mike, flak suit and parachute.	Тот слабо улыбнулся Йоссариану. Скованный и придавленный бронекостюмом, парашютом, шлемом и наушниками, он выглядел хрупким, очень молодым и застенчивым.
Yossarian bent close to Kid Sampson's ear.	Йоссариан наклонился к уху Малыша Сэмпсона.
'I still can't hear you,' he shouted above the even drone of the engines.	- Я все равно тебя не слышу! - прокричал он, перекрывая ровный гул моторов.
Kid Sampson glanced back at him with surprise.	Малыш Сэмпсон удивленно оглянулся.

Kid Sampson had an angular, comical face with arched eyebrows and a scrawny blond mustache.	У него было угловатое смешное лицо с изогнутыми бровями и жидкими белесыми усиками.
'What?' he called out over his shoulder.	- Что? - крикнул он через плечо.
'I still can't hear you,' Yossarian repeated.	- Я тебя по-прежнему не слышу, - повторил Йоссариан.
'You'll have to talk louder,' Kid Sampson said.	- Говори громче, - сказал Малыш Сэмпсон.
'I still can't hear you.'	- Я тебя по-прежнему не слышу.
'I said I still can't hear you!' Yossarian yelled.	- Я тебя по-прежнему не слышу! - заголосил Йоссариан.

'I can't help it,' Kid Sampson yelled back at him.	- Ничего не могу поделать! - заголосил в ответ Малыш Сэмпсон.
' I'm shouting as loud as I can.'	- Я кричу изо всех сил!

'I couldn't hear you over my intercom,' Yossarian bellowed in mounting helplessness.	- Тебя не слышно в переговорном устройстве! -взревел Йоссариан с еще большим отчаянием в голосе.
' You'll have to turn back.'	- Придется поворачивать обратно.
'For an intercom?' asked Kid Sampson incredulously.	- Из-за переговорного устройства? - недоверчиво спросил Малыш Сэмпсон.
'Turn back,' said Yossarian, 'before I break your head.'	- Поворачивай обратно, пока я тебе не проломил башку!

Kid Sampson looked for moral support toward Nately, who stared away from him pointedly.	Малыш Сэмпсон взглянул на Нейтли, ища у него поддержки, но тот отвернулся с подчеркнутым безразличием.
Yossarian outranked them both.	По званию Йоссариан был старше каждого из них.
Kid Sampson resisted doubtfully for another moment and then capitulated eagerly with a triumphant whoop.	Малыш Сэмпсон поколебался еще секунду, а затем, издав ликующий вопль, охотно капитулировал.
'That's just fine with me,' he announced gladly, and blew out a shrill series of whistles up into his mustache.	- Меня это вполне устраивает! - радостно объявил он и весело присвистнул.

'Yes sirree, that's just fine with old Kid Sampson.'	- Да, ваше величество, Малыша Сэмпсона это вполне устраивает!
He whistled again and shouted over the intercom, 'Now hear this, my little chickadees.	- Он свистнул еще разок и крикнул в переговорное устройство: - А ну слушайте меня, птички мои небесные!
This is Admiral Kid Sampson talking. This is Admiral Kid Sampson squawking, the pride of the Queen's marines.	Это орет во всю глотку адмирал Малыш Сэмпсон, гордость королевского флота.
Yessiree.	Так вот, ваши величества.
We're turning back, boys, by crackee, we're turning back!'	Мы поворачиваем домой, ребятки, будь я неладен. Обратно поворачиваем!

Nately ripped off his hat and earphones in one jubilant sweep and began rocking back and forth happily like a handsome child in a high chair.	Торжествующим взмахом руки Нейтли сорвал с себя шлем и наушники и от избытка чувств начал раскачиваться, будто шаловливое дитя на высоком стульчике.
Sergeant Knight came plummeting down from the top gun turret and began pounding them all on the back with delirious enthusiasm.	Сержант Найт, как тяжелый мешок, грохнулся вниз из верхней турельной установки и в лихорадочном возбуждении принялся колотить летчиков по спине.
Kid Sampson turned the plane away from the formation in a wide, graceful arc and headed toward the airfield.	Малыш Сэмпсон развернул машину, описал широкую изящную дугу и, покинув звено, взял курс на свой аэродром.

When Yossarian plugged his headset into one of the auxiliary jackboxes, the two gunners in the rear section of the plane were both singing	Когда Йоссариан сунул штырек наушников в гнездо запасного переключателя, два стрелка в хвостовом отсеке дуэтом распевали
' La Cucaracha.'	"Кукарачу".
Back at the field, the party fizzled out abruptly.	На аэродроме их веселье быстро улетучилось.

An uneasy silence replaced it, and Yossarian was sober and self-conscious as he climbed down from the plane and took his place in the jeep that was already waiting for them.	Наступило неловкое молчание. Спускаясь из самолета и усаживаясь в поджидавший их джип, Йоссариан трезво отдавал себе отчет в том, что он натворил.

None of the men spoke at all on the drive back through the heavy, mesmerizing quiet blanketing mountains, sea and forests.	На обратном пути никто не проронил ни слова. Гнетущее гипнотизирующее безмолвие обволакивало горы, море и леса.
The feeling of desolation persisted when they turned off the road at the squadron.	Чувство одиночества усилилось, когда, свернув с шоссе, они покатили к расположению эскадрильи.
Yossarian got out of the car last.	Йоссариан вышел из машины последним.

After a minute, Yossarian and a gentle warm wind were the only things stirring in the haunting tranquillity that hung like a drug over the vacated tents.	Успокоительная, как наркотик, тишина висела над опустевшими палатками.
The squadron stood insensate, bereft of everything human but Doc Daneeka, who roosted dolorously like a shivering turkey buzzard beside the closed door of the medical tent, his stuffed nose jabbing away in thirsting futility at the hazy sunlight streaming down around him.	Эскадрилья точно вымерла, не видно было ни одной живой души, если не считать доктора Дейники, который печально восседал у закрытой двери санчасти, нахохлившись, как курица на насесте. Он тщетно пытался прогреть свой заложенный нос, подставив его солнечным лучам.

Yossarian knew Doc Daneeka would not go swimming with him.	Йоссариан знал, что доктор купаться с ним не пойдет.
Doc Daneeka would never go swimming again; a person could swoon or suffer a mild coronary occlusion in an inch or two of water and drown to death, be carried out to sea by an undertow, or made vulnerable to poliomyelitis or meningococcus infection through chilling or over-exertion.	Дейника вообще никогда не купался. В воде человеку может стать плохо, и он может утонуть, даже если воды по щиколотку. В воде у человека может произойти закупорка коронарных сосудов, и его придется вытаскивать на берег волоком. Кроме того, плаванье приводит к перенапряжению и охлаждению организма, а от этого можно заболеть полиомиелитом или менингитом.

The threat of Bologna to others had instilled in Doc Daneeka an even more poignant solicitude for his own safety.	Страх, которым была охвачена эскадрилья перед налетом на Болонью, вселил в доктора еще более мучительное беспокойство за собственную жизнь.
At night now, he heard burglars.	Теперь по ночам ему мерещилось, что к нему в палатку лезут грабители.

Through the lavender gloom clouding the entrance of the operations tent, Yossarian glimpsed Chief White Halfoat, diligently embezzling whiskey rations, forging the signatures of nondrinkers and pouring off the alcohol with which he was poisoning himself into separate bottles rapidly in order to steal as much as he could before Captain Black roused himself with recollection and came hurrying over indolently to steal the rest himself.	Заглянув в лиловатую тьму палатки оператив- ного отделения, Йос- сариан увидел Вождя Белый Овес, поглощен- ного присвоением чу- жого виски, каковым он усердно отравлял свой организм. В данный мо- мент он расписывался в соответствующем спис- ке за непьющих и про- ворно переливал спирт- ное в прихваченные с собой бутылки. Вождь спешил, чтобы успеть урвать побольше, до то- го как капитан Блэк спо- хватится и приплетется, чтобы украсть осталь- ное.

The jeep started up again softly.	Мотор джипа мягко заворчал.

Kid Sampson, Nately and the others wandered apart in a noiseless eddy of motion and were sucked away into the cloying yellow stillness.	Малыш Сэмпсон, Нейтли и другие бесшумно разбрелись каждый в свою сторону и растворились в золотистом безмолвии.
The jeep vanished with a cough.	Пару раз кашлянув, джип укатил.
Yossarian was alone in a ponderous, primeval lull in which everything green looked black and everything else was imbued with the color of pus.	Йоссариан остался один. Вокруг все было сковано чугунной, первозданной дремотой. Зелень казалась черной, все прочее отливало гнойной желтизной.

The breeze rustled leaves in a dry and diaphanous distance.	Даль была прозрачна, воздух сух, и слышно было, как где-то у моря бриз шуршит листвой.
He was restless, scared and sleepy.	На душе у Йоссариана было неспокойно и тревожно, а ввалившиеся от усталости глаза слипались.
The sockets of his eyes felt grimy with exhaustion. Wearily he moved inside the parachute tent with its long table of smoothed wood, a nagging bitch of a doubt burrowing painlessly inside a conscience that felt perfectly clear.	Но когда он, еле волоча ноги, вошел в парашютную палатку, где стоял длинный полированный стол, совесть разом перестала грызть его и червь сомнения, не причинив особой боли, тихо уполз в глубины сознания.

He left his flak suit and parachute there and crossed back past the water wagon to the intelligence tent to return his map case to Captain Black, who sat drowsing in his chair with his skinny long legs up on his desk and inquired with indifferent curiosity why Yossarian's plane had turned back.	Оставив в палатке бронекостюм и парашют, Йоссариан вышел обратно и мимо цистерн с водой направился в разведотделение, чтобы вернуть планшет капитану Блэку. Тот сидел в кресле, забросив костлявые ноги на стол, и клевал носом. Завидев Йоссариана, он равнодушно осведомился, почему они вернулись.
Yossarian ignored him. He set the map down on the counter and walked out.	Не удостоив его ответом, Йоссариан положил планшет на деревянный барьер и вышел.
Back in his own tent, he squirmed out of his parachute harness and then out of his clothes.	У себя в палатке он сбросил парашютные лямки и разделся.

Orr was in Rome, due back that same afternoon from the rest leave he had won by ditching his plane in the waters off Genoa.	Орр находился в Риме и должен был вернуться сегодня к вечеру из отпуска, который ему дали за то, что он утопил свой самолет в море близ Генуи.
Nately would already be packing to replace him, entranced to find himself still alive and undoubtedly impatient to resume his wasted and heartbreaking courtship of his prostitute in Rome.	Нейтли, поди, уже складывает вещи, чтобы отправиться в Рим, как только вернется Орр. Он, конечно, на седьмом небе от счастья, что остался жив, и ждет не дождется минуты, когда снова начнет бесплодно и мучительно ухаживать за своей римской красоткой.
When Yossarian was undressed, he sat down on his cot to rest.	Раздевшись догола, Йоссариан присел на койку отдохнуть - без одежды он чувствовал себя намного лучше.

He felt much better as soon as he was naked. He never felt comfortable in clothes.	В одежде ему всегда было как-то не по себе.
In a little while he put fresh undershorts back on and set out for the beach in his moccasins, a khaki-colored bath towel draped over his shoulders.	Потом он надел чистые трусики, тапочки и, перекинув через плечо купальное полотенце цвета хаки, отправился на пляж.

The path from the squadron led him around a mysterious gun emplacement in the woods; two of the three enlisted men stationed there lay sleeping on the circle of sand bags and the third sat eating a purple pomegranate, biting off large mouthfuls between his churning jaws and spewing the ground roughage out away from him into the bushes.	Тропинка из эскадрильи привела его на артиллерийскую позицию в лесу, о существовании которой он прежде не подозревал. Двое рядовых спали на мешках с песком. Третий ел гранат. Откусывая большие куски, он энергично работал челюстями и выплевывал косточки в кусты.
When he bit, red juice ran out of his mouth.	Когда он жевал гранат, по его подбородку стекал пурпурный сок.

Yossarian padded ahead into the forest again, caressing his bare, tingling belly adoringly from time to time as though to reassure himself it was all still there. He rolled a piece of lint out of his navel.	Йоссариан углубился в лес, любовно поглаживая свой живот, будто желая убедиться, что все на месте.

Along the ground suddenly, on both sides of the path, he saw dozens of new mushrooms the rain had spawned poking their nodular fingers up through the clammy earth like lifeless stalks of flesh, sprouting in such necrotic profusion everywhere he looked that they seemed to be proliferating right before his eyes.	Вдруг на земле по обе стороны от тропинки он заметил полчища грибов, выросших по- сле дождя. Они торча- ли из липкой земли, как пальцы мертвецов. Они росли в огромном изобилии, повсюду, ку- да хватало глаз.

There were thousands of them swarming as far back into the underbrush as he could see, and they appeared to swell in size and multiply in number as he spied them.	Их были тысячи, и они лезли из-под каждого куста. Казалось, они пухнут, раздуваются и множатся прямо у него на глазах.
He hurried away from them with a shiver of eerie alarm and did not slacken his pace until the soil crumbled to dry sand beneath his feet and they had been left behind.	Он быстро зашагал прочь, охваченный мистическим ужасом, и не сбавлял ходу до тех пор, пока не почувствовал под ногами сухой песок. Теперь грибы остались позади.

He glanced back apprehensively, half expecting to find the limp white things crawling after him in sightless pursuit or snaking up through the treetops in a writhing and ungovernable mutative mass.	Он опасливо оглянулся, боясь, что сейчас увидит, как эти мягкие, безглазые, белые существа ползком преследуют его или карабкаются, извиваясь, по деревьям беспорядочной. колышущейся массой.
The beach was deserted.	На пляже было пустынно.
The only sounds were hushed ones, the bloated gurgle of the stream, the respirating hum of the tall grass and shrubs behind him, the apathetic moaning of the dumb, translucent waves.	Йоссариан слышал лишь неясное бормотание ручья, приглушенный шелест травы и кустарника за своей спиной, немые вздохи прозрачных волн.

The surf was always small, the water clear and cool.	Прибой был слабым, вода - чистой и прохладной.
Yossarian left his things on the sand and moved through the knee-high waves until he was completely immersed.	Йоссариан оставил на песке вещи и вошел в воду сначала по колено, потом окунулся с головой.
On the other side of the sea, a bumpy sliver of dark land lay wrapped in mist, almost invisible.	На горизонте тянулась едва видимая, окутанная зыбкой дымкой, узенькая полоска земли.
He swam languorously out to the raft, held on a moment, and swam languorously back to where he could stand on the sand bar.	Йоссариан лениво подплыл к плоту, подержался за край и неторопливо поплыл обратно, покуда ноги не коснулись песчаного дна.

He submerged himself head first into the green water several times until he felt clean and wide-awake and then stretched himself out face down in the sand and slept until the planes returning from Bologna were almost overhead and the great, cumulative rumble of their many engines came crashing in through his slumber in an earth-shattering roar.	Здесь он несколько раз окунулся с головой в зеленоватую воду и почувствовал себя чистым и свежим. Потом он растянулся на песке лицом вниз и заснул. Мощный слитный гул десятков моторов ворвался в его сон, как грохот землетрясения: над самой головой шли самолеты, возвращавшиеся после налета на Болонью.
He woke up blinking with a slight pain in his head and opened his eyes upon a world boiling in chaos in which everything was in proper order.	Он проснулся, зажмурился от легкой головной боли и открыл глаза, чтобы взглянуть на мир, бурлящий в хаосе - хаосе, в котором царил свой порядок.

He gasped in utter amazement at the fantastic sight of the twelve flights of planes organized calmly into exact formation.	И ахнул от изумления при виде фантастического зрелища: двенадцать звеньев шли спокойно и уверенно, строго выдерживая строй.
The scene was too unexpected to be true. There were no planes spurting ahead with wounded, none lagging behind with damage. No distress flares smoked in the sky.	Картина была слишком необычная, чтобы в нее можно было поверить: не видно было даже самолетов с ранеными, торопившихся первыми зайти на посадку; не было поврежденных самолетов, плетущихся в хвосте; не было в воздухе и дыма сигнальных аварийных ракет.
No ship was missing but his own.	Все машины были на месте, - кроме его собственной.

For an instant he was paralyzed with a sensation of madness.	На мгновение он оцепенел: он почувствовал, что сходит с ума.
Then he understood, and almost wept at the irony.	Когда он понял, какую злую шутку сыграла с ним судьба, он чуть не расплакался.
The explanation was simple: clouds had covered the target before the planes could bomb it, and the mission to Bologna was still to be flown.	Он понял, что, видимо, облака закрыли цель до того, как самолеты успели сбросить бомбы, и, стало быть, налет на Болонью придется повторить.
He was wrong.	Йоссариан ошибся.
There had been no clouds.	Облаков не было.
Bologna had been bombed.	Бомбы сбросили.

Bologna was a milk run. There had been no flak there at all.	Слетали спокойно, как "за молоком", - вражеских зениток в Болонье не оказалось вообще.
Piltchard & Wren Captain Piltchard and Captain Wren, the inoffensive joint squadron operations officers, were both mild, soft-spoken men of less than middle height who enjoyed flying combat missions and begged nothing more of life and Colonel Cathcart than the opportunity to continue flying them.	15. Пилтчард и Рен Штабные офицеры - капитан Пилтчард и капитан Рен - отвечали за координацию совместных боевых действий всех звеньев эскадрильи. Оба - невысокого роста, оба -незлобивые и спокойные, они обожали летать на боевые задания и молили судьбу и полковника Кэткарта не лишать их и впредь такого удовольствия.

They had flown hundreds of combat missions and wanted to fly hundreds more.	Они уже сделали сотню боевых вылетов и жаждали налетать еще одну.
They assigned themselves to every one.	Они сами себя назначали на каждый вылет.

Nothing so wonderful as war had ever happened to them before; and they were afraid it might never happen to them again.	Война была самым лучшим событием в их жизни, и они боялись, что ничего подобного с ними больше не повторится.

They conducted their duties humbly and reticently, with a minimum of fuss, and went to great lengths not to antagonize anyone.	Они исполняли свои обязанности скромно, сдержанно, без шума, изо всех сил стараясь ни с кем не портить добрых отношений.
They smiled quickly at everyone they passed.	Они с готовностью улыбались каждому встречному.
When they spoke, they mumbled.	Говорили они невнятно, запинаясь.

They were shifty, cheerful, subservient men who were comfortable only with each other and never met anyone else's eye, not even Yossarian's eye at the open-air meeting they called to reprimand him publicly for making Kid Sampson turn back from the mission to Bologna.	Но этим толковым, веселым, сноровистым ребятам легко было только друг с другом. При встрече с другими они отводили глаза, и даже с Йоссарианом они боялись встречаться взглядом, когда устроили собрание под открытым небом, чтобы при всех объявить Йоссариану выговор за то, что он заставил Малыша Сэмпсона повернуть обратно во время налета на Болонью.

'Fellas,' said Captain Piltchard, who had thinning dark hair and smiled awkwardly. 'When you turn back from a mission, try to make sure it's for something important, will you?	- Ребята, - сказал капитан Пилтчард, застенчиво улыбаясь, - когда вы поворачиваете домой с полпути во время выполнения боевого задания, вы уж, пожалуйста, прежде удостоверьтесь, что стряслось действительно что-то серьезное.
Not for something unimportant... like a defective intercom... or something like that. Okay?	Ну а если какая-нибудь чепуха, вроде неисправности переговорного устройства или там что-нибудь еще вроде этого, тогда уж лучше не надо... Идет?
Captain Wren has more he wants to say to you on that subject.'	Вот сейчас капитан Рен выступит, он хочет сказать подробнее по этому вопросу...

'Captain Piltchard's right, fellas,' said Captain Wren. 'And that's all I'm going to say to you on that subject.	- Капитан Пилтчард прав, ребята, - сказал капитан Рен, - Вот и все, что я собирался вам сказать по этому вопросу.
Well, we finally got to Bologna today, and we found out it's a milk run.	Сегодня мы, значит, наконец слетали на Болонью, и оказалось, что ничего страшного - слетали "за молоком".
We were all a little nervous, I guess, and didn't do too much damage.	Все мы, понятно, малость того... нервничали и бомбили не бог весть как удачно.
Well, listen to this.	Ну ладно, теперь слушайте.
Colonel Cathcart got permission for us to go back.	Полковник Кэткарт разрешил нам слетать на Болонью еще разок.

And tomorrow we're really going to paste those ammunition dumps.	И уж завтра мы действительно сотрем в порошок их склады боеприпасов.
Now, what do you think about that?'	Ну что вы на это скажете?
And to prove to Yossarian that they bore him no animosity, they even assigned him to fly lead bombardier with McWatt in the first formation when they went back to Bologna the next day.	И чтобы доказать Йоссариану, что они не питают к нему злых чувств, они назначили его ведущим бомбардиром на машину Макуотта, поручив возглавить первое звено в завтрашнем налете на Болонью.

He came in on the target like a Havermeyer, confidently taking no evasive action at all, and suddenly they were shooting the living shit out of him!	Йоссариан зашел на цель, как Хэвермейер, -уверенно, без всяких противозенитных маневров, и внезапно попал под такой огонь, что чуть не наложил в штаны.
Heavy flak was everywhere!	Да, их встретил плотный зенитный огонь!
He had been lulled, lured and trapped, and there was nothing he could do but sit there like an idiot and watch the ugly black puffs smashing up to kill him.	Итак, Йоссариана усыпили и заманили в ловушку. Теперь он должен сидеть как идиот и дожидаться, пока отвратительное черное облачко взрыва окутает его и перенесет на тот свет.

There was nothing he could do until his bombs dropped but look back into the bombsight, where the fine cross-hairs in the lens were glued magnetically over the target exactly where he had placed them, intersecting perfectly deep inside the yard of his block of camouflaged warehouses before the base of the first building.	И пока он не сбросил бомбы, ему не оставалось ничего другого, как глазеть в прицел, где тонкое перекрестие визирных нитей лежало на цели, как притянутое магнитом, в точности там, куда он навел, - над двором закамуфлированных складских помещений, как раз у цоколя первого здания.
He was trembling steadily as the plane crept ahead.	Самолет полз тягостно медленно. Йоссариан не мог унять дрожь во всем теле.

He could hear the hollow boom-boom- boom-boom of the flak pounding all around him in overlapping measures of four, the sharp, piercing crack! of a single shell exploding suddenly very close by.	До него то и дело доносилось: "бум-бум-бум-бум!" - слитные четырехтактные взрывы грохотали вокруг. И вдруг почти рядом с резким пронзительным "трах" разорвался одиночный снаряд.
His head was bursting with a thousand dissonant impulses as he prayed for the bombs to drop.	Тысячи молоточков застучали в голове Йоссариана. "Господи, помоги мне скорее отбомбиться", - взмолился он.
He wanted to sob.	Ему хотелось рыдать.
The engines droned on monotonously like a fat, lazy fly.	Моторы гудели монотонно, как жирные ленивые мухи.

At last the indices on the bombsight crossed, tripping away the eight 500-pounders one after the other.	Наконец индексы в прицеле пересеклись и восемь пятисот-фунтовых бомб одна за другой пошли вниз.
The plane lurched upward buoyantly with the lightened load.	Самолет, став легче, бодро взмыл вверх.
Yossarian bent away from the bombsight crookedly to watch the indicator on his left.	Йоссариан оторвался от прицела и, изогнувшись, посмотрел на индикатор слева.
When the pointer touched zero, he closed the bomb bay doors and, over the intercom, at the very top of his voice, shrieked:	Когда стрелка коснулась нуля, он закрыл дверцы бомбового люка и срывающимся голосом крикнул в переговорное устройство:

'Turn right hard!' McWatt responded instantly.	- Круто вправо! Макуотт молниеносно выполнил приказание.
With a grinding howl of engines, he flipped the plane over on one wing and wrung it around remorselessly in a screaming turn away from the twin spires of flak Yossarian had spied stabbing toward them.	Надсадно взвыли моторы. Макуотт безжалостно положил воющую машину на крыло и отвернул ее в сторону. Не сделай он этого - два снаряда вонзились бы им прямо в фюзеляж.

Then Yossarian had McWatt climb and keep climbing higher and higher until they tore free finally into a calm, diamond-blue sky that was sunny and pure everywhere and laced in the distance with long white veils of tenuous fluff.	Потом Йоссариан приказал Макуотту набирать высоту, и они полезли все выше и выше, покуда не прорвались наконец в безмятежный, бриллиантово-голубой небесный оазис, солнечный и чистый, окаймленный на горизонте тонкими и редкими, как пух, облачками.

The wind strummed soothingly against the cylindrical panes of his windows, and he relaxed exultantly only until they picked up speed again and then turned McWatt left and plunged him right back down, noticing with a transitory spasm of elation the mushrooming clusters of flak leaping open high above him and back over his shoulder to the right, exactly where he could have been if he had not turned left and dived.	Ветер успокаивающе тренькал, ударяясь о выпуклое остекление кабины. Йоссариан с наслаждением расслабился, но это продолжалось недолго, потому что они увеличили скорость, и он приказал Макуотту взять влево, а потом заставил его резко идти вниз, - и от радости у него перехватило дыхание, потому что грибообразные кучи зенитных разрывов поднимались прямо у них над головой и сзади справа, как раз на том месте, где машина должна была оказаться, если бы они не взяли влево и не вошли в пике.

He leveled McWatt out with another harsh cry and whipped him upward and around again into a ragged blue patch of unpolluted air just as the bombs he had dropped began to strike.	Еще одним грубым окриком Йоссариан велел Макуотту выровнять машину, и потом они опять взмыли, и к тому моменту, когда внизу начали рваться бомбы, машина, сделав круг, вернулась на стерильно-голубую небесную прогалину.

The first one fell in the yard, exactly where he had aimed, and then the rest of the bombs from his own plane and from the other planes in his flight burst open on the ground in a charge of rapid orange flashes across the tops of the buildings, which collapsed instantly in a vast, churning wave of pink and gray and coal-black smoke that went rolling out turbulently in all directions and quaked convulsively in its bowels as though from great blasts	Первая бомба упала во дворе, точно там, куда целил Йоссариан. А потом одна за другой начали рваться их бомбы и бомбы, сброшенные с самолетов его звена. Оранжевые вспышки побежали по крышам, и в тот же миг здания рухнули, и пенистые клубы розового, серого и угольно-черного дыма буйно повалили во всех направлениях, и в недрах дыма что-то тряслось и содрогалось под ударами красных, белых и золотых молний.

'Well, will you look at that,' Aarfy marveled sonorously right beside Yossarian, his plump, orbicular face sparkling with a look of bright enchantment.	- Ты только посмотри! - громко восторгался Аарфи, стоя рядом с Йоссарианом. На его толстом, круглом лице сияло восхищение.
'There must have been an ammunition dump down there.'	- Там, должно быть, склады боеприпасов.
Yossarian had forgotten about Aarfy.	Йоссариан совсем забыл об Аарфи.
' Get out!' he shouted at him.	- Убирайся! - закричал он ему.

' Get out of the nose!'	- Убирайся из носа!
Aarfy smiled politely and pointed down toward the target in a generous invitation for Yossarian to look.	Аарфи вежливо улыбнулся и показал на цель, великодушно приглашая Йоссариана полюбоваться.
Yossarian began slapping at him insistently and signaled wildly toward the entrance of the crawlway.	Свирепым жестом Йоссариан указал ему на вход в лаз и начал подталкивать туда Аарфи.
'Get back in the ship!' he cried frantically.	- Иди в машину! - неистово заорал он.

' Get back in the ship!'	- Иди в машину!

Aarfy shrugged amiably.	Аарфи добродушно пожал плечами.
' I can't hear you,' he explained.	- Я тебя не слышу! - объяснил он.
Yossarian seized him by the straps of his parachute harness and pushed him backward toward the crawlway just as the plane was hit with a jarring concussion that rattled his bones and made his heart stop.	Йоссариан ухватил его за лямки парашюта и толкнул к лазу. В этот момент самолет тряхануло так, что у Йоссариана загремели кости и остановилось сердце.
He knew at once they were all dead.	Он понял - это конец.

'Climb!' he screamed into the intercom at McWatt when he saw he was still alive.	- Вверх! - завизжал он в переговорное устройство, сообразив, что еще жив.
' Climb, you bastard!	- Вверх, паскуда!
Climb, climb, climb, climb!'	Вверх! Вверх! Вверх! Вверх!

The plane zoomed upward again in a climb that was swift and straining, until he leveled it out with another harsh shout at McWatt and wrenched it around once more in a roaring, merciless forty-five-degree turn that sucked his insides out in one enervating sniff and left him floating fleshless in mid-air until he leveled McWatt out again just long enough to hurl him back around toward the right and then down into a screeching dive.	Самолет взвыл и, дрожа всем корпусом, пошел ввысь, пока Йоссариан не выровнял его, еще раз рявкнув на Макуотта, который снова беспощадно повернул ревущую машину на сорок пять градусов, отчего Йоссариана чуть не вывернуло наизнанку. Расслабляющая тошнота подступила к горлу, и он, не чувствуя собственного веса, повис в воздухе, пока не заставил Макуотта снова выровнять машину, но только для того, чтобы тут же развернуться через правое крыло и ринуться в умопомрачительное пике.

Through endless blobs of ghostly black smoke he sped, the hanging smut wafting against the smooth plexiglass nose of the ship like an evil, damp, sooty vapor against his cheeks.	Они мчались сквозь бесконечные, похожие на привидения клочья черного дыма. Висевшая в воздухе гарь липла к гладкому плексигласовому носу самолета, и у Йоссариана было ощущение, будто прокопченный пар зло хлещет его по щекам.
His heart was hammering again in aching terror as he hurtled upward and downward through the blind gangs of flak charging murderously into the sky at him, then sagging inertly.	Сердце его снова ныло и колотилось от ужаса, а самолет по его команде метался то вверх, то вниз сквозь многочисленные разрывы, пытавшиеся в смертельной ненависти настичь Йоссариана.

Sweat gushed from his neck in torrents and poured down over his chest and waist with the feeling of warm slime.	Пот ручьями струился по шее Йоссариана.
He was vaguely aware for an instant that the planes in his formation were no longer there, and then he was aware of only himself.	Строй звена нарушился, но Йоссариана это не интересовало - он был занят только собой.
His throat hurt like a raw slash from the strangling intensity with which he shrieked each command to McWatt.	В горле саднило от истошных криков Макуотту. Каждый раз, когда Макуотт менял направление, рев моторов становился оглушающим и захлебывающимся.

The engines rose to a deafening, agonized, ululating bellow each time McWatt changed direction. And far out in front the bursts of flak were still swarming into the sky from new batteries of guns poking around for accurate altitude as they waited sadistically for him to fly into range.	А далеко впереди перед ними небо по-прежнему кишело взрывами зенитных снарядов, выпущенных другими батареями: понатыканные вокруг, они вели заградительный огонь точно на заданную высоту, поджидая, как садисты, пока самолет Йоссариана окажется в пределах досягаемости.

The plane was slammed again suddenly with another loud, jarring explosion that almost rocked it over on its back, and the nose filled immediately with sweet clouds of blue smoke.	Вдруг самолет ударило, взрыв подбросил машину так, что она чуть не перевернулась брюхом кверху. В носовую часть повалили клубы сладковатого голубого дыма.
Something was on fire!	Что-то горело!
Yossarian whirled to escape and smacked into Aarfy, who had struck a match and was placidly lighting his p^{i}p^{e}.	Йоссариан рванулся к выходу и уперся в Аарфи, который преспокойно чиркая спичкой, зажигал свою трубочку.
Yossarian gaped at his grinning, moon-faced navigator in utter shock and confusion.	Йоссариан в полном замешательстве уставился на усмехающегося круглолицего штурмана.

It occurred to him that one of them was mad.	Кто-то из них, вероятно, сошел с ума.
'Jesus Christ!' he screamed at Aarfy in tortured amazement.	- Боже мой, да что же это такое! - с удивлением и мукой в голосе завопил Йоссариан.
' Get the hell out of the nose!	- Убирайся ты к чертовой матери из носа!
Are you crazy?	Ты спятил, что ли?
Get out!'	Убирайся!
' What?' said Aarfy.	- Что? - спросил Аарфи.
'Get out!' Yossarian yelled hysterically, and began clubbing Aarfy backhanded with both fists to drive him away.	- Убирайся! - истерично взвизгнул Йоссариан и начал колотить кулаками Аарфи, стоявшего заложив руки за спину.
' Get out!'	- Убирайся!

'I still can't hear you,' Aarfy called back innocently with an expression of mild and reproving perplexity.	- Я тебя все равно не слышу! - с мягкой укоризной отозвался Аарфи. Вид у него был самый невинный и чуточку озадаченный.
' You'll have to talk a little louder.'	- Говори, пожалуйста, погромче!
'Get out of the nose!' Yossarian shrieked in frustration.	- Убирайся из носа! - завопил Йоссариан, совсем отчаявшись.
' They're trying to kill us!	- Нас убьют!
Don't you understand?	Неужели тебе не ясно?
They're trying to kill us!'	Нас хотят убить.

'Which way should I go, goddam it?' McWatt shouted furiously over the intercom in a suffering, high-pitched voice.	- Как держать, черт возьми? - рассвирепев, крикнул Макуотт по переговорному устройству страдальческим, срывающимся голосом.
' Which way should I go?'	- Куда курс держать?
' Turn left!	- Поворачивай влево!
Left, you goddam dirty son of a bitch!	Левее, проклятый, вонючий сукин сын!

Turn left hard!'	Круто влево!
Aarfy crept up close behind Yossarian and jabbed him sharply in the ribs with the stem of his pipe.	В это время Аарфи незаметно, но пребольно ткнул Йоссариана под ребро кончиком трубки.

Yossarian flew up toward the ceiling with a whinnying cry, then jumped completely around on his knees, white as a sheet and quivering with rage.	Ойкнув, Йоссариан подскочил и рухнул на колени, бледный как полотно и дрожащий от ярости.
Aarfy winked encouragingly and jerked his thumb back toward McWatt with a humorous moue.	Аарфи ободряюще подмигнул ему и, показав большим пальцем через плечо на Макуотта, спросил со смехом:
'What's eating him?' he asked with a laugh.	- Какая блоха его укусила?
Yossarian was struck with a weird sense of distortion.	Йоссариану показалось, что все это происходит в каком-то нереальном, призрачном мире.

'Will you get out of here?' he yelped beseechingly, and shoved Aarfy over with all his strength.	- Ты уберешься отсюда? - простонал он и изо всех сил толкнул Аарфи.
'Are you deaf or something?	- Ты оглох или что?
Get back in the plane!'	Уходи в машину!
And to McWatt he screamed, 'Dive! Dive!'	- И крикнул Макуотту: - Пикируй! Пикируй!
Down they sank once more into the crunching, thudding, voluminous barrage of bursting antiaircraft shells as Aarfy came creeping back behind Yossarian and jabbed him sharply in the ribs again.	Внизу они снова попали в треск и уханье плотного зенитного огня, и Аарфи еще раз украдкой ткнул Йоссариана под ребро концом трубки.

Yossarian shied upward with another whinnying gasp.	Снова ойкнув, Йоссариан испуганно отпрянул.
' I still couldn't hear you,' Aarfy said.	- Я все равно тебя не слышу, - сказал Аарфи.
'I said get out of here!' Yossarian shouted, and broke into tears.	- Я сказал: "Убирайся отсюда!" - крикнул Йоссариан и расплакался.
He began punching Aarfy in the body with both hands as hard as he could. 'Get away from me!	Он начал обеими руками изо всех сил бить Аарфи в живот: - Убирайся от меня!
Get away!'	Убирайся!
Punching Aarfy was like sinking his fists into a limp sack of inflated rubber.	Лупить Аарфи было все равно что бить слабо надутую кислородную подушку.

There was no resistance, no response at all from the soft, insensitive mass, and after a while Yossarian's spirit died and his arms dropped helplessly with exhaustion.	Аарфи не оказывал сопротивления, его мягкая бесчувственная туша никак не реагировала на удары. Йоссариан в изнеможении опустил руки.
He was overcome with a humiliating feeling of impotence and was ready to weep in self-pity.	Его охватило унизительное чувство бессилия, хотелось плакать от жалости к самому себе.
'What did you say?' Aarfy asked.	- Что ты сказал? - спросил Аарфи.
'Get away from me,' Yossarian answered, pleading with him now.	- Уйди от меня, - сказал Йоссариан теперь уже умоляющим голосом.
' Go back in the plane.'	- Уйди в машину!

' I still can't hear you.'	- Я тебя все равно не слышу.

'Never mind,' wailed Yossarian, 'never mind.	- Это неважно, - продолжал Йоссариан. - Это неважно.
Just leave me alone.'	Просто оставь меня одного.
'Never mind what?'	- Что неважно?
Yossarian began hitting himself in the forehead.	Йоссариан начал колотить себя кулаком по лбу.

He seized Aarfy by the shirt front and, struggling to his feet for traction, dragged him to the rear of the nose compartment and flung him down like a bloated and unwieldy bag in the entrance of the crawlway.	Потом ухватил Аарфи за грудки, покрепче уперся ногами и швырнул его к лазу, как битком набитый неуклюжий мешок.
A shell banged open with a stupendous clout right beside his ear as he was scrambling back toward the front, and some undestroyed recess of his intelligence wondered that it did not kill them all.	И тут, когда он полз обратно в переднюю часть носа самолета, точно чудовищной силы пощечина прозвенела у него над ухом - это разорвался снаряд. На миг в сознании Йоссариана вспыхнуло: "А я все-таки жив!"

They were climbing again.	Машина снова набирала высоту.
The engines were howling again as though in pain, and the air inside the plane was acrid with the smell of machinery and fetid with the stench of gasoline.	Снова выли моторы, точно мучась от адской боли. В самолете едко запахло машинным маслом, завоняло бензиновой гарью.
The next thing he knew, it was snowing!	А потом Йоссариану показалось, будто идет снег.

Thousands of tiny bits of white paper were falling like snowflakes inside the plane, milling around his head so thickly that they clung to his eyelashes when he blinked in astonishment and fluttered against his nostrils and lips each time he inhaled.	Тысячи крошечных кусочков бумаги, как белые хлопья, медленно плавали в самолете, кружились над головой Йоссариана, порхая, влетали ему в ноздри и в рот при каждом вдохе.
When he spun around in his bewilderment, Aarfy was grinning proudly from ear to ear like something inhuman as he held up a shattered paper map for Yossarian to see.	Пораженный, он замотал головой, в то время как Аарфи, улыбаясь во весь рот гордой улыбкой деревянного божка, держал перед носом Йоссариана изодранную в клочья карту.

A large chunk of flak had ripped up from the floor through Aarfy's colossal jumble of maps and had ripped out through the ceiling inches away from their heads.	Крупный осколок зенитного снаряда пробил пол кабины, прошел сквозь толстую пачку навигационных карт и вылетел через потолок.
Aarfy's joy was sublime.	Аарфи был вне себя от радости.
'Will you look at this?' he murmured, waggling two of his stubby fingers playfully into Yossarian's face through the hole in one of his maps.	- Ты посмотри! - воскликнул он и, просунув два пальца сквозь дыру в карте, сделал Йоссариану "козу".
'Will you look at this?'	- Ты только посмотри!

Yossarian was dumbfounded by his state of rapturous contentment.	Бурная радость совершенно ошарашила Йоссариана.
Aarfy was like an eerie ogre in a dream, incapable of being bruised or evaded, and Yossarian dreaded him for a complex of reasons he was too petrified to untangle.	Аарфи был похож на страшного великана-людоеда из кошмарного сна - его нельзя было ни обойти, ни столкнуть с места. Йоссариан панически боялся Аарфи по многим причинам.

Wind whistling up through the jagged gash in the floor kept the myriad bits of paper circulating like alabaster particles in a paperweight and contributed to a sensation of lacquered, waterlogged unreality.	Ветер со свистом врывался сквозь рваную пробоину в полу, и мириады кусочков белой, как гипс, бумаги порхали в самолете, отчего у Йоссариана еще больше усилилось ощущение, будто вся эта фантасмагория происходит в каком-то нереальном, подводном царстве.
Everything seemed strange, so tawdry and grotesque.	Все казалось странным, бутафорским, гротескным.

His head was throbbing from a shrill clamor that drilled relentlessly into both ears. It was McWatt, begging for directions in an incoherent frenzy.	Голова у Йоссариана раскалывалась от шума, в ушах гудело и пищало: это рассвирепевший Макуотт настойчиво требовал указаний курса.

Yossarian continued staring in tormented fascination at Aarfy's spherical countenance beaming at him so serenely and vacantly through the drifting whorls of white paper bits and concluded that he was a raving lunatic just as eight bursts of flak broke open successively at eye level off to the right, then eight more, and then eight more, the last group pulled over toward the left so that they were almost directly in front.	С болезненным интересом Йоссариан продолжал изучать лунообразную физиономию Аарфи, который в свою очередь уставился на него сквозь бумажную метель таким сияющим, безоблачным и бессмысленным взглядом, что Йоссариан окончательно убедился, что имеет дело с ненормальным. В это время один за другим справа разорвались восемь зенитных снарядов, потом еще восемь - левее, и еще восемь - еще левее. Последняя восьмерка взрывов оказалась прямо по курсу самолета.

'Turn left hard!' he hollered to McWatt, as Aarfy kept grinning, and McWatt did turn left hard, but the flak turned left hard with them, catching up fast, and Yossarian hollered, 'I said hard, hard, hard, hard, you bastard, hard!'	- Круто влево! - заорал Йоссариан Макуотту. Аарфи захихикал. Макуотт взял круто влево, но и зенитные разрывы вместе с ними перекинулись влево, быстро нагоняя самолет. - Я говорю: круче, круче, круче, круче, паскуда, круче! - завывал Йоссариан.
And McWatt bent the plane around even harder still, and suddenly, miraculously, they were out of range.	Макуотт еще круче развернул самолет, и вдруг точно произошло чудо - они ушли из зоны огня.
The flak ended.	Обстрел кончился.
The guns stopped booming at them. And they were alive.	Орудия перестали палить в них, и они остались живы.

Behind him, men were dying.	А там позади еще умирали люди.
Strung out for miles in a stricken, tortuous, squirming line, the other flights of planes were making the same hazardous journey over the target, threading their swift way through the swollen masses of new and old bursts of flak like rats racing in a pack through their own droppings.	Растянувшись на целые мили потрепанной, истерзанной, извивающейся цепочкой, другие звенья совершили столь же рискованное путешествие над целью и теперь прокладывали себе путь сквозь разбухшие клубы новых и старых разрывов, подобно стае крыс, пробегающих мимо кучек собственного помета.

One was on fire, and flapped lamely off by itself, billowing gigantically like a monstrous blood-red star.	Один подбитый самолет горел, одиноко болтаясь в воздухе, точно его несла невидимая крутая волна. Он то взмывал, то проваливался, похожий на чудовищную кроваво-красную комету.

As Yossarian watched, the burning plane floated over on its side and began spiraling down slowly in wide, tremulous, narrowing circles, its huge flaming burden blazing orange and flaring out in back like a long, swirling cape of fire and smoke.	Потом Йоссариан увидел, что горящий самолет завалился набок и медленной спиралью пошел вниз, описывая сначала широкие, а потом все более узкие и неровные витки. За ним, развеваясь, как красно-черный плащ, тянулось гигантское рыжее пламя, отороченное черным дымом.

There were parachutes, one, two, three... four, and then the plane gyrated into a spin and fell the rest of the way to the ground, fluttering insensibly inside its vivid pyre like a shred of colored tissue paper.	В воздухе раскрылись парашюты: один, другой, третий, четвертый... А самолет вошел в штопор и весь остаток пути до земли извивался, как труп в пылающей поленнице погребального костра, пока не упал на землю комочком сгоревшей папиросной бумаги.
One whole flight of planes from another squadron had been blasted apart.	В другой эскадрилье погибло целиком одно звено.
Yossarian sighed barrenly, his day's work done.	Йоссариан перевел дух: теперь уже можно ни о чем не думать, он свое дело сделал.

He was listless and sticky.	Он сидел безучастный, весь мокрый от пота.
The engines crooned mellifluously as McWatt throttled back to loiter and allow the rest of the planes in his flight to catch up.	Гул моторов казался ему музыкой. Макуотт, сбавив скорость, сделал круг, чтобы дать время подтянуться остальным самолетам его звена.
The abrupt stillness seemed alien and artificial, a little insidious.	Неожиданно наступившая тишина казалась недоброй, странной, чреватой подвохом.
Yossarian unsnapped his flak suit and took off his helmet. He sighed again, restlessly, and closed his eyes and tried to relax.	Йоссариан расстегнул бронекостюм, снял шлем, глубоко вздохнул, закрыл глаза и попытался расслабиться. Но покоя не было.

'Where's Orr?' someone asked suddenly over his intercom.	- А где Орр? - раздался чей-то голос в переговорном устройстве.
Yossarian bounded up with a one-syllable cry that crackled with anxiety and provided the only rational explanation for the whole mysterious phenomenon of the flak at Bologna: Orr!	Йоссариан вскрикнул, вскочил. Он мог дать только одно разумное объяснение загадочному появлению зенитных батарей в Болонье: Орр!

He lunged forward over the bombsight to search downward through the plexiglass for some reassuring sign of Orr, who drew flak like a magnet and who had undoubtedly attracted the crack batteries of the whole Hermann Goering Division to Bologna overnight from wherever the hell they had been stationed the day before when Orr was still in Rome.	Он подался вперед и приник к прицелу, пытаясь разглядеть сквозь плексиглас какие-нибудь следы Орра - человека, обладающего способностью, как магнит, притягивать к себе зенитный огонь. Наверняка это он привлек в Болонью весь противовоздушный дивизион Германа Геринга, который немцы перебросили сюда прошлой ночью черт знает откуда.

Aarfy launched himself forward an instant later and cracked Yossarian on the bridge of the nose with the sharp rim of his flak helmet.	Секунду спустя Аарфи подскочил к Йоссариану и острым краем шлема ударил его по кончику носа.
Yossarian cursed him as his eyes flooded with tears.	Из глаз Йоссариана брызнули слезы, и он рявкнул на Аарфи.

'There he is,' Aarfy orated funereally, pointing down dramatically at a hay wagon and two horses standing before the barn of a gray stone farmhouse.	- Вон он! - похоронным тоном объявил Аарфи, указывая трагическим жестом вниз на фургон с сеном и двух лошадей, стоявших близ каменного амбара.
' Smashed to bits.	- Разбился вдребезги.

I guess their numbers were all up.'	Наверное, весь экипаж уже на небесах.
Yossarian swore at Aarfy again and continued searching intently, cold with a compassionate kind of fear now for the little bouncy and bizarre buck- toothed tentmate who had smashed Appleby's forehead open with a ping-pong racket and who was scaring the daylights out of Yossarian once again.	Йоссариан обругал Аарфи и продолжал тщательно рассматривать землю. Он был спокоен, но в душе переживал за своего хвастливого и чудаковатого соседа с зубами торчком, который ухитрился до смерти перепугать его.
At last Yossarian spotted the two-engined, twin-ruddered plane as it flew out of the green background of the forests over a field of yellow farmland.	Наконец Йоссариан заметил двухмоторный, двухкилевой самолет, вынырнувший из-за леса над желтеющим полем.

One of the propellers was feathered and perfectly still, but the plane was maintaining altitude and holding a proper course.	Один из винтов был расщеплен и висел неподвижно. Но самолет сохранял высоту и правильный курс.
Yossarian muttered an unconscious prayer of thankfulness and then flared up at Orr savagely in a ranting fusion of resentment and relief.	Йоссариан машинально пробормотал благодарственную молитву, а потом с облегчением бурно и горячо излил на Орра все, что у него накипело на душе.
' That bastard!' he began.	- Вот подонок! - начал он.
'That goddam stunted, red-faced, big-cheeked, curly-headed, buck-toothed rat bastard son of a bitch!'	- Вот чертова коротышка, крысеныш красномордый, толстощекий, курчавый, зубастый сукин сын!

' What?' said Aarfy.	- Что? спросил Аарфи.
'That dirty goddam midget-assed, apple-cheeked, goggle-eyed, undersized, buck-toothed, grinning, crazy sonofabitchin-bastard!' Yossarian sputtered.	- Этот проклятый лупоглазый недомерок, зубастый хмырь, сумасбродный сукин сын и подонок с тощим задом и яблоками за щеками! -брызгал слюной Йоссариан.
'What?'	- Что?
'Never mind!'	- Не твое дело!
' I still can't hear you,' Aarfy answered.	- Я все равно тебя не слышу, - ответил Аарфи.
Yossarian swung himself around methodically to face Aarfy.	Йоссариан неторопливо обернулся к Аарфи и, глядя ему в лицо, начал:

' You prick,' he began.	- А ты - хрен собачий...
'Me?'	- Кто я?
'You pompous, rotund, neighborly, vacuous, complacent...' Aarfy was unperturbed. Calmly he struck a wooden match and sucked noisily at his pipe with an eloquent air of benign and magnanimous forgiveness.	- Ты - чванливый, толстопузый, добренький, пустоголовый, самодовольный... Аарфи невозмутимо чиркнул спичкой и принялся громко посасывать трубку, всем своим видом красноречиво показывая, что милостиво и великодушно прощает Йоссариана.

He smiled sociably and opened his mouth to speak.	Аарфи дружелюбно улыбнулся и открыл рот, намереваясь поболтать.

Yossarian put his hand over Aarfy's mouth and pushed him away wearily.	Йоссариан зажал ему рот ладонью и устало оттолкнул от себя.
He shut his eyes and pretended to sleep all the way back to the field so that he would not have to listen to Aarfy or see him.	Закрыв глаза, он весь обратный путь притворялся спящим, чтобы не слышать и не видеть Аарфи.

At the briefing room Yossarian made his intelligence report to Captain Black and then waited in muttering suspense with all the others until Orr chugged into sight overhead finally with his one good engine still keeping him aloft gamely.	В инструкторской Йоссариан сделал разведдоклад капитану Блэку и потом вместе с другими, бормоча себе что-то под нос, стоял в напряженном ожидании на аэродроме, пока не приковылял самолет Орра. Он довольно бодро тянул на одном моторе.
Nobody breathed.	Все затаили дыхание.
Orr's landing gear would not come down.	У самолета Орра не выпустилось шасси.

Yossarian hung around only until Orr had crash-landed safely, and then stole the first jeep he could find with a key in the ignition and raced back to his tent to begin packing feverishly for the emergency rest leave he had decided to take in Rome, where he found Luciana and her invisible scar that same night.	Йоссариан не находил себе места, покуда Орр благополучно не совершил аварийную посадку. И тогда Йоссариан украл первый попавшийся джип с оставленным в нем ключом от зажигания и помчался к своей палатке, чтобы начать лихорадочно собирать вещи для внеочередного отпуска. Он решил провести его в Риме и в тот же вечер нашел там Лючану - девушку со шрамом под сорочкой.

Luciana He found Luciana sitting alone at a table in the Allied officers' night club, where the drunken Anzac major who had brought her there had been stupid enough to desert her for the ribald company of some singing comrades at the bar.	16. Лючана Йоссариан впервые увидел Лючану в ночном клубе для офицеров союзных армий, куда ее привел пьяный майор из австралоновозеландского корпуса. Она сидела в одиночестве за столом: дурак майор не придумал ничего умнее, как бросить ее ради того, чтобы присоединиться к компании своих дружков, оравших непристойные песни у стойки.

'All right, I'll dance with you,' she said, before Yossarian could even speak.	- Вот и прекрасно. Я с тобой потанцую, - сказала она, прежде чем Йоссариан успел раскрыть рот.
'But I won't let you sleep with me.'	- Но спать со мной я тебе не позволю.
' Who asked you?' Yossarian asked her.	- А кто тебя об этом просит? - спросил Йоссариан.
'You don't want to sleep with me?' she exclaimed with surprise.	- Ты не хочешь со мной спать? - воскликнула она с изумлением.
' I don't want to dance with you.'	- Я не хочу с тобой танцевать.

She seized Yossarian's hand and pulled him out on the dance floor.	Она схватила Йоссариана за руку и вытащила на танцевальную площадку.

She was a worse dancer than even he was, but she threw herself about to the synthetic jitterbug music with more uninhibited pleasure than he had ever observed until he felt his legs falling asleep with boredom and yanked her off the dance floor toward the table at which the girl he should have been screwing was still sitting tipsily with one hand around Aarfy's neck, her orange satin blouse still hanging open slovenly below her full white lacy brassière as she made dirty sex talk ostentatiously with Huple, Orr, Kid Sampson and Hungry	Танцевала она еще хуже, чем Йоссариан, но она скакала под звуки джаза с таким безудержным весельем, какого Йоссариан отроду не видывал, и это продолжалось, пока ноги у Йоссариана не налились свинцом. Ему стало скучно, он вытащил ее из толпы танцующих и подвел к столу, где в обществе Хьюпла, Орра, Малыша Сэмпсона и Заморыша Джо сидела подвыпившая девица в оранжевой сатиновой блузке, обнимавшая Аарфи за шею.

Just as he reached them, Luciana gave him a forceful, unexpected shove that carried them both well beyond the table, so that they were still alone.	Но едва Йоссариан приблизился к ним, Лючана резко и неожиданно подтолкнула его к другому столу, где они оказались в одиночестве.
She was a tall, earthy, exuberant girl with long hair and a pretty face, a buxom, delightful, flirtatious girl.	Лючана была высокого роста, свойская, жизнерадостная, длинноволосая, кокетливая и очень привлекательная девчонка.
' All right,' she said,	- Ну ладно, - сказала она.
' I will let you buy me dinner.	- Я разрешаю тебе угостить меня обедом.
But I won't let you sleep with me.'	Но спать со мной все равно не разрешу.

'Who asked you?' Yossarian asked with surprise.	- А кто тебя об этом просит? - удивленно спросил Йоссариан.
' You don't want to sleep with me?'	- Ты не хочешь спать со мной?
' I don't want to buy you dinner.'	- Я не хочу угощать тебя обедом.

She pulled him out of the night club into the street and down a flight of steps into a black-market restaurant filled with lively, chirping, attractive girls who all seemed to know each other and with the self-conscious military officers from different countries who had come there with them. The food was elegant and expensive, and the aisles were overflowing with great streams of flushed and merry proprietors, all stout and balding.	Она вытащила его из ночного клуба на улицу, потом они спустились по лестнице в ресторан, где кормили по ценам черного рынка. Ресторан был набит хорошенькими, оживленно щебечущими девушками, которые, казалось, давно были знакомы друг с другом. Их привели сюда самодовольные офицеры в мундирах чуть ли не всех союзнических армий.

The bustling interior radiated with enormous, engulfing waves of fun and warmth. Yossarian got a tremendous kick out of the rude gusto with which Luciana ignored him completely while she shoveled away her whole meal with both hands.	В зале было шумно. Смех и тепло, казалось, волнами перекатывались над головами.

She ate like a horse until the last plate was clean, and then she placed her silverware down with an air of conclusion and settled back lazily in her chair with a dreamy and congested look of sated gluttony. She drew a deep, smiling, contented breath and regarded him amorously with a melting gaze.	Лючана уплетала обед со зверским аппетитом и не обращала на Йоссариана никакого внимания, покуда не очистила последнюю тарелку. Насытившись, она положила вилку и нож, словно ставя точку, и лениво откинулась в кресле.
'Okay, Joe,' she purred, her glowing dark eyes drowsy and grateful. 'Now I will let you sleep with me.'	- Прекрасно, Джо, - промурлыкала она. В ее черных, слегка подернутых дремотой глазах светилась признательность.

' My name is Yossarian.'	- Меня зовут Йоссариан.
'Okay, Yossarian,' she answered with a soft repentant laugh.	- Прекрасно, Йоссариан, - ответила она с виноватым смешком.

'Now I will let you sleep with me.' 'Who asked you?' said Yossarian. Luciana was stunned. 'You don't want to sleep with me?' Yossarian nodded emphatically, laughing, and shot his hand up under her dress. The girl came to life with a horrified start. She jerked her legs away from him instantly, whipping her bottom around. Blushing with alarm and embarrassment, she pushed her skirt back down with a number of prim, sidelong glances about the restaurant. 'Now I will let you sleep with me,' she explained cautiously in a manner	- Так и быть, я позволю тебе переспать со мной, -объявила она снисходительным тоном, в котором, однако, чувствовалась настороженность.

'But not now.'	- Но не теперь.
' I know.	- Я понимаю.
When we get back to my room.'	Не теперь, а когда придем ко мне.
The girl shook her head, eyeing him mistrustfully and keeping her knees pressed together.	Девушка покачала головой.
'No, now I must go home to my mamma, because my mamma does not like me to dance with soldiers or let them take me to dinner, and she will be very angry with me if I do not come home now.	- Нет, сейчас я должна идти домой, к мамуле, потому что моя мамуля не любит, когда я хожу в ресторан. Она очень рассердится, если я сейчас же не вернусь домой.

But I will let you write down for me where you live. And tomorrow morning I will come to your room for ficky-fick before I go to my work at the French office.	Но ты напиши, где ты живешь, - это я тебе разрешаю, - и завтра утром я приду к тебе до работы, а потом я побегу в свою французскую контору.

Capisci?' 'Bullshit!' Yossarian exclaimed with angry disappointment. 'Cosa vuol dire bullshit?' Luciana inquired with a blank look. Yossarian broke into loud laughter. He answered her finally in a tone of sympathetic good humor. 'It means that I want to escort you now to wherever the hell I have to take you next so that I can rush back to that night club before Aarfy leaves with that wonderful tomato he's got without giving me a chance to ask about an aunt or friend she must have who's just like her.' 'Come?' 'Subito, subito,' he taunted her tenderly. 'Mamma is	Capisci?[13]

Yossarian let the girl drag him through the lovely Roman spring night for almost a mile until they reached a chaotic bus depot honking with horns, blazing with red and yellow lights and echoing with the snarling vituperations of unshaven bus drivers pouring loathsome, hair-raising curses out at each other, at their passengers and at the strolling, unconcerned knots of pedestrians clogging their paths, who ignored them until they were bumped by the buses and began shouting curses back.	Йоссариан не сопротивлялся, когда она чуть ли не целую милю тащила его по великолепным улицам ночного весеннего Рима. Наконец они дошли до автобусного парка, встретившего их оглушительной какофонией гудков, вспышками красных и желтых огней и руганью небритых шоферов, осыпавших чудовищной бранью друг друга, пассажиров и прохожих. Прохожие беззаботными табунками пробегали перед носом у автобусов и, если автобусы их задевали, не оставались в долгу и щедро изрыгали хулу в адрес шоферов.

Luciana vanished aboard one of the diminutive green vehicles, and Yossarian hurried as fast as he could all the way back to the cabaret and the bleary-eyed bleached blonde in the open orange satin blouse. She seemed infatuated with Aarfy, but he prayed intensely for her luscious aunt as he ran, or for a luscious girl friend, sister, cousin, or mother who was just as libidinous and depraved. She would have been perfect for Yossarian, a debauched, coarse, vulgar, amoral, appetizing slattern whom he had longed for and idolized for months.	Лючана укатила в облезлом зеленом драндулете, а Йоссариан изо всех сил поднажал обратно в кабаре к волоокой химической блондинке в оранжевой сатиновой блузке.

She was a real find.	Вот уж действительно находка!
She paid for her own drinks, and she had an automobile, an apartment and a salmon-colored cameo ring that drove Hungry Joe clean out of his senses with its exquisitely carved figures of a naked boy and girl on a rock.	Она сама платила за вино, у нее были свой автомобиль, квартира и перстень с камеей цвета лососины. Эта камея с изящно вырезанными фигурками обнаженного юноши и девушки доводила Заморыша Джо до исступления.

Hungry Joe snorted and pranced and pawed at the floor in salivating lust and groveling need, but the girl would not sell him the ring, even though he offered her all the money in all their pockets and his complicated black camera thrown in. She was not interested in money or cameras. She was interested in fornication.	Девица не соглашалась продать ему перстень, хотя он предлагал ей отдать все, что у всех у них было в карманах, плюс свой мудреный фотоаппарат в придачу.
She was gone when Yossarian got there.	Когда Йоссариан вернулся, ее уже не было.
They were all gone, and he walked right out and moved in wistful dejection through the dark, emptying streets.	Никого не было. Йоссариан тут же покинул клуб и в глубоком унынии побрел по темным опустевшим улицам.

Yossarian was not often lonely when he was by himself, but he was lonely now in his keen envy of Aarfy, who he knew was in bed that very moment with the girl who was just right for Yossarian, and who could also make out any time he wanted to, if he ever wanted to, with either or both of the two slender, stunning, aristocratic women who lived in the apartment upstairs and fructified Yossarian's sex fantasies whenever he had sex fantasies, the beautiful rich black-haired countess with the red, wet, nervous lips and her beautiful rich black-haired daughter-in-law. Yossarian was madly in love with all

Йоссариан редко скучал, когда бывал в отпуске, но теперь ему было грустно. Он остро завидовал Аарфи: тот сейчас наверняка развлекается где-нибудь со своей кошечкой. Он брел по улице, возвращаясь в офицерскую квартиру, и чувствовал себя по уши влюбленным и в Лючану, и в блон-

They were both superb creatures with pulpy, bright, pointed tongues and mouths like round warm plums, a little sweet and sticky, a little rotten. They had class; Yossarian was not sure what class was, but he knew that they had it and he did not, and that they knew it, too. He could picture, as he walked, the kind of underclothing they wore against their svelte feminine parts, filmy, smooth, clinging garments of deepest black or of opalescent pastel radiance with flowering lace borders fragrant with the tantalizing fumes of pampered flesh and scented bath salts rising in a germinating cloud	Они были людьми экстра-класса: Йоссариан не знал точно, что такое экстра-класс, но он знал, что графиня и ее невестка относятся к этой категории, а он - нет, и ему было известно, что они об этом догадываются.

He wished again that he was where Aarfy was, making obscene, brutal, cheerful love with a juicy drunken tart who didn't give a tinker's dam about him and would never think of him again.	Ему опять захотелось оказаться на месте Аарфи и чтобы рядом была та блондинка. А ведь он знал, что в ее глазах он и ломаного гроша не стоит. Она о нем наверняка даже не вспомнит.
But Aarfy was already back in the apartment when Yossarian arrived, and Yossarian gaped at him with that same sense of persecuted astonishment he had suffered that same morning over Bologna at his malign and cabalistic and irremovable presence in the nose of the plane.	Однако, когда Йоссариан вернулся в квартиру, Аарфи был уже там. Йоссариан уставился на него так же пристально и удивленно, как утром над Болоньей, когда Аарфи торчал в носовой части самолета - зловещий, таинственный и неистребимый.

'What are you doing here?' he asked.	- Что ты здесь делаешь? - спросил Йоссариан.
'That's right, ask him!' Hungry Joe exclaimed in a rage.	- Вот-вот, спроси его! - воскликнул разъяренный Заморыш Джо.
' Make him tell you what he's doing here!'	- Пусть он расскажет, что он здесь делает.

With a long, theatrical moan, Kid Sampson made a pistol of his thumb and forefinger and blew his own brains out.	С протяжным театральным стоном Малыш Сэмпсон изобразил большим и указательным пальцами пистолет и сделал вид, что стреляет себе в висок.

Huple, chewing away on a bulging wad of bubble gum, drank everything in with a callow, vacant expression on his fifteen-year old face.	Пятнадцатилетний Хьюпл мерно жевал разбухший комок жевательной резинки и с наивным, бездумным выражением на лице жадно слушал разговоры взрослых.
Aarfy was tapping the bowl of his pipe against his palm leisurely as he paced back and forth in corpulent self-approval, obviously delighted by the stir he was causing.	Аарфи выколачивал свою трубочку, лениво постукивая ею по ладони, и ходил взад-вперед по комнате с чрезвычайно самодовольным видом, явно гордясь произведенным им замешательством.
'Didn't you go home with that girl?' Yossarian demanded.	- Разве ты не пошел домой к этой девке? - спросил Йоссариан.

'Oh, sure, I went home with her,' Aarfy replied.	- Разумеется, я не пошел к ней домой, - ответил Аарфи.
'You didn't think I was going to let her try to find her way home alone, did you?'	- Надеюсь, вы понимаете, что я не мог отпустить ее одну искать дорогу домой?
'Wouldn't she let you stay with her?'	- Что ж она не позволила тебе остаться?
'Oh, she wanted me to stay with her, all right.' Aarfy chuckled.	- Она хотела, чтобы я остался, можешь не сомневаться, - хихикнул Аарфи.
'Don't you worry about good old Aarfy.	- Не беспокойтесь за старого, доброго Аарфи.

But I wasn't going to take advantage of a sweet kid like that just because she'd had a little too much to drink.	Но я не мог разрешить себе воспользоваться тем, что очаровательное дитя выпило чуточку больше, чем нужно.

What kind of a guy do you think I am?' 'Who said anything about taking advantage of her?' Yossarian railed at him in amazement. 'All she wanted to do was get into bed with someone. That's the only thing she kept talking about all night long.' 'That's because she was a little mixed up,' Aarfy explained. 'But I gave her a little talking to and really put some sense into her.'	За кого вы меня прини-маете?

'You bastard!' Yossarian exclaimed, and sank down tiredly on the divan beside Kid Sampson.	- Подонок ты! - воскликнул Йоссариан и устало опустился на диван рядом с Малышом Сэмпсоном.
'Why the hell didn't you give her to one of us if you didn't want her?'	- Какого дьявола ты не уступил ее, если она самому тебе не нужна?
'You see?' Hungry Joe asked. 'There's something wrong with him.'	- Вот видишь, - сказал Заморыш Джо, - у него не все дома.
Yossarian nodded and looked at Aarfy curiously.	Йоссариан утвердительно кивнул и с любопытством взглянул на Аарфи:
'Aarfy, tell me something. Don't you ever screw any of them?'	- Слушай, Аарфи, а может, ты девственник?

Aarfy chuckled again with conceited amusement.	Аарфи снова захихикал. Разговор его забавлял.

' Oh sure, I prod them.	- За меня не беспокойтесь.
Don't you worry about me.	Со мной все в порядке.
But never any nice girls.	Но милых и славных девушек я не трогаю.
I know what kind of girls to prod and what kind of girls not to prod, and I never prod any nice girls.	Я знаю, с кем что можно, а с кем - нельзя.
This one was a sweet kid.	А эта - очень милый ребенок.
You could see her family had money.	Она из богатого семейства.

Why, I even got her to throw that ring of hers away right out the car window.'	Да, между прочим, я заставил ее снять перстень и выкинуть его из окна машины.
Hungry Joe flew into the air with a screech of intolerable pain.	Заморыш Джо взвился, как от приступа невыносимой боли.
' You did what?' he screamed. 'You did what?'	- Что ты сделал! - завизжал он.
He began whaling away at Aarfy's shoulders and arms with both fists, almost in tears.	Чуть не плача, он набросился с кулаками на Аарфи.
'I ought to kill you for what you did, you lousy bastard.	- За это тебя убить мало, тварь паршивая!
He's sinful, that's what he is.	Грязный греховодник!

He's got a dirty mind, ain't he?	У него грязные мысли, ведь верно?
Ain't he got a dirty mind?'	Ведь верно - у него грязные мысли?
' The dirtiest,' Yossarian agreed.	- Грязнее не бывает, - согласился Йоссариан.
'What are you fellows talking about?' Aarfy asked with genuine puzzlement, tucking his face away protectively inside the cushioning insulation of his oval shoulders.	- Слушайте, ребята, о чем вы говорите? - спросил с неподдельным изумлением Аарфи, втягивая голову в свои пухлые, как подушки, округлые плечи.
'Aw, come on, Joe,' he pleaded with a smile of mild discomfort. 'Quit punching me, will you?'	- Эй, послушай, Джо, - попросил он с мягкой неловкой улыбкой, - перестань меня колотить.

But Hungry Joe would not quit punching until Yossarian picked him up and pushed him away toward his bedroom.	Но Заморыш Джо не переставал его колотить до тех пор, пока Йоссариан не вытолкал Заморыша в спальню.
Yossarian moved listlessly into his own room, undressed and went to sleep.	Потом и сам Йоссариан понуро поплелся к себе, разделся и лег спать.
A second later it was morning, and someone was shaking him.	Утром кто-то начал тормошить Йоссариана.
'What are you waking me up for?' he whimpered.	- Зачем вы меня будите? - пробормотал он.

It was Michaela, the skinny maid with the merry disposition and homely sallow face, and she was waking him up because he had a visitor waiting just outside the door. Luciana!	Это была Микаэла, добродушная, жилистая горничная с приветливым желтоватым лицом. Она разбудила его, чтобы сказать, что там за дверью его дожидается гостья, по имени Лючана.
He could hardly believe it.	Йоссариан не поверил своим ушам.

And
she was alone in the
room with him after
Michaela
had departed, lovely,
hale and statuesque,
steaming and rippling
with an irrepressible
affectionate vitality
even
as she remained in one
place and frowned at
him irately. She stood
like a youthful female
colossus
with her magnificent
columnar legs apart
on high white shoes
with wedged heels,
wearing a pretty green
dress and swinging
a large, flat white
leather pocketbook,
with
which she cracked
him hard across the
face when he leaped
out of bed to grab her.
Yossarian staggered

He wondered about the pink chemise that she would not remove. It was cut like a man's undershirt, with narrow shoulder straps, and concealed the invisible scar on her back that she refused to let him see after he had made her tell him it was there.	Его заинтересовало, почему она отказывается снять розовую сорочку, скроенную наподобие мужской майки с узенькими лямками на плечах. Он заставил ее признаться, что сорочка скрывает шрам на спине.

She grew tense as fine steel when he traced the mutilated contours with his fingertip from a pit in her shoulder blade almost to the base of her spine.	Она долго отказывалась показать шрам и напряглась, как стальная пружина, когда он кончиком пальца провел по длинному изломанному рубцу от лопатки до поясницы.

He winced at the many tortured nights she had spent in the hospital, drugged or in pain, with the ubiquitous, ineradicable odors of ether, fecal matter and disinfectant, of human flesh mortified and decaying amid the white uniforms, the rubbersoled shoes, and the eerie night lights glowing dimly until dawn in the corridors.	Он вздрогнул, представив себе госпиталь ночью, когда в коридорах призрачно мерцают редкие лампочки и дежурные врачи бесшумно ступают на мягких подошвах. Сколько кошмарных ночей провела Лючана под наркозом или извиваясь от боли в госпитальной палате, где все навечно пропахло эфиром, испарениями, дезинфекцией и человеческим мясом, гниющим под наблюдением людей в белых халатах.
She had been wounded in an air raid.	Лючана была ранена во время воздушного налета.

'Dove?' he asked, and he held his breath in suspense. ' Napoli.'	- Где? - спросил он и, затаив дыхание, ожидал ответа. - В Неаполе.
' Germans?'	- Немцы?
' Americani.'	- Американцы.
His heart cracked, and he fell in love. He wondered if she would marry him.	У него защемило сердце. Она сразу стала ему симпатична, и он спросил, пойдет ли она за него замуж.
'Tu sei pazzo,' she told him with a pleasant laugh.	- Ты сумасшедший, - сказала она с довольным смехом.
'Why am I crazy?' he asked.	- Почему же это я сумасшедший? - спросил он.
' Perchè non posso sposare.'	- Потому что я не могу замуж...
'Why can't you get married?'	- Почему ты не можешь замуж?..

'Because I am not a virgin,' she answered.	- Потому что я не девственница, - ответила она.
'What has that got to do with it?' 'Who will marry me? No one wants a girl who is not a virgin.'	- А кому нужна девушка, которая не девственница?
' I will.	- Мне нужна.
I'll marry you.'	Я на тебе женюсь.
'Ma non posso sposarti.'	- Я не могу выйти за тебя...
'Why can't you marry me?'	- Почему ты не можешь выйти за меня?
'Perchè sei pazzo.' 'Why am I crazy?' 'Perchè vuoi sposarmi.'	- Потому что ты сумасшедший.

Yossarian wrinkled his forehead with quizzical amusement.	Йоссариан наморщил лоб.
'You won't marry me because I'm crazy, and you say I'm crazy because I want to marry you?	- Ты не хочешь выйти за меня замуж, потому что я сумасшедший, и говоришь, что я сумасшедший, потому что я хочу на тебе жениться?
Is that right?'	По-твоему, это правильно?
' Si.'	- Да

'Tu sei pazz'!' he told her loudly.	- Ну, раз мне нельзя на тебе жениться, значит, остается просто...

'Perchè?' she shouted back at him indignantly, her unavoidable round breasts rising and falling in a saucy huff beneath the pink chemise as she sat up in bed indignantly. 'Why am I crazy?' 'Because you won't marry me.' 'Stupido!' she shouted back at him, and smacked him loudly and flamboyantly on the chest with the back of her hand. 'Non posso sposarti! Non capisci? Non posso sposarti.' 'Oh, sure, I understand.	Она резко, с угрожающим видом выпрямилась.

And why can't you marry me?' 'Perchè sei pazzo!' 'And why am I crazy?' 'Perchè vuoi sposarmi.' 'Because I want to marry you. Carina, ti amo,' he explained, and he drew her gently back down to the pillow. 'Ti amo molto.' 'Tu sei pazzo,' she murmured in reply, flattered. 'Perchè?' 'Because you say you love me. How can you love a girl who is not a virgin?' 'Because I can't marry you.' She bolted right up again in a threatening rage. 'Why can't you marry me?' she demanded, ready to clout him again if he gave an uncomplimentary reply.	- Почему это ты не можешь на мне жениться? - в ярости спросила она, готовая влепить ему затрещину в случае нелестного ответа.

' Just because I am not a virgin?'	- Только потому, что я не девственница?
'No, no, darling.	- Что ты, что ты, дорогая!
Because you're crazy.'	Потому, что ты - сумасшедшая.
She stared at him in blank resentment for a moment and then tossed her head back and roared appreciatively with hearty laughter.	Она уставилась на него вне себя от возмущения и вдруг откинула голову и расхохоталась от всего сердца.

She gazed at him with new approval when she stopped, the lush, responsive tissues of her dark face turning darker still and blooming somnolently with a swelling and beautifying infusion of blood. Her eyes grew dim.	Отсмеявшись, она ласково посмотрела на него. Великолепная нежная кожа на смуглом лице стала еще темнее, кровь, прилившая к щекам, сделала Лючану еще красивее, глаза подернулись дымкой.
He crushed out both their cigarettes, and they turned into each other wordlessly in an engrossing kiss just as Hungry Joe came meandering into the room without knocking to ask if Yossarian wanted to go out with him to look for girls.	Он затушил свою и ее сигареты, и, не говоря ни слова, они опять обнялись. Но именно в эту секунду в комнату, не постучавшись, ввалился томившийся без дела Заморыш Джо. Он намеревался узнать, не хочет ли Йоссариан прошвырнуться по городу.

Hungry Joe stopped on a dime when he saw them and shot out of the room.	На мгновение Заморыш Джо остолбенел, затем попятился и пулей выскочил из комнаты.
Yossarian shot out of bed even faster and began shouting at Luciana to get dressed.	Йоссариан еще проворнее вскочил с постели и закричал Лючане, чтобы она одевалась.
The girl was dumbfounded.	Девушка растерянно глядела на него.
He pulled her roughly out of bed by her arm and flung her away toward her clothing, then raced for the door in time to slam it shut as Hungry Joe was running back in with his camera.	Он поспешил захлопнуть дверь перед носом Заморыша Джо, который уже успел вернуться с фотоаппаратом в руках.

Hungry Joe had his leg wedged in the door and would not pull it out.	Однако Заморыш Джо ухитрился-таки вклинить башмак между дверью и косяком и не собирался убирать ногу.
'Let me in!' he begged urgently, wriggling and squirming maniacally.	- Впустите меня! - настойчиво умолял он, кривляясь и дергаясь, как маньяк.
' Let me in!'	- Впустите меня!
He stopped struggling for a moment to gaze up into Yossarian's face through the crack in the door with what he must have supposed was a beguiling smile.	Заморыш Джо на секунду перестал давить на дверь и улыбнулся сквозь щель обворожительной, по его мнению, улыбкой.

'Me no Hungry Joe,' he explained earnestly.	- Моя не есть Заморыш Джо, - начал он объяснять совершенно серьезно.
'Me heap big photographer from Life magazine.	- Моя есть ужасно известный фотокорреспондент из журнала "Лайф".
Heap big picture on heap big cover.	Ужасно большая картинка на ужасно большая обложка.
I make you big Hollywood star, Yossarian.	Я сделаю из тебя большую звезду Голливуда, Йоссариан.
Multi dinero. Multi divorces. Multi ficky-fic all day long. Si, si, si!'	Много-много динаров.

Yossarian slammed the door shut when Hungry Joe stepped back a bit to try to shoot a picture of Luciana dressing. Hungry Joe attacked the stout wooden barrier fanatically, fell back to reorganize his energies and hurled himself forward fanatically again. Yossarian slithered into his own clothes between assaults. Luciana had her green-and-white summer dress on and was holding the skirt bunched up above her waist. A wave of misery broke over him as he saw her about to vanish inside her	Когда Заморыш Джо чуть-чуть отступил, чтобы взвести затвор и снять одевающуюся Лючану, Йоссариан захлопнул дверь.

She began to hum sensually a moment before Hungry Joe hurled his frail body against the door in still one more desperate attack and almost knocked them both down. Yossarian pushed her away. 'Vite! Vite!' he scolded her. 'Get your things on!' 'What the hell are you talking about?' she wanted to know. 'Fast! Fast! Can't you understand English? Get your clothes on fast!' 'Stupido!' she snarled back at him. 'Vite is French, not Italian. Subito, subito! That's what you mean. Subito!' 'Si, si. That's what I mean. Subito, subito!' 'Si, si,' she responded	Заморыш Джо решил фотографировать через замочную скважину.

Hungry Joe had paused in his attack to shoot pictures through the closed door. Yossarian could hear the camera shutter clicking.	Йоссариан услышал щелчок затвора аппарата. Потом Заморыш Джо бросился в атаку на дверь.

When both he and Luciana were ready, Yossarian waited for Hungry Joe's next charge and yanked the door open on him unexpectedly.	Когда Лючана и Йоссариан были полностью одеты, Йоссариан дождался очередной атаки Заморыша Джо и неожиданным рывком распахнул дверь.
Hungry Joe spilled forward into the room like a floundering frog.	Заморыш Джо влетел в комнату и плюхнулся на пол, как лягушка.

Yossarian skipped nimbly around him, guiding Luciana along behind him through the apartment and out into the hallway.	Йоссариан проворно проскочил мимо него, ведя за собой Лючану. Они выбежали на лестничную площадку.
They bounced down the stairs with a great roistering clatter, laughing out loud breathlessly and knocking their hilarious heads together each time they paused to rest.	С шумом и грохотом, задыхаясь от смеха, они вприпрыжку побежали по лестнице и, когда останавливались перевести дух, касались друг друга лбами, не переставая смеяться.
Near the bottom they met Nately coming up and stopped laughing. Nately was drawn, dirty and unhappy.	Внизу, почти у самых дверей, они встретили Нейтли, замученного, грязного и несчастного.

His tie was twisted and his shirt was rumpled, and he walked with his hands in his pockets.	Галстук съехал набок, рубашка была измята, он брел, держа руки в карманах.
He wore a hangdog, hopeless look.	Вид у него был виноватый и подавленный. Они сразу перестали смеяться.
'What's the matter, kid?' Yossarian inquired compassionately.	- Что случилось, малыш? - сочувственным тоном поинтересовался Йоссариан.
'I'm flat broke again,' Nately replied with a lame and distracted smile.	- Опять промотался дотла, - смущенно ответил Нейтли, криво усмехаясь.
'What am I going to do?'	- Не знаю, что теперь делать.

Yossarian didn't know.	Йоссариан тоже не знал.
Nately had spent the last thirty-two hours at twenty dollars an hour with the apathetic whore he adored, and he had nothing left of his pay or of the lucrative allowance he received every month from his wealthy and generous father.	Последние тридцать два часа Нейтли тратил по двадцать долларов в час на свою обожаемую красотку и в результате промотал все жалованье, а также солидное вспомоществование, которое он получал ежемесячно от своего состоятельного и щедрого папаши.
That meant he could not spend time with her any more.	А это значило, что он долго теперь не сможет проводить время со своей пассией.

She would not allow him to walk beside her as she strolled the pavements soliciting other servicemen, and she was infuriated when she spied him trailing her from a distance.	Она не позволяла ему ходить рядом с ней, когда разгуливала по панели, приставая к другим военным, и впадала в ярость, если замечала, что он плетется за ней на расстоянии.
He was free to hang around her apartment if he cared to, but there was no certainty that she would be there.	Он мог бы, конечно, околачиваться у ее дома, но никогда не был уверен, дома ли она.
And she would give him nothing unless he could pay.	Без денег она ему ничего не разрешала.
She found sex uninteresting.	Секс сам по себе ее не интересовал.

Nately wanted the assurance that she was not going to bed with anyone unsavory or with someone he knew. Captain Black always made it a point to buy her each time he came to Rome, just so he could torment Nately with the news that he had thrown his sweetheart another hump and watch Nately eat his liver as he related the atrocious indignities to which he had forced her to submit.	Капитан Блэк бывая в Риме, ставил своей целью купить именно возлюбленную Нейтли - только для того, чтобы позднее помучить Нейтли подробным рассказом о проведенном с ней времени. Нейтли при этом чуть ли не лез на стену, доставляя тем самым капитану Блэку огромное удовольствие.

Luciana was touched by Nately's forlorn air, but broke loudly into robust laughter again the moment she stepped outside into the sunny street with Yossarian and heard Hungry Joe beseeching them from the window to come back and take their clothes off, because he really was a photographer from Life magazine.	Лючану растрогал несчастный вид Нейтли, но едва они с Йоссарианом вышли на залитую солнцем улицу, как она снова начала хохотать, как сумасшедшая. Высунувшись в окно. Заморыш Джо умолял их вернуться и божился, что он вправду фотокорреспондент журнала "Лайф".

Luciana fled mirthfully along the sidewalk in her high white wedgies, pulling Yossarian along in tow with the same lusty and ingenuous zeal she had displayed in the dance hall the night before and at every moment since.	Люча на весело бежала по тротуару, постукивая высокими белыми каблучками, и тащила за собой Йоссариана, как на буксире. Она и на улице оставалась такой же страстной, озорной и изобретательной девчонкой, какой была накануне во время танца и, видимо, вообще всегда.
Yossarian caught up and walked with his arm around her waist until they came to the corner and she stepped away from him.	Йоссариан обнял ее за талию, и так они дошли до угла.

She straightened her hair in a mirror from her pocketbook and put lipstick on.	Там она высвободилась, достала зеркальце, поправила волосы и намазала губы.
'Why don't you ask me to let you write my name and address on a piece of paper so that you will be able to find me again when you come to Rome?' she suggested.	- Почему бы тебе не попросить у меня разрешения записать на бумажке мою фамилию и адрес, чтобы разыскать меня, когда в следующий раз приедешь в Рим? - предложила она.
'Why don't you let me write your name and address down on a piece of paper?' he agreed.	- Действительно, - согласился он, - почему бы тебе не разрешить мне записать на бумажке твою фамилию и адрес?

'Why?' she demanded belligerently, her mouth curling suddenly into a vehement sneer and her eyes flashing with anger.	- Почему? - спросила она задиристо, и рот ее внезапно скривился в горькой усмешке, а в глазах блеснул гнев.
'So you can tear it up into little pieces as soon as I leave?'	- Чтобы ты разорвал эту бумажку на мелкие клочья, едва я скроюсь за углом?
'Who's going to tear it up?' Yossarian protested in confusion.	- Почему я должен ее разорвать? - смутившись, запротестовал Йоссариан.
'What the hell are you talking about?'	- Что за чертовщину ты мелешь?
' You will,' she insisted.	- Разорвешь, я знаю, - настаивала она.

'You'll tear it up into little pieces the minute I'm gone and go walking away like a big shot because a tall, young, beautiful girl like me, Luciana, let you sleep with her and did not ask you for money.'	- Разорвешь на мелкие клочья через секунду после того, как я уйду, и пойдешь, важно задрав нос, очень гордый тем, что высокая, молодая, красивая девушка, по имени Лючана, позволила тебе переспать с ней и не попросила денег.

'How much money are you asking me for?' he asked her.	- Сколько ты хочешь попросить? - спросил он.
' Stupido!' she shouted with emotion.	- Дурак! - крикнула она с чувством.
' I am not asking you for any money!'	- Я не собираюсь просить у тебя денег.

She stamped her foot and raised her arm in a turbulent gesture that made Yossarian fear she was going to crack him in the face again with her great pocketbook.	Она топнула ногой и замахнулась на него. Йоссариан испугался, как бы она не трахнула его сумкой по физиономии.
Instead, she scribbled her name and address on a slip of paper and. thrust it at him.	Но вместо этого она написала фамилию и адрес и сунула ему листок.
'Here,' she taunted him sardonically, biting on her lip to still a delicate tremor. 'Don't forget. Don't forget to tear it into tiny pieces as soon as I am gone.'	- Держи. И не забудь разорвать на мелкие клочья, как только я уйду, - съехидничала она и закусила губу, чтобы не расплакаться.

Then she smiled at him serenely, squeezed his hand and, with a whispered regretful	Потом она улыбнулась ему безоблачной улыбкой, пожала руку, прошептала с сожалением:
'Addio,' pressed herself against him for a moment and then straightened and walked away with unconscious dignity and grace.	"Addio", на миг еще раз прижалась к нему и, высоко подняв голову, удалилась - грациозно, с полным сознанием собственного достоинства.

The minute she was gone, Yossarian tore the slip of paper up and walked away in the other direction, feeling very much like a big shot because a beautiful young girl like Luciana had slept with him and did not ask for money.	Минуту спустя Йоссариан разорвал полоску бумаги и пошел в противоположном направлении, важно задрав нос, очень гордый тем, что красивая молодая девушка переспала с ним и не попросила денег.

He
was pretty pleased
with himself until
he looked up in the
dining room of the
Red Cross building
and found himself
eating breakfast
with
dozens
and dozens of other
servicemen in all
kinds of fantastic
uniforms,
and then all at once
he was surrounded
by images of Luciana
getting
out of her clothes
and into her clothes
and caressing and
haranguing
him tempestuously
in the pink rayon
chemise she wore
in bed with him and
would not take off.
Yossarian choked on

Он был весьма доволен собой, покуда не заглянул в столовую Красного Креста, где принялся за бифштекс, сидя рядом с другими военнослужащими, щеголявшими военной формой самых немыслимых цветов и покроев. И тут внезапно на него нахлынули мысли о Лючане.

He missed her terribly already.	Сейчас он безумно скучал по ней.
There were so many strident faceless people in uniform in the dining room with him.	Вокруг него в столовой сидели грубые безликие люди в военной форме.
He felt an urgent desire to be alone with her again soon and sprang up impetuously from his table and went running outside and back down the street toward the apartment in search of the tiny bits of paper in the gutter, but they had all been flushed away by a street cleaner's hose.	Он почувствовал непреодолимое желание снова очутиться с ней наедине и стремглав выскочил из-за стала. Он выбежал на улицу, намереваясь отыскать в водосточной канаве клочки бумаги, но дворник, поливавший из шланга мостовую, давно смыл их.

He couldn't find her again in the Allied officers' night club that evening or in the sweltering, burnished, hedonistic bedlam of the black-market restaurant with its vast bobbing wooden trays of elegant food and its chirping flock of bright and lovely girls.	Йоссариану не удалось найти Лючану и вечером -ни в ночном клубе для офицеров союзных армий, ни в душном шикарном ресторане, где под стук деревянных подносов с изысканными блюдами и под щебетание яркой стайки очаровательных девиц резвились прожигатели жизни.
He couldn't even find the restaurant.	Йоссариан не мог даже найти тот ресторан, где встретился с Лючаной.

When he went to bed alone, he dodged flak over Bologna again in a dream, with Aarfy hanging over his shoulder abominably in the plane with a bloated sordid leer.	Он лег в постель и во сне снова уходил от зенитного огня, и Аарфи снова подло крутился около него, бросая недобрые взгляды.

In the morning he ran
looking for Luciana in
all the French offices
he could find, but nobody
knew what he was
talking about, and
then he ran in terror,
so jumpy, distraught and
disorganized that
he just had to keep
running in terror
somewhere, to the enlisted
men's apartment for
the squat maid in the
lime-colored panties, whom
he found dusting in
Snowden's room on
the fifth floor in her
drab brown sweater
and heavy dark skirt.
Snowden
was still alive then,

Back at his own apartment, he threw his things together as fast as he could, left for Nately what money he had, and ran back to Pianosa on a supply plane to apologize to Hungry Joe for shutting him out of the bedroom.	А потом он вернулся к себе, быстро собрал пожитки, оставил для Нейтли все деньги, которые были у него в бумажнике, и на транспортном самолете помчался обратно на Пьяносу, чтобы принести извинения Заморышу Джо за то, что выставил его из спальни.
The apology was unnecessary, for Hungry Joe was in high spirits when Yossarian found him.	Но извинений не потребовалось, потому что Заморыш Джо находился в преотличнейшем настроении.

Hungry Joe was grinning from ear to ear, and Yossarian turned sick at the sight of him, for he understood instantly what the high spirits meant.	Заморыш Джо улыбался от уха до уха, и от этого Йоссариану стало не по себе: он сразу понял, чем это пахнет.
'Forty missions,' Hungry Joe announced readily in a voice lyrical with relief and elation.	- Сорок боевых заданий, - с готовностью отрапортовал Заморыш Джо. Он чуть не пел от радости.
' The colonel raised them again.'	- Полковник снова подняв норму.
Yossarian was stunned.	Новость ошеломила Йоссариана.
'But I've got thirty-two, goddammit!	- Но ведь я налетал тридцать два задания, черт побери.

Three more and I would have been through.'	Еще три - и я свободен.
Hungry Joe shrugged indifferently.	Заморыш Джо безучастно пожал плечами.
' The colonel wants forty missions,' he repeated.	- А полковник хочет сорок, - повторил он.
Yossarian shoved him out of the way and ran right into the hospital.	Йоссариан оттолкнул его с дороги и опрометью кинулся в госпиталь.
The Soldier in White Yossarian ran right into the hospital, determined to remain there forever rather than fly one mission more than the thirty-two missions he had.	17. Солдат в белом Йоссариан кинулся в госпиталь, решив, что скорее останется в нем до конца дней своих, чем сделает еще хоть один боевой вылет свыше тех тридцати двух, что уже были на его счету.

Ten days after he changed his mind and came out, the colonel raised the missions to forty-five and Yossarian ran right back in, determined to remain in the hospital forever rather than fly one mission more than the six missions more he had just flown.	Десять дней спустя он передумал и вышел из госпиталя, но полковник увеличил количество боевых вылетов до сорока пяти. Йоссариан снова кинулся в госпиталь, решив, что скорее останется там до конца дней своих, чем сделает еще хоть один вылет свыше тех шести, которые он успел прибавить к своему счету.

Yossarian could run into the hospital whenever he wanted to because of his liver and because of his eyes; the doctors couldn't fix his liver condition and couldn't meet his eyes each time he told them he had a liver condition.	Йоссариан мог ложиться в госпиталь в любое время - как из-за болей в печени, так и из-за своих глаз: докторам никак не удавалось установить, что с его печенью и что с его глазами, ибо каждый раз, жалуясь на печень, он отводил глаза в сторону.
He could enjoy himself in the hospital, just as long as there was no one really very sick in the same ward.	Он мог вкушать блаженство на госпитальной койке до тех пор, пока в палату не привозили хоть одного настоящего больного.

His system was sturdy enough to survive a case of someone else's malaria or influenza with scarcely any discomfort at all.	Йоссариан был еще достаточно крепок, чтобы перенести без излишних треволнений чужую малярию или грипп.
He could come through other people's tonsillectomies without suffering any postoperative distress, and even endure their hernias and hemorrhoids with only mild nausea and revulsion.	Он отлично переносил удаление чужих миндалин, а чужие геморрой и грыжа вызывали у него всего лишь слабую тошноту и легкое отвращение.
But that was just about as much as he could go through without getting sick.	Но более серьезные заболевания соседей дурно отражались на его собственном здоровье.

After that he was ready to bolt.	В таких случаях ему хотелось поскорее смотать удочки.

He could relax in the hospital, since no one there expected him to do anything.	В госпитале было так тихо и спокойно: никто не требовал от Йоссариана никакой полезной деятельности.
All he was expected to do in the hospital was die or get better, and since he was perfectly all right to begin with, getting better was easy.	Все, что от него требовалось, - это или умереть, или поправиться. А поскольку он и ложился вполне здоровым, то поправиться ему особого труда не стоило.

Being in the hospital was better than being over Bologna or flying over Avignon with Huple and Dobbs at the controls and Snowden dying in back.	Жить в госпитале было гораздо приятнее, чем летать над Болоньей или кружиться над Авиньоном с Хьюплом и Доббсом у штурвалов и со Сноуденом, умирающим в хвостовом отсеке.
There were usually not nearly as many sick people inside the hospital as Yossarian saw outside the hospital, and there were generally fewer people inside the hospital who were seriously sick.	За стенами госпиталя Йоссариану доводилось видеть больше нездоровых людей, чем в самом госпитале, а серьезно больных в палатах лежало совсем немного.

There was a much lower death rate inside the hospital than outside the hospital, and a much healthier death rate. Few people died unnecessarily.	Смертность в госпитале была гораздо ниже, чем за его стенами, да и сама смерть выглядела жизнерадостней, хотя, разумеется, и здесь некоторые умирали без особой нужды.
People knew a lot more about dying inside the hospital and made a much neater, more orderly job of it.	Процесс переселения в мир иной был изучен в госпитале досконально.
They couldn't dominate Death inside the hospital, but they certainly made her behave. They had taught her manners.	Здесь умирали четко и по правилам. Одолеть смерть врачи не могли, но зато ее заставляли вести себя прилично.

They couldn't keep Death out, but while she was in she had to act like a lady.	Врачи научили смерть хорошим манерам. Держать ее за порогом было невозможно, но, уж коль скоро она поселилась под крышей госпиталя, ей приходилось вести себя, как воспитанной леди.
People gave up the ghost with delicacy and taste inside the hospital.	Людей отправляли из госпиталя на тот свет тактично и со вкусом.
There was none of that crude, ugly ostentation about dying that was so common outside the hospital.	Смерть здесь не бросалась в глаза, не была такой грубой и уродливой, как за стенами госпиталя.

They did not blow up in mid-air like Kraft or the dead man in Yossarian's tent, or freeze to death in the blazing summertime the way Snowden had frozen to death after spilling his secret to Yossarian in the back of the plane. 'I'm cold,' Snowden had whimpered. 'I'm cold.' 'There, there,' Yossarian had tried to comfort him. 'There, there.'	Здесь не взрывались в воздухе, подобно Крафту или покойнику из палатки Йоссариана, и не коченели в ослепительном сиянии летнего дня, как окоченел Сноуден в хвостовом отсеке самолета.
They didn't take it on the lam weirdly inside a cloud the way Clevinger had done.	Здесь люди не исчезали в загадочном облачке, как это произошло с Клевинджером.
They didn't explode into blood and clotted matter.	Их не разрывало на куски окровавленного мяса.

They didn't drown or get struck by lightning, mangled by machinery or crushed in landslides.	Они не тонули в реке, их не убивало громом, не засыпало горным обвалом, их тела не кромсали зубчатые колеса заводских станков.

They didn't get shot to death in hold-ups, strangled to death in rapes, stabbed to death in saloons, bludgeoned to death with axes by parents or children or die summarily by some other act of God.	Их не изрешечивали пулями-грабители, им не всаживали нож под ребро во время пьяной потасовки в пивной, им не раскраивали черепа топорами в семейной междоусобице.
Nobody choked to death.	Здесь никого не душили.

People bled to death like gentlemen in an operating room or expired without comment in an oxygen tent.	Здесь люди умирали корректно, как джентльмены, от потери крови на операциях или без лишнего шума испускали дух в кислородной палатке.
There was none of that tricky now-you-see-me-now-you-don't business so much in vogue outside the hospital, none of that now-I-am-and-now-I-ain't.	В госпитале не вели со смертью игры в прятки или в кошки-мышки, как это делалось за стенами госпиталя.
There were no famines or floods. Children didn't suffocate in cradles or iceboxes or fall under trucks. No one was beaten to death.	Здесь не было ни голода, ни мора, здесь детей не душили в колыбелях, не замораживали в холодильниках и они не попадали под колеса грузовиков.

People didn't stick their heads into ovens with the gas on, jump in front of subway trains or come plummeting like dead weights out of hotel windows with a whoosh!, accelerating at the rate of sixteen feet per second to land with a hideous plop! on the sidewalk and die disgustingly there in public like an alpaca sack full of hairy strawberry ice cream, bleeding, pink toes awry.	Здесь никого не забивали до смерти, здесь никто не травился газом на кухне и не бросался под поезд метро, не выбрасывался в окно отеля, летя камнем с ускорением шестнадцать футов в секунду в квадрате, чтобы шлепнуться о тротуар с жутким стуком и лежать на глазах у прохожих отвратительной кучей, истекая кровью и розовея вывихнутыми пальцами ног.

All things considered, Yossarian often preferred the hospital, even though it had its faults.	Одним словом, Йоссариан был уверен, что в госпитале лучше, хотя и здесь имелись кое-какие недостатки.
The help tended to be officious, the rules, if heeded, restrictive, and the management meddlesome.	Его лечили, но как-то без души. Распорядок дня, вздумай человек ему следовать, был слишком жестким, а обслуживающий персонал - не всегда тактичным.

Since sick people were apt to be present, he could not always depend on a lively young crowd in the same ward with him, and the entertainment was not always good.	Поскольку настоящим больным все же удавалось иной раз пробиться в госпиталь, Йоссариан не мог рассчитывать на то, что в палате его ждет интересная и веселая компания. К тому же и развлечения были довольно скудные.
He was forced to admit that the hospitals had altered steadily for the worse as the war continued and one moved closer to the battlefront, the deterioration in the quality of the guests becoming most marked within the combat zone itself where the effects of booming wartime conditions were apt to make themselves conspicuous immediately.	Йоссариану пришлось признать, что в госпиталях нынче стало не то: ведь шла война, и чем ближе госпиталь находился к линии фронта, тем более заметно ухудшался качественный состав его обитателей.

The people got sicker and sicker the deeper he moved into combat, until finally in the hospital that last time there had been the soldier in white, who could not have been any sicker without being dead, and he soon was.	Особенно это чувствовалось, когда госпиталь оказывался в зоне боев. Напряженность на фронте немедленно давала себя знать в госпитале. Со здоровьем у людей становилось все хуже и хуже, по мере того как они глубже увязали в войне. Когда Йоссариан в последний раз очутился в госпитале, он встретил там солдата в белом, у которого со здоровьем дело обстояло так плохо, что, стань оно хоть чуточку хуже, он бы умер, что, впрочем, вскоре и произошло.

The soldier in white was constructed entirely of gauze, plaster and a thermometer, and the thermometer was merely an adornment left balanced in the empty dark hole in the bandages over his mouth early each morning and late each afternoon by Nurse Cramer and Nurse Duckett right up to the afternoon Nurse Cramer read the thermometer and discovered he was dead	Солдат в белом походил на толстую пачку бинта с темной дыркой наверху, надо ртом, и из этой дырки, как украшение, торчал градусник.

Now
that Yossarian
looked
back,
it seemed that
Nurse Cramer,
rather than the
talkative Texan,
had murdered
the
soldier
in white; if she
had not read the
thermometer
and
reported what
she had found,
the soldier in
white might still
be lying there
alive
exactly
as he had been
lying there all
along, encased
from head to toe
in plaster and
gauze with both

They gathered soberly in the farthest recess of the ward and gossiped about him in malicious, offended undertones, rebelling against his presence as a ghastly imposition and resenting him malevolently for the nauseating truth of which he was bright reminder.	Люди собирались в дальнем углу палаты и злобным, раздраженным шепотом судачили о нем, возмущались тем, что их так подло провели, подсунув им этого солдата, крыли его на все корки, поскольку он был живым напоминанием о тошнотворно-неприглядной реальности.
They shared a common dread that he would begin moaning.	Всех пугало, что солдат будет стонать.

'I don't know what I'll do if he does begin moaning,' the dashing young fighter pilot with the golden mustache had grieved forlornly.	- Не знаю, что и делать, - мрачно изрек летчик-истребитель, бравый юнец с золотистыми усиками.
'It means he'll moan during the night, too, because he won't be able to tell time.'	- Увидите, он будет стонать ночь напролет.

No sound at all came from the soldier in white all the time he was there. The ragged round hole over his mouth was deep and jet black and showed no sign of lip, teeth, palate or tongue.	Но за все время пребывания в палате солдат в белом не издал ни звука.
The only one who ever came close enough to look was the affable Texan, who came close enough several times a day to chat with him about more votes for the decent folk, opening each conversation with the same unvarying greeting:	Единственным человеком, отважившимся подойти взглянуть на солдата, был общительный техасец. Несколько раз в день он подходил потолковать с солдатом насчет того, что порядочным людям надо бы предоставлять больше голосов на выборах. Он начинал разговор одним и тем же неизменным приветствием:

'What do you say, fella?	- Ну что скажешь, приятель?
How you coming along?'	Как делишки?
The rest of the men avoided them both in their regulation maroon corduroy bathrobes and unraveling flannel pajamas, wondering gloomily who the soldier in white was, why he was there and what he was really like inside.	Остальные обитатели, облаченные в казенные вельветовые халаты коричневого цвета и облезлые фланелевые пижамы, избегали их обоих. Все мрачно размышляли, откуда взялся этот солдат в белом, кто он такой и как он там выглядит под бинтами.
'He's all right, I tell you,' the Texan would report back to them encouragingly after each of his social visits.	- Он вполне здоров, поверьте мне, - сообщал техасец бодрым тоном после очередного визита вежливости к солдату.

'Deep down inside he's really a regular guy.	- Сними с него бинты - и он окажется самым обыкновенным малым.
He's feeling a little shy and insecure now because he doesn't know anybody here and can't talk.	Просто он малость стесняется, пока не пообвык. К тому же он ни с кем здесь не знаком.
Why don't you all just step right up to him and introduce yourselves?	Почему бы вам не подойти к нему и не познакомиться?
He won't hurt you.'	Он вас не укусит.
'What the goddam hell are you talking about?' Dunbar demanded.	- О чем ты, черт тебя побери, болтаешь? -вспылил Данбэр.
'Does he even know what you're talking about?'	- Да понимает ли он вообще, о чем ты мелешь?

' Sure he knows what I'm talking about.	- Конечно. Он понимает все, что я говорю.
He's not stupid.	Не такой уж он глупый.
There ain't nothing wrong with him.'	Парень как парень, все в норме.
' Can he hear you?'	- Да он хоть слышит тебя?
'Well, I don't know if he can hear me or not, but I'm sure he knows what I'm talking about.'	- Вот этого я не знаю, но в том, что он понимает, -нисколько не сомневаюсь.
'Does that hole over his mouth ever move?'	- А ты хоть раз видел, чтобы у него шевелилась марля надо ртом?
'Now, what kind of a crazy question is that?' the Texan asked uneasily.	- Что за идиотский вопрос? - беспокойно спрашивал техасец.

'How can you tell if he's breathing if it never moves?'	- Почему же ты уверен, что он дышит, если марля и то не шевелится?

'How can you tell it's a he?'	- Как ты вообще можешь утверждать, что это он, а не она?
'Does he have pads over his eyes underneath that bandage over his face?'	- А вот ты скажи: глаза у него там, под бинтами, прикрыты марлевыми салфеточками?
'Does he ever wiggle his toes or move the tips of his fingers?'	- Он хоть раз шевельнул пальцами ног или дернул мизинцем?
The Texan backed away in mounting confusion.	Техасец пятился, все более и более конфузясь:
'Now, what kind of a crazy question is that?	- Что за идиотские вопросы?

You fellas must all be crazy or something.	Вы, друзья, должно быть, все с ума тут спятили?
Why don't you just walk right up to him and get acquainted?	Лучше бы подошли к нему да познакомились.
He's a real nice guy, I tell you.'	Я вам серьезно говорю: он славный парень.
The soldier in white was more like a stuffed and sterilized mummy than a real nice guy.	На самом деле солдат походил не столько на славного парня, сколько на туго набитое, стерилизованное чучело.
Nurse Duckett and Nurse Cramer kept him spick-and-span.	Благодаря стараниям сестер Даккит и Крэмер солдат выглядел ухоженным.

They brushed his bandages often with a whiskbroom and scrubbed the plaster casts on his arms, legs, shoulders, chest and pelvis with soapy water.	Они аккуратно проходились щеточкой по бинтам, намыленной тряпочкой обтирали гипс на руках, ногах, плечах, груди и бедрах.

Working with a round tin of metal polish, they waxed a dim gloss on the dull zinc pipe rising from the cement on his groin. With damp dish towels they wiped the dust several times a day from the slim black rubber tubes leading in and out of him to the two large stoppered jars, one of them, hanging on a post beside his bed, dripping fluid into his arm constantly through a slit in the bandages while the other, almost out of sight on the floor, drained the fluid away through the zinc pipe rising from his groin.	Несколько раз в день они влажными полотенцами стирали пыль с тонких резиновых трубок, тянувшихся от солдата к двум большим закупоренным бутылям. Одна бутыль стояла на подставке рядом с кроватью, и жидкость из нее сочилась в руку сквозь прорезь в бинтах, другая -на полу, и в нее через цинковую трубку стекала жидкость из паха.

Both young nurses polished the glass jars unceasingly.	Сестры то и дело до блеска протирали стеклянные сосуды.
They were proud of their housework.	Они гордились этой работой, как исправные домохозяйки.
The more solicitous of the two was Nurse Cramer, a shapely, pretty, sexless girl with a wholesome unattractive face.	Особенно старалась сестра Крэмер, хорошо сложенная девица с полноватым лицом, вроде бы красивым, но начисто лишенным обаяния женственности.
Nurse Cramer had a cute nose and a radiant, blooming complexion dotted with fetching sprays of adorable freckles that Yossarian detested.	У сестры Крэмер был хорошенький носик и отличная, нежная кожа, усыпанная очаровательными веснушками, которые Йоссариан терпеть не мог.

She was touched very deeply by the soldier in white.	Солдат в белом чрезвычайно волновал сестру Крэмер.

Her virtuous, pale-blue, saucerlike eyes flooded with leviathan tears on unexpected occasions and made Yossarian mad.	Часто ни с того ни с сего ее бледно-голубые, невинные, круглые, как блюдца, глаза извергали такой бурный поток слез, что Йоссариан чуть с ума не сходил.
'How the hell do you know he's even in there?' he asked her.	- Откуда вы, черт вас возьми, знаете, что здесь, под этими бинтами, вообще кто-то есть?
'Don't you dare talk to me that way!' she replied indignantly.	- Не смейте так говорить со мной! - негодующе отвечала она.
'Well, how do you?	- Но все-таки - откуда?

You don't even know if it's really him.'	Вы ведь даже не знаете, кто это такой!
'Who?'	- Что значит "кто такой"?
'Whoever's supposed to be in all those bandages.	- Ну кто, по-вашему, под этими бинтами?
You might really be weeping for somebody else.	Вы бы лучше оплакивали кого-нибудь другого.
How do you know he's even alive?'	И с чего вы вообще взяли, что он еще жив?

'What a terrible thing to say!' Nurse Cramer exclaimed. 'Now, you get right into bed and stop making jokes about him.' 'I'm not making jokes. Anybody might be in there. For all we know, it might even be Mudd.' 'What are you talking about?' Nurse Cramer pleaded with him in a quavering voice. 'Maybe that's where the dead man is.' 'What dead man?' 'I've got a dead man in my tent that nobody can throw out. His name is Mudd.'	- Какие чудовищные вещи вы говорите! -воскликнула сестра Крамер.

Nurse Cramer's face blanched and she turned to Dunbar desperately for aid.	Она в отчаянии повернулась к Данбэру, ища у него защиты.
'Make him stop saying things like that,' she begged.	- Заставьте его прекратить эти разговоры, -попросила она Данбэра.
'Maybe there's no one inside,' Dunbar suggested helpfully.	- А может, под бинтами вообще никого нет? -отозвался Данбэр.
'Maybe they just sent the bandages here for a joke.'	- Может, эти бинты прислали сюда шутки ради?
She stepped away from Dunbar in alarm.	Она в испуге попятилась от Данбэра.
'You're crazy,' she cried, glancing about imploringly.	- Вы с ума сошли! - вскричала она, затравленно озираясь.

' You're both crazy.'	- Вы оба сумасшедшие.
Nurse Duckett showed up then and chased them all back to their own beds while Nurse Cramer changed the stoppered jars for the soldier in white.	Затем появилась сестра Даккит, и, пока сестра Крэмер меняла солдату в белом бутыли, сестра Даккит загнала Йоссариана и Данбэра в кровати.
Changing the jars for the soldier in white was no trouble at all, since the same clear fluid was dripped back inside him over and over again with no apparent loss.	Менять бутыли для солдата в белом было делом нетрудным, поскольку та же самая светлая жидкость протекала через него снова и снова без заметных потерь.

When the jar feeding the inside of his elbow was just about empty, the jar on the floor was just about full, and the two were simply uncoupled from their respective hoses and reversed quickly so that the liquid could be dripped right back into him.	Когда бутыль с питательным раствором, стоявшая у локтя солдата, опорожнялась, бутыль на полу наполнялась почти доверху. Тогда из обеих бутылей выдергивали соответствующие шланги, бутыли меняли местами, и жидкость снова струилась по прежнему маршруту.
Changing the jars was no trouble to anyone but the men who watched them changed every hour or so and were baffled by the procedure.	Менять бутыли для солдата в белом было простым делом для тех, кто этим занимался, но не для тех, кому приходилось чуть ли не каждый час наблюдать за этой процедурой. У обитателей палаты эта процедура вызывала недоумение.

'Why can't they hook the two jars up to each other and eliminate the middleman?' the artillery captain with whom Yossarian had stopped playing chess inquired.	- Почему бы не соединить бутыли напрямую и не ликвидировать промежуточное звено? -спрашивал артиллерийский капитан, с которым Йоссариан бросил играть в шахматы.
'What the hell do they need him for?'	- За каким чертом им нужен солдат?
'I wonder what he did to deserve it,' the warrant officer with malaria and a mosquito bite on his ass lamented after Nurse Cramer had read her thermometer and discovered that the soldier in white was dead.	- Интересно, чем он заслужил такую честь? -вздохнул уоррэнт-офицер, малярик, пострадавший от комариного укуса. Разговор происходил после того, как сестра Крэмер, взглянув на градусник, обнаружила, что солдат в белом мертв.

'He went to war,' the fighter pilot with the golden mustache surmised.	- Тем, что пошел на войну, - высказал предположение летчик-истребитель с золотистыми усиками.
'We all went to war,' Dunbar countered.	- Мы все пошли на войну, - возразил Данбэр.
'That's what I mean,' the warrant officer with malaria continued.	- А я о чем? - продолжал уоррэнт-офицер, малярик.
'Why him?	- Почему это случилось именно с ним?
There just doesn't seem to be any logic to this system of rewards and punishment.	Я не вижу никакой логики в божественной системе наград и наказаний.
Look what happened to me.	Посмотрите-ка, что произошло со мной.

If I had gotten syphilis or a dose of clap for my five minutes of passion on the beach instead of this damned mosquito bite, I could see justice.	Подцепи я за пять минут блаженства на пляже вместо проклятого комариного укуса сифилис или триппер, тогда я, может, и сказал бы, что на свете есть справедливость.
But malaria?	Но малярия!
Malaria?	Малярия!
Who can explain malaria as a consequence of fornication?'	Почему, скажите на милость, человек должен расплачиваться за свой блуд малярией?
The warrant officer shook his head in numb astonishment.	Уоррэнт-офицер в недоумении покачал головой.
'What about me?' Yossarian said.	- А взять, к примеру, меня, - сказал Йоссариан.

'I stepped out of my tent in Marrakech one night to get a bar of candy and caught your dose of clap when that Wac I never even saw before kissed me into the bushes. All I really wanted was a bar of candy, but who could turn it down?'	- Однажды вечером в Маракеше я вышел из палатки, чтобы раздобыть плитку шоколада, а получил триппер, предназначенный для тебя. Девица из женского вспомогательного корпуса, которую я прежде в глаза не видел, заманила меня в кусты.
'That sounds like my dose of clap, all right,' the warrant officer agreed.	- Да, похоже, что тебе и в самом деле достался мой триппер, - согласился уоррэнт-офицер.
'But I've still got somebody else's malaria.	- А я подхватил чью-то малярию.

Just for once I'd like to see all these things sort of straightened out, with each person getting exactly what he deserves.	- Хотел бы я, чтобы все раз и навсегда встало на свои места: пусть каждый получает то, что заслужил.
It might give me some confidence in this universe.'	Тогда я, пожалуй, еще поверю, что мир устроен справедливо.
'I've got somebody else's three hundred thousand dollars,' the dashing young fighter captain with the golden mustache admitted.	- А я получил чьи-то триста тысяч долларов, -признался бравый капитан истребительной авиации с золотистыми усиками.
' I've been goofing off since the day I was born.	- Всю жизнь я только и делал, что гонял лодыря.

I cheated my way through prep school and college, and just about all I've been doing ever since is shacking up with pretty girls who think I'd make a good husband.	Подготовительную школу и колледж кончил чудом. Единственное, чем я занимался в жизни по-настоящему, - это любил смазливых девчонок: они почему-то считали, что из меня получится хороший муж.
I've got no ambition at all. The only thing I want to do after the war is marry some girl who's got more money than I have and shack up with lots more pretty girls.	Все, что мне надо от жизни после войны, -жениться на девушке, у которой деньжат побольше, чем у меня, и продолжать любить других смазливых девчонок.

The three hundred thousand bucks was left to me before I was born by a grandfather who made a fortune selling on an international scale.	А триста тысяч монет достались мне еще до того, как я родился, - от дедушки. Старик разбогател на торговле помоями в международном масштабе.
I know I don't deserve it, but I'll be damned if I give it back.	Я знаю, что не заслужил этих денег, но будь я проклят, если от них откажусь.
I wonder who it really belongs to.'	Интересно, кому они предназначались по справедливости?
'Maybe it belongs to my father,' Dunbar conjectured.	- Может быть, моему отцу? - высказал догадку Данбэр.

'He spent a lifetime at hard work and never could make enough money to even send my sister and me through college.	- Он всю жизнь работал не покладая рук, но ему все время не хватало денег, чтобы послать нас с сестрой учиться в колледж.
He's dead now, so you might as well keep it.'	Теперь он умер, так что можешь держать свои доллары при себе.
'Now, if we can just find out who my malaria belongs to we'd be all set.	- Ну а если мы теперь выясним наконец, кому принадлежит по праву моя малярия, тогда все будет в порядке, - сказал уорр-энт-офицер.
It's not that I've got anything against malaria.	- Не то что я против малярии.

I'd just as soon goldbrick with malaria as with anything else.	Есть у меня малярия или нет, богаче я все равно не стану.
It's only that I feel an injustice has been committed.	Но не могу же я смириться с тем, что свершилась несправедливость.
Why should I have somebody else's malaria and you have my dose of clap?'	Почему мне должна была достаться чужая малярия, а тебе - мой триппер?
'I've got more than your dose of clap,' Yossarian told him. 'I've got to keep flying combat missions because of that dose of yours until they kill me.'	- Мне достался не только твой триппер, - сказал ему Йоссариан, - но и твои боевые вылеты. Ты их не выполнил, и мне придется летать, пока меня не укокошат.
'That makes it even worse.	- Тогда еще хуже.

What's the justice in that?'	Где же здесь справедливость?
'I had a friend named Clevinger two and a half weeks ago who used to see plenty of justice in it.'	- Две с половиной недели назад у меня был друг, по имени Клевинджер, который считал, что здесь заложена величайшая справедливость...
'It's the highest kind of justice of all,' Clevinger had gloated, clapping his hands with a merry laugh.	- ...Все устроено в высшей степени разумно, -злорадствовал Клевинджер, весело посмеиваясь.

'I can't help thinking of the Hippolytus of Euripides, where the early licentiousness of Theseus is probably responsible for the asceticism of the son that helps bring about the tragedy that ruins them all.	- Как тут не вспомнить еврипидовского "Ипполита": распущенность Тезея вынудила его сына стать аскетом, а это, в свою очередь, привело к трагедии, погубившей их всех.
If nothing else, that episode with the Wac should teach you the evil of sexual immorality.'	Эпизод с девицей из женского вспомогательного корпуса послужит тебе уроком и заставит понять, как пагубна половая распущенность.
'It teaches me the evil of candy.'	- Этот эпизод заставит меня понять, как пагубно ходить за шоколадом.

'Can't you see that you're not exactly without blame for the predicament you're in?' Clevinger had continued with undisguised relish.	- Неужели ты не видишь, что во всех своих неприятностях частично виноват ты сам? - с явным удовольствием продолжал Клевинджер.
'If you hadn't been laid up in the hospital with venereal disease for ten days back there in Africa, you might have finished your twenty-five missions in time to be sent home before Colonel Nevers was killed and Colonel Cathcart came to replace him.'	- Не попади ты тогда в Африке в госпиталь из-за своего венерического заболевания, ты вовремя отлетал бы свои двадцать пять заданий и отправился бы домой до того, как погибшего полковника Неверса заменил полковник Кэткарт.

' And what about you?' Yossarian had replied.	- Ну а ты? - спросил Йоссариан.
'You never got clap in Marrakech and you're in the same predicament.'	- Ты же не подцепил триппер в Маракеше, а оказался в таком же положении.
'I don't know,' confessed Clevinger, with a trace of mock concern.	- Не знаю, - признался Клевинджер с напускной озабоченностью.
'I guess I must have done something very bad in my time.'	- Наверное, я чем-то прогневил бога.
'Do you really believe that?'	- Ты серьезно этому веришь?
Clevinger laughed.	Клевинджер расхохотался:

'No, of course not.	- Нет, конечно, нет.

I just like to kid you along a little.'	Просто захотелось тебя подразнить...
There were too many dangers for Yossarian to keep track of.	...Слишком много опасностей подстерегало Йоссариана, и он не мог предусмотреть каждую.
There was Hitler, Mussolini and Tojo, for example, and they were all out to kill him.	Гитлер, Муссолини и Тодзио, например, задались целью его прикончить.

There was Lieutenant Scheisskopf with his fanaticism for parades and there was the bloated colonel with his big fat mustache and his fanaticism for retribution, and they wanted to kill him, too.	Лейтенант Шейскопф с его фанатичной приверженностью к парадам и усатый высокомерный полковник, обуреваемый желанием чинить суд и расправу, тоже жаждали его доконать.
There was Appleby, Havermeyer, Black and Korn. There was Nurse Cramer and Nurse Duckett, who he was almost certain wanted him dead, and there was the Texan and the C.I.D. man, about whom he had no doubt.	Под стать им были Эпплби, Хэвермейер, Блэк, Корн, сестры Крэмер и Даккит. Йоссариан почти не сомневался, что все они желают ему погибели. А уж относительно техасца и контрразведчика он и подавно не заблуждался.

There were bartenders, bricklayers and bus conductors all over the world who wanted him dead, landlords and tenants, traitors and patriots, lynchers, leeches and lackeys, and they were all out to bump him off.	Буфетчики, каменщики, кондукторы автобусов все- го мира - даже они желали его смерти. Землевладель- цы и арендаторы, преда- тели и патриоты, линче- ватели, вымогатели, зло- пыхатели - все жаждали вышибить из него мозги.
That was the secret Snowden had spilled to him on the mission to Avignon -they were out to get him; and Snowden had spilled it all over the back of the plane.	Это была та самая тайна, которую приоткрыл ему Сноуден во время налета на Авиньон: они норовят его прикончить, Сноуден доказал это своей кровью, расплескавшейся по полу хвостового отсека.

There were lymph glands that might do him in.	К тому же существовали еще и лимфатические железы.
There were kidneys, nerve sheaths and corpuscles.	Они тоже могли свести Йоссариана в могилу. Почки, нервные клетки, кровяные тельца.
There were tumors of the brain. There was Hodgkin's disease, leukemia, amyotrophic lateral sclerosis. There were fertile red meadows of epithelial tissue to catch and coddle a cancer cell.	Опухоль мозга. Лейкемия. Рассеянный склероз. Рак.

There were diseases of the skin, diseases of the bone, diseases of the lung, diseases of the stomach, diseases of the heart, blood and arteries.	Болезни кожи. Костные, легочные, желудочные и сердечно-сосудистые заболевания.
There were diseases of the head, diseases of the neck, diseases of the chest, diseases of the intestines, diseases of the crotch. There even were diseases of the feet.	Болезни головы, болезни шеи, болезни груди, кишечные заболевания и множество всяких других.

There were billions of conscientious body cells oxidating away day and night like dumb animals at their complicated job of keeping him alive and healthy, and every one was a potential traitor and foe.	Миллиарды доброкачественных клеток день и ночь молча бились, как дикие звери, выполняя чудовищно сложную работу по поддержанию в добром здравии организма Йоссариана, но каждая из них в любой момент могла оказаться предателем и врагом.

There were so many diseases that it took a truly diseased mind to even think about them as often as he and Hungry Joe did.	Болезней было такое множество, что только люди с больной психикой, такие, как Йоссариан и Заморыш Джо, были способны постоянно о них думать.

Hungry Joe collected lists of fatal diseases and arranged them in alphabetical order so that he could put his finger without delay on any one he wanted to worry about.	Заморыш Джо вел список смертельных заболеваний и располагал их в алфавитном порядке, чтобы в любой момент разыскать любую болезнь, занимавшую в данный момент его воображение.
He grew very upset whenever he misplaced some or when he could not add to his list, and he would go rushing in a cold sweat to Doc Daneeka for help.	Он буквально не находил себе места, когда какая-нибудь болезнь попадала не в ту графу или когда он не был в состоянии добавить к своему списку ничего новенького. Обливаясь холодным потом, он врывался в палатку к доктору Дейнике, моля о помощи.

'Give him Ewing's tumor,' Yossarian advised Doc Daneeka, who would come to Yossarian for help in handling Hungry Joe, 'and follow it up with melanoma.	- Скажи ему, что у него опухоль Юинга, -подсказывал Йоссариан доктору Дейнике, когда тот приходил посоветоваться, как поступить с Заморышем Джо. - И подкинь еще к этому меланомку.
Hungry Joe likes lingering diseases, but he likes the fulminating ones even more.'	Заморыш Джо обожает продолжительные болезни, но еще больше ему нравятся болезни, бурно протекающие.
Doc Daneeka had never heard of either.	Ни о той, ни о другой болезни доктор Дейника и понятия не имел.

'How do you manage to keep up on so many diseases like that?' he inquired with high professional esteem.	- Как ты ухитряешься удерживать в памяти столько названий? - спросил он, и в голосе его послышалось высокое профессиональное уважение.
'I learn about them at the hospital when I study the Reader's Digest.'	- Я выучил их в госпитале читая "Ридерс дайджест".

Yossarian had so many ailments to be afraid of that he was sometimes tempted to turn himself in to the hospital for good and spend the rest of his life stretched out there inside an oxygen tent with a battery of specialists and nurses seated at one side of his bed twenty-four hours a day waiting for something to go wrong and at least one surgeon with a knife poised at the other, ready to jump forward and begin cutting away the moment it became necessary.	Боясь всяких заболеваний, Йоссариан порой испытывал искушение навсегда переселиться в госпиталь и прожить там остаток дней своих, распростершись в кислородной палатке, в окружении сонма врачей и сестер. И чтоб обязательно поблизости точил нож о нож хирург, готовый по первому сигналу броситься что-нибудь вырезать у Йоссариана. А на что можно надеяться в эскадрилье?

Aneurisms, for instance; how else could they ever defend him in time against an aneurism of the aorta?	Взять хотя бы аневризму. Разве в эскадрилье ему спасут жизнь, если вдруг у него обнаружится ане- вризма аорты?
Yossarian felt much safer inside the hospital than outside the hospital, even though he loathed the surgeon and his knife as much as he had ever loathed anyone.	Нет, что ни говорите, а в госпитале Йоссариан чувствовал себя куда спо- койней, чем за его стена- ми, хоть и испытывал к хирургу и к скальпелям такое же отвращение, как и ко всей прочей меди- цине.

He could start screaming inside a hospital and people would at least come running to try to help; outside the hospital they would throw him in prison if he ever started screaming about all the things he felt everyone ought to start screaming about, or they would put him in the hospital.	Но в госпитале он мог в любое время поднять крик, и к нему, по крайней мере, бросились бы на помощь. А начни он орать за стенами госпиталя о том, о чем, собственно говоря, все должны кричать во весь голос, его попросту упрятали бы в тюрьму или в психиатрическую больницу.

One of the things he wanted to start screaming about was the surgeon's knife that was almost certain to be waiting for him and everyone else who lived long enough to die. He wondered often how he would ever recognize the first chill, flush, twinge, ache, belch, sneeze, stain, lethargy, vocal slip, loss of balance or lapse of memory that would signal the inevitable beginning of the inevitable end.	Он часто думал: распознает ли он первый озноб, лихорадку, колотье в боку, головную боль, отрыжку, чих, сонливость, покраснение на коже, хрипоту, головокружение, провалы памяти и другие симптомы заболеваний, могущие оказаться неизбежным началом неизбежного конца?

He was afraid also that Doc Daneeka would still refuse to help him when he went to him again after jumping out of Major Major's office, and he was right.	Кроме того, он боялся, что доктор Дейника откажет ему в помощи. После того как он выпрыгнул в окошко из кабинета майора Майора, он еще раз пришел к доктору Дейнике. Предположение Йоссариана подтвердилось.
'You think you've got something to be afraid about?' Doc Daneeka demanded, lifting his delicate immaculate dark head up from his chest to gaze at Yossarian irascibly for a moment with lachrymose eyes.	- Чего тебе бояться? - спросил доктор Дейника, поднимая свою миниатюрную черноволосую головку и недовольно глядя на Йоссариана слезящимися глазами.
'What about me?	- Что же тогда сказать обо мне?

My precious medical skills are rusting away here on this lousy island while other doctors are cleaning up.	На этом паршивом островишке я растерял весь свой бесценный медицинский опыт, а в это время другие врачи пополняют свои знания.
Do you think I enjoy sitting here day after day refusing to help you?	Ты думаешь, мне приятно сидеть тут целыми днями и отказывать тебе в помощи?
I wouldn't mind it so much if I could refuse to help you back in the States or in some place like Rome.	Я бы особенно не переживал, доведись мне отказать тебе в Штатах или, скажем, в Риме.
But saying no to you here isn't easy for me, either.'	Но говорить тебе каждый раз "нет" на Пьяносе, поверь, - это нелегко.
' Then stop saying no.	- Ну так и не говори.

Ground me.'	Освободи меня лучше от полетов.
'I can't ground you,' Doc Daneeka mumbled.	- Да не могу я освободить тебя, - пробубнил доктор Дейника.
'How many times do you have to be told?'	- Сколько раз тебе повторять?
'Yes you can.	- Нет, можешь.
Major Major told me you're the only one in the squadron who can ground me.'	Майор сказал, что ты - единственный человек в эскадрилье, который имеет право освободить меня от полетов.
Doc Daneeka was stunned.	Доктор Дейника опешил:
' Major Major told you that?	- Так тебе сказал майор Майор?
When?'	Когда?

' When I tackled him in the ditch.'	- Когда я настиг его в железнодорожной выемке.
' Major Major told you that?	- Так сказал майор Майор?
In a ditch?'	В выемке?
'He told me in his office after we left the ditch and jumped inside.	- Нет, он сказал это в кабинете, после того как мы вылезли из выемки и впрыгнули в окно.
He told me not to tell anyone he told me, so don't start shooting your mouth off.'	Он просил не говорить об этом никому. Так что ты не очень-то трезвонь.
' Why that dirty, scheming liar!' Doc Daneeka cried.	- Какой ты все-таки гнусный тип! Трепач и лгун!

' He wasn't supposed to tell anyone.	Ему видите ли, велели никому не говорить!
Did he tell you how I could ground you?'	А не сказал ли он, каким это образом я смогу освободить тебя от полетов?
'Just by filling out a little slip of paper saying I'm on the verge of a nervous collapse and sending it to Group.	- Черкануть на бумажке, что я на грани нервного истощения, и отправить бумажку в штаб полка.
Dr. Stubbs grounds men in his squadron all the time, so why can't you?'	Доктор Стаббс в своей эскадрилье то и дело списывает людей, а почему ты не можешь?

'And what happens to the men after Stubbs does ground them?' Doc Daneeka retorted with a sneer.	- А что дальше происходит с людьми, которых Стаббс списывает? - насмешливо спросил доктор Дейника.
'They go right back on combat status, don't they?	- Может быть, ты не знаешь, что их прямехонько отправляют обратно на боевые задания?
And he finds himself right up the creek.	А доктор садится в лужу.
Sure, I can ground you by filling out a slip saying you're unfit to fly. But there's a catch.'	Конечно, я могу освободить тебя, заполнив бумажку, что ты не годен для полетов, но ты забыл об "уловке".
'Catch-22?'	- "Уловке двадцать два"?

' Sure.	- Именно.
If I take you off combat duty, Group has to approve my action, and Group isn't going to.	Допустим, я освобожу тебя от полетов, но мое решение должно быть одобрено штабом полка. Там и не подумают его утвердить.
They'll put you right back on combat status, and then where will I be?	Тебя-то вернут на боевые задания, а вот что будет со мной?
On my way to the Pacific Ocean, probably.	Скорее всего, отправят на Тихий океан.
No, thank you.	Нет уж, благодарю.
I'm not going to take any chances for you.'	Я вовсе не собираюсь ради тебя испытывать судьбу.

'Isn't it worth a try?' Yossarian argued.	- А может, все-таки стоит попытаться? - не сдавался Йоссариан.
'What's so hot about Pianosa?'	- Что хорошего ты нашел здесь, на Пьяносе?
'Pianosa is terrible.	- Пьяноса - ужасная гадость.
But it's better than the Pacific Ocean.	Но все-таки это лучше, чем Тихий океан.

I wouldn't mind being shipped someplace civilized where I might pick up a buck or two in abortion money every now and then.	Я был бы не против, если бы меня отправили куда-нибудь в цивилизованное место, где время от времени я сумел бы подработать на абортах.

But all they've got in the Pacific is jungles and monsoons, I'd rot there.'	Но на тихоокеанских островах нет ничего, кроме джунглей и муссонов. Я сгнию там заживо.
' You're rotting here.'	- Ты и здесь гниешь.
Doc Daneeka flared up angrily.	Доктор Дейника рассвирепел не на шутку.
'Yeah?	- Вот как?
Well, at least I'm going to come out of this war alive, which is a lot more than you're going to do.'	Зато по крайней мере я приду с войны живым, а вот о тебе этого с уверенностью я не могу сказать.
' That's just what I'm trying to tell you, goddammit.	- Черт побери, ведь как раз об этом и идет речь!

I'm asking you to save my life.'	Именно поэтому я и прошу тебя спасти мне жизнь.
'It's not my business to save lives,' Doc Daneeka retorted sullenly.	- Спасение жизней - не мое дело, - хмуро возразил доктор Дейника.
'What is your business?'	- А что же - твое дело?
' I don't know what my business is.	- Не знаю.
All they ever told me was to uphold the ethics of my profession and never give testimony against another physician.	Мне сказали, что я обязан соблюдать профессиональные этические нормы и никогда не давать показаний против других врачей.

Listen. You think you're the only one whose life is in danger?	Послушай, ты думаешь, что только твоя жизнь в опасности?
What about me?	А что в таком случае сказать обо мне?
Those two quacks I've got working for me in the medical tent still can't find out what's wrong with me.'	Эти два шарлатана, которые помогают мне в медсанчасти, до сих пор не установили, что со мной.
'Maybe it's Ewing's tumor,' Yossarian muttered sarcastically.	- Может быть, у тебя опухоль Юинга? -саркастически спросил Йоссариан.
'Do you really think so?' Doc Daneeka exclaimed with fright.	- Ты всерьез так думаешь? - испугался доктор Дейника.

'Oh, I don't know,' Yossarian answered impatiently.	- Откуда мне знать, - нетерпеливо ответил Йоссариан.
'I just know I'm not going to fly any more missions.	- Я твердо знаю только одно: что мне еще придется полетать.
They wouldn't really shoot me, would they?	Как ты думаешь, меня собьют?
I've got fifty-one.'	У меня уже пятьдесят один вылет.
'Why don't you at least finish the fifty-five before you take a stand?' Doc Daneeka advised.	- Уж налетал бы пятьдесят пять, - посоветовал доктор Дейника.

'With all your bitching, you've never finished a tour of duty even once.'	- С твоим дурацким характером ты еще ни разу не выполнил нормы.
'How the hell can I?	- Так как же, черт побери, я ее выполню?

The colonel keeps raising them every time I get close.'	Стоит мне приблизиться к норме, как полковник Кэткарт снова ее увеличивает.
'You never finish your missions because you keep running into the hospital or going off to Rome.	- Ты никогда не выполнишь норму, потому что то и дело убегаешь в госпиталь или уезжаешь в Рим.

You'd be in a much, stronger position if you had your fifty-five finished and then refused to fly.	Выполнил бы свои пятьдесят пять заданий - и все было бы в порядке. Тогда ты имел бы право отказаться летать.
Then maybe I'd see what I could do.'	А я подумал бы, как тебе помочь.
'Do you promise?'	- Обещаешь?
' I promise.'	- Обещаю.
'What do you promise?'	- Что ты обещаешь?

'I promise that maybe I'll think about doing something to help if you finish your fifty-five missions and if you get McWatt to put my name on his flight log again so that I can draw my flight pay without going up in a plane.	- Обещаю, что я, возможно, подумаю, как тебе помочь, если ты выполнишь свои пятьдесят пять заданий и если уговоришь Макуотта отметить меня в полетном листе. Мне надо получить надбавку, за полетное время, не садясь в самолет.
I'm afraid of airplanes.	Я боюсь самолетов.
Did you read about that airplane crash in Idaho three weeks ago?	Ты читал об авиационной катастрофе в Айдахо три недели назад?
Six people killed.	Шестеро погибли.
It was terrible.	Кошмар!..

I don't know why they want me to put in four hours' flight time every month in order to get my flight pay.	Не знаю, кому это нужно, чтобы я летал четыре раза в месяц ради какой-то надбавки.
Don't I have enough to worry about without worrying about being killed in an airplane crash too?'	Мне и без того хватает нервотрепки. А тут еще дрожи от страха, что разобьешься.
'I worry about the airplane crashes also,' Yossarian told him.	- Я треплю себе нервы по той же самой причине.
' You're not the only one.'	Не ты один.
'Yeah, but I'm also pretty worried about that Ewing's tumor,' Doc Daneeka boasted.	- Угу, но я еще здорово нервничаю из-за этой опухоли Юинга, - похвалился доктор Дейника.

'Do you think that's why my nose is stuffed all the time and why I always feel so chilly?	- Тебе не приходило в голову, почему у меня все время озноб и заложен нос?
Take my pulse.'	Пощупай мой пульс.
Yossarian also worried about Ewing's tumor and melanoma.	Йоссариана тоже волновали опухоль Юинга и меланома.
Catastrophes were lurking everywhere, too numerous to count.	Словом, несчетные беды лезли из всех щелей.
When he contemplated the many diseases and potential accidents threatening him, he was positively astounded that he had managed to survive in good health for as long as he had.	Когда он размышлял над тем, какое множество болезней и трагических происшествий подстерегает его на каждом шагу, он просто поражался, как это он ухитрился до сих пор сохранить отличное здоровье.

It was miraculous.	Это было какое-то чудо.

Each day he faced was another dangerous mission against mortality.	Каждый день его жизни был рискованной и опаснейшей схваткой со смертью.
And he had been surviving them for twenty-eight years.	И целых двадцать восемь лет ему удавалось ежедневно выходить победителем из этих схваток.
The Soldier Who Saw Everything Twice	18. Солдат, у которого двоилось в глазах
Yossarian owed his good health to exercise, fresh air, teamwork and good sportsmanship; it was to get away from them all that he had first discovered the hospital.	Своим крепким здоровьем Йоссариан был обязан физкультуре и спорту, свежему воздуху и благотворному влиянию коллектива.

When the physical-education officer at Lowery Field ordered everyone to fall out for calisthenics one afternoon, Yossarian, the private, reported instead at the dispensary with what he said was a pain in his right side.	Однако в один прекрасный день, когда инструктор по физической подготовке на базе в Лоури Филд приказал всем выходить на зарядку, рядовой Йоссариан поспешил в амбулаторию и пожаловался на боли в боку.
'Beat it,' said the doctor on duty there, who was doing a crossword puzzle.	- Мотай отсюда, - сказал дежурный врач, который в это время ломал себе голову над кроссвордом.
'We can't tell him to beat it,' said a corporal.	- Мы не имеем права говорить ему: "Мотай отсюда", - сказал капрал.

'There's a new directive out about abdominal complaints.	- Относительно желудочных больных поступило новое распоряжение.
We have to keep them under observation five days because so many of them have been dying after we make them beat it.'	Мы обязаны держать их под наблюдением в течение пяти дней, потому что многие из них умирают, после того как мы их выставляем за дверь.
' All right,' grumbled the doctor.	- Ну ладно, - проворчал врач.
'Keep him under observation five days and then make him beat it.'	- Подержите его под наблюдением пять дней, а потом пусть мотает отсюда.

They took Yossarian's clothes away and put him in a ward, where he was very happy when no one was snoring nearby.	У Йоссариана отобрали одежду и поместили его в палату, где он был вполне счастлив, поскольку поблизости никто не храпел.
In the morning a helpful young English intern popped in to ask him about his liver.	Наутро в палату влетел молоденький англичанин -подающий большие надежды ординатор - и осведомился у Йоссариана насчет его печени.
'I think it's my appendix that's bothering me,' Yossarian told him.	- По-моему, у меня что-то не в порядке с аппендиксом, - сказал ему Йоссариан.
'Your appendix is no good,' the Englishman declared with jaunty authority.	- Да, с аппендиксом у вас неважно, - с апломбом заявил англичанин.

'If your appendix goes wrong, we can take it out and have you back on active duty in almost no time at all.	- Если ваш аппендикс не в порядке, мы вас оперируем. Оглянуться не успеете, как вернетесь в часть.
But come to us with a liver complaint and you can fool us for weeks.	А вот приди вы к нам с жалобой на печень, вы могли бы целый год водить нас за нос.
The liver, you see, is a large, ugly mystery to us.	Видите ли, печень для нас - темный лес.
If you've ever eaten liver you know what I mean.	На сегодняшний день мы знаем твердо только то, что печень существует.

We're pretty sure today that the liver exists and we have a fairly good idea of what it does whenever it's doing what it's supposed to be doing. Beyond that, we're really in the dark.	Мы имеем более или менее ясное представление о том, как функционирует здоровая печень, но все остальное для нас, откровенно говоря, - туман.
After all, what is a liver?	В конце концов, что такое печень?
My father, for example, died of cancer of the liver and was never sick a day of his life right up till the moment it killed him.	Возьмем, к примеру, моего отца. Он умер от рака печени, хотя ни разу в жизни не болел, пока его не свалил рак.
Never felt a twinge of pain.	Человек понятия не имел, что такое боль.

In a way, that was too bad, since I hated my father.	Правда, меня все это мало трогало, поскольку я отца терпеть не мог.
Lust for my mother, you know.'	Но мать обожал. Вы знаете, так бывает...
'What's an English medical officer doing on duty here?' Yossarian wanted to know.	- А чем здесь занимается офицер английской медицинской службы? - захотелось узнать Йоссариану.
The officer laughed.	Офицер засмеялся:
'I'll tell you all about that when I see you tomorrow morning.	- Расскажу, когда увидимся завтра утром.
And throw that silly ice bag away before you die of pneumonia.'	И снимите вы этот дурацкий пузырь со льдом, пока не умерли от воспаления легких.

Yossarian never saw him again.	Больше Йоссариан англичанина не видел.
That was one of the nice things about all the doctors at the hospital; he never saw any of them a second time.	Самой приятной особенностью госпитальных врачей было то, что Йоссариан никогда не видел их дважды.
They came and went and simply disappeared.	Они приходили, уходили и исчезали навсегда.
In place of the English intern the next day, there arrived a group of doctors he had never seen before to ask him about his appendix.	На следующий день вместо английского ординатора в палату пожаловала группа незнакомых Йоссариану врачей. Они принялись расспрашивать Йоссариана об аппендиксе.

'There's nothing wrong with my appendix,' Yossarian informed them.	- Аппендикс как аппендикс, - сообщил им Йоссариан.
' The doctor yesterday said it was my liver.'	- Вчера доктор сказал, что все дело в печени.
'Maybe it is his liver,' replied the white-haired officer in charge.	- Может быть, и в самом деле это печень, -заметил седовласый врач, начальник отделения.
'What does his blood count show?'	- Что говорит анализ крови?
'He hasn't had a blood count.'	- Анализа крови еще не делали.
' Have one taken right away.	- Сделать немедленно.
We can't afford to take chances with a patient in his condition.	Мы не можем рисковать с подобными пациентами.

We've got to keep ourselves covered in case he dies.'	Нужно застраховаться на случай, если он умрет.
He made a notation on his clipboard and spoke to Yossarian. 'In the meantime, keep that ice bag on.	- Начальник отделения сделал пометку в записной книжке и обратился к Йоссариану: - Пока что положите на живот пузырь со льдом.

It's very important.'	Это очень важно.
' I don't have an ice bag on.'	- У меня нет пузыря.
'Well, get one.	- Так достаньте.
There must be an ice bag around here somewhere.	Здесь где-то должен быть пузырь со льдом.

And let someone know if the pain becomes unendurable.'	Если боль станет невыносимой, дайте нам знать.
At the end of ten days, a new group of doctors came to Yossarian with bad news; he was in perfect health and had to get out.	На десятый день появилась новая группа врачей и принесла Йоссариану скверную новость: он абсолютно здоров и должен немедленно убираться из госпиталя.
He was rescued in the nick of time by a patient across the aisle who began to see everything twice.	В самую последнюю секунду его спас пациент, лежавший напротив через проход: у этого человека вдруг начало все в глазах двоиться.
Without warning, the patient sat up in bed and shouted.	Ни с того ни с сего он сел в постели и заорал:
' I see everything twice!'	- У меня все в глазах двоится!

A nurse screamed and an orderly fainted.	Медсестра взвизгнула и упала в обморок.
Doctors came running up from every direction with needles, lights, tubes, rubber mallets and oscillating metal tines.	Со всех сторон сбежались врачи со шприцами, рефлекторами, трубками, резиновыми молоточками и сверкающими скальпелями.
They rolled up complicated instruments on wheels.	Более громоздкий инструментарий вкатили на тележке.

There was not enough of the patient to go around, and specialists pushed forward in line with raw tempers and snapped at their colleagues in front to hurry up and give somebody else a chance.	Поскольку на всех врачей не хватало пациентов, специалисты выстроились в очередь, толкая друг друга, препираясь и покрикивая, чтобы передние поторапливались, - ведь и другие тоже хотят отличиться.
A colonel with a large forehead and horn-rimmed glasses soon arrived at a diagnosis.	Вскоре лобастый полковник в очках с роговой оправой установил диагноз.
'It's meningitis,' he called out emphatically, waving the others back.	- Менингит, - с пафосом провозгласил он.

'Although Lord knows there's not the slightest reason for thinking so.'	- Хотя... особых оснований для такого диагноза нет.
'Then why pick meningitis?' inquired a major with a suave chuckle.	- Тогда почему же менингит? - спросил майор, сдержанно хихикнув.
'Why not, let's say, acute nephritis?'	- А почему, скажем, не острый нефрит?
'Because I'm a meningitis man, that's why, and not an acute-nephritis man,' retorted the colonel.	- А потому, что я менингитчик, а не остронефритчик, вот почему, - возразил полковник.
'And I'm not going to give him up to any of you kidney birds without a struggle.	- И я не намерен уступать парня кому-нибудь из вас, уважаемые почковеды. Только через мой труп.

I was here first.'	Я прибежал сюда раньше вас всех.

In the end, the doctors were all in accord.	В конце концов врачи пришли к согласию.
They agreed they had no idea what was wrong with the soldier who saw everything twice, and they rolled him away into a room in the corridor and quarantined everyone else in the ward for fourteen days.	Они сошлись на том, что понятия не имеют, почему у солдата все в глазах двоится. Солдата увезли из палаты в изолятор и объявили в госпитале двухнедельный карантин.
Thanksgiving Day came and went without any fuss while Yossarian was still in the hospital.	В госпитале Йоссариан встретил День благодарения; праздник прошел спокойно, без суматохи.

The only bad thing about it was the turkey for dinner, and even that was pretty good.	К сожалению, обед все-таки привнес долю праздничной суеты, хотя индейка, надо отдать ей должное, была весьма недурна.
It was the most rational Thanksgiving he had ever spent, and he took a sacred oath to spend every future Thanksgiving Day in the cloistered shelter of a hospital.	Столь разумно Йоссариан еще никогда не проводил День благодарения и посему дал священную клятву, что отныне каждый День благодарения будет проводить в тихом госпитальном уединении.

He broke his sacred oath the very next year, when he spent the holiday in a hotel room instead in intellectual conversation with Lieutenant Scheisskopfs wife, who had Dori Duz's dog tags on for the occasion and who henpecked Yossarian sententiously for being cynical and callous about Thanksgiving, even though she didn't believe in God just as much as he didn't.	Но уже на следующий год он нарушил клятву и провел праздник в номере гостиницы за интеллектуальной беседой с женой лейтенанта Шейскопфа, на шее которой болтался медальон, подаренный ей подругой Дори Дуз специально для подобных случаев жизни. Жена лейтенанта Шейскопфа распекала Йоссариана за то, что он относится к Дню благодарения цинично, без души, хотя она, так же, как и он, не верила в бога.

'I'm probably just as good an atheist as you are,' she speculated boastfully. 'But even I feel that we all have a great deal to be thankful for and that we shouldn't be ashamed to show it.'	- Пусть я такая же атеистка, как и ты, - заявила она тоном превосходства, - но все-таки я чувствую, что нам есть за что благодарить бога. Так зачем же стыдиться своих чувств и прятать их?
'Name one thing I've got to be thankful for,' Yossarian challenged her without interest.	- За что же, например, я должен благодарить бога? Ну назови, - нехотя вызвал ее на спор Йоссариан.
'Well...' Lieutenant Scheisskopfs wife mused and paused a moment to ponder dubiously. 'Me.'	- Ну... - жена лейтенанта Шейскопфа запнулась на секунду, подумала и не совсем уверенно проговорила: - За меня.
' Oh, come on,' he scoffed.	- Еще чего! - усмехнулся Йоссариан.

She arched her eyebrows in surprise.	Она удивленно изогнула брови.

'Aren't you thankful for me?' she asked. She frowned peevishly, her pride wounded. 'I don't have to shack up with you, you know,' she told him with cold dignity. 'My husband has a whole squadron full of aviation cadets who would be only too happy to shack up with their commanding officer's wife just for the added fillip it would give them.' Yossarian decided to change the subject. 'Now you're changing the subject,' he pointed out diplomatically. 'I'll bet I can name two things to be miserable about for every one you can name to be thankful for.'	- А разве ты не благодарен богу за то, что встретил меня? - спросила она и обиженно надулась. Гордость ее была уязвлена. - Ну конечно, я благодарен, милая.

'Be thankful you're healthy.'	- А еще будь благодарен за то, что ты здоров.
'Be bitter you're not going to stay that way.'	- Но ведь здоровым всю жизнь не будешь. Вот что огорчает.
'Be glad you're even alive.'	- Радуйся тому, что ты просто жив.
' Be furious you're going to die.'	- Но я могу в любой момент умереть. И это бесит.
'Things could be much worse,' she cried.	- И вообще все могло быть гораздо хуже! -закричала она.
'They could be one hell of a lot better,' he answered heatedly. 'You're naming only one thing,' she protested. 'You said you could name two.'	- Но все могло быть, черт возьми, и неизмеримо лучше! - запальчиво ответил он.

'And don't tell me God works in mysterious ways,' Yossarian continued, hurtling on over her objection.	- И не уверяй меня, будто пути господни неисповедимы, - продолжал Йоссариан уже более спокойно.
' There's nothing so mysterious about it.	- Ничего неисповедимого тут нет.
He's not working at all.	Бог вообще ничего не делает.
He's playing.	Он забавляется.
Or else He's forgotten all about us.	А скорее всего, он попросту о нас забыл.
That's the kind of God you people talk about- a country bumpkin, a clumsy, bungling, brainless, conceited, uncouth hayseed.	Ваш бог, о котором вы все твердите с утра до ночи, - это темная деревенщина, недотепа, неуклюжий, безрукий, бестолковый, капризный, неповоротливый простофиля!..

Good God, how much reverence can you have for a Supreme Being who finds it necessary to include such phenomena as phlegm and tooth decay in His divine system of creation?	Сколько, черт побери, почтения к тому, кто счел необходимым включить харкотину и гниющие зубы в свою "божественную" систему мироздания.
What in the world was running through that warped, evil, scatological mind of His when He robbed old people of the power to control their bowel movements?	Ну вот скажи на милость, зачем взбрело ему на ум, на его извращенный, злобный, мерзкий ум, заставлять немощных стариков испражняться под себя?
Why in the world did He ever create pain?'	И вообще, зачем, скажи на милость, он создал боль?

'Pain?' Lieutenant Scheisskopf s wife pounced upon the word victoriously.	- Боль? - подхватила жена лейтенанта Шейскопфа.
' Pain is a useful symptom.	- Боль - это сигнал.
Pain is a warning to us of bodily dangers.'	Боль предупреждает нас об опасностях, грозящих нашему телу.
'And who created the dangers?' Yossarian demanded. He laughed caustically.	- А кто придумал опасности? - спросил Йоссариан и злорадно рассмеялся.
'Oh, He was really being charitable to us when He gave us pain!	- О, действительно, как это милостиво с его стороны награждать нас болью!

Why couldn't He have used a doorbell instead to notify us, or one of His celestial choirs?	А почему бы ему вместо этого не использовать дверной звонок, чтобы уведомлять нас об опасностях, а? Или не звонок, а какие нибудь ангельские голоса?
Or a system of blue-and-red neon tubes right in the middle of each person's forehead.	Или систему голубых или красных неоновых лампочек, вмонтированных в наши лбы?
Any jukebox manufacturer worth his salt could have done that.	Любой мало-мальски стоящий слесарь мог бы это сделать.
Why couldn't He?'	А почему он не смог?

'People would certainly look silly walking around with red neon tubes in the middle of their foreheads.'	- Это было бы довольно грустное зрелище - люди разгуливают с красными неоновыми лампочками во лбу!
'They certainly look beautiful now writhing in agony or stupefied with morphine, don't they?	- А что, по-твоему, это не грустное зрелище, когда люди корчатся в агонии и обалдевают от морфия?
What a colossal, immortal blunderer!	О, бесподобный и бессмертный бракодел!

When you consider the opportunity and power He had to really do a job, and then look at the stupid, ugly little mess He made of it instead, His sheer incompetence is almost staggering.	Когда взвешиваешь его возможности и его власть, а потом посмотришь на ту бессмысленную и гнусную карусель, которая у него получилась, становишься в тупик при виде его явной беспомощности.
It's obvious He never met a payroll.	Видно, ему сроду не приходилось расписываться в платежной ведомости.
Why, no self-respecting businessman would hire a bungler like Him as even a shipping clerk!'	Ни один уважающий себя бизнесмен не взял бы этого халтурщика даже мальчиком на побегушках.

Lieutenant Scheisskopfs wife had turned ashen in disbelief and was ogling him with alarm.	Жена лейтенанта Шейскопфа боялась поверить своим ушам. Она побледнела и впилась в Йоссариана тревожным взглядом.
'You'd better not talk that way about Him, honey,' she warned him reprovingly in a low and hostile voice.	- Милый, не надо говорить о нем в таком тоне, -сказала она шепотом.
'He might punish you.'	- Он может покарать тебя.
'Isn't He punishing me enough?' Yossarian snorted resentfully.	- А разве он и так мало меня наказывает? - горько усмехнулся Йоссариан.
' You know, we mustn't let Him get away with it.	- Ну нет, это ему даром не пройдет.

Oh, no, we certainly mustn't let Him get away scot free for all the sorrow He's caused us.	Нет, нет, мы обязательно проучим его за все несчастья, которые он обрушивает на наши головы.
Someday I'm going to make Him pay.	Когда-нибудь я предъявлю ему счет.
I know when. On the Judgment Day.	И я знаю когда - в день Страшного суда.
Yes, That's the day I'll be close enough to reach out and grab that little yokel by His neck and-'	Да, в тот день я окажусь совсем близко около него. И тогда стоит мне протянуть руку - и я схвачу этого деревенского придурка за шиворот и...
' Stop it!	- Перестань!

Stop it!' Lieutenant Scheisskopfs wife screamed suddenly, and began beating him ineffectually about the head with both fists. 'Stop it!'	Перестань! - завизжала жена лейтенанта Шейскопфа и принялась колотить его по голове.
Yossarian ducked behind his arm for protection while she slammed away at him in feminine fury for a few seconds, and then he caught her determinedly by the wrists and forced her gently back down on the bed.	Йоссариан прикрылся рукой, а она лупила его в припадке бабьей ярости, пока он решительно не схватил ее за запястья.

'What the hell are you getting so upset about?' he asked her bewilderedly in a tone of contrite amusement. 'I thought you didn't believe in God.'	- Какого черта ты так разволновалась? - спросил он недоуменно и, как бы извиняясь, добавил: - Я думал, ты не веришь в бога.
'I don't,' she sobbed, bursting violently into tears.	- Да, не верю, - всхлипнула она и разразилась бурным потоком слез.
'But the God I don't believe in is a good God, a just God, a merciful God.	- Но бог, в которого я не верю, - он хороший, справедливый, милостивый.
He's not the mean and stupid God you make Him out to be.'	Он не такой низкий и глупый, как ты о нем говорил.
Yossarian laughed and turned her arms loose.	Йоссариан рассмеялся и выпустил ее руки.

'Let's have a little more religious freedom between us,' he proposed obligingly.	- Давай не будем навязывать друг другу своих религиозных взглядов, - любезно предложил он.
'You don't believe in the God you want to, and I won't believe in the God I want to.	- Ты не верь в своего бога, я не буду верить в своего.
Is that a deal?'	По рукам?..

That was the most illogical Thanksgiving he could ever remember spending, and his thoughts returned wishfully to his halcyon fourteen-day quarantine in the hospital the year before; but even that idyll had ended on a tragic note; he was still in good health when the quarantine period was over, and they told him again that he had to get out and go to war.	Это был самый бестолковый День благодарения в его жизни. Йоссариан с удовольствием вспоминал прошлогодний безмятежный двухнедельный карантин в госпитале. Правда, идиллия потом была нарушена: срок карантина истек, и ему снова напомнили, что он должен убираться вон и отправляться на войну.
Yossarian sat up in bed when he heard the bad news and shouted.	Услышав эту скверную новость, Йоссариан сел в постели и заорал:

' I see everything twice!'	- У меня все в глазах двоится!
Pandemonium broke loose in the ward again.	В палате началось вавилонское столпотворение.

The specialists came running up from all directions and ringed him in a circle of scrutiny so confining that he could feel the humid breath from their various noses blowing uncomfortably upon the different sectors of his body.	Отовсюду сбежались специалисты и окружили его плотным кольцом. Носы самой разнообразной конфигурации склонились над ним так низко, что каждый квадратный дюйм его тела ощущал прохладные ветерки, вырывавшиеся из ноздрей господ специалистов.

They went snooping into his eyes and ears with tiny beams of light, assaulted his legs and feet with rubber hammers and vibrating forks, drew blood from his veins, held anything handy up for him to see on the periphery of his vision.	Врачи пускали ему в уши и глаза тоненькие лучики света, атаковали его колени и подошвы резиновыми молоточками и вибрирующими иглами, брали кровь из его вен и высоко поднимали первые попавшиеся под руку предметы, чтобы проверить его периферийное зрение.
The leader of this team of doctors was a dignified, solicitous gentleman who held one finger up directly in front ofYossarian and demanded,	Бригаду врачей возглавлял солидный, дотошный джентльмен, который поднял палец перед носом Йоссариана и требовательно спросил:
' How many fingers do you see?'	- Сколько пальцев вы видите?

' Two,' said Yossarian.	- Два! - сказал Йоссариан.
'How many fingers do you see now?' asked the doctor, holding up two.	- А сколько пальцев вы видите сейчас? - спросил врач, подняв два пальца.
' Two,' said Yossarian.	- Два, - сказал Йоссариан.
'And how many now?' asked the doctor, holding up none.	- А сейчас? - спросил доктор и не показал ничего.
' Two,' said Yossarian.	- Два, - сказал Йоссариан.
The doctor's face wreathed with a smile.	Лицо врача расплылось в улыбке.

'By Jove, he's right,' he declared jubilantly. 'He does see everything twice.'	- Клянусь святым Иовом, он прав! - ликуя, объявил врач, - У него действительно все в глазах двоится.
They rolled Yossarian away on a stretcher into the room with the other soldier who saw everything twice and quarantined everyone else in the ward for another fourteen days.	Йоссариана отвезли на каталке в изолятор, где лежал солдат, у которого двоилось в глазах, а в палате объявили еще один карантин на две недели.
'I see everything twice!' the soldier who saw everything twice shouted when they rolled Yossarian in.	- У меня все в глазах двоится! - заорал, солдат, у которого все в глазах двоилось, когда вкатили Йоссариана.

'I see everything twice!' Yossarian shouted back at him just as loudly, with a secret wink.	- У меня все в глазах двоится! - заорал изо всех сил Йоссариан, подмигивая солдату.
' The walls!	- Стены!
The walls!' the other soldier cried.	Стены! - заорал солдат.
'Move back the walls!'	- Отодвиньте стены!
' The walls!	- Стены!
The walls!' Yossarian cried.	Стены! - заорал Йоссариан.
'Move back the walls!'	- Отодвиньте стены!

One of the doctors pretended to shove the wall back.	Один из врачей сделал вид, будто отодвигает стены.
' Is that far enough?'	- Вот так достаточно?

The soldier who saw everything twice nodded weakly and sank back on his bed.	Солдат, у которого двоилось в глазах, слабо кивнул головой и рухнул на подушки.
Yossarian nodded weakly too, eying his talented roommate with great humility and admiration.	Йоссариан тоже слабо кивнул головой, не сводя восхищенного взора с талантливого соседа.
He knew he was in the presence of a master.	Солдат работал по классу мастеров.
His talented roommate was obviously a person to be studied and emulated.	У такого таланта стоило поучиться - равняться на мастеров всегда, полезно.

During the night, his talented roommate died, and Yossarian decided that he had followed him far enough.	Однако ночью талантливый сосед скончался. Йоссариан понял, что, подражая ему, пожалуй, можно зайти слишком далеко.
' I see everything once!' he cried quickly.	- Я все вижу раз! - поспешно закричал он.
A new group of specialists came pounding up to his bedside with their instruments to find out if it was true.	Новая группа специалистов, вооруженных медицинскими инструментами, собралась у его постели, дабы удостовериться, что он говорит правду.
'How many fingers do you see?' asked the leader, holding up one.	- Сколько пальцев вы видите? - спросил главный, подняв один палец.
'One.'	- Один, - ответил Йоссариан.

The doctor held up two fingers.	Врач поднял два пальца.
'How many fingers do you see now?'	- А сколько теперь?
'One.'	- Один.
The doctor held up ten fingers. 'And how many now?'	- А теперь? - спросил он, подняв десять пальцев.
'One.'	- Один.
The doctor turned to the other doctors with amazement.	Врач обернулся к коллегам в крайнем изумлении.
'He does see everything once!' he exclaimed.	- Он действительно все видит в единственном числе! - воскликнул он.
'We made him all better.'	- Наш курс лечения оказался весьма эффективным.

'And just in time, too,' announced the doctor with whom Yossarian next found himself alone, a tall, torpedo-shaped congenial man with an unshaven growth of brown beard and a pack of cigarettes in his shirt pocket that he chain-smoked insouciantly as he leaned against the wall.	- И весьма своевременным, - проговорил врач, задержавшийся у постели Йоссариана после ухода специалистов. Это был высокий свойский парень с заостренным, как головка снаряда, черепом и с подбородком, заросшим рыжеватой щетиной. Из его нагрудного кармана торчала пачка сигарет. Прислонившись к стене, он с беспечным видом прикуривал новую сигарету от старой.
'There are some relatives here to see you.	- Дело в том, что тебя приехали проведать родственники.

Oh, don't worry,' he added with a laugh. 'Not your relatives.	Ты не беспокойся, - добавил он, смеясь, - это не твои родственники.
It's the mother, father and brother of that chap who died.	Это мать, отец и брат того парня, который умер ночью.
They've traveled all the way from New York to see a dying soldier, and you're the handiest one we've got.'	Они ехали к умирающему из самого Нью-Йорка. Ты самый подходящий из того, что у нас есть.
'What are you talking about?' Yossarian asked suspiciously.	- О чем вы говорите? - подозрительно спросил Йоссариан.
' I'm not dying.'	- Я пока что еще не умираю.

' Of course you're dying.	- То есть, как это не умираешь?
We're all dying.	Мы все умираем.
Where the devil else do you think you're heading?'	А куда же еще ты держишь путь с утра и до вечера, если не к могиле?
'They didn't come to see me,' Yossarian objected.	- Но ведь они приехали повидать не меня, -возразил Йоссариан.
' They came to see their son.'	- Они приехали повидать своего сына.
'They'll have to take what they can get.	- Им придется довольствоваться тем, что мы им предложим.
As far as we're concerned, one dying boy is just as good as any other, or just as bad.	Для нас один загибающийся малый нисколько не хуже и не лучше другого.

To a scientist, all dying boys are equal.	Для людей науки все умирающие на одно лицо.
I have a proposition for you.	Так вот что я хочу тебе предложить.
You let them come in and look you over for a few minutes and I won't tell anyone you've been lying about your liver symptoms.'	Ты им разреши войти, и пусть они на тебя полюбуются несколько минут, а я за это никому не скажу, что ты втираешь очки насчет печеночных приступов.
Yossarian drew back from him farther.	Йоссариан отодвинулся от него подальше.
'You know about that?'	- А вы знаете, что я втираю очки?
' Of course I do.	- Конечно, знаю.

Give us some credit.' The doctor chuckled amiably and lit another cigarette.	Доверься нам, - дружески усмехнулся доктор и прикурил новую сигарету.
'How do you expect anyone to believe you have a liver condition if you keep squeezing the nurses' tits every time you get a chance?	- Неужели ты думаешь, что кто-нибудь верит в твою больную печень? А зачем ты пристаешь к медсестрам?
You're going to have to give up sex if you want to convince people you've got an ailing liver.'	Если ты хочешь убедить людей, что у тебя больная печень, забудь о бабах.
' That's a hell of a price to pay just to keep alive.	- Чертовски высокая цена за то, чтобы выжить.

Why didn't you turn me in if you knew I was faking?'	Что же вы меня не разоблачили, если видели, что я симулирую?
'Why the devil should I?' asked the doctor with a flicker of surprise.	- А на кой черт мне это нужно? - удивился доктор.
'We're all in this business of illusion together.	- Мы все тут втираем очки друг другу.

I'm always willing to lend a helping hand to a fellow conspirator along the road to survival if he's willing to do the same for me.	Я всегда не прочь протянуть руку помощи и договориться с хорошим человеком, чтобы помочь ему остаться в живых, при условии, что он готов оказать мне такую же услугу.

These people have come a long way, and I'd rather not disappoint them.	Эти люди приехали издалека, и мне бы не хотелось их разочаровывать.
I'm sentimental about old people.'	Стариков мне всегда жалко.
'But they came to see their son.'	- Но ведь они приехали повидать сына.
' They came too late.	- Они прибыли слишком поздно.
Maybe they won't even notice the difference.'	Возможно, они даже и не заметят никакой разницы.
' Suppose they start crying.'	- Ну а вдруг они начнут плакать?
' They probably will start crying.	- Это уж наверняка.

That's one of the reasons they came.	Для этого они, собственно, и приехали.
I'll listen outside the door and break it up if it starts getting tacky.'	Я буду стоять за дверью и слушать и, если дело примет скверный оборот, тут же вмешаюсь.
'It all sounds a bit crazy,' Yossarian reflected.	- Все это звучит довольно дико, - задумчиво проговорил Йоссариан.
'What do they want to watch their son die for, anyway?'	- Зачем им нужно видеть, как умирает их сын?
'I've never been able to figure that one out,' the doctor admitted, 'but they always do.	- Этого я не понимаю, - признался доктор. - Но так уж водится.
Well, what do you say?	Ну, договорились?

All you've got to do is lie there a few minutes and die a little.	Все, что от тебя требуется, - немного поумирать.
Is that asking so much?'	Разве это так уж трудно?
' All right,' Yossarian gave in.	- Ладно, - сдался Йоссариан.
'If it's just for a few minutes and you promise to wait right outside.' He warmed to his role.	- Если всего несколько минут... И вы обещаете постоять за дверью... - Он начал входить в роль.
'Say, why don't you wrap a bandage around me for effect?'	- Послушайте, а вы, может, меня забинтуете для большей убедительности?
'That sounds like a splendid idea,' applauded the doctor.	- По-моему, это прекрасная мысль, - одобрил врач.

They wrapped a batch of bandages around Yossarian.	Йоссариана щедро забинтовали.
A team of medical orderlies installed tan shades on each of the two windows and lowered them to douse the room in depressing shadows.	Дежурные сестры повесили на обоих окнах шторы, приспустивших так, что комната погрузилась в унылый полумрак.
Yossarian suggested flowers and the doctor sent an orderly out to find two small bunches of fading ones with a strong and sickening smell.	Йоссариан вспомнил о цветах. Врач откомандировал дежурную сестру, и вскоре та вернулась с двумя куцыми букетиками увядших цветочков, источавших резкий тошнотворный запах.

When everything was in place, they made Yossarian get back into bed and lie down.	Когда все было готово, Йоссариану велели улечься в постель.
Then they admitted the visitors.	Затем впустили посетителей.
The visitors entered uncertainly as though they felt they were intruding, tiptoeing in with stares of meek apology, first the grieving mother and father, then the brother, a glowering heavy-set sailor with a deep chest.	Они нерешительно переступили порог, словно чувствовали себя незваными гостями. Они вошли на цыпочках с жалким, виноватым видом: впереди - убитые горем мать и отец, за ними - брат, коренастый, широкоплечий, насупившийся моряк.

The man and woman stepped into the room stify side by side as though right out of a familiar, though esoteric, anniversary daguerreotype on a wall.	Мать и отец стояли, прижавшись друг к другу, точно только что сошли с пожелтевшей фотографии, сделанной по случаю какого-то ежегодного семейного торжества.
They were both short, sere and proud.	Оба были маленькие, сухонькие и важные.
They seemed made of iron and old, dark clothing. The woman had a long, brooding oval face of burnt umber, with coarse graying black hair parted severely in the middle and combed back austerely behind her neck without curl, wave or ornamentation.	У женщины было продолговатое, овальное, задумчивое лицо цвета жженой умбры. Строгий пробор разделял ее жесткие, черные, седеющие волосы, гладко зачесанные назад.

Her mouth was sullen and sad, her lined lips compressed.	Она скорбно поджала тонкие губы.
The father stood very rigid and quaint in a double-breasted suit with padded shoulders that were much too tight for him.	Отец стоял как одеревенелый и выглядел довольно забавно в своем двубортном, с подложенными плечами пиджаке, который был ему явно тесен.

He was broad and muscular on a small scale and had a magnificently curled silver mustache on his crinkled face. His eyes were creased and rheumy, and he appeared tragically ill at ease as he stood awkwardly with the brim of his black felt fedora held in his two brawny laborer's hands out in front of his wide lapels.	Несмотря на малый рост, старик был широкоплеч и жилист. На его морщинистом лице курчавились серебряные усы, из-под морщинистых век текли слезы. Было видно, что чувствовал он себя в высшей степени неловко. Он неуклюже переминался с ноги на ногу, держа в обожженных солнцем натруженных руках черную фетровую шляпу и прижимая ее к лацканам пиджака.
Poverty and hard work had inflicted iniquitous damage on both.	Бедность и постоянный труд наложили на этих людей свой отпечаток.

The brother was looking for a fight. His round white cap was cocked at an insolent tilt, his hands were clenched, and he glared at everything in the room with a scowl of injured truculence.	У брата вид был весьма воинственный: круглая белая шапочка лихо сдвинута набекрень, кулаки сжаты, из-под насупленных бровей он метал по комнате свирепые взгляды.
The three creaked forward timidly, holding themselves close to each other in a stealthy, funereal group and inching forward almost in step, until they arrived at the side of the bed and stood staring down at Yossarian.	Все трое тесной кучкой устремились вперед. Они ступали бесшумно, как на похоронах, и, подойдя вплотную к кровати, уставились на Йоссариана.

There was a gruesome and excruciating silence that threatened to endure forever.	Возникла мучительно тяжелая пауза, грозившая затянуться до бесконечности.
Finally Yossarian was unable to bear it any longer and cleared his throat.	Наконец Йоссариану стало невмоготу, и он покашлял.
The old man spoke at last.	Первым заговорил старик.

'He looks terrible,' he said.	- Он выглядит ужасно, - сказал он.
'He's sick, Pa.'	- Он ведь болен, па.

'Giuseppe,' said the mother, who had seated herself in a chair with her veinous fingers clasped in her lap.	- Джузеппе... - сказала мать, усевшись на стул, и положила на колени свои жилистые руки.
'My name is Yossarian,' Yossarian said.	- Меня зовут Йоссариан, - сказал Йоссариан.
' His name is Yossarian, Ma.	- Его зовут Йоссариан, ма.
Yossarian, don't you recognize me?	Йоссариан, ты что, не узнаешь меня?
I'm your brother John.	Я твой брат Джон.
Don't you know who I am?'	Ты меня знаешь?
' Sure I do.	- Конечно, знаю.

You're my brother John.'	Ты мой брат Джон.
' He does recognize me!	- Вот видите, он узнал меня!
Pa, he knows who I am.	Па, он знает, кто я.
Yossarian, here's Papa.	Йоссариан, это па.
Say hello to Papa.'	Скажи папе "Здравствуй".
'Hello, Papa,' said Yossarian.	- Здравствуй, папа, - сказал Йоссариан.
'Hello, Giuseppe.'	- Здравствуй, Джузеппе.
'His name is Yossarian, Pa.'	- Его зовут Йоссариан, па.
'I can't get over how terrible he looks,' the father said.	- Как он ужасно выглядит! Я не могу этого вынести, - сказал отец.

'He's very sick, Pa.	- Он очень болен, па.
The doctor says he's going to die.'	Врач сказал, что он умрет.
'I didn't know whether to believe the doctor or not,' the father said.	- Не знаю, можно ли верить докторам.
'You know how crooked those guys are.'	Они ведь такие мошенники.
'Giuseppe,' the mother said again, in a soft, broken chord of muted anguish.	- Джузеппе... - снова тихонько сказала мать, и в ее надтреснутом голосе послышалось невыразимое страдание.
' His name is Yossarian, Ma.	- Его зовут Йоссариан, ма.

She don't remember things too good any more.	У нее уже память стала не та, Йоссариан.
How're they treating you in here, kid?	Как они к тебе здесь относятся, малыш?
They treating you pretty good?'	Уход сносный?
'Pretty good,' Yossarian told him.	- Вполне сносный, - ответил Йоссариан.
' That's good.	- Это хорошо.
Just don't let anybody in here push you around.	Только никому не позволяй помыкать собой.
You're just as good as anybody else in here even though you are Italian.	Ты здесь нисколько не хуже других, хоть ты и итальянец.

You've got rights, too.'	У тебя такие же права, как у всех.
Yossarian winced and closed his eyes so that he would not have to look at his brother John.	Йоссариан поморщился и закрыл глаза, чтобы не видеть своего брата Джона.
He began to feel sick.	Ему стало не по себе.
'Now see how terrible he looks,' the father observed.	- Нет, ты посмотри, как он ужасно выглядит, -заметил отец.
' Giuseppe,' the mother said.	- Джузеппе... - сказала мать.

'Ma, his name is Yossarian,' the brother interrupted her impatiently. 'Can't you remember?'	- Ма, его зовут Йоссариан, - нетерпеливо прервал ее брат, - ты что, забыла?
' It's all right,' Yossarian interrupted him.	- Неважно, - перебил его Йоссариан.
'She can call me Giuseppe if she wants to.'	- Если ей хочется, она может называть меня Джузеппе.
' Giuseppe,' she said to him.	- Джузеппе... - сказала мать.
' Don't worry, Yossarian,' the brother said.	- Не беспокойся, Йоссариан, - сказал брат.

'Everything is going to be all right.'	- Все будет в порядке.
'Don't worry, Ma,' Yossarian said.	- Не беспокойся, ма, - сказал Йоссариан.
'Everything is going to be all right.'	- Все будет в порядке.
'Did you have a priest?' the brother wanted to know.	- У тебя есть священник? - поинтересовался брат.
' Yes,' Yossarian lied, wincing again.	- Есть, - соврал Йоссариан и снова поморщился.
'That's good,' the brother decided.	- Это хорошо, - заключил брат.
'Just as long as you're getting everything you've got coming to you.	- Раз ты все понимаешь, значит, ты приходишь в себя.
We came all the way from New York.	Мы к тебе из самого Нью-Йорка ехали.

We were afraid we wouldn't get here in time.'	Боялись, не поспеем вовремя.
' In time for what?'	- Куда не поспеете?
' In time to see you before you died.'	- Не успеем повидать тебя перед смертью...
'What difference would it make?'	- А что бы от этого изменилось?
'We didn't want you to die by yourself.'	- Нам не хотелось, чтобы ты умирал в одиночестве.
'What difference would it make?'	- А что бы от этого, изменилось?
'He must be getting delirious,' the brother said.	- Он, должно быть, начинает бредить, - сказал брат.
'He keeps saying the same thing over and over again.'	- Он без конца повторяет одно и то же.

' That's really very funny,' the old man replied.	- Это действительно занятно, - отозвался старик.
'All the time I thought his name was Giuseppe, and now I find out his name is Yossarian.	- Я всегда думал, что его зовут Джузеппе, а он, оказывается, Йоссариан.
That's really very funny.'	Это, право, занятно.
'Ma, make him feel good,' the brother urged.	- Ма, утешь его, - настаивал брат.

' Say something to cheer him up.'	- Скажи что-нибудь, чтобы приободрить его.
' Giuseppe.'	- Джузеппе...
' It's not Giuseppe, Ma. It's Yossarian.'	- Это не Джузеппе, ма, а Йоссариан.

'What difference does it make?' the mother answered in the same mourning tone, without looking up.	- А не все ли равно? - ответила мать тем же скорбным тоном, не поднимая глаз.
'He's dying.'	- Он умирает.
Her tumid eyes filled with tears and she began to cry, rocking back and forth slowly in her chair with her hands lying in her lap like fallen moths.	Ее распухшие глаза наполнились слезами, и она заплакала, медленно раскачиваясь взад и вперед. Руки ее лежали на коленях в подоле, как две подстреленные птицы.
Yossarian was afraid she would start wailing.	Йоссариан испугался, как бы она сейчас не завопила в голос.
The father and brother began crying also.	Отец и брат тоже заплакали.

Yossarian remembered suddenly why they were all crying, and he began crying too.	Йоссариан вдруг вспомнил, почему они плачут, и тоже заплакал.
A doctor Yossarian had never seen before stepped inside the room and told the visitors courteously that they had to go.	Врач, которого Йоссариан прежде никогда не видел, вошел в палату и вежливо напомнил посетителям, что им пора выходить.
The father drew himself up formally to say goodbye.	Отец сразу принял официальный вид и стал прощаться.
'Giuseppe,' he began.	- Джузеппе... - начал он.
' Yossarian,' corrected the son.	- Йоссариан, - поправил его сын.

' Yossarian,' said the father.	- Йоссариан... - сказал отец.
' Giuseppe,' corrected Yossarian.	- Джузеппе... - поправил его Йоссариан.
' Soon you're going to die.'	- Ты скоро умрешь...
Yossarian began to cry again.	Йоссариан снова заплакал.
The doctor threw him a dirty look from the rear of the room, and Yossarian made himself stop. The father continued solemnly with his head lowered.	Опустив голову, отец торжественно продолжал.

'When you talk to the man upstairs,' he said, 'I want you to tell Him something for me.	- Когда ты предстанешь пред ликом всевышнего, -сказал он, - будь добр, скажи ему кое-что от моего имени.
Tell Him it ain't right for people to die when they're young.	Скажи ему, что это неправильно, когда люди умирают молодыми.
I mean it.	Вот что.
Tell Him if they got to die at all, they got to die when they're old.	Передай ему: раз уж людям суждено умереть, пусть они умирают в старости.
I want you to tell Him that.	Ты уж обязательно ему скажи.

I don't think He knows it ain't right, because He's supposed to be good and it's been going on for a long, long time. Okay?'	По-моему, он не знает, что на земле творится такая несправедливость. Разве можно, чтобы это тянулось долго, так долго? Ведь он же милостив... Скажешь, ладно?

'And don't let anybody up there push you around,' the brother advised.	- И не позволяй никому помыкать собой, -посоветовал брат.
'You'll be just as good as anybody else in heaven, even though you are Italian.'	- На небесах ты будешь нисколько не хуже других, хоть ты и итальянец.
'Dress warm,' said the mother, who seemed to know.	- Одевайся теплее... - сказала мать, будто она знала, что на небесах недолго и простудиться.

Colonel Cathcart Colonel Cathcart was a slick, successful, slipshod, unhappy man of thirty-six who lumbered when he walked and wanted to be a general.	19. Полковник Кэткарт Полковник Кэткарт был блестящим, преуспевающим, несобранным, несчастным человеком тридцати шести лет от роду, с прихрамывающей походкой и мечтой прорваться в генералы.
He was dashing and dejected, poised and chagrined.	Он бывал то энергичным, то вялым, то спокойным, то хмурым.

He was complacent and insecure, daring in the administrative stratagems he employed to bring himself to the attention of his superiors and craven in his concern that his schemes might all backfire.	Благодушный и вспыльчивый, он прибегал к всевозможным административным уловкам, чтобы привлечь к себе внимание вышестоящего начальства, но при этом отчаянно трусил, опасаясь, что его хитроумные планы могут бумерангом ударить и по нему.
He was handsome and unattractive, a swashbuckling, beefy, conceited man who was putting on fat and was tormented chronically by prolonged seizures of apprehension.	Красивый и непривлекательный здоровяк, предрасположенный к полноте, тщеславный и лихой до удали, он постоянно находился в когтях дурных предчувствий.

Colonel Cathcart was conceited because he was a full colonel with a combat command at the age of only thirty-six; and Colonel Cathcart was dejected because although he was already thirty-six he was still only a full colonel.	Тщеславие полковника Кэткарта проистекало от сознания, что в свои тридцать шесть лет он уже полковник и строевой командир, а в подавленном состоянии он находился оттого, что, хотя ему уже и тридцать шесть, он всего лишь полковник.
Colonel Cathcart was impervious to absolutes.	Полковника не интересовали абсолютные категории.

He could measure his own progress only in relationship to others, and his idea of excellence was to do something at least as well as all the men his own age who were doing the same thing even better.	Он оценивал свои успехи только в сравнении с успехами других. По его мнению, преуспеть в жизни - значило уметь делать по крайней мере то же самое, что делали самые удачливые из его ровесников.

The fact that there were thousands of men his own age and older who had not even attained the rank of major enlivened him with foppish delight in his own remarkable worth; on the other hand, the fact that there were men of his own age and younger who were already generals contaminated him with an agonizing sense of failure and made him gnaw at his fingernails with an unappeasable anxiety that was even more intense than Hungry Joe's.	То обстоятельство, что тысячи людей его возраста и старше не достигли даже ранга майора, делало полковника чванливым и возвышало в собственных глазах. Но встречались люди его возраста и даже моложе, уже ставшие генералами, - и это отравляло душу полковника мучительным ощущением неудачи и заставляло грызть ногти в безутешном отчаянии, еще более сильном, чем отчаяние Заморыша Джо.

Colonel Cathcart was a very large, pouting, broadshouldered man with close-cropped curly dark hair that was graying at the tips and an ornate cigarette holder that he purchased the day before he arrived in Pianosa to take command of his group.	Полковник Кэткарт был крупным, широкоплечим, капризным человеком с вьющимися, коротко стриженными, начинающими седеть темными волосами. Гордостью полковника был инкрустированный мундштук, который он приобрел ровно за день до прибытия на Пьяносу, где принял авиаполк.
He displayed the cigarette holder grandly on every occasion and had learned to manipulate it adroitly.	При каждом удобном случае полковник величественно демонстрировал свой мундштук и научился обращаться с ним весьма ловко.

Unwittingly, he had discovered deep within himself a fertile aptitude for smoking with a cigarette holder.	Совершенно нечаянно он обнаружил в себе склонность курить с мундштуком.
As far as he could tell, his was the only cigarette holder in the whole Mediterranean theater of operations, and the thought was both flattering and disquieting.	Насколько ему было известно, его мундштук был единственным на всем Средиземноморском театре военных действий, и мысль эта одновременно и льстила полковнику, и не давала покоя.

He had no doubts at all that someone as debonair and intellectual as General Peckem approved of his smoking with a cigarette holder, even though the two were in each other's presence rather seldom, which in a way was very lucky, Colonel Cathcart recognized with relief, since General Peckem might not have approved of his cigarette holder at all.	Он абсолютно не сомневался, что такие светские и интеллигентные люди, как генерал Пеккем, безусловно, должны одобрить его мундштук, однако встречался он с генералом Пеккемом довольно редко, и расценивал это само по себе как большую удачу, ибо кто его знает, генерал Пеккем мог и не одобрить его мундштук.

When such misgivings assailed Colonel Cathcart, he choked back a sob and wanted to throw the damned thing away, but he was restrained by his unswerving conviction that the cigarette holder never failed to embellish his masculine, martial physique with a high gloss of sophisticated heroism that illuminated him to dazzling advantage among all the other full colonels in the American Army with whom he was in competition.	Когда дурные предчувствия такого рода посещали полковника Кэткарта, он чуть не задыхался от рыданий и порывался выбросить к чертовой матери свой мундштук, но от этого шага полковника удерживало твердое убеждение, что мундштук так идет к его мужественной, воинственной наружности, что он придает его героической натуре особый шик и резко подчеркивает его преимущества по сравнению со всеми конкурентами - другими полковниками американской армии.

Although how could he be sure?	Впрочем, разве в таких вещах можно быть уверенным?
Colonel Cathcart was indefatigable that way, an industrious, intense, dedicated military tactician who calculated day and night in the service of himself.	Полковник Кэткарт шел по избранному пути, не ведая устали, трудолюбивый, ревностный, преданный своему делу военный тактик, который денно и нощно вынашивал планы, направленные на дальнейшее процветание собственной персоны.

He was his own sarcophagus, a bold and infallible diplomat who was always berating himself disgustedly for all the chances he had missed and kicking himself regretfully for all the errors he had made.	Этот человек был сам для себя ходячей камерой пыток. Смелый, непогрешимый дипломат, он беспрестанно хоронил себя заживо, беспощадно поносил за малейший упущенный шанс; распинал за каждую допущенную ошибку.
He was tense, irritable, bitter and smug.	Он был всегда возбужден, раздражен, огорчен и исполнен самодовольства.

He was a valorous opportunist who pounced hoggishly upon every opportunity Colonel Korn discovered for him and trembled in damp despair immediately afterward at the possible consequences he might suffer.	Он отважно охотился за удачей и плотоядно впивался зубами в каждое казавшееся ему удачным предложение подполковника Корна, но тут же впадал в отчаяние при мысли о последствиях, могущих оказаться для него пагубными.
He collected rumors greedily and treasured gossip.	Он алчно коллекционировал слухи и копил сплетни, как скупец - бриллианты.
He believed all the news he heard and had faith in none.	Он принимал близко к сердцу все новости, но не верил ни одной.

He was on the alert constantly for every signal, shrewdly sensitive to relationships and situations that did not exist. He was someone in the know who was always striving pathetically to find out what was going on.	Он готов был вскочить на ноги по первому сигналу тревоги. Он исключительно болезненно реагировал на перемены в отношениях с начальством, если даже никаких перемен на самом деле и не происходило. Хотя он был полностью в курсе всех дел, его все-таки всегда снедало страстное желание узнать, что происходит вокруг.

He was a blustering, intrepid bully who brooded inconsolably over the terrible ineradicable impressions he knew he kept making on people of prominence who were scarcely aware that he was even alive.	Хвастливый, чванливый по природе, он впадал в безутешную меланхолию по поводу непоправимо ужасного впечатления, которое, как ему казалось, он производил на начальство, хотя высокое командование едва догадывалось о существовании полковника Кэткарта.

Everybody was persecuting him. Colonel Cathcart lived by his wits in an unstable, arithmetical world of black eyes and feathers in his cap, of overwhelming imaginary triumphs and catastrophic imaginary defeats.	Ему казалось, что все его преследуют, и посему ум полковника Кэткарта судорожно метался в зыбком мире арифметических выкладок, где слагались и вычитались пироги и пышки, синяки и шишки, которые могли бы ему достаться в результате потрясающих побед и катастрофических поражений.
He oscillated hourly between anguish and exhilaration, multiplying fantastically the grandeur of his victories and exaggerating tragically the seriousness of his defeats.	Он то впадал в отчаяние, то воспламенялся восторгом, чудовищно преувеличивая трагизм поражений и величие побед.

Nobody ever caught him napping.	Застать полковника Кэткарта врасплох было невозможно.
If word reached him that General Dreedle or General Peckem had been seen smiling, frowning, or doing neither, he could not make himself rest until he had found an acceptable interpretation and grumbled mulishly until Colonel Korn persuaded him to relax and take things easy.	Если до него доходили слухи, что генерал Дридл или генерал Пеккем улыбались, хмурились или не делали ни того, ни другого, он не успокаивался, пока не находил этому подходящего объяснения. Он скулил и ворчал до тех пор, пока подполковнику Корну не удавалось уговорить его успокоиться и смотреть на вещи проще.
Lieutenant Colonel Korn was a loyal, indispensable ally who got on Colonel Cathcart's nerves.	Подполковник Корн был преданным, незаменимым союзником и действовал полковнику Кэткарту на нервы.

Colonel Cathcart pledged eternal gratitude to Colonel Korn for the ingenious moves he devised and was furious with him afterward when he realized they might not work.	Полковник Кэткарт клялся в вечной благодарности подполковнику Корну за искусно придуманные комбинации, а потом, когда понимал, что из этого может ничего не получиться, яростно клял в душе своего заместителя.
Colonel Cathcart was greatly indebted to Colonel Korn and did not like him at all.	Полковник Кэткарт был в большом долгу перед подполковником Корном и поэтому не любил его.
The two were very close.	Они были связаны одной веревочкой.

Colonel Cathcart was jealous of Colonel Korn's intelligence and had to remind himself often that Colonel Korn was still only a lieutenant colonel, even though he was almost ten years older than Colonel Cathcart, and that Colonel Korn had obtained his education at a state university.	Полковник Кэткарт завидовал уму подполковника Корна и вынужден был часто напоминать себе, что Корн - всего лишь подполковник, хотя почти на десять лет старше его, и образование получил в каком-то захолустном университете.
Colonel Cathcart bewailed the miserable fate that had given him for an invaluable assistant someone as common as Colonel Korn.	Полковник Кэткарт оплакивал свою несчастную судьбу, ниспославшую ему в качестве незаменимого помощника столь заурядную личность, как подполковник Корн.

It was degrading to have to depend so thoroughly on a person who had been educated at a state university.	Стыдно было так явно зависеть от человека, который получил образование в каком-то захолустном университете.

If someone did have to become indispensable to him, Colonel Cathcart lamented, it could just as easily have been someone wealthy and well groomed, someone from a better family who was more mature than Colonel Korn and who did not treat Colonel Cathcart's desire to become a general as frivolously as Colonel Cathcart secretly suspected Colonel Korn secretly did.	Если уж кому-то и суждено было стать его незаменимым помощником, плакался Кэткарт, то, безусловно, человеку более состоятельному, тоньше воспитанному, из лучшей семьи, человеку более зрелому, чем подполковник Корн, и не относившемуся так насмешливо к желанию полковника Кэткарта стать генералом.

Colonel Cathcart wanted to be a general so desperately he was willing to try anything, even religion, and he summoned the chaplain to his office late one morning the week after he had raised the number of missions to sixty and pointed abruptly down toward his desk to his copy of The Saturday Evening Post.	В глубине своей души полковник Кэткарт по- дозревал, что подпол- ковник Корн в глубине своей души посмеива- ется над его желанием стать генералом. Пол- ковнику Кэткарту так отчаянно хотелось стать генералом, что для до- стижения этой цели он решил испробовать все средства, даже религию. Однажды утром - неде- лю спустя после того, как он увеличил нор- му боевых вылетов до шестидесяти, - Кэткарт вызвал к себе в кабинет капеллана и ткнул паль- цем в номер журнала "Сатердэй ивнинг пост".

The colonel wore his khaki shirt collar wide open, exposing a shadow of tough black bristles of beard on his egg-white neck, and had a spongy hanging underlip.	Полковник носил рубашку цвета хаки с распахнутым воротничком, который обнажал белую, словно яичная скорлупа, шею, поросшую темными жесткими волосами.
He was a person who never tanned, and he kept out of the sun as much as possible to avoid burning.	Полковник Кэткарт принадлежал к тому типу людей, которые никогда не загорают: они всячески избегают солнца, чтобы, чего доброго, не обжечь кожу.

The colonel was more than a head taller than the chaplain and over twice as broad, and his swollen, overbearing authority made the chaplain feel frail and sickly by contrast.	Полковник был более чем на голову выше капеллана и почти вдвое шире его в плечах. От всей его фигуры исходила гнетущая властность. Рядом с ним капеллан чувствовал себя слабым и щуплым.

'Take a look, Chaplain,' Colonel Cathcart directed, screwing a cigarette into his holder and seating himself affluently in the swivel chair behind his desk.	- Взгляните-ка, капеллан, - приказал полковник Кэткарт, вставляя сигарету в свой мундштук. Он небрежно развалился во вращающемся кресле за столом, выпятив свою отвислую, пористую нижнюю губу.
' Let me know what you think.'	- Хотел бы знать ваше мнение.

The chaplain looked down at the open magazine compliantly and saw an editorial spread dealing with an American bomber group in England whose chaplain said prayers in the briefing room before each mission.	Капеллан испуганно взглянул в раскрытый журнал и увидел редакционный разворот, посвященный американскомубомбардировочному полку в Англии, капеллан которого в инструкторской читал молитвы перед каждым вылетом.

The chaplain almost wept with happiness when he realized the colonel was not going to holler at him.	Поняв, что полковник вызвал его не для очередной головомойки, капеллан чуть не пустил слезу от счастья.

The two had hardly spoken since the tumultuous evening Colonel Cathcart had thrown him out of the officers' club at General Dreedle's bidding after Chief White Halfoat had punched Colonel Moodus in the nose.	После бурного вечера, когда по приказу генерала Дридла полковник Кэткарт вышвырнул капеллана из офицерского клуба, а Вождь Белый Овес двинул по носу полковника Модэса, полковник Кэткарт и капеллан почти не разговаривали друг с другом.

The chaplain's initial fear had been that the colonel intended reprimanding him for having gone back into the officers' club without permission the evening before.	На сей раз капеллан боялся, что полковник отчитает его за то, что накануне вечером он побывал без разрешения в офицерском клубе.

He had gone there with Yossarian and Dunbar after the two had come unexpectedly to his tent in the clearing in the woods to ask him to join them.	Он пришел в клуб с Йоссарианом и Данбэром: они вдруг пожаловали в его палатку на лесной поляне и пригласили пойти с ними.

Intimidated as he was by Colonel Cathcart, he nevertheless found it easier to brave his displeasure than to decline the thoughtful invitation of his two new friends, whom he had met on one of his hospital visits just a few weeks before and who had worked so effectively to insulate him against the myriad social vicissitudes involved	Хотя капеллан панически боялся Кэткарта и понимал, что рискует навлечь на себя неудовольствие полковника, он тем не менее решил принять любезное приглашение своих новых друзей. Он познакомился с ними несколько недель назад, во время одного из визитов в госпиталь, и с тех пор они довольно успешно ограждали его от бесчисленных превратностей судьбы, с которыми сталкивался капеллан при исполнении своих служебных обязанностей: ведь ему приходилось быть накоротке более чем с девятью-стами совершенно незнакомыми ему офицерами и рядовыми, считав-

The chaplain glued his eyes to the pages of the magazine.	Капеллан не отрывал взгляда от журнала.

He studied each photograph twice and read the captions intently as he organized his response to the colonel's question into a grammatically complete sentence that he rehearsed and reorganized in his mind a considerable number of times before he was able finally to muster the courage to reply.	Он дважды просмотрел все фотографии и внимательно прочитал заголовки, подготавливая в уме ответ: он несколько раз мысленно произнес его, потом перестроил всю фразу, грамматически отшлифовал ее и наконец, набравшись духу, произнес вслух.

'I think that saying prayers before each mission is a very moral and highly laudatory procedure, sir,' he offered timidly, and waited.	- По-моему, молитва перед вылетом - это высоконравственное и весьма похвальное деяние, сэр, - высказался он застенчиво и застыл в ожидании.
' Yeah,' said the colonel.	- Угу, - сказал полковник.
'But I want to know if you think they'll work here.'	- Но мне хотелось бы знать, как по-вашему, подойдет это нам?
'Yes, sir,' answered the chaplain after a few moments.	- Так точно, сэр, - помедлив несколько секунд, ответил капеллан.
' I should think they would.'	- По-моему, подойдет.
'Then I'd like to give it a try.'	- В таком случае я за то, чтобы попробовать.

The colonel's ponderous, farinaceous cheeks were tinted suddenly with glowing patches of enthusiasm.	- Толстые, мучнисто-белые щеки полковника покрылись пятнами от внезапного прилива энтузиазма.
He rose to his feet and began walking around excitedly.	Он встал и возбужденно заходил по кабинету.
'Look how much good they've done for these people in England.	- Журнал здорово помог этим ребятам в Англии.
Here's a picture of a colonel in The Saturday Evening Post whose chaplain conducts prayers before each mission.	Видите, фото командира полка тоже попало в "Сатердэй ивнинг пост", а все потому, что его капеллан проводит богослужение перед каждым вылетом.

If the prayers work for him, they should work for us.	Если богослужения помогли им, то почему они не помогут нам?
Maybe if we say prayers, they'll put my picture in The Saturday Evening Post.'	Кто знает, если мы будем молиться, возможно, "Сатердэй ивнинг пост" поместит и мою фотографию?
The colonel sat down again and smiled distantly in lavish contemplation.	Улыбаясь своим мыслям, полковник уселся в кресло: он уже предвкушал, какие обильные плоды принесет его затея.

The chaplain had no hint of what he was expected to say next. With a pensive expression on his oblong, rather pale face, he allowed his gaze to settle on several of the high bushels filled with red plum tomatoes that stood in rows against each of the walls.	Капеллан понятия не имел, что бы еще сказать полковнику, и осмелился задержать свой задумчивый взгляд на кулях с помидорами, которые рядком стояли вдоль стен кабинета.

He pretended to concentrate on a reply. After a while he realized that he was staring at rows and rows of bushels of red plum tomatoes and grew so intrigued by the question of what bushels brimming with red plum tomatoes were doing in a group commander's office that he forgot completely about the discussion of prayer meetings until Colonel Cathcart, in a genial digression, inquired:	Он делал вид, что обдумывает ответ, но вскоре понял, что попросту пялит глаза на эти бесчисленные кули, крайне заинтригованный тем, каким образом в кабинете командира полка оказались кули, доверху наполненные помидорами. Капеллан совершенно забыл о разговоре насчет богослужения. И вдруг полковник Кэткарт великодушно предложил:

'Would you like to buy some, Chaplain? They come right off the farm Colonel Korn and I have up in the hills.	- Не хотите ли немного купить, капеллан? Их только что доставили с нашей фермы. У нас с подполковником Корном ферма в горах.
I can let you have a bushel wholesale.'	Могу уступить один куль по оптовой цене.
'Oh, no, sir.	- О нет, сэр.
I don't think so.'	Не стоит.
'That's quite all right,' the colonel assured him liberally.	- Ну хорошо, - согласился полковник. Он был настроен либерально.
'You don't have to.	- И не надо.

Milo is glad to snap up all we can produce.	Милоу будет рад скупить весь урожай целиком.
These were picked only yesterday.	Эти были собраны только вчера.
Notice how firm and ripe they are, like a young girl's breasts.'	Вы заметили, какие они тверденькие и спелые? Как груди молодой девушки.
The chaplain blushed, and the colonel understood at once that he had made a mistake.	Капеллан вспыхнул, и полковник сразу понял, что допустил ошибку.
He lowered his head in shame, his cumbersome face burning. His fingers felt gross and unwieldy.	Ему стало стыдно. Он опустил голову и не знал, куда девать ставшие вдруг деревянными руки.

He hated the chaplain venomously for being a chaplain and making a coarse blunder out of an observation that in any other circumstances, he knew, would have been considered witty and urbane.	Полковник Кэткарт сейчас ненавидел капеллана за то, что тот был капелланом, поскольку в его присутствии замечание грудях оказалось грубой ошибкой, а ведь в другой обстановке его замечание нашли бы остроумным, даже изысканным.
He tried miserably to recall some means of extricating them both from their devastating embarrassment.	Он безуспешно пытался придумать какой-нибудь выход из ужасно неприятного положения, в котором оба они очутились.

He recalled instead that the chaplain was only a captain, and he straightened at once with a shocked and outraged gasp.	Но вдруг полковник вспомнил, что капеллан -всего лишь капитан. Полковник сразу выпрямился, от ярости у него сперло дыхание.

His cheeks grew tight with fury at the thought that he had just been duped into humiliation by a man who was almost the same age as he was and still only a captain, and he swung upon the chaplain avengingly with a look of such murderous antagonism that the chaplain began to tremble. The colonel punished him sadistically with a long, glowering, malignant, hateful, silent stare.	Попасть в унизительное положение из-за человека, который, будучи его ровесником, ходил еще только в капитанах! Лицо полковника искривилось от гнева, и он метнул в капеллана такой мстительный, такой убийственно-враждебный взгляд, что тот весь затрепетал.

'We were speaking about something else,' he reminded the chaplain cuttingly at last.	- Мы, кажется, говорили совсем о другом? -язвительно напомнил он наконец капеллану.

'We were not speaking about the firm, ripe breasts of beautiful young girls but about something else entirely.	- Мы, кажется, говорили с вами не о грудях молоденьких девушек, а совсем о другом?
We were speaking about conducting religious services in the briefing room before each mission.	Мы говорили об отправлении религиозных обрядов в инструкторской перед боевыми вылетами?

Is there any reason why we can't?'	У вас есть возражения?
'No, sir,' the chaplain mumbled.	- Нет, сэр, - пробормотал капеллан.
'Then we'll begin with this afternoon's mission.'	- Тогда начнем завтра же, с послеобеденного вылета...
The colonel's hostility softened gradually as he applied himself to details.	- По мере того как полковник входил в детали, он все больше и больше смягчался.
'Now, I want you to give a lot of thought to the kind of prayers we're going to say.	- Ну а теперь мне хотелось бы высказать кое-какие соображения относительно тех молитв, которые мы будем читать.
I don't want anything heavy or sad.	Я решительно против слишком глубокомысленных и грустных молитв.

I'd like you to keep it light and snappy, something that will send the boys out feeling pretty good.	Я - за то, чтобы это звучало легко и живо. Что-нибудь такое, что бы поднимало ребятам настроение.
Do you know what I mean?	Вы понимаете?
I don't want any of this Kingdom of God or Valley of Death stuff.	Я решительно против всякого там царства божьего и разных юдолей печали.
That's all too negative.	Это удручающе действует на пилотов.
What are you making such a sour face for?'	Почему у вас такая кислая физиономия?
' I'm sorry, sir,' the chaplain stammered.	- Виноват, сэр, - запнулся капеллан.

'I happened to be thinking of the Twenty-third Psalm just as you said that.'	- Я как раз думал о псалме двадцать третьем.
'How does that one go?'	- Как он звучит?
' That's the one you were just referring to, sir.	- Как раз об этом вы и говорили, сэр.
"The Lord is my shepherd; I -" '	"Господь мой, пастырь, я..."
' That's the one I was just referring to.	- Да, как раз об этом-то я и говорил.
It's out.	Не годится.
What else have you got?' '	Что у вас еще?
"Save me, O God; for the waters are come in unto &mash;" '	- "Спаси меня, о господи, и да ниспошли спасение от вод..."

'No waters,' the colonel decided, blowing ruggedly into his cigarette holder after flipping the butt down into his combed-brass ash tray.	- Никаких вод, - категорически отверг полковник. Он выкинул сигаретный окурок в медную пепельницу и решительно продул мундштук.
'Why don't we try something musical?	- А не попробовать ли нам что-нибудь музыкальное?

How about the harps on the willows?' 'That has the rivers of Babylon in it, sir,' the chaplain replied. ' "...there we sat down, yea, we wept, when we remembered Zion." ' ' Zion?	- Там упоминаются реки Вавилона, сэр, - ответил капеллан. - "... И мы сидели и плакали, когда вспоминали Сион". - Сион?

Let's forget about that one right now.	Забудьте об этом немедленно.
I'd like to know how that one even got in there.	Вообще непонятно, как он попал в молитву.
Haven't you got anything humorous that stays away from waters and valleys and God?	Нет ли у вас чего-нибудь веселенького, не связанного ни с водами, ни с господом?
I'd like to keep away from the subject of religion altogether if we can.'	Хотелось бы вообще обойтись без религиозной тематики.

The chaplain was apologetic. 'I'm sorry, sir, but just about all the prayers I know are rather somber in tone and make at least some passing reference to God.'	- Весьма сожалею, сэр, - проговорил виноватым голосом капеллан, - но почти все известные мне молитвы довольно печальны и в каждой из них хотя бы раз да упоминается имя божье.
' Then let's get some new ones.	- Тогда давайте придумаем что-нибудь новое.
The men are already doing enough bitching about the missions I send them on without our rubbing it in with any sermons about God or death or Paradise.	Мои люди и так уже рычат, что я посылаю их на задания, а тут мы еще будем лезть со своими проповедями насчет господа, смерти, рая.
Why can't we take a more positive approach?	Почему бы нам не внести в дело положительный элемент?

Why can't we all pray for something good, like a tighter bomb pattern, for example? Couldn't we pray for a tighter bomb pattern?'	Почему бы нам не помолиться за что-нибудь хорошее, например за более кучный узор бомбометания?
'Well, yes, sir, I suppose so,' the chaplain answered hesitantly.	- Ну... что ж... пожалуй, сэр, - поколебавшись, ответил капеллан.
'You wouldn't even need me if that's all you wanted to do.	- Но если это все, что вам надо, то вы, пожалуй, можете обойтись и без меня.
You could do that yourself.'	Вы справитесь сами.

'I know I could,' the colonel responded tartly. 'But what do you think you're here for?	- Знаю, что справлюсь. - ответил полковник. - ну а вы, по-вашему, для чего?
I could shop for my own food, too, but that's Milo's job, and that's why he's doing it for every group in the area.	Я мог бы сам закупать продукты, но это входит в обязанности Милоу, и он обеспечивает продовольствием весь авиаполк.
Your job is to lead us in prayer, and from now on you're going to lead us in a prayer for a tighter bomb pattern before every mission.	Ваша обязанность - перед каждым боевым вылетом читать нам молитвы, и отныне вы будете молиться за более кучный узор бомбометания.
Is that clear?	Ясно?

I think a tighter bomb pattern is something really worth praying for.	По-моему, кучное бомбометание действительно заслуживает того, чтобы за него помолиться.
It will be a feather in all our caps with General Peckem.	За это от генерала Пеккема нам перепадут пироги и пышки.
General Peckem feels it makes a much nicer aerial photograph when the bombs explode close together.'	Г енерал Пеккем считает, что данные фоторазведки выглядят гораздо эффектнее, когда бомбы ложатся кучно.

' General Peckem, sir?'	- Генерал Пеккем, сэр?

'That's right, Chaplain,' the colonel replied, chuckling paternally at the chaplain's look of puzzlement.	- Именно, капеллан. - ответил полковник, отечески рассмеявшись при виде растерянной физиономии капеллана.
'I wouldn't want this to get around, but it looks like General Dreedle is finally on the way out and that General Peckem is slated to replace him.	- Не хотел бы. чтобы это стало достоянием гласности, но похоже, что генерал Дридл уйдет наконец со своего поста, а на его место сядет генерал Пеккем.
Frankly, I'm not going to be sorry to see that happen.	Откровенно говоря, случись это, я не буду особенно огорчен.
General Peckem is a very good man, and I think we'll all be much better off under him.	Г енерал Пеккем - прекрасный человек, и, по-моему, при нем всем нам будет гораздо лучше.

On the other hand, it might never take place, and we'd still remain under General Dreedle.	Но, с другой стороны, этого может и не случиться, и тогда мы останемся под началом генерала Дридла.
Frankly, I wouldn't be sorry to see that happen either, because General Dreedle is another very good man, and I think we'll all be much better off under him too.	Если быть откровенным, случись такое, я не буду огорчен, поскольку генерал Дридл - тоже прекрасный человек и, по-моему, под его началом нам тоже будет хорошо.
I hope you're going to keep all this under your hat, Chaplain.	Надеюсь, вы умеете держать язык за зубами?
I wouldn't want either one to get the idea I was throwing my support on the side of the other.'	Мне бы не хотелось, чтобы кто-то из двоих подумал, что я поддерживаю его соперника.
'Yes, sir.'	- Слушаюсь, сэр.

'That's good,' the colonel exclaimed, and stood up jovially.	- Ну вот и хорошо! - воскликнул полковник и поднялся, повеселевший.
'But all this gossip isn't getting us into The Saturday Evening Post, eh, Chaplain?	- Но оставим слухи о перемещениях. Нам ведь надо попасть на страницы "Сатердэй ивнивг пост", не так ли, капеллан?
Let's see what kind of procedure we can evolve.	Давайте лучше посмотрим, как конкретно будут выглядеть наши богослужения.
Incidentally, Chaplain, not a word about this beforehand to Colonel Korn.	Между прочим, капеллан, пока об этом ни слова подполковнику Корну.
Understand?' 'Yes, sir.'	Понятно?

Colonel Cathcart began tramping back and forth reflectively in the narrow corridors left between his bushels of plum tomatoes and the desk and wooden chairs in the center of the room.	Полковник Кэткарт принялся задумчиво расхаживать по узкому проходу между кулями с помидорами и письменным столом.
'I suppose we'll have to keep you waiting outside until the briefing is over, because all that information is classified.	- Я полагаю, мы сделаем это следующим образом. Пока идет инструктаж, вы стоите за дверью, поскольку вся информация засекречена.
We can slip you in while Major Danby is synchronizing the watches.	Вас впустят, когда майор начнет сверять часы.
I don't think there's anything secret about the right time.	Думаю, что сверка часов - не военная тайна.

We'll allocate about a minute and a half for you in the schedule.	Мы предусмотрим для вас в нашем графике полторы минуты.
Will a minute and a half be enough?'	Полутора минут вам достаточно?
'Yes, sir.	- Да, сэр.
If it doesn't include the time necessary to excuse the atheists from the room and admit the enlisted men.'	Если не считать времени, необходимого, чтобы вышли атеисты и вошли нижние чины.
Colonel Cathcart stopped in his tracks.	Полковник Кэткарт замер на месте.

'What atheists?' he bellowed defensively, his whole manner changing in a flash to one of virtuous and belligerent denial.	- Какие еще атеисты? - прорычал он недовольно, Настроение его круто изменилось, в душе вскипел праведный гнев.
' There are no atheists in my outfit!	- Во вверенной мне части не может быть атеистов!
Atheism is against the law, isn't it?'	Атеизм - дело противозаконное, не так ли?
'No, sir.'	- Не так, сэр.
'It isn't?' The colonel was surprised. 'Then it's un-American, isn't it?'	- Не так? - удивился полковник - Тогда уж это конечно, явление антиамериканское!
'I'm not sure, sir,' answered the chaplain.	- Не сказал бы, сэр, - ответил капеллан.

' Well, I am!' the colonel declared.	- Ну а я бы сказал! - заявил полковник.
'I'm not going to disrupt our religious services just to accommodate a bunch of lousy atheists.	- И я не намерен прерывать богослужение в угоду кучке паршивых атеистов.
They're getting no special privileges fiom me.	От меня они привилегий не дождутся.
They can stay right where they are and pray with the rest of us.	Пусть остаются на своих местах и молятся вместе со всеми.
And what's all this about enlisted men?	И потом, причем здесь нижние чины?
Just how the hell do they get into this act?'	За каким чертом они должны присутствовать на этой церемонии?

The chaplain felt his face flush.	Капеллан почувствовал, что лицо его заливает краска.
'I'm sorry, sir. I just assumed you would want the enlisted men to be present, since they would be going along on the same mission.'	- Виноват, сэр, но я полагал, что вы не против присутствия нижних чинов на богослужении: ведь они тоже полетят на выполнение задания.
'Well, I don't.	- А я и не против.
They've got a God and a chaplain of their own, haven't they?'	У них есть свой бог и свой капеллан, не так ли?
'No, sir.'	- Нет, сэр.
'What are you talking about?	- Да о чем вы говорите?

You mean they pray to the same God we do?'	Вы хотите сказать, что они молятся тому же богу, что и мы?
'Yes, sir.'	- Совершенно верно, сэр.
' And He listens?'	- И наш бог слушает их?
' I think so, sir.'	- Полагаю, что так, сэр.

'Well, I'll be damned,' remarked the colonel, and he snorted to himself in quizzical amusement.	- Ну и ну, будь я проклят! - изумился полковник.

His spirits drooped suddenly a moment later, and he ran his hand nervously over his short, black, graying curls. 'Do you really think it's a good idea to let the enlisted men in?' he asked with concern.	У него снова испортилось настроение, и он нервно пригладил свои короткие, черные, седеющие кудряшки, - Вы серьезно думаете, капеллан, что нужно допустить рядовых? -спросил он озабоченным тоном.
'I should think it only proper, sir.'	- По-моему, это будет только справедливо, сэр.
'I'd like to keep them out,' confided the colonel, and began cracking his knuckles savagely as he wandered back and forth.	- А я бы их не впускал, - признался полковник и принялся расхаживать взад-вперед, потирая кулак о кулак и стуча при этом костяшками пальцев.
' Oh, don't get me wrong, Chaplain.	- Поймите меня правильно, капеллан.

It isn't that I think the enlisted men are dirty, common and inferior.	Я отнюдь не считаю, что нижние чины - грязные, пошлые и неполноценные люди.
It's that we just don't have enough room.	Но ведь в комнате всем не хватит места.
Frankly, though, I'd just as soon the officers and enlisted men didn't fraternize in the briefing room.	Сказать по правде, я еще опасаюсь, как бы в инструкторской между офицерами и нижними чинами не произошло братания.
They see enough of each other during the mission, it seems to me.	По-моему, достаточно и того, что они находятся вместе во время полетов.

Some of my very best friends are enlisted men, you understand, but that's about as close as I care to let them come.	Поймите, капеллан, у меня много друзей из нижних чинов, я держусь с ними накоротке, но настолько, насколько считаю это нужным.
Honestly now, Chaplain, you wouldn't want your sister to marry an enlisted man, would you?'	Будем говорить откровенно, капеллан, вы ведь не хотели бы, чтобы ваша сестра вышла замуж за сержанта или за рядового?
'My sister is an enlisted man, sir,' the chaplain replied.	- Моя сестра, сэр, сержант, - ответил капеллан.

The colonel stopped in his tracks again and eyed the chaplain sharply to make certain he was not being ridiculed.	Полковник снова замер на месте и вперил в капеллана пристальный взгляд; уж не смеется ли тот над ним?
' Just what do you mean by that remark, Chaplain?	- Что вы хотите сказать, капеллан?
Are you trying to be funny?'	Шутить изволите?
'Oh, no, sir,' the chaplain hastened to explain with a look of excruciating discomfort.	- Да нет, сэр, - поспешил заверить его капеллан, чувствуя мучительную неловкость.
'She's a master sergeant in the Marines.'	- Она действительно старший сержант морской пехоты.

The colonel had never liked the chaplain and now he loathed and distrusted him.	Полковнику никогда не нравился капеллан, а сейчас он почувствовал к нему отвращение.
He experienced a keen premonition of danger and wondered if the chaplain too were plotting against him, if the chaplain's reticent, unimpressive manner were really just a sinister disguise masking a fiery ambition that, way down deep, was crafty and unscrupulous.	Весь насторожившись в предчувствии опасности, он размышлял: уж не плетет ли капеллан против него интриги? А вдруг смирение и скромность капеллана. - просто коварная маска, за которой скрываются дьявольская гордыня, пронырливость и беспринципность?

There was something funny about the chaplain, and the colonel soon detected what it was. The chaplain was standing stiffly at attention, for the colonel had forgotten to put him at ease.	Было и что-то смешное в капеллане, и вдруг полковник понял, что именно: капеллан стоял по стойке "смирно", поскольку полковник забыл сказать ему "вольно".
Let him stay that way, the colonel decided vindictively, just to show him who was boss and to safeguard himself against any loss of dignity that might devolve from his acknowledging the omission.	"Пусть постоит", - злорадно подумал полковник. Ему хотелось дать капеллану почувствовать, кто здесь на самом деле хозяин, и оградить свой авторитет, который мог бы быть поколеблен, признай полковник еще одну свою промашку.

Colonel Cathcart was drawn hypnotically toward the window with a massive, dull stare of moody introspection.	Полковник Кэткарт, как лунатик, проследовал к окну и, уставившись в него тяжелым, невидящим взглядом, погрузился в раздумья.
The enlisted men were always treacherous, he decided.	"Все нижние чины - предатели", - решил он.

He looked downward in mournful gloom at the skeet-shooting range he had ordered built for the officers on his headquarters staff, and he recalled the mortifying afternoon General Dreedle had tongue-lashed him ruthlessly in front of Colonel Korn and Major Danby and ordered him to throw open the range to all the enlisted men and officers on combat duty.	С убитым видом полковник смотрел вниз на тир для стрельбы по летящей цели, который он приказал построить для офицеров своего штаба. Теперь ему припомнился тот кошмарный день, когда генерал Дридл безжалостно измордовал его, Кэткарта, в присутствии подполковника Корна и майора Дэнби и распорядился открыть тир для всех строевых офицеров, сержантов и рядовых.
The skeet-shooting range had been a real black eye for him, Colonel Cathcart was forced to conclude.	Полковник Кэткарт вынужден был признать, что тир принес ему одни лишь синяки и шишки.

He was positive that General Dreedle had never forgotten it, even though he was positive that General Dreedle didn't even remember it, which was really very unjust, Colonel Cathcart lamented, since the idea of a skeet-shooting range itself should have been a real feather in his cap, even though it had been such a real black eye.	Он считал, что генерал Дридл не забудет ему тира во веки веков, хотя, с другой стороны, он надеялся, что генерал Дридл уже и не помнит об этом случае, что было, в сущности, очень несправедливо... Да, идея постройки тира должна была принести ему пироги и пышки, а принесла лишь синяки и шишки.

Colonel Cathcart was helpless to assess exactly how much ground he had gained or lost with his goddam skeet-shooting range and wished that Colonel Korn were in his office right then to evaluate the entire episode for him still one more time and assuage his fears.	Впрочем, подсчитать точно свои потери и прибыли в этой проклятой истории с тиром полковник не мог, и ему хотелось, чтобы подполковник Корн оказался рядом с ним и снова, взвесив все "за" и "против" в эпизоде с тиром, разогнал бы все его страхи.
It was all very perplexing, all very discouraging.	Полковник Кэткарт стоял растерянный и обескураженный.

Colonel Cathcart took the cigarette holder out of his mouth, stood it on end inside the pocket of his shirt, and began gnawing on the fingernails of both hands grievously.	Он вынул мундштук изо рта, сунул его в нагрудный карман и с горя принялся грызть ногти.
Everybody was against him, and he was sick to his soul that Colonel Korn was not with him in this moment of crisis to help him decide what to do about the prayer meetings.	Все были против него, и душа полковника страдала оттого, что в эту трудную минуту рядом с ним нет подполковника Корна: уж он помог бы ему в этом вопросе с богослужениями.
He had almost no faith at all in the chaplain, who was still only a captain.	Капеллану он не доверял - ведь тот был всего-навсего капитаном.

'Do you think,' he asked, 'that keeping the enlisted men out might interfere with our chances of getting results?'	- Так как вы думаете, - спросил он, - если мы не разрешим присутствовать рядовым, это может отразиться на конечных результатах богослужений?
The chaplain hesitated, feeling himself on unfamiliar ground again.	Капеллан снова почувствовал, что почва уходит у него из-под ног.
'Yes, sir,' he replied finally. 'I think it's conceivable that such an action could interfere with your chances of having the prayers for a tighter bomb pattern answered.'	- Да, сэр, - наконец ответил он, - по-моему, без рядовых будет меньше надежды на то, что бог услышит наши молитвы о кучном бомбометании.

'I wasn't even thinking about that!' cried the colonel, with his eyes blinking and splashing like puddles.	- Пожалуй, вы правы! - воскликнул полковник.
'You mean that God might even decide to punish me by giving us a looser bomb pattern?'	- И что же, по-вашему, бог может меня покарать и бомбы лягут вразброс?
' Yes, sir,' said the chaplain.	- Совершенно верно, сэр.
' It's conceivable He might.'	Само собой разумеется, он может поступить и так.

'The hell with it, then,' the colonel asserted in a huff of independence.	- Тогда пусть эти молитвы катятся к черту? -заявил полковник, проявив при этом неслыханную самостоятельность.
'I'm not going to set these damned prayer meetings up just to make things worse than they are.'	- Я не намерен устраивать молитвенные сборища для того, чтобы дела пошли еще хуже.
With a scornful snicker, he settled himself behind his desk, replaced the empty cigarette holder in his mouth and lapsed into parturient silence for a few moments.	Он уселся за стол, сунул пустой мундштук в рог и на несколько секунд погрузился в сосредоточенное молчание.

'Now I think about it,' he confessed, as much to himself as to the chaplain, 'having the men pray to God probably wasn't such a hot idea anyway.	- Ну вот что, по-моему, - сказал он скорее себе, чем капеллану. - Будут летчики молиться или не будут, - в конце концов, не самое главное.
The editors of The Saturday Evening Post might not have co-operated.'	Эти издатели "Сатердэй ивнинг пост", чего доброго, и не захотят о нас писать.

The colonel abandoned his project with remorse, for he had conceived it entirely on his own and had hoped to unveil it as a striking demonstration to everyone that he had no real need for Colonel Korn.	Полковник не без сожаления расстался со своим проектом, поскольку он выдумал его без посторонней помощи и надеялся тем самым ярко продемонстрировать всем и каждому, что он прекрасно может обойтись и без подполковника Корна.
Once it was gone, he was glad to be rid of it, for he had been troubled from the start by the danger of instituting the plan without first checking it out with Colonel Korn.	Ну а раз уж с этим проектом ничего не вышло, он был рад от него избавиться: с самого начала у него было неспокойно на душе, так как эта затея казалась ему чреватой опасностями, тем более что он предварительно не проконсультировался с подполковником Корном.

He heaved an immense sigh of contentment.	Теперь полковник вздохнул с облегчением.
He had a much higher opinion of himself now that his idea was abandoned, for he had made a very wise decision, he felt, and, most important, he had made this wise decision without consulting Colonel Korn.	Отказавшись от своего замысла, он более возвысился в собственных глазах: ведь он принял мудрое решение, и, что самое важное, это мудрое решение он принял самостоятельно, не посоветовавшись с подполковником Корном.

'Will that be all, sir?' asked the chaplain.	- У вас все, сэр? - спросил капеллан.

'Yeah,' said Colonel Cathcart. 'Unless you've got something else to suggest.'	- Угу, - сказал полковник Кэткарт, - если, конечно, у вас нет другого предложения.
'No, sir. Only...' The colonel lifted his eyes as though affronted and studied the chaplain with aloof distrust.	- Нет, сэр, вот разве только... Полковник посмотрел на капеллана так, будто тот нанес ему оскорбление, и, словно не веря ушам своим, спросил:
' Only what, Chaplain?'	- Что "разве только", капеллан?
'Sir,' said the chaplain, 'some of the men are very upset since you raised the number of missions to sixty.	- Сэр, - сказал капеллан, - некоторые пилоты весьма обеспокоены тем, что вы увеличили норму вылетов до шестидесяти.

They've asked me to speak to you about it.'	Они просили меня поговорить с вами.
The colonel was silent.	Полковник молчал.
The chaplain's face reddened to the roots of his sandy hair as he waited.	В ожидании ответа капеллан покраснел до самых корней своих светлых волос.
The colonel kept him squirming a long time with a fixed, uninterested look devoid of all emotion.	Полковник вперил в него долгий, пристальный, безразличный, бесчувственный взгляд, от которого капеллан корчился, как на раскаленной сковородке.
'Tell them there's a war going on,' he advised finally in a flat voice.	- Передайте им, что идет война, - посоветовал полковник невозмутимо.

'Thank you, sir, I will,' the chaplain replied in a flood of gratitude because the colonel had finally said something.	- Благодарю вас, сэр. Передам, - ответил капеллан, благодарный полковнику уже за то, что он хоть что-то ответил.
'They were wondering why you couldn't requisition some of the replacement crews that are waiting in Africa to take their places and then let them go home.'	- Люди хотят знать: почему вы не затребуете те сменные экипажи, что дожидаются своей очереди в Африке? Тогда наши могли бы отправиться домой.
'That's an administrative matter,' the colonel said.	- Это сугубо административный вопрос, - сказал полковник.
' It's none of their business.'	- Это никого не касается.

He pointed languidly toward the wall. 'Help yourself to a plum tomato, Chaplain.	- Ленивым жестом он указал на кули: - Возьмите помидорчик, капеллан.
Go ahead, it's on me.'	Не стесняйтесь, я угощаю.
' Thank you, sir.	- Благодарю, сэр.
Sir-'	Сэр...
'Don't mention it.	- Не стоит.
How do you like living out there in the woods, Chaplain?	Ну как вам нравится жизнь в лесу, капеллан?
Is everything hunky dory?'	Все ли вам по душе?
'Yes, sir.'	- Да, сэр.
' That's good.	- Вот и прекрасно.

You get in touch with us if you need anything.'	Если вам что-нибудь понадобится, обращайтесь к нам.
'Yes, sir.	- Хорошо, сэр.
Thank you, sir.	Благодарю вас, сэр.
Sir-'	Сэр...
' Thanks for dropping around, Chaplain.	- Спасибо, что загляну-ли, капеллан.
I've got some work to do now.	Ну а теперь - меня ждут дела.
You'll let me know if you can think of anything for getting our names into The Saturday Evening Post, won't you?'	Если придумаете, как нам попасть на страницы "Сатердэй ивнинг пост", дайте мне знать, ладно?
' Yes, sir, I will.'	- Хорошо, сэр, обязательно дам.

The chaplain braced himself with a prodigious effort of the will and plunged ahead brazenly.	- Капеллан собрал остатки мужества и очертя голову бросился в омут.
'I'm particularly concerned about the condition of one of the bombardiers, sir.	- Меня, в частности, беспокоит судьба одного из бомбардиров, сэр.
Yossarian.'	Его фамилия Йоссариан, сэр.
The colonel glanced up quickly with a start of vague recognition.	Полковник быстро поднял глаза, что-то смутно припоминая.
'Who?' he asked in alarm.	- Кто? - тревожно спросил он.
'Yossarian, sir.'	- Йоссариан, сэр.
' Yossarian?'	- Йоссариан?
' Yes, sir. Yossarian.	- Да, сэр, Йоссариан.

He's in a very bad way, sir.	Его дела обстоят очень неважно, сэр.
I'm afraid he won't be able to suffer much longer without doing something desperate.'	Боюсь, что у него не хватит сил больше мучиться и он решится на какой-нибудь отчаянный поступок.
' Is that a fact, Chaplain?'	- В самом деле, капеллан?
' Yes, sir. I'm afraid it is.'	- Да, сэр, боюсь, что да.
The colonel thought about it in heavy silence for a few moments.	Несколько секунд полковник предавался тяжким раздумьям.
'Tell him to trust in God,' he advised finally.	- Передайте ему, что бог его не оставит, -посоветовал он наконец.

'Thank you, sir,' said the chaplain.	- Благодарю вас, сэр, - сказал капеллан.
' I will.'	- Передам.
Corporal Whitcomb The late-August morning sun was hot and steamy, and there was no breeze on the balcony.	20. Капрал Уитком Августовское утро было жарким и душным. На открытой галерее не чувствовалось ни малейшего дуновения ветерка.
The chaplain moved slowly. He was downcast and burdened with self-reproach when he stepped without noise from the colonel's office on his rubber-soled and rubber-heeled brown shoes.	Выйдя из кабинета полковника, капеллан, подавленный, недовольный собой, медленно брел по галерее, бесшумно ступая коричневыми башмаками на резиновых подошвах.

He hated himself for what he construed to be his own cowardice.	Он жестоко казнил себя за трусость.
He had intended to take a much stronger stand with Colonel Cathcart on the matter of the sixty missions, to speak out with courage, logic and eloquence on a subject about which he had begun to feel very deeply.	Он собирался держаться с полковником Кэткартом твердо, хотел говорить смело, логично, красноречиво, потому что принимал близко к сердцу вопрос о норме боевых вылетов.
Instead he had failed miserably, had choked up once again in the face of opposition from a stronger personality.	А вместо этого, столкнувшись с более сильной личностью, потерял дар речи и стушевался самым жалким образом.

It was a familiar, ignominious experience, and his opinion of himself was low.	Хорошо знакомое чувство стыда жгло душу.
He choked up even more a second later when he spied Colonel Korn's tubby monochrome figure trotting up the curved, wide, yellow stone staircase toward him in lackadaisical haste from the great dilapidated lobby below with its lofty walls of cracked dark marble and circular floor of cracked grimy tile.	Он был весьма низкого мнения о себе. Секундой позже, заметив бочкообразную бесцветную фигуру подполковника Корна, он вторично потерял дар речи. Подполковник вышел из обветшалого вестибюля, высокие стены которого были облицованы темным, потрескавшимся мрамором, а затоптанный пол выложен потрескавшимися плитками. С претензией на грациозность Корн рысцой взбегал по витой широкой лестнице из желтого камня.

The chaplain was even more frightened of Colonel Korn than he was of Colonel Cathcart.	Подполковника Корна капеллан боялся даже больше, чем полковника Кэткарта.
The swarthy, middle-aged lieutenant colonel with the rimless, icy glasses and faceted, bald, domelike pate that he was always touching sensitively with the tips of his splayed fingers disliked the chaplain and was impolite to him frequently.	Смуглый, средних лет, в холодно поблескивающих очках без оправы, с лысым, шишковатым, куполообразным черепом, который он то и дело осторожно потрагивал кончиками крючковатых пальцев, подполковник не любил капеллана и не баловал его любезным обхождением.

He kept the chaplain in a constant state of terror with his curt, derisive tongue and his knowing, cynical eyes that the chaplain was never brave enough to meet for more than an accidental second.	Его короткие циничные замечания и насмешливый, проницательный взгляд заставляли капеллана трепетать. Случайно встретившись с Корном взглядом, капеллан выдерживал не долее секунды и тут же отводил глаза.

Inevitably, the chaplain's attention, as he cowered meekly before him, focused on Colonel Korn's midriff, where the shirttails bunching up from inside his sagging belt and ballooning down over his waist gave him an appearance of slovenly girth and made him seem inches shorter than his middle height.	При каждой встрече капеллан съеживался от страха и взгляд его неизменно упирался в то место на животе подполковника Корна, где из брюк вылезала рубашка и пузырями нависала над съехавшим вниз ремнем.

Colonel Korn was an untidy disdainful man with an oily skin and deep, hard lines running almost straight down from his nose between his crepuscular jowls and his square, clefted chin.	Подполковник Корн был неопрятным, высокомерным человеком с жирной кожей, глубокими жесткими складками на щеках, с квадратным раздвоенным подбородком.
His face was dour, and he glanced at the chaplain without recognition as the two drew close on the staircase and prepared to pass.	Сохраняя непреклонное выражение лица, он мельком взглянул на капеллана, будто не узнавая его, и, когда они почти поравнялись на лестнице, хотел пройти мимо.

'Hiya, Father,' he said tonelessly without looking at the chaplain.	- А-а-а, святой отец, - бросил он безразличным тоном, не глядя на капеллана.

'How's it going?'	- Как дела?
'Good morning, sir,' the chaplain replied, discerning wisely that Colonel Korn expected nothing more in the way of a response.	- Доброе утро, сэр, - ответил капеллан, справедливо рассудив, что ничего другого подполковник Корн не ожидает от него услышать.

Colonel Korn was proceeding up the stairs without slackening his pace, and the chaplain resisted the temptation to remind him again that he was not a Catholic but an Anabaptist, and that it was therefore neither necessary nor correct to address him as Father.	Подполковник Корн продолжал подниматься по лестнице, не замедляя шага, и капеллан испытывал сильное искушение напомнить ему еще раз, что он вовсе не католик, а анабаптист, и поэтому вовсе не следует, и даже просто невежливо, называть его святым отцом.

He was almost certain now that Colonel Korn remembered and that calling him Father with a look of such bland innocence was just another one of Colonel Korn's methods of taunting him because he was only an Anabaptist.	Но он нисколько не сомневался, что подполковнику Корну все это прекрасно известно и что он с невинным видом величает его святым отцом только для того, чтобы лишний раз поглумиться над ним за то, что он анабаптист.
Colonel Korn halted without warning when he was almost by and came whirling back down upon the chaplain with a glare of infuriated suspicion.	И вдруг, когда они же почти разминулись, подполковник Корн остановился, резко обернулся и устремил на капеллана недобрый, подозрительный взгляд.
The chaplain was petrified.	Капеллан оцепенел.

'What are you doing with that plum tomato, Chaplain?' Colonel Korn demanded roughly.	- Что это у вас за помидор, капеллан? - грубо спросил Корн.
The chaplain looked down his arm with surprise at the plum tomato Colonel Cathcart had invited him to take.	Капеллан удивленно взглянул на свою руку с помидором, который предложил ему взять полковник Кэткарт.
'I got it in Colonel Cathcart's office, sir,' he managed to reply.	- Я взял его в кабинете полковника Кэткарта.
'Does the colonel know you took it?'	- А полковник об этом знает?
'Yes, sir.	- Да, сэр.
He gave it to me.'	Он сам мне дал.

'Oh, in that case I guess it's okay,' Colonel Korn said, mollified.	- О, в таком случае, полагаю, все в порядке, -смягчившись, сказал подполковник Корн.
He smiled without warmth, jabbing the crumpled folds of his shirt back down inside his trousers with his thumbs.	Он холодно улыбнулся, запихивая мятую рубашку в штаны.
His eyes glinted keenly with a private and satisfying mischief.	Но в глубине его глаз светилось самодовольное лукавство.
'What did Colonel Cathcart want to see you about, Father?' he asked suddenly.	- По какому делу вас вызывал полковник Кэткарт?- внезапно спросил подполковник Корн.
The chaplain was tongue-tied with indecision for a moment.	Капеллан замялся в нерешительности:

' I don't think I ought- '	- Не знаю, имею ли я право...

'Saying prayers to the editors of The Saturday Evening Post?'	- Молиться издателям "Сатердэй ивнинг пост"?
The chaplain almost smiled.	Капеллан с трудом удержался от улыбки:
'Yes, sir.'	- Совершенно верно, сэр.

Colonel Korn was enchanted with his own intuition. He laughed disparagingly. 'You know, I was afraid he'd begin thinking about something so ridiculous as soon as he saw this week's Saturday Evening Post.	Подполковник Корн пришел в восторг от собственной проницательности и покровительственно рассмеялся: - Я так и знал, что, когда он увидит последний номер "Сатердэй ивнинг пост", ему взбредет на ум какая-нибудь чепуха.
I hope you succeeded in showing him what an atrocious idea it is.'	Надеюсь, вам удалось доказать ему всю чудовищность этой затеи?
'He has decided against it, sir.'	- Он решил отказаться от нее, сэр.
' That's good.	- Вот и прекрасно.

I'm glad you convinced him that the editors of The Saturday Evening Post were not likely to run that same story twice just to give some publicity to some obscure colonel.	Рад, что вы сумели разубедить его. Издатели "Сатердэй ивнинг пост" вряд ли стали бы публиковать дважды одинаковый материал только ради того, чтобы создать популярность какому-то неизвестному полковнику.
How are things in the wilderness, Father?	Ну как там вам на лоне природы, святой отец?
Are you able to manage out there?'	Пообжились, привыкли?
'Yes, sir.	- Да, сэр, нормально.
Everything is working out.' 'That's good.	- Прекрасно, прекрасно.

I'm happy to hear you have nothing to complain about.	Приятно слышать, что жалоб нет.
Let us know if you need anything to make you comfortable.	Если возникнут какие-либо неудобства, дайте знать.
We all want you to have a good time out there.'	Нам всем хочется, чтобы вам там было хорошо.
' Thank you, sir.	- Благодарю вас, сэр.
I will.'	Постараюсь.
Noise of a growing stir rose from the lobby below.	Снизу из вестибюля донесся нарастающий шум.

It was almost lunchtime, and the earliest arrivals were drifting into the headquarters mess halls, the enlisted men and officers separating into different dining halls on facing sides of the archaic rotunda.	Приближалось время лен-ча, и первые посетители потянулись в располо-женную в старинной ротонде штабную столовую. Сер-жанты и офицеры разо-шлись по разным обеден-ным залам.
Colonel Korn stopped smiling.	Улыбка сбежала с лица подполковника Корна.
'You had lunch with us here just a day or so ago, didn't you, Father?' he asked meaningfully.	- Вы, кажется, только вче-ра или позавчера завтра-кали с нами, не так ли, святой отец? -спросил он многозначительно.

' Yes, sir. The day before yesterday.'	- Да, сэр, позавчера.
'That's what I thought,' Colonel Korn said, and paused to let his point sink in.	- Об этом-то я как раз и подумал, - сказал подполковник Корн и сделал вескую паузу, чтобы его мысль лучше дошла до сознания капеллана.

'Well, take it easy, Father.	- Ну не грустите, святой отец.
I'll see you around when it's time for you to eat here again.'	Увидимся, когда снова придет ваша очередь обедать с нами.
' Thank you, sir.'	- Благодарю вас, сэр.

The chaplain was not certain at which of the five officers' and five enlisted men's mess halls he was scheduled to have lunch that day, for the system of rotation worked out for him by Colonel Korn was complicated, and he had forgotten his records back in his tent.	Капеллан нетвердо знал, в которой из пяти офицерских столовых и в которой из пяти столовых для нижних чинов он должен был завтракать сегодня по расписанию, поскольку скользящий график, составленный для него подполковником Корном, был весьма сложен, а листок, где все было записано, он оставил у себя в палатке.

The chaplain was the only officer attached to Group Headquarters who did not reside in the moldering red-stone Group Headquarters building itself or in any of the smaller satellite structures that rose about the grounds in disjuncted relationship.	Среди офицеров, приданных штабу полка, капеллан был единственным, кому не позволили поселиться ни в облезлом здании из красного кирпича, где размещался штаб, ни даже в одном из каменных домишек по соседству со штабом.
The chaplain lived in a clearing in the woods about four miles away between the officers' club and the first of the four squadron areas that stretched away from Group Headquarters in a distant line.	Капеллан жил на лесной поляне в четырех милях от штаба полка, между офицерским клубом и участком одной из четырех эскадрилий.

The chaplain lived alone in a spacious, square tent that was also his office.	Капеллан один занимал просторную палатку, служившую ему также и кабинетом.
Sounds of revelry traveled to him at night from the officers' club and kept him awake often as he turned and tossed on his cot in passive, half-voluntary exile.	Часто по ночам ему мешали спать звуки пьяного веселья, доносившиеся из офицерского клуба, и он вертелся с боку на бок на койке - покорный, полудобровольный изгнанник.
He was not able to gauge the effect of the mild pills he took occasionally to help him sleep and felt guilty about it for days afterward.	Он не знал, насколько сильно действуют таблетки снотворного, которые он время от времени принимал, и иногда, переборщив, ходил несколько дней подряд полусонный и мучимый угрызениями совести.

The only one who lived with the chaplain in his clearing in the woods was Corporal Whitcomb, his assistant.	Единственным соседом капеллана на лесной поляне был его помощник капрал Уитком.
Corporal Whitcomb, an atheist, was a disgruntled subordinate who felt he could do the chaplain's job much better than the chaplain was doing it and viewed himself, therefore, as an underprivileged victim of social inequity.	Подчиненный капеллана в бога не верил и вечно ходил недовольный, так как считал, что мог бы выполнять обязанности капеллана с большим успехом, чем его патрон.
He lived in a tent of his own as spacious and square as the chaplain's.	Жил он в отдельной палатке, такой же просторной и квадратной, как палатка капеллана.

He was openly rude and contemptuous to the chaplain once he discovered that the chaplain would let him get away with it.	Уразумев однажды, что все ему сойдет с рук, он стал хамить в лицо капеллану и не ставил его ни в грош.
The borders of the two tents in the clearing stood no more than four or five feet apart.	Их палатки разделяла нейтральная полоска земли шириной в пять футов.

It was Colonel Korn who had mapped out this way of life for the chaplain.	На отшельнический образ жизни капеллана обрек подполковник Корн.

One good reason for making the chaplain live outside the Group Headquarters building was Colonel Korn's theory that dwelling in a tent as most of his parishioners did would bring him into closer communication with them.	Для этого, по словам подполковника Корна, была веская причина: обитая в палатке подобно своей пастве, святой отец получит возможность более тесно общаться с прихожанами.
Another good reason was the fact that having the chaplain around Headquarters all the time made the other officers uncomfortable.	Была и другая веская причина: если капеллан постоянно околачивается близ штаба, офицеры чувствуют себя не в своей тарелке.

It was one thing to maintain liaison with the Lord, and they were all in favor of that; it was something else, though, to have Him hanging around twenty-four hours a day.	Одно дело - обращаться к богу время от времени, против этого офицеры ничего не имели. И совсем другое дело, когда господь напоминает вам о себе круглые сутки в виде постоянно околачивающегося рядом капеллана.
All in all, as Colonel Korn described it to Major Danby, the jittery and goggle-eyed group operations officer, the chaplain had it pretty soft; he had little more to do than listen to the troubles of others, bury the dead, visit the bedridden and conduct religious services.	Одним словом, как рассказывал подполковник Корн майору Дэнби, суматошному, лупоглазому штабному оперативнику, работа у капеллана не пыльная: выслушивать чужие беды, хоронить убитых, навещать прикованных к постели и совершать богослужения.

And there were not so many dead for him to bury any more, Colonel Korn pointed out, since opposition from German fighter planes had virtually ceased and since close to ninety per cent of what fatalities there still were, he estimated, perished behind the enemy lines or disappeared inside the clouds, where the chaplain had nothing to do with disposing of the remains.	"Да и с покойниками-то нынче не густо, - замечал подполковник Корн, - поскольку сопротивление немецкой истребительной авиации фактически прекратилось, а если люди гибнут, то главным образом над вражеской территорией или же, неизвестно почему, испаряются в облаках". В таких случаях даже капеллан не найдет их останков.

The religious services were certainly no great strain, either, since they were conducted only once a week at the Group Headquarters building and were attended by very few of the men.	Богослужения тоже не требовали от капеллана особого напряжения, поскольку они совершались всего раз в неделю в здании штаба полка при весьма малочисленной аудитории.
Actually, the chaplain was learning to love it in his clearing in the woods.	Со временем капеллан полюбил свою жизнь на лесной поляне.

Both he and Corporal Whitcomb had been provided with every convenience so that neither might ever plead discomfort as a basis for seeking permission to return to the Headquarters building.	Его и капрала Уиткома снабжали всем необходимым, дабы лишить их малейшего предлога просить разрешения переехать в штабное здание.
The chaplain rotated his breakfasts, lunches and dinners in separate sets among the eight squadron mess halls and ate every fifth meal in the enlisted men's mess at Group Headquarters and every tenth meal at the officers' mess there.	Капеллан завтракал, обедал и ужинал по очереди в восьми столовых четырех эскадрилий. Каждый пятый день он обедал в штабной столовой для рядовых, а каждый десятый - в штабной офицерской столовой.

Back home in Wisconsin the chaplain had been very fond of gardening, and his heart welled with a glorious impression of fertility and fruition each time he contemplated the low, prickly boughs of the stunted trees and the waist- high weeds and thickets by which he was almost walled in.	У себя дома, в штате Висконсин, капеллан с любовью занимался садоводством, и теперь, когда он созерцал сучковатые, низкорослые деревья, пышный бурьян и заросли кустарника, стеной обступавшие поляну, на душе у него теплело при мысли о великолепном плодородии и щедрости матери-земли.

In the spring he had longed to plant begonias and zinnias in a narrow bed around his tent but had been deterred by his fear of Corporal Whitcomb's rancor.	Он мечтал с наступлением весны посадить вокруг палатки бегонии и цинии, но боялся навлечь на себя гнев капрала Уиткома.
The chaplain relished the privacy and isolation of his verdant surroundings and the reverie and meditation that living there fostered.	Капеллану нравилось жить в уединении, отгородившись от мира зеленой лесной чащей, где он мог без помех предаваться мечтам и размышлениям о божественном провидении.

Fewer people came to him with their troubles than formerly, and he allowed himself a measure of gratitude for that too.	Теперь к нему мало кто приходил делиться своими горестями, но он был доволен этим.
The chaplain did not mix freely and was not comfortable in conversation.	Общение с людьми давалось капеллану трудно, в разговорах он чувствовал себя скованно.
He missed his wife and his three small children, and she missed him.	Он скучал по своим троим детишкам и жене, и она скучала по нему.

What displeased Corporal Whitcomb most about the chaplain, apart from the fact that the chaplain believed in God, was his lack of initiative and aggressiveness.	Особенно бесило капрала Уиткома, что капеллан, мало того что верит в бога, к тому же еще полностью лишен инициативы и напористости.
Corporal Whitcomb regarded the low attendance at religious services as a sad reflection of his own status.	Капрал Уитком был убежден, что скверное посещение богослужений - прямой результат его, Уиткома, подчиненного положения.

His mind germinated feverishly with challenging new ideas for sparking the great spiritual revival of which he dreamed himself the architect-box lunches, church socials, form letters to the families of men killed and injured in combat, censorship, Bingo.	В уме его лихорадочно рождались блестящие новаторские планы оживления религиозной жизни в полку. Себе он отводил место главного реформатора. Будь его воля, он учредил бы званые завтраки, церковно-общественные мероприятия, отправлял бы родственникам убитых и раненых заранее заготовленные письма с соболезнованием, цензурировал бы почту и устраивал бы игры в лото.
But the chaplain blocked him.	Но капеллан стоял на его пути.

Corporal Whitcomb bridled with vexation beneath the chaplain's restraint, for he spied room for improvement everywhere.	Капрала Уиткома выводила из себя пассивность капеллана, ибо сам он на каждом шагу видел возможности для всяческих нововведений.
It was people like the chaplain, he concluded, who were responsible for giving religion such a bad name and making pariahs out of them both.	Он пришел к выводу, что именно из-за таких, как капеллан, люди поносят религию: недаром их с капелланом обходят как зачумленных.

Unlike the chaplain, Corporal Whitcomb detested the seclusion of the clearing in the woods.	В отличие от капеллана капрал Уитком терпеть не мог уединенную жизнь на лесной поляне.

One of the first things he intended to do after he deposed the chaplain was move back into the Group Headquarters building, where he could be right in the thick of things.	И первое, что он намеревался сделать после свержения капеллана - это перебраться в здание штаба полка, чтобы находиться в гуще событий.

When the chaplain drove back into the clearing after leaving Colonel Korn, Corporal Whitcomb was outside in the muggy haze talking in conspiratorial tones to a strange chubby man in a maroon corduroy bathrobe and gray flannel pajamas. The chaplain recognized the bathrobe and pajamas as official hospital attire.	Когда капеллан, расставшись с подполковником Корном, вернулся к себе на поляну, капрал Уиткомом стоял под деревом близ палатки в косых дымчатых лучах солнца и заговорщически шептался со странным розовощеким человеком в госпитальном наряде - коричневом бархатном халате, надетом поверх серой фланелевой пижамы.
Neither of the two men gave him any sign of recognition.	Капрал и незнакомец не удостоили капитана вниманием.

The stranger's gums had been painted purple; his corduroy bathrobe was decorated in back with a picture of a B-25 nosing through orange bursts of flak and in front with six neat rows of tiny bombs signifying sixty combat missions flown.	Десны человека в халате были вымазаны марганцовкой, а халат украшен на спине рисунком, изображавшим бомбардировщик, мчащийся сквозь оранжевые разрывы зенитных снарядов. На груди красовались нарисованные аккуратными рядками шестьдесят бомбочек. Это значило, что владелец халата сделал шестьдесят боевых вылетов.
The chaplain was so struck by the sight that he stopped to stare.	Капеллан был так поражен этим зрелищем, что остановился и удивленно вытаращил глаза.

Both men broke off their conversation and waited in stony silence for him to go.	Капрал Уитком и незнакомец прервали разговор и с каменными физиономиями дожидались, пока капеллан пройдет.
The chaplain hurried inside his tent.	Капеллан поспешил к себе в палатку.
He heard, or imagined he heard, them tittering.	Ему послышалось, а может быть и показалось, что те двое хихикнули ему вслед.
Corporal Whitcomb walked in a moment later and demanded,	Через секунду в палатку вошел капрал Уитком и спросил:
'What's doing?'	- Как дела?
'There isn't anything new,' the chaplain replied with averted eyes.	- Ничего нового, - ответил капеллан, стараясь не встречаться глазами со своим помощником.

' Was anyone here to see me?'	- Меня никто не спрашивал?
' Just that crackpot Yossarian again.	- Опять заходил этот чокнутый - Йоссариан.
He's a real troublemaker, isn't he?'	Вот уж настоящий смутьян!
'I'm not so sure he's a crackpot,' the chaplain observed.	- Я бы не сказал, что он чокнутый, - заметил капеллан.
'That's right, take his part,' said Corporal Whitcomb in an injured tone, and stamped out.	- Ну ладно, ладно, защищайте его, - сказал капрал обиженным тоном и, стуча башмаками, вышел из палатки.

The chaplain could not believe that Corporal Whitcomb was offended again and had really walked out.	Капеллану не верилось, что капрал Уитком настолько обиделся, что больше не вернется.

As soon as he did realize it, Corporal Whitcomb walked back in.	И едва только он успел это подумать, как капрал Уитком вошел снова.
'You always side with other people,' Corporal Whitcomb accused.	- Других вы всегда защищаете! - набросился капрал Уитком на капеллана.
'You don't back up your men.	- А вот своих не поддерживаете!

That's one of the things that's wrong with you.'	Это главный ваш недостаток!
'I didn't intend to side with him,' the chaplain apologized.	- Я и не думал защищать его, - сказал капеллан виноватым тоном.
'I was just making a statement.'	- Я сказал то, что есть.
'What did Colonel Cathcart want?'	- Зачем вы понадобились полковнику Кэткарту?
' It wasn't anything important.	- Ничего особенного.
He just wanted to discuss the possibility of saying prayers in the briefing room before each mission.'	Он просто хотел обсудить со мной, можно ли читать молитвы в инструкторской перед боевыми вылетами.

'All right, don't tell me,' Corporal Whitcomb snapped and walked out again.	- Ну ладно, не хотите - не рассказывайте, -огрызнулся капрал Уитком и снова вышел.
The chaplain felt terrible.	Капеллан чувствовал себя ужасно.
No matter how considerate he tried to be, it seemed he always managed to hurt Corporal Whitcomb's feelings.	Сколь тактичным он ни пытался быть, всегда получалось так, что он задевал самолюбие капрала Уиткома.

He gazed down remorsefully and saw that the orderly forced upon him by Colonel Korn to keep his tent clean and attend to his belongings had neglected to shine his shoes again.	Испытывая раскаяние, капеллан опустил голову и тут заметил, что ординарец, которого навязал ему подполковник Корн, чтобы прибирать в палатке и содержать в порядке его вещи, опять не удосужился почистить ему ботинки.
Corporal Whitcomb came back in.	Вошел капрал Уитком.
'You never trust me with information,' he whined truculently.	- Вы никогда меня не информируете! - взвизгнул он.
' You don't have confidence in your men.	Вы не доверяете вашим подчиненным!

That's another one of the things that's wrong with you.'	Это еще один ваш недостаток!
'Yes, I do,' the chaplain assured him guiltily.	- Я вам верю, - поспешил успокоить его капеллан виноватым тоном.
'I have lots of confidence in you.'	- Я вам полностью доверяю.
' Then how about those letters?'	- Ну а как насчет писем соболезнования?
'No, not now,' the chaplain pleaded, cringing.	- Нет, только не сейчас, - весь съежившись, попросил капеллан.
'Not the letters.	- Не надо писем.
Please don't bring that up again.	И, пожалуйста, не будем снова заводить разговор на эту тему.

I'll let you know if I have a change of mind.'	Если я изменю точку зрения, я вам сообщу.
Corporal Whitcomb looked furious.	Капрал Уитком рассвирепел:

' Is that so?	- Такое, значит, отношение?
Well, it's all right for you to just sit there and shake your head while I do all the work.	Вы будете сидеть сложа руки, а я - тащи всю работу?..
Didn't you see the guy outside with all those pictures painted on his bathrobe?'	Вы, случайно, не заметили там одного дядю с картинками на халате?
' Is he here to see me?'	- Он пришел ко мне?
'No,' Corporal Whitcomb said, and walked out.	- Нет, - сказал капрал Уитком и вышел.

It was hot and humid inside the tent, and the chaplain felt himself turning damp.	В палатке было жарко и душно, и капеллан почувствовал, что он весь взмок.
He listened like an unwilling eavesdropper to the muffled, indistinguishable drone of the lowered voices outside.	Невольно прислушиваясь к приглушенному неразборчивому гудению двух голосов, он сидел неподвижно за шатким столиком, который служил ему и письменным столом. Губы его были плотно сжаты.

As he sat inertly at the rickety bridge table that served as a desk, his lips were closed, his eyes were blank, and his face, with its pale ochre hue and ancient, confined clusters of minute acne pits, had the color and texture of an uncracked almond shell.	Взгляд рассеянно блуждал, кожа на лице, испещренном ямками от застарелых прыщей, напоминала своей шершавостью и бледно-охристым оттенком скорлупу миндаля.
He racked his memory for some clue to the origin of Corporal Whitcomb's bitterness toward him.	Капеллан до боли в висках ломал себе голову, пытаясь догадаться, чем он заслужил такую неприязнь капрала Уиткома.

In some way he was unable to fathom, he was convinced he had done him some unforgivable wrong.	Он был убежден, что совершил по отношению к капралу какую-то непростительную несправедливость, но когда и при каких обстоятельствах - не мог припомнить.
It seemed incredible that such lasting ire as Corporal Whitcomb's could have stemmed from his rejection of Bingo or the form letters home to the families of the men killed in combat.	Казалось немыслимым, что упорная злоба капрала Уиткома возникла только из-за того, что капеллан отверг игры в лото и письма соболезнования семьям.
The chaplain was despondent with an acceptance of his own ineptitude.	От сознания своей беспомощности капеллан пал духом.

He had intended for some weeks to have a heart-to-heart talk with Corporal Whitcomb in order to find out what was bothering him, but was already ashamed of what he might find out.	Вот уже несколько недель он собирался поговорить с капралом Уиткомом по душам, чтобы выяснить, чем тот недоволен, но не осмеливался, заранее стыдясь того, что может услышать в ответ.
Outside the tent, Corporal Whitcomb snickered. The other man chuckled.	За стеной палатки капрал Уитком прыснул со смеху, а его собеседник довольно захихикал.
For a few precarious seconds, the chaplain tingled with a weird, occult sensation of having experienced the identical situation before in some prior time or existence.	Капеллан вздрогнул от таинственного, смутного ощущения, что когда-то в своей жизни он находился точно вот в такой же ситуации.

He endeavored to trap and nourish the impression in order to predict, and perhaps even control, what incident would occur next, but the afatus melted away unproductively, as he had known beforehand it would.	Изо всех сил он попытался удержать и усилить это мгновенное ощущение, чтобы предугадать дальнейший ход событий, но мимолетное озарение исчезло без следа.
Déjà vu. The subtle, recurring confusion between illusion and reality that was characteristic of paramnesia fascinated the chaplain, and he knew a number of things about it.	Это едва уловимое смешение иллюзорного и реального - de'ja vu (характерный симптом парамнезии, что нередко испытывал капеллан) -сильно его занимало, и он много слышал и читал об этом.

He knew, for example, that it was called paramnesia, and he was interested as well in such corollary optical phenomena as jamais vu, never seen, and presque vu, almost seen.	Он знал, например, что это явление называется парамнезией. Его также интересовал такой наблюдаемый в природе оптический феномен, как jamais vu ("никогда не виденное прежде") и presque vu ("почти виденное").
There were terrifying, sudden moments when objects, concepts and even people that the chaplain had lived with almost all his life inexplicably took on an unfamiliar and irregular aspect that he had never seen before and which made them totally strange: jamais vu.	Порой вдруг предметы, понятия, даже люди, с которыми капеллан прожил бок о бок почти всю жизнь, непостижимым и пугающим образом представали перед ним в незнакомом и необычном свете, такими, какими он их никогда не видел прежде: jamais vu.

And there were other moments when he almost saw absolute truth in brilliant flashes of clarity that almost came to him: presque vu.	И бывали другие мгновения, когда он почти видел абсолютную истину с такой ясностью, как будто все вокруг озарялось вспышкой ослепительного света: presque vu.
The episode of the naked man in the tree at Snowden's funeral mystified him thoroughly.	Появление голого мужчины на дереве во время похорон Сноудена чрезвычайно его озадачило.
It was not déjà vu, for at the time he had experienced no sensation of ever having seen a naked man in a tree at Snowden's funeral before.	Это не было deja vu, ибо тогда ему не почудилось, что он уже когда-то прежде видел голого человека на дереве во время похорон Сноудена.

It was not jamais vu, since the apparition was not of someone, or something, familiar appearing to him in an unfamiliar guise.	Это нельзя было назвать и jamais vu, поскольку это не был призрак чего-то или кого-то знакомого, но появившегося перед ним в незнакомом облике.
And it was certainly not presque vu, for the chaplain did see him.	И уж, конечно, это нельзя было назвать presque vu, поскольку капеллан явственно видел на дереве голого мужчину.
A jeep started up with a backfire directly outside and roared away.	За стеной палатки джип стрельнул выхлопной трубой и с ревом умчался.
Had the naked man in the tree at Snowden's funeral been merely a hallucination?	Неужели голый человек на дереве во время похорон Сноудена был всего лишь галлюцинацией?

Or had it been a true revelation?	Или это было божественное откровение?
The chaplain trembled at the mere idea.	От этой мысли капеллана бросило в дрожь.

He wanted desperately to confide in Yossarian, but each time he thought about the occurrence he decided not to think about it any further, although now that he did think about it he could not be sure that he ever really had thought about it.	Ему отчаянно хотелось поведать об этом Йоссариану, но всякий раз, когда он думал о случившемся, он давал себе зарок вообще выкинуть это из головы, хотя теперь, думая об этом, он не был уверен, что прежде когда-либо об этом думал.

Corporal Whitcomb sauntered back in wearing a shiny new smirk and leaned his elbow impertinently against the center pole of the chaplain's tent.	В палатку вразвалочку вошел капрал Уитком. На его физиономии играла ухмылка, какой капеллан еще не видывал. Кривя рот, Уитком нахально оперся о стояк.
'Do you know who that guy in the red bathrobe was?' he asked boastfully.	- А вы знаете, кто был этот дядя в коричневом халате? - спросил он хвастливо.
'That was a C.I.D. man with a fractured nose. He came down here from the hospital on official business.	- Это контрразведчик. Он лежит в госпитале с поломанным носом, а сюда прибыл по делам службы.
He's conducting an investigation.'	Он ведет расследование.

The chaplain raised his eyes quickly in obsequious commiseration.	Капеллан быстро взглянул на капрала и спросил с подчеркнутым сочувствием:
' I hope you're not in any trouble.	- Надеюсь, вы не попали в беду?
Is there anything I can do?'	Может быть, нужна моя помощь?
'No, I'm not in any trouble,' Corporal Whitcomb replied with a grin.	- Нет, я-то не попал в беду, - усмехнулся капрал Уитком.
' You are.	- А вот вы попали.
They're going to crack down on you for signing Washington Irving's name to all those letters you've been signing Washington Irving's name to.	Они собираются прищемить вам хвост за то, что вы ставили подпись Вашингтона Ирвинга на письмах.

How do you like that?'	Как вам это нравится?
'I haven't been signing Washington Irving's name to any letters,' said the chaplain.	- Я никогда не подписывался именем Вашингтона Ирвинга, - сказал капеллан.
'You don't have to lie to me,' Corporal Whitcomb answered.	- Ну мне-то можете не врать, - ответил капрал Уитком.
' I'm not the one you have to convince.'	- Передо мной можете не оправдываться.
'But I'm not lying.'	- Но я вовсе не лгу.
' I don't care whether you're lying or not.	- А мне все равно - врете вы или нет.
They're going to get you for intercepting Major Major's correspondence, too.	Они собираются вас привлечь за перехват служебной переписки майора Майора.
A lot of that stuff is classified information.'	А там что ни бумажка, то секрет.

'What correspondence?' asked the chaplain plaintively in rising exasperation.	- Какая переписка? - жалобно спросил капеллан, начиная нервничать.
'I've never even seen any of Major Major's correspondence.'	- Я не видел никакой переписки майора Майора.
'You don't have to lie to me,' Corporal Whitcomb replied. 'I'm not the one you have to convince.'	- Мне-то можете не врать, - ответил капрал Уитком.

' But I'm not lying!' protested the chaplain.	- Но я вовсе не лгу, - запротестовал капеллан.
'I don't see why you have to shout at me,' Corporal Whitcomb retorted with an injured look.	- Не пойму, почему вы кричите на меня? - с оскорбленным видом возразил капрал.

He came away from the center pole and shook his finger at the chaplain for emphasis. 'I just did you the biggest favor anybody ever did you in your whole life, and you don't even realize it.	Он отошел от стояка и погрозил капелла-ну пальцем: - Только что я оказал вам та-кую большую услугу, какую вам никто сро-ду не оказывал, а вы этого даже не цените.
Every time he tries to report you to his superiors, somebody up at the hospital censors out the details.	Этот контрразведчик десятки раз пытал-ся донести на вас на-чальству, а какой-то госпитальный цензор вычеркивал из его до-носов все подробно-сти.
He's been going batty for weeks trying to turn you in.	Он лез из кожи вон, пытаясь упечь вас за решетку.

I just put a censor's okay on his letter without even reading it.	А я взял да и начал ставить цензорский штамп на его письма, даже в них не заглядывая.
That will make a very good impression for you up at C.I.D. headquarters.	Это создаст о вас очень хорошее впечатление в управлении контрразведки.
It will let them know that we're not the least bit afraid to have the whole truth about you come out.'	Они там поймут, что мы нисколько не боимся, если вся правда о вас выплывет наружу.
The chaplain was reeling with confusion.	Капеллан заерзал на стуле.
'But you aren't authorized to censor letters, are you?'	- Но ведь вы не имеете права цензуровать письма.

' Of course not,' Corporal Whitcomb answered.	- Конечно, нет, - ответил капрал Уитком.
' Only officers are ever authorized to do that.	- Только офицеры имеют право.
I censored it in your name.'	Я цензурировал от вашего имени.
'But I'm not authorized to censor letters either. Am I?'	- Но я тоже не уполномочен проверять чужие письма.
'I took care of that for you, too,' Corporal Whitcomb assured him.	- Я и это предусмотрел, - заверил его капрал Уитком.
' I signed somebody else's name for you.'	- Я расписывался за вас чужим именем.
' Isn't that forgery?'	- Но ведь это подделка!
' Oh, don't worry about that either.	- Об этом тоже не беспокойтесь.

The only one who might complain in a case of forgery is the person whose name you forged, and I looked out for your interests by picking a dead man.	Пожаловаться может только человек, чью подпись я подделал, а я, заботясь о ваших интересах, взял фамилию покойника.
I used Washington Irving's name.'	Я подписывался: "Вашингтон Ирвинг".
Corporal Whitcomb scrutinized the chaplain's face closely for some sign of rebellion and then breezed ahead confidently with concealed irony. 'That was pretty quick thinking on my part, wasn't it?'	- Капрал Уитком тщательно изучал выражение лица капеллана, отыскивая на нем признаки возмущения, и доверительно, но не без лукавства прошептал: - А ловко я все это устроил, правда?

'I don't know,' the chaplain wailed softly in a quavering voice, squinting with grotesque contortions of anguish and incomprehension.	- Не знаю, - промямлил капеллан. Голос его дрогнул а лицо искривила уродливая, страдальческая гримаса полнейшего недоумения.
'I don't think I understand all you've been telling me.	- Кажется, я ничего не понял из того, что вы мне говорили.

How will it make a good impression for me if you signed Washington Irving's name instead of my own?'	Почему я должен произвести на них хорошее впечатление, если вы подписывались не моим именем, а Вашингтоном Ирвингом?

'Because they're convinced that you are Washington Irving.	- Да потому, что они убеждены, что вы - это Вашингтон Ирвинг.
Don't you see?	Понимаете?
They'll know it was you.' 'But isn't that the very belief we want to dispel?	- Но ведь именно это заблуждение мы и должны развеять.
Won't this help them prove it?'	А то, что вы сделали, поможет им доказать обратное.
'If I thought you were going to be so stuffy about it, I wouldn't even have tried to help,' Corporal Whitcomb declared indignantly, and walked out.	- Знай я раньше, что вы такой тупой, я бы ради вас и пальцем не пошевелил, - с негодованием объявил капрал Уитком и вышел из палатки.

A second later he walked back in.	Через секунду он вернулся.
'I just did you the biggest favor anybody ever did you in your whole life and you don't even know it.	- Я оказал вам такую услугу, какую вам сроду никто не оказывал, а вы этого даже не цените.
You don't know how to show your appreciation.	Вы понятия не имеете, что такое благодарность.
That's another one of the things that's wrong with you.'	Это еще один ваш недостаток.
'I'm sorry,' the chaplain apologized contritely. 'I really am sorry.	- Весьма сожалею, - покаянным тоном произнес капеллан, - искренне сожалею.

It's just that I'm so completely stunned by all you're telling me that I don't even realize what I'm saying.	Просто я так ошарашен вашим сообщением, что сам не ведаю, что говорю.
I'm really very grateful to you.'	В самом деле, я очень вам признателен.
'Then how about letting me send out those form letters?' Corporal Whitcomb demanded immediately.	- Тогда, может быть, вы мне разрешите приступить к рассылке писем соболезнования? -тут же спросил капрал Уитком.
' Can I begin working on the first drafts?'	- Не набросать ли мне примерное содержание?
The chaplain's jaw dropped in astonishment.	От удивления у капеллана отвисла челюсть.

'No, no,' he groaned. 'Not now.'	- Нет, нет, - простонал он, - только не сейчас.
Corporal Whitcomb was incensed.	Капрал Уитком взорвался.
'I'm the best friend you've got and you don't even know it,' he asserted belligerently, and walked out of the chaplain's tent.	- Я ваш самый близкий друг, а вы этого не цените!- заявил он задиристо и вышел из палатки.
He walked back in.	И тут же вошел обратно.
' I'm on your side and you don't even realize it.	- Я за вас горой, а вы этого не цените?
Don't you know what serious trouble you're in?	Вы даже не догадываетесь в какую серьезную историю влипли.

That C.I.D. man has gone rushing back to the hospital to write a brand-new report on you about that tomato.'	Ведь этот контрразведчик сломя голову помчался в госпиталь сочинять свеженькое донесение насчет помидора.

'What tomato?' the chaplain asked, blinking.	- Какого помидора? - моргая ресницами, спросил капеллан.
'The plum tomato you were hiding in your hand when you first showed up here.	- Помидора, который вы прятали в кулаке, когда появились на поляне.
There it is. The tomato you're still holding in your hand right this very minute!'	Вы его и сейчас держите в руке.

The captain unclenched his fingers with surprise and saw that he was still holding the plum tomato he had obtained in Colonel Cathcart's office.	Капеллан разжал пальцы и с удивлением увидел у себя на ладони помидор, взятый в кабинете полковника Кэткарта.
He set it down quickly on the bridge table.	Он поспешно положил его на стол.
'I got this tomato from Colonel Cathcart,' he said, and was struck by how ludicrous his explanation sounded.	- Я взял этот помидор у полковника Кэткарта, - сказал он и поразился, насколько абсурдно прозвучало его объяснение.
' He insisted I take it.'	- Я взял помидор по настоянию полковника.

'You don't have to lie to me,' Corporal Whitcomb answered.	- Ну мне-то вы можете не врать, - ответил капрал Уитком.
' I don't care whether you stole it from him or not.'	- Мне-то все равно - украли вы помидор или нет.
'Stole it?' the chaplain exclaimed with amazement.	- Украл? - изумленно воскликнул капеллан.
'Why should I want to steal a plum tomato?'	- Зачем мне было красть помидор?
'That's exactly what had us both stumped,' said Corporal Whitcomb.	- Мы тоже над этим ломали голову, - сказал капрал Уитком.

'And then the C.I.D. man figured out you might have some important secret papers hidden away inside it.'	- А потом контрразведчик высказал предположение, что, возможно, вы спрятали в помидор какие-нибудь важные секретные документы.
The chaplain sagged limply beneath the mountainous weight of his despair.	У капеллана затряслись поджилки.
'I don't have any important secret papers hidden away inside it,' he stated simply.	- Вовсе я не прятал в нем никаких секретных документов, - заявил он напрямик.
' I didn't even want it to begin with.	- Я и брать-то его не хотел.
Here, you can have it and see for yourself.'	Вот можете посмотреть. Возьмите и убедитесь сами.
' I don't want it.'	- На что он мне сдался?

'Please take it away,' the chaplain pleaded in a voice that was barely audible.	- Ну возьмите, пожалуйста, - упрашивал капеллан еле слышным голосом.
' I want to be rid of it.'	- Я буду рад от него избавиться.
'I don't want it,' Corporal Whitcomb snapped again, and stalked out with an angry face, suppressing a smile of great jubilation at having forged a powerful new alliance with the C.I.D. man and at having succeeded again in convincing the chaplain that he was really displeased.	- Да на что он мне сдался? - снова отрезал капрал Уитком и, сердито нахмурившись, важной походкой направился к выходу. При этом он с трудом сдерживал улыбку торжества: ему удалось хитроумным способом заполучить могущественного союзника в лице контрразведчика, а также убедить капеллана, что на сей раз он обижен не на шутку.

Poor Whitcomb, sighed the chaplain, and blamed himself for his assistant's malaise.	"Бедный Уитком", - вздохнул капеллан, коря себя за то, что так озлобил своего помощника.
He sat mutely in a ponderous, stultifying melancholy, waiting expectantly for Corporal Whitcomb to walk back in.	Капеллан сидел молчаливый, задумчивый, обескураженный, меланхолично дожидаясь возвращения капрала Уиткома.
He was disappointed as he heard the peremptory crunch of Corporal Whitcomb's footsteps recede into silence.	Он был разочарован, услышав, как энергичные шаги капрала Уиткома постепенно стихают вдали.
There was nothing he wanted to do next.	Капелланом овладела полнейшая апатия.

He decided to pass up lunch for a Milky Way and a Baby Ruth from his foot locker and a few swallows of lukewarm water from his canteen.	Он решил пропустить ленч в столовой и ограничиться кусочком шоколада "Млечный путь", хранившимся в его дорожном чемоданчике, а также несколькими глотками тепловатой воды из фляги.
He felt himself surrounded by dense, overwhelming fogs of possibilities in which he could perceive no glimmer of light.	Ему казалось, что вокруг него - плотный, непроницаемый туман.

He dreaded what Colonel Cathcart would think when the news that he was suspected of being Washington Irving was brought to him, then fell to fretting over what Colonel Cathcart was already thinking about him for even having broached the subject of sixty missions.	Он ужасался при мысли, что подумает полковник Кэткарт, узнав о возникших подозрениях, что капеллан-то и есть Вашингтон Ирвинг. И еще капеллан терзался, пытаясь догадаться, какого теперь о нем мнения полковник Кэткарт, после того как он, капеллан, затеял разговор об этих шестидесяти вылетах.

There was so much unhappiness in the world, he reflected, bowing his head dismally beneath the tragic thought, and there was nothing he could do about anybody's, least of all his own.	В мире столько несчастья, думал капеллан, все ниже и ниже опуская голову, полную горестных мыслей, и ничем, ровным счетом ничем, он не может помочь никому, а себе - тем более.
General Dreedle Colonel Cathcart was not thinking anything at all about the chaplain, but was tangled up in a brand-new, menacing problem of his own: Yossarian!	21. Генерал Дридл На самом деле полковник Кэткарт вообще не думал о капеллане. Теперь его всецело занимала свеженькая, только что обрушившаяся на его голову грозная проблема: Йоссариан!
Yossarian!	Йоссариан!

The mere sound of that execrable, ugly name made his blood run cold and his breath come in labored gasps.	От одного звука этого мерзкого, уродливого имени стыла кровь в его жилах и учащалось дыхание.
The chaplain's first mention of the name Yossarian! had tolled deep in his memory like a portentous gong.	Когда капеллан впервые упомянул имя "Йоссариан", оно отозвалось в сознании полковника зловещим набатом.

As soon as the latch of the door had clicked shut, the whole humiliating recollection of the naked man in formation came cascading down upon him in a mortifying, choking flood of stinging details.	Едва за капелланом закрылась, щелкнув замком, дверь, унизительные воспоминания о голом человеке в строю хлынули на полковника каскадом кошмарных, жалящих подробностей, от которых захватывало дух.
He began to perspire and tremble.	Полковника прошиб пот, и он задрожал.

There was a sinister and unlikely coincidence exposed that was too diabolical in implication to be anything less than the most hideous of omens. The name of the man who had stood naked in ranks that day to receive his Distinguished Flying Cross from General Dreedle had also been-Yossarian!	Это было опасное и невероятное совпадение, по своей дьявольской сути оно могло оказаться только самым дурным предзнаменованием: человека, стоявшего голым в строю в день, когда генерал Дридл вручал ему крест "За летные боевые заслуги", тоже звали Йоссариан!

And now it was a man named Yossarian who was threatening to make trouble over the sixty missions he had just ordered the men in his group to fly.	А теперь некто, по имени Йоссариан, грозился наделать неприятностей по поводу только что установленной нормы - шестьдесят вылетов.
Colonel Cathcart wondered gloomily if it was the same Yossarian.	Полковник мрачно раздумывал: - Неужели это тот самый Йоссариан?
He climbed to his feet with an air of intolerable woe and began moving about his office.	Он поднялся из-за стола с ощущением невыносимого страха и принялся расхаживать по кабинету.
He felt himself in the presence of the mysterious.	Полковник чувствовал, что здесь кроется какая-то тайна.

The naked man in formation, he conceded cheerlessly, had been a real black eye for him. So had the tampering with the bomb line before the mission to Bologna and the seven-day delay in destroying the bridge at Ferrara, even though destroying the bridge at Ferrara finally, he remembered with glee, had been a real feather in his cap, although losing a plane there the second time around, he recalled in	Он пришел к невеселому выводу, что такие события, как появление голого человека в строю, а также передвижение линии фронта на карте накануне рейда на Болонью и семидневная проволочка с уничтожением моста у Феррары, принесли ему синяки и шишки, хотя, вспомнил он с радостью, мост у Феррары в конце концов удалось разбомбить, и это принесло ему пироги и пышки. Но вот потеря самолета во время второго захода на цель, вспомнил он с отвращением, принесла ему синяки и шишки. Правда, то, что он добился ордена

That bombardier's name, he remembered suddenly with another stupefying shock, had also been Yossarian!	Имя этого бомбардира, с изумлением вспомнил он, тоже было Йоссариан!
Now there were three!	Теперь их было трое!
His viscous eyes bulged with astonishment and he whipped himself around in alarm to see what was taking place behind him.	Господи, да не наваждение ли это? В испуге полковник обернулся: ему показалось, что кто-то стоит у него за спиной.

A moment ago there had been no Yossarians in his life; now they were multiplying like hobgoblins.	Еще минуту назад в его жизни не было никакого Йоссариана, а сейчас Йоссарианы множились и кружились вокруг него, как ведьмы на шабаше.
He tried to make himself grow calm.	Он пытался успокоиться.
Yossarian was not a common name; perhaps there were not really three Yossarians but only two Yossarians, or maybe even only one Yossarian-but that really made no difference!	Йоссариан - фамилия необычная. Возможно, на самом деле существовало не три Йоссариана, а лишь два или, может быть, даже только один, но это уже существенной роли не играло.
The colonel was still in grave peril.	Полковник по-прежнему спиной чувствовал дыхание опасности.

Intuition warned him that he was drawing close to some immense and inscrutable cosmic climax, and his broad, meaty, towering frame tingled from head to toe at the thought that Yossarian, whoever he would eventually turn out to be, was destined to serve as his nemesis.	Интуиция подсказывала ему, что перед ним какая-то огромная, непостижимая, космическая загадка. Широкоплечего, грузного полковника пробирала дрожь при одной мысли, что Йоссариану, кем бы он в конце концов ни оказался, суждено стать его, полковника Кэткарта, Немезидой.

Colonel Cathcart was not superstitious, but he did believe in omens, and he sat right back down behind his desk and made a cryptic notation on his memorandum pad to look into the whole suspicious business of the Yossarians right away.	Полковник Кэткарт не был человеком суеверным, но он верил в приметы. Он решительно сел за письменный стол и сделал в своем служебном блокноте несколько закодированных пометок, чтобы тут же, не откладывая в долгий ящик, детально обдумать всю эту подозрительную историю с Йоссарианом.
He wrote his reminder to himself in a heavy and decisive hand, amplifying it sharply with a series of coded punctuation marks and underlining the whole message twice, so that it read: Yossarian!!! (?)!	Энергичным почерком с нажимом он составил для себя памятку, украсив ее серией глубокомысленных пунктуационных знаков и дважды подчеркнув все написанное. Памятка стала выглядеть так: Йоссариан!!!

The colonel sat back when he had finished and was extremely pleased with himself for the prompt action he had just taken to meet this sinister crisis.	Закончив работу, полковник откинулся в кресле, чрезвычайно довольный экстренными мерами, которые он предпринял, чтобы приблизиться к разгадке зловещей тайны.
Yossarian-the very sight of the name made him shudder.	"Йоссариан" - один лишь вид этой фамилии повергал его в трепет.
There were so many esses in it. It just had to be subversive.	А если ее произнести вслух, то в ней слышится что-то рычащее.
It was like the word subversive itself.	И даже что-то подрывное, как, впрочем, и в самом слове "подрывное".

It was like seditious and insidious too, and like socialist, suspicious, fascist and Communist.	Рычащее "р" роднило эту фамилию с такими словами, как "бунтарский", "коварный", "крамольный", "революционный", "подозрительный", "красный".
It was an odious, alien, distasteful name, that just did not inspire confidence.	Это была гнусная, враждебная, мерзкая фамилия, которая абсолютно не внушала доверия.
It was not at all like such clean, crisp, honest, American names as Cathcart, Peckem and Dreedle.	То ли дело такие чистые, честные, благородные, истинно американские фамилии, как Кэткарт, Пеккем и Дридл.
Colonel Cathcart rose slowly and began drifting about his office again.	Полковник Кэткарт медленно поднялся и снова начал бродить по кабинету.

Almost unconsciously, he picked up a plum tomato from the top of one of the bushels and took a voracious bite.	Почти машинально он выбрал помидорчик из куля и жадно впился в него зубами.
He made a wry face at once and threw the rest of the plum tomato into his waste-basket.	Лицо его тут же скривилось, он швырнул недоеденный помидор в мусорную корзину.
The colonel did not like plum tomatoes, not even when they were his own, and these were not even his own.	Полковник терпеть не мог помидоров, даже собственных, а эти, по сути дела, ему не принадлежали.

These had been purchased in different market places all over Pianosa by Colonel Korn under various identities, moved up to the colonel's farmhouse in the hills in the dead of night, and transported down to Group Headquarters the next morning for sale to Milo, who paid Colonel Cathcart and Colonel Korn premium prices for them.	Они были скуплены под- полковником Корном, действовавшим под чу- жими фамилиями на раз- ных рынках Пьяносы, пе- ревезены глухой ночью в горы на ферму полковни- ка Кэткарта, а на следую- щее утро их переправили в штаб полка, где Милоу уплатил за них полков- нику и подполковнику баснословные деньги.

Colonel Cathcart often wondered if what they were doing with the plum tomatoes was legal, but Colonel Korn said it was, and he tried not to brood about it too often.	Полковник Каткарт часто задумывался, была ли эта операция с помидорами вполне законной, но подполковник Корн подтвердил, что сделка вполне законна, и полковник Кэткарт старался поменьше ломать себе голову над этим вопросом.
He had no way of knowing whether or not the house in the hills was legal, either, since Colonel Korn had made all the arrangements.	Он понятия не имел также, законно или незаконно владеет домом в горах. Все необходимые формальности проделал подполковник Корн.

Colonel Cathcart did not know if he owned the house or rented it, from whom he had acquired it or how much, if anything, it was costing.	Полковник Кэткарт не знал, принадлежит ли ему дом или он просто его арендует, а если дом приобретен, то у кого и сколько пришлось за него заплатить, если вообще пришлось платить.
Colonel Korn was the lawyer, and if Colonel Korn assured him that fraud, extortion, currency manipulation, embezzlement, income tax evasion and black-market speculations were legal, Colonel Cathcart was in no position to disagree with him.	Подполковник Кори был юристом по образованию, и, коль скоро он твердо заверил полковника, что мошенничество, вымогательство, валютные махинации, присвоение чужого, уклонение от уплаты налогов и спекуляция на черном рынке - самое что ни на есть законное дело, у полковника Кэткарта не возникало пылкого желания вступать в спор.

All Colonel Cathcart knew about his house in the hills was that he had such a house and hated it.	Полковник Кэткарт знал о своем доме в горах лишь то, что таковой существует и что дом этот он ненавидит.
He was never so bored as when spending there the two or three days every other week necessary to sustain the illusion that his damp and drafty stone farmhouse in the hills was a golden palace of carnal delights.	Нигде он так отчаянно не скучал, как в своем доме. Он наезжал туда два-три раза в неделю, чтобы создать иллюзию, будто этот сырой каменный дом, продуваемый сквозняками, -этакое злачное местечко, наиболее подходящее для плотских утех.

Officers' clubs everywhere pulsated with blurred but knowing accounts of lavish, hushed-up drinking and sex orgies there and of secret, intimate nights of ecstasy with the most beautiful, the most tantalizing, the most readily aroused and most easily satisfied Italian courtesans, film actresses, models and countesses.	По всем офицерским клубам ходили неясные, но многозначительные слухи о тайных пьянках, роскошных пиршествах и разнузданных оргиях в доме полковника.
No such private nights of ecstasy or hushed-up drinking and sex orgies ever occurred.	На самом деле ни выпивок втихомолку, ни разнузданных оргий не происходило.

They might have occurred if either General Dreedle or General Peckem had once evinced an interest in taking part in orgies with him, but neither ever did, and the colonel was certainly not going to waste his time and energy making love to beautiful women unless there was something in it for him.	Они могли бы происходить, если бы генералы Дридл и Пеккем проявили интерес к участию в этих оргиях вместе с полковником, но никто из них никогда не проявлял подобного интереса, а сам полковник, разумеется, не был намерен тратить время и силы на красивых женщин, поскольку это не сулило ему никаких выгод по службе.
The colonel dreaded his dank lonely nights at his farmhouse and the dull, uneventful days.	Полковник смертельно боялся одиноких промозглых ночей и тусклых безрадостных дней в своем доме.

He had much more fun back at Group, browbeating everyone he wasn't afraid of.	В полку было куда веселее, здесь он развлекался, запугивая каждого, кого не боялся.
However, as Colonel Korn kept reminding him, there was not much glamour in having a farmhouse in the hills if he never used it.	Однако подполковник Корн не раз напоминал ему, что некрасиво иметь ферму в горах и не пользоваться ею.
He drove off to his farmhouse each time in a mood of self-pity.	Полковник отправлялся на ферму, охваченный жалостью к себе.

He carried a shotgun in his jeep and spent the monotonous hours there shooting it at birds and at the plum tomatoes that did grow there in untended rows and were too much trouble to harvest.	Он держал в своем джипе пистолет и убивал время, стреляя в птиц и в помидоры, которые и в самом деле росли там на неухоженных грядках: ухаживать за ними было бы слишком хлопотно.
Among those officers of inferior rank toward whom Colonel Cathcart still deemed it prudent to show respect, he included Major-de Coverley, even though he did not want to and was not sure he even had to.	Среди офицеров ниже его званием, к которым полковник Кэткарт считал необходимым и благоразумным относиться почтительно, был майор де Каверли, хотя полковник вовсе не хотел относиться к нему с уважением, да и не был уверен, что обязан это делать.

Major-de Coverley was as great a mystery to him as he was to Major Major and to everyone else who ever took notice of him.	Майор де Каверли был величайшей загадкой для полковника Кэткарта, как, впрочем и для майора Майора и для всех, кто хоть раз видел майора де Каверли.
Colonel Cathcart had no idea whether to look up or look down in his attitude toward Major-de Coverley.	Полковник Кэткарт понятия не имел, взирать ли ему на майора де Каверли сверху вниз или снизу вверх.

Major- de Coverley was only a major, even though he was ages older than Colonel Cathcart; at the same time, so many other people treated Major-de Coverley with such profound and fearful veneration that Colonel Cathcart had a hunch they might know something.	Майор де Каверли, несмотря на свой возраст, был только майором. В то же время многие относились к майору де Каверли с таким глубочайшим и трепетным благоговением, что полковник Кэткарт подозревал, что другие знают о нем что-то такое, чего не знает он, полковник Кэткарт.
Major- de Coverley was an ominous, incomprehensible presence who kept him constantly on edge and of whom even Colonel Korn tended to be wary.	Майор де Каверли был для него существом зловещим и непостижимым, с таким надо было постоянно держать ухо востро - даже подполковник Корн держался настороже с майором.

Everyone was afraid of him, and no one knew why.	Все боялись майора де Каверли, а почему - сами не знали.

No one even knew Major-de Coverley's first name, because no one had ever had the temerity to ask him.	Никто не знал даже имени майора де Каверли, ибо ни у кого не хватало отваги спросить майора, как его зовут.

Colonel Cathcart knew that Major-de Coverley was away and he rejoiced in his absence until it occurred to him that Major-de Coverley might be away somewhere conspiring against him, and then he wished that Major-de Coverley were back in his squadron where he belonged so that he could be watched.	Полковник Кэткарт знал, что майор де Каверли сейчас находится в отъезде, и радовался его отсутствию. Но вдруг ему пришло на ум, что сейчас майор де Каверли где-нибудь интригует против него, и полковнику захотелось, чтобы майор де Каверли поскорее вернулся в эскадрилью, где с него можно было не спускать глаз.
In a little while Colonel Cathcart's arches began to ache from pacing back and forth so much.	Вскоре у полковника Кэткарта от ходьбы взад-вперед заныло в паху.

He sat down behind his desk again and resolved to embark upon a mature and systematic evaluation of the entire military situation.	Он снова сел за письменный стол, решив дать сложившейся военной обстановке зрелую и тщательную оценку.
With the businesslike air of a man who knows how to get things done, he found a large white pad, drew a straight line down the middle and crossed it near the top, dividing the page into two blank columns of equal width.	С видом делового человека, который знает, как взяться за работу, он достал большой блокнот и провел посредине листа вертикальную линию, разделив таким образом лист на две равные колонки, а наверху - горизонтальную линию.
He rested a moment in critical rumination.	С минуту он критически разглядывал дело рук своих.

Then he huddled over his desk, and at the head of the left column, in a cramped and finicky hand, he wrote,	Затем навалился грудью на стол и вверху, над левой колонкой, неразборчивым, кудреватым почерком написал:
'Black Eyes!!!' At the top of the right column he wrote,	"Синяки и шишки!!!", а над колонкой справа -
' Feathers in My Cap!!!!!'	"Пироги и пышки!!!!!".
He leaned back once more to inspect his chart admiringly from an objective perspective.	Затем откинулся на спинку кресла, чтобы взглянуть на свою схему взглядом стороннего наблюдателя.

After a few seconds of solemn deliberation, he licked the tip of his pencil carefully and wrote under	Схема радовала взор. После нескольких секунд торжественного обдумывания он старательно послюнявил кончик карандаша и под заголовком

'Black Eyes!!!,' after intent intervals: Ferrara Bologna (bomb line moved on map during) Skeet range Naked man information (after Avignon) Then he added: Food poisoning (during Bologna) and Moaning (epidemic of during Avignon briefing) Then he added: Chaplain (hanging around officers' club every night) He decided to be charitable about the chaplain, even though he did not like him, and under	"Синяки и шишки!!!" аккуратно, соблюдая интервалы, написал: "Феррара. Болонья (передвижка линии фронта на карте). Тир. Голый человек в строю (после Авиньона)". Затем приписал: "Пищевое отравление (во время Болоньи). Стоны (эпидемия во время инструктажа перед вылетом на Авиньон)". И добавил: "Капеллан (каждый вечер околачивается в офицерском клубе)". Хотя полковник и не любил капеллана, он решил проявить к нему милосердие и под заголовком

'Feathers in My Cap!!!!!' he wrote: Chaplain (hanging around officers' club every night) The two chaplain entries, therefore, neutralized each other.	"Пироги и пышки!!!!!" тоже написал: "Капеллан (каждый вечер околачивается в офицерском клубе"). Тем самым две записи о капеллане нейтрализовали друг друга.
Alongside	Рядом с
' Ferrara' and	"Феррара" и
'Naked man in formation (after Avignon)' he then wrote: Yossarian!	"Голый человек в строю (после Авиньона)" он приписал: "Йоссариан!"
Alongside ' Bologna (bomb line moved on map during)',	Рядом с "Болонья (передвижка линий фронта на карте)",

'Food poisoning (during Bologna)' and	"Пищевое отравление (во время Болоньи)" и
'Moaning (epidemic of during Avignon briefing)' he wrote in a bold, decisive hand:?	"Стоны (эпидемия во время инструктажа перед вылетом на Авиньон)" он смело и решительно вывел: "?"
Those entries labeled '?' were the ones he wanted to investigate immediately to determine if Yossarian had played any part in them.	Приписка"?" означала, что он хотел немедленно выяснить, сыграл ли Йоссариан в этих событиях какую-либо роль.
Suddenly his arm began to shake, and he was unable to write any more.	Внезапно рука его задрожала, и дальше писать он не смог.

He rose to his feet in terror, feeling sticky and fat, and rushed to the open window to gulp in fresh air.	Он с ужасом поднялся на ноги и, чувствуя, как липкий пот течет по его тучному телу, кинулся к открытому окну глотнуть свежего воздуха.
His gaze fell on the skeet-range, and he reeled away with a sharp cry of distress, his wild and feverish eyes scanning the walls of his office frantically as though they were swarming with Yossarians.	Взгляд его упал на тир, затем полковник вдруг с горестным воплем обернулся, и его глаза с безумным, лихорадочным блеском неистово заметались по стенам кабинета, словно из каждого угла лезли полчища Йоссарианов.
Nobody loved him.	Никто не любил полковника.

General Dreedle hated him, although General Peckem liked him, although he couldn't be sure, since Colonel Cargill, General Peckem's aide, undoubtedly had ambitions of his own and was probably sabotaging him with General Peckem at every opportunity.	Г енерал Дридл его ненавидел, хотя генерал Пеккем любил его: впрочем, полковник был в этом не уверен, поскольку помощник генерала Пеккема полковник Карджилл - человек, обуреваемый честолюбивыми замыслами, -пакостил полковнику при каждом удобном случае.

The only good colonel, he decided, was a dead colonel, except for himself. The only colonel he trusted was Colonel Moodus, and even he had an in with his father-in-law.	"Кроме меня, - думал Кэткарт, - единственный хороший полковник - это мертвый полковник", а единственным полковником, который внушал ему доверие, был полковник Модэс, но даже он действовал заодно со своим тестем, генералом Дридлом.

Milo, of course, had been the big feather in his cap, although having his group bombed by Milo's planes had probably been a terrible black eye for him, even though Milo had ultimately stilled all protest by disclosing the huge net profit the syndicate had realized on the deal with the enemy and convincing everyone that bombing his own men and planes had therefore really been a commendable and very lucrative blow on the side of private enterprise.	Милоу, конечно, приносил полковнику Кэткарту пироги и пышки, хотя тот факт, что самолеты Милоу разбомбили свой собственный полк, принес ему обильный урожай синяков и шишек, несмотря на то, что Милоу полностью утихомирил всех недовольных, обнародовав цифры огромных прибылей, вырученных синдикатом в результате сделки с противником. Милоу убедил всех, что бомбардировка своего аэродрома - хоть и удар со стороны частного предпринимательства, но удар похвальный и весьма прибыльный.

The colonel was insecure about Milo because other colonels were trying to lure him away, and Colonel Cathcart still had that lousy Big Chief White Halfoat in his group who that lousy, lazy Captain Black claimed was the one really responsible for the bomb line's being moved during the Big Siege of Bologna.	Полковник не чувствовал себя спокойным за Милоу: командиры других полков все время пытались переманить Милоу. Кроме того, на шее у полковника висел этот паршивый Вождь Белый Овес, который, как утверждал паршивый лентяй капитан Блэк, был единственным виновником того, что во время осады Болоньи кто-то передвинул на карте линию фронта.

Colonel Cathcart liked Big Chief White Halfoat because Big Chief White Halfoat kept punching that lousy Colonel Moodus in the nose every time he got drunk and Colonel Moodus was around.	Полковнику Кэткарту нравился Вождь Белый Овес, ибо каждый раз, напившись, Вождь Белый Овес давал по носу этому паршивому полковнику Модэсу, если тот оказывался под рукой.
He wished that Big Chief White Halfoat would begin punching Colonel Korn in his fat face, too. Colonel Korn was a lousy smart aleck.	Полковнику Кэткарту хотелось, чтобы Вождь Белый Овес начал бить по толстой морде и подполковника Корна, который тоже был паршивым проныpой.

Someone at Twenty-seventh Air Force Headquarters had it in for him and sent back every report he wrote with a blistering rebuke, and Colonel Korn had bribed a clever mail clerk there named Wintergreen to try to find out who it was.	В штабе двадцать седьмой воздушной армии кто-то имел зуб на полковника Кэткарта и возвращал каждый раз его доклады с оскорбительной резолюцией. Подполковник Корн подкупил тамошнего писаря, умного малого по фамилии Уинтергрин, чтобы через него попытаться выяснить, кто там гадит полковнику Кэткарту.

Losing the plane over Ferrara the second time around had not done him any good, he had to admit, and neither had having that other plane disappear inside that cloud-that was one he hadn't even written down!	Полковнику пришлось признать, что потеря самолета над Феррарой при втором заходе на цель, разумеется, не принесла ему ничего хорошего, как и исчезновение в облаке другого самолета - событие, которое он забыл занести в соответствующую рубрику.

He tried to recall, longingly, if Yossarian had been lost in that plane in the cloud and realized that Yossarian could not possibly have been lost in that plane in the cloud if he was still around now raising such a big stink about having to fly a lousy five missions more.	Он пытался изо всех сил вспомнить, исчез ли Йоссариан вместе с самолетом в облаке или нет, но сообразил, что этого никак не могло быть, поскольку он слоняется вокруг и распускает вонь по поводу каких-то пяти паршивых дополнительных вылетов.

Maybe sixty missions were too many for the men to fly, Colonel Cathcart reasoned, if Yossarian objected to flying them, but he then remembered that forcing his men to fly more missions than everyone else was the most tangible achievement he had going for him.	"Может, и вправду, норма в шестьдесят вылетов слишком велика для летчиков, - рассуждал полковник Каткарт, - если Йоссариан отказывается выполнять ее". Но тут он вспомнил, что, заставив пилотов своего полка сделать больше вылетов, чем летчики других частей, он добился блестящего успеха.

As Colonel Korn often remarked, the war was crawling with group commanders who were merely doing their duty, and it required just some sort of dramatic gesture like making his group fly more combat missions than any other bomber group to spotlight his unique qualities of leadership.	Как часто говаривал подполковник Корн: - Война войной, а служба службой. Чтобы отличиться, командиру необходимо сделать какой-то драматический жест, скажем, установить более высокую, чем у соседей, норму боевых вылетов.

Certainly none of the generals seemed to object to what he was doing, although as far as he could detect they weren't particularly impressed either, which made him suspect that perhaps sixty combat missions were not nearly enough and that he ought to increase the number at once to seventy, eighty, a hundred, or even two hundred, three hundred, or six thousand!	Никто из генералов пока, кажется, не возражал против действий полковника, хотя, насколько он мог заметить, его рвение и не произвело на них особого впечатления, и это навело его на мысль, что, наверное, шестьдесят вылетов - мало и придется повысить норму сразу до семидесяти, восьмидесяти, сотни, даже до двух сотен, трех сотен или до шести тысяч вылетов.

Certainly he would be much better off under somebody suave like General Peckem than he was under somebody boorish and insensitive like General Dreedle, because General Peckem had the discernment, the intelligence and the Ivy League background to appreciate and enjoy him at his full value, although General Peckem had never given the slightest indication that he appreciated or enjoyed him at all.	Конечно, ему было бы гораздо лучше служить под началом столь учтивого человека, как генерал Пеккем, чем под началом невоспитанного мужлана генерала Дридла, ибо на стороне генерала Пеккема были проницательность, ум и образованность, следовательно, он мог в полной мере понять полковника Кэткарта и оценить его по заслугам. Правда, генерал Пеккем не давал полковнику ни малейшего повода думать, что он понимает его и ценит по заслугам.

Colonel Cathcart felt perceptive enough to realize that visible signals of recognition were never necessary between sophisticated, self-assured people like himself and General Peckem who could warm to each other from a distance with innate mutual understanding.	Но полковник Кэткарт отдавал себе отчет в том, что явная, грубая похвала или одобрение вовсе ни к чему в отношениях между такими утонченными, уверенными в себе личностями, как он и генерал Пеккем, которые могут издали симпатизировать друг другу и понимать друг друга без слов.

It was enough that they were of like kind, and he knew it was only a matter of waiting discreetly for preferment until the right time, although it rotted Colonel Cathcart's self-esteem to observe that General Peckem never deliberately sought him out and that he labored no harder to impress Colonel Cathcart with his epigrams and erudition than he did to impress anyone else in earshot, even enlisted men.	Вполне достаточно того, что они - люди одного круга, и полковник Кэткарт знал, что его повышение - дело времени и нужно, набравшись терпения, благоразумно ждать, хотя самолюбие его страдало оттого, что генерал Пеккем никогда намеренно не искал его общества, и оттого, что, когда полковник Кэткарт оказывался рядом с Пеккемом, генерал старался произвести на него впечатление своими афоризмами и эрудицией точно в такой же степени, как и на других офицеров и даже на нижние чины, стоящие поблизости.

Either Colonel Cathcart wasn't getting through to General Peckem or General Peckem was not the scintillating, discriminating, intellectual, forward- looking personality he pretended to be and it was really General Dreedle who was sensitive, charming, brilliant and sophisticated and under whom he would certainly be much better off, and suddenly Colonel Cathcart had absolutely no conception of how strongly he stood with anyone and began banging	То ли полковник Кэткарт не раскусил генерала Пеккема, то ли генерал Пеккем вовсе и не был такой уж тонкой, блестящей, умной, дальновидной личностью, какой он старался казаться. Может быть, на самом-то деле как раз генерал Дридл был отзывчивым, очаровательным, блестящим и утонченным и под его началом полковнику Кэткарту было бы куда лучше. Внезапно полковник Кэткарт, потеряв всякое представление о том, с кем он в каких отношениях, начал стучать кулаком по кнопке звонка: ему хотелось, чтобы подполковник Корн как можно скорее

Actually, Colonel Cathcart did not have a chance in hell of becoming a general.	На самом же деле у полковника Кэткарта не было ни малейших шансов стать генералом.
For one thing, there was ex-P.F.C. Wintergreen, who also wanted to be a general and who always distorted, destroyed, rejected or misdirected any correspondence by, for or about Colonel Cathcart that might do him credit.	Во-первых, потому что на свете существовал экс-рядовой первого класса Уинтергрин, который тоже хотел стать генералом и посему всегда искажал, портил, отвергал или засылал по неправильному адресу любую проходящую через его руки корреспонденцию, имеющую касательство к полковнику Кэткарту и могущую пойти полковнику на пользу.

For another, there already was a general, General Dreedle who knew that General Peckem was after his job but did not know how to stop him.	А во-вторых, потому что один генерал уже имелся в наличии - генерал Дридл, который, в свою очередь, знал, что генерал Пеккем метит на его место, но не знал, как этому воспрепятствовать.
General Dreedle, the wing commander, was a blunt, chunky, barrel-chested man in his early fifties.	Г енерал Дридл, командир авиабригады, был грубоватый приземистый человек. Ему едва перевалило за пятьдесят.
His nose was squat and red, and he had lumpy white, bunched-up eyelids circling his small gray eyes like haloes of bacon fat.	У него был приплюснутый красный нос, серые глазки, запрятанные в припухшие веки с белыми пупырышками, и грудь колесом.

He had a nurse and a son-in-law, and he was prone to long, ponderous silences when he had not been drinking too much.	При нем постоянно находились медсестра и зять. Когда генерал Дридл недобирал спиртного, он впадал в глубокую задумчивость.
General Dreedle had wasted too much of his time in the Army doing his job well, and now it was too late.	Старательно выполняя свои прямые обязанности, генерал Дридл потерял в армии понапрасну слишком много лет, а сейчас наверстывать упущенное было уже поздно.
New power alignments had coalesced without him and he was at a loss to cope with them.	Омоложенные кадры высшего командного состава сомкнули свои ряды, в которых для Дридла не нашлось места, и, растерявшись, он не знал, как ему наладить с ними сотрудничество.

At unguarded moments his hard and sullen face slipped into a somber, preoccupied look of defeat and frustration.	Стоило ему забыться, и его тяжелое одутловатое лицо становилось грустным и озабоченным, как у человека, сломленного жизнью.
General Dreedle drank a great deal.	Генерал Дридл крепко пил.
His moods were arbitrary and unpredictable.	Настроение у него постоянно менялось, и предсказать его было совершенно невозможно.

'War is hell,' he declared frequently, drunk or sober, and he really meant it, although that did not prevent him from making a good living out of it or from taking his son-in-law into the business with him, even though the two bickered constantly.	"Война - это ад", - частенько говаривал он, пьяный или трезвый, и он в самом деле так думал, но это не мешало ему неплохо наживаться на войне и вовлечь в этот бизнес своего зятя, хоть они то и дело цапались.
'That bastard,' General Dreedle would complain about his son-in-law with a contemptuous grunt to anyone who happened to be standing beside him at the curve of the bar of the officers' club.	- Ну и подонок! - с презрительной миной ворчливо жаловался он на своего зятя первому встречному у стойки бара в офицерском клубе.

' Everything he's got he owes to me.	- Всем, что он имеет, он обязан мне.
I made him, that lousy son of a bitch!	Я сделал из этого паршивого сукина сына человека.
He hasn't got brains enough to get ahead on his own.'	Разве у него хватило бы мозгов продвинуться собственными силами?
'He thinks he knows everything,' Colonel Moodus would retort in a sulking tone to his own audience at the other end of the bar.	- Ему кажется, что он постиг все на свете! - говорил обиженным тоном полковник Модэс своим слушателям у другого конца стойки.
'He can't take criticism and he won't listen to advice.'	- Он не выносит никакой критики и не слушает ничьих советов.

'All he can do is give advice,' General Dreedle would observe with a rasping snort.	- Он только и умеет давать советы! - замечал генерал Дридл, презрительно фыркая.
'If it wasn't for me, he'd still be a corporal.'	- Не будь меня, он и по сей день ходил бы в капралах.
General Dreedle was always accompanied by both Colonel Moodus and his nurse, who was as delectable a piece of ass as anyone who saw her had ever laid eyes on.	Г енерала Дридла всегда сопровождали полковник Модэс и медсестра - по общему мнению, весьма лакомый кусочек.

General Dreedle's nurse was chubby, short and blonde. She had plump dimpled cheeks, happy blue eyes, and neat curly turned-up hair.	У этой маленькой розовощекой блондинки были пухлые щечки с ямочками, сияющие счастьем голубые глаза, аккуратно подвитые на концах волосы и пышная грудь.
She smiled at everyone and never spoke at all unless she was spoken to. Her bosom was lush and her complexion clear.	Медсестра улыбалась каждому и никогда ни с кем не заговаривала первой. Все у нее было ясное и четкое.
She was irresistible, and men edged away from her carefully.	Она была так неотразима, что мужчины старались обходить ее стороной.

She was succulent, sweet, docile and dumb, and she drove everyone crazy but General Dreedle. 'You should see her naked,' General Dreedle chortled with croupy relish, while his nurse stood smiling proudly right at his shoulder. 'Back at Wing she's got a uniform in my room made of purple silk that's so tight her nipples stand out like bing cherries. Milo got me the fabric. There isn't even room enough for panties or a brassière underneath. I make her wear it some nights when Moodus is around just to drive him crazy.' General Dreedle laughed hoarsely. 'You should see what goes on inside that blouse of hers	Вся как налитая, миленькая, послушная и туповатая, она сводила с ума всех, кроме генерала Дридла.

'He keeps her around just to drive me crazy,' Colonel Moodus accused aggrievedly at the other end of the bar. 'Back at Wing she's got a uniform made out of purple silk that's so tight her nipples stand out like bing cherries. There isn't even room for panties or a brassière underneath. You should hear that rustle every time she shifts her weight.	- Он специально ее держит, чтобы свести меня с ума! - сокрушенно жаловался полковник Модэс.
The first time I make a pass at her or any other girl he'll bust me right down to private and put me on K.P. for a year.	- Как только я дотронусь до нее или до какой-нибудь другой девчонки, он вышибет меня в рядовые и отправит на целый год в наряд на кухню.

She drives me out of my mind.'	Она меня сводит с ума.
'He hasn't gotten laid since we shipped overseas,' confided General Dreedle, and his square grizzled head bobbed with sadistic laughter at the fiendish idea.	- С тех пор как мы прибыли в Европу, у него не было ни одной женщины, - сообщал по секрету генерал Дридл своим собеседникам, и его квадратная седая голова тряслась садистского смеха.
'That's one of the reasons I never let him out of my sight, just so he can't get to a woman. Can you imagine what that poor son of a bitch is going through?'	- Я не спускаю с него глаз, потому что не хочу, чтобы он спутался с какой-нибудь... Можете себе представить, каково приходится этому несчастному сукину сыну!

'I haven't been to bed with a woman since we shipped overseas,' Colonel Moodus whimpered tearfully.	- С тех пор как мы прибыли из Штатов, у меня не было ни одной женщины, - хныкал полковник Модэс.
'Can you imagine what I'm going through?'	- Можете себе представить, каково мне приходится.
General Dreedle could be as intransigent with anyone else when displeased as he was with Colonel Moodus.	Стоило генералу Дридлу невзлюбить кого-нибудь, и он становился так же непримирим к этому человеку, как к полковнику Модэсу.

He had no taste for sham, tact or pretension, and his credo as a professional soldier was unified and concise: he believed that the young men who took orders from him should be willing to give up their lives for the ideals, aspirations and idiosyncrasies of the old men he took orders from.	Он не считал нужным притворяться, щадить чужие чувства и соблюдать условности.

The officers and enlisted men in his command had identity for him only as military quantities.	Своих подчиненных он различал только по их военным качествам.

All he asked was that they do their work; beyond that, they were free to do whatever they pleased.	Все, что он требовал, - чтобы они делали свое дело; во всем остальном они могли делать все, что им заблагорассудится.

They were free, as Colonel Cathcart was free, to force their men to fly sixty missions if they chose, and they were free, as Yossarian had been free, to stand in formation naked if they wanted to, although General Dreedle's granite jaw swung open at the sight and he went striding dictatorially right down the line to make certain that there really was a man wearing nothing but moccasins waiting at attention in ranks to receive a medal from him.	Полковник Кэткарт был волен заставить своих подчиненных сделать и шестьдесят вылетов, раз это ему нравилось. Йоссариан был волен стоять в строю голым, если ему этого хотелось, хотя от такого зрелища у генерала Дридла тогда отвисла гранитная челюсть. Генерал железной поступью приблизился к шеренге, желая убедиться, что на человеке, который стоит перед ним в строю по стойке "смирно" и ждет, когда ему вручат орден, действительно нет ничего, кроме тапочек.

General Dreedle was speechless.	Генерал Дридл потерял дар речи.
Colonel Cathcart began to faint when he spied Yossarian, and Colonel Korn stepped up behind him and squeezed his arm in a strong grip.	Полковник Кэткарт был близок к обмороку, когда заметил Йоссариана, и подполковнику Корну пришлось подойти сзади и крепко ухватить полковника за руку.
The silence was grotesque.	Стояла неправдоподобная тишина.

A steady warm wind flowed in from the beach, and an old cart filled with dirty straw rumbled into view on the main road, drawn by a black donkey and driven by a farmer in a flopping hat and faded brown work clothes who paid no attention to the formal military ceremony taking place in the small field on his right.	Ровный теплый ветерок дул с пляжа. На шоссе, грохоча, выехала повозка с грязной соломой. Крестьянин в шляпе с обвислыми полями и в потертом коричневом костюме погонял черного ослика, не обращая никакого внимания на официальную военную церемонию, происходившую на небольшом поле справа от него.
At last General Dreedle spoke.	Наконец генерал Дридл заговорил:

'Get back in the car,' he snapped over his shoulder to his nurse, who had followed him down the line.	- Возвращайся в машину, - рявкнул он через плечо медсестре, которая следовала за ним вдоль строя.
The nurse toddled away with a smile toward his brown staff car, parked about twenty yards away at the edge of the rectangular clearing.	Сестра, улыбаясь, засеменила к коричневой штабной машине, стоявшей ярдах в двадцати у края квадратного плаца.
General Dreedle waited in austere silence until the car door slammed and then demanded,	Храня суровое молчание, генерал дождался, пока захлопнется дверца машины, и затем спросил:
' Which one is this?'	- Это еще кто такой?

Colonel Moodus checked his roster.	Полковник Модэс сверился со списком.
'This one is Yossarian, Dad.	- Это Йоссариан, папа.
He gets a Distinguished Flying Cross.'	Он получает крест "За летные боевые заслуги".
'Well, I'll be damned,' mumbled General Dreedle, and his ruddy monolithic face softened with amusement. 'Why aren't you wearing clothes, Yossarian?'	- М-да, будь я проклят! - пробормотал генерал Дридл. Его румяное массивное лицо смягчила веселая улыбка: - Почему вы не одеты, Йоссариан?
' I don't want to.'	- Не хочу.

' What do you mean you don't want to?	- Что значит "не хочу"?

Why the hell don't you want to?'	Какого черта вы не хотите одеться?
' I just don't want to, sir.'	- Не хочу - и все, сэр.
'Why isn't he wearing clothes?' General Dreedle demanded over his shoulder of Colonel Cathcart.	- Почему он без одежды? - спросил через плечо генерал Дридл Кэткарта.
'He's talking to you,' Colonel Korn whispered over Colonel Cathcart's shoulder from behind, jabbing his elbow sharply into Colonel Cathcart's back.	- Он с вами разговаривает, - шепнул подполковник Корн из-за плеча полковнику Кэткарту и сильно толкнул его локтем в спину.

'Why isn't he wearing clothes?' Colonel Cathcart demanded of Colonel Korn with a look of acute pain, tenderly nursing the spot where Colonel Korn had just jabbed him.	- Почему он без одежды? - спросил полковник Кэткарт подполковника Корна, морщась от боли и нежно поглаживая то место, куда его ткнул локтем подполковник Корн.
'Why isn't he wearing clothes?' Colonel Korn demanded of Captain Piltchard and Captain Wren.	- Почему он без одежды? - спросил подполковник Корн капитанов Пилтчарда и Рена.
'A man was killed in his plane over Avignon last week and bled all over him,' Captain Wren replied.	- На прошлой неделе во время налета на Авиньон был убит один из членов его экипажа и перепачкал его всего кровью, - ответил капитан Рен.

'He swears he's never going to wear a uniform again.'	- И он поклялся, что больше никогда не наденет форму.
'A man was killed in his plane over Avignon last week and bled all over him,' Colonel Korn reported directly to General Dreedle.	- На прошлой неделе во время налета на Авиньон был убит один из членов его экипажа и перепачкал его всего кровью, - доложил подполковник Корн непосредственно генералу Дриддлу.
'His uniform hasn't come back from the laundry yet.'	- Его форма еще не вернулась из прачечной.
'Where are his other uniforms?'	- А где его другая форма?
' They're in the laundry, too.'	- Она тоже в прачечной.

'What about his underwear?' General Dreedle demanded.	- А нижнее белье?
'All his underwear's in the laundry, too,' answered Colonel Korn.	- Все его нижнее белье тоже в прачечной, -ответил подполковник Корн.
'That sounds like a lot of crap to me,' General Dreedle declared.	- Все это похоже на собачий бред, - изрек генерал Дридл.
'It is a lot of crap, sir,' Yossarian said.	- Это и есть собачий бред, сэр! - подтвердил Йоссариан.
'Don't you worry, sir,' Colonel Cathcart promised General Dreedle with a threatening look at Yossarian.	- Не беспокойтесь, сэр, - заверил полковник Кэткарт генерала Дридла, метнув в сторону Йоссариана угрожающий взгляд.

'You have my personal word for it that this man will be severely punished.'	- Я даю вам честное слово, что этот человек будет сурово наказан.
'What the hell do I care if he's punished or not?' General Dreedle replied with surprise and irritation.	- Да какое мне, черт побери, дело, будет он наказан или нет! - ответил генерал Дридл раздраженно.

' He's just won a medal.	- Он только что заработал орден.
If he wants to receive it without any clothes on, what the hell business is it of yours?'	Если он хочет получить его нагишом, на кой черт тут вмешиваться?..

'Those are my sentiments exactly, sir!' Colonel Cathcart echoed with resounding enthusiasm and mopped his brow with a damp white handkerchief.	- Я точно такого же мнения, - горячо откликнулся полковник Кэткарт и вытер лоб носовым платком.
'But would you say that, sir, even in the light of General Peckem's recent memorandum on the subject of appropriate military attire in combat areas?'	- Но как понимать ваши слова, сэр, в свете недавнего распоряжения генерала Пеккема по вопросу о надлежащем виде военнослужащих, находящихся в зоне боевых действий?
'Peckem?'	- Пеккем?
General Dreedle's face clouded.	- Лицо генерала Дридла помрачнело.

'Yes, sir, sir,' said Colonel Cathcart obsequiously.	- Да-да, сэр, - подобострастно поддакнул полковник Кэткарт.
'General Peckem even recommends that we send our men into combat in full-dress uniform so they'll make a good impression on the enemy when they're shot down.'	- Г енерал Пеккем даже рекомендовал нам посылать наших людей в бой в полной парадной форме, чтобы, если их собьют, они могли произвести хорошее впечатление на врага.
'Peckem?' repeated General Dreedle, still squinting with bewilderment.	- Пеккем? - в недоумении переспросил генерал Дридл.
'Just what the hell does Peckem have to do with it?'	- Какое, черт возьми, отношение имеет к этому Пеккем?

Colonel Korn jabbed Colonel Cathcart sharply again in the back with his elbow.	Подполковник Корн снова больно толкнул полковника Кэткарта локтем в спину.
'Absolutely nothing, sir!' Colonel Cathcart responded sprucely, wincing in extreme pain and gingerly rubbing the spot where Colonel Korn had just jabbed him again.	- Абсолютно никакого, сэр! - лихо отрапортовал полковник Кэткарт, морщась от боли и яростно потирая место, куда его ткнул подполковник Корн.
'And that's exactly why I decided to take absolutely no action at all until I first had an opportunity to discuss it with you.	- Именно поэтому я и решил не обращать никакого внимания на это распоряжение, пока мне не представится случай обсудить его с вами.
Shall we ignore it completely, sir?'	Должны ли мы полностью игнорировать это распоряжение, сэр?

General Dreedle ignored him completely, turning away from him in baleful scorn to hand Yossarian his medal in its case.	Генерал полностью проигнорировал полковника Кэткарта, отвернувшись от него с презрительной усмешкой, и вручил Йоссариану орден в коробочке.
'Get my girl back from the car,' he commanded Colonel Moodus crabbily, and waited in one spot with his scowling face down until his nurse had rejoined him.	- Приведите сюда из машины мою девчонку, -приказал он полковнику Модэсу кислым тоном и не двинулся с места, пока сестра не присоединилась к нему.

'Get word to the office right away to kill that directive I just issued ordering the men to wear neckties on the combat missions,' Colonel Cathcart whispered to Colonel Korn urgently out of the corner of his mouth.	- Немедленно передайте в штаб, чтобы уничтожили только что изданный мною приказ, обязывающий летный состав быть при галстуках во время выполнения боевых заданий, - торопливо зашептал сквозь зубы полковник Кэткарт подполковнику Корну.

'I told you not to do it,' Colonel Korn snickered.	- Я же советовал вам не делать этого, - усмехнулся подполковник Корн.
' But you just wouldn't listen to me.'	- Но вы меня не послушали.
' Shhhh!' Colonel Cathcart cautioned.	- Тсс, - остановил его полковник Кэткарт.

'Goddammit, Korn, what did you do to my back?'	- Черт побери. Корн, что вы наделали с моей спиной?
Colonel Korn snickered again.	Подполковник Корн снова усмехнулся.

General Dreedle's nurse always followed General Dreedle everywhere he went, even into the briefing room just before the mission to Avignon, where she stood with her asinine smile at the side of the platform and bloomed like a fertile oasis at General Dreedle's shoulder in her pink-and-green uniform.	Медсестра всегда сопровождала генерала Дридла, куда бы он ни пошел. Даже перед вылетом на Авиньон, глупо улыбаясь, она стояла в инструкторской у трибуны рядом с генералом Дридлом. Одетая в розово-зеленую форму, она была ярка и свежа, как цветочная клумба.
Yossarian looked at her and fell in love, desperately.	Йоссариан взглянул на нее и влюбился до беспамятства.

His spirits sank, leaving him empty inside and numb.	В душе у него все оборвалось, он сидел опустошенный и онемевший.

He sat gazing in clammy want at her full red lips and dimpled cheeks as he listened to Major Danby describe in a monotonous, didactic male drone the heavy concentrations of flak awaiting them at Avignon, and he moaned in deep despair suddenly at the thought that he might never see again this lovely woman to whom he had never spoken a word and whom he now loved so pathetically.	Слушая, как майор Дэнби монотонно и назидательно гудит, расписывая плотный концентрированный зенитный огонь, который ждет их у Авиньона, Йоссариан во все глаза глядел на ее полные красивые губы, на ее щеки с ямочками и вдруг застонал от глубокого отчаяния при мысли о том, что он может никогда больше не увидеть эту очаровательную женщину, с которой он даже не перекинулся словом и которую он сейчас любил так страстно.

He throbbed and ached with sorrow, fear and desire as he stared at her; she was so beautiful.	Он смотрел на нее, и все в нем вибрировало - так она была красива.
He worshiped the ground she stood on.	Он благословлял землю, на которой она стояла.

He licked his parched, thirsting lips with a sticky tongue and moaned in misery again, loudly enough this time to attract the startled, searching glances of the men sitting around him on the rows of crude wooden benches in their chocolate-colored coveralls and stitched white parachute harnesses.	Он облизнул кончиком языка пересохшие губы и снова застонал от горя - на сей раз достаточно громко, чтобы привлечь к себе удивленные взгляды летчиков, сидевших на грубых деревянных скамьях в своих шоколадно-коричневых комбинезонах, перетянутых белыми парашютными ремнями.
Nately turned to him quickly with alarm.	Встревоженный Нейтли резко повернулся к нему.
'What is it?' he whispered.	- Что такое? - прошептал он.

' What's the matter?'	- Что случилось?
Yossarian did not hear him.	Но Йоссариан его не слышал.
He was sick with lust and mesmerized with regret.	Жалость к самому себе, словно токами, пронизывала душу.

General Dreedle's nurse was only a little chubby, and his senses were stuffed to congestion with the yellow radiance of her hair and the unfelt pressure of her soft short fingers, with the rounded, untasted wealth of her nubile breasts in her Army-pink shirt that was opened wide at the throat and with the rolling, ripened, triangular confluences of her belly and thighs in her tight, slick forest-green gabardine officer's pants.	В конце концов, медсестра генерала Дридла была не более чем румяная пышечка, но сердце его до самых краев переполняло любовное чувство.
He drank her in insatiably from head to painted toenail.	Он ненасытно вбирал ее взором - всю, от макушки до накрашенных ногтей на ногах.
He never wanted to lose her.	Ах, как ему не хотелось терять ее!

'Ooooooooooooh,' he moaned again, and this time the whole room rippled at his quavering, drawn-out cry.	- Ooooooooooooooooooooo! - снова застонал он, и от его крика по рядам прошел гул.
A wave of startled uneasiness broke over the officers on the dais, and even Major Danby, who had begun synchronizing the watches, was distracted momentarily as he counted out the seconds and almost had to begin again.	Волна замешательства и неловкости докатилась до стоявших на помосте офицеров и накрыла их с головой. Даже майор Дэнби, начавший было сверять часы, на мгновение чуть было не сбился со счета, и ему едва не пришлось начата отсчет заново.
Nately followed Yossarian's transfixed gaze down the long frame auditorium until he came to General Dreedle's nurse.	Нейтли проследил пронзительный взгляд Йоссариана, устремленный через весь длинный каркасно-панельный зал, пока не уперся глазами в медсестру генерала Дридла.
He blanched with trepidation when he guessed what was troubling Yossarian.	Догадавшись, что мучает Йоссариана, Нейтли побледнел от волнения.

'Cut it out, will you?' Nately warned in a fierce whisper.	- Прекрати, - предостерег Нейтли свирепым шепотом.
'Ooooooooooooooooooh,' Yossarian moaned a fourth time, this time loudly enough for everyone to hear him distinctly.	- Ooooooooooooooooooo! - застонал Йоссариан уже в четвертый раз и на сей раз так громко и отчетливо, что услышали все.
' Are you crazy?' Nately hissed vehemently.	- Ты с ума сошел! - яростно зашептал Нейтли.
' You'll get into trouble.'	- Влипнешь в неприятность.
'Ooooooooooooooooooh,' Dunbar answered Yossarian from the opposite end of the room.	- Ooooooooooooooooooo! - поддержал Йоссариана Данбэр из противоположного угла.
Nately recognized Dunbar's voice.	Нейтли узнал голос Данбэра.
The situation was now out of control, and he turned away with a small moan.	Поняв, что дело принимает катастрофический оборот, Нейтли отвернулся и еле слышно простонал:

' Ooh.'	- Оо!
'Ooooooooooooooooooooh,' Dunbar moaned back at him.	- Ооооооооооооооооооо! - тут же откликнулся Данбэр.
'Ooooooooooooooooooooh,' Nately moaned out loud in exasperation when he realized that he had just moaned.	- Ооооооооооооооооооо! - в отчаянии застонал Нейтли еще громче, поняв, что у него только что вырвался стон.

'Ooooooooooooooooooooh,' Dunbar moaned back at him again.	- Ооооооооооооооооооо! - снова откликнулся Данбэр.
'Ooooooooooooooooooooh,' someone entirely new chimed in from another section of the room, and Nately's hair stood on end.	- Ооооооооооооооооооо! - включился чей-то совершенно незнакомый голос из другого конца зала. У Нейтли волосы стали дыбом.

Yossarian and Dunbar both replied while Nately cringed and hunted about futilely for some hole in which to hide and take Yossarian with him.	Йоссариан и Данбэр отозвались дуэтом, а Нейтли, сжавшись от страха, тщетно искал какую-нибудь дыру, в которую мог бы провалиться сам и затащить туда Йоссариана.
A sprinkling of people were smothering laughter.	Кое-кто из летчиков уже давился смехом.
An elfin impulse possessed Nately and he moaned intentionally the next time there was a lull.	Таинственный вирус заразил Нейтли, и он еще раз преднамеренно застонал.
Another new voice answered.	Ему снова эхом ответил еще один незнакомый голос.

The flavor of disobedience was titillating, and Nately moaned deliberately again, the next time he could squeeze one in edgewise. Still another new voice echoed him. The room was boiling irrepressibly into bedlam.	Ряды бурлили, инструкторская неудержимо превращалась в бедлам. Удивительный, жуткий, ни на что не похожий гомон становился все сильнее.
An eerie hubbub of voices was rising. Feet were scuffled, and things began to drop from people's fingers-pencils, computers, map cases, clattering steel flak helmets.	Летчики топали ногами, из их рук выпадали вещи: карандаши, навигационные линейки, планшеты; со стуком ударялись об пол стальные бронешлемы.

A number of men who were not moaning were now giggling openly, and there was no telling how far the unorganized insurrection of moaning might have gone if General Dreedle himself had not come forward to quell it, stepping out determinedly in the center of the platform directly in front of Major Danby, who, with his earnest, persevering head down, was still concentrating on his wrist watch and saying, '...twenty-five seconds... twenty... fifteen...' General Dreedle's great, red domineering face was gnarled with perplexity and oaken with awesome resolution.	А те, кто не стонал, теперь хихикали в открытую. Неизвестно, чем бы кончился этот стихийный бунт, если бы генерал Дридл лично не вмешался и не прекратил стоны. Он решительно вышел на середину помоста, заслонив собой майора Дэнби, который с серьезным видом, упрямо наклонив голову, по-прежнему сосредоточенно смотрел на свои наручные часы и отсчитывал: - ...Двадцать пять секунд... двадцать... пятнадцать... Гримаса недоумения исказила крупное, властное, багровое лицо генерала Дридла, но тут же сменилась выражением мрачной решимости.

'That will be all, men,' he ordered tersely, his eyes glaring with disapproval and his square jaw firm, and that's all there was.	- Прекратить! - коротко приказал он, выпятив свою твердую, квадратную челюсть; глаза его сердито сверкнули. И сразу все кончилось.
'I run a fighting outfit,' he told them sternly, when the room had grown absolutely quiet and the men on the benches were all cowering sheepishly, 'and there'll be no more moaning in this group as long as I'm in command.	- Я командую боевой частью, - проговорил он сурово, когда в комнате установилась полная тишина и летчики на скамьях съежились, оробев.- И пока я здесь командир, в этом полку не будет никаких стонов.
Is that clear?'	Ясно?

It was clear to everybody but Major Danby, who was still concentrating on his wrist watch and counting down the seconds aloud. '...four... three... two... one... time!' called out Major Danby, and raised his eyes triumphantly to discover that no one had been listening to him and that he would have to begin all over again.	Всем было ясно, кроме майора Дэнби. По-прежнему уставившись на часы, он отсчитывал вслух секунды. - Четыре, три, два, один, ноль! - выкрикнул майор Дэнби и, торжествующе подняв глаза, обнаружил, что никто его не слушал и что ему придется начать все сначала.
' Ooooh,' he moaned in frustration.	- Оооо! - от растерянности застонал он.

'What was that?' roared General Dreedle incredulously, and whirled around in a murderous rage upon Major Danby, who staggered back in terrified confusion and began to quail and perspire.	- Что такое? - взревел разгневанный генерал Дридл, не веря ушам своим, и резко повернулся к майору Дэнби, который отшатнулся в полном замешательстве, сразу весь вспотел и задрожал от страха.
'Who is this man?'	- Кто это такой?
'M-major Danby, sir,' Colonel Cathcart stammered. 'My group operations officer.'	- М-м-м-майор Дэнби, сэр, - пробормотал полковник Кэткарт, - это мой начальник оперативного отдела.
'Take him out and shoot him,' ordered General Dreedle.	- Убрать и расстрелять! - распорядился генерал Дридл.
' S-sir?'	- Простите, с-с-сэр?..

' I said take him out and shoot him.	- Я сказал: убрать и расстрелять.
Can't you hear?'	Вы что, оглохли?
'Yes, sir!' Colonel Cathcart responded smartly, swallowing hard, and turned in a brisk manner to his chauffeur and his meteorologist.	- Слушаюсь, сэр, - отчеканил полковник Кэткарт, с усилием проглотил слюну, суетливо обернулся к своему шоферу и своему синоптику и приказал:
'Take Major Danby out and shoot him.'	- Уберите майора Дэнби и расстреляйте!
'S-sir?' his chauffeur and his meteorologist stammered.	- Простите, с-с-сэр?.. - запинаясь, пробормотали шофер и синоптик.
'I said take Major Danby out and shoot him,' Colonel Cathcart snapped.	- Я сказал: уберите майора Дэнби и расстреляйте его, - отрезал полковник Кэткарт.

' Can't you hear?'	- Вы что, оглохли?
The two young lieutenants nodded lumpishly and gaped at each other in stunned and flaccid reluctance, each waiting for the other to initiate the procedure of taking Major Danby outside and shooting him.	Два молоденьких лейтенанта неловко кивнули толовой и уставились друг на друга, разинув рты. Они явно не горели желанием бросаться выполнять приказание полковника Кэткарта, и каждый из них предоставлял другому инициативу в этом деле.
Neither had ever taken Major Danby outside and shot him before.	Ни тому, ни другому раньше не доводилось выводить и расстреливать майора Дэнби.
They inched their way dubiously toward Major Danby from opposite sides.	Нерешительными шажками они с двух сторон приближались к майору Дэнби.

Major Danby was white with fear.	Майор побелел от ужаса.

His legs collapsed suddenly and he began to fall, and the two young lieutenants sprang forward and seized him under both arms to save him from slumping to the floor.	Ноги его вдруг подкосились, и оба молоденьких лейтенанта кинулись к нему, подхватили под руки и не дали ему рухнуть на пол.
Now that they had Major Danby, the rest seemed easy, but there were no guns.	Теперь, когда майор Дэнби был в их руках, оставалась самая легкая часть работы, но у лейтенантов не было пистолетов.
Major Danby began to cry.	Майор Дэнби заплакал.

Colonel Cathcart wanted to rush to his side and comfort him, but did not want to look like a sissy in front of General Dreedle.	Полковник Кэткарт едва не ринулся к майору, чтобы утешить его, но спохватился: он не желал выглядеть размазней в присутствии генерала Дридла.
He remembered that Appleby and Havermeyer always brought their.45 automatics on the missions, and he began to scan the rows of men in search of them.	Он вспомнил, что Хэвермейер и Эпплби берут с собой на боевые задания пистолеты сорок пятого калибра, и начал высматривать их среди сидящих летчиков.

As soon as Major Danby began to cry, Colonel Moodus, who had been vacillating wretchedly on the sidelines, could restrain himself no longer and stepped out diffidently toward General Dreedle with a sickly air of self-sacrifice.	Когда майор Дэнби заплакал, полковник Модэс, до этой минуты терзавшийся в нерешительности, не смог более сдержаться и робко, как ягненок, которого ведут на заклание, приблизился к генералу Дридлу.
'I think you'd better wait a minute, Dad,' he suggested hesitantly.	- По-моему, надо бы обождать минутку, папа, -предложил он неуверенным тоном.
' I don't think you can shoot him.'	- По-моему, вы не имеете права его расстреливать.
General Dreedle was infuriated by his intervention.	Вмешательство зятя привело генерала Дридла в ярость.

'Who the hell says I can't?' he thundered pugnaciously in a voice loud enough to rattle the whole building.	- Кто это еще, черт возьми, сказал, что я не имею права? - запальчиво спросил он таким громовым голосом, что казалось - здание сейчас рухнет, как от звука иерихонской трубы.
Colonel Moodus, his face flushing with embarrassment, bent close to whisper into his ear.	Полковник Модэс с пылающим от волнения лицом нагнулся к уху тестя и что-то прошептал.
'Why the hell can't I?' General Dreedle bellowed.	- Почему это, черт возьми, я не могу? - заревел генерал Дридл.
Colonel Moodus whispered some more.	Полковник Модэс зашептал снова.

'You mean I can't shoot anyone I want to?' General Dreedle demanded with uncompromising indignation. He pricked up his ears with interest as Colonel Moodus continued whispering.	- По-твоему, я не могу расстрелять, кого захочу? -спросил генерал Дридл с тем же негодованием, внимательно прислушиваясь, однако, к шепоту полковника Модэса.
'Is that a fact?' he inquired, his rage tamed by curiosity.	- Это действительно так? - поинтересовался он. Любопытство заставило его умерить пыл.
' Yes, Dad.	- Да, папа.
I'm afraid it is.'	Боюсь, что так.

'I guess you think you're pretty goddam smart, don't you?' General Dreedle lashed out at Colonel Moodus suddenly.	- Не иначе, как ты считаешь себя великим хитрецом, а? - вдруг набросился генерал Дридл на полковника Модэса.

Colonel Moodus turned crimson again.	Полковник Модэс снова побагровел.
'No, Dad, it isn't-'	- Нет, папа, я не...

'All right, let the insubordinate son of a bitch go,' General Dreedle snarled, turning bitterly away from his son-in-law and barking peevishly at Colonel Cathcart's chauffeur and Colonel Cathcart's meteorologist. 'But get him out of this building and keep him out.	- Ладно, отпустите этого недисциплинированного сукина сына, - буркнул генерал Дридл и, раздраженно отвернувшись от зятя, сварливо рявкнул шоферу и синоптику полковника Кэткарта: - Уведите его и больше сюда не пускайте.
And let's continue this goddam briefing before the war ends.	Продолжим этот проклятый инструктаж, а то так до конца войны не управимся.

I've never seen so much incompetence.'	Сроду не видел такой бестолковщины.
Colonel Cathcart nodded lamely at General Dreedle and signaled his men hurriedly to push Major Danby outside the building.	В знак согласия с генералом полковник Кэткарт дернул головой, как паралитик, и поспешил подать знак своим подчиненным, чтобы он вытолкали майора Дэнби из здания.
As soon as Major Danby had been pushed outside, though, there was no one to continue the briefing.	Однако, когда майора Дэнби вытолкали на улицу, выяснилось, что вести инструктаж некому.
Everyone gawked at everyone else in oafish surprise.	Все как идиоты изумленно уставились друг на друга.

General Dreedle turned purple with rage as nothing happened.	Видя, что дело не двигается с места, генерал Дридл стал пунцовым.
Colonel Cathcart had no idea what to do. He was about to begin moaning aloud when Colonel Korn came to the rescue by stepping forward and taking control.	Не зная, что предпринять, полковник Кэткарт уже собрался громко застонать, но подполковник Корн пришел ему на выручку и, шагнув вперед, взял бразды правления в свои руки.

Colonel Cathcart sighed with enormous, tearful relief, almost overwhelmed with gratitude.	Полковник Кэткарт вздохнул с огромным облегчением, он был растроган почти до слез и исполнен благодарности к подполковнику Корну.
'Now, men, we're going to synchronize our watches,' Colonel Korn began promptly in a sharp, commanding manner, rolling his eyes flirtatiously in General Dreedle's direction.	- А теперь нам предстоит сверить часы, -скороговоркой начал с места в карьер подполковник Корн. Он говорил резким командирским тоном и кокетливо строил глазки генералу Дридлу.

'We're going to synchronize our watches one time and one time only, and if it doesn't come off in that one time, General Dreedle and I are going to want to know why.	- Мы должны сверить часы с одного-единственного раза, а тем, у кого с первого раза это не получится, придется дать объяснение генералу Дридлу и мне.
Is that clear?'	Ясно?
He fluttered his eyes toward General Dreedle again to make sure his plug had registered.	- Он снова стрельнул глазами в сторону генерала Дридла.
'Now set your watches for nine-eighteen.'	- Попрошу всех поставить часы на девять восемнадцать.

Colonel Korn synchronized their watches without a single hitch and moved ahead with confidence.	Сверку часов подполковник Корн провел без сучка, без задоринки и уверенно двинулся дальше.

He gave the men the colors of the day and reviewed the weather conditions with an agile, flashy versatility, casting sidelong, simpering looks at General Dreedle every few seconds to draw increased encouragement from the excellent impression he saw he was making.	Он сообщил летчикам пароль дня и дал обзор метеорологической обстановки, бойко, без запинки перечислив разные подробности. При этом через каждые несколько секунд он бросал льстивые взоры в сторону генерала Дридла, обретая все большую и большую уверенность: он видел, что производит на генерала отличное впечатление.

Preening and pruning himself effulgendy and strutting vaingloriously about the platform as he picked up momentum, he gave the men the colors of the day again and shifted nimbly into a rousing pep talk on the importance of the bridge at Avignon to the war effort and the obligation of each man on the mission to place love of country above love of life.	Кокетничая и ломаясь, преисполненный тщеславия, он важно расхаживал по помосту и жал на всю железку: еще раз сообщив пароль дня, он ловко сменил тему и со все нарастающим жаром заговорил о важности авиньонского моста в свете дальнейшего развития военных действий, а также о святой обязанности каждого участвующего в выполнении боевого задания поставить любовь к родине превыше любви к жизни.

When his inspiring dissertation was finished, he gave the men the colors of the day still one more time, stressed the angle of approach and reviewed the weather conditions again.	Закончив свою вдохновенную речь, он еще раз сообщил пароль дня, особо подчеркнул угол прицеливания и снова дал обзор метеоусловий.
Colonel Korn felt himself at the full height of his powers.	Подполковник Корн чувствовал, что в полной мере продемонстрировал свои способности.
He belonged in the spotlight.	Он оказался в центре внимания у начальства.
Comprehension dawned slowly on Colonel Cathcart; when it came, he was struck dumb.	Полковник Кэткарт не сразу сообразил, к чему клонится дело, но когда он постиг смысл происходящего, то чуть было не потерял дар речи.

His face grew longer and longer as he enviously watched Colonel Korn's treachery continue, and he was almost afraid to listen when General Dreedle moved up beside him and, in a whisper blustery enough to be heard throughout the room, demanded,	По мере того как он ревниво следил за предательскими маневрами подполковника Корна, лицо его вытягивалось и вытягивалось. Он испытал чувство, весьма похожее на страх, когда к нему подошел генерал Дридл и громовым шепотом, услышанным в самых дальних рядах, вопросил:
'Who is that man?'	- Кто это такой?

Colonel Cathcart answered with wan foreboding, and General Dreedle then cupped his hand over his mouth and whispered something that made Colonel Cathcart's face glow with immense joy.	Полковник Кэткарт ответил, смутно предчувствуя недоброе. Тогда генерал Дридл, сложив ладонь лодочкой, прикрыл рот и прошептал на ухо полковнику Кэткарту слова, от которых лицо полковника Кэткарта озарилось неописуемой радостью.
Colonel Korn saw and quivered with uncontainable rapture.	При виде этого зрелища подполковник Корн задрожал, будучи не в силах сдержать охвативший его восторг.
Had he just been promoted in the field by General Dreedle to full colonel?	Неужели генерал Дридл прямо здесь произвел его в полковники?
He could not endure the suspense.	Он не мог выдержать напряжения.

With a masterful flourish, he brought the briefing to a close and turned expectantly to receive ardent congratulations from General Dreedle-who was already striding out of the building without a glance backward, trailing his nurse and Colonel Moodus behind him.	Мастерски закруглив выступление цветистой фразой, он объявил инструктаж законченным и обернулся к генералу Дридлу, ожидая принять от него поздравления. Но генерал Дридл, не оглядываясь, уже выходил из зала. Медсестра и полковник Модэс поспешили за ним.
Colonel Korn was stunned by this disappointing sight, but only for an instant.	Такое поведение генерала поразило и огорчило подполковника Корна, правда, всего лишь на миг.

His eyes found Colonel Cathcart, who was still standing erect in a grinning trance, and he rushed over jubilantly and began pulling on his arm.	Отыскав глазами полковника Кэткарта, который все еще стоял столбом с застывшей на губах улыбкой, он с торжествующим видом подлетел к нему и потянул за руку.
'What'd he say about me?' he demanded excitedly in a fervor of proud and blissful anticipation.	- Что он сказал обо мне? - спросил он, трепеща от гордости и сладостного предвкушения.
'What did General Dreedle say?'	- Что сказал генерал Дридл?
'He wanted to know who you were.'	- Он хотел знать, кто вы.
'I know that.	- Это я понимаю.
I know that.	Это понятно.

But what'd he say about me?	Но что он сказал обо мне?
What'd he say?'	Ведь он что-то сказал?
' You make him sick.'	- Сказал, что его от вас тошнит.
Milo the Mayor That was the mission on which Yossarian lost his nerve.	22. Милоу - мэр Это был тот самый вылет, во время которого Йоссариан окончательно потерял мужество.

Yossarian lost his nerve on the mission to Avignon because Snowden lost his guts, and Snowden lost his guts because their pilot that day was Huple, who was only fifteen years old, and their co-pilot was Dobbs, who was even worse and who wanted Yossarian to join with him in a plot to murder Colonel Cathcart.	Йоссариан окончательно потерял мужество при налете на Авиньон, потому что Сноуден потерял несколько фунтов кишок и жизнь впридачу. И все потому, что самолет в тот день вел пятнадцатилетний паренек Хьюпл. Вторым пилотом был Доббс, тот самый, что хотел в тайном сговоре с Йоссарианом убить полковника Кэткарта. Как летчик Доббс и в подметки не годился Хьюплу.

Huple was a good pilot, Yossarian knew, but he was only a kid, and Dobbs had no confidence in him, either, and wrested the controls away without warning after they had dropped their bombs, going berserk in mid-air and tipping the plane over into that heart-stopping, ear-splitting, indescribably petrifying fatal dive that tore Yossarian's earphones free from their connection and hung him helplessly to the roof of the nose by the top of his head.	Йоссариан знал, что Хьюпл - хороший летчик, но ведь он был совсем ребенок. Доббс тоже не доверял парнишке. Едва они отбомбились, Доббс без всякого предупреждения вырвал у Хьюпла штурвал и, ошалев, вогнал самолет в такое убийственное пике, что Йоссариан беспомощно повис, прилипнув макушкой к потолку кабины. Ему казалось, что вот-вот у него остановится сердце и лопнут барабанные перепонки. С Йоссариана сорвало наушники.

Oh, God! Yossarian had shrieked soundlessly as he felt them all falling.	- О господи! - беззвучно визжал он, чувствуя, что самолет камнем летит вниз.
Oh, God!	- О господи!
Oh, God!	О господи!

Oh, God! Oh, God! he had shrieked beseechingly through lips that could not open as the plane fell and he dangled without weight by the top of his head until Huple managed to seize the controls back and leveled the plane out down inside the crazy, craggy, patchwork canyon of crashing antiaircraft fire from which they had climbed away and from which they would now have to escape again.	О господи! - взывал он не в силах разомкнуть губ, а самолет все падал, а Йоссариан невесомо болтался под потолком, пока наконец Хьюплу не удалось вырвать у Добб- са штурвал и выровнять самолет. Они оказались будто на дне жуткого оранжево-черного ска- листого каньона: слева и справа стеной встава- ли зенитные разрывы, от которых они недавно увернулись. Теперь им предстояло сделать это еще раз.

Almost at once there was a thud and a hole the size of a big fist in the plexiglass.	Почти сразу же самолет толкнуло, и в плексигласе образовалась дыра величиной с кулак.
Yossarian's cheeks were stinging with shimmering splinters. There was no blood.	Сверкающие осколки впились Йоссариану в скулы, однако крови не было.
'What happened?	- Что случилось?
What happened?' he cried, and trembled violently when he could not hear his own voice in his ears.	Что случилось? - заорал он и, не услышав собственного голоса, задрожал всем телом.

He was cowed by the empty silence on the intercom and almost too horrified to move as he crouched like a trapped mouse on his hands and knees and waited without daring to breathe until he finally spied the gleaming cylindrical jack plug of his headset swinging back and forth in front of his eyes and jammed it back into its receptacle with fingers that rattled.	Испугавшись мертвой тишины в переговорном устройстве и боясь сдвинуться с места, он стоял на четвереньках, словно мышь в мышеловке. Он ждал, не смея перевести дыхание до тех пор, пока не заметил наконец блестящий цилиндрический штекер шлемофона, болтавшийся у него перед носом. Он воткнул его в гнездо дрожащими пальцами.

Oh, God! he kept shrieking with no abatement of terror as the flak thumped and mushroomed all about him.	- О господи! - продолжал он вопить с тем же ужасом в голосе, ибо вокруг рвались зенитные снаряды и грибами вырастали взрывы.
Oh, God!	- О господи!
Dobbs was weeping when Yossarian jammed his jack plug back into the intercom system and was able to hear again.	Когда Йоссариан воткнул штекер в гнездо внутренней связи, он услышал, как плачет Доббс.
'Help him, help him,' Dobbs was sobbing. 'Help him, help him.'	- Помогите ему, помогите ему! - всхлипывал Доббс.
'Help who?	- Кому помочь?
Help who?' Yossarian called back.	Кому помочь? - переспросил Йоссариан.

'Help who?'	- Кому помочь?
' The bombardier, the bombardier,' Dobbs cried.	- Бомбардиру, бомбардиру! - закричал Доббс.
'He doesn't answer.	- Он не отвечает!
Help the bombardier, help the bombardier.'	Помогите бомбардиру, помогите бомбардиру!
' I'm the bombardier,' Yossarian cried back at him.	- Я бомбардир! - заорал Йоссариан в ответ.
' I'm the bombardier.	- Я бомбардир.
I'm all right.	У меня все в порядке.
I'm all right.'	У меня все в порядке.

'Then help him, help him,' Dobbs wept.	- Тогда помоги ему, помоги ему! - запричитал Доббс.

' Help him, help him.'	- Помоги ему, помоги ему!
'Help who? Help who?'	- Кому помочь, кому помочь?
' The radio-gunner,' Dobbs begged.	- Стрелку-радисту! - молил Доббс.
' Help the radio-gunner.'	- Помоги стрелку-радисту!
'I'm cold,' Snowden whimpered feebly over the intercom system then in a bleat of plaintive agony.	- Мне холодно, - послышалось затем в наушниках вялое хныканье Сноудена. Это было невнятное и жалобное бормотанье умирающего.
'Please help me.	- Пожалуйста, помогите.
I'm cold.'	Мне холодно.

And Yossarian crept out through the crawlway and climbed up over the bomb bay and down into the rear section of the plane where Snowden lay on the floor wounded and freezing to death in a yellow splash of sunlight near the new tail-gunner lying stretched out on the floor beside him in a dead faint.	Йоссариан нырнул в лаз, перелез через бомбовый люк и спустился в хвостовой отсек самолета, где на полу, коченея, весь в ярких солнечных пятнах, лежал смертельно раненный Сноуден. Рядом с ним в глубоком обмороке распростерся на полу новый хвостовой стрелок.

Dobbs was the worst pilot in the world and knew it, a shattered wreck of a virile young man who was continually striving to convince his superiors that he was no longer fit to pilot a plane.	Доббс был самым никудышным пилотом в мире, о чем он и сам знал. От былого мужества Доббса остались жалкие крохи. Он изо всех сил пытался доказать начальству, что больше не пригоден водить самолет.
None of his superiors would listen, and it was the day the number of missions was raised to sixty that Dobbs stole into Yossarian's tent while Orr was out looking for gaskets and disclosed the plot he had formulated to murder Colonel Cathcart.	Но начальство и слушать его не желало. И в тот день, когда норма вылетов была доведена до шестидесяти, он, воспользовавшись отсутствием Орра (тот отправился на поиски сальника), прокрался в палатку Йоссариана и изложил ему свой план убийства полковника Кэткарта.

He needed Yossarian's assistance.	Доббс нуждался в помощи Йоссариана.
'You want us to kill him in cold blood?' Yossarian objected.	- Ты хочешь, чтобы мы укокошили его? - не моргнув глазом спросил Йоссариан.
'That's right,' Dobbs agreed with an optimistic smile, encouraged by Yossarian's ready grasp of the situation.	- Именно, - подтвердил Доббс с жизнерадостной улыбкой, довольный тем, что Йоссариан так быстро ухватил суть дела.
'We'll shoot him to death with the Luger I brought back from Sicily that nobody knows I've got.'	- Я прихлопну его из "люгера". Никто не знает, что у меня есть пистолет, я привез его из Сицилии.

'I don't think I could do it,' Yossarian concluded, after weighing the idea in silence awhile.	- Мне кажется, я не смогу этого сделать, -поразмыслив, сказал Йоссариан.
Dobbs was astonished. 'Why not?'	- Но почему? - удивился Доббс.
'Look. Nothing would please me more than to have the son of a bitch break his neck or get killed in a crash or to find out that someone else had shot him to death.	- Видишь ли, я был бы счастлив узнать, что этот сукин сын сломал себе шею или погиб в катастрофе, или если бы выяснилось, что кто-то пристрелил его.
But I don't think I could kill him.'	Но мне кажется, сам я не смогу его убить.

'He'd do it to you,' Dobbs argued.	- Зато он бы уж тебя не пожалел, - возразил Доббс.
'In fact, you're the one who told me he is doing it to us by keeping us in combat so long.'	- Ведь ты сам говорил, что, заставляя нас летать до бесконечности, он обрекает нас на верную гибель.
'But I don't think I could do it to him.	- И все-таки я, пожалуй, не смог бы ответить ему тем же.
He's got a right to live, too, I guess.'	Ведь он, согласись, тоже имеет право на жизнь.
'Not as long as he's trying to rob you and me of our right to live.	- Но не на такую долгую, чтобы лишить нас с тобой этого права.
What's the matter with you?'	Что с тобой случилось?

Dobbs was flabbergasted.	- Доббс был огорошен.
'I used to listen to you arguing that same thing with Clevinger.	- Не ты ли сам твердил Клевинджеру то же самое, что твержу тебе я?
And look what happened to him. Right inside that cloud.'	Он тебя не послушал, и вот, пожалуйста, - сгинул прямо в облаке...
' Stop shouting, will you?' Yossarian shushed him.	- Перестань орать, - шикнул на него Йоссариан.
'I'm not shouting!' Dobbs shouted louder, his face red with revolutionary fervor.	- Я не ору! - заорал Доббс еще громче, и лицо его налилось кровью.

His eyes and nostrils were running, and his palpitating crimson lower lip was splattered with a foamy dew.	Веки и ноздри вздрагивали, а на дрожащей розовой нижней губе вскипала слюна.
'There must have been close to a hundred men in the group who had finished their fifty-five missions when he raised the number to sixty.	- Когда он увеличил норму до шестидесяти, наверное, около сотни человек в полку отлетало свои пятьдесят пять заданий.
There must have been at least another hundred like you with just a couple more to fly.	И по крайней мере, еще сотне летчиков, вроде тебя, осталось сделать пару вылетов.
He's going to kill us all if we let him go on forever.	Он угробит нас всех, если мы будем сидеть сложа руки.
We've got to kill him first.'	Мы должны убить его прежде, чем он убьет нас.

Yossarian nodded expressionlessly, without committing himself.	Йоссариан в знак согласия вяло кивнул головой. Рисковать он, однако, не хотел.
'Do you think we could get away with it?'	- Ты думаешь, нам удастся выйти сухими из воды?
' I've got it all worked out.	- Я все хорошенько продумал!
I-'	Я...
' Stop shouting, for Christ's sake!'	- Перестань кричать, ради бога!
'I'm not shouting.	- Я не кричу.
I've got it-'	Я все...
' Will you stop shouting!'	- Да перестанешь ты кричать?

'I've got it all worked out,' Dobbs whispered, gripping the side of Orr's cot with white-knuckled hands to constrain them from waving.	- Я все тщательно обмозговал, - прошептал Доббс, ухватившись побелевшими пальцами за койку Орра: наверное, чтобы не махать руками.
'Thursday morning when he's due back from that goddam farmhouse of his in the hills, I'll sneak up through the woods to that hairpin turn in the road and hide in the bushes.	- В четверг утром, когда он обычно возвращается с этой проклятой фермы в горах, я проберусь через лес, к повороту на шоссе, и спрячусь в кустах.
He has to slow down there, and I can watch the road in both directions to make sure there's no one else around.	Здесь ему придется сбавить скорость. С этого места дорога просматривается в оба конца, и мне легко будет убедиться, что поблизости никого нет.

When I see him coming, I'll shove a big log out into the road to make him stop his jeep.	Когда я увижу, что он приближается, я выкачу на дорогу большое бревно и заставлю его затормозить.
Then I'll step out of the bushes with my Luger and shoot him in the head until he's dead.	Потом я выйду из кустов с "люгером" в руках и выстрелю ему в голову.
I'll bury the gun, come back down through the woods to the squadron and go about my business just like everybody else.	Я закопаю "люгер", вернусь лесом в эскадрилью и как ни в чем небывало займусь своими делами.
What could possibly go wrong?'	Как видишь, просчет исключен.
Yossarian had followed each step attentively.	Йоссариан мысленно проследил ход предстоящей операции.

'Where do I come in?' he asked in puzzlement.	- Ну, а в каком месте вхожу в игру я? - спросил он, недоумевая.
' I couldn't do it without you,' Dobbs explained.	- Без тебя я не возьмусь, - объяснил Доббс.
'I need you to tell me to go ahead.'	- Мне нужно, чтобы ты сказал: "Давай, Доббс, действуй!"
Yossarian found it hard to believe him.	Йоссариан не верил своим ушам.
' Is that all you want me to do?	- Это все, что тебе от меня нужно?
Just tell you to go ahead?'	Только сказать: - "Давай, Доббс, действуй"?
'That's all I need from you,' Dobbs answered.	- Это все, что мне от тебя нужно, - подтвердил Доббс.

'Just tell me to go ahead and I'll blow his brains out all by myself the day after tomorrow.'	- Скажи мне: "Давай, действуй!" и послезавтра я вышибу ему мозги.
His voice was accelerating with emotion and rising again.	- Голос его снова зазвенел.
'I'd like to shoot Colonel Korn in the head, too, while we're at it, although I'd like to spare Major Danby, if that's all right with you.	- Уж коль на то дело пошло, я бы выстрелил в голову заодно и подполковнику Корну, хотя, если ты ничего не имеешь против, я бы пощадил майора Дэнби.

Then I'd murder Appleby and Havermeyer also, and after we finish murdering Appleby and Havermeyer I'd like to murder McWatt.' 'McWatt?' cried Yossarian, almost jumping up in horror. 'McWatt's a friend of mine.	Затем я бы укокошил Эпплби и Хэвермейера, а после того как мы по- кончили бы с Эпплби и Хэвермейером, я бы пристукнул Макуотта. -Макуотта? - вскрикнул Йоссариан, чуть не под- прыгнув от ужаса. - Ма- куотт - мой приятель.

What do you want from McWatt?'	Чем тебе не угодил Макуотт?
'I don't know,' Dobbs confessed with an air of floundering embarrassment.	- Не знаю, - смущенно пробормотал Доббс.

'I just thought that as long as we were murdering Appleby and Havermeyer we might as well murder McWatt too.	- Я просто подумал: раз уж мы решили пристукнуть Эпплби и Хэвермейера, может, мы заодно пристукнем и Макуотта?
Don't you want to murder McWatt?'	А ты разве не хочешь пристукнуть Макуотта?
Yossarian took a firm stand.	Йоссариан занял твердую позицию.
'Look, I might keep interested in this if you stop shouting it all over the island and if you stick to killing Colonel Cathcart.	- Послушай, возможно, я и примкну к тебе, но только если ты перестанешь орать на весь остров и ограничишься убийством одного полковника Кэткарта.

But if you're going to turn this into a blood bath, you can forget about me.'	Но если ты собираешься устроить кровавую баню, обо мне забудь.
'All right, all right,' Dobbs sought to placate him.	- Ну ладно, ладно. - Доббс готов был идти на попятную.
' Just Colonel Cathcart.	- Только полковника Кэткарта.
Should I do it? Tell me to go ahead.'	Скажи мне: "Давай, Доббс, действуй!"
Yossarian shook his head.	Йоссариан покачал головой:
' I don't think I could tell you to go ahead.'	- Кажется, я не смогу сказать тебе: "Действуй!"
Dobbs was frantic.	Доббс вышел из себя.

' I'm willing to compromise,' he pleaded vehemently.	- Ладно, я предлагаю компромисс.
' You don't have to tell me to go ahead.	Можешь не говорить мне: "Действуй!"
Just tell me it's a good idea. Okay?	Скажи только, что это хорошая идея.
Is it a good idea?'	Ведь это хорошая идея?
Yossarian still shook his head.	Йоссариан снова по-качал головой:
'It would have been a great idea if you had gone ahead and done it without even speaking to me.	- Это была бы просто великолепная идея, если бы ты осу-ществил ее, не говоря мне ни слова.
Now it's too late.	А теперь уж поздно.
I don't think I can tell you anything.	Наверное, я тебе так ничего и не скажу.

Give me some more time. I might change my mind.'	Повремени, может, я и передумаю.
' Then it will be too late.'	- Вот тогда-то действительно будет поздно.
Yossarian kept shaking his head.	Но Йоссариан по-прежнему отрицательно качал головой.
Dobbs was disappointed.	Доббс был разочарован.

He sat for a moment with a hangdog look, then spurted to his feet suddenly and stamped away to have another impetuous crack at persuading Doc Daneeka to ground him, knocking over Yossarian's washstand with his hip when he lurched around and tripping over the fuel line of the stove Orr was still constructing.	Некоторое время он сидел с видом затравленной собаки, а затем вдруг вскочил и выбежал из палатки с намерением броситься в стремительную атаку на доктора Деннику, чтобы заставить доктора списать его на землю. По дороге он стукнулся бедром об умывальник Йоссариана и споткнулся об трубку для горючего, тянувшуюся к печке, которую еще монтировал Орр.

Doc Daneeka withstood Dobbs's blustering and gesticulating attack with a series of impatient nods and sent him to the medical tent to describe his symptoms to Gus and Wes, who painted his gums purple with gentian-violet solution the moment he started to talk.	Доббс отчаянно жестикулировал, но доктор Дейника ответил на эту нахальную атаку серией нетерпеливых кивков и отослал Доббса в санчасть, предложив обратиться к Гэсу и Уэсу. А те, едва он раскрыл рот, вымазали ему десны и большие пальцы ног раствором марганцовки.
They painted his toes purple, too, and forced a laxative down his throat when he opened his mouth again to complain, and then they sent him away.	А когда он снова раскрыл рот, чтобы пожаловаться, - насильно впихнули в глотку таблетку слабительного и выставили за дверь.

Dobbs was in even worse shape than Hungry Joe, who could at least fly missions when he was not having nightmares.	С психикой у Доббса дело обстояло еще хуже, чем у Заморыша Джо: последний по крайней мере был способен летать, когда его не одолевали кошмары.

Dobbs was almost as bad as Orr, who seemed happy as an undersized, grinning lark with his deranged and galvanic giggle and shivering warped buck teeth and who was sent along for a rest leave with Milo and Yossarian on the trip to Cairo for eggs when Milo bought cotton instead and took off at dawn for Istanbul with his plane packed to the gun turrets with exotic spiders and unripened red bananas.	Доббс был почти таким же сумасшедшим, как Орр, хотя Орр с виду казался беззаботной пташкой, самозабвенно распевающей на ветке, -он постоянно хихикал. Однако что-то судорожное и неестественное было в смешке Орра. Очередной отпуск Орру было приказано провести в обществе Милоу и Йоссариана, отправившихся в Каир за яйцами. Правда, вместо яиц Милоу закупил хлопок, и на рассвете их самолет, набитый до самой турельной установки экзотическими пауками и незрелыми красными бананами, взял курс на Стамбул.

Orr was one of the homeliest freaks Yossarian had ever encountered, and one of the most attractive.	Орр был одним из самых безобидных чудаков, которых Йоссариану доводилось встречать, и наверняка - самым приятным.
He had a raw bulgy face, with hazel eyes squeezing from their sockets like matching brown halves of marbles and thick, wavy particolored hair sloping up to a peak on the top of his head like a pomaded pup tent.	У него было одутловатое красное лицо, карие глазенки поблескивали, как два одинаковых кусочка коричневого мрамора, а напомаженные густые, волнистые, пегие волосы торчали на макушке домиком.

Orr was knocked down into the water or had an engine shot out almost every time he went up, and he began jerking on Yossarian's arm like a wild man after they had taken off for Naples and come down in Sicily to find the scheming, cigar-smoking, ten-year-old pimp with the two twelve-year-old virgin sisters waiting for them in town in front of the hotel in which there was room for only Milo.	Ни один вылет Орра добром не кончался: стоило ему отправиться на задание - и он шлепался со своим самолетом в море или зенитка разносила ему один из двигателей. Из Стамбула Милоу, Йоссариан и Орр вылетели в Неаполь, но приземлились в Сицилии. Когда они подъехали к отелю, где была заказана комната для Милоу, Орр как безумный начал дергать Йоссариана за рукав: на тротуаре у входа в отель их поджидал, попыхивая сигарой, жуликоватый юнец, который предложил немедленно познакомить американских синьоров с его двумя двенадцатилетними сестренками-девственницами.

Yossarian pulled back from Orr adamantly, gazing with some concern and bewilderment at Mt. Etna instead of Mt. Vesuvius and wondering what they were doing in Sicily instead of Naples as Orr kept entreating him in a tittering, stuttering, concupiscent turmoil to go along with him behind the scheming ten-year-old pimp to his two twelve-year-old virgin sisters who were not really virgins and not really sisters and who were really only twenty-eight.	Йоссариан решительно вырвался из рук Орра, уставившись с некоторым смущением и замешательством на вулкан Этна, который высился на том месте, где, по расчетам Йоссариана, должен был выситься вулкан Везувий. Он недоумевал, почему их занесло в Сицилию, когда они должны быть в Неаполе. Но Орр умолял Йоссариана последовать за жуликоватым юнцом к его сестрам, которые оказались не совсем девственницами и не совсем сестрами, а годочков им оказалось всего лишь по двадцати восьми каждой.
'Go with him,' Milo instructed Yossarian laconically.	- Иди с ним, - лаконично приказал Милоу Йоссариану.

'Remember your mission.'	- Помни о своей миссии.
'All right,' Yossarian yielded with a sigh, remembering his mission.	- Хорошо, - согласился Йоссариан со вздохом, вспомнив о своей миссии.
'But at least let me try to find a hotel room first so I can get a good night's sleep afterward.'	- Только разреши мне для начала найти свободную комнату в отеле. Должен же я ночью как следует выспаться.
'You'll get a good night's sleep with the girls,' Milo replied with the same air of intrigue.	- Ночью ты как следует выспишься с этими девочками, - ответил Милоу все с тем же загадочным видом.
'Remember your mission.'	- Помни о своей миссии.

But they got no sleep at all, for Yossarian and Orr found themselves jammed into the same double bed with the two twelve -year-old twenty-eight-year-old prostitutes, who turned out to be oily and obese and who kept waking them up all night long to ask them to switch partners.	Но спать им не пришлось вовсе: Йоссариан и Орр втиснулись в двуспальную кровать, сжатые с боков двумя тучными "девственницами", которые не давали им заснуть до утра.

Yossarian's perceptions were soon so fuzzy that he paid no notice to the beige turban the fat one crowding into him kept wearing until late the next morning when the scheming ten-year-old pimp with the Cuban panatella snatched it off in public in a bestial caprice that exposed in the brilliant Sicilian daylight her shocking, misshapen and denudate skull.	Вскоре Йоссариан уже плохо соображал, что к чему, и не обратил вни- мания, что на голове его толстой партнерши по- чему-то всю ночь красо- вался бежевый тюрбан. И только на следующее утро тайна тюрбана рас- крылась: прибежал жу- ликоватый юнец с сига- рой в зубах и на глазах у всех из дьявольского озорства сдернул тюр- бан с головы толстухи. В ослепительных лучах сицилийского солнца сверкнул лысый, пугаю- ще уродливый женский череп.

Vengeful neighbors had shaved her hair to the gleaming bone because she had slept with Germans.	Девицу выбрили наголо соседи в отместку за то, что она спала с немцами.
The girl screeched in feminine outrage and waddled comically after the scheming ten-year-old pimp, her grisly, bleak, violated scalp slithering up and down ludicrously around the queer darkened wart of her face like something bleached and obscene.	Она завизжала и, переваливаясь с боку на бок, как гусыня, кинулась за малым. Ее чудовищная, поруганная нагая голова смешно болталась из стороны в сторону. По контрасту с темным, как древесная кора, лицом бритый череп сиял непристойной белизной.
Yossarian had never laid eyes on anything so bare before.	Йоссариану отроду не доводилось видеть ничего более голого.

The pimp spun the turban high on his finger like a trophy and kept himself skipping inches ahead of her finger tips as he led her in a tantalizing circle around the square congested with people who were howling with laughter and pointing to Yossarian with derision when Milo strode up with a grim look of haste and puckered his lips reprovingly at the unseemly spectacle of so much vice and frivolity. Milo insisted on leaving at once for Malta.	Размахивая тюрбаном, как трофеем, юный сводник улепетывал, держась на расстоянии нескольких сантиметров от разгневанной девицы. Прохожие хохотали, а Йоссариан чувствовал себя препаршиво. В это время появился мрачный и озабоченный Милоу. При виде столь гнусного и фривольного спектакля он укоризненно поджал губы и потребовал, чтобы они немедленно отправлялись на Мальту.

'We're sleepy,' Orr whined.	- А мы спать хотим, - прохныкал Орр.
'That's your own fault,' Milo censured them both selfrighteously.	- Простите, но это уже не моя вина, - тоном праведника осудил их Милоу.
'If you had spent the night in your hotel room instead of with these immoral girls, you'd both feel as good as I do today.'	- Если бы вы соизволили провести ночь у себя в номере, а не с безнравственными девицами, вы бы чувствовали себя сейчас столь же прекрасно, как и я.
'You told us to go with them,' Yossarian retorted accusingly.	- Но ведь вы сами велели нам идти к ним, -упрекнул его Йоссариан.
' And we didn't have a hotel room.	- И потом у нас не было номера в гостинице.
You were the only one who could get a hotel room.'	Вы - единственный, кто мог бы устроить нас на ночлег.

'That wasn't my fault, either,' Milo explained haughtily.	- Простите, но это тоже не моя вина, - надменно возразил Милоу.
'How was I supposed to know all the buyers would be in town for the chick-pea harvest?'	- Откуда я мог знать, что в связи с хорошим урожаем турецкого горошка в город съедется столько покупателей?
'You knew it,' Yossarian charged.	- Все вы знали заранее, - накинулся на него Йоссариан.

'That explains why we're here in Sicily instead of Naples.	- Неспроста мы, вместо того чтобы лететь в Неаполь, оказались в Сицилии.
You've probably got the whole damned plane filled with chick-peas already.'	Вы уже небось битком набили самолет этим самым турецким горошком.

'Shhhhhh!' Milo cautioned sternly, with a meaningful glance toward Orr.	- Тссс, - сердито прошипел Милоу, бросая многозначительный взгляд в сторону Орра.
'Remember your mission.'	- Помните о своей миссии.
The bomb bay, the rear and tail sections of the plane and most of the top turret gunner's section were all filled with bushels of chick-peas when they arrived at the airfield to take off for Malta.	И точно: как только они прибыли на аэродром, чтобы лететь на Мальту, выяснилось, что бомбовый люк, задний и хвостовой отсеки самолета, а также большая часть выгородки для верхней турельной установки забиты мешками с турецким горошком.

Yossarian's mission on the trip was to distract Orr from observing where Milo bought his eggs, even though Orr was a member of Milo's syndicate and, like every other member of Milo's syndicate, owned a share.	Миссия Йоссариана в этой поездке заключалась в том, чтобы отвлекать Орра: Орр не должен был знать, где Милоу покупает яйца, хотя Орр тоже состоял членом синдиката Милоу и, как каждый член синдиката, имел в в нем свой пай.
His mission was silly, Yossarian felt, since it was common knowledge that Milo bought his eggs in Malta for seven cents apiece and sold them to the mess halls in his syndicate for five cents apiece.	Йоссариан считал свою миссию лишенной всякого смысла, ибо все знали, что Милоу покупает яйца на Мальте по семь центов за штуку, а продает их офицерским столовым, то есть своему синдикату, по пять центов за штуку.

'I just don't trust him,' Milo brooded in the plane, with a backward nod toward Orr, who was curled up like a tangled rope on the low bushels of chick-peas, trying torturedly to sleep.	- Не доверяю я ему, - задумчиво проговорил Милоу в самолете, кивнув затылком в сторону Орра, который ужом извивался на мешках с горошком, мучительно пытаясь заснуть.
'And I'd just as soon buy my eggs when he's not around to learn my business secrets.	- Я могу заниматься покупкой яиц, только когда его нет поблизости, иначе он раскроет секрет моего бизнеса.
What else don't you understand?'	Ну что еще вам непонятно?
Yossarian was riding beside him in the co-pilot's seat.	Йоссариан сидел рядом с Милоу на месте второго пилота.

'I don't understand why you buy eggs for seven cents apiece in Malta and sell them for five cents.'	- Непонятно, почему вы покупаете яйца на Мальте семь центов за штуку, а продаете их по пять?
' I do it to make a profit.'	- Чтобы иметь прибыль.
'But how can you make a profit?	- Но как вы ухитряетесь получить прибыль?
You lose two cents an egg.'	Вы ведь теряете по два цента на каждом яйце.
'But I make a profit of three and a quarter cents an egg by selling them for four and a quarter cents an egg to the people in Malta I buy them from for seven cents an egg.	- И все-таки я получаю прибыль - по три с четвертью цента с яйца, потому что продаю их по четыре с четвертью цента жителям Мальты. Потом я у них скупаю эти яйца по семь центов.

Of course, I don't make the profit.	Разумеется, прибыль получаю не я.
The syndicate makes the profit. And everybody has a share.'	Ее получает синдикат, и у каждого в нем свой пай.

Yossarian felt he was beginning to understand.	Йоссариану показалось, что он начинает что-то понимать
'And the people you sell the eggs to at four and a quarter cents apiece make a profit of two and three quarter cents apiece when they sell them back to you at seven cents apiece.	- А жители, которым вы продаете яйца по четыре с четвертью цента за штуку, получают прибыль в размере по два и три четверти цента за яйцо, когда продают их вам обратно по семь центов за штуку.
Is that right?	Правильно?

Why don't you sell the eggs directly to you and eliminate the people you buy them from?'	Так почему бы вам не продавать яйца непосредственно самому себе и вовсе не иметь дела с этим народом?
'Because I'm the people I buy them from,' Milo explained.	- А потому, что я и есть тот самый народ, у которого я покупаю яйца, - объяснил Милоу.
'I make a profit of three and a quarter cents apiece when I sell them to me and a profit of two and three quarter cents apiece when I buy them back from me.	- Когда народ покупает у меня яйца, я получаю прибыль по три с четвертью цента за штуку.
That's a total profit of six cents an egg.	Таким образом, в итоге доход составляет шесть центов за яйцо.

I lose only two cents an egg when I sell them to the mess halls at five cents apiece, and that's how I can make a profit buying eggs for seven cents apiece and selling them for five cents apiece.	Продавая яйца офицерским столовым по пять центов, я теряю только по два цента на яйце. Вот так я и получаю прибыль - покупаю по семь центов за штуку и продаю по пять.
I pay only one cent apiece at the hen when I buy them in Sicily.'	Я плачу только по одному центу за яйцо в Сицилии.
' In Malta,' Yossarian corrected.	- На Мальте, - поправил Йоссариан.
'You buy your eggs in Malta, not Sicily.'	- Ведь вы в покупаете яйца на Мальте, а не в Сицилии.
Milo chortled proudly.	Милоу гордо усмехнулся.

'I don't buy eggs in Malta,' he confessed, with an air of slight and clandestine amusement that was the only departure from industrious sobriety Yossarian had ever seen him make.	- Я не покупаю яйца на Мальте, - признался он с нескрываемым удовольствием. Впервые при Йоссариане Милоу изменил своей обычной сверхсерьезности.
'I buy them in Sicily for one cent apiece and transfer them to Malta secretly at four and a half cents apiece in order to get the price of eggs up to seven cents apiece when people come to Malta looking for them.'	- Купив яйца в Сицилии по центу за штуку, я затем тайно их переправляю на Мальту, но уже по четыре с половиной цента. С тем чтобы, когда спрос на Мальте возрастет, повысить цену до семи центов за штуку.

'Why do people come to Malta for eggs when they're so expensive there?'	- А зачем вообще люди ездят на Мальту за яйцами, если они там так дороги?
'Because they've always done it that way.'	- Потому что у людей так принято.
'Why don't they look for eggs in Sicily?'	- А почему они не покупают в Сицилии?
'Because they've never done it that way.'	- Потому что у людей так не принято.
'Now I really don't understand.	- Ну теперь-то я действительно ничего не понимаю.

Why don't you sell your mess halls the eggs for seven cents apiece instead offor five cents apiece?'	Почему бы вам не продавать офицерским столовым яйца по семь центов за штуку, а не по пять?
'Because my mess halls would have no need for me then.	- А зачем же я тогда буду нужен столовым?
Anyone can buy seven-cents-apiece eggs for seven cents apiece.'	Купить яйца по семь центов каждый дурак сможет.
'Why don't they bypass you and buy the eggs directly from you in Malta at four and a quarter cents apiece?'	- А почему бы столовым не покупать яйца у вас прямо на Мальте по четыре с четвертью цента за штуку?
'Because I wouldn't sell it to them.'	- Потому что так я им не продам.
'Why wouldn't you sell it to them?'	- Но почему?

'Because then there wouldn't be as much room for profit.	- Как же я бы тогда извлек прибыль?
At least this way I can make a bit for myself as a middleman.'	А так по крайней мере и мне кое-что перепадает, как посреднику.
'Then you do make a profit for yourself,' Yossarian declared.	- Стало быть, и к вашим рукам кое-что прилипает? - заявил Йоссариан.
' Of course I do.	- А как же иначе!
But it all goes to the syndicate.	В целом вся прибыль поступает в синдикат.
And everybody has a share.	А у каждого в нем пай.
Don't you understand?	Понятно?

It's exactly what happens with those plum tomatoes I sell to Colonel Cathcart.'	В точности то же самое происходит с помидорчиками, которые я продал полковнику Кэткарту.
'Buy,' Yossarian corrected him.	- Купил, - поправил его Йоссариан.
'You don't sell plum tomatoes to Colonel Cathcart and Colonel Korn. You buy plum tomatoes from them.'	- Ведь вы же не продали их полковнику Кэткарту и подполковнику Корну, а купили эти помидоры у них.
'No, sell,' Milo corrected Yossarian.	- Нет, продал, - поправил Милоу Йоссариана.

'I distribute my plum tomatoes in markets all over Pianosa under an assumed name so that Colonel Cathcart and Colonel Korn can buy them up from me under their assumed names at four cents apiece and sell them back to me the next day for the syndicate at five cents apiece. They make a profit of one cent apiece. I make a profit of three and a half cents apiece, and everybody comes out ahead.'	- Я, выступая под вымышленной фамилией, выбросил помидоры на рынки Пьяносы, а полковник Кэткарт и подполковник Корн - тоже под вымышленными фамилиями - купили их у меня по четыре цента за штуку. Затем на следующий день они продали мне помидоры по пять центов за штуку, в результате они получили по центу с каждого помидора, я по три с половиной, и все остались довольны.
'Everybody but the syndicate,' said Yossarian with a snort.	- Все, кроме синдиката. - усмехнувшись, заметил Йоссариан.

'The syndicate is paying five cents apiece for plum tomatoes that cost you only half a cent apiece.	- Синдикат платит по пять центов за каждый помидор, а он, оказывается, стоит всего-навсего полцента.

How does the syndicate benefit?'	Какая же тут выгода синдикату?
'The syndicate benefits when I benefit,' Milo explained, 'because everybody has a share.	- То, что выгодно мне, то выгодно синдикату, -пояснил Милоу, - поскольку у каждого в нем свой пай.

And the syndicate gets Colonel Cathcart's and Colonel Korn's support so that they'll let me go out on trips like this one.	А в результате сделки с помидорами синдикат заручился поддержкой полковника Кэткарта и подполковника Корна. Разве бы они иначе разрешили мне такие полеты?
You'll see how much profit that can mean in about fifteen minutes when we land in Palermo.' ' Malta,' Yossarian corrected him.	Через пятнадцать минут мы сядем в Палермо, и вы увидите, какой мы сделаем бизнес. - Не в Палермо, а на Мальте, - поправил Йоссариан.
'We're flying to Malta now, not Palermo.'	Ведь мы летим на Мальту, а не в Палермо.
'No, we're flying to Palermo,' Milo answered.	- Нет, в Палермо, - ответил Милоу.

'There's an endive exporter in Palermo I have to see for a minute about a shipment of mushrooms to Bern that were damaged by mold.' ' Milo, how do you do it?' Yossarian inquired with laughing amazement and admiration.	- Там меня ждет экспортер цикория. Я должен повидаться с ним на минутку и договориться об отправке в Берн грибов, которые, правда, уже немножко прихвачены плесенью. - Милоу, как вам это все удается? - изумился Йоссариан.
'You fill out a flight plan for one place and then you go to another.	- Вы указываете в полетной карте один пункт, а сами отправляетесь в другой.
Don't the people in the control towers ever raise hell?'	Неужели диспетчеры ни разу не подняли шума?

' They all belong to the syndicate,' Milo said.	- Они же члены синди-ката! - сказал Милоу.
'And they know that what's good for the syndicate is good for the country, because that's what makes Sammy run.	- Они знают: что хорошо для синдиката, то хоро-шо для родины. На этом все держится.
The men in the control towers have a share, too, and that's why they always have to do whatever they can to help the syndicate.'	Поскольку диспетчеры тоже имеют свою долю, они обязаны делать для синдиката все, что в их силах.
'Do I have a share?'	- И у меня есть пай?
'Everybody has a share.'	- У каждого свой пай.
'Does Orr have a share?'	- И у Орра пай?

' Everybody has a share.'	- У каждого свой пай.
' And Hungry Joe?	- И у Заморыша Джо?
He has a share, too?'	У него тоже пай?
' Everybody has a share.'	- У каждого свой пай.
'Well, I'll be damned,' mused Yossarian, deeply impressed with the idea of a share for the very first time.	- Ну и дела, будь я проклят, - задумчиво протянул Йоссариан, на которого идея о всеобщем паевом участии в синдикате впервые произвела глубокое впечатление.
Milo turned toward him with a faint glimmer of mischief.	Милоу обернулся, в глазах у него сверкнули озорные искорки.

'I have a sure-fire plan for cheating the federal government out of six thousand dollars.	- Послушайте, у меня есть хороший планчик, как надуть федеральное правительство на шесть тысяч долларов.
We can make three thousand dollars apiece without any risk to either of us.	Мы можем получить с вами по три тысячи на брата, абсолютно ничем не рискуя.
Are you interested?'	Согласны?
'No.'	- Нет!
Milo looked at Yossarian with profound emotion.	Милоу взглянул на Йоссариана с глубокой признательностью.

' That's what I like about you,' he exclaimed.	- Именно за это я вас и люблю.
' You're honest!	Вы честный человек, Йоссариан.
You're the only one I know that I can really trust.	Вы единственный из моих знакомых, кому я верю безоговорочно.
That's why I wish you'd try to be of more help to me.	Позвольте мне почаще прибегать к вашей помощи.
I really was disappointed when you ran off with those two tramps in Catania yesterday.'	Вот почему, когда вчера в Катании вы бросились за этими двумя потаскухами, я был безмерно огорчен.

Yossarian stared at Milo in quizzical disbelief. ' Milo, you told me to go with them.	Йоссариан недоверчиво посмотрел на Милоу. -Милоу, так вы ведь сами велели мне идти с ними.
Don't you remember?'	Вы что, забыли?
'That wasn't my fault,' Milo answered with dignity.	- Нет уж, увольте! Это не моя вина! - негодующе возразил Милоу.
'I had to get rid of Orr some way once we reached town.	- Мне любым путем нужно было избавиться от Орра.
It will be a lot different in Palermo.	В Палермо все будет иначе.

When we land in Palermo, I want you and Orr to leave with the girls right from the airport.'	Я хочу, чтобы, как только мы приземлимся, вы с Орром прямо с аэродрома ушли с девочками.
'With what girls?'	- С какими еще девочками?
'I radioed ahead and made arrangements with a four-year-old pimp to supply you and Orr with two eight-year-old virgins who are half Spanish.	- Я связался по радио и все устроил.
He'll be waiting at the airport in a limousine.	Они будут вас ждать на аэродроме в лимузине.

Go right in as soon as you step out of the plane.'	Отправляйтесь сразу, как только выйдете из самолета.
'Nothing doing,' said Yossarian, shaking his head.	- Ничего не получится, - сказал Йоссариан, покачав головой.
'The only place I'm going is to sleep.'	- Я пойду туда, где можно выспаться.
Milo turned livid with indignation, his slim long nose flickering spasmodically between his black eyebrows and his unbalanced orange-brown mustache like the pale, thin flame of a single candle.	Милоу посинел от негодования. Его тонкий длинный нос судорожно затрепетал, точно бледное узкое пламя свечи, в отведенном ему господом пространстве между черными бровями и неровными рыжевато-оранжевыми усами.

'Yossarian, remember your mission,' he reminded reverently.	- Йоссариан, не забывайте о своей миссии, -напомнил он торжественно.
'To hell with my mission,' Yossarian responded indifferently.	- А пропади она пропадом, моя миссия, - устало отозвался Йоссариан.

'And to hell with the syndicate too, even though I do have a share. I don't want any eight-year-old virgins, even if they are half Spanish.' 'I don't blame you. But these eight-year-old virgins are really only thirty-two. And they're not really half Spanish but only one-third Estonian.' 'I don't care for any virgins.' 'And they're not even virgins,' Milo continued persuasively. 'The one I picked out for you was married for a short time to an elderly schoolteacher who slept with her only on Sundays, so she's really almost	- И пусть туда же катится этот чертов синдикат вместе с моим паем.

But Orr was sleepy, too, and Yossarian and Orr were both at Milo's side when they rode into the city of Palermo from the airport and discovered that there was no room for the two of them at the hotel there either, and, more important, that Milo was mayor.	Орру тоже хотелось спать, а не развлекаться, и поэтому он и Йоссариан поехали вместе с Милоу в город, где выяснилось, что и на сей раз в отеле для них нет места. Но, что гораздо важнее, оказалось, что Милоу - мэр города Палермо.

The weird, implausible reception for Milo began at the airfield, where civilian laborers who recognized him halted in their duties respectfully to gaze at him with full expressions of controlled exuberance and adulation.	Неправдоподобный, поистине фантастический прием был оказан Милоу уже на аэродроме, где служащие, узнав Милоу, побросали свои дела и взирали на него с едва сдерживаемым обожанием и раболепством.
News of his arrival preceded him into the city, and the outskirts were already crowded with cheering citizens as they sped by in their small uncovered truck.	Слухи о его прибытии уже проникли в город, и, когда все трое в маленьком открытом грузовике подъехали к окраинам города, их встретили веселые толпы.

Yossarian and Orr were mystified and mute and pressed close against Milo for security.	Йоссариан и Орр, онемев от удивления, испуганно жались к Милоу.
Inside the city, the welcome for Milo grew louder as the truck slowed and eased deeper toward the middle of town.	По мере того как грузовичок, замедляя ход, приближался к центру города, приветственные возгласы становились все громче.
Small boys and girls had been released from school and were lining the sidewalks in new clothes, waving tiny flags.	В этот день школьников специально отпустили с занятий, и принаряженные мальчуганы и девчушки стояли на тротуарах, размахивая флажками.
Yossarian and Orr were absolutely speechless now.	Йоссариан и Орр начисто лишились дара речи.

The streets were jammed with joyous throngs, and strung overhead were huge banners bearing Milo's picture.	На улицах над радостно бурлящими толпами плыли огромные знамена с портретами Милоу.
Milo had posed for these pictures in a drab peasant's blouse with a high collar, and his scrupulous, paternal countenance was tolerant, wise, critical and strong as he stared out at the populace omnisciently with his undisciplined mustache and disunited eyes.	Милоу был изображен в потертой крестьянской блузе с высоким воротником. Его строгое лицо добропорядочного папаши выражало терпимость, мудрость и силу. Усы непокорно топорщились, а косящие глаза проницательно взирали на толпу.

Sinking invalids blew kisses to him from windows.	Свесившись из открытых окон, инвалиды посылали Милоу воздушные поцелуи.

Aproned shopkeepers cheered ecstatically from the narrow doorways of their shops.	Из узких дверей своих лавок торговцы в фартуках с воодушевлением приветствовали Милоу.
Tubas crumped.	Гремели трубы.
Here and there a person fell and was trampled to death.	То там, то сям кто-то падал, и толпа затаптывала несчастного насмерть.

Sobbing old women swarmed through each other frantically around the slow-moving truck to touch Milo's shoulder or press his hand.	Обезумевшие старухи, рыдая, лезли вперед, чтобы коснуться плеча Милоу или пожать ему руку.
Milo bore the tumultuous celebrations with benevolent grace.	Среди этого волнующего празднества Милоу держался царственно великодушно.
He waved back to everyone in elegant reciprocation and showered generous handfuls of foilcovered Hershey kisses to the rejoicing multitudes.	Не оставаясь в долгу, он элегантно делал народным массам ручкой и щедрыми пригоршнями разбрасывал сладкие, как трюфели, воздушные поцелуи.

Lines of lusty young boys and girls skipped along behind him with their arms linked, chanting in hoarse and glassy-eyed adoration, ' Milo!	Стайка пылких юношей и девиц вырвалась из толпы и, взявшись за руки и блестя остекленевшими от обожания глазами, бежала за грузовиком, хрипло скандируя: - Ми-лоу!
Mi-lo!	Ми-лоу!
Mi-lo!'	Ми-лоу!
Now that his secret was out, Milo relaxed with Yossarian and Orr and inflated opulently with a vast, shy pride.	Теперь, когда его секрет выплыл наружу, Милоу стал держаться с Йоссарианом и Орром гораздо непринужденнее. Этого скромного от природы человека распирала гордость.
His cheeks turned flesh-colored.	Кровь прилила к его щекам.

Milo had been elected mayor of Palermo - and of nearby Carini, Monreale, Bagheria, Termini Imerese, Cefalu, Mistretta and Nicosia as well-because he had brought Scotch to Sicily.	Милоу был избран мэром Палермо и близлежащих городов - Карина, Монреаля, Багерии, Термини-Имерезе, Кефали, Мистретты, а также Никозии, - и все потому, что он привез в Сицилию шотландское виски.
Yossarian was amazed.	Йоссариан был потрясен.
' The people here like to drink Scotch that much?'	- Неужели здесь так любят виски?
' They don't drink any of the Scotch,' Milo explained.	- Понятия о нем не имеют, - объяснил Милоу.

'Scotch is very expensive, and these people here are very poor.'	- Шотландское виски - штука дорогая, а народ здесь очень бедный.
'Then why do you import it to Sicily if nobody drinks any?'	- Но если в Сицилии вообще не пьют виски, зачем ты его сюда импортируешь?
' To build up a price.	- Чтобы взвинтить цену.
I move the Scotch here from Malta to make more room for profit when I sell it back to me for somebody else.	Я доставляю сюда виски с Мальты, чтобы с большей прибылью продать его себе или кому-нибудь другому.
I created a whole new industry here.	Я создал здесь целую новую отрасль промышленности.

Today Sicily is the third largest exporter of Scotch in the world, and that's why they elected me mayor.'	Сегодня Сицилия занимает третье место в мире по экспорту виски. Потому-то меня и избрали мэром.
'How about getting us a hotel room if you're such a hotshot?' Orr grumbled impertinently in a voice slurred with fatigue.	- Раз уж ты такая большая шишка, может, ты нам достанешь номер в гостинице? - совсем не к месту устало проворчал Орр.
Milo responded contritely. 'That's just what I'm going to do,' he promised.	- Вот этим я и намерен сейчас заняться, -пообещал Милоу, и в голосе его послышалось раскаяние.
'I'm really sorry about forgetting to radio ahead for hotel rooms for you two.	- К сожалению, я забыл радировать заранее, чтобы вам забронировали номера.

Come along to my office and I'll speak to my deputy mayor about it right now.'	Пойдемте в мой кабинет, и я прямо сейчас поговорю с моим заместителем.
Milo's office was a barbershop, and his deputy mayor was a pudgy barber from whose obsequious lips cordial greetings foamed as effusively as the lather he began whipping up in Milo's shaving cup.	Кабинет Милоу находился в парикмахерской, а его заместителем оказался пухленький коротышка парикмахер. Сердечные приветствия пенились на его подобострастных губах так же обильно, как мыльная пена, которую он взбивал в чашечке, чтобы побрить Милоу.

'Well, Vittorio,' said Milo, settling back lazily in one of Vittorio's barber chairs, 'how were things in my absence this time?'	- Ну, Витторио, - сказал Милоу, лениво развалившись в кресле. - Как вы тут без меня поживали?
' Very sad, Signor Milo, very sad.	- Очень плохо, синьор Милоу, очень плохо.
But now that you are back, the people are all happy again.'	Но теперь вы вернулись, и мы снова счастливы.
' I was wondering about the size of the crowds.	- Удивительно, какая уйма народу на улицах!
How come all the hotels are full?'	Почему полны все отели?

'Because so many people from other cities are here to see you, Signor Milo.	- Да потому что много народу понаехало из других городов специально, чтобы увидеть вас, синьор Милоу.
And because we have all the buyers who have come into town for the artichoke auction.'	И еще потому, что приехали закупщики на аукцион артишоков.
Milo's hand soared up perpendicularly like an eagle and arrested Vittorio's shaving brush.	Милоу взмахнул руками, как орел крыльями, и схватился за бритвенную кисточку Витторио.
'What's artichoke?' he inquired.	- Что еще за артишоки? - спросил он.
' Artichoke, Signor Milo?	- Артишоки, синьор Милоу?

An artichoke is a very tasty vegetable that is popular everywhere.	Артишоки - это очень вкусные овощи, их все любят.
You must try some artichokes while you are here, Signor Milo.	Пока вы здесь, вам обязательно надо попробовать артишоков, синьор Милоу.
We grow the best in the world.'	У нас растут лучшие в мире артишоки.
'Really?' said Milo.	- В самом деле? - спросил Милоу.
'How much are artichokes selling for this year?'	- А хорошо ли в нынешнем году идут артишоки?

' It looks like a very good year for artichokes.	- Я бы сказал, очень хорошо.
The crops were very bad.'	Урожай был скверный.

'Is that a fact?' mused Milo, and was gone, sliding from his chair so swiftly that his striped barber's apron retained his shape for a second or two after he had gone before it collapsed.	- Вот как? - удивился Милоу и исчез. Он соскользнул с кресла с такой быстротой, что полосатая простыня, Прежде чем упасть на пол, несколько секунд хранила очертания его тела.
Milo had vanished from sight by the time Yossarian and Orr rushed after him to the doorway.	Когда Йоссариан и Орр бросились за ним к дверям, Милоу уже не было и в помине.
'Next?' barked Milo's deputy mayor officiously.	- Следующий! - гаркнул заместитель мэра.
' Who's next?'	- Кто следующий?

Yossarian and Orr walked from the barbershop in dejection.	Йоссариан и Орр вышли из парикмахерской, не зная, куда себя девать.
Deserted by Milo, they trudged homelessly through the reveling masses in futile search of a place to sleep.	Покинутые Милоу, они пробирались сквозь веселые толпы в поисках ночлега.
Yossarian was exhausted.	Йоссариан валился с ног от усталости.

His head throbbed with a dull, debilitating pain, and he was irritable with Orr, who had found two crab apples somewhere and walked with them in his cheeks until Yossarian spied them there and made him take them out.	Голова его раскалывалась от тупой, одуряющей боли. К тому же его раздражал Орр, который раздобыл где-то два диких лесных яблока и шел, засунув их за щеки. Заметив это, Йоссариан заставил его выплюнуть дички.
Then Orr found two horse chestnuts somewhere and slipped those in until Yossarian detected them and snapped at him again to take the crab apples out of his mouth.	Затем Орр нашел где-то два лошадиных каштана и сунул их в рот. Но Йоссариан, заметив, что щеки у Орра опять раздулись, велел ему выплюнуть дички.

Orr grinned and replied that they were not crab apples but horse chestnuts and that they were not in his mouth but in his hands, but Yossarian was not able to understand a single word he said because of the horse chestnuts in his mouth and made him take them out anyway.	Орр, ухмыльнувшись, ответил, что это не дички, а лошадиные каштаны и что они у него не во рту, а в руках. Но из того, что говорил ему Орр, Йоссариан не смог разобрать ни слова, потому что во рту Орра были лошадиные каштаны, которые он все-таки в конце концов выплюнул по настоянию Йоссариана.
A sly light twinkled in Orr's eyes.	В глазах Орра блеснули лукавые огоньки.

He rubbed his forehead harshly with his knuckles, like a man in an alcoholic stupor, and snickered lewdly.	Он потер лоб костяшками пальцев и хитро заржал.
'Do you remember that girl-' He broke off to snicker lewdly again.	- Помнишь ту девку? - спросил он сквозь смех.
'Do you remember that girl who was hitting me over the head with that shoe in that apartment in Rome, when we were both naked?' he asked with a look of cunning expectation.	- Ты помнишь ту девку в Риме, которая лупила меня туфлей по башке? Он выжидающе глядел на Йоссариана.
He waited until Yossarian nodded cautiously.	Когда Йоссариан наконец осторожно кивнул головой, Орр продолжал:

'If you let me put the chestnuts back in my mouth I'll tell you why she was hitting me.	- Разреши мне засунуть каштаны в рот, и я расскажу тебе, за что она меня била.

Is that a deal?'	Идет?

Yossarian nodded, and Orr told him the whole fantastic story of why the naked girl in Nately's whore's apartment was hitting him over the head with her shoe, but Yossarian was not able to understand a single word because the horse chestnuts were back in his mouth.	Йоссариан утвердительно кивнул, и Орр поведал ему фантастическую историю, почему девка в публичном доме, где жила подружка лейтенанта Нейтли, била его туфлей по голове, но Йоссариан не понял ни единого слова: рот у Орра был набит лошадиными каштанами.

Yossarian roared with exasperated laughter at the trick, but in the end there was nothing for them to do when night fell but eat a damp dinner in a dirty restaurant and hitch a ride back to the airfield, where they slept on the chill metal floor of the plane and turned and tossed in groaning torment until the truck drivers blasted up less than two hours later with their crates of artichokes and chased them out onto the ground while they filled up the plane.	Поняв, что Орр его провел, Йоссариан зло рассмеялся. Когда наступил вечер, им пришлось довольствоваться скверным обедом в грязном ресторане, после чего они добрались до аэродрома с попутной машиной и улеглись спать на холодном металлическом полу самолета, ворочаясь, дергаясь и мучительно стеная во сне. Не прошло и двух часов, как водители грузовиков начали с грохотом загружать самолет ящиками с артишоками и вытурили Йоссариана с Орром из машины.

A heavy rain began falling.	Пошел проливной дождь, и, когда погрузка кончилась, они промокли до нитки.

Yossarian and Orr were dripping wet by
the time the trucks drove away and had no choice but to squeeze themselves back into the plane and roll themselves up like shivering anchovies between the
jolting corners of the crates of artichokes that Milo flew up to Naples at dawn and exchanged for the cinnamon sticks, cloves, vanilla beans and pepper pods that he rushed right back down south with that same day to Malta, where, it turned out, he was Assistant Governor-General.

Потом они снова втиснулись в самолет и свернулись клубочками на ящиках с артишоками, как анчоусы в консервной банке. Потом ящики запрыгали: это ни свет ни заря Милоу погнал самолет в Неаполь, чтобы поменять артишоки на палочки корицы, ваниль, гвоздику и стручки перца. Весь этот товар он перебросил в тот же день обратно на Мальту, где, как выяснилось, он был заместителем генерал-губернатора.

There was no room for Yossarian and Orr in Malta either.	В гостинице на Мальте номера для них тоже не оказалось.
Milo was Major Sir Milo Minderbinder in Malta and had a gigantic office in the governor-general's building.	Зато на Мальте Милоу величали сэром майором Милоу Миндербиндером и в резиденции генерал-губернатора ему отвели гигантских размеров кабинет.
His mahogany desk was immense.	Посередине кабинета стоял огромный стол красного дерева.

In a panel of the oak wall, between crossed British flags, hung a dramatic arresting photograph of Major Sir Milo Minderbinder in the dress uniform of the Royal Welsh Fusiliers.	На стене, облицованной дубовыми панелями, между скрещенными британскими знаменами висела бросавшаяся в глаза фотография сэра майора Милоу Миндербиндера в форме королевских валийских фузильеров.
His mustache in the photograph was clipped and narrow, his chin was chiseled, and his eyes were sharp as thorns.	На фотографии у Милоу был колюче-пронзительный взгляд, побритые в ниточку усы и как будто высеченный из камня подбородок.

Milo had been knighted, commissioned a major in the Royal Welsh Fusiliers and named Assistant Governor-General of Malta because he had brought the egg trade there.	Оказалось, что здесь Милоу произвели в рыцари и пожаловали чин майора королевских валийских фузильеров, а также назначили заместителем генерал-губернатора Мальты в знак признания его исключительных заслуг в деле торговли яйцами.

He gave Yossarian and Orr generous permission to spend the night on the thick carpet in his office, but shortly after he left a sentry in battle dress appeared and drove them from the building at the tip of his bayonet, and they rode out exhaustedly to the airport with a surly cab driver, who overcharged them, and went to sleep inside the plane again, which was filled now with leaking gunny sacks of cocoa and freshly ground coffee and reeking with an odor so rich that they were both outside retching violently against the landing gear when Milo was chauffeured up the

Милоу великодушно позволил Йоссариану и Орру провести ночь на ковре в кабинете, но, едва он ушел, появился часовой в полном боевом снаряжении и, тыча им в спину острием штыка, выгнал Йоссариана и Орра на улицу. Падая от усталости, они добрались до аэродрома в такси, причем нахальный водитель содрал с них втридорога. Спать им пришлось снова в самолете, на сей раз загруженном потертыми джутовыми мешками, из которых сыпались какао и кофе нового урожая, источавшие одуряющий запах. Почувствовав приступ тошноты, Йоссариан и Орр сломя голову выскочили наружу и облевали шасси. Утро началось с

Milo had at his disposal sumptuous quarters inside a salmon-pink palace, but Yossarian and Orr were not allowed to accompany him inside because they were Christian infidels.	Здесь в распоряжение Милоу были представ- лены обширные покои в розовом, как лососина, дворце, но Йоссариану и Орру даже не разреши- ли переступить порог дворца, поскольку они были христианами и, следовательно, невер- ными.
They were stopped at the gates by gargantuan Berber guards with scimitars and chased away.	У ворот их остановили циклопического роста стражники с кривыми саблями наголо и про- гнали прочь.
Orr was snuffling and sneezing with a crippling head cold.	Орр, видимо, простудил- ся: он сопел и шмыгал носом.

Yossarian's broad back was bent and aching.	Широкая спина Йоссариана ссутулилась и ныла от усталости.
He was ready to break Milo's neck, but Milo was Vice-Shah of Oran and his person was sacred.	Йоссариану хотелось бы свернуть Милоу шею, но, поскольку тот как-никак был вице-шахом Орана, его персона была священна.
Milo was not only the Vice-Shah of Oran, as it turned out, but also the Caliph of Baghdad, the Imam of Damascus, and the Sheik of Araby.	Как оказалось, Милоу был не только вице-шахом Орана, но и калифом Багдада, имамом Дамаска и шейхом Аравии.

Milo was the corn god, the rain god and the rice god in backward regions where such crude gods were still worshiped by ignorant and superstitious people, and deep inside the jungles of Africa, he intimated with becoming modesty, large graven images of his mustached face could be found overlooking primitive stone altars red with human blood.	Милоу был богом урожая и богом дождя в глухих отсталых уголках, где невежественные суеверные люди еще поклонялись столь жестоким богам. А в дебрях африканских джунглей, сообщил им Милоу с присущей ему скромностью, можно было обнаружить даже каменных идолов с усатым ликом, возвышавшихся над примитивным каменным алтарем, красным от человеческой крови.

Everywhere they touched he was acclaimed with honor, and it was one triumphal ovation after another for him in city after city until they finally doubled back through the Middle East and reached Cairo, where Milo cornered the market on cotton that no one else in the world wanted and brought himself promptly to the brink of ruin.	Г де бы Милоу ни появился, повсюду его встречали с почестями, и триумфальные овации следовали одна за другой. Они снова пересекли Средний Восток в обратном направлении и вернулись в Каир, где Милоу по спекулятивным ценам скупил все имевшиеся на рынке запасы хлопка, которые не хотел брать ни один человек в мире. Этой операцией Милоу сразу же поставил себя на грань финансовой катастрофы.

In Cairo there was at last room at the hotel for Yossarian and Orr. There were soft beds for them with fat fluffed-up pillows and clean, crisp sheets. There were closets with hangers for their clothes. There was water to wash with.	В Каире наконец для Йоссариана и Орра в отеле нашлись номера с мягкими постелями, взбитыми пуховыми подушками и чистыми хрустящими простынями, а также шкафом с вешалками для одежды и ванной.

Yossarian and Orr soaked their rancid, unfriendly bodies pink in a steaming-hot tub and then went from the hotel with Milo to eat shrimp cocktails and filet mignon in a very fine restaurant with a stock ticker in the lobby that happened to be clicking out the latest quotation for Egyptian cotton when Milo inquired of the captain of waiters what kind of machine it was.	Йоссариан и Орр до красноты напарились в дымящейся ванне и вышли вместе с Милоу из отеля, чтобы выпить по коктейлю и съесть филе "миньон" в отличном ресторанчике, где в вестибюле стоял биржевой телетайп. Когда Милоу осведомлялся у метрдотеля, что это за аппарат, телетайп как раз выстукивал биржевой курс хлопка.
Milo had never imagined a machine so beautiful as a stock ticker before.	Милоу и не подозревал, что на свете существуют столь прекрасные аппараты.

'Really?' he exclaimed when the captain of waiters had finished his explanation.	- В самом деле? - спросил он, когда метрдотель закончил свои пояснения.
' And how much is Egyptian cotton selling for?'	- И почем же нынче египетский хлопок?
The captain of waiters told him, and Milo bought the whole crop.	Метрдотель назвал цифру, и Милоу закупил весь урожай.

But Yossarian was not nearly so frightened by the Egyptian cotton Milo bought as he was by the bunches of green red bananas Milo had spotted in the native market place as they drove into the city, and his fears proved justified, for Milo shook him awake out of a deep sleep just after twelve and shoved a partly peeled banana toward him.	Но Йоссариана напугали не столько закупки египетского хлопка, сколько связки незрелых красных бананов, которые во время их прогулки по городу Милоу обнаружил на местном рынке. И страх оказался не напрасным. Вскоре после полуночи, когда Йоссариан беспробудно спал, Милоу растолкал его и сунул ему очищенный банан.
Yossarian choked back a sob.	Рыдания подступили к горлу Йоссариана.

'Taste it,' Milo urged, following Yossarian's writhing face around with the banana insistently. ' Milo, you bastard,' moaned Yossarian,	- Попробуйте-ка, - настаивал Милоу, тыча бананом в лицо Йоссариана, искаженное страдальческой гримасой. - Вы мерзавец, Милоу,- застонал Йоссариан.
' I've got to get some sleep.'	- Дайте мне хоть немного поспать.
'Eat it and tell me if it's good,' Milo persevered.	- Съешьте и скажите, как они на вкус, -упорствовал Милоу.
'Don't tell Orr I gave it to you.	- И не говорите Орру, что я вас угощал бесплатно.
I charged him two piasters for his.'	С него я возьму два пиастра.

Yossarian ate the banana submissively and closed his eyes after telling Milo it was good, but Milo shook him awake again and instructed him to get dressed as quickly as he could, because they were leaving at once for Pianosa.	Йоссариан покорно съел банан и, сказав Милоу, что бананы хороши, смежил веки, но Милоу снова растолкал его и приказал одеваться как можно скорее, чтобы немедленно лететь на Пьяносу.
'You and Orr have to load the bananas into the plane right away,' he explained.	- Сейчас вам с Орром придется погрузить бананы в самолет, - объяснил Милоу.
'The man said to watch out for spiders while you're handling the bunches.' ' Milo, can't we wait until morning?' Yossarian pleaded.	- Мне сказали, что при погрузке надо остерегаться пауков. - Слушайте, Милоу, а почему нельзя подождать до утра?

' I've got to get some sleep.'	Должен же я хоть немного выспаться.
'They're ripening very quickly,' answered Milo, 'and we don't have a minute to lose.	- Поскольку бананы быстро портятся, мы не можем терять ни минуты.
Just think how happy the men back at the squadron will be when they get these bananas.'	Только подумайте, как обрадуются ребята в эскадрилье, когда получат к столу бананы.

But the men back at the squadron never even saw any of the bananas, for it was a seller's market for bananas in Istanbul and a buyer's market in Beirut for the caraway
seeds Milo rushed with to Bengasi after selling the bananas, and when they raced back into Pianosa breathlessly
six days later at the conclusion
of Orr's rest leave, it was with a load of best white eggs from Sicily that Milo said were from Egypt and sold to his mess halls for only four cents apiece so that all the commanding officers in
his syndicate would

Но ребята в эскадрилье так и не увидели ни одного банана, ибо оказалось, что бананы хорошо шли в Стамбуле, а семена тмина по дешевке продавались в Бейруте, и, сбыв бананы, Милоу ринулся с тмином на борту в Бенгази. Когда шесть дней спустя, по окончании отпуска Орра, они высунув языки от усталости вернулись на Пьяносу с грузом первоклассных яиц из Сицилии, Милоу, заявив, что яйца из Египта, продал их в офицерскую столовую всего лишь по четыре цента за штуку. Почему так дешево? А для того, чтобы весь командный состав, входящий в синдикат, стал умолять Милоу как можно скорее отправиться в Каир, приобрести незре-

And everybody had a share.	И в результате каждый должен был получить свою долю.

Nately's Old Man The only one back in the squadron who did see any of Milo's red bananas was Aarfy, who picked up two from an influential fraternity brother of his in the Quartermaster Corps when the bananas ripened and began streaming into Italy through normal black-market channels and who was in the officer's apartment with Yossarian the evening Nately finally found his whore again after so many fruitless weeks of mournful searching and lured her back to the apartment with two girl friends	23. Старик лейтенанта Нейтли Единственным человеком в эскадрилье, которому довелось увидеть красные бананы Милоу, был Аарфи. Когда созревшие бананы начали поступать в Италию нормальным путем - через черный рынок, он получил парочку бананов от своего влиятельного дружка по молодежной организации, тоже служившего квартирмейстером. Это было в тот вечер, когда Аарфи вместе с Йоссарианом сидел в Риме в офицерской квартире, куда Нейтли, отыскавший наконец после долгих недель печальных и бесплодных поисков свою красотку, заманил ее вместе с двумя подружками, пообещав всем троим по трид-

'Thirty dollars each?' remarked Aarfy slowly, poking and patting each of the three strapping girls skeptically with the air of a grudging connoisseur.	- По тридцатке каждой? - протянул Аарфи, похлопывая и поглаживая рослых девиц с видом брюзгливого, скептически настроенного аукционщика.
' Thirty dollars is a lot of money for pieces like these.	- Тридцать долларов за такой товар многовато.
Besides, I never paid for it in my life.'	Кроме того, я вообще никогда за это не плачу.
'I'm not asking you to pay for it,' Nately assured him quickly.	- Разве я тебя прошу им платить, - поспешно ответил Нейтли.
' I'll pay for them all.	- Я заплачу сам.
I just want you guys to take the other two.	Я только хочу, ребята, чтобы вы взяли на себя двух остальных.

Won't you help me out?'	Неужели вы меня не выручите?
Aarfy smirked complacently and shook his soft round head.	Аарфи благодушно улыбнулся и отрицательно покачал своей толстощекой, круглой головой.
'Nobody has to pay for it for good old Aarfy.	- В таких случаях еще никто не платил за старого доброго Аарфи.
I can get all I want any time I want it. I'm just not in the mood right now.'	Когда мне понадобится, я сам найду... А сейчас я просто не в настроении.
'Why don't you just pay all three and send the other two away?' Yossarian suggested.	- Сделай так: заплати за всех, а двоих выстави, -предложил Йоссариан.

'Because then mine will be angry with me for making her work for her money,' Nately replied with an anxious look at his girl, who was glowering at him restlessly and starting to mutter.	- Тогда моя разозлится: подружкам я дал деньги ни за что, а ее за ту же сумму заставлю работать, -ответил Нейтли, опасливо поглядывая на свою даму, которая буравила его сумрачным взглядом и что-то бормотала себе под нос.
'She says that if I really like her I'd send her away and go to bed with one of the others.'	- Она говорит, что если я и вправду ее люблю, то должен именно ее отправить домой, а тех оставить у себя.
' I have a better idea,' boasted Aarfy.	- А у меня идея! - хвастливо объявил Аарфи.

'Why don't we keep the three of them here until after the curfew and then threaten to push them out into the street to be arrested unless they give us all their money?	- Давайте продержим их всех до комендантского часа, а потом пригрозим, что, если они не отдадут нам свои денежки, мы выставим всех троих на улицу, где их наверняка арестуют.
We can even threaten to push them out the window.'	А еще лучше - пригрозим, что вышвырнем их в окошко.
' Aarfy!' Nately was aghast.	- Аарфи! - ужаснулся Нейтли.
'I was only trying to help,' said Aarfy sheepishly.	- Я только хочу вам помочь, - застенчиво сказал Аарфи.

Aarfy was always trying to help Nately because Nately's father was rich and prominent and in an excellent position to help Aarfy after the war.	Он всегда старался помочь Нейтли, поскольку у Нейтли отец был богатым и влиятельным человеком, занимавшим высокое положение, и, следовательно, после войны мог бы помочь Аарфи.
'Gee whiz,' he defended himself querulously.	- Подумаешь, какие цацы! - пробрюзжал Аарфи, оправдываясь.

'Back in school we were always doing things like that.	- Когда я был школьником, мы часто проделывали такие штучки.

I remember one day we tricked these two dumb high-school girls from town into the fraternity house and made them put out for all the fellows there who wanted them by threatening to call up their parents and say they were putting out for us.	Помню, однажды мы заманили двух дурех-старшеклассниц в загородный дом нашей молодежной организации и делали с ними, что хотели.

We kept them trapped in bed there for more than ten hours. We even smacked their faces a little when they started to complain.	Мы продержали их там часов десять, а когда они стали скулить, слегка набили им морды.
Then we took away their nickels and dimes and chewing gum and threw them out.	А потом выгребли у них все деньжата, а заодно и жевательную резинку и прогнали.

Boy, we used to have fun in that fraternity house,' he recalled peacefully, his corpulent cheeks aglow with the jovial, rubicund warmth of nostalgic recollection.	Эх, ребятки, и здорово мы, бывало, веселились в нашей молодежной организации! - воскликнул Аарфи, размякнув от этих дорогих его сердцу воспоминаний. На его мясистых щеках заиграл горячий, жизнерадостный румянец.

'We used to ostracize everyone, even each other.' But Aarfy was no help to Nately now as the girl Nately had fallen so deeply in love with began swearing at him sullenly with rising, menacing resentment.	Но в данную минуту Аарфи ничем не мог помочь Нейтли, поскольку девица, в которую Нейтли был влюблен без памяти, надулась и начала поносить своего поклонника все более визгливым и угрожающим голосом.

Luckily, Hungry Joe burst in just then, and everything was all right again, except that Dunbar staggered in drunk a minute later and began embracing one of the other giggling girls at once.	К счастью, в этот момент ворвался Заморыш Джо, и все пошло хорошо, если не считать, что минуту спустя ввалился пьяный Данбэр и начал обнимать хихикающих девок - всех подряд.

Now there were four men and three girls, and the seven of them left Aarfy in the apartment and climbed into a horse-drawn cab, which remained at the curb at a dead halt while the girls demanded their money in advance.	Теперь было четверо мужчин и трое девиц, и все семеро, оставив Аарфи в квартире, взгромоздились в извозчичью пролетку, которая, пока девицы требовали деньги вперед, ждала у обочины тротуара.

Nately gave them ninety dollars with a gallant flourish, after borrowing twenty dollars from Yossarian, thirty-five dollars from Dunbar and seventeen dollars from Hungry Joe.	Нейтли занял двадцать долларов у Йоссариана, тридцать пять - у Данбэра и семнадцать - у Заморыша Джо и галантно-торжественным жестом вручил девицам девяносто долларов.

The girls grew friendlier then and called an address to the driver, who drove them at a clopping pace halfway across the city into a section they had never visited before and stopped in front of an old, tall building on a dark street.	Они сразу растаяли и дали извозчику адрес. Лошадка, цокая копытами, повезла их в другой конец города, где мужчинам прежде не доводилось бывать, и остановилась на темной улице напротив высокого облезлого дома.

The girls led them up four steep, very long flights of creaking wooden stairs and guided them through a doorway into their own wonderful and resplendent tenement apartment, which burgeoned miraculously with an infinite and proliferating flow of supple young naked girls and contained the evil and debauched ugly old man who irritated Nately constantly with his caustic laughter and the clucking, proper old woman in the ash-gray woolen sweater who disapproved of everything immoral	По крутой скрипучей деревянной лестнице с длинными пролетами они поднялись на чет-вертый этаж и вошли в блистательные чертоги где их ждал волшебный букет молодых гибких бесстыжих девиц.

The amazing place was a fertile, seething cornucopia of female nipples and navels.	Казалось, что букет прямо на глазах разрастается, становится все ярче и пышнее.

At first, there were just their own three girls, in the dimly-lit, drab brown sitting room that stood at the juncture of three murky hallways leading in separate directions to the distant recesses of the strange and marvelous bordello. The girls disrobed at once, pausing in different stages to point proudly to their garish underthings and bantering all the while with the gaunt and dissipated old man with the shabby long white hair and slovenly white unbuttoned shirt who sat cackling lasciviously in a musty blue armchair almost	Сначала в тускло освещенной, обшарпанной коричневой гостиной находились только три знакомые им девицы.

Three more naked girls sauntered in from a different direction and remained to chat, then two others.	Затем из разных коридоров в гостиную притащились еще две красотки, потом - еще три и остались в гостиной поболтать, затем - еще парочка.
Four more girls passed through the room in an indolent group, engrossed in conversation; three were barefoot and one wobbled perilously on a pair of unbuckled silver dancing shoes that did not seem to be her own.	Стайка из четырех девиц, поглощенная разговором, проследовала через комнату. Трое из них шли босиком, а на четвертой на каждом шагу подворачивались серебряные бальные туфельки, явно с чужой ноги.

One more girl appeared wearing only panties and sat down, bringing the total congregating there in just a few minutes to eleven, all but one of them completely unclothed.	Затем появилась еще одна, доведя таким образом количество членов ассамблеи до одиннадцати, причем все девицы, кроме одной, были в чем мать родила.
There was bare flesh lounging everywhere, most of it plump, and Hungry Joe began to die.	Заморышу Джо стало невмоготу.
He stood stock still in rigid, cataleptic astonishment while the girls ambled in and made themselves comfortable.	Он окаменел.

Then he let out a piercing shriek suddenly and bolted toward the door in a headlong dash back toward the enlisted men's apartment for his camera, only to be halted in his tracks with another frantic shriek by the dreadful, freezing premonition that this whole lovely, lurid, rich and colorful pagan paradise would be snatched away from him irredeemably if he were to	И вдруг с пронзительным воплем стремглав кинулся к дверям за своим фотоаппаратом, который оставил в квартире для сержантско-рядового состава. Но затем Заморыш Джо замер на всем скаку и издал еще один отчаянный вопль: его охватило ужасное, леденящее душу предчувствие, что весь этот красивый, соблазнительный, роскошный и цветистый языческий рай исчезнет бесследно, если он хоть на мгновение оставит его, потеряет из виду.

He stopped in the doorway and sputtered, the wiry veins and tendons in his face and neck pulsating violently.	Заморыш Джо остановился в дверях и сплюнул. Каждая жилка, каждая вена на его лице и шее надулась и неистово пульсировала.

The old man watched him with victorious merriment, sitting in his musty blue armchair like some satanic and hedonistic deity on a throne, a stolen U.S. Army blanket wrapped around his spindly legs to ward off a chill. He laughed quietly, his sunken, shrewd eyes sparkling perceptively with a cynical	Старик - хозяин борделя, присутствовавший на этой ассамблее, - наблюдал за Джо с веселым торжеством. Старик восседал в своем потертом голубом кресле, краденое одеяло с маркой "Армия США" укутывало его худые, как палки, ноги.

He had been drinking.	Он был под хмельком.

Nately reacted on sight with bristling enmity to this wicked, depraved and unpatriotic old man who was old enough to remind him of his father and who made disparaging jokes about America. ' America,' he said, 'will lose the war. And Italy will win it.' ' America is the strongest and most prosperous nation on earth,' Nately informed him with lofty	Нейтли почувствовал явную неприязнь к этому старому грехо-воднику, порочному, нечестивому, лишенному всякого патриотизма человеку. Старик отпускал обидные шуточки в адрес Америки. - Америка, - сказал он, - проиграет войну, а Италия ее выиграет. - Америка - самая сильная и самая преуспевающая нация в мире, -объявил Нейтли с горячностью.

'And the American fighting man is second to none.'	- А что касается американских солдат, то по мужеству они не знают себе равных в мире.
'Exactly,' agreed the old man pleasantly, with a hint of taunting amusement. ' Italy, on the other hand, is one of the least prosperous nations on earth.	- Совершенно верно, - любезно согласился старикашка, и в голосе его послышались насмешливые интонации. - А вот Италия - одна из наименее преуспевающих наций на земле.

And the Italian fighting man is probably second to all. And that's exactly why my country is doing so well in this war while your country is doing so poorly.'	Что же касается итальянских солдат, то они не знают себе равных в мире по трусости. Вот поэтому-то дела нашей страны в этой войне идут так хорошо, а вашей так скверно.
Nately guffawed with surprise, then blushed apologetically for his impoliteness.	Нейтли удивленно загоготал, затем, шокированный собственной невежливостью, виновато покраснел.

'I'm sorry I laughed at you,' he said sincerely, and he continued in a tone of respectful condescension. 'But Italy was occupied by the Germans and is now being occupied by us.	- Простите, что я над вами смеялся, - сказал он вполне искренне и продолжал почтительно-снисходительным тоном: - Но ведь Италия была оккупирована немцами, а теперь -нами.
You don't call that doing very well, do you?'	И после этого вы утверждаете, что дела у вас идут хорошо?

'But of course I do,' exclaimed the old man cheerfully.	- Конечно, утверждаю! - весело воскликнул старик.

'The Germans are being driven out, and we are still here.	- Немцев гонят отсюда в шею, а мы, как были здесь, так и остались.
In a few years you will be gone, too, and we will still be here.	Через несколько лет вы тоже уйдете, а мы по-прежнему останемся.
You see, Italy is really a very poor and weak country, and that's what makes us so strong.	Как видите, Италия и вправду очень бедная и слабая страна, но именно это и делает нас такими сильными.
Italian soldiers are not dying any more. But American and German soldiers are.	Итальянские солдаты больше не умирают на поле боя, а немецкие и американские продолжают умирать.
I call that doing extremely well.	Я сказал бы, что дела у нас идут как нельзя лучше.

Yes, I am quite certain that Italy will survive this war and still be in existence long after your own country has been destroyed.'	Да, я совершенно уверен, что Италия выживет в этой войне и будет существовать даже после того, как ваша страна погибнет.
Nately could scarcely believe his ears.	Нейтли не верил ушам своим.

He had never heard such shocking blasphemies before, and he wondered with instinctive logic why G-men did not appear to lock the traitorous old man up. ' America is not going to be destroyed!' he shouted passionately.	Ему сроду не приходилось слышать столь чудовищных речей, и он невольно удивлялся, почему до сих пор не упрятали этого предателя-старикашку за решетку. - Америка не погибнет никогда! - крикнул он запальчиво.

'Never?' prodded the old man softly. 'Well...' Nately faltered. The old man laughed indulgently, holding in check a deeper, more explosive delight.	- Так уж и никогда? - поддел его старикашка.
His goading remained gentle. ' Rome was destroyed, Greece was destroyed, Persia was destroyed, Spain was destroyed.	- Рим пал, Греция пала, Персия пала, Испания пала.
All great countries are destroyed.	Все мелкие державы рано или поздно погибали.

Why not yours?	Почему же вы думаете, что ваша страна представляет собой исключение?
How much longer do you really think your own country will last?	Как вы думаете, сколько лет будет существовать ваша страна?
Forever?	Вечно?
Keep in mind that the earth itself is destined to be destroyed by the sun in twenty-five million years or so.'	Не забудьте, что сама земля обречена на гибель. Через двадцать пять миллионов лет или что-то в этом духе померкнет солнце.
Nately squirmed uncomfortably.	Нейтли беспокойно заерзал.
'Well, forever is a long time, I guess.'	- Ну знаете, это довольно длительный срок.

'A million years?' persisted the jeering old man with keen, sadistic zest.	Целая вечность. - Что вы называете вечностью? -посмеиваясь, допытывался настырный старикашка.
' A half million?	- Миллион лет? Полмиллиона?

The frog is almost five hundred million years old.	Лягушачье племя, например, существует около пятисот миллионов лет.
Could you really say with much certainty that America, with all its strength and prosperity, with its fighting man that is second to none, and with its standard of living that is the highest in the world, will last as long as... the frog?'	Можете ли вы сказать наверняка, что Америка со всей ее силой и преуспеянием, с ее солдатами, с ее самым высоким уровнем жизни на земле будет существовать так же долго, как лягушачье племя?..

Nately wanted to smash his leering face.	Нейтли так и подмывало дать по этой ехидной морде.
He looked about imploringly for help in defending his country's future against the obnoxious calumnies of this sly and sinful assailant. He was disappointed.	Он пристально осмотрелся, словно хотел призвать кого-нибудь на помощь, чтобы защитить будущее своей страны от несносной клеветы.

Yossarian and Dunbar were busy in a far corner pawing orgiastically at four or five frolicsome girls and six bottles of red wine, and Hungry Joe had long since tramped away down one of the mystic hallways, propelling before him like a ravening despot as many of the broadest-hipped young prostitutes as he could contain in his frail wind-milling arms and cram into one double bed.	Но, к его огорчению, Йоссариан и Данбэр были слишком увлечены девицами, устроившись в дальнем углу комнаты, а Заморыш Джо вообще исчез из поля зрения.
Nately felt himself at an embarrassing loss.	На душе у Нейтли скребли кошки.

His own girl sat sprawled out gracelessly on an overstuffed sofa with an expression of otiose boredom.	Его девица грациозно возлегала на тугой, пружинистой софе с выражением ленивой скуки.
Nately was unnerved by her torpid indifference to him, by the same sleepy and inert poise that he remembered so vivdly, so sweetly, and so miserably from the first time she had seen him and ignored him at the packed penny-ante blackjack game in the living room of the enlisted men's apartment.	Из-за ее полнейшего равнодушия к нему Нейтли совсем пал духом. Вот точно так же сонно и вяло посмотрела она на него во время их первой встречи на квартире сержантско-рядового состава, когда рядовые резались в очко, - посмотрела и отвернулась. Сколько раз потом с такой отчетливостью, сладостью и горечью вспоминал он этот взгляд.

Her lax mouth hung open in a perfect O, and God alone knew at what her glazed and smoky eyes were staring in such brute apathy.	Ее безвольный рот был слегка приоткрыт, будто она собиралась произнести "О", и одному богу было известно, на чем она остановила ленивый, как у коровы, подернутый дымкой, апатичный взгляд.

The old man waited tranquilly, watching him with a discerning smile that was both scornful and sympathetic. A lissome, blond, sinuous girl with lovely legs and honey-colored skin laid herself out contentedly on the arm of the old man's chair and began molesting his angular, pale, dissolute face languidly and coquettishly.	Старик спокойно дожидался ответа, наблюдая за Нейтли с гнусной улыбкой.

Nately stiffened with resentment and hostility at the sight of such lechery in a man so old. He turned away with a sinking heart and wondered why he simply did not take his own girl and go to bed. This sordid, vulturous, diabolical old man reminded Nately of his father because the two were nothing at all alike. Nately's father was a courtly white-haired gentleman who dressed impeccably; this old man was an uncouth bum. Nately's father was a sober, philosophical and responsible man; this old man was

'Well, frankly, I don't know how long America is going to last,' he proceeded dauntlessly.	- Ну... честно говоря, я не знаю, сколько просуществует Америка, - отважно продолжал он.
'I suppose we can't last forever if the world itself is going to be destroyed someday.	- Я так полагаю, если рано или поздно погибнет мир, то и Америка не вечна.
But I do know that we're going to survive and triumph for a long, long time.'	Но зато я знаю точно: сейчас мы выживем, и наш триумф будет продолжаться долго, очень долго.
'For how long?' mocked the profane old man with a gleam of malicious elation.	- Но все же, как долго? - подначивал старикашка в порыве злорадного воодушевления.

'Not even as long as the frog?'	- Надеюсь, не дольше, чем проживет лягушачье племя?
'Much longer than you or me,' Nately blurted out lamely.	- Во всяком случае, гораздо дольше, чем проживем мы с вами, - неудачно выпалил Нейтли.
' Oh, is that all!	- Только и всего-то!
That won't be very much longer then, considering that you're so gullible and brave and that I am already such an old, old man.'	Это не так уж много, если учесть, что вы слишком храбры и легковерны, а я слишком стар.
'How old are you?' Nately asked, growing intrigued and charmed with the old man in spite of himself.	- Сколько же вам лет? - полюбопытствовал Нейтли.

' A hundred and seven.'	- Сто семь.
The old man chuckled heartily at Nately's look of chagrin. 'I see you don't believe that either.'	- Заметив досаду Нейтли, старикашка добродушно захихикал: - Я вижу, вы не верите?
'I don't believe anything you tell me,' Nately replied, with a bashful mitigating smile.	- Я не верю ни единому вашему слову, - ответил Нейтли. Застенчивая улыбка тронула его губы.

'The only thing I do believe is that America is going to win the war.'	- Я твердо верю только в одно: эту войну Америка выиграет.

'You put so much stock in winning wars,' the grubby iniquitous old man scoffed.	- Что вы все твердите выиграет да выиграет, -усмехнулся шальной, замызганный старикашка.
'The real trick lies in losing wars, in knowing which wars can be lost.	- Надо знать, какие войны можно проигрывать, и уметь это делать - в этом вся штука.
Italy has been losing wars for centuries, and just see how splendidly we've done nonetheless.	Италия столетиями проигрывала войны, а тем не менее посмотрите, как отлично у нас идут дела.
France wins wars and is in a continual state of crisis.	Франция выигрывает войны и никогда не вылезает из кризиса.
Germany loses and prospers.	Германия проигрывает и процветает.

Look at our own recent history. Italy won a war in Ethiopia and promptly stumbled into serious trouble.	Возьмем, к примеру, недавнее прошлое нашей страны, Италия победила Эфиопию и тут же влипла в неприятнейшую историю.
Victory gave us such insane delusions of grandeur that we helped start a world war we hadn't a chance of winning.	В результате победы мы стали страдать такой безумной манией величия, что помогли развязать мировую войну, выиграть которую у нас не было ни малейшего шанса.
But now that we are losing again, everything has taken a turn for the better, and we will certainly come out on top again if we succeed in being defeated.'	Зато теперь мы снова проигрываем войну, и все оборачивается к лучшему. И мы наверняка снова пойдем в гору, если ухитримся, чтобы нас хорошенько расколошматили.

Nately gaped at him in undisguised befuddlement.	Нейтли смотрел на него с нескрываемым недоумением.
'Now I really don't understand what you're saying.	- Теперь я в самом деле не понимаю, о чем вы толкуете.
You talk like a madman.'	Вы рассуждаете, как ненормальный.
'But I live like a sane one.	- Наоборот. Я самый нормальный.
I was a fascist when Mussolini was on top, and I am an anti-fascist now that he has been deposed.	Я был фашистом при Муссолини, а теперь его свергли и я - антифашист.

I was fanatically pro-German when the Germans were here to protect us against the Americans, and now that the Americans are here to protect us against the Germans I am fanatically pro-American.	Я был до фанатизма настроен пронемецки, когда немцы пришли сюда, чтобы защитить нас от американцев. Теперь, когда сюда пришли американцы, чтобы защитить нас от немцев, я -фанатичный проамериканец.
I can assure you, my outraged young friend'-the old man's knowing, disdainful eyes shone even more effervescently as Nately's stuttering dismay increased-'that you and your country will have a no more loyal partisan in Italy than me-but only as long as you remain in Italy.'	Позвольте заверить вас, мой юный разгневанный друг, что у вас в вашей стране не найдется более преданного сторонника в Италии, чем я. Разумеется, пока вы здесь остаетесь.

'But,' Nately cried out in disbelief, 'you're a turncoat!	- Так вы хамелеон! - воскликнул Нейтли, не веря своим ушам.
A time-server!	- Вы - флюгер!
A shameful, unscrupulous opportunist!'	Бесстыжий, неразборчивый приспособленец!

'I am a hundred and seven years old,' the old man reminded him suavely.	- Мне сто семь лет, - учтиво напомнил старикашка.
'Don't you have any principles?'	- Неужели у вас нет никаких принципов?
' Of course not.'	- Конечно, нет.
'No morality?'	- И морали?

'Oh, I am a very moral man,' the villainous old man assured him with satiric seriousness, stroking the bare hip of a buxom black-haired girl with pretty dimples who had stretched herself out seductively on the other arm of his chair. He grinned at Nately sarcastically as he sat between both naked girls in smug and threadbare splendor, with a sovereign hand on each.	- О, я человек суровой морали, - с иронической серьезностью заверил его старый негодяй, похлопывая по бедру пухлую брюнетку, примостившуюся на подлокотнике его кресла.

'I can't believe it,' Nately remarked grudgingly, trying stubbornly not to watch him in relationship to the girls. 'I simply can't believe it.'	- Не верится... - проворчал Нейтли.
'But it's perfectly true.	- Все это истинная правда! Ей-богу!
When the Germans marched into the city, I danced in the streets like a youthful ballerina and shouted,	Когда немцы вступали в город, я приплясывал на улице, как молоденькая балерина и до хрипоты кричал:
"Heil Hitler!" until my lungs were hoarse.	"Хайль Гитлер!"

I even waved a small Nazi flag that I snatched away from a beautiful little girl while her mother was looking the other way.	Я даже размахивал нацистским флажком, который вырвал у одной славной девчушки, когда ее мама отвернулась.
When the Germans left the city, I rushed out to welcome the Americans with a bottle of excellent brandy and a basket of flowers.	Но вот немцы оставили город, и я выскочил на улицу с бутылкой отличного брэнди и корзиной цветов, чтобы приветствовать американцев.
The brandy was for myself, of course, and the flowers were to sprinkle upon our liberators.	Бренди, конечно, предназначалось для меня самого, а цветы - чтобы осыпать наших освободителей.

There was a very stiff and stuffy old major riding in the first car, and I hit him squarely in the eye with a red rose.	Помню, в головной машине ехал суровый, чванливый пожилой майор: я угодил ему красной розой прямо в глаз.
A marvelous shot!	Великолепный бросок!
You should have seen him wince.'	Видели бы вы, какую он скорчил рожу!
Nately gasped and was on his feet with amazement, the blood draining from his cheeks.	Нейтли так и ахнул:
' Major-de Coverley!' he cried.	- Майор де Каверли!..
'Do you know him?' inquired the old man with delight.	- А вы его знаете? - восторженно воскликнул старик.

'What a charming coincidence!'	- Какое милое совпадение!
Nately was too astounded even to hear him.	Нейтли не слушал его: он был слишком огорошен.
'So you're the one who wounded Major - de Coverley!' he exclaimed in horrified indignation.	- Так это вы ранили майора де Каверли! -воскликнул вне себя от негодования.

'How could you do such a thing?'	- Да как у вас рука поднялась?
The fiendish old man was unperturbed.	Старый черт и бровью не повел:
'How could I resist, you mean.	- Вы лучше спросите, мог ли я удержаться?

You should have seen the arrogant old bore, sitting there so sternly in that car like the Almighty Himself, with his big, rigid head and his foolish, solemn face.	Видели бы вы этого надменного старого болвана, который восседал в машине с таким важным видом, будто он всемогущий бог. Он сидел, не поворачивая своей дурацкой и торжественной морды.
What a tempting target he made!	Это была такая соблазнительная мишень.
I got him in the eye with an American Beauty rose.	Я вмазал ему прямо в глаз розой сорта "американская красавица".
I thought that was most appropriate. Don't you?'	По-моему, вполне подходящий снаряд, а?
'That was a terrible thing to do!' Nately shouted at him reproachfully.	- Это ужасно! - крикнул Нейтли возмущенно.

' A vicious and criminal thing!	- Это злодейство, преступление.
Major- de Coverley is our squadron executive officer!'	Майор де Каверли - начальник штаба нашей эскадрильи.
'Is he?' teased the unregenerate old man, pinching his pointy jaw gravely in a parody of repentance.	- Ах вот оно что! - издевательски проговорил старикашка. Он с плутоватым раскаянием ущипнул себя за остренький подбородочек.
'In that case, you must give me credit for being impartial.	- Прошу вас поверить, что я действовал совершенно беспристрастно.

When the Germans rode in, I almost stabbed a robust young Oberleutnant to death with a sprig of edelweiss.'	Когда в город въезжали немцы, я пребольно уколол веткой эдельвейса здоровенного молодого обер-лейтенанта.
Nately was appalled and bewildered by the abominable old man's inability to perceive the enormity of his offence.	Больше всего Нейтли смущало и даже пугало то, что этот противный старикашка не способен был даже понять всю низость своей хулиганской выходки.
'Don't you realize what you've done?' he scolded vehemently.	- Да как вы не понимаете, что вы наделали! -бушевал Нейтли.
'Major-de Coverley is a noble and wonderful person, and everyone admires him.'	- Майор де Каверли - благородный, чудесный человек, им восхищаются все.

'He's a silly old fool who really has no right acting like a silly young fool.	- Он старый болван, который не имеет права вести себя, как молодой болван.
Where is he today?	Где он теперь? Что с ним сталось?
Dead?'	Умер?
Nately answered softly with somber awe.	Нейтли ответил почтительно, с мягкой печалью в голосе:

'Nobody knows. He seems to have disappeared.' 'You see? Imagine a man his age risking what little life he has left for something so absurd as a country.' Nately was instantly up in arms again. 'There is nothing so absurd about risking your life for your country!' he declared. 'Isn't there?' asked the old man. 'What is a country? A country is a piece of land surrounded on all sides by boundaries, usually unnatural. Englishmen are dying for England, Americans are dying for America, Germans are dying for Germany, Russians are dying for

Nately turned to ask his friends and discovered they had gone. Yossarian and Dunbar had both disappeared.	Нейтли обернулся на своих приятелей и обнаружил, что Йоссариан и Данбэр, как и Заморыш Джо, исчезли.
The old man roared with contemptuous merriment at Nately's look of embarrassed surprise.	При виде озадаченного лица Нейтли старикашка разразился оскорбительным смехом.
Nately's face darkened with shame.	Нейтли вспыхнул, щеки его заалели.

He vacillated helplessly for a few seconds and then spun himself around and fled inside the nearest of the hallways in search of Yossarian and Dunbar, hoping to catch them in time and bring them back to the rescue with news of the remarkable clash between the old man and Major-de Coverley. All the doors in the hallways were shut.	Несколько мгновений он беспомощно озирался, а затем ринулся в ближайший коридор на поиски Йоссариана и Данбэра, намереваясь рассказать им об удивительном случае - о том, что произошло между старикашкой и майором де Каверли, но в коридоре все двери были заперты.
There was light under none.	Ни под одной дверью не пробивался свет.
It was already very late.	Было уже слишком поздно.

Nately gave up his search forlornly.	Помрачневший Нейтли прекратил поиски.

There was nothing left for him to do, he realized
finally, but get the girl he was in love with and lie down with her somewhere to make tender, courteous love to her and plan their future together; but she had gone off to bed, too, by the time he returned to the sitting room for her, and
there was nothing left for him to do then but resume his abortive discussion with the loathsome old man, who rose from his armchair with jesting civility and excused himself for the night, abandoning
Nately there with two bleary-eyed girls who could not tell him into

Вскоре он понял, что самое лучшее - вернуться к своей возлюбленной и поговорить с ней о будущем. Но когда он появился в гостиной, его девица уже ушла спать. Нейтли решил было возобновить бесплодную дискуссию с забубенным старикашкой. Однако тот встал с кресла и, извинившись с утрированной вежливостью, оставил Нейтли в гостиной, где ему предстояло ночевать в одиночестве на крохотном ухабистом диванчике - все девицы к тому времени уже разошлись кто куда. На следующее утро Нейтли

Nately was a sensitive, rich, good-looking boy with dark hair, trusting eyes, and a pain in his neck when he awoke on the sofa early the next morning and wondered dully where he was.	Нейтли был чувствительным парнем с приятной наружностью. У него были темные волосы, доверчивые глаза, счастливое детство и обеспеченные родители.

His nature was invariably gentle and polite. He had lived for almost twenty years without trauma, tension, hate, or neurosis, which was proof to Yossarian of just how crazy he really was. His childhood had been a pleasant, though disciplined, one. He got on well with his brothers and sisters, and he did not hate his mother and father, even though they had both been very good to him.	Неизменно вежливый, мягкий по натуре, он прожил свои девятнадцать с лишним лет без душевных травм, потрясений и неврозов. Для Йоссариана все это было лишним доказательством ненормальности Нейтли.

Nately had been brought up to detest people like Aarfy, whom his mother characterized as climbers, and people like Milo, whom his father characterized as pushers, but he had never learned how, since he had never been permitted near them.	Нейтли с детства прививалось отвращение к таким людям, как Аарфи. Его мать, происходившая из старинного семейства, называла таких "пронырами", а людей типа Милоу отец Нейтли называл "рвачами", но что это значит на деле, Нейтли так и не удалось узнать, ибо ему и близко не позволялось подходить к подобным типам.

As far as he could recall, his homes in Philadelphia, New York, Maine, Palm Beach, Southampton, London, Deauville, Paris and the south of France had always been crowded only with ladies and gentlemen who were not climbers or pushers. Nately's mother, a descendant of the New England Thorntons, was a Daughter of the American Revolution. His father was a Son of a Bitch.	Насколько Нейтли мог припомнить, в многочисленных домах его родителей - в Филадельфии, Нью-Йорке, Мейне, Палм-Биче, Саутгемптоне, Лондоне, Довилле, Париже и на юге Франции - его всегда окружали леди и джентльмены, которые не были ни "пронырами", ни "рвачами".

'Always remember,' his mother had reminded him frequently, 'that you are a Nately.	- Помни всегда, - часто напоминала ему мать, -что ты - Нейтли.

You are not a Vanderbilt, whose fortune was made by a vulgar tugboat captain, or a Rockefeller, whose wealth was amassed through unscrupulous speculations in crude petroleum; or a Reynolds or Duke, whose income was derived from the sale to the unsuspecting public of products containing cancer- causing resins and tars; and you are certainly not an Astor, whose family, I believe, still lets rooms.	Ты - не Вандербильд, чье состояние заработано вульгарным капитаном буксира, не Рокфеллер, чье богатство накопле- но с помощью грязных нефтяных махинаций, не Рейнолдс и не Дьюк -они нажились на прода- же легковерным людям продуктов, от которых появляются раковые опу- холи. И, разумеется, ты - не Астор, чья семья, не сомневаюсь, до сих пор еще сдает комнаты.

You are a Nately, and the Nately s have never done anything for their money.'	Ты - Нейтли, а Нейтли еще не сделали ничего ради денег.
'What your mother means, son,' interjected his father affably one time with that flair for graceful and economical expression Nately admired so much, 'is that old money is better than new money and that the newly rich are never to be esteemed as highly as the newly poor.	- Твоя мать хочет сказать, сынок, - как-то вежливо вмешался отец, - что старое состояние лучше вновь приобретенного и что недавно разбогатевшие никогда не пользуются таким уважением, как недавно обедневшие.
Isn't that correct, my dear?	Правильно, дорогая?

Nately's father brimmed continually with sage and sophisticated counsel of that kind.	Нейтли всегда восхищала в отце способность обходиться короткими изящными формулировками.
He was as ebullient and ruddy as mulled claret, and Nately liked him a great deal, although he did not like mulled claret.	Отец Нейтли постоянно изрекал подобные мудрые и глубокомысленные сентенции. Красноликий и горячий, он напоминал сыну подогретый кларет, хотя Нейтли любил отца, но не любил подогретого кларета.

When war broke out, Nately's family decided that he would enlist in the armed forces, since he was too young to be placed in the diplomatic service, and since his father had it on excellent authority that Russia was going to collapse in a matter of weeks or months and that Hitler, Churchill, Roosevelt, Mussolini, Gandhi, Franco, Peron and the Emperor of Japan would then all sign a peace treaty and live together happily ever after.	Когда разразилась война, семья Нейтли решила, что их сын должен пойти в армию, поскольку он слишком молод для дипломатической службы и поскольку отец Нейтли располагал надежной информацией, что гибель России - дело нескольких недель или месяцев, после чего Гитлер, Черчилль, Рузвельт, Муссолини, Ганди, Франко, Перон и японский император подпишут мирный договор и заживут в вечном счастии и согласии.

It was Nately's father's idea that he join the Air Corps, where he could train safely as a pilot while the Russians capitulated and the details of the armistice were worked out, and where, as an officer, he would associate only with gentlemen.	Именно по совету отца Нейтли пошел в авиацию. Пока он безмятежно учится на пилота, полагал отец, русские капитулируют, будет подписано перемирие, и Нейтли-младший, который к тому времени станет офицером, будет общаться с одними лишь джентльменами.

Instead, he found himself with Yossarian, Dunbar and Hungry Joe in a whore house in Rome, poignantly in love with an indifferent girl there with whom he finally did lie down the morning after the night he slept alone in the sitting room, only to be interrupted almost immediately by her incorrigible kid sister, who came bursting in without warning and hurled herself onto the bed jealously so that Nately could embrace her, too. Nately's whore sprang up snarling to whack her angrily

А вместо этого Нейтли-младший очутился вместе с Йоссарианом, Данбэром и Заморышем Джо в Риме, в публичном доме, терзаясь от любви

He asked his girl to get dressed and took her downstairs for breakfast.	Пришлось одеться и спуститься вниз позавтракать.
The kid sister tagged along, and Nately felt like the proud head of a family as the three of them ate respectably in a nearby open-air café.	Сестренка увязалась за ними, и, когда они втроем чинно завтракали в ближайшем кафе, Нейтли чувствовал себя гордым главой семейства.

But Nately's whore was already bored by the time they started back, and she decided to go streetwalking with two other girls rather than spend more time with him. Nately and the kid sister followed meekly a block behind, the ambitious youngster to pick up valuable pointers, Nately to eat his liver in mooning frustration, and both were saddened when the girls were stopped by soldiers in a staff car and driven away.	Но на обратном пути нейтлева подружка заскучала и, не желая тратить попусту время с Нейтли, решила прошвырнуться по улице со своими двумя товарками.

Nately went back to the café and bought the kid sister chocolate ice cream until her spirits improved and then returned with her to the apartment, where Yossarian and Dunbar were flopped out in the sitting room with an exhausted Hungry Joe, who was still wearing on his battered face the blissful, numb, triumphant smile with which he had limped into view from his massive harem that morning like a person with numerous broken bones.	Нейтли вернулся в кафе и угостил девочку шоколадным мороженым, отчего она заметно повеселела. Когда они вернулись в бордель, утомившиеся Йоссариан и Данбэр валялись в гостиной в обществе изможденного Заморыша Джо, на помятой морде которого застыла туповатая, блаженная, победоносная улыбка. С этой улыбкой он и появился поутру в гостиной, приковыляв из своего обширного гарема походкой человека, которому переломали все кости.

The lecherous and depraved old man was delighted with Hungry Joe's split lips and black-and-blue eyes.	Распухшие губы и синяки под глазами Заморыша Джо привели старикашку-хозяина в восторг.
He greeted Nately warmly, still wearing the same rumpled clothes of the evening before.	Одетый в ту же изжеванную рубаху, что и накануне, старик тепло приветствовал Нейтли.

Nately was profoundly upset by his seedy and disreputable appearance, and whenever he came to the apartment he wished that the corrupt, immoral old man would put on a clean Brooks Brothers shirt, shave, comb his hair, wear a tweed jacket, and grow a dapper white mustache so that Nately would not have to suffer such confusing shame each time he looked at him and was reminded of his father.	Обтрепанный, непристойный вид старика глубоко удручал Нейтли. Всякий раз, когда он входил в публичный дом, ему хотелось, чтобы этот беспутный старик надел бы новую рубашку из магазина "Братья Брукс", побрился, причесался, облачился в пиджак из твида и отрастил бы щеголеватые седые усы, такие же, как у отца Нейтли.

Milo April had been the best month of all for Milo.	24. Милоу Апрель был самым любимым месяцем Милоу.
Lilacs bloomed in April and fruit ripened on the vine.	В апреле распускались лилии, а на виноградных лозах наливались соками гроздья.
Heartbeats quickened and old appetites were renewed.	Сердце билось чаще, и прежние желания вспыхивали с новой силой.
In April a livelier iris gleamed upon the burnished dove.	В апреле оперение голубей еще ярче отливало радужным сияньем.
April was spring, and in the spring Milo Minderbinder's fancy had lightly turned to thoughts of tangerines.	Апрель - это весна, а весной мечты Милоу Миндербиндера как-то сами собой обращались к мандаринам.
' Tangerines?'	- Мандарины?

'Yes, sir.'	- Да, сэр.
'My men would love tangerines,' admitted the colonel in Sardinia who commanded four squadrons of B-26s.	- Моим ребятам мандарины пришлись бы по душе, - согласился полковник с Сардинии, командовавший четырьмя эскадрильями бомбардировщиков Б-25.
'There'll be all the tangerines they can eat that you're able to pay for with money from your mess fund,' Milo assured him.	- У них будет столько мандаринов, сколько душе угодно, если ваша столовая раскошелится, -заверил его Милоу.
'Casaba melons?'	- А дыни из Касабы?
' Are going for a song in Damascus.'	- Почти задаром продаются в Дамаске.
' I have a weakness for casaba melons.	- Дыни из Касабы - моя слабость.

I've always had a weakness for casaba melons.'	Я всегда был неравнодушен к дыням из Касабы...
'Just lend me one plane from each squadron, just one plane, and you'll have all the casabas you can eat that you've money to pay for.'	- Одолжите мне по самолету из каждой эскадрильи, всего по одному самолету, и у вас будет столько дынь из Касабы, сколько душе угодно, если ваша столовая раскошелится.
' We buy from the syndicate?'	- Мы покупаем у синдиката? - Разумеется.
' And everybody has a share.'	И у каждого члена синдиката свой пай.
'It's amazing, positively amazing.	- Поразительно, право, поразительно!
How can you do it?'	Как вам это удается?

'Mass purchasing power makes the big difference.	- Оптовые закупки имеют свои преимущества.
For example, breaded veal cutlets.'	Возьмем, к примеру, телячьи отбивные...

'I'm not so crazy about breaded veal cutlets,' grumbled the skeptical B-25 commander in the north of Corsica.	- Я не в восторге от телячьих отбивных, -проворчал скептически настроенный командир бомбардировщика Б-25 на севере Корсики.
'Breaded veal cutlets are very nutritious,' Milo admonished him piously.	- Но телячьи котлеты очень питательны, - тоном проповедника увещевал его Милоу.
'They contain egg yolk and bread crumbs.	- В них добавляется яичный желток, и к тому же они обваляны в сухарях.

And so are lamb chops.'	Кстати, бараньи отбивные не уступают телячьим.
' Ah, lamb chops,' echoed the B-25 commander.	- О, бараньи отбивные! - оживился командир.
' Good lamb chops?'	- И хорошие отбивные?
'The best,' said Milo, 'that the black market has to offer.'	- Самые лучшие, которые может предложить черный рынок, - ответил Милоу.
' Baby lamb chops?'	- Из молодых барашков?
'In the cutest little pink paper panties you ever saw.	- И даже с косточкой, обернутой в элегантные розовые салфеточки. Вы и не видели таких.
Are going for a song in Portugal.'	Почти задаром продаются в Португалии.
' I can't send a plane to Portugal.	- Я не могу послать самолет в Португалию.

I haven't the authority.'	Не имею права.
'I can, once you lend the plane to me.	- Зато я могу, как только вы дадите мне самолет.
With a pilot to fly it.	И пилота.
And don't forget- you'll get General Dreedle.'	И не забудьте - к вам пожалует генерал Дридл.
'Will General Dreedle eat in my mess hall again?'	- Неужели генерал Дридл опять заявится в мою столовую?
'Like a pig, once you start feeding him my best white fresh eggs fried in my pure creamery butter.	- Разумеется. Особенно если вы угостите его яичницей из свежих синдикатских яиц, зажаренной на чистейшем сливочном масле.

There'll be tangerines too, and casaba melons, honeydews, filet of Dover sole, baked Alaska, and cockles and mussels.'	Кроме того, будут мандарины, дыни из Касабы, филе по-дуврски, устрицы и лангусты.
' And everybody has a share?'	- И каждый имеет свой пай?
' That,' said Milo, 'is the most beautiful part of it.'	- В том-то и вся прелесть, - сказал Милоу.
'I don't like it,' growled the unco-operative fighter-plane commander, who didn't like Milo either.	- Мне это не нравится, - буркнул один летчик-истребитель, человек несговорчивый и вообще не любивший Милоу.

'There's an uncooperative fighter-plane commander up north who's got it in for me,' Milo complained to General Dreedle.	- Есть один летчик-истребитель с севера, который не желает сотрудничать и мешает мне работать, -пожаловался Милоу генералу Дридлу.
'It takes just one person to ruin the whole thing, and then you wouldn't have your fresh eggs fried in my pure creamery butter any more.'	- Из-за одного человека может развалиться все дело, и вы не сможете больше есть яичницу из свежих яиц, поджаренную на чистейшем сливочном масле.

General Dreedle had the unco-operative fighter-plane commander transferred to the Solomon Islands to dig graves and replaced him with a senile colonel with bursitis and a craving for litchi nuts who introduced Milo to the B-17 general on the mainland with a yearning for Polish sausage.	Г енерал Дридл перевел несговорчивого летчика-истребителя рыть могилы на Соломоновы острова, а на его место назначил дряхлого полковника с острым геморроем и нежной любовью к земляным орехам. Этот полковник познакомил Милоу с генералом, который служил на материке, командовал соединением бомбардировщиков Б-17 и обожал краковскую колбасу.
'Polish sausage is going for peanuts in Cracow,' Milo informed him.	- В Кракове колбаса хорошо идет в обмен на земляные орехи, - сообщил ему Милоу.
'Polish sausage,' sighed the general nostalgically.	- Ах, краковская колбаса, - с тоской вздохнул генерал.

'You know, I'd give just about anything for a good hunk of Polish sausage.	- Я отдал бы все на свете за хороший кусок краковской колбасы.
Just about anything.'	Почти все на свете.
' You don't have to give anything.	- Для этого не нужно отдавать все на свете.
Just give me one plane for each mess hall and a pilot who will do what he's told.	Дайте мне только по одному самолету из расчета на каждую столовую и пилота, который будет делать все, что ему прикажут.
And a small down payment on your initial order as a token of good faith.'	И кроме того, пусть мне по вашей записке выдадут скромную сумму наличными - в знак вашего доверия ко мне.

'But Cracow is hundreds of miles behind the enemy lines.	- Но ведь Краков - на вражеской территории, за сотню миль по ту сторону фронта.
How will you get to the sausage?'	Как же вы собираетесь добывать колбасу?
'There's an international Polish sausage exchange in Geneva.	- Да будет вам известно, сэр, что в Женеве существует международная биржа по обмену краковской колбасы.
I'll just fly the peanuts into Switzerland and exchange them for Polish sausage at the open market rate.	Я только отвезу в Швейцарию земляные орехи и обменяю их по существующим на открытом рынке ценам на колбасу.

They'll fly the peanuts back to Cracow and I'll fly the Polish sausage back to you.	Оттуда земляные орехи отвезут в Краков, а я доставлю вам колбасу.
You buy only as much Polish sausage as you want through the syndicate.	Вы сможете купить у синдиката столько колбасы, сколько душе угодно.
There'll be tangerines too, with only a little artificial coloring added. And eggs from Malta and Scotch from Sicily.	Кроме того, я могу предложить чуть-чуть недозревшие мандарины (вы не волнуйтесь, мы их подкрасим!), а также яйца с Мальты и виски из Сицилии.

You'll be paying the money to yourself when you buy from the syndicate, since you'll own a share, so you'll really be getting everything you buy for nothing.	Покупая у синдиката, пайщиком которого вы являетесь, вы будете платить деньги как бы самому себе. Таким образом, все, что вы купите, вам ничего не будет стоить.
Doesn't that makes sense?'	Разумно, а?
' Sheer genius.	- Просто гениально.

How in the world did you ever think of it?'	И как вы только до этого додумались?
'My name is Milo Minderbinder.	- Меня зовут Милоу Миндербиндер.
I am twenty-seven years old.'	Мне двадцать семь лет.

Milo Minderbinder's planes flew in from everywhere, the pursuit planes, bombers, and cargo ships streaming into Colonel Cathcart's field with pilots at the controls who would do what they were told.	Самолеты Милоу Миндербиндера летели отовсюду: истребители, бомбардировщики, транспортные садились на аэродром полковника Кэткарта. Пилоты беспрекословно выполняли приказы Милоу.

The planes were decorated with flamboyant squadron emblems illustrating such laudable ideals as Courage, Might, Justice, Truth, Liberty, Love, Honor and Patriotism that were painted out at once by Milo's mechanics with a double coat of flat white and replaced in garish purple with the stenciled name M & M ENTERPRISES, FINE FRUITS AND PRODUCE.	Яркие эмблемы эскадрильи на фюзеляжах самолетов, символизирующие такие высокие идеалы, как Смелость, Мощь, Справедливость, Истина, Свобода, Любовь, Честь и Патриотизм, механики Милоу сразу же замазывали двойным слоем белой краски и выводили по трафарету:

The 'M & M' In	"Фирма М. и М. Свежие фрукты и другие продукты".
'M & M ENTERPRISES' stood for Milo & Minderbinder, and the & was inserted, Milo revealed candidly, to nullify any impression that the syndicate was a one-man operation.	"М. и М." в этой надписи означало "Милоу и Миндербиндер", а союз "и", как откровенно признался Милоу, был вставлен, чтобы не создавалось впечатления, будто синдикатом управляет один человек.

Planes arrived for Milo from airfields in Italy, North Africa and England, and from Air Transport Command stations in Liberia, Ascension Island, Cairo, and Karachi.	Самолеты Милоу прибывали из Италии, Северной Африки и Англии, с аэродромов воздушной транспортной службы в Либерии, с острова Вознесения, из Каира и Карачи.

Pursuit planes were traded for additional cargo ships or retained for emergency invoice duty and small-parcel service; trucks and tanks were procured from the ground forces and used for short-distance road hauling.	Милоу менял самолеты-истребители на дополнительные транспортные машины или использовал их для срочной переброски накладных и бандеролей. Грузовики и танки, закупленные в наземных войсках, использовались для перевозок на короткие расстояния.
Everybody had a share, and men got fat and moved about tamely with toothpicks in their greasy lips.	Каждый имел свой пай, люди толстели на глазах и лениво бродили с зубочистками, поблескивая сальными губами.

Milo supervised the whole expanding operation by himself.	Милоу лично руководил всеми этими обширными операциями.
Deep otter-brown lines of preoccupation etched themselves permanently into his careworn face and gave him a harried look of sobriety and mistrust.	Г лубокие коричневатые морщины, избороздившие его утомленное лицо, казалось, навсегда запечатлели на нем озабоченность, спешку, настороженность и серьезность.
Everybody but Yossarian thought Milo was a jerk, first for volunteering for the job of mess officer and next for taking it so seriously.	Все, кроме Йоссариана, считали, что Милоу просто хлопотун по натуре: во-первых, потому, что добровольно работает в офицерской столовой; во-вторых, потому, что принимает ее нужды так близко к сердцу.

Yossarian also thought that Milo was a jerk; but he also knew that Milo was a genius.	Йоссариан тоже считал, что Милоу - хлопотун, но, кроме того, он знал, что Милоу - гений.
One day Milo flew away to England to pick up a load of Turkish halvah and came flying back from Madagascar leading four German bombers filled with yams, collards, mustard greens and black- eyed Georgia peas.	Однажды Милоу выле- тел в Англию за турец- кой халвой, а на обрат- ном пути пригнал с Ма- дагаскара четыре немец- ких бомбардировщика, груженных джемом, гор- чицей и зеленым горош- ком.

Milo was dumbfounded when he stepped down to the ground and found a contingent of armed M.P.s waiting to imprison the German pilots and confiscate their planes.	Милоу был оскорблен до глубины души, когда, ступив на землю, увидел наряд вооруженной во- енной полиции, прибыв- шей на аэродром, чтобы арестовать немецких пи- лотов и конфисковать самолеты.
Confiscate!	Конфисковать!

The mere word was anathema to him, and he stormed back and forth in excoriating condemnation, shaking a piercing finger of rebuke in the guilt-ridden faces of Colonel Cathcart, Colonel Korn and the poor battle-scarred captain with the submachine gun who commanded the M.P.s. 'Is this Russia?' Milo assailed them incredulously at the top of his voice.	Само это слово звучало для него анафемой. Он заметался, изрыгая проклятия и укоризненно махая пальцем перед носом виновато съежившихся Кэткарта и Корна. На исполосованное шрамами лицо бедняги капитана, командовавшего военной полицией, было жалко смотреть.
'Confiscate?' he shrieked, as though he could not believe his own ears.	- Конфисковать? - набросился на него Милоу.

'Since when is it the policy of the American government to confiscate the private property of its citizens?	- С каких это пор полиция американского правительства конфискует частную собственность своих граждан?
Shame on you!	Позор! Позор!
Shame on all of you for even thinking such a horrible thought.'	Стыдитесь! И как вам могло прийти такое в голову!
'But Milo,' Major Danby interrupted timidly, 'we're at war with Germany, and those are German planes.'	- Но, Милоу, - робко прервал его майор Дэнби, -мы находимся в состоянии войны с Германией, а ведь это вражеские самолеты.
' They are no such thing!' Milo retorted furiously.	- Ничего подобного! - пылко возразил Милоу.

'Those planes belong to the syndicate, and everybody has a share.	- Самолеты принадлежат синдикату, в котором каждый имеет свою долю.
Confiscate?	Конфисковать?
How can you possibly confiscate your own private property?	Как вы можете конфисковать свою собственную частную собственность?
Confiscate, indeed!	Подумать только - конфисковать!
I've never heard anything so depraved in my whole life.'	Ничего более безнравственного я не встречал в своей жизни.

And sure enough, Milo was right, for when they looked, his mechanics had painted out the German swastikas on the wings, tails and fuselages with double coats of flat white and stenciled in the words M & M ENTERPRISES, FINE FRUITS AND PRODUCE.	Разумеется, Милоу оказался прав. Когда они взглянули на самолеты, то выяснилось, что механики уже успели замазать двойным слоем белой краски фашистскую свастику на крыльях, хвостах и фюзеляжах и вместо свастики вывели по трафарету: "Фирма М. и М. Свежие фрукты и другие продукты".

Right before their eyes he had transformed his syndicate into an international cartel.	Прямо у всех на глазах Милоу превращал свой синдикат в международный картель.
Milo's argosies of plenty now filled the air.	Торговые каравеллы Милоу бороздили небо вдоль и поперек.

Planes poured in from Norway, Denmark, France, Germany, Austria, Italy, Yugoslavia, Romania, Bulgaria, Sweden, Finland, Poland- from everywhere in Europe, in fact, but Russia, with whom Milo refused to do business.	Самолеты мчались стаями из Норвегии, Дании, Франции, Германии, Австрии, Италии, Швеции, Финляндии - словом, из всех уголков Европы.

When everybody who was going to had signed up with M & M Enterprises, Fine Fruits and Produce, Milo created a wholly owned subsidiary, M & M Fancy Pastry, and obtained more airplanes and more money from the mess funds for scones and crumpets from the British Isles, prune and cheese Danish from Copenhagen, éclairs, cream puffs, Napoleons and petits fours from Paris, Reims and Grenoble, Kugelhopf, pumpernickel and	Когда все желающие подписали торговые соглашения с фирмой "М. и М. Свежие фрукты и другие продукты", Милоу создал находившийся в его безраздельном владении филиал "М. и М. Оригинальные сладости" и стал добиваться новых самолетов и новых денег из фондов столовых, чтобы закупать лепешки и сдобные булочки на Британских островах, чернослив и датский сыр в Копенгагене, эклеры, взбитый крем и пирожные наполеон в Париже, Реймсе и Гренобле, кугельхопф и пфеферкухен в Берлине, торты в Вене, штрудель в

Each morning Milo sent planes aloft all over Europe and North Africa hauling long red tow signs advertising the day's specials in large square letters: 'EYEROUND, 79¢... WHITING, 21¢.'	Каждое утро Милоу рассылал по всей Европе и Северной Африке самолеты, которые тащили за собой рекламные полотнища. Огромными буквами на них было начертано: "ЯИЧНИЦА-ГЛАЗУНЬЯ - 79 центов, ФОРШМАК - 21 цент".
He boosted cash income for the syndicate by leasing tow signs to Pet Milk, Gaines Dog Food, and Noxzema.	Милоу увеличил наличные поступления в кассу синдиката, выделив несколько самолетов под рекламу собачьих консервов Гейнца и изделий других известных фирм.

In a spirit of civic enterprise, he regularly allotted a certain amount of free aerial advertising space to General Peckem for the propagation of such messages in the public interest as NEATNESS COUNTS, HASTE MAKES WASTE, and THE FAMILY THAT PRAYS TOGETHER STAYS TOGETHER.	Проявляя дух сотрудничества, Милоу регулярно предоставлял свободную часть своей летающей рекламы в распоряжение пропагандистского аппарата генерала Пеккема для таких глубоко поучительных лозунгов, как "ЧИСТОТА - ЗАЛОГ ЗДОРОВЬЯ", "ПОСПЕШИШЬ - ЛЮДЕЙ НАСМЕШИШЬ", "СЕМЬЯ, ЧТО ВМЕСТЕ МОЛИТСЯ, ВОВЕКИ НЕ РАСКОЛЕТСЯ".

Milo purchased spot radio announcements on Axis Sally's and Lord Haw Haw's daily propaganda broadcasts from Berlin to keep things moving.	Во избежание застоя в делах Милоу приобрел право передавать свою рекламу через местные радиостанции лорда Хау-Хау и Эксис Сэлли в Берлине.
Business boomed on every battlefront.	В общем, бизнес процветал на всех фронтах.
Milo's planes were a familiar sight.	Все привыкли к самолетам Милоу.

They had freedom of passage everywhere, and one day Milo contracted with the American military authorities to bomb the German-held highway bridge at Orvieto and with the German military authorities to defend the highway bridge at Orvieto with antiaircraft fire against his own attack.	Они беспрепятственно летали повсюду. Однажды Милоу заключил контракт с американскими военными властями, подрядившись разбомбить немецкий шоссейный мост у Орвьетто, а с германскими военными властями - защищать тот же самый объект огнем зенитной артиллерии от собственного нападения.

His fee for attacking the bridge for America was the total cost of the operation plus six per cent and his fee from Germany for defending the bridge was the same cost-plus-six agreement augmented by a merit bonus of a thousand dollars for every American plane he shot down.	Его гонорар за налет на мост во имя Америки складывался из общей стоимости всей операции плюс шесть процентов. Гонорар со стороны немцев составлял такую же сумму плюс поощрительная премия - по тысяче долларов за каждый сбитый самолет.

The consummation of these deals represented an important victory for private enterprise, he pointed out, since the armies of both countries were socialized institutions.	Реализация этих сделок, указывал Милоу, знаменовала важную победу частного предпринимательства, поскольку до этого армии обеих держав были национализированными предприятиями.

Once the contracts were signed, there seemed to be no point in using the resources of the syndicate to bomb and defend the bridge, inasmuch as both governments had ample men and material right there to do so and were perfectly happy to contribute them, and in the end Milo realized a fantastic profit from both halves of his project for doing nothing more than signing his name twice.	Как только контракты были подписаны, оказалось, что нет нужды тратить деньги синдиката на то, чтобы бомбить или защищать мост, ибо оба правительства располагали у Орвьето достаточным количеством войск и материальных средств и могли решить эти задачи без помощи Милоу.

The arrangements were fair to both sides.	Они были просто счастливы израсходовать и то и другое.

Since Milo did have freedom of passage everywhere, his planes were able to steal over in a sneak attack without alerting the German antiaircraft gunners; and since Milo knew about the attack, he was able to alert the German antiaircraft gunners in sufficient time for them to begin firing accurately the moment the planes came into range.	В итоге Милоу извлек фантастический доход из обеих сделок, хотя его роль свелась к тому, что он только дважды поставил свою подпись. Соглашения были справедливыми по отношению к обеим сторонам: поскольку Милоу пользовался неограниченной свободой передвижения, его самолеты могли незаметно подкрасться и застать врасплох немецких зенитчиков. С другой стороны, поскольку Милоу знал о своей атаке заблаговременно, он мог предупредить немецких зенитчиков, чтобы они успели вовремя открыть огонь.

It was an ideal arrangement for everyone but the dead man in Yossarian's tent, who was killed over the target the day he arrived.	Это было идеальное соглашение для всех, кроме покойника из палатки Йоссариана, убитого над целью в день своего, прибытия.
'I didn't kill him!' Milo kept replying passionately to Yossarian's angry protest.	- Я не убивал его! - с жаром возражал Милоу возмущенному Йоссариану.
'I wasn't even there that day, I tell you.	- Говорю же, меня там даже не было.
Do you think I was down there on the ground firing an antiaircraft gun when the planes came over?'	Уж не думаешь ли ты, что я стоял у зениток и стрелял по самолетам?

'But you organized the whole thing, didn't you?' Yossarian shouted back at him in the velvet darkness cloaking the path leading past the still vehicles of the motor pool to the open-air movie theater.	- А разве не ты затеял все это дело? - закричал Йоссариан в ответ.
'And I didn't organize anything,' Milo answered indignantly, drawing great agitated sniffs of air in through his hissing, pale, twitching nose.	- Ничего я не затевал! - с негодованием возразил Милоу и от возбуждения громко зашмыгал своим бледным, подрагивающим носом.

'The Germans have the bridge, and we were going to bomb it, whether I stepped into the picture or not.	- Мы так или иначе собирались бомбить этот мост независимо от моего намерения включиться в это дело.
I just saw a wonderful opportunity to make some profit out of the mission, and I took it.	Просто я увидел прекрасную возможность извлечь кое-какой доход из этой операции, и я извлек его.
What's so terrible about that?'	Что тут ужасного?
'What's so terrible about it?	- Что ужасного, Милоу?
Milo, a man in my tent was killed on that mission before he could even unpack his bags.'	А то, что мой сосед по палатке был убит прежде, чем успел распаковать свой чемодан.

'But I didn't kill him.'	- Но не я же убил его!
' You got a thousand dollars extra for it.'	- Ты получил за это тысячу долларов прибыли.
'But I didn't kill him.	- Но я не убивал его!
I wasn't even there, I tell you.	Меня даже не было там!
I was in Barcelona buying olive oil and skinless and boneless sardines, and I've got the purchase orders to prove it. And I didn't get the thousand dollars.	Я был в Барселоне и закупал оливковое масло и сардины. Я могу доказать это товарными накладными, И потом я не получал денег.
That thousand dollars went to the syndicate, and everybody got a share, even you.'	Эта тысяча долларов пошла синдикату, а в нем каждый, даже ты, имеет свой пай.

Milo was appealing to Yossarian from the bottom of his soul.	- Милоу говорил искренне, от всего сердца.
'Look, I didn't start this war, Yossarian, no matter what that lousy Wintergreen is saying.	- Послушай, Йоссариан, что бы там ни твердил этот чертов Уинтергрин, не я затеял эту войну.
I'm just trying to put it on a businesslike basis.	Я только пытаюсь поставить ее на деловую основу.
Is anything wrong with that?	Ну что здесь такого особенного?
You know, a thousand dollars ain't such a bad price for a medium bomber and a crew.	Знаешь, тысяча долларов - не такая уж и плохая цена за бомбардировщик среднего радиуса действия вместе с экипажем.

If I can persuade the Germans to pay me a thousand dollars for every plane they shoot down, why shouldn't I take it?'	Если имеется возможность договориться с немцами платить мне за каждый сбитый самолет, почему я должен отказываться от денег?
'Because you're dealing with the enemy, that's why.	- Потому что ты имеешь дело с врагами, вот почему.
Can't you understand that we're fighting a war?	Неужели ты не можешь понять, что мы ведем войну?

People are dying.	Люди умирают.
Look around you, for Christ's sake!'	Посмотри вокруг себя, ради бога.
Milo shook his head with weary forbearance.	Милоу нетерпеливо затряс головой.

' And the Germans are not our enemies,' he declared.	- Но немцы нам не враги, - заявил он.
' Oh I know what you're going to say.	- О, я знаю, что ты собираешься сказать.
Sure, we're at war with them.	Конечно, мы находимся с ними в состоянии войны.
But the Germans are also members in good standing of the syndicate, and it's my job to protect their rights as shareholders.	Но немцы к тому же и члены хорошо организованного синдиката, и в мои обязанности входит охранять их права как держателей акций.

Maybe they did start the war, and maybe they are killing millions of people, but they pay their bills a lot more promptly than some allies of ours I could name. Don't you understand that I have to respect the sanctity of my contract with Germany?	Допустим, войну начали они; допустим, они убивают миллионы людей, но они платят по счетам более аккуратно, чем некоторые наши союзники, я мог бы назвать их... Неужели ты не понимаешь, что я должен свято блюсти мои контракты с Германией?
Can't you see it from my point of view?'	Неужели ты не можешь этого понять?
'No,' Yossarian rebuffed him harshly.	- Нет, - отрезал Йоссариан.

Milo was stung and made no effort to disguise his wounded feelings.	Милоу был оскорблен в своих лучших чувствах и не пытался этого скрывать.
It was a muggy, moonlit night filled with gnats, moths, and mosquitoes.	Стояла душная лунная ночь, кишевшая мошками, молью и комарами.

Milo lifted his arm suddenly and pointed toward the open-air theater, where the milky, dust-filled beam bursting horizontally from the projector slashed a conelike swath in the blackness and draped in a fluorescent membrane of light the audience tilted on the seats there in hypnotic sags, their faces focused upward toward the aluminized movie screen.	Неожиданно Милоу поднял руку и указал в сторону открытого кинотеатра, где из проектора бил пыльный луч света - молочно-белесый конус на черном фоне - и упирался в светящийся прямоугольник экрана. Зрители, подавшись вперед, словно загипнотизированные, смотрели на алюминиевый блеск киноэкрана.

Milo's eyes were liquid with integrity, and his artless and uncorrupted face was lustrous with a shining mixture of sweat and insect repellent.	Глаза Милоу увлажнились от избытка высоких чувств. Его простоватое лицо честняги блестело от пота и антикомарной мази.
'Look at them,' he exclaimed in a voice choked with emotion. 'They're my friends, my countrymen, my comrades in arms.	- Взгляни на них, - воскликнул он, задыхаясь от волнения, - это мои друзья, мои соотечественники, мои товарищи по оружию.
A fellow never had a better bunch of buddies. Do you think I'd do a single thing to harm them if I didn't have to?	Лучших друзей у меня не было, Неужели ты думаешь, я способен сделать хоть что-нибудь им во зло, если, конечно, меня не принудят к этому обстоятельства?

Haven't I got enough on my mind?	Что мне, мало других забот?
Can't you see how upset I am already about all that cotton piling up on those piers in Egypt?'	Разве ты не видишь - я себе места не нахожу из-за этого хлопка, что валяется на пристанях Египта?
Milo's voice splintered into fragments, and he clutched at Yossarian's shirt front as though drowning.	Г олос его задрожал. Милоу вцепился Йоссариану в куртку, словно утопающий.

His eyes were throbbing visibly like brown caterpillars.	Прорези его карих глаз то сужались, то расширялись, словно две коричневые гусеницы.

'Yossarian, what am I going to do with so much cotton?	- Йоссариан, что мне делать с такой уймой хлопка?
It's all your fault for letting me buy it.'	Ведь это твоя ошибка: ты позволил мне его купить.
The cotton was piling up on the piers in Egypt, and nobody wanted any.	Хлопок лежал, сваленный в кучи на пристанях Египта, - никто не хотел его брать.
Milo had never dreamed that the Nile Valley could be so fertile or that there would be no market at all for the crop he had bought.	Милоу и не подозревал, что долина Нила столь плодородна и что на урожай, который он скупил целиком, вовсе не будет спроса.

The mess halls in his syndicate would not help; they rose up in uncompromising rebellion against his proposal to tax them on a per capita basis in order to enable each man to own his own share of the Egyptian cotton crop.	Офицерские столовые - члены его синдиката -ничем не могли ему помочь. Более того, они встретили в штыки его предложение о равном денежном взносе, который должен был сделать каждый, чтобы получить свою долю урожая египетского хлопка.
Even his reliable friends the Germans failed him in this crisis: they preferred ersatz.	Даже верные немецкие друзья отступились от Милоу в это трудное для него время: они предпочитали эрзац хлопка.

Milo's mess halls would not even help him store the cotton, and his warehousing costs skyrocketed and contributed to the devastating drain upon his cash reserves.	Офицерские столовые не могли оказать ему помощи даже в хранении хлопка, и кривая расходов на содержание складов взвилась до пугающе высокого уровня, изрядно опустошив карманы Милоу.
The profits from the Orvieto mission were sucked away.	Деньги, заработанные на операции у Орвьетто, иссякли.
He began writing home for the money he had sent back in better days; soon that was almost gone.	Милоу пришлось обратиться к родным с просьбой выслать ему те сбережения, которые он отправил домой в лучшие времена. Скоро высох и этот родничок.

And new bales of cotton kept arriving on the wharves at Alexandria every day.	А тюки хлопка все прибывали и прибывали к пристаням Александрии.
Each time he succeeded in dumping some on the world market for a loss it was snapped up by canny Egyptian brokers in the Levant, who sold it back to him at the original price, so that he was really worse off than before.	К тому же, стоило ему выбросить хлопок на мировой рынок по демпинговым ценам, как тюки подхватывались ловким маклером - египтянином из Ливана и снова продавались Милоу по первоначальной цене.
M & M Enterprises verged on collapse.	Словом, дела его пошли еще хуже. Фирма "М. и М." стояла на краю гибели.

Milo cursed himself hourly for his monumental greed and stupidity in purchasing the entire Egyptian cotton crop, but a contract was a contract and had to be honored, and one night, after a sumptuous evening meal, all Milo's fighters and bombers took off, joined in formation directly overhead and began dropping bombs on the group.	Милоу часами проклинал себя за чудовищную жадность и глупость, проявленные им при закупке всего урожая египетского хлопка. Но контракт есть контракт, его нужно уважать. И вот однажды вечером после великолепного ужина пилоты Милоу подняли в воздух свои бомбардировщики и истребители, прямо над головой построились в боевой порядок и начали сбрасывать бомбы на расположение своего полка.

He had landed another contract with the Germans, this time to bomb his own outfit.	Дело в том, что Милоу заключил другой контракт с немцами: на сей раз он подрядился разбомбить свою часть.
Milo's planes separated in a well co-ordinated attack and bombed the fuel stocks and the ordnance dump, the repair hangars and the B-25 bombers resting on the lollipop-shaped hardstands at the field.	Один за другим заходя на цель, самолеты Милоу наносили удары по бензоскладам, зенитной батарее, ремонтным мастерским и бомбардировщикам Б-25, стоявшим на бетонированной площадке.

His crews spared the landing strip and the mess halls so that they could land safely when their work was done and enjoy a hot snack before retiring.	Пилоты оставили нетронутыми только взлетно-посадочную полосу да столовую, чтобы, закончив дело, благополучно приземлиться и перед отходом ко сну хорошенько закусить.
They bombed with their landing lights on, since no one was shooting back.	Они бомбили с включенными посадочными фарами, ибо самолеты никто не обстреливал.
They bombed all four squadrons, the officers' club and the Group Headquarters building.	Они бомбили все четыре эскадрильи, офицерский клуб и задание штаба полка.
Men bolted from their tents in sheer terror and did not know in which direction to turn.	Люди в ужасе выскакивали из палаток, не зная, куда бежать.

Wounded soon lay screaming everywhere.	Повсюду стонали раненые.
A cluster of fragmentation bombs exploded in the yard of the officers' club and punched jagged holes in the side of the wooden building and in the bellies and backs of a row of lieutenants and captains standing at the bar.	Несколько осколочных бомб взорвалось во дворе офицерского клуба, продырявив деревянную стенку, а заодно животы и спины лейтенантов и капитанов, рядком стоявших у бара.
They doubled over in agony and dropped.	Скорчившись, в агонии, они повалились замертво.

The rest of the officers fled toward the two exits in panic and jammed up the doorways like a dense, howling dam of human flesh as they shrank from going farther.	Остальные офицеры в панике кинулись к дверям, сбившись в плотный воющий ком человеческих тел: никто не желал выходить на улицу.
Colonel Cathcart clawed and elbowed his way through the unruly, bewildered mass until he stood outside by himself.	Полковник Кэткарт локтями и кулаками прокладывал себе дорогу сквозь непослушную ошалевшую толпу, пока наконец не оказался на улице.
He stared up at the sky in stark astonishment and horror.	Он смотрел в небо с изумлением и ужасом.

Milo's planes, ballooning serenely in over the blossoming treetops with their bomb bay doors open and wing flaps down and with their monstrous, bug-eyed, blinding, fiercely flickering, eerie landing lights on, were the most apocalyptic sight he had ever beheld.	Самолеты Милоу спокойно плыли над самыми верхушками цветущих деревьев - с открытыми бомбовыми люками и выпущенными закрылками, с включенными посадочными фарами, походившими на глаза чудовищных насекомых. Фары бросали на землю слепящий, зловеще мерцавший, таинственный свет. Такого апокалипсического зрелища Кэткарту еще не приходилось видеть.

Colonel Cathcart let go a stricken gasp of dismay and hurled himself headlong into his jeep, almost sobbing.	Полковник Кэткарт, чуть не плача, кинулся к джипу.
He found the gas pedal and the ignition and sped toward the airfield as fast as the rocking car would carry him, his huge flabby hands clenched and bloodless on the wheel or blaring his horn tormentedly.	Он нащупал акселератор и зажигание и помчался на аэродром со всей скоростью, на которую была способна его подскакивавшая козлом машина. Его побелевшие от усилий огромные пухлые руки то сжимали руль, то изо всех сил давили на сигнал.

Once he almost killed himself when he swerved with a banshee screech of tires to avoid plowing into a bunch of men running crazily toward the hills in their underwear with their stunned faces down and their thin arms pressed high around their temples as puny shields.	Один раз он чуть не разбился, когда резко, так что шины завизжали предсмертным визгом, свернул в сторону, чтобы не врезаться в толпу обезумевших людей, бежавших в горы. Лица их были бледны от испуга, а ладонями они, как щитками, прикрывали виски.

Yellow, orange and red fires were burning on both sides of the road.	Желтое, оранжевое, красное пламя плясало вдоль дороги.
Tents and trees were in flames, and Milo's planes kept coming around interminably with their blinking white landing lights on and their bomb bay doors open.	Палатки и деревья тоже были охвачены огнем, а самолеты Милоу, освещая все вокруг белым, мигающим светом посадочных фар, все кружили и кружили с открытыми бомбовыми люками.

Colonel Cathcart almost turned the jeep over when he slammed the brakes on at the control tower.	Полковник Кэткарт так яростно надавил на тормозную педаль, поравнявшись с контрольно-диспетчерским пунктом, что чуть было не перевернул джип вверх тормашками.
He leaped from the car while it was still skidding dangerously and hurtled up the flight of steps inside, where three men were busy at the instruments and the controls.	Он выпрыгнул из скользившей по инерции машины и ринулся по лестнице наверх, где у пульта управления сидели три человека.

He bowled two of them aside in his lunge for the nickel-plated microphone, his eyes glittering wildly and his beefy face contorted with stress.	Двоих он отшвырнул в сторону от никелированного микрофона. Глаза его лихорадочно блестели, а мясистое лицо тряслось от возбуждения.
He squeezed the microphone in a bestial grip and began shouting hysterically at the top of his voice. ' Milo, you son of a bitch!	Мертвой хваткой он вцепился в микрофон и истерически заорал: - Милоу, сукин сын!
Are you crazy?	Ты с ума сошел?

What the hell are you doing?	Что ты делаешь, дьявол тебя разрази!
Come down!	Иди на посадку!
Come down!'	Иди на посадку!

'Stop hollering so much, will you?' answered Milo, who was standing there right beside him in the control tower with a microphone of his own.	- Хватит драть глотку! - ответил Милоу, стоявший рядом с полковником в диспетчерской, тоже с микрофоном в руках.
' I'm right here.'	- Я тут.
Milo looked at him with reproof and turned back to his work.	Милоу неодобрительно посмотрел на Кэткарта и продолжал заниматься своим делом.

'Very good, men, very good,' he chanted into his microphone.	- Очень хорошо, ребята, очень хорошо, - пел он в микрофон.
'But I see one supply shed still standing.	- Но я вижу, один склад еще цел.
That will never do, Purvis-I've spoken to you about that kind of shoddy work before.	Это никуда не годится, Пурвис. Сколько раз я тебя предупреждал: не халтурь.
Now, you go right back there this minute and try it again. And this time come in slowly... slowly.	Сейчас же зайди еще раз и попытайся снова.

Haste makes waste, Purvis. Haste makes waste.	Поспешишь - людей насмешишь, Пурвис.
If I've told you that once, I must have told you that a hundred times. Haste makes waste.'	Я уже говорил тебе это и буду твердить тысячу раз: поспешишь - людей насмешишь.
The loudspeaker overhead began squawking. ' Milo, this is Alvin Brown.	Над головой заверещал динамик: - Милоу, докладывает Алвин Браун.
I've finished dropping my bombs.	Я закончил бомбометание.
What should I do now?'	Что мне делать дальше?

' Strafe,' said Milo.	- Начинать обстрел, - сказал Милоу.
' Strafe?'	- Обстрел?
Alvin Brown was shocked.	- Алвин Браун был потрясен.
'We have no choice,' Milo informed him resignedly.	Ничего не поделаешь, - сообщил ему Милоу смиренным тоном.
' It's in the contract.'	- Это оговорено в контракте.
'Oh, okay, then,' Alvin Brown acquiesced. 'In that case I'll strafe.'	- Ну, коли так... - согласился Алвин Браун нехотя -В таком случае я начинаю обстрел.
This time Milo had gone too far.	На сей раз Милоу зашел слишком далеко.

Bombing his own men and planes was more than even the most phlegmatic observer could stomach, and it looked like the end for him.	Налет на свой аэродром и свою часть - этого не могли переварить даже самые флегматичные наблюдатели. Похоже было, что Милоу пришел конец.
High-ranking government officials poured in to investigate.	Высокопоставленные правительственные чиновники взялись за расследование.
Newspapers inveighed against Milo with glaring headlines, and Congressmen denounced the atrocity in stentorian wrath and clamored for punishment.	Газеты клеймили Милоу в статьях под кричащими заголовками, а конгрессмены произносили громовые речи, требуя наказать его за жестокость.

Mothers with children in the service organized into militant groups and demanded revenge.	Солдатские матери сплотились в воинствующие группы и требовали отмщения.
Not one voice was raised in his defense.	Никто не поднял голоса в защиту Милоу.

Decent people everywhere were affronted, and Milo was all washed up until he opened his books to the public and disclosed the tremendous profit he had made.	Во всех уголках страны приличные люди негодовали, и от Милоу летели клочья, пока он не открыл гроссбух и не обнародовал цифры своих доходов.

He could reimburse the government for all the people and property he had destroyed and still have enough money left over to continue buying Egyptian cotton.	Он мог возместить правительству все - и материальный ущерб, и стоимость убитых. У него остались деньги даже на дальнейшие закупки египетского хлопка.
Everybody, of course, owned a share. And the sweetest part of the whole deal was that there really was no need to reimburse the government at all.	Разумеется, каждый получил свою долю, и самым приятным в этом деле было то, что возмещать убытки правительству оказалось совсем не обязательно.
'In a democracy, the government is the people,' Milo explained.	- При демократии правительство - это народ, -объяснял Милоу.

'We're people, aren't we?	- А ведь народ - это мы.
So we might just as well keep the money and eliminate the middleman.	Следовательно, мы можем сэкономить деньги и избавиться от посредника в лице правительства.
Frankly, I'd like to see the government get out of war altogether and leave the whole field to private industry.	Откровенно говоря, мне бы хотелось, чтобы правительство вообще не занималось военными делами и оставило все на попечение частного предпринимательства.

If we pay the government everything we owe it, we'll only be encouraging government control and discouraging other individuals from bombing their own men and planes.	Если мы станем выполнять все наши финансовые обязательства перед правительством, то этим самым будем только поощрять его вмешиваться в наши дела и отобьем охоту у отдельных лиц бомбить собственные войска и самолеты.
We'll be taking away their incentive.'	А это скует частную инициативу.

Milo was correct, of course,
as everyone soon agreed but a few embittered misfits like Doc Daneeka, who
sulked cantankerously and
muttered offensive insinuations about the morality of the whole
venture until Milo mollified him with a donation, in the name
of the syndicate, of a lightweight aluminum collapsible
garden chair that Doc Daneeka could fold
up conveniently and carry outside his tent each time

Скоро все согласились, что Милоу, конечно, прав. Все, кроме отдельных озлобленных неудачников, вроде доктора Дейники, который хмурился, что-то ворчал насчет моральной стороны всего случившегося и возводил обидную напраслину на Милоу. Он дулся до тех пор, пока Милоу не умаслил его от имени синдиката складным алюминиевым стульчиком. Доктор складывал его и выносил из палатки всякий раз, когда в палатку входил Вождь Белый Овес, и вносил обратно, как только Вождь Белый Овес уходил.

Doc Daneeka had lost his head during Milo's bombardment; instead of running for cover, he had remained out in the open and performed his duty, slithering along the ground through shrapnel, strafing and incendiary bombs like a furtive, wily lizard from casualty to casualty, administering tourniquets, morphine, splints and sulfanilamide with a dark and doleful visage, never saying one word more than he had	Доктор Дейника совсем потерял голову во время бомбардировки: вместо того чтобы бежать в укрытие, он остался под открытым небом и занимался своими обязанностями врача, ползая под градом пуль, осколков и зажигалок от раненого к раненому, словно ящерица. Он делал перевязки, накладывал лубки, впрыскивал морфий и давал таблетки сульфидина - и все это с выражением скорби на потемневшем лице, без единого лишнего слова, как будто в каждой рдевшей ране он читал предсказание своего скорого конца.

He worked himself relentlessly into exhaustion before the long night was over and came down with a snife the next day that sent him hurrying querulously into the medical tent to have his temperature taken by Gus and Wes and to obtain a mustard plaster and vaporizer.	Он работал всю ночь напролет, не щадя себя, до полного изнеможения и к утру схватил насморк. Хлюпая носом и ворча, он поспешил в санитарную палатку, где Гэс и Уэс смерили ему температуру, поставили горчичники и сделали ингаляцию.

Doc Daneeka tended each moaning man that night with the same glum and profound and introverted grief he showed at the airfield the day of the Avignon mission when Yossarian climbed down the few steps of his plane naked, in a state of utter shock, with Snowden smeared abundantly all over his bare heels and toes, knees, arms and fingers, and pointed inside wordlessly toward where the young radio-gunner lay freezing to death on the floor beside the still younger tail-gunner who kept	Доктор Дейника ухаживал за каждым раненым, и на лице его можно было прочесть выражение глубочайшего горя, как в день налета на Авиньон, когда Йоссариан вернулся на свой аэродром почти в невменяемом состоянии, с головы до пят перепачканный кровью Сноудена. Он молча показал на самолет, внутри которого лежал уже похолодевший юный стрелок-радист рядом с еще более юным хвостовым стрелком, который иногда приоткрывал глаза, но при виде умиравшего Сноудена тут же снова падал в глубокий обморок.

Doc Daneeka draped a blanket around Yossarian's shoulders almost tenderly after Snowden had been removed from the plane and carried into an ambulance on a stretcher. He led Yossarian toward his jeep. McWatt helped, and the three drove in silence to the squadron medical tent, where McWatt and Doc Daneeka guided Yossarian inside to a chair and washed Snowden off him with cold wet balls of absorbent cotton.	Как только Сноудена вытащили из самолета и отнесли на носилках в карету скорой помощи, доктор Дейника почти с нежностью накинул на плечи Йоссариана одеяло и повел его к своему джипу. Макуотт подхватил Йоссариана с другой стороны, и все трое молча поехали в санчасть. Макуотт и доктор Дейника усадили Йоссариана на стул и мокрыми тампонами смыли с него кровь Сноудена.

Doc Daneeka gave him a pill and a shot that put him to sleep for twelve hours.	Доктор Дейника дал ему таблетку и сделал укол, от которого Йоссариан проспал двенадцать часов кряду.
When Yossarian woke up and went to see him, Doc Daneeka gave him another pill and a shot that put him to sleep for another twelve hours.	Как только Йоссариан проснулся и пришел к доктору Дейнике, тот дал ему еще таблетку, сделал еще один укол, и Йоссариан проспал еще двенадцать часов.
When Yossarian woke up again and went to see him, Doc Daneeka made ready to give him another pill and a shot.	Когда Йоссариан снова проснулся и снова пришел в санчасть, доктор Дейника опять собрался было дать ему таблетку и сделать укол.
'How long are you going to keep giving me those pills and shots?' Yossarian asked him.	Долго вы еще будете пичкать меня таблетками и изводить уколами? - спросил Йоссариан.

'Until you feel better.'	- До тех пор, пока вам не станет лучше.
' I feel all right now.'	- Я вполне здоров.
Doc Daneeka's frail suntanned forehead furrowed with surprise.	Загорелый лобик доктора Дейники сморщился от удивления:
' Then why don't you put some clothes on?	- Тогда почему вы не оденетесь?
Why are you walking around naked?'	Почему вы разгуливаете в чем мать родила?
' I don't want to wear a uniform any more.'	- Я не желаю больше носить форму.
Doc Daneeka accepted the explanation and put away his hypodermic syringe.	Выслушав это заявление, доктор Дейника отложил шприц.

' Are you sure you feel all right?'	- Вы уверены, что вы вполне здоровы?
' I feel fine.	- Я чувствую себя прекрасно.
I'm just a little logy from all those pills and shots you've been giving me.'	Только вот малость ошалел от таблеток и уколов.
Yossarian went about his business with no clothes on all the rest of that day and was still naked late the next morning when Milo, after hunting everywhere else, finally found him sitting up a tree a small distance in back of the quaint little military cemetery at which Snowden was being buried.	До самого вечера Йоссариан расхаживал нагишом. На следующий день Милоу, обыскав все вокруг, нашел наконец его на дереве, неподалеку от удивительно маленькой могилки, где собирались хоронить Сноудена.

Milo was dressed in his customary business attire-olive-drab trousers, a fresh olive-drab shirt and tie, with one silver first lieutenant's bar gleaming on the collar, and a regulation dress cap with a stiff leather bill.	На Милоу был его обычный, повседневный наряд: грязно-оливкового цвета брюки, новая куртка того же цвета и галстук. На воротничке отливали серебром лейтенантские нашивки, а на голове красовалась форменная фуражка с жестким кожаным козырьком.
'I've been looking all over for you,' Milo called up to Yossarian from the ground reproachfully.	- И где я тебя только не искал! - крикнул Милоу, задрав голову, и в голосе его прозвучал упрек.
'You should have looked for me in this tree,' Yossarian answered.	- Нужно было искать меня на этом дереве, - ответил Йоссариан.
' I've been up here all morning.'	- Я здесь сижу с утра.

'Come on down and taste this and tell me if it's good.	- Спускайся, попробуй кусочек вот этого и скажи, каково на вкус.
It's very important.'	Мне это очень важно знать.
Yossarian shook his head.	Йоссариан отрицательно помотал головой.
He sat nude on the lowest limb of the tree and balanced himself with both hands grasping the bough directly above. He refused to budge, and Milo had no choice but to stretch both arms about the trunk in a distasteful hug and start climbing.	Он сидел в чем мать родила на самом нижнем суку, держась за ветку, торчавшую у него над головой, и не желал двинуться с места. Милоу пришлось облапить ствол и карабкаться наверх.

He struggled upward clumsily with loud grunts and wheezes, and his clothes were squashed and crooked by the time he pulled himself up high enough to hook a leg over the limb and pause for breath.	Милоу взбирался неуклюже, тяжело дыша и причитая. Наконец он сел верхом на сук и отдышался.
His dress cap was askew and in danger of falling.	Вид у него был мятый и истерзанный.
Milo caught it just in time when it began slipping.	Милоу поправил съехавшую на затылок фуражку.

Globules of perspiration glistened like transparent pearls around his mustache and swelled like opaque blisters under his eyes.	Капли пота блестели на его усах, как прозрачные жемчужины.
Yossarian watched him impassively.	Йоссариан наблюдал за ним без всякого интереса.
Cautiously Milo worked himself around in a half circle so that he could face Yossarian. He unwrapped tissue paper from something soft, round and brown and handed it to Yossarian.	Милоу осторожно передвинулся вокруг ствола, чтобы видеть лицо Йоссариана, и, сорвав папиросную бумагу с какого-то коричневого мягкого шарика, вручил его Йоссариану.

'Please taste this and let me know what you think.	- Пожалуйста, попробуй и скажи свое мнение.

I'd like to serve it to the men.'	Я хочу подавать это на сладкое к обеду.
'What is it?' asked Yossarian, and took a big bite.	- А что это? - спросил Йоссариан и отгрыз большой кусок.
' Chocolate-covered cotton.'	- Пирожное "Хлопок в шоколаде".
Yossarian gagged convulsively and sprayed his big mouthful of chocolate-covered cotton right into Milo's face.	Йоссариан поперхнулся и выплюнул кусок прямо в физиономию Милоу.
' Here, take it back!' he spouted angrily.	- На, возьми! - заорал он раздраженно.

'Jesus Christ! Have you gone crazy?	- Бог мой, да ты что, спятил?
You didn't even take the goddam seeds out.'	Хоть бы от семян очистил свой хлопок!
' Give it a chance, will you?' Milo begged.	- А ты хорошо распробовал? - вопрошал Милоу.
'It can't be that bad. Is it really that bad?'	- Не может быть, чтобы пирожное никуда не годилось! В самом деле оно никуда не годится?
' It's even worse.'	- Не годится - это не то слово.
'But I've got to make the mess halls feed it to the men.'	- Но я должен добиться, чтобы в офицерских столовых ели мои пирожные.
' They'll never be able to swallow it.'	- Его невозможно проглотить.

'They've got to swallow it,' Milo ordained with dictatorial grandeur, and almost broke his neck when he let go with one arm to wave a righteous finger in the air.	- Если надо, проглотят, - жестко изрек Милоу и, отпустив ветку, погрозил пальцем, отчего чуть не свернул себе шею.
' Come on out here,' Yossarian invited him.	- Перебирайся сюда, - пригласил его Йоссариан.
' You'll be much safer, and you can see everything.'	- Мой сук покрепче, и отсюда будет виднее.
Gripping the bough above with both hands, Milo began inching his way out on the limb sideways with utmost care and apprehension.	Уцепившись обеими руками за ветку над головой, Милоу с величайшей осторожностью и опаской начал продвигаться по суку.

His face was rigid with tension, and he sighed with relief when he found himself seated securely beside Yossarian. He stroked the tree affectionately.	Каждый мускул на его лице напрягся, и, лишь надежно усевшись наконец рядом с Йоссарианом, он вздохнул с облегчением и любовно постучал по дереву.
'This is a pretty good tree,' he observed admiringly with proprietary gratitude.	- Отличное дерево, - заметил Милоу хозяйским тоном.
'It's the tree of life,' Yossarian answered, waggling his toes, 'and of knowledge of good and evil, too.'	- Древо жизни... - ответил Йоссариан, шевеля пальцами ног. - А также древо познания добра и зла...
Milo squinted closely at the bark and branches.	Милоу пристально оглядел своими косящими глазами кору и ветви.

'No it isn't,' he replied.	- Нет, - возразил он.
' It's a chestnut tree.	- Это каштан.
I ought to know.	Уж я-то знаю.
I sell chestnuts.'	Я торгую каштанами.
' Have it your way.'	- Ладно, пусть будет каштан.

They sat in the tree without talking for several seconds, their legs dangling and their hands almost straight up on the bough above, the one completely nude but for a pair of crepe-soled sandals, the other completely dressed in a coarse olive-drab woolen uniform with his tie knotted tight.	Несколько секунд они сидели на ветке молча, болтая ногами и вцепившись руками в сук над головой: один - совершенно голый, если не считать сандалий на ногах; другой - наоборот, затянутый в плотную грязно-оливковую шерстяную форму, с туго завязанным галстуком.
Milo studied Yossarian diffidently through the corner of his eye, hesitating tactfully.	Милоу краешком глаза наблюдал за Йоссарианом, но из деликатности не решался задать ему вопрос, вертевшийся на языке.
'I want to ask you something,' he said at last.	- Я хотел тебя спросить кое о чем, - сказал он конец.

'You don't have any clothes on. I don't want to butt in or anything, but I just want to know. Why aren't you wearing your uniform?'	- Вот ты сидишь голый... Я не собираюсь вмешиваться, но просто интересно: почему ты не носишь форму?
' I don't want to.'	- Не желаю.
Milo nodded rapidly like a sparrow pecking.	Милоу торопливо кивнул, словно воробей, склевавший зернышко.
'I see, I see,' he stated quickly with a look of vivid confusion.	- Понимаю, понимаю, - согласился он поспешно, сильно смутившись.
' I understand perfectly.	- Вполне понимаю.

I heard Appleby and Captain Black say you had gone crazy, and I just wanted to find out.'	Я слышал, как Эпплби и капитан Блэк говорили, что ты сошел с ума. Мне только хотелось убедиться, что это действительно так.
He hesitated politely again, weighing his next question. 'Aren't you ever going to put your uniform on again?'	- И опять поколебался, тщательно обдумывая следующий вопрос: - Собираешься ли ты вообще надевать форму?
' I don't think so.'	- Не думаю.
Milo nodded with spurious vim to indicate he still understood and then sat silent, ruminating gravely with troubled misgiving.	Энергичным кивком Милоу подтвердил, что он все понял. Снова наступило молчание. Оба, мрачно нахмурившись, обдумывали каждый свое.

A scarlet-crested bird shot by below, brushing sure dark wings against a quivering bush.	Прилетела какая-то птаха с алой грудкой и села внизу на закачавшийся кустик почистить свои упругие черные крылышки.
Yossarian and Milo were covered in their bower by tissue-thin tiers of sloping green and largely surrounded by other gray chestnut trees and a silver spruce.	Йоссариан и Милоу сидели, как в беседке, скрытые ярусами нежной зелени, свисавшей над ними, а также стволами соседних каштанов и голубой канадской елью.
The sun was high overhead in a vast sapphire-blue sky beaded with low, isolated, puffy clouds of dry and immaculate white.	Солнце стояло прямо над головой в сапфировой голубизне неба, цепочки низких, редких, пушистых облачков радовали глаз безупречной белизной.

There was no breeze, and the leaves about them hung motionless.	Воздух был неподвижен, листва повисла безжизненно.
The shade was feathery.	Кружевные тени лежали на Милоу и Йоссариане.

Everything was at peace but Milo, who straightened suddenly with a muffled cry and began pointing excitedly.	Кругом царил мир. Вдруг Милоу, сдавленно вскрикнув, выпрямился и взволнованно протянул ру[к]у.
' Look at that!' he exclaimed in alarm.	- Посмотри-ка туда! - тревожно воскликнул он.
'Look at that!	- Посмотри.
That's a funeral going on down there.	Там кого-то хоронят.

That looks like the cemetery. Isn't it?'	Похоже, что там могила.
Yossarian answered him slowly in a level voice.	Йоссариан ответил:
'They're burying that kid who got killed in my plane over Avignon the other day. Snowden.'	- Хоронят того малыша, что погиб в моем самолете над Авиньоном. Его звали Сноуденом.
'What happened to him?' Milo asked in a voice deadened with awe.	- Что с ним случилось? - Милоу перешел на почтительный шепот.
'He got killed.'	- Убит.
'That's terrible,' Milo grieved, and his large brown eyes filled with tears.	- Это ужасно. - В больших карих глазах Милоу блеснули слезы.

'That poor kid.	- Бедный!
It really is terrible.'	Это действительно ужасно.
He bit his trembling lip hard, and his voice rose with emotion when he continued.	- Он крепко прикусил свои дрожащие губы, и, когда снова заговорил, голос его зазвенел от избытка чувств.
'And it will get even worse if the mess halls don't agree to buy my cotton.	- Но будет еще хуже, если столовые не согласятся покупать мой хлопок.
Yossarian, what's the matter with them?	Йоссариан, что с ними творится?
Don't they realize it's their syndicate? Don't they know they've all got a share?'	Разве они не знают, что они наряду со всеми имеют свой пай?

'Did the dead man in my tent have a share?' Yossarian demanded caustically.	- У покойника из моей палатки тоже свой пай? -спросил Йоссариан язвительно.
' Of course he did,' Milo assured him lavishly.	- Конечно, - охотно заверил его Милоу.
'Everybody in the squadron has a share.'	- У каждого в эскадрилье свой пай.
'He was killed before he even got into the squadron.'	- Он был убит прежде, чем его зачислили в эскадрилью.
Milo made a deft grimace of tribulation and turned away.	Милоу отвернулся с гримасой невыразимого огорчения.

'I wish you'd stop picking on me about that dead man in your tent,' he pleaded peevishly.	- Прошу тебя, прекрати попрекать меня этим покойником из твоей палатки, - сказал он капризным тоном.
'I told you I didn't have anything to do with killing him.	- Я уже говорил, что нисколько не повинен в его гибели.
Is it my fault that I saw this great opportunity to corner the market on Egyptian cotton and got us into all this trouble?	Моя ошибка в том, что я просчитался, закупив весь урожай египетского хлопка, и навлек на всех вас беду.

Was I supposed to know there was going to be a glut?	Разве я мог предвидеть, что возникнет такой завал хлопка?
I didn't even know what a glut was in those days.	- Я даже не знал, что в момент покупки на рынке наблюдался избыток хлопка.

An opportunity to corner a market doesn't come along very often, and I was pretty shrewd to grab the chance when I had it.'	Случай завоевать рынок подворачивается не так уж часто. И я постарался не упустить этот редкий шанс.
Milo gulped back a moan as he saw six uniformed pallbearers lift the plain pine coffin from the ambulance and set it gently down on the ground beside the yawning gash of the freshly dug grave.	Милоу едва не застонал, когда увидел, как шестеро военных вытащили из санитарной машины простой сосновый гроб и осторожно поставили на землю рядом с зияющим провалом свежевырытой могилы.
'And now I can't get rid of a single penny's worth,' he mourned.	- И теперь я не могу сбыть ни клочка, чтобы выручить хоть пару центов, - причитал Милоу с траурным видом.

Yossarian was unmoved by the fustian charade of the burial ceremony, and by Milo's crushing bereavement.	Йоссариана не трогали ни напыщенный и за- гадочный церемониал похорон, ни пережива- мая Милоу горечь тяже- лой утраты.
The chaplain's voice floated up to him through the distance tenuously in an unintelligible, almost inaudible monotone, like a gaseous murmur.	Голос капеллана доно- сился до него издалека плохо различимым, еле слышным бормотаньем.

Yossarian could make out Major Major by his towering and lanky aloofness and thought he recognized Major Danby mopping his brow with a handkerchief. Major Danby had not stopped shaking since his run-in with General Dreedle.	Йоссариан узнал долговязую, возвышавшуюся над толпой фигуру майора Майора, и ему показалось, что он узнал майора Дэнби, вытиравшего лоб носовым платком.

There were strands of enlisted men molded in a curve around the three officers, as inflexible as lumps of wood, and four idle gravediggers in streaked fatigues lounging indifferently on spades near the shocking, incongruous heap of loose copperred earth.	Позади трех офицеров выстроились подковой рядовые, неподвижные, как чурбаны. Четверо могильщиков в полосатых робах, скучая, опирались на лопаты, воткнутые в страшную, нелепую кучу медно-красной земли Йоссариан увидел, как капеллан воздел очи в сторону Йоссариана, горестным жестом дотронулся до глаз пальцами, снова посмотрел в сторону Йоссариана, на этот раз пристально, и опустил голову.

As Yossarian stared, the chaplain elevated his gaze toward Yossarian beatifically, pressed his fingers down over his eyeballs in a manner of affliction, peered upward again toward Yossarian searchingly, and bowed his head, concluding what Yossarian took to be a climactic part of the funeral rite.	Йоссариан расценил это как конец погребальной церемонии.
The four men in fatigues lifted the coffin on slings and lowered it into the grave.	И действительно, четверо в робах подняли гроб на ремнях и опустили в могилу.

Milo shuddered violently.	Милоу резко вздрогнул.
'I can't watch it,' he cried, turning away in anguish.	- Я не могу смотреть на это! - вскричал он с душевной болью и отвернулся.

'I just can't sit here and watch while those mess halls let my syndicate die.'	- Я не могу сидеть здесь и смотреть на все это, в то время как столовые позволяют разоряться моему синдикату!
He gnashed his teeth and shook his head with bitter woe and resentment.	- Он заскрипел зубами и затряс головой от невыразимой скорби и обиды.

'If they had any loyalty, they would buy my cotton till it hurts so that they can keep right on buying my cotton till it hurts them some more. They would build fires and burn up their underwear and summer uniforms just to create bigger demand.	- Будь я на их месте, я развел бы костер и сжег нижнее белье и летнюю форму, лишь бы увеличить спрос на хлопок.
But they won't do a thing.	Но они не хотят делать ничего.
Yossarian, try eating the rest of this chocolate-covered cotton for me.	Йоссариан, попытайся проглотить остаток шоколадно-хлопкового пирожного - ради меня.
Maybe it will taste delicious now.'	Может быть, оно все-таки тебе понравится...

Yossarian pushed his hand away.	Йоссариан оттолкнул его руку:
' Give up, Milo.	- Отстань, Милоу.
People can't eat cotton.'	Хлопок не едят.
Milo's face narrowed cunningly.	Милоу хитро сощурился.
'It isn't really cotton,' he coaxed. 'I was joking.	- Это ведь не просто хлопок, - уговаривал он Йоссариана.
It's really cotton candy, delicious cotton candy.	- Это хлопковые пирожные, восхитительные хлопковые пирожные.
Try it and see.'	Попробуй и увидишь.
'Now you're lying.'	- Восхитительные? Ну уж не ври.

'I never lie!' Milo rejoindered with proud dignity.	- Я никогда не лгу, - возразил Милоу с горделивым достоинством.
' You're lying now.'	- А сейчас врешь.
'I only lie when it's necessary,' Milo explained defensively, averting his eyes for a moment and blinking his lashes winningly.	- Я лгу только в случае необходимости, -объяснил Милоу, на мгновенье опустив глаза, но тут же победоносно вскинул ресницы.
'This stuff is better than cotton candy, really it is.	- Эти штуки лучше, чем обыкновенные пирожные, ей-богу, лучше.
It's made out of real cotton.	Они же начинены настоящим хлопком.
Yossarian, you've got to help me make the men eat it.	Йоссариан, ты должен заставить всех есть эти пирожные.

Egyptian cotton is the finest cotton in the world.'	Не забывай, что египетский хлопок - лучший в мире.
'But it's indigestible,' Yossarian emphasized.	- Но он несъедобен! - воскликнул Йоссариан.
'It will make them sick, don't you understand?	- У меня от него будут колики в желудке, понимаешь?
Why don't you try living on it yourself if you don't believe me?'	Почему ты не испробуешь его на себе, если мне не веришь?

' I did try,' admitted Milo gloomily.	- Я пытался, - признался Милоу мрачно.
' And it made me sick.'	- У меня от него несварение желудка.

The graveyard was yellow as hay and green as cooked cabbage.	Трава на кладбище отливала желтизной сухого сена и зеленью вареной капусты. Молча, неторопливо люди шли к машинам, поджидавшим их на обочине пыльной, ухабистой дороги.

In a little while the chaplain stepped back, and the beige crescent of human forms began to break up sluggishly, like flotsam. The men drifted without haste or sound to the vehicles parked along the side of the bumpy dirt road. With their heads down disconsolately, the chaplain, Major Major and Major Danby moved toward their jeeps in an ostracized group, each holding himself friendlessly several feet away from the other two.	Горестно склонив голову, капеллан, майор Майор и майор Дэнби двигались на почтительном расстоянии друг от друга к своим джипам, стоявшим отдельной группкой.

' It's all over,' observed Yossarian.	- Все кончено, - сказал Йоссариан.
' It's the end,' Milo agreed despondently.	- Конец, - уныло согласился Милоу.
'There's no hope left. And all because I left them free to make their own decisions.	- Никакой надежды... И все потому, что я дал им возможность решать самим.
That should teach me a lesson about discipline the next time I try something like this.'	Ну что ж, это послужит мне хорошим уроком. Я уж заставлю их слушаться, если в следующий раз решусь на что-нибудь подобное.

'Why don't you sell your cotton to the government?' Yossarian suggested casually, as he watched the four men in streaked fatigues shoveling heaping bladefuls of the copper-red earth back down inside the grave.	- А почему бы тебе не продать хлопок правительству? - небрежно предложил Йоссариан, глядя, как четверо солдат в полосатых робах швыряют в могилу лопатами медно-красную землю.
Milo vetoed the idea brusquely.	Милоу сразу же забраковал эту идею.
'It's a matter of principle,' he explained firmly.	- Это дело принципа, - убежденно заявил он.

'The government has no business in business, and I would be the last person in the world to ever try to involve the government in a business of mine.	- Суть правительственного бизнеса - не лезть в частный бизнес, и я был бы последним негодяем, попытайся я впутать правительство в свой бизнес.
But the business of government is business,' he remembered alertly, and continued with elation. 'Calvin Coolidge said that, and Calvin Coolidge was a President, so it must be true.	Но основной бизнес правительства - забота о частном бизнесе, - тут же припомнил он и продолжал с подъемом: - Это сказал Кальвин Кулидж. А Кальвин Кулидж был президентом, так что, должно быть, это верно.

And the government does have the responsibility of buying all the Egyptian cotton I've got that no one else wants so that I can make a profit, doesn't it?'	И если правительство несет ответственность за процветание частного бизнеса, оно обязано скупить мой хлопок, раз никто другой не желает его покупать. Должен же я получить прибыль, а?
Milo's face clouded almost as abruptly, and his spirits descended into a state of sad anxiety.	- Но неожиданно лицо Милоу омрачилось, он снова стал серьезным и озабоченным.
'But how will I get the government to do it?'	- Да, но как я добьюсь этого от правительства?
'Bribe it,' Yossarian said.	- Дай взятку, - сказал Йоссариан.
' Bribe it!'	- Взятку?

Milo was outraged and almost lost his balance and broke his neck again.	- Милоу рассвирепел и, покачнувшись, опять чуть было не свалился с сука и не свернул себе шею.
'Shame on you!' he scolded severely, breathing virtuous fire down and upward into his rusty mustache through his billowing nostrils and prim lips.	- Стыдись? - сурово отчитывал он Йоссариана. Казалось, огонь праведного негодования вырывался из его раздувавшихся ноздрей и из гневно скривившегося рта.
'Bribery is against the law, and you know it. But it's not against the law to make a profit, is it? So it can't be against the law for me to bribe someone in order to make a fair profit, can it?	- Взятка - дело противозаконное, и ты об этом прекрасно знаешь. Хотя... Хм... Ведь получить прибыль - это не противозаконно, а?

No, of course not!'	Нет, конечно, нет? Следовательно, я не сделаю ничего противозаконного, если дам взятку с целью получения основательной прибыли.
He fell to brooding again, with a meek, almost pitiable distress.	- И с несчастным, жалобным лицом он снова углубился в размышления.
'But how will I know who to bribe?'	- Но откуда я знаю, кому надо дать взятку?

'Oh, don't you worry about that,' Yossarian comforted him with a toneless snicker as the engines of the jeeps and ambulance fractured the drowsy silence and the vehicles in the rear began driving away backward.	- О, об этом не беспокойся, - усмехнувшись, утешил его Йоссариан. В это время джипы, санитарные машины и стоявшие позади грузовики, нарушив сонную тишину, стали разъезжаться.
'You make the bribe big enough and they'll find you.	- Пообещай хорошую взятку, и они сами тебя найдут.
Just make sure you do everything right out in the open.	Только дай понять, что ты не из робкого десятка.

Let everyone know exactly what you want and how much you're willing to pay for it.	Пусть все точно знают, что тебе нужно и сколько ты собираешься заплатить.
The first time you act guilty or ashamed, you might get into trouble.'	Но если ты будешь держаться стыдливо или виновато, сразу же попадешь в беду.
' I wish you'd come with me,' Milo remarked.	- Пошел бы ты со мной, а? - попросил Милоу.
' I won't feel safe among people who take bribes.	- Я побаиваюсь взяточников.
They're no better than a bunch of crooks.'	Это же шайка мошенников.
'You'll be all right,' Yossarian assured him with confidence.	- Ничего с тобой не случится, - заверил его Йоссариан.

'If you run into trouble, just tell everybody that the security of the country requires a strong domestic Egyptian-cotton speculating industry.'	- А попадешь в беду, скажи, что безопасность страны требует сильной отечественной промышленности, перерабатывающей египетский хлопок, купленный у спекулянтов.
'It does,' Milo informed him solemnly.	- И ведь, правда, требует. - Подхватил Милоу торжественно.
'A strong Egyptian-cotton speculating industry means a much stronger America.'	- Сильная промышленность, перерабатывающая египетский хлопок, - это сильная Америка.
'Of course it does. And if that doesn't work, point out the great number of American families that depend on it for income.'	- Ну конечно, а если не поможет, напомни о многих американских семьях, чей доход зависит от этой отрасли промышленности.

'A great many American families do depend on it for income.'	- Уйма американских семей зависит от этого.
' You see?' said Yossarian.	- Понял? - спросил Йоссариан.
' You're much better at it than I am.	- У тебя это получится лучше, чем у меня.
You almost make it sound true.'	В твоих устах это звучит почти как истина.
'It is true,' Milo exclaimed with a strong trace of old hauteur.	- А это и есть истина, - воскликнул Милоу.
' That's what I mean.	- И я о том же.
You do it with just the right amount of conviction.'	Ты сумеешь это изложить достаточно убедительно.

' You're sure you won't come with me?'	- Так ты твердо решил не ходить со мной?
Yossarian shook his head.	Йоссариан отрицательно покачал головой.
Milo was impatient to get started.	Милоу не терпелось приступить к делу.
He stuffed the remainder of the chocolate-covered cotton ball into his shirt pocket and edged his way back gingerly along the branch to the smooth gray trunk.	Он сунул в карман остаток хлопкового пирожного и стал осторожно пробираться по ветке к гладкому седому стволу.

He threw this arms about the trunk in a generous and awkward embrace and began shinnying down, the sides of his leather-soled shoes slipping constantly so that it seemed many times he would fall and injure himself.	Заключив ствол в сердечные, хотя и неуклюжие объятия, он начал спускаться. Его кожаные подошвы то и дело соскальзывали, и казалось, что он вот-вот упадет и расшибется.
Halfway down, he changed his mind and climbed back up.	Спустившись до середины ствола, Милоу вдруг замер, а затем опять стал карабкаться вверх.

Bits of tree bark stuck to his mustache, and his straining face was flushed with exertion.	Кусочек коры прилип к его усам. Лицо покраснело от напряжения.
'I wish you'd put your uniform on instead of going around naked that way,' he confided pensively before he climbed back down again and hurried away.	- Чем расхаживать голым, ты все-таки оделся бы, -посоветовал он, думая о чем-то своем.
'You might start a trend, and then I'll never get rid of all this goldarned cotton.'	- А то еще, чего доброго, подашь пример другим, и я вовек не сумею сплавить этот распроклятый хлопок. - Он заскользил вниз и, ступив на землю, поспешил прочь...

The Chaplain It was already some time since the chaplain had first begun wondering what everything was all about.	25. Капеллан С некоторых пор капеллан стал задумываться над тем, что творится вокруг.
Was there a God?	Имеет ли бог ко всему этому отношение?
How could he be sure?	А если имеет, то где тому доказательства?

Being an Anabaptist minister in the American Army was difficult enough under the best of circumstances; without dogma, it was almost intolerable.	Служить в американской армии священником-анабаптистом трудно даже при самых благоприятных обстоятельствах, а без твердой, догматической веры - почти невыносимо.
People with loud voices frightened him.	Горластые люди внушали капеллану страх.

Brave, aggressive men of action like Colonel Cathcart left him feeling helpless and alone.	Энергичные, напористые, вроде полковника Кэткарта, вызывали у него чувство беспомощности и одиночества.

Wherever he went in the Army, he was a stranger.	Где бы капеллан ни появился, для всех он был чужим.
Enlisted men and officers did not conduct themselves with him as they conducted themselves with other enlisted men and officers, and even other chaplains were not as friendly toward him as they were toward each other.	И нижние чины, и офицеры держались с ним иначе, чем с другими нижними чинами и офицерами, и даже остальные капелланы были между собой в более коротких отношениях, чем с ним.
In a world in which success was the only virtue, he had resigned himself to failure.	В мире, где успех - единственная добродетель, он сам обрек себя на неудачу.

He was painfully aware that he lacked the ecclesiastical aplomb and savoir-faire that enabled so many of his colleagues in other faiths and sects to get ahead.	Он болезненно осознавал, что лишен апломба и ловкости - качеств, столь необходимых для духовника, помогавших идти в гору столь многим его коллегам других вероисповеданий и сект.
He was just not equipped to excel.	Скорее всего он не был рожден для преуспеяния.
He thought of himself as ugly and wanted daily to be home with his wife.	Он считал себя уродом, и единственное, о чем он мечтал денно и нощно, - оказаться дома, возле своей жены.

Actually, the chaplain was almost good-looking, with a pleasant, sensitive face as pale and brittle as sandstone. His mind was open on every subject.	На самом деле капеллан был почти привлекательным: у него было приятное, нежное лицо, бледное и хрупкое, как известняк, и живой, открытый ум.
Perhaps he really was Washington Irving, and perhaps he really had been signing Washington Irving's name to those letters he knew nothing about.	А может, он и правда был Вашингтон Ирвинг? Может, он и правда ставил имя Вашингтона Ирвинга на тех неведомых ему письмах?
Such lapses of memory were not uncommon in medical annals, he knew.	Он знал, что подобные подвохи памяти не раз описаны в анналах медицины.

There was no way of really knowing anything. He remembered very distinctly-or was under the impression he remembered very distinctly- his feeling that he had met Yossarian somewhere before the first time he had met Yossarian lying in bed in the hospital.	Но ему было известно также, что ничего нельзя знать наверняка. Нельзя знать наверняка и то, что ничего нельзя знать наверняка. Он весьма отчетливо помнил, или ему это только казалось, что он отчетливо помнил, что где-то он уже видел Йоссариана еще до того, как впервые увидел его на госпитальной койке.

He remembered experiencing the same disquieting sensation almost two weeks later when Yossarian appeared at his tent to ask to be taken off combat duty.	Он помнил, что испытал такое же беспокойное чувство две недели спустя, когда Йоссариан зашел к нему в палатку с просьбой помочь избавиться от участия в боевых операциях.

By that time, of course, the chaplain had met Yossarian somewhere before, in that odd, unorthodox ward in which every patient seemed delinquent but the unfortunate patient covered from head to toe in white bandages and plaster who was found dead one day with a thermometer in his mouth. But the chaplain's impression of a prior meeting was of some occasion far more momentous and occult than that, of a significant encounter with Yossarian in some remote, submerged and perhaps even entirely spiritual epoch in which he had made the identical, foredooming admission that there	Но к тому-то времени он уже действительно встречал Йоссариана - в палатке госпиталя. Сомнения неотвязно грызли душу капеллана, мечущуюся в бренной хрупкой телесной оболочке.

Was there a single true faith, or a life after death?	Существуют ли единая, истинная вера и загробная жизнь?
How many angels could dance on the head of a pin, and with what matters did God occupy himself in all the infinite aeons before the Creation? Why was it necessary to put a protective seal on the brow of Cain if there were no other people to protect him from?	Сколько ангелов или чертей могут усесться на острие булавки? Чем занимался господь бог в безбрежном океане вечности, до того как сотворил мир?
Did Adam and Eve produce daughters?	Производили Адам и Ева на свет дочерей или нет?
These were the great, complex questions of ontology that tormented him.	Словом, множество вопросов мучило капеллана.

Yet they never seemed nearly as crucial to him as the question of kindness and good manners.	И все же ни один из них не был для него столь тяжким крестом, как вопрос доброты и умения держаться с людьми.
He was pinched perspinngly in the epistemological dilemma of the skeptic, unable to accept solutions to problems he was unwilling to dismiss as unsolvable.	До седьмого пота он бился в тисках труднейшей дилеммы: с одной стороны, он был не в состоянии разрешить свои проблемы; с другой - он не желал отбросить их как неразрешимые.

He was never without misery,
and never without hope. 'Have you ever,' he inquired hesitantly of Yossarian that day in his tent as Yossarian sat holding in both hands the warm bottle of Coca-Cola with which the chaplain had been able to solace him, 'been in a situation which you felt you had been in before, even though you knew you were experiencing it for the first time?' Yossarian
nodded
perfunctorily, and the chaplain's
breath quickened in anticipation as he made ready to join his will power with Yossarian's in a prodigious effort to rip away at last the voluminous

It was possible that there were other vus of which he had never heard and that one of these other vus would explain succinctly the bafing phenomenon of which he had been both a witness and a part; it was even possible that none of what he thought had taken place, really had taken place, that he was dealing with an aberration of memory rather than of perception, that he never really had thought he had seen, that his impression now that he once had thought so was merely the illusion of an illusion, and that he was only now imagining that he had ever once imagined seeing a naked man	Возможно, что ничего из того, о чем он размышлял, в действительности не имело места, что это - всего лишь аберрация памяти, а не реальное ощущение, что на самом деле он никогда и не думал о том, что раньше видел то, о чем думал сейчас, что просто однажды он думал, что видел это, и его нынешнее впечатление, будто он когда-то о чем-то думал, - всего лишь иллюзия иллюзии и что теперь он просто вообразил, будто когда-то видел голого человека на дереве, неподалеку от кладбища.

It was obvious to the chaplain now that he was not particularly well suited to his work, and he often speculated whether he might not be happier serving in some other branch of the service, as a private in the infantry or field artillery, perhaps, or even as a paratrooper.	Для капеллана стало очевидным, что он не очень-то подходит для своей должности, и он частенько раздумывал над тем, что, служи он в других родах войск, скажем, рядовым в пехоте или артиллерии или даже десантником, возможно, он был бы гораздо счастливей.
He had no real friends.	У него не было настоящих друзей.

Before meeting Yossarian, there was no one in the group with whom he felt at ease, and he was hardly at ease with Yossarian, whose frequent rash and insubordinate outbursts kept him almost constantly on edge and in an ambiguous state of enjoyable trepidation.	До встречи с Йоссарианом он не чувствовал себя свободно ни с одним человеком в полку, да и с Йоссарианом он не мог чувствовать себя особенно непринужденно. Грубые выходки Йоссариана, его наскоки на начальство постоянно держали капеллана в нервном напряжении: он и радовался, и одновременно трепетал от страха.

The chaplain felt safe when he was at the officers' club with Yossarian and Dunbar, and even with just Nately and McWatt.	Капеллан чувствовал себя в своей тарелке, когда приходил в офицерский клуб в обществе Йоссариана и Данбэра или хотя бы Нейтли и Макуотта.

When he sat with them he had no need to sit with anyone else; his problem of where to sit was solved, and he was protected against the undesired company of all those fellow officers who invariably welcomed him with excessive cordiality when he approached and waited uncomfortably for him to go away.	Он сидел с ними, и этого ему было вполне достаточно, ибо, во-первых, тем самым разрешалась проблема, где и с кем сидеть, а во-вторых, он избавлялся от нежелательной компании молодых офицеров, которые, стоило ему приблизиться, неизменно приветствовали его с подчеркнутой сердечностью, а сами, нетерпеливо ерзая, ожидали, когда он от них отойдет.
He made so many people uneasy.	От одного его присутствия многим становилось не по себе.

Everyone was always very friendly toward him, and no one was ever very nice; everyone spoke to him, and no one ever said anything.	Все относились к нему дружески, а душевно -никто. Все перекидывались с ним парой пустых фраз, и никто не говорил ни о чем существенном.
Yossarian and Dunbar were much more relaxed, and the chaplain was hardly uncomfortable with them at all.	Непринужденней всех вели себя с ним Йоссариан и Данбэр, и капеллан чувствовал себя в их обществе почти свободно.
They even defended him the night Colonel Cathcart tried to throw him out of the officers' club again, Yossarian rising truculently to intervene and Nately shouting out,	В тот вечер, когда полковник Кэткарт пытался вышвырнуть его из офицерского клуба, друзья отстояли его. Дрожа от ярости, Йоссариан поднялся и хотел вмешаться, но Нейтли удержал его криком:

'Yossarian!' to restrain him.	"Йоссариан!"
Colonel Cathcart turned white as a sheet at the sound of Yossarian's name, and, to everyone's amazement, retreated in horrified disorder until he bumped into General Dreedle, who elbowed him away with annoyance and ordered him right back to order the chaplain to start coming into the officers' club every night again.	Едва заслышав это имя, полковник Кэткарт побледнел как полотно и, к всеобщему изумлению, обратился в беспорядочное бегство, но вдруг столкнулся с генералом Дридлом. Тот сердито отпихнул полковника локтем и тут же заставил его приказать капеллану, чтобы тот посещал офицерский клуб каждый вечер.

The chaplain had almost as much trouble keeping track of his status at the officers' club as he had remembering at which of the ten mess halls in the group he was scheduled to eat his next meal.	Официальный статус капеллана в офицерском клубе был весьма мудрен, соблюдать его было столь же хлопотно, как и припоминать, в которой из десяти столовых авиаполка он должен сегодня обедать по расписанию.
He would just as soon have remained kicked out of the officers' club, had it not been for the pleasure he was now finding there with his new companions.	Собственно, он мог бы махнуть рукой на офицерский клуб, если бы не удовольствие, которое он получал от общения в клубе со своими новыми друзьями.
If the chaplain did not go to the officers' club at night, there was no place else he could go.	Если капеллан вечером не шел в офицерский клуб, то ему просто некуда было деться.

He would pass the time at Yossarian's and Dunbar's table with a shy, reticent smile, seldom speaking unless addressed, a glass of thick sweet wine almost untasted before him as he toyed unfamiliarly with the tiny corncob pipe that he affected selfconsciously and occasionally stuffed with tobacco and smoked.	А в клубе он мог провести время за столиком с Йоссарианом и Данбэром. Обычно он говорил только в том случае, если к нему обращались, почти не прикасался к своему бокалу густого, сладкого вина и, скованно, застенчиво улыбаясь, неловко вертел в руках трубочку, которую время от времени набивал табаком, и изредка затягивался - только для виду.

He enjoyed listening to Nately, whose maudlin, bittersweet lamentations mirrored much of his own romantic desolation and never failed to evoke in him resurgent tides of longing for his wife and children.	Он с удовольствием слушал Нейтли, чьи сентиментальные, сладостно-грустные жалобы в значительной степени перекликались с мыслями капеллана о собственном одиночестве и вызывали в нем прилив тоски по жене и детям.
The chaplain would encourage Nately with nods of comprehension or assent, amused by his candor and immaturity.	Капеллан охотно соглашался с Нейтли и, подбадривая его сочувственными кивками, удивлялся его искренности и неопытности.

Nately did not glory too immodestly that his girl was a prostitute, and the chaplain's awareness stemmed mainly from Captain Black, who never slouched past their table without a broad wink at the chaplain and some tasteless, wounding gibe about her to Nately.	Нейтли особенно не трезвонил о том, что его подружка - проститутка, и сведения на этот счет капеллан получал главным образом от капитана Блэка. Проходя вразвалку мимо их столика, капитан Блэк не упускал случая грубовато подмигнуть капеллану и уколоть Нейтли какой-нибудь хамской, оскорбительной шуточкой по поводу его подружки.
The chaplain did not approve of Captain Black and found it difficult not to wish him evil.	Капеллан не одобрял капитана Блэка и считал, что трудно не пожелать зла такому человеку.

No one, not even Nately, seemed really to appreciate that he, Chaplain Robert Oliver Shipman, was not just a chaplain but a human being, that he could have a charming, passionate, pretty wife whom he loved almost insanely and three small blue-eyed children with strange, forgotten faces who would grow up someday to regard him as a freak and who might never forgive him for all the social embarrassment his vocation would cause them.	Но никто, даже Нейтли, кажется, по-настоящему не отдавал себе отчета в том, что он, Альберт Тейлор Тэппман, не только капеллан, но и живой человек, что у него могла быть очаровательная, нежная, красивая жена, которую он любил безумно, и трое голубоглазых детишек, черты которых потускнели в его памяти. Повзрослев, они будут смотреть на своего отца как на чудака и, быть может, никогда не простят ему, что из-за его сана им приходится испытывать некоторую неловкость в обществе.

Why couldn't anybody understand that he was not really a freak but a normal, lonely adult trying to lead a normal, lonely adult life?	Почему никто не хочет понять, что на самом деле он вовсе не чудак, а нормальный, взрослый, но одинокий человек, пытающийся вести нормальную жизнь одинокого взрослого человека?
If they pricked him, didn't he bleed?	Разве из него не заструится кровь, если его уколоть ножом?
And if he was tickled, didn't he laugh?	Разве он не засмеется, если его пощекотать?

It seemed never to have occurred to them that he, just as they, had eyes, hands, organs, dimensions, senses and affections, that he was wounded by the same kind of weapons they were, warmed and cooled by the same breezes and fed by the same kind of food, although, he was forced to concede, in a different mess hall for each successive meal.	Кажется, им никогда не приходило в голову, что у него, как и у них, есть глаза, руки, внутренние органы, рост, вес, чувства, привязанности! Разве его ранит не то же оружие, что ранит их, разве его не так же согревает лето и знобит зима, как остальных людей, и разве не та же пища питает его, даже если его вынуждают питаться по очереди в разных столовых?

The only person who did seem to realize he had feelings was Corporal Whitcomb, who had just managed to bruise them all by going over his head to Colonel Cathcart with his proposal for sending form letters of condolence home to the families of men killed or wounded in combat.	Единственный, кто действительно понимал, что у капеллана есть нервы, был капрал Уитком, который успешно действовал на нервы капеллану тем, что через его голову обращался к полковнику Кэткарту с предложением рассылать официальные письма-соболезнования семьям убитых или раненых в бою.

The chaplain's wife was the one thing in the world he could be certain of, and it would have been sufficient, if only he had been left to live his life out with just her and the children.	Жена капеллана была единственным существом на свете, которому он мог верить, и он просил у судьбы только одного: прожить с женой и детьми до гробовой доски.

The chaplain's wife was a reserved, diminutive, agreeable woman in her early thirties, very dark and very attractive, with a narrow waist, calm intelligent eyes, and small, bright, pointy teeth in a childlike face that was vivacious and petite; he kept forgetting what his children looked like, and each time he returned to their snapshots it was like seeing their faces for the first	Жена капеллана была миниатюрная, сдержанная, покладистая, темноволосая, необыкновенно привлекательная, живая и изящная женщина лет тридцати с лишним. У нее была тонкая талия, спокойные, умные глаза и мелкие, острые зубки, сверкавшие на ее детском личике. Капеллан стал забывать, как выглядят его дети, и всякий раз, рассматривая снимки, испытывал ощущение, будто видит их лица впервые.

The chaplain loved his wife and children with such tameless intensity that he often wanted to sink to the ground helplessly and weep like a castaway cripple.	Капеллан любил свою жену и детей с такой необуздан-ной силой, что ему часто хотелось пасть на землю и рыдать, как беспомощному, бесприютному калеке.

He was tormented inexorably by morbid fantasies involving them, by dire, hideous omens of illness and accident. His meditations were polluted with threats of dread diseases like Ewing's tumor and leukemia; he saw his infant son die two or three times every week because he had never taught his wife how to stop arterial bleeding; watched, in tearful, paralyzed silence, his whole family electrocuted, one after the other, at a baseboard socket because he had never told her that a human body would conduct electricity; all four went up in flames almost every	

The chaplain's wife was a sweet, soothing, considerate woman, and he yearned to touch the warm flesh of her slender arm again and stroke her smooth black hair, to hear her intimate, comforting voice. She was a much stronger person than he was. He wrote brief, untroubled letters to her once a week, sometimes twice. He wanted to write urgent love letters to her all day long and crowd the endless pages with desperate, uninhibited confessions of his humble worship and need and xwith careful instructions	От жены, милой и рассудительной, веяло покоем, и капеллан мечтал коснуться ее теплой, тонкой руки, погладить ее гладкие черные волосы, услышать ее родной, ласковый голос.

He wanted to pour out to her in torrents of self-pity all his unbearable loneliness and despair and warn her never to leave the boric acid or the aspirin in reach of the children or to cross a street against the traffic light. He did not wish to worry her. The chaplain's wife was intuitive, gentle, compassionate and responsive. Almost inevitably, his reveries of reunion with her ended in explicit acts of love-making.	Ему хотелось излить свои горести, поведать о своем невыносимом одиночестве, отчаянье и заодно предупредить, чтобы она не оставляла на виду у детей борную кислоту и аспирин, а также, чтобы она переходила улицу только при зеленом свете.

The chaplain felt most deceitful presiding at funerals, and it would not have astonished him to learn that the apparition in the tree that day was a manifestation of the Almighty's censure for the blasphemy and pride inherent in his function.	Капеллан остро ощущал всю вопиющую фальшь своего главенствующего положения на похоронах, и он бы не удивился, узнав, что появление призрака на дереве свидетельствует об осуждении господом богохульства и гордыни, свойственной профессии священника.

To simulate gravity, feign grief and pretend supernatural intelligence of the hereafter in so fearsome and arcane a circumstance as death seemed the most criminal of offenses.	Напускать на себя серьезность, симулировать горе, прикидываться, будто понимаешь мистический смысл потусторонней жизни (и все это перед лицом столь устрашающего и непостижимого явления, как смерть), казалось капеллану самым тяжким преступлением.
He recalled-or was almost convinced he recalled-the scene at the cemetery perfectly.	Он помнил - или был почти убежден, что помнит, - сцену похорон до мельчайших подробностей.

He could still see Major Major and Major Danby standing somber as broken stone pillars on either side of him, see almost the exact number of enlisted men and almost the exact places in which they had stood, see the four unmoving men with spades, the repulsive coffin and the large, loose, triumphant mound of reddish-brown earth, and the massive, still, depthless, muffling sky, so weirdly blank and blue that day it was almost poisonous.	Он до сих пор видел перед собой как наяву майора Майора и майора Дэнби - они стояли по бокам от него, оба мрачные, как каменные изваяния; он мог бы мысленно пересчитать всех солдат и описать место, где стоял каждый; он видел четверых неподвижных солдат с лопатами, отвратительный гроб и большую, рыхлую, торжественно возвышавшуюся кучу красновато-коричневой земли. А небо в тот день было массивным, спокойным, плоским, точно лишенным глубины, безмолвным, поразительно чистым и ядовито-голубым.

He would remember them forever, for they were all part and parcel of the most extraordinary event that had ever befallen him, an event perhaps marvelous, perhaps pathological-the vision of the naked man in the tree.	И все эти подробности он не забудет никогда, ибо они были неотъемлемыми деталями самого экстраординарного события в жизни капеллана. Событие это принадлежало не то к области чудес, не то к области патологии: ему привиделся голый человек на дереве.
How could he explain it?	Как все это объяснить?

It was not already seen or never seen, and certainly not almost seen; neither déjà vu, jamais vu nor presque vu was elastic enough to cover it.	Это не было "уже виденное" или "никогда не виденное", и наверняка это не было "почти виденным".
Was it a ghost, then?	Тогда, может быть, это был призрак?
The dead man's soul?	Или душа покойного?
An angel from heaven or a minion from hell?	Ангел небес или исчадье ада?

Or was the whole fantastic episode merely the figment of a diseased imagination, his own, of a deteriorating mind, a rotting brain?	А может быть, весь этот фантастический эпизод -только плод его больного воображения, продукт его собственного меркнущего сознания и умственной деградации?

The possibility that there really had been a naked man in the tree-two men, actually, since the first had been joined shortly by a second man clad in a brown mustache and sinister dark garments from head to toe who bent forward ritualistically along the limb of the tree to offer the first man something to drink from a brown goblet-never crossed the chaplain's mind.	Мысль о том, что на дереве действительно сидел голый человек, никогда не приходила капеллану в голову. Впрочем, если говорить точнее, капеллан видел двоих, ибо вскоре к первому присоединился второй - с каштановыми усами, в зловеще-темном одеянии; взгромоздившись на сук, он с ритуальным поклоном предложил первому отпить нечто из коричневого кубка.

The chaplain was sincerely a very helpful person who was never able to help anyone, not even Yossarian when he finally decided to seize the bull by the horns and visit Major Major secretly to learn if, as Yossarian had said, the men in Colonel Cathcart's group really were being forced to fly more combat missions than anyone else.	Капеллан искренне стремился помочь всем и каждому, но ему не удавалось помочь никому, даже Йоссариану. Капеллан в конце концов решил тайком посетить майора Майора, чтобы узнать, прав ли Йоссариан, утверждая, что полковник Кэткарт заставляет своих летчиков делать больше боевых вылетов, чем делают летчики других полков.

It was a daring, impulsive move on which the chaplain decided after quarreling with Corporal Whitcomb again and washing down with tepid canteen water his joyless lunch of Milky Way and Baby Ruth.	Это был дерзкий поступок, на который капеллан отважился после очередной ссоры с капралом Уиткомом и очередного унылого завтрака -кусочка шоколада "Млечный путь" и нескольких глотков тепловатой водички из фляжки.

He went to Major Major on foot so that Corporal Whitcomb would not see him leaving, stealing into the forest noiselessly until the two tents in his clearing were left behind, then dropping down inside the abandoned railroad ditch, where the footing was surer.	Он отправился к майору Майору пешком, стараясь, чтобы его не заметил капрал Уитком. Капеллан бесшумно прокрался в лес и, когда обе палатки на поляне исчезли из виду, нырнул в заброшенную железнодорожную выемку, где идти было удобнее.
He hurried along the fossilized wooden ties with accumulating mutinous anger.	Он торопливо ступал по высохшим шпалам, и в груди его нарастало чувство протеста и злости.

He had been browbeaten and humiliated successively that morning by Colonel Cathcart, Colonel Korn and Corporal Whitcomb.	В это утро его поочередно унижали и запугивали полковник Кэткарт, подполковник Корн и капрал Уитком.
He just had to make himself felt in some respect!	Нет, он должен дать им почувствовать, что он тоже чего-то стоит!
His slight chest was soon puffing for breath.	Вскоре он начал задыхаться: его слабая грудь заходила ходуном.
He moved as swiftly as he could without breaking into a run, fearing his resolution might dissolve if he slowed.	Он спешил что было мочи, едва не бежал, боясь, что, стоит ему замедлить шаг, и его решимость улетучится.

Soon he saw a uniformed figure coming toward him between the rusted rails.	Вдруг он заметил военного, шедшего ему навстречу по шпалам.
He clambered immediately up the side of the ditch, ducked inside a dense copse of low trees for concealment and sped along in his original direction a narrow, overgrown mossy path he found winding deep inside the shaded forest.	Чтобы остаться незамеченным, капеллан тут же вскарабкался по склону выемки и нырнул в густой подлесок. По узкой, заросшей мхом тропинке, вившейся под сенью деревьев, он заспешил в прежнем направлении.

It was tougher going there, but he plunged ahead with the same reckless and consuming determination, slipping and stumbling often and stinging his unprotected hands on the stubborn branches blocking his way until the bushes and tall ferns on both sides spread open and he lurched past an olive-drab military trailer on cinder blocks clearly visible through the thinning underbrush.	Идти здесь было трудней, но он стремился вперед все с той же безрассудной, самозабвенной решимостью, то и дело скользя и спотыкаясь. Ветки упрямо преграждали ему путь и царапали руки. Но вот наконец кусты и высокие папоротники расступились, и капеллан, пошатываясь, прошагал мимо стоявшего на шлакоблоках грязно-оливкового трейлера, хорошо видного сквозь поредевший кустарник.

He continued past a tent with a luminous pearl-gray cat sunning itself outside and past another trailer on cinder blocks and then burst into the clearing of Yossarian's squadron.	Он миновал палатку, возле которой грелся на солнышке кот с жемчужно-серой переливчатой шерстью, миновал еще один трейлер на шлакоблоках и выскочил на поляну, где размещалась эскадрилья Йоссариана.
A salty dew had formed on his lips.	Соленый пот стекал на губы.

He did not pause, but strode directly across the clearing into the orderly room, where he was welcomed by a gaunt, stoop-shouldered staff sergeant with prominent cheekbones and long, very light blond hair, who informed him graciously that he could go right in, since Major Major was out.	Не мешкая, капеллан устремился прямо через поляну в штабную палатку, где навстречу ему поднялся тощий, сутулый, скуластый сержант-штабист с длинными светлыми волосами и любезным тоном сообщил, что капеллан может войти в кабинет, поскольку майора Майора там нет.
The chaplain thanked him with a curt nod and proceeded alone down the aisle between the desks and typewriters to the canvas partition in the rear.	Капеллан поблагодарил его отрывистым кивком и мимо столов с пишущими машинками прошел к брезентовому пологу, разделявшему палатку надвое.

He bobbed through the triangular opening and found himself inside an empty office.	Откинув угол полога, он оказался в пустом кабинете.
The flap fell closed behind him. He was breathing hard and sweating profusely.	Брезент опустился за его спиной.
The office remained empty.	Кабинет по-прежнему был пуст.
He thought he heard furtive whispering.	Ему почудилось, что он слышит приглушенные голоса.
Ten minutes passed.	Прошло десять минут.

He looked about in stern displeasure, his jaws clamped together indomitably, and then turned suddenly to water as he remembered the staff sergeant's exact words: he could go right in, since Major Major was out.	Стиснув зубы, капеллан недовольно осмотрелся, и внезапно слезы подступили к горлу - до него только сейчас дошел истинный смысл слов сержанта: он может войти, поскольку майора Майора нет.
The enlisted men were playing a practical joke!	Нижние чины попросту разыграли его!
The chaplain shrank back from the wall in terror, bitter tears springing to his eyes. A pleading whimper escaped his trembling lips.	Капеллан в ужасе отпрянул от стены. Горькие слезы навернулись ему на глаза, с дрожащих губ сорвался жалкий стон.

Major Major was elsewhere, and the enlisted men in the other room had made him the butt of an inhuman prank.	Майор Майор куда-то ушел, а жестокие писаря сделали из капеллана посмешище.
He could almost see them waiting on the other side of the canvas wall, bunched up expectantly like a pack of greedy, gloating omnivorous beasts of prey, ready with their barbaric mirth and jeers to pounce on him brutally the moment he reappeared.	Он ясно представлял себе эту стаю лукавых, злорадных, ненасытных бестий: сбившись в кучу по ту сторону брезентового занавеса, они нетерпеливо ожидают его появления, готовые обрушить на него шквал диких, издевательских насмешек.

He cursed himself for his gullibility and wished in panic for something like a mask or a pair of dark glasses and a false mustache to disguise him, or for a forceful, deep voice like Colonel Cathcart's and broad, muscular shoulders and biceps to enable him to step outside fearlessly and vanquish his malevolent persecutors with an overbearing authority and self-confidence that would make them all quail and slink away cravenly in repentance.	Он клял себя за легковерие и в панике озирался по сторонам, словно надеясь найти что-нибудь вроде маски, или пары темных очков, или фальшивых усов. чтобы стать неузнаваемым. Ах, будь у него зычный бас, как у полковника Кэткарта, широкие мускулистые плечи и бицепсы, тогда бы он бесстрашно вышел к своим преследователям и властно заставил бы их поджать хвосты и трусливо улизнуть - они бы еще крепко пожалели о своей проделке.

He lacked the courage to face them.	Но встретиться с ними лицом к лицу капеллану не хватило смелости.
The only other way out was the window.	К счастью, он заметил другой путь на свободу -через окно.
The coast was clear, and the chaplain jumped out of Major Major's office through the window, darted swiftly around the corner of the tent, and leaped down inside the railroad ditch to hide.	Путь был свободен. Капеллан выскочил в окошко кабинета майора Майора, шмыгнул за угол палатки и спрыгнул в железнодорожную выемку, боясь, как бы его не заметили.

He scooted away with his body doubled over and his face contorted intentionally into a nonchalant, sociable smile in case anyone chanced to see him.	Согнувшись в три погибели, он мчался по дну выемки. Лицо его скривилось, изображая на случай непредвиденной встречи беспечную, любезную улыбку.
He abandoned the ditch for the forest the moment he saw someone coming toward him from the opposite direction and ran through the cluttered forest frenziedly like someone pursued, his cheeks burning with disgrace.	Однако, завидев какого-то человека, шедшего навстречу, он проворно взвился по склону выемки и метнулся как безумный в чащобу, точно за ним гнались с собаками. Щеки его горели от стыда.

He heard loud, wild peals of derisive laughter crashing all about him and caught blurred glimpses of wicked, beery faces smirking far back inside the bushes and high overhead in the foliage of the trees.	Ему чудились громкие раскаты издевательского хохота, от которого сотрясалось все вокруг. Он чувствовал на себе мутные взгляды злобных бородачей, ухмылявшихся из кустов и с верхушек деревьев.
Spasms of scorching pains stabbed through his lungs and slowed him to a crippled walk.	Жгучая боль пронзила его грудь, и он заковылял, с трудом волоча ноги.

He lunged and staggered onward until he could go no farther and collapsed all at once against a gnarled apple tree, banging his head hard against the trunk as he toppled forward and holding on with both arms to keep from falling.	Судорожно и жадно хватая ртом воздух, он брел, пошатываясь, вперед, пока окончательно не выбился из сил. Ноги его вдруг подкосились. Падая, он больно ударился головой о яблоню и наверняка бы рухнул на землю, если б не успел обеими руками обхватить кривой ствол яблони.
His breathing was a rasping, moaning din in his ears.	Дыхание с хрипом вырывалось из груди капеллана, в ушах звенело.

Minutes passed like hours before he finally recognized himself as the source of the turbulent roar that was overwhelming him.	Минуты казались часами, но когда он наконец пришел в себя, то понял, что источник оглушительного шума, столь поразившего его, -он сам.
The pains in his chest abated.	Боль в груди ослабла.
Soon he felt strong enough to stand.	Скоро он почувствовал, что может держаться на ногах.

He cocked his ears craftily. The forest was quiet. There was no demonic laughter, no one was chasing him.	Он напряженно прислушался: в лесу было тихо -за ним никто не гнался, не слышно было демонического хохота.

He was too tired and sad and dirty to feel relieved.	Но легче ему от этого не стало - слишком он устал и перенервничал.
He straightened his disheveled clothing with fingers that were numb and shaking and walked the rest of the way to the clearing with rigid self-control. The chaplain brooded often about the danger of heart attack.	Дрожащими, онемелыми пальцами он оправил на себе перепачканную, измятую одежду, твердо взял себя в руки и весь остаток пути до самой поляны прошел спокойным шагом: он побаивался умереть от сердечного приступа.
Corporal Whitcomb's jeep was still parked in the clearing.	Джип капрала Уиткома по-прежнему стоял на поляне.

The chaplain tiptoed stealthily around the back of Corporal Whitcomb's tent rather than pass the entrance and risk being seen and insulted by him.	Капеллан, крадучись, обошел сзади палатку капрала Уиткома: он не хотел попадаться капралу на глаза, чтобы не нарваться на оскорбление.
Heaving a grateful sigh, he slipped quickly inside his own tent and found Corporal Whitcomb ensconced on his cot, his knees propped up.	Облегченно вздохнув, он проскользнул в свою палатку. На его койке, задрав нога, удобно расположился капрал Уиткоm.

Corporal Whitcomb's mud-caked shoes were on the chaplain's blanket, and he was eating one of the chaplain's candy bars as he thumbed with sneering expression through one of the chaplain's Bibles.	Облепленные засохшей грязью башмаки капрала покоились на одеяле капеллана, а сам капрал, ухмыляясь, листал капелланову библию и грыз плитку шоколада из запасов хозяина.
'Where've you been?' he demanded rudely and disinterestedly, without looking up.	- Где вы были? - спросил капрал Уитком безразличным тоном, не отрывая глаз от библии.
The chaplain colored and turned away evasively.	Капеллан покраснел и ответил уклончиво:
' I went for a walk through the woods.'	- Гулял в лесу.

'All right,' Corporal Whitcomb snapped. 'Don't take me into your confidence.	- Хорошо, - огрызнулся капрал Уитком, - не хотите доверять - не надо.
But just wait and see what happens to my morale.'	Но учтите, своим недоверием вы подрываете мои моральные устои.
He bit into the chaplain's candy bar hungrily and continued with a full mouth. 'You had a visitor while you were gone. Major Major.'	- Он отгрыз большой кусок шоколада и продолжал с набитым ртом: - Пока вас не было, к вам приходил майор Майор.
The chaplain spun around with surprise and cried:	Чуть не подпрыгнув от удивления, капеллан воскликнул:
' Major Major?	- Майор Майор?
Major Major was here?'	Здесь был майор Майор?

' That's who we're talking about, isn't it?'	- А я о ком толкую?
'Where did he go?'	- Где же он?
'He jumped down into that railroad ditch and took off like a frightened rabbit.' Corporal Whitcomb snickered.	- Он спрыгнул в железнодорожную выемку и понесся, как перепуганный кролик, - заржал капрал Уитком.
' What a jerk!'	- Шустрый малый!
' Did he say what he wanted?'	- Он не сказал, что ему было нужно?

'He said he needed your help in a matter of great importance.'	- Сказал, что вы ему нужны по чрезвычайно важному делу.

The chaplain was astounded. 'Major Major said that?'	- Это майор Майор так сказал? - ахнул капеллан.
'He didn't say that,' Corporal Whitcomb corrected with withering precision.	- Он не сказал это, - язвительно поправил капрал Уитком, - он написал это и оставил в запечатанном конверте на вашем столе.

'He wrote it down in a sealed personal letter he left on your desk.' The chaplain glanced at the bridge table that served as his desk and saw only the abominable orange-red pear-shaped plum tomato he had obtained that same morning from Colonel Cathcart, still lying on its side where he had forgotten it like an indestructible and incamadine symbol of his own ineptitude.	Капеллан взглянул на карточный столик, который служил ему письменным столом, но там ничего не было, кроме противного оранжево-красного, похожего на грушу помидорчика, которым в это утро угостил его полковник Кэткарт. Помидор лежал в том же самом положении, на том же самом месте, где он его оставил, - как нерушимый рдеющий символ капелланової беспомощности.
' Where is the letter?'	- А где же письмо?
' I threw it away as soon as I tore it open and read it.'	- Я его прочитал, разорвал и выбросил.

Corporal Whitcomb slammed the Bible shut and jumped up.	- Капрал с треском захлопнул библию и вскочил.
' What's the matter?	- В чем дело?
Won't you take my word for it?'	Вы что, не верите мне на слово?
He walked out. He walked right back in and almost collided with the chaplain, who was rushing out behind him on his way back to Major Major.	- Он вышел и тут же вошел, едва не столкнувшись с капелланом, который хотел было отправиться на поиски майора Майора.
'You don't know how to delegate responsibility,' Corporal Whitcomb informed him sullenly.	- Вы боитесь поручать своим подчиненным ответственную работу, - обиженнным тоном заявил капрал Уитком.

'That's another one of the things that's wrong with you.'	- Это еще один ваш недостаток.
The chaplain nodded penitently and hurried past, unable to make himself take the time to apologize.	Капеллан виновато кивнул и так заторопился, что даже забыл извиниться.
He could feel the skillful hand of fate motivating him imperatively.	Он почувствовал властную и искусную руку судьбы.
Twice that day already, he realized now, Major Major had come racing toward him inside the ditch; and twice that day the chaplain had stupidly postponed the destined meeting by bolting into the forest.	Теперь он понял, что дважды в этот день майор Майор спешил ему навстречу по железнодорожной выемке и дважды, метнувшись в лес, капеллан сам по глупости отсрочил эту судьбой предопределенную встречу.

He seethed with self-recrimination as he hastened back as rapidly as he could stride along the splintered, irregularly spaced railroad ties.	Он торопился изо всех сил, шагая по рассохшимся вкось вкривь шпалам, и клял себя последними словами.
Bits of grit and gravel inside his shoes and socks were grinding the tops of his toes raw.	Песок и мелкий гравий набились ему в ботинки и до крови растирали ноги.
His pale, laboring face was screwed up unconsciously into a grimace of acute discomfort.	Он не замечал, что его бледное, усталое лицо скривилось от острой боли.

The early August afternoon was growing hotter and more humid.	Августовский полдень был жарким и душным.

It was almost a mile from his tent to Yossarian's squadron.	Почти миля отделяла палатку капеллана от эскадрильи Йоссариана.
The chaplain's summer-tan shirt was soaking with perspiration by the time he arrived there and rushed breathlessly back inside the orderly room tent, where he was halted peremptorily by the same treacherous, soft-spoken staff sergeant with round eyeglasses and gaunt cheeks, who requested him to remain outside because Major Major was inside and told him he would not be allowed inside until Major Major went out.	Покуда он добрался до места, его летняя рубашка взмокла от пота. С трудом переводя дух, капеллан ворвался в штабную палатку, где его решительно остановил все тот же вероломный, сладкоречивый, очкастый сержант-штабист с впалыми щеками. Он попросил капеллана обождать, поскольку майор Майор находится у себя в кабинете. Сержант добавил, что капитан сможет войти в кабинет, как только майор майор оттуда выйдет.

The chaplain looked at him in an uncomprehending daze.	Капеллан уставился на него с недоумением.
Why did the sergeant hate him? he wondered.	"За что это сержант так меня ненавидит?" - думал он.
His lips were white and trembling.	Губы капеллана побелели и задрожали.
He was aching with thirst.	Помимо всего прочего, его мучила жажда.
What was the matter with people?	Что творится с людьми?
Wasn't there tragedy enough?	Разве и без того мало трагедий?
The sergeant put his hand out and held the chaplain steady.	Сержант вытянул руку и преградил капеллану путь.

'I'm sorry, sir,' he said regretfully in a low, courteous, melancholy voice. 'But those are Major Major's orders.	- Виноват, сэр, - сказал он вежливо, - но таков приказ майора Майора.
He never wants to see anyone.'	Он никого не хочет видеть.
'He wants to see me,' the chaplain pleaded.	- Но меня он хочет видеть, - умоляюще произнес капеллан.
'He came to my tent to see me while I was here before.'	- Как раз, когда я был здесь, он заходил ко мне.
' Major Major did that?' the sergeant asked.	- Майор Майор заходил? - переспросил сержант.
' Yes, he did.	- Да, заходил.
Please go in and ask him.'	Прошу вас, загляните к нему и спросите сами.

'I'm afraid I can't go in, sir.	- Боюсь, что не смогу этого сделать, сэр.
He never wants to see me either.	Он меня не хочет видеть.
Perhaps if you left a note.'	Вот разве вы оставите ему записку...
' I don't want to leave a note.	- Но я не хочу оставлять записку.
Doesn't he ever make an exception?'	Он же делает для кого-то исключение?
' Only in extreme circumstances.	- Только в крайних случаях.

The last time he left his tent was to attend the funeral of one of the enlisted men.	Последний раз он покинул палатку, чтобы присутствовать на похоронах одного солдата.

The last time he saw anyone in his office was a time he was forced to.	А в своем кабинете он принимал только раз, и то потому, что его к этому принудили.
A bombardier named Yossarian forced-'	Бомбардир, по имени Йоссариан, заставил...
'Yossarian?' The chaplain lit up with excitement at this new coincidence.	- Йоссариан? - услышав о таком совпадении, капеллан весь так и вспыхнул.
Was this another miracle in the making?	Неужели на его глазах творится новое чудо?
'But that's exactly whom I want to speak to him about!	- Именно об этом человеке я и хотел поговорить.
Did they talk about the number of missions Yossarian has to fly?'	Они обсуждали количество вылетов, которые Йоссариан должен сделать?

' Yes, sir, that's exactly what they did talk about.	- Да, сэр, как раз об этом они и говорили.
Captain Yossarian had flown fifty-one missions, and he appealed to Major Major to ground him so that he wouldn't have to fly four more.	У капитана Йоссариана пятьдесят один вылет, и он обратился к майору Майору с просьбой списать его на землю и избавить от оставшихся четырех вылетов.
Colonel Cathcart wanted only fifty-five missions then.'	В ту пору полковник Кэткарт требовал только пятьдесят пять вылетов.
' And what did Major Major say?'	- И что сказал майор Майор?
'Major Major told him there was nothing he could do.'	- Майор Майор сказал, что он ровным счетом ничего не может сделать.

The chaplain's face fell.	Лицо капеллана вытянулось.
' Major Major said that?'	- Это майор Майор так сказал?
'Yes, sir.	- Да, сэр.
In fact, he advised Yossarian to go see you for help.	Точнее говоря, он посоветовал Йоссариану обратиться за помощью к вам.
Are you certain you wouldn't like to leave a note, sir?	Так вы уверены, сэр, что не хотите оставить записку?
I have a pencil and paper right here.'	Вот вам карандаш и бумага.
The chaplain shook his head, chewing his clotted dry lower lip forlornly, and walked out.	Покусывая запекшиеся губы, капеллан досадливо покачал головой и вышел на улицу.

It was still so early in the day, and so much had already happened.	До вечера еще было далеко, а произошло уже столько событий.
The air was cooler in the forest.	В лесу воздух был прохладней.
His throat was parched and sore.	Горло капеллана пересохло и саднило.
He walked slowly and asked himself ruefully what new misfortune could possibly befall him a moment before the mad hermit in the woods leaped out at him without warning from behind a mulberry bush.	Он медленно брел по лесу, грустно вопрошая себя, какие новые неприятности судьба еще обрушит на его голову, как вдруг из-за тутовых зарослей выскочил безумный лесной отшельник.

The chaplain screamed at the top of his voice.	Капеллан завопил что было мочи.

The tall, cadaverous stranger fell back in fright at the chaplain's cry and shrieked,	Высокий, похожий на покойника незнакомец, перепуганный криком капеллана, отпрянул и завизжал:
' Don't hurt me!'	- Не трогайте меня!
'Who are you?' the chaplain shouted.	- Кто вы? - выкрикнул капеллан.
'Please don't hurt me!' the man shouted back.	- Прошу вас, не трогайте меня! - завопил в ответ человек.
' I'm the chaplain!'	- Я капеллан!
'Then why do you want to hurt me?'	- Тогда что вам от меня нужно?

'I don't want to hurt you!' the chaplain insisted with a rising hint of exasperation, even though he was still rooted to the spot.	- Ничего мне от вас не нужно! - подтвердил капеллан уже с явным раздражением в голосе, по-прежнему не в силах сдвинуться с места.
'Just tell me who you are and what you want from me.'	- Только скажите мне, кто вы и что вам от меня нужно?
'I just want to find out if Chief White Halfoat died of pneumonia yet,' the man shouted back.	- Я просто хочу узнать, не умер ли еще Вождь Белый Овес от воспаления легких? - заорал в ответ человек.
'That's all I want.	- Это все, что мне нужно.

I live here. My name is Flume. I belong to the squadron, but I live here in the woods.	Я живу здесь, в лесу.
You can ask anyone.'	Это вам каждый подтвердит.
The chaplain's composure began trickling back as he studied the queer, cringing figure intently.	Капеллан пристально рассмотрел странную, съежившуюся фигуру и постепенно успокоился.
A pair of captain's bars ulcerated with rust hung on the man's ragged shirt collar.	Капитанские кубики на потертом воротнике незнакомца были прихвачены ржавчиной.

He had a hairy, tar-black mole on the underside of one nostril and a heavy rough mustache the color of poplar bark.	На ноздре у него смолянисто темнела волосатая родинка, а под носом топорщились густые жесткие усы цвета тополиной коры.
'Why do you live in the woods if you belong to the squadron?' the chaplain inquired curiously.	- Но если вы из эскадрильи, почему вы живете в лесу? - полюбопытствовал капеллан.
'I have to live in the woods,' the captain replied crabbily, as though the chaplain ought to know.	- Я вынужден жить в лесу, - ответил капитан сварливым тоном, как будто капеллан был обязан знать об этом.

He straightened slowly, still watching the chaplain guardedly although he towered above him by more than a full head.	Хотя капитан Флюм был на целую голову выше капеллана, он по-прежнему не спускал с капеллана настороженного взгляда.
'Don't you hear everybody talking about me?	- Разве вы ничего не слышали обо мне?
Chief White Halfoat swore he was going to cut my throat some night when I was fast asleep, and I don't dare lie down in the squadron while he's still alive.'	Вождь Белый Овес поклялся, что однажды ночью, как только я усну, он перережет мне глотку. Поэтому, покуда он жив, я боюсь спать в эскадрилье.

The chaplain listened to the implausible explanation distrustfully.	Капеллан недоверчиво выслушал это маловразумительное объяснение.

'But that's incredible,' he replied.	- Но это невероятно, - сказал он.
' That would be premeditated murder.	- Ведь это было бы преднамеренное убийство.
Why didn't you report the incident to Major Major?'	Почему бы вам не доложить об этом майору Майору?

'I did report the incident to Major Major,' said the captain sadly, 'and Major Major said he would cut my throat if I ever spoke to him again.'	- Я докладывал, - горестно сказал капитан, - но майор Майор пообещал, что, если я хоть еще раз заикнусь об этом, он сам перережет мне глотку.
The man studied the chaplain fearfully.	- Отшельник не отрывал от лица капеллана испуганного взгляда.
' Are you going to cut my throat, too?'	- Вы тоже собираетесь перерезать мне глотку?
' Oh, no, no, no,' the chaplain assured him.	- Да нет же, нет, - заверил его капеллан.
'Of course not.	- Разумеется, нет.
Do you really live in the forest?'	Вы и вправду живете в лесу?

The captain nodded, and the chaplain gazed at his porous gray pallor of fatigue and malnutrition with a mixture of pity and esteem.	Капитан кивнул головой, и капеллан посмотрел на его бледно-серое от тоски и недоедания лицо с чувством жалости и уважения.
The man's body was a bony shell inside rumpled clothing that hung on him like a disorderly collection of sacks.	Фигура незнакомца походила на скелет, спрятанный под ворохом лохмотьев, к которым пристали пучки травы.
Wisps of dried grass were glued all over him; he needed a haircut badly.	Волосы незнакомца явно соскучились по парикмахерским ножницам.
There were great, dark circles under his eyes.	Под глазами расплылись большие темные круги.

The chaplain was moved almost to tears by the harassed, bedraggled picture the captain presented, and he filled with deference and compassion at the thought of the many severe rigors the poor man had to endure daily.	Издерганный, замызганный капитан являл собой такую печальную картину, что капеллан растрогался почти до слез, а при мысли о бесчисленных суровых лишениях, которые ежедневно приходится испытывать бедняге, капеллан преисполнился к нему сочувствием и почтением.
In a voice hushed with humility, he said,	Смиренно понизив голос, он спросил:
'Who does your laundry?'	- А кто вам стирает белье?
The captain pursed his lips in a businesslike manner.	Капитан озабоченно поджал губы:

'I have it done by a washerwoman in one of the farmhouses down the road.	- Это делает прачка тут с одной фермы.
I keep my things in my trailer and sneak inside once or twice a day for a clean handkerchief or a change of underwear.'	Вещи я держу в трейлере и раз или два в неделю пробираюсь в трейлер, чтобы сменить носовой платок или нижнее белье.
'What will you do when winter comes?'	- А что вы будете делать, когда наступит зима?
'Oh, I expect to be back in the squadron by then,' the captain answered with a kind of martyred confidence.	- О, к этому времени я рассчитываю вернуться в эскадрилью, - ответил капитан с убежденностью великомученика.

'Chief White Halfoat kept promising everyone that he was going to die of pneumonia, and I guess I'll have to be patient until the weather turns a little colder and damper.'	- Вождь Белый Овес объявил во всеуслышанье, что он скоро умрет от воспаления легких, и я думаю, что мне надо набраться терпения и подождать наступления сырой и холодной погоды.
He scrutinized the chaplain perplexedly. 'Don't you know all this?	- Капитан озадаченно уставился на священника: -Разве вы об этом ничего не знали?
Don't you hear all the fellows talking about me?'	Неужели не слышали?
' I don't think I've ever heard anyone mention you.'	Ребята обо мне только и говорят.

'Well, I certainly can't understand that.'	- Я вроде не слышал, чтобы кто-нибудь говорил о вас. - Хм, ничего не понимаю.
The captain was piqued, but managed to carry on with a pretense of optimism. 'Well, here it is almost September already, so I guess it won't be too long now.	- Капитан явно был уязвлен, хотя и продолжал бодро: - Так вот, скоро уже будет сентябрь, так что, думаю, осталось недолго.
The next time any of the boys ask about me, why, just tell them I'll be back grinding out those old publicity releases again as soon as Chief White Halfoat dies of pneumonia.	Если ребята будут спрашивать обо мне, скажите, что, как только Вождь Белый Овес умрет от воспаления легких, я вернусь и начну по-прежнему корпеть над выпусками информационных бюллетеней.

Will you tell them that?	Передадите?
Say I'll be back in the squadron as soon as winter comes and Chief Halfoat dies of pneumonia.	Скажите, что, как только наступит зима и Вождь Белый Овес умрет от воспаления легких, я вернусь.
Okay?'	Хорошо?
The chaplain memorized the prophetic words solemnly, entranced further by their esoteric import.	Капеллан благоговейно заучил эти вещие слова наизусть - их мистический смысл очаровал его.
'Do you live on berries, herbs and roots?' he asked.	- Вы перебиваетесь ягодами, травами и кореньями? - спросил он.

'No, of course not,' the captain replied with surprise.	- Что вы, конечно нет! - удивился капитан.
'I sneak into the mess hall through the back and eat in the kitchen.	- Я прокрадываюсь в столовую через черный ход и обедаю на кухне.
Milo gives me sandwiches and milk.'	Милоу дает мне сэндвичи и молоко.
' What do you do when it rains?'	- А что вы делаете, когда идет дождь?
The captain answered frankly. 'I get wet.'	- Промокаю до нитки, - ответил капитан с подкупающей откровенностью.
'Where do you sleep?'	- А где же вы спите?

Swiftly the captain ducked down into a crouch and began backing away.	Капитан присел от страха и попятился.
' You too?' he cried frantically.	- И вы тоже? - закричал он в отчаянье.
' Oh, no,' cried the chaplain.	- Да нет же! - закричал капеллан.
' I swear to you.'	- Клянусь вам, нет!

'You do want to cut my throat!' the captain insisted.	- Я знаю, вы тоже хотите перерезать мне глотку! - стоял на своем капитан.

'I give my word,' the chaplain pleaded, but it was too late, for the homely hirsute specter had already vanished, dissolving so expertly inside the blooming, dappled, fragmented malformations of leaves, light and shadows that the chaplain was already doubting that he had even been there.	- Даю вам слово, - жалобно начал капеллан, но было слишком поздно: гривастое привидение уже исчезло в пестрой, лоскутной мешанине листвы, теней и бликов. Оно растворилось бесследно, так что капеллан начал сомневаться, видел ли он его вообще.
So many monstrous events were occurring that he was no longer positive which events were monstrous and which were really taking place.	Вокруг происходило столько нелепых событий, что капеллан уже не был уверен, какое из них абсурдная фантасмагория, а какое имело место в действительности.

He wanted to find out about the madman in the woods as quickly as possible, to check if there ever really had been a Captain Flume, but his first chore, he recalled with reluctance, was to appease Corporal Whitcomb for neglecting to delegate enough responsibility to him.	Ему хотелось по возможности скорее навести справки об этом лесном безумце, чтобы узнать, существует ли на самом деле капитан Флюм. Однако первым делом, вспомнил капеллан без всякого энтузиазма, придется умасливать капрала Уиткома, обиженного нежеланием капеллана возлагать ответственность на своих подчиненных.
He plodded along the zigzagging path through the forest listlessly, clogged with thirst and feeling almost too exhausted to go on.	Подходя к поляне, капеллан молил бога, чтобы капрал Уитком ушел, - тогда бы он мог спокойно раздеться, тщательно вымыться по пояс, напиться воды, полежать на кровати и, возможно даже, вздремнуть.

He was remorseful when he thought of Corporal Whitcomb. He prayed that Corporal Whitcomb would be gone when he reached the clearing so that he could undress without embarrassment, wash his arms and chest and shoulders thoroughly, drink water, lie down refreshed and perhaps even sleep for a few minutes; but he was in for still another disappointment and still another shock, for Corporal Whitcomb was Sergeant Whitcomb by the time he arrived and was sitting with his shirt	Но его ждало еще одно огорчение и еще один удар: когда он вернулся в палатку, капрал Уиткомом уже был сержантом Уиткомом и в качестве такового сидел на его стуле и его иголкой и ниткой пришивал к рукаву своей рубашки сержантские нашивки.

Corporal Whitcomb had been promoted by Colonel Cathcart, who wanted to see the chaplain at once about the letters.	Капрала Уиткома повысил в звании полковник Кэткарт, который хотел немедленно видеть капеллана на предмет беседы по поводу писем.
'Oh, no,' groaned the chaplain, sinking down dumbfounded on his cot.	- О нет! - простонал капеллан, опускаясь на койку.
His warm canteen was empty, and he was too distraught to remember the lister bag hanging outside in the shade between the two tents.	Его нагревшаяся фляжка была пуста, и сейчас он был слишком подавлен, чтобы вспомнить о мешке Листера, [14] висевшем в холодке между палатками.
' I can't believe it.	- Не могу поверить.

I just can't believe that anyone would seriously believe that I've been forging Washington Irving's name.'	Просто не могу поверить, что кто-то всерьез полагает, будто я подделывал подпись Вашингтона Ирвинга.

'Not those letters,' Corporal Whitcomb corrected, plainly enjoying the chaplain's chagrin.	- Да не о тех письмах идет речь, - уточнил капрал Уитком, упиваясь досадой капеллана.
'He wants to see you about the letters home to the families of casualties.'	- Он хочет поговорить насчет писем родственникам убитых и раненых.
'Those letters?' asked the chaplain with surprise.	- Об этих письмах? - удивился капеллан.
' That's right,' Corporal Whitcomb gloated.	- Совершенно верно, - злорадствовал капрал.

'He's really going to chew you out for refusing to let me send them.	- Он собирается всерьез намылить вам шею за то, что вы не разрешили мне рассылать их.
You should have seen him go for the idea once I reminded him the letters could carry his signature.	Видели бы, как он уцепился за мою идею, когда я сказал, что письма можно отправлять за его подписью.
That's why he promoted me.	За это он и повысил меня в звании.
He's absolutely sure they'll get him into The Saturday Evening Post.'	Он абсолютно убежден, что письма помогут ему попасть на страницы "Сатердэй ивнинг пост".
The chaplain's befuddlement increased.	В голове у капеллана окончательно все перепугалось.

'But how did he know we were even considering the idea?'	- Но откуда он знает о существовании самой этой идеи?
' I went to his office and told him.'	- Я пошел к нему и сказал.
'You did what?' the chaplain demanded shrilly, and charged to his feet in an unfamiliar rage.	- Что?! Что вы сделали? - визгливо переспросил капеллан и вскочил на ноги в припадке несвойственной ему ярости.
'Do you mean to say that you actually went over my head to the colonel without asking my permission?'	- Вы хотите сказать, что и вправду обратились через мою голову к полковнику, даже не спросив на то моего разрешения?
Corporal Whitcomb grinned brazenly with scornful satisfaction.	На лице капрала Уиткома появилась бесстыжая, презрительная ухмылка.

' That's right, Chaplain,' he answered.	- Совершенно верно, капеллан, - ответил он.
'And you better not try to do anything about it if you know what's good for you.'	- И если желаете себе добра, не вздумайте что-нибудь предпри-нимать.
He laughed quietly in malicious defiance. 'Colonel Cathcart isn't going to like it if he finds out you're getting even with me for bringing him my idea.	Вряд ли полковнику Кэткарту понравится, что вы поцапались со мной из-за того, что я подал ему эту идею.

You know something, Chaplain?' Corporal Whitcomb continued, biting the chaplain's black thread apart contemptuously with a loud snap and buttoning on his shirt. 'That dumb bastard really thinks it's one of the greatest ideas he's ever heard.'	Поняли, что к чему, капеллан? - продолжал капрал Уитком, перекусывая черную нитку и застегивая рубашку...
'It might even get me into The Saturday Evening Post,' Colonel Cathcart boasted in his office with a smile, swaggering back and forth convivially as he reproached the chaplain. 'And you didn't have brains enough to appreciate it.	- ...Это поможет мне даже попасть на страницы "Сатердэй ивнинг пост", - самодовольно улыбаясь, хвастался полковник Кэткарт. Он энергично расхаживал по кабинету и срамил капеллана: - А у вас не хватило извилин оценить эту идею.

You've got a good man in Corporal Whitcomb, Chaplain.	Вы обрели хорошего помощника, капеллан, в лице капрала Уиткома.
I hope you have brains enough to appreciate that.'	Надеюсь, что у вас хватит извилин оценить хотя бы это.
'Sergeant Whitcomb,' the chaplain corrected, before he could control himself.	- Сержанта Уиткома, - поправил капеллан и тут же спохватился.
Colonel Cathcart Oared.	Полковник Кэткарт свирепо вытаращил глаза.
' I said Sergeant Whitcomb,' he replied.	- Я и сказал "сержанта Уиткома", - возразил он.

'I wish you'd try listening once in a while instead of always finding fault.	- Хотелось бы, чтобы вы слушали хорошенько, вместо того чтобы выискивать у других ошибки.
You don't want to be a captain all your life, do you?' 'Sir?'	Вы ведь не хотите всю жизнь быть капитаном, а?
'Well, I certainly don't see how you're ever going to amount to anything else if you keep on this way.	Решительно не понимаю, как вы сможете достигнуть большего, если будете вести себя подобным образом.
Corporal Whitcomb feels that you fellows haven't had a fresh idea in nineteen hundred and forty-four years, and I'm inclined to agree with him.	Капрал Уитком считает, что, когда на дворе сорок четвертый год двадцатого столетия, нужны свежие идеи, а вы еще живете по старинке, и я склонен согласиться с ним.

A bright boy, that Corporal Whitcomb.	Замечательный парень, этот капрал Уитком!
Well, it's all going to change.'	Ну ладно, отныне все будет по-другому.
Colonel Cathcart sat down at his desk with a determined air and cleared a large neat space in his blotter. When he had finished, he tapped his finger inside it.	Полковник Кэткарт с решительным видом уселся за стол к, отыскав чистую страницу в своей памятной книжке, ткнул в нее пальцем.
'Starting tomorrow,' he said, 'I want you and Corporal Whitcomb to write a letter of condolence for me to the next of kin of every man in the group who's killed, wounded or taken prisoner.	- Я хочу, чтобы, начиная с завтрашнего дня, -сказал он, - вы с капралом Уиткомом писали письма соболезнования всем ближайшим родственникам убитых, раненых или попавших в плен летчиков нашего полка.

I want those letters to be sincere letters.	Я хочу, чтобы это были искренние письма.
I want them filled up with lots of personal details so there'll be no doubt I mean every word you say.	Пусть они изобилуют подробностями из личной жизни погибшего, чтобы не возникало ни малейшего сомнения, что я прекрасно знаю людей, о которых вы пишете.
Is that clear?'	Ясно?
The chaplain stepped forward impulsively to remonstrate.	Капеллан непроизвольно сделал шаг к столу с намерением протестовать.
'But, sir, that's impossible!' he blurted out.	- Но, сэр, это невозможно! - выпалил он.
' We don't even know all the men that well.'	- Мы не настолько хорошо знаем наших людей.

'What difference does that make?' Colonel Cathcart demanded, and then smiled amicably.	- Это неважно, - резко сказал полковник Кэткарт и вдруг дружески улыбнулся.
'Corporal Whitcomb brought me this basic form letter that takes care of just about every situation.	- Капрал Уитком принес мне проект письма, годного на все случаи жизни.

Listen:	Послушайте:
"Dear Mrs., Mr., Miss, or Mr. and Mrs.: Words cannot express the deep personal grief I experienced when your husband, son, father or brother was killed, wounded or reported missing in action."	"Дорогая миссис, мистер, мисс или дорогие мистер и миссис! Трудно выразить словами то глубокое личное горе, которое я испытал, когда ваш муж, сын, отец или брат был убит, ранен или пропал без вести".

And so on.	Ну и так далее.
I think that opening sentence sums up my sentiments exactly.	Мне кажется, что эта начальная фраза довольно точно выражает мои чувства.
Listen, maybe you'd better let Corporal Whitcomb take charge of the whole thing if you don't feel up to it.'	Послушайте, поскольку у вас к этому делу не лежит душа, может быть, вы предоставите капралу Уиткому полную свободу действий?

Colonel Cathcart whipped out his cigarette holder and flexed it between both hands like an onyx and ivory riding crop. 'That's one of the things that's wrong with you, Chaplain.	- Полковник Кэткарт выхватил из нагрудного кармана свой длинный, упругим мундштук и, сгибая его двумя руками, точно это был не мундштук, а инкрустированное слоновой костью и ониксом кнутовище, продолжал: - Это один из ваших недостатков, капеллан.
Corporal Whitcomb tells me you don't know how to delegate responsibility.	Капрал Уитком сказал мне, что вы не доверяете своим подчиненным ответственную работу.
He says you've got no initiative either.	Он говорит, что вы лишены инициативы.
You're not going to disagree with me, are you?'	Надеюсь, вы не собираетесь спорить со мной, а?

'No, sir.' The chaplain shook his head, feeling despicably remiss because he did not know how to delegate responsibility and had no initiative, and because he really had been tempted to disagree with the colonel. His mind was a shambles.	- Нет, сэр, - капеллан покачал головой. Он чувствовал себя постыдно нерадивым - и потому, что не доверял подчиненным ответственную работу, и потому, что был лишен инициативы, и потому, что его действительно так и подмывало поспорить с полковником Кэткартом.
They were shooting skeet outside, and every time a gun was fired his senses were jarred.	Неподалеку от штаба находился тир, и всякий раз, когда раздавался выстрел из пистолета, внутри у капеллана все обрывалось.
He could not adjust to the sound of the shots.	Он никак не мог привыкнуть к звукам выстрелов.

He was surrounded by bushels of plum tomatoes and was almost convinced that he had stood in Colonel Cathcart's office on some similar occasion deep in the past and had been surrounded by those same bushels of those same plum tomatoes.	Его окружали кули с помидорами, и сейчас он был почти убежден, что когда-то в далеком прошлом он уже стоял в кабинете полковника Кэткарта, точно при таких же обстоятельствах; окруженный такими же кулями с помидорами.
Déjà vu again. The setting seemed so familiar; yet it also seemed so distant.	Сцена казалась такой знакомой, хотя и всплывала откуда-то из глубин памяти.
His clothes felt grimy and old, and he was deathly afraid he smelled.	Поношенная одежда капеллана запылилась, и он смертельно боялся, что от него пахнет потом.

'You take things too seriously, Chaplain,' Colonel Cathcart told him bluntly with an air of adult objectivity.	- Вы все принимаете слишком близко к сердцу, капеллан, - сказал полковник Кэткарт грубоватым тоном взрослого человека, втолковывающего ребенку очевидные истины.
'That's another one of the things that's wrong with you.	- Это еще один ваш недостаток.

That long face of yours gets everybody depressed.	Ваша вытянутая физиономия повергает всех в уныние.
Let me see you laugh once in a while.	Хоть бы увидеть когда-нибудь, как вы смеетесь.
Come on, Chaplain.	Ну-ка, капеллан.

You give me a belly laugh now and I'll give you a whole bushel of plum tomatoes.'	Если вы сейчас насмешите меня до колик, я подарю вам целый куль помидоров.
He waited a second or two, watching, and then chortled victoriously. 'You see, Chaplain, I'm right.	- Он помолчал несколько мгновений, не сводя глаз с капеллана, и торжествующе расхохотался: -Вот видите, капеллан, я оказался прав.
You can't give me a belly laugh, can you?'	Вы не смогли меня насмешить до колик.
'No, sir,' admitted the chaplain meekly, swallowing slowly with a visible effort.	- Нет, сэр, - кротко согласился капеллан, медленно, с заметным усилием проглатывая слюну.
'Not right now.	- Только не сейчас.
I'm very thirsty.'	Я умираю от жажды.

' Then get yourself a drink.	- Тогда выпейте.
Colonel Korn keeps some bourbon in his desk.	Подполковник Корн держит в своем столе виски.
You ought to try dropping around the officers' club with us some evening just to have yourself a little fun.	Вам надо заглянуть как-нибудь вместе с нами в офицерский клуб и хорошенько повеселиться.
Try getting lit once in a while.	Почему бы вам не попытаться иногда развеяться?
I hope you don't feel you're better than the rest of us just because you're a professional man.'	Надеюсь, вы не считаете себя лучше других только потому, что вы - лицо духовное.

'Oh, no, sir,' the chaplain assured him with embarrassment.	- О нет, сэр, - поспешно заверил его капеллан.
'As a matter of fact, I have been going to the officers' club the past few evenings.'	- К тому же я все последнее время посещал вечерами офицерский клуб.
'You're only a captain, you know,' Colonel Cathcart continued, paying no attention to the chaplain's remark.	- Как вам известно, вы всего-навсего капитан, -продолжал полковник Кэткарт, пропустив мимо ушей замечание капеллана.
'You may be a professional man, but you're still only a captain.'	- Хоть вы и священник по профессии, по званию вы - всего лишь капитан.
'Yes, sir.	- Да, сэр.
I know.'	Я это знаю.

' That's fine, then.	- Вот и прекрасно.
It's just as well you didn't laugh before.	Кстати, вы правильно сделали, что сейчас не засмеялись.
I wouldn't have given you the plum tomatoes anyway. Corporal Whitcomb tells me you took a plum tomato when you were in here this morning.'	Я все равно не дал бы вам помидоров, тем более, как сообщил мне капрал Уитком, вы уже взяли один, когда были здесь сегодня утром.
' This morning?	- Утром?
But, sir!	Но позвольте, сэр!

You gave it to me.'	Ведь вы сами мне его дали.
Colonel Cathcart cocked his head with suspicion.	Полковник Кэткарт настороженно поднял голову.

' I didn't say I didn't give it to you, did I?	- Разве я сказал, что не давал вам?
I merely said you took it.	Я просто сказал, что вы взяли его.
I don't see why you've got such a guilty conscience if you really didn't steal it.	Не понимаю, если вы его не украли, почему вас так мучает совесть?
Did I give it to you?'	Я вам дал его?
'Yes, sir.	- Да, сэр.
I swear you did.'	Клянусь вам, что вы сами мне его дали.
'Then I'll just have to take your word for it.	- Тогда придется поверить вам на слово.
Although I can't imagine why I'd want to give you a plum tomato.'	Хотя ума не приложу, почему мне вдруг захотелось дать вам помидор.

Colonel Cathcart transferred a round glass paperweight competently from the right edge of his desk to the left edge and picked up a sharpened pencil.	- Полковник Кэткарт многозначительно переложил стеклянное пресс-папье с одного края стола на другой и взял остро отточенный карандаш.
'Okay. Chaplain, I've got a lot of important work to do now if you're through.	- Хорошо, капеллан, если у вас все, то я должен заняться чрезвычайно важными делами. У меня уйма дел.
You let me know when Corporal Whitcomb has sent out about a dozen of those letters and we'll get in touch with the editors of The Saturday Evening Post.'	Как только капрал Уиткком разошлет с дюжину этих писем, дайте мне знать, и мы свяжемся с издателями "Сатердэй ивнинг пост".

A sudden inspiration made his face brighten.	- Лицо полковника, осененное внезапной мыслью, просветлело.
' Say!	- Послушайте!
I think I'll volunteer the group for Avignon again.	По-моему, мне нужно еще разок добровольно предложить командованию послать наш полк на Авиньон.
That should speed things up!'	Это ускорит дело.
' For Avignon?'	- На Авиньон?
The chaplain's heart missed a beat, and all his flesh began to prickle and creep.	- Сердце капеллана забилось с перебоями, а по спине поползли мурашки.
'That's right,' the colonel explained exuberantly.	- Совершенно верно, - поспешил подтвердить полковник.

'The sooner we get some casualties, the sooner we can make some progress on this.	- Чем скорее у нас будут убитые, тем скорее мы добьемся своего.
I'd like to get in the Christmas issue if we can.	Мне хотелось бы, если удастся, попасть в рождественский номер.
I imagine the circulation is higher then.'	У него тираж больше, я полагаю.

And to the chaplain's horror, the colonel lifted the phone to volunteer the group for Avignon and tried to kick him out of the officers' club again that very same night a moment before Yossarian rose up drunkenly, knocking over his chair, to start an avenging punch that made Nately call	- И, к ужасу капеллана, полковник снял трубку, чтобы предложить свой полк для налета на Авиньон. А после полковник снова попытался вышвырнуть капеллана из офицерского клуба. Это было в тот вечер, когда пьяный Йоссариан поднялся из-за стола, опрокинув стол и намереваясь нанести Кэткарту удар карающей десницей, что вынудило Нейтли окликнуть Йоссариана, а полковника по-

It was all very upsetting to Colonel Cathcart, first the dreaded name Yossarian! tolling out again clearly like a warning of doom and then General Dreedle's bruised foot, and that was another fault Colonel Cathcart found in the chaplain, the fact that it was impossible to predict how General Dreedle would react each time he	Все это ужасно расстроило полковника Кэткарта -и страшное, как смерть, имя "Йоссариан", прозвучавшее подобно похоронному колоколу, и ушибленная нога генерала Дридла. Кроме того, полковник Кэткарт обнаружил еще один недостаток в капеллане: было совершенно невозможно предсказать заранее, как отнесется генерал Дридл к капеллану при очередной встрече.

Colonel Cathcart would never forget the first evening General Dreedle took notice of the chaplain in the officers' club, lifting his ruddy, sweltering, intoxicated face to stare ponderously through the yellow pall of cigarette smoke at the chaplain lurking near the wall by himself.	Никогда не забыть полковнику Кэткарту вечера, когда генерал Дридл впервые заметил капеллана в офицерском клубе. Подняв свое багровое, распаренное от духоты и виски лицо, он пристально посмотрел сквозь желтоватые клочья табачного дыма на капеллана, который, стараясь не бросаться в глаза, в одиночестве стоял у стены.

'Well, I'll be damned,' General Dreedle had exclaimed hoarsely, his shaggy gray menacing eyebrows beetling in recognition. 'Is that a chaplain I see over there?	- Н-да, дьявол меня разрази, - прохрипел генерал Дридл, и его косматые седые брови грозно сдвинулись, - А ведь это, никак, капеллан?

That's really a fine thing when a man of God begins hanging around a place like this with a bunch of dirty drunks and gamblers.'	Хорошенькое дело: служитель господа бога околачивается в таких местах и якшается с кучкой грязных пропойц и картежников.
Colonel Cathcart compressed his lips primly and started to rise.	Полковник Кэткарт чопорно поджал губы.

'I couldn't agree with you more, sir,' he assented briskly in a tone of ostentatious disapproval.	- Не могу, сэр, не согласиться с вами, - живо откликнулся он подчеркнуто-пренебрежительным тоном.
'I just don't know what's happening to the clergy these days.'	- Просто не понимаю, что творится с нынешними священниками.
'They're getting better, that's what's happening to them,' General Dreedle growled emphatically.	- Они стали лучше - вот что с ними творится, -глубокомысленно пробормотал генерал Дридл.

Colonel Cathcart gulped awkwardly and made a nimble recovery.	У полковника Кэткарта застрял ком в горле, но он быстро овладел собой.
'Yes, sir.	- Так точно, сэр.
They are getting better.	Они стали лучше.

That's exactly what I had in mind, sir.'	Вот это самое я и хотел сказать, сэр.
'This is just the place for a chaplain to be, mingling with the men while they're out drinking and gambling so he can get to understand them and win their confidence.	- В таких заведениях капеллану самое место. Находясь в гуще пьяниц и картежников, он лучше поймет их душу и скорее завоюет их доверие.

How the hell else is he ever going to get them to believe in God?'	А как же, черт побери, иначе он добьется, чтобы они верили в бога?
'That's exactly what I had in mind, sir, when I ordered him to come here,' Colonel Cathcart said carefully, and threw his arm familiarly around the chaplain's shoulders as he walked him off into a corner to order him in a cold undertone to start reporting for duty at the officers' club every evening to mingle with the men while they were drinking and gambling so that he could get to understand them and win their confidence.	- Вот это самое я и имел в виду, сэр, когда приказал капеллану приходить сюда, - вкрадчиво пролепетал полковник Кэткарт. Фамильярно обняв капеллана за плечи, он отвел его в угол и суровым тоном вполголоса приказал каждый вечер являться на дежурство в офицерский клуб, чтобы находиться среди офицеров, когда они пьют и играют в карты, ибо только так можно понять их душу и завоевать их доверие.

The chaplain agreed and did report for duty to the officers' club every night to mingle with men who wanted to avoid him, until the evening the vicious fist fight broke out at the ping-pong table and Chief White Halfoat whirled without provocation and punched Colonel Moodus squarely in the nose, knocking Colonel Moodus down on the seat of his pants and making General Dreedle roar with lusty, unexpected laughter until he spied the chaplain standing close by gawking at him grotesquely in tortured wonder.	Капеллан согласился и стал каждый вечер приходить на дежурство в офицерский клуб, чтобы быть в гуще офицеров, которые хотели всеми правдами и неправдами избавиться от его общества. Это продолжалось до тех пор, пока однажды вечером за столом для пинг-понга не вспыхнула потасовка, и Вождь Белый Овес без всякого повода, просто так, развернулся и двинул полковника Модэса прямо в нос, отчего полковник Модэс шлепнулся задом на пол, а генерал Дридл неожиданно разразился плотоядным смехом. И в эту минуту генерал заметил капеллана, который, по-совиному выпучив глаза, удивленно смотрел на

General Dreedle froze at the sight of him.	Генерал Дридл окаменел.
He glowered at the chaplain with swollen fury for a moment, his good humor gone, and turned back toward the bar disgruntedly, rolling from side to side like a sailor on his short bandy legs.	На мгновение он вперил в капеллана злобный взгляд - его веселого настроения как не бывало, -затем раздраженно повернул обратно к бару, покачиваясь на своих коротких кривых ногах, как матрос на палубе.
Colonel Cathcart cantered fearfully along behind, glancing anxiously about in vain for some sign of help from Colonel Korn.	За ним испуганно трусил полковник Кэткарт, тщетно надеясь, что подполковник Корн придет ему на помощь.

'That's a fine thing,' General Dreedle growled at the bar, gripping his empty shot glass in his burly hand.	- Хорошенькое дельце, - проворчал генерал Дридл, усаживаясь за стойку и хватая жилистой рукой пустую стопку.
'That's really a fine thing, when a man of God begins hanging around a place like this with a bunch of dirty drunks and gamblers.'	- Да, хорошее дело, когда служитель господа бога околачивается в подобных местах и якшается с кучей грязных пропойц и картежников.
Colonel Cathcart sighed with relief.	Полковник Кэткарт вздохнул с облегчением.
'Yes, sir,' he exclaimed proudly.	- Так точно, сэр! - с готовностью подхватил он.
' It certainly is a fine thing.'	- Разумеется, это хорошее дело.

'Then why the hell don't you do something about it?'	- Тогда какого же черта вы ничего не предпринимаете?
'Sir?' Colonel Cathcart inquired, blinking.	- Что вы сказали, сэр? - переспросил полковник Каткарт, хлопая ресницами.
'Do you think it does you credit to have your chaplain hanging around here every night?	- Вы думаете, если ваш капеллан околачивается здесь каждый вечер, это делает вам честь?
He's in here every goddam time I come.'	Стоит мне появиться здесь, и он тут как тут.
'You're right, sir, absolutely right,' Colonel Cathcart responded.	- Вы правы, сэр, абсолютно правы, - ответил полковник Кэткарт.

'It does me no credit at all. And I am going to do something about it, this very minute.'	- Это вовсе не делает мне чести, и я намерен сию же минуту что-нибудь предпринять.
'Aren't you the one who ordered him to come here?'	- А разве это не вы приказали ему приходить сюда?
'No, sir, that was Colonel Korn.	- Нет, никак нет, сэр, это подполковник Корн.
I intend to punish him severely, too.'	Я намерен его сурово наказать.
'If he wasn't a chaplain,' General Dreedle muttered, 'I'd have him taken outside and shot.'	- Не будь он капелланом, - пробормотал генерал Дридл, - я бы вывел его на улицу и пристрелил на месте.

'He's not a chaplain, sir.' Colonel Cathcart advised helpfully.	- А он вовсе не капеллан, сэр, - услужливо сообщил полковник Кэткарт.
' Isn't he?	- Не капеллан?
Then why the hell does he wear that cross on his collar if he's not a chaplain?'	Тогда какого черта он носит на воротничке крест?
'He doesn't wear a cross on his collar, sir.	- А он носит на воротничке не крест.
He wears a silver leaf.	Он носит серебряный лист.
He's a lieutenant colonel.'	Он подполковник.

'You've got a chaplain who's a lieutenant colonel?' inquired General Dreedle with amazement.	- Так у вас капеллан в звании подполковника? -спросил изумленный генерал Дридл.
' Oh, no, sir.	- О нет, сэр.
My chaplain is only a captain.'	Мой капеллан всего лишь капитан.
'Then why the hell does he wear a silver leaf on his collar if he's only a captain?'	- Тогда какого черта он носит на воротничке серебряный лист, если он всего лишь капитан?
'He doesn't wear a silver leaf on his collar, sir.	- Он носит на воротничке не серебряный лист, сэр.
He wears a cross.'	Он носит крест.

'Go away from me now, you son of a bitch,' said General Dreedle.	- Вон отсюда, болван! - закричал генерал Дридл.
'Or I'll have you taken outside and shot!'	- Или я тебя выведу на улицу и пристрелю на месте!
'Yes, sir.'	- Слушаюсь, сэр.

Colonel Cathcart went away from General Dreedle with a gulp and kicked the chaplain out of the officers' club, and it was exactly the way it almost was two months later after the chaplain had tried to persuade Colonel Cathcart to rescind his order increasing the number of missions to sixty and had failed abysmally in that endeavor too, and the chaplain was ready now to capitulate to despair entirely but was restrained by the memory of his wife, whom he	Полковник Кэткарт вышел от генерала Дридла и вышвырнул капеллана из офицерского клуба, в точности так же, как два месяца спустя он выставил капеллана, когда тот попытался настоять, чтобы полковник Кэткарт отменил свой приказ об увеличении нормы боевых вылетов до шестидесяти. Попытка окончилась жестокой неудачей. Теперь капеллан находился на грани полного отчаяния, его поддерживала лишь мысль о жене, которую он любил всей душой, да с пеле-

So many things were testing his faith.	Правда, вера эта уже начала колебаться.
There was the Bible, of course, but the Bible was a book, and so were Bleak House, Treasure Island, Ethan Frome and The Last of the Mohicans.	Слишком много раз жизнь испытывала крепость его веры. Конечно, существовала библия, но ведь библия - это книга, как "Холодный дом", "Остров сокровищ", "Этан Фром" и "Последний из могикан".
Did it then seem probable, as he had once overheard Dunbar ask, that the answers to the riddles of creation would be supplied by people too ignorant to understand the mechanics of rainfall?	Однажды он случайно подслушал, как Данбэр сказал, что загадку мироздания, возможно, разгадают круглые невежды, не способные даже понять, откуда берется дождь. А что, если Данбэр прав?

Had Almighty God, in all His infinite wisdom, really been afraid that men six thousand years ago would succeed in building a tower to heaven?	Неужели шесть тысяч лет назад всемогущий бог со всей его безграничной мудростью действительно боялся, что людям удастся построить башню до небес?
Where the devil was heaven?	И где вообще, черт побери, находятся эти самые небеса?
Was it up?	Наверху?
Down?	Внизу?

There was no up or down in a finite but expanding universe in which even the vast, burning, dazzling, majestic sun was in a state of progressive decay that would eventually destroy the earth too.	Но ведь ни низа, ни верха нет в конечной, но беспредельно расширяющейся вселенной, в которой даже огромное, горящее, ослепительное, царственное солнце постепенно остывает, что в конце концов приведет к гибели Земли.

There were no miracles; prayers went unanswered, and misfortune tramped with equal brutality on the virtuous and the corrupt; and the chaplain, who had conscience and character, would have yielded to reason and relinquished his belief in the God of his fathers-would truly have resigned both his calling and his commission and taken his chances as a private in the infantry or field artillery, or even, perhaps, as a corporal in the paratroopers- had it not been for such successive mystic phenomena as the naked man in the tree	Чудес на свете нет. Молитвы остаются без ответа, и несчастья с равной жестокостью обрушиваются на праведников и грешников. И капеллан, уступая здравому смыслу, усомнился в вере своих отцов. Быть может, он отказался бы и от своего призвания, и от своей миссии и подался бы рядовым в пехоту или в артиллерию или, возможно, даже капралом в десантные войска, если бы не пара таинственных явлений, таких как голый человек на дереве, привидевшийся ему несколько недель назад во время похорон несчастного сержанта, и загадоч-

' Tell them I'll be back when winter comes.'	"Как только наступит зима, я вернусь".
Aarfy In a way it was all Yossarian's fault, for if he had not moved the bomb line during the Big Siege of Bologna, Major-de Coverley might still be around to save him, and if he had not stocked the enlisted men's apartment with girls who had no other place to live, Nately might never have fallen in love with his whore as she sat naked from the waist down in the room full of grumpy blackjack players who ignored her.	26. Аарфи В известном смысле все это случилось по вине Йоссариана: не передвинь он на карте во время великой осады Болоньи линию фронта, майор де Каверли не улетел бы в командировку и пришел бы ему на помощь. А не набей майор де Каверли квартиру для нижних чинов бездомными девицами, Нейтли, возможно, и не влюбился бы в свою красотку. Впервые он встретил ее в комнате, где ярые картежники резались в очко, не обращая никакого внимания на полуголую девку.

Nately stared at her covertly from his over-stuffed yellow armchair, marveling at the bored, phlegmatic strength with which she accepted the mass rejection.	Сидя в жестком желтом кресле и украдкой поглядывая на нее, Нейтли был очарован той непробиваемой флегматичностью и скукой, с которыми она принимала всеобщее пренебрежение к собственной персоне.

She yawned, and he was deeply moved. He had never witnessed such heroic poise before. The girl had climbed five steep flights of stairs to sell herself to the group of satiated enlisted men, who had girls living there all around them; none wanted her at any price, not even after she had stripped without real enthusiasm to tempt them with a tall body that was firm and full and truly voluptuous. She seemed more fatigued than disappointed. Now she sat resting in vacuous indolence, watching the card game with dull curiosity	Она так искренне, от души зевнула, что это произвело на Нейтли сильнейшее впечатление. Он был потрясен ее героическим поведением.

A little while later she rose with an unconscious sigh and stepped lethargically into her tight cotton panties and dark skirt, then buckled on her shoes and left.	Вскоре она зашевели-лась, натянула блуз-ку, застегнула туфли и ушла.

Nately slipped out behind her; and when Yossarian and Aarfy entered the officers' apartment almost two hours later, there she was again, stepping into her panties and skirt, and it was almost like the chaplain's recurring sensation of having been through a situation before, except for Nately, who was moping inconsolably with his hands in his pockets.	Нейтли выскользнул за ней. И, когда два часа спустя Йоссариан и Аарфи вошли в офицерскую квартиру, они застали там Нейтли и эту девку.

'She wants to go now,' he said in a faint, strange voice. 'She doesn't want to stay.'	- Она собирается уходить, - сказал Нейтли каким-то слабым, странным голосом.
'Why don't you just pay her some money to let you spend the rest of the day with her?' Yossarian advised.	- А почему бы тебе не дать ей денег, чтобы она осталась с тобой до вечера? - посоветовал Йоссариан.
'She gave me my money back,' Nately admitted.	- Она мне вернула деньги, - признался Нейтли.
'She's tired of me now and wants to go looking for someone else.'	- Сейчас она устала от меня и хочет поискать кого-нибудь еще.

The girl paused when her shoes were on to glance in surly invitation at Yossarian and Aarfy.	Девица, совсем одевшись, остановилась и с явным призывом поглядывала на Йоссариана и Аарфи.
Her breasts were pointy and large in the thin white sleeveless sweater she wore that squeezed each contour and flowed outward smoothly with the tops of her enticing hips. Yossarian returned her gaze and was strongly attracted. He shook his head.	Она показалась Йоссари- ану привлекательной, он подарил ей ответный, красноречивый взгляд, но отрицательно пока- чал головой.

'Good riddance to bad rubbish,' was Aarfy's unperturbed response.	- Э... барахло! Скатертью дорога. - невозмутимо заявил Аарфи.
'Don't say that about her!' Nately protested with passion that was both a plea and a rebuke.	- Не говори так о ней - горячо запротестовал Нейтли, и в голосе его послышались мольба и упрек.
' I want her to stay with me.'	- Я хочу, чтобы она осталась со мной.
'What's so special about her?' Aarfy sneered with mock surprise.	- А чего в ней такого особенного? - с шутовским удивлением ухмыльнулся Аарфи.
' She's only a whore.'	- Обыкновенная шлюха.
'And don't call her a whore!'	- Не смей называть ее шлюхой!

The girl shrugged impassively after a few more seconds and ambled toward the door.	Немного постояв, девица равнодушно пожала плечами и прогарцевала к выходу.
Nately bounded forward wretchedly to hold it open.	Убитый Нейтли кинулся открывать ей дверь.
He wandered back in a heartbroken daze, his sensitive face eloquent with grief.	Он приплелся назад, словно оглушенный, на его нервном лице было написано неподдельное горе.
'Don't worry about it,' Yossarian counseled him as kindly as he could. 'You'll probably be able to find her again.	- Не беспокойся, - посоветовал Йоссариан как можно мягче, - ты, наверное, сумеешь ее найти.

We know where all the whores hang out.'	Мы ведь знаем, где околачиваются все шлюхи.
'Please don't call her that,' Nately begged, looking as though he might cry.	- Пожалуйста, не зови ее шлюхой, - попросил Нейтли чуть не плача.
' I'm sorry,' murmured Yossarian.	- Прощу прощения, - пробормотал Йоссариан.

Aarfy thundered jovially, 'There are hundreds of whores just as good crawling all over the streets. That one wasn't even pretty.' He chuckled mellifluously with resonant disdain and authority.	- По улицам слоняются сотни шлюх, нисколько не хуже этой, - хохотнув, проговорил Аарфи с презрительными нотками в голосе.

'Why, you rushed forward to open that door as though you were in love with her.'	- Ну с какой стати ты ринулся открывать ей дверь, будто ты в нее влюблен?
'I think I am in love with her,' Nately confessed in a shamed, far-off voice.	- А мне кажется, что я в нее влюблен, - признался Нейтли стыдливым, отчужденным голосом.
Aarfy wrinkled his chubby round rosy forehead in comic disbelief.	В комическом недоумении Аарфи наморщил свой выпуклый багровый лоб.
'Ho, ho, ho, ho!' he laughed, patting the expansive forest-green sides of his officer's tunic prosperously.	- Ха-ха-ха! - засмеялся он, довольно хлопая себя по бокам.
' That's rich.	- Шикарно!

You in love with her?	Ты - и вдруг влюблен в нее!
That's really rich.'	Ей богу, шикарно!
Aarfy had a date that same afternoon with a Red Cross girl from Smith whose father owned an important milk-of-magnesia plant. 'Now, that's the kind of girl you ought to be associating with, and not with common sluts like that one. Why, she didn't even look clean.' 'I don't care!' Nately shouted desperately.	В этот день у Аарфи должно было состояться свидание с девицей из Красного Креста, окончившей Смитовский колледж,[15] дочерью владельца крупного химического завода.
'And I wish you'd shut up, I don't even want to talk about it with you.'	- Я хочу, чтобы ты заткнулся! - в отчаянии закричал Нейтли. - Я даже не желаю об этом говорить с тобой.

'Aarfy, shut up,' said Yossarian.	- Аарфи, заткнись, - сказал Йоссариан.
'Ho, ho, ho, ho!' Aarfy continued.	- Ха-ха-ха! - продолжал Аарфи.
'I just can't imagine what your father and mother would say if they knew you were running around with filthy trollops like that one.	- Представляю, что бы сказали твои родители, если бы узнали, около кого ты здесь увиваешься.
Your father is a very distinguished man, you know.'	Ведь твой отец - выдающаяся личность.
'I'm not going to tell him,' Nately declared with determination.	- Я не собираюсь ему ничего говорить, -решительно заявил Нейтли.

'I'm not going to say a word about her to him or Mother until after we're married.'	- Я не собираюсь говорить ему о ней ни слова, пока мы не поженимся.
'Married?'	- Поженитесь?
Aarfy's indulgent merriment swelled tremendously.	- Аарфи прямо-таки лопался от самодовольства и веселья.
' Ho, ho, ho, ho, ho!	- Хо-хо-хо-хо!
Now you're really talking stupid.	Теперь ты несешь явную чушь.
Why, you're not even old enough to know what true love is.'	Да ты еще молод, чтобы понимать толк в истинной любви.

Aarfy was an authority on the subject of true love because he had already fallen truly in love with Nately's father and with the prospect of working for him after the war in some executive capacity as a reward for befriending Nately.	Сам Аарфи был большим специалистом по части истинной и бескорыстной любви, поскольку он уже был искренне и бескорыстно влюблен в отца Нейтли, надеясь после войны получить у него тепленькое местечко в качестве вознаграждения за дружбу с Нейтли.

Aarfy was a lead navigator who had never been able to find himself since leaving college. He was a genial, magnanimous lead navigator who could always forgive the other man in the squadron for denouncing him furiously each time he got lost on a combat mission and led them over concentrations of antiaircraft fire.	Окончив колледж, Аарфи так и не нашел места в жизни. Теперь это был ведущий штурман, который легко прощал своим однополчанам, когда они поносили его на чем свет стоит каждый раз, когда он сбивался с курса и вел самолеты прямехонько в зону зенитного огня.

He got lost on the streets of Rome that same afternoon and never did find the eligible Red Cross girl from Smith with the important milk-of-magnesia plant.	На сей раз он сбился с курса на улицах Рима и так и не нашел свою девицу из Красного Креста -выпускницу Смитовского колледжа, дочь владельца химического завода.

He got lost on the mission to Ferrara the day Kraft was shot down and killed, and he got lost again on the weekly milk run to Parma and tried to lead the planes out to sea over the city of Leghorn after Yossarian had dropped his bombs on the undefended inland target and settled back against his thick wall of armor plate with his eyes closed and a fragrant cigarette in his fingertips.	Он сбился с курса и во время налета на Феррару, когда погиб самолет Крафта. Он еще раз сбился с курса во время еженедельного "полета за молоком" в Парму. А однажды, когда Йоссариан, сбросив бомбы на беззащитный объект, закрыл глаза и с душистой сигаретой в руке прислонился к бронированной стенке, Аарфи решил вывести самолеты к морю через Ливорно. Внезапно они попали под огонь зениток.

Suddenly there was flak, and all at once McWatt was shrieking over the intercom,	В ту же секунду Макуотт завизжал в переговорное устройство:
'Flak! Flak!	- Зенитки, зенитки!
Where the hell are we?	Где мы, черт возьми?
What the hell's going on?'	Что за дьявольщина?

Yossarian flipped his eyes open in alarm and saw the totally unexpected bulging black puffs of flak crashing down in toward them from high up and Aarfy's complacent melon-round tiny-eyed face gazing out at the approaching cannon bursts with affable bemusement.	Йоссариан тревожно захлопал глазами и нежданно-негаданно увидел вспухающие черные клубочки зенитных разрывов, которые рушились на них сверху, и благодушное, дынеобразное лицо Аарфи. Тот с приятным изумлением таращил свои крохотные глазки на подбиравшиеся к ним взрывы.
Yossarian was flabbergasted.	Йоссариан остолбенел и потерял дар речи.
His leg went abruptly to sleep. McWatt had started to climb and was yelping over the intercom for instructions.	Ноги у него внезапно стали как ватные. Набирая высоту, Макуотт затявкал в переговорное устройство - он требовал указаний.

Yossarian sprang forward to see where they were and remained in the same place. He was unable to move.	Йоссариан вскочил было, чтобы посмотреть, где они находятся, но не смог не только сдвинуться с месте, но даже шевельнуть пальцем.
Then he realized he was sopping wet.	Он весь взмок.
He looked down at his crotch with a sinking, sick sensation.	Замирая от ужасного предчувствия, он взглянул на свой пах.

A wild crimson blot was crawling upward rapidly along his shirt front like an enormous sea monster rising to devour him.	Страшное бурое пятно быстро ползло вверх по рубашке, точно некое морское чудовище намеревалось сожрать его.
He was hit!	В него попали!

Separate trickles of blood spilled to a puddle on the floor through one saturated trouser leg like countless unstoppable swarms of wriggling red worms.	Сквозь набухшую штанину на пол стекали струйки крови.
His heart stopped.	У Йоссариана остановилось сердце.
A second solid jolt struck the plane.	Еще один мощный удар потряс самолет.
Yossarian shuddered with revulsion at the queer sight of his wound and screamed at Aarfy for help.	Йоссариана передернуло от отвращения, и он завопил, призывая Аарфи на помощь.
' I lost my balls!	- Мне оторвало мошонку!

Aarfy, I lost my balls!'	Аарфи, мне оторвало мошонку!
Aarfy didn't hear, and Yossarian bent forward and tugged at his arm. 'Aarfy, help me,' he pleaded, almost weeping,	- Но Аарфи не слышал, и Йоссариан, наклонившись, потянул его за руку: - Аарфи, помоги мне! - взмолился он чуть не плача.
' I'm hit!	В меня попали!
I'm hit!'	В меня попали!
Aarfy turned slowly with a bland, quizzical grin.	Аарфи медленно обернулся, неизвестно чему ухмыляясь.
'What?'	- Что?
' I'm hit, Aarfy!	- Я ранен, Аарфи!
Help me!'	Помоги мне!

Aarfy grinned again and shrugged amiably.	Аарфи дружески улыбнулся и пожал плечами.
' I can't hear you,' he said.	- Я тебя не слышу, - ответил он.
'Can't you see me?' Yossarian cried incredulously, and he pointed to the deepening pool of blood he felt splashing down all around him and spreading out underneath.	- Но ты хоть видишь меня? - недоверчиво вскричал Йоссариан и указал на лужу крови.
' I'm wounded!	- Я ранен!
Help me, for God's sake!	Помоги мне, ради бога!
Aarfy, help me!'	Аарфи, помоги мне!

'I still can't hear you,' Aarfy complained tolerantly, cupping his podgy hand behind the blanched corolla of his ear.	- Я по-прежнему тебя не слышу, - невозмутимо пожаловался Аарфи, приставив пухлую ладонь рупором к побелевшей ушной раковине.
'What did you say?' Yossarian answered in a collapsing voice, weary suddenly of shouting so much, of the whole frustrating, exasperating, ridiculous situation.	- Что ты говоришь?

He was dying, and no one took notice. 'Never mind.'	- Так... пустяки, - ответил Йоссариан упавшим голосом. Внезапно он устал от собственного крика, от всей этой безнадежной, выматывающей нервы, нелепой ситуации. Он умирал, и никто этого даже не замечал.
' What?' Aarfy shouted.	- Что? - заорал Аарфи.
' I said I lost my balls!	- Я говорю: мне оторвало мошонку!
Can't you hear me?	Ты что, не слышишь меня?
I'm wounded in the groin!'	Меня ранило в пах!
' I still can't hear you,' Aaxfy chided.	- Я опять тебя не слышу, - гаркнул Аарфи.

'I said never mind!' Yossarian screamed with a trapped feeling of terror and began to shiver, feeling very cold suddenly and very weak.	- Я говорю: пустяки! - завопил Йоссариан, чувствуя безысходный ужас.
Aarfy shook his head regretfully again and lowered his obscene, lactescent ear almost directly into Yossarian's face.	Аарфи снова с сожалением покачал головой и приблизил вплотную к лицу Йоссариана свое непристойное, молочно-белое ухо.
' You'll just have to speak up, my friend.	- Друг мой, говори, пожалуйста, громче.
You'll just have to speak up.'	Говори громче!
' Leave me alone, you bastard!	- Оставь меня в покое, мерзавец!

You dumb, insensitive bastard, leave me alone!'	Ты, тупой, бесчувственный гад, оставь меня в покое!
Yossarian sobbed.	- Йоссариан зарыдал.
He wanted to pummel Aarfy, but lacked the strength to lift his arms.	Ему хотелось молотить Аарфи кулаками, но у него не было сил даже приподнять руку.
He decided to sleep instead and keeled over sideways into a dead faint.	Он свалился в глубоком обмороке.

He was wounded in the thigh, and when he recovered consciousness he found McWatt on both knees taking care of him. He was relieved, even though he still saw Aarfy's bloated cherub's face hanging down over McWatt's shoulder with placid interest.	Его ранило в бедро, и, когда, придя в себя, он увидел, что над ним на коленях хлопочет Макуотт, он испытал облегчение, несмотря на то, что румяная, одутловатая морда Аарфи с безмятежным любопытством выглядывала из-за плеча Макуотта.
Yossarian smiled feebly at McWatt, feeling ill, and asked, 'Who's minding the store?' McWatt gave no sign that he heard.	Йоссариан чувствовал себя скверно. Он слабо улыбнулся Макуотту и спросил: - А кто остался за штурвалом?

With growing horror, Yossarian gathered in breath and repeated the words as loudly as he could. McWatt looked up.	Макуотт никак не отреагировал. С возрастающим ужасом Йоссариан набрал воздуху в легкие и что было сил громко повторил свой вопрос. Макуотт поднял глаза.
'Christ, I'm glad you're still alive!' he exclaimed, heaving an enormous sigh.	- О боже, как я рад, что ты жив! - воскликнул он, шумно и облегченно вздохнув.

The good-humored, friendly crinkles about his eyes were white with tension and oily with grime as he kept unrolling an interminable bandage around the bulky cotton compress Yossarian felt strapped burdensomely to the inside of one thigh.	Добрые, славные морщинки у его глаз, запачканные маслом, побелели от напряжения. Макуотт накручивал один виток бинта за другим, прижимая толстый тяжелый ком ваты к внутренней стороне бедра Йоссариана.
'Nately's at the controls.	- За штурвалом Нейтли.
The poor kid almost started bawling when he heard you were hit.	Бедный малыш чуть не разревелся, когда услышал, что в тебя попали.
He still thinks you're dead.	Он все еще думает, что тебя убили.

They knocked open an artery for you, but I think I've got it stopped.	Тебе перебило артерию, но, по-моему, мне удалось остановить кровь.
I gave you some morphine.'	Я впрыснул морфий.
' Give me some more.'	- Впрысни еще.
' It might be too soon.	- Так часто нельзя.
I'll give you some more when it starts to hurt.'	Когда почувствуешь боль, я впрысну еще.
' It hurts now.'	- У меня и сейчас болит.
'Oh, well, what the hell,' said McWatt and injected another syrette of morphine into Yossarian's arm.	- Как я рад, как я рад, мы попали к черту в ад! -Сказал Макуотт и впрыснул еще одну ампулу морфия в руку Йоссариана.

'When you tell Nately I'm all right...' said Yossarian to McWatt, and lost consciousness again as everything went fuzzy behind a film of strawberry-strained gelatin and a great baritone buzz swallowed him in sound.	- Когда ты скажешь Нейтли, что я жив... - начал Йоссариан и снова потерял сознание. Перед глазами его поползла клубнично-красная желатиновая пленка, и густой баритональный гул накрыл его с головой.

He came to in the ambulance and smiled encouragement at Doc Daneeka's weevil-like, glum and overshadowed countenance for the dizzy second or two he had before everything went rose-petal pink again and then turned really black and unfathomably still.	Йоссариан очнулся в санитарной машине и, увидев унылый птичий нос Дейники и его пасмурную физиономию, ободряюще улыбнулся доктору, но через несколько секунд сознание покинуло его, перед глазами закружились лепестки роз, потом все почернело, и непроницаемая тишина поглотила его.
Yossarian woke up in the hospital and went to sleep.	Он проснулся в госпитале и тут же снова уснул.

When he woke up in the hospital again, the smell of ether was gone and Dunbar was lying in pajamas in the bed across the aisle maintaining that he was not Dunbar but a fortiori.	Когда он опять проснулся, запах эфира улетучился, а на кровати через проход лежал Данбэр в пижаме и утверждал, что он вовсе не Данбэр, а Фортиори.
Yossarian thought he was cracked.	Йоссариану почудилось, что Данбэр тронулся.
He curled his lip skeptically at Dunbar's bit of news and slept on it fitfully for a day or two, then woke up while the nurses were elsewhere and eased himself out of bed to see for himself.	Когда Данбэр сообщил, что он Фортиори, Йоссариан скептически скривил губы и после этого день или два проспал непробудным сном, а открыв глаза, увидел, что вокруг суетятся сестры. Он поднялся и осмотрел себя.

The floor swayed like the floating raft at the beach and the stitches on the inside of his thigh bit into his flesh like fine sets of fish teeth as he limped across the aisle to peruse the name on the temperature card on the foot of Dunbar's bed, but sure enough, Dunbar was right: he was not Dunbar any more but Second Lieutenant Anthony F. Fortiori.	Нитки шва у паха впивались в его тело, как рыбьи зубы. Когда, прихрамывая, он пересек проход между койками, чтобы рассмотреть фамилию на температурном листе, висевшем над кроватью Данбэра. Пол под ним покачивался, как плот у пляжа. Оказалось, что Данбэр прав: он был уже вовсе не Данбэр, а второй лейтенант Антони Фортиори.
'What the hell's going on?'	- Что за чертовщина?
A. Fortiori got out of bed and motioned to Yossarian to follow.	А. Фортиори встал с постели и сделал знак Йоссариану следовать за ним.

Grasping for support at anything he could reach, Yossarian limped along after him into the corridor and down the adjacent ward to a bed containing a harried young man with pimples and a receding chin.	Хватаясь за все, что попадалось на пути, Йоссариан захромал за ним по коридору. Они вошли в соседнюю палату, где лежал суетливый прыщавый молодой человек со скошенным подбородком.
The harried young man rose on one elbow with alacrity as they approached.	При их приближении суетливый молодой человек поспешно поднялся на локте.
A. Fortiori jerked his thumb over his shoulder and said,	А. Фортиори ткнул большим пальцем через плечо и сказал:
' Screw.'	- Сгинь, мразь!

The harried young man jumped out of bed and ran away.	Суетливый молодой человек спрыгнул с кровати и убежал.
A. Fortiori climbed into the bed and became Dunbar again.	А. Фортиори залез в кровать и снова стал Данбэром.
' That was A. Fortiori,' Dunbar explained.	- Это был А. Фортиори, - пояснил Данбэр.
'They didn't have an empty bed in your ward, so I pulled my rank and chased him back here into mine.	- В твоей палате не было пустых коек, так что мне пришлось надавить на него своим чином и заставить перебраться на мою койку.
It's a pretty satisfying experience pulling rank.	Давить чином - очень приятная штука.
You ought to try it sometime.	Тебе надо как-нибудь тоже попробовать.

You ought to try it right now, in fact, because you look like you're going to fall down.'	А впрочем, попробуй прямо сейчас, потому что, судя по твоему виду, ты вот-вот грохнешься на пол.
Yossarian felt like he was going to fall down.	Йоссариан и вправду чувствовал, что вот-вот грохнется на пол.
He turned to the lantern jawed, leather-faced middle- aged man lying in the bed next to Dunbar's, jerked his thumb over his shoulder and said	Он обернулся к соседу Данбэра, пожилому человеку с морщинистым лицом и впалыми щеками, ткнул пальцем через плечо и сказал:
' Screw.'	- Сгинь, мразь!
The middle-aged man stiffened fiercely and glared.	Человек оцепенел от ярости и выпучил глаза.

' He's a major,' Dunbar explained.	- Он майор, - пояснил Данбэр.

'Why don't you aim a little lower and try becoming Warrant Officer Homer Lumley for a while?	- Почему бы тебе не поставить перед собой более скромную цель и не попытаться стать на некоторое время уорр-энт-офицером Гомером Ламли?
Then you can have a father in the state legislature and a sister who's engaged to a champion skier.	Кстати, в этом случае отец у тебя будет губернатором штата, а сестра - невестой чемпиона по лыжам.
Just tell him you're a captain.'	Скажи ему просто, что ты капитан.
Yossarian turned to the startled patient Dunbar had indicated.	Йоссариан повернулся к опешившему больному, на которого указал ему Данбэр.

'I'm a captain,' he said, jerking his thumb over his shoulder.	- Я капитан.
'Screw.'	Сгинь, мразь! - сказал он, ткнув большим пальцем через плечо.
The startled patient jumped down to the floor at Yossarian's command and ran away.	Опешивший больной, услышав команду Йоссариана, выпрыгнул из постели и убежал.
Yossarian climbed up into his bed and became Warrant Officer Homer Lumley, who felt like vomiting and was covered suddenly with a clammy sweat.	Йоссариан влез на его кровать и стал уоррэнт-офицером Г омером Ламли, который страдал от приступов тошноты и внезапных приливов пота.

He slept for an hour and wanted to be Yossarian again.	Йоссариан проспал добрый час, после чего ему снова захотелось стать Йоссарианом.
It did not mean so much to have a father in the state legislature and a sister who was engaged to a champion skier.	Оказалось, что иметь отца-губернатора и сестру-невесту чемпиона по лыжам не бог весть как интересно.
Dunbar led the way back to Yossarian's ward, where he thumbed A. Fortiori out of bed to become Dunbar again for a while.	Данбэр вернулся в палату Йоссариана, где выкинул из кровати А. Фортиори, предложив ему некоторое время снова побыть Данбэром.
There was no sign of Warrant Officer Homer Lumley.	Здесь не было и следов уоррэнт-офицера Гомера Ламли.

Nurse Cramer was there, though, and sizzled with sanctimonious anger like a damp firecracker.	Зато появилась сестра Крэмер и в приступе ханжеского возмещения зашипела, как сырое полено в огне.
She ordered Yossarian to get right back into his bed and blocked his path so he couldn't comply.	Она приказала Йоссариану немедленно лечь в постель, но, поскольку она преградила ему дорогу, он не мог выполнить этого приказания.
Her pretty face was more repulsive than ever.	Ее хорошенькое личико выглядело, как никогда, противным.

Nurse Cramer was a good-hearted, sentimental creature who rejoiced unselfishly at news of weddings, engagements, births and anniversaries even though she was unacquainted with any of the people involved.	Сестра Крэмер была мягкосердечным, сентиментальным созданием. Она совершенно бескорыстно радовалась известиям о чужих свадьбах, помолвках, днях рождения, юбилеях, даже если была вовсе незнакома с людьми, о которых шла речь.
'Are you crazy?' she scolded virtuously, shaking an indignant finger in front of his eyes.	- Вы с ума сошли! - распекала она Йоссариана и Данбэра добродетельным тоном и негодующе махала пальцем перед носом Йоссариана.

'I suppose you just don't care if you kill yourself, do you?'	- Вам что, жизнь не дорога?

' It's my self,' he reminded her.	- Жизнь-то моя, - напомнил Йоссариан.
'I suppose you just don't care if you lose your leg, do you?'	- Мне кажется, вы совершенно не боитесь потерять ногу!
' It's my leg.'	- Так нога-то моя.
' It certainly is not your leg!' Nurse Cramer retorted.	- Не только ваша, - возразила сестра Крэмер.
'That leg belongs to the U. S. government.	- Эта нога принадлежит правительству Соединенных Штатов.
It's no different than a gear or a bedpan.	Все равно как какой-нибудь тягач иди ночной горшок.

The Army has invested a lot of money to make you an airplane pilot, and you've no right to disobey the doctor's orders.'	Военное министерство вложило в вас массу денег, чтобы сделать из вас пилота, и вы не имеете права не слушаться врачей.
Yossarian was not sure he liked being invested in.	Йоссариан не был в восторге от того, что в него вкладывают деньги.
Nurse Cramer was still standing directly in front of him so that he could not pass.	Сестра Крэмер все еще стояла перед ним, так что он не мог пройти к постели.
His head was aching.	Голова у него раскалывалась.
Nurse Cramer shouted at him some question he could not understand.	Сестра Крамер о чей-то его спросила, но он не понял вопроса.

He jerked his thumb over his shoulder and said,	Он ткнул большим пальцем через плечо и сказал:
' Screw.'	"Сгинь, мразь!"
Nurse Cramer cracked him in the face so hard she almost knocked him down.	Сестра Крэмер влепила ему такую пощечину, что чуть не сбила его наземь.
Yossarian drew back his fist to punch her in the jaw just as his leg buckled and he began to fall.	Йоссариан отвел кулак, намереваясь двинуть сестру в челюсть, но нога его подломилась, и он начал падать.
Nurse Duckett strode up in time to catch him.	Сестра Даккит вовремя шагнула вперед и подхватила его под руки.

She addressed them both firmly. 'Just what's going on here?'	- Что здесь происходит? - спросила она жестким тоном, обращаясь к сестре Крэмер и Йоссариану.
'He won't get back into his bed,' Nurse Cramer reported zealously in an injured tone.	- Он не желает ложиться в постель, -отрапортовала обиженным тоном сестра Крэмер.
'Sue Ann, he said something absolutely horrible to me.	- Он сказал мне нечто совершенно ужасное, Сью Энн.
Oh, I can't even make myself repeat it!'	Я не могу даже повторить.
'She called me a gear,' Yossarian muttered.	- А она обозвала меня тягачом, - проворчал Йоссариан.
Nurse Duckett was not sympathetic.	Сестра Даккит не проявила сочувствия.

'Will you get back into bed,' she said, 'or must I take you by your ear and put you there?'	- Вы сами пойдете в постель или мне взять вас за ухо и отвести силой? - спросила она.

'Take me by my ear and put me there,' Yossarian dared her.	- Возьмите меня за ухо и отведите силой, -вызывающе ответил Йоссариан.
Nurse Duckett took him by his ear and put him back in bed.	Сестра Даккит взяла его за ухо и повела в постель.

Nurse Duckett Nurse Sue Ann Duckett was a tall, spare, mature, straight-backed woman with a prominent, well-rounded ass, small breasts and angular ascetic New England features that came equally close to being very lovely and very plain.	27. Сестра Даккит Сестра Сью Энн Даккит была высокой, поджарой женщиной с прекрасной осанкой и угловатым, аскетическим, типичным для уроженок Новой Англии лицом, которое можно было одновременно назвать весьма привлекательным и весьма невыразительным.
Her skin was white and pink, her eyes small, her nose and chin slender and sharp.	У нее была бело-розовая кожа, небольшие глаза, острые и изящные нос и подбородок.

She was able, prompt, strict and intelligent. She welcomed responsibility and kept her head in every crisis.	Способная, исполнительная, строгая и умная, с большим чувством ответственности, она не теряла головы в любой трудной ситуации.
She was adult and self-reliant, and there was nothing she needed from anyone.	Она была вполне сложившимся, уверенным в себе человеком.
Yossarian took pity and decided to help her.	Йоссариану стало жаль ее.

Next morning while she was standing bent over smoothing the sheets at the foot of his bed, he slipped his hand stealthily into the narrow space between her knees and, all at once, brought it up swiftly under her dress as far as it would go.	На следующее утро, когда она склонилась над его постелью, расправляя у него в ногах простыню, он проворно залез ей рукой под юбку.

Nurse Duckett shrieked and jumped into the air a mile, but it wasn't high enough, and she squirmed and vaulted and seesawed back and forth on her divine fulcrum for almost a full fifteen seconds before she wiggled free finally and retreated frantically into the aisle with an ashen, trembling face.	Сестра Даккит взвизгнула и подпрыгнула до потолка, но этого ей показалось мало, и она добрых пятнадцать секунд извивалась, скакала и раскачивалась взад-вперед, изгибая свой божественный стан, пока наконец с посеревшими, дрожащими губами не отступила в проход между койками.

She backed away too far, and Dunbar, who had watched from the beginning, sprang forward on his bed without warning and flung both arms around her bosom from behind.	Но она отступила слишком далеко, и Данбэр, наблюдавший с самого начала за этой сценой, приподнялся на кровати и, не говоря ни слова, набросился на нее сзади, ухватив обеими руками за грудь.
Nurse Duckett let out another scream and twisted away, fleeing far enough from Dunbar for Yossarian to lunge forward and grab her by the snatch again.	Издав еще один вопль, она высвободилась и отскочила от Данбэра, но опять-таки слишком далеко, так что Йоссариан сделал выпад и облапил ее еще раз.
Nurse Duckett bounced out across the aisle once more like a ping-pong ball with legs.	Сестра Даккит снова сиганула через проход, словно мячик для пинг-понга на двух ногах.

Dunbar was waiting vigilantly, ready to pounce. She remembered him just in time and leaped aside.	Данбэр зорко, как тигр, следил за ней, готовый к новому броску, но она вовремя о нем вспомнила и отпрыгнула не назад, а в сторону.
Dunbar missed completely and sailed by her over the bed to the floor, landing on his skull with a soggy, crunching thud that knocked him cold.	Данбэр промазал и, пролетев мимо, приземлился на пол, но не на три точки, а на одну - на голову.

He woke up on the floor with a bleeding nose and exactly the same distressful head symptoms he had been feigning all along.	Когда он пришел в себя, из носа у него текла кровь и голова раскалывалась от такой же ужасной боли, какую он до этого симулировал.

The ward was in a chaotic uproar.	В палате стоял невообразимый шум.
Nurse Duckett was in tears, and Yossarian was consoling her apologetically as he sat beside her on the edge of a bed.	Сестра Даккит обливалась слезами, а Йоссариан, сидя рядышком с ней на кровати, виновато ее утешал.
The commanding colonel was wroth and shouting at Yossarian that he would not permit his patients to take indecent liberties with his nurses.	Разгневанный начальник госпиталя кричал на Йоссариана, что не потерпит со стороны больных никаких вольностей по отношению к сестрам.

'What do you want from him?' Dunbar asked plaintively from the floor, wincing at the vibrating pains in his temples that his voice set up.	- Чего вы от него хотите? - жалобным тоном спросил Данбэр, лежа на полу и морщась от сверлящей боли в темени. Даже звук собственного голоса причинял ему страдания.
' He didn't do anything.'	- Он ничего такого не сделал.
'I'm talking about you!' the thin, dignified colonel bellowed as loudly as he could.	- Я говорю о вас! - взревел во весь голос тощий, величественный полковник.
' You're going to be punished for what you did.'	- Вы будете за это наказаны!
'What do you want from him?' Yossarian called out.	- Чего вы от него хотите? - подал голос Йоссариан.

'All he did was fall on his head.'	- Человек шлепнулся головой об пол - только и всего.
'And I'm talking about you too!' the colonel declared, whirling to rage at Yossarian.	- Я говорю и о вас тоже! - обрушился полковник на Йоссариана.
'You're going to be good and sorry you grabbed Nurse Duckett by the bosom.'	- Вы у меня еще пожалеете, что схватили сестру Даккит за грудь.
'I didn't grab Nurse Duckett by the bosom,' said Yossarian.	- А я не хватал сестру Даккит за грудь, - сказал Йоссариан.
' I grabbed her by the bosom,' said Dunbar.	- Это я схватил ее за грудь, - сказал Данбэр.

'Are you both crazy?' the doctor cried shrilly, backing away in paling confusion.	- Вы что, оба с ума сошли? - пронзительно закричал доктор. Он побледнел и отпрянул в замешательстве.
'Yes, he really is crazy, Doc,' Dunbar assured him.	- Так точно, доктор, - заверил его Данбэр. - Он и вправду сумасшедший.
'Every night he dreams he's holding a live fish in his hands.'	Каждую ночь ему снится, будто он держит в руке живую рыбу.
The doctor stopped in his tracks with a look of elegant amazement and distaste, and the ward grew still.	Доктор застыл на месте, изящно изогнув бровь. В палате стало совсем тихо.
'He does what?' he demanded.	- Снится что?.. - спросил он с отвращением.

'He dreams he's holding a live fish in his hand.'	- Ему снится, что он держит в руке живую рыбу.
'What kind of fish?' the doctor inquired sternly of Yossarian.	- Какую рыбу? - резко спросил, доктор.

' I don't know,' Yossarian answered.	- Не знаю, - ответил Йоссариан.
' I can't tell one kind of fish from another.'	- Я плохо разбираюсь в рыбах.
' In which hand do you hold them?'	- А в какой руке вы ее держите?
' It varies,' answered Yossarian.	- То в той, то в этой, - ответил Йоссариан.
'It varies with the fish,' Dunbar added helpfully.	- Все зависит от рыбы, - поспешил ему на помощь Данбэр.

The colonel turned and stared down at Dunbar suspiciously with a narrow squint.	Полковник обернулся и, подозрительно сощурившись, уставился на Данбэра.
'Yes?	- Да?
And how come you seem to know so much about it?'	А вы-то откуда знаете?
'I'm in the dream,' Dunbar answered without cracking a smile.	- Так ведь это сон-то мой, - ответил Данбэр без тени улыбки.
The colonel's face flushed with embarrassment.	Полковник побагровел.
He glared at them both with cold, unforgiving resentment.	Он уставился на обоих холодным, жестким, неприязненным взглядом.

'Get up off the floor and into your bed,' he directed Dunbar through thin lips.	- Встаньте с пола и отправляйтесь в постель, -процедил он сквозь зубы.
'And I don't want to hear another word about this dream from either one of you.	- Я не желаю больше слушать ни слова об этих снах.
I've got a man on my staff to listen to disgusting bilge like this.'	У нас есть специалист, чтобы выслушивать такую отвратительную чепуху...

'Just why do you think,' carefully inquired Major Sanderson, the soft and thickset smiling staff psychiatrist to whom the colonel had ordered Yossarian sent, 'that Colonel Ferredge finds your dream disgusting?'	- А как вы считаете, - осторожно, с мягкой, вкрадчивой улыбкой спросил майор Сэндерсон, штатный психиатр, присланный полковником к Йоссариану, - почему полковник Ферридж нашел ваши сны отвратительными?
Yossarian replied respectfully. 'I suppose it's either some quality in the dream or some quality in Colonel Ferredge.'	- Наверное, что-то отвратительное действительно есть или в самом этом сне, или, может быть, в полковнике Ферридже, - почтительно ответил Йоссариан.

'That's very well put,' applauded Major Sanderson, who wore squeaking GI shoes and had charcoal-black hair that stood up almost straight.	- Неплохо сказано, - одобрил майор Сэндерсон. Он носил поскрипывающие солдатские ботинки, а его черные, как смоль, волосы стояли дыбом.
'For some reason,' he confided, 'Colonel Ferredge has always reminded me of a sea gull.	- Полковник Ферридж, - признался он, -напоминает мне морскую чайку.
He doesn't put much faith in psychiatry, you know.'	Он ни в грош, знаете ли, не ставит психиатрию.
'You don't like sea gulls, do you?' inquired Yossarian.	- А вы, наверное, не любите морских чаек? - спросил Йоссариан.

'No, not very much,' admitted Major Sanderson with a sharp, nervous laugh and pulled at his pendulous second chin lovingly as though it were a long goatee.	- Да, не очень, - признался майор Сэндерсон с колючим, нервным смешком.

'I think your dream is charming, and I hope it recurs frequently so that we can continue discussing it.	- По-моему, ваш сон просто очарователен. Я надеюсь, что он будет часто повторяться и мы еще сможем не раз его обсудить.
Would you like a cigarette?'	Не хотите ли сигаретку?
He smiled when Yossarian declined.	Йоссариан покачал головой, и майор улыбнулся.

'Just why do you think,' he asked knowingly, 'that you have such a strong aversion to accepting a cigarette from me?'	- Как вы объясните, - спросил он многозначительно, - почему вы испытываете такое сильное нежелание взять у меня сигарету?
' I put one out a second ago.	- Потому что я только что одну выкурил.
It's still smoldering in your ash tray.'	Вот она, еще дымится в пепельнице.
Major Sanderson chuckled.	Майор Сэндерсон хохотнул.
'That's a very ingenious explanation.	- Ну что ж, весьма искреннее объяснение.
But I suppose we'll soon discover the true reason.'	Но я надеюсь, что мы скоро докопаемся до истинной причины.

He tied a sloppy double bow in his opened shoelace and then transferred a lined yellow pad from his desk to his lap.	- Завязав бантиком развязавшийся шнурок ботинка, он взял со стола блокнот желтой линованной бумаги и положил его на колени.
'This fish you dream about. Let's talk about that.	- Итак, рыба, которую вы видите во сне... Давайте о ней побеседуем.
It's always the same fish, isn't it?'	Это всегда одна и та же рыба?
' I don't know,' Yossarian replied.	- Не знаю, - ответил Йоссариан.
' I have trouble recognizing fish.'	- Я плохо разбираюсь в рыбах.

'What does the fish remind you of?'	- А что напоминает вам эта рыба?
' Other fish.'	- Другую рыбу.
' And what do other fish remind you of?'	- А что напоминает вам другая рыба?
' Other fish.'	- Другую рыбу.
Major Sanderson sat back disappointedly.	Майор Сэндерсон разочарованно откинулся на спинку стула:
' Do you like fish?'	- А вы любите рыбу?
'Not especially.'	- Не особенно.
'Just why do you think you have such a morbid aversion to fish?' asked Major Sanderson triumphantly.	- Так почему же вы считаете, что у вас патологическое отвращение к рыбам? - спросил с триумфом майор Сэндерсон.

'They're too bland,' Yossarian answered.	- А потому что они слишком скользкие, - ответил Йоссариан.
' And too bony.'	- И костлявые.
Major Sanderson nodded understandingly, with a smile that was agreeable and insincere.	Майор Сэндерсон понимающе кивнул головой, улыбаясь приятной, фальшивой улыбкой.
' That's a very interesting explanation.	- Очень интересное объяснение.

But we'll soon discover the true reason, I suppose.	Но я полагаю, что скоро мы докопаемся до истинной причины.

Do you like this particular fish? The one you're holding in your hand?'	А в частности, та конкретная рыба, которую вы держите во сне, вам нравится?
'I have no feelings about it either way.'	- Признаться, я не испытываю к ней никаких особых чувств.
' Do you dislike the fish?	- Следовательно, вам не нравится эта рыба?
Do you have any hostile or aggressive emotions toward it?'	А не питаете ли вы к ней враждебное, агрессивное чувство?
'No, not at all.	- О, нисколько.
In fact, I rather like the fish.'	В сущности, она мне даже нравится.
'Then you do like the fish.'	- Следовательно, на самом деле вы любите эту рыбу?

' Oh, no.	- О нет.
I have no feelings toward it either way.'	Я не испытываю к ней никаких особых чувств.
'But you just said you liked it. And now you say you have no feelings toward it either way.	- Но вы только что сказали, что рыба вам нравится, а теперь заявляете, что не испытываете к ней никаких чувств.
I've just caught you in a contradiction.	Я уличил вас в противоречии.
Don't you see?'	Вот видите?
'Yes, sir. I suppose you have caught me in a contradiction.'	- Да, сэр, кажется, вы уличили меня в противоречии.
Major Sanderson proudly lettered	Толстым черным карандашом майор Сэндерсон с гордостью начертал в блокноте:

' Contradiction' on his pad with his thick black pencil.	"Противоречие".
'Just why do you think,' he resumed when he had finished, looking up, 'that you made those two statements expressing contradictory emotional responses to the fish?'	Закончив писать, он поднял голову и сказал: -Как вы объясните, что вы сделали два взаимоисключающих заявления, выражающих ваши противоречивые эмоции по отношению к рыбе?
'I suppose I have an ambivalent attitude toward it.'	- Я думаю, это оттого, что у меня к рыбам двойственное отношение.
Major Sanderson sprang up with joy when he heard the words 'ambivalent attitude'.	Услышав слова "двойственное отношение", майор Сэндерсон радостно вскочил:

'You do understand!' he exclaimed, wringing his hands together ecstatically.	- Вы же все понимаете! - воскликнул он, ломая в экстазе пальцы.
'Oh, you can't imagine how lonely it's been for me, talking day after day to patients who haven't the slightest knowledge of psychiatry, trying to cure people who have no real interest in me or my work!	- О, вы даже не представляете себе, как я одинок: ведь изо дня в день мне приходится разговаривать с пациентами, которые не имеют ни малейшего понятия о психиатрии. Мне приходится лечить людей, совершенно равнодушных к моей работе.
It's given me such a terrible feeling of inadequacy.'	От этого у меня возникает ужасное ощущение собственной никчемности.

A shadow of anxiety crossed his face.	- Тень озабоченности на секунду легла на его лицо.
' I can't seem to shake it.'	- И я не могу избавиться от этого ощущения.
'Really?' asked Yossarian, wondering what else to say.	- В самом деле? - спросил Йоссариан, не зная, что еще сказать.
'Why do you blame yourself for gaps in the education of others?'	- Но зачем корить себя за пробелы в чужом образовании?
'It's silly, I know,' Major Sanderson replied uneasily with a giddy, involuntary laugh.	Я сам понимаю, что это глупо, - с тревогой в голосе ответил майор Сэндерсон.

'But I've always depended very heavily on the good opinion of others.	- Но меня всегда волновало, что обо мне подумают люди.
I reached puberty a bit later than all the other boys my age, you see, and it's given me sort of-well, all sorts of problems.	Видите ли, в половом отношении я созрел несколько позже своих сверстников. И на этой почве у меня возник психический комплекс, я бы даже сказал, уйма комплексов.
I just know I'm going to enjoy discussing them with you.	Я бы с удовольствием обсудил с вами мои комплексы.
I'm so eager to begin that I'm almost reluctant to digress now to your problem, but I'm afraid I must.	Мне так не терпится это сделать, и я с величайшей неохотой возвращаюсь к вашему комплексу. Что поделаешь - обязан.

Colonel Ferredge would be cross if he knew we were spending all our time on me.	Полковник Ферридж рассердится, если узнает, что мы потратили время на меня.
I'd like to show you some ink blots now to find out what certain shapes and colors remind you of.'	Мне бы хотелось показать вам набор чернильных клякс и выяснить, что они вам напоминают формой и цветом.
' You can save yourself the trouble, Doctor.	- Не затрудняйтесь понапрасну, доктор.
Everything reminds me of sex.'	Мне все напоминает о сексе.
'Does it?' cried Major Sanderson with delight, as though unable to believe his ears.	- Правда? - пришел в восторг майор Сэндерсон, словно не веря своим ушам.

'Now we're really getting somewhere!	- Вот теперь мы действительно добрались до главного.
Do you ever have any good sex dreams?'	А не снятся ли вам настоящие сексуальные сны?
'My fish dream is a sex dream.'	- А как же! Конечно снятся. Вот этот мой сон с рыбой - это ведь сексуальный сон.

'No, I mean real sex dreams- the kind where you grab some naked bitch by the neck and pinch her and punch her in the face until she's all bloody and then throw yourself down to ravish her and burst into tears because you love her and hate her so much you don't know what else to do. That's the kind of sex dreams I like to talk about. Don't you ever have sex dreams like that?' Yossarian reflected a moment with a wise look.	- Нет, я имею в виду настоящий секс, - горячо перебил его майор.
' That's a fish dream,' he decided.	- Бывает. Вот, например, про рыбу...

Major Sanderson recoiled as though he had been slapped.	Майор Сэндерсон отшатнулся, будто ему дали пощечину.
'Yes, of course,' he conceded frigidly, his manner changing to one of edgy and defensive antagonism. 'But I'd like you to dream one like that anyway just to see how you react.	- Да, конечно, - согласился он ледяным тоном. Отношение его к Йоссариану разом переменилось, став настороженно-враждебным.
That will be all for today.	- На сегодня достаточно.

In the meantime, I'd also like you to dream up the answers to some of those questions I asked you.	Весьма желательно, чтобы вам приснились ответы на некоторые поставленные мною вопросы.
These sessions are no more pleasant for me than they are for you, you know.'	Поверьте, что наши занятия доставляют мне так же мало удовольствия, как и вам.
'I'll mention it to Dunbar,' Yossarian replied. ' Dunbar?'	- Я передам это все Данбэру, - ответил Йоссариан. -Данбэру?
' He's the one who started it all.	- Конечно, ведь это он все затеял.

It's his dream.'	Сон-то ведь его.
'Oh, Dunbar.' Major Sanderson sneered, his confidence returning.	- Ах, Данбэр! - усмехнулся майор Сандерсон. К нему вернулась его уверенность.
'I'll bet Dunbar is that evil fellow who really does all those nasty things you're always being blamed for, isn't he?'	- Держу пари, что этот зловредный Данбэр творит все безобразия, за которые попадает вам.
' He's not so evil.'	- Не такой уж он зловредный.

And yet you'll defend him to the very death, won't you?'	- И вы готовы положить за него голову на плаху?
'Not that far.'	- Ну, так уж далеко я не зайду.
Major Sanderson smiled tauntingly and wrote 'Dunbar' on his pad.	Майор Сэндерсон ехидно улыбнулся и записал в блокноте: "Данбэр".
'Why are you limping?' he asked sharply, as Yossarian moved to the door.	- А почему вы хромаете? - отрывисто спросил он, когда Йоссариан направился к дверям.
'And what the devil is that bandage doing on your leg?	- И за каким чертом у вас повязка на ноге?

Are you mad or something?'	Вы - психический больной или нет?
' I was wounded in the leg.	- Я ранен в ногу.
That's what I'm in the hospital for.'	Поэтому я в госпитале.
'Oh, no, you're not,' gloated Major Sanderson maliciously.	- О нет, не поэтому вы в госпитале, - злорадно сказал майор Сэндерсон.
'You're in the hospital for a stone in your salivary gland.	- Вас уложили в госпиталь с камнем в слюнной железе.
So you're not so smart after all, are you?	Хитрец из вас плохой.

You don't even know what you're in the hospital for.'	Вы даже не знаете, с чем вы попали в госпиталь.
'I'm in the hospital for a wounded leg,' Yossarian insisted.	- Я попал в госпиталь с раненой ногой, - стоял на своем Йоссариан.

Major Sanderson ignored his argument with a sarcastic laugh.	Майор Сэндерсон пропустил это объяснение мимо ушей и саркастически рассмеялся.
'Well, give my regards to your friend Dunbar. And you will tell him to dream that dream for me, won't you?'	- В таком случае передайте вашему другу Данбэру мои наилучшие пожелания и скажите, чтобы ему почаще снились сексуальные сны.

But Dunbar had nausea and dizziness with his constant headache and was not inclined to co-operate with Major Sanderson.	Но Данбэр страдал от приступов тошноты и головокружений, которые сопровождались постоянными головными болями, и не был расположен сотрудничать с майором Сэндерсоном.
Hungry Joe had nightmares because he had finished sixty missions and was waiting again to go home, but he was unwilling to share any when he came to the hospital to visit.	Даже Заморыш Джо, у которого кошмаров было хоть отбавляй, потому что он сделал положенные шестьдесят боевых вылетов и опять ждал отправки домой, не желал делиться своими кошмарами, когда приходил в госпиталь проведать друзей.
'Hasn't anyone got any dreams for Major Sanderson?' Yossarian asked.	- Нет ли у кого-нибудь подходящих снов для майора Сэндерсона? - спросил Йоссариан.

'I hate to disappoint him.	- Мне было бы больно его огорчить.
He feels so rejected already.'	Он чувствует себя отщепенцем.
'I've been having a very peculiar dream ever since I learned you were wounded,' confessed the chaplain.	- После того как вас ранили, мне стал сниться один и тот же странный сон, - признался капеллан.
'I used to dream every night that my wife was dying or being murdered or that my children were choking to death on morsels of nutritious food.	- Прежде я обычно каждую ночь видел, как убивают мою жену или как душат моих детей.

Now I dream that I'm out swimming in water over my head and a shark is eating my left leg in exactly the same place where you have your bandage.'	Теперь же мне снится, что я плаваю под водой и акула кусает меня за ногу как раз в том месте, где у вас повязка.
'That's a wonderful dream,' Dunbar declared.	- Чудесный сон! - воскликнул Данбэр. - Пальчики оближешь!
'I bet Major Sanderson will love it.'	Клянусь, что майору Сэндерсону он придется по душе.
'That's a horrible dream!' Major Sanderson cried.	- Да это же ужасный сон! - закричал майор Сэндерсон.
' It's filled with pain and mutilation and death.	- В нем и боль, и увечье, и смерть.

I'm sure you had it just to spite me.	Я уверен, что он вам приснился назло мне.
You know, I'm not even sure you belong in the Army, with a disgusting dream like that.'	Я, знаете ли, сильно сомневаюсь, имеет ли право человек с такими гнусными снами служить в армии.
Yossarian thought he spied a ray of hope.	Перед Йоссарианом мелькнул луч надежды.
'Perhaps you're right, sir,' he suggested slyly.	- А может, вы и правы, сэр, - лукаво согласился он.
'Perhaps I ought to be grounded and returned to the States.'	- Наверное, меня надо списать на землю и вернуть в Штаты.

'Hasn't it ever occurred to you that in your promiscuous pursuit of women you are merely trying to assuage your subconscious fears of sexual impotence?'	- Не приходило ли вам в голову, что ваша неразборчивость в женщинах - это просто попытка подавить подсознательный страх перед половым бессилием?
' Yes, sir, it has.'	- Да, сэр, это верно.
' Then why do you do it?'	- Тогда зачем же вы это делаете?
'To assuage my fears of sexual impotence.'	- Чтобы подавить страх перед половым бессилием.

'Why don't you get yourself a good hobby instead?' Major Sanderson inquired with friendly interest.	- А почему бы вам не найти себе подходящее хобби? - участливо спросил майор Сэндерсон.
'Like fishing.	- Например, рыбную ловлю.
Do you really find Nurse Duckett so attractive?	Вы действительно находите сестру Даккит привлекательной?
I should think she was rather bony.	По-моему, она довольно костлява.
Rather bland and bony, you know.	Костлявая и скользкая.
Like a fish.'	Как рыба.
' I hardly know Nurse Duckett.'	- Я почти незнаком с сестрой Даккит.

' Then why did you grab her by the bosom?	- Тогда зачем же вы ее хватаете за грудь?
Merely because she has one?' ' Dunbar did that.'	Только потому, что у нее есть грудь?
'Oh, don't start that again,' Major Sanderson exclaimed with vitriolic scorn, and hurled down his pencil disgustedly.	- Это все Данбэр.

'Do you really think that you can absolve yourself of guilt by pretending to be someone else? I don't like you, Fortiori. Do you know that?	- Э, вы опять за старое! Сколько можно?.. -воскликнул майор Сэндерсон с кислой, презрительной усмешкой и брезгливо отбросил карандаш. - Вы что, действительно думаете, что вам все будет сходить с рук, если вы будете прикрываться чужими фамилиями?
I don't like you at all.'	Что-то вы мне не нравитесь, Фортиори, совсем не нравитесь...
Yossarian felt a cold, damp wind of apprehension blow over him.	Предчувствие опасности сырым холодным сквознячком прошмыгнуло по спине Йоссариана.
'I'm not Fortiori, sir,' he said timidly.	- Я вовсе не Фортиори, сэр. - робко проговорил он.

' I'm Yossarian.'	- Я - Йоссариан.
' You're who?'	- Кто?
'My name is Yossarian, sir. And I'm in the hospital with a wounded leg.'	- Моя фамилия Йоссариан, сэр, и я попал в госпиталь с раненой ногой.
'Your name is Fortiori,' Major Sanderson contradicted him belligerently.	- Ваша фамилия Фортиори, - воинственно отпарировал майор Сэндерсон.
'And you're in the hospital for a stone in your salivary gland.'	- Вы попали в госпиталь с камнем в слюнной железе.

' Oh, come on, Major!' Yossarian exploded.	- Бросьте, майор! - взорвался Йоссариан.

' I ought to know who I am.'	- Уж я то знаю, кто я такой.
'And I've got an official Army record here to prove it,' Major Sanderson retorted.	- А я берусь это доказать с помощью официальных военных документов, - возразил майор.
' You'd better get a grip on yourself before it's too late.	- Советую вам: уймитесь, пока не поздно.
First you're Dunbar. Now you're Yossarian. The next thing you know you'll be claiming you're Washington Irving.	Сначала вы были Данбэром, теперь вы -Йоссариан, а потом заявите, что вы Вашингтон Ирвинг.
Do you know what's wrong with you?	Знаете, чем вы страдаете?

You've got a split personality, that's what's wrong with you.'	У вас раздвоение личности, вот в чем ваша трагедия.
'Perhaps you're right, sir.' Yossarian agreed diplomatically.	- Может, вы и правы, - дипломатично согласился Йоссариан.
' I know I'm right.	- Я в этом уверен.
You've got a bad persecution complex.	У вас мания преследования в тяжелой форме.
You think people are trying to harm you.'	Вы считаете, что люди стараются причинить вам зло.
'People are trying to harm me.'	- Люди действительно стараются причинить мне зло.
' You see?	- Вот видите!

You have no respect for excessive authority or obsolete traditions.	Вы не признаете авторитетов и не уважаете традиций.
You're dangerous and depraved, and you ought to be taken outside and shot!'	Вы - опасный и развращенный субъект, которого нужно поставить к стенке и расстрелять.
' Are you serious?'	- Это вы серьезно?
' You're an enemy of the people!'	- Вы - враг народа.
' Are you nuts?' Yossarian shouted.	- Вы что - псих? - закричал Йоссариан.
'No, I'm not nuts,' Dobbs roared furiously back in the ward, in what he imagined was a furtive whisper.	- ...Нет, я не псих! - яростно ревел Доббс в палате, воображая, что говорит приглушенным шепотом.

'Hungry Joe saw them, I tell you. He saw them yesterday when he flew to Naples to pick up some black-market air conditioners for Colonel Cathcart's farm.	- Я вам говорю, что Заморыш Джо сам их вчера видел, когда летал в Неаполь на черный рынок за кондиционерами для фирмы полковника Кэткарта.
They've got a big replacement center there and it's filled with hundreds of pilots, bombardiers and gunners on the way home.	А в Неаполе - центр подготовки пополнений. Так вот там по пути домой собрались сотни пилотов, бомбардиров и стрелков.
They've got forty-five missions, that's all.	Ведь они выполнили всего только по сорок пять боевых заданий - и все.
A few with Purple Hearts have even less.	А несколько человек, награжденных "Пурпурными сердцами"[16] - и того меньше.

Replacement crews are pouring in from the States into the other bomber groups.	В другие бомбардировочные полки из Штатов потоком вливаются пополнения.
They want everyone to serve overseas at least once, even administrative personnel.	Правительство хочет, чтобы каждый военнослужащий, даже из административного состава, побывал хоть разок за океаном.
Don't you read the papers?	Вы что, газет не читаете?
We've got to kill him now!'	Теперь-то уж мы обязаны его убить.
'You've got only two more missions to fly,' Yossarian reasoned with him in a low voice.	- Тебе осталось отлетать всего два задания, -урезонивал его Йоссариан вполголоса.

'Why take a chance?'	- Почему бы тебе не по-пробовать выполнить норму?
'I can get killed flying them, too,' Dobbs answered pugnaciously in his rough, quavering, overwrought voice.	- Двух боевых вылетов то-же вполне достаточно, чтобы сложить голову, - ответил Доббс дрожащим от возбуждения голосом.
'We can kill him the first thing tomorrow morning when he drives back from his farm.	- Мы должны кокнуть его завтра утром, когда он будет возвращаться с фермы.
I've got the gun right here.'	У меня с собой пистолет.
Yossarian goggled with amazement as Dobbs pulled a gun out of his pocket and displayed it high in the air.	Йоссариан вытаращил глаза от удивления, когда Доббс выхватил из кар-мана пистолет и помахал им в воздухе.

'Are you crazy?' he hissed frantically.	- Ты сошел с ума! - исступленно прошипел Йоссариан.
' Put it away.	- Спрячь!
And keep your idiot voice down.'	И не голоси, как идиот!
'What are you worried about?' Dobbs asked with offended innocence.	- А чего ты беспокоишься? - обиделся Доббс.
'No one can hear us.'	- Нас никто не слышит.
'Hey, knock it off down there,' a voice rang out from the far end of the ward.	- Эй, кончайте там! - прозвенел голос из дальнего угла палаты.
' Can't you see we're trying to nap?'	- Не видите что ли, люди задремали.

'What the hell are you, a wise guy?' Dobbs yelled back and spun around with clenched fists, ready to fight.	- Это еще что за умник сыскался? - гаркнул в ответ Доббс, оборачиваясь на голос, стиснув кулаки, готовый к драке.
He whirled back to Yossarian and, before he could speak, sneezed thunderously six times, staggering sideways on rubbery legs in the intervals and raising his elbows ineffectively to fend each seizure off.	Потом он круто повернулся к Йоссариану и, не успев выговорить ни слова, громоподобно чихнул шесть раз подряд, в интервалах раскачиваясь из стороны в сторону на гнущихся, будто резиновых, ногах.
The lids of his watery eyes were puffy and inflamed.	Веки его глаз покраснели.

'Who does he think,' he demanded, sniffing spasmodically and wiping his nose with the back of his sturdy wrist, 'he is, a cop or something?'	- Кого он из себя строит? - сердито вопрошал он, судорожно шмыгая и вытирая нос тыльной стороной здоровенной ладони. - Полицейского или еще кого?

'He's a C.I.D. man,' Yossarian notified him tranquilly.	- Он контрразведчик, - спокойно уведомил его Йоссариан.
' We've got three here now and more on the way.	- Их здесь уже трое и еще пачка на подходе.
Oh, don't be scared.	Но ты не бойся.
They're after a forger named Washington Irving.	Они разыскивают мистификатора, подделывающего подпись Вашингтона Ирвинга.

They're not interested in murderers.'	Убийцы их не интересуют.
' Murderers?'	- Убийцы?
Dobbs was affronted. 'Why do you call us murderers?	- Доббс оскорбился. - На каком таком основании ты называешь нас убийцами?
Just because we're going to murder Colonel Cathcart?'	Только потому, что мы собираемся убить полковника Кэткарта?
'Be quiet, damn you!' directed Yossarian.	- Да тише ты, черт тебя побери, - сказал Йоссариан.
' Can't you whisper?'	- Ты шепотом говорить умеешь?
'I am whispering.	- Я и так шепчу.
I-'	Я...
' You're still shouting.'	- Ты орешь во все горло.

'No, I'm not. I-'	- Нет, я не...
'Hey, shut up down there, will you?' patients all over the ward began hollering at Dobbs.	- Эй, заткнись ты там, слышишь? - загомонила вся палата.
'I'll fight you all!' Dobbs screamed back at them, and stood up on a rickety wooden chair, waving the gun wildly.	- Я вас перестреляю! - взвыл Доббс и вскочил на рахитичный деревянный стульчик, неистово размахивая пистолетом.
Yossarian caught his arm and yanked him down.	Йоссариан схватил его за руку и стянул вниз.
Dobbs began sneezing again.	Доббс снова расчихался.

'I have an allergy,' he apologized when he had finished, his nostrils running and his eyes streaming with tears.	- У меня аллергический насморк, - извинился он, кончив чихать. Из носа у него текло, глаза слезились.
' That's too bad.	- Эх, Доббс, Доббс.
You'd make a great leader of men without it.'	Не будь у тебя насморка, ты бы стал величайшим вожаком народных масс.
'Colonel Cathcart's the murderer,' Dobbs complained hoarsely when he had shoved away a soiled, crumpled khaki handkerchief.	- Полковник Кэткарт - убийца, - хрипло жаловался Доббс, запихивая в карман мокрый скомканный носовой платок цвета хаки.

'Colonel Cathcart's the one who's going to murder us all if we don't do something to stop him.'	- Полковник Кэткарт погубит нас всех, если мы сами ничего не предпримем.
'Maybe he won't raise the missions any more.	- Может быть, он больше не увеличит норму вылетов?
Maybe sixty is as high as he'll go.'	Может, дальше шестидесяти он не пойдет?

'He always raises the missions. You know that better than I do.'	- Он всегда повышает норму, и ты это знаешь лучше, чем я.
Dobbs swallowed and bent his intense face very close to Yossarian's, the muscles in his bronze, rocklike jaw bunching up into quivering knots.	- Доббс проглотил слюну и наклонился вплотную к Йоссариану. Лицо его напряглось, под бронзовой кожей на каменных челюстях заплясали желваки.

'Just say it's okay and I'll do the whole thing tomorrow morning.	- Скажи "валяй", и я завтра утром все сделаю.
Do you understand what I'm telling you?	Ты понимаешь, что я тебе говорю?
I'm whispering now, ain't I?'	Я ведь говорил шепотом, правда?
Yossarian tore his eyes away from the gaze of burning entreaty Dobbs had fastened on him.	Йоссариан отвел глаза, чтобы не видеть устремленного на него взгляда Доббса, полного жгучей мольбы.
'Why the goddam hell don't you just go out and do it?' he protested.	- Почему, черт возьми, ты один не пойдешь? -запротестовал Йоссариан.
'Why don't you stop talking to me about it and do it alone?'	- Перестал бы трепаться со мной об этом, а пошел бы сам да и сделал.

' I'm afraid to do it alone.	- Один я боюсь.
I'm afraid to do anything alone.'	Я вообще в одиночку боюсь действовать.
' Then leave me out of it.	- Тогда не впутывай меня в это дело.
I'd have to be crazy to get mixed up in something like this now.	Я был бы последним кретином, если бы сейчас влип в подобную историю.
I've got a million-dollar leg wound here.	Моей ране цена миллион долларов.
They're going to send me home.'	Меня хотят отпустить домой.
'Are you crazy?' Dobbs exclaimed in disbelief.	- Ты в своем уме? - воскликнул Доббс.
' All you've got there is a scratch.	- Кроме шрама, ты ничего не приобретешь.

He'll have you back flying combat missions the day you come out, Purple Heart and all.'	Едва ты высунешь нос из госпиталя, Кэткарт тут же пошлет тебя на боевое задание. Разве что нацепит перед этим "Пурпурное сердце".
'Then I really will kill him,' Yossarian vowed.	- Вот тогда я действительно убью его, - поклялся Йоссариан.
' I'll come looking for you and we'll do it together.'	- Я отыщу тебя, и мы сделаем это вместе.
'Then let's do it tomorrow while we've still got the chance,' Dobbs pleaded.	- Давай провернем все завтра, покуда у нас еще есть возможность, - взмолился Доббс.

'The chaplain says he's volunteered the group for Avignon again.	- Капеллан говорит, что Кэткарт опять добровольно вызвался бросить наш полк на Авиньон.
I may be killed before you get out.	Меня могут убить до того, как ты выйдешь из госпиталя.
Look how these hands of mine shake.	Посмотри, как у меня дрожат руки.
I can't fly a plane.	Я не могу управлять самолетом.
I'm not good enough.'	Не гожусь.

Yossarian was afraid to say yes.	Йоссариан не рискнул сказать "да".
' I want to wait and see what happens first.'	- Я, пожалуй, обожду. Посмотрим, что будет.

'The trouble with you is that you just won't do anything,' Dobbs complained in a thick infuriated voice.	А там что-нибудь сделаем... - Ты вообще ничего не будешь делать, вот в чем беда! - громким взбешенным голосом сказал Доббс.
'I'm doing everything I possibly can,' the chaplain explained softly to Yossarian after Dobbs had departed.	- ...Я делаю все, что в моих силах, - кротко объяснил капеллан Йоссариану после ухода Доббса из госпиталя.
'I even went to the medical tent to speak to Doc Daneeka about helping you.'	- Я даже ходил в санчасть, чтобы переговорить с доктором Дейникой: не может ли он вам чем-нибудь помочь.
'Yes, I can see.' Yossarian suppressed a smile.	- Да, я вижу, что вы ходили в санчасть, -Йоссариан подавил улыбку.
'What happened?'	- И что же из этого вышло?

'They painted my gums purple,' the chaplain replied sheepishly.	- Они намазали мне марганцовкой десны, -застенчиво ответил капеллан.
'They painted his toes purple, too,' Nately added in outrage. 'And then they gave him a laxative.'	- И пальцы на ногах тоже, - добавил Нейтли с возмущением, - да еще дали слабительного.
'But I went back again this morning to see him.'	- Но сегодня утром я снова отправился, чтобы повидать доктора Дейнику.
'And they painted his gums purple again,' said Nately.	- А они снова намазали ему десны марганцовкой, -сказал Нейтли.
'But I did get to speak to him,' the chaplain argued in a plaintive tone of self-justification.	- Но я все-таки поговорил с ним, - жалобно запротестовал капеллан.

'Doctor Daneeka seems like such an unhappy man.	- Доктор Дейника показался мне таким несчастным.
He suspects that someone is plotting to transfer him to the Pacific Ocean.	Он подозревает, будто кто-то строит козни, чтобы его перевели служить на Тихий океан.
All this time he's been thinking of coming to me for help.	Все это время он, оказывается, собирался обратиться ко мне за помощью.
When I told him I needed his help, he wondered if there wasn't a chaplain I couldn't go see.'	Когда я сказал ему, что сам нуждаюсь в его помощи, он поинтересовался, неужели нет другого капеллана, к которому я мог бы обратиться.

The chaplain waited in patient dejection when Yossarian and Dunbar both broke into laughter.	- Опечаленный капеллан терпеливо подождал, пока Йоссариан и Данбэр отсмеются.
'I used to think it was immoral to be unhappy,' he continued, as though keening aloud in solitude.	- Я всегда считал, что быть несчастным -безнравственно, - причитал он.
'Now I don't know what to think any more.	- Теперь я даже не знаю, что и думать.

I'd like to make the subject of immorality the basis of my sermon this Sunday, but I'm not sure I ought to give any sermon at all with these purple gums.	Я бы посвятил теме безнравственности мою проповедь, назначенную на это воскресенье, но я не уверен, пристойно ли проповеднику появляться перед прихожанами с деснами, вымазанными марганцовкой.

Colonel Korn was very displeased with them.'	Подполковник Корн был бы очень этим недоволен.
'Chaplain, why don't you come into the hospital with us for a while and take it easy?' Yossarian invited.	- Капеллан, а почему бы вам не лечь в госпиталь? Побыли бы с нами несколько деньков и отдохнули бы душой, - пригласил Йоссариан.
' You could be very comfortable here.'	- Здесь вам будет удобно и хорошо.

The brash iniquity of the proposal tempted and amused the chaplain for a second or two.	На какое-то мгновение это нахальное, противозаконное предложение показалось капеллану соблазнительным.
'No, I don't think so,' he decided reluctantly.	- Нет, думается, не стоит, - нехотя решил он.
'I want to arrange for a trip to the mainland to see a mail clerk named Wintergreen.	- Я собираюсь предпринять путешествие на материк, чтобы повидаться со штабным писарем по фамилии Уинтергрин.
Doctor Daneeka told me he could help.'	Доктор Дейника говорит, что он может помочь.
'Wintergreen is probably the most influential man in the whole theater of operations.	- Да, Уинтергрин, пожалуй, самая влиятельная личность на всем театре военных действий.

He's not only a mail clerk, but he has access to a mimeograph machine.	Он не просто штабной писарь. У него есть доступ к гектографу.
But he won't help anybody.	Но он никому не помогает.
That's one of the reasons he'll go far.'	Вот потому-то он далеко пойдет.
'I'd like to speak to him anyway.	- Тем не менее мне хотелось бы с ним поговорить.
There must be somebody who will help you.'	Должен же сыскаться на свете человек, который сможет вам помочь.
'Do it for Dunbar, Chaplain,' Yossarian corrected with a superior air.	- Сделайте это не для меня, а для Данбэра, капеллан, - поправил его Йоссариан барским тоном.

'I've got this million-dollar leg wound that will take me out of combat.	- У меня рана на ноге, цена ей миллион долларов.
If that doesn't do it, there's a psychiatrist who thinks I'm not good enough to be in the Army.'	С такой раной меня не вернут в строй. Но если и рана не поможет, тогда вся надежда на психиатра, который считает, что я не пригоден для службы в армии.
'I'm the one who isn't good enough to be in the Army,' Dunbar whined jealously.	- Это я не вполне пригоден к службе в армии, -ревниво проскулил Данбэр.
' It was my dream.'	- Это был мой сон.
' It's not the dream, Dunbar,' Yossarian explained.	- Не в сне дело, Данбэр, - объяснил Йоссариан.
'He likes your dream.	- Твой сон ему нравится.

It's my personality.	Дело в моей личности.
He thinks it's split.'	Он думает, что она у меня раздвоенная.

'It's split right down the middle,' said Major Sanderson, who had laced his lumpy GI shoes for the occasion and had slicked his charcoal-dull hair down with some stiffening and redolent tonic.	- ...Ваша личность раскололась на две равные половинки, - сказал майор Сэндерсон. Ради такого случая он завязал шнурки на своих неуклюжих солдатских ботинках и прилизал черные, как смоль, волосы с помощью какой-то удушающе-благоухающей дряни.
He smiled ostentatiously to show himself reasonable and nice.	Стараясь показаться здравомыслящим и приятным, он наигранно улыбнулся.

'I'm not saying that to be cruel and insulting,' he continued with cruel and insulting delight.	- Я это говорю не потому, что хочу быть жестоким и оскорбить вас, - продолжал он жестоким, оскорбительным тоном.
'I'm not saying it because I hate you and want revenge. I'm not saying it because you rejected me and hurt my feelings terribly.	- Я это говорю не потому, что питаю к вам злое, мстительное чувство из-за того, что вы оттолкнули меня и наплевали мне в душу.
No, I'm a man of medicine and I'm being coldly objective.	Я медик и всегда смотрю на вещи трезво и объективно.
I have very bad news for you.	Так вот, у меня для вас очень скверные новости.

Are you man enough to take it?'	У вас хватит мужества выслушать их?
'God, no!' screamed Yossarian.	- Не надо, бога ради, пощадите! - завизжал Йоссариан.
' I'll go right to pieces.'	- Меня хватит удар.
Major Sanderson flew instantly into a rage.	Майор Сэндерсон разъярился.
'Can't you even do one thing right?' he pleaded, turning beet-red with vexation and crashing the sides of both fists down upon his desk together.	- Вы хоть изредка можете вести себя по-человечески? - взмолился он. От злости лица его стало красным, как свекла, а кулаки обрушились на крышку стола.

'The trouble with you is that you think you're too good for all the conventions of society.	- Ваша беда в том, что вы ставите себя выше всяких условностей.
You probably think you're too good for me too, just because I arrived at puberty late.	Вы, вероятно, ставите себя даже выше меня только потому, что половая зрелость у меня наступила слишком поздно.
Well, do you know what you are?	Так вот, знаете, кто вы на самом деле?

You're a frustrated, unhappy, disillusioned, undisciplined, maladjusted young man!' Major Sanderson's disposition seemed to mellow as he reeled off the uncomplimentary adjectives.	Вы - неудачливый, несчастный, разочарованный, недисциплинированный, не приспособленный к жизни молодой человек. - Протараторив эту серию нелестных эпитетов, майор Сэндерсон как будто бы немного оттаял.
'Yes, sir,' Yossarian agreed carefully. 'I guess you're right.'	- Так точно, сэр, - охотно согласился Йоссариан, -По-моему, вы правы.
' Of course I'm right.	- Конечно, я прав.
You're immature.	Вы еще незрелы.
You've been unable to adjust to the idea of war.'	Вы не в состоянии свыкнуться с самой идеей войны.

'Yes, sir.'	- Так точно, сэр.

' You have a morbid aversion to dying.	- У вас патологическое отвращение к смерти.
You probably resent the fact that you're at war and might get your head blown off any second.'	Вас, вероятно, раздражает сам факт, что вы на войне и можете в любую минуту сложить голову.
'I more than resent it, sir. I'm absolutely incensed.'	- "Раздражает" - это не то слово, сэр... Я просто вне себя от бешенства.
'You have deep-seated survival anxieties.	- Вас постоянно мучит забота о собственной безопасности.
And you don't like bigots, bullies, snobs or hypocrites.	Вы не выносите хвастунов, фанатиков, снобов и лицемеров.

Subconsciously there are many people you hate.'	У вас подсознательная ненависть ко многим людям.
'Consciously, sir, consciously,' Yossarian corrected in an effort to help.	- Почему подсознательная?
'I hate them consciously.'	Вполне сознательная, сэр! - поправил Йоссариан, горя желанием помочь психиатру. - Я ненавижу их совершенно сознательно.
'You're antagonistic to the idea of being robbed, exploited, degraded, humiliated or deceived.	- Вы настроены антагонистически к грабежам, эксплуатации, неравенству, унижениям и обману.

Misery depresses you. Ignorance depresses you. Persecution depresses you. Violence depresses you. Slums depress you. Greed depresses you. Crime depresses you. Corruption depresses you.	Вас морально угнетает нищета, вас угнетает невежество. Вас угнетают преследования. Вас угнетает насилие. Вас угнетают трущобы. Вас угнетает жадность. Вас угнетает преступность. Вас угнетает коррупция.
You know, it wouldn't surprise me if you're a manic-depressive!'	Знаете, я совсем не удивлюсь, если у вас окажется маниакально-депрессивный психоз.
'Yes, sir.	- Так точно, сэр.
Perhaps I am.'	Может быть, у меня как раз этот самый психоз.

' Don't try to deny it.'	- И не пытайтесь это отрицать.
'I'm not denying it, sir,' said Yossarian, pleased with the miraculous rapport that finally existed between them.	- А я и не отрицаю, сэр, - сказал Йоссариан, весьма довольный чудесным контактом, установившимся наконец между ними.
' I agree with all you've said.'	- Я согласен со всем, что вы сказали.
'Then you admit you're crazy, do you?'	- Следовательно, вы должны согласиться, что вы сумасшедший.
'Crazy?'	- Сумасшедший?
Yossarian was shocked.	- Йоссариан был поражен.
'What are you talking about?	- О чем вы говорите?
Why am I crazy?	Почему это я сумасшедший?

You're the one who's crazy!'	Это вы сумасшедший!
Major Sanderson turned red with indignation again and crashed both fists down upon his thighs.	Майор Сэндерсон снова покраснел от негодования и хлопнул себя кулаками по бедрам.

'Calling me crazy,' he shouted in a sputtering rage, 'is a typically sadistic and vindictive paranoiac reaction!	- Назвав меня сумасшедшим, - заорал он, брызжа слюной, - вы тем самым изобличили в себе типичного, мстительного параноика с садистскими наклонностями!
You really are crazy!'	Вы действительно сумасшедший!
' Then why don't you send me home?'	- Тогда почему же вы не отправите меня домой?

' And I'm going to send you home!'	- А я и намерен отправить вас домой.
'They're going to send me home!' Yossarian announced jubilantly, as he hobbled back into the ward.	- Меня собираются отправить домой! - ликуя, объявил Йоссариан, когда приковылял обратно в палату.
'Me too!' A. Fortiori rejoiced.	- Меня тоже! - радостно откликнулся А. Фортиори.
' They just came to my ward and told me.'	- Только сейчас приходили в палату и объявили.
'What about me?' Dunbar demanded petulantly of the doctors.	- А как насчет меня? - обиженно осведомился у врачей Данбэр.
' You?' they replied with asperity.	- Насчет вас? - строго ответили ему.

' You're going with Yossarian.	- Вы отправляетесь вместе с Йоссарианом.
Right back into combat!'	Обратно в строй.
And back into combat they both went.	И они отправились обратно в строй.
Yossarian was enraged when the ambulance returned him to the squadron, and he went limping for justice to Doc Daneeka, who glared at him glumly with misery and disdain.	Йоссариан был вне себя от ярости, когда санитарная машина доставила его в эскадрилью, и он сразу же заковылял искать справедливости у доктора Дейники. Доктор хмуро уставился на него унылым, презрительным взглядом.

'You!' Doc Daneeka exclaimed mournfully with accusing disgust, the egg-shaped pouches under both eyes firm and censorious.	- Эх вы! - скорбно воскликнул доктор Дейника брюзгливым тоном.
' All you ever think of is yourself.	- Все вы только и думаете, что о себе.
Go take a look at the bomb line if you want to see what's been happening since you went to the hospital.'	Если хочешь узнать, что произошло, пока ты валялся в госпитале, пойди-ка к карте и посмотри на линию фронта.
Yossarian was startled. 'Are we losing?'	- Мы отступаем? - спросил огорошенный Йоссариан.
'Losing?' Doc Daneeka cried.	- Отступаем? - закричал доктор Дейника.

'The whole military situation has been going to hell ever since we captured Paris.	- С тех пор как мы взяли Париж, военная обстановка стала ни к черту.
I knew it would happen.'	Я знал, что так случится.
He paused, his sulking ire turning to melancholy, and frowned irritably as though it were all Yossarian's fault.	- Он помолчал, его мрачная злость перешла в уныние. Он насупился, точно во всем виноват был Йоссариан.
'American troops are pushing into German soil.	- Американские войска вступили на территорию Германии.
The Russians have captured back all of Romania.	Русские - в Румынии.

Only yesterday the Greeks in the Eighth Army captured Rimini.	Только вчера греки в составе Восьмой армии захватили Римини.
The Germans are on the defensive everywhere!'	Немцы повсюду отступают.
Doc Daneeka paused again and fortified himself with a huge breath for a piercing ejaculation of grief.	- Доктор Дейника снова помолчал немного, набрал воздуху в легкие и издал горестный вопль.
' There's no more Luftwaffe left!' he wailed.	- От "Люфтваффе" больше ничего не осталось!
He seemed ready to burst into tears.	- Казалось, вот-вот он разревется.
' The whole Gothic line is in danger of collapsing!'	- Вся "Готическая линия" - на грани катастрофы.

' So?' asked Yossarian.	- Ну и что? - спросил Йоссариан.
' What's wrong?'	- Что же тут плохого?
'What's wrong?' Doc Daneeka cried.	- Что плохого? - закричал доктор Дейника.
'If something doesn't happen soon, Germany may surrender.	- Если в ближайшем будущем не произойдет какого-то чуда, Германия капитулирует.
And then we'll all be sent to the Pacific!'	И тогда всех нас отправят на Тихий океан.
Yossarian gawked at Doc Daneeka in grotesque dismay.	Йоссариан вытаращил глаза от ужаса:
' Are you crazy?	- Ты с ума сошел?
Do you know what you're saying?'	Ты отдаешь себе отчет в том, что говоришь?

'Yeah, it's easy for you to laugh,' Doc Daneeka sneered.	- Да, тебе-то легко смеяться! - усмехнулся доктор Дейника.
'Who the hell is laughing?'	- Какой тут, к черту, смех!
'At least you've got a chance. You're in combat and might get killed.	- У тебя по крайней мере есть шансы: ты летаешь-тебя могут убить.
But what about me?	А каково мне?
I've got nothing to hope for.'	У меня нет никаких надежд.
'You're out of your goddam head!' Yossarian shouted at him emphatically, seizing him by the shirt front.	- Ты окончательно выжил из ума! - заорал на него Йоссариан и схватил доктора за грудки.
'Do you know that?	- Ты понимаешь это?

Now keep your stupid mouth shut and listen to me.'	Заткни свою глупую пасть и слушай меня!
Doc Daneeka wrenched himself away.	Доктор Дейника вырвал- ся из лап Йоссариана.
'Don't you dare talk to me like that.	- Да как ты смеешь гово- рить со мной таким то- ном?
I'm a licensed physician.'	Я дипломированный врач!
'Then keep your stupid licensed physician's mouth shut and listen to what they told me up at the hospital.	- Тогда заткни свою ду- рацкую дипломирован- ную пасть и послушай, что мне сказали в госпи- тале.

I'm crazy.	Я - сумасшедший.
Did you know that?'	Тебе это известно?
' So?'	- Ну и что?

' Really crazy.'	- Я действительно сумасшедший.
' So?'	- Ну и что?
' I'm nuts.	- Я псих.
Cuckoo.	Я того... с приветом.
Don't you understand?	Понимаешь?
I'm off my rocker.	У меня шариков не хватает.
They sent someone else home in my place by mistake.	Они по ошибке отправили домой вместо меня кого-то другого.

They've got a licensed psychiatrist up at the hospital who examined me, and that was his verdict. I'm really insane.'	В госпитале меня исследовал дипломированный психиатр, и вот его приговор: я действительно не в своем уме.
' So?'	- Ну и что?
' So?'	- Как "ну и что"?
Yossarian was puzzled by Doc Daneeka's inability to comprehend.	- Йоссариана озадачила неспособность доктора Дейники понять суть дела.
' Don't you see what that means?	- Ты соображаешь, что это значит?
Now you can take me off combat duty and send me home.	Теперь ты можешь освободить меня от строевой службы и отправить домой.

They're not going to send a crazy man out to be killed, are they?'	Не будут же они посылать сумасшедших на верную смерь?
'Who else will go?'	- А кто же тогда пойдет на верную смерть?
Dobbs McWatt went, and McWatt was not crazy.	28. Доббс Пошел Макуотт. А Макуотт вовсе не был сумасшедшим.

And so did Yossarian, still walking with a limp, and when Yossarian had gone two more times and then found himself menaced by the rumor of another mission to Bologna, he limped determinedly into Dobbs's tent early one warm afternoon, put a finger to his mouth and said,	Так же поступил и Йоссариан, хоть он еще и прихрамывал. Он сделал еще два боевых вылета, но тут до него дошли грозные слухи о предстоящем налете на Болонью. И вот в один погожий день Йоссариан с решительным видом приковылял к Доббсу в его палатку и, приложив палец к губам, прошептал:
' Shush!'	- Тссс!

'What are you shushing him for?' asked Kid Sampson, peeling a tangerine with his front teeth as he perused the dog-eared pages of a comic book.	- Чего ты на него шикаешь? - спросил Малыш Сэмпсон. Он сдирал зубами кожуру с мандарина и увлеченно листал потрепанный комикс.
'He isn't even saying anything.'	- Человек рта не раскрывал.
'Screw,' said Yossarian to Kid Sampson, jerking his thumb back over his shoulder toward the entrance of the tent.	- Сгинь, мразь! - сказал Йоссариан, тыча пальцем через плечо по направлению к выходу.
Kid Sampson cocked his blond eyebrows discerningly and rose to co-operate.	Малыш Сэмпсон проницательно изогнул белесые брови и с готовностью поднялся со своего места.

He whistled upward four times into his drooping yellow mustache and spurted away into the hills on the dented old green motorcycle he had purchased secondhand months before.	Он четырежды присвистнул в свои понурые пшеничные усы и, вскочив на помятый, месяц назад купленный с рук мотоцикл, ринулся в горы.
Yossarian waited until the last faint bark of the motor had died away in the distance.	Йоссариан обождал, покуда наконец последнее тявканье мотора не замерло вдали.
Things inside the tent did not seem quite normal.	Палатка выглядела не совсем обычно.
The place was too neat.	Вещи были прибраны чересчур аккуратно.

Dobbs was watching him curiously, smoking a fat cigar.	Покуривая толстенную сигару, Доббс с любопытством посматривал на Йоссариана.
Now that Yossarian had made up his mind to be brave, he was deathly afraid.	Теперь, когда Йоссариан решился наконец быть храбрым, Доббс вдруг смертельно перепугался.
'All right,' he said. 'Let's kill Colonel Cathcart.	- Ладно, - сказал Йоссариан, - давай убьем полковника Кэткарта.
We'll do it together.'	Сделаем это вместе.
Dobbs sprang forward off his cot with a look of wildest terror.	Доббс вскочил с койки, дико вытаращив глаза.
'Shush!' he roared.	- Тссс! - зашипел он громко, как паровоз.
'Kill Colonel Cathcart?	- Убить полковника Кэткарта?

What are you talking about?'	Да о чем ты говоришь?
'Be quiet, damn it,' Yossarian snarled.	- Тише ты, черт тебя побери! - рявкнул на него Йоссариан.
' The whole island will hear.	- А то весь остров слышит.
Have you still got that gun?'	Пистолет у тебя цел?
' Are you crazy or something?' shouted Dobbs.	- Ты в своем уме? - заорал Доббс.
'Why should I want to kill Colonel Cathcart?'	- С какой стати я должен убивать полковника Кэткарта?
'Why?'	- С какой стати?
Yossarian stared at Dobbs with an incredulous scowl.	- Йоссариан остановил на Доббсе хмурый, подозрительный взгляд.

'Why?	- С какой стати?
It was your idea, wasn't it?	А разве это не твоя затея, а?
Didn't you come to the hospital and ask me to do it?'	Разве ты не предлагал мне то же самое в госпитале?
Dobbs smiled slowly.	Губы Доббса расплылись в улыбке.
'But that was when I had only fifty-eight missions,' he explained, puffing on his cigar luxuriously.	- В ту пору я, видишь ли, сделал только пятьдесят восемь вылетов, - пояснил он, шикарно попыхивая сигарой.
'I'm all packed now and I'm waiting to go home.	- А сейчас я собрал свои монатки и жду, когда меня отпустят домой.
I've finished my sixty missions.'	Сейчас у меня шестьдесят.

' So what?' Yossarian replied.	- Ну и что? - спросил Йоссариан.
'He's only going to raise them again.'	- Он вот-вот вновь повысит норму.
'Maybe this time he won't.'	- Может, на сей раз не повысит.
'He always raises them.	- Всегда повышал, повысит и теперь.
What the hell's the matter with you, Dobbs?	Какого черта. Доббс, что с тобой?
Ask Hungry Joe how many time he's packed his bags.'	Спроси Заморыша Джо, сколько раз он собирал свои вещички.
'I've got to wait and see what happens,' Dobbs maintained stubbornly.	- Поживем - увидим, - упрямо гнул свое Доббс.

'I'd have to be crazy to get mixed up in something like this now that I'm out of combat.'	- Что я, не в своем уме, чтобы сейчас, когда я больше не летаю, ввязываться в такие дела?
He flicked the ash from his cigar.	- Он стряхнул пепел с сигары.
'No, my advice to you,' he remarked, 'is that you fly your sixty missions like the rest of us and then see what happens.'	- Послушайся моего совета: выполни, как и все мы свою норму, а там увидишь.
Yossarian resisted the impulse to spit squarely in his eye.	Йоссариана так и подмывало плюнуть Доббсу в морду.
'I may not live through sixty,' he wheedled in a flat, pessimistic voice.	- Прежде чем я выполню норму, меня могут убить, - увещевал он Доббса унылым голосом.

'There's a rumor around that he volunteered the group for Bologna again.'	- Ходят слухи, что он снова добровольно вызвался послать нас на Болонью.
'It's only a rumor,' Dobbs pointed out with a self-important air.	- Это только слухи, - заявил Доббс, раздуваясь от спеси.
' You mustn't believe every rumor you hear.'	- Советую тебе не верить слухам.
'Will you stop giving me advice?'	- Может, ты перестанешь пичкать меня советами?
'Why don't you speak to Orr?' Dobbs advised.	- Почему бы тебе не поговорить с Орром? -посоветовал Доббс.

'Orr got knocked down into the water again last week on that second mission to Avignon.	- На прошлой неделе во время второго налета на Авиньон его опять сбили, и он плюхнулся в море.
Maybe he's unhappy enough to kill him.'	Может, он настолько отчаялся, что согласится прихлопнуть Кэткарта?
'Orr hasn't got brains enough to be unhappy.'	- Орр слишком туп, чтобы отчаиваться.

Orr had been knocked down into the water again while Yossarian was still in the hospital and had eased his crippled airplane down gently into the glassy blue swells off Marseilles with such flawless skill that not one member of the six-man crew suffered the slightest bruise.	Совсем недавно, когда Йоссариан еще лежал в госпитале, Орра снова подбили, но он посадил свой изувеченный само- лет на прозрачно-голу- бую гладь близ Марселя так мягко, с таким без- упречным искусством, что ни один из шести членов его экипажа не получил царапины.

The escape hatches in the front and rear sections flew open while the sea was still foaming white and green around the plane, and the men scrambled out as speedily as they could in their flaccid orange Mae West life jackets that failed to inflate and dangled limp and useless around their necks and waists.	Волны вскипали вокруг самолета зелеными и белыми гребешками, передние и задние спасательные люки были распахнуты настежь, и члены экипажа, облаченные в оранжевые спасательные жилеты, поспешно выбрались наружу.

The life jackets failed to inflate because Milo had removed the twin carbon-dioxide cylinders from the inflating chambers to make the strawberry and crushed-pineapple ice-cream sodas he served in the officers' mess hall and had replaced them with mimeographed notes that read:	Жилеты не надулись и болтались на летчиках, дряблые и никчемные. А не надувались жилеты потому, что Милоу вытащил из надувных камер двойные баллончики с углекислотой, которая понадобилась ему для приготовления газированной воды с клубничным и яблочным сиропом. Газированную воду он подавал в офицерской столовой, а к спасательным жилетам вместо баллончиков приложил отпечатанные на гектографе записочки:
'What's good for M & M Enterprises is good for the country.'	"Что хорошо для фирмы "М. и М.", то хорошо для родины!"

Orr popped out of the sinking airplane last.	Орр выбрался из тонувшего самолета последним.
'You should have seen him!' Sergeant Knight roared with laughter as he related the episode to Yossarian.	- Видели бы вы его! - рассказывал сержант Найт Йоссариану, покатываясь со смеху.
'It was the funniest goddam thing you ever saw.	- Дьявольски забавная история - ничего подобного вам сроду не приходилось видеть.
None of the Mae Wests would work because Milo had stolen the carbon dioxide to make those ice-cream sodas you bastards have been getting in the officers' mess.	Ни один из спасательных жилетов не сработал: Милоу украл углекислоту для той самой газировки, которую вы, мерзавцы, лакали в своей столовой.

But that wasn't too bad, as it turned out.	Но, как выяснилось, это не так уж страшно.
Only one of us couldn't swim, and we lifted that guy up into the raft after Orr had worked it over by its rope right up against the fuselage while we were all still standing on the plane.	Мы все, кроме одного парня, который не умел плавать, вынырнули из машины и взобрались на фюзеляж, а Орр тем временем за веревку подтянул аварийный плот к самолету, и мы втащили того малого на плот.
That little crackpot sure has a knack for things like that.	Ей-богу, этот чокнутый коротышка Орр в таких делах мастак.

Then the other raft came loose and drifted away, so that all six of us wound up sitting in one with our elbows and legs pressed so close against each other you almost couldn't move without knocking the guy next to you out of the raft into the water.	К тому же второй плот оторвало и унесло, так что пришлось всем шестерым влезть на один плот. Сидели так тесно, будто спрессованные, и стоило одному пошевелиться, как кто-нибудь из ребят, сидевших с краю, плюхался в воду.

The plane went down about three seconds after we left it and we were out there all alone, and right after that we began unscrewing the caps on our Mae Wests to see what the hell had gone wrong and found those goddam notes from Milo telling us that what was good for him was good enough for the rest of us.	Секунды через три после того как мы покинули самолет, он затонул, и мы остались в море одни-одинешеньки. Ну, сразу же начали отвинчивать колпачки на спасательных жилетах: нам хотелось выяснить, что там в них сломалось. И вот тут-то мы наткнулись на эти проклятые записки Милоу, в которых он сообщал, что все, что хорошо для него, хорошо для всех нас.
That bastard!	Вот мерзавец!

Jesus, did we curse him, all except that buddy of yours, Orr, who just kept grinning as though for all he cared what was good for Milo might be good enough for the rest of us.	Уж как мы его кляли, все как один, кроме вашего дружка Орра. Он только посмеивался, будто и в самом деле все, что хорошо для Милоу, оказалось хорошо и для нас.
'I swear, you should have seen him sitting up there on the rim of the raft like the captain of a ship while the rest of us just watched him and waited for him to tell us what to do.	Черт побери! Видели бы вы его, как он сидел на бортике плота, словно капитан корабля, а мы глядели ему в рот и ждали распоряжений, что делать дальше.

He kept slapping his hands on his legs every few seconds as though he had the shakes and saying,	То и дело он хлопал себя по ляжкам, будто его тряс озноб, и твердил: -
"All right now, all right," and giggling like a crazy little freak, then saying,	"Теперь все в порядочке, все в порядочке".
"All right now, all right," again, and giggling like a crazy little freak some more.	И все хихикал, как помешанный. Потом снова говорил: "Ну теперь все в порядочке" - и снова хихикал.
It was like watching some kind of a moron.	Мы глядели на него, как на дурачка.

Watching him was all that kept us from going to pieces altogether during the first few minutes, what with each wave washing over us into the raft or dumping a few of us back into the water so that we had to climb back in again before the next wave came along and washed us right back out. It was sure funny.	Если б мы на него не глазели, нам сразу же пришел бы конец, потому что волна то обрушивалась на плот, захлестывая нас с головой, то вышвыривала сразу нескольких в море.
We just kept falling out and climbing back in.	Мы карабкались обратно на плот, а новая волна снова смывала нас в море. Можете не сомневаться - смеху хватало. Мы только и знали, что шлепались в море и карабкались обратно на плот.

We had the guy who couldn't swim stretched out in the middle of the raft on the floor, but even there he almost drowned, because the water inside the raft was deep enough to keep splashing in his face.	Парня, который не умел плавать, мы положили на середину плота, но и там он чуть не потонул, потому что воды на плоту набралось столько, что парень едва не захлебнулся.
Oh, boy!	Бедный мальчик!
'Then Orr began opening up compartments in the raft, and the fun really began.	Затем Орр начал открывать на плоту разные тайнички с припасами, и вот тут то и пошло настоящее веселье.

First he found a box of chocolate bars and he passed those around so we sat there eating salty chocolate bars while the waves kept knocking us out of the raft into the water.	Сначала он отыскал коробку с шоколадом и раздал каждому по плитке. И вот мы, значит, сидим и жрем мокрый, соленый шоколад, а волны по-прежнему то и дело смывают нас в море.
Next he found some bouillon cubes and aluminum cups and made us some soup.	Потом он нашел несколько кубиков концентрированного бульона, алюминиевые чашки и сделал нам немного супу.
Then he found some tea. Sure, he made it!	Потом откуда-то извлек щепотку чаю.
Can't you see him serving us tea as we sat there soaking wet in water up to our ass?	И вы не поверите - приготовил нам чай! Посмотрели бы вы, как мы сидели с головы до ног мокрые, а он угощал нас чаем.

Now I was falling out of the raft because I was laughing so much. We were all laughing.	Мы все помирали со смеху и со смеху падали в воду.
And he was dead serious, except for that goofy giggle of his and that crazy grin.	А он был ужасно серьезный, если не считать его дурацкого хихиканья и идиотской ухмылки.
What a jerk!	Ну тип!
Whatever he found he used.	Что ни найдет, тут же приспособит к делу.
He found some shark repellent and he sprinkled it right out into the water.	Нашел жидкость для отпугивания акул и побрызгал ею вокруг плота.

He found some marker dye and he threw it into the water.	Нашел опознавательную краску - тоже в воду.
The next thing he finds is a fishing line and dried bait, and his face lights up as though the Air-Sea Rescue launch had just sped up to save us before we died of exposure or before the Germans sent a boat out from Spezia to take us prisoner or machine-gun us.	Потом он обнаружил удочку и сухую приманку и весь засиял, как будто увидел катер спасательной службы. А катеру, к слову сказать, и впрямь надо было появиться, покуда нас не хватил солнечный удар, да и немцы вполне могли выслать судно и захватить нас в плен, а то и расстрелять из автоматов.
In no time at all, Orr had that fishing line out into the water, trolling away as happy as a lark.	Мы и глазом моргнуть не успели, а Орр закинул удочку в воду, распевая при этом, как беззаботный жаворонок.

"Lieutenant, what do you expect to catch?" I asked him.	"Лейтенант, что вы собираетесь поймать?" -спросил я его.
"Cod," he told me.	"Треску", - отвечает.
And he meant it.	И он говорил это серьезно.
And it's a good thing he didn't catch any, because he would have eaten that codfish raw if he had caught any, and would have made us eat it, too, because he had found this little book that said it was all right to eat codfish raw.	Хорошо, что он ничего не поймал, а то он сам бы начал есть сырую треску и нас бы заставил: он, видите ли, нашел там книжонку, в которой говорится, что сырая треска годится в пищу.

'The next thing he found was this little blue oar about the size of a Dixie-cup spoon, and, sure enough, he began rowing with it, trying to move all nine hundred pounds of us with that little stick.	Затем он где-то откопал крохотное голубое весло размером с солдатскую ложку, ну и, разумеется, начал им грести, пытаясь этой палочкой сдвинуть с места все девятьсот фунтов.
Can you imagine?	Представляете?
After that he found a small magnetic compass and a big waterproof map, and he spread the map open on his knees and set the compass on top of it.	Наконец, он нашел компас и большую непромокаемую карту, расстелил ее на коленях, а сверху положил компас.

And that's how he spent the time until the launch picked us up about thirty minutes later, sitting there with that baited fishing line out behind him, with the compass in his lap and the map spread out on his knees, and paddling away as hard as he could with that dinky blue oar as though he was speeding to Majorca. Jesus!'	Вот так он и проводил время: сидел с удочкой, с компасом и картой на коленях и греб изо всех сил этим пижонским голубым веслецом, будто спешил на Майорку. А полчаса спустя нас подобрал катер.

Sergeant Knight knew all about Majorca, and so did Orr, because Yossarian had told them often of such sanctuaries as Spain, Switzerland and Sweden where American fliers could be interned for the duration of the war under conditions of utmost ease and luxury merely by flying there.	Сержант Найт, как и Орр, все знал про Майорку, потому что Йоссариан часто рассказывал им о таких прибежищах, как Испания, Швейцария, Швеция: стоит только американскому летчику туда перелететь, как его интернируют и приятная, роскошная жизнь до конца войны обеспечена.

Yossarian was the squadron's leading authority on internment and had already begun plotting an emergency heading into Switzerland on every mission he flew into northernmost Italy.	В своей эскадрилье Йоссариан считался высшим авторитетом по вопросам интернирования. Он даже начал подговаривать свой экипаж имитировать вынужденную посадку в Швейцарии.

He would certainly have preferred Sweden, where the level of intelligence was high and where he could swim nude with beautiful girls with low, demurring voices and sire whole happy, undisciplined tribes of illegitimate Yossarians that the state would assist through parturition and launch into life without stigma; but Sweden was out of reach, too far away, and Yossarian waited for the piece of flak that would knock out one engine over the Italian Alps and provide him with the excuse for heading for Switzerland.	Разумеется, он предпочел бы Швецию, где уровень сознания выше и где он мог бы развлекаться с красивыми девочками и наплодить там целое племя озорных, счастливых, внебрачных Йоссарианчиков. Государство заботилось бы о них с самых пеленок и выпустило бы их в жизнь без позорного клейма внебрачного дитяти. Но Швеция была вне пределов досягаемости. Йоссариан только и ждал случая, когда где-нибудь над итальянскими Альпами осколок снаряда выведет из строя мотор, и тогда будет предлог направиться в Швейцарию.

He would not even tell his pilot he was guiding him there.	Даже своему пилоту он не сказал бы, что ведет самолет через границу.

Yossarian often thought of scheming with some pilot he trusted to fake a crippled engine and then destroy the evidence of deception with a belly landing, but the only pilot he really trusted was McWatt, who was happiest where he was and still got a big boot out of buzzing his plane over Yossarian's tent or roaring in so low over the bathers at the beach that the fierce wind from his propellers slashed dark furrows in the water and whipped sheets of spray flapping back for seconds afterward.	Йоссариан часто думал о том, что надо бы войти в сговор с каким-нибудь надежным пилотом, ин- сценировать поломку самолета и, чтобы уни- чтожить все улики, по- садить самолет на брю- хо. Но единственный человек, на которого можно было положить- ся, - Макуотт был и без того счастлив. Макуотт по-прежнему захлеба- вался от удовольствия, когда с ревом прono- сился над палаткой Йоссариана или над го- ловами купающихся, причем так низко, что свирепая струя ветра от пропеллера оставля- ла темные борозды на воде, а пелена водяной пыли опадала только через несколько секунд после того, как самолет пролетал.

Dobbs and Hungry Joe were out of the question, and so was Orr, who was tinkering with the valve of the stove again when Yossarian limped despondently back into the tent after Dobbs had turned him down.	О Доббсе и Заморыше Джо не могло быть и речи. Об Орре - тоже. Когда Доббс дал Йоссариану от ворот поворот и тот в подавленном состоянии приплелся в палатку, Орр паял клапан печной форсунки.
The stove Orr was manufacturing out of an inverted metal drum stood in the middle of the smooth cement floor he had constructed.	Печь, которую Орр смастерил из железной бочки, стояла посередине палатки на гладком цементном полу; пол этот тоже был делом рук Орра.
He was working sedulously on both knees.	Стоя на коленях, Орр прилежно работал.

Yossarian tried paying no attention to him and limped wearily to his cot and sat down with a labored, drawn-out grunt.	Стараясь не обращать на него внимания, Йоссариан устало прохромал к своей койке и опустился, замычав от изнеможения.

Prickles of perspiration were turning chilly on his forehead.	Струйки пота холодили ему лоб.
Dobbs had depressed him.	Разговор с Доббсом подействовал на него угнетающе.
Doc Daneeka depressed him. An ominous vision of doom depressed him when he looked at Orr.	Угнетал его и доктор Дейника, угнетали и зловещие, роковые предчувствия.

He began ticking with a variety of internal tremors.	Сейчас Йоссариан дрожал всем телом.
Nerves twitched, and the vein in one wrist began palpitating.	Каждая жилка тикала, как часовой механизм, каждый мускул дергался, вена на запястье начала пульсировать.
Orr studied Yossarian over his shoulder, his moist lips drawn back around convex rows of large buck teeth.	Орр через плечо пристально посмотрел на Йоссариана. Влажные губы Орра расплылись в улыбке, обнажив полукружье торчащих зубов.
Reaching sideways, he dug a bottle of warm beer out of his foot locker, and he handed it to Yossarian after prying off the cap.	Потянувшись в сторону, он вытащил из своего ящика бутылку теплого пива и, откупорив, вручил Йоссариану.

Neither said a word.	Оба не проронили ни слова.
Yossarian sipped the bubbles off the top and tilted his head back.	Йоссариан схлебнул пену и запрокинул голову.
Orr watched him cunningly with a noiseless grin.	Хитро прищурясь, Орр молча, с ухмылкой следил за Йоссарианом.
Yossarian eyed Orr guardedly.	Тот настороженно смотрел на Орра.
Orr snickered with a slight, mucid sibilance and turned back to his work, squatting.	У Орра вырвался короткий, свистящий смешок. Присев на корточки, он занялся своим делом.
Yossarian grew tense.	Йоссариан весь напрягся.

'Don't start,' he begged in a threatening voice, both hands tightening around his beer bottle.	- Брось, - попросил он с угрозой в голосе, стискивая обеими руками бутылку.
' Don't start working on your stove.'	- Брось ты возиться с этой печкой.
Orr cackled quietly.	Орр гоготнул:
' I'm almost finished.'	- Я почти кончил.
'No, you're not.	- Какое там кончил!
You're about to begin.'	Ты еще не начал.
'Here's the valve. See?	- Видишь этот клапан?
It's almost all together.'	Он уже почти собран.
'And you're about to take it apart.	- А ты собираешься его разобрать.
I know what you're doing, you bastard.	Знаю я тебя, мерзавец.

I've seen you do it three hundred times.'	Я уже триста раз видел, как ты это делаешь.

Orr shivered with glee. 'I want to get the leak in this gasoline line out,' he explained. 'I've got it down now to where it's only an ooze.' 'I can't watch you,' Yossarian confessed tonelessly. 'If you want to work with something big, that's okay. But that valve is filled with tiny parts, and I just haven't got the patience right now to watch you working so hard over things that are so goddam small and unimportant.' 'Just because they're small doesn't mean they're unimportant.' 'I don't care.' 'Once more?' 'When I'm not around. You're a happy imbecile and you don't know what it means to feel the way I do. Things happen to me when

'What the hell's your hurry with that stove, anyway?' he barked out a moment later in spite of himself.	- Какого черта ты вообще торопишься с этой печью?
' It's still hot out.	На дворе жара.
We're probably going swimming later.	Мы еще наверное, покупаемся.
What are you worried about the cold for.'	Чего тебя так беспокоят холода?
'The days are getting shorter,' Orr observed philosophically. 'I'd like to get this all finished for you while there's still time.	- Дни становятся короче, - философски заметил Орр, - и, пока не поздно, я хотел бы с этим разделаться ради твоего же блага.
You'll have the best stove in the squadron when I'm through.	Когда я кончу, у тебя будет лучшая печь в эскадрилье.

It will burn all night with this feed control I'm fixing, and these metal plates will radiate the heat all over the tent.	Я приделал регулятор топлива, и поэтому печь может гореть всю ночь, а от металлических радиаторов тепло пойдет по всей палатке.
If you leave a helmet full of water on this thing when you go to sleep, you'll have warm water to wash with all ready for you when you wake up.	Если ты перед сном поставишь на эту штуку шлем с водой, к утру у тебя будет теплая вода для умывания.
Won't that be nice?	Правда, здорово?
If you want to cook eggs or soup, all you'll have to do is set the pot down here and turn the fire up.'	Если ты захочешь сварить яйца или разогреть суп, поставь кастрюлю вот сюда и открой огонь.

'What do you mean, me?' Yossarian wanted to know.	- Что ты затвердил "ты" да "ты"?
'Where are you going to be?'	А ты сам-то где будешь?

Orr's stunted torso shook suddenly with a muffled spasm of amusement.	Тощенькое тело Орра вздрогнуло от едва сдерживаемого удовольствия.
'I don't know,' he exclaimed, and a weird, wavering giggle gushed out suddenly through his chattering buck teeth like an exploding jet of emotion.	- Не знаю, - воскликнул он, и из его рта, словно из сопла реактивного двигателя, вырвалась волна странного хихиканья.

He was still laughing when he continued, and his voice was clogged with saliva.	Продолжая говорить, он давился слюной от смеха.
'If they keep on shooting me down this way, I don't know where I'm going to be.'	- Если меня будут и дальше так сбивать, то одному богу известно, где я окажусь.
Yossarian was moved.	Йоссариан был растроган.
'Why don't you try to stop flying, Orr?	- А почему бы тебе не попытаться покончить с полетами?
You've got an excuse.'	У тебя есть уважительная причина.
' I've only got eighteen missions.'	- У меня всего восемнадцать вылетов.

'But you've been shot down on almost every one. You're either ditching or crash-landing every time you go up.'	- Но тебя сбивают чуть не каждый раз, стоит тебе только подняться. Ты или шлепаешься в море, иди делаешь вынужденную посадку.
'Oh, I don't mind flying missions.	- Задания - что, это меня не тревожит.
I guess they're lots of fun.	Это, по-моему, одно удовольствие.
You ought to try flying a few with me when you're not flying lead.	Когда не будешь ведущим, тебе бы надо полетать малость со мной.
Just for laughs.	Просто для смеха.
Tee-hee.' Orr gazed up at Yossarian through the corners of his eyes with a look of pointed mirth.	Хи-хи-хи... - Уголком глаза Орр с живейшим любопытством следил за Йоссарианом.

Yossarian avoided his stare.	Йоссариан отвел взгляд в сторону.
' They've got me flying lead again.'	- Меня опять назначили ведущим.
'When you're not flying lead.	- А ты попробуй увильни.
If you had any brains, do you know what you'd do?	Будь у тебя мозги, тебе знаешь что надо было бы сделать?
You'd go right to Piltchard and Wren and tell them you want to fly with me.'	Пойти к Пилтчарду и Рену и сказать, что ты хочешь летать со мной.
'And get shot down with you every time you go up?	- Чтобы каждый раз меня сбивали?
What's the fun in that?'	Вот радость-то!

' That's just why you ought to do it,' Orr insisted.	- Ты должен летать со мной, - настаивал Орр.
'I guess I'm just about the best pilot around now when it comes to ditching or making crash landings.	- По части ныряния в море и аварийных посадок я, можно сказать, - лучший пилот в полку.
It would be good practice for you.'	Для тебя это будет хорошей практикой.
' Good practice for what?'	- Хорошей практикой для чего?
'Good practice in case you ever have to ditch or make a crash landing.	- Хорошей практикой на тот случай, если тебе когда-нибудь придется зарыться носом в море или делать аварийную посадку.

Tee-hee-hee.'	Хи-хи-хи...

'Have you got another bottle of beer for me?' Yossarian asked morosely.	- Не найдется ли у тебя еще бутылки пива? -угрюмо спросил Йоссариан.
'Do you want to bust it down on my head?'	- Ты хочешь двинуть меня по башке?
This time Yossarian did laugh.	На сей раз захохотал Йоссариан.
'Like that whore in that apartment in Rome?'	- Как та шлюха в Риме?
Orr sniggered lewdly, his bulging crab apple cheeks blowing outward with pleasure.	Теперь и Орр заржал. Его толстые щеки, будто он держал по дичку за каждой, раздулись от удовольствия.
'Do you really want to know why she was hitting me over the head with her shoe?' he teased.	- А ты и вправду хочешь знать, почему она лупила меня туфлей по башке? - подзадоривал он Йоссариана.

'I do know,' Yossarian teased back.	- А я и без тебя знаю, - подзадоривал его в ответ Йоссариан.
'Nately's whore told me.'	- Мне рассказала нейтлева любовница.
Orr grinned like a gargoyle.	Орр сразу же ощерился.
'No she didn't.'	- Ничего она тебе не рассказывала.
Yossarian felt sorry for Orr.	Йоссариан почувствовал жалость к Орру.
Orr was so small and ugly.	Он был таким маленьким и уродливым.
Who would protect him if he lived?	Кто прикроет его от всех напастей, если он, конечно, останется жив?

Who would protect a warm-hearted, simple-minded gnome like Orr from rowdies and cliques and from expert athletes like Appleby who had flies in their eyes and would walk right over him with swaggering conceit and self-assurance every chance they got?	Кто защитит этого мягкосердечного, простодушного гнома от шайки головорезов и тренированных атлетов, таких как Эпплби, у которого в глазах летают мухи? Такие типы не упустят возможности с чванливой и самоуверенной миной на лице растоптать его - и даже не оглянутся.
Yossarian worried frequently about Orr.	Йоссариан часто беспокоился за Орра.

Who would shield him against animosity and deceit, against people with ambition and the embittered snobbery of the big shot's wife, against the squalid, corrupting indignities of the profit motive and the friendly neighborhood butcher with inferior meat?	Кто защитит его от вражды и обмана, от гордецов, от озлобленного снобизма жен большого начальства, от грязных, безнравственных, низких охотников за барышом, таких как мясник из соседней лавочки, сбывающий гнилое мясо?
Orr was a happy and unsuspecting simpleton with a thick mass of wavy polychromatic hair parted down the center. He would be mere child's play for them.	Для них Орр был всего лишь детской игрушкой.

They would take his money, screw his wife and show no kindness to his children.	Они отберут у него деньги, переспят с его женой и не пощадят даже его детей.
Yossarian felt a flood of compassion sweep over him.	Йоссариана захлестывала волна сострадания к°рру.

Orr was an eccentric midget, a freakish, likable dwarf with a smutty mind and a thousand valuable skills that would keep him in a low income group all his life.	Орр был счастливым доверчивым простачком с густой копной разделенных пробором волнистых пегих волос. Эксцентричный лилипут, чудаковатый славный карлик с бесхитростным умом, он был мастером на все руки и как раз по этой причине был обречен всю жизнь принадлежать к категории лиц с низкими доходами.

He could use a soldering iron and hammer two boards together so that the wood did not split and the nails did not bend.	Он искусно владел паяльником и мог сколотить две доски вместе так, что дерево не раскалывалось, а гвозди не гнулись.
He could drill holes.	Он умел высверливать дыры.
He had built a good deal more in the tent while Yossarian was away in the hospital.	Покуда Йоссариан находился в госпитале, Орр много чего намастерил в палатке.
He had filed or chiseled a perfect channel in the cement so that the slender gasoline line was flush with the floor as it ran to the stove from the tank he had built outside on an elevated platform.	Он выдолбил в цементном полу превосходную канавку и заподлицо уложил в нее тоненькую трубочку, по которой газолин поступал в печь из бака, установленного на улице, на сколоченном Орром помосте.

He had constructed andirons for the fireplace out of excess bomb parts and had filled them with stout silver logs, and he had framed with stained wood the photographs of girls with big breasts he had torn out of cheesecake magazines and hung over the mantelpiece.	Из деталей авиабомб он изготовил подставку для дров в камине и уложил на нее охапку толстых березовых поленьев, а из деревянных планок склеил цветные рамочки для фотографий грудастых девиц, которые он вырезал из порнографических журналов, и повесил над камином.
Orr could open a can of paint.	Орр умел открывать банки с краской.
He could mix paint, thin paint, remove paint.	Он умел смешивать краски, разбавлять краску, соскабливать краску.
He could chop wood and measure things with a ruler.	Он умел колоть дрова и пользоваться рулеткой.

He knew how to build fires.	Он знал, как разводить огонь.
He could dig holes, and he had a real gift for bringing water for them both in cans and canteens from the tanks near the mess hall.	Он умел копать ямы и был большим докой по части таскания воды в консервных банках и фляжках из цистерны близ столовой.
He could engross himself in an inconsequential task for hours without growing restless or bored, as oblivious to fatigue as the stump of a tree, and almost as taciturn.	Он был способен уйти с головой в, казалось бы, никчемное дело, при этом он не ведал ни скуки, ни усталости, всегда неутомимый и молчаливый.

He had an uncanny knowledge of wildlife and was not afraid of dogs or cats or beetles or moths, or of foods like scrod or tripe.	Он обладал фантастическим знанием природы и не боялся ни собак, ни кошек, ни жуков, ни мошкары и с удовольствием ел рубец и прочие потроха.
Yossarian sighed drearily and began brooding about the rumored mission to Bologna.	Йоссариан тяжело вздохнул и стал размышлять о слухах относительно налета на Болонью.

The valve Orr was dismantling was about the size of a thumb and contained thirty-seven separate parts, excluding the casing, many of them so minute that Orr was required to pinch them tightly between the tips of his fingernails as he placed them carefully on the floor in orderly, catalogued rows, never quickening his movements or slowing them down, never tiring, never pausing in his relentless, methodical, monotonous procedure unless it was to leer at Yossarian with maniacal mischief	Клапан, который разбирал Орр, был размером с большой палец и состоял из тридцати семи деталей, не считая кожуха. Многие детали были настолько крохотными, что Орру приходилось брать их кончиками ногтей. Он раскладывал их на полу в строгом порядке, как по каталогу, не убыстряя и не замедляя движений, работая методично и монотонно, без перерывов, останавливаясь разве только на мгновение, чтобы бросить на Йоссариана лукавый взгляд одержимого.

Yossarian tried not to watch him. He counted the parts and thought he would go clear out of his mind.	Йоссариан наблюдал за Орром, и ему казалось, что вот сейчас он сойдет с ума.
He turned away, shutting his eyes, but that was even worse, for now he had only the sounds, the tiny maddening, indefatigable, distinct clicks and rustles of hands and weightless parts.	Он отворачивался, зажмуривал глаза, но так выходило еще хуже: он слышал слабенькое, сводящее с ума, беспрерывное, отчетливое звяканье легоньких винтиков и пластинок.
Orr was breathing rhythmically with a noise that was stertorous and repulsive.	А кроме того, Орр ритмично, хрипло и противно дышал носом.

Yossarian clenched his fists and looked at the long bone-handled hunting knife hanging in a holster over the cot of the dead man in the tent.	Йоссариан сжимал кулаки и смотрел на длинный, с костяной рукояткой охотничий нож покойника, болтавшийся в ножнах над койкой.
As soon as he thought of stabbing Orr, his tension eased.	Как только он доходил до мысли зарезать Орра, его напряжение спадало.
The idea of murdering Orr was so ridiculous that he began to consider it seriously with queer whimsy and fascination.	Мысль об убийстве Орра была настолько смехотворной, что он начинал обдумывать ее серьезно, находя в этом странное очарование.

He searched the nape of Orr's neck for the probable site of the medulla oblongata.	Он присматривался к ложбинке на шее Орра, прикидывая, где там у него находится продолговатый костный мозг.
Just the daintiest stick there would kill him and solve so many serious, agonizing problems for them both.	Даже легчайший удар в это место был бы смертельным и разрешил бы для них обоих множество серьезных, мучительных проблем.
'Does it hurt?' Orr asked at precisely that moment, as though by protective instinct.	- А это больно? - вдруг спросил Орр, будто повинуясь инстинкту самосохранения.
Yossarian eyed him closely.	Йоссариан остановил на нем пристальный взгляд:
'Does what hurt?'	- Что больно?

'Your leg,' said Orr with a strange, mysterious laugh.	- Я про твою ногу, - сказал Орр со странным, загадочным смешком.
'You still limp a little.'	- Ты еще малость хромаешь.
'It's just a habit, I guess,' said Yossarian, breathing again with relief.	- Эти я, наверное, по привычке, - сказал Йоссариан, с облегчением переводя дух.

'I'll probably get over it soon.' Orr rolled over sideways to the floor and came up on one knee, facing toward Yossarian. 'Do you remember,' he drawled reflectively, with an air of labored recollection, 'that girl who was hitting me on the head that day in Rome?' He chuckled at Yossarian's involuntary exclamation of tricked annoyance. 'I'll make a deal with you about that girl. I'll tell you why that girl was hitting me on the head with her shoe that day if you answer one question.' 'What's the

question?' 'Did you ever screw Nately's girl?'

- Скоро пройдет.

Yossarian laughed with surprise. 'Me? No. Now tell

me why that girl hit you with her shoe.' 'That wasn't the question,' Orr informed him with victorious delight. 'That was just conversation. She acts like you screwed her.' 'Well, I didn't. How does she act?' 'She acts like she don't like you.' 'She doesn't like anyone.' 'She likes Captain Black,' Orr reminded. 'That's because he treats her like dirt. Anyone can get a girl that way.' 'She wears a slave bracelet on her leg with his name on it.' 'He makes her wear it to needle Nately.' 'She even gives him some of the money she gets from Nately.' 'Listen, what do you want from me?' 'Did you ever screw my girl?' 'Your girl? Who the hell is your girl?'

'The one who hit me over the head with her shoe.' 'I've been with her a couple of times,' Yossarian admitted. 'Since when is she your girl? What are you getting at?' 'She don't like you, either.' 'What

the hell do I care if she likes me or not? She likes me as much as she likes you.' 'Did she ever hit you over the head with her shoe?' 'Orr, I'm tired. Why don't you leave me alone?' 'Tee-hee-hee. How about that skinny countess in Rome and her skinny daughter-in-law?' Orr persisted impishly with

increasing zest. 'Did you ever screw them?' 'Oh, how I wish I could,' sighed Yossarian honestly, imagining, at the mere question, the prurient, used, decaying

feel in his petting hands of their teeny, pulpy buttocks and breasts. 'They don't like you either,' commented Orr. 'They like Aarfy, and they like Nately, but they don't like you. Women just don't seem to like you. I think they think you're a bad influence.' 'Women are crazy,' Yossarian

answered, and waited grimly for what he knew was coming next. 'How about that other girl of yours?' Orr asked with a pretense of pensive curiosity. 'The fat one? The bald one? You know, that fat bald one in Sicily with the turban who kept sweating all over us all night long? Is she crazy too?' 'Didn't she like me either?' 'How could you do it to a girl with no hair?' 'How was I supposed to know she had no hair?' 'I knew it,' Orr bragged. 'I knew it all the time.' 'You knew she was bald?' Yossarian

exclaimed in wonder. 'No, I knew this valve

wouldn't work if I left a part out,' Orr answered, glowing with cranberry-red elation because he had

just duped Yossarian again. 'Will you please hand me that small composition gasket that rolled over there? It's right near your foot.' 'No it isn't.' 'Right here,' said Orr, and took hold of something invisible with the tips of his fingernails and held it up for Yossarian to see. 'Now I'll have to start all over again.' 'I'll kill you if you do. I'll murder you right on the spot.'	
'Why don't you ever fly with me?' Orr asked suddenly, and looked straight into Yossarian's face for the first time.	- Почему ты со мной никогда не летаешь? - внезапно спросил Орр и впервые посмотрел Йоссариану прямо в глаза.

' There, that's the question I want you to answer.	- Вот вопрос, на который я хочу услышать ответ.
Why don't you ever fly with me?'	Почему ты никогда со мной не летаешь?
Yossarian turned away with intense shame and embarrassment.	Йоссариан отвернулся, испытывая стыд и замешательство:
' I told you why.	- Я тебе говорил почему.
They've got me flying lead bombardier most of the time.'	Меня почти все время заставляют летать ведущим.
' That's not why,' Orr said, shaking his head.	- Не поэтому, - покачивая головой, сказал Орр.

'You went to Piltchard and Wren after the first Avignon mission and told them you didn't ever want to fly with me.	- После первого налета на Авиньон ты пошел к Пилтчарду и Рену и сказал им, что больше никогда не будешь летать со мной.
That's why, isn't it?'	Так ведь было?
Yossarian felt his skin turn hot.	Йоссариану стало жарко.
'No I didn't,' he lied.	- Я им этого не говорил, - соврал он.
' Yes you did,' Orr insisted equably.	- Говорил, говорил, - спокойно настаивал Орр.
'You asked them not to assign you to any plane piloted by me, Dobbs or Huple because you didn't have confidence in us at the controls.	- Ты просил их не назначать тебя на машины, которые пилотирую я, Доббс или Хьюпл, потому что ты нам не доверяешь.

And Piltchard and Wren said they couldn't make an exception of you because it wouldn't be fair to the men who did have to fly with us.'	А Пилтчард и Рен сказали, что они не могут сделать для тебя исключение, потому что это будет несправедливо по отношению к тем, кому придется с нами летать.
'So?' said Yossarian.	- Ну и что? - спросил Йоссариан.
'It didn't make any difference then, did it?'	- Выходит, от этого все равно ничего не изменилось.

'But they've never made you fly with me.' Orr, working on both knees again, was addressing Yossarian without bitterness or reproach, but with injured humility, which was infinitely more painful to observe, although he was still grinning and snickering, as though the situation were comic.	- Да, только с тех пор они тебя уже не заставляют летать со мной, - стоя на коленях, говорил Орр без горечи и упрека. Но оттого, что в глубине души он был уязвлен, смотреть на него стало совсем невозможно, хотя он по-прежнему продолжал скалить зубы, как будто речь шла о чем-то очень смешном.
' You really ought to fly with me, you know.	- А ведь тебе стоило бы полетать со мной.
I'm a pretty good pilot, and I'd take care of you.	Я ведь пилот что надо, со мной не пропадешь.

I may get knocked down a lot, but that's not my fault, and nobody's ever been hurt in my plane.	Может, меня и часто сбивают, но это уж не по моей вине, да к тому же никто из экипажа ни разу не пострадал.
Yes, sir-if you had any brains, you know what you'd do?	Да, да, уважаемый сэр, будь у тебя голова на плечах, тебе бы знаешь что надо сделать?
You'd go right to Piltchard and Wren and tell them you want to fly all your missions with me.'	Пойти прямехонько к Пилтчарду и Рену и сказать, что отныне на все боевые задания ты летаешь со мной.
Yossarian leaned forward and peered closely into Orr's inscrutable mask of contradictory emotions.	Йоссариан подался вперед и впился взглядом в лицо Орра, на котором непостижимым образом, словно на карнавальной маске, соседствовали противоречивые чувства.

' Are you trying to tell me something?'	- Ты хочешь мне что-то сказать?
' Tee-hee-hee-hee,' Orr responded.	- Хи-хи-хи... - ответил Орр.
'I'm trying to tell you why that big girl with the shoe was hitting me on the head that day.	- Я хочу тебе сказать, почему та здоровая девка лупила меня по голове туфлей.
But you just won't let me.'	Но ты ведь не дашь мне сказать?
' Tell me.'	- Ну говори.
'Will you fly with me?'	- А ты со мной будешь летать?
Yossarian laughed and shook his head.	Йоссариан рассмеялся и покачал головой:
'You'll only get knocked down into the water again.'	- Тебя же опять собьют над морем.

Orr did get knocked down into the water again when the rumored mission to Bologna was flown, and he landed his single-engine plane with a smashing jar on the choppy, windswept waves tossing and falling below the warlike black thunderclouds mobilizing overhead.	И действительно, во время налета на Болонью Орра подбили над морем, и он с одним мотором шлепнулся на беспокойные, гонимые ветром, плясавшие волны, над которыми воинственными ратями собирались черные грозовые тучи.

He was late getting out of the plane and ended up alone in a raft that began drifting away from the men in the other raft and was out of sight by the time the Air-Sea Rescue launch came plowing up through the wind and splattering raindrops to take them aboard.	Он замешкался в самолете и в итоге оказался один на аварийном плоту, который понесло в сторону от плота с другими членами экипажа. Скоро катер спасательной службы, с трудом продвигаясь сквозь ветер и пелену дождя, прибыл, чтобы забрать их на борт, но Орр уже скрылся из виду.
Night was already falling by the time they were returned to the squadron.	Когда экипаж Орра вернулся в эскадрилью, наступила ночь.
There was no word of Orr.	О самом Орре не было ни слуху ни духу.

'Don't worry,' reassured Kid Sampson, still wrapped in the heavy blankets and raincoat in which he had been swaddled on the boat by his rescuers.	- Не беспокойтесь, - уверял Малыш Сэмпсон, кутаясь в толстое одеяло и дождевик, которые ему выдали спасатели.
'He's probably been picked up already if he didn't drown in that storm.	- Его уже, наверное, подобрали, если он, конечно, не потонул во время шторма.
It didn't last long.	Но шторм продолжался недолго.
I bet he'll show up any minute.'	Держу пари, что он объявится с минуты на минуту.

Yossarian walked back to his tent to wait for Orr to show up any minute and lit a fire to make things warm for him.	Йоссариан вернулся к себе в палатку, ожидая, что Орр объявится с минуты на минуту.
The stove worked perfectly, with a strong, robust blaze that could be raised or lowered by turning the tap Orr had finally finished repairing.	Он развел огонь, чтобы к приходу Орра стало тепло. Печка работала безупречно: сильное, буйное пламя бушевало вовсю, его можно было отрегулировать поворотом крана - Орр все-таки успел ее починить.
A light rain was falling, drumming softly on the tent, the trees, the ground.	Сеял мелкий дождичек, мягко барабаня по палатке, деревьям и земле.

Yossarian cooked a can of hot soup to have ready for Orr and ate it all himself as the time passed.	Йоссариан разогрел банку с супом для Орра, но время шло, и он съел суп сам.
He hard-boiled some eggs for Orr and ate those too.	Он сварил для Орра яйца вкрутую и тоже съел их сам.
Then he ate a whole tin of Cheddar cheese from a package of K rations.	А потом умял целую банку сыра из пайка Орра.

Each time he caught himself worrying he made himself remember that Orr could do everything and broke into silent laughter at the picture of Orr in the raft as Sergeant Knight had described him, bent forward with a busy, preoccupied smile over the map and compass in his lap, stuffing one soaking-wet chocolate bar after another into his grinning, tittering mouth as he paddled away dutifully through the lightning, thunder and rain with the bright-blue useless toy oar, the fishing line with dried bait trailing out behind	Как только Йоссарианом овладевало беспокойство, он твердил себе, что Орр нигде не пропадет, и смеялся про себя, вспоминая рассказ сержанта Найта. Он представлял себе, как Орр сидит на плоту, деловито и сосредоточенно разглядывая у себя на коленях карту и компас, и отправляет в хихикающий, ухмыляющийся рот одну за другой размякшие плитки шоколада; не обращая внимания на дождь, гром и молнии, он прилежно гребет ярко-голубым игрушечным веслецом, а позади волочится удочка с сушеной приманкой.

Yossarian really had no doubt about Orr's ability to survive.	В живучести Орра Йоссариан абсолютно не сомневался.
If fish could be caught with that silly fishing line, Orr would catch them, and if it was codfish he was after, then Orr would catch a codfish, even though no codfish had ever been caught in those waters before.	Если вообще этой дурацкой удочкой можно поймать рыбу, то уж Орр ее поймает, а если он захочет выловить именно треску, то он треску и выловит, даже если в этих водах никто прежде не встречал трески.
Yossarian put another can of soup up to cook and ate that too when it was hot.	Йоссариан поставил на огонь еще одну банку супа и тоже съел его, покуда горячий.

Every time a car door slammed, he broke into a hopeful smile and turned expectantly toward the entrance, listening for footsteps.	Стоило хлопнуть дверце машины - Йоссариан радостно улыбался и выжидательно оборачивался к двери, прислушиваясь к звуку шагов.

He knew that any moment Orr would come walking into the tent with big, glistening, rain-soaked eyes, cheeks and buck teeth, looking ludicrously like a jolly New England oysterman in a yellow oilskin rain hat and slicker numerous sizes too large for him and holding up proudly for Yossarian's amusement a great dead codfish he had caught.	Он знал, что в любой момент в палатку может войти Орр, большеглазый, с мокрыми от дождя ресницами, щекастый, зубастый, забавный в своем клеенчатом капюшоне и широковатом для него макинтоше, похожий на ловца устриц из Новой Англии, - войдет, гордо потрясая, к удовольствию Йоссариана, огромной дохлой треской.
But he didn't.	Но Орр не появился.

Peckem There was no word about Orr the next day, and Sergeant Whitcomb, with commendable dispatch and considerable hope, dropped a reminder in his tickler file to send a form letter over Colonel Cathcart's signature to Orr's next of kin when nine more days had elapsed.	29. Пеккем Прошел день, а Орр не давал о себе вестей, и сержант Уитком с похвальной быстротой и с надеждой в сердце бросил в папку трудных дел записочку с напоминанием самому себе послать через девять дней близким родственникам Орра официальное письмо за подписью полковника Кэткарта.

There was word from General Peckem's headquarters, though, and Yossarian was drawn to the crowd of officers and enlisted men in shorts and bathing trunks buzzing in grumpy confusion around the bulletin board just outside the orderly room.	Зато подал о себе весточку штаб генерала Пеккема. Йоссариан увидел толпу офицеров и рядовых в шортах и трусиках, сгрудившихся у доски объявлений, рядом со штабом эскадрильи. Толпа удивленно гудела, и Йоссариан не смог пройти мимо.
'What's so different about this Sunday, I want to know?' Hungry Joe was demanding vociferously of Chief White Halfoat.	- Что такого особенного в этом воскресенье, скажи на милость? - шумел Заморыш Джо, наседая на Вождя Белый Овес.

'Why won't we have a parade this Sunday when we don't have a parade every Sunday?	- Почему именно в это воскресенье у нас не будет парада, если у нас по воскресеньям вообще не бывает парадов?
Huh?'	А?
Yossarian worked his way through to the front and let out a long, agonized groan when he read the terse announcement there: Due to circumstances beyond my control, there will be no big parade this Sunday afternoon.	Йоссариан, работая локтями, пробился сквозь толпу и завыл смертным воем, прочитав следующее лаконичное извещение: "По причинам, от меня не зависящим, в это воскресенье большой дневной парад не состоится.

Colonel Scheisskopf Dobbs was right.	Полковник Шейскопф"
They were indeed sending everyone overseas, even Lieutenant Scheisskopf, who had resisted the move with all the vigor and wisdom at his command and who reported for duty at General Peckem's office in a mood of grave discontent.	Доббс оказался прав. За океан посылали всех, даже полковника Шейскопфа, который сопротивлялся, как черт, используя все силы и всю мудрость, отпущенные ему матушкой-природой. В весьма подавленном состоянии духа он явился в кабинет генерала Пеккема, чтобы доложить о своем прибытии к месту дальнейшего прохождения службы.
General Peckem welcomed Colonel Scheisskopf with effusive charm and said he was delighted to have him.	Полный обаяния генерал Пеккем приветствовал полковника Шейскопфа и заявил, что он в восторге от его прибытия.

An additional colonel on his staff meant that he could now begin agitating for two additional majors, four additional captains, sixteen additional lieutenants and untold quantities of additional enlisted men, typewriters, desks, filing cabinets, automobiles and other substantial equipment and supplies that would contribute to the prestige of his position and increase his striking power in the war he had declared against	Один лишний полковник в его штабе означал, что теперь он мог начать требовать двух дополнительных майоров, четырех дополнительных капитанов, шестнадцать дополнительных лейтенантов и неисчислимое количество дополнительных рядовых и сержантов, пишущих машинок, письменных столов, шкафов, автомашин и другое столь же необходимое оборудование и снаряжение, которое способствовало бы приумножению престижа генерала Пеккема и увеличило бы его ударную мощь в войне против генерала Дридла.

He now had two full colonels; General Dreedle had only five, and four of those were combat commanders.	Теперь у генерала Пеккема стало два полковника, в то время как у генерала Дридла их было пять, но четверо из них были строевыми командирами.
With almost no intriguing at all, General Peckem had executed a maneuver that would eventually double his strength.	Таким образом, почти без всяких интриг генерал Пеккем умелым маневром удвоил свою мощь.

And General Dreedle was getting drunk more often. The future looked wonderful, and General Peckem contemplated his bright new colonel enchantedly with an effulgent smile.	И если учесть, что генерал Дридл закладывал за воротник все основательней, будущее рисовалось генералу Пеккему в самом восхитительном свете, и он созерцал своего новенького полковника с лучезарной улыбкой.
In all matters of consequence, General P. P. Peckem was, as he always remarked when he was about to criticize the work of some close associate publicly, a realist.	Ко всем важным вопросам генерал Пеккем подходил с реалистических позиций. Во всяком случае, так он обычно заявлял перед тем, как публично учинить разнос своим ближайшим подчиненным.

He was a handsome, pink-skinned man of fifty-three. His manner was always casual and relaxed, and his uniforms were custom-made.	Это был красивый, розовощекий мужчина пятидесяти трех лет от роду. Он ходил в форме, сшитой на заказ, держал себя свободно и непринужденно.
He had silver-gray hair, slightly myopic eyes and thin, overhanging, sensual lips.	Волосы его отливали серебром, глаза были слегка близорукие, а губы - выпуклые и чувственные.
He was a perceptive, graceful, sophisticated man who was sensitive to everyone's weaknesses but his own and found everyone absurd but himself.	Это был внимательный, приятный, утонченный, человек, чутко реагирующий на любые, даже самые ничтожные ошибки окружающих, только не на свои собственные.

General Peckem laid great, fastidious stress on small matters of taste and style.	Все, что делали другие, он считал абсурдным.
He was always augmenting things. Approaching events were never coming, but always upcoming.	Будучи натурой тонкой и привередливой, генерал Пеккем придавал грандиозное значение всяким мелочам в области литературного стиля и вкуса. Он не преувеличивал, а "гипертрофировал" значение каких-то вещей. Он ходил не на концерт, а "в концерт".

It was not true that he wrote memorandums praising himself and recommending that his authority be enhanced to include all combat operations; he wrote memoranda.	Неверно, что он сочинял меморандумы, в которых, набивая себе цену, требовал предоставить ему широкие полномочия и передать руководство боевыми операциями, - нет, он требовал "расширения своих прерогатив с тем, чтобы курировать военные операции".
And the prose in the memoranda of other officers was always turgid, stilted, or ambiguous.	Язык меморандумов, написанных другими офицерами, всегда был "выспренним, ходульным или сомнительным".
The errors of others were inevitably deplorable.	Чужие ошибки неизменно были "прискорбными".

Regulations were stringent, and his data never was obtained from a reliable source, but always were obtained. General Peckem was frequently constrained.	Его указания были "обязательны к исполнению".

Things were often incumbent upon him, and he frequently acted with greatest reluctance. It never escaped his memory that neither black nor white was a color, and he never used verbal when he meant oral.	Он располагал не просто верными сведениями, а "информацией", полученной обычно из "хорошо осведомленных источников". Генерал Пеккем часто действовал с величайшей неохотой, но "подчиняясь диктату сложившихся обстоятельств". Никогда он не забывал, что черное и белое - не цвета, и никогда не ошибался в употреблении слов "одевать" и "надевать".
He could quote glibly from Plato, Nietzsche, Montaigne, Theodore Roosevelt, the Marquis de Sade and Warren G. Harding.	Он бойко цитировал Платона, Ницше, Монтеня, Теодора Рузвельта, маркиза де Сада и Уоррена Гардинга.

A virgin audience like Colonel Scheisskopf was grist for General Peckem's mill, a stimulating opportunity to throw open his whole dazzling erudite treasure house of puns, wisecracks, slanders, homilies, anecdotes, proverbs, epigrams, apophthegms, bon mots and other pungent sayings.	Новые слушатели (в данном случае - такая неподнятая целина, как полковник Шейскопф) были бесценной находкой для генерала Пеккема, поскольку перед ним открывалась вдохновляющая возможность продемонстрировать свою блестящую эрудицию и пригоршнями метать перлы из сокровищницы каламбуров, острот, едких характеристик, проповедей, анекдотов, пословиц, эпиграмм, афоризмов и крылатых выражений.
He beamed urbanely as he began orienting Colonel Scheisskopf to his new surroundings.	Галантно улыбаясь, генерал Пеккем ознакомил полковника Шейскопфа с обстановкой.

'My only fault,' he observed with practiced good humor, watching for the effect of his words, 'is that I have no faults.'	- Моя единственная ошибка, - заметил он с наигранным добродушием и одновременно наблюдая, какой эффект производят его слова, - в том, что я никогда не ошибаюсь.
Colonel Scheisskopf didn't laugh, and General Peckem was stunned.	Полковник Шейскопф не засмеялся, чем весьма озадачил генерала Пеккема.
A heavy doubt crushed his enthusiasm.	Энтузиазм генерала несколько поостыл: обычно этот парадокс действовал без промаха.

He had just opened with one of his most trusted paradoxes, and he was positively alarmed that not the slightest flicker of acknowledgment had moved across that impervious face, which began to remind him suddenly, in hue and texture, of an unused soap eraser.	Г енерала прямо-таки встревожило, что на непроницаемом лице полковника Шейскопфа не отразилось ни малейшего проблеска понимания. Лицо полковника внезапно напомнило генералу цветом и фактурой непочатую мыльную палочку для бритья.
Perhaps Colonel Scheisskopf was tired, General Peckem granted to himself charitably; he had come a long way, and everything was unfamiliar.	Возможно, полковник Шейскопф устал с дороги, великодушно предположил генерал Пеккем, полковник проделал длинный путь и попал в совершенно незнакомую среду.

General Peckem's attitude toward all the personnel in his command, officers and enlisted men, was marked by the same easy spirit of tolerance and permissiveness.	Отношение генерала Пеккема к подчиненным, будь то офицерский или сержантско-рядовой состав, отличалось духом терпимости и либерализма.

He mentioned often that if the people who worked for him met him halfway, he would meet them more than halfway, with the result, as he always added with an astute chuckle, that there was never any meeting of the minds at all.	Он часто указывал, что если работающие с ним люди идут ему навстречу, то он со своей стороны готов бежать им навстречу, но, добавлял он с хитрой улыбкой, это частенько приводит к тому, что мнения обеих сторон сталкиваются, и одно из мнений разлетается вдребезги.
General Peckem thought of himself as aesthetic and intellectual.	Г енерал Пеккем считал себя эстетом и интеллигентом.

When people disagreed with him, he urged them to be objective.	Когда люди с ним не соглашались, он убеждал их быть объективными.
And it was indeed an objective Peckem who gazed at Colonel Scheisskopf encouragingly and resumed his indoctrination with an attitude of magnanimous forgiveness.	Вот и теперь генерал Пеккем решил отнестись к полковнику Шейскопфу со всей возможной объективностью. В генеральском взгляде можно было прочесть поощрение и великодушную снисходительность.
' You've come to us just in time, Scheisskopf.	- Вы приехали к нам как раз вовремя, Шейскопф.

The summer offensive has petered out, thanks to the incompetent leadership with which we supply our troops, and I have a crying need for a tough, experienced, competent officer like you to help produce the memoranda upon which we rely so heavily to let people know how good we are and how much work we're turning out. I hope you are a prolific writer.'	Летнее наступление выдохлось благодаря некомпетентному руководству, не обеспечившему должного снабжения наших войск, и я отчаянно нуждаюсь в твердом, опытном, компетентном офицере, как вы, который помог бы мне выпускать меморандумы. Меморандумы - один из важнейших видов нашей работы. Читая их, люди узнают, что мы не покладая рук делаем большое, полезное дело. Я надеюсь, что вы хорошо владеете пером.

'I don't know anything about writing,' Colonel Scheisskopf retorted sullenly.	- Я в писанине не разбираюсь, - возразил полковник Шейскопф и надулся.
'Well, don't let that trouble you,' General Peckem continued with a careless flick of his wrist.	- Хорошо, пусть вас это не беспокоит, -продолжал генерал Пеккем, небрежно махнув рукой.
'Just pass the work I assign you along to somebody else and trust to luck.	- Вы будете попросту передавать порученную вам мною работу кому-нибудь другому и полагаться на удачу.
We call that delegation of responsibility.	Мы называем это "передоверять ответственность".

Somewhere down near the lowest level of this co-ordinated organization I run are people who do get the work done when it reaches them, and everything manages to run along smoothly without too much effort on my part.	Где-то на самом низком уровне высокоцентрализованной организации, которой я руковожу, сидят люди, которые делают всю работу, и дело идет вполне гладко без особых усилий с моей стороны.
I suppose that's because I am a good executive.	Я полагаю, это происходит оттого, что я -хороший работник.

Nothing we do in this large department of ours is really very important, and there's never any rush.	Фактически в своем огромном учреждении мы не делаем никакой особо важной работы, спешить нам некуда.
On the other hand, it is important that we let people know we do a great deal of it.	С другой стороны, необходимо поддерживать у людей впечатление, что мы заняты по горло, и вот это - очень важная работа.

Let me know if you find yourself shorthanded.	Если вам потребуются дополнительные сотрудники, дайте мне знать.

I've already put in a requisition for two majors, four captains and sixteen lieutenants to give you a hand.	Я уже послал заявку на двух майоров, четырех капитанов и шестнадцать лейтенантов, чтобы у вас был свой аппарат.
While none of the work we do is very important, it is important that we do a great deal of it.	Поскольку мы не занимаемся никакой важной работой, очень важно, чтобы мы делали как можно больше этой не важной работы.
Don't you agree?'	Вы согласны со мной?
'What about the parades?' Colonel Scheisskopf broke in.	- А как насчет парадов? - перебил полковник Шейскопф.

'What parades?' inquired General Peckem with a feeling that his polish just wasn't getting across.	- Каких парадов? - спросил генерал Пеккем, чувствуя, что его изысканные манеры не приносят желанных плодов.
'Won't I be able to conduct parades every Sunday afternoon?' Colonel Scheisskopf demanded petulantly.	- Я смогу проводить парады по воскресеньям? -раздраженно спросил полковник Шейскопф.
'No.	- Нет.
Of course not.	Разумеется, нет.
What ever gave you that idea?'	Как вам вообще пришла в голову эта мысль?
' But they said I could.'	- А мне сказали, что я буду руководить парадами.

'Who said you could?'	- Кто это вам сказал?
' The officers who sent me overseas.	- Офицеры, которые посылали меня за океан.
They told me I'd be able to march the men around in parades all I wanted to.'	Они сказали, что я смогу гонять людей на парады, когда только захочу.
' They lied to you.'	- Вам солгали.
' That wasn't fair, sir.'	- Но ведь это нечестно с их стороны, сэр!
'I'm sorry, Scheisskopf.	- Очень сожалею, Шейскопф.
I'm willing to do everything I can to make you happy here, but parades are out of the question.	Я готов сделать все, чтобы вам здесь было хорошо, но о парадах не может быть и речи.

We don't have enough men in our own organization to make up much of a parade, and the combat units would rise up in open rebellion if we tried to make them march.	В нашем учреждении слишком мало сотрудников, чтобы выводить их на парады, а строевики поднимут открытый мятеж, если мы попытаемся заставить их маршировать.
I'm afraid you'll just have to hold back awhile until we get control.	Боюсь, что вам придется несколько обождать, покуда мы не возьмем все под свой контроль.
Then you can do what you want with the men.'	Вот тогда уж вы сможете делать с летчиками все, что вам заблагорассудится.

'What about my wife?' Colonel Scheisskopf demanded with disgruntled suspicion.	- А как насчет моей жены? - раздраженно спросил полковник Шейскопф, подозрительно глядя на генерала.
' I'll still be able to send for her, won't I?'	- Я смогу послать ей вызов, это хоть можно?

' Your wife?	- Жене?
Why in the world should you want to?'	На каком основании, скажите на милость?
' A husband and wife should be together.'	- Муж и жена должны быть вместе.
' That's out of the question also.'	- Об этом тоже не может быть и речи.

' But they said I could send for her!'	- Но мне сказали, что я смогу ее вызвать.
'They lied to you again.'	- Вам и на этот раз солгали.
'They had no right to lie to me!' Colonel Scheisskopf protested, his eyes wetting with indignation.	- Но они не имели права врать мне! -запротестовал полковник Шейскопф, и от негодования на глаза его навернулись слезы.
'Of course they had a right,' General Peckem snapped with cold and calculated severity, resolving right then and there to test the mettle of his new colonel under fire.	- Разумеется, они имели право, - отрезал генерал Пеккем с холодной и рассчитанной жесткостью. Он решил, не откладывая, испытать характер своего нового полковника.
'Don't be such an ass, Scheisskopf.	- Не будьте таким ослом, Шейскопф.

People have a right to do anything that's not forbidden by law, and there's no law against lying to you.	Люди имеют право делать все, что не возбраняется законом, а закона против лжи не существует.
Now, don't ever waste my time with such sentimental platitudes again.	Так что впредь не отнимайте у меня времени вашими сентиментальными пошлостями.
Do you hear?'	Слышите?
'Yes, sir,' murmured Colonel Scheisskopf Colonel Scheisskopf wilted pathetically, and General Peckem blessed the fates that had sent him a weakling for a subordinate.	- Так точно, сэр, - пробормотал полковник Шейскопф. Полковник Шейскопф поник головой, вид у него был самый жалкий, и генерал Пеккем благословил судьбу, пославшую ему в подчиненные такого размазню.

A man of spunk would have been unthinkable.	Г енерал не мыслил себе вспыльчивых подчиненных.
Having won, General Peckem relented.	Одержав победу, генерал Пеккем смягчился.
He did not enjoy humiliating his men.	Он не тешился унижением своих подчиненных.
'If your wife were a Wac, I could probably have her transferred here.	- Если бы ваша жена состояла в женском вспомогательном корпусе, тогда бы я, возможно, перевел ее к нам.
But that's the most I can do.'	Но это - максимум того, что я могу сделать.

'She has a friend who's a Wac,' Colonel Scheisskopf offered hopefully.	- У нее есть подруга в женском вспомогательном корпусе, - сообщил полковник Шейскопф с надеждой в голосе.
' I'm afraid that isn't good enough.	- Боюсь, что этого мало.
Have Mrs. Scheisskopf join the Wacs if she wants to, and I'll bring her over here.	Пусть миссис Шейскопф, если желает, вступит в женский вспомогательный корпус, и я возьму ее сюда.
But in the meantime, my dear Colonel, let's get back to our little war, if we may.	Ну, а пока что, мой дорогой полковник, вернемся к нашей маленькой войне.

Here, briefly, is the military situation that confronts us.'	Сейчас я вас вкратце ознакомлю с боевой обстановкой на нашем театре военных действий.
General Peckem rose and moved toward a rotary rack of enormous colored maps.	Г енерал Пеккем встал и направился к вращающимся полкам, на которых лежали гигантские, ярко раскрашенные карты.
Colonel Scheisskopf blanched.	Полковник Шейскопф побелел.
'We're not going into combat, are we?' he blurted out in horror.	- Но мы ведь не собираемся воевать! - в ужасе выпалил он.

'Oh, no, of course not,' General Peckem assured him indulgently, with a companionable laugh.	- Ну конечно, нет, - дружелюбно рассмеявшись, снисходительно заверил его генерал Пеккем.
'Please give me some credit, won't you?	- Уж мне-то вы можете поверить.
That's why we're still down here in Rome.	Именно потому, что мы не лезем в бой, мы все еще сидим здесь, в Риме.
Certainly, I'd like to be up in Florence, too, where I could keep in closer touch with ex-P.F.C. Wintergreen.	Конечно, я тоже был бы рад перебраться во Флоренцию, чтобы поддерживать более тесный контакт с экс-рядовым первого класса Уинтергрином.

But Florence is still a bit too near the actual fighting to suit me.'	Но Флоренция меня пока что не устраивает -близковато к линии фронта.
General Peckem lifted a wooden pointer and swept the rubber tip cheerfully across Italy from one coast to the other.	- Генерал Пеккем поднял деревянную указку и провел резиновым наконечником линию от одного побережья до другого.
' These, Scheisskopf, are the Germans.	- Вот здесь, Шейскопф, стоят немцы.

They're dug into these mountains very solidly in the Gothic Line and won't be pushed out till late next spring, although that isn't going to stop those clods we have in charge from trying.	Они прочно вкопались в горы и создали "Готическую линию". Вышибить их не удастся до будущей весны, хотя это не значит, что наши высокопоставленные олухи не попытаются сделать этого раньше.
That gives us in Special Services almost nine months to achieve our objective.	Таким образом, наша специальная служба располагает почти девятью месяцами для достижения цели.
And that objective is to capture every bomber group in the U.S. Air Force.	А цель наша состоит, в том, чтобы подчинить себе все бомбардировочные полки американских военно-воздушных сил.

After all,' said General Peckem with his low, well-modulated chuckle, 'if dropping bombs on the enemy isn't a special service, I wonder what in the world is.	В конце концов, - сказал генерал Пеккем с бархатистым, хорошо отработанным смешком, -если уж бомбардировка вражеских позиций - это не специальная служба, то я вообще не знаю, для чего на свете существует наш Корпус специальной службы.
Don't you agree?'	Вы согласны?
Colonel Scheisskopf gave no indication that he did agree, but General Peckem was already too entranced with his own loquacity to notice.	Полковник Шейскопф ничем не выказал своего согласия, но генерал Пеккем слишком упивался собственной болтовней, чтобы еще следить за реакцией Шейскопфа.
' Our position right now is excellent.	- В данный момент наше положение великолепно.

Reinforcements like yourself keep arriving, and we have more than enough time to plan our entire strategy carefully.	Прибывают подкрепления - такие, как вы, например. Кроме того, в нашем распоряжении более чем достаточно времени для тщательной разработки стратегических планов.
Our immediate goal,' he said, 'is right here.'	Вот объект нашей ближайшей атаки, - генерал Пеккем ткнул указкой в остров Пьяноса и со значением постучал по буквам, выведенным жирным черным карандашом.

And General Peckem swung his pointer south to the island of Pianosa and tapped it significantly upon a large word that had been lettered on there with black grease pencil.	Надпись гласила:
The word was DREEDLE.	"Дридл".
Colonel Scheisskopf, squinting, moved very close to the map, and for the first time since he entered the room a light of comprehension shed a dim glow over his stolid face.	Полковник Шейскопф подошел к самой карте, покосился на карандашную надпись, и впервые с той минуты, как он переступил порог кабинета, на его грубой физиономии забрезжил слабый отсвет мысли.

'I think I understand,' he exclaimed.	- Кажется, я понимаю! - воскликнул он.
' Yes, I know I understand.	- Ну конечно, я понимаю!
Our first job is to capture Dreedle away from the enemy.	Наша первейшая задача - отбить Дридла у врага.
Right?'	Правильно?
General Peckem laughed benignly.	Генерал Пеккем милости-во рассмеялся.
'No, Scheisskopf.	- Нет, Шейскопф.
Dreedle's on our side, and Dreedle is the enemy.	Дридл - на нашей стороне, и в то же время Дридл - наш враг.

General Dreedle commands four bomb groups that we simply must capture in order to continue our offensive.	Г енерал Дридл командует четырьмя бомбардировочными полками, которые мы должны захватить, чтобы успешно продолжать наше наступление.
Conquering General Dreedle will give us the aircraft and vital bases we need to carry our operations into other areas.	Опрокинув генерала Дридла, мы тем самым завладеем мощными воздушными силами и жизненно необходимыми базами, а затем перенесем операции на другие фронты.
And that battle, by the way, is just about won.'	Кстати говоря, эта битва почти уже нами выиграна.

General Peckem drifted toward the window, laughing quietly again, and settled back against the sill with his arms folded, greatly satisfied by his own wit and by his knowledgeable, blase impudence.	- Генерал Пеккем приблизился к окну, еще раз рассмеялся и, скрестив руки, привалился к подоконнику, чрезвычайно удовлетворенный своим остроумием и эрудицией.
The skilled choice of words he was exercising was exquisitely titillating.	Он играл умело подобранными словами и получал от этого острое наслаждение.
General Peckem liked listening to himself talk, like most of all listening to himself talk about himself.	Г енерал Пеккем обожал слушать самого себя, особенно когда говорил о себе.

'General Dreedle simply doesn't know how to cope with me,' he gloated.	- Генерал Дридл просто не знает, как со мной справиться, - похвалялся он.
'I keep invading his jurisdiction with comments and criticisms that are really none of my business, and he doesn't know what to do about it.	- Я вторгаюсь в сферу его юрисдикции со своими комментариями и критическими замечаниями, хотя, конечно, это абсолютно не мое дело. А он теряется и не знает, как на это реагировать.
When he accuses me of seeking to undermine him, I merely answer that my only purpose in calling attention to his errors is to strengthen our war effort by eliminating inefficiency.	Когда он обвиняет меня в том, что я под него подкапываюсь, я без обиняков отвечаю, что моя единственная цель - привлечь внимание к его ошибкам, ликвидировать недостатки и тем самым усилить нашу военную мощь.

Then I ask him innocently if he's opposed to improving our war effort.	Затем я невинно осведомляюсь, не возражает ли он против усиления нашей военной мощи.
Oh, he grumbles and he bristles and he bellows, but he's really quite helpless.	Ну, тут он ощетинивается, ворчит и наконец вопит в голос, но практически он совершенно беспомощен.
He's simply out of style. He's turning into quite a souse, you know. The poor blockhead shouldn't even be a general. He has no tone, no tone at all.	Он просто-напросто отстал от жизни.
Thank God he isn't going to last.'	Слава богу, он долго не продержится.

General Peckem chuckled with jaunty relish and sailed smoothly along toward a favorite learned allusion.	- Генерал Пеккем беспечно рассмеялся и привел свой излюбленный, отлично вызубренный пример из классического наследия.
'I sometimes think of myself as Fortinbrasha, ha-in the play Hamlet by William Shakespeare, who just keeps circling and circling around the action until everything else falls apart, and then strolls in at the end to pick up all the pieces for himself.	- Иногда я кажусь себе Фортинбрасом, ха-ха, из шекспировского "Гамлета", который кружил-кружил вокруг да около, покуда все не рухнуло, а затем в конце концов выдвинулся на передний край и все прибрал к рукам.
Shakespeare is-'	Шекспир - это...

'I don't know anything about plays,' Colonel Scheisskopf broke in bluntly.	- Я в пьесах не разбираюсь, - оборвал его полковник Шейскопф.
General Peckem looked at him with amazement.	Генерал Пеккем взглянул на него с изумлением.
Never before had a reference of his to Shakespeare's hallowed Hamlet been ignored and trampled upon with such rude indifference.	Никогда доселе его ссылку на прославленного шекспировского "Гамлета" не втаптывали в грязь и не игнорировали с таким тупым безразличием.
He began to wonder with genuine concern just what sort of shithead the Pentagon had foisted on him.	Его стало не на шутку занимать, что за типа подсунул ему Пентагон.

'What do you know about?' he asked acidly.	- А в чем вы разбираетесь? - ядовито спросил генерал.
'Parades,' answered Colonel Scheisskopf eagerly.	- В парадах, - с воодушевлением ответил полковник Шейскопф.
'Will I be able to send out memos about parades?'	- Я могу разослать оповещение о парадах?
'As long as you don't schedule any.'	- Оповещение разослать можно, парады назначать нельзя.

General Peckem returned to his chair still wearing a frown.	- Генерал Пеккем, хмуря брови, снова уселся в кресло.

'And as long as they don't interfere with your main assignment of recommending that the authority of Special Services be expanded to include combat activities.'	- Разослать оповещение можно при условии, что это не будет мешать вашей главной задаче, которая заключается в агитации за передачу военных операций под эгиду нашей специальной службы.
'Can I schedule parades and then call them off?'	- А могу я назначать парады, а потом их отменять?
General Peckem brightened instantly.	Генерал Пеккем просиял.
'Why, that's a wonderful idea!	- Блестящая идея!

But just send out weekly announcements postponing the parades.	Немедленно приступайте к рассылке еженедельных объявлений, отменяющих парады!
Don't even bother to schedule them.	Можете даже не трудиться назначать их.
That would be infinitely more disconcerting.'	Представляю себе чудовищное замешательство в стане Дридла!
General Peckem was blossoming spryly with cordiality again.	- Г енерал Пеккем снова начал излучать доброжелательство.
'Yes, Scheisskopf,' he said, 'I think you've really hit on something.	- Да, Шейскопф, - сказал он, - мне кажется, вы действительно попали в точку.

After all, what combat commander could possibly quarrel with us for notifying his men that there won't be a parade that coming Sunday?	В самом деле, какой строевой командир станет с нами ссориться, если мы оповестим его людей, что в ближайшее воскресенье не будет парада?
We'd be merely stating a widely known fact.	Тем самым мы лишь подтверждаем широкоизвестный факт.
But the implication is beautiful.	Но скрытый смысл этого мероприятия великолепен.
Yes, positively beautiful.	Да, да, Шейскопф, это прямо-таки великолепно.
We're implying that we could schedule a parade if we chose to.	Ведь тем самым мы даем понять, что при желании мы могли бы назначать парады.

I'm going to like you, Scheisskopf.	Вы мне начинаете нравиться, Шейскопф.
Stop in and introduce yourself to Colonel Cargill and tell him what you're up to.	Отправляйтесь к полковнику Карджиллу, представьтесь ему и расскажите, чем вы будете нас заниматься.
I know you two will like each other.'	Я уверен, вы понравитесь друг другу.
Colonel Cargill came storming into General Peckem's office a minute later in a furor of timid resentment.	Минуту спустя полковник Карджилл ураганом ворвался в кабинет генерала Пеккема и набросился на него в припадке трусливой, кроличьей ярости.
'I've been here longer than Scheisskopf,' he complained.	- Я здесь служу дольше, чем полковник Шейскопф, - пожаловался он.

'Why can't I be the one to call off the parades?'	- Почему не мне поручили отменять парады?

'Because Scheisskopf has experience with parades, and you haven't.	- Потому что у Шейскопфа есть опыт по части парадов, а у вас нет.
You can call off U.S.O. shows if you want to.	Если хотите, можете отменять представления концертных бригад ОСКОВ.
In fact why don't you?	В самом деле, почему бы вам этим не заняться?
Just think of all the places that won't be getting a U.S.O. show on any given day.	Только вообразите, во скольких частях и подразделениях ежедневно не бывает концертов ОСКОВ.

Think of all the places each big-name entertainer won't be visiting.	Подумайте, во скольких подразделениях не может побывать известный актер или музыкант?
Yes, Cargill, I think you've hit on something.	Да, Карджилл, я думаю, вы попали в точку.
I think you've just thrown open a whole new area of operation for us.	По-моему, вы открыли для нас новую сферу действий.
Tell Colonel Scheisskopf I want him to work along under your supervision on this.	Пусть полковник Шейскопф под вашим наблюдением занимается отменой концертов. Так ему и передайте.
And send him in to see me when you're through giving him instructions.'	А после того, как вы его проинструктируете, пусть зайдет ко мне.

'Colonel Cargill says you told him you want me to work along under his supervision on the U.S.O. project,' Colonel Scheisskopf complained.	- Полковник Карджилл говорит, будто вы хотите, чтобы я под его наблюдением занимался концертными бригадами, - пожаловался полковник Шейскопф.
' I told him no such thing,' answered General Peckem.	- Ничего подобного я ему не говорил.
'Confidentially, Scheisskopf, I'm not too happy with Colonel Cargill.	Сугубо между нами, Шейскопф: я не в восторге от полковника Карджилла.
He's bossy and he's slow.	Он чванлив и к тому же медлителен.

I'd like you to keep a close eye on what he's doing and see if you can't get a little more work out of him.'	Я попрошу вас не спускать с него глаз и заставлять его пошевеливаться.
'He keeps butting in,' Colonel Cargill protested. 'He won't let me get any work done.'	- Он лезет не в свои дела и не дает мне работать, -примчался с протестом полковник Карджилл.
'There's something very funny about Scheisskopf,' General Peckem agreed reflectively.	- М-да... занятный тип, этот Шейскопф, -согласился генерал Пеккем.
'Keep a very close eye on him and see if you can't find out what he's up to.'	- Не спускайте с него глаз и постарайтесь выяснить, годен ли он вообще на что-нибудь.

'Now he's butting into my business!' Colonel Scheisskopf cried.	- Ну вот, а теперь он лезет в мои дела! - кричал полковник Шейскопф.
'Don't let it worry you, Scheisskopf,' said General Peckem, congratulating himself on how adeptly he had fit Colonel Scheisskopf into his standard method of operation. Already his two colonels were barely on speaking terms.	- Пусть это вас не беспокоит, Шейскопф, - сказал генерал Пеккем, мысленно поздравляя себя с тем, как он умело обуздал Шейскопфа при помощи своего стандартного приема: оба его полковника уже сквозь зубы разговаривали друг с другом.

'Colonel Cargill envies you because of the splendid job you're doing on parades.	- Полковник Карджилл завидует вам, поскольку вы так блестяще справляетесь с парадами.

He's afraid I'm going to put you in charge of bomb patterns.'	Он боится, как бы я не поручил вам наблюдать за узором бомбометания.
Colonel Scheisskopf was all ears.	Полковник Шейскопф навострил уши:
'What are bomb patterns?'	- Что значит "узор бомбометания"?

'Bomb patterns?' General Peckem repeated, twinkling with self-satisfied good humor.	- "Узор бомбометания"? - повторил чрезвычайно довольный собой генерал Пеккем, добродушно подмигивая. -
'A bomb pattern is a term I dreamed up just several weeks ago.	"Узор бомбометания" - это термин, придуманный мною несколько недель назад.
It means nothing, but you'd be surprised at how rapidly it's caught on.	Он, собственно говоря, ничего не означает, но вы удивитесь, узнав, как быстро привилось это выражение.

Why, I've got all sorts of people convinced I think it's important for the bombs to explode close together and make a neat aerial photograph.	Видите ли, я сумел всех убедить, что самое важное, чтобы бомбы рвались как можно ближе друг к другу, ибо тогда снимки воздушной разведки получаются очень четкими.
There's one colonel in Pianosa who's hardly concerned any more with whether he hits the target or not.	На Пьяносе есть один полковник, которого, по-видимому, больше вообще не беспокоит, накрыл он цель или промазал. Его заботит только узор.
Let's fly over and have some fun with him today.	Давайте сегодня слетаем на Пьяносу и немножко развлечемся.

It will make Colonel Cargill jealous, and I learned from Wintergreen this morning that General Dreedle will be off in Sardinia.	Пусть полковник Карджилл побесится от зависти. К тому же сегодня утром я узнал от Уинтергрина, что генерал Дридл полетит на Сардинию.
It drives General Dreedle insane to find out I've been inspecting one of his installations while he's been off inspecting another.	Дридл сойдет с ума, когда узнает, что я инспектировал одну из его баз, в то время как он отправился инспектировать другую.
We may even get there in time for the briefing.	Мы сможем даже поспеть к предполетному инструктажу.
They'll be bombing a tiny undefended village, reducing the whole community to rubble.	Им предстоит бомбить беззащитную деревушку и превратить ее в груду щебня.

I have it from Wintergreen-Wintergreen's an ex-sergeant now, by the way-that the mission is entirely unnecessary.	От Уинтергрина я узнал, - кстати, Уинтергрин сейчас - экс-сержант, - что это абсолютно никому не нужное задание.
Its only purpose is to delay German reinforcements at a time when we aren't even planning an offensive.	Его единственная цель - задержать подход немецких подразделений на тот случай, если мы вздумаем наступать на этом участке, однако никакого наступления там даже не планируется.
But that's the way things go when you elevate mediocre people to positions of authority.'	Вот что получается, когда мы доверяем ответственные посты жалким посредственностям.

He gestured languidly toward his gigantic map of Italy. 'Why, this tiny mountain village is so insignificant that it isn't even there.'	- Г енерал Пеккем томным жестом указал на гигантскую карту Италии: - Смотрите, эта горная деревушка настолько ничтожна, что ее даже не обозначили на карте.

They arrived at Colonel Cathcart's group too late to attend the preliminary briefing and hear Major Danby insist,	Они прибыли в полк полковника Кэткарта слишком поздно и потому не слышали, как во время предварительного предполетного инструктажа майор Дэнби настаивал:
'But it is there, I tell you.	- Но она там есть, уверяю вас.
It's there, it's there.'	Вот здесь, здесь.

'It's where?' Dunbar demanded defiantly, pretending not to see.	- Где здесь? - вызывающе спросил Данбэр, притворяясь, что не видит.
'It's right there on the map where this road makes this slight turn.	- Точно в том месте, где на карте дорога слегка, поворачивает.
Can't you see this slight turn on your map?'	Неужели вы не видите на своих картах поворота?
'No, I can't see it.'	- Нет, не вижу.
'I can see it,' volunteered Havermeyer, and marked the spot on Dunbar's map.	- А я могу показать, - вызвался Хэвермейер и ткнул в нужную точку на карте Данбэра.

'And here's a good picture of the village right on these photographs.	- А на этих фотографиях деревня и вовсе хорошо видна.
I understand the whole thing.	Мне все ясно.
The purpose of the mission is to knock the whole village sliding down the side of the mountain and create a roadblock that the Germans will have to clear.	Цель задания - сшибить всю деревушку под откос, чтобы из ее обломков получился завал на дороге, который немцам придется расчищать.
Is that right?'	Верно?
'That's right,' said Major Danby, mopping his perspiring forehead with his handkerchief.	- Верно. - сказал майор Дэнби, вытирая носовым платком вспотевший лоб.

' I'm glad somebody here is beginning to understand.	- Я рад, что хоть кто-то начинает понимать.
These two armored divisions will be coming down from Austria into Italy along this road.	По этой дороге из Австрии в Италию должны пройти две бронетанковые дивизии.
The village is built on such a steep incline that all the rubble from the houses and other buildings you destroy will certainly tumble right down and pile upon the road.'	Деревушка построена на таком крутом склоне, что все обломки жилых домов и прочих строений в результате бомбардировки посыплются вниз и завалят дорогу.

'What the hell difference will it make?' Dunbar wanted to know, as Yossarian watched him excitedly with a mixture of awe and adulation.	- Ну и что, черт побери, от этого изменится? -пожелал узнать Данбэр, в то время как взволнованный Йоссариан следил за ним со смешанным чувством страха и благоговения.
'It will only take them a couple of days to clear it.'	- Немцам потребуется какая-нибудь пара дней на расчистку
Major Danby was trying to avoid an argument.	Майор Дэнби попытался избежать словопрений.
'Well, it apparently makes some difference to Headquarters,' he answered in a conciliatory tone.	- Очевидно, для штаба кое-что изменится, -ответил он примирительным тоном.

' I suppose that's why they ordered the mission.'	- Думается, поэтому они и отдали приказ о налете.
'Have the people in the village been warned?' asked McWatt.	- А жителей деревушки предупредили? - спросил Макуотт.

Major Danby was dismayed that McWatt too was registering opposition.	Обнаружив, что даже Макуотт оказался в рядах оппозиции, майор Дэнби испугался:
'No, I don't think so.'	- По-моему, нет.
'Haven't we dropped any leaflets telling them that this time we'll be flying over to hit them?' asked Yossarian.	- Неужели не сбросили листовки с предупреждением о предстоящей бомбардировке?- спросил Йоссариан.

'Can't we even tip them off so they'll get out of the way?'	- Разве нельзя было предупредить жителей, чтобы они заблаговременно убрались подальше?
'No, I don't think so.'	- По-моему, нельзя.
Major Danby was swearing some more and still shifting his eyes about uneasily.	- Майора Дэнби снова прошиб пот. Глаза его беспокойно шныряли из стороны в сторону.
'The Germans might find out and choose another road.	- Листовки могут попасть к немцам, и тогда они выберут другую дорогу.
I'm not sure about any of this.	Я, правда, в этом не уверен.
I'm just making assumptions.'	Я только предполагаю.
'They won't even take shelter,' Dunbar argued bitterly.	- Они даже не пойдут в убежище, - с горечью доказывал Данбэр.

'They'll pour out into the streets to wave when they see our planes coming, all the children and dogs and old people.	- Завидев наши самолеты, они высыпят на улицы и будут махать нам руками. Вся деревня выбежит- старики, дети, собаки.
Jesus Christ!	Господи Иисусе!
Why can't we leave them alone?'	Неужто нельзя оставить их в покое?
'Why can't we create the roadblock somewhere else?' asked McWatt.	- А почему бы нам не нагромоздить завал где-нибудь в другом месте? - спросил Макуотт.
'Why must it be there?'	- Почему обязательно здесь?
'I don't know,' Major Danby answered unhappily.	- Не знаю, - с горестным видом ответил майор Дэнби.

'I don't know. Look, fellows, we've got to have some confidence in the people above us who issue our orders. They know what they're doing.' 'The hell they do,' said Dunbar.	- Я не знаю.
'What's the trouble?' inquired Colonel Korn, moving leisurely across the briefing room with his hands in his pockets and his tan shirt baggy.	- В чем дело? - спросил подполковник Корн, ленивой походкой входя в инструкторскую. Он держал руки в карманах, выгоревшая рубашка сидела мешком.
'Oh, no trouble, Colonel,' said Major Danby, trying nervously to cover up.	- О, все в порядке, подполковник, - нервно ответил майор Дэнби, стараясь сделать вид, будто ничего не случилось.

'We're just discussing the mission.'	- Мы просто обсуждаем задание.
'They don't want to bomb the village,' Havermeyer snickered, giving Major Danby away.	- Они не хотят бомбить деревню, - выдал всех Хэвермейер и заржал.
' You prick!' Yossarian said to Havermeyer.	- Подонок! - сказал Йоссариан.

'You leave Havermeyer alone,' Colonel Korn ordered Yossarian curtly.	- Оставьте Хэвермейера в покое! - отрывисто приказал подполковник Корн.

He recognized Yossarian as the drunk who had accosted him roughly at the officers' club one night before the first mission to Bologna, and he swung his displeasure prudently to Dunbar.	В Йоссариане он узнал того пьяницу, который нахамил ему в офицерском клубе накануне первого налета на Болонью, и поэтому счел за благо переадресовать свое неудовольствие Данбэру.
'Why don't you want to bomb the village?'	- Почему вы не хотите бомбить деревню?
' It's cruel, that's why.'	- Это жестоко, вот почему.
'Cruel?' asked Colonel Korn with cold good humor, frightened only momentarily by the uninhibited vehemence of Dunbar's hostility.	- Жестоко? - переспросил подполковник Корн с холодной насмешливостью. Его не более чем на миг напугала нескрываемая лютая враждебность Данбэра.

'Would it be any less cruel to let those two German divisions down to fight with our troops?	- Вы считаете менее жестоким пропустить эти две немецкие дивизии, чтобы они обрушились на наши войска?
American lives are at stake, too, you know.	На карту поставлены жизни американцев, вы это знаете?
Would you rather see American blood spilled?'	Или вы хотите, чтобы пролилась американская кровь?
' American blood is being spilled.	- Американская кровь и так льется.
But those people are living up there in peace.	Но эти люди тихо, мирно живут у себя в горах.
Why can't we leave them the hell alone?'	Какого черта они должны из-за нас страдать?

'Yes, it's easy for you to talk,' Colonel Korn jeered. 'You're safe here in Pianosa.	- Вам, конечно, легко говорить, - издевательским тоном сказал подполковник Корн, - на Пьяносе вы как у Христа за пазухой.
It won't make any difference to you when these German reinforcements arrive, will it?'	Вам безразлично, пройдут или не пройдут эти немецкие подкрепления.
Dunbar turned crimson with embarrassment and replied in a voice that was suddenly defensive.	От замешательства Данбэр побагровел и ответил, заметно оробев:
'Why can't we create the roadblock somewhere else?	- А почему нельзя сделать завал в другом месте?

Couldn't we bomb the slope of a mountain or the road itself?'	Разве нельзя просто разбомбить склон горы или само шоссе?
'Would you rather go back to Bologna?'	- А слетать еще разок на Болонью не желаете?
The question, asked quietly, rang out like a shot and created a silence in the room that was awkward and menacing.	Это было сказано вполне спокойно, но вопрос прогремел, как выстрел. В комнате нависла неловкая, грозная тишина.
Yossarian prayed intensely, with shame, that Dunbar would keep his mouth shut.	Стыдясь самого себя, Йоссариан горячо молился, чтобы Данбэр держал язык за зубами.
Dunbar dropped his gaze, and Colonel Korn knew he had won.	Данбэр опустил глаза, и подполковник Корн понял, что бой выигран.

'No, I thought not,' he continued with undisguised scorn.	- Кажется, вы не испытываете особого желания еще разок навестить Болонью? - продолжал он с нескрываемым презрением.

'You know, Colonel Cathcart and I have to go to a lot of trouble to get you a milk run like this.	- Учтите: мы с полковником Кэткартом приложили много сил, чтобы получить для вас этот "полет за молоком".
If you'd sooner fly missions to Bologna, Spezia and Ferrara, we can get those targets with no trouble at all.'	Но если вам больше хочется лететь на Болонью, Специю и Феррару, то это мы можем организовать в два счета.

His eyes gleamed dangerously behind his rimless glasses, and his muddy jowls were square and hard.	- Его глаза угрожающе поблескивали за стеклами очков без оправы, на квадратном тяжелом подбородке темнела щетина.
'Just let me know.'	- Только дайте мне знать, и я вам это тут же устрою.
'I would,' responded Havermeyer eagerly with another boastful snicker.	- Я готов, - бойко откликнулся Хэвермейер и опять хвастливо заржал.

'I like to fly into Bologna straight and level with my head in the bombsight and listen to all that flak pumping away all around me. I get a big kick out of the way the men come charging over to me after the mission and call me dirty names.	- Мне нравится летать на Болонью, прямо с горизонтального полета заходить на цель, засунув башку в прицел, и слушать, как вокруг рвутся снаряды, Мне только весело делается, когда после полета на меня набрасываются с руганью и обзывают всякими похабными словами.
Even the enlisted men get sore enough to curse me and want to take socks at me.'	Даже рядовые до того распаляются, что костерят меня на чем свет стоит. Того и гляди, двинут в зубы.

Colonel Korn chucked Havermeyer under the chin jovially, ignoring him, and then addressed himself to Dunbar and Yossarian in a dry monotone.	Подполковник Корн, не глядя на Хэвермейера, ласково потрепал его по щеке и сухо обратился к Данбэру и Йоссариану:
'You've got my sacred word for it. Nobody is more distressed about those lousy wops up in the hills than Colonel Cathcart and myself.	- Клянусь вам всеми святыми, никто больше нас с полковником Кэткартом не переживает из-за паршивых итальяшек, что живут в той деревушке.
Mais c'est la guerre. Try to remember that we didn't start the war and Italy did.	Не забывайте: войну начали не мы, а Италия.

That we weren't the aggressors and Italy was. And that we couldn't possibly inflict as much cruelty on the Italians, Germans, Russians and Chinese as they're already inflicting on themselves.' Colonel Korn gave Major Danby's shoulder a friendly squeeze without changing his unfriendly expression.	И агрессорами были не мы, а Италия.
'Carry on with the briefing, Danby.	Продолжайте инструктаж, Дэнби.

And make sure they understand the importance of a tight bomb pattern.'	И позаботьтесь, чтобы они уяснили себе всю важность получения на снимках кучного узора бомбометания.
'Oh, no, Colonel,' Major Danby blurted out, blinking upward.	- О нет, подполковник, - выпалил майор Дэнби и часто-часто замигал.
'Not for this target.	- Для данной мишени это не годится.
I've told them to space their bombs sixty feet apart so that we'll have a roadblock the full length of the village instead of in just one spot.	Я приказал им класть бомбы на расстоянии двадцати метров друг от друга, чтобы перекрыть дорогу на всю длину деревни, а не в одном только месте.

It will be a much more effective roadblock with a loose bomb pattern.'	При рассеянием бомбометании завал получится более эффективным.
'We don't care about the roadblock,' Colonel Korn informed him.	- Завал как таковой нас не волнует, - сообщил подполковник Корн.
'Colonel Cathcart wants to come out of this mission with a good clean aerial photograph he won't be ashamed to send through channels.	- Полковник Кэткарт хочет получить хорошие, четкие фотоснимки, которые не стыдно будет послать в вышестоящие инстанции.
Don't forget that General Peckem will be here for the full briefing, and you know how he feels about bomb patterns.	Не забудьте, что генерал Пеккем прибудет сюда на основной инструктаж, а вы ведь знаете, как он неравнодушен к узору бомбометания.

Incidentally, Major, you'd better hurry up with these details and clear out before he gets here.	Кстати, майор, вам бы следовало поторопиться и убраться отсюда до его прихода.
General Peckem can't stand you.'	Генерал Пеккем вас не выносит.
'Oh, no, Colonel,' Major Danby corrected obligingly. 'It's General Dreedle who can't stand me.'	- О нет, подполковник, - услужливо поправил майор Дэнби, - это генерал Дридл меня не выносит.
' General Peckem can't stand you either.	- Генерал Пеккем вас тоже не выносит.
In fact, no one can stand you.	Фактически вас никто не выносит.
Finish what you're doing, Danby, and disappear.	Кончайте свое дело, Дэнби, и исчезайте.

I'll conduct the briefing.'	Инструктаж проведу я.
'Where's Major Danby?' Colonel Cathcart inquired, after he had driven up for the full briefing with General Peckem and Colonel Scheisskopf.	- ...Где тут майор Дэнби? - спросил полковник Кэткарт, прибывший на основной инструктаж вместе с генералом Пеккемом и полковником Шейскопфом.
'He asked permission to leave as soon as he saw you driving up,' answered Colonel Korn.	- Едва завидев вашу машину, он попросил разрешения уйти, - ответил подполковник Корн.
'He's afraid General Peckem doesn't like him.	- Он подозревает, что генерал Пеккем его не любит.
I was going to conduct the briefing anyway.	А инструктаж все равно собирался проводить я.

I do a much better job.'	У меня это получится лучше.
'Splendid!' said Colonel Cathcart.	- Чудесно, - сказал полковник Кэткарт.
'No!' Colonel Cathcart countermanded himself an instant later when he remembered how good a job Colonel Korn had done before General Dreedle at the first Avignon briefing.	- А впрочем, нет, - секундой позже поправился он, припомнив, как выступил подполковник Корн в присутствии генерала Дридла на инструктаже перед налетом на Авиньон.
' I'll do it myself.'	- Я буду инструктировать сам.

Colonel Cathcart braced himself with the knowledge that he was one of General Peckem's favorites and took charge of the meeting, snapping his words out crisply to the attentive audience of subordinate officers with the bluff and dispassionate toughness he had picked up from General Dreedle.	Полковник Кэткарт вбил себе в голову, что он один из любимцев генерала Пеккема. Взяв руководство инструктажем в свои руки, он швырял в лицо чутко внимающих ему подчиненных отрывистые фразы с бесстрастной, твердой, грубоватой интонацией, заимствованной им у Дридла.

He knew he cut a fine figure there on the platform with his open shirt collar, his cigarette holder, and his close-cropped, gray-tipped curly black hair.	Он знал, что, стоя на помосте в своей рубашке с расстегнутым воротником, черными с проседью волосами, он выглядит весьма колоритно.

He breezed along beautifully, even emulating certain characteristic mispronunciations of General Dreedle's, and he was not the least bit intimidated by General Peckem's new colonel until he suddenly recalled that General Peckem detested General Dreedle.	Он несся по волнам собственного красно- речия, непроизвольно утрируя свойственные генералу Дридлу от- дельные неправильно- сти в произношении, и его нисколько не пугал неизвестный полков- ник, прибывший вме- сте с генералом Пекке- мом, пока он вдруг не вспомнил, что генерал Пеккем ненавидит ге- нерала Дридла.
Then his voice cracked, and all confidence left him.	Тут его голос осекся, а всю его самоуверен- ность как ветром сду- ло.
He stumbled ahead through instinct in burning humiliation.	Сгорая от конфуза, он еле ворочал языком и едва соображал, что го- ворит.

He was suddenly in terror of Colonel Scheisskopf.	И тут он вдруг безумно испугался полковника Шейскопфа.
Another colonel in the area meant another rival, another enemy, another person who hated him.	Еще один полковник на этом участке фронта означал нового соперника, нового врага, еще одного ненавистника.
And this one was tough!	А этот к тому же был, очевидно, жесткий малый.
A horrifying thought occurred to Colonel Cathcart: Suppose Colonel Scheisskopf had already bribed all the men in the room to begin moaning, as they had done at the first Avignon mission.	Страшная догадка осенила полковника Кэткарта: а вдруг полковник Шейскопф уже успел подкупить всех находящихся в зале, чтобы они застонали хором, как тогда, перед налетом на Авиньон?

How could he silence them?	Удастся ли ему утихомирить их?
What a terrible black eye that would be!	Какими синяками и шишками все это чревато?
Colonel Cathcart was seized with such fright that he almost beckoned to Colonel Korn.	Полковника Кэткарта объял такой страх, что он уже был готов призвать на помощь подполковника Корна.
Somehow he held himself together and synchronized the watches.	Кое-как он сумел взять себя в руки и провести сверку часов.
When he had done that, he knew he had won, for he could end now at any time.	Сделав это, он понял, что выиграл свой бой, поскольку теперь он мог закончить инструктаж, когда ему заблагорассудится.

He had come through in a crisis.	Критический момент остался позади.
He wanted to laugh in Colonel Scheisskopfs face with triumph and spite.	Ему хотелось с торжеством и злорадством рассмеяться в лицо полковнику Шейскопфу.
He had proved himself brilliantly under pressure, and he concluded the briefing with an inspiring peroration that every instinct told him was a masterful exhibition of eloquent tact and subtlety.	Он с блеском вышел из трудной ситуации и завершил инструктаж вдохновенным эпилогом, который - он ощущал это каждой клеточкой своего тела - явился мастерской демонстрацией красноречия и хорошего тона.

'Now, men,' he exhorted. 'We have with us today a very distinguished guest, General Peckem from Special Services, the man who gives us all our softball bats, comic books and U.S.O. shows.	- Итак, - воззвал он, - сегодня у нас весьма почетный гость, генерал Пеккем из специальной службы, человек, который снабжает нас бейсбольными битами, комиксами и развлекает нас выступлениями концертных бригад ОСКОВ.
I want to dedicate this mission to him.	Г енералу Пеккему посвящаю я предстоящий налет.
Go on out there and bomb-for me, for your country, for God, and for that great American, General P. P. Peckem.	Идите и бомбите - во имя меня, во имя родины, во имя бога и во имя великого американца генерала Пеккема.
And let's see you put all those bombs on a dime!'	И позаботьтесь влепить все ваши бомбы в пятачок!

Dunbar Yossarian no longer gave a damn where his bombs fell, although he did not go as far as Dunbar, who dropped his bombs hundreds of yards past the village and would face a court-martial if it could ever be shown he had done it deliberately.	30. Данбэр Йоссариана больше не волновало, куда упали его бомбы, хотя он и не позволил себе зайти так далеко, как Данбэр: тот сбросил бомбы в нескольких сотнях метров от деревни и вполне мог угодить под военно-полевой суд, если бы кому-нибудь удалось доказать, что он сделал это преднамеренно.
Without a word even to Yossarian, Dunbar had washed his hands of the mission.	После этого налета Данбэр, не сказав ни слова никому, даже Йоссариану, смылся в госпиталь.

The fall in the hospital had either shown him the light or scrambled his brains; it was impossible to say which.	Пребывание в госпитале внесло в его душу не то просветление, не то полную сумятицу - трудно сказать, что именно.
Dunbar seldom laughed any more and seemed to be wasting away.	Теперь Данбэр смеялся редко и производил впечатление человека конченого.
He snarled belligerently at superior officers, even at Major Danby, and was crude and surly and profane even in front of the chaplain, who was afraid of Dunbar now and seemed to be wasting away also.	Он вызывающе рычал на старших по званию, даже на майора Дэнби. С капелланом он держался угрюмо, грубил и богохульствовал. Капеллан, который тоже казался конченым человеком, стал побаиваться Данбэра.

The chaplain's pilgrimage to Wintergreen had proved abortive; another shrine was empty.	Поход капеллана к Уинтер грину не привел ни к чему.
Wintergreen was too busy to see the chaplain himself.	Уинтергрин был слишком занят, чтобы лично принять капеллана.
A brash assistant brought the chaplain a stolen Zippo cigarette lighter as a gift and informed him condescendingly that Wintergreen was too deeply involved with wartime activities to concern himself with matters so trivial as the number of missions men had to fly.	Его помощник - малый с нахальной рожей - вынес капеллану краденую зажигалку "Зиппо" в качестве подарка и снисходительно сообщил, что Уинтергрин по горло занят фронтовыми делами и не может тратить время на такие пошлые пустяки, как норма боевых вылетов.

The chaplain worried about Dunbar and brooded more over Yossarian now that Orr was gone.	Капеллана сильно беспокоило состояние Данбэра, а еще больше, особенно после исчезновения Орра, - состояние Йоссариана.

To the chaplain, who lived by himself in a spacious tent whose pointy top sealed him in gloomy solitude each night like the cap of a tomb, it seemed incredible that Yossarian really preferred living alone and wanted no roommates.	Капеллану, который жил в мрачном одиночестве в просторной палатке с остроконечной крышей, казавшейся ему по ночам крышей гробницы, было непонятно, как это Йоссариан предпочитал жить один, без соседей по палатке.

As a lead bombardier again, Yossarian had McWatt for a pilot, and that was one consolation, although he was still so utterly undefended.	Снова назначенный ведущим бомбардиром, Йоссариан летал с Макуоттом. В этом было единственное утешение, хотя все равно Йоссариан чувствовал себя абсолютно беззащитным.
There was no way to fight back.	Ведь в случае чего он не мог бы ни отбиться, ни отстреляться.
He could not even see McWatt and the co-pilot from his post in the nose.	Со своего кресла в носовой части он даже не видел Макуотта и второго пилота.

All he could ever see was Aarfy, with whose fustian, moon-faced ineptitude he had finally lost all patience, and there were minutes of agonizing fury and frustration in the sky when he hungered to be demoted again to a wing plane with a loaded machine gun in the compartment instead of the precision bombsight that he really had no need for, a powerful, heavy fifty-caliber machine gun he could seize vengefully in both hands and turn loose savagely against all the demons tyrannizing him: at

Единственное, что он мог видеть, - это лунообразную физиономию Аарфи. Из-за этого напыщенного идиота Йоссариану в конце концов изменила выдержка и были минуты в полете, когда его охватывали судорожная ярость и отчаяние и он жаждал, чтобы его понизили в должности и перевели на ведомый самолет. Там бы он сидел перед заряженным пулеметом, а не перед этим совершенно ему не нужным прицелом точного бомбометания. Будь у него мощный, тяжелый пулемет, он в порыве злобной мстительности схватил бы его двумя руками и разрядил во всех

Actually, there was not much he could do with that powerful machine gun except load it and test-fire a few rounds.	На самом же деле он и тяжелым пулеметом мало что мог бы сделать - разве зарядить его и дать несколько пробных очередей.
It was no more use to him than the bombsight.	Проку от пулемета было не больше, чем от бомбового прицела.

He could really cut loose with it against attacking German fighters, but there were no German fighters any more, and he could not even swing it all the way around into the helpless faces of pilots like Huple and Dobbs and order them back down carefully to the ground, as he had once ordered Kid Sampson back down, which is exactly what he did want to do to Dobbs and Huple on the hideous first mission to Avignon the moment he realized the fantastic pickle he was in, the moment he found himself aloft in a wing plane with Dobbs and Huple in a flight headed by Havermeyer	Он мог бы разрядить обойму в немецкие истребители, но немецкие истребители больше не показывались. Он не мог даже развернуть пулемет и наставить дуло в жалкие физиономии Хьюпла и Доббса, чтобы заставить их повернуть домой и бережно посадить самолет, как он это уже однажды проделал с Малышом Сэмпсоном. Именно так он и хотел поступить с Доббсом и Хьюплом во время их жуткого первого налета на Авиньон в тот момент, когда понял, в какой фантастический переплет попал; он находился тогда в ведомом самолете с Доббсом и Хьюплом, а звено вели Хэвермейер и Эпплби.

Dobbs and Huple? Huple and Dobbs? Who were they?	Доббс и Хьюпл, Хьюпл и Доббс - да кто они вообще такие?

What preposterous madness to float in thin air two miles high on an inch or two of metal,
sustained from death by the meager skill and intelligence of two vapid strangers, a beardless kid named Huple and a nervous nut like Dobbs, who really did go nuts right there in the plane, running amuck over the target without leaving his copilot's seat and grabbing the controls from Huple to plunge them all down into that chilling dive that tore Yossarian's headset loose and brought them right back
inside the dense flak from which they had almost escaped. The

Yes, in the long run, he was much safer flying with McWatt, and he was not even safe with McWatt, who loved flying too much and went buzzing boldly inches off the ground with Yossarian in the nose on the way back from the training flight to break in the new bombardier in the whole replacement crew Colonel Cathcart had obtained after Orr was lost.	Да, конечно, летать с Макуоттом было куда спокойнее. Но и с Макуоттом летать было опасно: он слишком любил летать, и, когда они с Йоссарианом возвращались с тренировочного полета, Макуотт повел воющую машину в дюйме от земли. Макуотт хотел выдрессировать нового бомбардира из резервного экипажа, истребованного полковником Кэткартом после исчезновения Орра.

The practice bomb range was on the other side of Pianosa, and, flying back, McWatt edged the belly of the lazing, slow-cruising plane just over the crest of mountains in the middle and then, instead of maintaining altitude, jolted both engines open all the way, lurched up on one side and, to Yossarian's astonishment, began following the falling land down as fast as the plane would go, wagging his wings gaily and skimming with a massive, grinding, hammering roar over each rocky rise and dip of the rolling terrain like a dizzy gull over wild brown waves.	Учебный полигон находился в другом конце Пьяносы, и, возвращаясь на аэродром, Макуотт едва не касался горных вершин брюхом лениво ползущего самолета. Перевалив через хребет, он нажал на всю железку и вместо того чтобы набрать высоту, к удивлению Йоссариана, на предельной скорости, накренив самолет, пустил его вниз вдоль склона горы, и самолет, весело помахивая крыльями, с густым, надсадным, грохочущим ревом помчался над бегущими навстречу скалами и впадинами, словно ошалелая чайка над дикими, бурыми волнами.

Yossarian was petrified.	Йоссариан окаменел.
The new bombardier beside him sat demurely with a bewitched grin and kept whistling	Новый бомбардир сидел рядом с ним, завороженный, с застенчивой улыбкой и только присвистывал:
'Whee!' and Yossarian wanted to reach out and crush his idiotic face with one hand as he flinched and flung himself away from the boulders and hillocks and lashing branches of trees that loomed up above him out in front and rushed past just underneath in a sinking, streaking blur.	"Фюить!" Йоссариану хотелось трахнуть его по идиотской морде. Сам он шарахался из стороны в сторону при виде бугров, валунов, веток деревьев, маячивших где-то впереди и по бокам. Все это проносилось прямо под самолетом, сливаясь в расплывчатые полосы, и исчезало позади.

No one had a right to take such frightful risks with his life.	Никто не имел права подвергать его жизнь такому страшному риску.
'Go up, go up, go up!' he shouted frantically at McWatt, hating him venomously, but McWatt was singing buoyantly over the intercom and probably couldn't hear.	- Вверх, вверх, вверх! - истерически кричал он Макуотту, жгуче ненавидя его. Но в переговорном устройстве слышалось только задорное пение Макуотта, который, по всей вероятности, ничего не слышал.

Yossarian, blazing with rage and almost sobbing for revenge, hurled himself down into the crawlway and fought his way through against the dragging weight of gravity and inertia until he arrived at the main section and pulled himself up to the flight deck, to stand trembling behind McWatt in the pilot's seat.	Йоссариан, пылая яростью и чуть не плача от бессильной злобы, кинулся в лаз, сражаясь с земным притяжением и инерцией, добрался до главного отсека, влез в пилотскую кабину и, дрожа всем телом, стал позади Макуотта.
He looked desperately about for a gun, a gray-black.45 automatic that he could cock and ram right up against the base of McWatt's skull.	Он мечтал, чтобы сейчас под рукой у него оказался вороненый пистолет, чтобы, не мешкая, размозжить Макуотту затылок.

There was no gun.	Но пистолета не было.

There was no hunting knife either, and no other weapon with which he could bludgeon or stab, and Yossarian grasped and jerked the collar of McWatt's coveralls in tightening fists and shouted to him to go up, go up.	Охотничьего ножа - тоже. И вообще у него не было никакого оружия, которым он мог бы ударить или заколоть Макуотта. Тогда Йоссариан мертвой хваткой схватил Макуотта за воротник комбинезона, резко дернул и заорал, чтобы Макуотт набирал, набирал, набирал высоту.

The land was still swimming by underneath and flashing by overhead on both sides. McWatt looked back at Yossarian and laughed joyfully as though Yossarian were sharing his fun.	Земля все еще неслась под ними, холмы мелькали слева и справа выше самолета. Макуотт глянул через плечо на Йоссариана и весело рассмеялся, точно Йоссариан пришел порадоваться вместе с ним.
Yossarian slid both hands around McWatt's bare throat and squeezed. McWatt turned stiff:	Руки Йоссариана скользнули по шее Макуотта, сдавили горло. Макуотт одеревенел.
'Go up,' Yossarian ordered unmistakably through his teeth in a low, menacing voice. 'Or I'll kill you.'	- Набирай высоту, - сквозь стиснутые зубы недвусмысленно приказал Йоссариан тихим, угрожающим голосом, - или я придушу тебя.

Rigid with caution, McWatt cut the motors back and climbed gradually.	Настороженно застыв, Макуотт увеличил обороты и начал постепенно набирать высоту.
Yossarian's hands weakened on McWatt's neck and slid down off his shoulders to dangle inertly.	Пальцы Йоссариана ослабли, соскользнули с плеч Макуотта и бессильно повисли.
He was not angry any more.	Он больше не сердился.
He was ashamed.	Ему было стыдно.
When McWatt turned, he was sorry the hands were his and wished there were someplace where he could bury them.	Когда Макуотт обернулся, Йоссариан не знал, куда ему девать руки: он стыдился своих рук, они словно омертвели.

They felt dead. McWatt gazed at him deeply. There was no friendliness in his stare.	Макуотт уперся в него взглядом, в котором не было и тени дружелюбия.
'Boy,' he said coldly, 'you sure must be in pretty bad shape.	- Парень, - сказал он холодно, - ты, должно быть, в скверной форме.
You ought to go home.'	Тебе бы лучше отправиться домой.
'They won't let me.' Yossarian answered with averted eyes, and crept away.	- Не отпускают, - ответил Йоссариан, пряча глаза, и незаметно ретировался.
Yossarian stepped down from the flight deck and seated himself on the floor, hanging his head with guilt and remorse.	Спустившись из пилотской кабины, он уселся на полу, понурив голову. Его мучили угрызения совести.

He was covered with sweat. McWatt set course directly back toward the field.	Он был весь в поту. Макуотт взял курс прямо на аэродром.
Yossarian wondered whether McWatt would now go to the operations tent to see Piltchard and Wren and request that Yossarian never be assigned to his plane again, just as Yossarian had gone surreptitiously to speak to them about Dobbs and Huple and Orr and, unsuccessfully, about Aarfy.	Интересно, подумал Йоссариан, побежит ли Макуотт в оперативный отдел к Пилтчарду и Рену, чтобы пожаловаться на Йоссариана и потребовать, чтобы Йоссариана никогда не назначали на его самолет, как бегал тайком сам Йоссариан с просьбой избавить его от полетов с Доббсом, Хьюплом и Орром, а также с Аарфи, хотя неизменно наталкивался на отказ.

He had never seen McWatt look displeased before, had never seen him in any but the most lighthearted mood, and he wondered whether he had just lost another friend.	Никогда прежде он не видел Макуотта недовольным - тот всегда пребывал в наилучшем расположения духа. И теперь Йоссариан размышлял, не потерял ли он в лице Макуотта еще одного друга.

But McWatt winked at him reassuringly as he climbed down from the plane and joshed hospitably with the credulous new pilot and bombardier during the jeep ride back to the squadron, although he did not address a word to Yossarian until all four had returned their parachutes and separated and the two of them were walking side by side toward their own row of tents.	Но, выходя из самолета, Макуотт ободряюще подмигнул ему и, когда они в джипе возвращались в эскадрилью, беззлобно разыгрывал легковерного нового второго пилота и бомбардира, хотя ни словом не обмолвился с Йоссарианом.

Then McWatt's sparsely freckled tan Scotch-Irish face broke suddenly into a smile and he dug his knuckles playfully into Yossarian's ribs, as though throwing a punch.	Только когда все четверо сдали на склад парашюты и Макуотт с Йоссарианом вдвоем направились к палаткам, загорелое веснушчатое шотландско-ирландское лицо Макуотта внезапно осветилось улыбкой и он игриво ткнул кулаком Йоссариана под ребро.
' You louse,' he laughed.	- Подонок ты этакий, - засмеялся он.
' Were you really going to kill me up there?'	- Ты что, правда хотел меня убить?
Yossarian grinned penitently and shook his head.	Йоссариан виновато ухмыльнулся и покачал головой:

'No. I don't think so.'	- Да нет, вряд ли.
'I didn't realize you got it so bad.	- Не думал, что на тебя это так скверно подействует.
Boy! Why don't you talk to somebody about it?'	Слушай, парень, ты бы поговорил с кем-нибудь насчет своего состояния.
' I talk to everybody about it.	- Я со всеми об этом говорю.
What the hell's the matter with you?	Но ты-то какого дьявола вытворяешь такие штуки?
Don't you ever hear me?'	Ты что, не слышал меня по переговорному устройству?
' I guess I never really believed you.'	- Слышал, но не верил, что ты это всерьез.

' Aren't you ever afraid?'	- А тебе самому бывает страшно?
' Maybe I ought to be.'	- Надо бы, чтоб было, да не боюсь.
'Not even on the missions?'	- Даже в бою?
'I guess I just don't have brains enough.' McWatt laughed sheepishly.	- Наверное, у меня извилин не хватает, -застенчиво засмеялся Макуотт.
'There are so many ways for me to get killed,' Yossarian commented, 'and you had to find one more.' McWatt smiled again.	- Мне и так угрожает тысяча смертей, - заметил Йоссариан, - а ты, кажется, задался целью найти еще один способ укокошить меня. Макуотт опять улыбнулся:

'Say, I bet it must really scare you when I buzz your tent, huh?'	- Держу пари, когда я проношусь над твоей палаткой, у тебя душа уходит в пятки, а?

' It scares me to death.	- Я чуть не умираю со страху.
I've told you that.'	Я ведь тебе говорил.
'I thought it was just the noise you were complaining about.' McWatt made a resigned shrug.	- Я думал, что ты жаловался только на шум. -Макуотт пожал плечами.
'Oh, well, what the hell,' he sang.	- Как я рад, как я рад, мы попали к черту в ад! - пропел он.
'I guess I'll just have to give it up.'	- В общем, я так понимаю, мне с этим придется кончать.

But McWatt was incorrigible, and, while he never buzzed Yossarian's tent again, he never missed an opportunity to buzz the beach and roar like a fierce and low-flying thunderbolt over the raft in the water and the secluded hollow in the sand where Yossarian lay feeling up Nurse Duckett or playing hearts, poker or pinochle with Nately, Dunbar and Hungry Joe.	И все-таки Макуотт был неисправим. Хотя он действительно перестал летать над палаткой Йоссариана, но не упускал случая молнией, с пронзительным ревом пронестись над самым пляжем, над плотом и над уединенной песчаной ложбинкой, где Йоссариан или нежился с сестрой Даккит, или играл в покер, безик или черви-козыри с Нейтли, Данбэром и Заморышем Джо.

Yossarian met Nurse Duckett almost every afternoon that both were free and came with her to the beach on the other side of the narrow swell of shoulder-high dunes separating them from the area in which the other officers and enlisted men went swimming nude.	Йоссариан встречался с сестрой Даккит почти ежедневно под вечер, когда оба бывали свободны, и отправлялся с ней на пляж. Узкая длинная полоса дюн высотой по плечо отделяла их от того места, где офицеры и рядовые плавали голышом.

Nately, Dunbar and Hungry Joe would come there, too. McWatt would occasionally join them, and often Aarfy, who always arrived pudgily in full uniform and never removed any of his clothing but his shoes and his hat; Aarfy never went swimming.	Нейтли, Данбэр и Заморыш Джо обычно тоже приходили в это время. Иногда к ним присоединялся Макуотт, частенько и Аарфи, который, как правило, являлся на пляж в полной форме и не снимал ничего, кроме ботинок и фуражки: Аарфи никогда не купался.

The other men wore swimming trunks in deference to Nurse Duckett, and in deference also to Nurse Cramer, who accompanied Nurse Duckett and Yossarian to the beach every time and sat haughtily by herself ten yards away.	Все остальные носили плавки - из уважения к сестре Даккит, а также к сестре Крэмер. Сестра Крэмер всегда сопровождала сестру Даккит и Йоссариана на пляж и обычно с высокомерным видом усаживалась поодаль, метрах в десяти от них.
No one but Aarfy ever made reference to the naked men sun-bathing in full view farther down the beach or jumping and diving from the enormous white-washed raft that bobbed on empty oil drums out beyond the silt sand.	Никто, кроме Аарфи, не обращал внимания на голых летчиков, загоравших неподалеку или нырявших с огромного, добела отмытого морем плота, который прыгал на волнах за песчаной косой.

Nurse Cramer sat by herself because she was angry with Yossarian and disappointed in Nurse Duckett.	Сестра Крэмер сидела в одиночестве: она сердилась на Йоссариана и была разочарована в сестре Даккит.
Nurse Sue Ann Duckett despised Aarfy, and that was another one of the numerous fetching traits about Nurse Duckett that Yossarian enjoyed.	Сестра Даккит презирала Аарфи, и это было одно из ее достоинств, ценимых Йоссарианом.

He enjoyed Nurse Sue Ann Duckett's long white legs and supple, callipygous ass; he often neglected to remember that she was quite slim and fragile from the waist up and hurt her unintentionally in moments of passion when he hugged her too roughly. He loved her manner of sleepy acquiescence when they lay on the beach at dusk. He drew solace and sedation from her nearness. He had a craving to touch her always, to remain always in physical communication. He liked to encircle her ankle loosely with his fingers as he played cards with Nately, Dunbar and Hungry Joe, to lightly	Иногда в сумерках они лежали на пляже, и в такие минуты ее близость давала ему утешение и успокоение.

He loved Nurse Duckett's serene, flattered response, the sense of attachment to him she displayed proudly.	Он любил ее - безмятежную, мягкую, отзывчивую, любил за преданность, которую она демонстрировала с гордостью.
Hungry Joe had a craving to feel Nurse Duckett up, too, and was restrained more than once by Yossarian's forbidding glower.	Заморыш Джо тоже жаждал приласкать сестру Даккит, и Йоссариан не раз осаживал его сердитым взглядом.

Nurse Duckett flirted with Hungry Joe just to keep him in heat, and her round light-brown eyes glimmered with mischief every time Yossarian rapped her sharply with his elbow or fist to make her stop.	Сестра Даккит кокетничала с Заморышем Джо, желая распалить его посильней, а когда Йоссариан унимал ее, толкнув локтем или кулаком, в ее круглых светло-карих глазах мелькало огорчение.
The men played cards on a towel, undershirt, or blanket, and Nurse Duckett mixed the extra deck of cards, sitting with her back resting against a sand dune.	Пока они играли в карты на полотенце, на белье или одеяле, сестра Даккит, сидя спиной к дюнам, тасовала запасную колоду.

When she was not shuffling the extra deck of cards, she sat squinting into a tiny pocket mirror, brushing mascara on her curling reddish eyelashes in a birdbrained effort to make them longer permanently.	А когда не тасовала карты, косилась в кар- манное зеркальце и подмазывала тушью загнутые рыжеватые ресницы.

Occasionally she was able to stack the cards or spoil the deck in a way they did not discover until they were well into the game, and she laughed and glowed with blissful gratification when they all hurled their cards down disgustedly and began punching her sharply on the arms or legs as they called her filthy names and warned her to stop fooling around.	Иногда она ухитрялась спрятать несколько карт из колоды, и они обнаруживали пропажу только в процессе игры. Когда, раздраженно отшвырнув карты, они колотили ее по рукам и ногам, обзывали разными нехорошими словами и требовали, чтобы она перестала дурачиться, сестра Даккит хохотала во все горло и вся светилась от удовольствия.

She would prattle nonsensically when they were striving hardest to think, and a pink flush of elation crept into her cheeks when they gave her more sharp raps on the arms and legs with their fists and told her to shut up.	Заметив, что игроки как-то особенно напряженно задумались, она принималась бессмысленно болтать, а когда они начинали еще сильней бить ее кулаками по рукам и ногам, требуя, чтобы она заткнулась, на щеках сестры Даккит разгорался счастливый румянец.

Nurse Duckett reveled in such attention and ducked her short chestnut bangs with joy when Yossarian and the others focused upon her. It gave her a peculiar feeling of warm and expectant well-being to know that so many naked boys and men were idling close by on the other side of the sand dunes. She had only to stretch her neck or rise on some pretext to see twenty or forty undressed males lounging or playing ball in the sunlight. Her own body was such a familiar and unremarkable thing to her that she was puzzled by the convulsive ecstasy	Когда взоры Йоссариана и его приятелей устремлялись на нее, сестра Даккит упивалась подобным вниманием и радостно трясла короткой каштановой челкой.

Evenings when Yossarian felt horny he brought Nurse Duckett to the beach with two blankets and enjoyed making love to her with most of their clothes on more than he sometimes enjoyed making love to all the vigorous bare amoral girls in Rome. Frequently they went to the beach at night and did not make love, but just lay shivering between the blankets against each other to ward off the brisk, damp chill.	По вечерам, когда Йоссариана одолевала душевная маята, он брал два одеяла и отправлялся с сестрой Даккит на пляж.
The ink-black nights were turning cold, the stars frosty and fewer.	Над ними, на холодном, черном, как тушь, небе, светились крохотные ледяные звезды.

The raft swayed in the ghostly trail of moonlight and seemed to be sailing away. A marked hint of cold weather penetrated the air. Other men were just starting to build stoves and came to Yossarian's tent during the day to marvel at Orr's workmanship. It thrilled Nurse Duckett rapturously that Yossarian could not keep his hands off her when they were together, although she would not let him slip them inside her bathing shorts during the day when anyone was near enough to see, not even when the only witness was Nurse Cramer, who sat on the other side	На призрачной лунной дорожке покачивался плот: казалось, его уносит в открытое море.

Nurse Cramer had stopped speaking to Nurse Duckett, her best friend, because of her liaison with Yossarian, but still went everywhere with Nurse Duckett since Nurse Duckett was her best friend.	Сестра Крамер перестала разговаривать со своей лучшей подругой, сестрой Даккит, из-за ее связи с Йоссарианом.
She did not approve of Yossarian or his friends.	Но она по-прежнему ходила повсюду с сестрой Даккит: ведь та была ее лучшей подругой.

When they stood up and went swimming with Nurse Duckett, Nurse Cramer stood up and went swimming, too, maintaining the same ten-yard distance between them, and maintaining her silence, snubbing them even in the water.	Сестра Крэмер не одобряла поведения Йоссариана и его друзей. Когда они вставали и шли купаться вместе с сестрой Даккит, сестра Крамер тоже вставала и шла купаться, сохраняя все ту же десятиметровую дистанцию.

When they laughed and splashed, she laughed and splashed; when they dived, she dived; when they swam to the sand bar and rested, Nurse Cramer swam to the sand bar and rested.	И в воде она молчаливо держалась от них на расстоянии десяти метров, презрительно вздернув нос. Если они смеялись и плескались, то и она смеялась и плескалась; если они ныряли - и она ныряла; если они заплывали на песчаную косу и отдыхали там, то сестра Крэмер тоже заплывала на песчаную косу и тоже отдыхала там.

When they came out, she came out, dried her shoulders with her own towel and seated herself aloofly in her own spot, her back rigid and a ring of reflected sunlight burnishing her light-blond hair like a halo.	Они выходили из воды - она тоже выходила, вытирала плечи полотенцем и усаживалась в сторонке, на свое место, прямая, как доска, и вокруг ее льняных волос сиял радужный солнечный нимб.
Nurse Cramer was prepared to begin talking to Nurse Duckett again if she repented and apologized.	Сестра Крэмер была готова заговорить с сестрой Даккит, если бы та покаялась и принесла извинения.
Nurse Duckett preferred things the way they were.	Но сестра Даккит предпочитала, чтобы все оставалось, как есть.

For a long time she had wanted to give Nurse Cramer a rap to make her shut up.	Ей уже давно хотелось дать сестре Крэмер хорошего шлепка, чтобы та заткнулась.
Nurse Duckett found Yossarian wonderful and was already trying to change him.	Сестра Даккит находила Йоссариана очаровательным и уже занялась его перевоспитанием.
She loved to watch him taking short naps with his face down and his arm thrown across her, or staring bleakly at the endless tame, quiet waves breaking like pet puppy dogs against the shore, scampering lightly up the sand a foot or two and then trotting away.	Она любила смотреть на него, когда, уткнувшись лицом в песок, он дремал, обняв ее одной рукой, или когда с мрачным видом наблюдал, как бесконечной чередой катились незлобивые волны, прирученные, точно щенки, резвились у берега, прыгали на песок и затем рысцой убегали обратно.

She was calm in his silences.	Когда он молчал, сестра Даккит чувствовала себя спокойно.
She knew she did not bore him, and she buffed or painted her fingernails studiously while he dozed or brooded and the desultory warm afternoon breeze vibrated delicately on the surface of the beach.	Она знала, что не докучает ему, и, пока он дремал или предавался размышлениям, старательно полировала и красила ногти. Дрожащие струи теплого предвечернего бриза осторожно ворошили песок.

She loved to look at his wide, long, sinewy back with its bronzed, unblemished skin. She loved to bring him to flame instantly by taking his whole ear in her mouth suddenly and running her hand down his front all the way. She loved to make him burn and suffer till dark, then satisfy him. Then kiss him adoringly because she had brought him such bliss.	Ей нравилось глядеть на его широкую, длинную, мускулистую спину, покрытую безупречной бронзовой кожей.

Yossarian was never lonely with Nurse Duckett, who really did know how to keep her mouth shut and was just capricious enough.	С сестрой Даккит Йоссариан никогда не чувствовал себя одиноким. Хотя характер у сестры Даккит был достаточно капризный, она умела вовремя и смолчать.
He was haunted and tormented by the vast, boundless ocean.	Вид обширного и бескрайнего океана преследовал и терзал Йоссариана.

He wondered mournfully, as Nurse Duckett buffed her nails, about all the people who had died under water.	В то время как сестра Даккит полировала ногти, он оплакивал всех людей, нашедших смерть под волнами.
There were surely more than a million already.	Наверняка их было уже больше миллиона.

Where were they?	Что сталось с ними?
What insects had eaten their flesh?	Какие твари изъели их плоть?
He imagined the awful impotence of breathing in helplessly quarts and quarts of water.	Он представил себе ужасающее бессилие легких, которым нечем дышать под многотонной толщей воды.
Yossarian followed the small fishing boats and military launches plying back and forth far out and found them unreal; it did not seem true that there were full-sized men aboard, going somewhere every time.	Йоссариан следил за рыбачьими лодками, военными катерами, снующими взад-вперед; они казались нереальными, не верилось, что там, на борту, люди обычного, нормального роста занимаются своими делами.

He looked toward stony Elba, and his eyes automatically searched overhead for the fluffy, white, turnip-shaped cloud in which Clevinger had vanished.	Он посмотрел в сторону каменистой Эльбы и машинально поднял глаза в поисках пушистого, белого, похожего на луковицу облака, в котором исчез Клевинджер.
He peered at the vaporous Italian skyline and thought of Orr.	Он вглядывался в туманный итальянский горизонт и думал об Орре.
Clevinger and Orr.	Клевинджер и Орр.
Where had they gone?	Куда они девались?

Yossarian had once stood on a jetty at dawn and watched a tufted round log that was drifting toward him on the tide turn unexpectedly into the bloated face of a drowned man; it was the first dead person he had ever seen.	Однажды в час заката Йоссариан стоял на дамбе и заметил замшелое бревно, которое прибой нес прямо на него. И вдруг он неожиданно понял, что перед ним утопленник со вздувшимся лицом. Это был первый покойник, которого он видел в своей жизни.
He thirsted for life and reached out ravenously to grasp and hold Nurse Duckett's flesh.	Ему безумно захотелось жить. И он бросился к сестре Даккит, чтобы прильнуть к ее телу.

He studied every floating object fearfully for some gruesome sign of Clevinger and Orr, prepared for any morbid shock but the shock McWatt gave him one day with the plane that came blasting suddenly into sight out of the distant stillness and hurtled mercilessly along the shore line with a great growling, clattering roar over the bobbing raft on which blond, pale Kid Sampson, his naked sides scrawny even from so far away, leaped clownishly up to touch it at the exact moment some arbitrary gust of wind or minor	С тех пор он начал пристально всматриваться в каждый плывущий по волнам предмет, боясь опознать обезображенный труп Клевинджера или Орра. Он был готов к любому ужасному сюрпризу, но только не к тому, что преподнес ему однажды прямо средь бела дня Макуотт. Среди полного покоя и тишины откуда-то издалека бурей налетел самолет Макуотта. С неистовым ревом и грохотом он пронесся над береговой полосой, над пляшущим плотом, на котором голышом стоял светловолосый бледный Малыш Сэмпсон. Даже издали было видно, насколько он худ. Паясничая, он подпрыгнул, но в этот момент мчащийся самолет, то

Even people who were not there remembered vividly exactly what happened next.	Даже те, кто не был на пляже, живо, со всеми подробностями помнили, что произошло дальше.

There was the briefest, softest tsst! filtering audibly through the shattering, overwhelming howl of the plane's engines, and then there were just Kid Sampson's two pale, skinny legs, still joined by strings somehow at the bloody truncated hips, standing stock-still on the raft for what seemed a full minute or two before they toppled over backward into the water finally with a faint, echoing splash and turned completely upside down so that only the grotesque toes and the plaster-	Сквозь сокрушительный, оглушающий рев моторов просочилось коротенькое, тихонькое, но отчетливо слышимое: - "Тссс!" На плоту остались стоять только две белые костлявые ноги Малыша Сэмпсона, каким-то образом еще связанные между собой сухожилиями у окровавленных, перерезанных бедер. Казалось, ноги простояли как вкопанные целую минуту, а потом со слабым всплеском опрокинулись в море и перевернулись так, что из воды торчали только гипсово-белые пятки и ступни с карикатурными пальцами.

On the beach, all hell broke loose.	На берегу разразился ад.
Nurse Cramer materialized out of thin air suddenly and was weeping hysterically against Yossarian's chest while Yossarian hugged her shoulders and soothed her.	Невесть откуда появилась сестра Крамер и истерически зарыдала на груди у Йоссариана. Одной рукой он поддерживал ее, а другой - сестру Даккит, которая тоже, дрожа всем телом и рыдая, уткнулась ему в грудь длинным, угловатым, смертельно-бледным лицом.
His other arm bolstered Nurse Duckett, who was trembling and sobbing against him, too, her long, angular face dead white.	Весь пляж с визгом побежал. Мужчины голосили, как женщины.

Everyone at the beach was screaming and running, and the men sounded like women.	Согнувшись в три погибели, люди в панике неслись к своим вещам.
They scampered for their things in panic, stooping hurriedly and looking askance at each gentle, knee- high wave bubbling in as though some ugly, red, grisly organ like a liver or a lung might come washing right up against them.	Те, кто еще был в воде, отчаянно торопились к берегу. Началось всеобщее беспорядочное отступление с пляжа.

Those in the water were struggling to get out, forgetting in their haste to swim, wailing, walking, held back in their flight by the viscous, clinging sea as though by a biting wind. Kid Sampson had rained all over.	Оборачиваясь через плечо, люди бросали назад взгляды, полные муки и ужаса. Тенистый, густой, шелестящий лес наполнился стонами и криками.

Those who spied drops of him on their limbs or torsos drew back with terror and revulsion, as though trying to shrink away from their own odious skins. Everybody ran in a sluggish stampede, shooting tortured, horrified glances back, filling the deep, shadowy, rustling woods with their frail gasps and cries. Yossarian drove both stumbling, faltering women before him frantically, shoving them and prodding them to make them hurry, and raced back with a curse to help when Hungry	Йоссариан подгонял растерянных, спотыкающихся женщин, заставляя их поторапливаться, потом с руганью побежал назад, чтобы помочь Заморышу Джо. Тот, перебираясь через ручей, наступил не то на одеяло, не то на футляр фотоаппарата и упал лицом в грязную жижу.

Back at the squadron everyone already knew.	В эскадрилье уже все знали.

Men in uniform were screaming and running there too, or standing motionless in one spot, rooted in awe, like Sergeant Knight and Doc Daneeka as they gravely craned their heads upward and watched the guilty, banking, forlorn airplane with McWatt circle and circle slowly and climb.	Люди в военной форме, охваченные мистическим ужасом, кричали и бегали или застывали на месте. Другие, как сержант Найт и доктор Дейника, задрав головы, сосредоточенно следили за провинившимся, несчастным, одиноким самолетом Макуотта, который, виражируя, медленно кружил и кружил, набирая высоту.

'Who is it?'	- Кто это? - тревожно закричал Йоссариан. Задыхаясь и прихрамывая, он подбежал к доктору Дейнике.
Yossarian shouted anxiously at Doc Daneeka as he ran up, breathless and limp, his somber eyes burning with a misty, hectic anguish.	- Кто в машине?
'Who's in the plane?' 'McWatt,' said Sergeant Knight.	- Макуотт, - ответил сержант Найт.
'He's got the two new pilots with him on a training flight.	- И с ним два новых пилота, которых он взял в учебный полет.
Doc Daneeka's up there, too.'	И доктор Дейника тоже там.

'I'm right here,' contended Doc Daneeka, in a strange and troubled voice, darting an anxious look at Sergeant Knight.	- Да здесь я, - возразил доктор Дейника странным, встревоженным голосом и метнул острый взгляд в сторону сержанта Найта.
'Why doesn't he come down?' Yossarian exclaimed in despair.	- Почему он не идет на посадку? - в отчаянии воскликнул Йоссариан.
'Why does he keep going up?'	- Зачем он набирает высоту?

'He's probably afraid to come down,' Sergeant Knight answered, without moving his solemn gaze from McWatt's solitary climbing airplane.	- Наверное, боится идти на посадку, - ответил сержант Найт, не отрывая взгляда от одинокой машины Макуотта, карабкавшейся все выше и выше.
'He knows what kind of trouble he's in.'	- Он ведь понимает, в какую влип беду.

And McWatt kept climbing higher and higher, nosing his droning airplane upward evenly in a slow, oval spiral that carried him far out over the water as he headed south and far in over the russet foothills when he had circled the landing field again and was flying north.	Не меняя угла подъема, Макуотт все продолжал набирать высоту и вел гудящий самолет по правильно очерченной овальной спирали. Все дальше удаляясь от моря и держа курс на юг, он развернулся над отрогами бурых гор, сделал еще один круг над аэродромом и полетел на север.
He was soon up over five thousand feet.	Скоро он был на высоте более пяти тысяч футов.
His engines were soft as whispers.	Звук моторов стал едва слышен.
A white parachute popped open suddenly in a surprising puff.	Внезапно в воздухе со странным хлопком раскрылся белый парашют.

A second parachute popped open a few minutes later and coasted down, like the first, directly in toward the clearing of the landing strip.	Через несколько мгновений раскрылся второй парашют и, подобно первому, поплыл вниз, точно в направлении посадочной полосы.
There was no motion on the ground.	На земле никто не шелохнулся.

The plane continued south for thirty seconds more, following the same pattern, familiar and predictable now, and McWatt lifted a wing and banked gracefully around into his turn.	Еще полминуты самолет продолжал лететь на юг, по тому же самому, уже изведанному маршруту, а затем Макуотт начал разворот.
'Two more to go,' said Sergeant Knight. 'McWatt and Doc Daneeka.'	- Еще двое должны прыгнуть, - сказал сержант Найт, - Макуотт и доктор Дейника.

'I'm right here, Sergeant Knight,' Doc Daneeka told him plaintively.	- Да я же здесь, сержант Найт, - жалобно проговорил доктор Дейника.
' I'm not in the plane.'	- Меня нет в самолете.
'Why don't they jump?' Sergeant Knight asked, pleading aloud to himself.	- Почему они не прыгают? - упорствовал сержант Найт.
'Why don't they jump?'	- Почему они не прыгают?
'It doesn't make sense,' grieved Doc Daneeka, biting his lip.	- Это не имеет смысла, - убитым тоном сказал доктор Дейника, кусая губы.
'It just doesn't make sense.'	- Явно не имеет смысла.

But Yossarian understood suddenly why McWatt wouldn't jump, and went running uncontrollably down the whole length of the squadron after McWatt's plane, waving his arms and shouting up at him imploringly to come down, McWatt, come down; but no one seemed to hear, certainly not McWatt, and a great, choking moan tore from Yossarian's throat as McWatt turned

Но Йоссариан вдруг понял, почему Макуотт не прыгает и, не в силах владеть собой, побежал через весь палаточный городок вдогонку за самолетом Макуотта. Йоссариан махал руками и кричал с мольбой в голосе: - Садись, Макуотт! Иди на посадку! Но Макуотт, конечно, его не слышал. Протяжный, душераздирающий вопль вырвался из груди Йоссариана: он увидел, как Макуотт еще раз развернулся, приветственно покачал крыльями и, пропев, наверное, свое: "Как я рад, как я рад, мы попали прямо в ад!", -врезался в гору.

Colonel Cathcart was so upset by the deaths of Kid Sampson and McWatt that he raised the missions to sixty-five.	Полковник Кэткарт был так потрясен смертью Малыша Сэмпсона и Макуотта, что поднял норму боевых вылетов до шестидесяти пяти.
Mrs. Daneeka When Colonel Cathcart learned that Doc Daneeka too had been killed in McWatt's plane, he increased the number of missions to seventy.	31. Миссис Дейника Когда полковник Кэткарт узнал, что доктор Дейника тоже погиб в самолете Макуотта, он увеличил норму боевых вылетов до семидесяти.

The first person in the squadron to find out that Doc Daneeka was dead was Sergeant Towser, who had been informed earlier by the man in the control tower that Doc Daneeka's name was down as a passenger on the pilot's manifest McWatt had filed before taking off.	Раньше всех в эскадрилье о гибели доктора Дейники услышал сержант Таусер: дежурный из контрольно-диспетчерского пункта передал ему первому, что фамилия доктора Дейники значилась в полетном листе, который Макуотт заполнил перед вылетом.

Sergeant Towser brushed away a tear and struck Doc Daneeka's name from the roster of squadron personnel.	Сержант Таусер смахнул слезу и вычеркнул фамилию доктора Дейники из списка личного состава эскадрильи.

With lips still quivering, he rose and trudged outside reluctantly to break the bad news to Gus and Wes, discreetly avoiding any conversation with Doc Daneeka himself as he moved by the flight surgeon's slight sepulchral figure roosting despondently on his stool in the late- afternoon sunlight between the orderly room and the medical tent.	Губы его дрожали, когда он нехотя встал из-за стола и поплелся к Гэсу и Уэсу, чтобы сообщить им дурную новость. Проходя мимо самого доктора Дейники, он благоразумно постарался не вступать с ним в разговор. С безнадежно унылым, погребальным видом, освещенный лучами заходящего солнца, доктор сидел между штабом эскадрильи и санчастью, взгромоздившись на свой стульчик, как на насест.

Sergeant Towser's heart was heavy; now he had two dead men on his hands-Mudd, the dead man in Yossarian's tent who wasn't even there, and Doc Daneeka, the new dead man in the squadron, who most certainly was there and gave every indication of proving a still thornier administrative problem for him.	На сердце у сержанта было тяжело: теперь на нем висели целых два покойника - Мадд, покойник из палатки Йоссариана, который был всего лишь фикцией, и доктор Дейника - новый покойник в эскадрилье, чье физическое присутствие не только не вызывало никаких сомнений, но и означало для сержанта Таусера еще одну жгучую административную проблему.

Gus and Wes listened to Sergeant Towser with looks of stoic surprise and said not a word about their bereavement to anyone else until Doc Daneeka himself came in about an hour afterward to have his temperature taken for the third time that day and his blood pressure checked.	Гэс и Уэс стоически выслушали сержанта Таусера, но никому не сказали ни слова о постигшей их тяжелой утрате, покуда час спустя к ним не пожаловал сам доктор Дейника, чтобы в третий раз за день измерить температуру и кровяное давление.
The thermometer registered a half degree lower than his usual subnormal temperature of 96.8.	Термометр показал на полградуса ниже обычной пониженной температуры доктора Дейники.

Doc Daneeka was alarmed.	Доктор встревожился.
The fixed, vacant, wooden stares of his two enlisted men were even more irritating than always.	Пристальные, пустые, неподвижные взгляды его подчиненных раздражали его сегодня больше, чем обычно.
'Goddammit,' he expostulated politely in an uncommon excess of exasperation, 'what's the matter with you two men anyway?	- Черт бы вас побрал! - заявил доктор Дейника с необычной для него раздражительностью. - Что, в конце концов, с вами происходит?

It just isn't right for a person to have a low temperature all the time and walk around with a stuffed nose.'	Ведь это же ненормально, что человек все время ходит с пониженной температурой и заложенным носом.
Doc Daneeka emitted a glum, self-pitying sniff and strolled disconsolately across the tent to help himself to some aspirin and sulphur pills and paint his own throat with Argyrol.	- Исполненный жалостью к самому себе, доктор мрачно шмыгнул носом и с безутешным видом прошествовал через палатку, намереваясь принять таблетки аспирина и стрептоцида и смазать горло ляписом.

His downcast face was fragile and forlorn as a swallow's, and he rubbed the back of his arms rhythmically.	Скрестив руки, он начал потирать плечи. В эту минуту он со своей худенькой удрученной физиономией напоминал осеннюю ворону.
' Just look how cold I am right now.	- Вы только посмотрите, какой у меня озноб.
You're sure you're not holding anything back?'	Вы ничего от меня не скрываете?
'You're dead, sir,' one of his two enlisted men explained.	- Вы мертвец, сэр. - объяснил один из его подчиненных.

Doc Daneeka jerked his head up quickly with resentful distrust.	Доктор Дейника оскорбление вскинул голову и недоверчиво переспросил:
' What's that?'	- Что?
' You're dead, sir,' repeated the other.	- Вы мертвец, сэр - ответил другой.
' That's probably the reason you always feel so cold.'	- Поэтому-то вам, наверное, всегда и холодно.
' That's right, sir.	- Это верно, сэр, - подтвердил его коллега.
You've probably been dead all this time and we just didn't detect it.'	- Вы, вероятно, давно уже мертвец, а мы этого даже не замечали.

'What the hell are you both talking about?' Doc Daneeka cried shrilly with a surging, petrifying sensation of some onrushing unavoidable disaster.	- Что за чертовщину вы городите? - пронзительно закричал доктор Дейника. В нем нарастало жуткое ощущение неумолимо надвигающегося несчастья.
'It's true, sir,' said one of the enlisted men.	- Нет, это правда, сэр, - сказал один из его помощников.
'The records show that you went up in McWatt's plane to collect some flight time.	- Документы свидетельствуют, что вы полетели с Макуоттом, чтобы набрать нужное количество летных часов.
You didn't come down in a parachute, so you must have been killed in the crash.'	С парашютом вы не выбросились, значит, разбились в самолете.
' That's right, sir,' said the other.	- Это верно, сэр, - сказал другой помощник.

'You ought to be glad you've got any temperature at all.'	- Радуйтесь, что у вас осталась хоть какая-то температура.
Doc Daneeka's mind was reeling in confusion.	Голова у доктора Дейники пошла кругом.
'Have you both gone crazy?' he demanded.	- Вы что, рехнулись? - спросил он.
'I'm going to report this whole insubordinate incident to Sergeant Towser.'	- Я сообщу сержанту Таусеру, что вы не подчиняетесь старшему по званию.
'Sergeant Towser's the one who told us about it,' said either Gus or Wes.	- Сержант Таусер нам и сказал, что вы мертвец, -возразил не то Гэс, не то Уэс.

'The War Department's even going to notify your wife.'	- Военное министерство собирается даже послать вашей жене "похоронку".
Doc Daneeka yelped and ran out of the medical tent to remonstrate with Sergeant Towser, who edged away from him with repugnance and advised Doc Daneeka to remain out of sight as much as possible until some decision could be reached relating to the disposition of his remains.	Доктор Дейника взвизгнул и, выскочив из санчасти, побежал к сержанту Таусеру заявить протест. Но сержант суеверным ужасом отшатнулся от него и посоветовал доктору Дейнике не попадаться никому на глаза, покуда не будет принято решение, как распорядиться его останками.

'Gee, I guess he really is dead,' grieved one of his enlisted men in a low, respectful voice.	- Ну и дела, а ведь он, кажется, и вправду мертвец,- горестно заметил один из помощников доктора Дейники, почтительно понизив голос.
' I'm going to miss him.	- Боюсь, что буду скучать по нему.
He was a pretty wonderful guy, wasn't he?'	Какой был добрый, отзывчивый человек...

'Yeah, he sure was,' mourned the other.	- Да-а, это уж точно, - скорбным тоном откликнулся другой.

'But I'm glad the little fuck is gone. I was getting sick and tired of taking his blood pressure all the time.'	- Но вообще-то я рад, что этот недоносок отдал концы: осточертело с утра до вечера мерить ему давление.
Mrs. Daneeka, Doc Daneeka's wife, was not glad that Doc Daneeka was gone and split the peaceful Staten Island night with woeful shrieks of lamentation when she learned by War Department telegram that her husband had been killed in action.	Зато супруга доктора Дейники отнюдь не обрадовалась, узнав, что муж отдал концы. Получив телеграфное извещение от военного министерства, что муж ее погиб при исполнении боевого долга, она расколола мирную, ночную тишину Стейтен-Айленда[17] жалобным, замогильным воплем.

Women came to comfort her, and their husbands paid condolence calls and hoped inwardly that she would soon move to another neighborhood and spare them the obligation of continuous sympathy.	Женщины поспешили утешить ее, а их мужья -нанести визит соболезнования, надеясь в глубине души, что вдова скоро переберется в другой район и избавит их от необходимости постоянно выражать ей сочувствие.
The poor woman was totally distraught for almost a full week.	Целую неделю бедная женщина не помнила себя от горя.

Slowly, heroically, she found the strength to contemplate a future filled with dire problems for herself and her children.	Постепенно она нашла в себе силы мужественно взглянуть в лицо будущему, сулившему ей и ее детям жестокую нужду.
Just as she was growing resigned to her loss, the postman rang with a bolt from the blue-a letter from overseas that was signed with her husband's signature and urged her frantically to disregard any bad news concerning him.	Когда она почти уже смирилась с ударом судьбы, на нее как гром среди ясного неба обрушился почтальон - он доставил ей письмо мужа из-за океана. Доктор Дейника отчаянно умолял ее не верить никаким дурным слухам касательно его судьбы.

Mrs. Daneeka was dumbfounded.	Миссис Дейника была совершенно сбита с толку.
The date on the letter was illegible.	Дату на письме разобрать не удалось.
The handwriting throughout was shaky and hurried, but the style resembled her husband's and the melancholy, self-pitying tone was familiar, although more dreary than usual.	Почерк был трясущийся и торопливый, но меланхоличный, жалостный тон показался ей очень знакомым, хотя и более мрачным, чем обычно.

Mrs. Daneeka was overjoyed and wept irrepressibly with relief and kissed the crinkled, grubby tissue of V-mail stationery a thousand times.	Вне себя от радости, миссис Дейника разразилась рыданиями и принялась целовать мятый, замызганный конверт со штампом военно-полевой почты.
She dashed a grateful note off to her husband pressing him for details and sent a wire informing the War Department of its error.	Она поспешила послать мужу благодарное письмо, требуя от него подробностей, и сообщила телеграммой военному министерству, что произошла ошибка.

The War Department replied touchily that there had been no error and that she was undoubtedly the victim of some sadistic and psychotic forger in her husband's squadron.	Военное министерство обиженно заявило в ответ, что никакой ошибки нет и что миссис Дейника, без сомнения, стала жертвой какого-то садиста-мистификатора из эскадрильи ее мужа.
The letter to her husband was returned unopened, stamped KILLED IN ACTION.	Письма ее к мужу вернулось нераспечатанным со штампом: "Погиб в бою".

Mrs. Daneeka had been widowed cruelly again, but this time her grief was mitigated somewhat by a notification from Washington that she was sole beneficiary of her husband's $10,000 GI insurance policy, which amount was obtainable by her on demand.	Миссис Дейника снова превратилась в несчастную вдову. Но на сей раз ее горе смягчило уведомление из Вашингтона о том, что она является единственной владелицей военного страхового полиса своего супруга на сумму в десять тысяч долларов, каковая сумма может быть ею получена по первому требованию.

The realization that she and the children were not faced immediately with starvation brought a brave smile to her face and marked the turning point in her distress.	Мысль о том, что ей и ее детям не угрожает скорая голодная смерть, осветила лицо вдовы улыбкой надежды.
The Veterans Administration informed her by mail the very next day that she would be entitled to pension benefits for the rest of her natural life because of her husband's demise, and to a burial allowance for him of $250.	С тех пор в ее вдовьих делах наметился коренной перелом. На следующий день управление по делам ветеранов войны письменно сообщило ей, что в связи с кончиной мужа она получает право на пожизненную пенсию; кроме того, ей положено пособие на похороны мужа в размере двухсот пятидесяти долларов.

A government check for $250 was enclosed.	В письмо был вложен правительственный чек на указанную сумму.
Gradually, inexorably, her prospects brightened.	Медленно, но неотвратимо горизонт очищался от туч.

A letter arrived that same week from the Social Security Administration stating that, under the provisions of the Old Age and Survivors Insurance Act Of 1935, she would receive monthly support for herself and her dependent children until they reached the age of eighteen, and a burial allowance of $250.	На той же неделе пришло письмо из управления социального обеспечения, уведомлявшее, что в соответствии с законом 1935 года о страховании лиц преклонного возраста и оставшихся в живых иждивенцев миссис Дейника будет ежемесячно получать вспомоществование на себя и на своих несовершеннолетних детей, а также может получить пособие на похороны в размере двухсот пятидесяти долларов.

With these government letters as proof of death, she applied for payment on three life insurance policies Doc Daneeka had carried, with a value of $50,000 each; her claim was honored and processed swiftly.	Имея на руках эти официальные письма как доказательство смерти супруга, миссис Дейника потребовала выплаты ей страховки по трем полисам мужа на сумму в пятьдесят тысяч долларов каждый. Просьба ее была удовлетворена охотно и быстро.
Each day brought new unexpected treasures.	Каждый день приносил ей новые нежданные-негаданные сокровища.

A key to a safe-deposit box led to a fourth life insurance policy with a face value of $50,000, and to $18,000 in cash on which income tax had never been paid and need never be paid.	Ключи от личного банковского сейфа мужа дали ей четвертый страховой полис на сумму пятьдесят тысяч долларов и восемнадцать тысяч долларов наличными, с которых подоходный налог никогда не взимался и теперь уже никогда не будет взиматься.
A fraternal lodge to which he had belonged gave her a cemetery plot.	Студенческая организация, в которую когда-то входил ее супруг, предоставила вдове участок на кладбище.

A second fraternal organization of which he had been a member sent her a burial allowance of $250.	Еще одна молодежная организация, членом которой доктор Дейника состоял с незапамятных времен, прислала ей на похороны двести пятьдесят долларов.
His county medical association gave her a burial allowance of $250.	Окружная медицинская ассоциация выделила двести пятьдесят долларов на те же похороны.
The husbands of her closest friends began to flirt with her.	Мужья ближайших подруг начали заигрывать с миссис Дейникой.
Mrs. Daneeka was simply delighted with the way things were turning out and had her hair dyed.	Восхищенная таким оборотом дел, она выкрасила волосы.

Her fantastic wealth just kept piling up, and she had to remind herself daily that all the hundreds of thousands of dollars she was acquiring were not worth a single penny without her husband to share this good fortune with her.	Фантастическая гора денег непрерывно росла, и миссис Дейнике приходилось напоминать самой себе, что все эти сотни тысяч долларов не стоят и гроша, ибо ее бедный муж не может разделить с ней радости от этого гигантского богатства.

It astonished her that so many separate organizations were willing to do so much to bury Doc Daneeka, who, back in Pianosa, was having a terrible time trying to keep his head above the ground and wondered with dismal apprehension why his wife did not answer the letter he had written.	Ее поражало, что такое множество учреждений горело желанием похоронить ее мужа. Между тем на Пьяносе доктор Дейника переживал ужасные времена. Стараясь окончательно не пасть духом, обуреваемый мрачными предчувствиями, он ломал себе голову, почему жена не ответила на его письмо.

He found himself ostracized in the squadron by men who cursed his memory foully for having supplied Colonel Cathcart with provocation to raise the number of combat missions.	Эскадрилья подвергла доктора остракизму. Люди всячески оскверняли память покойного, ибо он дал повод полковнику Кэткарту увеличить норму боевых вылетов.
Records attesting to his death were pullulating like insect eggs and verifying each other beyond all contention.	Документы, свидетельствовавшие о факте его смерти, размножались, как насекомые: один документ подтверждался другим, не оставляя места никаким сомнениям.

He drew no pay or PX rations and depended for life on the charity of Sergeant Towser and Milo, who both knew he was dead.	Доктору перестали выплачивать жалованье и сняли его с довольствия. Теперь он существовал только за счет благотворительности сержанта Таусера да Милоу, хотя оба они знали, что он погиб.
Colonel Cathcart refused to see him, and Colonel Korn sent word through Major Danby that he would have Doc Daneeka cremated on the spot if he ever showed up at Group Headquarters.	Полковник Кэткарт отказывался принимать доктора, а подполковник Корн сообщил майору Дэнби, что, если доктор Дейника посмеет появиться в штабе полка, он кремирует его на месте.

Major Danby confided that Group was incensed with all flight surgeons because of Dr. Stubbs, the bushy-haired, baggy-chinned, slovenly flight surgeon in Dunbar's squadron who was deliberately and defiantly brewing insidious dissension there by grounding all men with sixty missions on proper forms that were rejected by Group indignantly with orders restoring the confused pilots, navigators, bombardiers and gunners to combat duty.	Майор Дэнби сделал вывод, что штаб пол- ка зол на всех военных врачей из-за доктора Стаббса -лохматого, бру- дастого, неряшливо- го человека, -врача из эскадрильи Данбэра. Стаббс сознательно, с явным вызовом зава- рил кашу, под разными предлогами освобож- дая от полетов тех, кто выполнил шестьдесят боевых заданий. Штаб полка с негодованием отверг решения Стабб- са и приказал вернуть к исполнению боевых обязанностей обескура- женных пилотов, бом- бардиров, штурманов и стрелков.

Morale there was ebbing rapidly, and Dunbar was under surveillance.	Боевой дух эскадрильи катастрофически падал, а Данбэр оказался под подозрением у начальства.
Group was glad Doc Daneeka had been killed and did not intend to ask for a replacement.	В штабе полка были рады гибели доктора Дейники и не собирались просить ему замену.
Not even the chaplain could bring Doc Daneeka back to life under the circumstances.	При такой обстановке даже капеллан не мог вернуть доктора Дейнику в категорию живых.
Alarm changed to resignation, and more and more Doc Daneeka acquired the look of an ailing rodent.	Вначале доктор был встревожен, но постепенно сдался и все больше и больше становился похож на больного грызуна.

The sacks under his eyes turned hollow and black, and he padded through the shadows fruitlessly like a ubiquitous spook.	Мешочки под его глазами почернели и обвисли. Неприкаянный, словно привидение, слонялся он по лагерю.
Even Captain Flume recoiled when Doc Daneeka sought him out in the woods for help.	Даже капитан Флюм отпрянул от него, когда доктор, разыскав его в лесу, попросил о помощи.

Heartlessly, Gus and Wes turned him away from their medical tent without even a thermometer for comfort, and then, only then, did he realize that, to all intents and purposes, he really was dead, and that he had better do something damned fast if he ever hoped to save himself.	Жестокие Гэс и Уэс прогнали его из санчасти, даже не измерив ему температуры. И тогда, только тогда доктор Дейника наконец понял, что он - всамделишный мертвец и что, если он хочет спасти свою шкуру, нужно что-то срочно предпринять.

There was nowhere else to turn but to his wife, and he scribbled an impassioned letter begging her to bring his plight to the attention of the War Department and urging her to communicate at once with his group commander, Colonel Cathcart, for assurances that-no matter what else she might have heard-it was indeed he, her husband, Doc Daneeka, who was pleading with her, and not a corpse or some impostor.	Кроме, как к жене, обращаться ему было не к кому. Он нацарапал ей пылкое послание, заклиная супругу обратить внимание военного министерства на его судьбу. Он умолял ее немедленно списаться с командиром полка полковником Кэткартом, чтобы получить от него заверение в том, что, вопреки ложным слухам, ее муж, доктор Дейника, жив и это именно он обращается к ней, а не труп и не самозванец.

Mrs. Daneeka was stunned by the depth of emotion in the almost illegible appeal.	Миссис Дейника была потрясена, получив такое послание.

She was torn with compunction and tempted to comply, but the very next letter she opened that day was from that same Colonel Cathcart, her husband's group commander, and began: Dear Mrs., Mr., Miss, or Mr. and Mrs. Daneeka: Words cannot express the deep personal grief I experienced when your husband, son, father or brother was killed, wounded or reported missing in action.	Ее терзали угрызения совести, и она была почти готова поверить, что муж жив, но в тот же день пришло еще одно письмо - от самого полковника Кэткарта, командира полка, в котором служил ее супруг. Письмо начиналось следующими словами: "Дорогая миссис, мистер, мисс или мистер и миссис Дейники! Нет слов, чтобы выразить мое глубокое личное горе в связи с тем, что ваш муж, сын, отец или брат убит, ранен или пропал без вести".

Mrs. Daneeka moved with her children to Lansing, Michigan, and left no forwarding address.	Миссис Дейника подхватила своих детей и переехала в город Лансинг (штат Мичиган), даже не оставив своего нового адреса.

Yo-Yo's Roomies Yossarian was warm when the cold weather came and whale-shaped clouds blew low through a dingy, slate-gray sky, almost without end, like the droning, dark, iron flocks of B-17 and B- 24 bombers from the long-range air bases in Italy the day of the invasion of southern France two months earlier. Everyone in the squadron knew that Kid Sampson's skinny legs had washed up on the wet sand to lie there and rot like a purple twisted wishbone. No one would go to retrieve them, not Gus or Wes	32. Йо-Йо и его соседи Йоссариану было тепло, хотя наступили холода и низкие, похожие на китов тучи бесконечной чередой потянулись по тусклому грифельно-серому небу. Вот так же два месяца назад, в день вторжения в Южную Францию, тянулись, гудя, темные железные стаи бомбардировщиков дальнего действия

There were no more beautiful days.	Погожие деньки миновали.
There were no more easy missions.	Легких заданий больше не перепадало.
There was stinging rain and dull, chilling fog, and the men flew at week-long intervals, whenever the weather cleared.	Хлестал колючий дождь, стлался густой промозглый туман, пилоты летали примерно раз в неделю, когда небо прояснялось.
At night the wind moaned.	По ночам завывал ветер.

The gnarled and stunted tree trunks creaked and groaned and forced Yossarian's thoughts each morning, even before he was fully awake, back on Kid Sampson's skinny legs bloating and decaying, as systematically as a ticking clock, in the icy rain and wet sand all through the blind, cold, gusty October nights. After Kid Sampson's legs, he would think of pitiful, whimpering Snowden freezing to death in the rear section of the plane, holding his eternal, immutable secret concealed inside his quilted,	Сучковатые, низкорослые деревья скрипели и стонали, и каждое утро, еще в полусне слыша эти звуки, Йоссариан неизбежно возвращался мыслью к костлявым ногам Малыша Сэмпсона. А еще Йоссариана неотвязно преследовало воспоминание о том, как в хвостовом отсеке самолета жалобно скулил коченеющий Сноуден.

At night when he was trying to sleep, Yossarian would call the roll of all the men, women and children he had ever known who were now dead.	По ночам, пытаясь уснуть, Йоссариан мысленно разворачивал свиток с именами всех известных ему мужчин, женщин и детей, ушедших из жизни.

He tried to remember all the soldiers, and he resurrected images of all the elderly people he had known when a child-all the aunts, uncles, neighbors, parents and grandparents, his own and everyone else's, and all the pathetic, deluded shopkeepers who opened their small, dusty stores at dawn and worked in them foolishly until midnight.	Он пытался припомнить всех солдат и воскресить в памяти стариков из своего детства - теток, дядей, соседей, родителей, бабушек и дедушек, своих собственных и чужих, и даже этих жалких, суетливых торговцев, которые на рассвете открывали свои пыльные лавчонки и как идиоты крутились до полуночи за прилавком.
They were all dead, too.	Все они тоже умерли.

The number of dead people just seemed to increase. And the Germans were still fighting.	Казалось, число покойников все увеличивается, а немцы воюют и воюют.
Death was irreversible, he suspected, and he began to think he was going to lose.	Теперь он остро, как никогда, почувствовал, что смерть необратима: из смерти нет пути назад, в жизнь, и ему стало казаться, что он вот-вот тронется умом.

Yossarian was warm when the cold weather came because of Orr's marvelous stove, and he might have existed in his warm tent quite comfortably if not for the memory of Orr, and if not for the gang of animated roommates that came swarming inside rapaciously one day from the two full combat crews Colonel Cathcart had requisitioned- and obtained in less than forty-eight hours- as replacements for Kid Sampson and McWatt.	Хотя наступили холода, Йоссариану было тепло благодаря чудесной печке Орра; он мог бы и дальше блаженствовать в своей теплой палатке, если бы его не мучили мысли об Орре и если бы не шайка жизнерадостных новых соседей, которые однажды с гиканьем ворвались к нему в палатку. Эти парни прибыли в составе двух экипажей, истребованных полковником Кэткартом и присланных в эскадрилью менее чем через сорок восемь часов взамен Малыша Сэмпсона и Макуотта.

Yossarian emitted a long, loud, croaking gasp of protest when he trudged in tiredly after a mission and found them already there.	Когда, вернувшись с задания, Йоссариан обнаружил их у себя в палатке, он недовольно вздохнул, громко я протяжно.
There were four of them, and they were having a whale of a good time as they helped each other set up their cots.	Их было четверо, и они резвились вовсю, помогая друг другу устанавливать койки.
They were horsing around.	Они топали, как лошади.
The moment he saw them, Yossarian knew they were impossible.	Едва взглянув на них, Йоссариан понял, что жить с ними будет невозможно.

They were frisky, eager and exuberant, and they had all been friends in the States.	Они были шустрые, озорные, буйно-жизнерадостные. Сдружились они еще в Штатах.
They were plainly unthinkable. They were noisy, overconfident, empty-headed kids of twenty-one.	Вынести общество этих шумливых, простодушных, безмозглых мальчишек двадцати одного года от роду представлялось немыслимым.
They had gone to college and were engaged to pretty, clean girls whose pictures were already standing on the rough cement mantelpiece of Orr's fireplace.	До армии они учились в колледже, были помолвлены с хорошенькими чистыми девочками, фотографии которых они уже успели расставить на цементном камине, сооруженном Орром.

They had ridden in speedboats and played tennis.	Они катались на моторных лодках и играли в теннис.
They had been horseback riding. One had once been to bed with an older woman.	Они ездили верхом на лошадях.
They knew the same people in different parts of the country and had gone to school with each other's cousins.	У них было полно общих знакомых, и они ходили в школу с кузинами друг друга.
They had listened to the World Series and really cared who won football games.	Они регулярно слушали репортажи о чемпионате по бейсболу, и их страшно волновали результаты футбольных матчей.

They were obtuse; their morale was good.	Их боевой дух был высок - чего же еще ждать от тупиц?
They were glad that the war had lasted long enough for them to find out what combat was really like.	Они радовались тому, что война затянулась и, следовательно, они успеют понюхать пороху.
They were halfway through unpacking when Yossarian threw them out.	Они еще не успели распаковать свои чемоданы, как Йоссариан уже выставил их за порог.

They were plainly out of the question, Yossarian explained adamantly to Sergeant Towser, whose sallow equine face was despondent as he informed Yossarian that the new officers would have to be admitted. Sergeant Towser was not permitted to requisition another six-man tent from Group while Yossarian was living in one alone.	- О совместном проживании с ними в одной палатке не может быть и речи, - с металлом в голосе объяснил Йоссариан сержанту Таусеру. С печальным выражением на своем желтоватом лошадином лице сержант Таусер объявил Йоссариану, что тот обязан впустить вновь прибывших офицеров, поскольку сержант Таусер не имеет права взять с полкового склада шестиместную палатку, в то время как Йоссариан проживает в своей в одиночестве.
'I'm not living in this one alone,' Yossarian said with a sulk.	- В каком же это я одиночестве! - насупившись, сказал Йоссариан.

'I've got a dead man in here with me. His name is Mudd.'	- Со мной еще покойник, по фамилии Мадд.
'Please, sir,' begged Sergeant Towser, sighing wearily, with a sidelong glance at the four baffled new officers listening in mystified silence just outside the entrance.	- Прошу вас, сэр, - устало вздохнув, взмолился сержант Таусер и покосился на четверку вновь прибывших офицеров, которые молча, ничего не понимая, слушали, стоя у входа.
'Mudd was killed on the mission to Orvieto. You know that.	- Мадд убит во время налета на Орвьетто, и вам об этом хорошо известно.
He was flying right beside you.'	Он летел в соседнем с вами самолете.
' Then why don't you move his things out?'	- Тогда почему же вы не забираете его вещи?

'Because he never even got here. Captain, please don't bring that up again.	- А потому, что формально он к нам не поступал, и прошу вас, капитан, не будем начинать все сначала.
You can move in with Lieutenant Nately if you like.	Можете, если хотите, переселиться к лейтенанту Нейтли.
I'll even send some men from the orderly room to transfer your belongings.'	Я пришлю писарей из штаба помочь вам перенести вещи.

But to abandon Orr's tent would be to abandon Orr, who would have been spurned and humiliated clannishly by these four simple-minded officers waiting to move in.	Но оставить палатку Орра - значило оставить самого Орра на милость четырех жизнерадостных идиотиков, которые, едва переступив порог, попрали бы и оскорбили память Орра.

It did not seem just that these boisterous, immature young men should show up after all the work was done and be allowed to take possession of the most desirable tent on the island.	Было бы несправедливо подарить горластым, зеленым юнцам самую комфортабельную палатку на всем острове, после того как в нее было вложено столько труда.

But that was the law, Sergeant Towser explained, and all Yossarian could do was glare at them in baleful apology as he made room for them and volunteer helpful penitent hints as they moved inside his privacy and made themselves at home.	Но таков порядок, объяснил сержант Таусер, и Йоссариану оставалось лишь с сердито-виноватым видом наблюдать, как новенькие занимают его владения и устраиваются в них как дома, да острить по их адресу.
They were the most depressing group of people Yossarian had ever been with.	Более назойливых и обременительных людей Йоссариан в жизни своей не встречал.

They were always in high spirits.	У них всегда было прекрасное настроение.
They laughed at everything.	Они смеялись по всякому поводу.

They called him 'Yo-Yo' jocularly and came in tipsy late at night and woke him up with their clumsy, bumping, giggling efforts to be quiet, then bombarded him with asinine shouts of hilarious good-fellowship when he sat up cursing to complain.	Они шутливо называли его Йо-Йо и, возвращаясь поздно ночью под хмельком, старались его не потревожить, но неуклюже наталкивались друг на друга, шумели, хихикали и в конце концов будили его, а когда он, чертыхаясь, садился на койке и жаловался, что ему не дают спать, они перекрывали его жалобы ослиными криками и веселым дружелюбным гомоном.
He wanted to massacre them each time they did.	В такие минуты ему хотелось устроить им Варфоломеевскую ночь.

They reminded him of Donald Duck's nephews. They were afraid of Yossarian and persecuted him incessantly with nagging generosity and with their exasperating insistence on doing small favors for him.	Эти люди напоминали Йоссариану шкодливых племянников Дональда Дака.[18] Они побаивались Йоссариана и непрерывно досаждали ему своим простодушием и раздражающе-настойчивыми попытками оказать разные мелкие услуги.
They were reckless, puerile, congenial, naive, presumptuous, deferential and rambunctious.	Они были отважными, наивными, непосредственными, самонадеянными, почтительными и шумливыми.

They were dumb; they had no complaints.	Они были тупоголовы и потому всем довольны.
They admired Colonel Cathcart and they found Colonel Korn witty.	Они восторгались полковником Кэткартом, а подполковника Корна считали остряком.
They were afraid of Yossarian, but they were not the least bit afraid of Colonel Cathcart's seventy missions.	Они боялись Йоссариана, но ни капельки не боялись нормы в семьдесят боевых вылетов, установленной полковником Кэткартом.

They were four clean-cut kids who were having lots of fun, and they were driving Yossarian nuts.	Эта четверка гладковыбритых мальчишек веселилась без устали и доводила Йоссариана до исступления.

He could not make them understand that he was a crotchety old fogey of twenty-eight, that he belonged to another generation, another era, another world, that having a good time bored him and was not worth the effort, and that they bored him, too.	Он никак не мог втемяшить в их глупые головы, что в свои двадцать восемь лет он уже старик с укоренившимися странностями, что он принадлежит к другому поколению, к другой эпохе, к другому миру, что их веселье не стоит выеденного яйца и претит ему и что сами они тоже претят ему.

He could not make them shut up; they were worse than women. They had not brains enough to be introverted and repressed.	Ему никак не удавалось заставить их заткнуться и умерить свои восторги.
Cronies of theirs in other squadrons began dropping in unashamedly and using the tent as a hangout.	Их дружки из других эскадрилий начали бесцеремонно захаживать в палатку, превратив ее в притон.
There was often not room enough for him.	Йоссариану некуда было деться.
Worst of all, he could no longer bring Nurse Duckett there to lie down with her.	Хуже всего, что он не мог приводить к себе сестру Даккит.

And now that foul weather had come, he had no place else!	А теперь, когда стояла гнусная погода, вести ее было больше некуда.

This was a calamity he had not foreseen, and he wanted to bust his roommates' heads open with his fists or pick them up, each in turn, by the seats of their pants and the scruffs of their necks and pitch them out once and for all into the dank, rubbery perennial weeds growing between his rusty soupcan urinal with nail holes in the bottom and the knotty-pine squadron latrine that stood like a beach locker not far away.	Это было подлинным бедствием, которого он не мог предусмотреть заранее. Ему хотелось взять каждого из них за шиворот и перекидать всех по очереди, как котят, в мокрый, колючий бурьян, растущий между его личным писсуаром - ржавой кастрюлей с дыркой на дне - и общей уборной, сколоченной из сучковатых сосновых досок и походившей на купальную кабинку.

Instead of busting their heads open, he tramped in his galoshes and black raincoat through the drizzling darkness to invite Chief White Halfoat to move in with him, too, and drive the fastidious, clean-living bastards out with his threats and swinish habits.	Но, вместо того чтобы как-то расправиться с ними, Йоссариан темным вечером под моросящим дождем потащился в галошах и черном дождевике уговаривать Вождя Белый Овес переселиться к нему, чтобы Вождь своей чудовищной руганью и свинскими привычками заставил убраться куда-нибудь подальше этих благовоспитанных мерзких чистюль.
But Chief White Halfoat felt cold and was already making plans to move up into the hospital to die of pneumonia.	Но Вождь Белый Овес простудился и собирался в госпиталь, чтобы умереть там от воспаления легких.

Instinct told Chief White Halfoat it was almost time.	Инстинкт подсказывал Вождю, что его час пробил.
His chest ached and he coughed chronically.	Грудь болела, кашель беспрестанно сотрясал его.
Whiskey no longer warmed him.	Спиртное больше не грело.
Most damning of all, Captain Flume had moved back into his trailer.	Самым тяжким проклятьем для него было то, что капитан Флюм вернулся в их трейлер.
Here was an omen of unmistakable meaning.	Это уж, несомненно, было дурным предзнаменованием.

'He had to move back,' Yossarian argued in a vain effort to cheer up the glum, barrel-chested Indian, whose well-knit sorrel-red face had degenerated rapidly into a dilapidated, calcareous gray.	- Ему пришлось вернуться, - доказывал Йоссариан в тщетной попытке развеселить мрачного широкоплечего индейца, чье литое медно-красное лицо с каждым днем тускнело и приобретало известково-серый оттенок.
'He'd die of exposure if he tried to live in the woods in this weather.'	- При такой погоде в лесу он бы сдох.
'No, that wouldn't drive the yellowbelly back,' Chief White Halfoat disagreed obstinately.	- Нет, желтопузая крыса вернулась не поэтому, -упрямо гнул свое Вождь Белый Овес.

He tapped his forehead with cryptic insight.	Жестом провидца он постучал себя пальцем по лбу.
'No, sirree. He knows something.	- Нет, ваше высочество, он что-то чует.
He knows it's time for me to die of pneumonia, that's what he knows.	Он чует, что настал мой час помирать от воспаления легких, вот что он почуял.
And that's how I know it's time.'	И поэтому я знаю, что мой час пробил.
'What does Doc Daneeka say?'	- А что говорит доктор Дейника?

'I'm not allowed to say anything,' Doc Daneeka said sorrowfully from his seat on his stool in the shadows of a corner, his smooth, tapered, diminutive face turtle-green in the flickering candlelight.	- Мне не разрешают ничего говорить, - печально сказал доктор Дейника, сидя на своем стульчике в темном углу палатки. Его гладкое остренькое личико казалось мертвенно-зеленоватым в мерцающем пламени свечи.
Everything smelled of mildew.	От всего вокруг разило плесенью.

The bulb in the tent had blown out several days before, and neither of the two men had been able to muster the initiative to replace it.	Несколько дней назад лампочка в палатке разбилась, и оба обитателя палатки все никак не могли собраться с силами, чтобы заменить ее новой.
'I'm not allowed to practice medicine any more,' Doc Daneeka added.	- Мне больше не позволяют заниматься медициной, - добавил доктор Дейника.
'He's dead,' Chief White Halfoat gloated, with a horse laugh entangled in phlegm.	- Он мертвец, - злорадно заявил Вождь Белый Овес и рассмеялся хрипло и вяло.
' That's really funny.'	- Вот уж действительно потеха.

' I don't even draw my pay any more.'	- Я даже жалованья больше не получаю.
'That's really funny,' Chief White Halfoat repeated.	- Вот уж действительно потеха, - повторил Вождь Белый Овес.
'All this time he's been insulting my liver, and look what happened to him.	- Он все время измывался надо мной, и вот посмотри, что с ним стало.
He's dead. Killed by his own greed.'	Его погубила собственная жадность.
'That's not what killed me,' Doc Daneeka observed in a voice that was calm and flat.	- Нет, не это меня погубило, - заметил доктор Дейника спокойным, бесстрастным голосом.

' There's nothing wrong with greed.	- Жадность здесь ни при чем.
It's all that lousy Dr. Stubbs' fault, getting Colonel Cathcart and Colonel Korn stirred up against flight surgeons.	Во всем виноват этот паршивый доктор Стаббс. Он восстановил полковника Кэткарта и подполковника Корна против всех полковых врачей.

He's going to give the medical profession a bad name by standing up for principle.	Из-за его принципиальности слово "врач" стало бранным словом.
If he's not careful, he'll be black-balled by his state medical association and kept out of the hospitals.'	Если он не будет вести себя осторожней, медицинская ассоциация штата его забаллотирует и не пустит на порог ни одной больницы.

Yossarian watched Chief White Halfoat pour whiskey carefully into three empty shampoo bottles and store them away in the musette bag he was packing.	Йоссариан смотрел, как Вождь Белый Овес осторожно разливает виски в три пустых пузырька из-под шампуня и засовывает их в рюкзак вместе с другими пожитками.
'Can't you stop by my tent on your way up to the hospital and punch one of them in the nose for me?' he speculated aloud.	- Ты не мог бы по дороге в госпиталь зайти ко мне в палатку и двинуть по носу одному из моих соседей? Сделай это ради меня, - задумчиво сказал Йоссариан.
'I've got four of them, and they're going to crowd me out of my tent altogether.'	- Их четверо, и они норовят выжить меня из палатки.

'You know, something like that once happened to my whole tribe,' Chief White Halfoat remarked in jolly appreciation, sitting back on his cot to chuckle.	- А знаешь, нечто вроде этого стряслось однажды со всем моим племенем, - сочувственно заметил Вождь Белый Овес и со смешком откинулся на койке.
'Why don't you get Captain Black to kick those kids out?	- Почему бы тебе не попросить капитана Блэка вышвырнуть этих мальчишек?
Captain Black likes to kick people out.'	Капитан Блэк любит выставлять людей за порог.

Yossarian grimaced sourly at the mere mention of Captain Black, who was already bullying the new fliers each time they stepped into his intelligence tent for maps or information.	Йоссариана передернуло при одном упоминании о капитане Блэке. Капитан Блэк постоянно издевался над новыми летчиками, приходившими в развед-отдел за картами или разведданными.
Yossarian's attitude toward his roommates turned merciful and protective at the mere recollection of Captain Black.	Вспомнив про Блэка, Йоссариан сразу почувствовал жалость к своим соседям по палатке, ему захотелось взять их под свое крыло.

It was not their fault that they were young and cheerful, he reminded himself as he carried the swinging beam of his flashlight back through the darkness. He wished that he could be young and cheerful, too.	Не их вина, что они так молоды и веселы, говорил он себе, посвечивая в темноте карманным фонариком, и ему тоже захотелось стать молодым и веселым.
And it wasn't their fault that they were courageous, confident and carefree.	Не их вина, что они такие бесшабашные, доверчивые и беззаботные.

He would just have to be patient with them until one or two were killed and the rest wounded, and then they would all turn out okay.	Просто надо терпеливо обождать, покуда убьют одного или двух из них, а остальных ранят, и тогда все пойдет, как надо.
He vowed to be more tolerant and benevolent, but when he ducked inside his tent with his friendlier attitude a great blaze was roaring in the fireplace, and he gasped in horrified amazement.	Он поклялся быть с ними более терпимым и великодушным, но, когда он с самыми дружескими намерениями нырнул в свою палатку, высокое золотистое пламя трещало в камине, и он, ужаснувшись, застыл на месте.
Orr's beautiful birch logs were going up in smoke!	Чудесные березовые поленья Орра горели, окутанные дымом!

His roommates had set fire to them!	Его соседи предали их огню.

He gaped at the four insensitive overheated faces and wanted to shout curses at them. He wanted to bang their heads together as they greeted him with loud convivial cries and invited him generously to pull up a chair and eat their chestnuts and roasted potatoes.	Он уставился на бездушные раскрасневшиеся физиономии, и ему захотелось облаять их последними словами и столкнуть друг с другом лбами, а они громко, компанейски приветствовали его и великодушно пригласили разделить с ними каштаны и печеную картошку.
What could he do with them?	Ну что с такими поделаешь?
And the very next morning they got rid of the dead man in his tent!	А на следующее утро они спровадили покойника из его палатки.

Just like that, they whisked him away!	Просто взяли и вымели.
They carried his cot and all his belongings right out into the bushes and simply dumped them there, and then they strode back slapping their hands briskly at a job well done.	Они вынесли его койку и пожитки прямо в кусты, и все это свалили там в кучу, а сделав дело, отряхнули руки и бодрым шагом вернулись в палатку.
Yossarian was stunned by their overbearing vigor and zeal, by their practical, direct efficiency.	Йоссариана поразила их бьющая через край энергия и задор, их простой, практичный подход к делу.

In a matter of moments they had disposed energetically of a problem with which Yossarian and Sergeant Towser had been grappling unsuccessfully for months.	За какие-то несколько секунд они так легко и просто разрешили проблему, над которой Йоссариан и сержант Таусер безуспешно би- лись долгие месяцы.
Yossarian was alarmed-they might get rid of him just as quickly, he feared-and ran to Hungry Joe and fled with him to Rome the day before Nately's whore finally got a good night's sleep and woke up in love.	Йоссариан не на шут- ку встревожился: чего доброго, они так же ли- хо избавятся и от него! Он помчался к Замары- шу Джо и смылся с ним в Рим.

Nately's Whore He missed Nurse Duckett in Rome. There was not much else to do after Hungry Joe left on his mail run. Yossarian missed Nurse Duckett so much that he went searching hungrily through the streets for Luciana, whose laugh and invisible scar he had never forgotten, or the boozy, blowzy, bleary-eyed floozy in the overloaded white brassière and unbuttoned orange satin blouse whose naughty salmon-colored cameo ring Aarfy had thrown away so callously through the window of her car.	33. Нейтлева красотка В Риме Йоссариан так сильно тосковал по сестре Даккит, что начал рыскать по римским улицам в надежде найти Лючану с ее незабываемым смехом и шрамом под сорочкой или хотя бы ту самую пьяную, волоокую потаскушку в расстегнутой оранжевой сатиновой блузке.

How he yearned for both girls! He looked for them in vain. He was so deeply in love with them, and he knew he would never see either again. Despair gnawed at him. Visions beset him. He wanted Nurse Duckett with her dress up and her slim thighs bare to the hips. He banged a thin streetwalker with a wet cough who picked him up from an alley between hotels, but that was no fun at all and he hastened to the enlisted men's apartment for the fat, friendly maid in the lime-colored panties, who was overjoyed to see him but couldn't arouse him. He went to bed there early and slept alone. He woke	Но он тщетно разыскивал их.

Instead he found Aarfy, who had landed in Rome when Hungry Joe returned with Dunbar, Nately and Dobbs, and who would not go along on the drunken foray that night to rescue Nately's whore from the middle-aged military big shots holding her captive in a hotel because she would not say uncle.	Вместо Лючаны он нашел Аарфи, который прибыл в Рим вместе с Данбэром, Нейтли и Доббсом. Аарфи не пожелал идти в этот вечер с хмельной ватагой однополчан выручать нейтлеву красотку, которую какие-то военные заточили в отеле и не хотели выпускать, покуда она не скажет "дядя".
'Why should I risk getting into trouble just to help her out?' Aarfy demanded haughtily.	- С какой стати я должен рисковать собой только ради того, чтобы помочь ей оттуда выбраться? -высокомерно вопрошал Аарфи.
'But don't tell Nately I said that.	- Но вы не передавайте Нейтли моих слов.

Tell him I had to keep an appointment with some very important fraternity brothers.'	Скажите ему просто, что у меня на сегодня назначена встреча с крупным деятелем из моей молодежной организации.
The middle-aged big shots would not let Nately's whore leave until they made her say uncle.	Уже немолодые, важные шишки не хотели отпускать нейтлеву красотку, покуда она сама, добровольно, без принуждения не скажет "дядя".
' Say uncle,' they said to her.	- Скажи "дядя", - говорили они ей.
'Uncle,' she said.	- Дядя.
'No, no.	- Нет, нет.
Say uncle.'	Ты сама скажи "дядя".
'Uncle,' she said.	- Дядя.

' She still doesn't understand.'	- Никак она не поймет.
'You still don't understand, do you?	- Ну что ты, не понимаешь?
We can't really make you say uncle unless you don't want to say uncle. Don't you see? Don't say uncle when I tell you to say uncle.	Ты не должна говорить "дядя", когда я велю тебе говорить "дядя".

Okay?	Договорились?
Say uncle.'	Ну скажи "дядя".
'Uncle,' she said.	- Дядя, - сказала она.
'No, don't say uncle.	- Нет, ты не говори "дядя".

Say uncle.'	Ну скажи "дядя".
She didn't say uncle.	На сей раз она промолчала.
' That's good!'	- Вот это хорошо!
' That's very good.'	- Прекрасно.
' It's a start.	- Так, начало положено.
Now say uncle.'	Ну скажи "дядя".
'Uncle,' she said.	- Дядя, - сказала она.
' It's no good.'	- Вот это нехорошо.
'No, it's no good that way either.	- Нет, так дело не пойдет.
She just isn't impressed with us.	Мы для нее - пустое место.

There's just no fun making her say uncle when she doesn't care whether we make her say uncle or not.' 'No, she really doesn't care, does she? Say "foot." ' 'Foot.' 'You see? She doesn't care about anything we do. She doesn't care about us. We don't mean a thing to you, do we?' 'Uncle,' she said.	Что за интерес добиваться от нее, чтобы она по своей охоте сказала "дядя", когда ей плевать, хотим мы от нее услышать "дядя" или нет.
She didn't care about them a bit, and it upset them terribly.	Она относилась к ним с полнейшим безразличием, и это их ужасно огорчало.
They shook her roughly each time she yawned.	Стоило ей зевнуть, как они принимались ее грубо тормошить.

She did not seem to care about anything, not even when they threatened to throw her out the window. They were utterly demoralized men of distinction.	Казалось, что девку ничто не волновало, даже их угрозы выкинуть ее из окошка.

She was bored and indifferent and wanted very much to sleep. She had been on the job for twenty-two hours, and she was sorry that these men had not permitted her to leave with the other two girls with whom the orgy had begun. She wondered vaguely why they wanted her to laugh when they laughed, and why they wanted her to enjoy it when they made love to her. It was all very mysterious to her, and very uninteresting. She was not sure what they wanted from her.	Ей все наскучило, ее ничто не интересовало, и больше всего ей хотелось спать.

Each time she slumped over with her eyes closed they shook her awake and made her say 'uncle' again. Each time she said 'uncle,' they were disappointed.	Сквозь одолевавшую ее дрему она размышляла, зачем им все это надо.
She wondered what 'uncle' meant.	"Интересно, - думала она, - что означает слово "дядя""?

She sat on the sofa in a passive, phlegmatic stupor, her mouth open and all her clothing crumpled in a corner on the floor, and wondered how much longer they would sit around naked with her and make her say uncle in the elegant hotel suite to which Orr's old girl friend, giggling uncontrollably at Yossarian's and Dunbar's drunken antics, guided Nately and the other members of the motley rescue party. Dunbar

squeezed Orr's old girl friend's fanny gratefully and passed her back to Yossarian, who propped her against the door jamb with both hands on her hips and wormed himself against her lasciviously until Nately seized him by the arm and pulled him

away from her into the blue sitting room, where Dunbar was already hurling everything in sight out the window into the court. Dobbs was smashing furniture with an ash stand. A nude, ridiculous man with a blushing appendectomy scar appeared in the doorway suddenly and bellowed. 'What's going on here?' 'Your toes are dirty,' Dunbar said. The man covered his

groin with both hands and shrank from view. Dunbar, Dobbs and Hungry Joe just kept dumping everything they could lift out the window with great, howling whoops of happy abandon. They soon finished with the clothing on the couches and the luggage on the floor, and they were ransacking a cedar closet when the door to the inner room opened again and a man who was very distinguished-looking from the neck up padded into view imperiously on bare feet. 'Here, you, stop that,' he barked. 'Just what do you men think you're doing?' 'Your toes are dirty,' Dunbar said to him. The man covered his groin as the first one had done and disappeared. Nately charged after him, but was blocked by the first officer, who plodded back in holding a pillow in front of him, like a bubble dancer. 'Hey, you men!' he roared angrily. 'Stop it!' 'Stop it,' Dunbar replied. 'That's what I said.' 'That's what I said,' Dunbar

said. The officer stamped his foot petulantly, turning
weak with frustration. 'Are you deliberately repeating everything I say?' 'Are you deliberately repeating everything I say?' 'I'll thrash you.' The man raised a fist. 'I'll thrash you,' Dunbar warned him coldly. 'You're a German spy, and I'm going to have you shot.' 'German spy? I'm an American colonel.' 'You don't look like an American colonel. You look like a fat man with a pillow in front of him. Where's your uniform, if you're an American colonel?' 'You just threw it out the window.' 'All right, men,' Dunbar said. 'Lock the silly bastard up. Take the silly bastard down to the station house and throw away the key.' The colonel blanched with alarm. 'Are you all crazy? Where's your badge? Hey, you! Come back in here!'

С приоткрытым ртом она сидела на тахте, флегматичная, вялая, оцепенелая. Сидела и думала, долго ли еще они будут требовать, чтобы она сказала "дядя". Тем временем старая подружка Орра, то и дело хихикая над пьяными выходками Йоссариана и Данбэра, привела в отель Нейтли и других участников шутовской спасательной экспедиции.

But he whirled too late to stop Nately, who had glimpsed his girl sitting on the sofa in the other room and had darted through the doorway behind his back. The others poured through after him right into the midst of the other naked big shots.	Нейтли, увидев через приоткрытую дверь комнаты свою девчонку, сидящую на тахте, проскочил вперед, ватага его друзей хлынула за ним и ворвалась в самую гущу развлекающейся компании.
Hungry Joe laughed hysterically when he saw them, pointing in disbelief at one after the other and clasping his head and sides.	При виде их всех Заморыш Джо истерически расхохотался. Он хватался за голову, держался за бока и, не веря глазам своим, тыкал в каждого пальцем.

Two with fleshy physiques advanced truculently until they spied the look of mean dislike and hostility on Dobbs and Dunbar and noticed that Dobbs was still swinging like a two-handed club the wrought-iron ash stand he had used to smash things in the sitting room.	Двое дородных джентльменов с воинственным видом двинулись было им навстречу, но вовремя обратили внимание на необычайную агрессивность пришельцев, а также на то, что Доббс, словно двуручным мечом, размахивает сварной железной пепельницей.
Nately was already at his girl's side.	Нейтли уже стоял подле своей девицы.
She stared at him without recognition for a few seconds.	Несколько секунд она взирала на него, не узнавая.

Then she smiled faintly and let her head sink to his shoulder with her eyes closed.	Потом слабо улыбнулась и, закрыв глаза, уронила голову ему на плечо.

Nately was in ecstasy; she had never smiled at him before. 'Filpo,' said a calm, slender, jaded-looking man who had not even stirred from his armchair. 'You don't obey orders. I told you to get them out, and you've gone and brought them in. Can't you see the difference?' 'They've thrown our things out the window, General.' 'Good for them. Our uniforms too? That was clever. We'll never be able to convince anyone we're superior without our uniforms.' 'Let's get their names, Lou, and-' 'Oh, Ned, relax,' said the slender man with

'Lord, take her,' exclaimed the general with relief.	- Господи, да забирайте ее, - обрадованно воскликнул один из джентльменов.
' All she's done is make us feel insecure.	- С ней одна морока.
At least she might have disliked or resented us for the hundred dollars we paid her.	За те сто долларов, что мы ей дали, она могла хотя бы злиться и ругаться.
But she wouldn't even do that.	Но она даже этого не пожелала делать.

Your handsome young friend there seems quite attached to her.	Ваш очаровательный юный друг, кажется, не на шутку к ней привязан?

Notice the way he lets his fingers linger on the inside of her thighs as he pretends to roll up her stockings.'	Йоссариан помог Нейтли вывести его девицу в коридор и посадить в лифт.

Nately, caught in the act, blushed guiltily and
moved more quickly through the steps of dressing
her. She was sound asleep and breathed so regularly that she seemed to be snoring softly. 'Let's charge her now, Lou!' urged another officer. 'We've got more personnel, and we can encircle-' 'Oh,
no, Bill,' answered the general with a sigh. 'You may be a wizard at directing a pincer movement
in good weather on level terrain against an enemy that has already committed his reserves, but you don't always think so clearly anywhere else. Why should we want

Dobbs and Dunbar ran out into the street to stop a cab.	Доббс и Данбэр побежали за извозчиком.
Nately's whore looked up when they left the car.	Когда они вышли из пролетки, нейтлева девица приоткрыла глаза.
She swallowed dryly several times during the arduous trek up the stairs to her apartment, but she was sleeping soundly again by the time Nately undressed her and put her to bed.	Покуда они поднимались по крутой лестнице к ней домой, она сонно причмокивала, а когда Нейтли раздевал ее и укладывал в постель, она уже крепко спала.

She slept for eighteen hours, while Nately dashed about the apartment all the next morning shushing everybody in sight, and when she woke up she was deeply in love with him.	Она проспала как убитая восемнадцать часов подряд, и все следующее утро Нейтли носился по борделю и каждому встречному говорил: "Тссс". Девчонка проснулась преисполненная самой горячей любви к Нейтли.
In the last analysis, that was all it took to win her heart-a good night's sleep.	Таким образом, как показали события, все, что требовалось для завоевания ее сердца, - это дать ей хорошенько выспаться ночью.

The girl smiled with contentment when she opened her eyes and saw him, and then, stretching her long legs languorously beneath the rustling sheets, beckoned him into bed beside her with that look of simpering idiocy of a woman in heat.	Открыв глаза, она увидела Нейтли и блаженно заулыбалась, а затем, томно вытянув под шуршащей простыней свои длинные ноги, с идиотской улыбкой женщины, охваченной любовным жаром, поманила Нейтли к себе.
Nately moved to her in a happy daze, so overcome with rapture that he hardly minded when her kid sister interrupted him again by flying into the room and flinging herself down onto the bed between them.	Однако ее сестренка, влетев в комнату, снова помешала им.

Nately's whore slapped and cursed her, but this time with laughter and generous affection, and Nately settled back smugly with an arm about each, feeling strong and protective.	Нейтлева красотка шлепнула ее и отругала, на сей раз беззлобно. Нейтли почувствовал себя могучим покровителем двух слабых существ.
They made a wonderful family group, he decided.	"Чудесная семья у нас будет, - решил он.
The little girl would go to college when she was old enough, to Smith or Radcliffe or Bryn Mawr-he would see to that.	- Малышка, когда подрастет, пойдет в колледж Смита Рэдклифа или Брайна Морона".

Nately bounded out of bed after a few minutes to announce his good fortune to his friends at the top of his voice.	И тут же Нейтли поспешил к друзьям, чтобы сообщить им, какое счастье ему привалило.
He called to them jubilantly to come to the room and slammed the door in their startled faces as soon as they arrived. He had remembered just in time that his girl had no clothes on.	С ликующим видом он пригласил их войти, но, едва они подошли, захлопнул дверь перед самым их носом, чем немало их удивил: он вовремя вспомнил, что его любимая совершенно раздета.
'Get dressed,' he ordered her, congratulating himself on his alertness.	- Оденься, - скомандовал он, благодаря себя за бдительность.

'Perchè?' she asked curiously.	- Почему? - спросила она с любопытством.
'Perchè?' he repeated with an indulgent chuckle.	- Почему? - переспросил он со снисходительным смешком.
'Because I don't want them to see you without any clothes on.'	- Потому что я не хочу, чтобы тебя видели раз-детой.
'Perchè no?' she inquired.	- Почему не хочешь? - по-любопытствовала она.
'Perchè no?'	- Почему не хочу?
He looked at her with astonishment.	- Он удивленно взглянул на нее.
'Because it isn't right for other men to see you naked, that's why.'	- Потому что нехорошо, чтобы другие мужчины видели тебя голой, вот почему.
'Perchè no?'	- Почему нехорошо?

'Because I say no!' Nately exploded in frustration.	- Потому что я говорю "нельзя", - взорвался Нейтли, приходя в отчаяние.
'Now don't argue with me.	- И прекрати мне возражать.
I'm the man and you have to do whatever I say.	Я мужчина, и тебе придется поступать, как я велю.
From now on, I forbid you ever to go out of this room unless you have all your clothes on.	С этой минуты я запрещаю тебе выходить из комнаты, если ты не одета, как полагается.

Is that clear?'	Ясно?
Nately's whore looked at him as though he were insane.	Девица взглянула на него, как на психопата.
' Are you crazy?	- Ты с ума сошел?

Che succede?'	В чем дело?
' I mean every word I say.'	- Я отвечаю за каждое свое слово.
'Tu sei pazzo!' she shouted at him with incredulous indignation, and sprang out of bed.	- Ты сумасшедший! - крикнула она, крайне смущенная, и выпрыгнула из постели.
Snarling unintelligibly, she snapped on panties and strode toward the door.	Бормоча себе под нос ругательства, она нацепила панталоны и направилась к двери.
Nately drew himself up with full manly authority.	Не желая ронять свой авторитет мужчины, Нейтли постарался взять себя в руки.
'I forbid you to leave this room that way,' he informed her.	- Я запрещаю тебе в таком виде выходить из комнаты, - сказал он.

'Tu sei pazzo!' she shot back at him, after he had left, shaking her head in disbelief.	- Сумасшедший, - выпалила она ему в лицо и недоверчиво покачала головой.
'Idiota!	- Идиот!
Tu sei un pazzo imbecille!' 'Tu sei pazzo,' said her thin kid sister, starting out after her in the same haughty walk. 'You come back here,' Nately ordered her. 'I forbid you to go out that way, too!' 'Idiota!' the kid sister called back at him with dignity after she had flounced past. 'Tu sei un pazzo imbecille.'	Дурак!

Nately fumed in circles of distracted helplessness for several seconds and then sprinted out into the sitting room to forbid his friends to look at his girl friend while she complained about him in only her panties.	Чувствуя свое бессилие, Нейтли несколько секунд в волнении бегал по комнате, а потом бросился в гостиную, чтобы запретить друзьям смотреть на свою возлюбленную. Она же тем временем, стоя перед ними в одних трусиках, жаловалась на Нейтли.
'Why not?' asked Dunbar.	- А почему, в самом деле, нельзя? - спросил Данбэр.
'Why not?' exclaimed Nately.	- Почему нельзя? - воскликнул Нейтли.
'Because she's my girl now, and it isn't right for you to see her unless she's fully dressed.'	- Потому что теперь она моя, и это нехорошо, если вы увидите ее неодетой.

' Why not?' asked Dunbar.	- Почему нехорошо? - спросил Данбэр.
'You see?' said his girl with a shrug. 'Lui è pazzo!' 'Si, è molto pazzo,' echoed her kid sister.	- Слышишь? - сказала нейтлева девица, пожимая плечом.
'Then make her keep her clothes on if you don't want us to see her,' argued Hungry Joe.	- Если не хочешь, чтобы мы на нее смотрели, заставь ее одеться, - запротестовал Заморыш Джо.
'What the hell do you want from us?'	- Какого черта тебе от нас-то нужно?
'She won't listen to me,' Nately confessed sheepishly.	- Она меня не послушается, - робко признался Нейтли.

'So from now on you'll all have to shut your eyes or look in the other direction when she comes in that way.	- С этой минуты, если она появится в таком виде, вы все обязаны закрывать глаза или смотреть в другую сторону.
Okay?'	Договорились?
'Madonn'!' cried his girl in exasperation, and stamped out of the room. 'Madonn'!' cried her kid sister, and stamped out behind her.	- Мадонна! - в отчаянии закричала его дама и зашагала прочь из комнаты.
'Lui è pazzo,' Yossarian observed good-naturedly.	- Ты сумасшедший! - добродушно заметил Йоссариан.
' I certainly have to admit it.'	- Я вынужден это констатировать.

'Hey, you crazy or something?' Hungry Joe demanded of Nately.	- Эй, ты с ума сошел или что? - спросил Заморыш Джо, обращаясь к Нейтли.
'The next thing you know you'll be trying to make her give up hustling.'	- Тебе еще только осталось запретить ей шляться по улицам.
'From now on,' Nately said to his girl, 'I forbid you to go out hustling.'	- С этой минуты, - заявил Нейтли своей девице, - я запрещаю тебе шляться во улицам.
'Perchè?' she inquired curiously.	- Почему? - спросила она с любопытством.
'Perchè?' he screamed with amazement.	- Почему? - взвизгнул он от изумления.
' Because it's not nice, that's why!'	- Потому что это некрасиво, вот почему.
'Perchè no?'	- Почему некрасиво?

' Because it just isn't!' Nately insisted.	- Потому что нельзя, - настаивал Нейтли.
'It just isn't right for a nice girl like you to go looking for other men to sleep with.	- Нехорошо, когда такая славная девушка, как ты, ищет себе мужчин.
I'll give you all the money you need, so you won't have to do it any more.'	Я буду давать денег, сколько тебе надо, и тебе больше не придется заниматься этим делом.
' And what will I do all day instead?'	- И что же я вместо этого буду делать целый день?
'Do?' said Nately.	- Что делать? - сказал Нейтли.
' You'll do what all your friends do.'	- То же, что делают все твои подруги.

'My friends go looking for men to sleep with.'	- Мои подруги ходят по улицам и выискивают мужчин.
' Then get new friends!	- Тогда заведи себе новых подруг.
I don't even want you to associate with girls like that, anyway.	Я не желаю, чтобы ты вообще зналась с такими девицами.
Prostitution is bad!	Проституция - это позор.
Everybody knows that, even him.'	Это знают все, даже он.
He turned with confidence to the experienced old man. 'Am I right?'	- И Нейтли доверчиво обернулся к своему постоянному оппоненту - противному старикашке: - Я прав?
'You're wrong,' answered the old man.	- Нет, не прав, - ответил старик.

'Prostitution gives her an opportunity to meet people.	- Проституция дает ей возможность встречаться с людьми.

It provides fresh air and wholesome exercise, and it keeps her out of trouble.'	Благодаря своей профессии она проводит много времени на свежем воздухе и занимается полезными физическими упражнениями.
'From now on,' Nately declared sternly to his girl friend, 'I forbid you to have anything to do with that wicked old man.'	- Отныне, - сурово заявил Нейтли своей подруге, -запрещаю тебе общаться с этим аморальным типом!

'Va fongul!' his girl replied, rolling her harassed eyes up toward the ceiling.	- Пошел ты к черту! - ответила девица, закатывая глаза под потолок.
'What does he want from me?' she implored, shaking her fists.	- Что он от меня хочет? - взмолилась она и сжала кулаки.
'Lasciami!' she told him in menacing entreaty.	- Убирайся! - сказала она угрожающе.
' Stupido!	- Тупица!

If you think my friends are so bad, go tell your friends not to ficky-fick all the time with my friends!'	Если ты думаешь, что у меня такие скверные подруги, скажи своим приятелям, чтобы они не крутили с ними шуры-муры.
'From now on,' Nately told his friends, 'I think you fellows ought to stop running around with her friends and settle down.'	- Отныне, - сказал Нейтли своим друзьям, - я полагаю, что вы, ребята, прекратите увиваться около ее подруг и угомонитесь.

'Madonn'!' cried his friends, rolling their harassed eyes up toward the ceiling.	- Мадонна! - закричали его друзья, закатив глаза под потолок.
Nately had gone clear out of his mind.	Нейтли начисто сошел с ума.
He wanted them all to fall in love right away and get married.	Он хотел, чтобы все они немедленно влюбились и женились.

Dunbar could marry Orr's whore, and Yossarian could fall in love with Nurse Duckett or anyone else he liked.	Данбэр может жениться на девке Орра, а Йоссариан мог бы влюбиться в сестру Даккит или в кого угодно.
After the war they could all work for Nately's father and bring up their children in the same suburb.	После войны все они могли бы работать у его отца и воспитывать детей в одном и том же провинциальном учебном заведении.
Nately saw it all very clearly.	Мысленно Нейтли видел все это с предельной четкостью.

Love had transmogrified him into a romantic idiot, and they drove him away back into the bedroom to wrangle with his girl over Captain Black.	Любовь превратила его в романтически настроенного идиота. Когда друзья отвели его обратно в спальню, он начал пререкаться со своей пассией по поводу капитана Блэка.

She agreed not to go to bed with Captain Black again or give him any more of Nately's money, but she would not budge an inch on her friendship with the ugly, ill-kempt, dissipated, filthy-minded old man, who witnessed Nately's flowering love affair with insulting derision and would not admit that Congress was the	Она согласилась никогда больше не спать с капитаном Блэком и не давать ему нейтлевых денег, но отказалась поступиться своей дружбой с беспутным старикашкой, который с таким оскорбительно-насмешливым видом наблюдал за бурным романом Нейтли и наотрез отказывался признать, что Конгресс США - величайший в мире совещательный орган.

'From now on,' Nately ordered his girl firmly, 'I absolutely forbid you even to speak to that disgusting old man.'	- Отныне, - твердым голосом приказал Нейтли своей девице, - я категорически запрещаю тебе даже разговаривать с этим отвратительным стариком.

'Again the old man?' cried the girl in wailing confusion.	- Опять за старика взялся! - Девица чуть не плакала.
'Perchè no?'	- Почему?
'He doesn't like the House of Representatives.'	- Потому что ему не нравится палата представителей.
'Mamma mia!	- Боже мой!

What's the matter with you?' 'È pazzo,' observed her kid sister philosophically. 'That's what's the matter with him.' 'Si,' the older girl agreed readily, tearing at her long brown hair with both hands. 'Lui è pazzo.'	Что с тобой произошло? - воскликнула девица, запустив обе пятерни в свои каштановые локоны.
But she missed Nately when he was away and was furious with Yossarian when he punched Nately in the face with all his might and knocked him into the hospital with a broken nose.	Но когда Нейтли уезжал, она очень по нему скучала и пришла в ярость оттого, что Йоссариан изо всех сил дал Нейтли по физиономии и ее друг оказался в госпитале со сломанным носом.

Thanksgiving It was actually all Sergeant Knight's fault that Yossarian busted Nately in the nose on Thanksgiving Day, after everyone in the squadron had given humble thanks to Milo for providing the fantastically opulent meal on which the officers and enlisted men had gorged themselves insatiably all afternoon and for dispensing like inexhaustible largess the unopened bottles of cheap whiskey he handed out unsparingly to every man who asked. Even before dark, young soldiers with pasty white

34. День благодарения
В том, что Йоссариан двинул Нейтли по носу в День благодарения, был целиком виноват сержант Найт. Случилось это после того, как вся эскадрилья почтительно поблагодарила Милоу за фантастически обильную трапезу. Офицеры и сержантско-рядовой состав обжирались полдня. С безграничной щедростью Милоу раздавал каждому желающему непочатые бутылки виски, и еще до наступления темноты повсюду белели меловые лица упившихся молодых солдат - они валялись как трупы на каждом шагу.

The air turned foul.	В нос шибало винным перегаром.
Other men picked up steam as the hours passed, and the aimless, riotous celebration continued.	А многие еще продолжали возлияния, и буйное веселье не прекращалось.
It was a raw, violent, guzzling saturnalia that spilled obstreperously through the woods to the officers' club and spread up into the hills toward the hospital and the antiaircraft-gun emplacements.	Грубая, необузданная вакханалия шумно разлилась по базе, через лес докатилась до офицерского клуба, захлестнула госпиталь и расположение зенитных батарей.

There were fist fights in the squadron and one stabbing.	В эскадрилье начались драки, а один раз дело дошло до поножовщины.
Corporal Kolodny shot himself through the leg in the intelligence tent while playing with a loaded gun and had his gums and toes painted purple in the speeding ambulance as he lay on his back with the blood spurting from his wound.	В палатке разведотдела капрал Колодный, балуясь пистолетом, прострелил себе ногу. Ему тут же намазали марганцовкой десны и пальцы ног, сунули в санитарную машину, и, пока машина мчалась в госпиталь, капрал лежал на спине, а из его раны хлестала кровь.

Men with cut fingers, bleeding heads, stomach cramps and broken ankles came limping penitently up to the medical tent to have their gums and toes painted purple by Gus and Wes and be given a laxative to throw into the bushes.	Люди с порезанными пальцами, разбитой головой, с желудочными коликами и переломанными ногами с покаянным видом ковыляли к санчасти, где Гас и Уэс мазали им десны и пальцы ног марганцовкой и выдавали таблетки слабительного, которые пациенты немедленно швыряли в кусты.

The joyous celebration lasted long into the night, and the stillness was fractured often by wild, exultant shouts and by the cries of people who were merry or sick. There was the recurring sound of retching and moaning, of laughter, greetings, threats and swearing, and of bottles shattering against rock.	Веселый праздник затянулся далеко за полночь, ночная тишь то и дело нарушалась дикими, ликующими воплями, натужным кряхтеньем блюющих, стонами, смехом, угрозами, руганью и звоном разбиваемых о камни бутылок.
There were dirty songs in the distance.	Издалека доносились похабные песни.
It was worse than New Year's Eve.	В общем, гульба была похлеще, чем в новогоднюю ночь.

Yossarian went to bed early for safety and soon dreamed that he was fleeing almost headlong down an endless wooden staircase, making a loud, staccato clatter with his heels.	Боясь, как бы чего не вышло, Йоссариан на всякий случай лег спать пораньше, и вскоре ему приснилось, будто он несется очертя голову вниз по бесконечной деревянной лестнице, выбивая каблуками громкую дробь.
Then he woke up a little and realized someone was shooting at him with a machine gun. A tortured, terrified sob rose in his throat.	Тут он на мгновение проснулся и сообразил, что кто-то стреляет в него из пулемета.

His first thought was that Milo was attacking the squadron again, and he rolled of his cot to the floor and lay underneath in a trembling, praying ball, his heart thumping like a drop forge, his body bathed in a cold sweat.	Первой его мыслью было, что Милоу снова атакует эскадрилью. Йоссариан скатился с койки на пол и, беззвучно молясь, лежал трепещущим комком. К горлу подступали рыдания. Сердце стучало, как паровой молот.
There was no noise of planes.	Однако гула самолетов не было слышно.
A drunken, happy laugh sounded from afar.	Издалека доносился пьяный счастливый смех.

'Happy New Year, Happy New Year!' a triumphant familiar voice shouted hilariously from high above between the short, sharp bursts of machine gun fire, and Yossarian understood that some men had gone as a prank to one of the sandbagged machine-gun emplacements Milo had installed in the hills after his raid on the squadron and staffed with his own men.	"С Новым годом, с Новым годом!" - знакомый, торжествующий голос злорадно кричал откуда-то сверху в перерывах между короткими, злыми пулеметными очередями. Йоссариан понял, что какой-то шкодник пробрался к пулеметным позициям: Милоу оборудовал их в горах после своего налета на эскадрилью, заботливо обложил мешками с песком и укомплектовал надежными людьми...

Yossarian blazed with hatred and wrath when he saw he was the victim of an irresponsible joke that had destroyed his sleep and reduced him to a whimpering hulk.	Гнев и ненависть охватили Йоссариана, когда он понял, что стал жертвой бессовестной шутки. Его не просто разбудили, но превратили в запуганного, скулящего пса.
He wanted to kill, he wanted to murder.	Ему хотелось крушить и убивать.
He was angrier than he had ever been before, angrier even than when he had slid his hands around McWatt's neck to strangle him.	Никогда еще он не был таким злым. Сейчас он был злее, чем когда пытался задушить Макуотта.
The gun opened fire again.	Пулемет снова дал очередь.
Voices cried	Опять раздался крик:

'Happy New Year!' and gloating laughter rolled down from the hills through the darkness like a witch's glee.	"С Новым годом!" - и злорадный смех скатился во тьму с горы, точно там ведьмы справляли шабаш.

In moccasins and coveralls, Yossarian charged out of his tent for revenge with his.45, ramming a clip of cartridges up into the grip and slamming the bolt of the gun back to load it. He snapped off the safety catch and was ready to shoot.	В тапочках на босу ногу и комбинезоне Йоссариан выскочил из палатки, горя жаждой мести. По дороге он вогнал обойму в рукоятку пистолета, взвел затвор, спустил предохранитель и приготовился к стрельбе.
He heard Nately running after him to restrain him, calling his name.	Он услышал, как Нейтли, пытаясь его перехватить, бежит за ним, окликая его по имени.

The machine gun opened fire once more from a black rise above the motor pool, and orange tracer bullets skimmed like low-gliding dashes over the tops of the shadowy tents, almost clipping the peaks.	Пулемет снова затарахтел. Из темноты над гаражом заскользили оранжевыми черточками трассирующие пули, Они летели над самыми крышами смутно темнеющих палаток, едва не срезая их верхушки.
Roars of rough laughter rang out again between the short bursts.	Между короткими очередями раздавались раскаты хамского хохота.
Yossarian felt resentment boil like acid inside him; they were endangering his life, the bastards!	Йоссариан почувствовал, как бурлящая ненависть кислотой обжигает ему душу: эти подонки подвергают опасности его жизнь!

With blind, ferocious rage and determination, he raced across the squadron past the motor pool, running as fast as he could, and was already pounding up into the hills along the narrow, winding path when Nately finally caught up, still calling	Охваченный слепой, лютой яростью и решимостью, он сломя голову промчался по лагерю, пронесся мимо гаража и, едва переводя дух, полез в гору по узкой извилистой тропинке. Тут-то Нейтли, все еще продолжая кричать:
' Yo-Yo!	"Йо-Йо!
Yo-Yo!' with pleading concern and imploring him to stop.	Йо-Йо!", наконец догнал его, и принялся уговаривать не ходить дальше.
He grasped Yossarian's shoulders and tried to hold him back.	Он вцепился Йоссариану в плечо, пытаясь стащить его вниз.

Yossarian twisted free, turning.	Йоссариан, ругнувшись, высвободился.
Nately reached for him again, and Yossarian drove his fist squarely into Nately's delicate young face as hard as he could, cursing him, then drew his arm back to hit him again, but Nately had dropped out of sight with a groan and lay curled up on the ground with his head buried in both hands and blood streaming between his fingers.	Нейтли снова ухватил его, и тогда Йоссариан двинул кулаком изо всех сил по изящному мальчишескому лицу Нейтли, потом размахнулся еще раз, но Нейтли перед ним уже не было - тот лежал на земле, скорчившись, уткнув лицо в ладони.

Yossarian whirled and plunged ahead up the path without looking back.	Кровь струилась между его пальцами. Йоссариан круто повернулся и, не оборачиваясь, начал карабкаться вверх по тропинке.
Soon he saw the machine gun.	Скоро он увидел пулемет.
Two figures leaped up in silhouette when they heard him and fled into the night with taunting laughter before he could get there.	Заслышав его шаги, двое вскочили - Йоссариан увидел их силуэты, - и прежде чем Йоссариан их настиг, они, издевательски хохоча, скрылись в ночи.
He was too late.	Он опоздал.

Their footsteps receded, leaving the circle of sandbags empty and silent in the crisp and windless moonlight.	Их шаги затихли вдали. В пулеметном гнезде было пусто и тихо. Стояла свежая, безветренная, лунная ночь.

He looked about dejectedly.	Йоссариан невесело осмотрелся.
Jeering laughter came to him again, from a distance.	Глумливый хохот снова донесся до него, на сей, раз откуда-то со стороны.
A twig snapped nearby.	Рядом хрустнул сучок.
Yossarian dropped to his knees with a cold thrill of elation and aimed.	Йоссариан упал на колени к с холодным злорадством прицелился.

He heard a stealthy rustle of leaves on the other side of the sandbags and fired two quick rounds.	Он услышал, как по ту сторону песчаного бруствера зашуршала листва под чьими-то осторожными шагами, и дал две короткие очереди.
Someone fired back at him once, and he recognized the shot. ' Dunbar? he called.	Ему тут же ответил хорошо знакомый пистолет. -Данбэр? - окликнул Йоссариан.
' Yossarian?'	- Йоссариан?
The two men left their hiding places and walked forward to meet in the clearing with weary disappointment, their guns down.	Оба вылезли из своих укрытий и усталые, раздосадованные вышли навстречу друг другу на поляну, держа пистолеты дулами вниз.

They were both shivering slightly from the frosty air and wheezing from the labor of their uphill rush.	Оба слегка дрожали от ночной свежести и дышали, как астматики, от быстрого бега в гору.
' The bastards,' said Yossarian. 'They got away.'	- Смылись, мерзавцы, - сказал Йоссариан.
'They took ten years off my life,' Dunbar exclaimed.	- Они отняли у меня десять лет жизни! -воскликнул Данбэр.
'I thought that son of a bitch Milo was bombing us again.	- А я уж было подумал: сукин сын Милоу опять бомбит нас.
I've never been so scared.	Сроду я так не пугался.
I wish I knew who the bastards were.	Хотел бы я знать, кто эти мерзавцы?

' One was Sergeant Knight.'	- Один из них - сержант Найт.
' Let's go kill him.'	- Давай пристукнем его!
Dunbar's teeth were chattering.	- У Данбэра стучали зубы.
' He had no right to scare us that way.'	- Какое он имел право так пугать нас?
Yossarian no longer wanted to kill anyone.	Но Йоссариану уже больше никого не хотелось убивать.
'Let's help Nately first.	- Давай-ка сначала поможем Нейтли.
I think I hurt him at the bottom of the hill.'	Мне кажется, я его основательно покалечил.

But there was no sign of Nately along the path, even though Yossarian located the right spot by the blood on the stones.	Он там, внизу. Но на тропинке Нейтли не оказалось, хотя по крови на камнях Йоссариан точно определил место их схватки.
Nately was not in his tent either, and they did not catch up with him until the next morning when they checked into the hospital as patients after learning he had checked in with a broken nose the night before.	Нейтли не было и в палатке. Они не могли отыскать его до следующего утра, пока не узнали, что Нейтли лежит в госпитале со сломанным носом, и тогда они тоже легли в госпиталь.

Nately beamed in frightened surprise as they padded into the ward in their slippers and robes behind Nurse Cramer and were assigned to their beds.	В первую секунду Нейтли испугался, когда сестра Крэмер ввела в палату его приятелей, облаченных в халаты и шлепанцы, и указала им их кровати.
Nately's nose was in a bulky cast, and he had two black eyes.	На носу у Нейтли красовался толстый гипсовый лубок, а под глазами темнели синяки.
He kept blushing giddily in shy embarrassment and saying he was sorry when Yossarian came over to apologize for hitting him.	Когда Йоссариан подошел к нему, чтобы извиниться за вчерашнее, Нейтли залился стыдливым румянцем и стал смущенно твердить, что очень сожалеет обо всем случившемся.

Yossarian felt terrible; he could hardly bear to look at Nately's battered countenance, even though the sight was so comical he was tempted to guffaw.	Йоссариан чувствовал себя ужасно. Он не мог спокойно смотреть на расквашенную физиономию Нейтли, хотя его друг выглядел настолько комично, что Йоссариан едва удерживался от хохота.
Dunbar was disgusted by their sentimentality, and all three were relieved when Hungry Joe came barging in unexpectedly with his intricate black camera and trumped-up symptoms of appendicitis to be near enough to Yossarian to take pictures of him feeling up Nurse Duckett.	Данбэру стало противно от их нежностей, и все трое испытали облегчение, когда в палату приплелся Заморыш Джо со своей замысловатой фотокамерой и липовыми симптомами аппендицита. Заморыш Джо постарался устроиться поближе к Йоссариану, чтобы запечатлеть на пленке Йоссариана, лезущего под юбку к сестре Даккит.

Like Yossarian, he was soon disappointed.	Но он здорово просчитался, как, впрочем, и сам Йоссариан.
Nurse Duckett had decided to marry a doctor-any doctor, because they all did so well in business-and would not take chances in the vicinity of the man who might someday be her husband.	Сестра Даккит решила выйти замуж за доктора -за любого доктора, поскольку все они неплохо зарабатывали, и поэтому не хотела рисковать своей репутацией.

Hungry Joe was irate and inconsolable until-of all people-the chaplain was led in wearing a maroon corduroy bathrobe, shining like a skinny lighthouse with a radiant grin of self-satisfaction too tremendous to be concealed.	Заморыш Джо рассердился и горевал до тех пор, пока в палату не привели нового больного - кого бы вы думали? - капеллана, обряженного в коричневый бархатный халат.
The chaplain had entered the hospital with a pain in his heart that the doctors thought was gas in his stomach and with an advanced case of Wisconsin shingles.	Капеллан сиял, как медный таз, тщетно пытаясь согнать со своего худого лица довольную, лучезарную улыбку. Он попал в госпиталь с жалобами на боль в сердце в связи со скоплением газов в желудке и с тяжелой формой висконсинского лишая.

'What in the world are Wisconsin shingles?' asked Yossarian.	- Что это еще за чертовщина такая -висконсинский лишай? - спросил Йоссариан.
'That's just what the doctors wanted to know!' blurted out the chaplain proudly, and burst into laughter.	- То же самое интересует и докторов! - с гордостью выпалил капеллан и разразился хохотом.
No one had ever seen him so waggish, or so happy.	Никто никогда не видел его таким озорным и таким счастливым.
' There's no such thing as Wisconsin shingles.	- Висконсинского лишая не существует в природе.
Don't you understand?	Неужто вам не ясно?

I lied.	Я наврал.
I made a deal with the doctors.	Я вступил в сделку с докторами.

I promised that I would let them know when my Wisconsin shingles went away if they would promise not to do anything to cure them.	Я им пообещал, что сообщу, когда пройдет мой висконсинский лишай, если они мне пообещают не пытаться его лечить.
I never told a lie before.	А ведь прежде я никогда не лгал.
Isn't it wonderful?'	Ну разве это все не чудесно?
The chaplain had sinned, and it was good.	Капеллан согрешил, но из этого вышло не зло, а добро.

Common sense told him that telling lies and defecting from duty were sins. On the other hand, everyone knew that sin was evil, and that no good could come from evil.	Общепринятая мораль подсказывала ему, что -врать и увиливать от своих обязанностей - это грех, а грех, как всем известно, есть зло. А зло не может породить никакого добра.
But he did feel good; he felt positively marvelous.	И тем не менее капеллан чувствовал себя превосходно, точно он сотворил добро.
Consequently, it followed logically that telling lies and defecting from duty could not be sins.	Следовательно, из этого логически вытекало, что лгать и увиливать от исполнения своих обязанностей - вовсе не грешно.

The chaplain had mastered, in a moment of divine intuition, the handy technique of protective rationalization, and he was exhilarated by his discovery.	В минуту божественного просветления капеллан изобрел спасительную карманную философскую систему. Он был в восторге от своего открытия.
It was miraculous.	Это была воистину чудесная система!

It was almost no trick at all, he saw, to turn vice into virtue and slander into truth, impotence into abstinence, arrogance into humility, plunder into philanthropy, thievery into honor, blasphemy into wisdom, brutality into patriotism, and sadism into justice.	Он обнаружил, что даже без особой ловкости рук можно истолковать порок как добродетель, клевету как истину, импотенцию как воздержание, высокомерие как застенчивость, грабеж как филантропию, жульничество как честность, богохульство как мудрость, жестокость как патриотизм и садизм как справедливость.
Anybody could do it; it required no brains at all. It merely required no character.	Пользоваться этой системой мог любой смертный, большого ума для этого не требовалось.

With effervescent agility the chaplain ran through the whole gamut of orthodox immoralities, while Nately sat up in bed with flushed elation, astounded by the mad gang of companions of which he found himself the nucleus.	Таким образом, капеллан, бодро и весело расправился со всем набором поступков, безнравственных с общепринятой точки зрения. Между тем Нейтли сидел на кровати, порозовев от радостного возбуждения, пораженный тем, что оказался в окружении своих отчаянных дружков.
He was flattered and apprehensive, certain that some severe official would soon appear and throw the whole lot of them out like a pack of bums.	Однако он боялся, как бы не стряслась беда: ему казалось, что сейчас обязательно появится какой-нибудь сердитый врач и вышвырнет их всех из госпиталя, как ораву лодырей.
No one bothered them.	Однако никто их не беспокоил.

In the evening they all trooped exuberantly out to see a lousy Hollywood extravaganza in Technicolor, and when they trooped exuberantly back in after the lousy Hollywood extravaganza, the soldier in white was there, and Dunbar screamed and went to pieces.	Вечером они торжественно прошествовали в кинотеатр, где их угостили паршивым цветным голливудским кинобредом, а когда, посмотрев паршивый цветной голливудский кинобред, они прошествовали обратно, в палате лежал солдат в белом.
' He's back!'	- Он вернулся! - завизжал Данбэр.
Dunbar screamed.	- Он вернулся!
'He's back! He's back!'	Он вернулся! Он вернулся!

Yossarian froze in his tracks, paralyzed as much by the eerie shrillness in Dunbar's voice as by the familiar, white, morbid sight of the soldier in white covered from head to toe in plaster and gauze.	Йоссариана прошиб ледяной пот. Он окаменел - и от нечеловеческого визга Данбэра, и от хорошо знакомого, ужасающего вида солдата в белом, замурованного с ног до головы в гипс и марлю.
A strange, quavering, involuntary noise came bubbling from Yossarian's throat.	Странные, дрожащие, булькающие звуки вырвались из горла Йоссариана.
' He's back!' Dunbar screamed again.	- Он вернулся! - снова завопил Данбэр.
'He's back!' a patient delirious with fever echoed in automatic terror.	- Он вернулся! - с ужасом подхватил горячечный больной.

All at once the ward erupted into bedlam.	В одну секунду палата превратилась в бедлам.
Mobs of sick and injured men began ranting incoherently and running and jumping in the aisle as though the building were on fire.	Толпы больных и раненых загомонили, забегали и запрыгали в проходах между койками, как во время пожара.
A patient with one foot and one crutch was hopping back and forth swiftly in panic crying,	Одноногий больной на костыле заскакал взад-вперед, панически вопя:
' What is it?	- Что такое?
What is it?	Что такое?
Are we burning?	Мы горим?
Are we burning?'	Мы что, горим?

' He's back!' someone shouted at him.	- Он вернулся! - кто-то крикнул ему.
'Didn't you hear him?	- Ты что, не слышишь?
He's back! He's back!'	Он вернула!
'Who's back?' shouted someone else.	- Кто вернулся? - крик-нул другой.
'Who is it?'	- Кто такой?
'What does it mean?	- Что это все значит?
What should we do?'	Что нам делать?
' Are we on fire?'	- Горим!
' Get up and run, damn it!	- Вставайте и бегите, черт вас возьми!
Everybody get up and run!'	Бегите все!

Everybody got out of bed and began running from one end of the ward to the other. One C.I.D. man was looking for a gun to shoot one of the other C.I.D. men who had jabbed his elbow into his eye.	Все повыскакивали из постелей и забегали по палате из конца в конец.
The ward had turned into chaos.	Начался невообразимый хаос.
The patient delirious with the high fever leaped into the aisle and almost knocked over the patient with one foot, who accidentally brought the black rubber tip of his crutch down on the other's bare foot, crushing some toes.	Горячечный больной прыгнул в проход между койками и чуть не сшиб наземь одноногого, который не упал только потому, что уперся черным резиновым наконечником костыля в босую ногу горячечного, раздавив ему при этом два пальца.

The delirious man with the fever and the crushed toes sank to the floor and wept in pain while other men tripped over him and hurt him more in their blind, milling, agonized stampede.	Горячечный свалялся на пол, взвыв от боли, а остальные обитатели палаты топтали его ногами, низводя на следующую ступень инвалидности. Слепая, всесокрушающая паника нарастала.
'He's back!' all the men kept mumbling and chanting and calling out hysterically as they rushed back and forth.	"Он вернулся!" - кто бормотал, кто заунывно пел, кто истерически выкрикивал, мечась из угла в угол. -
'He's back, he's back!'	"Он вернулся! Он вернулся?"

Nurse Cramer was there in the middle suddenly like a spinning policeman, trying desperately to restore order, dissolving helplessly into tears when she failed.	Неожиданно в толпе появилась сестра Крэмер, которая, словно полицейский на перекрестке, взялась наводить порядок, но ее отчаянные усилия ни к чему не привели, и она разревелась от беспомощности.
'Be still, please be still,' she urged uselessly through her massive sobs.	- Ну успокойтесь, пожалуйста, успокойтесь, - тщетно уговаривала она всех.
The chaplain, pale as a ghost, had no idea what was going on.	Капеллан, бледный, как привидение, никак не мог взять в толк, что тут происходит.

Neither did Nately, who kept close to Yossarian's side, clinging to his elbow, or Hungry Joe, who followed dubiously with his scrawny fists clenched and glanced from side to side with a face that was scared.	Заморыш Джо и Нейтли тоже ничего не понимали. Нейтли стоял, вцепившись в локоть Йоссариана. Заморыш Джо, сжав костлявые кулаки, поворачивал из стороны в сторону испуганное лицо, с недоумением глядя на все происходящее.
'Hey, what's going on?' Hungry Joe pleaded.	- Эй, что здесь происходит? - взывал Заморыш Джо.
'What the hell is going on?'	- Что за чертовщина?
'It's the same one!' Dunbar shouted at him emphatically in a voice rising clearly above the raucous commotion.	- Это тот самый! - трагическим голосом заорал ему в ответ Данбэр, перекрывая хриплый гомон.

' Don't you understand?	- Неужто ты не понимаешь?
It's the same one.'	Это тот самый!
'The same one!' Yossarian heard himself echo, quivering with a deep and ominous excitement that he could not control, and shoved his way after Dunbar toward the bed of the soldier in white.	- Тот самый! - услышал Йоссариан собственный голос. Дрожа от глубокого волнения, с которым он не мог совладать, Йоссариан прокладывал себе путь вслед за Данбэром к кровати солдата в белом.

'Take it easy, fellas,' the short patriotic Texan counseled affably, with an uncertain grin.	- Не волнуйтесь, ребята, - дружески посоветовал коренастый патриот из Техаса со своей непонятной ухмылочкой.

' There's no cause to be upset.	- Не из-за чего расстраиваться.
Why don't we all just take it easy?'	Давайте не будем волноваться.
'The same one!' others began murmuring, chanting and shouting.	- Тот самый! - снова забормотали, запричитали и заорали остальные.
Suddenly Nurse Duckett was there, too.	Внезапно появилась сестра Даккит.
'What's going on?' she demanded.	- Что здесь происходит? - спросила она.
'He's back!' Nurse Cramer screamed, sinking into her arms.	- Он вернулся! - завизжала сестра Крэмер, падая ей на руки.
'He's back, he's back!'	- Он вернулся!

It was, indeed, the same man.	Он вернулся! И действительно, это был тот самый солдат в белом.

He had lost a few inches and added some weight, but Yossarian remembered him instantly by the two stiff arms and the two stiff, thick, useless legs all drawn upward into the air almost perpendicularly by the taut ropes and the long lead weights suspended from pulleys over him and by the frayed black hole in the bandages over his mouth. He had, in fact, hardly changed at all. There was the same zinc pipe rising from the hard stone mass over his groin and leading to the clear glass jar on the floor. There was the same clear glass	Правда, он укоротился на несколько дюймов, а также малость прибавил в весе, но Йоссариан сразу опознал его по негнущимся рукам и таким же негнущимся, толстым, бесполезным ногам, подтянутым вверх почти перпендикулярно двумя туго натянутыми веревками с длинным противовесом, подвешенным на блоке над койкой.

Yossarian would recognize him anywhere. He wondered who he was.	Йоссариан узнал бы солдата где угодно.
'There's no one inside!' Dunbar yelled out at him unexpectedly.	- Под бинтами никого нет! - вдруг ни с того ни с сего заявил Данбэр.
Yossarian felt his heart skip a beat and his legs grow weak.	Йоссариан так и замер, потрясенный.
'What are you talking about?' he shouted with dread, stunned by the haggard, sparking anguish in Dunbar's eyes and by his crazed look of wild shock and horror.	- О чем ты толкуешь? - крикнул он со страхом Данбэру.
' Are you nuts or something?	- Ты рехнулся или что?

What the hell do you mean, there's no one inside?'	С чего ты взял, черт побери, что под бинтами никого нет?
'They've stolen him away!' Dunbar shouted back. 'He's hollow inside, like a chocolate soldier.	- Они его выкрали! - заорал в ответ Данбэр.
They just took him away and left those bandages there.'	- Они его просто вынули, а здесь оставили бинты.
' Why should they do that?'	- Для чего им это понадобилось?
'Why do they do anything?'	- А для чего они все делают?

'They've stolen him away!' screamed someone else, and people all over the ward began screaming, 'They've stolen him away.	- Они его выкрали! - истошно заголосил кто-то, и вся палата подхватила: - Они его выкрали!
They've stolen him away!'	Они его выкрали!
'Go back to your beds,' Nurse Duckett pleaded with Dunbar and Yossarian, pushing feebly against Yossarian's chest.	- Разойдитесь по своим кроватям, - упрашивала сестра Даккит Данбэра и Йоссариана и толкала слабыми руками Йоссариана в грудь.
'Please go back to your beds.'	- Пожалуйста, вернитесь в кровати.
'You're crazy!' Yossarian shouted angrily at Dunbar.	- Ты сошел с ума! - сердито крикнул Йоссариан Данбэру.

'What the hell makes you say that?'	- Какого дьявола ты говоришь такие вещи?
'Did anyone see him?' Dunbar demanded with sneering fervor.	- А кто-нибудь его видел? - спросил Данбэр, нервно усмехаясь.
'You saw him, didn't you?' Yossarian said to Nurse Duckett.	- Ты его видела, ведь верно? - сказал Йоссариан сестре Даккит.
'Tell Dunbar there's someone inside.'	- Ну так подтверди Данбэру, что там внутри кто-то есть.
'Lieutenant Schmulker is inside,' Nurse Duckett said.	- Там лейтенант Шмуклер, - сказала сестра Даккит.
' He's burned all over.'	- Он весь обгорел.
'Did she see him?'	- А что, она его видела?
' You saw him, didn't you?'	- Ведь ты его видела, да?

' The doctor who bandaged him saw him.'	- Его видел врач, который его бинтовал.
' Go get him, will you?	- Иди и приведи его, слышишь?
Which doctor was it?'	Как фамилия этого доктора?
Nurse Duckett reacted to the question with a startled gasp.	Сестра Даккит вздохнула:
' The doctor isn't even here!' she exclaimed.	Его здесь нет.
'The patient was brought to us that way from a field hospital.'	Больного доставили к нам в таком виде из полевого госпиталя.
' You see?' cried Nurse Cramer.	- Вот видите! - вскрикнула сестра Крэмер.

' There's no one inside!'	- Под бинтами никого нет.
'There's no one inside!' yelled Hungry Joe, and began stamping on the floor.	- Под бинтами никого нет! - завопил Заморыш Джо и затопал ногами.
Dunbar broke through and leaped up furiously on the soldier in white's bed to see for himself, pressing his gleaming eye down hungrily against the tattered black hole in the shell of white bandages.	Данбэр рванулся вперед, вспрыгнул на постель солдата в белом и жадным, горящим глазом приник к черной с лохматыми краями, дыре в белом марлевом панцире.

He was still bent over staring with one eye into the lightless, unstirring void of the soldier in white's mouth when the doctors and the M.P.s came running to help Yossarian pull him away.	Он все еще стоял на четвереньках, склонившись над солдатом в белом, всматриваясь одним глазом в темный провал рта, когда в палату прибежали врачи и военная полиция. Прибывшие помогли Йоссариану оттащить Данбэра от солдата в белом.
The doctors wore guns at the waist. The guards carried carbines and rifles with which they shoved and jolted the crowd of muttering patients back.	Все они были при пистолетах, прикладами карабинов и винтовок солдаты разогнали по кроватям толпу бормочущих больных.

A stretcher on wheels was there, and the solder in white was lifted out of bed skillfully and rolled out of sight in a matter of seconds. The doctors and M.P.s moved through the ward assuring everyone that everything was all right.	Солдата в белом они умело переложили с кровати на каталку и в считанные секунды убрали из палаты.
Nurse Duckett plucked Yossarian's arm and whispered to him furtively to meet her in the broom closet outside in the corridor.	Сестра Даккит дернула Йоссариана за руку и украдкой шепнула, что будет ждать его в чулане в коридоре.
Yossarian rejoiced when he heard her.	Йоссариан обрадовался: наконец-то сестра Даккит решилась снизойти до него.

He thought Nurse Duckett finally wanted to get laid and pulled her skirt up the second they were alone in the broom closet, but she pushed him away.	Но, когда он оказался рядом с ней в чулане, она оттолкнула его прочь.
She had urgent news about Dunbar.	У нее были важные новости, касающиеся Данбэра.
' They're going to disappear him,' she said.	- Они хотят его... исчезнуть, - сказала она.
Yossarian squinted at her uncomprehendingly.	Йоссариан недоуменно покосился на нее.
'They're what?' he asked in surprise, and laughed uneasily. 'What does that mean?'	- Что они хотят сделать? - хмуро спросил он, - Что это значит?
' I don't know.	- Не знаю.

I heard them talking behind a door.'	Я слышала, как они говорили за дверью.
'Who?'	- Кто говорил?
' I don't know.	- Не знаю.
I couldn't see them.	Я их не видела.
I just heard them say they were going to disappear Dunbar.'	Я только слышала, как они сказали, что собираются... исчезнуть Данбэра.
' Why are they going to disappear him?'	- Зачем они хотят его... исчезнуть?
'I don't know.'	- Не знаю.
'It doesn't make sense.	- Чушь какая-то!
It isn't even good grammar.	Даже с точки зрения грамматики.

What the hell does it mean when they disappear somebody?'	Что это значит, черт возьми, когда они собираются кого-нибудь... исчезнуть?
' I don't know.'	- Не знаю.
' Jesus, you're a great help!'	- О господи, немного же от тебя проку!

'Why are you picking on me?' Nurse Duckett protested with hurt feelings, and began sniffing back tears.	- Ну что ты на меня набросился? - обиделась сестра Даккит и зашмыгала носом, с трудом сдерживая слезы.
' I'm only trying to help.	- Я только хотела помочь.
It isn't my fault they're going to disappear him, is it?	Разве я виновата, что они хотят его... исчезнуть?

I shouldn't even be telling you.'	Мне не надо. было говорить.
Yossarian took her in his arms and hugged her with gentle, contrite affection.	Йоссариан привлек ее к себе и обнял, нежно и покаянно.
'I'm sorry,' he apologized, kissing her cheek respectfully, and hurried away to warn Dunbar, who was nowhere to be found.	- Извини меня, - сказал он и, благодарно чмокнув ее в щеку, побежал предупредить Данбэра, но того уже и след простыл.
Milo the Militant For the first time in his life, Yossarian prayed.	35. Милоу рвется в бой Первый раз в жизни Йоссариан обратился с мольбой к живому существу.

He got down on his knees and prayed to Nately not to volunteer to fly more than seventy missions after Chief White Halfoat did die of pneumonia in the hospital and Nately had applied for his job. But Nately just wouldn't listen.	Он пал на колени и молил Нейтли не делать по собственной воле больше семидесяти вылетов. Этот разговор состоялся после того, как Вождь Белый Овес действительно умер в госпитале от воспаления легких. Нейтли безуспешно просился на его место и не желал слушать Йоссариана.
'I've got to fly more missions,' Nately insisted lamely with a crooked smile.	- Мне придется летать и дальше, - криво улыбаясь, жалобным тоном твердил Нейтли.
' Otherwise they'll send me home.'	- В противном случае меня отправят домой.
' So?'	- Ну и что?
'I don't want to go home until I can take her back with me.'	- А я не хочу без нее возвращаться в Штаты.

' She means that much to you?'	- Она так много для тебя значит?
Nately nodded dejectedly.	Нейтли удрученно кивнул:
' I might never see her again.'	- Иначе я ее больше не увижу.
'Then get yourself grounded,' Yossarian urged.	- Тогда пусть тебя спишут на землю, - настаивал Йоссариан.
'You've finished your missions and you don't need the flight pay.	- Норму ты выполнил, в летной надбавке не нуждаешься.
Why don't you ask for Chief White Halfoat's job, if you can stand working for Captain Black?'	Если тебя не тошнит от капитана Блэка, почему бы тебе не попроситься на место Вождя?

Nately shook his head, his cheeks darkening with shy and regretful mortification.	Нейтли покачал головой.
' They won't give it to me.	- Мне не дадут это место.
I spoke to Colonel Korn, and he told me I'd have to fly more missions or be sent home.'	Я разговаривал с подполковником Корном, и он сказал, что или я буду по-прежнему летать, или меня отправят домой.
Yossarian cursed savagely.	Йоссариан свирепо выругался:
' That's just plain meanness.'	- Но ведь это - явная подлость!

' I don't mind, I guess.	- Мне все равно.

I've flown seventy missions without getting hurt.	Я сделал семьдесят вылетов, и со мной ничего не случилось.
I guess I can fly a few more.'	Думаю, ничего не случится, если слетаю еще несколько раз.
'Don't do anything at all about it until I talk to someone,' Yossarian decided, and went looking for help from Milo, who went immediately afterward to Colonel Cathcart for help in having himself assigned to more combat missions.	- Ничего не предпринимай, покуда я кое с кем не потолкую, - сказал Йоссариан. Он отравился искать помощи у Милоу, и тот сразу же после разговора с Йоссарианом обратился к полковнику Кэткарту.
Milo had been earning many distinctions for himself.	Милоу вдруг возжелал, чтобы его самого почаще посылали на боевые задания.

He had flown fearlessly into danger and criticism by selling petroleum and ball bearings to Germany at good prices in order to make a good profit and help maintain a balance of power between the contending forces.	К тому времени на боевом счету Милоу было уже немало боевых подвигов. Пренебрегая опасностью и игнорируя критику, он по сходной цене продавал Г ермании нефть и шарикоподшипники. Это приносило хороший доход и помогало поддерживать равновесие двух противоборствующих сторон.
His nerve under fire was graceful and infinite.	Под огнем противника он держался мужественно и благородно.

With a devotion to purpose above and beyond the line of duty, he had then raised the price of food in his mess halls so high that all officers and enlisted men had to turn over all their pay to him in order to eat.	С рвением, явно выходящим за рамки его скромных обязанностей, он взвинтил цены за обеды в офицерской столовой до такой степени, что офицерам и рядовым пришлось отдавать ему все свое жалованье, чтобы хоть как-то прокормиться.
Their alternative- there was an alternative, of course, since Milo detested coercion and was a vocal champion of freedom of choice- was to starve.	Собственно говоря, никто их не неволил, при желании они могли умереть с голоду - Милоу терпеть не мог насилия над личностью и на всех перекрестках твердил о праве индивидуума свободно распоряжаться своей судьбой.

When he encountered a wave of enemy resistance to this attack, he stuck to his position without regard for his safety or reputation and gallantly invoked the law of supply and demand.	Когда его атака на офицерские карманы встречала сопротивление, он, не щадя ни живота своего, ни репутации, продолжал давить с помощью закона спроса и предложения.
And when someone somewhere said no, Milo gave ground grudgingly, valiantly defending, even in retreat, the historic right of free men to pay as much as they had to for the things they needed in order to survive.	Стоило кому-нибудь сказать ему "нет", и Милоу нехотя отступал, но даже в обороне он мужественно защищал историческое право свободного человека платить за спасение от голодной смерти такую цену, какую с него запрашивают.

Milo had been caught red-handed in the act of plundering his countrymen, and, as a result, his stock had never been higher. He proved good as his word when a rawboned major from Minnesota curled his lip in rebellious disavowal and demanded his share of the syndicate Milo kept saying everybody owned. Milo met the challenge by writing the words 'A Share' on the nearest scrap of paper and handing it away with a virtuous disdain that won the envy and admiration of almost everyone who knew him.	Однажды Милоу был почти застигнут на месте преступления: костлявый майор из Миннесоты обвинил его в грабеже соотечественников, - и что вы думаете! - в результате акции Милоу поднялись как никогда высоко, Когда костлявый майор, негодующе скривя губы, возмущенно потребовал тот самый пай, которым, как утверждал Милоу, владел каждый член синдиката, Милоу доказал, что у него слово с делом не расходится: он принял вызов, начертав на первом попавшемся клочке бумаги слово "пай", и вручил эту бумажку майору таким величественным и надменным жестом, что все знакомые Милоу ахнули от восторга и зависти.

His glory was at a peak, and Colonel Cathcart, who knew and admired his war record, was astonished by the deferential humility with which Milo presented himself at Group Headquarters and made his fantastic appeal for more hazardous assignments.	Слава Милоу достигла зенита, и полковник Кэткарт, который хорошо знал и высоко ценил воинские доблести своего подчиненного, был поражен, когда Милоу однажды пожаловал в штаб полка и кротким, почтительным тоном обратился с поистине фантастической просьбой -посылать его на самые опасные задания.
'You want to fly more combat missions?' Colonel Cathcart gasped.	- Вы жаждете летать на боевые задания? -изумился полковник Кэткарт.
'What in the world for?'	- Скажите, ради бога, зачем?

Milo answered in a demure voice with his face lowered meekly.	Скромно потупив взор, Милоу ответил:
' I want to do my duty, sir.	- Я хочу выполнять свой долг, сэр.
The country is at war, and I want to fight to defend it like the rest of the fellows.'	Страна находится в состоянии войны, и я намерен защищать ее с оружием в руках, как это делают все наши парни.
'But, Milo, you are doing your duty,' Colonel Cathcart exclaimed with a laugh that thundered jovially.	- Но, Милоу, вы и так выполняете свой долг? -воскликнул полковник Кэткарт, оглушив Милоу громовыми раскатами жизнерадостного хохота.

'I can't think of a single person who's done more for the men than you have.	- Вряд ли найдется в нашем полку человек, который сделал бы для нас столько, сколько вы.
Who gave them chocolate-covered cotton?'	Кто, например, угостил нас хлопком в шоколаде?
Milo shook his head slowly and sadly.	Милоу покачал головой задумчиво и грустно:
'But being a good mess officer in wartime just isn't enough, Colonel Cathcart.'	- В военное время мало быть исправным начальником столовой, полковник Кэткарт.
' Certainly it is, Milo.	- Вполне достаточно, Милоу.
I don't know what's come over you.'	Не знаю, что на вас нашло.

'Certainly it isn't, Colonel,' Milo disagreed in a somewhat firm tone, raising his subservient eyes significantly just far enough to arrest Colonel Cathcart's.	- Нет, недостаточно, полковник, - твердо возразил Милоу. Он взглянул в лицо полковника подобострастно и так серьезно, что полковник насторожился.
'Some of the men are beginning to talk.'	- Кое-кто начинает поговаривать...
' Oh, is that it?	- Ах, так вот оно что!

Give me their names, Milo. Give me their names and I'll see to it that they go on every dangerous mission the group flies.'	Сообщите-ка мне их имена, Милоу, и я позабочусь, чтобы говорунов посылали на самые опасные задания.

'No, Colonel, I'm afraid they're right,' Milo said, with his head drooping again.	- Нет, полковник, боюсь, что они правы, -проникновенно сказал Милоу.
'I was sent overseas as a pilot, and I should be flying more combat missions and spending less time on my duties as a mess officer.'	- Родина послала меня за океан в качестве пилота. И мне следовало бы побольше времени проводить в воздушных боях и поменьше в столовой.
Colonel Cathcart was surprised but co-operative.	И хотя полковник Кэткарт был очень удивлен, все-таки слова Милоу вызвали в нем сочувствие.
'Well, Milo, if you really feel that way, I'm sure we can make whatever arrangements you want.	- Ну хорошо, Милоу, если вы действительно так считаете, мы все устроим, как вы хотите.

How long have you been overseas now?'	Вы давно за океаном?
' Eleven months, sir.'	- Одиннадцать месяцев, сэр.
'And how many missions have you flown?'	- И сколько на вашем счету боевых вылетов?
'Five.'	- Пять.
'Five?' asked Colonel Cathcart.	- Пять? - переспросил полковник Кэткарт.
'Five, sir.'	- Пять, сэр.
'Five, eh?'	- Пять?
Colonel Cathcart rubbed his cheek pensively.	Гм... - Полковник Кэт-карт задумчиво поскреб щеку.
' That isn't very good, is it?'	- Это ведь нехорошо?

'Isn't it?' asked Milo in a sharply edged voice, glancing up again.	- Это ужасно! - крикнул Милоу резким, срывающимся голосом.
Colonel Cathcart quailed.	Полковник Кэткарт струхнул.
'On the contrary, that's very good, Milo,' he corrected himself hastily.	- Наоборот, это очень хорошо, Милоу, -торопливо поправился полковник.
' It isn't bad at all.'	- Это совсем неплохо.
'No, Colonel,' Milo said, with a long, languishing, wistful sigh, 'it isn't very good.	- Нет, полковник, - сказал Милоу с протяжным, грустным вздохом. - Это не ахти как хорошо.
Although it's very generous of you to say so.'	Хотя я весьма вам признателен за великодушные слова.

'But it's really not bad, Milo.	- Но это и в самом деле не так уж плохо, Милоу.
Not bad at all, when you consider all your other valuable contributions.	Совсем неплохо, если вспомнить всю вашу прочую полезную деятельность.
Five missions, you say?	Пять вылетов, говорите?
Just five?'	Только пять?
' Just five, sir.'	- Только пять, сэр.

'Just five.' Colonel Cathcart grew awfully depressed for a moment as he wondered what Milo was really thinking, and whether he had already got a black eye with him.	- Только пять... - Полковник пытался догадаться, к чему клонят Милоу, и припомнить, не получал ли он прежде по вине Милоу синяков и шишек.
'Five is very good, Milo,' he observed with enthusiasm, spying a ray of hope.	- Пять - это очень хорошо, Милоу, - решительно заявил он, отбросив всякие сомнения.

'That averages out to almost one combat mission every two months.	- В среднем это почти один боевой вылет на каждые два месяца.
And I'll bet your total doesn't include the time you bombed us.'	Держу пари, что вы даже не включили в эту цифру еще один, когда бомбили своих.
'Yes, sir. It does.'	- Включил, сэр.
'It does?' inquired Colonel Cathcart with mild wonder.	- Включили? - спросил полковник Кэткарт, слегка удивленный.

'You didn't actually fly along on that mission, did you?	- Но ведь, по существу, в тот раз вы не поднимались в воздух, а?
If I remember correctly, you were in the control tower with me, weren't you?'	Если память мне не изменяет, мы с вами находились рядом на контрольно-диспетчерском пункте.
'But it was my mission,' Milo contended. 'I organized it, and we used my planes and supplies.	- Но это был мой налет, - с удовольствием вспомнил Милоу, - я его организовал, я дал самолеты и боеприпасы.
I planned and supervised the whole thing.'	Все шло по моему плану и под моим общим руководством.

' Oh, certainly, Milo, certainly.	- О, разумеется. Милоу, разумеется.
I'm not disputing you.	Я не спорю.
I'm only checking the figures to make sure you're claiming all you're entitled to.	Я просто проверяю цифры, чтобы убедиться в справедливости ваших утверждений.
Did you also include the time we contracted with you to bomb the bridge at Orvieto?'	А вы включили бомбардировку моста у Орвьетто? Помните, в тот раз, когда мы заключили с вами контракт?

' Oh, no, sir.	- О нет, сэр.
I didn't think I should, since I was in Orvieto at the time directing the antiaircraft fire.'	Я не считаю себя вправе включить этот налет в свой послужной список, поскольку в то время я находился в Орвьетто, руководя с земли огнем зенитных батарей.
' I don't see what difference that makes, Milo.	- Это ничего не меняет, Милоу.
It was still your mission.	Все равно это была ваша военная операция.
And a damned good one, too, I must say.	И, признаться, вы провели ее блестяще.

We didn't get the bridge, but we did have a beautiful bomb pattern.	Мы не попали в мост, но зато получили изумительмый узор бомбометания.
I remember General Peckem commenting on it.	Помню, как генерал Пеккем прекрасно о нем отозвался.

No, Milo, I insist you count Orvieto as a mission, too.'	Нет, Милоу, я настаиваю, чтобы вы приплюсовали и Орвьетто к своим боевым вылетам.
' If you insist, sir.'	- Ну, если вы настаиваете, сэр...
'I do insist, Milo.	- Да, да, настаиваю, Милоу.

Now, let's see-you now have a grand total of six missions, which is damned good, Milo, damned good, really.	Итак, смотрите, у вас уже набралось шесть боевых вылетов. А это чертовски здорово, Милоу! В самом деле, здорово!
Six missions is an increase of twenty per cent in just a couple of minutes, which is not bad at all, Milo, not bad at all.'	За пару минут повысить цифру на двадцать процентов, доведя ее до шести, - это совсем недурно, Милоу, совсем недурно.
'Many of the other men have seventy missions,' Milo pointed out.	- Но у других пилотов по семидесяти вылетов, -заметил Милоу.
'But they never produced any chocolate-covered cotton, did they?	- Да, но им никогда не придумать ничего похожего на хлопок в шоколаде.

Milo, you're doing more than your share.'	Уверяю, Милоу, вы делаете даже больше, чем требует ваш пакет акций в синдикате.
'But they're getting all the fame and opportunity,' Milo persisted with a petulance that bordered on sniveling.	- Но зато у других и слава, и возможность продвинуться, - продолжал настаивать Милоу обиженно. Казалось, он вот-вот захнычет.
'Sir, I want to get in there and fight like the rest of the fellows.	- Сэр, я хочу драться наравне с остальными.
That's what I'm here for.	Вот почему я пришел к вам.
I want to win medals, too.'	Я тоже хочу получать ордена.
' Yes, Milo, of course.	- Разумеется, Милоу.

We all want to spend more time in combat.	Нам всем следовало бы побольше бывать в боях.
But people like you and me serve in different ways.	Но такие люди, как мы с вами, сражаются иным способом.
Look at my own record,' Colonel Cathcart uttered a deprecatory laugh.	Взять, к примеру, мой послужной список, - произнес полковник Кэткарт с заискивающим смешком.
'I'll bet it's not generally known, Milo, that I myself have flown only four missions, is it?'	- Держу пари, далеко не все знают, что у меня самого на счету только четыре боевых вылета.
'No, sir,' Milo replied.	- Да, сэр, - согласился Милоу. - Не знают.
'It's generally known that you've flown only two missions.	Все думают, что у вас только два вылета.

And that one of those occurred when Aarfy accidentally flew you over enemy territory while navigating you to Naples for a black-market water cooler.'	Причем один из них - это когда Аарфи летел в Неаполь, где вы собирались купить на черном рынке холодильник, но ошибся в расчетах и загнал самолет за линию фронта.
Colonel Cathcart, flushing with embarrassment, abandoned all further argument.	Полковник Кэткарт смущенно покраснел и решил сменить тему.

'All right, Milo. I can't praise you enough for what you want to do.	- Ну что ж, Милоу, не нахожу слов, чтобы выразить свое восхищение вашим намерением.

If it really means so much to you, I'll have Major Major assign you to the next sixty-four missions so that you can have seventy, too.'	Если это действительно для вас так важно, я распоряжусь, чтобы майор Майор дал вам те шестьдесят четыре задания, которых вам недостает до семидесяти.
'Thank you, Colonel, thank you, sir.	- Благодарю вас, полковник, премного благодарю вас, сэр.
You don't know what this means.'	Вы и не представляете, что это значит.
'Don't mention it, Milo. I know exactly what it means.'	- Ах, не стоит благодарить, Милоу, я прекрасно понимаю, что это значит.
'No, Colonel, I don't think you do know what it means,' Milo disagreed pointedly.	- Нет, полковник, полагаю, вы не знаете, что это значит, - возразил Милоу.

'Someone will have to begin running the syndicate for me right away.	- Кому-то ведь придется немедленно принять от меня руководство синдикатом.
It's very complicated, and I might get shot down at any time.'	Это довольно сложная штука, а меня могут в любое время сбить.
Colonel Cathcart brightened instantly at the thought and began rubbing his hands with avaricious zest.	Услышав это, полковник Кэткарт просиял и жадно потер руки.

'You know, Milo, I think Colonel Korn and I might be willing to take the syndicate off your hands,' he suggested in an offhand manner, almost licking his lips in savory anticipation.	- Знаете, Милоу, мы с подполковником Корном, пожалуй, были бы не против принять от вас синдикат, - предложил он небрежным тоном, едва не облизываясь при мысли о столь приятной перспективе.
'Our experience in black-market plum tomatoes should come in very useful.	- Нам очень пригодится наш опыт с продажей помидоров на черном рынке.
Where do we begin?'	Только скажите, с чего нам начинать.
Milo watched Colonel Cathcart steadily with a bland and guileless expression.	Милоу взглянул на полковника ласково и бесхитростно:

'Thank you, sir, that's very good of you.	- Благодарю вас, сэр, вы очень добры ко мне.
Begin with a salt-free diet for General Peckem and a fat-free diet for General Dreedle.'	Во-первых, вам придется позаботиться об обессоленной диете для генерала Пеккема и обезжиренной - для генерала Дридла.
' Let me get a pencil.	- Подождите-ка, возьму карандаш.
What's next?'	Что дальше?
'The cedars.'	- Затем кедры.
' Cedars?'	- Кедры?
' From Lebanon.' ' Lebanon?'	- Да. Из Ливана. - Из Ливана?

'We've got cedars from Lebanon due at the sawmill in Oslo to be turned into shingles for the builder in Cape Cod.	- В Ливане у нас закуплены кедры, которые нужно отправить на лесопильню в Осло, где из них сделают щепу для строительства на мысе Код.
COD.	Оплачивается при доставке.
And then there's the peas.'	И кроме того, зеленый горошек.

'Peas?'	- Зеленый горошек?
' That are on the high seas.	- Да, идет морем.

We've got boatloads of peas that are on the high seas from Atlanta to Holland to pay for the tulips that were shipped to Geneva to pay for the cheeses that must go to Vienna M.I.F.'	Несколько барж зеленого горошка идет морем из Атланты в Голландию для уплаты за тюльпаны, которые отправлены в Женеву, чтобы расплатиться за сыр, предназначенный для Вены. Дэ-вэ.
'M.I.F.?'	- Дэ-вэ?
' Money in Front.	- Да, это значит - деньги вперед.
The Hapsburgs are shaky.' ' Milo.'	Г абсбурги не заслуживают доверия. - Подождите, Милоу.
'And don't forget the galvanized zinc in the warehouse at Flint.	- И не забудьте об оцинкованном железе на военных складах Флинта.

Four carloads of galvanized zinc from Flint must be flown to the smelters in Damascus by noon of the eighteenth, terms F.O.B.	В полдень восемнадцатого четыре грузовика оцинкованного железа должны быть отправлены самолетом в Дамаск на переплавку.
Calcutta two per cent ten days E.O.M. One Messerschmitt full of hemp is due in Belgrade for a C-47 and a half full of those semi-pitted dates we stuck them with from Khartoum.	Условия: франко-вагон, Калькутта - два процента, десять дней, раз в два месяца. "Мессершмитт" с грузом конопли отправить в Белград в обмен на полтора самолета С - 47 с финиками из Хартума, от которых мы никак не можем избавиться.

Use the money from the Portuguese anchovies we're selling back to Lisbon to pay for the Egyptian cotton we've got coming back to us from Mamaroneck and to pick up as many oranges as you can in Spain.	Деньги за португальские анчоусы - мы их продали обратно Лиссабону - израсходуйте на оплату египетского хлопка, который приходит на наше имя из Мамаронека, а также закупите как можно больше апельсинов в Испании.
Always pay cash for naranjas.'	За нараньясы всегда платите наличными.
'Naranjas?'	- За нараньясы?
'That's what they call oranges in Spain, and these are Spanish oranges.	- Так называют в Испании апельсины.

And-oh, yes. Don't forget Piltdown Man.' 'Piltdown Man?'	Да, и не забудьте о Пилтдаунском человеке.[19]
' Yes, Piltdown Man.	- О Пилтдаунском человеке?

The Smithsonian Institution is not in a position at this time to meet our price for a second Piltdown Man, but they are looking forward to the death of a wealthy and beloved donor and-' ' Milo.' ' France wants all the parsley we can send them, and I think we might as well, because we'll need the francs for the lire for the pfennigs for the dates when they get back.	- Смитсоновский институт в настоящее время не располагает средствами, чтобы уплатить требуемую нами цену за второго Пилтдаунского человека. Но деятели института ждут кончины одного горячо любимого богатого мецената, который собирается завещать им нужную сумму.- Святые угодники! Я не успеваю записывать! -Франция готова закупить у нас столько петрушки, сколько мы сможем выслать, и нам надо ее переправить, поскольку мы нуждаемся во франках для обмена на лиры, а затем на пфенниги, чтобы, как только придут финики, уплатить за них пфеннигами.

I've also ordered a tremendous shipment of Peruvian balsa wood for distribution to each of the mess halls in the syndicate on a pro rata basis.'	Кроме того, я закупил гигантскую партию бальзового дерева, чтобы распределить его между всеми синдикатскими столовыми.
'Balsa wood?	- Бальзовое дерево?
What are the mess halls going to do with balsa wood?'	Для чего столовым бальзовое дерево?
'Good balsa wood isn't so easy to come by these days, Colonel.	- Хорошее бальзовое дерево, полковник, в наши дни не так-то легко достать.
I just didn't think it was a good idea to pass up the chance to buy it.'	По-моему, не стоит упускать удачный случай.

'No, I suppose not,' Colonel Cathcart surmised vaguely with the look of somebody seasick.	- Да, по-моему, тоже не стоит, - неуверенно проговорил полковник. Сейчас он походил на человека, страдающего морской болезнью.
' And I assume the price was right.'	- Полагаю, что цена подходящая?
'The price,' said Milo, 'was outrageous-positively exorbitant!	- Цена возмутительная! - сказал Милоу. -Несусветная!
But since we bought it from one of our own subsidiaries, we were happy to pay it.	Но, поскольку мы купили бальзу у одного из наших филиалов, мы с удовольствием заплатили сумму, которую с нас запросили.
Look after the hides.'	И потом - присмотрите за шкурами.

' The hives?' 'The hides.'	- Шкурами?
' The hides?' 'The hides.	- Да, шкурами.
In Buenos Aires.	В Буэнос-Айресе.
They have to be tanned.'	Их необходимо выдубить.
' Tanned?'	- Выдубить?
' In Newfoundland.	- Да, в Ньюфаундленде.
And shipped to Helsinki N.M.I.F. before the spring thaw begins.	И отправить пароходом в Хельсинки пэ-бэ-эр, до того как наступит оттепель.
Everything to Finland goes N.M.I.F. before the spring thaw begins.'	До наступления оттепели в Финляндии все идет пэ-бэ-эр.
'No Money in Front?' guessed Colonel Cathcart.	- По безналичному расчету? - догадался полковник Кэткарт.

' Good, Colonel.	- Отлично, полковник.
You have a gift, sir.	Вы не лишены способностей.
And then there's the cork.'	И кроме того, лимонные корки...
' The cork?'	- Корки?
'That must go to New York, the shoes for Toulouse, the ham for Siam, the nails from Wales, and the tangerines for New Orleans.' ' Milo.'	- Корки - для Нью-Йорка, эклеры - для Танжера, свинину - в Мессину, маслины - в Афины, бисквит - на остров Крит. - Милоу!
'We have coals in Newcastle, sir.'	- Но не вздумайте возить уголь в Ньюкасл.[20]

Colonel Cathcart threw up his hands. ' Milo, stop!' he cried, almost in tears.	Полковник Кэткарт всплеснул руками. - Милоу, подождите! - закричал он чуть не плача.
' It's no use.	- Так не пойдет!
You're just like I am-indispensable!'	Вы, как и я, незаменимы!
He pushed his pencil aside and rose to his feet in frantic exasperation. ' Milo, you can't fly sixty-four more missions.	- Он отшвырнул карандаш и нервно вскочил со стула. - Милоу, об этих дополнительных шестидесяти четырех вылетах не может быть и речи!
You can't even fly one more mission.	И вообще, вы больше ни разу не полетите.
The whole system would fall apart if anything happened to you.'	Если с вами что-нибудь случится, все пойдет прахом.

Milo nodded serenely with complacent gratification.	В знак признательности Милоу благодушно кивнул головой:
'Sir, are you forbidding me to fly any more combat missions?' ' Milo, I forbid you to fly any more combat missions,' Colonel Cathcart declared in a tone of stern and inflexible authority.	- Сэр, значит ли это, что вы запрещаете мне впредь летать на боевые задания? - Да, Милоу, я запрещаю вам впредь летать на боевые задания, -объявил полковник суровым и непреклонным тоном.
'But that's not fair, sir,' said Milo.	- Но это несправедливо, сэр, - запротестовал Милоу
'What about my record?	- А как насчет моего послужного списка?

The other men are getting all the fame and medals and publicity.	Другим пилотам - и слава, и награды, и популярность.
Why should I be penalized just because I'm doing such a good job as mess officer?'	А я должен страдать только потому, что в поте лица своего руковожу столовой?
'No, Milo, it isn't fair.	- Конечно, Милоу, это несправедливо.
But I don't see anything we can do about it.'	Но я не представляю, что тут можно сделать.
'Maybe we can get someone else to fly my missions for me.'	- Может быть, кто-то другой будет выполнять за меня боевые задания?

'But maybe we can get someone else to fly your missions for you,' Colonel Cathcart suggested.	- А что, если действительно кто-то другой будет выполнять за вас боевые задания? - задумчиво произнес полковник Кэткарт.
'How about the striking coal miners in Pennsylvania and West Virginia?'	- Ну, скажем, бастующие шахтеры из Пенсильвании или Западной Виргинии?
Milo shook his head.	Милоу покачал головой:
' It would take too long to train them.	- Их слишком далеко придется везти.
But why not the men in the squadron, sir?	А почему бы не заставить пилотов из нашей эскадрильи, сэр?
After all, I'm doing this for them.	В конце концов, все, что я делаю, я делаю для них.

They ought to be willing to do something for me in return.'	В благодарность за это они должны что-то сделать и для меня.

'But why not the men in the squadron, Milo?' Colonel Cathcart exclaimed.	- А что, если действительно заставить пилотов из вашей эскадрильи, Милоу? - воскликнул полковник Кэткарт.
'After all, you're doing all this for them.	- В конце концов, все, что вы делаете, вы делаете для них.
They ought to be willing to do something for you in return.'	В благодарность за это и они должны что-то сделать для вас.
' What's fair is fair.'	- Что справедливо, то справедливо, сэр.
' What's fair is fair.'	- Разумеется, что справедливо, то справедливо.

' They could take turns, sir.'	- Они могли бы летать по очереди, сэр.
'They might even take turns flying your missions for you, Milo.'	- Действительно, Милоу, почему бы им по очереди не летать за вас на задания!
' Who gets the credit?'	- А кто будет получать награды?
' You get the credit, Milo.	- Вы будете получать награды, Милоу.
And if a man wins a medal flying one of your missions, you get the medal.'	И если кто-то заслужит медаль, летая за вас, то эту медаль получите вы.
' Who dies if he gets killed?'	- А кто будет умирать, если его собьют?
'Why, he dies, of course.	- Кто летает, тот и умирает.

After all, Milo, what's fair is fair.	В конце концов, Милоу, что справедливо, то справедливо.
There's just one thing.'	Только, видите ли, какое дела...
'You'll have to raise the number of missions.'	- Тогда вам придется увеличить норму боевых вылетов, сэр?
'I might have to raise the number of missions again, and I'm not sure the men will fly them.	- Я-то ее повысил бы, но не уверен, подчинятся ли летчики.
They're still pretty sore because I jumped them to seventy.	Они и так злятся, что я взвинтил норму до семидесяти.

If I can get just one of the regular officers to fly more, the rest will probably follow.'	Но если б мне удалось уговорить хотя бы одного, то, вероятно, и другим пришлось бы смириться.
'Nately will fly more missions, sir,' Milo said.	- Нейтли готов летать и дальше, сэр, - сказал Милоу.
'I was told in strictest confidence just a little while ago that he'll do anything he has to in order to remain overseas with a girl he's fallen in love with.'	- Мне только что сообщили под большим секретом, что он готов на все, лишь бы остаться в Европе с любимой девушкой.

'But Nately will fly more!' Colonel Cathcart declared, and he brought his hands together in a resounding clap of victory.	- Так вот Нейтли и будет летать дальше, - объявил полковник Кэткарт и на радостях хлопнул в ладоши.
'Yes, Nately will fly more.	- Да, Нейтли будет летать.
And this time I'm really going to jump the missions, right up to eighty, and really knock General Dreedle's eye out.	И на сей раз я действительно увеличу норму вылетов сразу до восьмидесяти и заставлю позеленеть от злости генерала Дридла!

And this is a good way to get that lousy rat Yossarian back into combat where he might get killed.'	А заодно, это хороший повод опять послать эту грязную крысу Йоссариана в бой, где ему, может быть, свернут шею.
' Yossarian?'	- Йоссариана?
A tremor of deep concern passed over Milo's simple, homespun features, and he scratched the corner of his reddish-brown mustache thoughtfully.	- Честное, простодушное лицо Милоу выразило глубочайшую озабоченность, и он задумчиво покрутил кончик рыжеватого уса.
' Yeah, Yossarian.	- Да, Йоссариана.

I hear he's going around saying that he's finished his missions and the war's over for him.	Я слышал, он ходит повсюду и бубнит, что, поскольку от отлетал положенное, война для него закончилась.
Well, maybe he has finished his missions. But he hasn't finished your missions, has he?	Может быть, он и отлетал положенное ему, но он не отлетал положенного вам. А?
Ha!	Ха!
Ha!	Ха!
Has he got a surprise coming to him!'	То-то он удивится, когда узнает!
' Sir, Yossarian is a friend of mine,' Milo objected.	- Сэр, Йоссариан - мой друг, - возразил Милоу.

'I'd hate to be responsible for doing anything that would put him back in combat.	- И мне тяжело было бы думать, что по моей вине ему пришлось снова рисковать головой.
I owe a lot to Yossarian.	Я многим обязан Йоссариану.
Isn't there any way we could make an exception of him?'	Нет ли какого-нибудь способа сделать для него исключение?
'Oh, no, Milo.' Colonel Cathcart clucked sententiously, shocked by the suggestion.	- О нет, Милоу, - назидательно изрек полковник Кэткарт, шокированный таким предложением.
'We must never play favorites.	- У нас нет любимчиков.
We must always treat every man alike.'	Мы должны относиться ко всем одинаково.

'I'd give everything I own to Yossarian,' Milo persevered gamely on Yossarian's behalf.	- Ради Йоссариана я готов пожертвовать всем, что у меня есть, - мужественно продолжал Милоу отстаивать Йоссариана.
'But since I don't own anything, I can't give everything to him, can I?	- Но поскольку у меня ничего нет, следовательно, и жертвовать мне нечем. Не так ли?
So he'll just have to take his chances with the rest of the men, won't he?'	Стало быть, Йоссариан должен рисковать наравне с другими.
'What's fair is fair, Milo.'	- Что справедливо, то справедливо.
'Yes, sir, what's fair is fair,' Milo agreed.	- Да, сэр, что справедливо, то справедливо, -согласился Милоу.

'Yossarian is no better than the other men, and he has no right to expect any special privileges, has he?'	- В конце концов, Йоссариан не лучше других, и он не имеет права на какие-то особые привилегии...
'No, Milo.	- Конечно, не имеет, Милоу.
What's fair is fair.'	Что справедливо, то справедливо.

And there was no time for Yossarian to save himself from combat once Colonel Cathcart issued his announcement raising the missions to eighty late that same afternoon, no time to dissuade Nately from flying them or even to conspire again with Dobbs to murder Colonel Cathcart, for the alert sounded suddenly at dawn the next day and the men were rushed into the trucks before a decent breakfast could be prepared, and they were driven at top speed to the briefing room and then out to the airfield, where the clitterclattering fuel trucks were still pumping gasoline into the tanks of the planes

На сей раз Йоссариан не успел прибегнуть к спасительным мерам: полковник Кэткарт объявил свой приказ о повышении нормы вылетов до восьмидесяти в конце того же дня. Йоссариан не успел ни отговорить Нейтли от участия в этом налете, ни даже вступить в тайный сговор с Доббсом, чтобы убить полковника Кэткарта. На следующее утро, едва забрезжил рассвет, внезапно прозвучала тревога, в столовой еще не приготовили приличного завтрака, а летчиков уже затолкали в грузовики, которые вихрем помчались сначала к инструкторской, а затем на аэродром, где тарахтящие бензоза-

Everybody was running, and engines were turned on and warmed up as soon as the fuel trucks had finished.	Все носились сломя голову, и, как только самолеты заправились, пилоты сразу же начали заводить и разогревать моторы.
Intelligence had reported that a disabled Italian cruiser in drydock at La Spezia would be towed by the Germans that same morning to a channel at the entrance of the harbor and scuttled there to deprive the Allied armies of deep-water port facilities when they captured the city.	Разведка донесла, что в это утро немцы собираются отбуксировать из сухого дока Специи вышедший из строя итальянский крейсер и затопить его у входа в гавань, чтобы помешать союзным войскам воспользоваться глубоководным портом, когда они займут город.
For once, a military intelligence report proved accurate.	На сей раз данные военной разведки оказались точными.

The long vessel was halfway across the harbor when they flew in from the west, and broke it apart with direct hits from every flight that filled them all with waves of enormously satisfying group pride until they found themselves engulfed in great barrages of flak that rose from guns in every bend of the huge horseshoe of mountainous land below.	Когда самолеты подошли к гавани с запада, длинный корабль находился на полпути к месту затопления, и они разнесли крейсер вдребезги. Каждое звено отличилось прямым попаданием, и летчики очень гордились этим. Но вдруг они оказались в пучине мощного заградительного огня: зенитки били отовсюду, со всего огромного подковообразного, гористого побережья.

Even Havermeyer resorted to the wildest evasive action he could command when he saw what a vast distance he had still to travel to escape, and Dobbs, at the pilot's controls in his formation, zigged when he should have zagged, skidding his plane into the plane alongside, and chewed off its tail.	Даже Хэвермейеру пришлось прибегнуть к самым диким противозенитным маневрам, когда он увидел, какое большое расстояние еще нужно пройти, чтобы выскользнуть из зоны зенитного огня, а Доббс, ведя самолет, делал "зиги", когда надо было делать "заги", и зацепил крылом соседний самолет, снеся ему напрочь хвост.
His wing broke off at the base, and his plane dropped like a rock and was almost out of sight in an instant. There was no fire, no smoke, not the slightest untoward noise.	Крыло машины Доббса обломилось у самого основания, и самолет бесшумно пошел камнем вниз, не оставляя за собой ни огня, ни дыма.

The remaining wing revolved as ponderously as a grinding cement mixer as the plane plummeted nose downward in a straight line at accelerating speed until it struck the water, which foamed open at the impact like a white water lily on the dark-blue sea, and washed back in a geyser of apple-green bubbles when the plane sank.	Оторвавшееся крыло вертелось медленно и деловито, словно барабан бетономешалки, а сам самолет с нарастающей скоростью падал носом вниз, пока не врезался в воду. От удара море вспенилось, и на темно-голубой глади выросла белая лилия, а едва самолет скрылся под водой, лилия опала бурлящей россыпью яблочно-зеленых пузырей.
It was over in a matter of seconds.	Все было кончено за несколько секунд.
There were no parachutes.	Никто не выпрыгнул с парашютом.

And Nately, in the other plane, was killed too.	А в самолете, которому Доббс снес хвост, погиб Нейтли.
The Cellar Nately's death almost killed the chaplain.	36. Подвал Узнав о гибели Нейтли, капеллан чуть сам не умер.
Chaplain Shipman was seated in his tent, laboring over his paperwork in his reading spectacles, when his phone rang and news of the mid-air collision was given to him from the field.	Он сидел у себя в палатке и, нацепив очки, корпел над бумагами, как вдруг зазвонил телефон и с аэродрома сообщили о воздушной катастрофе.
His insides turned at once to dry clay.	Внутри у капеллана как будто все оборвалось.
His hand was trembling as he put the phone down.	Дрожащей рукой он положил трубку на рычаг.

His other hand began trembling.	Другая рука тоже дрожала.
The disaster was too immense to contemplate.	Несчастье было столь громадно, что не умещалось в сознании.
Twelve men killed- how ghastly, how very, very awful!	Погибло двенадцать человек - как это чудовищно, страшно, невероятно!
His feeling of terror grew.	Ужас рос.

He prayed instinctively that Yossarian, Nately, Hungry Joe and his other friends would not be listed among the victims, then berated himself repentantly, for to pray for their safety was to pray for the death of other young men he did not even know.	Сколько раз капеллан безотчетно просил бога, чтобы смерть миновала Йоссариана, Нейтли, Заморыша Джо и остальных его друзей, а потом раскаивался и бранил себя: ведь молясь за благополучие своих друзей, он тем самым вымаливал смерть для других, совершенно неизвестных ему молодых людей.
It was too late to pray; yet that was all he knew how to do.	Сейчас молиться было слишком поздно, а ничего другого он делать не умел.

His heart was pounding with a noise that seemed to be coming from somewhere outside, and he knew he would never sit in a dentist's chair again, never glance at a surgical tool, never witness an automobile accident or hear a voice shout at night, without experiencing the same violent thumping in his chest and dreading that he was going to die.	Сердце тяжело стучало, стук его, казалось, доносился откуда-то извне. Он понял, что отныне, когда он сядет в кресло зубного врача, или взглянет на хирургические инструменты, или окажется свидетелем автомобильной катастрофы, или услышит крик в ночи, сердце его будет так же неистово биться о ребра и он будет ощущать такой же, как теперь, ужасный страх перед смертью.

He would never watch another fist fight without fearing he was going to faint and crack his skull open on the pavement or suffer a fatal heart attack or cerebral hemorrhage.	Он понял, что отныне, когда будет смотреть бокс, в голову ему обязательно полезет мысль о том, что однажды он упадет в обморок на тротуаре и проломит себе голову, или что его ждет неминуемый разрыв сердца и кровоизлияние в мозг.
He wondered if he would ever see his wife again or his three small children.	Он не был уверен, суждено ли ему еще увидеть свою жену и малышей.
He wondered if he ever should see his wife again, now that Captain Black had planted in his mind such strong doubts about the fidelity and character of all women.	"Да и стоит ли, - размышлял он, - вообще возвращаться к жене? - Капитан Блэк посеял в его душе сильные сомнения относительно женской верности и стойкости женского характера.

There were so many other men, he felt, who could prove more satisfying to her sexually.	И впрямь ведь, думал капеллан, существует множество других мужчин, которые с половой точки зрения больше бы устроили его жену.
When he thought of death now, he always thought of his wife, and when he thought of his wife he always thought of losing her.	Теперь, когда он задумывался о смерти, он всегда думал о жене, а когда он думал о жене, всегда боялся потерять ее.
In another minute the chaplain felt strong enough to rise and walk with glum reluctance to the tent next door for Sergeant Whitcomb.	Наконец капеллан собрался с силами, угрюмо насупился и заставил себя зайти в соседнюю палатку за сержантом Уиткомом.
They drove in Sergeant Whitcomb's jeep.	Они отправились на аэродром в сержантовом джипе.

The chaplain made fists of his hands to keep them from shaking as they lay in his lap.	Чтобы не дрожали руки, капеллан сжал кулаки и положил их на колени.
He ground his teeth together and tried not to hear as Sergeant Whitcomb chirruped exultantly over the tragic event. Twelve men killed meant twelve more form letters of condolence that could be mailed in one bunch to the next of kin over Colonel Cathcart's signature, giving Sergeant Whitcomb hope of getting an article on Colonel Cathcart into The Saturday Evening Post in time for Easter.	Он стиснул зубы, стараясь не слушать, как сержант Уитком радостно щебечет по поводу трагического происшествия: двенадцать убитых означали еще двенадцать официальных, за подписью полковника Кэткарта, писем соболезнования ближайшим родственникам погибших. А это давало сержанту Уиткому основание надеяться, что на пасху в "Сатердэй ивнинг пост" появится наконец статья, посвященная полковнику Кэткарту.

At the field a heavy silence prevailed, overpowering motion like a ruthless, insensate spell holding in thrall the only beings who might break it.	Над летным полем стояла тяжкая, давящая тишина, точно некий волшебник околдовал и безжалостно сковал все вокруг.
The chaplain was in awe.	Благоговейный ужас объял капеллана.
He had never beheld such a great, appalling stillness before.	Такой огромной, пугающей тишины капеллан еще никогда не ощущал.

Almost two hundred tired, gaunt, downcast men stood holding their parachute packs in a somber and unstirring crowd outside the briefing room, their faces staring blankly in different angles of stunned dejection.	Почти двести человек, усталых, исхудалых, с растерянным и унылым видом, стояли с парашютными ранцами у инструкторской мрачной, недвижимой толпой.
They seemed unwilling to go, unable to move.	Казалось, они не желают, да и не могут сдвинуться с места.

The chaplain was acutely conscious of the faint noise his footsteps made as he approached.	Капеллан отчетливо слышал слабое поскрипывание песка под своими каблуками.

His eyes searched hurriedly, frantically, through the immobile maze of limp figures.	Глаза его метались по застывшему скопищу поникших фигур.
He spied Yossarian finally with a feeling of immense joy, and then his mouth gaped open slowly in unbearable horror as he noted Yossarian's vivid, beaten, grimy look of deep, drugged despair.	Тут он заметил Йоссариана и безмерно обрадовался, но тут же застыл, пораженный мрачным, пришибленным видом Йоссариана, глубоким отчаянием, которое он прочитал в его остановившихся, точно подернутых наркотической дремой глазах.

He understood at once, recoiling in pain from the realization and shaking his head with a protesting and imploring grimace, that Nately was dead.	И тогда капеллан понял, что Нейтли действительно мертв.
The knowledge struck him with a numbing shock. A sob broke from him.	Пытаясь избавиться от этой мысли, он протестующе замотал головой, на лице его отразилась мука, и всего его как будто парализовало.
The blood drained from his legs, and he thought he was going to drop.	Ноги оледенели, и он почувствовал, что сейчас рухнет наземь.
Nately was dead.	Нейтли - мертв.

All hope that he was mistaken was washed away by the sound of Nately's name emerging with recurring clarity now from the almost inaudible babble of murmuring voices that he was suddenly aware of for the first time.	Все надежды на то, что это ложный слух, пошли прахом. Только теперь он впервые различил едва слышимое бормотание толпы, непрестанно и четко повторявшей имя Нейтли.
Nately was dead: the boy had been killed.	Нейтли мертв - мальчика убили.
A whimpering sound rose in the chaplain's throat, and his jaw began to quiver. His eyes filled with tears, and he was crying.	Где-то в горле зарождался скулящий вой, подбородок задрожал, глаза наполнились слезами, капеллан заплакал.

He started toward Yossarian on tiptoe to mourn beside him and share his wordless grief.	На цыпочках он двинулся к Йоссариану, чтобы с ним вместе разделить горе...
At that moment a hand grabbed him roughly around the arm and a brusque voice demanded,	В этот момент чей-то грубый, жесткий голос властно произнес:
' Chaplain Shipman?'	- Капеллан Тэппман?
He turned with surprise to face a stout, pugnacious colonel with a large head and mustache and a smooth, florid skin.	Капеллан удивленно обернулся: перед ним с вызывающим видом стоял кряжистый, усатый, большеголовый полковник с гладкими розовыми щеками. Вид у полковника был весьма задиристый.

He had never seen the man before.	Прежде капеллану не доводилось встречать этого человека.
'Yes.	- Да.
What is it?'	А в чем дело?
The fingers grasping the chaplain's arm were hurting him, and he tried in vain to squirm loose.	Пальцы полковника до боли стиснули руку капеллана. Он попытался высвободиться, но безуспешно.

' Come along.'	- Пройдемте.
The chaplain pulled back in frightened confusion.	Озадаченный капеллан испуганно отпрянул:
'Where?	- Куда?
Why?	Зачем?

Who are you, anyway?'	И вообще, кто вы такой?
'You'd better come along with us, Father,' a lean, hawk-faced major on the chaplain's other side intoned with reverential sorrow.	- Вам бы лучше подчинить-ся, святой отец. -почтитель-но-печальным тоном сказал худощавый майор с ястре-биным лицом, неожиданно выросший у другого плеча капеллана.
' We're from the government.	- Мы действуем от лица пра-вительства.
We want to ask you some questions.'	У нас к вам несколько вопро-сов.
'What kind of questions?	- Какие вопросы?

What's the matter?'	В чем дело?
'Aren't you Chaplain Shipman?' demanded the obese colonel.	- Вы ведь капеллан Тэппман? - резко спросил дородный полковник.
'He's the one,' Sergeant Whitcomb answered.	- Это он, он, - заверил Уиткком.
'Go on along with them,' Captain Black called out to the chaplain with a hostile and contemptuous sneer.	- Следуйте за ними! - прикрикнул на капеллана капитан Блэк, недобро ухмыляясь.

' Go on into the car if you know what's good for you.'	- Если желаете себе добра, садитесь-ка в машину.
Hands were drawing the chaplain away irresistibly.	Чьи-то руки настойчиво потащили капеллана к машине.
He wanted to shout for help to Yossarian, who seemed too far away to hear.	Он хотел позвать на помощь Йоссариана, но тот стоял слишком далеко и не услышал бы.
Some of the men nearby were beginning to look at him with awakening curiosity.	Кое-кто из стоявших поблизости начал поглядывать на капеллана с любопытством.

The chaplain bent his face away with burning shame and allowed himself to be led into the rear of a staff car and seated between the fat colonel with the large, pink face and the skinny, unctuous, despondent major.	Сгорая от стыда, капеллан низко опустил голову и уже без всякого сопротивления позволил усадить себя на заднее сиденье штабной машины. Он оказался между толстым розовощеким полковником и тощим унылым майором с елейным голосом.
He automatically held a wrist out to each, wondering for a moment if they wanted to handcuff him.	Капеллан машинально протянул им руки, решив, что они пожелают надеть на него наручники.

Another officer was already in the front seat.	Впереди сидел еще один офицер.
A tall M.P. with a whistle and a white helmet got in behind the wheel.	За руль сел здоровенный солдат из военной полиции со свистком и в белом шлеме.
The chaplain did not dare raise his eyes until the closed car had lurched from the area and the speeding wheels were whining on the bumpy blacktop road.	Капеллан не осмеливался поднять глаза, покуда крытая легковая машина, переваливаясь из стороны в сторону, не выехала из расположения эскадрильи и не помчалась по ухабистой дороге.

'Where are you taking me?' he asked in a voice soft with timidity and guilt, his gaze still averted.	- Куда вы меня везете? - робким, виноватым голосом спросил капеллан, все еще не смея поднять глаз.

The notion came to him that they were holding him to blame for the mid-air crash and the death of Nately.	Он вдруг подумал, что его задержали по подозрению в причастности к воздушной катастрофе и смерти Нейтли.
' What have I done?'	- Что я такого сделал?
'Why don't you keep your trap shut and let us ask the questions?' said the colonel.	- Вам бы лучше помолчать! Вопросы будем задавать мы, - сказал полковник.
' Don't talk to him that way,' said the major.	- Ну, зачем же таким тоном?.. - сказал майор.

' It isn't necessary to be so disrespectful.'	- Так неуважительно...
'Then tell him to keep his trap shut and let us ask the questions.'	- Тогда попросите его, чтобы он молчал и предоставил нам возможность задавать вопросы.
'Father, please keep your trap shut and let us ask the questions,' urged the major sympathetically.	- Заткнитесь, пожалуйста, святой отец, и дозвольте уж нам задавать вопросы, -доброжелательным тоном сказал майор.
' It will be better for you.'	- Так оно для вас будет лучше.
'It isn't necessary to call me Father,' said the chaplain.	- Вовсе не обязательно называть меня святым отцом.
' I'm not a Catholic.'	Я не католик.

'Neither am I, Father,' said the major.	- И я тоже, святой отец, - сказал майор.
'It's just that I'm a very devout person, and I like to call all men of God Father.'	- Просто я очень благочестивый человек, и мне нравится называть всех служителей господа святыми отцами.
'He doesn't even believe there are atheists in foxholes,' the colonel mocked, and nudged the chaplain in the ribs familiarly.	- Наш майор считает, что в окопах не встретишь неверующих, - поддел майора полковник и фамильярно ткнул капеллана кулаком в бок.
' Go on, Chaplain, tell him.	- Ну-ка, капеллан, просветите его.
Are there atheists in foxholes?'	В окопах попадаются неверующие, а?

'I don't know, sir,' the chaplain replied. 'I've never been in a foxhole.'	- Не знаю, сэр, - ответил капеллан, - мне не приходилось бывать в окопах.
The officer in front swung his head around swiftly with a quarrelsome expression.	Офицер с переднего сиденья круто обернулся и вызывающе спросил:
'You've never been in heaven either, have you?	- Но ведь на небесах-то вам тоже не приходилось бывать!
But you know there's a heaven, don't you?'	А ведь вы знаете, что небеса есть, а?
' Or do you?' said the colonel.	- Или не знаете? - спросил полковник.

'That's a very serious crime you've committed, Father,' said the major.	- Вы совершили очень тяжкое преступление, святой отец, - сказал майор.
' What crime?'	- Какое преступление?
'We don't know yet,' said the colonel.	- Этого мы пока не знаем, - сказал полковник.
'But we're going to find out.	- Но намерены выяснить.
And we sure know it's very serious.'	Одно лишь мы знаем наверняка: преступление ваше весьма серьезно.

The car swung off the road at Group Headquarters with a squeal of tires, slackening speed only slightly, and continued around past the parking lot to the back of the building.	Скрипнув шинами, автомобиль свернул с дороги и, слегка замедлив ход, подкатил к штабу полка, а затем, обогнув здание, - к черному ходу.
The three officers and the chaplain got out. In single file, they ushered him down a wobbly flight of wooden stairs leading to the basement and led him into a damp, gloomy room with a low cement ceiling and unfinished stone walls.	Офицеры вышли из машины и препроводили капеллана по шаткой деревянной лестнице вниз, в подвал - сырую, мрачную комнату с низким цементным потолком и неоштукатуренной каменной стеной.

There were cobwebs in all the corners.	По углам свисала паутина.
A huge centipede blew across the floor to the shelter of a water pipe.	Огромная сороконожка промчалась по полу и скрылась под водопроводной трубой.
They sat the chaplain in a hard, straight-backed chair that stood behind a small, bare table.	Капеллана усадили на жесткий стул с прямой спинкой напротив пустого маленького столика.

'Please make yourself comfortable, Chaplain,' invited the colonel cordially, switching on a blinding spotlight and shooting it squarely into the chaplain's face. He placed a set of brass knuckles and box of wooden matches on the table.	- Пожалуйста, располагайтесь поудобней, капеллан, - сердечно предложил полковник, включая ослепительно яркую лампу и направляя ее свет в лицо капеллану Он положил на стол медный кастет и коробок спичек.
'We want you to relax.'	- Будьте как дома.
The chaplain's eyes bulged out incredulously.	Глаза у капеллана полезли на лоб.

His teeth chattered and
his limbs felt utterly without strength. He was powerless. They might do whatever they wished to him, he realized; these brutal men might beat him to death right there in the basement, and no one would intervene to save him, no one, perhaps,
but the devout and sympathetic major with the sharp face, who set a water tap dripping loudly into a sink and returned to the table to lay a length of heavy rubber hose down beside
the brass knuckles.

Зубы начали выбивать мелкую дробь, руки и ноги стали ватными, слабость разлилась по телу Он понимал, что теперь они могут делать с ним все, что им заблагорассудится. Здесь, в подвале, эти жестокие люди могли избить его до смерти, и никто не вмешается и не спасет его, никто, кроме разве этого набожного, благожелательного, остролицего майора. Между тем благожелательный майор приоткрыл водопроводный кран так, чтобы вода с шумом лилась в раковину, и, вернувшись, положил на стол рядом с медным кастетом длинный тяжелый резиновый шланг.

'Everything's going to be all right, Chaplain,' the major said encouragingly.	- Ну что ж, все прекрасно, капеллан, - приободрил его майор.
' You've got nothing to be afraid of if you're not guilty.	- Если вы не виновны, вам бояться нечего.
What are you so afraid of?	Чего вы так испугались?
You're not guilty, are you?'	Ведь вы же не виновны?
'Sure he's guilty,' said the colonel.	- Еще как виновен, - сказал полковник.
' Guilty as hell.'	- Виновен с головы до пят.

'Guilty of what?' implored the chaplain, feeling more and more bewildered and not knowing which of the men to appeal to for mercy.	- Но в чем я виновен? - взмолился капеллан, все более теряясь. Он не знал, у кого из этих людей просить пощады.
The third officer wore no insignia and lurked in silence off to the side.	Офицер без знаков различия притаился в дальнем углу.

' What did I do?'	- Что я такого сделал?
'That's just what we're going to find out,' answered the colonel, and he shoved a pad and pencil across the table to the chaplain.	- Именно это мы и собираемся выяснить, - ответил полковник и придвинул капеллану клочок бумаги и карандаш.

'Write your name for us, will you?	- Будьте любезны, напишите-ка вашу фамилию.
In your own handwriting.'	Только своим собственным почерком.
'My own handwriting?'	- Своим почерком?
' That's right.	- Вот именно.
Anywhere on the page.'	Где-нибудь на этой бумажке.
When the chaplain had finished, the colonel took the pad back and held it up alongside a sheet of paper he removed from a folder.	Когда капеллан расписался, полковник отобрал у него бумажку и положил рядом с листом бумаги, который он вынул из папки.

'See?' he said to the major, who had come to his side and was peering solemnly over his shoulder.	- Видите, - сказал полковник майору, который из-за его плеча с чрезвычайной серьезностью рассматривал оба документа.
'They're not the same, are they?' the major admitted.	- Почерк как будто разный, а? - высказал предположение майор.
' I told you he did it.'	- Я говорил вам, что это - его работа.
'Did what?' asked the chaplain.	- Какая работа? - спросил капеллан.
'Chaplain, this comes as a great shock to me,' the major accused in a tone of heavy lamentation.	- Капеллан, для меня это тяжкий удар, - с глубокой, печальной укоризной в голосе проговорил майор.
'What does?'	- О каком ударе вы говорите?

' I can't tell you how disappointed I am in you.'	- Слов не нахожу, как вы меня разочаровали!
'For what?' persisted the chaplain more fiantically.	- Чем? - все более исступленно допытывался капеллан.
' What have I done?'	- Что я такого сделал?
'For this,' replied the major, and, with an air of disillusioned disgust, tossed down on the table the pad on which the chaplain had signed his name.	- А вот что, - ответил майор и с видом человека, обманутого в своих лучших надеждах, швырнул на стол клочок бумаги, на котором только что расписался капеллан.
' This isn't your handwriting.'	- Это не ваш почерк.

The chaplain blinked rapidly with amazement.	От удивления капеллан быстро-быстро заморгал.
'But of course it's my handwriting.'	- Как это - не мой? Мой!
'No it isn't, Chaplain.	- Нет, не ваш, капеллан.
You're lying again.'	Вы снова лжете.
'But I just wrote it!' the chaplain cried in exasperation. 'You saw me write it.'	- Но ведь я только что расписался у вас на глазах,- в отчаянии закричал капеллан.
'That's just it,' the major answered bitterly.	- Вот именно, - сокрушенно возразил майор.
' I saw you write it.	- Именно у нас на глазах.

You can't deny that you did write it.	Поэтому вы и не можете отрицать, что это написано вами.
A person who'll lie about his own handwriting will lie about anything.'	Человек, который пишет чужим почерком, способен на любую ложь.
'But who lied about my own handwriting?' demanded the chaplain, forgetting his fear in the wave of anger and indignation that welled up inside him suddenly.	- Кто это пишет чужим почерком? - спросил капеллан. В припадке злости и негодования он забыл обо всех своих страхах.
' Are you crazy or something?	- Вы сошли с ума!
What are you both talking about?'	Что вы такое городите?

'We asked you to write your name in your own handwriting. And you didn't do it.'	- Вас просили расписаться, как вы обычно расписываетесь, а вы этого не сделали.
'But of course I did. In whose handwriting did I write it if not my own?'	- Как это не сделал?
' In somebody else's.'	Чей же это еще почерк, если не мой?
'Whose?'	- Чей-то еще.
'That's just what we're going to find out,' threatened the colonel.	- Чей? - Именно это мы и пытаемся выяснить, - угрожающе проговорил полковник.
' Talk, Chaplain.'	- Признавайтесь, капеллан.

The chaplain looked from one to the other of the two men with rising doubt and hysteria.	Все больше недоумевая, капеллам переводил взгляд с одного на другого. Он был на грани истерики.
'That handwriting is mine,' he maintained passionately.	- Это мой почерк, - горячо настаивал капеллан.
'Where else is my handwriting, if that isn't it?'	- Если это не мой почерк, то какой же еще мой?
'Right here,' answered the colonel.	- А вот этот, - ответил полковник.

And looking very superior, he tossed down on the table a photostatic copy of a piece of V mail in which everything but the salutation 'Dear Mary' had been blocked out and on which the censoring officer had written, 'I long for you tragically.	С торжествующим видом он швырнул на стол фотокопию солдатского письма, из которого было вымарано все, кроме обращения "Дорогая Мэри!" и приписки цензора: "Я тоскую по тебе ужасно.
R. O.	А.Т.
Shipman, Chaplain, U.S. Army.'	Тэппман, капеллан армии Соединенных Штатов".
The colonel smiled scornfully as he watched the chaplain's face turn crimson.	Заметив, что лицо капеллана залила краска, полковник презрительно улыбнулся.

'Well, Chaplain? Do you know who wrote that?'	- Ну, капеллан, не знаете ли вы, кто это написал?
The chaplain took a long moment to reply; he had recognized Yossarian's handwriting.	Капеллан помедлил с ответом: он узнал почерк Йоссариана.
'No.'	- Нет.
'You can read, though, can't you?' the colonel persevered sarcastically.	- Ну, а читать-то вы хоть умеете? - саркастически спросил полковник.
'The author signed his name.'	- Автор ведь расписался?
' That's my name there.'	- Да, под письмом моя фамилия.

' Then you wrote it.	- Стало быть, вы и автор.

Q.E.D.'	Что и требовалось доказать.
'But I didn't write it.	- Но я этого не писал!
That isn't my handwriting, either.'	И почерк не мой!
'Then you signed your name in somebody else's handwriting again,' the colonel retorted with a shrug.	- Значит, вы и тогда изменили свой почерк, пожав плечами, возразил полковник.
' That's all that means.'	- Только и всего.
'Oh, this is ridiculous!' the chaplain shouted, suddenly losing all patience.	- Но ведь это просто абсурд! - заорал капеллан. Терпение его лопнуло.

He jumped to his feet in a blazing fury, both fists clenched.	Сжимая кулаки и пылая от ярости, он вскочил на ноги.
'I'm not going to stand for this any longer! Do you hear?	- Я не намерен этого больше терпеть, слышите?
Twelve men were just killed, and I have no time for these silly questions.	Только что погибло двенадцать человек, и у меня нет времени заниматься всякой ерундой.
You've no right to keep me here, and I'm just not going to stand for it.'	Вы не имеете права держать меня здесь! Я не намерен этого больше терпеть!

Without saying a word, the colonel pushed the chaplain's chest hard and knocked him back down into the chair, and the chaplain was suddenly weak and very much afraid again.	Не говоря ни слова, полковник с силой толкнул капеллана в грудь, так что тот свалился на стул. Капеллан снова почувствовал страх и слабость.
The major picked up the length of rubber hose and began tapping it menacingly against his open palm.	Майор поднял длинный резиновый шланг и принялся многозначительно постукивать им по ладони.

The colonel lifted the box of matches, took one out and held it poised against the striking surface, watching with glowering eyes for the chaplain's next sign of defiance.	Полковник взял спички, вынул одну и, уставившись на капеллана злобным взглядом, приготовился чиркнуть о коробок, если капеллан еще раз проявит знаки неповиновения.
The chaplain was pale and almost too petrified to move.	Капеллан побледнел и от ужаса не мог пошевелиться.
The bright glare of the spotlight made him turn away finally; the dripping water was louder and almost unbearably irritating.	Ослепляющий свет лампы заставил его в конце концов отвернуться. Звук текущей из крана воды стал громче и невыносимо раздражал его.

He wished they would tell him what they wanted so that he would know what to confess.	Капеллану хотелось поскорее услышать, что им от него нужно, чтобы знать, в чем признаваться.
He waited tensely as the third officer, at a signal from the colonel, ambled over from the wall and seated himself on the table just a few inches away from the chaplain.	Он напряженно ждал. Тем временем третий офицер по знаку полковника отделился от стены и сел на край стола в нескольких дюймах от капеллана.
His face was expressionless, his eyes penetrating and cold.	Лицо его было бесстрастным, а взгляд пронзительным и холодным.

'Turn off the light,' he said over his shoulder in a low, calm voice.	- Выключите свет, - бросил он через плечо негромким, спокойным голосом.
' It's very annoying.'	- Он действует мне на нервы!

The chaplain gave him a small smile of gratitude.	Губы капеллана тронула благодарная улыбка:
' Thank you, sir.	- Благодарю вас, сэр.
And the drip too, please.'	И заодно приверните, пожалуйста, кран.
'Leave the drip,' said the officer.	- Кран не трогать, - сказал офицер.
' That doesn't bother me.'	- Он мне не мешает.

He tugged up the legs of his trousers a bit, as though to preserve their natty crease.	- Офицер слегка поддернул штанины, чтобы не испортить аккуратные складки.
'Chaplain,' he asked casually, 'of what religious persuasion are you?'	- Капеллан, - спросил он как бы между прочим, -какую религию вы исповедуете?
' I'm an Anabaptist, sir.'	- Я анабаптист, сэр.
' That's a pretty suspicious religion, isn't it?'	- Довольно подозрительная религия, а?
'Suspicious?' inquired the chaplain in a kind of innocent daze.	- Подозрительная? - переспросил капеллан, искренне удивившись.
'Why, sir?'	- Почему же, сэр?

'Well, I don't know a thing about it.	- Хотя бы потому, что я ничего о ней не слышал.
You'll have to admit that, won't you?	Надеюсь, вы мне верите, а?
Doesn't that make it pretty suspicious?'	Вот потому-то я и говорю, что ваша религия какая-то подозрительная.
'I don't know, sir,' the chaplain answered diplomatically, with an uneasy stammer.	- Не знаю, сэр, - дипломатично ответил капеллан, заикаясь от неловкости.
He found the man's lack of insignia disconcerting and was not even sure he had to say 'sir'.	У этого человека не было никаких знаков различия, и это сбивало капеллана с толку. Он даже сомневался, нужно ли величать его "сэр".
Who was he?	Кто он такой?

And what authority had he to interrogate him?	И какое право он имеет допрашивать его?
' Chaplain, I once studied Latin.	- Капеллан, в свое время я изучал латынь.
I think it's only fair to warn you of that before I ask my next question.	Я хочу честно предупредить вас об этом, прежде чем задать следующий вопрос.
Doesn't the word Anabaptist simply mean that you're not a Baptist?'	Означает ли слово "анабаптист" только то, что вы не баптист?
' Oh, no, sir. There's much more.'	- О нет, сэр, разница более серьезная.
' Are you a Baptist?'	- В таком случае вы - баптист?
'No, sir.'	- Нет, сэр.

' Then you are not a Baptist, aren't you?'	- Следовательно, вы не баптист, не так ли?
' Sir?'	- Как, сэр?..
'I don't see why you're bickering with me on that point.	- Не понимаю, зачем вы еще пререкаетесь со мной?
You've already admitted it.	Вы ведь уже признались, что вы не баптист.

Now, Chaplain, to say you're not a Baptist doesn't really tell us anything about what you are, does it?	Но, сказав, что вы не баптист, капеллан, вы еще отнюдь не сообщили нам, кто вы есть на самом деле.
You could be anything or anyone.'	Кем-то вы ведь должны быть, в конце концов.

He leaned forward slightly and his manner took on a shrewd and significant air.	- Он с многозначительным видом слегка подался вперед.
'You could even be,' he added, 'Washington Irving, couldn't you?'	- Вы можете оказаться даже, - добавил он, -Вашингтоном Ирвингом, не так ли?
'Washington Irving?' the chaplain repeated with surprise.	- Вашингтоном Ирвингом? - удивленно повторил капеллан.
'Come on, Washington,' the corpulent colonel broke in irascibly.	- Ну давай, Вашингтон, выкладывай, - сердито вмешался упитанный полковник.

'Why don't you make a clean breast of it?	- Давай уж выкладывай все начистоту.
We know you stole that plum tomato.'	Нам ведь известно, что ты украл помидор.
After a moment's shock, the chaplain giggled with nervous relief.	Капеллан онемел на секунду, потом у него вырвался нервный смешок.
' Oh, is that it!' he exclaimed.	- Ах вот оно что! - воскликнул он.
'Now I'm beginning to understand.	- Наконец-то я кое-что начинаю понимать.
I didn't steal that plum tomato, sir.	Я вовсе не крал этот помидор, сэр.
Colonel Cathcart gave it to me.	Полковник Кэткарт сам мне его дал.

You can even ask him if you don't believe me.'	Если не верите, можете спросить его самого.
A door opened at the other end of the room and Colonel Cathcart stepped into the basement as though from a closet.	В другом конце комнаты открылась дверь, которую капеллан принимал за дверцу шкафа, и в подземелье вошел полковник Кэткарт.
' Hello, Colonel.	- Привет, полковник.
Colonel, he claims you gave him that plum tomato.	Полковник, он утверждает, что вы ему дали помидор.
Did you?'	Это правда?
'Why should I give him a plum tomato?' answered Colonel Cathcart.	- С какой стати я буду давать ему помидоры? -ответил полковник Кэткарт.

' Thank you, Colonel. That will be all.'	- Благодарю вас полковник, у меня все.
'It's a pleasure, Colonel,' Colonel Cathcart replied, and he stepped back out of the basement, closing the door after him.	- Очень приятно, полковник, - ответил полковник Кэткарт и вышел из подземелья, прикрыв за собой дверь.
'Well, Chaplain?	- Ну, капеллан?
What have you got to say now?'	Что вы теперь скажете?
'He did give it to me!' the chaplain hissed in a whisper that was both fierce and fearful.	- И все-таки он дал мне помидор! - произнес капеллан свистящим шепотом, в котором одновременно слышались ярость и страх.

' He did give it to me!'	- Он все-таки дал мне помидор.

'You're not calling a superior officer a liar are you, Chaplain?'	- Иными словами, вы утверждаете, что старший офицер - лжец? Так вас надо понимать, капеллан?
'Why should a superior officer give you a plum tomato, Chaplain?'	- С какой стати старший офицер должен давать вам помидоры, а, капеллан?
'Is that why you tried to give it to Sergeant Whitcomb, Chaplain?	- Вот почему вы пытались всучить помидор сержанту Уиткому, капеллан?
Because it was a hot tomato?'	Помидор жег вам руки!

'No, no, no,' the chaplain protested, wondering miserably why they were not able to understand.	- Да нет же, нет! - запротестовал капеллан, мучительно пытаясь сообразить, почему они не хотят его понять.
'I offered it to Sergeant Whitcomb because I didn't want it.'	- Я предложил его сержанту У иткому, потому что мне он не нужен.
'Why'd you steal it from Colonel Cathcart if you didn't want it?'	- Зачем же вы тогда украли его у полковника Кэткарта, если он вам не нужен?
'I didn't steal it from Colonel Cathcard'	- Да не крал я его у полковника Кэткарта!
'Then why are you so guilty, if you didn't steal it?'	- Почему же у вас тогда такой виноватый вид, если вы не крали?
'I'm not guilty!'	- Виноватый? Я ни в чем не виновен.

'Then why would we be questioning you if you weren't guilty?'	- Но если вы не виновны, зачем бы мы вас стали допрашивать?
'Oh, I don't know,' the chaplain groaned, kneading his fingers in his lap and shaking his bowed and anguished head.	- Этого уж я не знаю, - простонал капеллан, сцепив пальцы и качая опущенной головой. Лицо его мучительно скривилось.
' I don't know.'	- Не знаю.
'He thinks we have time to waste,' snorted the major.	- Он думает, что мы собираемся тратить время попусту, - хмыкнул майор.
'Chaplain,' resumed the officer without insignia at a more leisurely pace, lifting a typewritten sheet of yellow paper from the open folder,	- Капеллан, - возобновил допрос офицер без знаков различия и достал из открытой папки желтый лист бумаги с машинописным текстом.

'I have a signed statement here from Colonel Cathcart asserting you stole that plum tomato from him.'	- Вот письменное заявление полковника Кэткарта. Он утверждает, что вы украли у него помидор.
He lay the sheet face down on one side of the folder and picked up a second page from the other side.	- Офицер еще ленивее, чем прежде, цедил слова. Он положил листок на стол текстом вниз и достал из папки еще одну страничку.
'And I have a notarized affidavit from Sergeant Whitcomb in which he states that he knew the tomato was hot just from the way you tried to unload it on him.'	- А вот это данные под присягой и заверенные у нотариуса письменные показания сержанта Уиткома. Он заявляет: по тому, как вы всеми правдами и неправдами пытались сплавить ему этот помидор, он понял, что помидор добыт сомнительным путем.

'I swear to God I didn't steal it, sir,' the chaplain pleaded with distress, almost in tears.	- Клянусь господом богом, я не крал, сэр, - чуть не плача взмолился несчастный капеллан.
' I give you my sacred word it was not a hot tomato.'	- Клянусь, что это не был краденый помидор.
' Chaplain, do you believe in God?'	- Капеллан, а вы верите в бога?

' Yes, sir. Of course I do.'	- Да, сэр, конечно.

'That's odd, Chaplain,' said the officer, taking from the folder another typewritten yellow page, 'because I have here in my hands now another statement from Colonel Cathcart in which he swears that you refused to co-operate with him in conducting prayer meetings in the briefing room before each mission.'	- Тогда странно, капеллан, - сказал офицер, вынимая из папки еще одну желтую машинописную страницу. - У меня в руках еще одно заявление полковника Кэткарта, в котором он клянется, что вы отказались проводить богослужения в инструкторской перед боевыми вылетами.

After looking blank a moment, the chaplain nodded quickly with recollection.	На секунду капеллан бессмысленно вытаращил глаза, а затем, вспомнив, поспешно кивнул головой.
'Oh, that's not quite true, sir,' he explained eagerly.	- О, это не совсем верно, сэр, - начал он объяснять с жаром.
'Colonel Cathcart gave up the idea himself once he realized enlisted men pray to the same God as officers.'	- Полковник Кэткарт сам отказался от этой идеи, как только понял, что сержанты и рядовые молятся тому же богу, что и офицеры.
'He did what?' exclaimed the officer in disbelief.	- Понял что? - воскликнул офицер, не веря своим ушам.

'What nonsense!' declared the red-faced colonel, and swung away from the chaplain with dignity and annoyance.	- Что за вздор! - с праведным негодованием заявил краснолицый полковник и сердито отвернулся от капеллана.
'Does he expect us to believe that?' cried the major incredulously.	- Неужто он полагает, что мы ему поверим? -недоверчиво вскрикнул майор.
The officer without insignia chuckled acidly.	На лице офицера без знаков различия появилась едкая усмешка.
'Chaplain, aren't you stretching things a bit far now?' he inquired with a smile that was indulgent and unfriendly.	- Капеллан, не слишком ли вы далеко зашли? -полюбопытствовал он.

'But, sir, it's the truth, sir!	- Но, сэр, это правда, сэр.
I swear it's the truth.'	Клянусь вам, что это правда.
'I don't see how that matters one way or the other,' the officer answered nonchalantly, and reached sideways again toward the open folder filled with papers.	- Правда или неправда - это значения не имеет, -небрежно отмахнулся офицер и боком потянулся к открытой папке, полной бумаг.
'Chaplain, did you say you did believe in God in answer to my question?	- Капеллан, в ответ на мой вопрос вы, кажется, сказали, что верите в бога.
I don't remember.'	Так, кажется?
' Yes, sir. I did say so, sir.	- Да, сэр, именно так я и сказал, сэр.

I do believe in God.'	Я действительно верю в бога.
'Then that really is very odd, Chaplain, because I have here another affidavit from Colonel Cathcart that states you once told him atheism was not against the law.	- Странно, очень странно, капеллан. Я располагаю еще одним показанием, данным под присягой полковником Кэткартом. Полковник Кэткарт заявляет, что однажды вы сказали ему, будто бы атеизм не противоречит закону.
Do you recall ever making a statement like that to anyone?'	Вы вообще-то хорошо помните, что говорите?

The chaplain nodded without any hesitation, feeling himself on very solid ground now.	Капеллан без колебаний утвердительно кивнул головой, чувствуя на сей раз под собой твердую почву.

' Yes, sir, I did make a statement like that.	- Да, сэр. Я действительно это утверждал.
I made it because it's true.	Я говорил так потому, что это правда.
Atheism is not against the law.'	Атеизм отнюдь не противоречит закону.
'But that's still no reason to say so, Chaplain, is it?' the officer chided tartly, frowning, and picked up still one more typewritten, notarized page from the folder.	- Но это еще не причина делать во всеуслышание подобные заявления, капеллан, а? - колко заметил офицер. Нахмурившись, он достал из папки очередную машинописную заверенную нотариусом страницу.

'And here I have another sworn statement from Sergeant Whitcomb that says you opposed his plan of sending letters of condolence over Colonel Cathcart's signature to the next of kin of men killed or wounded in combat.	- А вот у меня еще одно данное под присягой заявление сержанта У иткома. Он утверждает, что вы возражали против его плана рассылать родным и близким убитых и раненых в бою письма за подписью полковника Кэткарта.
Is that true?'	Это правда?
'Yes, sir, I did oppose it,' answered the chaplain. 'And I'm proud that I did.	- Да, сэр, я возражал против этого, - ответил капеллан, - и горжусь своим поступком.
Those letters are insincere and dishonest.	Такие письма выглядят неискренне и бесчестно.

Their only purpose is to bring glory to Colonel Cathcart.'	Их единственная цель - принести славу полковнику Кэткарту.
'But what difference does that make?' replied the officer.	- Это не имеет отношения к делу, - ответил офицер.
'They still bring solace and comfort to the families that receive them, don't they?	- Подобные письма так или иначе приносят покой и утешение семьям погибших.
Chaplain, I simply can't understand your thinking process.'	Я просто не понимаю хода вашей мысли.
The chaplain was stumped and at a complete loss for a reply.	Капеллан стал в тупик и, окончательно растерявшись, не знал, что ответить.

He hung his head, feeling tongue-tied and naive.	Он опустил голову, чувствуя себя косноязычным идиотом.
The ruddy stout colonel stepped forward vigorously with a sudden idea.	Румяный тучный полковник живо вскочил со стула - его осенило.
'Why don't we knock his goddam brains out?' he suggested with robust enthusiasm to the others.	- Почему бы нам не вышибить к чертовой матери из него мозги? - с энтузиазмом предложил он своим коллегам.
'Yes, we could knock his goddam brains out, couldn't we?' the hawk-faced major agreed.	- В самом деле, почему бы нам не вышибить из него мозги? - поддержал майор с ястребиным лицом.
'He's only an Anabaptist.'	- Подумаешь, какой-то там анабаптистишка!

'No, we've got to find him guilty first,' the officer without insignia cautioned with a languid restraining wave.	- Нет, сначала мы должны признать его виновным, - ленивым взмахом руки остановил их офицер без знаков различия.

He slid lightly to the floor and moved around to the other side of the table, facing the chaplain with both hands pressed flat on the surface.	Он легко спрыгнул на пол, обошел вокруг стола и, опершись руками о край, уставился прямо в лицо капеллану.
His expression was dark and very stern, square and forbidding.	У офицера было хмурое, устрашающее, суровое лицо.

'Chaplain,' he announced with magisterial rigidity, 'we charge you formally with being Washington Irving and taking capricious and unlicensed liberties in censoring the letters of officers and enlisted men.	- Капеллан, - объявил он жестким, повелительным тоном, - мы официально заявляем вам, что вы, будучи Вашингтоном Ирвингом, произвольно и незаконно присвоили себе право цензуровать письма офицерского и сержантско-рядового состава.
Are you guilty or innocent?'	Признаете ли вы себя виновным?
' Innocent, sir.'	- Не виновен, сэр.
The chaplain licked dry lips with a dry tongue and leaned forward in suspense on the edge of his chair.	- Капеллан облизнул языком сухие спекшиеся губы. Он сидел на краешке стула, в напряженном ожидании подавшись вперед.

'Guilty,' said the colonel.	- Виновен, - сказал полковник.
' Guilty,' said the major.	- Виновен, - сказал майор.
'Guilty it is, then,' remarked the officer without insignia, and wrote a word on a page in the folder.	- Стало быть, виновен, - резюмировал офицер без знаков различия и что-то записал на клочке бумаги.
'Chaplain,' he continued, looking up, 'we accuse you also of the commission of crimes and infractions we don't even know about yet.	- Капеллан, - продолжал он, вскинув голову, - мы обвиняем вас в преступлениях и нарушениях, о которых мы и сами пока что ничего не знаем.
Guilty or innocent?'	Вы признаете себя виновным?

' I don't know, sir.	- Не знаю, сэр.
How can I say if you don't tell me what they are?'	Что я могу вам ответить, если вы даже не говорите, что это за преступления.
'How can we tell you if we don't know?'	- Как мы можем вам сказать, если мы сами не знаем!
' Guilty,' decided the colonel.	- Виновен, - решил полковник.
' Sure he's guilty,' agreed the major.	- Конечно, виновен, - согласился майор.
'If they're his crimes and infractions, he must have committed them.'	- Если это его нарушения и преступления, значит, он их и совершил.

'Guilty it is, then,' chanted the officer without insignia, and moved off to the side of the room.	- Стало быть, виновен, - монотонно протянул офицер без знаков различия и отошел от стола.
'He's all yours, Colonel.'	- Теперь он в вашем распоряжении, полковник.
'Thank you,' commended the colonel. 'You did a very good job.'	- Благодарю вас, - поклонился полковник, - Вы проделали большую работу.
He turned to the chaplain.	- Он повернулся к капеллану:
' Okay, Chaplain, the jig's up.	- Прекрасно, капеллан, ваша песенка спета.
Take a walk.'	Идите, гуляйте.

The chaplain did not understand.	Капеллан не понял:
'What do you wish me to do?'	- Что я должен делать?
'Go on, beat it, I told you!' the colonel roared, jerking a thumb over his shoulder angrily.	- Тебе говорят, топай отсюда! - взревел полковник, сердито тыча большим пальцем через плечо.
' Get the hell out of here.'	- Убирайся отсюда к чертовой матери!
The chaplain was shocked by his bellicose words and tone and, to his own amazement and mystification, deeply chagrined that they were turning him loose.	Капеллан был потрясен его наглым тоном, а главное, к своему глубочайшему изумлению, весьма огорчен тем, что его отпускают!

'Aren't you even going to punish me?' he inquired with querulous surprise.	- Разве вы не собираетесь наказывать меня? -проворчал он с удивлением.
' You're damned right we're going to punish you.	- Нет, черт побери, как раз собираемся.
But we're certainly not going to let you hang around while we decide how and when to do it.	Только не желаем, чтобы вы тут околачивались, пока мы будем решать, когда и как вас наказать.
So get going.	Итак, идите.
Hit the road.'	Прочь! Топай отсюда!
The chaplain rose tentatively and took a few steps away.	Капеллан, все еще не веря этим словам, поднялся и сделал несколько нерешительных шагов;
' I'm free to go?'	- Я свободен?

' For the time being.	- Пока что да.
But don't try to leave the island.	Но не вздумайте покинуть остров.
We've got your number, Chaplain.	Мы вас взяли на карандаш.
Just remember that we've got you under surveillance twenty-four hours a day.'	Не забывайте, что с сегодняшнего дня вы будете под круглосуточным наблюдением.
It was not conceivable that they would allow him to leave.	Непостижимо, почему они позволили ему уйти?

The chaplain walked toward the exit gingerly, expecting at any instant to be ordered back by a peremptory voice or halted in his tracks by a heavy blow on the shoulder or the head.	Капеллан сделал несколько неуверенных шагов к выходу, ожидая, что вот-вот властный голос прикажет ему вернуться или его пригвоздят к месту сильным ударом по плечу или голове.
They did nothing to stop him.	Но его не остановили.
He found his way through the stale, dark, dank corridors to the flight of stairs.	Сырым, темным, затхлым коридором он прошел к лестнице.
He was staggering and panting when he climbed out into the fresh air.	Выйдя на свежий воздух, он пошатывался и тяжело дышал.

As soon as he had escaped, a feeling of overwhelming moral outrage filled him.	Теперь, когда он вырвался из этих ужасных лап, его захлестнула бурная ярость.
He was furious, more furious at the atrocities of the day than he had ever felt before in his whole life.	Он рассвирепел. Рассвирепел, как никогда в жизни, - впервые он столкнулся с такой бесчеловечностью и жестокостью.

He swept through the spacious, echoing lobby of the building in a temper of scalding and vindictive resentment.	Капеллан быстро шел через обширный гулкий вестибюль, кипя от возмущения и жажды мести.
He was not going to stand for it any more, he told himself, he was simply not going to stand for it.	Он твердил себе, что больше не намерен терпеть, не намерен - и все-тут.

When he reached the entrance, he spied, with a feeling of good fortune, Colonel Korn trotting up the wide steps alone.	У входа он заметил подполковника Корна, рысцой взбегавшего по широким ступеням, и подумал, что это весьма кстати.
Bracing himself with a deep breath, the chaplain moved courageously forward to intercept him.	Он взял себя в руки, набрал полную грудь воздуха и отважно двинулся наперерез подполковнику.
'Colonel, I'm not going to stand for it any more,' he declared with vehement determination, and watched in dismay as Colonel Korn went trotting by up the steps without even noticing him.	- Подполковник, я этого терпеть больше не намерен! - заявил он с отчаянной решимостью и испуганно отметил, что подполковник продолжал рысцой взбегать по ступеням, не обращая на него внимания.

' Colonel Korn!'	- Подполковник Корн!
The tubby, loose figure of his superior officer stopped, turned and came trotting back down slowly.	Пузатая, мешковатая фигура остановилась, повернулась и медленно спустилась на несколько ступеней.
'What is it, Chaplain?'	- Что случилось, капеллан?
'Colonel Korn, I want to talk to you about the crash this morning.	- Подполковник Корн, мне бы хотелось поговорить с вами насчет сегодняшней катастрофы, - сказал он.
It was a terrible thing to happen, terrible!'	- Это было ужасно, поистине ужасно!
Colonel Korn was silent a moment, regarding the chaplain with a glint of cynical amusement.	Подполковник Корн помолчал секунду, глаза его поблескивали веселым цинизмом.

'Yes, Chaplain, it certainly was terrible,' he said finally.	- Да, капеллан, конечно, это ужасно, - сказал он наконец.
'I don't know how we're going to write this one up without making ourselves look bad.'	- И я не представляю себе, как вы сможете все это описать, не выставив нас при этом в дурном свете.
'That isn't what I meant,' the chaplain scolded firmly without any fear at all.	- Я имею в виду совсем не это, - осадил его капеллан. Он совсем не чувствовал страха.
'Some of those twelve men had already finished their seventy missions.'	- Из этих двенадцати несколько человек уже отлетали свои семьдесят боевых заданий.
Colonel Korn laughed.	Подполковник Корн рассмеялся.

'Would it be any less terrible if they had all been new men?' he inquired caustically.	- А если бы они все были новичками, разве катастрофа от этого была бы менее ужасной? -осведомился он ядовито.
Once again the chaplain was stumped.	И снова капеллан был сбит с толку.
Immoral logic seemed to be confounding him at every turn.	Безнравственная логика, казалось, подстерегала его на каждом шагу.
He was less sure of himself than before when he continued, and his voice wavered.	Он уже не чувствовал прежней уверенности в себе. Голос его дрогнул:

'Sir, it just isn't right to make the men in this group fly eighty missions when the men in other groups are being sent home with fifty and fifty-five.'	- Сэр! Заставлять людей из нашего полка делать по восемьдесят боевых вылетов, когда в других полках летчиков отсылают домой после пятидесяти или пятидесяти пяти, - это абсолютно несправедливо.
'We'll take the matter under consideration,' Colonel Korn said with bored disinterest, and started away.	- Мы рассмотрим этот вопрос, - сказал подполковник Корн с кислой миной. Потеряв интерес к дальнейшему разговору, он двинулся дальше.
' Adios, Padre.'	- Адью, падре.
'What does that mean, sir?' the chaplain persisted in a voice turning shrill.	- Как вас понимать, сэр? - настаивал на своем капеллан. Голос его срывался.

Colonel Korn stopped with an unpleasant expression and took a step back down.	Подполковник Корн остановился с недружелюбной гримасой и спустился на несколько ступенек вниз.
'It means we'll think about it, Padre,' he answered with sarcasm and contempt.	- Так понимать, что мы подумаем об этом, падре, -ответил он с издевкой.
'You wouldn't want us to do anything without thinking about it, would you?'	- Надеюсь, вы не хотите, чтобы мы принимали необдуманные решения?
'No, sir, I suppose not.	- Нет, сэр, зачем же.
But you have been thinking about it, haven't you?'	Но вы ведь, наверное, уже думали?
' Yes, Padre, we have been thinking about it.	- Да, падре. Мы уже над этим думали.

But to make you happy, we'll think about it some more, and you'll be the first person we'll tell if we reach a new decision.	Но, чтобы доставить вам удовольствие, подумаем еще разок, и вы будете первым, кому мы сообщим о своем решении, если мы, конечно, к нему придем.
And now, adios.'	А теперь, адью.
Colonel Korn whirled away again and hurried up the stairs.	Подполковник Корн снова круто повернулся и заспешил вверх по лестнице.
' Colonel Korn!'	- Подполковник Корн!
The chaplain's cry made Colonel Korn stop once more.	- Г олос капеллана заставил подполковника Корна еще раз остановиться.
His head swung slowly around toward the chaplain with a look of morose impatience.	Он медленно повернул голову и взглянул на капеллана угрюмо и нетерпеливо.

Words gushed from the chaplain in a nervous torrent. 'Sir, I would like your permission to take the matter to General Dreedle.	Из груди капеллана бурным, волнующимся потоком хлынули слова: - Сэр, я прошу разрешить мне обратиться с этим делом к генералу Дридлу.
I want to bring my protests to Wing Headquarters.'	Я хочу обратиться с протестом в штаб авиабригады.
Colonel Korn's thick, dark jowls inflated unexpectedly with a suppressed guffaw, and it took him a moment to reply.	Толстые небритые щеки подполковника Корна вдруг вздулись - он с трудом подавил смех.
'That's all right, Padre,' he answered with mischievous merriment, trying hard to keep a straight face.	- Ну что ж, вы правы, падре, - ответил он, изо всех сил стараясь быть внешне серьезным, хотя злое веселье так и распирало его.

'You have my permission to speak to General Dreedle.'	- Я разрешаю вам обратиться к генералу Дридлу.
' Thank you, sir.	- Благодарю вас, сэр.
I believe it only fair to warn you that I think I have some influence with General Dreedle.'	Как честный человек, я считаю необходимым предупредить вас, сэр, что генерал Дридл прислушивается к моим словам.
' It's good of you to warn me, Padre.	- Большое вам спасибо за предупреждение, падре.
And I believe it only fair to warn you that you won't find General Dreedle at Wing.'	Как честный человек, я считаю своим долгом предупредить вас, что вы не застанете генерала Дридла в штабе авиабригады.

Colonel Korn grinned wickedly and then broke into triumphant laughter.	- Подполковник Корн гнусно ухмыльнулся и разразился торжествующим смехом.
' General Dreedle is out, Padre.	- Генерала Дридла там нет.
And General Peckem is in.	На его место пришел генерал Пеккем.
We have a new wing commander.'	У нас теперь новый командир авиабригады.[21]
The chaplain was stunned. 'General Peckem!'	- Генерал Пеккем? - изумился капеллан.
' That's right, Chaplain.	- Совершенно верно, капеллан.
Have you got any influence with him?'	А генерал Пеккем прислушивается к вашим словам?

'Why, I don't even know General Peckem,' the chaplain protested wretchedly.	- Я его совсем не знаю, - сокрушенно признался капеллан.
Colonel Korn laughed again.	Подполковник Корн еще раз рассмеялся.
'That's too bad, Chaplain, because Colonel Cathcart knows him very well.'	- Это очень скверно, капеллан, потому что полковник Кэткарт в прекрасных отношениях с генералом.

Colonel Korn chuckled steadily with gloating relish for another second or two and then stopped abruptly. 'And by the way, Padre,' he warned coldly, poking his finger once into the chaplain's chest. 'The jig is up between you and Dr. Stubbs.	- Подполковник Корн еще немного злорадно похихикал, потом вдруг резко оборвал смех и, ткнув капеллана пальцем в грудь, холодно предупредил: - Кстати, падре, имейте в виду, что ваша с доктором Стаббсом песенка спета.
We know very well he sent you up here to complain today.'	Мы отлично знаем, что это он подослал вас сюда жаловаться.
'Dr. Stubbs?'	- Доктор Стаббс?
The chaplain shook his head in baffled protest. 'I haven't seen Dr. Stubbs, Colonel.	- Капеллан замотал головой и растерянно запротестовал: - Я и в глаза не видел доктора Стаббса, подполковник.

I was brought here by three strange officers who took me down into the cellar without authority and questioned and insulted me.'	Меня доставили сюда три незнакомых офицера. Не имея на то никакого права, они затащили меня в подвал, допрашивали и оскорбляли.
Colonel Korn poked the chaplain in the chest once more.	Подполковник Корн еще раз ткнул капеллана пальцем в грудь:

'You know damned well Dr. Stubbs has been telling the men in his squadron they didn't have to fly more than seventy missions.'	- Вам отлично известно, что доктор Стаббс постоянно твердил летчикам своей эскадрильи, будто они не обязаны выполнять больше семидесяти боевых заданий.
He laughed harshly.	- Он мрачно рассмеялся.

'Well, Padre, they do have to fly more than seventy missions, because we're transferring Dr. Stubbs to the Pacific.	- Так вот, падре, им придется летать и сверх семидесяти заданий, потому что мы перевели доктора Стаббса на Тихий океан.
So adios, Padre. Adios.'	Итак, адью, падре, адью.

General Scheisskopf Dreedle was out, and General Peckem was in, and General Peckem had hardly moved inside General Dreedle's office to replace him when his splendid military victory began falling to pieces around him.	37. Генерал Шейскопф Итак, генерал Дридл убыл, а генерал Пеккем прибыл, но не успел Пеккем переступить порог кабинета генерала Дридла, чтобы занять его кресло, как понял, что одержанная им блистательная военная победа обратилась в труху.

'General Scheisskopf?' he inquired unsuspectingly of the sergeant in his new office who brought him word of the order that had come in that morning.	- Генерал Шейскопф? - ничего не подозревая, переспросил он сержанта, который сообщил ему о приказе, поступившем в это утро.
'You mean Colonel Scheisskopf, don't you?'	- Вы хотите сказать "полковник Шейскопф", не так ли?
'No, sir, General Scheisskopf He was promoted to general this morning, sir.'	- Нет, сэр, генерал Шейскопф. Сегодня утром, сэр, он был произведен в генералы.
'Well, that's certainly curious!	- Н-да, довольно любопытно!

Scheisskopf? A general?	Шейскопф и - генерал!
What grade?'	И какого же ранга?
'Lieutenant general, sir, and-'	- Генерал-лейтенант, сэр, и притом...
' Lieutenant general!'	- Генерал-лейтенайт?![22]
'Yes, sir, and he wants you to issue no orders to anyone in your command without first clearing them through him.'	- Совершенно верно, сэр. Он распорядился, чтобы вы без предварительного согласования с ним не издавали ни одного приказа по вверенному вам соединению.

'Well, I'll be damned,' mused General Peckem with astonishment, swearing aloud for perhaps the first time in his life.	- Ничего не скажешь, будь я проклят, -проговорил потрясенный генерал Пеккем, вероятно впервые в жизни выругавшись вслух.
' Cargill, did you hear that?	- Карджилл, вы слышали?
Scheisskopf was promoted way up to lieutenant general.	Шейскопфа произвели сразу в генерал-лейтенанты.
I'll bet that promotion was intended for me and they gave it to him by mistake.'	Г отов поспорить, - что это повышение предназначалось для меня и досталось ему по ошибке.

Colonel Cargill had been rubbing his sturdy chin reflectively.	Полковник задумчиво поскреб свой волевой подбородок.
'Why is he giving orders to us?'	- А с какой стати он, собственно, приказывает нам?

General Peckem's sleek, scrubbed, distinguished face tightened.	Благородное, до блеска выбритое лицо генерала Пеккема посуровело.
'Yes, Sergeant,' he said slowly with an uncomprehending frown. 'Why is he issuing orders to us if he's still in Special Services and we're in combat operations?'	- В самом деле, сержант, - медленно проговорил он, недоуменно нахмурившись, - с какой стати он отдает нам приказы, когда он в специальной службе, а мы руководим боевыми операциями?

'That's another change that was made this morning, sir.	- Сегодня утром, сэр, произошло еще одно изменение.
All combat operations are now under the jurisdiction of Special Services.	Все боевые операции переданы в ведение специальной службы.
General Scheisskopf is our new commanding officer.'	Генерал Шейскопф - наш новый командующий.
General Peckem let out a sharp cry.	Генерал Пеккем пронзительно вскрикнул:
'Oh, my God!' he wailed, and all his practical composure went up in hysteria.	- О боже! - Обычная выдержка ему изменила, и он впал в истерику.
'Scheisskopf in charge?	- Шейскопф - командующий?
Scheisskopf?'	Шейскопф?

He pressed his fists down on his eyes with horror.	- Он в ужасе закрыл глаза руками.
' Cargill, get me Wintergreen!	- Карджилл, соедините меня с Уинтергрином!
Scheisskopf?	Подумать только - Шейскопф!
Not Scheisskopf!'	О нет! Только не Шейскопф.
All phones began ringing at once.	Разом зазвенели все телефоны.
A corporal ran in and saluted.	В кабинет, козырнув, вбежал капрал:
'Sir, there's a chaplain outside to see you with news of an injustice in Colonel Cathcart's squadron.'	- Сэр, вас хочет видеть капеллан относительно какой-то несправедливости в эскадрилье полковника Кэткарта.

' Send him away, send him away!	- Потом, потом!
We've got enough injustices of our own.	У нас у самих достаточно несправедливостей.
Where's Wintergreen?'	Где Уинтергрин?
'Sir, General Scheisskopf is on the phone.	- Сэр, у телефона генерал Шейскопф.
He wants to speak to you at once.'	Он желает немедленно говорить с вами.
' Tell him I haven't arrived yet.	- Скажите ему, что я еще не пришел.
Good Lord!' General Peckem screamed, as though struck by the enormity of the disaster for the first time.	Боже милостивый! - завопил он, только теперь полностью осознав, какая огромная беда свалилась на него.

' Scheisskopf?	- Шейскопф?
The man's a moron!	Недоумок!
I walked all over that blockhead, and now he's my superior officer.	Да я мог с кашей съесть этого болвана, а теперь он - мой начальник.
Oh, my Lord!	О господи!
Cargill!	Карджилл!

Cargill, don't desert me!	Карджилл! Не оставляйте меня.
Where's Wintergreen?'	Где Уинтергрин?
'Sir, I have an ex-Sergeant Wintergreen on your other telephone.	- Сэр, экс-сержант Уинтергрин у телефона, -доложил капрал.
He's been trying to reach you all morning.'	- Он пытался пробиться к вам все утро.

'General, I can't get Wintergreen,' Colonel Cargill shouted,	- Генерал, я не могу связаться с Уинтер грином, -заорал полковник Карджилл.
' His line is busy.'	- Его номер занят.
General Peckem was perspiring freely as he lunged for the other telephone.	Генерал Пеккем кинулся к другому телефону. Он весь взмок.
' Wintergreen!' 'Peckem, you son of a bitch-'	- Уинтергрин?
'Wintergreen, have you heard what they've done?' '-what have you done, you stupid bastard?'	Уинтергрин, вы слышали, что они наделали? -Скажите лучше, что вы наделали, болван?

'They put Scheisskopf in charge of everything!' Wintergreen was shrieking with rage and panic.	- Во главе всего поставили Шейскопфа!
'You and your goddam memorandums!	- Это все вы и ваши проклятые меморандумы!
They've gone and transferred combat operations to Special Services!'	Все боевые операции переданы специальной службе! - завопил Уинтергрин, охваченный паникой и яростью.
'Oh, no,' moaned General Peckem.	- Неужели это из-за моих меморандумов? - простонал генерал.
'Is that what did it? My memoranda? Is that what made them put Scheisskopf in charge?	- Неужто мои меморандумы убедили их передать все под начало Шейскопфа?

Why didn't they put me in charge?'	А почему они не сделали меня командиром?
'Because you weren't in Special Services any more.	- Потому что вы больше не состоите в специальной службе.
You transferred out and left him in charge.	Вы перевелись на другую должность и все оставили Шейскопфу.
And do you know what he wants?	А знаете, чего он хочет?
Do you know what the bastard wants us all to do?'	Вы знаете, чего этот мерзавец от вас хочет?
'Sir, I think you'd better talk to General Scheisskopf,' pleaded the sergeant nervously.	- Сэр, я полагаю, вам бы лучше поговорить с генералом Шейскопфом, - умолял капрал дрожащим голосом.

'He insists on speaking to someone.'	- Он непременно хочет с кем-нибудь поговорить.
'Cargill, talk to Scheisskopf for me.	- Карджилл, поговорите с Шейскопфом вместо меня.
I can't do it.	Я не в состоянии.
Find out what he wants.'	Выясните, что он хочет.
Colonel Cargill listened to General Scheisskopf for a moment and went white as a sheet.	Полковник Карджилл мгновение слушал генерала Шейскопфа и вдруг побелел как полотно.

'Oh, my God!' he cried, as the phone fell from his fingers.	- Бог мой! - закричал он, и трубка выпала у него из рук.

'Do you know what he wants?	- Вы знаете, что он хочет?
He wants us to march.	Он хочет, чтобы мы маршировали.
He wants everybody to march!'	Он хочет, чтобы мы все маршировали!
Kid Sister Yossarian marched backward with his gun on his hip and refused to fly any more missions.	38. Сестренка Йоссариан отказался вылетать на задания и с пистолетом на боку маршировал задом наперед.
He marched backward because he was continously spinning around as he walked to make certain no one was sneaking up on him from behind.	Он маршировал задом наперед, потому что то и дело оглядывался, желая убедиться, что никто не крадется за ним по пятам.

Every sound to his rear was a warning, every person he passed a potential assassin.	Каждый звук за спиной заставлял его настораживаться, в каждом прохожем ему мерещился потенциальный убийца.
He kept his hand on his gun butt constantly and smiled at no one but Hungry Joe.	Он не снимал руки с пистолета и улыбался одному лишь Заморышу Джо.
He told Captain Piltchard and Captain Wren that he was through flying.	Капитанам Пилтчарду и Рену Йоссариан сказал, что он свое отлетал.
Captain Piltchard and Captain Wren left his name off the flight schedule for the next mission and reported the matter to Group Headquarters.	Капитаны Пилтчард и Рен вычеркнули его имя из списка бомбардиров, назначенных на предстоящий вылет, и доложили о случившемся в штаб полка.

Colonel Korn laughed cahnly.	Подполковник Корн беззаботно рассмеялся.
'What the devil do you mean, he won't fly more missions?' he asked with a smile, as Colonel Cathcart crept away into a corner to brood about the sinister import of the name Yossarian popping up to plague him once again.	- Он не желает летать? Что вы, черт побери, хотите этим сказать? - спросил он, улыбаясь, в то время как полковник Кэткарт отошел в дальний угол кабинета, размышляя над роковым смыслом фамилии "Йоссариан".
' Why won't he?'	- Почему это он не желает?
'His friend Nately was killed in the crash over Spezia. Maybe that's why.'	- Его друг Нейтли погиб в катастрофе над Специей, Может быть, поэтому.
'Who does he think he is-Achilles?'	- За кого он себя принимает? За Ахиллеса?

Colonel Korn was pleased with the simile and filed a mental reminder to repeat it the next time he found himself in General Peckem's presence.	- Литературная аналогия понравилась подполковнику Корну, и он решил ее запомнить, чтобы при случае повторить в присутствии генерала Пекема.
'He has to fly more missions. He has no choice.	- Он обязан летать на задания хотя бы потому, что у него нет другого выбора.
Go back and tell him you'll report the matter to us if he doesn't change his mind.'	Возвращайтесь и скажите ему, что, если он не передумает, вы доложите о случившемся нам.
'We already did tell him that, sir.	- Мы уже это ему сказали, сэр.

It made no difference.'	Но он стоит на своем.
' What does Major Major say?'	- А что говорит майор Майор?

' We never see Major Major.	- Он не попадается нам на глаза.
He seems to have disappeared.'	Такое впечатление, что он вовсе исчез куда-то.
'I wish we could disappear him!' Colonel Cathcart blurted out from the corner peevishly.	- Хорошо бы действительно его... исчезнуть, -проворчал из своего угла полковник Кэткарт.
'The way they did that fellow Dunbar.'	- Тем же способом, как они... исчезли этого малого, по фамилии Данбэр.

'Oh, there are plenty of other ways we can handle this one,' Colonel Korn assured him confidently, and continued to Piltchard and Wren, 'Let's begin with the kindest.	- О, есть масса других способов управиться с майором Майором, - самонадеянным тоном заверил его подполковник Корн и, повернувшись к Пилтчарду и Рену, продолжал: - Для начала будем с этим Йоссарианом помягче.
Send him to Rome for a rest for a few days.	Пошлите его на пару дней отдохнуть в Рим.
Maybe this fellow's death really did hurt him a bit.'	Может быть, смерть того парня и вправду его немного травмировала.

Nately's death, in fact, almost killed Yossarian too, for when he broke the news to Nately's whore in Rome she uttered a piercing, heartbroken shriek and tried to stab him to death with a potato peeler.	На самом деле смерть Нейтли не просто травмировала, а чуть было не стоила жизни Йоссариану, ибо, когда он сообщил тяжкую весть нейтлевой девице, та издала пронзительный, душераздирающий вопль и попыталась зарезать его ножом для чистки картошки.
'Bruto!' she howled at him in hysterical fury as he bent her arm up around behind her back and twisted gradually until the potato peeler dropped from her grasp.	- ВгШ;о![23] - в припадке истерической ярости выла она, а он, заломив ей руку за спину, выкручивал кисть до тех пор, пока она не выронила нож.
' Bruto!	- ВгШо!
Bruto!'	ВгШо!

She lashed at him swiftly with the long-nailed fingers of her free hand and raked open his cheek. She spat in his face viciously.	- Свободной рукой она молниеносно хлестнула его по лицу, до крови расцарапав щеку, и злобно плюнула ему в глаза.
'What's the matter?' he screamed in stinging pain and bewilderment, flinging her away from him all the way across the room to the wall.	- В чем дело? - завизжал он от жгучей боли и недоумения. Он отшвырнул ее от себя, и она пролетела через всю комнату к противоположной стене.
'What do you want from me?'	- Что ты от меня хочешь?

She flew back at him with both fists flailing and bloodied his mouth with a solid punch before he was able to grab her wrists and hold her still.	Она снова набросилась на него с кулаками и, прежде чем он успел схватить ее за запястья и заставить утихомириться, сильным ударом разбила ему губы.
Her hair tossed wildly. Tears were streaming in single torrents from her flashing, hate-filled eyes as she struggled against him fiercely in an irrational frenzy of maddened might, snarling and cursing savagely and screaming	Волосы ее дико растрепались, из пылавших ненавистью глаз ручьями бежали слезы, но она, как одержимая, наседала на него. Бешенство удесятеряло ее силы, а едва он пытался ей что-то объяснить, она свирепо рычала, ругалась и визжала:
' Bruto!	"Br-uto!

Bruto!' each time he tried to explain.	Br-uto!"

Her great strength caught him off guard, and he lost his footing.	Йоссариан не ожидал, что она окажется такой сильной, и от неожиданности едва устоял на ногах.
She was nearly as tall as Yossarian, and for a few fantastic, terror-filled moments he was certain she would overpower him in her crazed determination, crush him to the ground and rip him apart mercilessly limb from limb for some heinous crime he had never committed.	Ростом она была примерно с Йоссариана, и в течение нескольких жутких мгновений он был уверен, что она со своей безумной решимостью одолеет его, собьет на пол и безжалостно растерзает на части, - и все за какое-то гнусное преступление, которого он не совершал.

He wanted to yell for help as they strove against each other frantically in a grunting, panting stalemate, arm against arm.	Ему хотелось кричать о помощи.
At last she weakened, and he was able to force her back and plead with her to let him talk, swearing to her that Nately's death had not been his fault.	Наконец она ослабела и слегка попятилась. Воспользовавшись передышкой, Йоссариан принялся клясться, что вовсе не повинен в смерти Нейтли.

She spat in his face again, and he pushed her away hard in disgusted anger and frustration.
She hurled herself down toward the potato peeler the instant he released her. He flung himself down after her, and they rolled over each other
on the floor several times before he could tear the potato peeler away. She tried to trip him with her hand as he scrambled to his feet and scratched an excruciating chunk out of his ankle. He hopped across the room
in pain and threw the potato peeler
out the window. He heaved a huge sigh

'What do you want from me?' he yelled at her in whining and exasperated confusion.

- Что тебе от меня нужно? - завопил он с надрывом, в полном смятении.

'I didn't kill him.' She hurled a heavy glass ash tray at his head. He made a fist and wanted to punch her in the stomach when she came charging at him again, but he was afraid he might harm her. He wanted to clip her very neatly on the point of the jaw and run from the room, but there was no clear target, and he merely skipped aside neatly at the last second and helped her along past him with a strong shove. She banged hard against the other wall. Now she was blocking the door. She threw a large vase at him. Then she came at him with a full wine bottle and struck him squarely on the temple, knocking him down half-stunned on one knee. His ears were buzzing, his whole face was numb. More than anything else, he was embarrassed. He felt awkward because she was going to murder him. He simply did not understand what was going on. He had no idea what to do. But he did know he had to save himself, and he catapulted forward off the floor when he saw her raise the wine bottle to clout him again and barreled into her midriff before she could strike him. He had momentum, and he propelled her before him backward in his driving

rush until her knees buckled against the side of the bed and she fell over onto the mattress with Yossarian sprawled on top of her between her legs. She plunged her nails into the side of his neck and gouged as he worked his way up the supple, full hills and ledges of her rounded body until he covered her completely and pressed her into submission, his fingers pursuing her thrashing arm persistently until they arrived at the wine bottle finally and wrenched it free. She was still kicking and cursing and scratching ferociously. She tried to bite him cruelly, her coarse, sensual lips stretched back over her teeth like an enraged omnivorous beast's. Now that she lay captive beneath him, he wondered how he would ever escape her without leaving himself vulnerable. He could feel the tensed, straddling inside of her buffeting thighs and knees squeezing and churning around one of his legs. He was stirred by thoughts of sex that made him ashamed. He was conscious of the voluptuous flesh of her firm, young-woman's body straining and beating against him like a humid, fluid, delectable, unyielding tide, her belly and warm, live, plastic breasts thrusting upward against him vigorously in sweet and menacing temptation. Her breath was scalding. All at once he realized-though the writhing turbulence beneath him had not diminished one whit-that she was no longer

grappling with him, recognized with a quiver that she was not fighting him but heaving her pelvis up against him remorselessly in the primal, powerful, rhapsodic instinctual rhythm of erotic ardor and abandonment. He gasped in delighted surprise. Her face-as beautiful as a blooming flower to him now-was distorted with a new kind of torture, the tissues

- Я его не убивал!

serenely swollen, her half-closed eyes misty and unseeing with the stultifying languor of desire.
'Caro,' she murmured hoarsely as though from the depths of a tranquil and luxurious trance. 'Ooooh, caro mio.' He stroked her hair. She drove her mouth against his face with savage passion. He licked her neck. She wrapped
her arms around him and hugged. He felt himself falling, falling ecstatically
in love with her as she kissed him again and again with lips that were steaming and wet and soft and hard, mumbling deep sounds
to him adoringly in an

She spared him from doing either by bursting unpredictably into tears. He was stunned again.	Неожиданно она ударилась в слезы и этим поставила Йоссариана в тупик.
This time she wept with no other emotion than grief, profound, debilitating, humble grief, forgetting all about him. Her desolation was pathetic as she sat with her tempestuous, proud, lovely head bowed, her shoulders sagging, her spirit melting. This time there was no mistaking her anguish.	А она плакала от горя, глубокого горя, обессилевшая, покорная, вовсе позабывшая о Йоссариане. Трогательная в своем несчастье, она сидела, низко опустив красивую, гордую, забубенную голову. Плечи ее обмякли, ярость улетучилась. Страдание ее было неподдельным.
Great racking sobs choked and shook her.	Громкие, мучительные рыдания душили и сотрясали ее.

She was no longer aware of him, no longer cared.	Она перестала замечать его, он ее больше не интересовал.
He could have walked from the room safely then.	Теперь он мог уйти без всякого риска.
But he chose to remain and console and help her.	Но он предпочел остаться, чтобы утешить, ее и поддержать.

'Please,' he urged her inarticulately with his arm about her shoulders, recollecting with pained sadness how inarticulate and enfeebled he had felt in the plane coming back from Avignon when Snowden kept whimpering to him that he was cold, he was cold, and all Yossarian could offer him in return was 'There, there. There, there.' 'Please,' he repeated to her sympathetically. 'Please, please.'	- Ну пожалуйста, ну не надо, - беспомощно бормотал он, обняв ее за плечи и вспоминая с тоской и болью, каким беспомощным и слабым он чувствовал себя в самолете, когда они возвращались после налета на Авиньон и Сноуден хныкал: "Мне холодно, мне холодно", а Йоссариан отвечал: "Ну, ну, не надо, ну, ну". И это было все, что он мог тогда придумать. Вот и теперь, когда надо было ей посочувствовать, он только твердил: "Ну пожалуйста, прошу тебя, ну не надо".

She rested against him and cried until she seemed too weak to cry any longer, and did not look at him once until he extended his handkerchief when she had finished. She wiped her cheeks with a tiny, polite smile and gave the handkerchief back, murmuring 'Grazie, grazie' with meek, maidenly propriety, and then, without any warning whatsoever of a change in mood, clawed suddenly at his eyes with both hands. She landed with each and let out a victorious shriek. 'Ha! Assassino!' she hooted, and raced joyously across the room for the bread knife to finish him off.	Она прислонилась к нему и лила слезы до тех пор, пока не обессилела настолько, что больше не могла плакать. Он вынул из кармана носовой платок, и тут она вдруг вцепилась ему в глаза обеими руками и испустила победоносный вопль.

Half blinded, he rose and stumbled after her. A noise behind him made him turn. His senses reeled in horror at what he saw. Nately's whore's kid sister, of all people, was coming after him with another long bread knife! 'Oh, no,' he wailed with a shudder, and he knocked the knife out of her hand with a sharp downward blow on her wrist. He lost patience entirely with the whole grotesque and incomprehensible melee. There was no telling who might lunge at him next through the doorway with another long bread knife, and he lifted Nately's whore's kid sister off the floor, threw her at Nately's whore and ran out of the room,	Йоссариан, полуослепший, бро-

Yossarian escaped, but kept looking back over his shoulder anxiously as he retreated through the street.	Он был сыт по горло этой чудовищной, абсурдной схваткой.
People stared at him strangely, making him more apprehensive.	Прохожие бросали на него удивленные взгляды.
He walked in nervous haste, wondering what there was in his appearance that caught everyone's attention.	Он нервничал и прибавлял шагу, не понимая, что в нем привлекает всеобщее внимание.
When he touched his hand to a sore spot on his forehead, his fingers turned gooey with blood, and he understood.	Он потрогал рукой саднящее место на лбу, пальцы стали липкими от крови, и тогда он догадался.
He dabbed his face and neck with a handkerchief.	Он провел платком по лицу и шее.

Wherever it pressed, he picked up new red smudges.	До какого бы места он ни дотронулся, на платке появлялись свежие красные пятна.
He was bleeding everywhere.	Все лицо кровоточило.

He hurried into the Red Cross building and down the two steep flights of white marble stairs to the men's washroom, where he cleansed and nursed his innumerable visible wounds with cold water and soap and straightened his shirt collar and combed his hair.	Он поспешил в здание Красного Креста, поднялся по крутым беломраморным ступеням в мужскую уборную, там промыл свои бесчисленные раны, поправил воротник рубашки и причесался.

He had never seen a face so badly bruised and scratched as the one still blinking back at him in the mirror with a dazed and startled uneasiness.	Никогда прежде ему не приходилось видеть столь жестоко исцарапанной, избитой физиономии, как та, что смотрела на него из зеркала.
What on earth had she wanted from him?	Но какого черта эта девка навалилась на него?

When he left the men's room, Nately's whore was waiting outside in ambush. She was crouched against the wall near the bottom of the staircase and came pouncing down upon him like a hawk with a glittering silver steak knife in her fist. He broke the brunt of her assault with his upraised elbow and punched her neatly on the jaw. Her eyes rolled. He caught	Когда Йоссариан вышел из уборной, нейтлева девица дожидалась его, притаившись в засаде.

Then he ran up the steps and out of the building and spent the next three hours hunting through the city for Hungry Joe so that he could get away from Rome before she could find him again.	Йоссариан скатился по лестнице, выскочил из дома и три часа бегал по городу, разыскивая Заморыша Джо: ему хотелось убраться из Рима прежде, чем она его снова настигнет.
He did not feel really safe until the plane had taken off.	И только когда самолет поднялся, он почувствовал себя в полной безопасности.

When they landed in Pianosa, Nately's whore, disguised in a mechanic's green overalls, was waiting with her steak knife exactly where the plane stopped, and all that saved him as she stabbed at his chest in her leather-soled high-heeled shoes was the gravel underfoot that made her feet roll out from under her.	Но едва самолет приземлился на Пьяносе, Йоссариан увидел ее здесь. Переодетая в зеленый комбинезон механика, она дожидалась его с тем же ножом в руке как раз в том месте, где остановился самолет.

Yossarian, astounded, hauled her up into the plane and held her motionless on the floor in a double armlock while Hungry Joe radioed the control tower for permission to return to Rome.	Йоссариану удалось зашвырнуть ее в самолет, а Заморыш Джо связался по радио с контрольно-диспетчерским пунктом и запросил разрешение на полет в Рим.

At the airport in Rome, Yossarian dumped her out of the plane on the taxi strip, and Hungry Joe took right off for Pianosa again without even cutting his engines.	В римском аэропорту они выгрузили нейтлеву девицу на рулежную дорожку, и Заморыш Джо, не выключавший даже моторов, тут же взял курс обратно в Пьяносу.

Scarcely breathing, Yossarian scrutinized every figure warily as he and Hungry Joe walked back through the squadron toward their tents.	Когда они с Заморышем Джо возвращались в свои палатки, Йоссариан пристально и настороженно всматривался в каждого встречного.
Hungry Joe eyed him steadily with a funny expression.	Заморыш Джо насмешливо взглянул на Йоссариана.

'Are you sure you didn't imagine the whole thing?' Hungry Joe inquired hesitantly after a while.	- Ты уверен, что все это тебе не померещилось? -спросил он, немного замявшись.
' Imagine it?	- Померещилось?
You were right there with me, weren't you? You just flew her back to Rome.'	Ты же все время был со мной и только что сам отвез ее в Рим.

'Maybe I imagined the whole thing, too.	- А может, мне тоже по-мерещилось.
Why does she want to kill you for?'	Почему она хочет тебя убить?

' She never did like me.	- Я ей никогда не нравился.
Maybe it's because I broke his nose, or maybe it's because I was the only one in sight she could hate when she got the news.	То ли потому, что я перебил Нейтли нос, то ли потому, что, когда я сообщил ей о его гибели, ей не на ком было выместить свою злобу.
Do you think she'll come back?'	Как ты думаешь, она вернется?
Yossarian went to the officers' club that night and stayed very late.	В этот вечер Йоссариан отправился в офицерский клуб и задержался там допоздна.
He kept a leery eye out for Nately's whore as he approached his tent.	Возвращаясь к себе, он злобно косил глазами по сторонам.

He stopped when he saw her hiding in the bushes around the side, gripping a huge carving knife and all dressed up to look like a Pianosan farmer. Yossarian tiptoed around
the back noiselessly and seized her from behind. 'Caramba!' she exclaimed in a rage,
and resisted like a wildcat
as he dragged her inside the tent and hurled her down on the floor. 'Hey, what's going on?' queried one of his roommates drowsily. 'Hold her till I get back,' Yossarian ordered, yanking him out of bed on top of her and running out. 'Hold her!' 'Let me kill

He came to sitting on the ground and waited for the knife to strike him, almost welcoming the mortal blow for the peace it would bring.	Йоссариан упал в обморок. Очнувшись, он понял, что сидит на земле. Он ожидал удара ножом и почти радовался, что этот смертельный удар наконец принесет ему желанный покой.
A friendly hand helped him up instead.	Но чьи-то дружеские руки помогли ему встать.
It belonged to a pilot in Dunbar's squadron.	Это был пилот из эскадрильи Данбэра.
'How are you doing?' asked the pilot, whispering.	- Как дела? - прошептал пилот.
' Pretty good,' Yossarian answered.	- Прекрасно, - ответил Йоссариан.

'I saw you fall down just now. I thought something happened to you.'	- Я видел, как ты упал, и подумал, что с тобой что-то стряслось.
' I think I fainted.'	- Мне стало плохо.

'There's a rumor in my squadron that you told them you weren't going to fly any more combat missions.'	- В нашей эскадрилье прошел слух, будто ты отказался летать на задания.
' That's the truth.'	- Верно.
'Then they came around from Group and told us that the rumor wasn't true, that you were just kidding around.'	- А потом к нам заходили из штаба полка и сказали, что слухи неверны и что ты просто дурачишься.
' That was a lie.'	- Вранье.

'Do you think they'll let you get away with it?'	- Как ты думаешь, они отпустят тебя подобру-поздорову?
' I don't know.'	- Не знаю.
'What will they do to you?' 'I don't know.' 'Do you think they'll court-martial you for desertion in the face of the enemy?'	- Как ты думаешь, они не отдадут тебя под суд за дезертирство?
' I don't know.'	- Не знаю.
'I hope you get away with it,' said the pilot in Dunbar's squadron, stealing out of sight into the shadows.	- Ну, будем надеяться, что они тебя отпустят, -сказал пилот из эскадрильи Данбэра, скрываясь в тени кустарника.
'Let me know how you're doing.'	- Держи меня в курсе дела.

Yossarian stared after him a few seconds and continued toward his tent.	Несколько секунд Йоссариан смотрел ему вслед, а затем двинулся дальше, в свою палатку.
'Pssst!' said a voice a few paces onward.	- Тссс! - послышался шепот.
It was Appleby, hiding in back of a tree.	Впереди, шагах в пяти, прятался за деревом Эпплби.
' How are you doing?'	- Как дела?
'Pretty good,' said Yossarian.	- Прекрасно, - сказал Йоссариан.
'I heard them say they were going to threaten to court-martial you for deserting in the face of the enemy.	- Г оворят, тебя собираются судить за дезертирство перед лицом неприятеля.

But that they wouldn't try to go through with it because they're not even sure they've got a case against you on that.	Но по-моему, они на это не пойдут, поскольку они не могут быть уверены, что им удастся состряпать против тебя дело.
And because it might make them look bad with the new commanders.	Да и перед новым командованием выступать с таким делом невыгодно.

Besides, you're still a pretty big hero for going around twice over the bridge at Ferrara. I guess you're just about the biggest hero we've got now in the group. I just thought you'd like to know that they'll only be bluffing.'	Кроме того, ты ходишь в знаменитостях, поскольку дважды зашел на цель у Феррары, Сейчас ты, пожалуй, первый герой во всем полку, так что, по-моему, можешь быть спокоен: они блефуют, и только.
' Thanks, Appleby.'	- Спасибо, Эпплби.
'That's the only reason I started talking to you, to warn you.'	- Мне просто хотелось тебя предупредить. Поэтому-то я и заговорил с тобой.
' I appreciate it.'	- Я это ценю.

Appleby scuffed the toes of his shoes into the ground sheepishly.	Эпплби застенчиво поковырял землю носком ботинка.
'I'm sorry we had that fist fight in the officers' club, Yossarian.'	- Мне жаль, Йоссариан, что мы подрались тогда, в офицерском клубе.
' That's all right.'	- Ничего. Все в порядке.
' But I didn't start it.	- Но ведь не я затеял драку.
I guess that was Orr's fault for hitting me in the face with his ping-pong paddle.	Я уверен, не ударь Орр меня по лицу ракеткой - ничего бы не было.
What'd he want to do that for?'	Зачем он это сделал?
' You were beating him.'	- Потому что ты у него выигрывал.

'Wasn't I supposed to beat him?	- А разве неясно было, что я у него выиграю?
Isn't that the point?	И разве это повод для драки?
Now that he's dead, I guess it doesn't matter any more whether I'm a better ping-pong player or not, does it?'	Правда, сейчас, когда он погиб, по-моему, уже неважно, лучший я игрок в пинг-понг или нет.
' I guess not.'	- Я тоже так думаю.
'And I'm sorry about making such a fuss about those Atabrine tablets on the way over. If you want to catch malaria, I guess it's your business, isn't it?'	- И мне очень жаль, что мы подняли тогда такой шум из-за таблеток атабрина по дороге в Европу... Если тебе хочется подцепить малярию - дело твое.

'That's all right, Appleby.' 'But I was only trying to do my duty. I was obeying orders. I was always taught that I had to obey orders.' 'That's all right.'	- Ладно, это все ерунда, Эпплби.
'You know, I said to Colonel Korn and Colonel Cathcart that I didn't think they ought to make you fly any more missions if you didn't want to, and they said they were very disappointed in me.'	- Ты знаешь, я сказал подполковнику Корну и полковнику Кэткарту, что, по-моему, они не должны заставлять тебя летать на задания, раз ты не хочешь, а они сказали, что не ожидали от меня такого заявления.
Yossarian smiled with rueful amusement.	Йоссариан грустно улыбнулся:

'I'll bet they are.'	- Да уж держу пари, что от тебя они этого не ждали.
'Well, I don't care.	- Ну и пусть, мне все равно.
Hell, you've flown seventy-one.	Черт возьми, ты сделал семьдесят один вылет.
That ought to be enough.	Этого вполне достаточно.
Do you think they'll let you get away with it?'	Как ты думаешь, они отпустят тебя подобру-поздорову?
'No.'	- Не думаю.
'Say, if they do let you get away with it, they'll have to let the rest of us get away with it, won't they?'	- Но ведь, если они тебя отпустят, им придется и нас отпустить. Верно?

'That's why they can't let me get away with it.'	- Вот поэтому-то они и не отпустят меня подобру-поздорову.
' What do you think they'll do?'	- Как ты думаешь, что они предпримут?
' I don't know.'	- Не знаю.

'Do you think they will try to court-martial you?'	- А не могут они отдать тебя под суд?
' I don't know.'	- Не знаю.
' Are you afraid?'	- Боишься?
'Yes.'	- Ага.
' Are you going to fly more missions?'	- А летать еще будешь?
'No.'	- Нет.

'I hope you do get away with it,' Appleby whispered with conviction.	- Ну ничего. Думаю, все обойдется, - убежденно прошептал Эпплби.
' I really do.'	- Надеюсь.
'Thanks, Appleby.' 'I don't feel too happy about flying so many missions either now that it looks as though we've got the war won. I'll let you know if I hear anything else.' 'Thanks, Appleby.'	- Спасибо, Эпплби.
'Hey!' called a muted, peremptory voice from the leafless shrubs growing beside his tent in a waist-high clump after Appleby had gone.	- Эй! - окликнул Йоссариана приглушенный повелительный голос, едва лишь скрылся Эпплби.

Havermeyer was hiding there in a squat. He was eating peanut brittle, and his pimples and large, oily pores looked like dark scales.	За невысоким, облетевшим кустарником, росшим за палаткой, присев на корточки, прятался Хэвермейер.
'How you doing?' he asked when Yossarian had walked to him.	- Как дела? - спросил он, когда Йоссариан подошел к нему.
' Pretty good.'	- Прекрасно.
' Are you going to fly more missions?'	- Летать собираешься?
'No.'	- Нет.
' Suppose they try to make you?'	- А если заставят?
' I won't let them.'	- Все равно - нет.
' Are you yellow?'	- Боишься?
'Yes.'	- Ага.

'Will they court-martial you?'	- А под суд тебя не отдадут?
' They'll probably try.'	- Да уж, наверное, попытаются.
' What did Major Major say?' 'Major Major's gone.'	- Майор Майор куда-то пропал.
'Did they disappear him?'	- Они его... исчезли?
' I don't know.'	- Не знаю.
'What will you do if they decide to disappear you?'	- А что ты будешь делать, если они надумают и тебя... исчезнуть?
' I'll try to stop them.'	- Постараюсь им помешать.

'Didn't they offer you any deals or anything if you did fly?'	- А не предлагали они тебе какую-нибудь сделку или что-нибудь в этом роде при условии, что ты будешь продолжать летать?

'Piltchard and Wren said they'd arrange things so I'd only go on milk runs.'	- Пилтчард и Рен предлагали устроить, чтобы я летал только "за молоком".
Havermeyer perked up.	Хавермейер оживился:
' Say, that sounds like a pretty good deal.	- Послушай, это вроде бы неплохая сделка.
I wouldn't mind a deal like that myself.	Лично я согласился бы.

I bet you snapped it up.'	Держу пари, что ты ухватился за это предложение.
' I turned it down.'	- Отказался.
' That was dumb.'	- Ну и глупо.
Havermeyer's stolid, dull face furrowed with consternation.	- На вялой, туповатой физиономии Хэвермейера появилось сосредоточенно-хмурое выражение.
'Say, a deal like that wasn't so fair to the rest of us, was it?	- Послушай, парень, а ведь Пилтчард и Рен поступают несправедливо по отношению ко всем нам.
If you only flew on milk runs, then some of us would have to fly your share of the dangerous missions, wouldn't we?'	Ты, значит, будешь летать только "за молоком", а мы, выходит, выполняй за тебя опасные задания?

' That's right.'	Так, что ли, получается?
'Say, I don't like that,' Havermeyer exclaimed, rising resentfully with his hands clenched on his hips.	- Так. - Послушай, мне это не нравится, -воскликнул Хэвермейер, поднимаясь с земли и с оскорбленным видом подбочениваясь.
' I don't like that a bit.	- Мне это совсем не нравится.
That's a real royal screwing they're getting ready to give me just because you're too goddam yellow to fly any more missions, isn't it?'	Они собираются подложить мне шикарную свинью только потому, что ты струсил, как желтопузая крыса, и не хочешь летать на задания.

'Take it up with them,' said Yossarian and moved his hand to his gun vigilantly.	- Разбирайся с ними сам! - сказал Йоссариан и настороженно потянулся к пистолету.
'No, I'm not blaming you,' said Havermeyer, 'even though I don't like you.	- Да нет, я против тебя ничего не имею, - сказал Хэвермейер, - хотя и любви особой к тебе не питаю.
You know, I'm not too happy about flying so many missions any more either.	Знаешь, я ведь тоже не больно-то радуюсь, что надо отлетать еще столько заданий.
Isn't there some way I can get out of it, too?'	Нет, ли какого способа, чтобы и мне избавиться от них?

Yossarian snickered ironically and joked,	Йоссариан иронически хмыкнул и сказал шутя;
'Put a gun on and start marching with me.'	- Нацепи кобуру с пистолетом и маршируй со мной.
Havermeyer shook his head thoughtfully.	Хэвермейер задумчиво, покачал головой:
'Nah, I couldn't do that.	- Нет, на это я пойти не могу.
I might bring some disgrace on my wife and kid if I acted like a coward.	Если я проявлю трусость, то навлеку позор на жену и малыша.
Nobody likes a coward.	Трусов никто не любит.

Besides, I want to stay in the reserves when the war is over.	А кроме того, мне хочется, чтобы после войны меня оставили в резерве.
You get five hundred dollars a year if you stay in the reserves.'	Резервистам платят пятьсот долларов в год.
'Then fly more missions.'	- Ну тогда придется летать.
' Yeah, I guess I have to.	- И я так думаю.
Say, do you think there's any chance they might take you off combat duty and send you home?'	Послушай, а как по-твоему, есть надежда, что тебя освободят от боевых полетов и отправят домой?
'No.'	- Нет, не думаю.

'But if they do and let you take one person with you, will you pick me?	- Но если тебя освободят и разрешат взять кого-нибудь с собой в Штаты, может, возьмешь меня? А?
Don't pick anyone like Appleby.	Таких, как Эпплби, ты не бери.
Pick me.'	Лучше возьми меня.
'Why in the world should they do something like that?'	- Но какого дьявола они станут еще мне предлагать кого-то брать с собой?
' I don't know.	- Мало ли что.
But if they do, just remember that I asked you first, will you?	Но, если все-таки тебе предложат, ты помни, что я просился первым. Не забудешь?
And let me know how you're doing.	И сообщай мне, как идут дела.

I'll wait for you here in these bushes every night.	Я буду ждать тебя здесь, в кустах, каждый вечер.
Maybe if they don't do anything bad to you, I won't fly any more missions either.	Если они тебя не прижмут к ногтю, я, может, тоже брошу летать.
Okay?'	Договорились?
All the next evening, people kept popping up at him out of the darkness to ask him how he was doing, appealing to him for confidential information with weary, troubled faces on the basis of some morbid and clandestine kinship he had not guessed existed.	Весь следующий вечер люди то и дело выныривали из темноты: их интересовало, как у него идут дела. Ссылаясь на тайное родство и приятельские отношения, о существовании которых он прежде даже не догадывался, они упрашивали его, чтобы он по секрету сообщил им последние новости.

People in the squadron he barely knew popped into sight out of nowhere as he passed and asked him how he was doing.	Когда он проходил по лагерю, летчики, которых он едва знал, появлялись как из-под земли и спрашивали, как дела.
Even men from other squadrons came one by one to conceal themselves in the darkness and pop out.	Даже летчики из других эскадрилий поодиночке прокрадывались под покровом темноты и выныривали, перед носом Йоссариана.
Everywhere he stepped after sundown someone was lying in wait to pop out and ask him how he was doing.	После захода солнца, куда бы он ни направлял свои стопы, кто-то уже лежал в засаде, готовый вынырнуть из темноты в спросить, как дела.

People popped out at him from trees and bushes, from ditches and tall weeds, from around the corners of tents and from behind the fenders of parked cars.	Люди сваливались ему на голову с деревьев, выскакивали из кустов, земляных щелей, зарослей бурьяна, из-за палаток, вылезали из-под машин.

Even one of his roommates popped out to ask him how he was doing and pleaded with him not to tell any of his other roommates he had popped out.	Даже один из его соседей по палатке вынырнул из темноты и прошептал: "Как дела?", причем умолял Йоссариана не говорить другим обитателям палатки, что он выныривал из темноты.

Yossarian drew near each beckoning, overly cautious silhouette with his hand on his gun, never knowing which hissing shadow would finally turn dishonestly into Nately's whore or, worse, into some duly constituted governmental authority sent to club him ruthlessly into insensibility.	Завидев очередную притаившуюся фигуру, шепотом приглашающую его подойти поближе, Йоссариан хватался за пистолет, опасаясь, что шипящая тень коварно обернется нейтлевой девицей или, того хуже, хмурым представителем законной власти, который излупит его дубинкой до потери сознания.
It began to look as if they would have to do something like that.	Похоже было на то, что власти собирались предпринять что-нибудь в этом духе.

They did not want to court-martial him for desertion in the face of the enemy because a hundred and thirty-five miles away from the enemy could hardly be called the face of the enemy, and because Yossarian was the one who had finally knocked down the bridge at Ferrara by going around twice over the target and killing Kraft-he was always almost forgetting Kraft when he counted the dead men he knew. But they had to do something to him, and everyone waited grimly to see what horrible thing it would be.	Они явно не намеревались предавать его военно-полевому суду за дезертирство перед лицом неприятеля, потому что до лица ближайшего неприятеля было ни много ни мало -сто тридцать пять миль. Кроме того, именно Йоссариан разнес вдребезги мост у Феррары при вторичном заходе на цель. (При этом погиб Крафт. Когда Йоссариан пересчитывал покойников из числа знакомых, он всегда забывал приплюсовать Крафта.) Но ведь какие-то меры они были обязаны применить к нему, и вся эскадрилья мрачно ждала, что на Йоссариана обрушатся адские кары.

During the day, they avoided him, even Aarfy, and Yossarian understood that they were different people together in daylight than they were alone in the dark.	Днем Йоссариана избегали все, даже Аарфи. Йоссариан понял, что люди на виду, средь бела дня, - это одно, а в одиночку, под покровом темноты, - совсем другое.
He did not care about them at all as he walked about backward with his hand on his gun and awaited the latest blandishments, threats and inducements from Group each time Captains Piltchard and Wren drove back from another urgent conference with Colonel Cathcart and Colonel Korn.	Впрочем, это его мало заботило. Когда он маршировал задом наперед, с рукой - на пистолете, его куда больше волновало, как и чем его будут стращать, умасливать и соблазнять капитаны Пилтчард и Рен после очередного срочного совещания с полковником Кэткартом и подполковником Корном.

Hungry Joe was hardly around, and the only other person who ever spoke to him was Captain Black, who called him	Заморыш Джо часто отлучался из части, и капитан Блэк был единственным, кто разговаривал с Йоссарианом.
'Old Blood and Guts' in a merry, taunting voice each time he hailed him and who came back from Rome toward the end of the week to tell him Nately's whore was gone.	Приветствуя его, он неизменно называл Йоссариана старым мешком с костями. В конце недели капитан Блэк вернулся из Рима и сообщил Йоссариану, что нейтлева девица куда-то пропала.
Yossarian turned sorry with a stab of yearning and remorse.	Сердце Йоссариана защемило, он почувствовал тоску и угрызения совести.
He missed her. 'Gone?' he echoed in a hollow tone.	- Пропала? - откликнулся он равнодушно.

' Yeah, gone.'	- Ага, пропала.

Captain Black laughed, his bleary eyes narrow with fatigue and his peaked, sharp face sprouting as usual with a sparse reddish-blond stubble. He rubbed the bags under his eyes with both fists.	- Капитан Блэк засмеялся. Его затуманенные глаза устало сощурились. Он потер кулаками мешочки под глазами. Щеки его покрывала редкая светло-рыжая щетина.
'I thought I might as well give the stupid broad another boff just for old times' sake as long as I was in Rome anyway. You know, just to keep that kid Nately's body spinning in his grave, ha, ha!	- А я-то собирался тряхнуть стариной и отколоть в Риме какой-нибудь номер с этой безмозглой фифой, как бывало. Наш милый мальчик Нейтли небось бы перевернулся в гробу, ха-ха-ха!
Remember the way I used to needle him?	Помнишь, как я раньше изводил его?

But the place was empty.'	А теперь - все...
'Was there any word from her?' prodded Yossarian, who had been brooding incessantly about the girl, wondering how much she was suffering, and feeling almost lonely and deserted without her ferocious and unappeasable attacks.	- И что ж о ней - ни слуху ни духу? - допытывался Йоссариан. Мысль о нейтлевой девице не выходила у него из головы. Он постоянно думал о том, как несладко ей теперь. Без ее свирепых, отчаянных атак он чувствовал себя одиноким и заброшенным.
'There's no one there,' Captain Black exclaimed cheerfully, trying to make Yossarian understand.	- Там уже никого... Все. Крышка, - весело рассказывал капитан Блэк, имея в виду тот бордель в Риме и стараясь, чтобы Йоссариан хорошенько уяснил себе эту новость.

' Don't you understand?	- Неужели ты не понимаешь?
They're all gone.	Вся контора накрылась.
The whole place is busted.'	И все сгинули.
'Gone?'	- Сгинули?
' Yeah, gone.	- Ага.
Flushed right out into the street.'	Их вытряхнули прямо на улицу.
Captain Black chuckled heartily again, and his pointed Adam's apple jumped up and down with glee inside his scraggly neck.	- Капитан Блэк от души расхохотался, на его тощей шее радостно запрыгал острый кадык.
'The joint's empty.	- Опустел наш шалашик.

The M.P.s busted the whole apartment up and drove the whores right out.	Военная полиция прихлопнула все заведение и вытурила шлюх.
Ain't that a laugh?'	Вот комедия!
Yossarian was scared and began to tremble.	Йоссариан испугался и задрожал:
'Why'd they do that?'	- Зачем они это сделали?
'What difference does it make? responded Captain Black with an exuberant gesture.	- А не все ли равно? - ответил капитан Блэк, беззаботно махнув рукой.
' They flushed them right out into the street.	- Вытурили их, всех прямо на улицу.
How do you like that?	Как тебе это нравится?
The whole batch.'	Всю ораву.

' What about the kid sister?'	- А сестренку нейтлевой девицы?
'Flushed away,' laughed Captain Black.	- Турнули, - засмеялся капитан Блэк.

'Flushed away with the rest of the broads.	- Вместе с другими.
Right out into the street.'	Прямо на улицу.
'But she's only a kid!' Yossarian objected passionately.	- Но она же совсем ребенок! - горячился Йоссариан.
'She doesn't know anybody else in the whole city. What's going to happen to her?'	- Что же с ней станется?

'What the hell do I care?' responded Captain Black with an indifferent shrug, and then gawked suddenly at Yossarian with surprise and with a crafty gleam of prying elation.	- Какая разница? - капитан Блэк равнодушно пожал плечами и вдруг удивленно вытаращился на Йоссариана. В глазах его засветилось хитроватое любопытство.
' Say, what's the matter?	- Послушай, в чем дело?
If I knew this was going to make you so unhappy, I would have come right over and told you, just to make you eat your liver.	Знай я, что ты будешь так переживать, я бы выложил тебе все это раньше.
Hey, where are you going?	Эй, куда ты?
Come on back!	Вернись!

Come on back here and eat your liver!'	Вернись, я хочу посмотреть, какая у тебя морда, когда ты переживаешь.
The Eternal City Yossarian was going absent without official leave with Milo, who, as the plane cruised toward Rome, shook his head reproachfully and, with pious lips pulsed, informed Yossarian in ecclesiastical tones that he was ashamed of him.	39. Вечный город Йоссариан отправился в самоволку на самолете Милоу. По пути в Рим Милоу, благочестиво поджав губы, укоризненно покачал головой и ханжеским тоном сообщил Йоссариану, что ему за него стыдно.
Yossarian nodded.	Йоссариан утвердительно кивнул.

Yossarian was making an uncouth spectacle of himself by walking around backward with his gun on his hip and refusing to fly more combat missions, Milo said.	Расхаживая задом наперед с пистолетам на боку и отказываясь летать на боевые задания, говорил Милоу, Йоссариан ломает дешевую комедию.
Yossarian nodded.	Йоссариан утвердительно кивнул.
It was disloyal to his squadron and embarrassing to his superiors.	Это некрасиво по отношению к товарищам из эскадрильи, не говоря уже о том, что он причиняет немалое беспокойство вышестоящему начальству.
He was placing Milo in a very uncomfortable position, too.	Даже его, Милоу, он поставил в очень неудобное положение.

Yossarian nodded again.	Йоссариан снова утвердительно кивнул.
The men were starting to grumble.	Летчики начали роптать.
It was not fair for Yossarian to think only of his own safety while men like Milo, Colonel Cathcart, Colonel Korn and ex-P.F.C. Wintergreen were willing to do everything they could to win the war.	Йоссариан думает только о спасении собственной шкуры, а в это время такие люди, как Милоу, полковник Кэткарт, подполковник Корн и экс-рядовой первого класса Уинтергрин, лезут из кожи вон, чтобы приблизить час победы.

The men with seventy missions were starring to grumble because they had to fly eighty, and there was a danger some of them might put on guns and begin walking around backward, too.	Летчики, сделавшие семьдесят вылетов, начали роптать, поскольку теперь они обязаны сделать восемьдесят. Есть опасность, что кое-кто из них тоже нацепит пистолет и начнет ходить задом наперед.
Morale was deteriorating and it was all Yossarian's fault.	Боевой дух падает с каждым днем - и все по вине Йоссариана.

The country was in peril; he was jeopardizing his traditional rights of freedom and independence by daring to exercise them.	Страна в опасности. Йоссариан поставил под угрозу свое традиционное право на свободу и независимость тем, что осмелился применить это право на практике.
Yossarian kept nodding in the co-pilot's seat and tried not to listen as Milo prattled on.	Стараясь не прислушиваться к болтовне Милоу, Йоссариан сидел на месте второго пилота и утвердительно кивал.

Nately's whore was on his mind, as were Kraft and Orr and Nately and Dunbar, and Kid Sampson and McWatt, and all the poor and stupid and diseased people he had seen in Italy, Egypt and North Africa and knew about in other areas of the world, and Snowden and Nately's whore's kid sister were on his conscience, too.	Из головы у него не выходили нейтлева девица, Крафт, Орр, Нейтли, Данбэр, Малыш Сэмпсон, Макуотт, а также разные бесталанные, сирые и убогие люди, с которыми ему довелось встречаться в Италии, Египте, Северной Африке и в других районах мира. Сноуден и сестренка нейтлевой девицы тоже мучили его совесть.

Yossarian thought he knew why Nately's whore held him responsible for Nately's death and wanted to kill him.	Йоссариан, кажется, догадался, почему нейтлева девица не только считала его ответственным за смерть Нейтли, но даже хотела его убить.
Why the hell shouldn't she?	Так ли уж, черт побери, она неправа?

It was a man's world, and she and everyone younger had every right to blame him and everyone older for every unnatural tragedy that befell them; just as she, even in her grief, was to blame for every man-made misery that landed on her kid sister and on all other children behind her.	И она, и другие несчастные имеют полное право обвинять Йоссариана, и не только Йоссариана, за ту противоестественную трагедию, которая обрушилась на них, как, впрочем, и сама она наверняка повинна в несчастьях, причиняемых, например, ее сестренке, да и другим детям.
Someone had to do something sometime.	Кто-то что-то должен предпринять.

Every victim was a culprit, every culprit a victim, and somebody had to stand up sometime to try to break the lousy chain of inherited habit that was imperiling them all. In parts of Africa little boys were still stolen away by adult slave traders and sold for money to men who disemboweled them and ate them. Yossarian marveled that children could suffer such barbaric sacrifice without evincing the slightest hint of fear or pain. He took	Каждая жертва - преступник, каждый преступник - жертва, и кто-то наконец должен подняться во весь рост и разорвать эту, ставшую привычкой, мерзкую цепочку, которая угрожает каждой живой душе.

If not, he reasoned, the custom would certainly have died, for no craving for wealth or immortality could be so great, he felt, as to subsist on the sorrow of children.	Как бы ни велика была жажда богатства, как бы ни велико было желание бессмертия, никто не смеет строить свое благополучие на чьих-то слезах.
He was rocking the boat, Milo said, and Yossarian nodded once more.	- Ты раскачиваешь лодку, - сказал Милоу. Йоссариан снова утвердительно кивнул.
He was not a good member of the team, Milo said.	- Ты подыгрываешь противнику, - сказал Милоу.

Yossarian nodded and listened to Milo tell him that the decent thing to do if he did not like the way Colonel Cathcart and Colonel Korn were running the group was go to Russia, instead of stirring up trouble.	Йоссариан утвердительно кивнул. - Полковник Кэткарт и подполковник Корн были очень добры к тебе, - продолжал Милоу.
Colonel Cathcart and Colonel Korn had both been very good to Yossarian, Milo said; hadn't they given him a medal after the last mission to Ferrara and promoted him to captain?	- Не они ли наградили тебя орденом за последний налет на Феррару? Не они ли произвели тебя в капитаны?

Yossarian nodded.	Йоссариан утвердительно кивнул.
Didn't they feed him and give him his pay every month?	- Не они ли кормили тебя и каждый месяц платили тебе зарплату?
Yossarian nodded again.	Йоссариан снова утвердительно кивнул.
Milo was sure they would be charitable if he went to them to apologize and recant and promise to fly eighty missions.	Милоу нисколько не сомневался, что, пойди Йоссариан к ним, повинись, отрекись от своих заблуждений, пообещай выполнить норму в восемьдесят вылетов, и они сменят гнев на милость.

Yossarian said he would think it over, and held his breath and prayed for a safe landing as Milo dropped his wheels and glided in toward the runway.	Йоссариан сказал, что подумает, и, когда Милоу выпустил шасси и самолет пошел на посадку, он, затаив дыхание, стал молиться за благополучное приземление.
It was funny how he had really come to detest flying.	Прямо-таки смешно, какое отвращение стала у него теперь вызывать авиация.
Rome was in ruins, he saw, when the plane was down.	Когда самолет сел, перед Йоссарианом предстал Рим - весь в развалинах.

The airdrome had been bombed eight months before, and knobby slabs of white stone rubble had been bulldozed into flat-topped heaps on both sides of the entrance through the wire fence surrounding the field.	Восемь месяцев назад аэродром бомбили. Сейчас обломки белых каменных плит сгребли бульдозером в приплюснутые кучи: они громоздились по обеим сторонам выхода с летного поля, обнесенного колючей проволокой.
The Colosseum was a dilapidated shell, and the Arch of Constantine had fallen.	Возвышался полуразрушенный остов Колизея, арка Константина рухнула.
Nately's whore's apartment was a shambles.	Квартира нейтлевой девицы подверглась разгрому.

The girls were gone, and the only one there was the old woman. The windows in the apartment had been smashed.	Девицы исчезли, осталась одна старуха.
She was bundled up in sweaters and skirts and wore a dark shawl about her head.	На ней было напялено несколько свитеров и юбок, голова обмотана темной шалью.
She sat on a wooden chair near an electric hot plate, her arms folded, boiling water in a battered aluminum pot.	Скрестив руки на груди, она сидела на деревянном стуле возле электрической плитки и кипятила воду в помятой алюминиевой кастрюле.

She was talking aloud to herself when Yossarian entered and began moaning as soon as she saw him.	Когда Йоссариан вошел, она громко разговаривала сама с собой, но, заметив Йоссариана, начала причитать.
'Gone,' she moaned before he could even inquire.	- Пропали! - запричитала она, прежде чем он успел ее о чем-либо спросить.

Holding her elbows, she rocked back and forth mournfully on her creaking chair.	Держа себя за локти, она раскачивалась, как плакальщица на похоронах, и стул под ней поскрипывал.
' Gone.'	- Пропали!
'Who?'	- Кто?
' All.	- Все.

All the poor young girls.'	Бедные девочки.
' Where?'	- Куда же они делись?
' Away.	- Кто знает.
Chased away into the street.	Их выгнали на улицу.
All of them gone.	Все пропали.
All the poor young girls.'	Бедные, бедные девочки.
'Chased away by who?	- Но кто их выгнал?
Who did it?'	Кто?
'The mean tall soldiers with the hard white hats and clubs.	- Эти подлые высоченные солдаты в твердых белых шляпах с дубинками.
And by our carabinieri.	И наши карабинеры.

They came with their clubs and chased them away.	Они пришли со своими дубинками и прогнали их прочь.
They would not even let them take their coats.	Они даже не разрешили им взять пальто.
The poor things. They just chased them away into the cold.'	Бедняжки... Они выгнали их прямо на холод.
' Did they arrest them?'	- Их что, арестовали?
'They chased them away.	- Они выгнали их.
They just chased them away.'	Просто выгнали.
'Then why did they do it if they didn't arrest them?'	- Но если они их не арестовали, почему они с ними так поступили?

' I don't know,' sobbed the old woman.	- Не знаю, - всхлипнула старуха.
' I don't know.	- Не знаю.
Who will take care of me? Who will take care of me now that all the poor young girls are gone?	Кто обо мне позаботится теперь, когда все бедные девочки пропали?
Who will take care of me?'	Кто за мной присмотрит?
'There must have been a reason,' Yossarian persisted, pounding his fist into his hand.	- Но ведь должна быть какая-то причина, -настаивал Йоссариан.
'They couldn't just barge in here and chase everyone out.'	- Не могли же они просто так ворваться и выгнать всех на улицу!

'No reason,' wailed the old woman. 'No reason.'	- Без всякой причины, - всхлипывала старуха, -без всякой причины.
'What right did they have?'	- Какое они имели право?

'Catch-22.'	- "Уловка двадцать два".
'What?'	- Что?
Yossarian froze in his tracks with fear and alarm and felt his whole body begin to tingle.	- Йоссариан оцепенел от страха, и по телу его пробежал холодок.
'What did you say?'	- Что вы сказали?
'Catch-22' the old woman repeated, rocking her head up and down. 'Catch-22.	- "Уловка двадцать два", - повторила старуха, мотая головой. - "Уловка двадцать два".

Catch-22 says they have a right to do anything we can't stop them from doing.'	Она позволяет им делать все, что они хотят, и мы не в силах им помешать.
'What the hell are you talking about?' Yossarian shouted at her in bewildered, furious protest.	- О чем вы, черт побери, толкуете? -растерявшись, яростно заорал на нее Йоссариан.
'How did you know it was Catch-22? Who the hell told you it was Catch-22?'	- Да откуда вы знаете, что на свете существует "уловка двадцать два"?

'The soldiers with the hard white hats and clubs. The girls were crying. "Did we do anything wrong?" they said. The men said no and pushed them away out the door with the ends of their clubs. "Then why are you chasing us out?" the girls said. "Catch-22," the men said. "What right do you have?" the girls said. "Catch-22," the men said. All they kept saying was "Catch-22, Catch-22." What does it mean, Catch-22? What is Catch-22?'	- Солдаты с дубинками в твердых белых шля-пах только и твердили "уловка двадцать два", "уловка двадцать два".

'Didn't they show it to you?' Yossarian demanded, stamping about in anger and distress.	- А они вам ее показывали, эту "уловку"? - спросил Йоссариан.
'Didn't you even make them read it?'	- Почему вы не заставили их прочитать вам текст этой "уловки"?
'They don't have to show us Catch-22,' the old woman answered.	- Они не обязаны показывать нам "уловку двадцать два", - ответила старуха.
' The law says they don't have to.'	- Закон гласит, что они не обязаны этого делать.
'What law says they don't have to?'	- Какой еще закон?
'Catch-22.'	- "Уловка двадцать два".

'Oh, God damn!' Yossarian exclaimed bitterly.	- О, будь я проклят! - с горечью воскликнул Йоссариан.
' I bet it wasn't even really there.'	- Опять этот заколдованный круг!
He stopped walking and glanced about the room disconsolately.	- Йоссариан остановился и печально огляделся.
'Where's the old man?'	- А где же старик?
' Gone,' mourned the old woman.	- Ушел, - замогильным тоном сказала старуха.
'Gone?'	- Ушел?
'Dead,' the old woman told him, nodding in emphatic lament, pointing to her head with the flat of her hand.	- Ушел в лучший мир, - сказала старуха и тыльной стороной ладони коснулась лба.
' Something broke in here.	- Вот здесь у него что-то сломалось.

One minute he was living, one minute he was dead.' 'But he can't be dead!' Yossarian cried, ready to argue insistently. But of course he knew it was true, knew it was logical and true; once again the old man had marched along with the majority.	Он то приходил в себя, то снова впадал в беспамятство.
Yossarian turned away and trudged through the apartment with a gloomy scowl, peering with pessimistic curiosity into all the rooms.	Йоссариан повернулся и побрел по квартире. С мрачным любопытством он заглядывал в каждую комнату.

Everything made of glass had been smashed by the men with the clubs.	Вся стеклянная утварь была разбита вдребезги людьми с дубинками.
Torn drapes and bedding lay dumped on the floor.	Портьеры содраны, постели свалены на пол.
Chairs, tables and dressers had been overturned.	Стулья, столы и туалетные столики опрокинуты.
Everything breakable had been broken.	Все, что можно сломать - сломано.
The destruction was total.	Разгром был полный.
No wild vandals could have been more thorough.	Никакая орда вандалов не могла бы учинить большего разорения.

Every window was smashed, and darkness poured like inky clouds into each room through the shattered panes.	Все окна были разбиты, и тьма чернильными облаками вливалась в каждую комнату сквозь высаженные рамы.
Yossarian could imagine the heavy, crashing footfalls of the tall M.P.s in the hard white hats.	Йоссариан ясно представлял себе тяжелую, всесокрушающую поступь высоких парней в белых шлемах - военных полицейских.
He could picture the fiery and malicious exhilaration with which they had made their wreckage, and their sanctimonious, ruthless sense of right and dedication.	Он представлял себе разнузданное зловещее веселье, с каким они громили все вокруг, их лицемерное, не ведающее пощады сознание своей правоты и преданности долгу.
All the poor young girls were gone.	Бедные девочки - они все пропали.

Everyone was gone but the weeping old woman in the bulky brown and gray sweaters and black head shawl, and soon she too would be gone.	Осталась только плачущая старуха в выглядывавших один из-под другого мешковатых коричневом и сером свитерах и черной головной шали. Но скоро и она пропадет.
'Gone,' she grieved, when he walked back in, before he could even speak.	- Пропали... - горевала она, когда он вернулся.
'Who will take care of me now?'	- Кто теперь меня приютит?
Yossarian ignored the question.	Йоссариан пропустил этот вопрос мимо ушей.
'Nately's girl friend- did anyone hear from her?' he asked.	- У Нейтли была подружка, о ней что-нибудь известно?
' Gone.'	- Пропала.

' I know she's gone.	- Это мне известно.
But did anyone hear from her?	Но что о ней слышно?
Does anyone know where she is?'	Кто-нибудь знает, куда она девалась?
' Gone.'	- Пропала.
' The little sister. What happened to her?'	- А ее сестренка, что с ней случилось?

' Gone.' The old woman's tone had not changed.	- Пропала, - монотонно твердила старуха.
'Do you know what I'm talking about?' Yossarian asked sharply, staring into her eyes to see if she were not speaking to him from a coma.	- Вы понимаете, о чем я говорю? - резко спросил Йоссариан, глядя старухе прямо в глаза, чтобы убедиться, не бредит ли она.

He raised his voice. 'What happened to the kid sister, to the little girl?'	Он повысил голое: - Что случилось с сестренкой, с маленькой девочкой?
'Gone, gone,' the old woman replied with a crabby shrug, irritated by his persistence, her low wail growing louder.	- Пропала, и она пропала, - сердито ответила старуха. Она стала подвывать громче.
'Chased away with the rest, chased away into the street.	- Выгнали с остальными вместе. Выгнали на улицу.
They would not even let her take her coat.'	Даже не дали ей надеть пальто.
'Where did she go?'	- Куда она ушла?

' I don't know. I don't know.'	- Не знаю, не знаю.
' Who will take care of her?'	- Кто же о ней позаботится?
'Who will take care of me?'	- А кто позаботится обо мне?
' She doesn't know anybody else, does she?'	- Ведь, кроме вас, она никого не знает?
'Who will take care of me?'	- А кто присмотрит за мной?

Yossarian left money in the old woman's lap-it was odd how many wrongs leaving money seemed to right-and strode out of the apartment, cursing Catch-22 vehemently as he descended the stairs, even though he knew there was no such thing. Catch-22 did not exist, he was positive of that, but it made no difference.	Йоссариан бросил старухе в подол деньги -удивительно, как часто люди, оставив деньги, думают, что тем самым они исправили зло! - и вышел на лестничную площадку. Спускаясь по ступенькам, он поносил на чем свет стоит "уловку двадцать два", хотя знал, что таковой нет и в помине. "Уловка двадцать два" вообще не существовала в природе. Он-то в этом не сомневался, но что толку? Беда была в том, что, по всеобщему мнению, этот закон существовал.

What did matter was that everyone thought it existed, and that was much worse, for there was no object or text to ridicule or refute, to accuse, criticize, attack, amend, hate, revile, spit at, rip to shreds, trample upon or burn up.	А ведь "уловку двадцать два" нельзя было ни потрогать, ни прочесть, и, стало быть, ее нельзя было осмеять, опровергнуть, осудить, раскритиковать, атаковать, подправить, ненавидеть, обругать, оплевать, разорвать в клочья, растоптать или просто сжечь.
It was cold outside, and dark, and a leaky, insipid mist lay swollen in the air and trickled down the large, unpolished stone blocks of the houses and the pedestals of monuments.	На улице было холодно и темно, тусклый промозглый туман колыхался в воздухе и сочился по шершавой облицовке каменных домов, по пьедесталам памятников.

Yossarian hurried back to Milo and recanted.	Йоссариан поспешил к Милоу, чтобы покаяться и отречься от заблуждений.
He said he was sorry and, knowing he was lying, promised to fly as many more missions as Colonel Cathcart wanted if Milo would only use all his influence in Rome to help him locate Nately's whore's kid sister.	Он сказал, что просит извинения, и, сознавая, что лжет, пообещал сделать столько боевых вылетов, сколько пожелает полковник Кэткарт, если только Милоу использует все свое влияние в Риме, чтобы установить местопребывание сестренки нейтлевой девицы.

'She's just a twelve-year-old virgin, Milo,' he explained anxiously, 'and I want to find her before it's too late.'	- Ей всего двенадцать лет, она же еще ребенок, Милоу, - взволнованно объяснил Йоссариан. - Мне хочется отыскать ее, пока не поздно.
Milo responded to his request with a benign smile.	Тот встретил его просьбу милостивой улыбкой.
'I've got just the twelve-year-old virgin you're looking for,' he announced jubilantly.	- У меня как раз есть то, что тебе надо, -двенадцатилетняя девственница, совсем еще ребенок, - объявил он бодро.

'This twelve-year-old virgin is really only thirty-four, but she was brought up on a low-protein diet by very strict parents and didn't start sleeping with men until-' ' Milo, I'm talking about a little girl!' Yossarian interrupted him with desperate impatience.	- Правда, на самом деле этому ребенку всего лишь тридцать четыре, но строгие родители держат свою дочь на диете с низким содержанием протеина. И вообще... - Милоу, речь идет о маленькой девочке, - нетерпеливо, с отчаянием в голосе перебил его Йоссариан.
'Don't you understand?	- Как ты не понимаешь!
I don't want to sleep with her. I want to help her.	И главное - я хочу ей помочь.
You've got daughters.	Ведь у тебя самого дочери.

She's just a little kid, and she's all alone in this city with no one to take care of her.	Она еще ребенок. Она оказалась совсем одна в этом городе, за ней некому присмотреть.
I want to protect her from harm.	Я хочу спасти ее от беды.
Don't you know what I'm talking about?'	Неужели ты не понимаешь, о чем я говорю?
Milo did understand and was deeply touched.	Милоу все понял и был растроган до глубины души.
'Yossarian, I'm proud of you,' he exclaimed with profound emotion.	- Йоссариан, я горжусь тобой, - воскликнул он прочувствованным тоном.
' I really am.	- Серьезно, я горжусь.

You don't know how glad I am to see that everything isn't always just sex with you.	Ты даже не представляешь себе, до чего я рад, что тебя волнуют не только сексуальные проблемы.
You've got principles.	Ты человек принципа.
Certainly I've got daughters, and I know exactly what you're talking about.	Разумеется, у меня есть дочери, и я понимаю тебя, как никто в мире.
We'll find that girl if we have to turn this whole city upside down.	Мы ее найдем. Не беспокойся. Пойдем и разыщем эту девочку, даже если для этого нам придется перевернуть весь город.
Come along.'	Пошли.

Yossarian went along in Milo Minderbinder's speeding M & M staff car to police headquarters to meet a swarthy, untidy police commissioner with a narrow black mustache and unbuttoned tunic who was fiddling with a stout woman with warts and two chins when they entered his office and who greeted Milo with warm surprise and bowed and scraped in obscene servility as though Milo were some elegant marquis.	И Йоссариан вместе с Милоу Миндербиндером в скоростной служебной машине синдиката "М. и М." отправились в управление полиции, где смуглый, неряшливый полицейский комиссар с тоненькими черными усиками и в расстегнутом мундире приветствовал Милоу с таким неприличным подобострастием, будто Милоу был неким элегантным маркизом.

'Ah, Marchese Milo,' he declared with effusive pleasure, pushing the fat, disgruntled woman out the door without even looking toward her.	- А-а, марчезе Милоу! [24] - воскликнул донельзя польщенный комиссар.
'Why didn't you tell me you were coming?	- Почему же вы не предупредили меня о своем приходе?
I would have a big party for you.	Я бы устроил в вашу честь роскошный банкет.
Come in, come in, Marchese.	Входите, входите, марчезе.
You almost never visit us any more.'	Вы у нас такой редкий гость.
Milo knew that there was not one moment to waste.	Милоу понял, что нельзя терять ни минуты.

'Hello, Luigi,' he said, nodding so briskly that he almost seemed rude.	- Привет, Луиджи, - сказал он, кивнув с такой небрежностью, что это могло показаться невежливым.
'Luigi, I need your help.	- Луиджи, мне нужна ваша помощь.
My friend here wants to find a girl.'	Это мой друг. Ему нужно найти одну девочку.
'A girl, Marchese?' said Luigi, scratching his face pensively.	- Девчонку, марчезе? - спросил комиссар и озадаченно поскреб себе щеку.
' There are lots of girls in Rome.	- В Риме уйма девчонок.
For an American officer, a girl should not be too difficult.'	Найти девчонку для американского офицера -пустяковое дело.
'No, Luigi, you don't understand.	- Нет, Луиджи, ты меня не понял.

This is a twelve-year-old virgin that he has to find right away.'	Речь идет о двенадцатилетнем ребенке, он хочет найти эту девочку как можно скорее.
' Ah, yes, now I understand,' Luigi said sagaciously.	- А-а... Ну теперь я понял, - смекнул комиссар.
'A virgin might take a little time.	- Для того чтобы это найти, потребуется некоторое время.
But if he waits at the bus terminal where the young farm girls looking for work arrive, I-'	Но если ваш друг подождет на конечной остановке пригородного автобуса, куда приезжают молоденькие девочки из деревень в поисках работы, то я...

'Luigi, you still don't understand,' Milo snapped with such brusque impatience that the police commissioner's face flushed and he jumped to attention and began buttoning his uniform in confusion.	- Да нет, Луиджи, никак ты нас не поймешь, -оборвал его Милоу так грубо и нетерпеливо, что полицейский комиссар вспыхнул, вскочил и, вытянувшись в струнку, начал смущенно застегивать пуговицы мундира.
'This girl is a friend, an old friend of the family, and we want to help her.	- Эта девочка - старый друг семьи, и нам хочется ей помочь.
She's only a child.	Она еще дитя.
She's all alone in this city somewhere, and we have to find her before somebody harms her.	И сейчас бродит где-то в городе одна-одинешенька. Мы хотим разыскать ее, пока кто-нибудь ее не обидел.

Now do you understand?	Теперь ты понял?
Luigi, this is very important to me.	Луиджи, это для меня очень важно.

I have a daughter the same age as that little girl, and nothing in the world means more to me right now than saving that poor child before it's too late.	У меня дочь такого же возраста, и для меня нет ничего важнее, чем спасти сейчас это бедное дитя; пока не поздно.
Will you help?'	Ты мне поможешь?
'Si, Marchese, now I understand,' said Luigi.	- Си, марчезе, теперь я понял, - сказал Луиджи.

' And I will do everything in my power to find her.	- Я сделаю все, что в моих силах. Я найду ее.
But tonight I have almost no men.	Но сегодня вечером у меня почти нет людей.
Tonight all my men are busy trying to break up the traffic in illegal tobacco.'	Сегодня мои ребята пытаются перекрыть каналы, по которым поступает контрабандный табак.
'Illegal tobacco?' asked Milo. ' Milo,' Yossarian bleated faintly with a sinking heart, sensing at once that all was lost.	- Контрабандный табак? - спросил Милоу. -Милоу, - взмолился Йоссариан. Сердце его оборвалось. Он понял, что теперь все пропало.
' Si, Marchese,' said Luigi.	- Си, марчезе, - сказал Луиджи.

'The profit in illegal tobacco is so high that the smuggling is almost impossible to control.'	- Прибыль от незаконного ввоза табака настолько высока, что справиться с контрабандой почти невозможно.
'Is there really that much profit in illegal tobacco?'	- А что, в самом деле прибыль так уж высока? -спросил Милоу с живейшим интересом.
Milo inquired with keen interest, his rust-colored eyebrows arching avidly and his nostrils sniffing. ' Milo,' Yossarian called to him.	Его брови цвета ржавчины алчно изогнулись, а ноздри жадно втянули воздух. - Милоу, -окликнул его Йоссариан.
'Pay attention to me, will you?'	- Не забудь обо мне.
' Si, Marchese,' Luigi answered.	- Си, марчезе, - ответил Луиджи.

'The profit in illegal tobacco is very high.	- Доход от незаконного ввоза табака весьма высок.
The smuggling is a national scandal, Marchese, truly a national disgrace.'	Контрабанда превратилась в национальный скандал, в позор нации.
'Is that a fact?' Milo observed with a preoccupied smile and started toward the door as though in a spell. ' Milo!'	- Вот оно что! - заметил Милоу с рассеянной улыбкой и, словно заколдованный, направился к дверям.
Yossarian yelled, and bounded forward impulsively to intercept him. ' Milo, you've got to help me.'	- Милоу! - завопил Йоссариан и порывисто кинулся к двери наперехват. - Ты ведь пообещал помочь мне.

'Illegal tobacco,' Milo explained to him with a look of epileptic lust, struggling doggedly to get by.	- Табак, контрабандный табак, - объяснял Милоу, отталкивая Йоссариана с дороги. У него были мутные глаза эпилептика.
'Let me go.	- Позволь мне пройти.
I've got to smuggle illegal tobacco.'	Я хочу ввозить контрабандный табак.
'Stay here and help me find her,' pleaded Yossarian.	- Не уходи, помоги мне разыскать ее, - умолял Йоссариан.
' You can smuggle illegal tobacco tomorrow.'	- Контрабандный табак подождет до завтра.

But Milo was deaf and kept pushing forward, nonviolently but irresistibly, sweating, his eyes, as though he were in the grip of a blind fixation, burning feverishly, and his twitching mouth slavering.	Но Милоу был глух к этой просьбе, он пробивался к двери, хотя и не прибегая к силе, но неудержимо, точно в каком-то ослеплении, весь потный, с лихорадочным румянцем на щеках, с подергивающимися, слюнявыми губами.
He moaned calmly as though in remote, instinctive distress and kept repeating, 'Illegal tobacco, illegal tobacco.'	Его будто терзала глубокая, безотчетная тоска, и он негромко подвывал: "Контрабандный табак, контрабандный табак".

Yossarian stepped out of the way with resignation finally when he saw it was hopeless to try to reason with him.	В конце концов Йоссариан сдался и уступил ему дорогу, поняв, что остановить его - дело совершенно безнадежное.
Milo was gone like a shot.	Милоу пулей выскочил за дверь.
The commissioner of police unbuttoned his tunic again and looked at Yossarian with contempt.	Полицейский комиссар снова расстегнул мундир и впился в Йоссариана презрительным взглядом.
'What do you want here?' he asked coldly.	- Чего тебе здесь нужно? - холодно спросил он.
'Do you want me to arrest you?'	- Ты хочешь, чтобы я тебя арестовал?

Yossarian walked out of the office and down the stairs into the dark, tomblike street, passing in the hall the stout woman with warts and two chins, who was already on her way back in.	Йоссариан вышел из кабинета, спустился по лестнице и очутился на темной, как гробница, улице.
There was no sign of Milo outside.	Милоу и след простыл.
There were no lights in any of the windows.	Вокруг - ни одного светящегося окна.
The deserted sidewalk rose steeply and continuously for several blocks.	Несколько кварталов Йоссариан шел по пустынной улице, круто поднимавшейся в гору.

He could see the glare of a broad avenue at the top of the long cobblestone incline. The police station was almost at the bottom; the yellow bulbs at the entrance sizzled in the dampness like wet torches.	Впереди, куда убегала булыжная мостовая, сияли огни широкой авеню, а полицейский участок находился в самом низу на другом конце улицы, где желтые лампы у входа светили в сыром воздухе, как мокрые факелы.
A frigid, fine rain was falling.	Моросил мелкий, холодный дождь.
He began walking slowly, pushing uphill.	Йоссариан медленно одолевал подъем.

Soon he came to a quiet, cozy, inviting restaurant with red velvet drapes in the windows and a blue neon sign near the door that said: TONY'S RESTAURANT FINE FOOD AND DRINK. KEEP OUT.	Скоро он подошел к тихому, уютному, манящему ресторанчику с красными вельветовыми занавесками на окнах. Голубые неоновые буквы над входом гласили: "Ресторан "ТОНИ". Прекрасные закуски и напитки. Вход воспрещен".
The words on the blue neon sign surprised him mildly for only an instant.	Голубая неоновая надпись удивила Йоссариана, но только на миг.
Nothing warped seemed bizarre any more in his strange, distorted surroundings.	Никакой абсурд более не казался ему странным в этом уродливом мире.

The tops of the sheer buildings slanted in weird, surrealistic perspective, and the street seemed tilted.	Причудливо наклоненные фасады домов образовывали сюрреалистическую перспективу, улица казалась перекошенной.

He raised the collar of his warm woolen coat and hugged it around him.	Он поднял воротник своей теплой шерстяной куртки и зябко обхватил себя руками.
The night was raw.	Ночь была ненастная.
A boy in a thin shirt and thin tattered trousers walked out of the darkness on bare feet.	Босой мальчик в легкой рубашке и легких драных штанах вынырнул из темноты.

The boy had black hair and needed a haircut and shoes and socks.	Этот черноволосый мальчик отчаянно нуждался в стрижке, туфлях и носках.
His sickly face was pale and sad.	Его болезненное лицо было, бледным и печальным.

His feet made grisly, soft, sucking sounds in the rain puddles on the wet pavement as he passed, and Yossarian was moved by such intense pity for his poverty that he wanted to smash his pale, sad, sickly face with his fist and knock him out of existence because he brought to mind all the pale, sad, sickly children in Italy that same night who needed haircuts and needed shoes	Он. брел по мокрому тротуару, и ноги его противно чавкали по лужам. Йоссариана охватила такая пронзительная жалость к его бедности, что ему захотелось даже убить этого мальчика, потому что он напоминал других бледных, печальных, болезненных мальчиков, которые в ту же ночь вот так же бродили по Италии и так же нуждались в стрижке, туфлях и носках.

He made Yossarian think of cripples and of cold and hungry men and women, and of all the dumb, passive, devout mothers with catatonic eyes nursing infants outdoors that same night with chilled animal udders bared insensibly to that same raw rain.	Он заставил Йоссариана вспомнить всех калек, про- дрогших и голодных муж- чин и женщин, всех молча- ливых, покорных, набож- ных матерей с глазами ка- татоничек, которые в эту же ночь, под тем же промозг- лым дождем, словно живот- ные, кормят своих младен- цев, тыча им в рот стылое бесчувственное вымя.

Cows. Almost on cue, a nursing mother padded past holding an infant in black rags, and Yossarian wanted to smash her too, because she reminded him of the barefoot boy in the thin shirt and thin, tattered trousers and of all the shivering, stupefying misery in a world that never yet had provided enough heat and food and justice for all but an ingenious and unscrupulous handful.	Коровы, а не люди... И едва он успел об этом подумать, как мимо него проковыляла кормящая мать с завернутым в черное тряпье младенцем. Она тоже напомнила ему обо всех больных мальчиках в легких рубашках и легких рваных штанишках, напомнила обо всей дрожащей, отупляющей нищете в мире, который еще никогда так и не дал достаточно тепла, пищи и справедливости никому, кроме горстки самых изворотливых и бессовестных.

What a lousy earth!	"О гнусный мир! - размышлял Йоссариан.
He wondered how many people were destitute that same night even in his own prosperous country, how many homes were shanties, how many husbands were drunk and wives socked, and how many children were bullied, abused or abandoned.	- Сколько обездоленных людей бродит в эту же ночь даже в преуспевающей Америке, сколько, и там еще лачуг, вместо домов, сколько пьяных мужей и избитых жен, сколько запуганных, обиженных и брошенных детей!

How many families hungered for food they could not afford to buy?	Сколько семей голодает, не имея возможности купить себе хлеб насущный!
How many hearts were broken?	Сколько сердец разбито!
How many suicides would take place that same night, how many people would go insane?	Сколько самоубийств произойдет в эту ночь! Сколько людей сойдет с ума!
How many cockroaches and landlords would triumph?	Сколько землевладельцев и ростовщиков-кровососов восторжествует!

How many winners were losers, successes failures, rich men poor men?	Сколько победителей потерпело поражение! Сколько счастливых финалов оказалось на самом деле несчастливыми!
How many wise guys were stupid? How many happy endings were unhappy endings?	Сколько уважаемых людей продало свои души подлецам за мелкую монету, а у скольких души-то и вовсе не оказалось!

How many honest men were liars, brave men cowards, loyal men traitors, how many sainted men were corrupt, how many people in positions of trust had sold their souls to blackguards for petty cash, how many had never had souls? How many straight-and-narrow paths were crooked paths? How many best families were worst families and how many good people were bad people?	Сколько прямых дорог оказалось кривыми, скользкими дорожками!

When you added them all up and then subtracted, you might be left with only the children, and perhaps with Albert Einstein and an old violinist or sculptor somewhere.	И если все это сложить и вычесть, то в остатке окажутся только дети и еще, быть может, Альберт Эйнштейн да какой-нибудь скульптор или скрипач".

Yossarian walked in lonely torture, feeling estranged, and could not wipe from his mind the excruciating image of the barefoot boy with sickly cheeks until he turned the corner into the avenue finally and came upon an Allied soldier having convulsions on the ground, a young lieutenant with a small, pale, boyish face. Six other soldiers from different countries wrestled with different parts of him, striving to help him and hold him still. He yelped and groaned unintelligibly through	

Yossarian recalled that he had no leave papers and moved prudently past the strange group toward the sound of muffled voices emanating from a distance inside the murky darkness ahead.	Йоссариан вспомнил, что у него нет увольнительной. Он двинулся на звук приглушенных расстоянием голосов, доносившихся из густой тьмы.
The broad, rain-blotched boulevard was illuminated every half-block by short, curling lampposts with eerie, shimmering glares surrounded by smoky brown mist.	Вдоль широкого, мокрого от дождя бульвара через каждые полквартала стояли невысокие изогнутые фонарные столбы, тусклый свет ламп причудливо мерцал сквозь клубящийся коричневатый туман.

From a window overhead he heard an unhappy female voice pleading, 'Please don't.	Из окна над головой Йоссариан услышал несчастный женский голос, умолявший: "По- жалуйста, не надо!

Please don't.' A despondent young woman in a black raincoat with much black hair on her face passed with her eyes lowered.	Пожалуйста, не надо!" Ми- мо Йоссариана, опустив глаза, прошла печальная молодая женщина в чер- ном дождевике. Густая прядь черных волос падала на лоб.

At the Ministry of Public Affairs on the next block, a drunken lady was backed up against one of the fluted Corinthian columns by a drunken young soldier, while three drunken comrades in arms sat watching nearby on the steps with wine bottles standing between their legs.	Через квартал, у здания министерства общественных работ, пьяный молодой солдат прижимал к рифленой коринфской колонне пьяную даму, а трое его пьяных товарищей по оружию сидели на ступенях и смотрели. У ног их стояли бутылки с вином.
'Pleeshe don't,' begged the drunken lady.	"Пожалуйста, не надо, - упрашивала пьяная дама.

' I want to go home now.	- Я хочу домой.
Pleeshe don't.'	Пожалуйста, не надо".
One of the sitting men cursed pugnaciously and hurled a wine bottle at Yossarian when he turned to look up.	Когда Йоссариан подошел поближе, один из сидевших окрысился на Йоссариана, выругался и запустил в него бутылкой.
The bottle shattered harmlessly far away with a brief and muted noise.	Бутылка упала далеко от Йоссариана и, глухо звякнув, разбилась вдребезги.

Yossarian continued walking away at the same listless, unhurried pace, hands buried in his pockets. 'Come on, baby,' he heard the drunken soldier urge determinedly.	Йоссариан продолжал невозмутимо идти тем же неспешным шагом, засунув руки в карманы. "Ну ладно, крошка, - услышал он сзади решительный голос пьяного солдата.
'It's my turn now.' 'Pleeshe don't,' begged the drunken lady.	- Сейчас моя очередь". "Пожалуйста, не надо, -упрашивала пьяная дама.
'Pleeshe don't.'	- Пожалуйста, не надо".

At the very next corner, deep inside the dense, impenetrable shadows of a narrow, winding side street, he heard the mysterious, unmistakable sound of someone shoveling snow.	На другом углу, из глубины непроницаемо-темной узкой боковой улочки, донесся таинственный звук, который нельзя было ни с чем спутать.

The measured, labored, evocative scrape of iron shovel against concrete made his flesh crawl with terror as he stepped from the curb to cross the ominous alley and hurried onward until the haunting, incongruous noise had been left behind.	Кто-то сгребал снег. Размеренный, надсадный, хорошо знакомый скрежет железной лопаты о цемент заставил Йоссариана съежиться от ужаса, когда он сошел с тротуара, чтобы пересечь этот зловещий переулок.

Now he knew where he was: soon, if he continued without turning, he would come to the dry fountain in the middle of the boulevard, then to the officers' apartment seven blocks beyond.	Йоссариан прибавлял шагу, покуда неотвязный, столь неуместный в Риме звук не затих позади. Теперь Йоссариан понял, где он находится. Если идти, никуда не сворачивая, то скоро можно дойти до пересохшего фонтана в центре бульвара, откуда только семь кварталов до офицерской квартиры.
He heard snarling, inhuman voices cutting through the ghostly blackness in front suddenly.	Вдруг прямо впереди из темноты прорезались рычанье и грубые голоса.

The bulb on the corner lamp post had died, spilling gloom over half the street, throwing everything visible off balance.	В это время потухла лампочка на угловом столбе, все предметы будто качнулись, и разлилась тьма.

On the other side of the intersection, a man was beating a dog with a stick like the man who was beating the horse with a whip in Raskolnikov's dream.	На другой стороне перекрестка человек бил собаку палкой. Он напоминал приснившегося Раскольникову человека, который хлестал лошадь кнутом.
Yossarian strained helplessly not to see or hear.	Напрасно Йоссариан изо всех сил старался ничего не видеть и не слышать.

The dog whimpered and squealed in brute, dumbfounded hysteria at the end of an old Manila rope and groveled and crawled on its belly without resisting, but the man beat it and beat it anyway with his heavy, flat stick.	Собака скулила и визжала в животной истерике. Привязанная за растрепанный обрывок веревки, она, извиваясь, ползала на брюхе и не сопротивлялась ударам, а человек все равно бил и бил ее тяжелой палкой.
A small crowd watched.	Собралась небольшая толпа.

A squat woman stepped out and asked him please to stop. 'Mind your own business,' the man barked gruffly, lifting his stick as though he might beat her too, and the woman retreated sheepishly with an abject and humiliated air.	Приземистая женщина шагнула вперед и вежливо попросила перестать. "Не твое дело!" - сердито пролаял человек, замахиваясь палкой, будто хотел ударить и женщину. Женщина отступила с жалким и покорным видом.
Yossarian quickened his pace to get away, almost ran.	Йоссариан ускорил шаг, он почти бежал.

The night was filled with horrors, and he thought he knew how Christ must have felt as he walked through the world, like a psychiatrist through a ward full of nuts, like a victim through a prison full of thieves.	Ночь была полна ужасов. Ему подумалось, что он понял ощущения Христа, когда тот шел по миру, как психиатр проходит через палату, набитую безумцами, как обворованный - через тюремную камеру, набитую ворами.
What a welcome sight a leper must have been!	Ах, как бы он хотел увидеть прокаженного!
At the next corner a man was beating a small boy brutally in the midst of an immobile crowd of adult spectators who made no effort to intervene.	На другом углу мужчина зверски избивал мальчонку. Их окружила толпа зевак, и никто не сделал ни малейшей попытки вмешаться.

Yossarian recoiled with sickening recognition.	Йоссариан отпрянул, испытывая болезненное ощущение, что эта картина ему знакома.
He was certain he had witnessed that same horrible scene sometime before. Déjà vu?	Он был уверен, что когда-то прежде уже видел ту же самую жуткую сцену.
The sinister coincidence shook him and filled him with doubt and dread.	Зловещее совпадение потрясло его, страх и сомнение завладели сердцем.
It was the same scene he had witnessed a block before, although everything in it seemed quite different.	Ну конечно, это была та же сцена, которую он наблюдал на другом углу, хотя все выглядело совсем иначе.
What in the world was happening?	Что творится в мире?

Would a squat woman step out and ask the man to please stop? Would he raise his hand to strike her and would she retreat?	Может быть, и сейчас приземистая женщина шагнет вперед и вежливо попросит мужчину прекратить, а тот замахнется, и она отступит?
Nobody moved.	В толпе никто не шелохнулся.
The child cried steadily as though in drugged misery.	Отупевший от горя ребенок голосил во всю глотку.

The man kept knocking him down with hard, resounding open-palm blows to the head, then jerking him up to his feet in order to knock him down again.	Мужчина продолжал наносить ему тяжелые, звонкие затрещины, пока мальчонка не упал, и тогда мужчина рывком поставил его на ноги, чтобы тут же еще раз сшибить его наземь.

No one in the sullen, cowering crowd seemed to care enough about the stunned and beaten boy to interfere.	Никого из этих угрюмых, съежившихся от страха людей, кажется, не интересовал оглушенный, измордованный малыш. Никто не собирался за него заступаться.
The child was no more than nine.	Ребенку было не более девяти лет.
One drab woman was weeping silently into a dirty dish towel.	Только одна замызганная женщина молча плакала уткнув лицо в грязное посудное полотенце.
The boy was emaciated and needed a haircut. Bright-red blood was streaming from both ears.	Мальчик был худой, изможденный и обросший.

Yossarian crossed quickly to the other side of the immense avenue to escape the nauseating sight and found himself walking on human teeth lying on the drenched, glistening pavement near splotches of blood kept sticky by the pelting raindrops poking each one like sharp fingernails.	Йоссариан быстро перешел на другую сторону широкого авеню, подальше от тошнотворного зрелища, и почувствовал, что наступил на человеческие зубы, валявшиеся на мокром, поблескивающем тротуаре в клейких лужицах крови, по которым мелкий дождь барабанил острыми коготками.
Molars and broken incisors lay scattered everywhere.	Тут и там валялись коренные зубы и сломанные резцы.

He circled on tiptoe the grotesque debris and came near a doorway containing a crying soldier holding a saturated handkerchief to his mouth, supported as he sagged by two other soldiers waiting in grave impatience for the military ambulance that finally came clanging up with amber fog lights on and passed them by for an altercation on the next block between a civilian Italian with books and a slew of civilian policemen with armlocks and clubs.	Йоссариан на цыпочках обошел эти жуткие обломки и приблизился к подъезду, в котором плакал какой-то солдат, прижимая ко рту взбухший от крови носовой платок. У солдата подкашивались ноги, двое других поддерживали его, хмуро и нетерпеливо дожидаясь, когда приедет санитарная машина. И наконец она появилась, звеня, тускло светя янтарными фарами, и прокатила мимо, направляясь к следующему кварталу, где итальянец, штатский, с книгами под мышкой, отбивался от оравы полицейских, размахивавших наручниками и дубинками.

The screaming, struggling civilian was a dark man with a face white as flour from fear.	У итальянца было белое, как мука, лицо и лихорадочно горящие глаза.
His eyes were pulsating in hectic desperation, flapping like bat's wings, as the many tall policemen seized him by the arms and legs and lifted him up.	Он хлопал веками, как летучая мышь - крыльями. Рослые полицейские ухватили его за руки и за ноги и подняли.

His books were spilled on the ground. 'Help!' he shrieked shrilly in a voice strangling in its own emotion, as the policemen carried him to the open doors in the rear of the ambulance and threw him inside. 'Police!	Книги посыпались на землю. "Помогите!" - пронзительно закричал он, задыхаясь от волнения. Полицейские подтащили его к распахнутым задним дверцам санитарной машины и забросили внутрь. "Полиция!
Help!	Помогите!
Police!' The doors were shut and bolted, and the ambulance raced away.	Полиция!" - доносилось из машины. Дверцы заперли, и санитарная машина умчалась.

There was a humorless irony in the ludicrous panic of the man screaming for help to the police while policemen were all around him.	Какая-то грустная ирония была в этой нелепой ситуации: человек, охваченный паникой, взывал о помощи к полиции, находясь в плотном кольце полицейских.

Yossarian smiled wryly at the futile and ridiculous cry for aid, then saw with a start that the words were ambiguous, realized with alarm that they were not, perhaps, intended as a call for police but as a heroic warning from the grave by a doomed friend to everyone who was not a policeman with a club and a gun and a mob of other policemen with clubs and guns to back him up. 'Help!	Прислушиваясь к этим абсурдным и тщетным призывам о помощи, Йоссариан криво усмехнулся. Внезапно он с изумлением осознал, что слова итальянца двусмысленны. В голову ему пришла тревожная мысль, что несчастный, возможно, вовсе и не звал никакой полиции, нет, скорее, он, как герой, идущий на смерть, предостерегал каждого, кто не был членом банды полицейских с дубинками и пистолетами. "Помогите!
Police!' the man had cried, and he could have been shouting of danger.	Полиция!" - кричал человек, и он наверняка предупреждал об опасности.

Yossarian responded to the thought by slipping away stealthily from the police and almost tripped over the feet of a burly woman of forty hastening across the intersection guiltily, darting furtive, vindictive glances behind her toward a woman of eighty with thick, bandaged ankles doddering after her in a losing pursuit.	Йоссариан откликнулся на этот призыв, воровато проскользнув мимо полицейских, и тут же едва не упал, зацепившись за ногу дородной женщины лет сорока со шкодливым видом торопливо перебегавшей перекресток. Она украдкой бросала через плечо мстительные взгляды на старуху лет восьмидесяти, которая, трясясь, ковыляла за ней на толстых перебинтованных ногах, безнадежно отставая.
The old woman was gasping for breath as she minced along and muttering to herself in distracted agitation.	Старуха семенила и тяжело дышала, бормоча себе что-то под нос.

There was no mistaking the nature of the scene; it was a chase.	Ошибиться было невозможно: это была погоня.
The triumphant first woman was halfway across the wide avenue before the second woman reached the curb.	Первая, торжествуя, добежала до середины широкой улицы прежде, чем вторая добралась до края тротуара.
The nasty, small, gloating smile with which she glanced back at the laboring old woman was both wicked and apprehensive.	Подленькая улыбочка, с какой женщина огляну-лась на запыхавшуюся старуху, была одновременно злобной и боязливой.

Yossarian knew he could help the troubled old woman if she would only cry out, knew he could spring forward and capture the sturdy first woman and hold her for the mob of policemen nearby if the second woman would only give him license with a shriek of distress.	Стоило несчастной старухе закричать - и Йоссариан пришел бы ей на помощь. Подай она сигнал бедствия - и он получил бы право ринуться вперед, схватить убегавшую и сдать ее банде полицейских, болтавшихся поблизости.

But the old woman passed by without even seeing him, mumbling in terrible, tragic vexation, and soon the first woman had vanished into the deepening layers of darkness and the old woman was left standing helplessly in the center of the thoroughfare, dazed, uncertain which way to proceed, alone.	Но старуха протрусила мимо, даже не заметив Йоссариана, до него только донеслось ее горькое, печальное бормотанье. И вскоре первая женщина скрылась во тьме. А старуха осталась стоять посреди перекрестка, одинокая, растерянная, не знающая, куда податься.
Yossarian tore his eyes from her and hurried away in shame because he had done nothing to assist her.	Йоссариан оторвал от нее взгляд и заторопился прочь, стыдясь самого себя за то, что не пришел на помощь старухе.

He darted furtive, guilty glances back as he fled in defeat, afraid the old woman might now start following him, and he welcomed the concealing shelter of the drizzling, drifting, lightless, nearly opaque gloom. Mobs... mobs of policemen- everything but England was in the hands of mobs, mobs, mobs. Mobs with clubs were in control everywhere.	Он виновато, тайком оглядывал- ся, позорно отступая. Он боялся, что старуха начнет преследовать его, и радовался, что дождливый, колыхавшийся, почти непроглядный, без единого огонька мрак укрыл его.
The surface of the collar and shoulders of Yossarian's coat was soaked.	Воротник и плечи йоссариановой куртки набухли от воды.
His socks were wet and cold.	Носки промокли, ноги озябли.

The light on the next lamppost was out, too, the glass globe broken.	Ближайший уличный фонарь не горел -стеклянный колпак был разбит.
Buildings and featureless shapes flowed by him noiselessly as though borne past immutably on the surface of some rank and timeless tide.	Смутные очертания зданий, деревьев, фонарей беззвучно проплывали мимо него, точно несомые вечным движущимся потоком.
A tall monk passed, his face buried entirely inside a coarse gray cowl, even the eyes hidden.	Мимо прошагал высокий монах, скрыв лицо под капюшоном грубой, серой сутаны, даже глаз не было видно.
Footsteps sloshed toward him steadily through a puddle, and he feared it would be another barefoot child.	Впереди, приближаясь к Йоссариану, по лужам зашлепали, чьи-то ноги. Он испугался - уж не босой ли ребенок?

He brushed by a gaunt, cadaverous, tristful man in a black raincoat with a star-shaped scar in his cheek and a glossy mutilated depression the size of an egg in one temple.	Йоссариан прошмыгнул мимо изможденного, бледного как смерть, понурого человека в черном дождевике. На щеке у него виднелся шрам, похожий на звезду, а на виске глянцевито блестела уродливая вмятина величиной с яйцо.

On squishing straw sandals, a young woman materialized with her whole face disfigured by a God-awful pink and piebald burn that started on her neck and stretched in a raw, corrugated mass up both cheeks past her eyes!	Из тьмы, шаркая соломенными сандалиями, выступила молодая женщина. Лицо ее было обезображено чудовищными розово-багровыми ожогами, начинавшимися от самой шеи и покрывавшими сырой, сморщенной массой обе щеки, захватывая даже веки!
Yossarian could not bear to look, and shuddered.	Йоссариан не мог выдержать этого зрелища, его передернуло.
No one would ever love her.	Эту женщину никто никогда не любил.

His spirit was sick; he longed to lie down with some girl he could love who would soothe and excite him and put him to sleep.	На душе Йоссариана стало совсем скверно. Он мечтал о встрече с девушкой, которая была бы ему мила, которая успокоила бы его, пробудила интерес к жизни.
A mob with a club was waiting for him in Pianosa.	Орда людей с дубинками поджидала его на Пьяносе.
The girls were all gone.	Все девчонки сгинули.
The countess and her daughter-in-law were no longer good enough; he had grown too old for fun, he no longer had the time.	Графиня и ее невестка уже не годились для него, он стал слишком стар для таких забав, у него уже просто не было времени на пустяки.

Luciana was gone, dead, probably; if not yet, then soon enough.	Лючана исчезла, наверное умерла, а если еще нет, то скоро умрет.
Aarfy's buxom trollop had vanished with her smutty cameo ring, and Nurse Duckett was ashamed of him because he had refused to fly more combat missions and would cause a scandal.	Г рудастая потаскуха, знакомая Аарфи, испарилась вместе со своим дурацким перстнем. А сестра Даккит стыдилась его по той причине, что он отказался летать на боевые задания и вызвал тем самым в полку скандал.
The only girl he knew nearby was the plain maid in the officers' apartment, whom none of the men had ever slept with.	Единственная знакомая девушка, жившая поблизости, была простушка-горничная из офицерской квартиры. Мужчины с ней не спали.

Her name was Michaela, but the men called her filthy things in dulcet, ingratiating voices, and she giggled with childish joy because she understood no English and thought they were flattering her and making harmless jokes.	Звали ее Микаэла, но мужчины нежными, заигрывающими голосами обзывали ее грязными прозвищами, а она хихикала, радуясь, как дитя, потому что не понимала по-английски и полагала, что американские летчики говорят о ней что-то милое и даже лестное.
Everything wild she watched them do filled her with enchanted delight.	Дикие выходки, которые они устраивали на ее глазах, приводили ее в восторг.
She was a happy, simple-minded, hard-working girl who could not read and was barely able to write her name.	Это была счастливая, простодушная, работящая девушка, она не умела читать и натужными каракулями выводила свою фамилию.

Her straight hair was the color of rotting straw. She had sallow skin and myopic eyes, and none of the men had ever slept with her because none of the men had ever wanted to, none but Aarfy, who had raped her once that same evening and had then held her prisoner in a clothes closet for almost two hours with his hand over her mouth until the civilian curfew sirens sounded and it was unlawful for her to be outside.	У нее были прямые волосы цвета прелой соломы, желтоватая кожа и близорукие глаза. Мужчины с ней не спали, поскольку абсолютно не испытывали такого желания. Только Аарфи возжелал ее и изнасиловал в тот же вечер. После этого он почти два часа держал ее, как пленницу, в платяном шкафу, зажав ей рот рукой, покуда сирены не возвестили о наступлении комендантского часа, после которого Микаэла лишалась права выйти на улицу.
Then he threw her out the window.	И тогда Аарфи вышвырнул ее в окошко.

Her dead body was still lying on the pavement when Yossarian arrived and pushed his way politely through the circle of solemn neighbors with dim lanterns, who glared with venom as they shrank away from him and pointed up bitterly toward the second-floor windows in their private, grim, accusing conversations.	Труп Микаэлы лежал на тротуаре. Йоссариан вежливо протолкался сквозь кружок хмурых жильцов дома, стоявших с тусклыми фонарями в руках над мертвым телом. Они злобно посмотрели на Йоссариана и отшатнулись от него: люди разговаривали сердито, осуждающе и ожесточенно тыкали пальцами в сторону окна на четвергом этаже.

Yossarian's heart pounded with fright and horror at the pitiful, ominous, gory spectacle of the broken corpse.	Сердце Йоссариана тяжело забилось при виде разбившегося насмерть человека.
He ducked into the hallway and bolted up the stairs into the apartment, where he found Aarfy pacing about uneasily with a pompous, slightly uncomfortable smile.	Он нырнул в подъезд, вихрем взлетел по ступеням и вбежал в офицерскую квартиру.

Aarfy seemed a bit unsettled as he fidgeted with his pipe and assured Yossarian that everything was going to be all right. There was nothing to worry about.	Аарфи с напыщенной и несколько растерянной улыбкой нервно расхаживал по комнате. Чувствовалось, что ему немножко не по себе. Суетливо набивая трубку, он уверял Йоссариана, что все будет хорошо и беспокоиться не о чем.
' I only raped her once,' he explained.	- Я только разок ее изнасиловал, - объяснил он.
Yossarian was aghast. 'But you killed her, Aarfy!	- Но ведь ты убил ее, Аарфи! - ужаснулся Йоссариан.
You killed her!'	- Ты убил ее!

'Oh, I had to do that after I raped her,' Aarfy replied in his most condescending manner.	- Но я вынужден был это сделать, после того как изнасиловал, - спокойно ответил Аарфи.
'I couldn't very well let her go around saying bad things about us, could I?'	- Не мог же я отпустить ее, чтобы она по всей округе рассказывала о нас гадости.
'But why did you have to touch her at all, you dumb bastard?' Yossarian shouted.	- А, зачем ты вообще трогал ее, тупая скотина? -кричал Йоссариан.
'Why couldn't you get yourself a girl off the street if you wanted one?	- Почему ты не привел девку с улицы, если тебе так уж приспичило!
The city is full of prostitutes.'	Город кишит проститутками.

' Oh, no, not me,' Aarfy bragged.	- О нет, это не для меня, - хорохорился Аарфи.
' I never paid for it in my life.'	- За это я еще никогда в жизни не платил денег.
'Aarfy, are you insane?' Yossarian was almost speechless.	У Йоссариана присох язык к гортани: - Аарфи, ты в своем уме?
' You killed a girl.	Ты убил девушку!
They're going to put you in jail!'	Тебя посадят в тюрьму!
'Oh, no,' Aarfy answered with a forced smile. 'Not me.	- О нет, только не меня, - ответил Аарфи, улыбаясь.
They aren't going to put good old Aarfy in jail.	- Старого, доброго Аарфи за решетку не упекут.
Not for killing her.'	За таких, как она, не сажают.

' But you threw her out the window.	- Но ты выбросил ее из окна!
She's lying dead in the street.'	Она лежит мертвая на улице!
'She has no right to be there,' Aarfy answered.	- Она не имеет права там находиться, - ответил Аарфи.
' It's after curfew.'	- После комендантского часа это запрещено.
' Stupid!	- Болван!
Don't you realize what you've done?'	Ты понимаешь, что ты наделал?
Yossarian wanted to grab Aarfy by his well-fed, caterpillar-soft shoulders and shake some sense into him.	- Йоссариану хотелось схватить Аарфи за раскормленные, мягкие, как гусеницы, плечи и трясти его до тех пор, пока хоть искра сознания не затеплится в его мозгах.

' You've murdered a human being.	- Ты убил человека.
They are going to put you in jail.	Тебя наверняка посадят в тюрьму.

They might even hang you!'	Тебя могут даже повесить.
'Oh, I hardly think they'll do that,' Aarfy replied with a jovial chuckle, although his symptoms of nervousness increased.	- Ну, не думаю, чтобы они на это пошли, - ответил Аарфи, весело хихикнув, хотя видно было, что он нервничает все сильней.
He spilled tobacco crumbs unconsciously as his short fingers fumbled with the bowl of his pipe.	Набивая коротенькими пальцами трубочку, он сыпал табак на пол и не замечал этого.

'No, sirree. Not to good old Aarfy.' He chortled again.	- Нет, ваше высочество, старого, доброго Аарфи вы не засадите за решетку - Он опять хохотнул.
' She was only a servant girl.	- Подумаешь, какая-то служаночка!
I hardly think they're going to make too much of a fuss over one poor Italian servant girl when so many thousands of lives are being lost every day.	Не думаю, чтобы они стали поднимать шум из-за бедной итальянской служанки, когда каждый день погибают тысячи людей.
Do you?'	Как ты полагаешь?
'Listen!' Yossarian cried, almost in joy.	- Слышишь! - закричал Йоссариан почти радостно.

He pricked up his ears and watched the blood drain from Aarfy's face as sirens mourned far away, police sirens, and then ascended almost instantaneously to a howling, strident, onrushing cacophony of overwhelming sound that seemed to crash into the room around them from every side.	Он прислушался. Кровь отлила от лица Аарфи -вдали погребально завыли полицейские сирены. И вдруг почти мгновенно звук сирен усилился, превратившись в воющую, резкую, оглушительную какофонию, которая, казалось, рвалась в комнату со всех сторон.
'Aarfy, they're coming for you,' he said in a flood of compassion, shouting to be heard above the noise.	- Аарфи, это за тобой - закричал Йоссариан, стараясь перекричать сирены. Он почувствовал прилив сострадания.

'They're coming to arrest you. Aarfy, don't you understand? You can't take the life of another human being and get away with it, even if she is just a poor servant girl.	- Они арестуют тебя, Аарфи, неужели ты этого не понимаешь? Нельзя отнять жизнь у другого человеческого существа и остаться безнаказанным, даже если это бедная служанка.
Don't you see?	Неужели ты не понимаешь?
Can't you understand?' 'Oh, no,' Aarfy insisted with a lame laugh and a weak smile.	- О нет, - упорствовал Аарфи, с механическим смешком и жалкой улыбкой.
' They're not coming to arrest me.	- Они меня не арестуют.
Not good old Aarfy.'	Они не тронут старого, доброго Аарфи.

All at once he looked sick. He sank down on a chair in a trembling stupor, his stumpy, lax hands quaking in his lap.	Он как-то сразу сник, опустился в кресло и оцепенел; пухлые, мягкие руки тряслись на коленях.
Cars skidded to a stop outside.	Внизу затормозили машины.
Spotlights hit the windows immediately.	Свет ударял в окна.
Car doors slammed and police whistles screeched. Voices rose harshly.	Захлопали дверцы, пронзительно засвистели полицейские свистки, послышались резкие, грубые голоса.
Aarfy was green.	Аарфи позеленел.

He kept shaking his head mechanically with a queer, numb smile and repeating in a weak, hollow monotone that they were not coming for him, not for good old Aarfy, no sirree, striving to convince himself that this was so even as heavy footsteps raced up the stairs and pounded across the landing, even as fists beat on the door four times with a deafening, inexorable force.	Он машинально качал головой, улыбаясь странной, приклеенной улыбкой. Слабым, бесцветным голосом он твердил, что это приехали не за ним, не за старым, добрым Аарфи. "Нет, ваше высочество..." - старательно убеждал он себя даже тогда, когда тяжелые шаги уже слышались на лестнице и грохотали на площадке, даже тогда, когда беспощадные кулаки оглушительно забарабанили в дверь.

Then the door to the apartment flew open, and two large, tough, brawny M.P.s with icy eyes and firm, sinewy, unsmiling jaws entered quickly, strode across the room, and arrested Yossarian.	Дверь распахнулась настежь, и двое рослых, крепких, мускулистых полицейских с ледяными взглядами, твердо сжатыми губами и железными челюстями быстро прошагали через комнату и арестовали... Йоссариана.
They arrested Yossarian for being in Rome without a pass.	Они арестовали его за то, что он прибыл в Рим без увольнительной.
They apologized to Aarfy for intruding and led Yossarian away between them, gripping him under each arm with fingers as hard as steel manacles.	Они принесли Аарфи извинения за вторжение и увели Йоссариана, подхватив его под руки жесткими, как стальные кандалы, пальцами.

They said nothing at all to him on the way down.	Спускаясь по лестнице, они не проронили ни слова.
Two more tall M.P.s with clubs and hard white helmets were waiting outside at a closed car.	Двое других военных полицейских с дубинками, в белых шлемах дожидались их в закрытой машине.
They marched Yossarian into the back seat, and the car roared away and weaved through the rain and muddy fog to a police station.	Йоссариана усадили на заднее сиденье, и машина помчалась сквозь дождь и грязный туман к полицейскому участку.

The M.P.s locked him up for the night in a cell with four stone walls. At dawn they gave him a pail for a latrine and drove him to the airport, where two more giant M.P.s with clubs and white helmets were waiting at a transport plane whose engines were already warming up when they arrived, the cylindrical green cowlings oozing quivering beads of condensation.	На ночь его заперли в камере, а на рассвете доставили на аэродром. Еще два великана из военной полиции с дубинками и в белых шлемах поджидали его у транспортного самолета. Моторы уже разогревались, на зеленых запотевших цилиндрических обтекателях дрожали капельки пара.
None of the M.P.s said anything to each other either. They did not even nod.	Полицейские не разговаривали между собой, они даже не удостоили друг друга кивком головы.

Yossarian had never seen such granite faces.	Йоссариан никогда не видывал таких гранитных морд.
The plane flew to Pianosa.	Самолет взлетел и взял курс на Пьяносу.
Two more silent M.P.s were waiting at the landing strip.	Еще двое молчаливых, военных полицейских дожидались их на посадочной полосе.
There were now eight, and they filed with precise, wordless discipline into two cars and sped on humming tires past the four squadron areas to the Group Headquarters building, where still two more M.P.s were waiting at the parking area.	Теперь их стало восемь. Четко держа равнение и по-прежнему не проронив ни слова, они промаршировали к двум машинам, расселись, и джипы, жужжа колесами, понеслись мимо всех четырех эскадрилий к зданию штаба полка.

All ten tall, strong, purposeful, silent men towered around him as they turned toward the entrance.	Здесь на стоянке их дожидались еще двое военных полицейских.

Their footsteps crunched in loud unison on the cindered ground.	Все десять человек, здоровенных, сосредоточенных, молчаливых верзил, обступили его, возвышаясь над ним, словно сторожевые башни, и направились к входу. Гравий ритмично и жалобно скрипел под их башмаками.
He had an impression of accelerating haste.	Йоссариану казалось, что они непрерывно наращивают темп.
He was terrified.	Его охватил ужас.

Every one of the ten M.P.s seemed powerful enough to bash him to death with a single blow.	Каждый из этих десяти обладал такой силищей, что мог одним ударом размозжить Йоссариану голову.
They had only to press their massive, toughened, boulderous shoulders against him to crush all life from his body.	Стоило им сомкнуть свои массивные, твердые, как валуны, плечи, и от него осталось бы мокрое место.
There was nothing he could do to save himself.	Путей к спасению не было.

He could not even see which two were gripping him under the arms as they marched him rapidly between the two tight single-file columns they had formed.	Он даже не мог разглядеть лица тех двух полицейских, что держали его под руки. Зажатый двумя тесными шеренгами, Йоссариан быстро-быстро перебирал ногами.

Their pace quickened, and he felt as though he were flying along with his feet off the ground as they trotted in resolute cadence up the wide marble staircase to the upper landing, where still two more inscrutable military policemen with hard faces were waiting to lead them all at an even faster pace down the long, cantilevered balcony overhanging the immense lobby.	Они еще наддали, и ему показалось, что ноги его оторвались от земли и он летит. Четко печатая шаг, они поднялись по широкой мраморной лестнице на верхнюю площадку, где их дожидались еще двое военных полицейских с непроницаемыми каменными лицами. Прибавив ходу, они протопали по длинной галерее, нависающей над огромным вестибюлем.

Their marching footsteps on the dull tile floor thundered like an awesome, quickening drum roll through the vacant center of the building as they moved with even greater speed and precision toward Colonel Cathcart's office, and violent winds of panic began blowing in Yossarian's ears when they turned him toward his doom inside the office, where Colonel Korn, his rump spreading comfortably on a corner of Colonel Cathcart's desk, sat waiting to greet him with a genial smile and said,	Теперь они печатали шаг по тусклому, вы- стланному плиткой по- лу. В пустом вестибюле их шаги грохотали, как страшная, все убыстряю- щаяся барабанная дробь. И еще прибавив темп, и еще чеканней держа равнение, они подошли к кабинету полковника Кэткарта. Теперь, когда Йоссариан стоял лицом к лицу со своей судьбой, ледяной ветер ужаса за- свистел в его ушах. Под- полковник Корн, удобно расположив свою фи- лейную часть на уголке письменного стола пол- ковника Кэткарта, при- ветствовал Йоссариана теплой, душевной улыб- кой и сказал:

'We're sending you home.' CATCH-22 There was, of course, a catch.	- Ну так вот, мы отправляем вас домой. 40. "Уловка-22" Это, конечно, была уловка.
' Catch-22?' inquired Yossarian.	- "Уловка двадцать два"? - спросил Йоссариан.
'Of course,' Colonel Korn answered pleasantly, after he had chased the mighty guard of massive M.P.s out with an insouciant flick of his hand and a slightly contemptuous nod-most relaxed, as always, when he could be most cynical.	- Конечно, - любезно ответил подполковник Корн. Величественным взмахом руки и чуть презрительным кивком (он всегда держался в высшей степени небрежно, когда мог позволить себе быть в высшей степени циничным) он выпроводил могучих стражей и уставился на Йоссариана.

His rimless square eyeglasses glinted with sly amusement as he gazed at Yossarian.	Его глаза за квадратными стеклами очков без оправы блестели веселой хитрецой.
'After all, we can't simply send you home for refusing to fly more missions and keep the rest of the men here, can we?	- В конце концов, мы не можем отправить вас домой за то, что вы отказались летать на задания, а остальных держать здесь, на войне.
That would hardly be fair to them.'	Вряд ли это будет справедливо по отношению к ним.
'You're goddam right!' Colonel Cathcart blurted out, lumbering back and forth gracelessly like a winded bull, puffing and pouting angrily.	- Да, черт побери, вы правы! - выпалил полковник Кэткарт. Он переваливку расхаживал взад-вперед, сопя и пыхтя, словно разъяренный бык.

'I'd like to tie him up hand and foot and throw him aboard a plane on every mission.	- Я связал бы его по рукам и ногам, швырнул бы в самолет и силком заставил летать на каждое задание.
That's what I'd like to do.'	Вот как бы я поступил.
Colonel Korn motioned Colonel Cathcart to be silent and smiled at Yossarian.	Подполковник Корн жестом попросил полковника Кэткарта помолчать и улыбнулся Йоссариану.
'You know, you really have been making things terribly difficult for Colonel Cathcart,' he observed with flip good humor, as though the fact did not displease him at all.	- Вы, знаете ли, заварили кашу, которую приходится расхлебывать полковнику Кэткарту, -заметил он добродушно, будто вся эта история нисколько его не огорчала.

'The men are unhappy and morale is beginning to deteriorate.	- Люди недовольны, боевой дух упал.
And it's all your fault.'	И все - по вашей вине.
'It's your fault,' Yossarian argued, 'for raising the number of missions.'	- Нет, по вашей, - парировал Йоссариан. - Из-за того, что вы увеличили норму вылетов.
'No, it's your fault for refusing to fly them,' Colonel Korn retorted.	- Нет, по вашей, - возразил подполковник Корн. -Из-за того, что вы отказались выполнять норму.

'The men were perfectly content to fly as many missions as we asked as long as they thought they had no alternative.	Пилоты выполняли столько заданий, сколько мы требовали, и были вполне довольны жизнью, потому что у них не было иного выбора.
Now you've given them hope, and they're unhappy.	Теперь вы им подали идею, пробудили в них разные надежды, и они почувствовали себя несчастными.
So the blame is all yours.'	Так что вы кругом виноваты.
'Doesn't he know there's a war going on?' Colonel Cathcart, still stamping back and forth, demanded morosely without looking at Yossarian.	- Разве он не знает, что война еще продолжается?- угрюмо спросил полковник Кэткарт, не глядя на Йоссариана. Тяжелыми шагами он мерил кабинет.

' I'm quite sure he does,' Colonel Korn answered.	- Знает, конечно, - ответил подполковник Корн.
'That's probably why he refuses to fly them.'	- Я даже подозреваю, что именно по этой причине он и отказывается летать.
'Doesn't it make any difference to him?'	- Выходит, ему безразлично - идет война или нет?

'Will the knowledge that there's a war going on weaken your decision to refuse to participate in it?' Colonel Korn inquired with sarcastic seriousness, mocking Colonel Cathcart.	- Может быть, вспомнив о том, что война продолжается, вы откажетесь от своего решения?- с иронической серьезностью полюбопытствовал подполковник Корн, передразнивая полковника Кэткарта.

'No, sir,' Yossarian replied, almost returning Colonel Korn's smile.	- Нет, сэр, - с лукавой усмешкой ответил Йоссариан: он уловил тон подполковника Корна.
'I was afraid of that,' Colonel Korn remarked with an elaborate sigh, locking his fingers together comfortably on top of his smooth, bald, broad, shiny brown head.	- Ах, вот этого-то я и опасался, - заметил подполковник Корн с притворным вздохом и, сцепив руки, удобно положил их на свою обширную, сверкающую, загорелую лысину.
'You know, in all fairness, we really haven't treated you too badly, have we?	- А ведь, знаете, откровенно говоря, мы относились к вам не так уж плохо.

We've fed you and paid you on time. We gave you a medal and even made you a captain.'	Мы вас кормили, вовремя выдавали жалованье, наградили орденом и даже сделали вас капитаном.
'I never should have made him a captain,' Colonel Cathcart exclaimed bitterly.	- Я никогда бы не дал ему капитана! - с горечью воскликнул полковник Кэткарт.
'I should have given him a court-martial after he loused up that Ferrara mission and went around twice.'	- Я отдал бы его под суд, еще когда он наложил в штаны во время налета на Феррару и дважды зашел на цель.
'I told you not to promote him,' said Colonel Korn, 'but you wouldn't listen to me.'	- Я вам говорил, чтобы вы его не повышали, -сказал подполковник Корн, - но вы меня и слушать не захотели.

'No you didn't. You told me to promote him, didn't you?'	- Нет уж, простите, это вы меня убедили повысить его в звании. Разве не так?
' I told you not to promote him.	- Я доказывал вам, что не надо его повышать.
But you just wouldn't listen.'	А вы все-таки меня не послушались.
' I should have listened.'	- Если бы вы так сказали, я бы послушался.
'You never listen to me,' Colonel Korn persisted with relish.	- Вы никогда меня не слушаете, - твердил подполковник Корн.
' That's the reason we're in this spot.'	- Потому-то мы и торчим с вами в этой дыре.
' All right, gee whiz.	- А-а, ладно, ерунда.

Stop rubbing it in, will you?'	Не будем толочь воду в ступе.
Colonel Cathcart burrowed his fists down deep inside his pockets and turned away in a slouch.	- Полковник Кэткарт засунул руки в карманы и, ссутулясь, отвернулся.
'Instead of picking on me, why don't you figure out what we're going to do about him?'	- Чем пикироваться со мной, подумайте-ка лучше, что нам делать с ним.
'We're going to send him home, I'm afraid.'	- Боюсь, что нам придется отправить его домой.

Colonel Korn was chuckling triumphantly when he turned away from Colonel Cathcart to face Yossarian. 'Yossarian, the war is over for you.	- И торжествующе хихикнув, подполковник Корн повернулся к Йоссариану: - Ну, Йоссариан, для вас война окончилась.
We're going to send you home.	Мы намерены отправить вас домой.

You really don't deserve it, you know, which is one of the reasons I don't mind doing it.	Вы, конечно, сами понимаете, что этого не заслужили, и это как раз одна из причин, почему я не возражаю против вашей отправки.

Since there's nothing else we can risk doing to you at this time, we've decided to return you to the States.	Мы решили вернуть вас в Штаты, поскольку любой другой вариант будет еще более рискованным.
We've worked out this little deal to-'	Мы разработали одну небольшую сделку и предлагаем...
'What kind of deal?' Yossarian demanded with defiant mistrust.	- Какую сделку? - насторожился Йоссариан.
Colonel Korn tossed his head back and laughed.	Подполковник Корн откинул голову и расхохотался:
'Oh, a thoroughly despicable deal, make no mistake about that. It's absolutely revolting.	- О, сделка преподлейшая. На этот счет можете не заблуждаться.

But you'll accept it quickly enough.'	Но, по-моему, она вас вполне устроит.
'Don't be too sure.'	- Ну, это еще надо посмотреть.
'I haven't the slightest doubt you will, even though it stinks to high heaven. Oh, by the way.	- Устроит, нисколько не сомневаюсь, хотя сделка, скажем прямо, вонючая.
You haven't told any of the men you've refused to fly more missions, have you?'	Да, кстати, вы никому из пилотов не говорили, что отказались летать на задания?
'No, sir,' Yossarian answered promptly.	- Нет, сэр, не говорил, - поспешно заверил его Йоссариан.
Colonel Korn nodded approvingly.	Подполковник Корн одобрительно кивнул:
' That's good.	- Превосходно.

I like the way you lie.	Мне нравится, как вы лихо лжете.
You'll go far in this world if you ever acquire some decent ambition.'	Вы далеко пойдете, если направите свое честолюбие на что-нибудь стоящее.
'Doesn't he know there's a war going on?' Colonel Cathcart yelled out suddenly, and blew with vigorous disbelief into the open end of his cigarette holder.	- А известно ли ему, что война еще не кончена? -завопил вдруг полковник Кэткарт и энергично продул мундштук.
'I'm quite sure he does,' Colonel Korn replied acidly, 'since you brought that identical point to his attention just a moment ago.'	- Не сомневаюсь, что известно, - язвительно ответил подполковник Корн, - поскольку вы уже задавали ему этот вопрос.

Colonel Korn frowned wearily for Yossarian's benefit, his eyes twinkling swarthily with sly and daring scorn.	- Страдальческой гримасой подполковник Корн дал понять Йоссариану, как тяжко ему приходится с этим Кэткартом.
Gripping the edge of Colonel Cathcart's desk with both hands, he lifted his flaccid haunches far back on the corner to sit with both short legs dangling freely.	Темные глаза Корна искрились нагловатой хитрецой. Упершись обеими руками в край письменного стола, он приподнял свои пухлые ляжки и уселся поглубже и поудобнее.

His shoes kicked lightly against the yellow oak wood, his sludge-brown socks, garterless, collapsed in sagging circles below ankles that were surprisingly small and white.	Его короткие ножки болтались, не доставая до пола, а ботинки слегка постукивали по желтой тумбе дубового стола. Линялые коричневые носки без подвязок вялыми кольцами сползали ниже лодыжек - удивительно тоненьких и беленьких.
'You know, Yossarian,' he mused affably in a manner of casual reflection that seemed both derisive and sincere, 'I really do admire you a bit.	- А знаете, Йоссариан, - дружески заговорил подполковник Корн, будто осененный неожиданной мыслью, которая показалась ему одновременно и смешной и верной, - по правде говоря, я отчасти даже восхищаюсь вами.

You're an intelligent person of great moral character who has taken a very courageous stand.	Вы умный человек с сильным характером, и вы отважились на исключительно смелый поступок.
I'm an intelligent person with no moral character at all, so I'm in an ideal position to appreciate it.'	А я - человек умный, но бесхарактерный. Кто же лучше меня может оценить ваш поступок?
'These are very critical times,' Colonel Cathcart asserted petulantly from a far corner of the office, paying no attention to Colonel Korn.	- Сейчас очень тяжелый момент, - обиженным тоном заявил полковник Кэткарт из дальнего угла кабинета, совершенно не обращая никакого внимания на подполковника Корна.
'Very critical times indeed,' Colonel Korn agreed with a placid nod.	- Момент в самом деле трудный, - согласился подполковник Корн и миролюбиво кивнул.

'We've just had a change of command above, and we can't afford a situation that might put us in a bad light with either General Scheisskopf or General Peckem.	- Только что сменилось вышестоящее командование, и мы можем предстать в весьма неблагоприятном свете перед генералами Шейскопфом и Пеккемом.
Isn't that what you mean, Colonel?'	Вы это хотели сказать, полковник?
'Hasn't he got any patriotism?'	- Неужели он начисто лишен патриотизма?
'Won't you fight for your country?' Colonel Korn demanded, emulating Colonel Cathcart's harsh, self-righteous tone.	- Неужели вы не хотите сражаться за родину? - спросил подполковник Корн, пародируя резкий и самодовольный тон полковника Кэткарта.

'Won't you give up your life for Colonel Cathcart and me?' Yossarian tensed with alert astonishment when he heard Colonel Korn's concluding words.	- Неужели вам жаль отдать свою молодую жизнь за полковника Кэткарта и за меня? Удивленный и встревоженный словами подполковника Корна, Йоссариан весь так и напрягся.
'What's that?' he exclaimed.	- Что-что? - воскликнул он.
'What have you and Colonel Cathcart got to do with my country?	- А какое отношение вы и полковник Кэткарт имеете к родине?
You're not the same.'	Родина - это одно, а вы - это совсем другое.

'How can you separate us?' Colonel Korn inquired with ironical tranquillity.	- Но как можно разделять нас? - спокойно, без тени возмущения спросил подполковник Корн: он продолжал паясничать, издеваясь над полковником Кэткартом.
' That's right,' Colonel Cathcart cried emphatically.	- Верно! - с пафосом закричал полковник Кэткарт.
'You're either for us or against us.	- Или вы для нас или вы против нас.
There's no two ways about it.'	Вопрос стоит только так.

'I'm afraid he's got you,' added Colonel Korn. 'You're either for us or against your country.	- Думаю, что до него дошло, - сказал подполковник Корн и добавил: - Или вы для нас, или вы против родины.
It's as simple as that.'	Все очень просто.

'Oh, no, Colonel. I don't buy that.'	- Ну нет, подполковник, меня на этом не поймаешь.
Colonel Korn was unrufed.	Подполковник Корн был невозмутим:
'Neither do I, frankly, but everyone else will. So there you are.'	- Откровенно говоря, меня тоже. Но многие на это клюют. Итак, ваше слово.
'You're a disgrace to your uniform!' Colonel Cathcart declared with blustering wrath, whirling to confront Yossarian for the first time.	- Вы позорите ваш мундир! - яростно взревел полковник Кэткарт. В первый раз за весь разговор он взглянул прямо в лицо Йоссариану.
'I'd like to know how you ever got to be a captain, anyway.'	- Хотел бы я знать, как вы пролезли в капитаны?

'You promoted him,' Colonel Korn reminded sweetly, stifling a snicker.	- Вы что, забыли, полковник? Ведь это вы его произвели, - мягко напомнил подполковник Корн, подавляя смешок.
'Don't you remember?'	- Да, и совершенно напрасно.
'Well, I never should have done it.' 'I told you not to do it,' Colonel Korn said.	- А я говорил вам: не надо этого делать, - сказал подполковник Корн.
' But you just wouldn't listen to me.'	- Но вы и слушать меня не хотели.
'Gee whiz, will you stop rubbing it in?' Colonel Cathcart cried.	- Ладно; хватит толочь воду в ступе! - закричал полковник Кэткарт.

He furrowed his brow and glowered at Colonel Korn through eyes narrow with suspicion, his fists clenched on his hips. 'Say, whose side are you on, anyway?'	Он упер кулаки в бока и, прищурившись, уставился на подполковника Корна злобным, подозрительным взглядом: - Послушайте, вы-то на чьей, собственно говоря, стороне?
' Your side, Colonel.	- На вашей, полковник.
What other side could I be on?'	На чьей же еще?
'Then stop picking on me, will you? Get off my back, will you?'	- Тогда прекратите подцевать меня и не морочьте мне голову.
' I'm on your side, Colonel.	- Конечно, я на вашей стороне, полковник.
I'm just loaded with patriotism.'	Я патриот до мозга костей.

'Well, just make sure you don't forget that.'	- Так вот, почаще об этом вспоминайте.
Colonel Cathcart turned away grudgingly after another moment, incompletely reassured, and began striding the floor, his hands kneading his long cigarette holder. He jerked a thumb toward Yossarian.	Полковник Кэткарт что-то проворчал и отвернулся, видимо еще не совсем убежденный в преданности подполковника Корна. Он снова размашисто зашагал взад-вперед, вертя в руках мундштук, и наконец указал большим пальцем на Йоссариана:
'Let's settle with him.	- Давайте решим, что с ним делать.
I know what I'd like to do with him. I'd like to take him outside and shoot him.	Будь моя воля, я вывел бы его на улицу и пристрелил, как собаку.

That's what I'd like to do with him.	Вот что бы я сделал.
That's what General Dreedle would do with him.'	И так же поступил бы генерал Дридл.
'But General Dreedle isn't with us any more,' said Colonel Korn, 'so we can't take him outside and shoot him.'	- Но генерала Дридла больше нет с нами, - сказал подполковник Корн. - Поэтому мы не можем вывести капитана на улицу и пристрелить.
Now that his moment of tension with Colonel Cathcart had passed, Colonel Korn relaxed again and resumed kicking softly against Colonel Cathcart's desk. He returned to Yossarian.	- Теперь, когда его мимолетный конфликт с полковником Кэткартом уладился, подполковник Корн снова почувствовал себя свободно, мягко застучал каблуками по тумбе и обратился к Йоссариану:

'So we're going to send you home instead.	- Итак, мы намерены отправить вас домой.
It took a bit of thinking, but we finally worked out this horrible little plan for sending you home without causing too much dissatisfaction among the friends you'll leave behind.	Пришлось немного пораскинуть мозгами, но в конце концов мы разработали чертовски симпатичный планчик, как отправить вас домой и при этом не вызвать особого недовольства среди ваших друзей, которых вы покидаете.
Doesn't that make you happy?'	Надеюсь, теперь-то вы счастливы?
'What kind of plan?	- Что еще за планчик?
I'm not sure I'm going to like it.'	Я не уверен, что он мне придется по душе.

'I know you're not going to like it.' Colonel Korn laughed, locking his hands contentedly on top of his head again.	- Я даже уверен, что он вам не понравится, -засмеялся подполковник Корн и снова удовлетворенно сцепил пальцы рук на макушке.
' You're going to loathe it.	- Скорее всего, он вызовет у вас отвращение.
It really is odious and certainly will offend your conscience.	По правде говоря, план гнусный, он наверняка возмутит вашу совесть.
But you'll agree to it quickly enough.	Но вы примете его без промедления.
You'll agree to it because it will send you home safe and sound in two weeks, and because you have no choice.	Примете, потому что через две недели целым и невредимым вернетесь домой, а во-вторых, потому, что иного выбора у вас просто нет.

It's that or a court-martial.	Или вы принимаете наши условия, или идете под суд.
Take it or leave it.'	Словом, да или нет?
Yossarian snorted. 'Stop bluffing, Colonel.	- Не берите меня на пушку, подполковник.
You can't court-martial me for desertion in the face of the enemy.	Вы ведь все равно не отдадите меня под суд за дезертирство перед лицом неприятеля.
It would make you look bad and you probably couldn't get a conviction.'	Вы будете очень некрасиво выглядеть, да и вряд ли вы сумеете добиться, чтобы меня признали виновным.

'But we can court-martial you now for desertion from duty, since you went to Rome without a pass.	- Но теперь у нас есть возможность отдать вас под суд за дезертирство во время исполнения служебных обязанностей, поскольку вы улетели в Рим без увольнительной.
And we could make it stick.	И мы можем к этому придраться.

If you think about it a minute, you'll see that you'd leave us no alternative.	И если вы немного подумаете, то поймете, что другого выхода у нас не будет.
We can't simply let you keep walking around in open insubordination without punishing you.	Мы не можем позволить вам безнаказанно разгуливать по части, открыто не подчиняясь командованию.

All the other men would stop flying missions, too. No, you have my word for it.	Тогда и другие тоже откажутся летать на боевые задания - это уж вы мне поверьте.
We will court-martial you if you turn our deal down, even though it would raise a lot of questions and be a terrible black eye for Colonel Cathcart.'	Итак, если вы не примете наши условия, мы отдадим вас под суд, хотя это доставит нам немало хлопот и принесет полковнику Кэткарту уйму синяков и шишек.
Colonel Cathcart winced at the words 'black eye' and, without any apparent premeditation, hurled his slender onyx-and-ivory cigarette holder down viciously on the wooden surface on his desk.	При словах "синяки и шишки" полковник Кэткарт вздрогнул и вдруг ни с того ни с сего злобно швырнул свой инкрустированный ониксом и слоновой костью изящный мундштук на стол.

' Jesus Christ!' he shouted unexpectedly.	- Господи! - заорал он.
'I hate this goddam cigarette holder!'	- До чего я ненавижу этот проклятый мундштук.
The cigarette holder bounced off the desk to the wall, ricocheted across the window sill to the floor and came to a stop almost where he was standing.	Мундштук, отскочив от стола к стене, рикошетировал на подоконник, с подоконника упал на пол и подкатился к ногам полковника Кэткарта.
Colonel Cathcart stared down at it with an irascible scowl.	Бросив сердитый взгляд на мундштук, полковник Кэткарт сказал:
' I wonder if it's really doing me any good.'	- Интересно, будет ли мне прок от этого?

'It's a feather in your cap with General Peckem, but a black eye for you with General Scheisskopf,' Colonel Korn informed him with a mischievous look of innocence.	- От генерала Пеккема вы получите пироги и пышки, а от генерала Шейскопфа - синяки и шишки, - проинформировал его подполковник Кори с самым невинным видом.
'Well, which one am I supposed to please?'	- Да, но кому из них я должен нравиться?
' Both.'	- Обоим.
'How can I please them both? They hate each other.	- Как я могу нравиться им обоим, когда они терпеть друг друга не могут?

How am I ever going to get a feather in my cap from General Scheisskopf without getting a black eye from General Peckem?'	Как я могу заслужить пироги и пышки у генерала Шейскопфа без того, чтобы не схлопотать синяков и шишек от генерала Пеккема?
' March.'	- Маршировать.
'Yeah, march. That's the only way to please him.	- Хм, маршировать... Да, это единственный способ очаровать Шейскопфа.
March. March.'	Раз-два, левой, ать-два.
Colonel Cathcart grimaced sullenly. 'Some generals! They're a disgrace to their uniforms.	- Мрачная усмешка скривила губы полковника Кэткарта.

If people like those two can make general, I don't see how I can miss.'	- Если уж подобные типы становятся генералами, то мне сам бог велел.

'You're going to go far.' Colonel Korn assured him with a flat lack of conviction, and turned back chuckling to Yossarian, his disdainful merriment increasing at the sight of Yossarian's unyielding expression of antagonism and distrust.	- Вы пойдете далеко, - заверил его подполковник Корн весьма неуверенным тоном. Его веселое настроение, проистекавшее от сознания собственного превосходства над полковником Кэткартом, еще больше поднялось, когда он заметил враждебность и отвращение, написанные на лице Йоссариана.

'And there you have the crux of the situation.	Посмеиваясь, Корн обратился к Йоссариану: -Теперь вам понятно, в чем соль?
Colonel Cathcart wants to be a general and I want to be a colonel, and that's why we have to send you home.'	Полковник Кэткарт хочет стать генералом, а я -полковником, поэтому мы и собираемся отправить вас домой.
'Why does he want to be a general?'	- Но почему ему так хочется стать генералом?
'Why?	- То есть как, почему?
For the same reason that I want to be a colonel.	По той же причине, по какой я рвусь в полковники.
What else have we got to do?	А что же нам еще остается делать?

Everyone teaches us to aspire to higher things.	Нас всегда учили стремиться к высшему.
A general is higher than a colonel, and a colonel is higher than a lieutenant colonel.	Генерал - выше полковника, полковник - выше подполковника.
So we're both aspiring.	Вот мы оба и стремимся к высшему.
And you know, Yossarian, it's a lucky thing for you that we are.	И знаете, Йоссариан, вам просто повезло, что мы честолюбивы.
Your timing on this is absolutely perfect, but I suppose you took that factor into account in your calculations.'	На этом фоне ваше положение просто прекрасно, и я надеюсь, что вы примете во внимание этот фактор, обдумывая свои комбинации.

'I haven't been doing any calculating,' Yossarian retorted.	- Нет у меня никаких комбинаций.
'Yes, I really do enjoy the way you lie,' Colonel Korn answered.	- Нет, ей-богу, мне в самом деле нравится, как вы лихо лжете, - ответил подполковник Корн.
'Won't it make you proud to have your commanding officer promoted to general-to know you served in an outfit that averaged more combat missions per person than any other?	- Вы должны гордиться, если вашего боевого командира произведут в генералы. Гордиться тем, что служили в части, в которой на каждого пилота в среднем приходится больше боевых вылетов, чем в других частях.

Don't you want to earn more unit citations and more oak leaf clusters for your Air Medal?	Неужели вы не хотите получить как можно больше благодарностей и Пучок дубовых листьев[25] к вашей Авиационной медали?
Where's your esprit de corps?	Где ваш боевой дух?
Don't you want to contribute further to this great record by flying more combat missions?	Неужто вы не рветесь в бой, дабы удлинить список боевых заслуг вашей части?
It's your last chance to answer yes.'	Даю вам последнюю возможность ответить "да".
'No.'	- Нет.

'In that case, you have us over a barrel-' said Colonel Korn without rancor.	- В таком случае, - беззлобно сказал подполковник Корн, - чаша нашего терпения переполнилась и...
'He ought to be ashamed of himself!' '-and we have to send you home.	- Он должен презирать себя! - ...и мы вынуждены отправить вас домой.
Just do a few little things for us, and-'	Только окажите нам одну маленькую услугу и...
'What sort of things?' Yossarian interrupted with belligerent misgiving.	- Какую еще услугу? - перебил Йоссариан с вызовом: он почуял недоброе.
'Oh, tiny, insignificant things.	- О, совершенно пустяковую, незначительную услугу.

Really, this is a very generous deal we're making with you.	Мы предлагаем вам самую великодушную сделку.
We will issue orders returning you to the States-really, we will-and all you have to do in return is...'	Мы издаем приказ, согласно которому вы возвращаетесь в Штаты. Нет, на самом деле издаем. А вы в благодарность должны...
'What?	- Что?
What must I do?'	Что я должен?
Colonel Korn laughed curtly.	У подполковника Корна вырвался короткий смешок:
' Like us.'	- Полюбить нас.
Yossarian blinked.	Йоссариан заморгал:
'Like you?'	- Полюбить вас?
' Like us.'	- Да, полюбить нас.

'Like you?'	- Полюбить вас?
'That's right,' said Colonel Korn, nodding, gratified immeasurably by Yossarian's guileless surprise and bewilderment.	- Совершенно верно, - кивнув, подтвердил подполковник Корн, чрезвычайно довольный неподдельным удивлением и замешательством Йоссариана.
'Like us.	- Полюбить нас.
Join us.	Быть с нами заодно.
Be our pal.	Стать нашим закадычным другом.
Say nice things about us here and back in the States.	Говорить о нас хорошо - и здесь, и в Штатах.
Become one of the boys.	Короче, стать своим малым!
Now, that isn't asking too much, is it?'	Ну что, немного мы с вас запросили?

' You just want me to like you?	- Значит, вы хотите, чтобы я вас полюбил?
Is that all?'	И все дела?
' That's all.'	- И все дела.
' That's all?'	- И все?..
' Just find it in your heart to like us.'	- Да. Чтобы вы полюбили нас всем сердцем.

Yossarian wanted to laugh confidently when he saw with amazement that Colonel Korn was telling the truth.	Йоссариану захотелось расхохотаться от души, когда он с удивлением понял, что подполковник Корн говорит то, что думает.
' That isn't going to be too easy,' he sneered.	- Это не так-то легко, - усмехнулся он.

'Oh, it will be a lot easier than you think,' Colonel Korn taunted in return, undismayed by Yossarian's barb.	- О, это гораздо легче, чем вам кажется, -отпарировал подполковник Корн, нисколько не задетый шпилькой Йоссариана.
'You'll be surprised at how easy you'll find it to like us once you begin.'	- Вы сами удивитесь, как легко полюбить нас, стоит только начать.
Colonel Korn hitched up the waist of his loose, voluminous trousers. The deep black grooves isolating his square chin from his jowls were bent again in a kind of jeering and reprehensible mirth.	- Подполковник Корн подтянул свои просторные, болтающиеся брюки и нехорошо ухмыльнулся, отчего глубокие темные складки, отделявшие его квадратный подбородок от обвислых щек, протянулись еще ниже.

'You see, Yossarian, we're going to put you on easy street.	- Видите ли, Йоссариан, мы собираемся открыть вам путь к процветанию.
We're going to promote you to major and even give you another medal.	Мы намерены произвести вас в майоры и даже наградить еще одной медалью.
Captain Flume is already working on glowing press releases describing your valor over Ferrara, your deep and abiding loyalty to your outfit and your consummate dedication to duty.	Капитан Флюм уже работает над пресс-бюллетенем, в котором он воспевает ваше доблестное поведение над Феррарой, вашу глубокую преданность родному полку и исключительную верность воинскому долгу.

Those phrases are all actual quotations, by the way.	Я цитирую дословно.
We're going to glorify you and send you home a hero, recalled by the Pentagon for morale and public-relations purposes.	Мы намерены прославить вас и отправить домой как героя, отозванного Пентагоном для поднятия боевого духа в стране и для пропагандистских целей.
You'll live like a millionaire.	Вы будете жить, как миллионер.
Everyone will lionize you.	С вами будут носиться, как со знаменитостью.
You'll have parades in your honor and make speeches to raise money for war bonds.	В вашу честь будут устраивать парады, вы будете произносить речи, призывая население приобретать облигации военного займа.

A whole new world of luxury awaits you once you become our pal.	Новый, роскошный мир откроется перед вами, как только вы станете нашим закадычным другом.
Isn't it lovely?'	Ну не прекрасно ли?
Yossarian found himself listening intently to the fascinating elucidation of details.	Йоссариан вдруг поймал себя на том, что внимательно слушает, как подполковник расписывает пленительные подробности его будущей жизни.
'I'm not sure I want to make speeches.'	- Я не любитель говорить речи. Подполковник Корн посуровел. Он уже больше не улыбался:

'Then we'll forget the speeches. The important thing is what you say to people here.' Colonel Korn leaned forward earnestly, no longer smiling.	- Хорошо, забудем о речах. Главное - не ваши речи, а ваши разговоры.

'We don't want any of the men in the group to know that we're sending you home as a result of your refusal to fly more missions.	В полку не должны знать, что мы вас отправили домой только потому, что вы отказались выполнять задания.
And we don't want General Peckem or General Scheisskopf to get wind of any friction between us, either.	И мы не желаем, чтобы генерал Пеккем или генерал Шейскопф что-нибудь пронюхали о наших с вами трениях.

That's why we're going to become such good pals.'	Вот почему мы так хотим с вами подружиться.
'What will I say to the men who asked me why I refused to fly more missions?'	- А что мне говорить ребятам, когда они спросят, почему я отказался летать на задания?
'Tell them you had been informed in confidence that you were being returned to the States and that you were unwilling to risk your life for another mission or two.	- Говорите, что вам по секрету сообщили, будто вас отправляют в Штаты, и вы не желаете рисковать жизнью из-за одного-двух полетов.
Just a minor disagreement between pals, that's all.'	Ну и, дескать, на этой почве легкая размолвка между закадычными друзьями.
'Will they believe it?'	- И они поверят?

'Of course they'll believe it, once they see what great friends we've become and when they see the press releases and read the flattering things you have to say about me and Colonel Cathcart.	- Конечно, поверят, как только увидят, что нас с вами водой не разольешь, а тем более, когда им на глаза попадется пресс-бюллетень и они прочтут ваши добрые слова - да-да, это уж вам придется написать! - обо мне и полковнике Кэткарте.
Don't worry about the men.	О летчиках не беспокоитесь.
They'll be easy enough to discipline and control when you've gone.	Пока вы здесь, от них можно ждать всяких неприятностей, но после вашего отъезда мы их призовем к порядку и приструним.

It's only while you're still here that they may prove troublesome.	Знаете, как говорится, одна хорошая овца может испортить паршивое стадо, - сострил подполковник Корн.
You know, one good apple can spoil the rest,' Colonel Korn concluded with conscious irony.	- Слушайте, а ведь может получиться очень здорово: не исключено даже, что вы вдохновите своих друзей на выполнение новых боевых заданий.
'You know-this would really be wonderful-you might even serve as an inspiration to them to fly more missions.'	- Ну а что, если, предположим, я разоблачу вас, когда вернусь в Штаты?
'Suppose I denounce you when I get back to the States?'	- И это после того-то, как вы получите медаль, повышение и шумную славу?

'After you've accepted our medal and promotion and all the fanfare?	Во-первых, вам никто не поверит. Во-вторых, начальство не позволит. Да и чего ради, скажите на милость?
No one would believe you, the Army wouldn't let you, and why in the world should you want to?	Вы же собирались стать своим малым, помните?
You're going to be one of the boys, remember?	Вы будете наслаждаться богатством и почетом.
You'll enjoy a rich, rewarding, luxurious, privileged existence. You'd have to be a fool to throw it all away just for a moral principle, and you're not a fool.	Вы были бы последним дураком, если б отказались от всего этого ради каких-то моральных принципов. А ведь вы не дурак.

Is it a deal?'	Ну, по рукам?
' I don't know.'	- Не знаю.
' It's that or a court-martial.'	- Или по рукам, или под суд.
'That's a pretty scummy trick I'd be playing on the men in the squadron, isn't it?'	- Но это будет довольно подлый трюк по отношению к ребятам из эскадрильи.
'Odious,' Colonel Korn agreed amiably, and waited, watching Yossarian patiently with a glimmer of private delight.	- Трюк гнусный, - любезно согласился подполковник и замолк, выжидательно глядя на Йоссариана и наслаждаясь всей этой сценой.
'But what the hell!' Yossarian exclaimed.	- А собственно, какого черта! - воскликнул Йоссариан.

'If they don't want to fly more missions, let them stand up and do something about it the way I did.	- Если они не хотят больше летать на задания, пусть бросят и выкручиваются сами, как это сделал я.
Right?'	Правильно?
' Of course,' said Colonel Korn.	- Конечно, - сказал подполковник Корн.
'There's no reason I have to risk my life for them, is there?'	- Почему, собственно, я должен из-за них рисковать своей жизнью?
' Of course not.'	- Конечно не должен.
Yossarian arrived at his decision with a swift grin. 'It's a deal!' he announced jubilantly.	- Ну что же, по рукам! - объявил он радостно, приняв решение.

'Great,' said Colonel Korn with somewhat less cordiality than Yossarian had expected, and he slid himself off Colonel Cathcart's desk to stand on the floor. He tugged the folds of cloth of his pants and undershorts free from his crotch and gave Yossarian a limp hand to shake. 'Welcome aboard.'	- Великолепно, - сказал подполковник Корн с гораздо меньшей сердечностью, чем ожидал Йоссариан. Соскочив на пол, подполковник Корн подергал, оправляя, брюки, и протянул Йоссариану мягкую ладонь: - Ну, счастливого пути на родину.
' Thanks, Colonel.	- Благодарю, подполковник.
I-'	Я...
' Call me Blackie, John.	- Зови меня просто Блэки.
We're pals now.'	Теперь мы приятели.

' Sure, Blackie.	- Конечно, Блэки.
My friends call me Yo-Yo.	Друзья зовут меня Йо-Йо.
Blackie, I-'	Вот так-то, Блэки, старина...
'His friends call him Yo-Yo,' Colonel Korn sang out to Colonel Cathcart.	- Друзья зовут его Йо-Йо, - пропел подполковник Корн полковнику Кэткарту.
'Why don't you congratulate Yo-Yo on what a sensible move he's making?'	- Почему бы вам не поздравить Йо-Йо? Он ведь сделал весьма благоразумный шаг.
'That's a real sensible move you're making, Yo-Yo,' Colonel Cathcart said, pumping Yossarian's hand with clumsy zeal.	- Ты и вправду поступил благоразумно, Йо-Йо, -сказал полковник Кэткарт, тряся руку Йоссариана с неуклюжим усилием.

' Thank you, Colonel, I-'	- Спасибо, полковник, я...

'Call him Chuck,' said Colonel Korn.	- Зови его просто Чак, - сказал подполковник Корн.
'Sure, call me Chuck,' said Colonel Cathcart with a laugh that was hearty and awkward.	- Конечно, зови меня просто Чак, - сказал полковник Кэткарт, смеясь искренне ив то же время несколько застенчиво.
' We're all pals now.'	- Теперь мы приятели.
' Sure, Chuck.'	- Конечно, дружище Чак.
'Exit smiling,' said Colonel Korn, his hands on both their shoulders as the three of them moved to the door.	- Ну, улыбнемся под занавес, - сказал подполковник Корн. Он обнял их за плечи, и все трое направились к выходу.

'Come on over for dinner with us some night, Yo-Yo,' Colonel Cathcart invited hospitably. 'How about tonight? In the group dining room.'	- Давайте как-нибудь вечерком вместе поужинаем, - предложил полковник Кэткарт, - Может быть, сегодня в штабной столовой?
' I'd love to, sir.'	- С удовольствием, сэр.
'Chuck,' Colonel Korn corrected reprovingly.	- Чак, - с упреком поправил подполковник Корн.
' I'm sorry, Blackie. Chuck.	- Виноват, Блэки, - Чак.
I can't get used to it.'	Я еще не привык.
' That's all right, pal.'	- Ничего, приятель.
' Sure, pal.'	- Конечно, дружище.
' Thanks, pal.'	- Спасибо, дружище.
'Don't mention it, pal.'	- Не стоит, приятель.

'So long, pal.'	- Ну пока, приятель.
Yossarian waved goodbye fondly to his new pals and sauntered out onto the balcony corridor, almost bursting into song the instant he was alone.	На прощание Йоссариан ласково помахал рукой своим новым закадычным друзьям и вышел на галерею.
He was home free: he had pulled it off; his act of rebellion had succeeded; he was safe, and he had nothing to be ashamed of to anyone.	Как только он остался один, он чуть не запел. Теперь он волен отправиться домой! Его бунт окончился успешно. Он в безопасности, и ему не нужно никого стыдиться.
He started toward the staircase with a jaunty and exhilarated air.	Веселый и беспечный, он спускался по лестнице.

A private in green fatigues saluted him.	Какой-то солдат в рабочей одежде отдал ему честь.
Yossarian returned the salute happily, staring at the private with curiosity. He looked strangely familiar.	Лицо его показалось Йоссариану до жути знакомым.
When Yossarian returned the salute, the private in green fatigues turned suddenly into Nately's whore and lunged at him murderously with a bone-handled kitchen knife that caught him in the side below his upraised arm.	Когда Йоссариан, отвечая на приветствие, поднес руку к фуражке, его вдруг осенило, что рядовой в зеленой куртке - это нейтлева девка. Взмахнув кухонным ножом с костяной ручкой, она бросилась на Йоссариана и пырнула его в бок под поднятую для приветствия руку.

Yossarian sank to the floor with a shriek, shutting his eyes in overwhelming terror as he saw the girl lift the knife to strike at him again.	Йоссариан с воплем опустился на пол и зажмурился от неописуемого ужаса, когда заметил, что девка еще раз замахнулась на него ножом.
He was already unconscious when Colonel Korn and Colonel Cathcart dashed out of the office and saved his life by frightening her away.	Он был почти без сознания, когда подполковник Корн и полковник Кэткарт выскочили из кабинета и, спугнув девицу, тем самым спасли его от верной гибели.
Snowden	Сноуден
' Cut,' said a doctor.	- Режь, - сказал врач.
'You cut,' said another.	- Режь ты, - сказал другой.

'No cuts,' said Yossarian with a thick, unwieldy tongue.	- Не надо резать, - сказал Йоссариан, с трудом ворочая распухшим, непослушным языком.
'Now look who's butting in,' complained one of the doctors.	- Послушай-ка, кто там сует нос не в свои дела? -недовольно проворчал один из врачей.
' Another county heard from.	- Что это еще за голос из провинции?
Are we going to operate or aren't we?'	Так будем мы оперировать или нет?
'He doesn't need an operation,' complained the other.	- Не нужна ему операция, - проворчал другой.
' It's a small wound.	- Ранение несерьезное.

All we have to do is stop the bleeding, clean it out and put a few stitches in.'	Все, что от нас требуется, - остановить кровотечение, промыть рану и наложить несколько швов.
'But I've never had a chance to operate before.	- Но мне ужасно хочется резать, я никогда не пробовал.
Which one is the scalpel?	Которая из этих железок скальпель?
Is this one the scalpel?'	Вот этот, что ли?
'No, the other one is the scalpel.	- Да нет, вон тот.
Well, go ahead and cut already if you're going to.	Ну ладно, давай режь, раз уж ты собрался.
Make the incision.'	Делай надрез.
'Like this?'	- Вот так, что ли?
'Not there, you dope!'	- Да не здесь, болван!

'No incisions,' Yossarian said, perceiving through the lifting fog of insensibility that the two strangers were ready to begin cutting him.	- Не надо меня надрезать. - Хотя рассудок Йоссариана обволакивало туманом, он все-таки смекнул, что двое неизвестных собираются его потрошить.
'Another county heard from,' complained the first doctor sarcastically.	- Опять голос из провинции, - саркастически проворчал первый врач.
'Is he going to keep talking that way while I operate on him?'	- Он так и будет болтать до конца операции?
'You can't operate on him until I admit him,' said a clerk.	- Вы не имеете права его оперировать, пока я его не оприходую, - сказал писарь.

'You can't admit him until I clear him,' said a fat, gruff colonel with a mustache and an enormous pink face that pressed down very close to Yossarian and radiated scorching heat like the bottom of a huge frying pan.	- Вы не имеете права его оприходовать, пока я не проверю его анкетные данные, - сказал толстый полковник-усач. Он придвинул вплотную к лицу Йоссариана свою просторную розоватую физиономию, от которой веяло нестерпимым жаром, словно от огромной раскаленной сковороды.
'Where were you born?'	- Ну-с, где вы впервые увидели свет, дружище?
The fat, gruff colonel reminded Yossarian of the fat, gruff colonel who had interrogated the chaplain and found him guilty.	Толстый полковник-усач напоминал Йоссариану того полковника, который допрашивал капеллана и признал его виновным.

Yossarian stared up at him through a glassy film.	Йоссариан смотрел на него, будто сквозь тусклую пленку.
The cloying scents of formaldehyde and alcohol sweetened the air.	Густой сладковатый запах спирта и формалина повис в воздухе.
'On a battlefield,' he answered. 'No, no.	- В окне, - ответил Йоссариан. - Да нет, я не о том.
In what state were you born?'	Где вы родились?
' In a state of innocence.'	- В постели.
'No, no, you don't understand.'	- Нет, нет, опять вы меня не поняли.

'Let me handle him,' urged a hatchet-faced man with sunken acrimonious eyes and a thin, malevolent mouth.	- Дайте-ка я займусь им, - потребовал остролицый человек с запавшими ехидными глазами и тоненькими злыми губами.
'Are you a smart aleck or something?' he asked Yossarian.	- Ты долго будешь дурачком прикидываться? -спросил он Йоссариана.
'He's delirious,' one of the doctors said.	- Он бредит, - сказал один из докторов.
'Why don't you let us take him back inside and treat him?'	- Может быть, вы разрешите отправить его в палату?
' Leave him right here if he's delirious.	Ему нужен уход. - Раз бредит, пусть лежит здесь.
He might say something incriminating.'	Глядишь - и проболтается в бреду.

'But he's still bleeding profusely.	- Но из него хлещет кровь.
Can't you see?	Разве вы не видите?
He might even die.'	Он, чего доброго, еще умрет.
' Good for him!'	- Туда ему и дорога.
'It would serve the finky bastard right,' said the fat, gruff colonel.	- Так и надо вонюче-му мерзавцу, - сказал упитанный полковник-усач.
' All right, John, let's speak out.	- Ладно, Джон, давай-ка шевели языком.
We want to get to the truth.'	Выкладывай все, как есть.
'Everyone calls me Yo-Yo.'	- Меня зовут Йо-Йо.
'We want you to co-operate with us, Yo-Yo.	- Нам хочется, чтобы ты с нами сотрудничал, Йо-Йо.

We're your friends and we want you to trust us.	Мы твои друзья, и ты должен нам верить.

We're here to help you.	Мы пришли помочь тебе.
We're not going to hurt you.'	Мы тебя не тронем.
'Let's jab our thumbs down inside his wound and gouge it,' suggested the hatchet-faced man.	- Давай ткнем ему в рану пальцем, - предложил остролицый.
Yossarian let his eyes fall closed and hoped they would think he was unconscious.	Йоссариан опустил веки, притворившись, будто потерял сознание.
'He's fainted,' he heard a doctor say.	- Ему дурно, - услышал он голос доктора.

' Can't we treat him now before it's too late?	- Нельзя ли, пока не поздно, оказать ему помощь?
He really might die.'	Он действительно может скончаться.
' All right, take him.	- Ладно, забирайте его.
I hope the bastard does die.'	Будем надеяться, что мерзавец и вправду загнется.
'You can't treat him until I admit him,' the clerk said.	- Вы не имеете права приступать к лечению, покуда я его не оприходую, - сказал писарь.

Yossarian played dead with his eyes shut while the clerk admitted him by shuffling some papers, and then he was rolled away slowly into a stuffy, dark room with searing spotlights overhead in which the cloying smell of formaldehyde and sweet alcohol was even stronger.	Йоссариан лежал как мертвый, и писарь, пошуршав бумагами, оприходовал его тело. Затем Йоссариана плавно вкатили в душную темную палату, где запах спирта и формалина чувствовался еще сильнее, а из мощной лампы над головой отвесно падал слепящий столб света.
The pleasant, permeating stink was intoxicating.	Густой навязчивый запах опьянял.
He smelled ether too and heard glass tinkling.	Звякнуло стекло, и повеяло эфиром.

He listened with secret, egotistical mirth to the husky breathing of the two doctors.	Тайно злорадствуя, Йоссариан прислушивался к хриплому дыханию врачей.
It delighted him that they thought he was unconscious and did not know he was listening.	Его веселило, что они думают, будто он без сознания и ничего не слышит.
It all seemed very silly to him until one of the doctors said,	Все, что они делали, казалось ему сплошной глупостью, пока наконец один из них не сказал:
'Well, do you think we should save his life?	- Послушай, а стоит ли спасать ему жизнь?
They might be sore at us if we do.'	Те типы, пожалуй, не погладят нас за это по головке.

'Let's operate,' said the other doctor.	- Давайте оперировать, - сказал другой доктор.
'Let's cut him open and get to the inside of things once and for all.	- Вспорем ему живот и раз и навсегда установим, что у него там за болячка.
He keeps complaining about his liver.	Он без конца жаловался на печень.
His liver looks pretty small on this X ray.'	На этом рентгеновском снимке печень у него довольно маленькая.
' That's his pancreas, you dope.	- Да это поджелудочная железа, болван!
This is his liver.'	Печень вот где.
'No it isn't. That's his heart.	- Ничего подобного - это сердце.
I'll bet you a nickel this is his liver.	Готов поспорить, что печень - вот она.

I'm going to operate and find out.	Сейчас вскрою и выясню.
Should I wash my hands first?'	Кажется, сначала надо помыть руки?
'No operations,' Yossarian said, opening his eyes and trying to sit up.	- Не нужна мне ваша операция, - сказал Йоссариан, открывая глаза и делая попытку сесть.
'Another county heard from,' scoffed one of the doctors indignantly.	- Смотри-ка, снова голос из провинции, -презрительно усмехнулся один из врачей.
' Can't we make him shut up?'	- Как бы заставить его заткнуться?
'We could give him a total.	- Можно дать ему общий наркоз.

The ether's right here.'	Эфир под рукой?
'No totals,' said Yossarian.	- Не надо мне ваших наркозов, - сказал Йоссариан.
' Another county heard from,' said a doctor.	- Опять голос из провинции, - сказал доктор.
' Let's give him a total and knock him out.	- Давай дадим ему общий, и он утихомирится.
Then we can do what we want with him.'	Тогда мы что захотим, то и сделаем.
They gave Yossarian total anesthesia and knocked him out.	Они дали Йоссариану общий наркоз, и он утихомирился.

He woke up thirsty in a private room, drowning in ether fumes.	Очнулся он в отдельной комнате, умирая от жажды, преследуемый запахом эфира.
Colonel Korn was there at his bedside, waiting calmly in a chair in his baggy, wool, olive-drab shirt and trousers.	У кровати сидел подполковник Корн в шерстяной мешковатой грязно-оливковой форме и терпеливо дожидался, когда Йоссариан придет в себя.

A bland, phlegmatic smile hung on his brown face with its heavy-bearded cheeks, and he was buffing the facets of his bald head gently with the palms of both hands.	Любезная, флегматичная улыбка блуждала на его коричневом, давно не бритом лице. Кончиками пальцев он мягко постукивал себя по лысине.
He bent forward chuckling when Yossarian awoke, and assured him in the friendliest tones that the deal they had made was still on if Yossarian didn't die.	Как только Йоссариан раскрыл глаза, подполковник Корн, посмеиваясь, наклонился над ним и заверил, что их сделка остается в силе, если, конечно, Йоссариан не умрет.

Yossarian vomited, and Colonel Korn shot to his feet at the first cough and fled in disgust, so it seemed indeed that there was a silver lining to every cloud, Yossarian reflected, as he drifted back into a suffocating daze.	Йоссариана начало рвать. При первых же спазмах подполковник Корн вскочил на ноги и, морщась от отвращения пулей выскочил вон, а Йоссариан, подумав, что нет худа без добра, снова впал в удушливую дремоту.
A hand with sharp fingers shook him awake roughly.	Чьи-то жесткие пальцы грубо вернули его к действительности.

He turned and opened his eyes and saw a strange man with a mean face who curled his lip at him in a spiteful scowl and bragged,	Повернувшись, он открыл глаза и увидел незнакомого человека с гнусным лицом. Презрительно-насмешливо скривив губы, незнакомец похвастался:
'We've got your pal, buddy. We've got your pal.'	- Попался нам твой приятель, дружок.
Yossarian turned cold and faint and broke into a sweat.	Попался он нам в лапы. Йоссариан похолодел, его прошиб пот. В голове все поплыло.

'Who's my pal?' he asked when he saw the chaplain sitting where Colonel Korn had been sitting.	- Какой приятель? - спросил он, когда увидел капеллана на том месте, где только что сидел подполковник Корн.

'Maybe I'm your pal,' the chaplain answered.	- Может быть, это я - ваш приятель? - ответил капеллан.
But Yossarian couldn't hear him and closed his eyes.	Но Йоссариан не слышал его и снова смежил веки.
Someone gave him water to sip and tiptoed away.	Кто-то дал ему глотнуть воды и на цыпочках вышел.
He slept and woke up feeling great until he turned his head to smile at the chaplain and saw Aarfy there instead.	Йоссариан проснулся в отличном настроении и повернулся, чтобы улыбнуться капеллану, но вместо него увидел Аарфи.

Yossarian moaned instinctively and screwed his face up with excruciating irritability when Aarfy chortled and asked how he was feeling.	Йоссариан невольно застонал и сморщился от нестерпимого отвращения. Аарфи, хохотнув, спросил, как он себя чувствует.
Aarfy looked puzzled when Yossarian inquired why he was not in jail.	В ответ Йоссариан спросил Аарфи, почему он не в тюрьме, чем сильно его озадачил.
Yossarian shut his eyes to make him go away. When he opened them, Aarfy was gone and the chaplain was there.	Йоссариан закрыл глаза, надеясь, что Аарфи уберется вон. Когда он открыл глаза, Аарфи не было, зато рядом сидел капеллан.

Yossarian broke into laughter when he spied the chaplain's cheerful grin and asked him what in the hell he was so happy about.	Заметив, что капеллан весело ухмыляется, Йоссариан спросил, чему он, черт возьми, так радуется.
'I'm happy about you,' the chaplain replied with excited candor and joy.	- Я счастлив за вас, - признался взволнованный капеллан.
'I heard at Group that you were very seriously injured and that you would have to be sent home if you lived.	- Я узнал в штабе, что вы серьезно ранены и, если вы поправитесь, вас отправят домой.
Colonel Korn said your condition was critical.	Подполковник Корн сказал, что вы на краю смерти.

But I've just learned from one of the doctors that your wound is really a very slight one and that you'll probably be able to leave in a day or two.	Но только что от одного врача мне удалось узнать, что на самом деле рана пустяковая и через день-другой вас выпишут.
You're in no danger.	Вы вне опасности.
It isn't bad at all.'	Так что дела ваши совсем неплохи.
Yossarian listened to the chaplain's news with enormous relief.	Йоссариан выслушал сообщение капеллана, и на душе у него полегчало.
' That's good.'	- Это хорошо.

'Yes,' said the chaplain, a pink flush of impish pleasure creeping into his cheeks. 'Yes, that is good.'	- Да, - сказал капеллан, и щеки его покраснели от застенчивой радости, - Да, это хорошо.
Yossarian laughed, recalling his first conversation with the chaplain.	Йоссариан засмеялся, вспомнив свой первый разговор с капелланом.
'You know, the first time I met you was in the hospital.	- Интересно получается: впервые я увидел вас в госпитале.
And now I'm in the hospital again.	Теперь мы опять встретились в госпитале.

Just about the only time I see you lately is in the hospital.	В последнее время мы видимся главным образом в госпитале.
Where've you been keeping yourself?'	Где вы пропадали все это время?

The chaplain shrugged.	Капеллан пожал плечами.
' I've been praying a lot,' he confessed.	- Я много молился, - признался он.
'I try to stay in my tent as much as I can, and I pray every time Sergeant Whitcomb leaves the area, so that he won't catch me.'	- Я старался подольше оставаться в палатке, и как только сержант Уитком отлучался, я молился: мне не хотелось, чтобы он застал меня за этим занятием.
'Does it do any good?'	- Ну и как, помогли молитвы?
'It takes my mind off my troubles,' the chaplain answered with another shrug.	- Это отвлекало меня от мрачных мыслей, - ответил капеллан, еще раз пожав плечами.

' And it gives me something to do.'	- И потом - хоть какое-то дело.
'Well that's good, then, isn't it?'	- Значит, все-таки от молитвы польза есть?
'Yes,' agreed the chaplain enthusiastically, as though the idea had not occurred to him before.	- Да, - с энтузиазмом согласился капеллан, будто подобная мысль никогда прежде не приходила ему в голову.
' Yes, I guess that is good.'	- Да, по-моему, молитвы помогают.

He bent forward impulsively with awkward solicitude. 'Yossarian, is there anything I can do for you while you're here, anything I can get you?'	- Капеллан подался вперед и с неловкой заботливостью спросил: - Йоссариан, не могу ли я что-нибудь для вас сделать, ну там... что-нибудь вам принести?
Yossarian teased him jovially. 'Like toys, or candy, or chewing gum?'	- Ну, скажем, игрушки, шоколад, жевательную резинку, да? - поддел его добродушно Йоссариан.
The chaplain blushed again, grinning self-consciously, and then turned very respectful.	Капеллан снова вспыхнул, застенчиво улыбнулся и почтительно проговорил:
' Like books, perhaps, or anything at all.	- Может быть, книги или еще что-нибудь такое?

I wish there was something I could do to make you happy.	Мне хотелось бы сделать вам приятное.
You know, Yossarian, we're all very proud of you.'	Вы знаете, Йоссариан, мы ведь все очень гордимся вами.
'Proud?'	- Гордитесь?
'Yes, of course. For risking your life to stop that Nazi assassin. It was a very noble thing to do.'	- Конечно, ведь вы, рискуя жизнью, грудью преградили путь нацистскому убийце.
'What Nazi assassin?'	- Какому нацистскому убийце?
'The one that came here to murder Colonel Cathcart and Colonel Korn.	- Который хотел прикончить полковника Кэткарта и подполковника Корна.

And you saved them.	А вы их спасли.
He might have stabbed you to death as you grappled with him on the balcony.	Он вполне мог вас зарезать во время этой потасовки на галерее.
It's a lucky thing you're alive!'	Как чудесно, что вы уцелели!

Yossarian snickered sardonically when he understood.	Йоссариан насмешливо фыркнул:
' That was no Nazi assassin.'	- Это был не нацистский убийца.
' Certainly it was.	- Как не убийца?
Colonel Korn said it was.'	Нам сказал подполковник Корн.
' That was Nately's girl friend.	- Это была приятельница Нейтли.

And she was after me, not Colonel Cathcart and Colonel Korn.	Она пришла по мою душу, а вовсе не за Кэткартом и Корном.
She's been trying to kill me ever since I broke the news to her that Nately was dead.'	С тех пор как я огорошил ее известием о гибели Нейтли, она норовит меня прикончить.
'But how could that be?' the chaplain protested in livid and resentful confusion.	- Но позвольте, как же так? - живо запротестовал капеллан. Он растерялся и немного обиделся.
'Colonel Cathcart and Colonel Korn both saw him as he ran away.	- Полковник Кэткарт и подполковник Корн оба видели, как убегал убийца.
The official report says you stopped a Nazi assassin from killing them.'	Официальное сообщение гласит, что вы грудью защитили командира полка от ножа нацистского убийцы.

'Don't believe the official report,' Yossarian advised dryly.	- Не верьте официальным сообщениям, - сухо посоветовал Йоссариан.
' It's part of the deal.'	- Это просто часть сделки.
' What deal?'	- Какой сделки?
'The deal I made with Colonel Cathcart and Colonel Korn.	- Которую со мной заключили полковник Кэткарт и подполковник Корн.
They'll let me go home a big hero if I say nice things about them to everybody and never criticize them to anyone for making the rest of the men fly more missions.'	Они отправляют меня на родину как великого героя, а я обязуюсь расхваливать их на всех перекрестках и никогда не осуждать за то, что они сверх всякой нормы гоняют летчиков на боевые задания.

The chaplain was appalled and rose halfway out of his chair. He bristled with bellicose dismay.	Капеллан испуганно привстал со стула:
'But that's terrible!	- Но ведь это ужасно!
That's a shameful, scandalous deal, isn't it?'	Это постыдная, скандальная сделка, ведь верно?
'Odious,' Yossarian answered, staring up woodenly at the ceiling with just the back of his head resting on the pillow.	- Гнусная, - ответил Йоссариан. Он лежал на спине, одеревенело уставившись в потолок.
'I think "odious" is the word we decided on.'	- Гнусная - это как раз то слово, на котором мы сошлись с подполковником Корном.
' Then how could you agree to it?'	- Почему же вы на это пошли?

' It's that or a court-martial, Chaplain.'	- Или так, или военно-полевой суд, капеллан.
'Oh,' the chaplain exclaimed with a look of stark remorse, the back of his hand covering his mouth.	- О!.. - с неподдельным раскаянием воскликнул капеллан и прикрыл рот тыльной стороной ладони.

He lowered himself into his chair uneasily.	Он неловко опустился на стул.
'I shouldn't have said anything.'	- В таком случае я немедленно беру свои слова обратно.
' They'd lock me in prison with a bunch of criminals.'	- Они бы засадили меня в камеру к уголовникам.
' Of course.	- Да, да, это безусловно.

You must do whatever you think is right, then.'	Да, конечно, вы должны поступать так, как считаете нужным.
The chaplain nodded to himself as though deciding the argument and lapsed into embarrassed silence.	- Капеллан утвердительно кивнул головой, будто подводя итог их спора, и растерянно смолк.
'Don't worry,' Yossarian said with a sorrowful laugh after several moments had passed.	Йоссариан невесело рассмеялся:
'I'm not going to do it.'	- Не беспокойтесь, я на эту сделку не пойду.

'But you must do it,' the chaplain insisted, bending forward with concern.	- Но вам придется на это пойти, - настаивал капеллан, озабоченно склонившись над Йоссарианом.
'Really, you must.	- Серьезно, вам надо согласиться на их условия.
I had no right to influence you.	Я не имел права оказывать на вас давление.
I really had no right to say anything.'	Мне не нужно было ничего говорить.
'You didn't influence me.'	- Вы на меня не давили.

Yossarian hauled himself over onto his side and shook his head in solemn mockery. 'Christ, Chaplain! Can you imagine that for a sin? Saving Colonel Cathcart's life!	- Йоссариан перевернулся на бок и с наигранной серьезностью покачал головой: - Боже мой, подумать только, какой это был бы грех - спасти жизнь полковнику Кэткарту!
That's one crime I don't want on my record.'	Нет, таким преступлением я не хотел бы запятнать свое доброе имя.
The chaplain returned to the subject with caution.	Капеллан осторожно вернулся к первоначальной теме разговора:
'What will you do instead?	- Но что вы намерены делать?
You can't let them put you in prison.'	Не хотите же вы, чтобы вас упрятали в тюрьму?

' I'll fly more missions.	- Буду продолжать летать.
Or maybe I really will desert and let them catch me.	А может, дезертирую, и пусть ловят.
They probably would.'	И ведь, скорее всего, поймают...
'And they'd put you in prison. You don't want to go to prison.'	- И посадят за решетку, к чему вы, я полагаю, совсем не стремитесь.
'Then I'll just keep flying missions until the war ends, I guess.	- М-да... Ну тогда, значит, придется летать до конца войны.
Some of us have to survive.'	Кто-то ведь должен остаться в живых.
'But you might get killed.'	- А если вас собьют?

' Then I guess I won't fly any more missions.'	- Да, тогда лучше, пожалуй, не летать.
' What will you do?'	- Что же вы будете делать?

' I don't know.'	- Не знаю.
'Will you let them send you home?'	- А вы поедете домой, если они вас отправят?
' I don't know.	- Не знаю.
Is it hot out?	На улице жарко?
It's very warm in here.'	Здесь ужасно душно.
'It's very cold out,' the chaplain said.	- На улице холодина, - сказал капеллан.

'You know,' Yossarian remembered, 'a very funny thing happened-maybe I dreamed it.	- Послушайте, - вспомнил Йоссариан, - со мной произошла смешная штука, а может, мне это только приснилось.
I think a strange man came in here before and told me he's got my pal.	Будто бы в палату приходил какой-то странный человек и сказал, что ему в лапы попался мой дружок.
I wonder if I imagined it.'	Интересно, померещилось это мне или нет?
' I don't think you did,' the chaplain informed him.	- Думаю, что не померещилось, - сказал капеллан.
'You started to tell me about him when I dropped in earlier.'	- В прошлый мой визит вы тоже принимались рассказывать об этом.

' Then he really did say it.	- Значит, он и в самом деле приходил.
"We've got your pal, buddy," he said. "We've got your pal."	Он вошел и сказал: "А твой-то, приятель у нас в лапах, дружище, попался твой приятель".
He had the most malignant manner I ever saw.	Никогда в жизни я не видывал человека с более зловещими повадками.
I wonder who my pal is.'	Интересно, о каком моем приятеле он толковал?
'I like to think that I'm your pal, Yossarian,' the chaplain said with humble sincerity.	- Мне было бы приятно сознавать, Йоссариан, что этот приятель - я, - сказал капеллан, стесняясь своей искренности.

' And they certainly have got me.	- Я действительно у них в руках.
They've got my number and they've got me under surveillance, and they've got me right where they want me.	Они взяли меня на карандаш и держат под наблюдением.
That's what they told me at my interrogation.'	В любом месте и в любой момент, когда им понадобится, они могут меня задержать.
'No, I don't think it's you he meant,' Yossarian decided.	- Нет, по-моему, он имел в виду не вас.

'I think it must be someone like Nately or Dunbar. You know, someone who was killed in the war, like Clevinger, Orr, Dobbs, Kid Sampson or McWatt.'	По-моему, речь, скорее, шла о Нейтли или Данбэре, ну, в общем, о ком-то из погибших на войне, может быть о Клевинджере, Орре, Доббсе.
Yossarian emitted a startled gasp and shook his head.	Малыше Сэмпсоне или Макуотте. - И вдруг Йоссариан ахнул и затряс головой.
' I just realized it,' he exclaimed.	- Я понял! - воскликнул он.
' They've got all my pals, haven't they?	- Все мои друзья попали им в лапы.
The only ones left are me and Hungry Joe.'	Остались только я да Заморыш Джо.

He tingled with dread as he saw the chaplain's face go pale. 'Chaplain, what is it?'	- Увидев, что лицо капеллана заливает меловая белизна, Йоссариан оцепенел от страха: -Капеллан! Что такое?
'Hungry Joe was killed.'	- Заморыш Джо...
' God, no!	- Боже!
On a mission?'	Погиб на задании?
'He died in his sleep while having a dream.	- Он умер во сне, когда его мучили кошмары.
They found a cat on his face.'	На лице у него нашли спящего кота.
'Poor bastard,' Yossarian said, and began to cry, hiding his tears in the crook of his shoulder.	- Ах, Джо, подонок ты мой несчастный! - сказал Йоссариан и заплакал, уткнувшись в рукав.

The chaplain left without saying goodbye.	Капеллан ушел, не попрощавшись.
Yossarian ate something and went to sleep.	Йоссариан поел и уснул.
A hand shook him awake in the middle of the night.	Среди ночи чья-то рука растормошила его.
He opened his eyes and saw a thin, mean man in a patient's bathrobe and pajamas who looked at him with a nasty smirk and jeered.	Он открыл глаза и увидел худого, невзрачного человека в больничном халате. Гнусно ощеривась, пришелец буравил его взглядом:
'We've got your pal, buddy.	- Попался нам твой приятель, дружище.
We've got your pal.'	Попался.

Yossarian was unnerved.	У Йоссариана душа ушла в пятки.
'What the hell are you talking about?' he pleaded in incipient panic.	- О чем ты болтаешь, черт тебя побери! - в ужасе взмолился Йоссариан.
' You'll find out, buddy. You'll find out.'	- Узнаешь, дружок, узнаешь!
Yossarian lunged for his tormentor's throat with one hand, but the man glided out of reach effortlessly and vanished into the corridor with a malicious laugh.	Йоссариан рванулся, пытаясь схватить своего мучителя за глотку, но тот без малейших усилий ускользнул от него и со зловещим смешком улетучился в коридор.
Yossarian lay there trembling with a pounding pulse.	Йоссариан дрожал всем телом, кровь пульсировала тяжелыми толчками.

He was bathed in icy sweat.	Он купался в ледяном поту.
He wondered who his pal was.	О каком приятеле толковал незнакомец?
It was dark in the hospital and perfectly quiet.	В госпитале стояла темень и абсолютная тишина.
He had no watch to tell him the time.	Часов у Йоссариана не было: он не знал, который час.
He was wide-awake, and he knew he was a prisoner in one of those sleepless, bedridden nights that would take an eternity to dissolve into dawn.	Он лежал с широко открытыми глазами, чувствуя себя узником, прикованным к постели и обреченным дожидаться целую вечность, покуда рассвет не прогонит темноту.
A throbbing chill oozed up his legs.	Озноб струйками поднимался по ногам.

He was cold, and he thought of Snowden, who had never been his pal but was a vaguely familiar kid who was badly wounded and freezing to death in the puddle of harsh yellow sunlight splashing into his face through the side gunport when Yossarian crawled into the rear section of the plane over the bomb bay after Dobbs had beseeched him on the intercom to help the gunner, please help the gunner. Yossarian's stomach turned over when his eyes first beheld the macabre scene; he was absolutely revolted, and he paused in fright a few moments before descending, crouched	Йоссариану стало холодно. Он вспомнил Сноудена: они не дружили, он едва знаком был с этим парнишкой. Тяжело раненный, Сноуден коченел и все время жаловался, что ему холодно.

The wound Yossarian saw was in the outside of Snowden's thigh, as large and deep as a football, it seemed. It was impossible to tell where the shreds of his saturated coveralls ended and the ragged flesh began.	На бедре Сноудена Йоссариан увидел глубокую рану величиной с мяч для рэгби.
There was no morphine in the first-aid kit, no protection for Snowden against pain but the numbing shock of the gaping wound itself.	В аптечке не нашлось морфия, чтобы унять боль, но морфия и не потребовалось, ибо разверстая рана повергла Сноудена в шоковое состояние.

The twelve syrettes of morphine had been stolen from their case and replaced by a cleanly lettered note that said: 'What's good for M & M Enterprises is good for the country.	Двенадцать ампул с морфием были украдены из санитарной сумки, вместо них красовалась аккуратная записочка, гласившая: "Что хорошо для фирмы "М, и М.", то хорошо для родины.
Milo Minderbinder.'	Милоу Миндербиндер".

Yossarian swore at Milo and held two aspirins out to ashen lips unable to receive them. But first he hastily drew a tourniquet around Snowden's thigh because he could not think what else to do in those first tumultuous moments when his senses were in turmoil, when he knew he must act competently at once and feared he might go to pieces completely. Snowden watched him steadily, saying nothing. No artery was spurting, but Yossarian pretended to absorb himself entirely into the fashioning of a tourniquet, because applying a tourniquet	Йоссариан про себя об- ложил Милоу послед- ними словами и поднес две таблетки аспири- на к пепельным губам Сноудена, но у того не хватило сил раскрыть рот.

He recovered possession of himself before the tourniquet was finished and loosened it immediately to lessen the danger of gangrene. His mind was clear now, and he knew how to proceed. He rummaged through the first-aid kit for scissors.	Йоссариан принялся торопливо стягивать жгутом бедро Сноуде-на. Сноуден смотрел на него неподвижным взглядом. Кровь уже не била из артерии.

'I'm cold,' Snowden said softly. 'I'm cold.'	- Мне холодно, - едва слышно сказал Сно-уден, -мне холодно.
'You're going to be all right, kid,' Yossarian reassured him with a grin.	- Все будет хорошо, ма-лыш, - заверял его Йос-сариан.

'You're going to be all right.'	- Все будет в порядке. Поправишься, ничего.
'I'm cold,' Snowden said again in a frail, childlike voice.	- Мне холодно, - снова сказал Сноуден слабым детским голосом.
' I'm cold.'	- Мне холодно.
'There, there,' Yossarian said, because he did not know what else to say. 'There, there.' 'I'm cold,' Snowden whimpered. 'I'm cold.' 'There, there. There, there.' Yossarian was frightened and moved more swiftly.	- Ну, ну, не надо, ничего.

He found a pair of scissors at last and began cutting carefully through Snowden's coveralls high up above the wound, just below the groin. He cut through the heavy gabardine cloth all the way around the thigh in a straight line. The tiny tailgunner woke up while Yossarian was cutting with the scissors, saw him, and fainted again.	Найдя в санитарной сумке ножницы, Йоссариан осторожно вспорол комбинезон Сноудена под самым пахом.
Snowden rolled his head to the other side of his neck in order to stare at Yossarian more directly.	Сноуден уронив голову на другое плечо, чтобы взглянуть прямо в лицо Йоссариану.

A dim, sunken light glowed in his weak and listless eyes.	Туманный свет мерцал на дне его вялых, безжизненных глаз.
Yossarian, puzzled, tried not to look at him.	Озадаченный его взглядом, Йоссариан старался не смотреть ему в лицо.

He began cutting downward through the coveralls along the inside seam. The yawning wound-was that a tube of slimy bone he saw running deep inside the gory scarlet flow behind the twitching, startling fibers of weird muscle?- was dripping blood in several trickles, like snow melting on eaves, but viscous and red, already thickening as it dropped.	Он начал резать штани- ну вниз по шву.

Yossarian kept cutting through the coveralls to the bottom and peeled open the severed leg of the garment. It fell to the floor with a plop, exposing the hem of khaki undershorts that were soaking up blotches of blood on one side as though in thirst.	Йоссариан распорол брючину донизу и осво- бодил изувеченную но- гу от лохмотьев.
Yossarian was stunned at how waxen and ghastly Snowden's bare leg looked, how loathsome, how lifeless and esoteric the downy, fine, curled blond hairs on his odd white shin and calf.	Его поразил ужасный вид обнаженной, воско- вой ноги Сноудена.

The wound, he saw now, was not nearly as large as a football, but as long and wide as his hand and too raw and deep to see into clearly. The raw muscles inside twitched like live hamburger meat. A long sigh of relief escaped slowly through Yossarian's mouth when he saw that Snowden was not in danger of dying.	Теперь Йоссариан увидел, что рана много меньше мяча для рэгби, размером она была с ладонь и слишком глубока и разворочена, чтобы рассмотреть ее, как следует.

The blood was already coagulating inside the wound, and it was simply a matter of bandaging him up and keeping him calm until the plane landed. He removed some packets of sulfanilamide from the first-aid kit. Snowden quivered when Yossarian pressed against him gently to turn him up slightly on his side.	Кровь уже свернулась в ране, оставалось лишь наложить повязку и не теребить Сноудена, по-куда самолет не сядет.
'Did I hurt you?'	- Я сделал тебе больно?
'I'm cold,' Snowden whimpered. 'I'm cold.'	- Мне холодно, - захны-кал Сноуден, - мне холод-но.

'There, there,' Yossarian said. 'There, there.' 'I'm cold. I'm cold.' 'There, there. There, there.'	- Ну успокойся, ничего, ничего.
'It's starting to hurt me,' Snowden cried out suddenly with a plaintive, urgent wince. Yossarian scrambled frantically through the first-aid kit in search of morphine again and found only Milo's note and a bottle of aspirin. He cursed Milo and held two aspirin tablets out to Snowden. He had no water to offer. Snowden rejected the aspirin with an almost imperceptible shake of his head.	- Ой, мне больно! - неожиданно закричал Сноуден и сморщился в страдальческой гримасе.

His face was pale and pasty. Yossarian removed Snowden's flak helmet and lowered his head to the floor. 'I'm cold,' Snowden moaned with half-closed eyes. 'I'm cold.'	Лицо его было бледным и одутловатым.
The edges of his mouth were turning blue. Yossarian was petrified. He wondered whether to pull the rip cord of Snowden's parachute and cover him with the nylon folds. It was very warm in the plane.	Края губ начинали синеть.

Glancing up unexpectedly, Snowden gave him a wan, co-operative smile and shifted the position of his hips a bit so that Yossarian could begin salting the wound with sulfanilamide.	Неожиданно подняв глаза, Сноуден улыбнулся слабой, понимающей улыбкой и слегка сдвинул бедро, чтобы Йоссариану было удобней посыпать рану сульфидином.
Yossarian worked with renewed confidence and optimism. The plane bounced hard inside an air pocket, and he remembered with a start that he had left his own parachute up front in the nose. There was nothing to be done about that.	Воспрянув духом, Йоссариан уверенно и бодро принялся за работу.

He poured envelope after envelope of the white crystalline powder into the bloody oval wound until nothing red could be seen and then drew a deep, apprehensive breath, steeling himself with gritted teeth as he touched his bare hand to the dangling shreds of drying flesh to tuck them up inside the wound.	Он сыпал пакетик за пакетиком белого кристаллического порошка в кровавую овальную рану, покуда все красное не скрылось под белым.

Quickly he covered the whole wound with a large cotton compress and jerked his hand away. He smiled nervously when his brief ordeal had ended. The actual contact with the dead flesh had not been nearly as repulsive as he had anticipated, and he found an excuse to caress the wound with his fingers again and again to convince himself of his own courage. Next he began binding the compress in place with a roll of gauze.	Затем, быстро накрыв рану большим куском ваты, начал бинтовать.

The second time around Snowden's thigh with the bandage, he spotted the small hole on the inside through which the piece of flak had entered, a round, crinkled wound the size of a quarter with blue edges and a black core inside where the blood had crusted.	Накладывая второй виток бинта, он обнаружил на внутренней стороне бедра маленькую рваную дырочку размером с мелкую монету, куда вошел осколок снаряда. Отверстие было окружено синей каймой, внутри чернела корочка запекшейся крови.
Yossarian sprinkled this one with sulfanilamide too and continued unwinding the gauze around Snowden's leg until the compress was secure.	Йоссариан посыпал и эту рану сульфидином и продолжал накручивать бинт, покуда надежно не закрепил ватный пласт.

Then he snipped off the roll with the scissors and slit the end down the center. He made the whole thing fast with a tidy square knot.	Затем он обрезал бинт ножницами, просунул конец под повязку и аккуратно затянул узел.
It was a good bandage, he knew, and he sat back on his heels with pride, wiping the perspiration from his brow, and grinned at Snowden with spontaneous friendliness.	Повязка получилась что надо. Йоссариан сел на корточки, довольный собой. Он вытер пот со лба и непроизвольно, дружески улыбнулся Сноудену.
'I'm cold,' Snowden moaned. 'I'm cold.'	- Мне холодно, - подвывал Сноуден, - холодно мне.
'You're going to be all right, kid,' Yossarian assured him, patting his arm comfortingly.	- Ну ничего, ничего, - сказал Йоссариан, хотя его уже грызло сомнение.

' Everything's under control.'	- Скоро сядем, и тобой займется доктор Дейника.
Snowden shook his head feebly. 'I'm cold,' he repeated, with eyes as dull and blind as stone. 'I'm cold.' 'There, there,' said Yossarian, with growing doubt and trepidation. 'There, there. In a little while we'll be back on the ground and Doc Daneeka will take care of you.' But Snowden kept shaking his head and pointed at last, with just the barest movement of his chin, down toward his armpit.	Но Сноуден продолжал качать головой и, наконец, едва различимым движением подбородка указал вниз под мышку.

Yossarian bent forward to peer and saw a strangely colored stain seeping through the coveralls just above the armhole of Snowden's flak suit.	Йоссариан наклонился и увидел странной окраски пятно, просочившееся сквозь комбинезон, над самой пройдой бронекостюма.
Yossarian felt his heart stop, then pound so violently he found it difficult to breathe.	Йоссариан почувствовал, как сердце его сначала остановилось, а потом забилось так неистово, что он с трудом дышал.
Snowden was wounded inside his flak suit.	Под бронекостюмом таилась еще одна рана.

Yossarian ripped open the snaps of Snowden's flak suit and heard himself scream wildly as Snowden's insides slithered down to the floor in a soggy pile and just kept dripping out.	Йоссариан рванул застежки костюма и услышал свой собственный дикий вопль.

A chunk of flak more than three inches big had shot into his other side just underneath the arm and blasted all the way through, drawing whole mottled quarts of Snowden along with it through the gigantic hole in his ribs it made as it blasted out. Yossarian screamed a second time and squeezed both hands over his eyes. His teeth were chattering in horror. He forced himself to look again. Here was God's plenty, all right, he thought bitterly as he stared-liver, lungs, kidneys, ribs, stomach and bits of the stewed tomatoes Snowden had eaten that day for lunch.	Увесистый осколок снаряда величиной больше трех дюймов вошел в другой бок Сноудена, как раз под мышкой, и прошел навылет, разворотив при выходе гигантскую дыру в ребрах и вытянув за собой внутренности Сноудена. Йоссариан обеими руками закрыл лицо.

Yossarian hated stewed tomatoes and turned away dizzily and began to vomit, clutching his burning throat.	Его вырвало.
The tail gunner woke up while Yossarian was vomiting, saw him, and fainted again. Yossarian was limp with exhaustion, pain and despair when he finished.	После рвоты все тело Йоссариана обмякло от усталости, боли и отчаяния.
He turned back weakly to Snowden, whose breath had grown softer and more rapid, and whose face had grown paler.	Он вяло повернул голову к Сноудену: тот дышал еще тише и учащенней, лицо побледнело еще больше.
He wondered how in the world to begin to save him.	Неужто на свете есть сила, которая поможет ему спасти Сноудена?

' I'm cold,' Snowden whimpered.	- Мне холодно, - прохныкал Сноуден.
' I'm cold.'	- Холодно мне.
'There, there,' Yossarian mumbled mechanically in a voice too low to be heard.	- Ну, ну, не надо, - машинально твердил Йоссариан еле слышным голосом.
' There, there.'	- Ну, ну, не надо.
Yossarian was cold, too, and shivering uncontrollably.	Йоссариану тоже стало холодно.
He felt goose pimples clacking all over him as he gazed down despondently at the grim secret Snowden had spilled all over the messy floor.	Он был не в силах унять дрожь во всем теле. Он смятенно разглядывал мрачную тайну Сноудена, которую тот расплескал по затоптанному полу.

It was easy to read the message in his entrails.	Нетрудно было понять, о чем вопиют внутренности Сноудена.
Man was matter, that was Snowden's secret.	Человек есть вещь. Вот в чем был секрет Сноудена.
Drop him out a window and he'll fall.	Выбрось человека из окна, и он упадет.
Set fire to him and he'll burn.	Разведи под ним огонь, и он будет гореть.
Bury him and he'll rot, like other kinds of garbage.	Закопай его, и он будет гнить.
The spirit gone, man is garbage.	Да, если душа покинула тело, то тело человеческое - не более чем вещь.

That was Snowden's secret.	Вот в чем заключалась тайна Сноудена.
Ripeness was all.	Вот и все.
' I'm cold,' Snowden said.	- Мне холодно, - сказал Сноуден.

'I'm cold.' 'There, there,' said Yossarian. 'There, there.' He pulled the rip cord of Snowden's parachute and covered his body with the white nylon sheets. 'I'm cold.' 'There, there.'	- Холодно.
Yossarian	42. Йоссариан

'Colonel Korn says,' said Major Danby to Yossarian with a prissy, gratified smile, 'that the deal is still on.	- Подполковник Корн говорит, что сделка остается в силе, - сказал Йоссариану майор Дэнби, улыбаясь приторно-милостивой улыбкой.
Everything is working out fine.'	- Все идет прекрасно.
'No it isn't.'	- Ничего не выйдет.
'Oh, yes, indeed,' Major Danby insisted benevolently.	- Но почему же? Обязательно выйдет, -благодушно настаивал майор Дэнби.
' In fact, everything is much better.	- Обстоятельства складываются как нельзя лучше.

It was really a stroke of luck that you were almost murdered by that girl.	Своим покушением дев-чонка сыграла вам нару[к]у.
Now the deal can go through perfectly.'	Теперь все пойдет как по маслу.
'I'm not making any deals with Colonel Korn.' Major Danby's effervescent optimism vanished instantly, and he broke out all at once into a bubbling sweat.	- Я не вступал ни в какие сделки с подполковником Корном.

'But you do have a deal with him, don't you?' he asked in anguished puzzlement.	- Но ведь вы заключили с ним сделку? - с раздражением спросил майор Дэнби.
'Don't you have an agreement?'	- Вы же договорились?
' I'm breaking the agreement.'	- Я нарушаю этот договор.
'But you shook hands on it, didn't you?	- Но вы ударили по рукам, не так ли?
You gave him your word as a gentleman.'	Вы дали ему слово джентльмена?
' I'm breaking my word.'	- Я отказываюсь от своего слова.

'Oh, dear,' sighed Major Danby, and began dabbing ineffectually at his careworn brow with a folded white handkerchief.	- Ну, знаете! - ахнул майор и принялся промокать сложенным носовым платком свое изнуренное заботами и покрытое потом чело.
' But why, Yossarian?	- Но почему, Йоссариан?
It's a very good deal they're offering you.'	Они предлагают вам прекрасную сделку.
'It's a lousy deal, Danby.	- Сделка паршивая, Дэнби.
It's an odious deal.'	Гнусная.

'Oh, dear,' Major Danby fretted, running his bare hand over his dark, wiry hair, which was already soaked with perspiration to the tops of the thick, close-cropped waves.	- Но, дорогой мой, как же так? - заволновался майор, приглаживая свободной рукой свои жесткие, как проволока, густые, коротко стриженные волосы.
' Oh dear.'	- Как же так, дорогой мой?
'Danby, don't you think it's odious?'	- Ну а вам, Дэнби, не кажется, что все это гнусно?
Major Danby pondered a moment.	Майор Дэнби на мгновение задумался.

'Yes, I suppose it is odious,' he conceded with reluctance.	- Да, пожалуй, - неохотно признался он.

His globular, exophthalmic eyes were quite distraught.	Его выпуклые глаза выражали полнейшее замешательство.
'But why did you make such a deal if you didn't like it?'	- Зачем же вы пошли на эту сделку, коль она вам не по душе?
'I did it in a moment of weakness,' Yossarian wisecracked with glum irony.	- Это была минутная слабость, - мрачно сострил Йоссариан.
' I was trying to save my life.'	- Я пытался спасти свою шкуру.
'Don't you want to save your life now?'	- А теперь вы больше не хотите спасать свою шкуру?
'That's why I won't let them make me fly more missions.'	- Отчего же? Именно потому я не сделаю больше ни одного вылета.

'Then let them send you home and you'll be in no more danger.'	- Тогда позвольте им отправить вас домой, и вы будете вне опасности.
'Let them send me home because I flew more than fifty missions,' Yossarian said, 'and not because I was stabbed by that girl, or because I've turned into such a stubborn son of a bitch.'	- Пусть они отправят меня домой как человека, выполнившего более пятидесяти боевых заданий,- сказал Йоссариан, - а не потому, что меня пырнула ножом эта девчонка, и не потому, что я оказался упрямым мерзавцем.
Major Danby shook his head emphatically in sincere and bespectacled vexation.	Майор Дэнби с неподдельным гневом замотал головой и засверкал глазами и стеклами очков.
'They'd have to send nearly every man home if they did that.	- Если они так поступят, им придется отправить домой почти всех.

Most of the men have more than fifty missions.	Ведь большинство пилотов уже сделало свыше пятидесяти вылетов.
Colonel Cathcart couldn't possibly requisition so many inexperienced replacement crews at one time without causing an investigation.	Полковник Кэткарт не может истребовать для пополнения одновременно такое количество молодых, неопытных экипажей - тут же нагрянет следственная комиссия.
He's caught in his own trap.'	Он угодит в собственный капкан.
' That's his problem.'	- Ну это уж его забота.
'No, no, no, Yossarian,' Major Danby disagreed solicitously.	- О нет, Йоссариан, - с горячностью возразил майор Дэнби.
' It's your problem.	- Это ваша забота.

Because if you don't go through with the deal, they're going to institute court-martial proceedings as soon as you sign out of the hospital.'	Потому что, если вы не выполните условий договора, они намерены сразу же, едва вы выпишетесь из госпиталя, предать вас военно-полевому суду.
Yossarian thumbed his nose at Major Danby and laughed with smug elation.	Йоссариан сделал "нос" майору Дэнби и самодовольно засмеялся:
' The hell they will!	- Черта с два отдадут!
Don't lie to me, Danby.	Не морочьте мне голову, Дэнби.

They wouldn't even try.'	Они не осмелятся меня пальцем тронуть.

'But why wouldn't they?' inquired Major Danby, blinking with astonishment.	- Это почему же? - спросил майор Дэнби, удивленно хлопая ресницами.
'Because I've really got them over a barrel now.	- Теперь они у меня на крючке.
There's an official report that says I was stabbed by a Nazi assassin trying to kill them.	Официальное сообщение гласит, что меня пырнул ножом нацистский убийца, который покушался на жизнь полковника Кэткарта и подполковника Корна.
They'd certainly look silly trying to court-martial me after that.'	После этого всякая попытка предать меня военно-полевому суду будет выглядеть довольно глупо.
'But, Yossarian!' Major Danby exclaimed.	- Но послушайте, Йоссариан! - воскликнул майор Дэнби.

'There's another official report that says you were stabbed by an innocent girl in the course of extensive black-market operations involving acts of sabotage and the sale of military secrets to the enemy.'	- Есть еще одно официальное сообщение, которое гласит, что вас пырнула ножом невинная девочка в то время, как вы занимались спекуляцией на черном рынке, а также саботажем и продажей военных секретов противнику.
Yossarian was taken back severely with surprise and disappointment.	От неожиданности и досады Йоссариан отпрянул:
' Another official report?'	- Еще одно официальное сообщение?

'Yossarian, they can prepare as many official reports as they want and choose whichever ones they need on any given occasion.	- Они могут насочинять сколько угодно официальных сообщений и опубликуют то, которое их больше устраивает в данный момент.
Didn't you know that?'	Для вас это новость?
'Oh, dear,' Yossarian murmured in heavy dejection, the blood draining from his face.	- Боже мой! - пробормотал совершенно убитый Йоссариан. Кровь отхлынула от его лица.
' Oh, dear.'	- Боже мой!
Major Danby pressed forward avidly with a look of vulturous well-meaning.	Майор Дэнби упорно продолжал гнуть свое, причем с самым благожелательным видом.

'Yossarian, do what they want and let them send you home.	- Йоссариан, пусть будет так, как они хотят. Пусть вас отправят домой.
It's best for everyone that way.'	Так будет лучше для всех.
'It's best for Cathcart, Korn and me, not for everyone.'	- Не для всех, а только для Кэткарта, Корна и меня.
'For everyone,' Major Danby insisted.	- Для всех, - упорствовал майор Дэнби.
'It will solve the whole problem.'	- От этого сразу всем станет лучше.
'Is it best for the men in the group who will have to keep flying more missions?'	- А ребятам нашего полка, которым по-прежнему придется летать на боевые задания, от этого тоже станет лучше?

Major Danby flinched and turned his face away uncomfortably for a second.	Майор Дэнби уклонился от ответа и смущенно отвернулся.

'Yossarian,' he replied, 'it will help nobody if you force Colonel Cathcart to court-martial you and prove you guilty of all the crimes with which you'll be charged.	- Йоссариан, - сказал он через минуту, - если вы вынудите полковника Кэткарта предать вас военно-полевому суду, он докажет, что вы виновны во всех преступлениях, которые вам инкриминируют. Кому это нужно?
You will go to prison for a long time, and your whole life will be ruined.'	Вы надолго угодите в тюрьму и искалечите себе жизнь.
Yossarian listened to him with a growing feeling of concern.	Йоссариан слушал майора Дэнби с возрастающим чувством тревоги.

'What crimes will they charge me with?'	- В каких же преступлениях они меня собираются обвинять?
'Incompetence over Ferrara, insubordination, refusal to engage the enemy in combat when ordered to do so, and desertion.'	- Неправильные действия во время налета на Феррару, неподчинение командованию, отказ от выполнения боевых заданий и дезертирство.
Yossarian sucked his cheeks in soberly.	Йоссариан задумчиво втянул щеки и причмокнул:
' They could charge me with all that, could they?	- Неужто они обвинят меня во всех этих грехах?
They gave me a medal for Ferrara.	Они же сами мне дали орден за Феррару.
How could they charge me with incompetence now?'	Как же после этого они обвинят меня в неправильных действиях?

'Aarfy will swear that you and McWatt lied in your official report.'	- Аарфи покажет под присягой, что вы с Макуоттом солгали в своем официальном донесении.
' I'll bet the bastard would!'	- Да, уж этот мерзавец присягнет в чем угодно.
'They will also find you guilty,' Major Danby recited, 'of rape, extensive black-market operations, acts of sabotage and the sale of military secrets to the enemy.'	- Кроме того, они объявят вас виновным, - продекламировал нараспев майор Дэнби, - в изнасиловании, активных спекуляциях на черном рынке, саботаже и продаже врагу военных секретов.
'How will they prove any of that?	- Но как они все это докажут?
I never did a single one of those things.'	Я сроду не делал ничего подобного.

'But they have witnesses who will swear you did.	- Они найдут сколько угодно свидетелей, которые подтвердят это под присягой.
They can get all the witnesses they need simply by persuading them that destroying you is for the good of the country.	Кэткарт и Корн внушат свидетелям, что, оговорив вас, они тем самым принесут пользу родине.
And in a way, it would be for the good of the country.'	И в известном смысле это действительно пошло бы на пользу родине.
'In what way?' Yossarian demanded, rising up slowly on one elbow with bridling hostility.	- В каком это смысле? - резко спросил Йоссариан, медленно приподнимаясь на локте и едва сдерживая злость.

Major Danby drew back a bit and began mopping his forehead again.	Майор Дэнби слегка отшатнулся и снова принялся вытирать лоб.

'Well, Yossarian,' he began with an apologetic stammer, 'it would not help the war effort to bring Colonel Cathcart and Colonel Korn into disrepute now.	- Видишь ли, Йоссариан, - начал он, виновато запинаясь, - если полковник Кэткарт и подполковник Корн будут скомпрометированы, вряд ли это усилит нашу военную мощь.
Let's face it, Yossarian-in spite of everything, the group does have a very good record.	Давайте, Йоссариан, смело взглянем в лицо фактам. Несмотря ни на что, на боевом счету полка немало заслуг.

If you were court-martialed and found innocent, other men would probably refuse to fly missions, too.	Если вас отдадут под суд и оправдают, другие летчики тоже откажутся выполнять задания.
Colonel Cathcart would be in disgrace, and the military efficiency of the unit might be destroyed.	Полковник Кэткарт опозорится, и боеспособность части будет подорвана.
So in that way it would be for the good of the country to have you found guilty and put in prison, even though you are innocent.'	Вот почему я говорю, что, если вас признают виновным и посадят в тюрьму, это пойдет на пользу родине. Даже если вы на самом деле ни в чем не повинны.

'What a sweet way you have of putting things!' Yossarian snapped with caustic resentment.	- Ничего не скажешь, складно вы излагаете, -язвительно заметил Йоссариан.
Major Danby turned red and squirmed and squinted uneasily.	Майор Дэнби, нервно заерзав на стуле, отвел взгляд в сторону.
'Please don't blame me,' he pleaded with a look of anxious integrity.	- Прошу вас, не обижайтесь на меня, - взмолился он. Чувствовалось, что он говорит совершенно чистосердечно.
'You know it's not my fault.	- Вы же знаете, что я здесь ни при чем.

All I'm doing is trying to look at things objectively and arrive at a solution to a very difficult situation.'	Я лишь пытаюсь смотреть на вещи объективно и найти какой-то выход из этой трудной ситуации.
'I didn't create the situation.'	- Эта ситуация возникла не по моей вине.
'But you can resolve it.	- Но вы обязаны найти из нее выход.
And what else can you do?	И потом - что еще остается делать?
You don't want to fly more missions.'	Вы ведь не желаете летать на задания.
' I can run away.'	- Я могу сбежать.
Run away?'	- Сбежать?
'Desert.	- Да, дезертировать.

Take off I can turn my back on the whole damned mess and start running.'	Смыться. Наплюю на всю эту проклятую заваруху и дам деру.
Major Danby was shocked.	Майор Дэнби был потрясен:
' Where to?	- Но куда?
Where could you go?'	Куда вы можете сбежать?
'I could get to Rome easily enough.	- Я могу запросто улизнуть в Рим.
And I could hide myself there.'	А там спрячусь.
'And live in danger every minute of your life that they would find you?	- И всю жизнь дрожать, ждать, что вас вот-вот схватят?

No, no, no, no, Yossarian.	Нет, нет, нет и еще раз нет, Йоссариан.

That would be a disastrous and ignoble thing to do.	Это был бы гибельный и постыдный шаг.
Running away from problems never solved them.	Убежать от трудности - еще не значит преодолеть ее.
Please believe me.	Вы уж мне поверьте.
I am only trying to help you.'	Ведь я вам все-таки пытаюсь помочь.
'That's what that kind detective said before he decided to jab his thumb into my wound,' Yossarian retorted sarcastically.	- То же самое говорил один добряк шпик, собираясь ткнуть мне пальцем в рану, -саркастически возразил Йоссариан.

'I am not a detective,' Major Danby replied with indignation, his cheeks flushing again.	- Но я не шпик, - негодующе сказал майор Дэнби.
'I'm a university professor with a highly developed sense of right and wrong, and I wouldn't try to deceive you.	- Я преподаватель университета, я прекрасно чувствую, что такое добро и что такое зло! Зачем я стал бы вас обманывать?
I wouldn't lie to anyone.'	Я никому не лгу.
'What would you do if one of the men in the group asked you about this conversation?'	- А что вы скажете нашим летчикам, если они спросят об этом разговоре?
' I would lie to him.'	- Придется солгать.

Yossarian laughed mockingly, and Major Danby, despite his blushing discomfort, leaned back with relief, as though welcoming the respite Yossarian's changing mood promised.	Йоссариан расхохотался, а майор Дэнби, красный от смущения, с облегчением откинулся на спинку стула, радуясь перемене в настроении Йоссариана.
Yossarian gazed at him with a mixture of reserved pity and contempt.	Йоссариан разглядывал его со смешанным чувством жалости и презрения.

He sat up in bed with his back resting against the headboard, lit a cigarette, smiled slightly with wry amusement, and stared with whimsical sympathy at the vivid, pop-eyed horror that had implanted itself permanently on Major Danby's face the day of the mission to Avignon, when General Dreedle had ordered him taken outside and shot.	Он сел, прислонившись к спинке кровати, закурил сигарету, и губы его скривила легкая насмешливая улыбка. С непонятным самому себе сочувствием он изучал лицо майора Дэнби. Со дня налета на Авиньон, когда генерал Дридл приказал вывести майора Дэнби на улицу и расстрелять, в выпученных глазах этого человека навсегда запечатлелись изумление и ужас.

The startled wrinkles would always remain, like deep black scars, and Yossarian felt sorry for the gentle, moral, middle-aged idealist, as he felt sorry for so many people whose shortcomings were not large and whose troubles were light.	Йоссариану было жаль этого мягкого, совестливого пожилого идеалиста: он всегда жалел людей, чьи недостатки были не очень велики.
With deliberate amiability he said,	С подчеркнутым дружелюбием Йоссариан сказал:
'Danby, how can you work along with people like Cathcart and Korn?	- Дэнби, как вы можете работать с такими людьми, как Кэткарт и Корн?
Doesn't it turn your stomach?'	Неужели вас не тошнит от них?

Major Danby seemed surprised by Yossarian's question.	- Я стараюсь об этом не думать, - откровенно признался майор Дэнби.

'I do it to help my country,' he replied, as though the answer should have been obvious. 'Colonel Cathcart and Colonel Korn are my superiors, and obeying their orders is the only contribution I can make to the war effort. I work along with them because it's my duty. And also,' he added in a much lower voice, dropping his eyes, 'because I am not a very aggressive person.' 'Your country doesn't need your help any more,' Yossarian reasoned with antagonism. 'So all you're doing is helping them.'	- Я пытаюсь думать только о великой цели и не думать, что они с моей помощью греют руки.

'I try not to think of that,' Major Danby admitted frankly. 'But I try to concentrate on only the big result and to forget that they are succeeding, too. I try to pretend that they are not significant.'	Я стараюсь делать вид, что сами по себе эти люди большой роли не играют.
'That's my trouble, you know,' Yossarian mused sympathetically, folding his arms. 'Between me and every ideal I always find Scheisskopfs, Peckems, Korns and Cathcarts. And that sort of changes the ideal.'	- А вот моя беда, знаете, в том, - задумчиво и доверительно проговорил Йоссариан, скрестив руки на груди, - что между мною и моими идеалами почему-то всегда встают шейскопфы, пеккемы, корны и кэткарты.
'You must try not to think of them,' Major Danby advised affirmatively.	- Не надо о них думать, - убежденно посоветовал майор Дэнби.

'And you must never let them change your values. Ideals are good, but people are sometimes not so good.	- Нельзя допускать, чтобы эти люди обесценивали ваши духовные ценности.
You must try to look up at the big picture.'	Нужно стать выше мелочей, смотреть не под ноги, а вперед, высоко подняв.
Yossarian rejected the advice with a skeptical shake of his head.	Йоссариан отверг этот совет, скептически покачав головой:
'When I look up, I see people cashing in.	- Когда я поднимаю голову, я вижу людей, набивающих мошну.
I don't see heaven or saints or angels.	Я не вижу ни небес, ни святых, ни ангелов.

I see people cashing in on every decent impulse and every human tragedy.'	Я вижу только людей, набивающих мошну при каждом удобном случае, греющих руки на чужих несчастьях.
'But you must try not to think of that, too,' Major Danby insisted.	- Старайтесь не думать об этом, - твердил свое майор Дэнби.
'And you must try not to let it upset you.'	- И тогда вас это не будет беспокоить.
' Oh, it doesn't really upset me.	- О, да это, собственно, меня и не беспокоит.
What does upset me, though, is that they think I'm a sucker.	Беспокоит меня другое - то, что они считают меня молокососом.
They think that they're smart, and that the rest of us are dumb.	Они думают, что только они умники, а все прочие - дураки.

And, you know, Danby, the thought occurs to me right now, for the first time, that maybe they're right.'	И знаете, Дэнби, сейчас мне впервые пришло в голову, что, может быть, они и правы.
'But you must try not to think of that too,' argued Major Danby.	- Но об этом вы тоже не должны думать, -возразил майор Дэнби.

'You must think only of the welfare of your country and the dignity of man.'	- Нужно думать только о благе страны и человеческом достоинстве.
' Yeah,' said Yossarian.	- Угу, - сказал Йоссариан.
' I mean it, Yossarian.	- Поверьте мне: я знаю, что говорю.

This is not World War One. You must never forget that we're at war with aggressors who would not let either one of us live if they won.'	Не забывайте, что мы воюем с врагом, который в случае победы нас не пощадит.
'I know that,' Yossarian replied tersely, with a sudden surge of scowling annoyance.	- Знаю, - буркнул Йоссариан с неожиданным раздражением.
'Christ, Danby, I earned that medal I got, no matter what their reasons were for giving it to me.	- Видит бог, Дэнби, я честно заработал свой орден, и вовсе не важно, какими мотивами они при этом руководствовались.

I've flown seventy goddam combat missions.	Я сделал семьдесят этих проклятущих боевых вылетов.
Don't talk to me about fighting to save my country.	Так что можете не рассказывать мне, что я должен воевать за родину.
I've been fighting all along to save my country. Now I'm going to fight a little to save myself. The country's not in danger any more, but I am.'	Я только и делал, что сражался за родину.
' The war's not over yet.	- Но война еще не кончилась.
The Germans are driving toward Antwerp.'	Немцы приближаются к Антверпену.

'The Germans will be beaten in a few months.	- Все равно через несколько месяцев немцам каюк.
And Japan will be beaten a few months after that.	А через несколько месяцев после этого и японцам крышка.
If I were to give up my life now, it wouldn't be for my country. It would be for Cathcart and Korn.	И если я теперь загублю свою жизнь, то уже не ради родины, а ради Кэткарта и Корна.
So I'm turning my bombsight in for the duration.	Нет уж, увольте, я зачехляю свой бомбовый прицел.
From now on I'm thinking only of me.'	Отныне я думаю только о собственной шкуре.

Major Danby replied indulgently with a superior smile,	Майор Дэнби снисходительно улыбнулся:
'But, Yossarian, suppose everyone felt that way.'	- Послушайте, Йоссариан, а что, если все начнут рассуждать подобным образом?
'Then I'd certainly be a damned fool to feel any other way, wouldn't I?'	- Если бы я рассуждал иначе, я был бы последним кретином.

Yossarian sat up straighter with a quizzical expression. 'You know, I have a queer feeling that I've been through this exact conversation before with someone.	- Усевшись попрямее, Йоссариан продолжал: -Знаете, у меня такое странное чувство, будто, однажды я уже вел с кем-то точно такой же разговор.
It's just like the chaplain's sensation of having experienced everything twice.'	Это - как у капеллана, которому всегда чудится, что когда-то он бывал уже в той или иной ситуации.

'The chaplain wants you to let them send you home,' Major Danby remarked. 'The chaplain can jump in the lake.'	- Капеллану хочется, чтобы вы не возражали против отправки домой, - заметил майор Дэнби.
' Oh, dear.'	- А-а, ну его к чертям!
Major Danby sighed, shaking his head in regretful disappointment.	Майор Дэнби сокрушенно покачал головой:
'He's afraid he might have influenced you.'	- Вы знаете, он боится, что повлиял на ваше решение.
'He didn't influence me.	- Он тут ни при чем.
You know what I might do?	Знаете, что я мог бы сделать?

I might stay right here in this hospital bed and vegetate.	Я мог бы остаться здесь, на госпитальной койке, и вести растительный образ жизни.
I could vegetate very comfortably right here and let other people make the decisions.'	Я мог бы блаженствовать здесь, и пускай другие принимают за меня решения.
'You must make decisions,' Major Danby disagreed.	- Нет, решение должны принимать вы, - возразил майор Дэнби.
' A person can't live like a vegetable.'	- Человек не может жить, как растение.
' Why not?'	- Почему же?
A distant warm look entered Major Danby's eyes.	Глаза майора Дэнби потеплели.

'It must be nice to live like a vegetable,' he conceded wistfully.	- А ведь, должно быть, очень приятно жить растительной жизнью, - задумчиво проговорил он.
' It's lousy,' answered Yossarian.	- Да нет, паршивое это дело, - ответил Йоссариан.
'No, it must be very pleasant to be free from all this doubt and pressure,' insisted Major Danby.	- Ну почему же? Наверное, хорошо жить без забот и сомнений, - не соглашался майор Дэнби.
'I think I'd like to live like a vegetable and make no important decisions.'	- Я бы, пожалуй, с удовольствием согласился жить растительной жизнью и никогда не принимать никаких важных решений.
'What kind of vegetable, Danby?'	- А каким бы растением вы хотели быть?

' A cucumber or a carrot.'	- Ну, скажем, огурчиком или морковкой.
'What kind of cucumber? A good one or a bad one?'	- Каким огурчиком - свежим, зеленым или с гнильцой?
'Oh, a good one, of course.'	- Свежим, конечно.
'They'd cut you off in your prime and slice you up for a salad.'	- Едва вы поспеете, вас сорвут, порежут на кусочки и сделают из вас салат.
Major Danby's face fell.	Майор Дэнби сник.
' A poor one, then.'	- Ну тогда - самым никудышным огурчиком.

'They'd let you rot and use you for fertilizer to help the good ones grow.'	- Тогда вас оставят гнить на грядке, вы удобрите собой почву, и на этом месте потом вырастут полноценные огурцы.
'I guess I don't want to live like a vegetable, then,' said Major Danby with a smile of sad resignation.	- Нет, пожалуй, я не хочу вести растительный образ жизни, - печально сказал майор Дэнби.

'Danby, must I really let them send me home?' Yossarian inquired of him seriously.	- Скажите, Дэнби, может, мне и в самом деле не возражать против отправки домой? - уже серьезно спросил Йоссариан.
Major Danby shrugged.	Майор Дэнби пожал плечами:
'It's a way to save yourself.'	- В этом - ваш путь к спасению.

' It's a way to lose myself, Danby.	- Я себя не спасу. Я себя потеряю, Дэнби.
You ought to know that.'	Вам бы следовало это знать.
' You could have lots of things you want.'	- У вас будет все, что душе угодно.
'I don't want lots of things I want,' Yossarian replied, and then beat his fist down against the mattress in an outburst of rage and frustration. 'Goddammit, Danby!	- А мне нужно совсем немного, - ответил Йоссариан и вдруг в припадке неожиданной ярости и отчаяния стукнул кулаком по матрацу: -Черт побери, Дэнби!
I've got friends who were killed in this war.	В этой войне погибли мои друзья.
I can't make a deal now.	Я не могу вступать в сделку.

Getting stabbed by that bitch was the best thing that ever happened to me.'	Жаль, что эта девка меня не зарезала: это был бы самый разумный выход из положения.
'Would you rather go to jail?'	- Значит, по-вашему, лучше отправиться в тюрьму?
'Would you let them send you home?'	- А вы бы согласились, если бы вас отправили домой?
'Of course I would!' Major Danby declared with conviction.	- Конечно, согласился бы, - убежденно заявил майор Дэнби.
'Certainly I would,' he added a few moments later, in a less positive manner.	- Ну конечно, согласился бы, - объявил он через мгновение, но уже не столь твердым тоном и после нескольких секунд мучительных размышлений выдавил из себя:

'Yes, I suppose I would let them send me home if I were in your place,' he decided uncomfortably, after lapsing into troubled contemplation. Then he threw his face sideways disgustedly in a gesture of violent distress and blurted out, 'Oh, yes, of course I'd let them send me home!	- Да, пожалуй, будь я на вашем месте, я бы согласился на отправку домой. - Он досадливо помотал головой и, страдальчески сморщившись, выпалил: - О да, я наверняка бы согласился, чтобы меня отправили домой.
But I'm such a terrible coward I couldn't really be in your place.'	Но я такой ужасный трус, что вряд ли мог очутиться на вашем месте.
'But suppose you weren't a coward?' Yossarian demanded, studying him closely.	- Ну, а допустим, вы не были бы трусом, - спросил Йоссариан, не сводя с него пристального взгляда.

'Suppose you did have the courage to defy somebody?'	- Допустим, у вас хватило бы мужества не подчиниться начальству...
'Then I wouldn't let them send me home,' Major Danby vowed emphatically with vigorous joy and enthusiasm.	- Тогда я бы не позволил, чтобы они отослали меня домой! - торжественно, с нескрываемой радостью провозгласил майор Дэнби.
'But I certainly wouldn't let them court-martial me.'	- И уж наверняка не позволил бы им предать меня военно-полевому суду.
'Would you fly more missions?'	- Значит, вы продолжали бы летать на задания?

'No, of course not.	- Нет, разумеется, нет.
That would be total capitulation.	Это была бы полная капитуляция.

And I might be killed.'	Ведь меня могли бы убить.
'Then you'd run away?'	- Следовательно, вам оставалось бы только сбежать?
Major Danby started to retort with proud spirit and came to an abrupt stop, his half-opened jaw swinging closed dumbly.	Майор Дэнби приготовился было гордо возразить и вдруг неожиданно запнулся - его полуотвисшая челюсть захлопнулась.
He pursed his lips in a tired pout.	Он устало поджал губы:
'I guess there just wouldn't be any hope for me, then, would there?'	- Что же это получается? Выходит, и у меня тоже не было бы никакого выхода?

His forehead and protuberant white eyeballs were soon glistening nervously again.	Он снова забеспокоился, лоб у него покрылся испариной, а глаза навыкате заблестели.
He crossed his limp wrists in his lap and hardly seemed to be breathing as he sat with his gaze drooping toward the floor in acquiescent defeat.	Теперь, потерпев поражение, он скрестил свои мягкие руки на коленях и, почти не дыша, понуро уставился в пол.
Dark, steep shadows slanted in from the window.	Густые косые тени падали в окно.

Yossarian watched him solemnly, and neither of the two men stirred at the rattling noise of a speeding vehicle skidding to a stop outside and the sound of racing footsteps pounding toward the building in haste.	Йоссариан наблюдал за майором с видом победителя. Оба не пошевелились, когда с улицы донесся шум подъезжающей машины и послышались торопливые шаги, приближавшиеся к зданию.
'Yes, there's hope for you,' Yossarian remembered with a sluggish flow of inspiration. ' Milo might help you.	- Отчего же, у вас был бы выход. Вам мог бы помочь Милоу, - заметил Йоссариан.
He's bigger than Colonel Cathcart, and he owes me a few favors.'	- Он влиятельней полковника Кэткарта. Он мне кое-чем обязан.

Major Danby shook his head and answered tonelessly. ' Milo and Colonel Cathcart are pals now.	Майор Дэнби покачал головой и безучастно сказал: - Милоу и полковник Кэткарт теперь друзья-приятели.
He made Colonel Cathcart a vice-president and promised him an important job after the war.'	Милоу произвел полковника Кэткарта в вице-президенты синдиката и обещал ему после войны большой пост.
'Then ex-P.F.C. Wintergreen will help us,' Yossarian exclaimed.	- Ну тогда нам поможет Уинтергрин! - воскликнул Йоссариан.
'He hates them both, and this will infuriate him.'	- Он ненавидит их обоих и придет в ярость, когда узнает, что они спелись.

Major Danby shook his head bleakly again. ' Milo and ex-P.F.C. Wintergreen merged last week.	Майор Дэнби опять уныло покачал головой: - Милоу и экс-рядовой первого класса Уинтергрин на прошлой неделе объединились.
They're all partners now in M & M Enterprises.'	Теперь они партнеры по фирме "М. и М.".
'Then there is no hope for us, is there?'	- Стало быть, у нас не осталось никакой надежды, а?
'No hope.'	- Никакой.

'No hope at all, is there?'	- Совсем никакой?
'No, no hope at all,' Major Danby conceded.	- Да, совсем никакой, - подтвердил майор Дэнби.

He looked up after a while with a half-formed notion. 'Wouldn't it be nice if they could disappear us the way they disappeared the others and relieve us of all these crushing burdens?'	Помолчав, он снова поднял глаза, осененный какой-то смутной идеей: - Может быть, было бы гораздо лучше, если бы они нас... исчезли, как других, тем самым освободив нас от этого невыносимого бремени?
Yossarian said no.	Йоссариан сказал: "Нет".

Major Danby agreed with a melancholy nod, lowering his eyes again, and there was no hope at all for either of them until footsteps exploded in the corridor suddenly and the chaplain, shouting at the top of his voice, came bursting into the room with the electrifying news about Orr, so overcome with hilarious excitement that he was almost incoherent for a minute or two.	Майор Дэнби согласился, меланхолически кивнув головой, и снова опустил глаза. Положение казалось безвыходным, как вдруг в коридоре загрохотали шаги: капеллан, голося что есть мочи, ворвался в палату и сообщил сногсшибательную новость относительно Орра. Капеллана так распирало от радостного возбуждения, что в первые минуты он нес какую-то несуразицу.

Tears of great elation were sparkling in his eyes, and Yossarian leaped out of bed with an incredulous yelp when he finally understood. ' Sweden?' he cried.	В глазах его сверкали слезы. Йоссариан наконец понял и, издав фантастический вопль, выпрыгнул из кровати. - В Швеции? - вскричал он.
' Orr!' cried the chaplain.	- Орр! - крикнул капеллан.
' Orr?' cried Yossarian.	- Орр? - закричал Йоссариан.
'Sweden!' cried the chaplain, shaking his head up and down with gleeful rapture and prancing about uncontrollably from spot to spot in a grinning, delicious frenzy.	- В Швеции! - ликующе кричал капеллан, гоголем расхаживая по палате.

' It's a miracle, I tell you!	- Это чудо, скажу я вам!
A miracle!	Чудо!
I believe in God again.	Я снова верю в бога!
I really do.	Правда, верю.
Washed ashore in Sweden after so many weeks at sea!	Орра прибило к шведскому берегу после многодневных мытарств по морю!
It's a miracle.'	Это чудо!

'Washed ashore, hell!' Yossarian declared, jumping all about also and roaring in laughing exultation at the walls, the ceiling, the chaplain and Major Danby.	- Черта с два его прибило! - заявил Йоссариан. Он чуть не прыгал от радости.
'He didn't wash ashore in Sweden.	- Его не прибило к шведским берегам.
He rowed there!	Он доплыл туда сам на плоту!
He rowed there, Chaplain, he rowed there.'	Он греб к Швеции и догреб!
Rowed there?'	На веслах добрался до Швеции! - На веслах?

'He planned it that way!	- Он все это заранее спланировал.
He went to Sweden deliberately.'	Он сознательно держал путь в Швецию.
'Well, I don't care!' the chaplain flung back with undiminished zeal.	- Ну это неважно, - продолжал капеллан с тем же пылом.

'It's still a miracle, a miracle of human intelligence and human endurance.	- Все равно - это чудо, чудо человеческого ума и выносливости.
Look how much he accomplished!'	Ну здорово!
The chaplain clutched his head with both hands and doubled over in laughter.	- Капеллан схватился обеими руками за голову, корчась от смеха.

'Can't you just picture him?' he exclaimed with amazement.	- Вы представляете себе эту картину? - изумленно воскликнул он.
'Can't you just picture him in that yellow raft, paddling through the Straits of Gibraltar at night with that tiny little blue oar-'	- Представляете, как он ночью плывет на желтом плотике через Г ибралтарский пролив с крошечным голубым веслом?..
'With that fishing line trailing out behind him, eating raw codfish all the way to Sweden, and serving himself tea every afternoon-'	- И с удочкой, которая тянется за ним. Всю дорогу до Швеции он жует треску, а днем угощается чаем...
'I can just see him!' cried the chaplain, pausing a moment in his celebration to catch his breath. 'It's a miracle of human perseverance, I tell you.	- Я вижу его как живого! - закричал капеллан. Он перевел дыхание и снова возликовал: - Это чудо человеческого упорства, скажу я вам!

And that's just what I'm going to do from now on! I'm going to persevere. Yes, I'm going to persevere.' 'He knew what he was doing every step of the way!' Yossarian rejoiced, holding both fists aloft triumphantly as though hoping to squeeze revelations from them. He spun to a stop facing Major Danby.	- Он с самого начала предусмотрел все, до последней мелочи! - торжествовал Йоссариан.
'Danby, you dope!	- Дэнби, вы болван!
There is hope, after all.	В конце концов, надежда есть.
Can't you see?	Разве вы не видите?

Even Clevinger might be alive somewhere in that cloud of his, hiding inside until it's safe to come out.'	Может быть, даже Клевинджер жив и спрятался где-нибудь внутри того облака, выжидая, пока можно будет выйти без всякой опаски.
'What are you talking about?' Major Danby asked in confusion.	- О чем вы толкуете? - спросил растерянный майор Дэнби.
'What are you both talking about?'	- О чем вы оба толкуете?
'Bring me apples, Danby, and chestnuts too. Run, Danby, run. Bring me crab apples and horse chestnuts before it's too late, and get some for yourself.'	- Принесите мне дичков, Дэнби, а заодно и конских каштанов, принесите и возьмите несколько штук себе.
'Horse chestnuts?	- Конских каштанов?

Crab apples?	Дичков?
What in the world for?'	Ради бога, зачем?
' To pop into our cheeks, of course.'	- Ну конечно, чтобы засунуть за щеки.
Yossarian threw his arms up into the air in a gesture of mighty and despairing self-recrimination.	- Йоссариан в отчаянии заломил руки.
' Oh, why didn't I listen to him?	- Ах, зачем я его не послушался?
Why wouldn't I have some faith?'	Почему я ему не доверял?

'Have you gone crazy?' Major Danby demanded with alarm and bewilderment.	- Вы что, с ума посходили? - спросил майор Дэнби тревожно-растерянным тоном.

'Yossarian, will you please tell me what you are talking about?'	- Йоссариан, скажите ради бога, о чем речь?
'Danby, Orr planned it that way.	- Поймите, Дэнби, Орр все это спланировал.
Don't you understand- he planned it that way from the beginning.	Неужели вы не понимаете, что это было запланировано от начала и до конца?
He even practiced getting shot down. He rehearsed for it on every mission he flew.	Он даже нарочно устраивал, чтобы его машину подбивали, в каждом полете он отрабатывал вынужденную посадку.
And I wouldn't go with him!	А я не захотел лететь с ним.

Oh, why wouldn't I listen?	Ах, почему я его не послушал?
He invited me along, and I wouldn't go with him!	Он приглашал меня с собой, а я не полетел!
Danby, bring me buck teeth too, and a valve to fix and a look of stupid innocence that nobody would ever suspect of any cleverness.	Дэнби, дайте мне такие же зубы торчком, клапан форсунки и глуповато-невинную морду, чтобы никто не ожидал от меня какого-нибудь умного поступка.
I'll need them all.	Мне это нужно до зарезу.
Oh, why wouldn't I listen to him.	Ах, почему я его не послушал!
Now I understand what he was trying to tell me.	Теперь я понимаю, что он пытался мне сказать.

I even understand why that girl was hitting him on the head with her shoe.'	Теперь я даже понимаю, почему та девка лупила его туфлей по башке.
'Why?' inquired the chaplain sharply.	- Почему? - резко спросил капеллан.
Yossarian whirled and seized the chaplain by the shirt front in an importuning grip.	Йоссариан круто обернулся и цепко схватил капеллана за грудки.
' Chaplain, help me!	- Капеллан! Помогите мне!
Please help me.	Пожалуйста, помогите.
Get my clothes.	Принесите мне мою одеж-ду.

And hurry, will you?	И побыстрей, пожалуйста.
I need them right away.'	Она нужна мне сию минуту.
The chaplain started away alertly.	Капеллан рванулся было к дверям.
' Yes, Yossarian, I will.	- Бегу, Йоссариан.
But where are they?	Только где она, ваша форма?
How will I get them?'	Где ее взять?
'By bullying and browbeating anybody who tries to stop you.	- Лезьте напролом и берите на испуг каждого, кто попытается вас остановить.
Chaplain, get me my uniform!	Без формы не возвращайтесь, капеллан.

It's around this hospital somewhere.	Она где-то здесь, в госпитале.
For once in your life, succeed at something.'	Хоть раз в жизни добейтесь своего!

The chaplain straightened his shoulders with determination and tightened his jaw.	Капеллан решительно распрямил плечи и стиснул челюсти.
'Don't worry, Yossarian.	- Не беспокойтесь, Йоссариан.
I'll get your uniform.	Я добуду вашу форму.
But why was that girl hitting Orr over the head with her shoe? Please tell me.'	Но все-таки скажите, пожалуйста, почему эта девица колотила Орра туфлей по голове?

'Because he was paying her to, that's why!	- Потому что он предложил ей деньги - вот почему!
But she wouldn't hit him hard enough, so he had to row to Sweden.	Но, должно быть, она колотила его не очень сильно, раз он смог добраться до Швеции.
Chaplain, find me my uniform so I can get out of here.	Капеллан, найдите мою форму, чтобы я мог выбраться отсюда.
Ask Nurse Duckett for it.	Спросите у сестры Даккит.
She'll help you.	Она поможет вам.
She'll do anything she can to be rid of me.'	Она пойдет на все, лишь бы избавиться от меня.

'Where are you going?' Major Danby asked apprehensively when the chaplain had shot from the room.	- Куда это вы собираетесь? - тревожно спросил майор Дэнби, после того как капеллан пулей выскочил из палаты.
' What are you going to do?'	- Что вы намереваетесь делать?
'I'm going to run away,' Yossarian announced in an exuberant, clear voice, already tearing open the buttons of his pajama tops.	- Бежать! - ликуя, отчеканил Йоссариан, расстегивая верхние пуговицы пижамы.
'Oh, no,' Major Danby groaned, and began patting his perspiring face rapidly with the bare palms of both hands.	- О, только не это, - застонал майор Дэнби и провел ладонью по вспотевшему лицу.
' You can't run away.	- Вам нельзя бежать.

Where can you run to?	Куда вы убежите?
Where can you go?'	Вам некуда податься.
' To Sweden.'	- В Швецию.
'To Sweden?' Major Danby exclaimed in astonishment.	- В Швецию? - с изумлением воскликнул майор Дэнби.
'You're going to run to Sweden?	- Вы собираетесь бежать в Швецию?
Are you crazy?'	Вы не в своем уме!
' Orr did it.'	- Но Орр ведь убежал.
'Oh, no, no, no, no, no,' Major Danby pleaded.	- Нет, нет, нет и еще раз нет! - взмолился майор Дэнби.
'No, Yossarian, you'll never get there.	- Нет, Йоссариан, вам туда ни за что не добраться.
You can't run away to Sweden.	Вы не сможете добраться до Швеции.

You can't even row.'	Вы ведь даже грести не умеете.

'But I can get to Rome if you'll keep your mouth shut when you leave here and give me a chance to catch a ride.	- Но я смогу добраться до Рима, если вы будете держать язык за зубами и поможете мне пристроиться на попутный самолет.
Will you do it?'	Обещаете?
'But they'll find you,' Major Danby argued desperately, 'and bring you back and punish you even more severely.'	- Но вас же найдут, - с пеной у рта стал доказывать майор Дэнби. - Доставят обратно и накажут еще более сурово.
'They'll have to try like hell to catch me this time.'	- Ну, на этот раз им придется здорово попотеть, чтобы поймать меня.

'They will try like hell.	- Не беспокойтесь, ради такого случая они попотеют.
And even if they don't find you, what kind of way is that to live?	Но даже если они не найдут вас, подумайте, какая жизнь вас ожидает.
You'll always be alone. No one will ever be on your side, and you'll always live in danger of betrayal.'	Вы всегда будете одиноки, в вечном страхе, что вас кто-нибудь выдаст. Ведь никто же не станет на вашу сторону.
' I live that way now.'	- Я и сейчас так живу.
'But you can't just turn your back on all your responsibilities and run away from them,' Major Danby insisted.	- Но вы не можете наплевать на ваши обязанности по отношению к людям, - упорствовал майор Дэнби.
' It's such a negative move.	- Это будет негативным шагом.

It's escapist.'	Это значит - уклониться от морального долга.
Yossarian laughed with buoyant scorn and shook his head.	Йоссариан разразился жизнерадостным хохотом.
' I'm not running away from my responsibilities.	- Я не убегаю от своих обязанностей.
I'm running to them.	Я бегу навстречу своим обязанностям.
There's nothing negative about running away to save my life.	Если человек бегством спасает свою жизнь, то в этом нет ничего негативного.
You know who the escapists are, don't you, Danby? Not me and Orr.'	Вы же знаете, кто на самом деле уклоняется от своего морального долга? Ведь знаете же, а, Дэнби? Уж никак не мы с Орром.

'Chaplain, please talk to him, will you?	- Капеллан, пожалуйста, поговорите с ним, прошу вас!
He's deserting.	Он намеревается дезертировать.
He wants to run away to Sweden.'	Он хочет бежать в Швецию.
'Wonderful!' cheered the chaplain, proudly throwing on the bed a pillowcase full of Yossarian's clothing.	- Великолепно! - весело вскричал капеллан и с гордостью бросил на кровать наволочку, набитую одеждой Йоссариана.
' Run away to Sweden, Yossarian.	- Вперед, в Швецию, Йоссариан!
And I'll stay here and persevere.	А я останусь здесь и вынесу все до конца.
Yes. I'll persevere.	Да, я буду стойким.

I'll nag and badger Colonel Cathcart and Colonel Korn every time I see them. I'm not afraid.	При каждом удобном случае я буду шпынять и подкалывать полковника Кэткарта и подполковника Корна.
I'll even pick on General Dreedle.'	Я буду изводить даже самого генерала Дридла.
'General Dreedle's out,' Yossarian reminded, pulling on his trousers and hastily stuffing the tails of his shirt inside.	- Генерал Дридл убыл, - напомнил Йоссариан, торопливо натягивая брюки и запихивая в них концы рубахи.
' It's General Peckem now.'	- Вместо него генерал Пеккем.

The chaplain's babbling confidence did not falter for an instant. 'Then I'll pick on General Peckem, and even on General Scheisskopf.	- Тогда я буду изводить генерала Пеккема и даже генерала Шейскопфа, - петушился капеллан.
And do you know what else I'm going to do?	- А знаете, что я еще хочу сделать?
I'm going to punch Captain Black in the nose the very next time I see him.	При первой же встрече с капитаном Блэком я двину ему по носу.
Yes, I'm going to punch him in the nose.	Да, да, я намерен дать ему по морде.

I'll do it when lots of people are around so that he may not have a chance to hit me back.'	Причем я это сделаю у всех на глазах, чтобы он не смог дать мне сдачи.
'Have you both gone crazy?' Major Danby protested, his bulging eyes straining in their sockets with tortured awe and exasperation. 'Have you both taken leave of your senses?	- Вы, кажется, оба лишились рассудка!
Yossarian, listen-'	Послушайте, Йоссариан... - волновался майор Дэнби.

'It's a miracle, I tell you,' the chaplain proclaimed, seizing Major Danby about the waist and dancing him around with his elbows extended for a waltz.	- Чудо, свершилось чудо, уверяю вас! -провозгласил капеллан и схватив майора Дэнби за руку, закружился вокруг него, раздвинув локти, точно собирался танцевать вальс.
' A real miracle.	- Настоящее чудо!
If Orr could row to Sweden, then I can triumph over Colonel Cathcart and Colonel Korn, if only I persevere.'	Если Орр смог добраться до Швеции, значит, я еще тоже смогу отпраздновать победу над полковником Кэткартом и подполковником Корном. Только б у меня хватило стойкости!

'Chaplain, will you please shut up?' Major Danby entreated politely, pulling free and patting his perspiring brow with a fluttering motion.	- Будьте любезны, капеллан, заткнитесь, -вежливо попросил майор Дэнби, освобождаясь из объятий капеллана. Носовой платок его снова запорхал над потным лбом.
He bent toward Yossarian, who was reaching for his shoes.	Майор склонялся над Йоссарианом, который в это время потянулся за ботинками.
'What about Colonel-'	- Ну а как же быть с полковником?..
' I couldn't care less.'	- Меня это больше не волнует.
' But this may actua-'	- Но ведь это практически может...
'To hell with them both!'	- Пусть они оба катятся к чертовой матери!

'This may actually help them,' Major Danby persisted stubbornly.	- Но ведь это практически может оказаться им на руку, - упорно стоял на своем майор Дэнби.

'Have you thought of that?'	- Об этом вы подумали?
'Let the bastards thrive, for all I care, since I can't do a thing to stop them but embarrass them by running away.	- Пусть эти мерзавцы благоденствуют. Все, что я могу сделать, - ошарашить их своим побегом.
I've got responsibilities of my own now, Danby.	Теперь я отвечаю только за самого себя, Дэнби.
I've got to get to Sweden.'	Я должен отправиться в Швецию.
' You'll never make it.	- Вы никогда этого не сделаете.

It's impossible.	Это невозможно.
It's almost a geographical impossibility to get there from here.'	Даже географически невозможно отсюда попасть в Швецию.
'Hell, Danby, I know that.	- Ну и черт с ним, Дэнби, я это знаю.
But at least I'll be trying.	По крайней мере я хоть попытаюсь.
There's a young kid in Rome whose life I'd like to save if I can find her.	В Риме живет одна малышка, мне хотелось бы спасти ее.
I'll take her to Sweden with me if I can find her, so it isn't all selfish, is it?'	Если мне удастся ее найти, я возьму ее с собой в Швецию. Так что, как видите, я не такой уж эгоист.
' It's absolutely insane.	- Но это полное безумие.

Your conscience will never let you rest.'	Совесть будет вечно терзать вас.
' God bless it.' Yossarian laughed.	- Бог с ней, с совестью, - рассмеялся Йоссариан.
'I wouldn't want to live without strong misgivings. Right, Chaplain?'	- Жить без острых ощущений просто неинтересно, верно, капеллан?
'I'm going to punch Captain Black right in the nose the next time I see him,' gloried the chaplain, throwing two left jabs in the air and then a clumsy haymaker.	- При первой же встрече я дам капитану Блэку в морду, - хорохорился капеллан и провел по воображаемому противнику два коротких удара слева и довольно неуклюжий крюк справа.
' Just like that.'	- Вот таким манером.

'What about the disgrace?' demanded Major Danby.	- Но вы подумали о позоре, которым вы себя покроете? - допытывался майор Дэнби.
' What disgrace?	- Э-э... какой там позор!
I'm more in disgrace now.'	Большего позора, чем сейчас, быть не может.
Yossarian tied a hard knot in the second shoelace and sprang to his feet.	- Йоссариан туго затянул шнурки на втором ботинке и вскочил на ноги.
'Well, Danby, I'm ready.	- Ну, Дэнби, я готов.
What do you say?	Так я жду ответа!
Will you keep your mouth shut and let me catch a ride?'	Вы будете держать язык за зубами и пристроите меня на попутный самолет?

Major Danby regarded Yossarian in silence, with a strange, sad smile.	Молча, со странной, печальной улыбкой майор Дэнби рассматривал Йоссариана.
He had stopped sweating and seemed absolutely calm.	Он перестал потеть и казался совершенно спокойным.

'What would you do if I did try to stop you?' he asked with rueful mockery.	- Ну а что вы будете делать, если я действительно попытаюсь вас задержать? - спросил он с грустной усмешкой.
'Beat me up?'	- Изобьете меня?
Yossarian reacted to the question with hurt surprise.	Йоссариан удивленно поднял брови.
'No, of course not.	- Разумеется, нет.

Why do you say that?'	Как у вас повернулся язык сказать такое?
'I will beat you up,' boasted the chaplain, dancing up very close to Major Danby and shadowboxing.	- Я вас изобью, - похвастался капеллан, продолжая бой с тенью. Приплясывая, он приблизился вплотную к майору Дэнби.
'You and Captain Black, and maybe even Corporal Whitcomb.	- И вас излуплю, и капитана Блэка, и, может быть, самого капрала Уиткома.
Wouldn't it be wonderful if I found I didn't have to be afraid of Corporal Whitcomb any more?'	А что, правда, здорово будет, если вдруг окажется, что мне не надо больше бояться капрала Уиткома?

'Are you going to stop me?' Yossarian asked Major Danby, and gazed at him steadily.	- Значит, вы собираетесь задержать меня? -спросил Йоссариан и посмотрел на майора Дэнби долгим, пристальным взглядом.
Major Danby skipped away from the chaplain and hesitated a moment longer.	Майор Дэнби ускользнул от капеллана и на секунду задумался.
'No, of course not!' he blurted out, and suddenly was waving both arms toward the door in a gesture of exuberant urgency.	- Нет, разумеется, нет, - выпалил он и вдруг замахал обеими руками, торопливо указывая на дверь.
'Of course I won't stop you.	- Ах, разумеется, я не стану вас задерживать.
Go, for God sakes, and hurry!	Идите, бога ради, скорей!

Do you need any money?'	Вам деньги нужны?
' I have some money.'	- У меня немного есть.
'Well, here's some more.'	- Ну вот вам еще немного.

With fervent, excited enthusiasm, Major Danby pressed a thick wad of Italian currency upon Yossarian and clasped his hand in both his own, as much to still his own trembling fingers as to give encouragement to Yossarian. 'It must be nice to be in Sweden now,' he observed yearningly. 'The girls are so sweet. And the people are so advanced.'	- С лихорадочной готовностью майор Дэнби сунул Йоссариану толстую пачку итальянских банкнот и обеими руками сжал его руку - то ли для того, чтобы унять дрожь в собственных пальцах, то ли для того, чтобы приободрить Йоссариана.
'Goodbye, Yossarian,' the chaplain called.	- До свидания, Йоссариан, - сказал капеллан.
'And good luck.	- Желаю удачи.

I'll stay here and persevere, and we'll meet again when the fighting stops.'	Я останусь здесь и буду держаться до конца. Мы встретимся, когда отгремят залпы сражений.
'So long, Chaplain.	- Пока, капеллан.
Thanks, Danby.'	Спасибо вам, Дэнби.
' How do you feel, Yossarian?'	- Ну, как настроение, Йоссариан?

'Fine.	- Превосходное.
No, I'm very frightened.'	А впрочем, нет, я здорово побаиваюсь.
'That's good,' said Major Danby.	- Это хорошо, - сказал майор Дэнби.
'It proves you're still alive.	- Это значит, что вы живы.

It won't be fun.'	Вам предстоит нешуточное дело.
Yossarian started out. 'Yes it will.'	- Да уж веселого мало, - согласился Йоссариан.
'I mean it, Yossarian.	- Именно это я и хочу сказать, Йоссариан.
You'll have to keep on your toes every minute of every day.	Вам придется держать ухо востро. С утра до вечера и с вечера до утра.
They'll bend heaven and earth to catch you.'	Чтобы изловить вас, они обшарят небеса и землю.
'I'll keep on my toes every minute.'	- Я буду держать ухо востро.
'You'll have to jump.'	- Вам придется петлять и прыгать, как зайцу.
'I'll jump.'	- Что ж, буду петлять и прыгать, как заяц.

'Jump!' Major Danby cried.	- Прыгайте! - закричал майор Дэнби.
Yossarian jumped. Nately's whore was hiding just outside the door.	Йоссариан прыгнул.
The knife came down, missing him by inches, and he took off.	Рванулся - и был таков.